Ярослав Голованов

КОРОЛЕВ

факты и мифы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

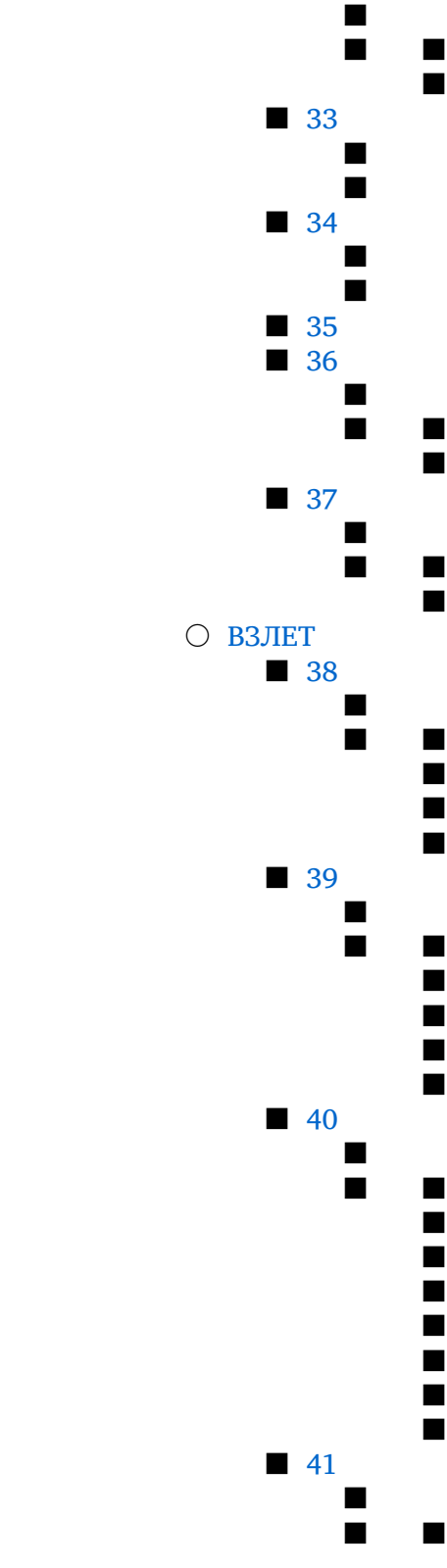
Книга известного журналиста Ярослава Голованова посвящена родоначальнику отечественной практической космонавтики Сергею Павловичу Королеву. Это наиболее полная биография некогда засекреченного легендарного Главного конструктора. Автор работал над книгой 26 лет. В нее вошли многочисленные свидетельства близких, соратников, родных СП. Королева, неопубликованные документы и уникальные фотографии (из личного архива автора).

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

- Королёв: факты и мифы
  -
  - КРЫЛЬЯ
    - 1
      -
      -
        -
        -
        -
        -
        -
    - 2
      -
      -
        -
        -
        -
        -
        -
        -
    - 3
    - 4
      -
      -
        -
        -
    - 5
    - 6
      -
      -
    - 7
    - 8
      -
      -

- 9
- 10
- РАЗБЕГ
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18

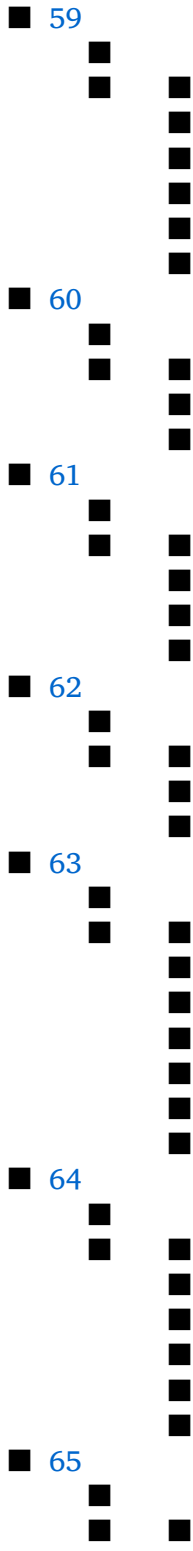
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- КАТАСТРОФА
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32



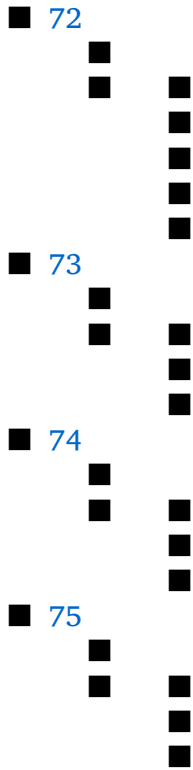
- 51
  -
  -
    -
    -
    -
    -
- 52
  -
  -
    -
    -
- 53
  -
  -
    -
    -
    -
- 54
  -
  -
    -
    -
- 55
  -
  -
- 56
  -
  -
    -
    -
    -

○ КОСМОС

- 57
  -
  -
    -
    -
    -
    -
    -
    -
    -
- 58
  -
  -
    -
    -
    -
    -
    -



66
67
68
69
70
71



- OT ABTOPA
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108

- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152

- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196

- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240

- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259

Королёв: факты и мифы

Наш главный девиз – беречь людей. Дай-то нам Бог сил и умения достигать этого всегда, что, впрочем, противно закону познания жизни. И все же я верю в лучшее, хотя все мои усилия, мой разум и опыт направлены на то, чтобы предупредить, предугадать как раз худшее, что подстерегает нас на каждом шагу в неизведанное.

Сергей Королев

КРЫЛЬЯ

Тем сотням и тысячам, которых в сообщениях ТАСС называли просто «учеными, инженерами, техниками и рабочими»;

тем, которые отправляли «Луны» к Луне, «Венеры» к Венере и задраивали люки за безвестными летчиками, чьи имена через несколько минут повторял весь мир;

тем, которые жили среди нас, но которых мы не знали, потому что они не рассказывали о своей работе и не носили свои ордена;

тем, которые, штурмуя космос, оставались на Земле

1

Вот почему архивы роя,
Я разобрал в досужий час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ.

Александр Пушкин

«Однако ж мне положительно не везет… С Екатеринославом получилось некрасиво, но я желал только справедливости… И Мария Николаевна ведет себя престранно. Право, не знаю, у кого достанет терпения испытать ее равнодушие. Я не мальчик, наконец. И намерения мои ей отлично известны. Надобно решительно объясниться, и немедля. Нынче уже май, а в августе – прощай! Да, решено. Буду сегодня же говорить с ней…» – так бодрил себя Павел Яковлевич Королев, быстро шагая по Гоголевской, главной улице Нежина.

Гоголевскую тут по привычке называли Мостовой, потому что, прежде чем заложили ее булыжником, была она вся покрыта деревянными шпалами, о которых поминал в «Мертвых душах» Николай Васильевич Гоголь, описывая мостовую плюшкинского села. Шла эта улица через весь город, мимо женской гимназии Кушакевича, мимо сквера с памятником, к собору, к рыночной площади. Тут, на углу Мостовой и Стефано-Яворской, как раз и помещалась бакалейная лавка Москаленко. Николай Яковлевич, хозяин, был человек степенный, молчаливый, на иных лавочников – шустрых, суетливых – вовсе не похожий. По паспорту значился он «козаком Нежинского полка» и вид имел доподлинно казачий: широк и в плечах, и в талии, а вислым, тронутым серебром усам его могли позавидовать исконные запорожцы. В большом доме греческой постройки, крышу которого из лавки нельзя было разглядеть за могучими кронами гоголевского сквера, но расположенном совсем рядом, помещалось многочисленное семейство Москаленко: Мария Матвеевна – жена, Юрий и Василий – сыновья, Маруся и Анна – дочки. Это еще не считая прислуги. Самого хозяина застать дома было трудно, дни его протекали в лавке, среди сахарных голов, кулей с мукой, пакетов с чаем, крупами и конфетами. Близость храма не позволяла Николаю Яковлевичу торговать вином, и, если случалось покупателю спросить бутылку хересу или мадеры, он гонял хлопчика-услужающего в домашний погреб.

Дом держался на жене. Мария Матвеевна была тоже запорожских казачих кровей, из рода Фурса, женщина добрая, ласковая, но при этом энергичная и волевая. Ее на все хватало: и детей наставить, и хозяйством управлять, и соления готовить, да такие, что известны были и шли нарасхват не только в соседних уездах, но и в далеких губерниях, в Либаве, Вильне, Риге и даже в самом Санкт-Петербурге! Однажды, воротясь из столицы, Мария Матвеевна в большой радости сообщила, что некая влиятельная особа – едва ли не князь – приняла от нее бочонок отборных огурчиков, за что непременно обещано было выхлопотать Москаленкам звание «поставщиков двора Его Императорского Величества». Короче, в славе отменных нежинских огурчиков ее трудов немало. И если уж говорить по правде, главные-то доходы давали именно соления эти, бочки, что уставились по всеми двору, а не лавка Николая Яковлевича. Одно только название – лавка. Вот у Дьяченко это лавка! Первейший на весь Нежин магазин. Однако Москаленко не завидовали соседу. И дом их, пусть скромен, без затей новомодных, без праздных пиров, но чист, опрятен, а случись гости – всегда найдется, чем попотчевать.

В последнее время гости бывали каждое воскресенье. Музыка, танцы, игры, одно слово – молодежь. Старшенький, Юрий, уже студент Историко-филологического института, бывшего лицея графа Безбородко, и Маруся уже совсем невеста, от женихов отбоя нет. Вот ведь и сегодня Королев придет непременно...

Да, Королев решил прийти сегодня обязательно, хотя к веселью был не расположен.

Дурное настроение Павла Яковлевича вызвано было несколькими причинами. Одна из них – назначение. Нынче летом институт графа Безбородко оканчивали 13 студентов. Тринадцать мест было и в списке, присланном из Петербурга, из Министерства народного просвещения. Каждый волен выбирать. Данилов выбрал Екатеринослав[1]. А может быть, Королев тоже желает Екатеринослав?! Отчего Данилову протекция? Разве он в первых учениках? Королев отправился к директору оспаривать место. За Данилова вступился Сперантский, профессор русской литературы. Да и как ему не вступиться, коли Данилов у него в фаворе: сборник издал – «Песни села Андреевки Нежинского уезда». Эка невидаль, – триста крестьянских песен! Королев прямо сказал тогда Данилову:

– Надобно стремиться создать что-нибудь серьезное, солидное...

Уязвил.

Впрочем, не так уж и хотелось Павлу Яковлевичу в

Екатеринослав. Да и велика ли разница: Екатеринослав или Екатеринодар[2], который он выбрал в конце концов? Переживания его шли вовсе не от выбора этого, а от болезненно обостренного самолюбия. Всякий раз, когда случалась какая-нибудь, пусть даже вовсе пустячная, не чета назначению, история, где можно было усмотреть, а чаще даже не усмотреть, а домыслить умаление чести, злые желваки начинали ходить под смуглой кожей его лица. Все мерещилось ему попреком низкому его происхождению.

Павел Королев, сын отставного писаря, бессрочно отпускного унтер-офицера из Могилева, ставшего банковским служащим, многолюдный дом родительский покинул после завершения своего образования в Могилевской духовной семинарии, в которой состоял также и надзирателем. Служба по духовному ведомству не обещала ему ничего интересного, ограничивая пищу для его ума, острого и критичного. Он решил поступить в нежинский Историко-филологический институт и зачислен был в августе 1901 года казеннокоштным студентом. Казеннокоштные с давних, еще догоголевских, времен содержались на полном пансионе и, кроме мыла, ни на какие нужды денег могли не тратить. Своекоштные, вольноприходящие, естественно, были побогаче. Кстати, уже тут чувствовал Павел Яковлевич первую между ними грань, И хотя ни разу не ходил Королев к папироснику Борцу, ссужавшему студентам деньги под большие проценты, все-таки даже среди казеннокоштных был он небогат и страдал от этого.

Зато в науках никому не уступал. Все годы ходил в лучших учениках и курс по словесному отделению окончил лишь с единственной тройкой по истории римской литературы. 18 июля 1905 года ему был вручен аттестат с долгожданной строчкой:

«Получает звание учителя гимназии».

Павлу Яковлевичу шел двадцать девятый год, возраст степенный, – он давно уже помышлял об устройстве будущей своей жизни и в последнее время в размышлениях своих неизменно возвращался к черноглазой Марусе, сестре Юрия Москаленко, нынче поступившего на первый курс, барышне редкой красоты. Уже два года бывал он в ее доме и не раз имел случай выказать ей свое внимание. Но она словно и не замечала его. Иногда взглянет так дерзко, смерит его с головы до пят и засмеется. Однажды зимой на катке Павел Яковлевич даже пробовал объясниться, но Маруся убежала. И хотя родители ее относились к Павлу Яковлевичу в высшей степени благосклонно, все равно в ее присутствии чувствовал себя подчас как-то напряженно, часто оборачивался вдруг: ему казалось, кто-то тайно смеется над ним за его спиной...

Сегодня тут все было, как обычно: стихи, песни, и вот уже захрипел вальс в широкой граммофонной трубе. Музыка нынче мешала ему. Да и все это веселье тоже.

Сегодня острее, чем обычно, почувствовал он, что перерос эту компанию, что ему скучно средь вечно веселящихся барышень и их улыбчивых кавалеров. Вот Доль, студент, тоже словесник, уже взял виолончель, а Мария Матвеевна достала свою скрипку. «Странно, – подумал Павел Яковлевич, – где же это она научилась играть на скрипке?» Василий, младший брат Маруси, аккомпанировал им на пианино. В столовой слышался красивый баритон Юрия:

Пробежав по струнам,
Золотым певунам,
Не жалею ни груди, ни глотки:
И сияй, и светлей,
Наш родимый лицей,
Знаменитый лицей Безбордки!

«По первому году все влюблены в институт. Погоди, через год-два уж не запоешь о „любимом лицее“. – Юное молодечество и неиссякаемая энергия Юрия раздражали Павла Яковлевича. – С ним опять этот Алеша, офицерик, кажется, неравнодушен к Марусе», – подумал Павел Яковлевич.

Завидев Королева, Юрий закричал:

– Вот кто нас рассудит! Считаете ли вы, Павел Яковлевич, что Цусимское сражение есть не только военное, как думает наш поручик, но и политическое поражение? Я убежден, что волнения в столицах тому подтверждение...

Королеву было, право, не до Цусимы.

– Увольте, господа, – он поднял вверх руки.

– Павел Яковлевич не имеет охоты прослыть неблагонадежным, – вскользь бросил поручик, улыбнувшись одними губами.

Королев быстро обернулся. Опять заходили на лице его желваки.

– После этаких баталий, как Цусимское сражение, милостивый государь, я сам готов раздавать прокламации! – с расстановкой, глядя прямо в глаза поручику, твердо сказал Королев и, круто повернувшись, быстро прошел в гостиную.

Не остыв еще от вспышки, направился к Марии Николаевне. Она сразу заметила какую-то упрямую решимость в его быстрой фигуре, в том, как неловко обошел он танцующую сестренку Нюшу, и, глядя в его серые, широко расставленные глаза,

смотревшие на нее в упор, поняла, что разговора, которого она давно избегала, нынче уж не избежать.

– Мне надобно говорить с вами, Мария Николаевна, – сказал он глухо, но твердо.

На предложение Павла Яковлевича Королева стать его женой Мария Николаевна ответила решительным отказом. Право же, у нее и в мыслях не было выходить замуж! Едва две недели минуло, как окончила она гимназию и решила к осени отправиться в Петербург, на Высшие женские курсы, изучать французский язык.

Однако все обернулось иначе.

После объяснения с Марией Николаевной Королев отправился к ее родителям. Николай Яковлевич выслушал его внимательно, Мария Матвеевна всплакнула чуток для порядка. Перекрестила. Поцеловала в лоб. Предложение было принято. Собрался семейный совет, целая гостиная набилась, все дядьки и тетки Москаленки, Лазаренки, Фурса – вся родня. Решение вышло единодушное: ни в какой Петербург Марусю не пускать. Подумать только, Петербург! В этакую даль отпускать одну! Да и где она жить там станет? А столоваться? Знакомых, родни нет никого. Стало быть, пансион искать? Не ровен час какой-нибудь шалопай голову скрутит. Да и что за нужда в этих курсах? Вон докторша окончила курсы. И что? Каждый день голых мужиков в больнице смотрит. Нет, курсы – это пустое, не пускать ни в коем случае! Замуж пора. Вот женихов полон дом... Опять заговорили о Королеве. Мария Николаевна убежала в слезах.

С уговорами не спешили, но настроены мать и тетки были решительно. Марии Матвеевне сыграть свадьбу хотелось куда больше, чем дочери. Давно уже мечтала она об этом, не раз чудилось ей желтое трепетание свечей, дрожащие в поднятых руках венцы, белый дым фаты, благолепие ровных голосов хора – все представляла она до мелочей, внутренне готовилась к этому торжеству и теперь не могла сдержать своего нетерпения.

– Ну и что некрасив? – успокаивала она дочь. – Вон поручик красив, а что толку? Один вист на уме. Перекати-поле. Нынче бригада здесь, а завтра неизвестно где. Павел Яковлевич человек солидный, образованный. И любит тебя...

И тетки точили изо дня в день. Мария Николаевна держалась два месяца. Однажды вечером отец вошел к ней, погладил по голове:

– Ну что ж, Маруся, может, мама права... Выходи за Павла Яковлевича. Слюбитесь. Будет муж, будет семья, пойдет жизнь...

– Ну, если и ты, папа... – она ткнулась лицом в его плечо.

Как бывший казеннокоштный студент, которому по окончании института надлежало в течение трех лет выплачивать

за пансион деньги, Павел Яковлевич Королев обязан был подавать прошение с просьбой разрешить ему вступить в брак. Просьба сия была удовлетворена 3 дня августа 1905 года.

В книге бракосочетавшихся в Соборно-Николаевской церкви города Нежина отмечено вступление в брак преподавателя Екатеринодарской гимназии Павла Яковлевича Королева, 28 лет, и дочери купца Марии Николаевны Москаленко, 17 лет. Венчаны в Николаевском соборе священником Георгием Спасским. Поручители по жениху: брат Иван Яковлевич Королев и чиновник Могилевского губернского присутствия Иван Адамович Волосиков – муж сестры Павла Яковлевича Марии. Поручители по невесте: казак Михаиле Матвеевич Фурса и учитель Василий Матвеевич Фурса – родные дядьки невесты. 15 дня августа 1905 года.

Через день после венчания молодой супруг отбыл вместе с женой в город Екатеринодар согласно назначению преподавателем русского языка в мужскую гимназию.

Николай Яковлевич Москаленко – дед С. П. Королева со стороны матери

Мария Матвеевна Москаленко (урожденная Фурса) – бабушка С. П. Королева со стороны матери

В доме Москаленко. Нежин, приблизительно 1909-1911 гг. Со скрипкой – Мария Матвеевна, бабушка Сережи Королева. У стены – его дядя Юрий Николаевич

Павел Яковлевич Королев

Мария Николаевна Королева

2

Нам нужно с ним познакомиться, и потому приходится рассказать в коротких словах его прошедшее, весьма незатейливое и несложное.

Иван Тургенев

В Екатеринодаре Королевы пробыли одну зиму. Надуманное нежелание ехать в этот город переросло у Павла Яковлевича в неприязнь, он упорно стремился отсюда и к лету добился перевода в Житомир, преподавателем русского языка и словесности в первую мужскую гимназию. Житомир вряд ли был лучше Екатеринодара, но Королев несколько успокоился оттого, что настойчивость его возымела результат.

Неподалеку от гимназии, на Дмитриевской улице, сняли квартиру. Осенью, когда начались занятия, Павел Яковлевич пропадал в гимназии. Появились новые знакомства, и многие вечера проводил он за разговорами о японской войне, Толстом, спиритизме, эмансипации, – разговорами подчас горячими, весьма либерального толка, ах, сколько таких, замечательных, благородных, яростно пустопорожних обожаемых русской провинцией разговоров велось тогда повсюду! Там курили, ей это было вредно: беременна. Тянулись длинные вечера унылой мокрой осени. Ставни в доме закрывали рано. Мария Николаевна оставляла свет только в гостиной. Сидела одна, читала или думала о своей жизни...

Не ладилось у них в семье. Тут, уже в Житомире, поняла она окончательно, что не любит и никогда не полюбит своего мужа. Да, он умный, образованный, хороший человек, да, он внимателен к ней, хотя и ревнив безмерно. Но что из того, если все в нем не нравилось ей: и походка, и глаза, и манера забрасывать со лба волосы, и жесткие прямые усы. Немил он ей был. Ни понять, ни объяснить нельзя это: немил. Все, все хорошо, только нет любви, а значит, все, все плохо. «На чем же держится моя семья?» – спрашивала она себя и не находила ответа. Все надежды связывала она теперь с рождением ребенка, ждала его с нетерпением и страхом.

Перед самым новым 1907 годом, в ночь на 31 декабря[3] родился мальчик. Крестили в Софийской церкви. Павел Яковлевич сам пригласил крестных: учителя Базилевича и

соседку – жену другого преподавателя Титову. В метрическую книгу Волынской духовной консистории записали: Сергей. Так появился на белом свете Сережа Королев, толстенький, вихрастый крикун. Бабушка Мария Матвеевна смеялась:

– Шаляпин родился!

Скоро, вдоволь насмотревшись на внука, счастливая бабушка уехала в Нежин. Мария Николаевна осталась опять одна.

Ее надежды не оправдались: ничего не изменилось в их семье после рождения Сережи, разве что Павел Яковлевич стал еще более подозрителен и ревнив. Она обрадовалась, когда он сообщил о своем намерении переехать в Киев. Как ни пугало ее переселение с грудным младенцем, но Киев все-таки ближе к своим...

В Киеве ждала их печальная весть: в Могилеве умер Яков Петрович, отец Павла Яковлевича. Семья Королевых была очень большая: 12 душ детей. К этому времени, однако, в живых осталось лишь шестеро: Александр, Павел, Мария, Иван, Надежда и Вера. И хотя старшим был Александр, после смерти Якова Петровича все сразу оглянулись на Павла, молча избрали его главою семейства, ждали его участливости. Александр и Иван, – оба тоже учителя, люди, как говорится, при деле, от забот этих сразу постарались отодвинуться. Что же делать? Нелегко прокормить на жалованье учителя словесности гимназии мадам Бейтель жену, сына, мать и двух сестренок. Он знал, что такое бедность. Только-только, казалось, начал выбиваться в люди, и вот... Снова, снова вяжут его по рукам и по ногам, снова вбивают в нищету...

После переезда могилевцев в Киев Павел Яковлевич снял две квартиры во флигелях на Тургеневской улице, принадлежащих Ольге Терентьевне Петрухиной. Домна Николаевна и близняшки – Надя и Вера – жили в трех комнатах на втором этаже одного флигеля. Семья Павла Яковлевича – в соседнем, на первом этаже.

Мать мужа, Домна Николаевна, любила невестку, много помогала ей, не отходила от маленького внука. Золовки-двойняшки, напротив, невзлюбили ее сразу, язвили, дразнили, ябедничали по любому поводу. Им было по 12 лет, – в эти годы девчонки превращаются иногда в маленьких злых ведьм.

Стоило Марии Матвеевне заехать из Нежина в гости к дочери, как они учиняли обыск в квартире: не оставила ли она где-нибудь золотой червонец. Бесконечный унизительный контроль над каждой статьей семейного бюджета, над любым визитом, разговором, любым шагом вне дома, все эти колкие мелочи, каждая – пустяк, а все вместе – это очень тяжко, делали жизнь Марии Николаевны невыносимой. В ней все более и более

укреплялось желание оставить семью мужа, разом покончить со своею несвободою, начать новую, самостоятельную жизнь, пусть даже более трудную, но имеющую какой-то смысл для нее, какую-то перспективу, будущее светлое продолжение.

Павел Яковлевич день ото дня мрачнел и ожесточался. И понять его можно было: постоянная толчея в крохотной двухкомнатной квартирке, робкие намеки, что деньги опять кончаются, визг и драки сестер-двойняшек, плач сына, жена, сидящая с книгой в руках.

– Книга – это прекрасно! – желчно говорил он. – Но не лучше было бы погулять с ребенком?

– Но я только что пришла...

Он отворачивался, сдерживая вспышку беспричинного гнева, за которую потом самому же будет неловко.

– Ты совсем улыбаться разучился, – робко, словно извиняясь, сказала однажды Мария Николаевна мужу.

«Зачем я здесь? – думала она. – Почему я живу в этой семье? Что удерживает меня подле этого, в общем, чужого мне человека?»

Уже не раз заводила она разговор с Павлом Яковлевичем о Высших женских курсах. Он был категорически против. Мария Николаевна написала отцу. Старик Москаленко уже чувствовал, что со свадьбой Маруси они поторопились. Жаль было дочку. В письме из Нежина Мария Николаевна нашла 50 рублей – вступительный взнос на курсы. Отец писал, что будет платить за ее учебу. Между строк сквозило осуждение Павла Яковлевича.

Курсы только подлили масла в тлеющий огонь семейной распри. Семья разваливалась на глазах. Впрочем, развалилась она уже давно, просто не было у них смелости поверить в это.

Наконец она решилась. Сережу отнесла к знакомым, а сама уехала к сестре:

Нюша уже училась на курсах. Через два дня из Лодзи приехал брат Юрий и отвез Сережу к деду, в Нежин. Павел Яковлевич был вне себя. Подал заявление в Нежинский суд, чтобы немедля отдали ему сына. Суд отказал. Пришел мириться. Просил, умолял, вдруг срывался на крик. Однажды вбежал к ней совершенно вне себя, с белыми глазами, грозил, требовал, чтобы она вернулась.

– Пойми и запомни, – сказала она тихо, почти ласково, – я никогда не вернусь. Она почувствовала себя необыкновенно счастливой. Это был самый светлый ее день после свадьбы...

Маленький черноглазый мальчик сидел на ступеньках дедовского дома и улыбался солнечным зайчикам, прыгнувшим из весенних луж на уже сухое и теплое дерево крыльца. Он

улыбался, он не знал, что у него уже нет отца.

Жизнь Павла Яковлевича после развода как-то скомкалась, – очевидно, он любил мать Сережи. Через некоторое время он женился на молоденькой Машеньке Кваша – подруге своей сестры. Обе они работали счетоводами-статистиками в управлении Юго-Западной железной дороги.

Знающие семью Королева тех лет отмечают строгий, резкий характер Павла Яковлевича. Улыбался редко. Много нервно курил. С женой был ровно сух, называл по имени-отчеству: Мария Харитоновна. В 1925 году у них родился сын Николай. Работал тогда Павел Яковлевич преподавателем русского языка на Всеукраинских политехнических курсах для инвалидов. Вскоре он тяжело заболел. Лечился, но безуспешно. Умер П.Я. Королев 10 ноября 1929 года от туберкулеза горла и похоронен в Киеве на Лукьяновском кладбище.

Рассказывали, что перед смертью он писал Сергею, – хотел увидеть взрослого сына, но Мария Николаевна, сохранившая на всю жизнь стойкую неприязнь к первому мужу, не передала сыну этого письма. Так ли, не так, узнать теперь вряд ли возможно: участников этой грустной истории давно уже нет в живых. Известно только, что в 1929 году в Киев Сергей Павлович не ездил. И, наверное, в сердце его была и всю жизнь тихо болела маленькая ранка, которая не заживает у сыновей, не помнивших отцов.

Сводный брат Сергея Павловича, о существовании которого он не знал, окончил в Киеве семилетку, а когда началась война, учился в ремонтно-механическом техникуме. Вскоре после оккупации немцами Киева в сентябре 1941 года его вывезли на работу в Германию.

Мария Харитоновна поехала вместе с сыном, устроилась судомойкой на заводе, где работал Николай. После покушения на Гитлера в июле 1944 года, когда по всей Германии катилась волна диких репрессий, Николай Павлович Королев был расстрелян за саботаж. А Мария Харитоновна после войны вернулась на родину. Она умерла в Киеве в 1962 году.

Когда маленький Сережа готовился поступать в приготовительный класс, он написал сочинение «Дедушка». Совсем коротенькое: «Дедушка мой был давний охотник. Жил он в своем доме. Там был огромный двор и большой сад. Двор весь зарос травой. Около ворот была собака». Все. Вот в этом доме, на траве этого двора и прошло его одинокое, странное детство.

Единственный маленький человечек в большом доме, он был и его повелителем, и его рабом. Его любили все: дед и бабка, дядьки и тетки, и приказчик деда-парень лет восемнадцати,

который по дому числился за дворника, и Варвара – правая рука бабки по всем хозяйственным делам, и сестры ее: кухарка Анюта и горничная Ксеня, и молоденькая учительница женской гимназии Лидия Маврикиевна, и старушка Гринфельд – ее мать, которые квартировали у Москаленко. Все его любили, но он был обделен родительской любовью как раз тогда, когда она нужнее всего человеку. Он был всегда опрятно одет, всегда сыт, всегда одинок, и почти всегда грустен. Все ухаживали за ним, и в то же время никому до него не было дела. Больше всего любил он залезать на высокую крышу погреба слева от вечно замкнутой калитки и следить глазами, как по улице к базарной площади медленно тянутся запряженные ленивыми волами подводы. Его никогда не пускали за калитку – таков был приказ Марии Николаевны: она боялась, что Павел Яковлевич в ярости своей может выкрасть Сережу. Мальчик не знал, как живут люди за забором. Нет, знал кое-что. Знал, например, что за одним забором жила богатая семья Рыжковых, там не было детей, там всегда было тихо. За другим забором помещалась гостиница «Ливадия», там вечная суета, движение, но там тоже никогда не звучали детские голоса. После киевской сутолоки Сережа поначалу скучал в тишине большого дома, а потом обвык и перестал томиться одиночеством. Он не скучал даже тогда, когда уходили все и запирали его одного в молчаливых комнатах. А когда учительница Лидия Маврикиевна приходила из гимназии, он кричал ей из дальней комнаты: «Это вы, Лидия Маврикиевна? Я рад, что вы пришли!» – но не выходил, продолжал играть. Часами просиживал он перед большим ящиком с кубиками, который привез ему из Лодзи дядя Юра, и в спальне деда поднимался целый город с высоким собором, большими домами с колоннами, лавками и мостами. Зимой он катался во дворе на салазках или усердно лепил больших снежных баб с угольными глазами и носом-морковкой. Лепил всегда один. В эти часы он никогда не капризничал, ему не было скучно так играть, потому что он не знал, как бывает весело, не знал, что существуют обычные радости детских игр. Много лет спустя, уже студентом, он скажет с грустью: «Детства у меня, собственно говоря, не было...»

Правда, в первый год своей жизни в Нежине Сережа был с мамой. Мария Николаевна понимала, что с курсами придется немного повременить: мальчик еще совсем маленький. Потом мама уехала, а он остался. Теперь мама приезжала только по субботам. О, это было настоящим праздником! Калитка распахивалась настежь, и они шли гулять. Летом они уходили далеко-далеко, в такие дали, которые были не видны даже с крыши погреба, – к реке, на базарную площадь, потом шли в

гоголевский сквер, мама сидела на скамейке, а он носился по аллеям и вокруг старинных фонарей подле памятника и качался на тяжелых цепях ограды, косясь на грустное бронзовое лицо человека с большим тонким носом…

Как же это было замечательно, когда приезжала мама!

К вечеру они садились с ней на широкое с колоннами крыльцо, и она читала ему разные книжки про скатерть-самобранку, и ковер-самолет, и озорного Конька-Горбунка. Мама читала, пока не наплывали сумерки. Над вишнями дедовского сада поднималась огромная желтая луна. Вот уже бабушка зовет их пить чай в столовую. Теперь все – и сад, и луна – весь мир оставался за закрытыми ставнями, на столе что-то тихо бормотал самовар, жарко поблескивающий в желтом свете большой керосиновой лампы, – как любил он эти субботние чаепития с мамой!

Мария Николаевна, сама еще так недавно вышедшая из отрочества, увлекалась героями Купера и Майн Рида и, как могла, воспитывала в сыне мужество и смелость. Она специально посылала его в дальние темные комнаты, в ночной сад за каким-нибудь пустяком, и он, робея и оглядываясь, шел, побеждая в себе страх.

А еще Сережа любил дядю Василия. Дядя слыл добряком и действительно любил племянника. Он катал Сережу на велосипеде, играл с ним в крокет, показывал хитроумнейшую штуку – фотоаппарат и даже один раз разрешил нажать блестящую пуговку на конце тросика. В фотоаппарате сухо щелкнуло. Старший дядя – Юрий, тот, что привез кубики из Лодзи, – тоже был живой, веселый, но в крокет не играл.

Он быстро взрослел в этом большом доме с его заботами, тревогами. За столом иногда поминали не забытый еще Порт-Артур, и однажды Сережа вбежал в комнату с радостным воплем, размахивая игрушечной саблей:

– Бабушка! Победа! Я всем японцам срубил головы! Пошли скорей!

В саду на дорожке вокруг обезглавленной клумбы валялись красные бутоны пионов…

На смену кубикам пришли солдатики. Сережа быстро научился читать, никто и не заметил, как и когда он научился. В пять лет он уже писал печатными буквами и читал книжки. Самый ранний из сохранившихся автографов датирован 1912 годом. Подарил дядьке свою фотографию и вывел на обороте: «Дорогому Васюне от Сережи». Дата накарябана, словно в зеркальном отображении. Эту странную особенность детского письма изучали многие ученые-психологи, и только несколько

лет спустя после смерти Сергея Павловича американец Фрэнк Веллютино доказал, что глубинные корни ее – в слабом развитии речи. Сережа, действительно, мало разговаривал в Нежине, не с кем ему было особенно поговорить. Но, несмотря на изоляцию от других детей и замкнутый образ жизни, он не был «букой», увальнем, медлительным тугодумом, напротив – отличался подвижностью, шустростью даже, только была в нем какая-то недетская уравновешенность, которая словно тормозила всякие бурные изъявления его натуры. Мария Николаевна попросила Лиду Гринфельд, учительницу, позаниматься с мальчиком, подготовить его в первый класс гимназии. Он учился охотно, особенно любил арифметику, хорошо решал устно короткие задачки, заучивал басни, стишки и любил пересказывать рассказики из «Задушевного слова». Когда Лидия Маврикиевна читала басни, слушал не шелохнувшись. Потом спрашивал: «Кто такой куманек?» Она объясняла. «А что значит вещуньина?» Теперь все ясно. Он успокаивался...

Пожалуй, самым ярким событием его нежинского бытия явился полет Уточкина летом 1910 года.

– Уточкин! Послезавтра Уточкин полетит в Нежине! – бабушка стояла на пороге, раскрасневшаяся от волнения.

Прославленный авиатор был в зените своей славы: ему едва исполнилось 35 лет, и не было в России человека, который не знал бы этого высокого рыжего здоровяка, властителя неба.

Ярмарочную площадь подмели для благородной публики солдаты 44-й артбригады, квартировавшей в городе, расставили за канатами скамьи, место на которых стоило неслыханно дорого – рубль! Рубль в Нежине – это воз слив! Праздничные хлопоты начались уже с утра, когда привезли с вокзала биплан. Только около трех часов, когда вся площадь уже была окружена плотной толпой безбилетников, занявших даже крыши соседних домов и примостившихся на деревьях, появился сам Сергей Исаевич, весь скрипящий в черной добротной коже – куртка, галифе, гетры, шлем, даже очки на лбу скрипели, – прохаживался возле аэроплана, позволяя фотографировать себя и снимать на «синема».

Сережа Королев пришел на площадь с дедушкой и бабушкой. Надо сказать, что именно бабушка была большой охотницей до всяких технических новаций, не боялась паровоза, а в Либаве со знакомым офицером осматривала субмарину и даже спускалась в чрево подводной лодки. Оживление бабушки в связи с предстоящим полетом не трогало пятилетнего Сережу. Сидя на плечах деда, он не понимал, о чем, собственно, говорят, не понимал, что такое «полет». Летали птицы, жуки, бабочки, но как

могла летать машина?!

И вот он увидел: рыжий человек сел в плетеное кресло своей машины, механик, стоящий впереди, резко рванул вниз короткую, похожую на весло деревяшку, машина страшно затарахтела, затряслась, словно сердясь и негодуя, десятка два солдат держали ее за крылья и за хвост, успокаивали. – Это полет? – тихо спросил он деда, но тот не слышал. Желтое облако пыли потянулось к канотье и зонтикам обладателей рублевых билетов...

– Прогревает мотор! – крикнул кто-то громко за спиной деда.

Мотор прогревался очень долго. Засыпанная пылью толпа терпела безропотно. Наконец, Уточкин взмахнул рукой, аэроплан дико взревел, человек в коже и солдаты стали почти невидимыми в облаке пыли, так что Сережа скорее уловил, чем разглядел, как машина дернулась и покатилась по площади. Сначала вперевалочку, потом быстрее и ровнее, подпрыгнула вверх, снова мягко ударилась колесами о землю, снова подпрыгнула, чуть просела, но не опустилась! Над площадью пронесся стон восхищения: аэроплан летел! Он летел по воздуху! Страшное волнение охватило мальчика, сердце его колотилось: человек в машине летел уже выше людей! Он мог, наверное, лететь выше домов!

Это было самое фантастическое, самое невероятное зрелище за всю его маленькую жизнь. Именно в эти минуты пережил он тот высший восторг, граничащий с предельным страхом, почти ужасом, восторг, охватывающий и душу, и тело, который и в большой, долгой жизни не каждому суждено пережить.

Уточкин пролетел километра два и сел на поле близ скита женского монастыря. Толпа хлынула к месту посадки качать героя, а Сергей с дедушкой и бабушкой пошли домой.

Вечером, когда пили чай, только и разговоров было что о полете. Бабушка критиковала аэроплан за пыль и треск и вспоминала воздушный шар, что летал в Нежине лет двадцать назад со двора пивоварни чеха Янса и приземлился за три квартала на Миллионной. Ну как же, она хорошо помнит, как выпрыгивали из корзины аэронавты прямо на дерево в усадьбе Почеки. Вот это был полет!..

В июне 60-го, когда отобранные в отряд космонавтов летчики первый раз приехали к нему в КБ, Королев вдруг вспомнил рыжего Уточкина, так ясно вспомнил весь этот далекий, солнечный день и острый запах желтой пыли...

К осени 1914 года, уже после объявления войны, обнаружилось, что финансы Москаленко в большом расстройстве. Появились энергичные люди со специальными машинами, это уже не кустарное соление, а фабричное производство; где было

Марии Матвеевне угнаться за этими капиталистами, не те уже силы. Торговля ее хирела. Решено было срочно ликвидировать все дело, продать и магазин и дом. В последнее время дом стал каким-то ненужным: все дети разлетелись: Маруся и Нюша – в Киеве на курсах, Вася уже кончил институт, тоже в Киеве. И Сережа скучает в Нежине... А тут еще война, спаси и сохрани...

Василий Николаевич снял в Киеве квартиру на Некрасовской, с великими трудами и шумными хлопотами собрались, погрузились, переехали, наконец, зажили, как прежде, все вместе, одной большой семьей. Да, все, как прежде, вот даже Варвара – верная душа – с Анютой-кухаркой тут, все, как прежде, и все – другое, совсем не похожее на милую нежинскую жизнь. И квартира тесна, и без хозяйства сиротливо, и дети не те уже, взрослые, самостоятельные, и город – чужой, большой, шумный. И большая, шумная, совсем незнакомая жизнь проникала сквозь стены новой квартиры, принося с собой неизведанные тревоги – никуда не уйти от них...

Уже открылись первые госпитали. Нюша работала сестрой милосердия, делала перевязки, дежурила по ночам. Однажды взяла с собой сестру. Мария Николаевна всю ночь просидела подле умирающего прапорщика. Он метался в бреду, выкрикивая обрывки ругательств, потом замолкал, откидывался весь мокрый на подушки, просил пить. Под утро удивленно улыбнулся Марии Николаевне и сказал:

– Никогда не думал, сестрица, что я такой крепкий: никак помереть не могу... Через час его отвезли в палату умирающих, а доктор сказал Марии Николаевне:

– Вам, я вижу, нехорошо. Не советую приходить к нам. Вы человек образованный, сможете приносить пользу в другом месте...

Мария Николаевна училась и работала в канцелярии курсов. За это ее освободили от взносов за учение и еще платили двадцать рублей. Но денег в семье все равно не хватало. Цены росли как на дрожжах. Варвара возмущалась:

– Даже хлеб и картошка вдвое дороже!

На Крещатике бестолково шумели «патриотические» демонстрации: «За Россию, за победу!», а рабочие бастовали. Недовольных стригли в солдаты, на их место присылали военнопленных. На «Ауто», «Арсенале», у Гретера и Криванека, Фильверта и Дедины работали немцы. Киевские окраины роптали. В городе появились листовки. А с фронта ползли тревожные слухи: армия отступала, военные неудачи весной и летом 1915 года вызывали у всех какое-то нервное, взвинченное настроение, незнакомую резкость в разговорах, недобрую

суетность в мыслях. И не верилось, что так недавно существовал тихий зеленый Нежин, чаепития за закрытыми ставнями, восторги после полета Уточкина... Другой мир...

И опять всем как-то было не до Сергея. В архиве Академии наук СССР хранится одна его короткая запись, выдающая в нем мальчишку наблюдательного и отчасти характеризующая атмосферу киевской его жизни:

> «Мои мнения о тете Нюше. Плохой день тети Нюши.
>
> Тетя Нюша встала серьезная и мрачная. Она уже не смеется так весело, как в свой добрый день. Она уходит на курсы. Откуда возвращается усталая и недовольная. Молча пообедает, идет отдыхать. Отдохнувши, она снова идет иногда на урок или на курсы. И возвращается мрачнее тучи! А я боюсь сказать лишнее слово.
>
> Добрый день тети.
>
> Я прихожу утром к тете, она меня встречает ласково и весело смеется и целует. Потом днем читает и за обедом разговаривает! Я с ней играю в игры и карты и лежу разговариваю. Иногда помогает клеить и делать всякие вещи. В общем добрый день лучше плохого».
>
> С. Королев.

Он все время чем-то занят: раскрашивает картинки, клеит модельки, собирает марки, играет в солдатики, строит дома из кубиков. А однажды Григорий Михайлович принес ему сразу несколько цветных шаров...

Они познакомились уже давно, еще когда Сергей жил в Нежине. Высокий стройный мужчина лет тридцати с приятным, несколько удлиненным лицом, спокойными ясными глазами. Это и был Григорий Михайлович Баланин.

Курсисткой Мария Николаевна снимала комнату на Фундуклеевской. У хозяина был сын-тупица, и Григорий Михайлович натаскивал его по математике. Так Мария Николаевна познакомилась со своим вторым мужем.

Баланин был человек интересный. Сын объездчика в лесничестве, он окончил городское училище, потом учительскую семинарию, готовившую сельских учителей, которая, к его собственному удивлению, не убила в нем охоты учиться дальше.

Он уехал в Петербург, где ему удалось поступить в Учительский институт. Положенные годы отработки провел он в Финляндии и Карелии, накопил там денег и уехал в Германию. Из Германии Григорий Михайлович вернулся с дипломом инженера по электрическим машинам и блестящим знанием немецкого языка. Однако в России немецкий диплом считался

неполноценным, и, чтобы получить звание инженера, Баланин поступает в третий институт – Киевский политехнический, открытый в 1898 году. Ко времени знакомства с Марией Николаевной он числился в студентах, но студенческого в нем было мало: взрослый, сложившийся человек, отличный инженер, который, однако, не мог доказать это на деле. Лишь в 1913 году получил он диплом.

Но тогда, в Нежине, маленький Сережа еще не мог знать, что человек этот сыграет в судьбе его одну из важнейших ролей, принесет ему много добра и немало огорчений. Тогда было первое знакомство.

В Киеве Баланин часто бывал в доме Москаленко, потом он уехал в Петроград, оттуда в Борисоглебск, в Тамбовскую и Воронежскую губернии, где консультировал строительство первых в тех краях элеваторов. Наконец похудевший, загорелый, воротился в Киев и в первый же вечер пошел навестить Москаленко. Вскоре бабушка как-то вечерком объяснила Сереже, что мама выходит замуж за Григория Михайловича, что теперь он, мама и Григорий Михайлович будут жить вместе.

– А ты? – спросил Сережа.

Бабушка улыбнулась.

С жестоким отроческим эгоизмом, так свойственным детям, Сергей почувствовал вдруг неприязнь к Баланину. Разрушался уже не только мир дедовского дома, но и мир людей, доселе населявших его. Дети консервативны. Он не хотел никаких перемен. Пусть всегда будут рядом мама и бабушка, усталая тетя Нюша и веселый дядя Вася. Других не надо. Их появление сломает привычную гармонию семьи – он чувствовал это интуитивно и интуитивно сопротивлялся грядущим переменам. Но не в силах было предотвратить их. Мария Николаевна добивалась развода, но Королев упорствовал, дело затягивалось. Вскоре вместе с сестрой Нюшей она уезжает в Саратов, куда эвакуируют Высшие женские курсы. Начинается трудная, голодная, зыбкая пора «хождения по мукам». А Сережа опять остался с бабушкой.

Наверное, если бы Мария Николаевна не уехала из Киева, не было бы этих смешных и трогательных писем мальчика, стоящего на границе детства и отрочества:

«Милая мама и тетя Нюша. Получили вы мои письма или нет. Напишите мне. Очень благодарю Вас за конфетки и за книжечки. Книжечки очень интересныя и конфетки вкусныя. Уже до рождества осталось три недели, и мы скоро увидимся... Прошу писать чаще, а то я когда дней десять не получу письма, то уже начинаю скучать и беспокоюсь об вас...»

Интересно, что вот эта любовь к уменьшительным суффиксам: «конфетки», «книжечки», – осталась у С.П. Королева на всю жизнь.

Но мамы на рождество он не дождался: к ней в Саратов приехал Григорий Михайлович.

6 января 1916 года Сережа пишет:

> «Милые папа и мама!
>
> Я был еще немного болен. Но теперь я собираюсь в гимназию, уже послезавтра я пойду учиться... Праздники я провел весело. Деньги получил, очень благодарю. Я получил на новый год новыя подарки. Картины для склеивания, слоника, 30 шт. марок иностранных и меня поздравляли... Ваш Сережа Баланин».

Только в октябре даст наконец Павел Яковлевич согласие на развод. Только в ноябре станет Григорий Михайлович мужем Марии Николаевны, но в письме Сережа называет его «папой», а себя «Баланиным». Детали эти говорят: вопрос решен.

«Мне было очень скучно 28 февраля и теперь не весело, учиться трудно... Милая и дорогая мама, я сделаю 25 марта[4] крем, на свои деньги куплю сметаны на 90 коп. и устрою угощение, а Юра мне обещал рубль. Погода то плохая, то хорошая... Мне очень, очень трудно учиться. По закону божьему и арифметике...

Милая мама, я о тебе не скучаю и прошу писать, как твое здоровье, а то ты снилась мне нехорошо... Я ел за вас блины и съел штук восемь, а перед этим штук 5... Аэроплан склеил, очень красивый...»

Лето 1916 года Сережа провел под опекой дяди Юры. Он работал учителем в гимназии и его назначили начальником летней школы для гимназистов в Плютах под Киевом, он взял с собой племянника. Впрочем, главной опекуншей Сережки была Рита Рудомино – будущая жена второго дяди – Василия Николаевича, любимого «Васюни». Годы спустя Маргарита Ивановна Рудомино, многолетний директор Библиотеки иностранной литературы в Москве, вспоминала:

– Я была уже барышня, интересовалась мальчиками, а тут меня приставили к Сереже, чтобы я за ним присматривала, укладывала спать. Это меня очень раздражало и тяготило. Воспоминания о нашей первой встрече с ним остались самые неприятные, хотя я сейчас понимаю, что он был послушный, спокойный, молчаливый мальчик...

Мама вернулась к осени, а в начале 1917 года Григорий Михайлович был переведен в Одессу в управление Юго-Западной

железной дороги. 26 апреля 1917 года Сергей писал отчиму:

> «Милый папа!
>
> Я и мама здоровы. Я тебя очень прошу сделать мне трапецию. Мама готовится к экзаменам, и поэтому мы выедем числа 15-го, 16-го... Я занимаюсь художеством и рисую красивые картины... Только, пожалуйста, если мама не выдержит экзаменов, то ты не сердись. Я буду скоро в первом классе и приеду к тебе первоклассником...»

Мария Николаевна и Сергей приехали в Одессу 28 мая 1917 года под вечер. Когда у дома разгружали чемоданы, Сергей все смотрел туда, где, как ему сказали, должно быть море, но не видел ничего, кроме желтых окон, в которых уже вспыхнули лампы. Утром он проснулся рано, быстро вспомнил, где он, и, крадучись, потянув вверх ручку, чтобы не скрипнула дверь, проскользнул на улицу. Шел быстро, потом побежал. Утро было пасмурное, без солнца. Яркая безбрежная синь, свободно бегущая во все пределы, открылась ему. В первый раз в жизни увидел он море. Ветер сильный, дышащий свободой, налетал порывами, Сергей продрог, но не уходил, все стоял и смотрел.

Дом в Житомире, где родился С.П. Королев

Сережа с няней Варварой Ивановной Марченко.
Июль 1907 г.

Сережа Королев в 1909 г.

Сережа Королев в 1912 г.

Семья Москаленко

Слева направо: Анна Николаевна, Николай Яковлевич, Василий Николаевич,

Сережа Королев, Мария Матвеевна, Юрий Николаевич, Мария Николаевна

Григорий Михайлович Баланин

3

На долю моего поколения выпало столько войн, переворотов, испытаний, надежд, труда и радости, что всего этого хватило бы на несколько поколений наших предков.

За время, равное обращению Юпитера вокруг Солнца, мы пережили так много, что от одного воспоминания об этом сжимается сердце. Наши потомки будут, конечно, завидовать нам, участникам и свидетелям великих перемен человечества.

Константин Паустовский

Спустя некоторое время Баланин стал начальником портовой электростанции. Сначала они снимали квартиру на Канатной, но вскоре выпал случай переехать поближе к электростанции, и они обосновались на Платоновском молу в просторной квартире двухэтажного дома, балкон которой выходил на море, а внизу цвела сирень и зеленели олеандры. Несколько недель Сережа, как и обещал отчиму, был первоклассником: ходил в 3-ю Одесскую гимназию М.К. Батцель. Но стать настоящим гимназистом ему, увы, не пришлось: буквально с первых дней своей одесской жизни маленькая семья портового инженера была втянута в водоворот событий, поломавших весь привычный уклад «Одессы-мамы».

Наверное, ни один другой город не переживал в те годы столько перемен, сколько выпало на долю крупнейшего южного порта России. Власть была пестра и неопределенна: органы Временного правительства не считались с Советом рабочих депутатов. Совет не признавал, по сути, Временное правительство. В мае 1917-го появился Румчерод – исполком советов румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области. Там все агитировали за войну до победного конца. Баланин ходил на диспуты, возвращался хмурый: «победного конца» не видать, одни разговоры, трескотня.

– Большевики не примирятся с ними, я чувствую, – говорил он Марии Николаевне. – Вот погоди, еще заварится каша...

В декабре открылся II съезд представителей румынского

фронта. Здесь верх держали большевики. Положение накалялось. То там, то здесь происходили стычки, драки, каждую минуту они могли стать запалом настоящего переворота.

Город встречал новый 1918 год в ожидании неведомых перемен. По улицам маршировали вооруженные ахтырцы, моряки с «Синопа», рабочие Красной гвардии. 14 января началась уже серьезная стрельба. Юнкера и гайдамаки держались дня два. Уличные бои то затихали, то разгорались снова. Гимназия, в которую определили Сергея осенью, закрылась на неопределенное время. Молоденький, очень воспитанный инспектор привез на Платоновский мол документы гимназиста Королева. Теперь бывший гимназист сидел дома: мама строго запретила выходить за ворота порта, но и отсюда он отлично слышал далекие, звенящие над морем выстрелы. Потом на стене электростанции увидел наскоро прикрепленный серый листок: «Ко всем трудящимся города Одессы...» – в городе Советская власть.

Теперь открылись школы. Уже не гимназии, а школы. Но опять проучился Сергей совсем недолго: через полтора месяца в Одессу вошли австро-германские части. Сергей видел, как расхаживал по порту высокий немецкий офицер, деловито осматривал причалы, расспрашивал о глубинах, стоянках на рейде, что-то аккуратно заносил в записную книжицу. Григорий Михайлович переводил: неожиданно понадобилось его знание немецкого языка.

Немцы формально признавали Центральную раду, что, впрочем, не мешало им чувствовать себя в городе полнейшими хозяевами. Оккупационные распоряжения предупреждали об откровенном терроре. Вечно шумная Одесса словно вымерла. Сергей томился дома. В то лето он особенно пристрастился к книгам. Настал тот обязательный период запойного чтения, который чуть раньше, чуть позже непременно переживает каждый мальчишка и в наши дни. Только в десять лет человек может читать так жадно и одновременно так бессистемно, все воспринимая чисто и горячо, все впитывая и все переживая. Сергей читал «Геометрию», Чехова, потом Гауфа, потом случайный том Реклю, рыцарский роман без начала, стихи Надсона, справочники по сопромату.

Немцы и австрийцы ушли в ноябре. Сергей слышал, как Григорий Михайлович рассказывал маме, что фельдмаршал фон Бельц, начальник австрийского гарнизона, застрелился. Немцы ушли, но радоваться было рано: 26 ноября на одесском рейде появился английский контрминоносец «Неренда». Через три дня высадились сербы – первый эшелон, за ними, подоткнув за пояс

шинели, заливисто хохоча, с трапов прыгали веселые французы – новый десант интервентов. Сергей с отчимом стояли на балконе. Холодный ветер с моря ерошил волосы Баланина. Он был озябший, встревоженный и беззащитный. Отчим обернулся к Сергею, и тот увидел, какие невеселые у него глаза.

– Одни бандиты приходят на смену другим, – горько сказал Григорий Михайлович.

Он был прав. Началась новая, может быть, самая дикая и жестокая полоса разгула контрреволюции. В ту весну погибли герой-большевик Николай Ласточкин, отважная Жанна Лябурб и ее боевой товарищ по «Иностранной коллегии» Жак Елин.

Зима 1919-1920 годов была самой трудной и голодной. Мария Николаевна преподавала украинский и французский языки. Платили бидончиком ячневой, нестерпимо соленой каши, но все радовались: соли не было. За солью надо было ходить на Хаджибей, копать лунку, заливать соленой водой лимана, а потом ждать, пока вода отдаст соль. В Одессе подъели все: никаких продуктов не было. Иногда вдруг выдавали лавровый лист. Роились толкучки, все всё продавали, а покупателей было мало. Ценности сместились: за полмешка муки отдавали меховую шубку. Но часто некому было отдавать. Приходилось ездить по селам, по богатым немецким хуторам, выменивать. Но выдюжили, дождались весны, первой молодой травки. Нет ее слаще...

В апреле 1919 года восстали французские моряки. Над эскадрой интервентов реял дух «Потемкина», и Париж испугался: был получен приказ об эвакуации из Одессы. С апреля по август – робкие попытки Советов наладить жизнь разбитого, голодного, почти наполовину опустевшего города. В августе пришли деникинцы. Усталые, измученные, они устраивали пьяные дебоши и бессмысленные облавы, обреченные кричали о смерти «красных бандитов». От пирсов отваливали набитые по клотик пароходы, шли на Истамбул – уходили в безвозвратное, горькое, страшное плавание...

7 февраля 1920 года в Одессу пришла Советская власть. Теперь надолго. Но много времени прошло, прежде чем отошли в прошлое пустая похлебка, и вспышки холеры, и рвань на плечах, и неподвижные краны на причалах, пока забылось «время голода, пайков и диких, зимних ночей на одесских улицах», как писал в 1922 году молоденький репортер из одесского «Моряка» Константин Паустовский...

Этот исторический экскурс, прерывающий рассказ о жизни Сережи Королева, представляется все-таки необходимым. В те годы очень нелегко приходилось взрослым и совсем тяжело – детям. Буря революции так вихрила листки календаря, что дети

той поры взрослели со стремительностью, нам сегодня непонятной и удивительной. Конечно, в 10-13 лет Сережа Королев оставался ребенком, но рядом с мальчишеской жизнью его, внутри этой жизни, росли заботы вовсе не детские, вставали вопросы совсем не ребячьи. Не из нежинских сказок рождались понятия добра и зла, произвола и справедливости, смелости и трусости. Григорий Котовский был знаком ему не по кинематографу – они могли встретиться на одесских улицах. Николай Ласточкин не был абстрактным, забронзовевшим героем гражданской войны – Сергей мог видеть в порту, как гнали его белогвардейские палачи, связанного и избитого, в трюм превращенной в тюрьму баржи. Годы спустя многие люди будут удивляться необыкновенной способности Королева видеть суть человека.

Но пока он еще мальчик. Вместе с приятелями протирает он коленки на ветхих брючонках, ползая по полу среди своей оловянной рати. Одну зиму пробовали его учить играть на скрипке, но скоро Мария Николаевна поняла, что музыкальных способностей у сына нет. Вот строить, мастерить любит очень. Со всех причалов тащит он в дом доски, щепки, куски парусины, обрывки проволоки и мастерит игрушечные пароходики и шлюпки. А когда профсоюз моряков, которым руководил знаменитый герой Анатолий Железняков, открыл портовый клуб, Сергей сразу записался в модельный кружок.

Жизнь на берегу подружила его с морем. Море осталось огромным и грозным, но перестало быть чужим и непонятным.

Сергею открылась истина давно известная всем, кто постоянно жил у моря и в море работал: море не ласковое и не враждебное. Оно – никакое по отношению к человеку. Может утопить в штиль. Может спасти в шторм. Равнодушие безбрежной стихии требует от человека постоянного внимания и собранности. А все эти красивости: «море ласкалось», «море рассвирепело», – это несерьезно, это – для курортников. Григорий Михайлович быстро научил его плавать. Сергей плавал очень хорошо, никогда не переча морю. Иногда они с приятелями уходили далеко, на камни Аркадии, где можно было вволю попрыгать со скал, но чаще купались на Австрийском пляже – так прозвали кусок берега, откуда австрийцы возили песок для строительства.

Иногда, плавая в порту, они залезали на пароходы. Особенным шиком считалось дразнить боцмана, потом бежать от него в притворном страхе, а в самый последний момент, когда его лапища уже готова была ухватить тебя за ухо, кинуться ласточкой в зеленую воду.

Сергей был отличный гребец. Однажды мальчишки уплыли в

шлюпке далеко, за маяк, и сидевший на носу Сергей вдруг увидел прямо перед собой что-то большое, темное, скользкое, тяжело качающееся в легкой волне. Он еще не разглядел, как медленно поворачивались, на секунду высовываясь из воды, аккуратные рожки, но уже понял: мина! Шлюпка шла точно на нее. Крик застрял у него в горле.

– Табань!! – он закричал, уже падая в воду. Вынырнул мгновенно и, ухватившись за нос шлюпки, что было сил толкнул ее в сторону. И тут же почувствовал, как спина его уперлась в скользкий холодный металл.

Домой он пришел бледный, испуганный, притихший и долго не мог забыть прикосновения смерти. В жизни они встречались еще не раз, но страх всегда приходил потом и никогда не мог одолеть его, никогда не мог заледенить его мысль.

4

Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку, наружный успеет еще действовать. Выходя позже, он будет, может быть, не так сговорчив и уклончив, но зато на него можно будет положиться: не за свое не возьмется. Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное, у вас будут люди и граждане.

Николай Пирогов

Летом 1922 года в Одессе распространился слух, что на Старопорто-франковской в здании второй женской гимназии «ведомства императрицы Марии» открывается новая школа – учебное заведение необычное и замечательное. Впрочем, программа его толком никому не была известна, а популярность объяснялась прежде всего тем, что среди преподавателей будущей школы назывались фамилии людей, в городе известных и уважаемых.

Величайший исторический эксперимент – революция – порождал в умах людей деятельных и талантливых жажду экспериментирования. Жить так, работать так, как жили и работали раньше, было невозможно. Поиск шел везде – в политике, экономике, искусстве, литературе, и не затронуть сферу образования он не мог. Он, собственно, и породил одесскую стройпрофшколу № 1, в которой учился Сергей Королев.

Душой новой школы был Александр Георгиевич Александров, учитель гимназии, педагог талантливый и человек удивительно энергичный. Задуманная им школа, с одной стороны, должна была оставаться классической гимназией, дать общее среднее образование, а с другой – выпускники ее должны были овладеть конкретными строительными профессиями: штукатуров, кровельщиков, сантехников, плотников, каменщиков. Школа была что-то вроде нынешнего техникума, но более высокого класса, а

кое в чем приближалась к уровню первых курсов строительного вуза. Поэтому среди преподавателей школы было немало педагогов высшей школы: сопротивление материалов и строительную механику преподавал известный ученый профессор Одесского политехнического института Б.Л. Николаи, а заведующий кафедрой латинского языка Медицинского института, знаток западно-европейской литературы Б.А. Лупанов вел курс русского языка и литературы. Вместе с Александровым математику читал старший преподаватель Строительного института Ф.А. Темцуник, физику и теоретическую механику – доцент Политехнического института В.П. Твердый, строительное дело – С.А. Тодоров: на многих одесских зданиях можно было увидеть табличку: «Строил Тодоров».

Одной из главных забот организаторов школы было эстетическое воспитание ребят. Диспуты, самодеятельные спектакли, над которыми профессионально работал большой знаток театра, преподаватель литературы П.С. Златоустов; спевки хора, курс античной драмы Б.А. Лупанова, концерты, лекции по истории музыкальной культуры – их читал профессор консерватории Б.Д. Тюнеев и талантливый пианист и композитор П.И. Ковалев; танцклассы, занятия по живописи, которые вел художник А.Н. Стилиануди, ученик Репина, друг Серова, Врубеля и Пастернака, – все это было нормой в стройпрофшколе № 1.

Короче говоря, школа была очень интересной, и не удивительно, что Сергей Королев захотел в ней учиться, а решение его было горячо поддержано матерью и отчимом. Вступительные экзамены в объеме примерно шести классов гимназии Сергей выдержал без труда и был зачислен в июле 1922 года.

Открылся новый, неведомый ему мир. Мажорно приподнятый дух школы с ее лозунгами: «Да здравствует свобода!», «Перед нами весь мир!», «Учись, трудись, борись!», «Математика – гвоздь всего!», обстановка доверительного равноправия, демократичность заново создаваемых традиций – все это нашло отклик в душе юного Королева, и о недолгом времени, проведенном в стенах этой школы, с теплой благодарностью он вспоминал всю жизнь.

Среди одноклассников его был Валерьян Божко, просто Валя, с которым они дружили все эти трудные годы. Теперь они сидели на одной парте. Этому очень скромному, тихому, высокому и невероятно худому пареньку во время войны оторвало ниже локтя правую руку, он писал и искусно чертил левой, любил и умел мастерить и, пожалуй, не мог разделить тогда с Сергеем только его увлечения гимнастикой. В классе быстро сколотилась

дружная компания: Сергей, Валя, весельчак Илюшка Йоффик, типичный одесский «жлоб» Жорка Калашников, нескладный подслеповатый Володя Бауэр, знаменитый тем, что мог с завязанными глазами различать людей по запаху.

Впрочем, первым Сергей очутился в этом списке совершенно случайно. Как дружно отмечали много лет спустя его однокашники, Королев в школе был фигурой довольно неприметной. Он никогда не входил в классную «элиту», не держал первенства ни в чем: не был «ударником» (Надя Хлебникова, любимица классного руководителя Темцуника, совершала буквально подвиги успеваемости и прилежания), не считался «душой компании» (эти лавры были у Ильи Йоффика), выдающимся спортсменом (Калашников был, безусловно, более сильным гимнастом), не блистал на школьных театральных подмостках (там царил задавака и пижон Жорж Назарковский), не прославился как музыкант (Юра Винцентини и Лидочка Гомбковская хорошо играли на рояле). Мария Николаевна вспоминала, правда, что Сергей писал стихи, среди которых одно стихотворение, «Россия», казалось ей тогда удачным. Альбомчика со стихами не сохранилось[5]: кто-то из друзей неловко пошутил над его «поэтическими опытами», и Сергей сжег стихи. Но ведь редко кто не пишет стихов в пятнадцать лет. Поэтому он выглядел классическим средним учеником, разве что был красив – черноглазый, с нежным девичьим румянцем во всю щеку. Удивительно, но даже чувствуя свое превосходство в чем-либо, Королев в молодости не умел выказать это с эффектом, блеснуть, пустить пыль в глаза. Его было трудно расшевелить. Нежинское одиночество сделало его если не замкнутым, то необщительным. Впрочем, он не был скрытным, если его спросишь, он расскажет, но первый рассказывать не начнет. И все-таки было в нем что-то, какое-то инстинктивно ощущаемое всеми превосходство, решительно не позволявшее причислить его к категории «серых» личностей. Быть может, это была основательность характера, надежность в дружбе. Иначе чем же объяснить, что во всех делах и проделках, вечеринках и прогулках, спорах и состязаниях всех умников, чемпионов, острословов и других признанных талантов – во всем этом он рядом, без него не обходятся, он нужен.

Первая в его жизни школьная зима. Не было света, бумаги, керосина. Угля тоже не было, и дров тоже. В классах сидели в пальто, да и в пальто было холодно. Одно название пальто: на «рыбьем меху». Все поизносились за эти годы, ходили бог знает в каких нарядах. Мария Николаевна сама научилась даже обувь шить.

В феврале 1923 года Александров, который был завучем, но,

по существу, получил от директора Бортневского, известного одесского архитектора, все права руководителя, увлекся идеей создания при школе производственной мастерской. По его мысли, нехитрая продукция ее, изготовленная руками учеников, могла реализовываться, а полученный доход идти на укрепление латаного школьного бюджета. Все было подсчитано, продумано, помещение под мастерскую определено, весь вопрос был только в том, где, собственно, взять станки и инструменты. В 1923 году это была серьезнейшая проблема: каждый напильник на вес золота. Александров давил на наркомпросовцев, искал добрых шефов на заводах, в порту, все ему сочувствовали, идеи его горячо одобряли, но инструментов никто не давал. И тут он случайно узнал, что на Молдаванке[6] продается столярная мастерская.

Константин Гаврилович Вавизель, владелец мастерской «по изготовлению деревянных шкивов», согласился продать свое «дело» профстройшколе.

– Только одно условие, молодой человек, – сказал старый столяр Александрову, – забирайте и меня вместе с мастерской...

Так школа получила и мастера-наставника и инструменты. О, это было огромное богатство: ленточная пила, циркулярная пила, токарный станок, верстаки, рубанки, долота, стамески, молотки, даже маленький электромотор с ременными трансмиссиями. Ремни рвались, правда, но это уже пустяки...

Перевозили Вавизеля всей школой. Это был чудесный, веселый день. А тут еще дрова получили, опять всей школой разгружали, но теперь уж не как попало: ровненькие, без сучьев поленца откладывали в сторону. Это были заготовки для мастерской.

Сергей ходил у старика Вавизеля в любимчиках. Столяр доверял ему, знал: Королев парень серьезный и аккуратный, ничего не сломает. Сергей допоздна засиживался в мастерской. Он любил мастерить, да и Вале Божко нужно было помочь: с одной рукой много ли сделаешь рубанком?

Весной, с первым теплом все как-то повеселели. Из промерзшей школы все торопились по домам, а теперь и уходить не хотелось. Сергею тут нравилось, да и учиться было интересно. Давали начала высшей математики, строительной механики, сопромата. Ставили, пусть простенькие (для сложных не было приборов), опыты. Владимир Петрович Твердый придумал – чего, кажется, проще – на козлы положили доску, нагружали кирпичами, потом замеряли прогиб, вычисляли модуль Юнга для дерева. Борис Александрович Лупанов устраивал литературные диспуты. «По косточкам» разбирали, судили, защищали Катюшу Маслову, Базарова, Раскольникова. Королев сам руку поднимал

редко, но, когда спрашивали, отвечал толково. Однажды на уроке физики Александров наставил кучу двоек: никто, даже отличники из отличников, не могли нарисовать и объяснить принципиальную схему телефона. Вызвал Королева. Все были уверены, что сейчас появится еще одна двойка. Но Сергей не спеша нарисовал на доске схему и все разобъяснил. Все очень удивились, а Жорка Калашников сказал:

– Вы у нас, Сережа, просто Эдисон!

Но и двойки он, конечно, тоже получал. Когда не знал, не выкручивался, говорил набычившись:

Это я не знаю...

Ну после такого признания даже непедагогично не поставить двойку. Иногда по вечерам в школе устраивались танцы. На них приходили ребята из соседней электропрофшколы, и вскоре было замечено, что их девушки куда охотнее танцуют с «чужими», чем со «своими». Решено было «электриков» осадить. На очередном вечере у дверей поставили двух здоровенных дежурных с заданием, коротким и ясным: «не пущать!» «Электрики» были возмущены до глубины души. Обуреваемые жаждой мщения, двое полезли на металлическую мачту энергосети с намерением обесточить коварную стройпрофшколу и под угрозой темноты вынудить к сдаче. Однако до контактов на мачте не дотянулись и решили сменить осаду штурмом. Дело принимало нехороший оборот: не ограничившись угрозами, «электрики» стали швырять в дежурных камнями, поднялся большой гвалт. В этот момент двери школы распахнулись и на ступеньки вышел крепкий паренек с повязкой распорядителя на левой руке.

– Тихо, ребята! – зычно крикнул он. – В чем дело? Перебивая друг друга, «электрики» начали объяснять.

– Так. Ясно. – Распорядитель обернулся к дежурным: – Как же можно не пускать добрых соседей?..

– Сережка, черт, ведь они расхватают всех наших девок! – завопил один из стражей.

– Давайте договоримся заранее: танцевать с нашими девушками только по очереди: один танец ваш, следующий наш, согласны?

Электрики благодушно загудели. Инцидент был исчерпан.

Прослеживая жизнь Королева, можно подметить такую деталь: он обладал не часто встречающимся искусством – умением говорить с толпой...

Весной захватило мальчишек новое увлечение: яхты. Яхтами Одесса всегда славилась, но в годы гражданской войны, право, не до яхт было. Многие хозяева знаменитых яхт удрали за границу, бросили своих красавиц на произвол судьбы. Теперь энтузиасты

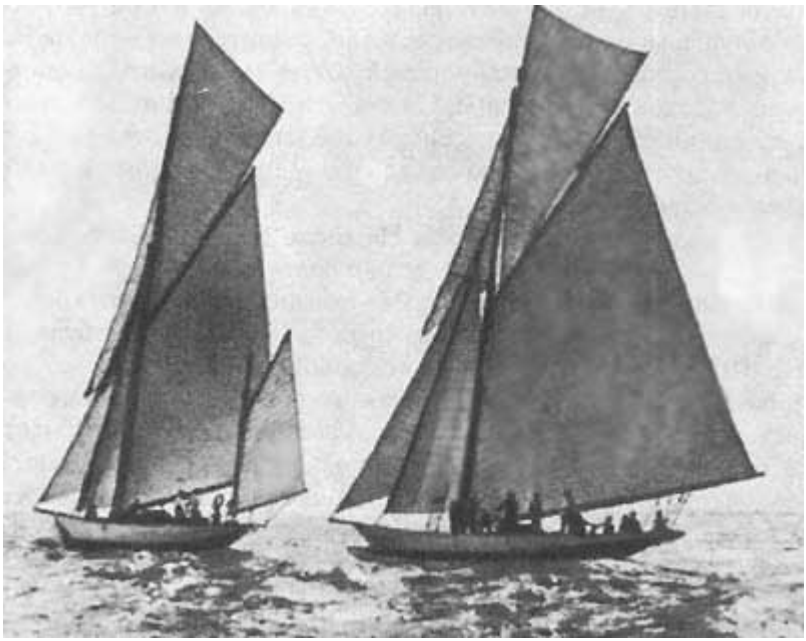
устроили в порту военно-морской пункт допризывной подготовки – организацию добровольную, полувоенную, забрали яхты, подремонтировали их, переименовали для порядка. «Маяна» стала «Лейтенантом Шмидтом», «Меймон» – «Коммунаром», «Ванити» – «Комсомолией».

Теперь прямо из школы Жорка Калашников, Володя Бауэр, Сережка Королев бежали в бывшую Арбузную гавань, на яхты. Калашников ходил на «Ирэне», Бауэр – на «Метеоре», Королев – на «Лейтенанте Шмидте», которую все, в том числе и сами «крестные отцы», по-прежнему звали «Маяной». До революции «Маяна» принадлежала Фальцфейну, владельцу консервных заводов и огромного поместья, на территории которого расположен теперь заповедник Аскания-Нова. Это была превосходная яхта, построенная англичанами в 1910 году по проекту знаменитого Мильнса – лучшего конструктора яхт. Участвуя во всемирных гонках, восемь раз была первой и дважды – второй. На этой яхте Сергей Королев не раз ходил в море, а при хорошем ветре «Маяна» добегала до Николаева, Херсона, до самых крымских берегов. Через два года, уже в Киеве, снедаемый черной завистью к тем, кто отправлялся в Коктебель на планерные соревнования, Сергей вспоминал эти походы: «Эх, вот бы сейчас „Маяну“...»

Удивительно, но эта яхта пережила своего тогда такого молоденького матроса и плавала еще много лет после его смерти...

Здание стройпрофшколы в Одессе, где учился С.П. Королев

Яхты «Мираж» и «Маяна»



5

Настоящее всегда чревато будущим.

Готфрид Лейбниц

Не одни яхты ожили в порту. Словно просыпался шумный, веселый великан, давший жизнь этому городу-баловню в семье русских городов, городу, который все любят. Зазвенели у ворот порта таможенные весы, запыхтели окутанные зыбкими облачками пара краны на Платоновском молу, замелькали белые «голландки» грузчиков. Сергея в порту знали, да и он уже знал всю эту пеструю публику: Мишка Слон, Васька Пулемет, Миша Верблюд, Дикарь – у грузчиков обязательно прозвище, фамилии мало кому были известны. Работы у них было еще немного, но уже появились первые «торгаши» компании «Экспорт-Лайну», уже заблестели, заиграли на серых одесских пирсах яркой позабытой краской первые новенькие «фордзоны», сеялки, веялки, бороны, косилки, а в пустые трюмы шел скот, грузили хлеб, горох. В этом живом, быстром, забитом до отказа звуками и запахами мире был у Сергея Королева свой уголок, куда тянуло его постоянно: Хлебная гавань.

Гавань была довольно далеко от Платоновского мола, но все-таки именно сюда тащил Сергей своих друзей купаться и загорать. Тут ныряли, в брызгах и пене гонялись взапуски, «на счет» пересиживали друг друга под водой, а потом продрогшие, посиневшие, в гусиной коже, втянув тощие животы, прижав к груди колени, обсыхали на черном теплом железе наполовину затопленной землечерпалки. Жорка Калашников и Котька Беренс опять поднимали громкий обезьяний спор о гимнастике, о подготовке к очередным состязаниям в «Соколе». Йоффик с Толиком Загоровским хихикали над душеспасительными тирадами Темцуника, вышучивали Александрова, со всей жестокостью юности судили очередное похмелье Бортневского, снисходительно сплетничали о девчонках. Этот железный островок был маленьким мальчишеским салоном. Сергей Королев был собеседником весьма пассивным и редко встревал во все эти споры-пересуды. И вовсе не потому, что ему было наплевать на дела в «Соколе» – он тоже занимался там гимнастикой и боксом. И с Темцуником у него были нелады. И к девчонкам – во всяком случае к одной – он не был равнодушен. Просто здесь его интересовало другое: в Хлебной гавани, неподалеку от мельницы

Вайнштейна, за колючей проволокой базировался 3-й отряд гидроавиации Черноморского флота – ГИДРО-3.

Конечно, не сейчас заприметил он летающие лодки. Сергей следил за ними давно, едва появились они здесь в 1921 году. И давно задумывался над тем, как устроена эта громкая на слух и хрупкая на вид машина. Ведь она непохожа на змеев, которых он запускал с мола. Сколько наклеил он этих змеев! Тогда ему казалось: можно сделать такой змей, что он поднимет человека. Однажды он даже попросил у мамы две новые простыни: хотел привязать их к рукам и ногам и прыгнуть с высокой кирпичной трубы. Разбился бы наверняка... Змей – это чепуха. Главное – мотор, воздушный винт, как у Уточкина, который летал в Нежине...

Все сильнее и сильнее, как магнит, притягивал к себе Сергея Королева ГИДРО-3.

Под звонким этим названием скрывались восемь самолетов: шесть основных и два запасных, – восемь донельзя заезженных, латаных и перелатаных фанерных бипланчиков М-9 конструкции Григоровича.

Гидросамолет этот, испытанный в Баку еще в 1916 году, был для своего времени чрезвычайно удачным. Он отличался надежностью в воздухе, хорошей мореходностью, не боялся даже полуметровой волны, был прост в управлении и универсален в работе. «Морская девятка» – это и разведчик, и патрульный, и бомбардировщик, если требовалось. У стареньких одесских «девяток» была героическая история, они воевали с Врангелем, сражались на Днепре, а их командир, Александр Васильевич Шляпников, участвовал даже в штурме Зимнего дворца. «Девятки» были очень старенькими.

Сергей не знал об этом. Гидросамолеты были для него чудом, сказочным порождением двух бескрайних стихий – неба и моря. Сколько раз, сидя на ржавом боку землечерпалки, следил он, не отрывая глаз, как медленно и осторожно, с какой-то нежной одушевленностью выкатывалась из ангара тележка с гидросамолетом, как загорелые парни в тельняшках подхватывали его за борта и влекли к морю по деревянному настилу, осторожно опускали в воду. И вот уже летающая лодка плавно закачалась, задвигалась, словно ей не терпелось уйти поскорее туда, за волнорез, где начиналась ее дорога в небо. Поплавки на концах крыльев на секунду уходили в воду, но тут же упрямо выступали вновь, умытые, блестящие. Сверху гидросамолеты были сине-зеленые, под цвет морской волны, а снизу – ярко-желтые, так что даже в пасмурные дни бежали по воде от их крыльев солнечные блики.

«Девятки» носились по морю быстрее «Маяны», но ведь они могли еще и летать! Оттуда, из-за волнореза, они видели не только лестницу, бронзового Дюка, блестящие за зеленью бульвара окна «Лондонской», но и все, что было за лестницей, за спиной Дюка и тесными дворами «Лондонской», – весь город! Полететь на гидросамолете – это стало для Сергея манией, мукой, навязчивой идеей. Он не видел никаких путей к ее осуществлению. Он просто ходил в Хлебную гавань, сидел, смотрел и ждал случая проникнуть за заветный проволочный забор. Иногда он подплывал к деревянному настилу и пытался робко и неумело завязать разговор с теми счастливцами, которые жили за проволокой. Чаще всего его гнал часовой, и он опять сидел на землечерпалке в тоске и обиде на весь шар земной.

Но постепенно к нему привыкли, а может быть, увидели его страстное любопытство, незаметно наступило то самое неопределенное состояние, когда он почувствовал, что «втерся в доверие». И наконец, однажды он вступил на обетованную землю отряда гидроавиации.

Американский поэт и критик XIX века Генри Теодор Такермэн обронил однажды фразу, имеющую прямое отношение к герою этой книги: «Национальный энтузиазм – великая колыбель гения». Надо сказать, что существовало еще одно немаловажное обстоятельство, которое, с одной стороны, усиливало интерес юного Королева к «морским девяткам», а с другой – облегчало ему задачу проникновения в ГИДРО-3. Обстоятельство всесоюзного, если хотите даже международного, масштаба.

Постоянно ищущий популярности – особенно среди молодежи – Троцкий выступил с идеей организации Общества друзей Воздушного флота (ОДВФ) и санкционировал появление гигантской пропагандистской волны в печати. Лозунг «Даешь крылья!» был в 1923-м главным лозунгом года. За 12 месяцев число членов общества выросло с. 16 тысяч до 1 022 000 человек. Ячейки ОДВФ создавались всюду, даже при советских посольствах за границей. Как на дрожжах росли аэроклубы, аэрокурсы, аэрокружки, аэровыставки, аэроуголки. Не было города, где не собирались бы средства на постройку самолетов и планеров, да и строили их тоже почти в каждом городе. Рабкоры отчисляли процент гонорара на строительство аэроплана «Рабкор», профсоюз химиков закладывал дирижабль «Красный химик-резинщик». В деревнях катали перепуганных крестьян на агитсамолетах, по ярмаркам разъезжали аэроагитстенды, в клубах разыгрывались «аэроинсценировки», создавались аэробиблиотечки. Число членов ОДВФ намечено было довести к лету 1925 года до трех миллионов человек. О том, какое значение

придавалось новому обществу, можно судить хотя бы по тому, что в Совет ОДВФ были избраны почти все крупные деятели партии и государства: Бубнов, Ворошилов, Калинин, Каменев, Микоян, Орджоникидзе, Подвойский, Рыков, Сталин, Троцкий, Фрунзе, Чубарь, Эйхе, Якир.

Безусловно, кое-где на местах, как говорится, переборщили, были и показуха, и рапорты ради рапортов, и фантастические проекты аэропланов, которые «действуют посредством наэлектризованного песка», – над ними иронизировал Андрей Платонов в своем «Городе Градове», короче говоря, было все то, что возникает от избытка администрирования с одной стороны, и невежественной сверхинициативы – с другой. Известный уже тогда конструктор и летчик Сергей Владимирович Ильюшин с горечью писал, что авиационные кружки «росли, как грибы, и к концу 1924 года насчитывалось сотни их, но они так же быстро распадались». Но все эти минусы никак не могли перечеркнуть плюсы нового дела.

Плюсов было заведомо и несравненно больше. Увлечение авиацией было не просто увлечением молодости. Оно возникло из прекрасной убежденности в том, что свободный народ может и должен преодолеть исконную унизительную отсталость во всех без исключения областях и сделать это быстро. Оно подкреплялось ясным сознанием необходимости укреплять оборону своей молодой республики. На афишах можно было прочесть такие слова:

«На бешено развертывающуюся технику вооружения империалистов – наших врагов – ответим новыми эскадрильями, созданными рабочими и крестьянами Союза – друзьями воздушного флота!»

Может быть, не очень гладко стилистически, но совершенно верно по сути.

Много лет спустя другой генеральный конструктор – Олег Константинович Антонов, первые шаги которого в авиации сделаны в ОДВФ, столь же справедливо, сколь и Ильюшин, писал об этих годах: «Откуда же бралась у совсем молодых ребят – комсомольцев, школьников, даже пионеров – такая уверенность в своих силах? Уверенность порождалась всем духом эпохи. Все кругом: новые общественные отношения, промышленность, сельское хозяйство, наука, искусство – все строилось заново. Должно быть, пример старших, смело решавших эти небывалые всемирно-исторические задачи, расцвет народных талантов, с жадностью приобщавшихся к мирному творческому труду после отчаянно тяжелых лет гражданской войны и интервенции, воодушевляли и нас, создавая атмосферу всеобщей уверенности в

своих силах...

Организация в 1923 году Общества друзей Воздушного флота была большим событием в жизни Советской страны. Для молодежи, бредившей авиацией, оно открыло двери в небо».

Знаменательно, что работа ОДВФ была отмечена партией в резолюции XIII съезда, принятой во время торжественной передачи съезду эскадрильи имени Ленина.

Еще не раз, знакомясь с жизнью Сергея Павловича Королева, пытливый читатель поймает себя на мысли о том, как счастливо сочетались устремления этого человека с зовом его времени. Кажется, будто это о Королеве писал Карл Маркс: «Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли».

Отделение Общества друзей Воздушного флота возникло и в Одессе. Не возникнуть в городе, кумиром которого был С.И. Уточкин, в городе, где уже в 1909 году строились самолеты, а с 1913 года существовал самолетостроительный завод, оно не могло. Одесское отделение ОДВФ купило «Хиони № 5» и превратило его в агитсамолет «Конек-Горбунок». Устраивали агитполеты в городе и окрестных селах, а на Стрельбищенском поле поднимали в воздух смельчаков. Был создан губернский общестуденческий шефский комитет, и едва наступили каникулы, «шефы» наводнили все близлежащие аэродромы и не давали покоя командирам второго истребительного ГИДРО-3 и автовоздухотряда, вымаливая и требуя любую работу. Летчики ГИДРО-3 Шляпников, Алатырцев, Боровиков, Савчук выступали на бесконечных митингах, встречах, слетах, читали лекции, вели занятия, ликвидировали «авиабезграмотность», сыпали на город листовки: «Трудовой народ, строй свой воздушный флот!» И хотя гидроотряд был организацией военной, а потому соблюдавшей все строгости уставного режима, отгородиться от лозунга: «Даешь крылья!» – он не мог никак. И командиру ГИДРО-3 Шляпникову оставалось одно – не замечать на вверенной ему базе посторонних.

Посторонних было много. Сергей Королев был вовсе не одинок. Заходили просто зеваки, искренне любопытствующие и серьезно интересующиеся. Был даже свой поэт – вечно что-то бормочущий себе под нос толстый парень, который поклялся воспеть ГИДРО-3 в стихах. Работали тут и энтузиасты из Политехнического института. Сергей был слишком молод, даже для тех не боящихся молодости лет, слишком неопытен, и поначалу никакого серьезного дела в гидроотряде поручить ему не могли. Но вскоре все заметили удивительную настойчивость этого мальчишки во всем, что касалось его приобщения к

авиации. Народу в самом гидроотряде было немного: летало восемь летчиков и четыре механика, а возни со старыми «девятками» хватало. Пусть неопытные, но расторопные, искренне желающие помочь руки были не лишними. Опекали Сергея более других летчики Константин Боровиков, Александр Алатырцев и механик Василий Долганов. Они хорошо понимали друг друга. Боровиков увлекался яхтами, Алатырцев занимался боксом, а Долганов просто любил любознательных людей.

– Вот смотри, – не торопясь, «с чувством» объяснял механик. – Мотор, значит, «сальмсон», сто пятьдесят лошадиных сил, девятицилиндровый, звездообразный. Это радиаторы: один и другой. Тут карбюратор, как видишь. Это маслобак... Спрашивается, как же идет масло? Вот гляди...

Довольно скоро Сергей узнал от Долганова не только принципиальную компоновочную схему летающей лодки, но и многие тонкости в ее конструкции и работе мотора. Скоро даже казавшаяся ему раньше священнодействием разборка двигателя потеряла для него свою таинственность. Он различал теперь летающие лодки не только по пиковым и бубновым тузам – личным эмблемам, которые рисовали летчики на фюзеляжах своих «девяток», но и по тому, как они взлетают, делают развороты, садятся. Уже не раз залезал он в пилотское кресло, сам нажимал педали и двигал штурвал, и иногда ему даже приходила в голову мысль, которая еще вчера могла показаться еретической: да такое ли это уж сложное дело – летать? И все-таки день, когда Шляпников взял его впервые в полет, запомнился Сергею на всю жизнь.

Они вышли за волнорез, встали против ветра, мотор взревел, мелкой, нервной рябью заплясало в глазах море, вот наконец понеслись, и вдруг порт, дома, деревья – все стало куда-то проваливаться, тронулась и медленно поплыла вся Одесса! Он увидел маленьких людей, игрушечные пароходы, быстро отыскал глазами Платоновский мол и свой дом: «Вот бы увидели меня сейчас!..»

Он не рассказывал дома о своем полете; не хотел тревожить маму, а отчима боялся, знал, что тот не одобряет его влюбленности в гидросамолеты. Может быть, они ничего и не узнали бы, да он сам проговорился.

Как-то они шли с мамой по Пушкинской к морю. Был чудесный голубой день. Тротуары в ярких пятнах солнца, пробившегося сквозь ветви старых платанов, были похожи на дорогие ковры.

– Как красиво сегодня, смотри, облака какие, серебро прямо! – сказала Мария Николаевна.

– О, если бы ты знала, какие они сверху! – вдруг выпалил Сергей. – Там они не серебряные, а розовые, клубятся, переливаются...

Мария Николаевна остановилась:

– А ты видел?

– Видел. – Сергей потупился. – Я летал на лодке... Ну вот я и боялся, что ты начнешь запрещать, уговаривать, плакать... Это совсем не страшно! Погоди, я выучусь летать и прокачу тебя. Я уверен, что ты будешь в восторге... – Сергей помолчал, потом добавил тихо: – Не рассказывай Гри, – так он называл Баланина.

Не очень у него ладилось с Григорием Михайловичем. Отчим не усыновил его: был он человек незлой, но суховатый, вернее сказать, тертый и катанный жизнью настолько, что не очень-то верил в доброту других и был строг с пасынком. Он охотно и толково объяснял ему трудные места из математики, механики или сопромата, но задушевные разговоры на темы житейские, простые, редко возникали между ними. Баланин любил Сергея какой-то своей, придирчивой, ревнивой любовью. В голодные дни нес ему последний кусок хлеба, последний порошок сахарина и был иногда даже нежен в поступках, но неизменно строг в словах. Сергей не любил этой большой квартиры на Платоновском молу и замечал, что друзья тоже не любят бывать у него. Григорий Михайлович как-то сковывал их. Он входил, вроде бы молчал, никаких замечаний не делал, но все разговоры разом кончались, ребята начинали суетливо собираться и раскланиваться. Мама – совсем другое дело. Маму все любили. Она веселая, своя. При ней и побаловаться можно, повозиться, побалагурить...

Он не понимал тогда, что маме-то еще нет и 35 лет...

Спортклуб, яхты, гидроотряд – все это, конечно, не могло не сказаться на учебе. Едва вернувшись из школы, он бросал тетради и мчался в Хлебную гавань. Замелькали тройки, появились двойки. А тут еще Федор Акимович подлил масла в огонь...Федор Акимович Темцуник, преподаватель математики и классный руководитель Сергея, пришел на Платоновский мол и в недолгой беседе с Баланиным, неспешно поглаживая пышные бессарабские усы, весьма недвусмысленно дал ему понять, что успехи Сергея оставляют желать лучшего и он надеется, что серьезный разговор дома ему не повредит...

Георгий Михайлович хмурился все более и более.

– Я хочу только одного, – говорил Баланин. – Я хочу видеть тебя образованным человеком, имеющим в руках специальность. Образование и профессия сделают тебя независимым, а значит, сильным и смелым. Негодный специалист в любой области зависим, несвободен – запомни это. Стойки на руках, яхты,

аэропланы – это чепуха, легкая жизнь, бездумье... Я не позволю тебе превратиться в лоботряса, недоучку. Не позволю! Слышишь?!

Сергей стоял, опустив голову. В чем-то отчим прав. Конечно, учиться надо. Но разве самолеты – это чепуха?

– Почему же ты вступил в ОАВУК, если аэропланы – это чепуха? – исподлобья спросил Сергей.

– Я считаю, что там делают нужное и полезное дело: стране нужны аэропланы, и я готов помочь в их строительстве. Но у меня в руках свое дело, а на плечах своя голова. А у тебя нет ни того, ни другого пока. И, боюсь, не будет! Да, да, не будет! Вот тебе и ОАВУК!

В первые годы революции всевозможные, самым невероятным образом звучащие сокращения были в большом почете повсеместно (очевидно, опять-таки из желания отрешиться от старого мира). Например, в Одессе работал театр «Массодрам» – мастерская социалистической драматургии. Таинственный ОАВУК, вокруг которого разгорелся спор Сергея с отчимом, расшифровывался как Общество авиации и воздухоплавания Украины и Крыма. В марте 1923 года в Одессе организовалось Общество пролетарской авиации, переименованное вскоре в ОАВУК, – республиканское отделение ОДВФ. Его председателем стал уполномоченный Наркоминдела Козюра, страстно влюбленный в авиацию человек. Но, поскольку у Козюры было множество дел и забот, фактически всем руководил бывший начальник аэродрома Фаерштейн. Членом правления ОАВУК был и Шляпников из ГИДРО-3, и командир второго истребительного отряда, сухопутный коллега Шляпникова Лавров.

Сдав с грехом пополам все экзамены, Сергей, Жорка Калашников, Ваня Сиротенко и Пунька Шульцман, выпросив дома по полтиннику на вступительный взнос, отправились на Пушкинскую, 29, в роскошный особняк Анатры, банкира и владельца самолетостроительного завода. Здесь теперь помещался одесский ОАВУК. Их встретил маленький щупленький человек с пышной, дыбом стоящей шевелюрой – Борис Владимирович Фаерштейн. Человек молодой, Фаерштейн отличался необыкновенной энергией, быстротой и легкостью в движениях. Он мог делать сразу десять дел – ругать, хвалить, расспрашивать, поспевал за всем следить, все контролировать, постоянно летал в какие-то командировки, вел подготовку к первому Всесоюзному слету планеристов, который осенью намечали провести в Коктебеле. Он засыпал Королева и его попутчиков вопросами, из их сбивчивых ответов понял, что они совсем «зеленые», но готовы работать на совесть, посоветовал быстро подучить теорию, залпом выпалил названия десятка книг

и исчез.

Лето 1923 года прошло у Сергея Королева «под знаком пропеллера». Несмотря на грозные предупреждения отчима, гидроотряд в Хлебной гавани он не только не оставил, а еще сагитировал ходить к летчикам друзей.

– Ну пойдем, – уговаривал он Володю Бауэра. – Вот ты еще спишь в постельке, а я уже лечу над Одессой! А?

У Константина Боровикова Сергей был уже совершенно за механика, летал с ним часто на учениях, да и не только с ним.

После полетов они иногда ходили на Дерибасовскую в «Гамбринус». Нынешняя пивная под этой знаменитой вывеской находится совсем не там, где был старый «Гамбринус», прославленный Яшкой-музыкантом и Куприным, – в подвале на углу Дерибасовской и Преображенской. Тут всегда шумели, а ссорились редко. Сергею водки не давали, брали ему черного пива. Он был рад: пить водку страшно. Королев всю жизнь был не то чтобы убежденным трезвенником, но человеком достаточно равнодушным к спиртному, хотя в его жизни было немало поводов и топить горе в вине, и высоко поднимать хвалебные тосты...

Увлеченный воздушными приключениями, Сергей не забыл, однако, советов энергичного Фаерштейна. Часть рекомендованных книг нашел он в ОАВУКе на Пушкинской, другие разыскал в «публичке». Там его знали хорошо: зимой они часто занимались там с Валей Божко. Он читал книги жадно и бессистемно. Многого не мог понять. Спрашивал у отчима. Тот объяснял, если самому удавалось разобраться. Баланин был специалист по подъемно-транспортным машинам, погрузочно-разгрузочной технике, электротехнике. Это все-таки далековато от авиации. Больше он мог помочь Сергею в другом: часть книг ОАВУКа была получена из Германии, а Григорий Михайлович свободно читал по-немецки. Сергей просмотрел «Аэроплан, или Птицеподобная летательная машина» К.Э. Циолковского, книжку наивную и удивительно романтическую, осилил «Полет птиц как основа летательного искусства» Отто Лилиенталя, «Учение о летательных силах» Винера, «Результаты аэродинамической опытной установки в Гёттингене» Прандтля, «Введение в механику», «Полет и наука», «Учение о полете», «Доклады и сообщения научного общества воздушных полетов», «Ежегодник научного общества по авиатехнике». Немцы писали подробно, обстоятельно, скучно, но все-таки более или менее понятно. Куда труднее оказались специальные книги Бриана, Эберхарда, Дорнье, Неймана по самолетным конструкциям, стабилизации, расчету нагрузок. Тут пригодились ему пусть самые начальные, но все-

таки знания строительной механики и сопромата.

На Соборке дурацким шуточкам Жоржа Назарковского смеялась Ляля Винцентини, Калашников в «Соколе» крутил «солнышко», Володька Бауэр, наверное, уже вывел на прогулку своего рыжего пса. А вот белый пароход выплыл из-за балконной шторы, сверкая ожерельями своих иллюминаторов. Где-то очень далеко тихо охал духовой оркестр. А он все сидел и читал о пропеллере Гайслера. Но, быть может, именно в один из таких томительных вечеров и произошло это невероятное смещение: аккуратные чертежи немецких книг наплыли на яркие плакаты, которыми пестрели все одесские тумбы: «Помножь авиацию на химию!», «Даешь мотор!», «Овладеем авиакультурой!» И тогда он подумал вдруг, что может сам построить самолет и сам увести его в небо! Сам! Ну, пусть не самолет, пусть только планер. Но это будет ЕГО планер!

Он затаил дыхание от одной мысли, что такое возможно!

Скоро пошли дожди, стало штормить, и гидросамолеты в Хлебной гавани дремали теперь в ангарах. Лето кончилось.

6

В дружбе и в любви мы зачастую бываем счастливы тем, чего не ведаем, нежели тем, что знаем.

Франсуа де Ларошфуко

Снова начались занятия в стройпрофшколе. Год был выпускной, и Сергей решил подналечь. Преподаватель немецкого языка Готлиб Карлович Аве с удивлением обнаружил, что Королев выходит у него в первые ученики: о книжках германских авиаторов Аве ничего не знал. И Стилиануди был доволен: чертежи Королева были сделаны совершенно профессионально, и штриховку не подчищал, и стрелочки аккуратные, нерастопыренные.

В мастерской у Вавизеля пробовали уже делать стропила, осваивали врубки, соединения, ну и попроще была работа: топорища, грабли, наличники. Однажды Ляля Винцентини объявила, что они с братом записались на «Курсы по подготовке технических сотрудников правительственных, общественных и коммерческих учреждений». Сергей не мог не записаться тоже. Им читали курс стенографии и обучали стенографировать по слуховой системе Тэрнэ. Ребята увлеклись этим делом, соревновались в скорописи, обещая побить рекорд одесских стенографов, записавших в городской думе речь Пуришкевича, который выпаливал более двухсот слов в минуту. И все-таки начальство критиковало завуча Александрова за отрыв от жизни, гимназический академизм, и теперь выпускники, или, как их называли, стажеры, больше времени отдавали специальным строительным дисциплинам.

Королев занимался с Валерьяном Божко, иногда подключался к ним Жорка Калашников. Вместе строили объемные геометрические фигуры, крутили их на ниточках, проецируя на разные плоскости, развивали «пространственное воображение». Чем больше Сергей присматривался к Жорке, тем яснее становилось ему, что под лихостью, острословием и спортивной бравадой «типического одессита» скрывается серьезный, умный парень. Отец Калашникова был знаменитым одесским букинистом, вся их квартира снизу доверху завалена редкими книгами. Наверное, самый начитанный в их классе Жорка отлично знал историю своего города, буквально каждого дома, однако никогда этим не козырял и, когда разговор касался книг,

делался вдруг необъяснимо скромным.

Но ни просторная квартира Сергея на Платоновскому молу, ни книжные сокровища Жорки не влекли их так, как влекла, манила ничем не замечательная квартира Винцентини. Впрочем, нет, эта квартира была замечательна необыкновенно радушной, веселой и какой-то удивительно свободной атмосферой, которую дружно создавали все ее обитатели – и взрослые и юные. В классе с Сергеем учились брат и сестра Винцентини – Юрий и Ксения. Юрка – нескладный, долговязый, а Ляля очень хороша, стройненькая, коса ниже пояса, глазастая. Говорили, что предки Винцентини были выходцами из Италии и в незапамятные годы приехали на юг России, чтобы заняться виноградарством. В родителях Юры и Ляли, несмотря на фамилию, итальянского было мало, хотя отец – инженер-путеец отличался большой музыкальностью и петь любил не меньше неаполитанца. Но не в песнях и музыке дело. Главное, что для Юры и Ляли и всех друзей Юры и Ляли он был просто Макс. Этот веселый и умный человек принадлежал к тем счастливым людям, которые, проходя сквозь детство, юность и зрелые годы своих детей, всегда остаются их друзьями. Его жена, Софья Федоровна, женщина щедрейшей души, искренне любила всех этих мальчишек и девчонок, бесконечно снующих в ее доме. К Винцентини ходило едва ли не полкласса. Тут не только занимались и устраивали разные хитрые самопроверки перед экзаменами, тут грелись, когда было холодно, тут подкармливались, когда было голодно, а дней таких в те годы набиралось немало, и от простого чая с картофельными оладьями отказывались редкие гордецы. Наконец, тут веселились. Здесь рождались все будущие уличные проказы, здесь пели, танцевали, разыгрывали какие-то шуточные сценки, играли в шарады, отсюда уходили гулять и сюда возвращались. И никто не помнит, чтобы Софья Федоровна упрекнула хоть раз за грязные полы. По существу, дом Винцентини был молодежным клубом, тем редким молодежным клубом, в котором всегда было весело и интересно. Если где-то что-то происходило – первыми узнавали Винцентини: ведь сразу бежали сюда. Допустим, в школе сняли их стенгазету, найдя непочтительными некоторые намеки на преподавателей. Митинг протеста у Винцентини. В другой раз, когда один из преподавателей опоздал на занятия, весь класс убежал в «самоволку» в парк Шевченко. И надо же так было случиться, что как раз в этот день к Александрову нагрянул очередной инспектор.

– Ставьте меня в трудное положение, я согласен, – взволнованно говорил на следующий день завуч. – Ставьте меня в опасное положение, я и тут согласен. Но не ставьте в смешное!

И после этого, притихшие, собрались они у Винцентини.

– Да что тут говорить, – тихо выдохнул Валя Божко, – как комсорг считаю, что мы поступили по-свински...

Всем было не по себе. В этот вечер Макс и Юра не сели за пианино...

В ту осень Сергей Королев бывал у Винцентини почти каждый день. По обыкновению своему, никогда не оказывался он в центре компании, обычно располагался где-нибудь в уголке, помалкивал, только глаза его черные блестели. Он понимал, что дом этот вполне может обойтись без него, но сам он не мог обойтись без этого дома: Сергей был влюблен в Лялю Винцентини.

Если влюбленные поддаются классификации, то он принадлежал к породе безнадежных вздыхателей, судьба которых обычно складывается плачевно, потому что обязательно находятся активные, энергичные соперники, перед которыми тихий вздыхатель пасует. О, он знал, что такое блестящий и остроумный соперник! У него их было целых два! И каких! Жорка Калашников и Жорж Назарковский. Первый – знаменитый гимнаст, пловец, острослов, эрудит; другой – признанный кумир драматического кружка, любимец словесника Злотоустова, который поручал ему самые трудные роли в драмах Островского; красавец – он нравился многим девчонкам и знал это. Что мог противопоставить он, Сергей Королев, каскаду острот Калашникова и лирическим руладам Назарковского? Рассказ об устройстве авиамоторов Миллера и Румплера? Беседу о физических основах воздушной навигации? Вот он и сидел в уголке, помалкивал, только черные глаза блестели...

Наивный, как все влюбленные, он считал, что скрывает свои чувства к Ляле так тонко и умело, что о них никто и не подозревает. И только когда в школе на встрече Нового года староста их класса Меликова читала эпиграммы на ребят, он понял, что его «тайна» известна всем. Эпиграмма была такая:

Вот Сережа Королев
Делать ласточку готов
Он хоть каждую минуту,
И, подобно парашюту,
Через стол его несет!
Он летает, как пилот!
Я б желала поскорее
Ему крылья приобресть,
Чтоб летать он мог быстрее
В дом, где цифры шесть и шесть!

«Шесть и шесть!» Новосельская улица, 66 – адрес Ляли! Красный как рак, выскочил он в коридор. Ходил смущенный, счастливый, несчастный...

В бесхитростной эпиграмме Олимпиады Меликовой – довольно точный портрет Королева начала 1924 года. Он действительно был готов «делать ласточку» каждую минуту. Многие мальчишки стройпрофшколы увлекались спортом: яхтами, плаванием, боксом, футболом, тяжелой атлетикой, но больше всего – гимнастикой. В то время в Одессе работали несколько спортивных клубов: «Аласко», «Турн ферейн», «Макаби». Королев и его друзья ходили в «Сокол»: школьный преподаватель гимнастики Николай Кристалев одновременно был тренером «Сокола». Клуб этот помещался в одном из корпусов Нового базара и за небольшую плату предоставлял своим членам право пользоваться отлично оборудованным спортивным залом. Сюда дважды в неделю ходили Калашников, Беренс, Загоровский, Королев, Егоров и другие мальчишки из их класса. Кроме того, тут же, в «Соколе», Королев и Божко брали уроки бокса. Валя Божко настолько натренировал свою единственную руку, что один удар его левой сбивал с ног сильных парней, и этот однорукий боксер пользовался огромным уважением среди одесских драчунов.

Члены «Сокола» сообразно своей спортивной квалификации распределялись повзводно. Королев сначала был в третьем взводе, потом его перевели во второй. Достойными первого оказались лишь Жорка Калашников и Котя Беренс, чем они гордились бесконечно. Несмотря на то что Королев уделял гимнастике меньше внимания, чем другие, он слыл в школе неплохим спортсменом. Он очень любил делать стойку и ходить на руках. Дома на Платоновском молу Сергей с Жоркой Калашниковым для остроты ощущений делали стойку на перилах балкона. Сергей не поленился смастерить даже специальные колодки-подставки для рук и мог вышагивать очень долго, задрав вверх ноги. Однажды он прошел на руках весь длиннющий школьный коридор и шел бы дальше, если бы, глядя на его налитое пунцовое лицо, друзья не испугались кровоизлияния. Искусством этим Сергей очень гордился. Много лет спустя, когда разговор заходил о системе тренировок и физической подготовке космонавтов, Королев часто говаривал с улыбкой:

– Эх, знали бы вы, как я умел на руках ходить...

Замкнутый, редко и неохотно делящийся даже с близкими друзьями своими планами, замыслами и мечтами (что, кстати, крайне усложняет работу его биографов), юный Королев не только не делал секрета из своих авиапривязанностей, но,

напротив, всячески их афишировал, стремясь вовлечь в мир своих радостных забот как можно больше народа. Он был хитрым агитатором, никогда не уговаривал, не тащил за собой. Он начинал отвлеченно расписывать все прелести полета, рисовать картины далекой земли, фантазировать о необыкновенном лучезарном будущем, ожидающем, по его мнению, авиацию, нет ничего удивительного, что почти все ребята его класса были членами ОАВУК, тем более что руководство школы поощряло увлечение новой техникой.

Еще с осени Сергей стал читать лекции, проводить беседы по «ликвидации аэробезграмотности» на многих крупных предприятиях Одессы: на заводах имени Чижикова, имени Марти и Бадина в порту и на родной Одвоенморбазе, где стоял ГИДРО-3. Фаерштейн только успевал выписывать Королеву путевки. Сергею самому было интересно читать лекции, к тому же это давало пусть мизерный, но заработок. Надоело просить у матери двугривенные, ведь он не мальчик, какие-то карманные деньги нужны.

Сохранилось даже такое заявление руководителей одной из групп в ОАВУК:

«Настоящим прошу оплатить лекторский труд инструктора т. Королева, читавшего лекции 2 раза в неделю в течение времени с 12.VI по 15.VII с.г. во вверенной мне группе. Итого за 8 (восемь) лекций».

Однажды во время занятий с рабочими порта он заметил в задних рядах своих слушателей отчима. Упреки Григория Михайловича звучали теперь реже: Баланин чувствовал, что авиация – это не каприз мальчишки, а увлечение юноши.

Сергей относится к своей работе в кружках очень серьезно. В одном из протоколов заседания губспортсекции есть такая запись об отчете Королева:

«Организатор кружка тов. Королев информирует Губернскую спортивную секцию о количественном и качественном составе кружка, указывает на низкий уровень знаний по авиации и сильное стремление его членов к работе. Кружок предлагает строить планер собственной конструкции. Необходимы лекторы для теоретических занятий».

Редкий день не забегал теперь Сергей на Пушкинскую в ОАВУК. Тут его уже все знали, да и он знал всех. В ОАВУКЕ жизнь бурлила: готовили «Неделю воздушного флота», организовали работу в секциях. Студенты, чтобы добыть деньги на постройку планеров, сколачивали артели, работали почтальонами, разносчиками газет, грузили арбузы. Но, пожалуй, самый большой доход давали «интимники» – вечера, на которых

бесплатно выступали лекторы, поэты, артисты. Однажды на «интимнике» вместе с Семеном Кирсановым выступал даже «сам» Маяковский, а Багрицкий как свой был гостем постоянным и безотказным.

Конструкторской секцией ОАВУК руководил опытный летчик командир «ИСТРО-2» Василий Лавров, планерной – студент Политехнического института Леонид Курисис, который осенью ездил в Коктебель на I Всесоюзный планерный слет. В планерный кружок Сергей ходил еще прошлым летом, но потом, засев за книги, он понял, что построить планер совсем не так просто, что дело вовсе не в том, чтобы раздобыть хорошие рейки, тонкую фанеру и прочный перкаль, а в том, чтобы еще до конца постройки быть уверенным в своей конструкции. В кружке при всей видимости строгих расчетов многое бралось «с потолка», жажда немедленной практической деятельности компенсировала теоретическое невежество и легкомысленный эмпиризм. Снова и снова убеждался Сергей, что самый горячий энтузиазм, самое искреннее желание пользы дела еще недостаточны, что без знаний делу этому вернее всего принесешь вред, оглупишь, осмехотворишь, скомпрометируешь.

Фаерштейн напечатал в одесских «Известиях» статью со звонким лозунгом: «Нам нужны проекты, много проектов! Пусть работают все!» На Пушкинскую толпой повалили доморощенные конструкторы с ватманскими трубами под мышкой. Среди них были такие, которые не то, что аэродинамики не знали, – в арифметике спотыкались. О, как хотелось Сергею тут же, ни на день не откладывая, приняться за свой планер! Но он сдерживал себя, глядя, как улыбается Фаерштейн, разворачивающий бумажный рулон с очередным аэрооткровением. Нет, начинать рано. Королев ходит на все занятия конструкторской секции, прилежно стенографирует лекции Лаврова. Этот семнадцатилетний юноша уже вырабатывал те неукоснительные правила, которым потом он, великий конструктор, будет следовать всю жизнь: никаких поисков вслепую, никаких ссылок на опыт, чутье, интуицию. Обязательно обоснование любого конструкторского решения – лист бумаги с цифрами есть зародыш будущей машины. И в то же время долой машины на бумаге! Идея, самая прекрасная, мертва до тех пор, пока она не воплотится в реальную конструкцию. Слова, самые точные, есть лишь отнимающее дорогое время сотрясение воздуха, коли за ними не стоит подтверждающий их факт.

Сергей Королев начал работу над планером, свою первую самостоятельную Конструкторскую работу, зимой 1923/24 года. Теперь все реже бегал он на Новый базар в «Сокол» и даже у Ляли

стал редким гостем. Общий ажиотаж ОАВУКа подхлестывал и его, но он убеждал себя не торопиться. Однажды на вопрос Курисиса, когда же думает он кончить свой проект, Сергей ответил:

– Я не хочу, чтобы мой планер был первым. Я хочу, чтобы он был лучшим...

13 апреля 1924 года в двенадцать часов дня открылась первая конференция планеристов города Одессы. Королев сидел, слушал доклад Фаерштейна: он рассказывал о первых шагах планеризма на Украине. Ровно через тринадцать лет, день в день, в большой аудитории Политехнического музея Королев слушал доклад профессора В.П. Ветчинкина «Межпланетные путешествия». Профессор рассказывал о скоростях, необходимых для удаления от Земли, приводил расчеты масс горючих веществ, рисовал схемы ракет и двигателей. Ровно через тридцать семь лет, день в день. Главный конструктор Королев слушал рассказ космонавта Гагарина: он рассказывал о первом полете человека в космос...

Уже в те годы в характере юного Королева начинает проступать, намечаться редчайшее, фанатическое, всесокрушающее упорство, умение подчинять, а если надо, ломать все мешающие ему обстоятельства, подминать под себя, держать, не выпускать на волю отвлекающие порывы, умышленно доводить себя до духовного аскетизма, жертвуя всем ради поставленной цели, – все те качества, которые так понадобятся ему в будущем.

Главной целью тогда был планер, будущая работа в авиации. Он уже решил, что будет строить аэропланы и летать на них. Здесь колебаний не было. Стройпрофшкола делала из него строителя. Он благодарен ей за математику, физику, сопромат, но строителем он не будет, это решено. Тем обиднее, что надо отвлекаться сейчас на выпускные экзамены, убивать над учебниками часы, которые можно было бы отдать планеру...

Новый год, который так весело встретили на Старопортофранковской, начался трудно. В январе прилетела из Москвы черная весть: умер Ленин. Это было неожиданно. Знали, что Ильич тяжело болен, но в последнее время Сергей часто слышал: «Ему лучше...», «ходит на прогулки...», «читает...» Все надеялись, что дела пошли на поправку. Ведь совсем, кажется, недавно послали они ему в Горки свое письмо:

«Первое общегородское собрание Одесского Губотдела Общества авиации и воздухоплавания Украины и Крыма приветствует Вождя Мировой Революции, дорогого Ильича, и желает ему скорейшего выздоровления. Трудящиеся Одессщины в настоящее время прилагают все усилия к созданию могущественной эскадрильи Вашего имени в надежде увидеть Вас

у штурвала Головного самолета Всемирного Красного Воздушного Флота...»

И вот его нет... Кто же теперь возьмет в руки штурвал революции? Все тогда думали об этом...

Ближе к весне всякие неприятности посыпались на стройпрофшколу. Вечно хмельного директора Бортневского наконец сняли, хотя он, собственно, и не мешал никому, вверив бразды правления Александрову. Новый директор в отличие от старого, раба Бахуса, оказался жрецом Афродиты и вскоре был застрелен каким-то потерявшим голову ревнивцем. Слухам, сплетням и пересудам не было конца. Все это мало способствовало нормальной школьной жизни, особенно перед выпускными экзаменами. И все-таки Александров не сдавался, он верил в этих ребят и не оставлял своих педагогических экспериментов.

– Почему мы должны превращать наши зачеты в этакое священнодействие? – говорил он. – Стол под зеленым сукном, экзаменаторы словно судьи, дрожащие ученики. Почему? Обстановка должна быть такой, чтобы человек не волновался, чувствовал себя раскованно, свободно...

Так родилась идея знаменитого александровского чаепития. В день последнего зачета по физике стены одного из классов завесили принесенными из дома коврами, тут же стоял мягкий диван (его тоже притащили из дома), на котором восседала комиссия: Александр Георгиевич Александров, Владимир Петрович Твердый и Федор Акимович Темцуник. Перед ними накрытый скатертью стол, огромный двухведерный самовар, блюдо с пирожками, сахар. Лидочка Гомбковская суетилась вокруг стола, разливала чай, угощала пирожками.

Войдя в класс, Сергей сначала удивился, потом разозлился. Он был противником идеи этого чаепития, и теперь вся затея показалась ему еще более фальшивой. Звякнув ложечкой, отодвинул от себя стакан, налитый восторженно порхающей Лидочкой.

– Вот, кстати, – сказал Александров мягким, несколько даже ленивым голосом, не скажете ли вы, почему ложечка в стакане кажется нам как бы переломанной?

Сергей ответил.

– Представим, что этот ковер освещен красным светом, – это уже Твердый задает новый вопрос. – Как изменится при этом цвет его узоров и почему?

Сергей исподлобья косится на ковер, думает, отвечает. Лидочка пододвигает тарелку с пирожком. Сергей машинально кусает. Пирожок с вишнями. Вкусный, черт! Но как же это все-

таки глупо выглядит: сидит здоровенный парень на экзамене, жует пирожки...

– Вам приходилось летним лунным вечером прогуливаться по берегу моря? – с улыбкой спросил Александров.

«Ну, это уже чересчур! На что он намекает? Опять на дом „шесть и шесть“?»

Сергей покраснел, с трудом выдавил из себя:

– Допустим, приходилось...

– Вы, в таком случае, не могли не заметить лунной дорожки на воде, правда?

– Ну верно... Есть дорожка...

– Вот и отлично! А теперь подумайте, почему, куда бы вы ни шли, дорожка эта идет прямо к вашим ногам?

«Вот оно что... А я уж подумал...» – Сергей улыбается и молчит. Что-то шипит Лидочка, чайными ложечками стучит, старается подсказать, а он улыбается кому-то, глядя сквозь учителей.

– Чему вы, собственно, улыбаетесь? – недоуменно спрашивает Темцуник.

– Так... – отвечает Сергей, и лицо Ляли исчезает...

Незадолго перед экзаменами Юра Винцентини заболел скарлатиной, и Лялю переселили к другу отца на Нарышкинский спуск. Так она стала соседкой Калашникова, известного всей Одессе под кличкой «Жоры с Нарышкинского спуска». Впрочем, это обстоятельство не дало ему никаких преимуществ перед соперниками Назарковским и Королевым.

Ласковыми синими вечерами они ходили на свидание втроем. Лялина комната была на первом этаже. Разумеется, можно было позвонить и войти, как делают все нормальные люди, но они предпочитали окно. Подсаживая друг друга, карабкались на широкий белый подоконник. Сколько вечеров просидели они в этой комнате, в густой синеве южных сумерек, подолгу не зажигая огня, переговариваясь приглушенными голосами, замолкая в длинных паузах? О чем говорили они? Это трудно вспомнить, но еще труднее передать словами на бумаге. Да и так ли уж важно, о чем они говорили? Они были влюблены. Звуки и тишина, свет и мрак, движение руки и поворот головы, звонкие шаги у окна, разговор листьев с ветром, прищуренные глазки звезд – все имело свой особый смысл, который вдруг открывается тебя в некий, ни от кого не зависящий срок.

Они сидели долго – три влюбленных мальчишки – и не делали секрета из того, что хотят пересидеть друг друга. Первым обычно не выдерживал Назарковский.

– Ляля! Я могу уйти спокойно, – говорил уже с подоконника

Жорж. – Эти люди мои друзья, я просил их оградить вас от всех опасностей, и я уверен...

– Хватит болтать! – перебивал Сергей, спихивая Жоржа вниз. – Уходящий да изыдет...

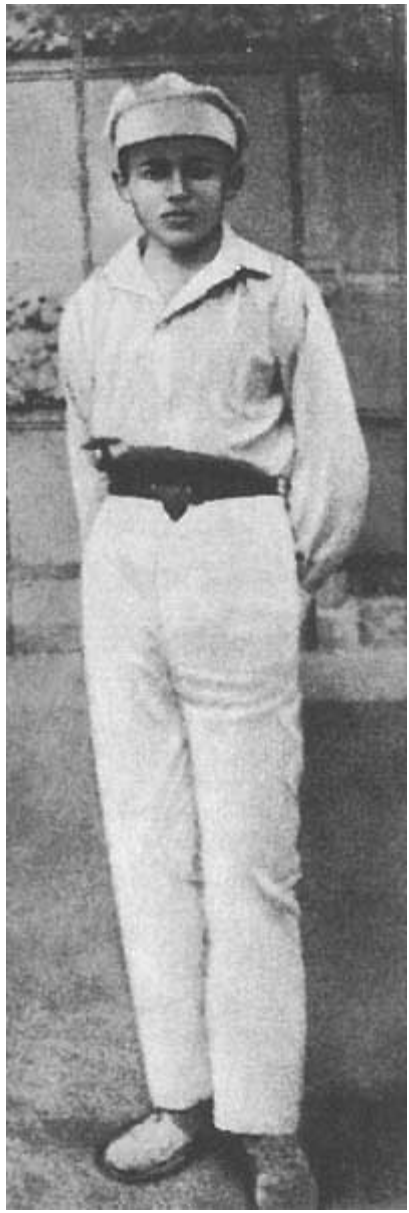
Калашников держался крепко, да и вряд ли кто-нибудь еще в Одессе имел такой запас анекдотов и занятных историй. Но и Калашников умолкал наконец. Длинная пауза.

– Знаешь что? – говорил Жорка. – Пошли вместе...

Бесшумно, как коты, прыгали из окна, разбегались по домам.

Но иногда один из них возвращался, и тогда они оставались с Лялей вдвоем в комнате или шли к морю, и лунная дорожка, строго сообразуясь со всеми законами оптики, бежала им прямо под ноги...

Сережа Королев в Одессе



7

Как и каждого человека, его влекла даль земли, будто все далекие и невидимые вещи скучали по нем и звали его.

Андрей Платонов

Как написано было на перстне Соломона: «Все проходит». Прошли и последние зачеты. Сергей ощутил какую-то внутреннюю пустоту, ни радости, ни чувства удовлетворения не было. Впрочем...

«Справка.

Дана сия т. Королеву С. в том, что он действительно состоял стажером Строй-проф. школы в 1923-24 уч. году и сдал зачеты по следующим предметам: 1) Полит. гр. 2) Русск. яз. 3) Математ. 4) Сопромат. 5) Физика. 6) Гигиена труда. 7) Истор. культ. 8) Украин. 9) Немец. 10) Черчение. 11) Работ, в мастерской».

Однако долгожданной и так необходимой ему полной свободы не было:

«В губкоммунотдел.

Строй-проф. школа № 1 просит предоставить практику окончившему курс теоретических предметов т. С. Королеву».

Эта практика мыслилась как окончательный производственный экзамен будущих строителей. Но найти работу даже квалифицированному специалисту со стажем было тогда совсем не легко, и в губкоммунотделе долго ломали голову: куда же сунуть этих мальчиков и девочек? Наконец придумали: под водительством черепичника Ефима Квитченко новоиспеченным специалистам надлежало отремонтировать черепичную крышу Медицинского института.

«В мединститут.

Согласно вашему отношению за № 1972 от 27-VI с.г. при сем препровождается список 10 чел. стажеров на практику строительных работ при мединституте.

Приложен.: одно.

1) Калашников. 2) Королев. 3) Крейсберг. 4) Винцентини К. 6) Розман. 7) Шульцман. 8) Борщевская. 9) Марченко. 10) Загоровский».

По правде сказать, работали они плохо, били дорогую марсельскую черепицу, делали тяп-ляп, абы отстали, не было никакого настроения работать: зачеты позади, лето, море, теплынь. Они, как веселые нахальные воробьи, сидели стайкой на крыше медина, но понимали, что вот-вот разлетятся и уже ничто и никогда не соберет их вместе, что дурацкая эта черепица – последнее, что связывает их. Мысли эти рождали странное состояние души, когда хотелось сразу и плакать и смеяться. Они то становились серьезными, и Сергей принимался рассказывать о московском конструкторе Андрее Туполеве и его первых замечательных машинах, то вдруг начинали проказничать. Калашников и Королев тут были впереди, носились по крыше, к ужасу прохожих, делали стойки на руках на самом карнизе. Присутствие Ляли придавало всему происходящему какой-то особый острый смысл, будоражило Сергея, с ней становился он какой-то взвинченный, быстрый, запаленный. А то вдруг разом стихал, уходил в себя, как тень ходил за ней, опустив глаза. Однажды, расшалившись на тесном мрачном чердаке, Ляля и не заметила, как забросила свою длинную косу в банку с зеленой масляной краской. Это было что-то ужасное: зеленая коса. Косу обернули газетой, и Сергей нес ее за Лялей – черноглазый паж смиренно шел за своей королевой...

Ляля часто думала о трех мальчишках, которые лазали к ней в окно на Нарышкинском спуске, все старалась выбрать из трех одного и не могла. Каждый нравился ей по-своему, в каждом что-то было. Небрежная артистичность Назарковского, быстрый, веселый ум Калашникова и вот – Королев... Что же было в Королеве? Это, пожалуй, труднее всего определить каким-то одним словом. Была в нем уверенная, спокойная сила, видимый в будущем характер...

Он донес ее зеленую косу до дома, и она поблагодарила его улыбкой.

Летом во время работы на практике Сергей снова начал читать лекции, вести планерные кружки, снова бегал на заводы, в порт, к своим ребятам в Хлебную гавань. За зиму многое здесь изменилось. Появились новые, не знакомые Королеву люди и самолеты. На смену ветхому «Ньюпору-21» и старичкам «девяткам» пришли четыре новенькие, с иголочки «Савойи-62» и трофейный «Австродаймлер».

– Это тебе, Серега, не «сальмсон» вонючий, у них знаешь

какие моторчики? «Фиат»! Слышал? Триста лошадиных сил! – голос Шляпникова дрожал от нескрываемого восхищения. – Ты только вдумайся, силища какая: триста лошадей!

Глаза Сергея заблестели. Интересно, что сказал бы Шляпников, если бы узнал, что этот румяный парень запряжет в свою машину сказочный, разуму не поддающийся табун в 20 миллионов лошадей! 20 миллионов лошадиных сил! – тогда это нельзя было назвать даже фантастикой...

Старые друзья рассказали Сергею, как погиб в Севастополе Русаков, не рассчитал посадку, влетел в ангар, убил себя и механика. Сергей хорошо помнил нервного, быстрого Русакова. Он всегда горячился. Однажды на большой волне погнул поплавок, кричал: «Я отремонтирую его за свои деньги!» Шляпников, помнится, успокаивал его. В тренировочном полете поломал ногу Гарусов, молчаливый интеллигентный человек с тонкими пальцами пианиста... Ампутация. Уехал в Ленинград. Перед отъездом он пришел к Хлебную гавань, оглядел ангар, гидропланы, потом сжал костыли так, что побелели пальцы, и тихо сказал никому, в землю: «Ну вот и все. Прошла жизнь...»

Иногда Костя Боровиков и Саша Алатырцев брали Сергея в полет, но редко: всем было не до него, пришел приказ перебазироваться в Севастополь, и работы всякой было по горло.

– Саш, ну возьми меня, – приставал Сергей к Алатырцеву.

– В другой раз, – улыбался тот. – Даю слово военлета, в другой раз будем кататься на полную железку!

А потом были пыльные булыжники трамвайного круга на Пересыпи и мятый самолет, словно кто-то сжал его в кулаке и бросил в эту пыль как ненужную бумажку. Алатырцева принесли в аптеку. Яркая тонкая струйка крови бежала из уголка рта на грудь. Он был уже мертвый, но совсем по-живому горячий, распаренный, потный. Сашу хоронила вся Одесса.

После гибели Алатырцева вновь, в который раз уже, завела Мария Николаевна разговор с сыном о его будущем.

– Пойми, это опасное, это страшное дело. Гарусову еще повезло – он только ногу потерял. Почитай журналы. Вот я листала твой «Самолет».. Черные рамки в каждом номере. Это очень опасно, сыночек, очень.

– Но почему ты считаешь, что несчастья бывают только в воздухе? – горячился Сергей. – И поезда сходят с рельсов, и просто с лошади люди падают и разбиваются насмерть. Но о летчиках пишут в журналах, а о всадниках не пишут...

– Ты хочешь стать инженером, – продолжала Мария Николаевна. – Прекрасно.

Ты способный мальчик и можешь стать неплохим инженером.

Поступай в политехнический, учись...

– Гри хороший инженер, – перебивал сын, – премии получал. Везде его краны: тут, в Камышбуруне, в Мариуполе, в Николаеве. Как памятники стоят. Но сидеть только за столом над проектами я не могу и не буду. Мне мало поехать и посмотреть на кран, который сделали по моим чертежам. Я сам хочу испытывать свои машины. И в политехнический я не пойду, там нет авиационной специальности. Я пойду в академию Жуковского...

Мария Николаевна заплакала. Он подошел, обнял ее за плечи, ткнулся носом в волосы, сказал очень мягко, но твердо:

– Мама, не мешай мне.

– Хорошо, – глухо, в платок сказала она. – Иди своей дорогой. Но я прошу только об одном: посоветуйся с папой...

В то лето Баланин был в командировке. Вызвали в Москву на утверждение его проектов механизации портовых зернохранилищ. Сергей оккупировал рабочий стол отчима, на чертежную доску наколол ватман с контурами своего планера. В ОАВУКе опять торопили, всем не терпелось увидеть, что там наконструировал Королев. Как и предполагали Козюра с Фаерштейном, во всей этой истории с проектированием количество должно было перейти в качество. Кружки конструкторов вокруг губсекции роились, как пчелы на пасеке. Доглядывать, помогать поспевали только самым энергичным и напористым. Все понимали: для выживания кружков их требуется объединить. Так в июне 1924 года возникла Черноморская группа безмоторной авиации (ЧАГ), а точнее – компания бесконечно спорящих одесских ребят, которые мечтали летать на планерах, сделанных собственными руками. Председателем ЧАГ был избран Жорж Иванов, крикун, необыкновенно энергичный, притащивший в ОАВУК целую ватагу своих друзей. Его заместителем стал Сергей Королев, секретарем – Жорка Калашников.

– Прежде всего необходима полная ясность, – говорил Сергей. – Нам самим надо точно знать, сколько нас, кто, где и чем занимается, чем хочет заниматься, имеет ли для этого достаточную теоретическую подготовку, располагает ли нужной производственной базой, материалами и людьми. Мы должны распределить свои обязанности, не дублировать друг друга, но помогать все каждому...

Через несколько лет после смерти Королева заслуженный врач республики Г.П. Калашников вспоминал:

– Уже в те годы у Сергея была необыкновенная способность быстро и четко поставить людям задачи...

На первом же заседании ЧАГ Сергей рассказал о своей работе над планером. Сначала смущался: как-то неловко говорить о себе,

потом огляделся – да все же свои ребята, – осмелел и заикаться перестал. Иванов, который тоже конструировал гидропланер, ревниво задавал вопросы.

Это было самое первое выступление конструктора Сергея Павловича Королева, первое из тысяч за четыре десятка лет – на всех и всяких летучках, планерках, советах, комиссиях, обсуждениях, защитах, разборах, заседаниях, коллегиях, судах и митингах.

В протоколе первого заседания ЧАГ так и записали:

«Слушали: о чертежах т. Королева.

Постановили: предложить т. Королеву в кратчайший срок закончить разработку сухопутного безмоторного самолета».

Потом чаговцы выпросили на бывшем заводе Анатры три старых мотора «Гном», крылья и фюзеляж разбитого «фармана», как мыши, тащили в свою нору каждую завалящую железку.

– Про запас, – улыбался Сергей, – начнем сами строить самолеты, все пригодится.

Леонид Курисис первый рассказывал в ОАВУКе о своем планере. Развесили чертежи, достали указку. Народу на доклад пришло много, и народу понимающего: Фаерштейн, Лавров, Боровиков, Селезнев – преподаватель железнодорожного техникума, старые знакомые из ГИДРО-3 Шляпников и Долганов.

Курисис доложил проект. Фаерштейн, ерзая на стуле, еле дождался, пока Курисис закончит.

– Это замечательно! Мы должны немедленно начать постройку планера! Можно начинать в Январских мастерских, можно на Стрельбищенском поле, где мы строили планер по чертежам Арцеулова. Главное – начать! – Фаерштейн готов был аплодировать любой «первой ласточке» губсекции уже потому, что она первая. Он уже видел этот несуществующий планер на Всесоюзных соревнованиях в Коктебеле, уже слышал восторженно-почтительные шепотки: «Это из Одессы... Из Одессы!»

Лавров охладил его пыл, указал, что конструкция нуждается в некоторой доработке. И тут вдруг протянул руку Королев:

– Мне хочется обратить ваше внимание на профиль крыла этого планера... Сергей говорил прямо, не очень заботясь о безболезненной округленности своих критических выпадов, но и без запала, не торопясь, аргументируя каждое замечание. За его спиной переглядывались: никто не ожидал такого от этого краснощекого тихони.

Сергея поддержал Василий Долганов. Решено было с постройкой планера повременить, поручить автору проекта «доработать в свете замечаний».

– Ты не боишься, что Курисис гробанет теперь твой проект? – спросил Долганов Королева, когда заседание окончилось.

– Не боюсь. Может, он что дельное подскажет, а начнет придираться – отобьюсь. У меня расчеты, а тут цифры важнее всяких слов...

Теперь часто Сергей укладывался на свой красный диван в гостиной, когда за окнами было уже совсем светло: не терпелось доделать планер. Иногда приходил помогать Валя Божко, обводил малиновой тушью чертежи, штриховал разрезы. Авиация его не увлекала, вернее, он не мог себе позволить увлечься ею, понимал, что летать он не сможет. Это сейчас можно создавать авиационные конструкции и ни разу не подняться в воздух даже в качестве пассажира. А в те годы, если человек говорил: «Я работаю в авиации», – то само собой подразумевалось, что он непременно летает. Единственным исключением был, пожалуй, только Н.Е. Жуковский, ни разу не летавший на самолете...

Обычно Сергей даже радовался, когда Баланин уезжал в командировку, но сейчас он чувствовал, что ему иногда не хватает отчима: он многое мог подсказать, а если и не знал чего – порекомендовать книгу, справочник, методику расчета, формулу. Сергей терял время именно на книжные поиски, ожесточенно листая страницы, что-то шептал себе под нос, потом, отложив книгу, думал, нетерпеливо постукивая по столу лекалом, и снова листал страницы.

В ОАВУКе спросили:

– Как назовешь?

В те годы планеры крестили позвончей, поэффектней: «Дракон», «Дедал», «Колибри», «Одна ночь». Королев ответил:

– К-5.

В июле проект был наконец готов. Защита такая же, как у Курисиса, без всяких скидок на то, что тот был студентом Политехнического института (без пяти минут инженер), а этот – подручный черепичника.

Замечания были, но по мелочи. Встал Курисис:

– Считаю, что Королев сделал зрелый проект, по которому можно строить планер...

Сердце запрыгало в груди: «Будут строить!»

– Правильно, – сказал Фаерштейн. – Немедленно надо утвердить в Харькове и строить...

«Трудящийся, строй свой возд. флот. В центральную спортсекцию.

Препровождая при сем проект планера Королева и объяснительную записку, прошу проверить расчет и прислать возможно скорее обратно.

Приложение: 12 листов чертежа и объяснительная записка.

Предс. Губспортсекции: Фаерштейн».

А дома с мамой опять эти тягостные разговоры: «Что дальше?» – «А что дальше? Дальше строить, испытывать, летать».

– Может быть, все-таки Одесский политехнический? – робко спрашивала она.

– Нет. Если так, я пойду на завод...

– Ну зачем так, сынок... Значит, все-таки в академию?

– Да...

– Но я узнавала, в академию берут кадровых военных людей с опытом, с образованием...

– Я кончу школу... И у меня планер...

– Хорошо, – Мария Николаевна с волнением встала из-за стола. – Я поеду в Москву, мы с папой все узнаем...

Она действительно поехала в Москву и добилась приема у какого-то крупного начальника академии. Человек с ромбами в петлицах слушал внимательно, потом спросил:

– Сколько лет вашему сыну?

– Семнадцать. Восемнадцатый пошел...

– Молод... В армии не служил? Ведь у нас на первом курсе младшие командиры...

– Он окончил строительную школу...

– Да что школа. – Он откинулся на спинку кресла.

– И вот еще. – Она протянула через стол бумажку.

> «Удостоверение.
>
> Настоящим Губспортсекция Одесского губотдела ОАВУК удостоверяет:членом Губспортсекции тов. Королевым Сергеем Павловичем представлен сконструированный им проект безмоторного самолета К-5. Проект этот был представлен в Авиационно-технический отдел Одесского Губотдела ОАВУК и согласно постановления Президиума АМО от 4/VIII за № 4 признан годным для постройки и переслан в Центральную спортсекцию в Харьков на утверждение. Тов. Королевым представлена была подробная расчетная – объяснительная записка на одиннадцать листов чертежей...»

«Ох, уж эти мне грамотеи одесские!» – Он улыбнулся, косясь на ошибки, и сказал:

– Ну вот это меняет дело. Однако своею властью разрешить вашему сыну поступить в академию я не могу. Оставьте документы. Доложу начальству. Будет решение – известим...

Вернулась она в Одессу вместе с Григорием Михайловичем.

Сергей, радостный, гордый, рассказывал ему о заседании в ОАВУКе. Григорий Михайлович слушал внимательно, но думал не о планере: «Может быть, я не прав был, когда настаивал, чтобы он бросил эту свою авиацию. Новое, бурно прогрессирующее дело, и он любит его, это видно... Чем старше становишься, тем с большей охотой начинаешь примеривать молодых по себе. Почему? И зачем? У них своя дорога...»

– Итак, значит, аэропланы, – сказал отчим, открывая чрезвычайное заседание семейного совета. – Что ж, если ты решил идти в авиацию, иди.

– Дядя Юра прислал письмо. – Мария Николаевна вынула из конверта листок бумаги. – Кстати, он пишет, что в Киевском политехническом открылось авиационное отделение, и зовет тебя в Киев.

Она немножко хитрила. Совсем не случайно пришло письмо из Киева. Сама написала старшему брату, делилась своими тревогами. Юрий поехал в КПИ, все разузнал, прислал ответ.

– Киевский политехнический – прекрасный институт...

Сергей улыбнулся: отчим кончал КПИ.

– Можешь обвинять меня в квасном патриотизме, – засмеялся Баланин, – но это действительно так. Отличная профессура, традиции...

– У авиации нет традиций, – буркнул Сергей.

– Не знаешь – помалкивай, – обернулся отчим. – Я сам не видел, но помню, мне рассказывали, как профессор Делоне построил планер и летал на нем со своими сыновьями, такими же сумасшедшими, как ты... Почему в Одесском политехническом нет авиационного отделения, а в Киевском есть? А? Нет, дорогой, на пустом месте, вот так «вдруг» в технике редко что родится...

– Но все-таки мне хотелось бы полной ясности с академией, – упрямо сказал Сергей.

– Не убежден, что надо ждать ответа из Москвы, – задумчиво сказал Баланин. – Тем более никакой уверенности, что ответ будет положительным, нет...

Сергей не находил себе места. Бродил по городу, иногда часами бродил по берегу, купался один в камнях. Однажды в Аркадии заплыл далеко и вдруг увидел женскую голову. Обернулся еще раз – нет головы! Он сам чуть не захлебнулся, когда тащил ее, вяло цепляющуюся за его шею, тащил и кричал, пока их не втянули в шлюпку. Ее откачали уже на берегу.

– Кто он, мой спаситель? – спросила она наигранным театральным голосом. – Я хочу видеть его...

Сергею стало почему-то неловко, он ушел...

Сегодня в школе выдали свидетельство:

«Настоящее свидетельство выдано Королеву Сергею Павловичу родившемуся в 1906 году 30-го декабря, в том, что он обучался с июля 1922 г. по 16 августа 1924 г. в Строй-проф. школе № 1, за время пребывания в школе усвоил все дисциплины, установленные уч. планом, и выполнил практические работы по черепичной специальности».

Вот и все. Теперь прощай, Одесса! На душе было тоскливо, одиноко. После этого до отказа набитого заботами и волнениями лета, после выпускных зачетов, крыши медина, проекта, вдруг он окунулся в какую-то праздную пустоту. Несколько дней он ничего не делал, ни-че-го! К этому он не привык. Харьковские бюрократы все тянут с ответом. Планер не строят. А чего там тянуть: грамотному инженеру разобраться – два часа работы. Академия тоже молчит, а он все ждет. Ребята носятся как очумелые – Валя, Жорка, Володька Бауэр уже отнесли документы в строительный. Ляля получила путевку в химико-фармацевтический... Ляля останется в Одессе? А он уедет.

Объяснение их происходило на ступеньках Торговой лестницы. Сергей, потный, с красными пятнами по лицу, просил ее стать его женой. Она ответила, что не думает о замужестве, что хочет учиться, надо кончить институт и... Конца он не дослушал, умчался.

Объяснение на Торговой лестнице было последней каплей, переполнившей еще такую мелкую в те годы чашу его терпения. Нет, теперь он уж ни за что не останется в Одессе! Ни за что! Москва молчит? Отлично! Он не собирается всю жизнь ждать их ответа! Он едет в Киев! Это окончательное решение. Отослал документы. Сдавать вступительные экзамены ему было не нужно: справка из стройпрофшколы освобождала от экзаменов.

Собрался быстро, да и что ему было собирать? Хотел было взять на память чернильницу из гильз – подарок одного парня с электростанции, да раздумал: тяжелая. Чемоданишко получился легонький – первый в жизни чемодан. Он и потом всегда путешествовал налегке: в 1939-м – на восток, в 1945-м – на запад, в 1953-м – на север, в 1957-м – на юг... Провожали мама и отчим, говорили обычные слова:

– Одевайся теплее, дело к осени... Не забывай... Пиши...

Последнее, что он увидел на перроне, – лицо матери в слезах. Она быстро шла за поездом. А позади краснел лозунг: «Дым труб – дыхание Советской России!»

Потом он сидел на лавке и смотрел в окно на желтые кукурузные поля. Что же будет с ним там, в Киеве? И потом

дальше? Крылья. Это обязательно. Крылья будут, небо будет. Будет жизнь...

8

Трудности порождают в человеке способности, необходимые для их преодоления.

Уэнделл Филлипс

Он заново открывал Киев. Кажется, и срок уж не такой большой – семь лет, а он ничего не узнает. Нет, узнает, конечно. Вот тут, на Некрасовской, несся он в «казачьей лаве» окрестных мальчишек, преследуя шайку «разбойников». И Прорезную он помнит, Галицкий базар, и Труханов остров – ну, конечно, тотчас узнал его, но воспоминания эти выплывали как будто не из прошлой яви, а из далекого, казалось, навсегда забытого сна. Семь лет... Это огромный срок, если тебе семнадцать.

Встретили Сергея хорошо.

– Вот это да! – кричал дядя Юра. – Вот это удивил! Маруся пишет: «Встречай Сережу», ну я так и представляю себе – черноглазенький, длинноволосенький, в кружевном воротничке, лорд Фаунтлерой, а это ж мужик, грузчик одесский!

Он хлопал племянника по широкой спине, толкал в плечо, затевая неуклюжую возню – самое искреннее, что придумали мужчины для выражения дружеских чувств.

Дядя Юра жил на Костельной, зеленой, очень круто бегущей вверх улочке, если шагать от Крещатика. Квартира была тесноватая, три комнаты: спальня, столовая, детская. Сергей разместился в прохладной столовой на диване. Диван он любил: можно было уютно ткнуться носом в мягкую спинку, но сразу решил, что жить у дяди Юры он не будет – стеснять не хотел. А главное даже не в его деликатности, а в том, что теперь, когда мама и Гри далеко, вдруг остро захотелось полной взрослой самостоятельности, захотелось своего ключа в кармане: уходи, приходи, когда душе угодно, читай до утра, а то вовсе днем спи, а ночью гуляй...

Но он ничего не сказал дяде Юре, решил: «Устроюсь сначала с институтом, а тогда и об угле подумаю». Главной заботой было узнать, все ли в порядке с приемом, выведать все насчет авиационной специальности.

Скрежещущий и скрипящий, как корабль в бурю, трамвай, мотаясь из стороны в сторону, за три копейки дотащил его от Крещатика по Бибиковскому бульвару к широко, просторно разбросанному парку, за деревьями которого виднелось большое

здание дорогого желтого кирпича. От центральной трехэтажной части его, с маленькими башенками по углам и фигурной кладки карнизами, отходили двухэтажные крылья, охватывая уже начавшую желтеть лужайку. Глядя на широкие, с легкой кривизной по своду окна, Сергей глазом строителя оценил замысел архитектора, который, видно, думал о назначении своего здания, стремясь дать классам больше света. И тут же мысленно поправил себя: не «классам», а «аудиториям», ведь этот и есть КПИ.

Да, это и был КПИ, Киевский политехнический институт имени Раковского, куда Сергей Королев послал документы.

Еще в трамвае подумал он, что какой-нибудь бумажки будет обязательно недоставать, что непременно потребуются дополнительные доказательства, что он – это он. Так точно и получилось. Свидетельство стройпрофшколы действительно освобождало его от приемных экзаменов, но для поступления, оказывается, требовалась еще командировка. Сергей очень плохо представлял себе, что это за командировка.

– Эту командировку вам может дать губотдел профсоюза, – подсказала женщина-секретарь в ректорате. – Ведь вы же член профсоюза?

– «Кто не член профсоюза, тот паразит», – с улыбкой процитировал Сергей ходкий в то время лозунг.

Она не засмеялась, вытащила из ящика стола бумагу.

– А теперь напишите заявление, но подробное, укажите, почему вы хотите у нас учиться, – она протянула ему листок.

Сергей сел за стол, подумал и принялся сочинять:

«В Киевский политехнический институт от Королева Сергея, окончившего 1-ю строительную профшколу.

Заявление

Прошу принять меня в КПИ, окончил в настоящем году 1-ю строительную профшколу в Одессе...» Что же дальше-то писать? Пошарил пером в чернильнице и продолжал: «Отбыл стаж в ремонтно-строительных работах по квалификации подручного черепичника...» Вот так хорошо придумал: «отбыл стаж». А что за стаж, как долго отбывал – туман. Впрочем, что я все жму на строительную специальность? Ведь иду-то я на авиационное отделение, а сам все о черепице расписываю... «Год и 8 месяцев работал в Губотделе Общества авиации и воздухоплавания, принимал участие в конструктивной секции авиационно-технического отдела». Вот это уже солидно выглядит. А если и про планер написать? А что? В конце концов не украл я его. Напишу все как есть... «Мной сконструирован безмоторный самолет оригинальной системы „К № 5“. Проект и чертежи, после

проверки всех расчетов, приняты отделом ОАВУК, признаны годными для постройки и направлены в Центральный отдел в Харькове...» И про кружки напишу, все так все. «Кроме того, в течение года я руководил кружками рабочих управления порта и на заводе им. Марти и Бадина. Все необходимые знания по отделам высшей математики и специальному воздухоплаванию получены мною самостоятельно, пользуясь лишь указанием литературы специалистов технической секции ОАВУК». Ну, теперь, пожалуй, достаточно. Пусть знают, с кем имеют дело. Как же кончить? А если так? «В силу вышеизложенного прошу дать возможность продолжить мое техническое образование. При сем прилагаю документы...» Перечислил аккуратно все бумажки...

Он ездил теперь в КПИ каждый день: в незнакомом городе друзей не было, и к тому же все время надо было еще что-то писать, заполнять, проходить медкомиссию. Ответа на срочный запрос в Одессу пока не было, он уже начинал волноваться. А вот тут опять подсунули какую-то бумагу. Анкета. Надо заполнять. Дошел до графы «Национальность» и задумался. Действительно, а кто он, собственно, по национальности? Отец как будто бы был русским, а мама? Дед – тот уж точно украинец, да и бабушка тоже, конечно. Значит, мама украинка. А он? Русский или украинец? В доме говорили по-русски. С ребятами говорил по-русски. Все преподавание тоже по-русски. Украинский учили, но говорил по-украински он плохо. В общем-то можно писать и так и этак. Но раз он в Киеве, лучше, пожалуй, написать: «Украинец».

Социальное положение. Подчеркнул: «Учитель». И дописал: «Лектор».

Основная профессия: «Лектор-стенограф».

Общественная политическая работа: «С июня 1923 года активный руководитель рабочих кружков на заводах им. Марти и Бадина, Чижикова и Одвоенморбазы».

На чьи средства живете: «Лекционная оплата».

Сколько времени живете собственным трудом: «Три года».

Место последней работы: «Губотдел ОАВУК».

Снабжен ли средствами к существованию и на какой период, сумма: «Снабжен до ноября с.г.»

Имеет ли квартиру по месту вуза: «Да».

В строках этой анкеты, написанной по-украински (очевидно, чтобы убедительнее выглядела графа о национальности) в этом наивном «лектор-стенограф», в нескромном «активный руководитель», в маленькой, невинной в общем-то лжи, – помилуйте, откуда же появились «три года» собственной трудовой жизни? – во всем этом такое горячее желание остаться в этом просторном кирпичном доме, начать действительно

«собственную трудовую жизнь», убедить всех еще неведомых ему судей, решающих его судьбу, что мальчишеский пушок на его розовых щеках не помеха, что он тоже сможет, выдюжит.

И еще одна маленькая интересная деталь. Препровождая чертежи Королева в Харьков, Фаерштейн называет К-5 планером. В удостоверении ОАВУК, написанном для Академии Жуковского, надо думать, самим Королевым, планер называется уже «безмоторным самолетом». В заявлении с просьбой принять в КПИ опять – «безмоторный самолет». Почему? С одной стороны, новый термин звучит солиднее: какой-никакой, но все же самолет, а не планер. И натяжки вроде бы нет, ведь одна из статей тех лет в журнале «Вестник воздушного флота» так и называлась – «Планер – безмоторный аэроплан». А с другой стороны, кто знает, быть может, Королев, проектируя свой первый летательный аппарат, рассчитывал в дальнейшем установить на нем мотор и превратить действительно в самолет? Эту гипотезу в начале 80-х годов выдвинул исследователь творчества Королева, доктор технических наук Георгий Степанович Ветров. И она представляется весьма обоснованной. Ведь, как мы увидим, почти все свои конструкции Королев создавал «с дальним прицелом», – это относится и к планерам 20-х годов, и к ракетам 60-х.

Сергей Королев был действительно одним из самых молодых кандидатов в первокурсники Киевского политехнического института. Таких румяных и юных тут было мало.

Известно, что до революции существовали так называемые «вечные студенты», ухитрявшиеся пребывать в этом звании до десяти и более лет. Империалистическая, а затем гражданская война и вовсе поломали нормальный ход учебного процесса. После революции первый прием в КПИ был в 1920 году. Но какие-то «старички» оставались. До 1922 года был установлен трехлетний срок обучения, затем – четырехлетний. В 1921 году начал работать рабфак и нулевой семестр. Сергей Королев поступал в КПИ одновременно с группой рабфаковцев приема 1922 года. Многие из них не только не изучали историю античной драмы и сопромат, как Королев в одесской школе, но еще два года назад попросту не умели читать. Это были рабочие и крестьяне – вчерашние солдаты, пришедшие на студенческую скамью из огня гражданской войны. Теперь в КПИ были и «профессиональные» студенты в изношенных форменных тужурках, в пенсне, ироничные, надменные и безмерно ленивые; и вчерашние рабфаковцы, здоровые, угловатые, очень еще темные, но мертвой хваткой вцепившиеся в книги, с неистребимой, нет, не любовью, а страстью к знаниям; и разные «командированные» по профсоюзным разверсткам, среди которых

были и желторотые юнцы, и неплохие, уже сложившиеся специалисты – мотористы, механики, путейцы, люди с рабочим опытом, с солидным стажем. Были и молоденькие сыновья нэпманов с замашками купчиков – маленькая стайка легоньких, напомаженных бриллиантином, сытых молодых людей. Но при всем этом социальном разнообразии, таких, как Сергей Королев, со школьной скамьи сразу шагнувших в высшую школу, было тогда меньшинство. То, что стало нормой через пять—десять лет, в те годы считалось исключением. Не видя вокруг одногодков, понимая, что вряд ли отыщутся здесь такие ребята, как Валя Божко, как Жорка Калашников, Сергей не то чтобы приуныл, а как-то притих. Обида на Торговой лестнице быстро забылась. Он написал Ляле длинное подробное письмо и теперь с нетерпением ждал ответа – каждое утро, засунув руку в почтовый ящик, ощупывал его изнутри, ему все казалось, что письмо как-то там зацепилось, воткнулось в какую-то щелку и не вываливается.

Человек необщительный, он в первые киевские недели вовсе замкнулся, бродил в одиночестве по просторному и еще пустынному зданию, заглядывал в аудитории и кабинеты, присматривался, обвыкал. Однако Королев не был бы Королевым, если бы процесс этого одинокого обвыкания затянулся. Перезаряженный энергией, он жаждал творческого контакта, чтобы отдать делу свою энергию.

В ту осень в КПИ была организована небольшая, но весьма любопытная авиационная выставка, сразу заинтересовавшая Королева. Разглядывая экспонаты, он вспоминал слова отчима об авиационных традициях и убеждался, что Гри был прав.

Оказалось, что первый воздухоплавательный кружок организовался в КПИ, когда Королев только родился, – в 1906 году. Его вице-президентом был тогда студент КПИ Викториан Флорианович Бобров, который к 1924 году стал ректором института. В 1909 году профессор КПИ Николай Борисович Делоне, один из талантливых учеников Жуковского, действительно сконструировал с сыновьями балансирный планер – биплан. Он даже выпустил тоненькую книжку «Как построить дешевый и легкий планер и научиться летать на нем». Делоне был заворожен публичной лекцией Николая Егоровича Жуковского, который приехал в Киев осенью 1908 года. Уже полетел самолетик Райт – все только и говорили об отважных братьях, и народу на лекции Жуковского было столько, что в проходах стояли. Лекция прерывалась сухим треском синематографического аппарата, и на белый экран выплывал дирижабль графа Цеппелина, подрагивая, выбегали аэропланы Блерио и Фармана. Были показаны соревнования аэронавтов в

Бордо, полет Вильбура Райта, парижский воздухоплавательный парк и другие чудеса. Делоне с сыновьями был не единственным, кого увлекли идеи его учителя. Примерно в те годы строил свои самолеты и Александр Сергеевич Кудашев, «исправляющий должность», как говорили тогда, экстраординарного профессора КПИ по кафедре устойчивости сооружений. Им было создано четыре самолета довольно удачной конструкции с двигателями мощностью 25-50 лошадиных сил. От учителей увлечение воздухоплаванием перешло к ученикам. Собирались группами, вместе конструировали, вместе строили. На покупку моторов и материалов требовались довольно значительные суммы, и, наверное, студентам-авиаторам пришлось бы очень туго, если бы среди энтузиастов не оказалось Федора Былинкина и Игоря Сикорского. Первый был сыном богатого купца, второй – известного киевского профессора-психиатра. Они и раздобыли деньги, организовали на Куреневке специальную мастерскую. Мастерская вскоре окрепла настолько, что даже принимала заказы на постройку самолетов. Былинкин строил самолеты по схеме братьев Райт, а Сикорский, рано угадав свою будущую славу знаменитого конструктора вертолетов, увлекся постройкой геликоптеров, испытания которых прошли неудачно, поскольку машины эти не имели механизма перекоса и органов управления. Бесспорно талантливым конструктором был и третий студент КПИ Василий Иордан, у которого не было богатого папы, но была изобретательная голова и умелые руки. Былинкин и Сикорский построили несколько самолетов собственной конструкции и два самолета БИС (Былинкин, Иордан, Сикорский) – плод совместного труда молодых авиаторов.

Воздухоплавание быстро входило в Киеве в моду. Материальная поддержка авиаторов состоятельными людьми стала признаком хорошего тона, прогрессивных взглядов и деловой смелости. Желая идти «в ногу с эпохой», богатый сахарозаводчик Карпека с гимназических лет поощрял авиационные увлечения своего сына Александра, который построил еще три самолета. Стремясь и здесь не отстать от своего конкурента, самолеты строил и другой сахарозаводчик-миллионер – Терещенко. Чего здесь было больше: искреннего увлечения, ревнивого честолюбия или деловой дальновидности, сказать трудно, но киевский «авиационный бум» 1909-1911 годов все равно с технической точки зрения был явлением наверняка прогрессивным и позволяет говорить о киевской школе авиационных конструкторов. «Этот творческий путь от первых полетов в 1910 году, – писал известный советский историк авиации Шавров, – привел киевских конструкторов через года к

созданию невиданных в то время самолетов-гигантов „Русский витязь“ и „Илья Муромец“.

В 1916 году в Киев приезжал Каннинг. Еще в 1893 году калужским гимназистом, он познакомился с Константином Эдуардовичем Циолковским и стал горячим пропагандистом его идей. С 1909 г. Каннинг выступает уже как доверенное лицо великого калужанина, на его визитной карточке значится: «Павел Павлович Каннинг. Ассистент К.Э. Циолковского». Он помогает Циолковскому во многих организационных делах, в которых Константин Эдуардович был человеком довольно беспомощным. Как отмечает Циолковский, только «при материальном содействии П.П. Каннинга» ему удалось запатентовать свои изобретения в России, Германии, Франции, Бельгии, Австрии, Италии, Англии, Швеции и Соединенных Штатах Америки. В Киев Каннинг привез модели дирижаблей Циолковского и прочел студентам КПИ лекцию о металлическом аэростате. Тогда же студента Федорова избрали представителем Циолковского по делам воздухоплавания в Киеве и он вел с Константином Эдуардовичем деловую переписку.

Осматривая авиационную выставку в КПИ, молодой Сергей Королев понимал, что создание авиационной специальности на механическом факультете – дело не случайное, что на смену разобщенным усилиям талантливых, зависящих от меценатов одиночек должен был прийти организованный и финансируемый советской властью коллектив.

И этот коллектив уже существовал. Душой его были ректор КПИ Бобров, профессор Делоне, академик Граве, профессора Штаерман и Синеуцкий. Их инициатива находила горячую поддержку, среди студентов было немало людей, серьезно увлеченных авиацией, и даже профессиональных в прошлом летчиков. В этой компании бесспорно выделялись своей напористой энергией Константин Яковчук, Дмитрий Томашевич и Николай Железников.

Лаборатории и мастерские КПИ сильно пострадали в годы войны и разрухи. Начинали на пустом месте с минимумом средств и материалов. Но начали! И сделали! И как раз в те дни, когда одинокий, никому не известный Сергей Королев бродил по зданию института, здесь шла лихорадочная подготовка к отправке в Коктебель на II Всесоюзные планерные состязания первенца планерного кружка – планера КПИР. Разумеется, Сергей тут же пришел в кружок. В душе его теплилась надежда, что, может быть, и ему удастся поехать в Крым, увидеть лучшие планеры, познакомиться с известными летчиками, а главное, научиться самому летать на планере. Преодолевая смущение, он

рассказал в кружке о своем проекте, но тут же понял, что рассказ его никому не интересен, что неведомый проект, пылящийся где-то в далеком Харькове, – ничто по сравнению вот с этим нескладным, с высоким хвостом, с колесами под самым брюхом планером, который они строили с такими трудами и который должен был вознаградить их за эти труды в Крыму. Робкие намеки Королева на поездку в Крым оставались вовсе без внимания или вызывали улыбку: желающих было слишком много и желающих достойных, не день, не месяц проторчавших под лестницей центрального вестибюля, под навесом во дворе, где строился КПИР. Нет, никакой надежды поехать с киевлянами на соревнования у Сергея не было, он понимал это. Неужели и на вторые соревнования не попадет он? Это уж слишком! Тогда послали Курисиса. Курисис привез чертежи планера Арцеулова. Господи, а он привезет все чертежи, какие хотите, на выбор! Но как попасть в Крым? Его денег не хватит даже на дорогу туда. Одна надежда на Одессу. Может быть, старые друзья помогут. 20 августа он пишет в Одессу Фаерштейну:

«Многоуважаемый Борис Владимирович! Напоминая Вам о Ваших словах при моем отъезде, обращаюсь к Вам с просьбой: устройте мне командировку на состязания в Феодосию. Из Киева едет большая группа, и я, как новый человек, настаивать на командировке из Киева не могу. Т.о. я рискую и в этом году не увидеть состязаний, посещение которых дало бы мне очень много, и я с большим успехом мог бы работать в области авиации и планеризма. Надеюсь, что Одесский Губотдел ОАВУК сочтет возможным и нужным отправить меня на состязания, помня мою прежнюю работу по руководству планерными кружками. Кроме того, эта командировка позволила бы мне устроить некоторые мои личные дела и увеличила бы в Киеве влияние и вес Одесского Губотдела. Прилагая при этом марки, надеюсь получить скорейшей ответ по адресу: Киев, Костельная, 6-6. Москаленко для С.П. Королева. Между прочим: я кончу свои дела до 27—8/VIII и тогда смогу выехать, чтобы быть 30-го в Феодосии. Если дело выгорит, то напишите мне, пожалуйста, о деталях моего путешествия: где, как и каким образом это устраивается.

Уважающий вас С. Королев.

Интересно, какова судьба моего проекта и чертежей? С.»

Конечно, на Фаерштейна тоже надежда плохая. Что им теперь Королев? Отрезанный ломоть... Короче, сел между двух стульев.

Сергей нервничал: все было как-то неопределенно. Несколько успокоили его только полученные наконец документы:

«УССР. Правление Киевского Губотдела профсоюза

работников просвещения. 19 августа 1924 года № 10519.

Удостоверение.

Дано сие тов. Королеву Сергею, члену союза работпрос № 13266, в том, что он командируется для поступления в КПИ в счет разверстки ГСПС...»

И на всякий случай, памятуя, что в таких делах, лишняя бумажка не вредит, запасся он еще одним документом:

«Киевский губпрофсовет. Дворец труда. Ул. Короленко 31/33. Августа дня 19.1924 г. № 2959.

В КПИ

Ввиду определенных успехов тов. Королева в работах по авиации приемочная комиссия при ГСПС не возражает против только 1 ?-годичного его стажа по приему на соответствующее отделение КПИ...»

Ответственный секретарь губотдела ОАВУК сделал обрадовавшую Королева приписку на украинском:

«В КПИ. Со своей стороны считаю, что нужно было бы принять в институт на мехфак тов. Королева. Это необходимо еще и из тех причин, что большинство наших планеристов быстро заканчивают институт. А нужно, чтобы энергичная работа планеристов, которую так важно наладить, не тормозилась, а, наоборот, бурно развивалась в интересах развития собственного авиастроения...»

Вот это приятно, значит, все-таки признали в нем своего, планериста. Погодите, он еще покажет, на что способен...

С этих осенних дней 1924 года, неустроенный, почти без денег, весь в сомнениях и надеждах, начал Сергей Королев свою по-настоящему самостоятельную жизнь. Часто развитие его идей и воплощение замыслов зависело от желания и воли других, но никогда сам он не подчинял себя чужим желаниям и чужой воле. Встав на такой путь, человек чаще, чем другие, менее стойкие и убежденные, испытывает горечь разочарований, но зато разочарования эти уже не могут ранить его так, как других.

Вот, к примеру, ответ Фаерштейна. Как ждал он его! Торопливо надорвал синий конверт:

> «Тов. Королеву.
>
> Относительно командировки на Всесоюзные состязания имеется определенное положение, в силу которого для участия в состязаниях избираются правлением ОАВУК т.т., имеющиеся налицо при губспортсекции.
>
> У нас такие выборы уже произведены, и часть участников уже выехала в Феодосию. Остальные

отправляются 30 августа.

Все места, предоставленные Одесской губспортсекции, заняты, средств на дополнительные командировки не отпускается, а потому просьба ваша, к сожалению, исполнена быть не может.

Председатель губспортсекции, член правления Одесского губотдела ОАВУК

Фаерштейн.

23/25 августа 1924 г., гор. Одесса

№ 2362».

Так. Все понятно. Он сложил листок. Все понятно, но почему надо писать так казенно, так бездушно?! Чего стоит кипучая энергия Фаерштейна, горячность его трибунных речей, если за всем этим не видит он человека? Понятно, нет денег. Но ведь так и можно было написать: «Сергей, денег мало, послать тебя – значит переругаться с ребятами, которые хотят поехать не меньше, чем ты, и не меньше тебя достойны этой командировки...» Вот и все. Он бы понял. Так зачем же все эти «имеющиеся налицо», все эти титулы: «председатель», «член правления...»?

Итак, все ясно. В Крым он не едет. Программа на ближайший год: учиться, строить планеры и непременно побывать на третьих соревнованиях, придумать что-нибудь с заработком и, наконец, найти угол, чтобы распроститься с диваном дяди Юры.

Киевский политехнический институт, в котором в 1924—1926 годах учился С.П. Королев

9

Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно.

Данте Алигьери

Жизнь студента Сергея Королева мало похожа на жизнь студента наших дней. Может быть, сегодняшний студент и отыщет в ней запретные для него прелести, но в целом это была несравненно более тяжелая жизнь. Нам трудно представить себе студенческие годы без балов и карнавалов, спартакиад и олимпиад, самодеятельных ансамблей и театральных галерок, без дружеских пирушек и веселых танцулек. У Королева была совсем другая жизнь.

Прежде всего студенты КПИ, поступившие в 1924 году, проходили специальную комиссию, которая распределяла их по соответствующим категориям. В первую категорию входили рабочие, крестьяне и дети рабочих и крестьян. Они освобождались от уплаты за учебу. Вторую категорию, куда как раз входил Королев, составляли представители трудовой интеллигенции. Они должны были платить за учебу. Сумма зависела от доходов родителей и не превышала 40 рублей. Третья категория – дети нэпманов – вносила в институтскую кассу довольно значительные суммы. На первом и втором курсах никто, кроме бывших рабфаковцев, стипендии не получал.

Таким образом, вопрос о социальном происхождении, никак ранее не интересовавший Королева, стал очень остро. И позднее, уже будучи студентом МВТУ, Королев не раз чувствовал, что «непролетарское происхождение» мешает ему. Он, например, не был комсомольцем, потому что детей интеллигентов в те годы крайне неохотно принимали в комсомол. Всегда находились люди, готовые попрекнуть его «интеллигентностью», а принципиальные технические споры подменить пространными рассуждениями о его «классовой ущербности». Однако социально-политический смысл этого явления открылся Королеву позднее. Пока «вторая категория» означала для него прежде всего добавочные расходы. Сразу вставал вопрос: где взять денег на учебу? Не на питание, жилье, одежду и развлечения, а на учебу. Сергей получил из Одессы перевод на 25 рублей, но он понимал, что не будет получать переводы регулярно. Более того, он не хотел их получать. Перевод и обрадовал его, и заставил страдать. Во что бы то ни стало необходимо было найти работу. Кстати,

тогда это было тоже не легко. Мастерские КУБУЧа – комитета по улучшению быта студентов – не могли трудоустроить всех желающих. Несколько дней пробегал Сергей по мокрым, засыпанным желтыми листьями киевским улицам, прежде чем нашел работу. На углу Владимирской и Фундуклеевской помещалась газетная экспедиция, и Сергей подрядился разносить газеты по киоскам.

Вставать приходилось рано, синяя темнота еще заливала улицы, и трудно было поверить в рассвет. Он одевался на ощупь, засовывал в карман загодя приготовленный кулек с куском хлеба и ломтиком сала и на цыпочках, вытянув вперед руки, чтобы не налететь на что-нибудь в темноте, выбирался из гостиной. Спросонья он все-таки натыкался на стул или стол, звякала посуда, он замирал и двигался дальше. Спускался по крутым тротуарам Костельной, пересекал площадь и по Софийской – на Владимирскую, поворачивал налево, бегом, и вот он уже ныряет в шумное светлое тепло подвала, вдыхая острый запах типографской краски, – вот так же остро, так, что даже глаза чувствовали, пахли на Австрийском пляже выброшенные штормом водоросли.

В письме к матери он писал: «Встаю рано утром, часов в пять. Бегу в редакцию, забираю газеты, а потом бегу на Соломенку, разношу. Так вот зарабатываю восемь карбованцев. И думаю даже снять угол».

В экспедиции работало несколько ребят, и очень скоро Сергей подметил, что работа всех их организована плохо, вернее, никак не организована: ходили по одним и тем же маршрутам вдвоем, одни еле плелись перегруженные, другие бегали налегке. Королев собрал ребят, создал бригаду, продумал маршруты. Всем понравилось. У него был врожденный талант организатора, который проявлялся всегда и в большом и в малом. Он просто не мог вытерпеть, когда видел, что делается как-то не так, что можно сделать лучше, экономичнее, разумнее.

Такие приработки не были каким-то исключением в студенческой жизни тех лет: тем или иным способом подрабатывало подавляющее число сокурсников Сергея. Это обстоятельство коренным образом меняло весь ритм занятий. Тогда, повторяю, работали почти все, все были «вечерниками», и занятия в КПИ начинались только часа в четыре дня и продолжались до десяти вечера. За два года учебы в КПИ Королев сдал двадцать семь зачетов, отчитался за практические занятия, а также за свою работу в мастерских, смазочной лаборатории и за летний практикум по геодезии, наконец, проходил практику в Конотопе, работая помощником машиниста на паровозе.

На первой лекции, когда собрался весь курс, Сергей увидел, что он здесь самый зеленый. Вокруг сидели люди в выцветших гимнастерках, потертых бушлатах, видавших виды рабочих фуфайках, Сергей покосился на своего соседа по скамье. Здоровенный парень, усатый, шея обмотана шелковым шарфом. По рукам видно – рабочий. В перерыве подошел.

– Давай знакомиться, – протянул руку, – Королев.

– Пузанов Михаил, – усатый разглядывал Сергея. Потом спросил: Что-то я тебя тут не видел, ты откуда?

– Из Одессы. А ты?

Разговорились. Оказалось, что Пузанов еще до революции работал в авиационных мастерских при КПИ, потом на заводе. Во время войны его тоже откомандировали в механические мастерские в Грушках. В 1922 году он поступил на рабфак, а оттуда – на механический факультет.

Королеву понравился Пузанов. Он был грамотнее и культурнее других, и была в нем какая-то врожденная деликатность, скромность – настырных Сергей не любил. А главное, оказалось, что Михаил тоже увлекается авиацией и имеет уже кое-какой опыт в авиационных делах. Он рассказал Сергею о братьях Касяненко, много сделавших для того, чтобы на их факультете родилась авиационная специальность. Самым энергичным был младший из братьев – Евгений. Он организовал в КПИ авиамастерские, которыми руководил Иван Касяненко. Сначала мастерские делали только пропеллеры, а потом вместе с третьим братом Андреем Евгений и Иван начали конструировать и строить самолеты. Один из них – маленький моноплан с моторчиком в 15 лошадиных сил на Куреневке испытывал сам Петр Николаевич Нестеров. К 1921 году братья построили шесть самолетов, почти все разные, оригинальной конструкции.

– И все наши станки еще от братьев остались, – подытожил Пузанов. Пузанов был старше Королева без малого на девять лет, но они сдружились. Сергею нравилось, что этот рабочий парень в отличие от многих заботится не о том, чтобы получить поскорее диплом, а о том, чтобы получить знания, и учится на совесть.

В первое воскресенье октября вместе с Михаилом отправились они на аэродром, Намечалось торжественное событие: закладка ангара. Киевский ОАВУК устроил митинг, прямо на поле читали доклады по истории авиации. Народу было много, но вдруг в толпе мелькнуло знакомое лицо.

– Ба! Иван! Ты ли это?! – заорал Сергей.

Перед ним стоял улыбающийся Иван Савчук, летчик-наблюдатель, или, как теперь бы сказали, штурман из ГИДРО-3.

Сергей очень обрадовался этой встрече. Нельзя сказать, чтобы

они были с Иваном друзья, но Савчук был частицей Одессы, моря, дома, частицей оставленного там детства.

Оказалось, что после перевода гидроотряда в Севастополь Савчук приехал в Киев,

– Да ведь мы соседи, – рассказывал Иван, – я живу в авиагородке, это же рядом с твоим политехническим... Аида ко мне! Нельзя было не позавидовать Савчуку! Дома авиагородка на краю аэродромного поля были добротные, кирпичные, с паровым отоплением, и у каждого летчика – своя комната. Тут же столовая, и кормили там отменно, это вам не институтская баланда «Голубой Дунай» с двумя перловинами – ложкой за ними не угонишься. И самолеты рядом – один взлетает, другой садится.

– Покатаешь? – жадно спросил Сергей, не отрывая глаз от самолетов.

– Э, нет, – засмеялся Савчук, оборачиваясь к вошедшему человеку с тонким красивым лицом. – Это тебе не «девятка». «Ньюпор», истребитель! Куда ж я тебя посажу? Это ты вот Алешу попроси, он у нас все может, на пропеллер тебя посадит...

Алексей Павлов, друг Ивана Савчука, был летчиком лихим, безрассудным. Забегая вперед, скажу, что короткая жизнь его оборвалась довольно скоро после этой киевской встречи. Прекрасный летчик, знающий свой талант, но уже отравленный ядом неистребимого лихачества, Павлов был еще и талантливым конструктором. Накануне отъезда Королева из Киева он в запале глупого спора пролетел под мостом Евгении Бош[7], за что был списан инструктором в Серпухов. Там он по собственным чертежам построил авиетку и, узнав, что на Центральном аэродроме состоятся торжества – Осоавиахим передал 20 самолетов в Военно-Воздушные Силы Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), прилетел на ней в столицу. На своем самолетике он выполнил каскад фигур высшего пилотажа и, когда оставалось лишь грамотно сесть, опьяненный властью над маленькой верткой машиной, вдруг врезался в землю. До конца своих дней хранил Сергей Павлович Королев вырезку из «Известий» от 23 июля 1928 года, где сообщалось о смерти Алексея.

Павлов был красив, небрежен и быстр в движениях и весь пронизан тем мягким, добрым обаянием, которое неволило влюбляться в него с первой встречи.

Сергей с Михаилом зачастили в авиагородок. Королев упорно уговаривал летчиков поступить в КПИ вольнослушателями. Те сначала лениво отмахивались, потом задумались: может, и впрямь поступить? Чем они, собственно, рискуют?

Вскоре всю четверку уже можно было видеть вместе на

лекциях. В авиагородке готовились к зачетам. Королев сказал, что необходимо продумать наиболее эффективный метод подготовки.

– Один из нас по определенному предмету должен быть наставником, будет консультировать, проверять, выяснять, кто чего не знает, – доказывал он.

После недолгих споров методика была принята. Предметы выбрали добровольно. Королев, любимец профессора Симинского, вдохновенного певца сопромата, отвечал за этот предмет. Пузанов – за физику и электротехнику, Павлов – за политэкономию, Савчук – за начертательную геометрию и детали машин. Савчук был и главным консультантом в немецком языке. Его отец был дипломатом, и перед войной Иван жил несколько лет в Берлине. По-немецки он говорил и писал так же свободно, как и по-русски.

Летчики получали сытные карточки и потихоньку подкармливали Сергея и Михаила, а Пузанов еще и заработать тут ухитрился: занимался с начальником аэродрома Маляренко математикой.

Учились все четверо серьезно и упорно, особенно Королев и Савчук. Вдвоем они часто вели пространные «философские» беседы, и даже гитара Павлова не могла им помешать. Так, над книгами и конспектами, и катились их дни, один за другим, в общем, довольно одинаковые, разве что в выходной выберутся на Крещатик в кинематограф Шанцера.

Уже глубокой осенью мама переслала Сергею ответ, полученный из Военно-воздушной академии. Разрешение на зачисление его было дано при условии, что до декабря он сдаст экзамены по военным дисциплинам, обязательные для всех курсантов. В том же конверте лежало письмо от мамы. Она советовала не торопиться с выбором, писала, что военный человек сам себе не хозяин в жизни, и коли он уже учится тому, к чему так стремился, вряд ли стоит все ломать.

В выходной на обеде у бабушки дядя Юра и молоденький двоюродный дядька Шура Лазаренко тоже отговаривали его перебираться в Москву. Мария Матвеевна подсела к внуку, обняла, заговорила ласково, доброй рукой приглаживая на его затылке черный вихор:

– Ну куда же ты поедешь, внучек? Там же у тебя никого. Вот Маруся пишет, что собирается на будущий год в Москву. Бог даст, переберется, тогда уж и будем думать... Ты уж меня, старуху, не бросай...

После смерти деда бабушка сдала, но от всякой помощи сыновей и дочерей упорно отказывалась, казачья ее гордость не хотела мириться с немощью старости.

«Что же делать? – думал Сергей. – Ехать или не ехать?» К Киеву он как-то не прирос душой, все время чувствовал себя каким-то пришлым, иногородним, хотя скорее Киев, чем Одессу, мог считать родным городом. Никак не мог перебороть в себе чувство, что жизнь его здесь – короткий эпизод, что в Киеве он не задержится. Он постоянно испытывал какое-то беспокойство, часто силился представить себе не виданную никогда Москву, начинал рассказывать Пузанову, как рассказывал в Одессе Калашникову, о знаменитом конструкторе Туполеве. Михаил даже сказал ему однажды:

– Не томись, Сергей, езжай в Москву…

Но, если говорить совсем откровенно, его не очень прельщала военная карьера. Академия хороша тем, что авиационная техника там – главная дисциплина. А в КПИ, как в стройшколе, – опять математика, сопромат, физика, – когда еще они доберутся до самолетов. Зато после КПИ ты сам себе хозяин: что хочешь, то и делай, куда надумал, туда и поезжай. Вон Сикорский не кончал академию…

Своими сомнениями Королев поделился с Савчуком.

– Не прыгай, – строго сказал Иван. – Раз выбрал дело, делай его и не прыгай. Ты молодой, Москва не уйдет…

Королев написал в Одессу, что остается в Киеве.

На Новый год он приехал домой, а точнее – приехал к Ляле и прожил в холодной, неуютной Одессе несколько счастливых дней. Тогда они казались ему несчастными, потому что Ляля ну совершенно была равнодушна и холодна; да, да, он это отлично видел! И потребовалось много лет для того чтобы он понял, какие это были счастливые дни, какая счастливая была новогодняя ночь.

10

Мы можем судить о себе по своей способности к свершению, другие же судят о нас по тому, что мы уже свершили.

Генри Лонгфелло

В 1925 году в Киеве произошло событие, которое так искренне хочется связать с судьбой нашего героя, что надо сделать определенное усилие, чтобы, сообразуясь лишь со скупым списком известных фактов, не поддаться этому искушению.

В апреле 1925 года выпускник КПИ, летчик и страстный пропагандист воздухоплавания Александр Яковлевич Федоров организовал при «Секции изобретателей Ассоциации инженеров и техников» «кружок по изучению мирового пространства». Федоров переписывался с Циолковским. «Я считаю счастьем работать под руководством творца великих идей, мыслителя наших дней и проповедника великой непостижимой истины!..» – в восхищении писал он в Калугу. Энтузиазм Федорова получил поддержку: в кружок записались 70 человек. Председателем научного совета кружка стал академик Граве, товарищем председателя – академик Срезневский. Среди членов правления – многие известные киевские ученые и инженеры, в том числе преподаватели КПИ: Симинский, Шапошников, Патон. (Известный мостостроитель Евгений Оскарович Патон через четыре года начнет свои фундаментальные работы по электросварке, а много лет спустя под руководством его сына Бориса Евгеньевича Патона, президента АН УССР и директора Института электросварки, в том же Киеве будет создан «Вулкан» – первый в мире аппарат для сварки в условиях космического полета, испытанный на корабле «Союз-6» в октябре 1969 года. Мы несколько «заездили» слова «эстафета поколений», но ведь эстафета такая действительно существует.)

Академик Д.А. Граве 14 июня 1925 года публикует свое «Обращение к кружкам по исследованию и завоеванию мирового пространства». «Кружки исследования и завоевания мирового пространства встречают несколько скептическое к себе отношение во многих общественных кругах, – говорится в „Обращении“. – Людям кажется, что дело идет о фантастических, необоснованных проектах путешествий по межпланетному пространству в духе Жюля Верна, Уэллса или Фламмариона и

других романистов.

Профессиональный ученый, например, академик, не может стоять на такой точке зрения. Мое сочувствие к вашим кружкам покоится на серьезных соображениях...

Так что организация данных кружков своевременна и целесообразна, а также и развитие конструкций межпланетных аппаратов. Поэтому всякого рода начинания в этой области я приветствую от души и желаю успеха и плодотворной работы в развитии новой отрасли техники на благо человечества».

«Обращение» вызвало широкий отклик и жаркие споры в КПИ, которые лишь усилились, когда пять дней спустя в помещении Музея революции на улице Короленко открылась Выставка по изучению межпланетного пространства, проработавшая более двух месяцев.

Мог ли Сергей Королев, юноша, так увлекавшийся воздухоплаванием, студент КПИ, преподаватели которого стояли во главе нового дела, ничего не знать обо всем этом? Такое очень трудно представить. Но, увы, нет решительно никаких сведений, которые бы прямо или косвенно говорили о его интересе к работам вновь созданного кружка, реорганизованного в августе того же года в «Общество по изучению мирового пространства». Королев еще должен был прочитать откровения Циолковского, поверить страстной убежденности Цандера, узнать о работах Годдара и Оберта, увидеть необъятные горизонты, которые распахнет перед ним ракета. А тогда он твердо знал, что может сам построить планер и летать на нем, но никак не мог представить, что он может сделать межпланетный корабль. Человек реального факта и конкретной мысли, он не мог обогнать здесь самого себя. Его звали к космическим вершинам тогда, когда он еще не видел подножия этих вершин. Он придет к ним своей дорогой.

Можно, однако, предположить, что киевские «межпланетчики» могли повлиять на его выбор, не опоздай они со своим кружком на какие-нибудь два месяца. Дело в том, что 15 февраля 1925 года в Киевском политехническом институте были организованы курсы инструкторов планерного спорта. Желающих записаться было много: ведь принимали не только студентов КПИ, но и членов других планерных кружков, а их в Киеве было пруд пруди. В конце концов с великими спорами отобрали 60 человек. Среди них был и Сергей Королев.

Первые занятия проходили в столовой рабфака, и лектора иногда не было слышно за звоном тарелок. Столовая была мрачноватая, лампочки горели вполнакала, в желтом их свете с трудом можно было разглядеть, что там нацарапано мелом на

маленькой доске. Потом и из столовой их «попросили». Стали собираться в мастерских. Лекции записывали на станках – у многих на тетрадках темнели жирные масляные пятна. Но терпели, мечтали о весне, о необъятных парковых газонах, где можно было слушать лекции лежа на траве. И дотерпели бы до тепла, если бы вдруг Харьков безо всяких объяснений не прекратил высылать курсам деньги. В апреле курсы развалились. Самые активные и увлеченные ребята мириться с этим не захотели, решили на деньги наплевать и целиком положиться на собственную инициативу. Курс был взят такой: теория теорией, а надо самим строить планеры и самим учиться на них летать.

Проекты, по которым собирались делать планеры, были к тому времени уже одобрены в высоких инстанциях. Как раз в марте в Харькове определили победителей Всеукраинского конкурса проектов рекордных и учебных планеров. Первый приз по группам рекордных планеров и тысячу рублей на постройку получил проект КПИР-4, киевлян Томашевича, Железникова, Савинского, а по группе учебных впереди оказались Карацуба и Амбольд с КПИР-3.

Институт ликовал: победа! У всех чесались руки: теперь только строить и строить!

Материалы раздобывали разными легальными и полулегальными путями. Гонцы КПИ помчались в авиагородок к летчикам истребительной эскадрильи, на завод «Ремвоздух-6» – там тоже хорошие ребята, обещали достать рейки, у них и фанера ольховая есть.

Решили, что к лету в институте должно быть четыре планера. Во-первых, надо капитально отремонтировать потрепанный осенью в Коктебеле КПИР-1. Далее – КПИР-1-бис – улучшенная модель старого планера. Затем – КПИР-4 – рекордный и, наконец, КПИР-3 – учебный. Об этом докладывали весной на городской конференции планеристов. Тут же, на конференции, выяснилось, что истребительная эскадрилья будет строить рекордный планер по проекту военлета Грибовского, «Ремвоздух-6» – воздушную мотоциклетку, управление Юго-Западной железной дороги – учебный планер и еще один, опытный, обещали построить ребята из трудовой школы № 43. Киев отращивал крылья. Просто голова кружилась, когда слушали отчеты на конференции.

В КПИ, под лестницей главного входа, где помещались мастерские, забурлила жизнь, зазвенели пилы, верстаки вспенились стружкой: полным ходом шло строительство. Всей работой руководили дипломники: Железников, Савинский, Карацуба, Томашевич, но прежде всего, конечно, Яковчук. Константин Яковчук, плотный, сильный, скуластый брюнет с

мелко вьющейся шевелюрой, был очень популярен в Киеве. Летать он начал давно, на гражданскую пошел летчиком, был сбит и в журнале «Авиация и воздухоплавание» попал в списки погибших. Сняв гипс с переломанной ноги, снова летал и вернулся в Киев после войны с орденом Красного Знамени. 9 июля 1923 года Яковчук совершил дерзкий показательный полет с крохотной площадки Пролетарского сада. Полет этот наблюдали Фрунзе, Постышев, Якир, Гамарник, и все были восхищены. Потом Яковчук работал испытателем на заводе «Ремвоздух-6», поступил в КПИ и увлекся планеризмом. Яковчук был кумиром студентов, ректор Бобров здоровался с ним за руку. В мастерских Яковчук «давил» авторитетом, покрикивал на ребят, заставлял переделывать, торопил и подгонял, но на него не обижались, потому что сам он работал больше других и очень споро.

Сергей Королев, человек в мастерских новый, был тут на десятых ролях и тяготился своим положением. Он попробовал однажды поспорить, предложил свое решение, но его тут же одернули, намекнув на «желторотость». Сергей быстро сообразил, что полетать на рекордных планерах ему не удастся: желающих слишком много и его ототрут «старички». Вся надежда была на учебный КПИР-3. По каким-то неписаным правилам получалось так, что те, кто строил планер, и должны были летать на нем. Хитрый Королев потихоньку стал тесниться к тому углу мастерской, где белел скелет будущего КПИР-3.

Работал Сергей в бригаде Николая Скрыжинского. Они собирали КПИР-3 и КПИР-1-бис, но, случалось, выручали и другие бригады. Торопились все: летом должны были начаться испытания новых машин.

Зима была гнилая, мокрая. У Сергея прохудились башмаки, пробовал проволокой прошить, они и вовсе расползлись. Мама обещала прислать новые из Одессы, да видно забыла, а напоминать гордость не позволяет, не маленький, сам за себя ответчик... После Нового года Сергей снял угол на Богоутовской – это совсем недалеко от института, если идти мимо церкви Федора через яры, – как называли киевскую свалку. Теперь с деньгами стало совсем плохо, едва хватало, чтобы платить за угол да и кое-как кормиться. Одно спасение – обеды у бабушки на Некрасовской по выходным дням. Старая кухарка Анна, которая и нынче не покинула бабушку, знала великий секрет красного украинского борща, такого, что от одного запаха слюни текли. А пироги! Бабушка незло ворчала, поругивала рынок, вспоминала нежинское довоенное изобилие, а Сергея размаривало в тепле и сытости, клонило ко сну... Но денег на ботинки у бабушки не

было, да и были бы – он бы не взял. Пришлось наняться сахар грузить. Работа тяжелая, спина потом болит – сил нет, но платят прилично. На заработанные деньги купил будущий академик свою первую обновку.

С утра – газетная экспедиция, потом мастерские, вечером – занятия, так и катились день за днем к весне. К летчикам в авиагородок ходили они с Пузановым теперь редко, раза два в неделю, не чаще, хотя летчики всегда были очень рады их приходу. Однажды Павлов разглядел их, идущих за железной дорогой полем в авиагородок, и стал гоняться за ними на самолете так низко, что казалось, подпрыгни, и за колеса ухватишь. Савчук потом обозвал Павлова лихачом, но тот не обижался, похохатывал, подмигивал Сергею и Михаилу. Уже тогда Алексей задумал построить авиетку, часто говорил о ней, набрасывал на бумаге отдельные узлы и детали. Сергею очень хотелось строить эту авиетку, но впереди были зачеты, да и ребят в мастерских бросать было неловко. Он все уговаривал Павлова потерпеть до лета, когда будут готовы планеры, и тогда уже «наваливаться на авиетку».

Однажды Павлов познакомил Королева с маленьким быстрым брюнетом – военлетом Владиславом Грибовским, который тоже строил свой рекордный планер, но уже был весь поглощен будущими проектами. Кстати, потом многие из них увидели свет: за семнадцать лет конструкторской работы с 1925 по 1942 год В.К. Грибовский построил 17 планеров и 20 самолетов.

– Вы слышали о Германии? – спросил Грибовский.

– Нет, а что Германия? – Павлов поднял красивую бровь.

– Ну как же! Общество Рен-Розиттен пригласило наших планеристов на соревнования в Германию!

На секунду вспыхнула у Сергея сумасшедшая мысль: «Вот бы и мне поехать!» – но только на секунду. Что ему делать в Германии, на международных соревнованиях, если он еще ни разу даже в учебный планер не садился. Тут бы как-нибудь до Коктебеля, добраться, а он – Германия!

– Яковчук, кажется, собирается ехать, – продолжал Грибовский.

«Ну, до Яковчука мне еще далеко», – подумал Сергей.

Он не отдавал себе отчета в том, что в последнее время старался подражать Яковчуку даже в мелочах: купил серую рубашку в крапинку, как у Константина, и даже рукава закатывал так же. Незаметно он перенял у Яковчука даже манеру разговаривать: точную, резковатую и категоричную.

Несмотря на то что теперь, когда получили приглашение немцев, Яковчук еще больше торопил ребят в мастерских, темп

постройки планеров замедлился: приближалась сессия, и планеристы засели за книги. Иной раз под лестницей работал один Венярский – старый мастер-краснодеревщик.

Королев все-таки не утерпел, съездил на майские праздники в Одессу повидаться с Лялей и мамой. Ляля рассказала ему, что Макса переводят в Харьков и, если все образуется с ее переводом из Одесского химико-фармацевтического в Харьковский медицинский, летом она тоже переедет к отцу.

В Одессе было хорошо, тепло, сытно, уезжать не хотелось, особенно если вспомнишь о зачетах. Несколько дней пронеслись как во сне, и вот уже снова поезд, свежие листочки пристанционных акаций, торговки с восковыми жареными курами...

Возвратившись в Киев, Королев вместе с Михаилом Пузановым целые дни просиживал у летчиков: готовились к зачетам. Сергей еще до Нового года сдал химию, потом украинский язык и первую часть высшей математики. Сейчас надвигались физический практикум, архитектура и строительное искусство, вторая часть математики и техническая механика. Все четверо больше всего побаивались механики. Лекции по механике читал Илья Яковлевич Штаерман, заведующий кафедрой. Угловатый, приземистый, он говорил быстро, с легким еврейским акцентом, топорщил усы и пританцовывал. Пузанов однажды зимой сказал Королеву в трамвае:

– Первая лекция Штаермана. Сейчас опять что-нибудь нам спляшет у доски. Сергей толкнул Михаила локтем, дико повел глазами: рядом с Пузановым стоял Штаерман.

После этого случая редкая лекция проходила без того, чтобы злопамятный механик не вызывал Михаила и Сергея к доске.

– Из-за этих танцев мы с тобой еще напляшемся, – мрачно острил Королев.

Каково же было его удивление, когда Штаерман поставил Королеву зачет, не спрашивая его ничего. То же случилось и с зачетом по математике. Семинары вел Лев Яковлевич Штрум, человек разносторонний, увлекающийся, любознательный. Помимо математики, он изучал атомную физику и даже писал работы по строению ядра. Штрум приметил молоденького черноглазого студента и удостоил его зачета. В отчете после экзамена педантичный математик записал: «Проверка знаний производилась главным образом непосредственно, в процессе самих занятий, постоянно... Часть слушателей, наиболее активные, получили зачет без опроса...»

Так как отметок тогда не ставили, трудно сказать, какие предметы особенно давались Сергею, но, по воспоминаниям

сокурсников, учился он хорошо по всем предметам, был напорист, часто вызывался к доске, без конца тянул руку и вообще, судя по всему, был непохож на Королева одесского. Этому можно дать объяснение. Детство без сверстников и учеба урывками привели к тому, что Сергей не знал ребячьего коллектива, и в стройпрофшколе был если не затерт, то оттеснен другими. Гордый, самолюбивый, не привыкший уступать, он ушел в себя и медленно, трудно завоевывал то место в классе, которое заслуживал. Сделать это до конца он не успел: учеба в Одессе окончилась, но процесс самоутверждения продолжился в КПИ.

В Одессе Сергей постигал азы наук наравне со всеми. По своей подготовке ребята, пришедшие в стройпрофшколу, отличались мало. В Киеве Королев был заведомо образованнее подавляющего большинства своих сокурсников, учиться ему было легче, а доказать, что он не только не хуже, но лучше других, было необходимо еще и затем, чтобы завоевать желанный авторитет среди планеристов.

Летом 1925 года около месяца провел Сергей в Конотопе, куда его послали на практику. Жил он прямо в депо, в комнате отдыха подвижного состава. Наставником ему определили хоть и молодого, но опытного машиниста Ивана Гулина, который растолковал студенту все тонкости устройства паровоза вообще и отличия ЩП от ЭР. Королев слушал рассеянно. Иван брал его в рейсы и однажды даже разрешил «постоять за машиниста».

На какое-то время волнение, азарт и восторг Гулина, очень любившего паровоз, передались Сергею и он почувствовал пьянящую радость власти над этим жарким многотонным железом, но рельсы! Все убивали рельсы, движение по рельсам, заданность пути, несвобода. Сергей понял, что он никогда не сможет полюбить паровоз, как любил его Иван...

Вернувшись с практики, он опять все свободное время проводит в мастерской. В сроки не укладывались, все нервничали, особенно Яковчук: боялся опоздать на международные соревнования. Уже определилась советская команда планеристов. В Германию должны были отправить пять планеров: «Мосавиахим АВФ-21» конструкции С. Ильюшина, Б. Кудрина и Н. Леонтьева; «Змея Горыныча» В. Вахмистрова и М. Тихонравова; «Красную пресню» И. Артамонова; «Закавказца» А. Чесалова и КПИР – Д. Томашевича и Н. Железникова. Летать на них должны были самые лучшие наши планеристы: Арцеулов, Зернов, Кудрин, Сергеев, Юнгмейстер и Яковчук.

Королеву и раньше приходилось слышать эти фамилии, но сейчас, когда они произносились вместе, он опять ловил себя на мысли, что готов бегом бежать в Германию, только чтобы увидеть

всех их сразу, познакомиться, поговорить, посоветоваться. Известно было, что советская команда из Германии отправится прямо в Коктебель на III Всесоюзные планерные соревнования, и Сергей снова вспыхнул надеждой добыть командировку в Крым.

Летом планеры строили под навесом во дворе института. Сергей работал очень увлеченно: хотелось поскорее начать летать. Через много лет Карацуба вспоминает Королева в эти дни: «Он был из тех, кому не надо было ничего дополнительно объяснять или напоминать. Ему надо было только знать, „что сделать“, а „как сделать“ – это уже его забота. И он ничего не делал сгоряча. Не помню случая, чтобы что-нибудь пришлось переделывать за ним».

Однажды, проверяя вместе с Карацубой сборку КПИР-3, Сергей завел разговор о Коктебеле. Карацуба мялся, ничего не обещал, да и не мог обещать. Хоть он и входил в планерную «элиту» КПИ, включить самовольно Сергея в состав команды не мог.

– Поговори с Яковчуком, – посоветовал Карацуба.

Сергей прикидывал, как похитрей начать разговор с Яковчуком, но ничего не придумал, разозлился на себя и, разыскав Яковчука, сказал без обиняков:

– Константин Николаевич! Я очень хочу съездить в Феодосию. Возьмите меня...

Яковчук жевал папиросу и, прищурившись, смотрел на Сергея:

– Тебя? А ты заслужил?

Как ни ответь на такой вопрос, все равно глупо получится. Королев молчал.

– Вот Железников заслужил. Томашевич не такой здоровяк, как ты, а весь год не разгибаясь вкалывал...

– А я что ж, не вкалывал? – зло спросил Королев.

– Без году неделю я тебя вижу, – быстро выдернув папиросу изо рта, отрезал Яковчук.

Кровь бросилась в лицо Сергея. Круто повернулся и быстро пошел, втянув голову в плечи, глубоко засунув кулаки в карманы брюк.

«Ну ладно... Погоди... Погоди...» – шептал он. Непонятно было, успокаивает ли он себя, угрожает Яковчуку или обещает что-то.

Осенью Баланин с женой переехал из Одессы в Москву. Мария Николаевна писала Сергею, что живут они на Красносельской улице, неподалеку от Сокольников, квартирка плохонькая, но обещают скоро дать другую, попросторнее и к центру поближе. В письме ни слова не было о том, чтобы и он

перебирался в столицу, но по каким-то мелким штришкам, намекам увидел Сергей, что мама хочет, чтобы он приехал. А может быть, и не было вовсе этих намеков, но он очень желал их увидеть и увидел.

Несмотря на то что учился он хорошо и не было у него никаких задолженностей, «хвостов» и прочих студенческих тягот, он, как говорил Миша Пузанов, к «Киеву не прикипел». Странно, в Одессе не было уже ни Ляли, ни мамы, уже чужие, неизвестные ему люди жили в их квартире на Платоновском молу, но Одесса оставалась своей, а Киев был чужим. Сам не знал почему, но томился он здесь. Нет, наверное, знал, чувствовал. То, на что надеялся он в Одессе, что рисовалось ему такими радужными красками – киевские авиационные традиции, прогресс планеризма, – тут, в самом Киеве, выглядело иначе. Маленький, плотно сбитый кружок начинающих летчиков и конструкторов отнюдь не собирался с криками ликования распахивать навстречу ему свои объятия. Они были старше – пусть на несколько лет, но в молодости это значит много; они были опытнее, они знали друг друга уже не один год, и проникнуть в их круг новичку-первокурснику было невозможно. Они могли через несколько лет признать его талант и поверить в его опыт, но и через несколько лет они остались бы по отношению к нему мэтрами. Королев с первых дней повел себя в КПИ неверно, не должен был он бродить тут потерянным, робким провинциалом, наоборот, требовались живая энергия, напор, нахальство, черт побери! Не крошки надо было клевать, а кусать кусок. И не беда, если окажется он больше, чем можешь проглотить. Ничего, справился бы. Но время и инициатива уже потеряны безвозвратно. Ничего радостного не просматривалось, и каким образом положение можно изменить, он не видел. Успокаивал себя тем, что учеба идет неплохо, а это главное, но успокоения не было. Одной учебы ему было мало, хотелось свободного, нового интересного дела, в которое можно было бы влезть с головой, считать, мозговать, пробовать, строить, летать, обязательно летать! Хотелось своего дела! И вся беда в том, что в Одессе это свое, только ему принадлежащее дело у него было, а в Киеве не было.

А еще – думал он об этом или не думал, наверное думал, не мог не думать – живой ведь человек – в Киеве было просто трудно жить. Мария Николаевна присылала сыну деньги, но переводы были весьма скромными. У дяди Юры и другого, молодого двоюродного дядьки, не так давно окончившего КПИ, Александра Лазаренко, помощи он не искал, даже мыслей таких не возникало. Бабушке впору самой помогать, ей и за воскресные обеды спасибо. Короче, плохо было с деньгами. Каждый

карбованец на счету, и он все время прикидывал, соображал, что следует купить, чего нельзя, что можно съесть, мимо чего пройти, сесть ли в трамвай, идти ли пешком. Одевался опрятно, но очень бедно, впрочем, на это никто не обращал тогда внимания, и убогость одежды не тяготила его. Кстати, всю жизнь, независимо от достатка, Сергей Павлович был достаточно равнодушен к одежде, капризы моды никогда его не волновали. Раздражало другое: какая-то извилина в мозгу постоянно была занята, с его точки зрения, пустым и недостойным делом – изысканием средств существования. То он записывался в бригаду грузчиков на пристани, то, вспоминая веселую крышу одесского медина, нанимался в кровельщики, а однажды даже угодил в киноартисты.

В основу фильма «Трипольская трагедия», который снимали под Киевом режиссер Анощенко и оператор Лемке, было положено реальное событие гражданской войны. В 1919 году во время деникинского наступления на Украине вовсю развернулись бандитские шайки разных атаманов. С одной такой бандой под предводительством Данилы Терпилло, возомнившего себя вторым Богданом Хмельницким, но более известного всей Украине под кличкой атамана Зеленого, героически сражались киевские комсомольцы. Бандиты окружили их и прижали к обрывистому берегу Днепра. Их расстреливали в упор, обессиленных сталкивали с кручи.

Теперь, в дни работы над фильмом кинематографистам потребовались молодые статисты, чтобы с их помощью отснять этот эпизод. В вестибюлях киевских вузов появились объявления, приглашающие на съемку, и Королев решил подработать.

В Триполе всем новоявленным артистам раздали шинели и обмотки, выдали винтовки, долго объясняли, куда надо бежать и как «стрелять». Во время съемок штыковой атаки Сергей так увлекся, что двинул прикладом одного «бандита» в полную силу. «Бандит» потом жаловался Анощенко: «Этот парень дерется по правде...»

Вместе с другими ребятами Сергей изображал трупы, плывущие вниз по реке, а на следующий день он прославился на всю съемочную группу: прыгал за главных героев с кручи в Днепр. «Зря меня Гри ругал, когда я с пароходов прыгал, – озорно думал Сергей, подплывая к берегу. – Мог ли он предположить, что я когда-нибудь стану гроши прыжками зарабатывать». В 1973 году журналисты из «Советского экрана» пригласили в свой просмотровый зал Марию Николаевну, – мать Сергея Павловича, – и показали ей старый фильм, извлеченный из киноархива. Вновь и вновь прокручивалась сцена на обрыве,

Мария Николаевна пристально всматривалась в молодые лица героев «Трипольской трагедии», но найти среди них сына не смогла. В КБ после смерти Сергея Павловича тоже выписали этот фильм, пригласили Нину Ивановну Королеву, тоже во все глаза смотрели и… не нашли. Не поручусь, если и съемки в «Трипольской трагедии» – один из «мифов», которых, как мы увидим, немало в биографии нашего героя.

С киношниками было весело и интересно, но долго жить в Триполье Сергей не мог.

После резкого разговора с Яковчуком он все-таки переборол в себе обиду и вернулся в мастерскую. В конце концов Яковчук был прав: он действительно тут без году неделя. Пусть он не поедет в Крым, но попробовать летать на планере, можно и здесь, в Киеве. А главное даже не полеты. Главное, он научился здесь строить планеры, знает теперь, с чего начинать, чем кончать, как выбрать материал, как его обработать, научился, как говорит старик Венярский, «понимать дерево».

Совсем немного оставалось доделать в КПИР-3, но, как всегда случается, в самые последние дни что-то стало ломаться, колоться, рваться, что-то вчера точно подходившее по месту сегодня уже почему-то не влезало, затянутое оказывалось расшатанным, двигающееся – заклиненным. Тогда еще Королев не знал этого дьявольского закона, по которому всякие неполадки выявляются в моменты для них самые неподходящие.

Работали до поздней ночи и так уставали, что часто у Сергея уже не было сил идти к себе на Богоутовскую, и он, не раздеваясь, укладывался спать в ящике, доверху набитом душистыми стружками.

Наступил долгожданный день. Все планеры вынесли на лужайку перед зданием института. Пришли Делоне, Синеуцкий, Штаерман, ректор Бобров. Это был и парад и экзамен. Делоне совсем уже старенький, седенький, картуз натянут на самые брови, но глазки под козырьком блестит по-мальчишески озорно. Он расспрашивал Яковчука о планерах, требовал точных цифр, а потом сверял их, заглядывая в записную книжицу. Синеуцкий, в мятой полотняной гимнастерке, расхаживал вокруг планеров и все старательно ощупывал, словно собирался их покупать. Рядом резво, как кузнечик, прыгал Штаерман, Бобров ничего не проверял, никого ни о чем не расспрашивал, поглаживал остренькую бородку и всем улыбался. По всему было видно, что ректор очень доволен и не считает нужным это скрывать.

На следующий день рекордные КПИР-4 и КПИР-1-бис принялись разбирать и запаковывать в ящики: нужно было срочно отправлять их в Германию в городок Рон. Учебный КПИР-3

отправлять в Крым было рано. Решили немного облетать его в Киеве, да и ребята смотрели на него такими жадными глазами, что ни у кого не хватило духу запретить им в награду за работу попробовать себя на простейших подлетах.

Площадка, где тренировались планеристы, находилась на месте нынешней станции метрополитена «Завод Большевик» и полиграфического комбината «Радянська Україна». В те годы там простирался пустырь, кое-где разбросаны были кучи разного хлама и мусора, но места для подлетов хватало. На этом пустыре и родился планерист Сергей Королев. Строго говоря, это были даже не полеты, а подлеты: планер едва отрывался от земли и, пролетев несколько десятков метров, опускался на брюхо. Но и за эти считанные секунды новички успевали хотя бы почувствовать, что они летят, скорее отгадать, чем понять ответ легкокрылого аппарата на их первые, робкие и неверные движения ручкой. И надо же так случиться, что в одном из этих первых полетов именно ему, Сергею Королеву, не повезло!

Все шло, как обычно: ребята придержали хвост, растянули амортизаторы – пошел!

Сергей не торопясь чуть тронул ручку на себя, планер потянул вверх, совсем немного, правда, но он и понимал, что много нельзя: потеряет скорость, скользнет на крыло – так и поломаться недолго. С этой легонькой горки пошел на край пустыря на посадку. То ли ветерок посвежел, то ли искуснее, чем обычно, действовал он ручкой, но никогда еще не было ему так легко, так просторно в воздухе! Никогда не было в нем чувства полета. До этого он сидел в летящем планере, сегодня он летел, а планер просто помогал ему. И из тела ушла, растворилась в этом плавном движении вся скованность, тяжелая натуга – нет, никогда еще так славно не было... И вот в этот счастливый миг и увидел он эту проклятую трубу.

Королев и сам не заметил, как долетел до самой границы их тренировочной площадки. Там из кучи строительного мусора торчала ржавая водопроводная труба, и Сергей садился точно на эту трубу. Маленькая высота и погасшая скорость планера не позволяли ему сделать какой-либо маневр. Он тихо и плавно, как детский бумажный голубь, опускался на трубу. Потом был сухой треск – «так Анюта, кухарка, колола в Нежине щепки для самовара», удар, он вылетел из планера и, кажется, на секунду потерял сознание.

Планер пострадал очень мало: по счастью, на трубу налетела лыжа, да и Сергей отделался довольно легко. Мог бы сломать руку, но удар пришелся точно по запястью, и часы – последний подарок Гри перед отъездом в Киев – разлетелись вдребезги.

Сильно болело в боку, особенно если вдохнуть глубоко. Наверно, ребра. Перелом вряд ли. Скорее трещина. В тот день он еле доплелся до Богоутовской, лег. Пролежал два дня и стал собираться в институт: ему не терпелось узнать, нет ли каких-нибудь вестей из Германии, как там наши.

Новости были, и очень приятные. Советские планеристы на горе Вассеркуппе оказались впереди Мартенса, Шульца, Папенмайера, Неринга и других прославленных асов безмоторной авиации. Три наших летчика были награждены серебряными кубками, а вся команда – призом за общие технические достижения в конструировании планеров и полетах – шикарным компасом фирмы «Лудольф». О наших ребятах писали в газетах, помещали их портреты в журналах. «Только русские планеристы внесли в этом году лихость в состязания», – восхищалась «Франкфуртская газета».

В КПИ, разумеется, все ликовали. После таких новостей еще сильнее захотелось Сергею поехать в Крым, еще больнее было видеть, как заколачивают в ящик отремонтированный КПИР-3, как носятся по институту счастливчики с командировками в Феодосию. А тут еще с Павловым эти неприятности: пролетел под мостом и его списывают теперь из отряда, переводят инструктором в какую-то авиашколу. Савчук то ходил к начальству хлопотать за Алексея, то принимался ругать его, выбирая самые обидные словечки, обзывал «пижоном» и «мелким лихачом». Хлопоты Ивана результатов не дали: Павлов уехал. Сергей провожал его и думал о том, что Алешки им всем будет не хватать, но больше всех – ему, Сергею, потому что очень уж он надеялся в сентябре засесть за авиетку.

И вот снова они сидят в большой физической, снова на одной скамье, но уже не вчетвером, а втроем. И снова пошли лекции. В сентябре Королев с блеском сдал Шульцу зачет по техническому черчению, в январе 1926 года досрочно покончил с высшей математикой. Учился много и хорошо, просиживал над конспектами долгие часы, но все это было вяло, без прежнего азарта, и науки интересовали как-то абстрактно. Разве что рассказы ребят, приехавших в октябре из Коктебеля, несколько растормошили его.

III Всесоюзные стали подлинным триумфом для киевлян. Техническая комиссия забраковала КПИР-1-бис, но Яковчук полетел на нем на свой страх и риск и установил всесоюзный рекорд продолжительности полета – 9 часов 35 минут 15 секунд. До ночи летал, даже костры пришлось разжигать, чтобы он сел. А Юмашев – тоже киевлянин – побил все рекорды дальности. О них писали так: «... на планерах КПИ поставлено наибольшее

количество рекордных полетов. Своей продуманностью, чистотой обработки, простотой сборки они не имеют себе равных среди советских планеров». Просто гимн, а не статья. Вся беда только в том, что вернулись победители без планеров: во время урагана ребята бросились спасать машины немцев – гостей соревнования, а свои спасти не успели. Летать теперь было не на чем.

Королева раздражал поток бесконечных восторженных воспоминаний о победах в Германии и в Крыму.

– А что дальше? – спрашивал он. – Теперь всю жизнь будем рассказывать о своих победах? Надо собирать кружок и строить новые планеры...

Веселый и беспечный Яковчук отмахивался от него. Кружок распался. Так и должно было случиться: он держался на нескольких «корифеях», а все они были дипломниками. Они сумели построить неплохие планеры, но не вырастили себе смены. Они ушли – остались исполнители – солдаты без командиров.

Никто не скажет сегодня, надолго ли запомнил Королев этот печальный случай с киевским планерным кружком, но доподлинно известно, что в последние годы жизни его очень заботила проблема преемственности, занимали вопросы формирования научно-технической смены, и на многих важных заседаниях многочисленные заместители и ведущие инженеры вдруг ловили на себе его оценивающий и вопрошающий взгляд: «Кто же, кто из вас придет на смену мне?..»

В довершение ко всем неприятностям задумал жениться Михаило Пузанов. После отъезда Павлова выдержать новый удар четверка друзей уже не могла: все реже собирались они теперь в авиагородке. Савчук занят был хлопотами с новым переводом: собирался вернуться в гидроавиацию. Пузанов, как человек семейный, взвалил на себя бремя многих тяжелых, но чем-то и сладостных забот, и Сергей первый раз вдруг почувствовал, что девять лет разницы в годах не пустяк, что Михаил уже действительно взрослый человек, с мужскими радостями и тревогами, а он, Сергей, еще в общем-то мальчишка...

Стало совсем одиноко, правда, были письма Ляли, да и мама часто писала ему из Москвы. Однажды в одном из ее писем он прочел, что в Московском высшем техническом училище как будто бы тоже есть авиационное отделение, надо разузнать поточнее... «Да и как его может не быть там, если сам Жуковский читал в МВТУ, если это училище кончил Туполев!» – думал Сергей.

И снова книги, снова конспекты. Много лет спустя Сергей Павлович, вспоминая эти книги и конспекты, скажет: «Я бил себя

по лбу – учись, дурак, без науки ничего не сделать в жизни. И я грыз науку...» Снова аудитории и лабораторные работы, иногда затягивающиеся чуть ли не до полуночи. Снова аккуратные белые строчки и поразительно прямые чертежики на доске у горбатого педанта Шульца, читавшего прикладную механику, снова смех и анекдоты электротехника Скоморохова и удивительные лекции термодинамика Усенко, который путал русские и украинские слова и, начав с цикла Карно, мог кончить редкими бабочками лесов Амазонки. Из всех лабораторных занятий более всего нравился Королеву практикум по электротехнике, который вел Огиевский, старый радиотехник. Говорили, что он беседовал с Лениным. Огиевский не только преподавал в КПИ, но и строил самую первую на Украине радиостанцию. Это был спокойный властный человек, который никогда не придирался и не старался расположить к себе веселыми шуточками, а упрямо требовал того, что был вправе требовать. Для Королева он олицетворял человека дела: «Таким должен быть настоящий инженер».

Незаметно подкралась новая сессия. В июне 1926 года Королев сдал десять зачетов, полностью отчитавшись за второй курс. А потом провожали Савчука: он возвращался на Черное море. Перед отъездом Иван подарил Пузанову чертежную доску и три тома технического справочника «Hutte», а Сергею сказал:

– Тебе ничего не дарю, тебе лишние вещи в тягость. Езжай, Серега, в Москву. Я вижу, что тебе пора в Москву...

Сергей обернулся к Пузанову. Михаил грустно кивнул:

– Пора...

– Так звери Маугли говорили, чтобы он к людям шел, – попробовал пошутить Сергей, но улыбка получилась какая-то жалкая.

И опять заскребло в горле, заныло сердце, как тогда, на пляже в Аркадии. Он чувствовал, что они правы, нет, знал, что правы его друзья, что действительно пора.

«Ректору КПИ. Студ. Королева С.П. Мехфак.
Заявление.
Постановлением приемной комиссии при Высшем Московском техническом училище я принят в число студентов последнего, о чем ставлю Вас в известность.
27.9.26.
С. Королев»

С этого времени он никогда уже не жил на Украине. Наезжал в Одессу, и до войны, и после. В 50-х годах возил туда лечиться жену, студентом ездил в Харьков, несколько раз бывал в Донбассе, много лет подряд ездил в Крым, но никогда уже там

подолгу не жил. После старта Гагарина говорил как-то, что очень хочется ему снова съездить в Одессу.

Через много лет после смерти Сергея Павловича один из руководителей Центра дальней космической связи Амос Алексеевич Большой рассказал в своих воспоминаниях, как однажды по пути в Евпаторию, где находился Центр управления, самолет Королева по метеоусловиям чуть было не приземлился в Одессе. Взволнованный Сергей Павлович говорил:

– Еще несколько минут и нас заставили бы сесть в Одессе! Представляете себе, Атос (так называл он Большого, когда хотел подчеркнуть свое расположение к нему. – *Я.Г.*), в Одессе?!

– Вам так неприятно было бы, Сергей Павлович, даже на короткое время попасть в Одессу? – спросил Большой, который много лет жил в Одессе и любил этот город.

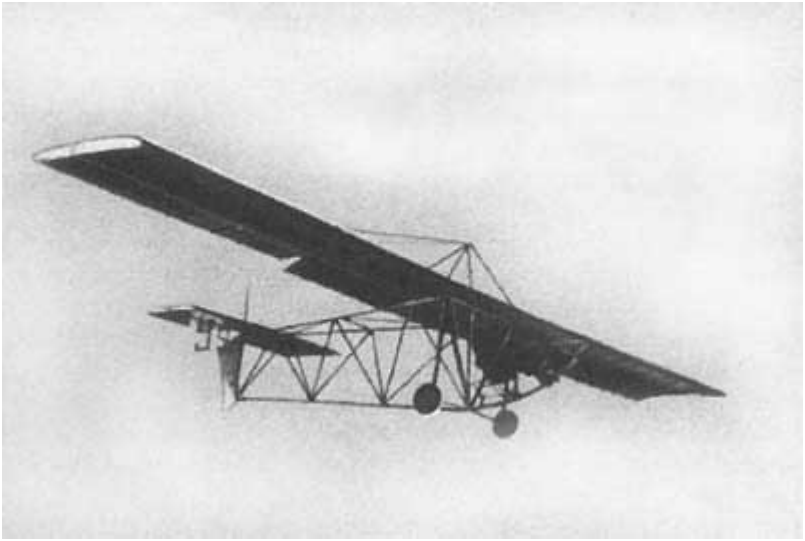
Королев помолчал, потом сказал задумчиво, «особенно мечтательно», как пишет Большой:

– Очень хочется побывать в Одессе. Только не сейчас и не вот так. Придет время и мы так еще походим...

Он не знал, что время это так и не придет. И, может быть, зря не задержали его тогда синоптики хоть на несколько часов в Одессе. Ведь ему так давно хотелось этой встречи. Он понимал, что нельзя вернуться в молодость, в «самые золотые годы жизни», как напишет он потом об Одессе. Просто сердце просилось в те края, хотелось посидеть на камнях Аркадии, рано-рано утром пройти по Пушкинской, еще сонной и влажной в длинной розовой тени платанов, и за блестящей бронзовой головой поэта увидеть вдруг море впереди.

КПИР-3 конструкции С.И. Карацубы и Е.Ф. Амбольда в полете.

Летом 1925 г. на нем летал С.П. Королев



РАЗБЕГ

11

Единственный путь к достижению прочной устойчивости жизни – непрестанное движение вперед.

Генри Уоллес

Московский воспитательный дом «для зазорных младенцев, коих жены и девки рожают беззаконно», был учрежден еще в царствие Екатерины II. Для пристройства «зазорных» к жизни надобно было дать им в руки какое-либо дело, и 1 июля 1830 года принят был устав Ремесленного училища. Через четырнадцать лет издан был новый устав, где предписывалось готовить не просто ремесленников, но мастеров с изрядными знаниями по теории. В семидесятых годах училище превращается в высшее учебное заведение. Все более острая нужда в инженерах повышает авторитет МТУ, диплом его по ценности своей начинает соперничать с университетским, методики и учебные программы отмечаются на всемирных выставках медалями, и, в признание особых его заслуг, нарекается толстостенный приземистый дом на Яузе звонким титулом Императорское техническое училище (ИГУ).

Но как ни толсты были старинные стены, не могли они отгородить обитателей этого дома от мятежных ветров XX века. И вот уже бурлит, клокочет толпа, и звучат гневные речи над телом красивого, совсем еще молодого человека с острой рыжеватой бородкой. Сюда, в чертежный зал, принесли его уже мертвого, с разбитой головой, и сотни ног идущих следом людей зашаркали капли его крови на сером от старости кафеле. Отсюда начались его похороны – это неизвестная еще до той поры николаевской державе многотысячная политическая демонстрация, страшное своей нескрываемой яростью шествие. Как эхо набата, зовущего в бой, разнеслось над Россией его имя – Николай Бауман. И настал день, когда звонкая приставка «императорское» стала бессмысленной, смешной и отвалилась, как кокарда с фуражек. Началась новая история – история Московского высшего технического училища. МВТУ пережило все трудности первых лет революции. Были дни, когда, казалось, совсем уже угасает жизнь в старом здании, но энергия и вера раздували чуть тлеющий уголек, отогревались, оживали аудитории, лаборатории, мастерские, месяц за месяцем, год за годом налаживалась новая

жизнь.

Не в один день можно было примирить тридцатилетних мужчин в черных шинелях с голубым кантом, на петлицах которых поблескивали молоточки, а на погонах – золотой вязью вышито ИТУ и странная эмблема – пеликан, с вчерашними рабфаковцами – насупленными парнями в застиранных косоворотках, замасленных картузах, иные из которых лишь несколько месяцев назад научились читать. К 1926 году училище напоминало горячий котел, где под «пенкой» внешнего благополучия и административной организованности не остыла еще вчера клокотавшая классовая неприязнь.

Ни по возрасту, ни по убеждениям, ни по происхождению своему Сергей Королев не мог примыкать к лагерю бывших «императорских» студентов. Однако анкета его, где под пунктом «Бывшее сословие родителей» значилось «из мещан», указывала на некую социальную ущербность. В 1927 году среди выпускников МВТУ было 13 процентов детей рабочих, а из них лишь 4,2 процента коммунистов и комсомольцев. Именно в этот год началась пролетаризация училища. Даже газета называлась «Пролетарий на учебе». Королев кампанию эту поддержать не мог. Хотя он и работал с шестнадцати лет, но пришел учиться не «от станка» и не «от сохи». Сергей Королев не мог считаться стопроцентным «красным студентом». Его числили скорее в «розовых». Отношение к таким, как он, было не враждебным, но несколько настороженным. Подай, например, он заявление с просьбой принять его в комсомол, – наверняка бы не приняли. Комячейки, как называли тогда первичные организации, представляли собой маленькие, замкнутые коллективы человека по три-четыре. Как правило, это были ребята, отслужившие в Красной Армии, даже участники гражданской войны. После 1924 года, когда объявлен был Ленинский призыв в партию и комсомол, комячейки стали менее келейны, но все равно – принять в комсомол сына учительницы французского языка, у которого отчим – «спец», учившийся в Германии, – это уж чересчур, явная потеря «классового чутья». Может быть, поэтому невероятная молодая энергия Королева не оставила никакого следа в общественной и политической жизни училища. Огромный заряд ее без остатка был направлен в дело, которому он уже твердо решил посвятить всю свою жизнь, – в авиацию.

Авиационные достижения МВТУ в ту пору уже были всемирно известны. Сюда в 1872 году пришел Жуковский. Здесь в 1902-м заработала одна из первых в мире аэродинамических труб, а восемь лет спустя была создана аэродинамическая лаборатория. Здесь, в гнезде Жуковского, оперялись его «птенцы» – учителя

сегодняшних учителей. Здесь, с косогора над Яузой, еще в 1910 году летал на планере второкурсник Андрей Туполев.

Сергея приняли в МВТУ сразу на третий курс, где как раз начинали читать специальные дисциплины. После «абстрактных» лекций в КПИ по математике, физике, химии и сопромату одни названия этих курсов: «Динамика полета», «Аэродинамический расчет самолета», «Конструкция самолета» звучали для Сергея как музыка.

Наконец увидел он тех, о ком столько слышал: неожиданно молодой Андрей Николаевич Туполев прочел им первую вводную лекцию. Сергея сразу очаровала простота и непосредственность Владимира Петровича Ветчинкина. Ветчинкин был первым в России дипломированным инженером по самолетостроению. Развивая теорию гребного винта Жуковского, он прославился как крупнейший специалист по расчету лопастей на прочность, проектировал самолетные, геликоптерные винты и огромные вентиляторы аэродинамических труб. И вот этот известнейший 38-летний профессор разговаривал с ними как с коллегами. В своих лекциях он мог повторяться или «перепрыгивать» через какую-нибудь тему, но всегда говорил необыкновенно живо, интересно, сам вызывая дискуссии, радостно откликаясь на вопросы. Однажды Костя Федяевский, который учился с Королевым в одной группе, залез на скамью и стал пускать бумажных «голубей». Вошел Ветчинкин. Костя спрыгнул и покраснел как рак.

– Нет, нет, продолжайте, – строго сказал Владимир Петрович. – Давайте-ка разберемся, как они, собственно, летают.

Посещать лекции было не обязательно, но на лекции Алексея Михайловича Черемухина ходили дружно всем курсом. Черемухин окончил школу летчиков еще до революции, был инструктором в Севастополе, а потом с первых дней жизни Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) начал работать в аэродинамической лаборатории, строил уникальные аэродинамические трубы. Жуковский угадал в нем человека разносторонне талантливого. Необыкновенно обаятельный, веселый человек, путешественник, спортсмен, музыкант, Черемухин сразу влюбил в себя студентов. Он читал курс расчета самолета на прочность, а именно этот курс ребята считали самым важным: ведь все до одного мечтали о самостоятельной конструкторской работе, о «своих» машинах. Кстати, у Черемухина «своих» самолетов не было. В 20-е годы он работал с конструкторами Александровым, Калининым, а потом – многие годы – в КБ Туполева. Вместе с ним был репрессирован, потом освобожден. Алексей Михайлович стал доктором технических

наук, лауреатом Ленинской премии...

Борис Николаевич Юрьев в 1907 году бросил ради авиации Московский кадетский корпус. Первым в мире дал он теоретическое обоснование полета вертолета, или геликоптера, как называли тогда бескрылую машину. Во время войны он попал в германский плен. Но как только вернулся в Россию, сразу – к Жуковскому. Юрьев был женат на дочери Николая Егоровича Елене и считался самым любимым его учеником. Он был чем-то вроде декана аэромеханического отделения и читал экспериментальную аэродинамику. Юрьев постоянно воевал со многими членами ученого совета МВТУ, глубоко убежденными, что человек, не сделавший проект парового котла, не может получить диплом Московского технического училища.

– Поймите, это совершенно новая область машиностроения, требующая принципиально новой методики подготовки специалистов! – так он разговаривал с профессорами.

– Поймите, авиация – это целый мир, а не некая дисциплина «от сих до сих». Если вы будете так учиться, то лучше сразу идите в мыловары! – так он говорил со студентами.

Гурген Никитович Мусинянц, Константин Андреевич Ушаков, Борис Сергеевич Стечкин, Николай Васильевич Фомин – «отцы» ЦАГИ, ведущие авиационные специалисты того времени – стали учителями Сергея Королева. Никто из них не смог бы провести границу между своей работой в ЦАГИ и преподаванием в МВТУ. Подготовка молодых специалистов была для них не некой абстрактной общегосударственной задачей, а делом, если хотите, сугубо личным, от которого прямо зависела работа их отделов и лабораторий, будущее их собственных планов.

Система подготовки инженеров на базе научно-исследовательских учреждений, расцененная в 50-х годах почти как открытие Московского физико-технического института, существовала за 30 лет до этого на аэромеханическом отделении МВТУ. На третьем курсе практически все студенты работали в лабораториях ЦАГИ. Проводить занятия в ЦАГИ или в МВТУ – такой вопрос считался совершенно непринципиальным, благо они были соседи. И чуть ли не с первого курса все что-то проектировали и строили: Геннадий Бертош – планер, Савва Кричевский – авиетку, Саша Сильман – глиссер. И, помимо этого, все еще где-то работали – чертежниками, механиками, иногда уже конструкторами на инженерных должностях. И работа была делом не менее важным, чем учеба, и преподаватели понимали это, вводя свободное посещение лекций, понимали, что имеют они дело не с гулёнами, а со взрослыми, серьезным и занятыми людьми, которым трудно живется.

Работа объединяла их больше учебы: через много лет: вспоминая свои студенческие годы, они чаще и вернее называют своих сослуживцев, чем сокурсников. В МВТУ, в группе, где Сергей учился, у него не было ни одного друга, такого, как Валя Божко в Одессе, как Михаил Пузанов в Киеве. Но были друзья, с которыми его роднили не лекции и семинары, а работа.

Сергей огляделся и освоился чрезвычайно быстро. Он понял одну очень важную особенность: московский коллектив был более демократичным в сравнении с киевским. Конечно, на третьем курсе уже существовали какие-то группки и группы, но ни одна из них не угнетала других. Тут не было киевской иерархической пирамиды, авторитеты не давили, здесь была та свобода творчества, о которой он так мечтал. У всех было свое дело, и ему оставалось сделать выбор.

Уже в первую неделю Королев явился в АКНЕЖ[8], потом разыскал на своем факультете студента Владимира Титова, директора самодеятельной планерной школы, и тут же записался на летное отделение. Теперь каждое воскресенье ранним утром мчался он на Павелецкий вокзал и уезжал в Горки Ленинские на планерную станцию.

В ноябре 1926 года на объединенном заседании президиумов двух обществ – Авиахима и Общества содействия обороне принято было постановление об их слиянии в Осоавиахим. В январе должен был состояться первый съезд Осоавиахима, и они решили «разбиться», но станцию к съезду открыть. Подновляли сараи, громко именовавшиеся ангарами, ремонтировали планеры, в свободные минуты ребята из первого набора школы, «старички», зачисленные еще в январе, подлетывали. Сергей завидовал, но амортизаторы тянул на совесть, знал – придет и его час... Короче, сразу, с первых недель московской жизни, заработал Сергей Королев на полных оборотах, так что домой на Александровскую[9] доплетался вечером уж чуть живой.

9 декабря 1926 года «Комсомольская правда» объявила, что по ее инициативе и при поддержке Московского комитета комсомола организуется трехдневная экскурсия в Ленинград. За 18 рублей каждый участник экскурсии обеспечивался общежитием и трехразовым питанием. В программе: осмотр исторических памятников и поездка на Волховстрой. Бауманский райком получил 75 билетов, и Сергей Королев взялся их распространять. Желающих было немного. Вернее, желающих хватало, но мало было желающих с 18 рублями. Планировалось, что поедут 600 человек, но едва половина записалась.

23 декабря, морозным туманным утром, собрались на Каланчевке. Вокзал гудел от молодых голосов, все были радостно

возбуждены, суетились, смеялись, кто-то кого-то все время искал. Поезд не подавали, и волнение от этого усилилось. Представитель НКПС[10] начал вдруг туманный разговор об «утепленных теплушках», все зашумели, закричали: «Даешь вагоны!» Вся затея, казалось, уже была под угрозой срыва, но объявили вдруг, что выделено 270 мест со скидкой. Наконец из темноты, куда убегали тусклые блики рельсов, лихо свистнул, застучал, заскрежетал могучий паровоз «пасифик» и медленно причалил к перрону долгожданный поезд № 8-бис. С веселой толкотней набились в вагоны. Тронулись.

Не спали, разумеется, почти всю ночь, заглушая колесные перестуки, пели песни, кашляли от синего дыма дешевых папирос и хохотали над разными историями, смешными и не очень. Сергей, как старший группы, набегался, наволновался и теперь, устало привалившись к стенке, поглядывал в окно, за которым ровно стояла, скрадывая движение, непроглядная густая темень. Напротив него сидел совсем молоденький голубоглазый парень. Сергей вспомнил, что видел его в МВТУ, мелькало его лицо в АКНЕЖе. Разговорились.

Петр Флеров хоть и был первокурсником, но парнем был тертым. Узнав, что Петр летал еще в 1922 году, Сергей зауважал его и, чтобы не ударить лицом в грязь, тоже стал вспоминать, как летал в Одессе на гидросамолетах, в какие переплеты попадал, как с крыла прямо в море упал, кое-где приукрасил, но исключительно для полноты впечатления и стройности рассказа. Петр рассказал, что помогал вместе с Кричевским Невдачину строить маленький самолет. Опять заговорили об училище. Сергей агитировал нового знакомого поступать в планерную школу, приглашал в Горки на полеты и в трубу – в старой, уже три года не работавшей аэродинамической трубе строили планеры. Тесное здание трубы с огромными «ушами» диффузоров по бокам для этой цели было совершенно непригодным, не говоря уж о том, что в трубе было жутко холодно. Натопить ее было невозможно, она продувалась насквозь, но никого это не смущало. Как писал позднее начальник планерной школы Титов: «... некоторые из курсантов бросали свои семейства, работая чуть ли не полные сутки в очень непривлекательной тогда обстановке». Но Сергей так расписал это, что Петр решил сразу по возвращении в Москву отправиться к планеристам.

Утром приехали в Ленинград, вышли на площадь. В густых сумерках глыбой навис над ней Александр III – злая бронзовая насмешка Паоло Трубецкого. Ребята приутихли, песен не пели. Вся разношерстная толпа – одни с чемоданами и пледами, другие с газетками в руках – опять зашевелилась. Петр хотел прибиться к

Сергею, но тот куда-то исчез. Один раз Петру показалось, что мелькнула знакомая коренастая фигура в картузе, в новых глубоких калошах и словно растаяла.

Три дня в Ленинграде прошли на одном дыхании, без сна, а про обещанное трехразовое питание и вовсе забыли. Сергея поразила непохожесть Ленинграда на все другие города, которые он видел, глубокая, покойная гордость, строгая красота улиц и то неизвестное другим городам таинство, с которым улицы влекли человека в глубину лет, заставляли думать о прошлом и будущем. Странно, но Древний Киев не рождал такого ясного ощущения хода времени, каким пропитывал тебя Ленинград. Днем они промчались по залам Эрмитажа, и экскурсовод, тоненькая голубая девочка, почти с плачем кричала им вслед:

– Здесь 1057 комнат! Это семь с половиной верст!

Вечером побывали на «Красном путиловце» и «Красном треугольнике». Ночью поехали на Волховстрой. Теперь уже спали. Никаких песен, никаких тебе папирос.

На Волховстрое провели целый день. Станцию открыли всего неделю назад. Она еще алела кумачом недавнего праздника, а в день их приезда – повезло! – пускали последнюю шведскую турбину. Г.О. Графтио, главный инженер Волховстроя, волновался, когда говорил о пуске, но все обошлось хорошо. Сжавшись в плотную кучку, прошли они по туннелям Волховстроя, робко заглядывая вниз, где тяжело рушилась зеленая стена воды. Потом Сергей смотрел на невидимое глазу вращение турбины, словно подернутой туманной зыбкой пеленой, и верилось в её движение только благодаря тихому ровному подвыванию. В машинах ощущалась мощь, уверенная сила и солидная тяжесть, но никогда не смог бы он променять на это легкость самолета и зыбкость планера и снова порадовался, как все хорошо устроилось у него с МВТУ.

На третий день ходили к Медному всаднику, разглядывали его со всех сторон, удивлялись, отчего царь босой, а Сергей про себя отметил, что у Петра, высокого сильного мужика, такая неестественно узкая лодыжка. Потом, задравши голову, смотрели на Исаакий, читали диковинную надпись: «Господи, силой твоей да возвеселится царь!» – и спорили, что бы это значило.

Уже к вечеру попали они в Петропавловскую крепость. В сером свете еще страшнее чернели казематы и зловещие карцеры Трубецкого бастиона.

Пройдет совсем немного времени, и здесь, в Иоанновском равелине, забьется огненное сердце жидкостного ракетного двигателя, здесь поселятся замечательные люди, судьбы которых теснейшим образом переплетутся с судьбой нашего героя, отсюда

потянутся в его жизнь корни великих побед и горчайших минут отчаяния...

В поезде только и разговоров было, как славно съездили...

Когда Володя Титов спал, никто не знал. Он работал на аэродроме ВВС, учился на механическом факультете МВТУ, а вечером превращался в начальника планерной школы. Праздники и выходные – в Горках.

Все работали в школе только на общественных началах. Фадеев, Фролов, Афанасьев читали курсантам теорию авиации. Колесников, Дубак и Ромейко-Гурко – конструкцию летательных аппаратов. Два студента, сидящие днем на одной скамейке, вечером превращались в учителя и ученика. Это никого не смущало: серьезное дело. Все было, как в самой настоящей летной школе: медицинская комиссия, мандатная комиссия. Когда сказали, что надо идти к врачам, Сергей засмеялся, думал – разыгрывают. Оказалось, без справки не примут. Послабление было единственное: как студенту третьего курса, ему разрешили не ходить на лекции по аэродинамике. На все остальные – в обязательном порядке.

Занятия проводили в пустом доме на улице Белинского, который разыскали и отремонтировали еще до приезда Королева в Москву. А конструкторы нашли подвал на Садово-Спасской, просто замечательный, чистый и сухой подвал, даже уютный. Сергей часто работал там. И вот опять, как с Петропавловской крепостью: мог ли знать он, что через пять лет вернется в этот подвал, чтобы начать главное дело своей жизни!

По воскресеньям надо было на Павелецком так подгадать к поезду, чтобы к 10.00 утра всем быть у «штаба». Штаб помещался в избе дяди Вани Потатуева. Старик любил планеристов, иногда выставлял котелок картошки и поил чаем. Чай был очень кстати: зима в тот год была ранняя – с начала декабря московские извозчики уже пересели на сани – и холодная. Между собой клятвенно договорились: полеты отменяются только при морозе более 26 градусов и во время бури. Никаких бурь и в помине не было, и мороз такой силы не набирал, так что летали всегда.

В Горках командовали инструкторы Карл Михайлович Венслав, Анатолий Александрович Сеньков и Владимир Георгиевич Гараканидзе. От них все зависело: полетишь или с амортизаторами целый день бегать будешь, а если полетишь – на чем полетишь. Произвола, впрочем, никакого не было. Гараканидзе вместе с Венславом и Андреем Юмашевым составили толковую программу полетов, где все было четко расписано. Но все равно инструктор – хозяин.

Планеры лежали в ангаре того же авиационного мецената

дяди Вани Потатуева. Планеров было немного: учебный «Пегас» – подарок немецких планеристов; учебный «Старайся вверх» Ромейко-Гурко – упорное его нежелание летать быстро закрепило за ним прозвище «Стремимся вниз»; рекордный планер Чесалова «Закавказец», ставший знаменитым после полетов в Германии, и, наконец, планер Люшина и Толстых с фантастическим названием «Мастяжарт» – «Мастерские тяжелой артиллерии» – там строили этот планер.

Перед самым открытием планерной станции ударил мороз до 20 градусов, и думали, что начальство не приедет. Однако в воскресенье, 23 января, приехали все: гора прямо черная была от фигурок. Быстро вытащили и собрали планеры.

«Хороший планерист – это хороший летчик», – говорил, открывая торжества, второй заместитель наркомвоенмора С.С. Каменев. За ним на маленькую, наскоро сколоченную из досок трибуну поднялся Базилевич, командующий Московским военным округом.

«От детской забавы – к серьезной учебе, от планерного спорта – к самолету...»

Изо рта командующего шел пар. Было очень холодно, переминались с ноги на ногу, стучали валенками, терпели. Речи были энергичные и короткие. Сергей с тревогой поглядывал на прямую струйку дыма, поднимающегося из трубы дяди Вани Потатуева, летать при таком безветрии будет нелегко.

Опасения его подтвердились. Когда после речей начались полеты, «Старайся вверх» с Сапрыкиным так и не сумел оторваться от наста. Сапрыкина сменил сам (!) Арцеулов, но планер не полетел. Это был конфуз. Положение спас «Закавказец». Он взмыл быстро и плавно пошел под горку на поле, где в дровнях кутались в тулупы замерзшие врачи. (Над врачами вечно иронизировали и дразнили «помощниками смерти».)

Программа торжеств была выполнена вся, за исключением одного пункта: не появился Гараканидзе. Он должен был прилететь из Москвы на воздушном шаре и торжественно передать его первому Всесоюзному съезду Осоавиахима. И не прилетел. Все решили, что шар опустился где-нибудь на полпути. В поезде Сергей с ребятами дышали на заиндевевшие окна и в маленькие глазки поглядывали на окрестные поля: не видно ли Гараканидзе? Шара и пилота нигде не было.

Его не нашли ни на следующий день, ни через два дня, ни через три. О необыкновенном случае этом писали в газетах, просили каждого, кто заметит какой-либо летающий предмет, похожий на шар, немедленно сообщить в Москву. Был только

один сигнал: шар видели где-то в районе Вербилок на довольно большой высоте. Установили, что Гараканидзе перед стартом ради облегчения шара снял корзину и полетел, сидя просто на дощечке, как на качелях, в тонкой шинельке и сапогах. Все уже считали его погибшим, когда на шестой день поисков пришла телеграмма со станции Шарья Северо-Двинской губернии: жив, здоров. Потом оказалось, что прямо со старта его подняло на высоту 700 метров и понесло. Где-то между Дмитровом и Тверью шар попал в ураган, его закрутило, и как Гараканидзе удержался на своей дощечке при такой болтанке, уму непостижимо. Потом стало темно. По шуму деревьев Гараканидзе понял, что шар снизился и летит над лесом. Утром он увидел избушку и сел на краю деревни. Погрузив свой шар, четыре дня на санях добирался до Шарьи. Он установил мировой рекорд, пролетев за 15 часов 702 километра. Было 36 градусов мороза.

Может быть, эту почти трагикомическую с сегодняшней точки зрения и героическую для тех лет историю и не стоило бы вспоминать, если бы не одно обстоятельство: Владимир Георгиевич Гараканидзе – один из первых учителей Сергея Королева по планеризму.

Это был беспредельно влюбленный в авиацию человек, настоящий романтик неба, для которого слова «полет человека» звучали так чисто, звонко и волнующе, как мы, приученные к доступности Ту и Ил'ов, уже не слышим их. Это он сумел заразить своего ученика жаждой полета, которую Королев не мог утолить всю жизнь.

Королев летал на «Пегасе» до весны каждое воскресенье и по праздникам: 12 марта – день свержения самодержавия, 18 марта – годовщина Парижской коммуны. Летал неплохо. Впрочем, каждый считает про себя что он летает лучше всех. И, в общем, они были правы, эти мальчишки, потому что много лет спустя из их группы выросли действительно замечательные летчики: Антипов, Аронов, Гуща, Гродзянский, Ефимов, Карапалкин, Моисеев. Тогда они были удивительно самолюбивы и, если одному что-то удавалось, другой не мог успокоиться, пока не добивался похожего результата. Как завидовал Сергей Петру Флерову, когда тот освоил виражи и его с «Пегаса» пересадили на «Мастяжарт», а потом даже на «Закавказец»! Как ликовал, разумеется, не показывая виду, когда сам сел на «Мастяжарт!» Теперь в МВТУ он был не просто студентом Сергеем Королевым, он был одним из тех избранных, которые летают!

Но вот стало припекать солнышко, снег на южном склоне горы стаял, бегать с амортизаторами было трудно, поле вовсе развезло, и в последнее воскресенье марта решили устроить

экзамен. Требовалось пролететь 30 секунд и сделать два разворота: вправо и влево. Опять приехало большое начальство. (На паровичке. Взять в воскресенье казенный автомобиль было рискованно: не ровен час, угодишь в «Крокодил».) Известно, что именно тогда, когда появляется высокое начальство и ответственные комиссии, случаются всякие неприятности, срабатывает «визит-эффект», но на этот раз все прошло гладко, все слетали замечательно. Титов был счастлив совершенно, Венслав переживал за всех страшно, кричал истошным голосом: «Подтягивай!», «Отжимай!», – потом, радостный, похлопывал новоиспеченных планеристов по плечу и называл «орлами». Через несколько дней Сергей Королев вместе с другими курсантами получили в Осоавиахиме отпечатанный на машинке диплом планериста.

Одновременно с полетами в Горках, со строительством планеров в трубе, с теоретическими занятиями на улице Белинского, с конструкторской работой в подвале на Садово-Спасской, наконец, с занятиями в аудиториях, лабораториях и мастерских МВТУ Сергей Королев весьма активно проявлял себя в АКНЕЖе.

В академическом кружке имени Жуковского не столько изучали науки, сколько строили разные машины, механизмы, аппараты. Здесь можно было получить толковую консультацию у опытных инженеров (которые работали, разумеется, на общественных началах), проверить свои расчеты, а главное, поспорить с такими же одержимыми, как ты сам. Тут выписывали какие-то справки, совершенно «липовые» требования на материалы, и все хозяйственники прекрасно понимали, что это «липа», но иногда все-таки давали что-нибудь, растрогавшись молодостью просящего и наивностью его ссылок на авторитет «отца русской авиации».

Весной 1927 года Сергей Королев познакомился в АКНЕЖе с Саввой Кричевским, который был на курс моложе, но работал там уже не один год. Вместе они задумали построить авиетку – легкий самолет СК (инициалы обоих авиаторов счастливо совпадали). Работали они месяца три-четыре, затрачивая уйму времени на споры и ссоры: оба были исключительно упрямы, и в каждом замечании одного другой усматривал некое посягательство на независимость своего творчества. Очевидно, они были очень похожи друг на друга, и это им мешало. Никто не удивился, когда союз этот распался. Савва начал проектировать новый самолет. Сергей продолжал работу над авиеткой, но занимался ею урывками: времени даже у него не хватало. (Несмотря на то что деловые отношения прекратилось, Королев и

Кричевский дружили до самой смерти Саввы Симоновича, умершего совсем молодым в 1935.)

А времени Сергею не хватало потому, что в мае 1927 года он стал работать на авиазаводе № 22 в Филях, который по привычке все звали «русско-балтийским». С этого момента Королев уже «официально» числится конструктором.

Теперь он был занят действительно круглосуточно. Позабыл, когда был в театре, в кино, когда выпил последнюю кружку пива, да чего там, – когда просто просыпался без будильника. Иногда только успевал заглянуть в газеты. «В Москву из Германии прибыло 9 слонов для Госцирка...» «400 телефонов-автоматов установлено в столице...» «На Большой Лубянке открылась обсерватория...» Масса всяких интересных вещей творилась рядом, а он ничего не знал о них, не успевал узнавать.

В Горках распахали луговину и полеты прекратились. Но летать хотелось! Очень хотелось, и не ему одному. Успокоиться на дипломах ребята из планерной школы не могли, рыскали по Подмосковью в поисках подходящей для полетов площадки. Однажды прибежал, размахивая картой, радостный Анатолий Сеньков:

– Вот смотрите, что я нашел! Деревня Филино за Химками. Маленькая горушка и поле. Все, что надо...

Петра Флерова послали на разведку. Петр покатил в Филино на велосипеде, а вечером, разложив снятые кроки, докладывал о результатах своих поисков:

– Летать там можно. Надо только расчистить некоторые места от кустарника...

Петра Васильевича Флерова можно считать «крестным отцом» станции Планерная – места, которое известно сегодня каждому москвичу.

Школа готовилась к Всесоюзным планерным испытаниям в Коктебеле. Организовали тренировочную группу – «треньгруппу», летали, ремонтировали планеры. Королев понял, что мечта его наконец осуществится: теперь-то уж он увидит Коктебель!

Все обернулось для него даже более счастливо, чем он предполагал. Ляля прислала из Харькова письмо, в котором приглашала его в Крым. Она с родителями собиралась провести каникулы в Алупке.

Первые дни в Крыму он никак не мог отвыкнуть от ритма своей московской жизни, все время куда-то торопился, лазал по горам, заплывал в неоглядную даль. А потом как-то сразу вдруг почувствовал, что устал, и понял, что никуда не надо нестись, бежать, что можно гулять с Лялей час, два, три, целый день по Воронцовскому парку, сидеть в кипарисной тени, лежать,

зажмурившись, на камнях, подставив лицо солнцу. Беззаботное время в жизни С.П. Королева исчисляется немногими неделями. Может быть, эти дни в Алупке были самыми беззаботными.

Но все кончается, а беззаботные дни – тем более. Ляля уехала в Харьков, Сергей – в Коктебель. После яркой, сочнозеленой Алупки Коктебель показался Сергею пустым и скучным. Не сразу оценил он его нежную, акварельную красоту, мягкость и благородство его красок, особенный воздух, золотой от солнца, пропахший полынью и морем. Недаром поэт и художник Максимилиан Александрович Волошин писал об этих местах:

Я много видел. Дивам мирозданья
Картинами и словом отдал дань,
Но грудь узка для этого дыханья,
Для этих слов тесна моя гортань.

Кстати, Максимилиан Волошин имел самое прямое отношение к планерным слетам. В 1920 году, прогуливаясь по окрестностям Коктебеля вместе с Константином Константиновичем Арцеуловым – уже тогда знаменитым летчиком, Волошин поднялся на гору Узун-Сырт. Они остановились у обрыва на южном склоне горы, когда порыв ветра сорвал с головы Волошина шляпу. Но шляпа не упала в крутояр, а, поднявшись вверх, тихо опустилась на пологом северном склоне. Волошин снова и снова бросал шляпу, и всякий раз ее поднимало вверх.

– Здесь восходящий поток! – воскликнул Арцеулов. – Вот где надо летать на планерах!

Через три года по инициативе Арцеулова здесь, на Узун-Сырте, состоялись первые Всесоюзные планерные испытания, проводившиеся затем за редким исключением ежегодно до 1935 года. Сергей Королев впервые попал на четвертые планерные испытания.

После больших состязаний 1925 года[11], в которых участвовало 40 планеров, испытания 1927 года были довольно скромными. Из Феодосии на мажарах, длинных телегах с высокими бортами, неспешно притянули к Узун-Сырту «Мастяжарт» Люшина и Толстых, новый планер Толстых ИТ-4, «Закавказец» Чесалова, «Жар-птицу» Тихонравова, Вахмистрова и Дубровина, «Дракона» Черановского, Г-2 Грибовского, «Чайку» Ивенсена, АВФ-20 Яковлева, КПИР Яковчука и два планера из Харькова – Шпака и Горобца.

– А, и ты здесь! – воскликнул Яковчук, завидев Королева. – Пробрался-таки! Небрежно снисходительный тон Яковчука не

понравился Сергею. Смолчал. Знакомых было много: Петр Флеров, Сергей Люшин и Игорь Толстых – они вместе летали в Горках и в Краскове, киевские приятели Владислав Грибовский и старый друг Алексей Павлов. Но после Алупки, после коротких этих сладких дней, проведенных с Лялей, Сергей был в минорном настроении, искал уединения на пляже, даже поселился один в маленьком домике. Неподалеку жили Грибовский, Люшин и Павлов. Однако уединение Королева было нарушено очень скоро стихиями весьма грозными.

Ночью Люшина разбудил какой-то шум и треск, казалось, кто-то ломится в дом.

– Кто здесь? – спросил Люшин.

– Кто здесь? Стрелять буду, – Грибовский выхватил парабеллум. В 27-м году он был инструктором школы стрельбы и бомбометания в Серпухове, и ему, как военлету, полагалось носить оружие, чем он очень гордился. Угроза не подействовала: дом опять тряхнуло.

– Братцы! Землетрясение! – первым догадался Павлов.

Выскочили на террасу. Отовсюду слышались крики людей. Это был один из последних отголосков знаменитого крымского землетрясения 1927 года.

Оставаться в двухэтажном доме было опасно, и Сергей Люшин попросился на постой к Королеву. Они поселились вместе и очень скоро подружились. В Коктебеле их звали «Сережа черный» (Королев) и «Сережа рыжий» (Люшин): их различали по цвету кожаных курток.

Сергей Николаевич Люшин был старше Королева на пять лет. Он тоже учился в МВТУ, интересовался авиацией и строить планеры начал еще в 1922 году, когда помогал Арцеулову делать его А-5. В 1923 году планеры строили буквально все. Когда Сергей Королев на Платоновском молу набрасывал первые контуры К-5, в Москве Борис Черановский заложил свою первую «параболу», Игорь Толстых – «Коршуна», Николай Анощенко с мальчонкой Шуркой (это был будущий генеральный конструктор А.С. Яковлев) строил простейший балансирный планер «Макаку», Владимир Вахмистров с Алексеем Дубровиным и Михаилом Тихонравовым – АВФ-1 – первый планер Академии воздушного флота, Владимир Пышнов – «Стрижа». Позднее Сергей Люшин вместе с Анатолием Жардинье тоже начал строить планер. Люшин был участником самых крупных коктебельских испытаний 1925 года. Короче, Люшин всех тут знал, его все знали, и для такого новичка, как Королев, знакомство с ним было просто находкой.

Силы отталкивания, присущие, как известно из физики,

зарядам одноименным, которые действовали в союзе Королева с Кричевским, сменились силами притяжения, потому что Королев и Люшин были как раз, если можно так сказать, очень «разноименными». Житейская мудрость, неторопливая сосредоточенность и организационная беспомощность «Сережи рыжего» прекрасно дополнялись энергией, решительностью, быстротой выводов и удивительной способностью давать движение всему с ним связанному «Сережи черного».

Начались коктебельские будни, споры на техкомиссиях, полеты от зари до зари. Метался злой как черт Грибовский: техкомиссия забраковала его планер Г-2. Он кричал, что Г-2 лучше КПИРа, но Яковчук летал, а Грибовского не допускали.

– Хвост короткий, – говорили в техкомиссии.

– Вот расчеты, – Грибовский совал тетрадки с колонками цифр. Игорь Толстых тоже ходил расстроенный: он сам хотел первым испытать свой ИТ-4, но опоздал, и планер уже «объездили». Высокие споры в техкомиссии и переживания Игоря были Сергею Королеву пока недоступны, ему бы попросту полетать. И, по правде говоря, завидовал он больше не конструкторам, а летчикам, Евгению Птухину – он облетывал «Жар-птицу», Сергею Корзинщикову – он летал на «Драконе». Летать Королеву очень нравилось.

Нравилось, но выдающимися успехами похвастаться в ту осень он не мог.

Многие ребята из их планерной школы летали лучше Сергея. Васю Ефимова сажали даже на «Закавказца». Петр Флеров полетел на АВФ-20 и загробил его на посадке. Сам даже не поцарапался. Петра раньше времени отправили в Москву, но, честно говоря, и Петр лучше летал... А Грибовский! Все-таки уговорил техкомиссию, полетел и залез выше Яковчука. С каким шиком сел! Яковчук в долину, а он на гору... Королев всегда был очень самолюбив. Он понимал, что победить можно только в упорной работе, и использовал любую возможность, чтобы подняться в воздух. На ИТ-4 у него получалось неважно, машина была чересчур чуткой, на «Мастяжарте» – лучше. Помог тут и Люшин, все рассказал о норове своего планера.

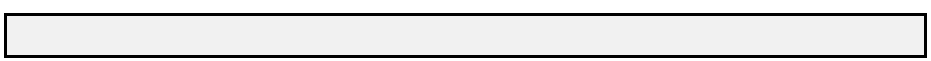
Как хорошо ему было там, в небе! Нет, это не стихийное птичье счастье движения – он получал удовольствие не только от многократно описанного летчиками и не летчиками чувства слияния с машиной, но – не меньше – оттого, что понимал, как, почему, отчего накренилась она чуть вправо, качнула крыльями, клюнула носом. Удлинение и профиль крыла, коэффициент подъемной силы, массовая плотность воздуха – все символы в формулах, все цифры расчетов в небе превращались из

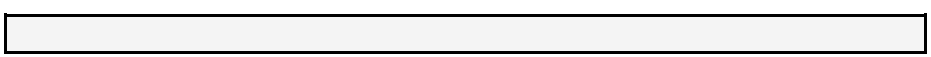
абстракций в реальность, мертвые на бумаге, они словно оживали здесь, у облаков...

Однажды они сфотографировались на память у яковлевского АВФ-20 – десять совсем молодых ребят-планеристов. Фотография эта в 60-х годах висела на стене в домашнем кабинете Сергея Павловича. Иногда он подходил и подолгу всматривался в веселые молодые лица: «В белых трусах Карапалкин, он поступил потом в школу летчиков, а рядом здоровяк Иван Крысанов, он летал плохо и остался шофером. Это я. Вихрастый Вася Ефимов, столяр, стал потом заводским летчиком-испытателем и погиб в 1947-м на „Дугласе“. Гродзянский. Был во время войны летчиком-перегонщиком, летал в Америку, попал в обледенение и погиб. Анатолий Сеньков. У него вид заправского пилота, в шлеме, в гетрах. Он ушел потом в ЦАГИ. Сергей Люшин. Вот таким был он тридцать лет назад. Звал к себе. Не пошел, всю жизнь в авиации. Карл Венслав. И его нет. Петр Флеров. Все-таки сманили Петра ракеты, хотя долго не отпускали его самолеты. Максим Моисеев. Он стал истребителем. Погиб в воздушном бою на И-153...»

Десять молодых ребят, не ведающих о дорогах, по которым им предстояло пройти, улыбались Главному конструктору со старой фотографии...

Поезд шел в Москву. Сергей лежал на верхней полке. Внизу ребята играли в карты. Сам удивлялся: азартный парень, он всегда был равнодушным к картам. Лежал, дремал (в последние дни спали мало), просыпался, думал. Вот прошел год, как он уехал из Киева. Хороший был год: МВТУ, планеры, работа. Все идет, как надо. Только надо, чтобы все было быстрее.





Сергей Королев – студент МВТУ им. Баумана.
1926 г.

IV Всесоюзные планерные соревнования в Коктебеле, – Сергей Королев впервые приехал в Крым. Сентябрь, 1927 г.

Слева направо: Карапалкин, Крысанов, Королев, Ефимов, Гродзянский, Сеньков, Люшин, Венслав, Флёров, Моисеев.

Эта фотография висела в домашнем кабинете академика

12

Человеку, который знает, куда идет, мир дает дорогу.

Дэвид Стар Джордан

В ноябре пронесся слух, всколыхнувший всю планерную школу и облетевший красковский пригород со скоростью электрического разряда: планерная группа Осоавиахима получила самолет! Более того, самолет этот летает! Все оказалось правдой: в углу одного из ангаров Центрального аэродрома стоял на четырех колесах учебный французский «анрио» и совсем нестарый еще, не облезлый, с исправным мотором «рон» в 80 лошадиных сил. Тридцать таких самолетов года три назад были приобретены для летных школ, и вот одну машину планеристам удалось «выбить». Просто дух у всех перехватило! Решили летать, и летать немедленно. Медкомиссией пренебрегли. Карл Венслав сажал по очереди ребят в носился над полем так, что расчалки пищали.

Королев ничего не знал, на аэродром в тот день не пришел и во всем этом «авиапиршестве» участия не принимал. Когда Петр Флеров рассказывал ему об «анрио», Сергей рассеянно смотрел в сторону и делал вид, что все это его, в общем-то, не интересует, что не до шалостей ему, человеку взрослому и занятому. Но на следующий день пришел на аэродром. На нем был кожаный летный шлем с очками и длинный шарф вокруг шеи по моде авиаторов тех лет. Где он раздобыл всю эту красоту – не сказал. Натянул очки, полез в «анрио».

– Сними очки! – строго сказал Карл. – Если скапотируем на взлете, порежешь глаза.

Сергей снял.

– Вот теперь поехали! – сказал Карл.

Но поехать, а тем более полететь не удалось: «рон» включался и тут же глох. С ним возились целый день, перепачкались, провонялись касторкой, но так и не запустили.

– Это ты своими очками сглазил его, – сказал Карл.

Сергей промолчал. Все были злые, как черти, а он больше всех: уж очень глупо выглядел теперь весь его маскарад...

Так и не удалось Королеву полетать на «анрио». Возились с ним долго, разбирали, собирали, потом увезли куда-то, и пропал «анрио».

Планерная станция в Краскове открылась в декабре. Королев

теперь больше работал с конструкторами Колесниковым, Фадеевым и Ромейко-Гурко. Приглядывался, присматривался – хотелось самому попробовать, но понимал: рано, надо подучиться.

К весне в школе объявили новый набор, появилось много молоденьких, среди них девушки Валечка Акулина и Валя Стояновская. Молодой ленинградский планерист Паша Цыбин все отпуска проводил в Москве и тоже занимался в школе. Он строил свой собственный планер ПЦ-3, на котором летали ленинградцы Борис Раушенбах и Марк Галлай. Воистину мир тесен: через тридцать лет и три года Павел Владимирович Цыбин станет заместителем Главного конструктора Сергея Павловича Королева. Борис Викторович Раушенбах возглавит в королевском КБ все работы по ориентации и управлению космическими аппаратами, а Марк Лазаревич Галлай будет готовить в полет первых космонавтов.

Но Марку Галлаю еще предстояло стать знаменитым пилотом, а в те годы в Красково иногда приезжали уже знаменитые пилоты, «демонстрировали класс». Летчик-истребитель Анисимов, известный фигурист, слава которого в те годы была не меньше, чем потом у Чкалова, вызвался летать на «Закавказце» и действительно пролетел красиво. Для смеха сел в учебный «Пегас». Амортизатор натянули, как говорили в школе, «от жизни», Анисимов взлетел. Но вдруг заковылял, заковылял и плюхнулся. Обматерил планер и сердитый уехал.

Королев с досадой замечал, что энтузиазм ребят несколько пригас. За всю зиму летали раза три-четыре, сколько он ни агитировал. А ведь это дело такое, что один не полетишь, сам себя не запустишь. Весной тоже как-то с прохладцей летали, не то что, бывало, в Горках. Да потом весна – самое трудное время: начинается сессия. Сергей заканчивал курсовой проект – паровой котел. В спорах с ученым советом МВТУ Юрьев потерпел поражение: от традиционных котлов самолетчиков не освободили. И в Филях работы прибавилось.

Летом на завод, где работал Королев, приехала небольшая группа не известных никому людей в сопровождении начальства из Авиатреста. Люди эти были одеты так, что и издали, не слыша голосов, можно было сказать, что это иностранцы. Впереди шел красивый брюнет в светлом клетчатом пиджаке и такой же кепке с длинным козырьком. Слушая скороговорку переводчика, он вежливо кивал и хмурился. Это был Поль-Эмэ Ришар.

Появление французского авиаконструктора на заводе № 22 имеет свою предысторию. В те годы самыми крупными нашими авиационными конструкторами были Дмитрий Павлович

Григорович, Николай Николаевич Поликарпов и Андрей Николаевич Туполев. Григорович специализировался на гидросамолетах, свою первую летающую лодку он построил еще в 1913 году. Именно на гидросамолетах его конструкции летал в Одессе Сергей Королев. В середине 20-х годов Григорович возглавлял в Ленинграде ОМОС – отдел морского опытного самолетостроения. В ОМОСе проектировалось несколько самолетов, но основное внимание было уделено РОМу – разведчику открытого моря. Когда начались его испытания, оказалось, что самолет не отвечал тем требованиям, которые к нему предъявлялись. С этого времени Григорович попадает в полосу фатальных неудач. Ни морской миноносец, ни торпедоносец, ни корабельный истребитель, ни задуманные корабельные разведчики со складными крыльями так и не летали: всякий раз находились какие-то причины, мешавшие закончить проектирование. Авиатрест был недоволен. Моряки-заказчики беспрестанно дергали и торопили. Григорович нервничал. Работа не клеилась. В жизни почти каждого человека бывают такие периоды невезения, бывают они и у целых коллективов. Перевод ОМОС в Москву в ноябре 1927 года на завод № 22, где работал Королев, и новое название ОПО-3 – третий опытный отдел – ничего не изменили. Факт оставался фактом: три последних года КБ Григоровича работало вхолостую. Заговорили о смене руководства. Конечно, Авиатрест мог бы найти достойного претендента на место главного конструктора среди своих инженеров, но на Руси издавна повелось, что иностранцы умнее своих, и стали искать иностранца. Немец Рорбах запросил слишком много, его отвергли. И в это время появился Ришар. Авиатрест пригласил его работать в СССР специально для того, чтобы поправить дело с гидроавиацией: Ришар считался специалистом по летающим лодкам. Впрочем, конструкторский опыт Ришара был невелик, а успехи весьма скромны. Он построил к тому времени один очень большой гидросамолет «Пеноэ», который потерпел аварию при испытаниях. Француз оказался у разбитого корыта в буквальном и переносном смысле и решил принять предложение Авиатреста. В сентябре 1928 года Григорович был отстранен от дел и арестован: чисто технические неудачи Дмитрия Павловича на фоне недавнего закончившегося процесса, известного как «Шахтинское дело», получили ложную политическую окраску. Правда, Григоровича и некоторых ведущих специалистов его КБ не столько обвиняли в том, что они «вредят», сколько в том, что «работать не желают». Это были еще «цветочки», а «ягодки» – дело о контрреволюционной вредительской организации в авиапромышленности – вызрело

через год...

Теперь уже нетрудно догадаться о целях визита Ришара на завод №22: для француза это была отличная производственная база. Уезжая на планерные испытания в Коктебель, Королев захватил с собой русско-французский словарь – он был уверен, что вернется уже к Ришару, а француз ни слова не знал по-русски.

Очередные V Всесоюзные планерные испытания в Коктебеле были, наверное, самыми неинтересными из всех, на которых Королеву довелось побывать. Собственно, и испытывать-то было особенно нечего. На Узун-Сырт (или гору Клементьева, как называли ее еще после нелепой гибели в 1924 году летчика Клементьева на планере собственной конструкции) привезли всего десять планеров. Среди них: Г-2 Грибовского, «Дракон» Чарановского, КИК Сенькова, «Закавказец» Чесалова, «Жар-птица» Тихонравова, Вахмистрова и Дубровина, короче, компания известная, и слово «испытания» к этим планерам не очень подходило. Испытывались, собственно, не планеры, а пилоты.

Инструктором молодым планеристам определили опытного летчика из Качинского училища Василия Андреевича Степанчонка. Худощавый, с торчащими ушами, с острым лицом, в котором было что-то волчье, Степанчонок был крут и безжалостен к нарушителям дисциплины. Он начал с того, что собрал всех, объяснил порядок и очередность полетов.

– Летать будете на КИКе. Первый летит, второй готовится. Эти двое ничего не должны таскать, к амортизаторам не подходить. Первым летит Люшин, приготовиться Фалину...

«Сережа рыжий» полетел так плохо, что все только ахали. Планер шел по синусоиде, чудом не доставая до земли. Когда Люшин сел, Степанчонок сказал:

– Еще один такой полет, и я вас снимаю со стартов. Полетел Королев. Это было не намного лучше. Королеву Степанчонок сказал:

– Зачем вы дергаете ручку? Ручка должна быть нейтральна. Планер полетит сам. Ему только нужно помогать иногда... А у вас так нос задирается, что из лыжи песок сыплется...

Чем больше присматривался Королев к Степанчонку, тем больше тот ему нравился. Многие считали его придирчивым, но ведь он всегда говорит по существу, объясняет ошибки и хвалит, если хорошо. Резковат? Пожалуй. Но резкость его не оскорбительна. Человек по складу мягкий, неустойчивый, при соприкосновении с человеком сильным – деформируется. Но это будет именно след, быстрый чужой отпечаток, который может заполнить и довольно плотно место, предназначенное для собственного «я». Королев с юных лет не был мягким, вызревал он

быстро и все-таки всякое соприкосновение с сильными людьми подтесывало, доделывало его, усиливало в характере его новые черты, а иногда и приглушало старые. Чаще это было в молодости, но бывало так и в зрелые годы, и Степанчонок был одним из тех людей, которые, пусть чуть-чуть, но «подправили» натуру Королева...

Лучшим планером в том году был, пожалуй «Дракон». Сергей Владимирович Ильюшин почему-то не доверял «Дракону». Властью техкомиссии он запретил летать на нем выше 50 метров. Степанчонок спорил с Ильюшиным, доказывал, что планер замечательный, но вынужден был подчиняться. Правда, стоило Ильюшину уехать в Москву, как Степанчонок в тот же день взлетел на «Драконе» и забрался на километровую высоту. Ветер был сильный и час от часу крепчал. Прискакал дежурный с метеостанции, сказал, что надвигается буря. Степанчонок сел уже при штормовом ветре. Планеры скрипели, переваливались с боку на бок, как лодки на море. Сильные порывы заламывали хрупкие крылья. Ребята растерялись: что делать?

– Разбирай планеры! – крикнул Королев. – Сложим все в овраге, накроем брезентом!

Ветер уже трудно было перекричать.

Сергей быстро расставил людей: кто должен разбирать, кто таскать вниз. Таскать, пожалуй, было даже легче: под горку и ветер в спину. Выручил старый грузовичок АМО-3, без него, наверное, не успели бы.

Палатка-ангар ходила ходуном, центральный столб прыгал, его вырывало из земли, вот-вот завалится. А в палатке еще два планера: Г-2 и КИК.

– «Грибовского» разбирайте! – крикнул Сергей. После того как оттащили разобранный Г-2, палатка рухнула. Утром метеорологи сказали, что скорость ветра достигала тридцати метров в секунду. От КИКа осталась груда щепок. Даже разобранный и укрытый планер Чесалова был сильно поврежден. Но уже на следующий день полеты возобновились. После гибели КИКа летали на «Драконе».

«Дракон» был очень «живописен»: раскрашен под всамделишного дракона, но, как писал летчик и планерист Игорь Шелест, «чешуя» его скорее напоминала обыкновенную еловую шишку, чем шкуру чудовища». Степанчонок начал старты с четверти высоты северного склона, потом с «полгоры», потом с трех четвертей, наконец сказал:

– Завтра начнем летать с верхушки...

Наступил тот долгожданный день, когда Степанчонок разрешил лететь с вершины Узун-Сырта. Это был не просто

подарок «Сереже черному» – это было признание достижений. Его распирало от гордости, когда, глядя куда-то в сторону, чтобы спрятать восторг в глазах, он говорил Петру Флерову небрежной скороговоркой:

– Ты не можешь себе представить, до чего красив Узун-Сырт сверху...

Это надо было сказать немедля, потому что Сергей знал, что через два часа Петру самому лететь с верхнего склона, знал, понимал, что праздник его короток. Черт побери, да, он был тщеславен!

Затаскивать планеры на самую вершину было занятием долгим и трудным. Наняли лошадь. Худая кобылка медленно, как во сне, тащилась по серым, поросшим колючками склонам. Королев шел рядом, поигрывая хворостиной, чтобы лошадь вовсе не заснула. На вершине Узун-Сырта он заметил стоящую отдельно от всех темную фигуру. Максимилиан Волошин, в длинной шерстяной кофте, с металлическим обручем на голове, плотный, почти квадратный, коротконосый, – карикатуристы рисовали его похожим на Сократа, – замер в гордой неподвижности. Когда планеры взмывали и беззвучно неслись в долину, он следил за ними одними глазами, не поворачивая головы...

В МВТУ окопались троцкисты. Проводили подпольные собрания. Сюда приезжал Троцкий, произносил речи, утверждал то, от чего вчера открещивался в газетных покаяниях. В 10-ю годовщину Октября устроили антисоветскую демонстрацию. Осенью и зимой 1927/28 года занятия часто срывались. Профессор Рамзин на лекциях говорил не столько о котлах, сколько о политике. Профессор Чарновский утверждал, что до строительства тракторов на «Красном путиловце» могли додуматься только идиоты. Аудитории надрывались в свисте. Политические симпатии иногда определяли оценки на экзаменах: бывших рабфаковцев «заваливали». В 1928 году в технические вузы были брошены первые парттысячники и профтысячники. Июльский Пленум ЦК ВКП(б) поставил вопрос о необходимости скорейшей подготовки специалистов.

Конец 1928 года был временем перемен для Сергея Королева. Менялись учебные планы МВТУ. Менялось руководство на заводе. Менялось и отношение Сергея к планеризму: вернувшись из Крыма, он решил, что ходить в учениках хватит, надо самому строить планер и летать на нем.

Разговор об этом зашел у них с Люшиным в один из первых дней после возвращения в Москву.

– Мне бы хотелось сделать свой паритель, – как-то, между

прочим, сказал «Сережа рыжий».

– И мне, – быстро отозвался Королев, – и мне тоже. Давай вместе?

«Он настоял, чтобы я пришел к нему домой в тот же вечер, и мы сразу приступили к работе», – вспоминал много лет спустя Сергей Николаевич Люшин. Вот еще одна из характернейших черт Королева: ему абсолютно чужды этакие маниловские разглагольствования, пустопорожние «мечтания». Мысль, идея должны воплощаться в дело со скоростью максимально возможной. Он никогда не говорил «хорошо бы сделать», «надо бы попробовать». Он делал и пробовал сразу. Позднее, уже в «космические» годы, эта черта раздражала многих работавших с ним, казалось, он берется за дело, не обдумав его до конца. Люди не сразу могли понять, что он думает быстрее других и думает очень рационально – не больше, чем требуется для того, чтобы начать.

Когда семья Баланина в конце 1926 года въехала в квартиру на Александровской улице – две комнаты и кухня, – Сережу определили сначала в большую общую комнату, служившую и столовой и гостиной, но потом Мария Николаевна поняла, что сыну нужна отдельная комната, и отдала ему спальню. Ведь совсем уже взрослый парень. Свои заботы, свои дела, новые серьезные друзья. Сергей очень изменился за полтора московских года. Отпустил усики. Купил хороший костюм, модную рубашку с воротничком на заколке, стал носить галстук. Румяный студент в застиранной косоворотке как-то совсем незаметно превратился в солидного мужчину. Теперь у него была своя комната, хорошая квадратная комната, с большим окном во двор. Старый буфет с «охотничьими мотивами»: резные убитые утки на дверцах. Диван. Посередине стол с чертежной доской, которую очень редко прятали за буфет. У стены – еще три-четыре чертежных доски – маленькое домашнее КБ. Лозунг на стене: «Кончив дела, не забудь уйти» и приписка: «Убирайся!» Пепельница, полная окурков. В щелях пола – розовая пыль от ластика. Здесь прожил Сергей Павлович Королев десять лет...

Итак, они решили сделать свой планер. Даже не просто планер – паритель. Королев быстро сформулировал задачу:

– Планер экспериментальный. Что нового будет в нем по сравнению с существующими конструкциями? Прежде всего абсолютная надежность, пусть даже в ущерб аэродинамике и скорости.

В этом первом осуществленном его проекте уже видно, как заботит его проблема надежности. Машина создается для человека. В этом весь ее смысл. Ненадежная машина этот смысл

выхолащивает. Она не нужна, бессмысленна, порочна в основе, а значит, вредна. Это было его убеждением, подтвержденным всей жизнью – от «Коктебеля» – так решили назвать планер – до космического корабля «Союз».

Первые прикидки показали, что у планера будет большой размах и удлинение крыльев. При меньшей площади возрастали нагрузки на крыло. Позднее конструктор Олег Константинович Антонов отмечал, что благодаря рассредоточению массы от центра тяжести «Коктебель» ведет себя в воздухе «исключительно спокойно». Для устойчивости в полете требовалась точная балансировка и грамотная компоновка.

Предварительный проект защищали на техкоме в Осоавиахиме. Вернее, техком докладывал, а Люшин с Королевым отвечали на вопросы. Работу в целом одобрили. В резолюции было отмечено: «Выдать деньги на изготовление рабочих чертежей и найти место для постройки». Все было чудесно, хотя совершенно неясно, кто, собственно, будет изготовлять эти чертежи и искать это место. Помощников нашли себе сами. Люшин с Петром Дудукаловым чертили крыло и оперение. Королев с Павлом Семеновым – фюзеляж и управление. Теперь уже сидели за досками каждый вечер, разве что в Новый год не чертили. Логарифмические линейки «дымились». Одновременно Королев прикидывал, кто может взяться за воплощение этих чертежей в металл и дерево. Изготовителя найти было трудно при всем великом таланте Королева убеждать и «зажигать» других своей идеей. В нескольких местах он уже получил отказ, наконец, договорился с Щепетильниковским трамвайным парком и мастерскими Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского. Трамвайщики брались изготовить всю столярку: шпангоуты, нервюры, лонжероны. В мастерских академии должны были сделать металлические детали.

Днем Королев работал на заводе, потом забегал в трамвайный парк, подгонял, уточнял, советовался с мастерами, потом летел в МВТУ. Однако всего этого ему показалось мало. Однажды вечером в первых числах февраля он примчался домой к Сергею Люшину – тот жил неподалеку от МВТУ, у Красных ворот, – и прямо с порога крикнул:

– Завтра с утра идем на медкомиссию!

Люшин удивленно поднял брови.

– Выделена группа планеристов. Шесть человек, – объяснял Королев. – Нас будут учить летать на самолете. Завтра в академии медкомиссия. Нам надо не опоздать.

– Я не пойду, – ответил Люшин. – Ты же понимаешь, что я не пройду медкомиссию. Атрофию дельтовидной мышцы руки

нельзя не заметить...

– А может, не заметят.

– Нет, не пойду!

– Нет, пойдешь!

Люшин знал, что теперь он не отстанет и спорить бесполезно. На следующий день Королев действительно заехал за Люшиным и вытащил его на медкомиссию. Разумеется, Люшина забраковали. Королев прошел без замечаний. Люшин был расстроен:

– Я говорил, не надо было мне ходить. Королев утешал друга:

– Не унывай. Придираются врачи. Вот Петра Флерова тоже забраковали. Нашли невроз сердца и с глазами что-то. Ясное дело, придираются, но мы что-нибудь придумаем.

– Что тут можно придумать? – недоумевал Люшин.

– Придумать можно все, – уверенно сказал Королев.

Он оказался прав: председатель спортсекции инженер и летчик Сергей Ильич Стоклицкий, поддавшись уговорам Королева, разрешил Люшину летать.

Школа создавалась буквально на пустом месте. Не было ничего, даже обычной классной доски не было, писали мелом на обломке крыла. Да и была бы доска, еще неизвестно, где удалось бы её поставить: ведь помещения тоже не было. Какими-то правдами-неправдами осоавиахимовцам удалось раздобыть английский бипланчик «Авро-504К», «аврушку», как его любовно все называли. Самолетик этот с невероятным, каким-то безвестным остряком выдуманным «№ 353» был очень древний, ветхий, третьей категории, т.е. хуже некуда, из числа трофейных, захваченных еще в гражданскую войну. В формуляре к бипланчику оговаривалось, что он «допускает только неглубокие развороты». Из приборов он был оснащен лишь альтиметром, который врал. Правда, еще был стеклянный стаканчик, в котором булькало масло, информируя таким образом о состоянии масляной системы. Двигатель «аврушки» регулировался лишь в пределах от 900 до 1200 оборотов. Садиться надо было с выключенным контактом. На земле машина была практически неуправляема. Почему это допотопное устройство летало, понять было невозможно, но оно летало! И лучший самолет для учебы, по мнению Стоклицкого, найти было трудно, потому что кто полетит на такой «аврушке», тот на любом другом самолете тем более полетит! В общем, недостатки материального обеспечения школы летчиков с лихвой перекрывались избытком оптимизма ее создателей и учеников.

Сначала занятия шли нерегулярно. Никак не могли отыскать хорошего инструктора. Приходили летчики, главным образом из Академии имени Жуковского, проводили одно-два занятия и

исчезали. Нужен был человек, который не формально выполнял общественное поручение (никаких денег инструкторы не получали), а сам увлекся бы новым делом.

Таким человеком оказался Дмитрий Александрович Кошиц, летчик, планерист, непременный участник коктебельских слетов. Позднее, в предвоенные годы, он снискал необыкновенную популярность как радиокомментатор авиационных праздников в Тушине. Веселый, очень общительный, неиссякаемый на анекдоты и шутки, инструктор сразу всем понравился. Обаяние Кошица не могло не привлечь и Сергея Королева. Несмотря на разницу в годах и положении (Кошиц был старше на шесть лет), в их судьбах было много общего. Как и Королев, Кошиц воспитывался в интеллигентной семье. Как и Королев, жил с отчимом, как и Королев, был влюблен в авиацию, увлекался планеризмом, не мыслил жизни без полетов.

Теперь работа шла регулярно, по строгому расписанию. Зимой летали по воскресеньям, весной и летом – через день после работы. Их было шестеро. Столько, сколько будет в первой, лидирующей гагаринской группе. Только они были моложе Гагарина. Не было случая, чтобы кто-нибудь из шестерки – Гродзянский, Егоров, Ефимов, Королев, Люшин, Пинаев – опоздал. Петру Флерову, забракованному медкомиссией, в конце концов тоже удалось приткнуться к школе. Он проходил практику в Военно-воздушной академии и имел пропуск на Центральный аэродром. Механик Склянкин уезжал домой в четыре часа, и Петр фактически был за механика. Кошиц, покоренный беззаветной преданностью Петра, брал его в полеты и учил летать, но, как человек дисциплинированный и подающий пример серьезного отношения к делу, сразу сказал, что одного его в полет он не выпустит.

На Ходынском поле, где размещался Центральный аэродром, базировалось довольно много самолетов, и днем, случалось, курсантам школы полеты запрещали: «чтобы не путались под ногами». Ничего не поделаешь. С тоской и завистью смотрели они на взлетающие и садившиеся новенькие «хэвиленды» и со вздохами принимались за ремонт «аврушки» – замечательно было то, что в этом самолете всегда находилось нечто, нуждающееся в ремонте..Самым неприятным занятием было мыть «аврушку». Выхлоп оставлял жирный черный след. Мыть надо было горячей водой с мылом, лежа на спине. Грязь капала на лицо, подтекала в рукава. Кошиц сидел рядом и рассказывал анекдоты.

– Как вы думаете, можно сделать «штопор» на этом самолете? – спросил однажды Кошиц у Люшина и Королева, кивнув на «аврушку». – Вы же авиационные инженеры...

– Так ответить трудно, – сказал, подумав, Королев. – На глаз ничего не скажешь...

– Не помню случая, чтобы «аврушка» меня не послушалась, – сказал Кошиц и полетел, да еще взял с собой Люшина.

Ходынка замерла. «Аврушка» оказалась очень упорной и в «штопор» входить не хотела, но Кошиц все-таки вогнал ее. Послушный самолетик быстро вышел из «штопора». Кошиц на этом, однако, не успокоился, заставил Люшина повторить. Сели благополучно.

Люшин был по обыкновению спокоен, словно и не было никакого «штопора». Кошиц возбужден, нервно смеялся:

– Что касается Кошица, он никогда не укокошится!

С болью вспоминал Королев эти слова, когда Дмитрий Александрович Кошиц разбился на грузовом планере.

25 апреля 1929 года XVI Всесоюзная конференция ВКП(б) приняла обращение, призывающее организовать соревнование во всех областях социалистического строительства. В это время родилось движение ударников. Как и в случае с «Обществом друзей Воздушного флота», моментально нашлись люди, которые из страха прослыть безынициативными, а того хуже – сопротивляющимися новому курсу, с одной стороны, и из желания оказаться «в первых рядах» – с другой, делали все возможное, чтобы как можно скорее придать новому делу максимальный размах. Ударничество моментально перекинулось из сфер производственных в такие сферы, которым в принципе оно было противопоказано, в том числе – в высшую школу. В МВТУ были целые ударные группы. За опоздания и другие студенческие провинности могли зачислить в «лжеударники». Один студент вызывал другого, например, на «соцсоревнование по лучшему составлению конспекта по теории двигателей». Родился лозунг: «Закончим МВТУ в три с половиной года!» Насколько остро стоял вопрос подготовки специалистов, видно хотя бы из того факта, что все (за единичными исключениями) старшекурсники МВТУ уже работали на инженерных должностях и иногда весьма ответственных. Сергей Королев, например, еще будучи студентом, замещал на заводе начальника группы центроплана. При всей неуместности ударничества в вузах, применительно к старшекурсникам МВТУ, – действительно уже сложившимся молодым специалистам, – эта политическая кампания помогала в сжатые сроки решить острые кадровые проблемы в такой молодой отрасли, как авиапромышленность.

В 1929 году в МВТУ за счет сокращения количества зачетов, экзаменов и сроков дипломного проектирования решено было сделать «ускоренный выпуск». Борис Николаевич Юрьев

предложил студентам аэромеханического факультета: «Давайте ускорим окончание училища. Ну зачем нам принимать зачеты по конструированию, если человек уже несколько лет работает конструктором в КБ?!»

Королеву предложение это очень понравилось. Ему катастрофически не хватало времени для постройки планера. Планер, хоть тресни, должен быть готов к очередному слету в Коктебеле. А когда на факультете оговаривались темы дипломных проектов, хитрый Королев и тут решил сэкономить несколько месяцев. Он предложил в качестве диплома авиетку, которую начинал делать с Саввой Кричевским в АКНЕЖе еще два года назад. Предложение приняли. Руководителем диплома Королева стал Туполев. Через много лет Андрей Николаевич вспоминал: «Королев был из числа самых „легких“ дипломников: я сразу увидел, чего он хочет, достаточно было лишь слегка помогать ему, чуть-чуть подправлять. Я быстро убедился, что этот человек умеет смотреть в корень. Уже тогда у меня сложилось прекрасное впечатление о нем как о личности и как о талантливом конструкторе. Я сказал бы, что он был человеком беспредельно преданным своему делу, своим замыслам.

Я с самого начала почувствовал к Королеву расположение, и надо сказать, что он всегда также отвечал мне большой сердечностью...»

Королев не принадлежал к тем студентам, которые согласовывают с руководителем каждый шаг, и не докучал Туполеву вопросами, за что Андрей Николаевич был только благодарен ему. Туполев дни и ночи сидел в ЦАГИ, 1929 год стал для него годом очень ответственным. На первомайском празднике впервые полетела его новая машина АНТ-9 – «Крылья Советов», Громов совершает на ней триумфальные перелеты, восхищая Берлин, Париж, Рим, Лондон, Варшаву. Осенью того же года экипаж Шестакова на АНТ-4 летит из Москвы в Нью-Йорк через Сибирь, Дальний Восток, Алеутские острова, Аляску, Британскую Колумбию. (Газетные вырезки с фотографиями и репортажами об этих перелетах Королев хранил до конца жизни.) Так что Туполеву было не до дипломника, тем более что у этого дипломника хорошо работала голова.

Много лет спустя, в 1940 году, встретившись в тюрьме, они вдруг вспомнили защиту королевского диплома.

– Здорово я тебя прижал на защите диплома? – весело спросил Андрей Николаевич.

– А чем дело кончилось? – вопросом на вопрос отозвался Королев.

– Чем?

– Подошли и сказали: «Молодец, хороший будешь конструктор!»

И оба расхохотались…

Дипломный проект – свою авиетку – Королев защитил в декабре 1929 года. Но только через полтора месяца был издан приказ № 45 от 9 февраля 1930 года, в котором значилось, что Королев (без инициалов; гораздо позднее, уже в 1948 году, когда Сергею Павловичу потребовалась копия документа, отсутствие инициалов в приказе привело в некоторое замешательство отдел кадров МВТУ) окончил аэромеханический факультет Московского высшего технического училища и ему присвоена квалификация инженера-аэромеханика. В этом же приказе № 45 можно встретить фамилии известных авиационных специалистов. И неважно, что не везде проставлены инициалы – в мире авиации и имена, и отчества этих людей хорошо известны:

Семен Алексеевич Лавочкин, Александр Иванович Макаревский, Иван Павлович Братухин, Макс Аркадьевич Тайц, Лев Самуилович Каменномостский, Владимир Трофимович Байков, Владимир Александрович Аваев, Анатолий Григорьевич Брунов, Николай Николаевич Фадеев, Николай Андреевич Соколов, Владимир Кузьмич Тепляков, Самуил Самуилович Сопман, Александр Исаакович Сильман, Иван Ананьевич Пугачев, всех не назовешь, список немалый. Короче, получился, как говорят в деканатах, «довольно сильный выпуск». Кстати, первый и последний выпуск аэромеханического факультета МВТУ. Уже в марте 1930 года факультет получил самостоятельность и стал называться ВАМУ – Высшим аэромеханическим училищем, которое еще через 5 месяцев превратилось в МАИ – знаменитый впоследствии Московский авиационный институт имени Серго Орджоникидзе.

Все волнения с дипломом были зимой, а летом 1929 года Королев все свободное от работы на заводе время отдает полетам на Ходынском поле и постройке своего планера.

Наконец на Беговой улице нашлось место, где можно было начать строительство. Пожалуй, правильнее будет употреблять именно слово «место», нежели «помещение», поскольку это была коновязь с навесом, земляным полом и тесовыми стенками с трех сторон. Неподалеку находился сарай, куда на ночь запирали собранные части конструкции. Таким был первый «сборочный цех» будущего Главного конструктора.

Под навесом работа шла до темноты. Сергей как-то очень тонко и незаметно сумел заинтересовать планером сборщиков, которые скоро перестали смотреть на эту работу просто как на приработок, а почувствовали себя «соавторами» молодого

конструктора. Рядом с коновязью строились другие планеры. Иногда на правах старого, еще киевских времен, знакомого заходил Грибовский. (Он уже числился в «мэтрах», был автором не только нескольких планеров, но даже двух самолетов, один из них, Г-5, был построен в 1928 году в Оренбурге и хорошо летал.)

– Ну что же тут ты строишь, Сережа? – спрашивал Грибовский Королева, внимательно оглядывая его детище.

– Да вот, Владислав Константинович, хочу теперь на своем полетать...

– А успеешь?

С тревогой следил Королев за своими будущими крымскими соперниками: этот совсем готов, того обшивают перкалем, «Гном» Черановского, толстый, похожий на бомбу, сияет свежей краской, хоть сейчас пускай. Неужели он опоздает?

Когда Королев и Люшин заявили планер на слет, в Осоавиахиме не поверили: никто не ожидал, что его построят так быстро.

До отъезда в Крым Сергей успел не только построить планер, но и совершить свой первый самостоятельный полет на самолете, чем он очень гордился. В конце июля к самостоятельным полетам Кошиц допустил сначала Пинаева, потом Люшина. Королев умирал от зависти, но не показывал виду. Кошиц хотел окончательно отучить Сергея от привычки, характерной для планеристов: слишком широких движений при управлении машиной. Наконец в начале августа пробил час Королева.

Кошиц не предупреждал, но, увидев, что он снял переговорную трубку и подушку со своего сиденья, Сергей понял, что полетит один. Стал вдруг очень спокоен, нарочито спокоен, только что не зевал.

– Итак, ваше задание: взлет, один круг и посадка, – сказал Кошиц Королеву. Тот кивнул в ответ.

– Разрешите взлет?

– Разрешаю.

Мотор «аврушки» пошел с первого раза. Это считалось хорошей приметой. Королев взлетел в сторону нынешнего Хорошевского шоссе. Очень аккуратно сделал развороты и сел. Вылезая из самолета, не мог сдержать сияющей улыбки. Кошиц сделал ему поистине царский подарок:

– Еще раз и так же.

Взлет, круг, посадка – шесть минут невыразимого счастья. Он летал весь август и начало сентября. Потом погрузил свой «Коктебель» и вместе с Люшиным и Кошицом уехал в Крым.

В отличие от планерных испытаний 1927 и 1928 годов этот коктебельский слет назывался VI Всесоюзными планерными

состязаниями и радовал большей представительностью: на старт заявили 22 планера. Он продолжался с 6 с 23 октября.

В конце октября усталый от многодневных волнений и бессонницы, Сергей решил купить билет до Одессы и хоть денек побродить по любимому городу, а оттуда ехать в Москву. Курортники уже оставили Крым, и народу на пароходе «Ленин» было мало. Зеленое море дымилось белыми барашками, а вдалеке, где вода сливалась с небом, плыл крымский берег – чреда скал и садов, в не по-осеннему яркой листве которых прятались белые домики.

Сергей сидел на палубе и смотрел на берег. Подступала дрема, он спускался в каюту, ложился и сразу засыпал. Просыпался от непривычного покоя и тишины и снова сидел на палубе. Ночью последние огни Крыма растаяли за кормой. А утром он написал матери большое письмо, наверное, самое большое письмо, которое он написал в своей жизни. Письмо о Коктебеле, о планерах, о себе:

«... В этом году на состязании много новых впечатлений и ощущений, в частности у меня. Сперва прибытие в Феодосию, где мы встретились в четверг, 24 сентября. Потом нескончаемый транспорт наших машин, тянувшихся из Феодосии на Узун-Сырт – место наших полетов. Первые два дня проходят в суете с утра и до полной темноты, в которой наш пыхтящий грузовичок АМО отвозит нас с Узун-Сырта в Коктебель. Наконец, готова первая машина, и летчик Сергеев садится в нее и пристегивается. Слова, команды, и Сергеев на „Гамаюне“ отрывается от земли. Все с радостным чувством следят за его полетом, а он выписывает над нами вдоль Узун-Сырта виражи и восьмерки.

«Гамаюн» проходит мимо нас, и наш командир тов. Павлов[12] кричит вверх, словно его можно услышать: «Хорошо, Сергеев! Точно сокол!» Все радостно возбуждены: полеты начались... Сергеев стремительно и плавно заходит на посадку. Проносится мимо палатки и кладет машину в крутой разворот и вдруг... То ли порыв ветра или еще что-нибудь, но «Гамаюн» взвивается сразу на десяток метров вверх, секунду висит перед нами, распластавшись крыльями, точно действительно громадный сокол, и затем со страшным грохотом рушится на крыло... Отрывается в воздухе корпус от крыльев. Ломается и складывается, точно детская гармоника. Миг – и на пригорке, над которым только что реяла гордая птица, лишь груда плоских колючих обломков да прах кружится легким столбом...

Все оцепенели, а потом кинулись туда, скорей, скорей! Из обломков поднимается шатающаяся фигура, и среди всех проносится вздох облегчения: «Встал, жив!» Подбегаем. Сергеев

действительно жив и даже невредим каким-то чудом. Ходит, пошатываясь, и машинально разбирает обломки дрожащими руками... Раз так – все в порядке, и старт снова живет своей нормальной трудовой жизнью. У палаток вырастают новые машины. Нас пять человек в шлемах и кожаных пальто, стоящих маленькой обособленной группкой. А кругом все окружают нас, словно кольцом. Нас и нашу красную машину, на которой мы должны вылететь первый раз. Эта маленькая тупоносая машина по праву заслужила название самой трудной из всех у нас имеющихся, и мы сейчас должны это испробовать.

Нас пять человек – летная группа уже не один год летающих вместе, но сейчас сомкнувшихся еще плотнее. Каждый год перед первым полетом меня охватывает странное волнение, и хотя я не суеверен, но именно этот полет приобретает какое-то особое значение. Наконец все готово. Застегиваю пальто и, улыбаясь, сажусь. Знакомые лица кругом отвечают улыбками, но во мне холодная пустота и настороженность. Пробую рули, оглядываюсь кругом. Слова команды падают коротко и сразу... Только струя студеного ветра в лицо... Резко кладу на бок машину... Далеко внизу черными точечками виднеется старт и нелепые вскученности гор ходят вперемежку с квадратиками пашен. Хорошо! Изумительно хорошо! У палатки собрана большая красная с синим машина. Кругом копошатся люди, мне самому как-то странно, что именно я ее конструктор и все в ней, до последнего болтика, все мною продумано, взято из ничего – из куска расчерченной белой бумаги. Сергей (Люшин), очевидно, переживает то же. Подходит говорит: «Знаешь, право, легче летать, чем строить!» Я с ним сейчас согласен, но в душе не побороть всех сомнений. Не забыто ли что-нибудь или сделано неверно, неточно?.. Впрочем, размышлять некогда. Наш хороший приятель садится в машину и шутливо говорит: «Ну, конструктора, волнуйтесь!» Да этого и говорить не нужно, и мы прилагаем все усилия, чтобы сдержаться... А потом нас хором поздравляют, и вечером в штабе я слушаю, как командир (начальник возд. сил МВО) связывает мою роль летчика и инженера в одно целое, по его мнению, чрезвычайно важное сочетание. Впрочем, я с ним согласен. Наутро приказ: я вылетаю на своей машине сам! Все идет прекрасно, даже лучше, чем я ожидал, и, кажется, первый раз в жизни чувствую колоссальное удовлетворение, и мне хочется крикнуть что-то навстречу ветру, обнимающему мое лицо и заставляющему вздрагивать мою красную птицу при порывах...

И как-то не верится, что такой тяжелый кусок металла и дерева может летать. Но достаточно только оторваться от земли,

как чувствуешь, что машина словно оживает и летит со свистом, послушная каждому движению руля. Разве не наибольшее удовлетворение и награда самому летать на своей же машине?!! Ради этого можно забыть все, и целую вереницу бессонных ночей, дней, потраченных в упорной работе без отдыха, без передышки... А вечером... Коктебель. Шумный ужин, и, если все (вернее, наша группа) не устали, мы идем на дачу Павловых танцевать и слушать музыку. Эта дача – оазис, где можно отдохнуть за год и набраться сил для будущего. Впрочем, когда наступили лунные ночи, усидеть в комнате очень трудно, даже под музыку. Лучше идти на море и, взобравшись на острые камни, слушать рокот моря. А море шумит бесконечно и сейчас тоже и покачивает слегка наш пароход...

> «Сейчас жду Одессу с нетерпением. Ведь именно в ней мной прожиты самые золотые годы жизни человека. Кажется, это так называется...
>
> Целую тебя и Гри.
>
> Привет. Сергей»

Если не считать первого полета, воистину «первого блина комом», состязания прошли очень удачно. Рекорд высоты 1928 года – 375 метров был передвинут Дмитрием Кошицом и Андреем Юмашевым за («невероятно!») полуторакилометровую отметку! Рекорд дальности полета по прямой – 14 километров был перекрыт тем же Кошицом более чем вдвое – 34,6 километра.

С полным правом мог гордиться своими достижениями и Сергей Королев. Журнал «Самолет» так оценил «Коктебель»:

«Конструкторы Люшин и Королев при проектировании ставили задачу дать хорошо устойчивую в продольном направлении машину, не утомляющую пилота при длительных полетах. Им это удалось вполне достигнуть».

Испытателем «Коктебеля», тем самым «хорошим приятелем», о котором пишет в письме Королев, был Константин Константинович Арцеулов. В определении «хороший приятель» – явная бравада. Королев фамильярничает и выдает желаемое за действительное. Никогда «приятелем» Королева Арцеулов не был, хотя бы потому, что он на пятнадцать лет старше Сергея Павловича. Королев был еще студентом, начинающим пилотом, Арцеулов – одним из самых знаменитых летчиков и планеристов того времени. Первый свой планер он построил еще в 1907 году и летал тогда, когда Сергей Королев еще не умел ходить. Во время мировой войны он воевал как летчик-истребитель, был начальником летной части и инструктором РККА, сам обучил летному искусству более 200 человек. Работал летчиком-

испытателем на одном из крупнейших авиазаводов, увлеченно занимался совсем новым тогда делом – аэрофотосъемкой. Арцеулов прославился еще в 1916 году, когда едва ли не первый в мире испытал самолет, умышленно введя его в «штопор». Короче, Арцеулов был знаменит не меньше, чем, скажем, Нестеров, который первый сделал «мертвую петлю»[13]. И то, что Арцеулов сам (!) подошел к Люшину и Королеву и сам (!) вызвался испытать их машину в воздухе, было большой честью для молодых конструкторов.

– Спасибо, Константин Константинович! – сказал тогда Сергей Королев.

– За что? Полета ведь еще не было? – удивился Арцеулов.

– За то, что верите в нас.

И когда после шепотков скептиков «а ну как не взлетит», Арцеулов поднялся на «Коктебеле», а потом доложил руководителям состязаний, что планер хорошо слушается рулей, удачно сбалансирован и годится для парящего полета, – лучшей награды для Люшина и Королева не могло быть.

Сергей Королев с полным правом мог гордиться своими достижениями не только как конструктор, но и как планерист. Журнал «Авиация и химия» публикует такую запись из дневника соревнований: «15 октября наблюдалось сильное оживление среди рекордсменов. Продолжительность полетов была до 3 часов, а молодой паритель Королев на „Коктебеле“ парил 4 часа 19 минут».

Журналу вторит газета «Наука и техника»: «Говоря об интересных полетах, нельзя не упомянуть об эффектном полете т. Королева на планере „Коктебель“ в течение 4 часов 19 минут. Этот полет сопровождался красивыми виражами».

Однако именно эти «красивые виражи» вызвали у друзей Сергея большую тревогу. Дело в том, что в момент старта «Коктебеля», когда уже до отказа были натянуты резиновые амортизаторы, из земли вырвало штопор, до поры удерживающий планер на месте. Отчасти в этом был повинен молодой планерист и конструктор Олег Антонов, будущий творец прославленных «Антеев». Вот как вспоминает он этот рекордный полет Королева:

> «Не удержав и не успев вовремя отдать конец стартового троса, я послал запутавшийся в нем штопор в полет вместе с планером...
>
> Сергей Павлович летал более четырех часов и не подозревал, что за хвостом болтался такой довесок. Только после посадки, рассматривая большую дыру в оперении, пробитую злополучным штопором, пообещал

мне «в следующий раз» оторвать плоскогубцами мои покрасневшие от стыда уши».

Уже вернувшись в Москву, получил Сергей Королев долгожданную (он мечтал о ней не меньше, чем о дипломе!) книжечку цвета морской волны:

«Пилотское свидетельство

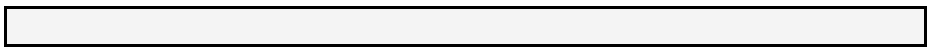
Выдано настоящее тов. Королеву С.П. в том, что он удостоен звания пилота-парителя и в соответствии с этим званием имеет право совершить полеты на всех типах планеров».

После полета Гагарина молодые инженеры пришли к Сергею Павловичу на прием, просили помочь им в организации аэроклуба и планерной секции.

– Вы не представляете, какой это замечательный спорт! – вырвалось у одного из них, который ничего не знал об этой книжечке цвета морской волны.

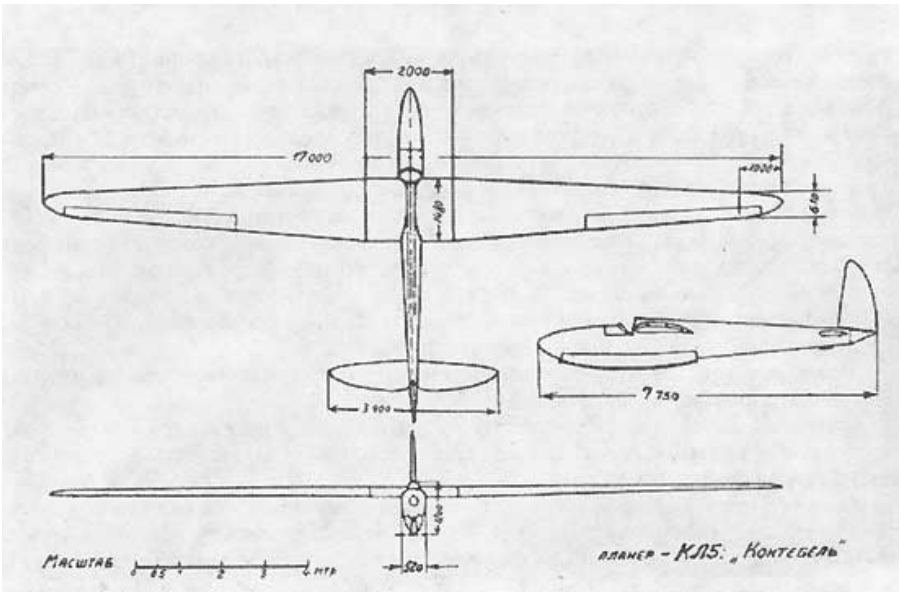
– Ну почему же... – с улыбкой возразил Королев. – Представляю... – и потянулся за красным карандашом, притупившимся за день от многих резолюций...

Шестые состязания, безусловно, были большим событием в жизни Сергея Павловича Королева. За несколько месяцев до окончания МВТУ, стоя на пороге своей инженерной самостоятельности, он получил признание как конструктор и испытал себя как летчик. Наконец он услышал те самые слова участия и одобрения, ту, пусть скупую, похвалу, без которых так трудно жить, трудно даже самому уверенному в себе, убежденному в своей правоте человеку. Без которых тяжко даже гению.



Дружеский шарж на поэта Максимилиана Волошина

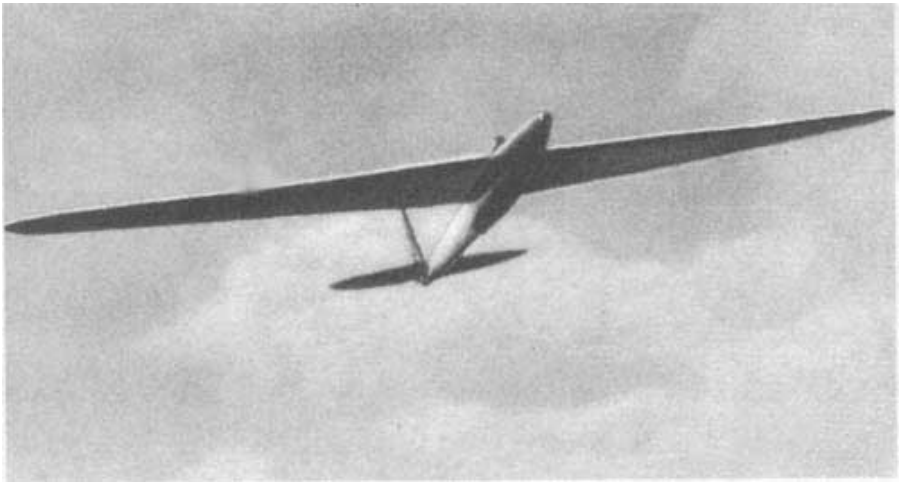
Чертеж общего вида планера



С.П. Королев.
Август 1928 г.

Планер «Коктебель» конструкции С.Н. Люшина и С.П. Королева везут на вершину горы Клементьева

Планер «Коктебель» в полете.
VI Всесоюзные планерные соревнования, 6-23 октября 1929 г.



Коктебель. 1929 г.
Сергей Люшин, Сергей Королев и Константин Константинович Арцеулов

Пилотское свидетельство – гордость С. Королева

Авиационная Секция Центрального Совета Осоавиахима СССР.

ПИЛОТСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 19

Выдано настоящее тов Королеву С. П.

в том, что он удостоен звания пилота – парашютиста и в соответствии с этим званием имеет право совершать полеты на всех типах планеров.

Свидетельство действительно до 31 декабря 1930 г.

Генеральный Секретарь Ц. С. Осоавиахима СССР

2-Ноября 1929

Срок свидетельства продлен до

Срок свидетельства продлен до

Срок свидетельства продлен до

Фотография моей первой планеры—моноплана „СССР" в полете

Предъявитель сего тов. Королев

Королев

Подпись владельца свидетельства

2 - ноября 1929 г.

13

По книгам это называлось воздухом, атмосферой, но по чувству человеческому это было и вечно оставалось небом – извечною целью всех стремлений, всех поисков и надежд.

Леонид Андреев

Конструкторское бюро Поля Ришара размещалось в Столярном переулке на Красной Пресне, на четвертом этаже большого здания, построенного специально для магазина знаменитой фирмы «Мюр и Мерилиз». Потом там был заводик по изготовлению воздушных винтов и лыж. После отстранения Григоровича от руководства ОПО-3 во главе этого отдела стал конструктор Артамонов, но очень скоро ОПО-3 передали Ришару. КБ француза получило официальное название ОПО-4 – 4-й опытный отдел, который именовался также МОС ВАО – морское опытное самолетостроение Всесоюзного авиаобъединения.

Ришар приехал в СССР не один. С ним прибыли десять его конструкторов, каждый из которых, очевидно, предполагал, что очень скоро получит собственное КБ, и уже приготовил свои проекты, правда, подчас это были никак не обоснованные наброски. Создавать для всех французов КБ никто не собирался, и большинство из них вернулось на родину. В Столярном переулке остались Поль Ришар и заведующий группой общих видов Андре Лавиль. Третий француз – Оже, заведующий секцией плазов, сидел на заводе в Филях, который постепенно утратил свою былую независимость и превратился в производственную базу Ришара.

Конструкторское бюро работало по плану, утвержденному Авиатрестом. План был весьма обширным и включал в себя около десятка гидросамолетов различного назначения: двухместный истребитель, торпедоносец, ближний морской разведчик. Но скоро стало ясно, что погоня за многими зайцами чревата полной неудачей, к тому же всем памятен был недавний печальный опыт Д.П. Григоровича. Постепенно основные силы КБ были сосредоточены на одном самолете – ТОМ-1 – торпедоносце открытого моря.

К концу 1929 года, когда Сергей Королев вернулся из Одессы, проектирование ТОМ-1 было в самом разгаре. В это время там

работали такие известные авиационные специалисты, как И.И. Артамонов, Д.М. Хомский, П.Д. Самсонов, И.В. Остославский, М.П. Могилевский, А.Л. Гиммельфарб, В.Б. Шавров. У Ришара начинали свой путь замечательные советские авиаконструкторы С.А. Лавочкин, Н.И. Камов, Г.М. Бериев, М.И. Гуревич, О.К. Антонов. В Столярном переулке вновь встретились Сергей Люшин и Сергей Королев. Лавочкин тогда занимался прочностью, Люшин – крылом и управлением. Королев – вооружением: у ТОМа-1 было три пулемета.

Работа в КБ усложнялась довольно натянутыми отношениями, которые складывались у Ришара с Лавилем. Ришар был небрежен, норовист, высокомерен. За годы работы в СССР он так и не научился говорить по-русски и не считал нужным учиться. Андре Лавиль, напротив, был человеком очень приветливым, открытым и инженером весьма талантливым, что обнаружилось в работе довольно скоро. Несмотря на то, что большинство инженеров КБ могло, если не свободно говорить, то, во всяком случае, объясниться по-французски (даже между собой перебрасывались французскими фразами), Лавиль выучил русский язык, а ошибки и неправильные ударения в его речи только веселили его русских коллег и вызывали к нему еще большую симпатию. Естественно, что Лавиль оказался фигурой более популярной, чем Ришар, осуждавший своего соотечественника за излишний демократизм.

Законченный в июле 1929 года проект ТОМ-1 не принес славы Ришару. Француз опоздал с этим гидросамолетом. Его торпедоносец был очень похож на морской вариант ТБ-1 Туполева. Но ТБ-1 был уже освоен промышленностью, не говоря о том, что ТОМ был сложнее технологически. В нем было, например, раза в два больше заклепок, чем в самолете Туполева. Дело ограничилось изготовлением опытного образца ТОМ-1, который затем проходил испытания в Севастополе. Когда стало ясно, что самолет в серию не пойдет, Ришар уехал во Францию. (А Лавиль остался в СССР. Летом 1930 года вместе с Лавочкиным, Каменномостским, Фельснером и Люшиным он ушел из КБ и создал свой маленький, но очень дружный коллектив, получивший название БНК – бюро новых конструкций, просуществовавшее около трех лет. Затем Лавиль работал в НИИ ГВФ, а в 1935 году оставил авиацию и стал корреспондентом французских газет в Москве. Только в 1939 году он вернулся в Париж.)

Много лет спустя, в июне 1965 года известный советский авиаконструктор Олег Константинович Антонов, прилетев во Францию на очередной авиационный салон, повстречал на

аэродроме Бурже своего бывшего «шефа». Ришар сильно изменился, постарел. Вспоминали Столярный переулок, молодость, старых знакомых. Обычные вздохи: «иных уж нет, а те далече...»

– А Сережа Королев! Как он там? Ты встречаешься с ним? – спросил Ришар. – Лавочкин, Бериев, Камов, ты, – стали знаменитыми, а его что-то совсем не слышно. А ведь талантливый был парень, а?

Антонов смущенно молчал...

После ухода Люшина с Лавилем Королев продолжал некоторое время работать у Ришара. По свидетельству людей, знавших его в те годы, Сергей Павлович ничем особенно не выделялся в конструкторском бюро, не «фонтанировал» идеями, держался тихо, скромно и к работе относился если не формально, то уж наверняка без особенного увлечения. Это легко объяснить, во-первых, общими склонностями Сергея Павловича как инженера, во-вторых, частными заботами его в ту пору. Королев всегда, во всех своих работах тяготел к инженерным обобщениям, к техническому синтезу. Его привлекают лишь конструкции, если можно так сказать, предельные: планер, самолет, ракета. Но не крыло планера, не рули самолета, ни сопло ракеты. Буквально через два года он поймет, что воплощение всех его замыслов тормозится отсутствием надежного ракетного двигателя, но сам он не будет заниматься двигателем, поскольку двигатель лишь часть целого. Заниматься стрелковой установкой в башне перед задней турелью в самолете ТОМ-1 увлеченно он не мог, потому что в это же время сам строил две самостоятельные машины: планер СК-3 и авиетку СК-4.

«Сразу после возвращения из Коктебеля в Москву осенью 1929 года Сергей предложил мне делать новый планер для высшего пилотажа, – вспоминал С.Н. Люшин. – Было много причин, мешавших мне взяться за эту работу, и он сам начал проектировать то, что потом превратилось в СК-3 – „Красную звезду“»[14].

Спроектировать и построить задуманный планер за год (разумеется, он должен был появиться осенью 1930 года в Коктебеле) одному человеку, даже обладающему работоспособностью Королева, не под силу, и Сергей понимает это. Он ищет помощников. Первым из них становится отчим.

После переезда из Киева в Москву отношения между Сергеем и Григорием Михайловичем становятся все более дружескими. Прошла его мальчишеская ершистость, когда каждый совет или замечание казались почти оскорблением. Мальчик превратился в мужчину, узнал людей, воспитал в себе ту терпимость без

самоунижения, которая необходима в коллективной работе. С другой стороны, улеглись и тревоги Баланина за будущее Сергея. Он убедился, что гидросамолеты в Хлебной гавани и наивные проекты в особняке Анатры были не капризом, не мальчишеским увлечением, а действительно призванием. Ледок в их отношениях таял.

Многие вечера проводят Сергей и отчим с логарифмическими линейками в руках, обсчитывая новый планер. Пальцы работают так быстро, что движок линейки теплый. Переговариваются мало: все ясно без слов. Но если уж заговорят, то это надолго, и тогда лихорадочно листаются справочники, ногти выдавливают энергичные отметки над формулами, и ломаются в торопливых доказательствах острые карандаши.

Что ж задумал Сергей Королев? «Коктебель», который строили они с Люшиным, был просто парителем, но задачи, которые поставил перед собой Королев на этот раз, были существенно сложнее. Вот как он сам говорит о них:

«Назначение – одноместный летательный аппарат, позволяющий производить на нем фигуры высшего пилотажа. В частности, из их числа наибольший интерес представляло выполнение мертвой петли.

Постройка такой машины имела своей целью практически доказать возможность производства фигур высшего пилотажа на планере вообще. Единственный опыт в этом направлении был проделан в Америке, но летчик Хозе, сделавший 4 петли, воспользовался для набора высоты помощью самолета, буксировавшего его планер. Таким образом, для планера-парителя, самостоятельно набиравшего высоту, подобная задача ставилась впервые...»

Следом идет чрезвычайно интересное и характерное для Королева признание:

«Далее планер для фигурных полетов, обладая большим запасом прочности „на все случаи жизни“, дает возможность практически замерить те перегрузки, которые возникают в полете, и проделать все те наблюдения, которые на планере обычного типа невозможны».

То есть речь идет не только о новой летательной машине, но о новом инструменте для исследований. Ход мысли абсолютно логичен: «Красная звезда» должна была выполнить не просто сенсационные фигуры высшего пилотажа и невиданные «мертвые петли», но, что важнее, дать сведения, которые позволили бы сделать следующий, еще более дерзкий шаг. При всем своем молодом честолюбии Королев заранее отказывается от сенсаций ради проверки своих инженерных идей». Однако это честолюбие

заставляет его тут же отвести возможные упреки в конструкторской компиляции. Он скромен, но заранее оговаривается:

»... подобный планер, обладая наряду с большой прочностью летными качествами, позволяющими ему парить, хотя бы и при довольно сильном ветре, и отнюдь не претендуя на какие-либо особо рекордные качества, представляет все же нечто новое как конструкция».

На Ходынском поле Королев встретил Петра Флерова:

– Делаю планер для высшего пилотажа. Помогай.

– Это невозможно, – возразил Петр. – Паритель должен быть легким, а высший пилотаж с его перегрузками требует повышенной прочности, а значит, веса.

– Возможно. Мы с Гри подсчитали. Оказалось возможно. Так как, придешь?

– А что делать?

– Выбирай: крыло или управление.

Крыло – это скучно. В управлении Флеров ничего не понимал.

– Ладно, – сказал он. – Сделаю тебе управление...

Нельзя было отказать. Когда Флеров с Игорем Розановым делали проект своего легкого самолета, кто первый пришел помогать? Королев. А потому Флерову просто нравилось работать с Сергеем. Это была быстрая, ясная и веселая работа. Правда, при незнакомых людях Королев иногда «выпендривался», строил «начальника». Этого Петр не любил...

– Когда приходить?

– Сегодня, конечно...

Кроме верного друга Флерова, Королев привлек к работе над планером еще многих людей. Дома у него каждый вечер работали два-три человека. Чаще других приходили инженер авиазавода Николай Юрьев, Павел Ивенсен из комитета легкомоторной авиации, Евгений Матысик – молодой планерист, с которым познакомил его в Крыму Грибовский, Павел Семенов – он помогал, когда чертил «Коктебель». Некоторые приходили в его домашнее КБ довольно регулярно, другие вскоре исчезали, он не обижался на них: главное, чтобы работа шла. Но все эти помощники появились только после того, как Осоавиахим утвердил аэродинамические и весовые расчеты планера. Тогда Королев получил деньги на рабочие чертежи и строительство. Народ в Осоавиахиме сидел дошлый, придирчивый.

– Вы говорите, высший пилотаж? А выдержит ли ваш планер установившееся пикирование?

Королев ждал этого вопроса. Момент на крыло получался

действительно очень большой, но справиться с ним можно было.

– Вот, пожалуйста, – он предъявил расчеты.

Когда опять зашел разговор о том, где и кому строить, Королев по старой памяти сразу пошел на Беговую. Скоро под навесом коновязи уже кипела работа. Здесь размещались теперь два верстака – слесарный и столярный и ручной сверлильный станок. Все шло хорошо, пока мастер Мурашов, столяр экстра-класса, не напился пьяным. Королев рассвирепел и выгнал Мурашова.

– Справимся без него, – сказал он Матысику.

Без Мурашова было трудно, но справились.

Невольно подражая в мелочах своему авиационному наставнику Дмитрию Кошицу, Сергей купил мотоцикл и вступил в общество «Автодор». В то лето черно-зеленый «дерад» с коляской (у Кошица, правда, был «харлей») здорово выручал своего хозяина. На мотоцикле Королев ездил на работу, оттуда в мастерские, на склады, грузил в коляску части металлических конструкций, фанеру, различные детали и материалы. Достать именно то, что требовалось, не всегда удавалось. Королев писал:

«Чрезвычайно малый срок (47 дней) и далеко не блестящие условия, в которых происходила постройка, уже заранее предопределяли те границы, за которые конструктор мог выйти в своих замыслах. Понятно, что подобные объективные причины далеко не способствовали совершенствованию конструкции. Провести статические испытания по намеченному плану не удалось. Были разорваны только узлы крепления консолей к центроплану».

С Беговой, где строился СК-3, Королев мчался на Ходынское поле: занятия в школе летчиков продолжались.

Школа теперь уже стала похожа на школу. На подмогу «аврушке» пришли несколько «анрио» – французских учебных бипланов. Королев летал теперь самостоятельно, без инструктора. Задания становились все более сложными. Однажды Сергею нужно было слетать «на высоту»: подняться до 3 тысяч метров. Королев полетел. Он не знал цены шкалы на ленте барографа и вместо 3 километров забрался на 5,4 километра. Он и дальше бы полез, но отказал мотор. Самолетик начал планировать. Королев понял, что посадить машину в Москве будет трудно, и потянул к окраинам, высматривая площадку. Летний вечер был тих, и все шло гладко, как в Коктебеле. Королев успокоился. «А что же все-таки с мотором?» Он пошевелил какую-то проволочку, идущую от контакта, и... мотор вдруг заработал!

Школу летчиков Сергей Павлович окончил летом 1930 года и получил свидетельство пилота, которым очень гордился всю

жизнь.

Когда «Красная звезда» была готова, ее принимал технический комитет. Главным экзаменатором стал Сергей Владимирович Ильюшин, конструкторский авторитет которого уже в те годы был очень высок. Ильюшин был хмур, строг и держался очень официально. Чертежи не листал. Со всех сторон оглядел планер, попробовал рули и велел переделать один ролик. Ролик заменили за день, и Ильюшин дал «добро».

Королеву не терпелось испытать планер в воздухе. Однажды в выходной день Сергей с Петром Флеровым и монтажниками привезли СК-3 на станцию Планерная, где тренировались многие планеристы. Был теплый, ясный, абсолютно безветренный августовский день. Несмотря на многочисленные попытки, взлететь «Красная звезда» не смогла. Королев был раздосадован, но виду не подавал.

– Ветра нет, – сказал он Петру. – На ветре взлечу. В Крыму. Разбирайте.

Одновременно с планером Королев строит самолет. К моменту защиты дипломного проекта его авиетка существовала только на бумаге. Но Королев относился к этой работе не формально. Маленький самолетик уже нужен был ему не для диплома, он нужен был для себя. Королев поставил перед собой задачу сделать самолет «дальнего действия», планировал перелеты, при которых СК-4 мог бы находиться в воздухе до 12 часов. Авиетку кончали строить тоже на Беговой, неподалеку от коновязи, в старой церкви. Сергей на своем «дераде» носился по всей Москве, доставал детали и материалы. Успех работы конструктора во многом зависел и от его способностей снабженца, умения сочетать «легальные» и «полулегальные» методы в своих поисках. Напор и особая жесткая требовательность, которые отличали Королева – Главного конструктора, проявлялись уже тогда. Брат Петра Флерова, Алексей, помогавший строить авиетку, вспоминал много лет спустя, как однажды осенью мастер-сборщик пришел к Королеву с жалобой:

– Сергей Павлович! Холодно работать. Народ ропщет...

– Ропщет?! – взвился Королев. – Уволить тех, кому холодно! Однако не резкостью, а действительно незаурядными организаторскими способностями завоевывал он свой авторитет. Тот же Алексей Васильевич Флеров рассказывал:

– Однажды мы задержались на работе допоздна. Вышли вместе, идем по Боткинскому проезду, выходим на Ленинградское шоссе. Видим, встретились на одной колее два трамвая и ни один другому не хочет уступать дорогу. Я подумал:

«Надо встать и скомандовать, чтобы их развести. Да кто меня послушает...» Королев словно прочитал мои мысли. Он подошел к трамваям и начал командовать. И, удивительнее всего, его почему-то слушали! Никаких возражений, словно он поставлен тут каким-то высшим начальством. Да, у него был дар божий!

Дар даром, но строить в одиночку самолет, пусть даже авиетку, было очень трудно. Официальной организацией, на помощь которой можно было рассчитывать, был комитет легкомоторной авиации при ЦС Осоавиахима. Секретарем комитета избрали Павла Ивенсена, своего парня, планериста, которого Сергей знал по Коктебелю и с которым работал над чертежами «Красной звезды», но особенно помочь Ивенсен не мог – все что-то строили: Яковлев – биплан, Рафаэлянц – моноплан, Скрыжинский с Камовым – автожир, и все требовали помощи. Особенно много времени ушло у Королева на поиски мотора. Нужен был мотор в 100 лошадиных сил. Обыскал все авиационные углы и закоулки, но, увы, не нашел. Пришлось довольствоваться 60-сильным «вальтером».

– Ставьте пока этот, – сказал он механикам, приглашенным из Филей, – а там посмотрим. Достану посильнее – поменяем...

И вот в это время, когда завершалось строительство планера, а в церкви кипела работа над СК-4, Королев вдруг исчез. Никого не предупредив, он в один прекрасный день купил билет, сел в поезд и уехал в Донбасс. Уехал к Ляле.

Ляля Винцентини окончила Харьковский медицинский институт весной 1930 года. За годы, прошедшие с момента их объяснения на Торговой лестнице, Ляля несколько раз приезжала в Москву и одна, и с братом Юрием. В 1926 году Сергей ездил в Харьков на майские праздники, на следующий год был с семьей Винцентини в Крыму, часто звонил из Москвы по телефону. Все Лялины подружки по Харьковскому медицинскому знали, что у нее в Москве «есть Сергей», знаменитый планерист, летчик и инженер. Королев чувствовал, что былые его соперники Жорж и Жорка сражены, но выходить замуж Ляля не торопилась, и это его бесило. Снедаемый беспричинной ревностью, он помчался снова выяснять отношения.

Ляля мечтала быть хирургом, но в Алчевске, куда приехала она после распределения, решили по-другому: она стала «жилищно-коммунальным врачом», потом заведующей районной санитарной станцией, потом заместителем инспектора здравоохранения района – хирургией даже не пахло.

Сергей нашел Лялю в итээровском общежитии при металлургическом заводе, где она жила с подругой Верой Калугиной. Он прожил в Алчевске несколько дней.

Ляля пропадала на работе, от усталости валилась с ног: в области свирепствовали дизентерия и брюшной тиф. Однажды она сказала ему:

– Хочешь спуститься со мной в шахту?

Сергей, разумеется, тут же согласился. Вниз полетели с ветерком, в грузовой клети, потом долго шли почти в абсолютной темноте. За шиворот капала холодная вода. Далеко впереди что-то громко, металлически лязгало. Ляля показывала ему свои подземные медицинские пункты. Сергею в шахте не понравилось.

– Наверху лучше, – сказал он.

Вечером Верочка Калугина догадалась наконец уйти к подруге, и состоялось желанное объяснение. Ляля сказала, что согласна стать его женой.

Перед поездкой в Коктебель Сергею очень хотелось хоть один раз «подлетнуть» на своей авиетке, и он торопил механиков. «Красную звезду» уже отправили в Крым, когда на аэродром привезли новенький СК-4, серый, с красной полосой вдоль фюзеляжа. Дрелью с фетровой насадкой на капоты для красоты навели «мороз». Загляденье, а не машина! Флеров выпускал, был за главного механика. На переднее сиденье сел Королев, весь в скрипучей коже, очки на лбу. Он был немногословен, очень собран и держался так, будто лететь ему надо не один круг над аэродромом, а в Америку. Позади сидел Дмитрий Кошиц. Собственно, он должен был пилотировать авиетку, но допустить, чтобы первый полет его первого самолета происходил без него, Королев не мог. Закрывая лючок на центроплане, без улыбки сказал Флерову:

– Накройте меня крышкой гроба...

Шуточка была, прямо надо сказать, не совсем уместной, Флерова даже передернуло, но он промолчал. На краю поля стартеры замахали белым флагом.

– Наверное, это нам машут, – сказал Кошиц. – Полетел...

Авиетка бежала по полю очень долго, как перегруженный бомбовоз, и Петр Флеров уже подумал, что она и вовсе не взлетит. На слух мотор явно недодавал обороты. Очевидно, был тяжел винт. Наконец взлетели. Сделали круг, второй и пошли на посадку. Пожалуй, выравнивать начали слишком высоко и немного плюхнулись. Была погнута ось колес. Ну да это пустяки. Главное, машина летела! Сергей ликовал.

– Отлично летает! Винт надо поставить поменьше. В общем ремонтируй, летай, а мы поедем в Крым. Пора! – сказал он Флерову.

Полет маленького самолетика не остался незамеченным. Газета «Красная звезда» писала о СК-4:

«Самолет уже совершил первые опытные полеты под управлением летчика Кошица и самого конструктора... Самолет показал весьма хорошие летные качества».

Уже после отъезда Королева СК-4 отремонтировали. Осенью на нем совершил несколько полетов летчик Игорь Александрович Ситников.

То, как Королев выкраивал часы и дни, необходимые для поездки в Донбасс, для постройки авиетки и планера, объяснялось причинами объективными: опытное авиастроение переживало период новой реорганизации. А как известно, всякий раз, когда принимаются крутые меры для интенсификции работы, работа на некоторое время совсем сворачивается, и ничто так не поощряет безделье, как реорганизации.

Пестрота политических симпатий инженеров старой школы, реальные неудачи в конструкторских разработках создавали почву для того, чтобы недобрые семена подозрительности и мнимой бдительности дали свои печальные всходы: отголоском шахтинского дела и процесса промпартии явилось дело о контрреволюционной вредительской организации, якобы существовавшей в авиапромышленности. В 1929 году были арестованы руководители двух крупнейших конструкторских бюро: Д.П. Григорович и Н.Н. Поликарпов, известные авиационные специалисты: И.М. Косткин, А.Н. Седельников, П.М. Крейсон, А.В. Надашкевич, Б.Ф. Гончаров, В.В. Калинин, В.Л. Коровин – всего около 20 человек. Однако арест Григоровича и Поликарпова ставил под угрозу выполнение пятилетнего плана опытного самолетостроения всей страны. Выход вскоре был найден экономическим управлением ОГПУ[15]. В самом деле, если можно использовать физическую силу «вредителей» в рудниках, шахтах, в лесу, почему же нельзя использовать их умственные способности?! Тем более что в большинстве случаев достаточно было взглянуть на «вредителей», чтобы понять, что для лесоповала никакой ценности люди эти не представляют, напротив, – лишь угрожают снижением ударных показателей. Так, в декабре 1929 года в печально известной Бутырке, где сидели «вредители», было организовано закрытое конструкторское бюро, имевшее ясное и откровенное название: ВТ – внутренняя тюрьма. Это была одна из первых, так называемых «шарашек», столь распространенных в 30-е годы и существовавших четверть века в самых разных областях техники, прежде всего техники, связанной с обороной.

Обстановка в КБ ВТ была исключительно здоровой: здесь собрали лучших специалистов, влюбленных в свое дело, от которых требовали только одного – заниматься этим делом.

Нашлись шутники, утверждавшие, что так работать даже лучше, – нет жен, которые требуют театра и гостей, нет детей и многого другого, от дел отвлекающего.

В пятилетнем плане авиапрома было записано задание КБ Туполеву – новый одноместный истребитель. Туполев делал все от него зависящее, чтобы от задания этого отвертеться: оно лежало вне сферы его личных конструкторских интересов – Андрей Николаевич был увлечен большими цельнометаллическими конструкциями. Будущее покажет, что именно большие самолеты принесли славу этому выдающемуся авиаконструктору и его коллективу. Такое же задание тогда же получил и Поликарпов, но его арест превращал Туполева в единоличного исполнителя – отвертеться было невозможно. Теперь соперником Поликарпова стал его товарищ по камере Григорович, Соревнование выиграл Поликарпов. В конце марта 1930 года уже был утвержден макет нового самолета, а через месяц (!) – срок невиданный – летчик-испытатель Бенедикт Леонтьевич Бухгольц поднял в воздух новую машину: истребитель И-5. Всего было построено три самолета с двигателями разных марок. Каждый получил свое название, и мало кому приходило в голову, сколь дико они звучат: «Подарок XVI партсъезду», «Клим Ворошилов» и ВТ-11. Конструкция истребителя оказалась очень удачной. Он пошел в серийное производство и потом около девяти лет находился на вооружении Красной Армии.

Первый успех в невиданно короткие сроки окрылил ОГПУ в прямом и переносном смысле. Экономическое управление чекистов предложило свой план реконструкции опытного самолетостроения. По этому плану требовалось сконцентрировать дотоле разрозненные инженерные силы в новом мощном конструкторском бюро, способном не только конкурировать со своевольным Туполевым, но и соперничать с ЦАГИ, где сроки изготовления новых самолетов измерялись чуть ли не годами! Так, на базе завода «Авиаработник» возникла новая организация: ЦКБ – Центральное конструкторское бюро имени В.Р. Менжинского – с 1926 года он был председателем ОГПУ.

Начальником ЦКБ был чекист Анатолий Георгиевич Горянов, мягкий, интеллигентный человек, расстрелянный в 1937 году. Неусыпный контроль за ним вел начальник экономического управления Прокофьев и его правая рука – Гай, до смешного похожий на Муссолини и знавший это. Сам Менжинский бывал в ЦКБ редко. Он был уже тяжело болен, походка немощная, совсем стариковская, хотя шел ему всего 56-й год. Горянов в конструировании самолетов ничего не понимал и вида, что

понимает, не делал. Его заместителем был авиационный инженер, ранее работавший на заводе, Арам Назарович Рафаэлянц – будущий конструктор фантастического реактивного «летающего стола», поразившего и испугавшего своим грохотом зрителей на авиационном празднике в Тушине в июле 1958 года. Главного конструктора в ЦКБ как такового не было. Некоторые обязанности за него выполнял Григорович. Арбитром в технических спорах был техсовет человек из двадцати, в основном – «вредителей». Вот такая необычная организация возникла на Ленинградском проспекте Москвы.

Если КБ ВТ было тюрьмой, похожей на конструкторское бюро (многолетний уклад Бутырки не так-то просто было поломать либеральными нововведениями), то ЦКБ было конструкторским бюро, похожим на тюрьму. У тюрьмы оно позаимствовало самую малость – несвободу. «Вредители» жили в ангаре № 7 на территории завода. Там они обедали и спали. Никто за ними не следил, никто их не охранял. Отличить их на работе от людей свободных было невозможно, тем более что печальная парадоксальность их положения заключалась в том, что именно «вредители» руководили большими коллективами. Поликарпов возглавлял работы по общему виду и фюзеляжу, Косткин – по крыльям. Седельников – по шасси, Надашкевич – по вооружению, Гончаров вел аэродинамические расчеты, Крейсон – центровочные. Другой печальный парадокс заключался в том, что никто из вольных не считал узников вредителями. А вольных становилось все больше: к концу 1930 года в ЦКБ работало уже триста человек, еще через год – пятьсот. В основном это были осиротевшие соратники Поликарпова и брошенные своим мэтром сотрудники Ришара.

Все это происходило как раз летом 1930 года, когда Сергей Королев гонял по Москве на своем мотоцикле в поисках болтов, трубок, перкаля и прочих драгоценностей. Пока все устанавливалось, утрясалось и размещалось, он и строил планер и авиетку. Но к моменту отъезда в Коктебель Королев уже числился в моторной группе ЦКБ. Григорович предложил схему и общий вид нового тяжелого бомбардировщика, в ОГПУ идею поддержали: очень хотелось переплюнуть Туполева, и все ЦКБ постепенно подключалось к главной работе: ТБ-5.

Из Феодосии они ехали на «харлее», который Кошиц привез с собой в Крым. Сергей – за рулем. Обгоняли можары с планерами: слет обещал быть большим, заявки в Осоавиахим прислали 18 организаций. Сергей увидел Коктебель и заколотилось сердце. Как теперь любил он это место! Насколько красивее оно слащавой Алупки!

Здравствуй, Узун-Сырт!

Вроде бы ничего не изменилось здесь за прошедший год. Так же колышутся под ветром стенки палаток-ангаров, те же худые лошаденки влекут в гору планеры, так же прохладен розовый мускат в погребке грека Синопли, так же широко улыбается его жена, у которой они столовались, и так же надменен ее повар, который готовил когда-то на царской яхте «Штандарт» и на все замечания в свой адрес неизменно отвечал: «Его императорское величество не жаловались». Да, все, как год назад. Но все теперь воспринимается по-другому – и люди, и гора, и море, потому что у него есть его собственный, уже без соавтора, планер, его паритель, его СК-3. Потому что он увидит его полет здесь, на этой горе, и сам полетит на нем, обязательно полетит!

Представление техкомиссии – сущая формальность. Разве не видно, как он ладно скроен! Самый стройный планер, вишневый красавец. Ну какие можно сравнить с ним? Нет, если быть объективным, хорош «Стандарт» Олега Антонова. Ильюшин считал его лучшим планером слета. Да, конечно, «Скиф», который привезли Тихонравов, Вахмистров и Дубровин, или «Гриф» Жемчужина, Томашевича и Сорочинского – это классические парители, и, слов нет, машины отличные, но попробуй-ка сделай на них высший пилотаж. Тут же крылья отвалятся... Даже их с Люшиным «Коктебель» с новым оперением, даже старик «Коктебель» не способен на это... Недаром «Вестник воздушного флота» еще до открытия слета писал:

«В качестве интересной новинки можно отметить планер конструкции т. Королева, рассчитанный специально на производство фигур высшего пилотажа».

Специально!

О высшем пилотаже договорились они со Степанчонком загодя, еще в Москве. Особенно уговаривать Василия не пришлось: ему самому очень хотелось попробовать сделать на планере «мертвую петлю». В прошлом году в Каче он уже делал нечто подобное: на «аврушке» шел в «мертвую петлю» с выключенным мотором. Правда, «аврушка» – это вам не планер. Его можно разогнать километров под 160 в час, он не развалится. Степанчонок верил в Королева и его «Красную звезду». Кроме того, Жуковский, а за ним Пышнов теоретически доказали, что «мертвую петлю» на планере сделать можно. И Василий Степанчонок еще в Москве твердо решил попробовать.

Уступая Сергею, первые полеты на СК-3 Василий отдал ему. Королев летал на «Красной звезде» четыре раза, но всякий раз недолго: планер парил все-таки хуже, чем Сергей ожидал. Кроме того, выяснилось, что требуется небольшая переделка руля

направления. Только доделали руль, стала портиться погода. Низкие тучи окутали Узун-Сырт, с моря задул сильный холодный ветер, срывался дождь. У Сергея было поганое настроение, и чувствовал он себя неважно: раскалывалась от боли голова, знобило. Он понял, что заболевает.

– Съезди в Феодосию, – посоветовал Степанчонок, – пусть порошки какие-нибудь выпишут...

– А вдруг распогодится...

– Нет, я Крым знаю, это на несколько дней...

Сергей поехал в Феодосию и не вернулся. Его положили в больницу. Это была не простуда. Это был брюшной тиф. Эпидемия, о которой рассказывала ему в Алчевске Ляля, поймала его в Крыму в самое неподходящее время. Впрочем, разве бывают своевременные эпидемии?..

Но полет, которого с таким нетерпением ждал Сергей Королев, все-таки состоялся. Вот как описывает его сам герой дня – Василий Андреевич Степанчонок:

«С утра уже ясно было, что день обещает быть ветреным... На такой ветер на южном склоне выпускать учеников для сдачи экзамена на звание пилота-парителя было бы рискованно. Через полчаса он достиг уже 13—14 м/сек. Извлеченная с северного склона „Красная звезда“ стояла на старте и осматривалась в последний раз перед полетом... Взлетаю осторожно, на большой скорости... Вот и конец горы. Плавный разворот, и планер возвращается к месту старта. Высота около 200 м над склоном. Видно, как внизу кучкой стоят и смотрят, расположившись около полотнища, планеристы... Теперь спокойно, последнее движение рулем глубины, и я вижу, как земля ринулась на меня, а деревушка Бараколь стала быстро расти на глазах... „Сколько я потерял высоты?“ – мелькнула мысль. Земля кажется так близка. Плавно, медленно ослабляю давление на ручку, и планер, приподнимая нос, уже бороздит небо... Вот планер уже стоит вертикально... Не торопясь ускоряю движение ручки... Переваливаюсь на спину... Зависну или нет? Но нет, скорость еще есть, ремни на плечах не натянулись. Ручка дотянута и... тишина... Ни звука... Спокойно, как в штиль...

Мелькнул южный склон Узун-Сырта, еще несколько мгновений, и... планер спокойно продолжает нормальный полет... Опять иду вдоль склона, опять набираю высоту перед стартом, там, где застыла устремленная вверх группа планеристов, – сигнал – внимание... Даю знать о второй петле... А в голове мысль: «А ведь Сережа и не подозревает». Конструктор машины в это время, измученный и ослабевший от брюшного тифа, оторванный от своего планера и слета, бессильный, лежал на

кровати феодосийской больницы.

После третьей петли я увидел, что внизу на старте суматоха... Кто-то торопливо нес кусок фанеры к полотнищу. «Выкладывают требование на посадку», – мелькнула мысль... «Бедный Андрей Митрофанович»[16], поди, переволновался изрядно... Сажусь около места взлета в нескольких десятках шагов. Со всех ног несется уважаемый Константин Константинович[17]. А вот и Бурче с расплывшейся по лицу улыбкой... За ним остальные».

Мечты конструктора и пилота осуществились. Петли Степанчонка стали сенсацией седьмого слета. Сергей Владимирович Ильюшин подчеркивал научно-прикладное значение конструкции Королева:

«К большому достижению этого года нужно отнести мертвые петли, совершенные летчиком Степанчонком В.А. на планере СК-3, что является чрезвычайно важным с точки зрения внедрения в обучение полету на планере высшего пилотажа, а также оборудования планеров приборами, определения качества планера и снятия поляры планера».

«Вестник воздушного флота» тоже писал, что можно «сделать первый шаг к изысканию типа учебного планера для высшего пилотажа и получить машину, обладающую таким запасом прочности, чтобы можно было на практике проверить критические значения перегрузок...»

Короче, «Красная звезда» прославила своего молодого конструктора. Конечно, славу эту Королев справедливо делил с пилотом. Недаром Сергей называл полет Степанчонка «исключительным по смелости и красоте».

Василий Степанчонок действительно был одним из самых одаренных летчиков и планеристов. Вся его дальнейшая работа в авиации подтвердила те высокие оценки, которые получил он в ту осень в Коктебеле. В своих воспоминаниях известный летчик-испытатель Стефановский, знавший Степанчонка долгие годы, говорит о тех его качествах, которые помогли ему стать впоследствии отличным летчиком-испытателем: «Безукоризненная техника пилотирования самолетов и планеров, неуемный летный азарт и огромная любовь к авиации...»

Василий Андреевич погиб в 1943 году при испытаниях одного из вариантов злосчастного самолета И-180, до этого отнявшего жизнь у Валерия Чкалова и Томаса Сузи.

Степанчонок делал «петли», а конструктор лежал в больнице, и конструктору было очень плохо. Холодный ветер свистел в щелях окна, рядом тихо стонал в беспамятстве умирающий грузин. Сергей вдруг почувствовал себя бесконечно одиноким и всеми забытым. Он продиктовал сестричке телеграмму Петру

Флерову:

«Заболел брюшным тифом Феодосии тчк Все твоем усмотрении тчк Сергей».

Петр с телеграммой в руках побежал на Александровскую. Через два дня Мария Николаевна приехала в Феодосию. Сергей бодрился, но у него это не очень получалось. Мария Николаевна боялась, что он простудится в палате, и упросила врачей выписать сына. Несколько дней пролежал он в номере «Астории» – типичной курортной гостиницы. После тифа у него началось осложнение – воспаление среднего уха. Требовалась операция, но местный врач признался, что боится ее делать. Они поехали в Москву. Болело уже не ухо – вся голова: болью набух череп, и хотелось только одного – прислониться лбом к холодному стеклу и заснуть.

Когда Сергея привезли во 2-ю университетскую клинику, он был совсем плох, мелко дрожал в ознобе. Его положили у печки. Старый приятель по МВТУ Игорь Розанов, которому Королев помогал строить планер, попросил своего отца, известного врача, профессора Владимира Николаевича Розанова, помочь Сергею. Тот позвонил профессору Свиржевскому. На следующий день Свиржевский сделал Королеву операцию. Трепанация черепа – штука довольно неприятная. В больнице он пролежал долго. Иногда заходили Петр Флеров, Игорь Розанов, Сергей расспрашивал об авиетках, о делах в конструкторском бюро: Петр теперь тоже работал в ЦКБ, в бригаде шасси. Сергей кивал забинтованной головой и, выслушав все новости, «давал указания»:

– Петр, надо проверить расходный бачок на СК-4, посмотреть, не засасывает ли он воздух из больших баков. И еще лыжи от «анрио» где-то надо достать. Я отсюда надумал выбираться, а без лыж летать не сможем...

Но лыжи, которые Петр Флеров, конечно, достал, не потребовались. Сергей, хоть и выписался из больницы, чувствовал себя очень плохо. Сидел дома, много читал. В Колонном зале открылся IX съезд ВЛКСМ. 25 января съезд принял шефство над Военно-Воздушными Силами РККА. На съезде выступал нарком Ворошилов, подчеркивал значение авиации, цитировал немецкого генерала Людендорфа. Людендорф говорил: «В моих статьях я наметил начало новой войны на 1 мая 1932 года... Этот день будет назначен за несколько недель до урожая. Для народов, которые будут уничтожены, совершенно безразлично, начнется ли война в 1931, 1932 или 1933 году».

Королев должен был вспомнить эти слова летом 1941-го «за несколько недель до урожая», когда тесная и темная теплушка

катила его в Омск...

Королева временно перевели на инвалидность: такой долгий бюллетень не оплачивался. Денег не было, не у Гри же занимать?! Продал Петру свой «дерад». И Петру не повезло: сломал руку, тоже сидел дома. В жизни Сергея не было такой тоскливой зимы. Труднее – были, а такой тоскливой и бездельной не было.

Вернулся он в ЦКБ в начале весны, когда близились к завершению работы над ТБ-5. График работ был предельно напряжен, сидели ночами. В ЦКБ этот бомбардировщик называли «козырным»: на карту был поставлен престиж всего коллектива. Григоровича можно было понять, когда он подгонял своих инженеров: пополз слушок, что ему и всем, кто жил в седьмом ангаре, подчиняясь расписанию: «работать... укладываться...» – будет дарована полная амнистия. Не отрываясь, часами просиживал Дмитрий Павлович над чертежами, навалясь на стол своим огромным, атлетически сложенным телом. Он обладал удивительным, сверхъестественным нюхом на ошибки в чертежах, словно магнит притягивал к ним его красный карандаш. Григорович редко сидел в своем кабинете, чаще подсаживался к кому-нибудь из конструкторов. Работали в одном большом – на весь этаж – зале все вместе: и мотористы, и шассисты, и вооруженцы, и Королев часто мог наблюдать главного (если не формально, то фактически) конструктора в деле. Григорович был очень строг и требователен, но видно было, что сам он больше других болеет за дело, и это не давало людям морального права на обиды и упреки.

Первый полет ТБ-5 состоялся в мае 1931 года. Пилотировал бомбардировщик Бухгольц – он был шеф-пилотом ЦКБ. На аэродром приехали нарком Ворошилов и много других высоких начальников.

– Считаю самолет шедевром мировой авиации, – сказал Бухгольц, когда Ворошилов спросил его о бомбардировщике. Он не мигая смотрел в глаза наркома.

Бенедикт Леонтьевич, конечно, правильно сделал, что так сказал, но шедевром ТБ-5 не был. Очень скоро стало ясно: как раз то, что Григорович считал преимуществом своей машины – отказ от цельнометаллической конструкции, было ее недостатком. Уже летавший ТБ-5 уступал по расчетным данным еще строящемуся ТБ-3 Туполева. И когда ТБ-3 полетел, стало ясно, что в серию пойдет он. Но все равно Бухгольц правильно сделал, что назвал ТБ-5 шедевром. Свободу Григорович и другие «вредители» получили не сразу. Но после полета ТБ-5 режим их жизни помягчал. Сначала в ангар № 7 были допущены жены, дети и другие родственники. Потом разрешили выходить в город. Потом

– ночевать дома. За давностью лет не просто установить все детали, но тогда происходило нечто, юридически трудно объяснимое. Никто их вроде бы не амнистировал, не реабилитировал, они постепенно превращались из «вредителей» в свободных людей, а злокачественная «шарашка» перерождалась в нормальное конструкторское бюро.

Человеку свойственно забывать дурное, и о КБ ВТ быстро забыли. Но не все.

Помимо больших испытаний ТБ-5, широко обсуждавшихся в ЦКБ, в то же самое время проходили маленькие испытания СК-4, о которых знали немногие.

В марте Сергей Королев собрал механиков для ремонта и подготовки своего самолета к полетам. «Переобули» снова с лыж на колеса, подкрасили, подмазали, отрегулировали двигатель. И, в общем, все вроде бы хорошо, а летать самолетик не хотел: не тут так там вылезали какие-то неполадки, пробивались какие-то проводнички, что-то подтекало, где-то выявлялся люфт и так без конца. Много позднее Сергей Павлович понял, что торопливо сделанный СК-4 был классическим примером «недоведенной», «сырой» конструкции, наверное, единственной конструкцией Королева, на доводку которой у него не хватило терпения.

И все-таки Дмитрий Александрович Кошиц несколько раз летал на авиетке. «Вечерняя Москва» даже поместила заметку по этому поводу:

> «В конце прошлого года известным инженером С.П. Королевым, автором планера „Красная звезда“, на котором в прошлом году в Крыму тов. Степанчонок впервые сделал мертвые петли, сконструирован новый тип легкого двухместного самолета СК-4. Летчик тов. Кошиц уже совершил на нем несколько опытно-испытательных полетов, которые показали хорошие качества новой машины».

И вот, несмотря на «хорошие качества», во время одного из полетов мотор СК-4 отказал рядом с аэродромом. Высота была такая маленькая, что отвернуть на поле Кошиц никак не смог. Авиетка плюхнулась на крышу ангара.

Неизвестный фотограф запечатлел грустную картину: разбитый самолетик, два грустных техника – Подлесный и Шишмарев, смущенный Кошиц с ссадиной на скуле и рядом – Королев, в белой рубашечке, в галстуке, в ладном светлом плаще. И вроде бы даже улыбается...

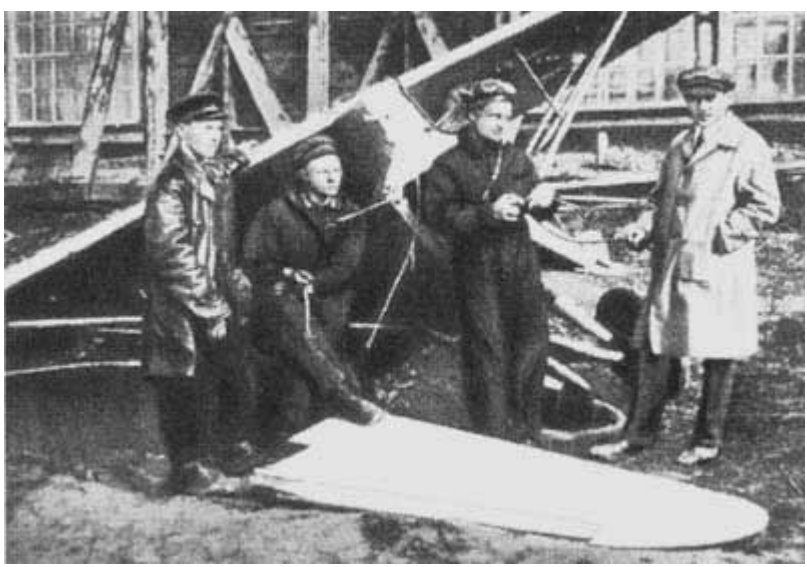
Вот так он улыбался, наверное, когда сочинил озорную частушку:

У разбитого корыта
Собралася вся семья.
Морда Кошица разбита,
Улыбается моя.

Да чего тут улыбаться, жалко, конечно, было самолетик. Но что же теперь делать... Много новых планов было у него в голове. И в разговоре с друзьями все чаще проскальзывало: «ракета...», «ракетный двигатель...». Не новость, конечно. О ракетах кто же не слыхал, и о двигателях тоже где-то что-то писали. Да, знали все. И невозможно понять, почему именно этот 24-летний планерист, молодой конструктор авиационного конструкторского бюро, вдруг, словно путник в ночи, пошел на свет ракеты. И невозможно объяснить, как увидел он в темной дали времен ее великое будущее, как уловил тот чуть слышный шепот, которым позвала его судьба.

«У разбитого корыта...»

Рядом с поломанной авиеткой СК-4 (справа налево): конструктор Королев, пилот Кошиц, механики ВВИА имени Жуковского Шишмарев и Подлесный



14

Я думаю, что людям всего дороже истина, а не прекрасное заблуждение. Заблуждение не имеет цены.

Константин Циолковский

А сейчас нам придется остановить течение этой хроники и разобраться в некоторых деталях, которые и должны дать ответ на вопросы, заключающие предыдущую главу. Это обязательно надо сделать, ибо повествование подошло к важнейшей границе жизни Королева – приобщению его к ракетной технике. Не случись этого, не знали бы мы, возможно, никакого Королева и книги бы этой не было, да и много другого тоже не было бы...

Итак, в ноябре 1963 года корреспондент ТАСС Александр Петрович Романов встретился с академиком Сергеем Павловичем Королевым и записал с его слов:

«Одно из ярких воспоминаний в моей жизни, – начал он (С.П. Королев. – *Я.Г.*), —это встреча с Константином Эдуардовичем Циолковским... – Глаза его потеплели.

...Шел 1929 год. Мне исполнилось тогда около 24-х. Вместе с друзьями мы в то время увлекались самолетостроением, разрабатывали небольшие собственные конструкции...»

Далее Королев рассказывает Романову предысторию этой встречи и заключает: «Собственно говоря, после взволновавшей нас встречи с Циолковским мы с друзьями и начали активные действия и даже кое-какие практические опыты», – имеются в виду работы по ракетной технике.

Прочитав написанное Романовым, Сергей Павлович, как признает сам Романов, «не дал своего согласия на публикование ее (беседы. – *Я.Г.*) в печати». Но подпись Королева на этом тексте есть.

Через несколько месяцев после смерти Королева Романов пытается опубликовать эту беседу, но это ему не удастся, очевидно, по цензурным соображениям. Только через полтора года в связи с «круглой» датой – десятилетием со дня запуска первого искусственного спутника Земли – эта беседа была передана по каналам ТАСС и опубликована многими газетами. В этом новом варианте она, как вы увидите, обогатилась многими интересными подробностями:

«Одно из ярких воспоминаний в моей жизни – встреча с

Константином Эдуардовичем Циолковским. Шел мне тогда двадцать четвертый год. Было это в 1929 году. Приехали мы в Калугу утром. В деревянном доме, где в ту пору жил ученый, мы и увиделись с ним. Встретил нас высокого роста старик в темном костюме. Во время беседы он прикладывал к уху рупор из жести, но просил говорить не громко. Запомнились удивительно ясные глаза. Лицо его было изрезано крупными морщинами. Говорил он энергично, напористо.

Беседа была не длинной, но содержательной, минут за тридцать он изложил нам существо своих взглядов. Не ручаюсь за точность сказанного, но запомнилась одна фраза. Когда я с присущей молодости горячностью заявил, что отныне моя цель – пробиться к звездам, Циолковский улыбнулся. «Это очень трудное дело, молодой человек, поверьте мне, старику. Оно потребует знаний, настойчивости, воли и многих лет, может целой жизни. Начните с того, что перечитайте все мои работы, которые вам необходимо знать на первых порах, прочитайте с карандашом в руках. Всегда готов помочь вам».

Константин Эдуардович потряс тогда нас своей верой в возможность космоплавания. Я ушел от него с одной мыслью – строить ракеты и летать на них».

Однако в своей книге «Конструктор космических кораблей», изданной спустя три года после цитируемой статьи, Романов приводит другой ответ Сергея Павловича на вопрос, что заставило его взяться за изучение реактивного движения. «Это прежде всего знакомство с трудами Константина Эдуардовича, – рассказывал С.П. Королев. – Под влиянием их я решил строить ракеты. Я все больше жил одной мыслью: строить ракеты и летать на них. Это стало всем смыслом моей жизни».

Иными словами, Королев говорит здесь уже не о поездке в Калугу, а о знакомстве с трудами Циолковского.

Проходит еще три года, и в третьем издании той же книги Романов снова меняет текст беседы с Королевым. Теперь тот же абзац звучит так: «Это прежде всего требование времени и, конечно, знакомство с трудами Константина Эдуардовича Циолковского, – рассказывал Королев. – Раньше я мечтал летать на самолетах собственной конструкции, а после встречи с К.Э. Циолковским решил строить только ракеты и летать на них».

Как видите, здесь опять как-то вскользь упоминается встреча.

Итак, четыре варианта одной и той же беседы. Какому верить? Очевидно, тому, который читал и визировал сам Королев. А там, хотя и бегло, без появившихся позднее подробностей: черного костюма, слуховой трубки, продолжительности и темы самой беседы, – все это Сергей Павлович не читал и не

визировал, – но ясно сказано: встреча была.

Точна или не точна запись Романова, не столь уж важно, потому что задолго до беседы с журналистом Королев сам, своей рукой, написал об этой встрече в Калуге. В анкете, заполненной им в марте 1952 года, Сергей Павлович отмечает: «С 1929 года после знакомства с К.Э. Циолковским стал заниматься специальной техникой». В автобиографии, написанной через три месяца, опять находим чуть подправленное, но вполне определенное: «С 1929 года после знакомства с К.Э. Циолковским и его работами начал заниматься вопросами специальной техники». Наконец, в заявлении, отправленном Королевым 30 мая 1955 года в Главную военную прокуратуру СССР с просьбой о реабилитации, читаем: «Еще в 1929 году я познакомился с К.Э. Циолковским и с тех пор я посвятил свою жизнь этой новой области науки и техники, имеющей огромное значение для нашей родины» (т.е. ракетной технике. – *Я.Г.*). Таким образом, существуют три собственноручных заявления Королева о том, что в 1929 году он познакомился с Константином Эдуардовичем Циолковским.

Итак, один из двух участников встречи подтверждает, что она состоялась в Калуге, поскольку в 1929 году Циолковский из Калуги никуда не уезжал. Впрочем, почему мы говорим о двух участниках? А если их было больше? Ведь, если верить Романову, Королев говорил: «Приехали мы в Калугу, встретил нас... изложил нам... потряс нас...» Трудно поверить, чтобы о себе Сергей Павлович говорил в стиле императорских указов: «Мы, Николай II...» Значит, был еще кто-то. Кто? В начале 70-х годов один свидетель отыскался. Им оказался Б.Г. Тетеркин – преподаватель Тульского политехнического института. В своем письме ко мне он сообщил, что встретился с Сергеем Павловичем во второй половине дня на одной из улиц Калуги в один из осенних дней 1929 года. Они вместе пришли к Циолковскому и вместе ушли от него. Разговор, насколько помнит Тетеркин, в основном шел о планерах и возможности применения реактивных двигателей в авиации. Потом, в ожидании поезда в Москву, Королев зашел домой к Тетеркину: на улице было холодно. В сумерках Королев ушел. Эту короткую встречу с незнакомым молодым человеком (студенту Сергею Королеву – 22 года) Борис Григорьевич Тетеркин вспомнил через 37 лет, увидав в газетах траурный портрет 59-летнего Королева. Вот какая бывает у людей феноменальная зрительная память!

Постепенно выяснилось, что и директору Государственного музея космонавтики в Калуге А.Т. Скрипнику С.П. Королев тоже рассказывал, как он приезжал к Циолковскому, но признавался,

что плохо помнит эту встречу и ничего кроме слуховой трубы и черного костюма на Константине Эдуардовиче он не запомнил.

Прошло еще несколько лет и вот оказывается, что не только Королев запомнил встречу с Циолковским, что объяснимо: студент приехал к знаменитому ученому, но и Циолковский запомнил Королева!

В 1982 году вышла книга Виктора Сытина «Человек из ночи». Сытин рассказывает в ней о своих встречах с Циолковским и Королевым в 30-х годах. Оснований не доверять этим воспоминаниям вроде бы нет, ведь Сытин – один из энтузиастов воздухоплавания, заместитель председателя Комитета по изучению стратосферы Осоавиахима, ставший потом писателем. Виктор Александрович приводит такие слова, сказанные ему Константином Эдуардовичем в 1932 году: «Теперь приезжают те, кто практически работают над моими идеями. Были Тихонравов, Королев. Это из ГИРД». Через два года во время второй беседы Сытина с Циолковским Константин Эдуардович просит его передать привет Тихонравову и Королеву. Вот насколько врезалась в память великого ученого встреча со студентом – и через пять лет 77-летний Циолковский не может ее забыть!

Сытину повезло: вернувшись из Калуги он довольно скоро встретился с Сергеем Павловичем в Стратосферном комитете. Встреча эта описана детально. Привета от Циолковского Сытин не передал, но Королев сам спросил:

– Я слышал, вы недавно были у Константина Эдуардовича Циолковского. Как он? Плох?

И, помолчав немного, с теплотой в голосе добавил:

– Какой это удивительный человек! Я был у него лет пять назад (т.е. в 1929 году – все сходится! – *Я.Г.*) зеленым юнцом. А разговаривал он со мной с полным уважением. Делился своими планами. Книжки свои подарил…

Прошло еще какое-то время и, развивая свою версию о поездке Королева к Циолковскому в 1929 году, Романов отыскал новых единомышленников в лице писателя Е.И. Рябчикова и близкого соратника Сергея Павловича академика В.П. Мишина. Евгений Иванович Рябчиков – один из немногих счастливцев, который в годы своей журналистской молодости, ездил к Циолковскому в Калугу, говорил с ним. В книге «Звездный путь», посвященной истории космонавтики, он приводит анкету Королева, где упоминается калужская «встреча», но не комментирует ее и на «встрече» не настаивает. Однако в большой телепередаче Романов, Рябчиков и Мишин настолько подробно рассказывали о ней, что стало понятным, почему калужане, которым как истинным патриотам очень хочется, чтобы два таких

замечательных человека встретились в их родном городе, уже установили мемориал в честь этого события.

А между тем, мне кажется, что с мемориалом они явно поторопились. Даже самое беглое знакомство с рассказами о калужской встрече настораживает: ведь сплошь и рядом концы с концами в этих рассказах не сходятся.

Начнем с того, что совершенно непонятно, когда такая встреча могла произойти. У Тетеркина сказано точнее всего: осень 1929 года, т.е. сентябрь-ноябрь. Но ведь известно, что именно в сентябре Сергей Павлович с невероятной энергией форсирует сборку своего планера «Коктебель», ежедневно до позднего вечера работает под навесом на Беговой. Известно, что именно в это время он усиленно тренируется под руководством Кошица на аэродроме, ждет не дождется, когда же ему разрешат первый, несказанно желанный, самостоятельный полет. И совершает его накануне отъезда в Крым! Трудно поверить, что он мог все это бросить и уехать в Калугу.

В четверг 24 сентября Королев приезжает в Феодосию. Далее – VI Всесоюзные планерные состязания. Они заканчиваются 23 октября. После их закрытия Королев плывет из Феодосии в Одессу, и только оттуда возвращается в Москву. Что он прежде всего делает? Получает «Пилотское свидетельство», – оно датировано 2 ноября. Теперь главное – дипломный проект в МВТУ, ведь в декабре он должен защищать диплом, времени совсем мало.

Получается, что Королеву просто некогда было ехать в Калугу. А главное, – ему незачем было туда ехать! Ничто не указывает на то, что в 1929 году Королева интересует ракетная техника, – это увлечение придет позднее. И толчком будет, очевидно, не поездка в Калугу, а встреча с Фридрихом Цандером и Борисом Черановским, перспектива установить реактивный двигатель Цандера на «бесхвостном» планере Черановского. Это произойдет не осенью 1929-го, а осенью 1931 года. С этого времени Королев начинает активно заниматься ракетной техникой, но не ракетами, а самолетами с ракетными двигателями. Именно ракетоплан – центр его интересов в начале 30-х годов. В августе 1933 года, сразу после пуска первой советской ракеты он в газетной заметке ясно говорит о своих планах: «От ракет опытных, ракет грузовых, к ракетным кораблям-ракетопланам, – таков наш путь!» Откуда же «пробиться к звездам»? Даже через десять лет после гипотетической поездки в Калугу Королев пишет из Бутырской тюрьмы Сталину: «Целью и мечтой моей жизни было создание впервые для СССР столь мощного оружия, как ракетные самолеты... Я... хочу продолжать

работу над реактивными самолетами для обороны СССР».

Но, повторяю, интерес к ракетной технике начинает проявляться не в 1929-м, а в 1931 году. Если бы он тогда поехал к Циолковскому, это было бы еще как-то объяснимо, а о чем мог говорить Королев с Циолковским в 29-м году? Кстати, о чем точно они говорили, из рассказов о встрече понять трудно. Вероятнее всего, прав Тетеркин: об установке ракетного двигателя на планере и самолете. Но опять-таки почему Королев, столь нетерпеливый, начинает осуществлять эту идею только через два года?! У Романова Королев говорит: «...Я с присущей молодости горячностью заявил (Циолковскому. – Я. Г.), что отныне моя цель – пробиться к звездам». Ничего даже близко похожего не было в планах студента Королева. Убежденный реалист, противник всякой шумихи и громкой фразы, Сергей Павлович этого, при всей «присущей молодости горячности», сказать не мог. Это не его фраза, не его стиль.

В другом варианте беседы Романова с Королевым Сергей Павлович говорит, что мечтал строить самолеты и летать на них, а после встречи с Циолковским решил строить ракеты. Но и это не так! Именно осенью 1929 года, как мы знаем, он начинает проектирование нового планера, а затем строит авиетку. «Строить ракеты» сам Королев начнет лишь в РНИИ в 1934 году.

«После взволновавшей нас встречи с Циолковским мы с друзьями начали активные действия...» – читаем у Романова. Но если эта встреча была в конце 1929 года, то никакой особой активности у Королева и его друзей в ближайшие год-полтора не было. Точнее, они и до этого были предельно активны и таковыми остались, но никто из них на новую область техники не переключался еще довольно долго.

А сколько несообразности во всех этих свидетельствах! Если «шел 1929 год», то почему Королев говорит, что ему тогда исполнилось «около 24-х»? Ему исполнилось не «около», а точно 22. У Романова Королев приехал в Калугу утром, у Тетеркина – во второй половине дня. Путаница не только со временем суток. Тетеркин пишет, что погода была плохая. Калужская метеостанция утверждает, что осенью 1929 года погода была на редкость теплая. Если под «мы» Королев подразумевал себя и Тетеркина, то почему «мы приехали»? Ведь Тетеркин жил в Калуге в родительском доме. А если Королев был с друзьями-москвичами, то почему (по Тетеркину) он отправился к Циолковскому без них? В рассказе А.П. Романова Циолковский говорил «энергично, напористо». Все известные нам звукозаписи свидетельствуют о том, что он разговаривал медленно, с той плавностью, которая присуща людям, страдающим глухотой. «Я

не могу говорить громко, – признавался Константин Эдуардович, – так как страдаю хронической болезнью гортани...» Даже такая мелочь, как черный костюм Циолковского, и та не подтверждается. В книге «Циолковский в воспоминаниях современников» никто не упоминает о черном костюме, всем запомнились простые рубашки, свободные блузы. Внук Циолковского, большой знаток быта семьи своего великого деда писал мне, что «черного костюма Константин Эдуардович не имел, гостей принимал в сатиновой рубашке». Тетеркину запомнилось на Королеве черное кожаное пальто. Действительно, есть фотография Сергея Павловича в таком пальто, но появилось оно не в 1929 году, а в 1932-м, когда Королев был уже начальником ГИРД и пальто это ему «выдали». В этом пальто, кстати, и увезли его в тюрьму в 1938-м, а вернулся он в 1944-м уже без пальто...

И уж совсем не сходятся концы с концами в воспоминаниях Сытина. У Сытина Циолковский, вспоминая о визите к нему Тихонравова и Королева, уточняет: «Это – из ГИРД». Но ГИРД – группа изучения реактивного движения – образовалась лишь в конце 1931 – начале 1932 годов, поэтому ни Тихонравов, ни Королев не могли, если они приезжали в 1929 году, быть «из ГИРД». Тихонравов ездил в Калугу к Циолковскому – это неоспоримый факт. Сытин утверждает, что его первый разговор с Циолковским происходил в 1932 году и даже уточняет: до юбилея Циолковского, т.е. до 17 сентября. Но в то время Циолковский никак не мог рассказать Сытину о визите Тихонравова! Судите сами. Вот что писал в своих воспоминаниях Михаил Клавдиевич Тихонравов: «Я очень благодарен И.Т. Клейменову за то, что он однажды пригласил меня поехать к К.Э. Циолковскому. Сам бы, может быть, и не поехал. Тогда мы все были молоды, работы было много, все были увлечены работой и Циолковского даже немножечко забыли. И.Т. Клейменов мне сказал: „Поедем к Циолковскому“. И вот мы поехали в Калугу вдвоем... В Калуге остановились в Доме офицера, познакомились с Циолковским... У Циолковского мы пробыли целый день». И этот день точно известен: 17 февраля 1934 года. Таким образом, если Королев приезжал в Калугу в 1929 году он был еще не из ГИРД, если же речь идет о реальной поездке Тихонравова в 1934 году, – он уже не из ГИРД, так как в 1934 году ГИРД уже не существует. А главное – у Циолковского Тихонравов был не с Королевым, а с начальником РНИИ Клейменовым и случилось это через полтора года после описанной Сытиным беседы, значит, вспоминать о встрече 1934 года в 1932 году Циолковский никак не мог.

Но допустим, Сытин ошибся в датировке, и его поездка в

Калугу состоялась позднее, скажем, в 1934 году, после действительной встречи Циолковского с Клейменовым и Тихонравовым. Допустим, стариковская память Циолковского причудливо совместила приезды к нему Королева и Тихонравова, разделенные пятью годами. Но и в этом случае воспоминания Сытина вступают в противоречия со здравым смыслом. Кто сможет объяснить, почему Циолковский, хорошо запомнивший студента Королева, ничего не говорит Сытину о недавнем приезде к нему крупного военного – начальника только что организованного Реактивного научно-исследовательского института? Почему во время второй беседы передает привет опять-таки Королеву, а не Клейменову, с которым он даже сфотографировался на память, – эта фотография, как и фотография Циолковского с Тихонравовым широко известна?

Немало странностей и в беседе Сытина с Королевым. В ней появляется новый вариант темы этой беседы. Циолковский уже не «излагал существо своих взглядов» (А.П. Романов), не говорил «о планерах, реактивном аэроплане, применении реактивных двигателей в авиации» (Б.Г. Тетеркин), а «делился своими планами» и дарил свои книжки.

Как же присутствующий при этом Тетеркин, запомнивший черное пальто, мог не запомнить такой интересной детали: Циолковский дарит приезжему студенту свои книжки?! Как сам Королев мог забыть о таком символическом и дорогом для него подарке, не рассказать об этих книжках Романову?! И почему в 1977 году в воспоминаниях Марии Николаевны, записанных Романовым, вдруг обнаруживаем: «Сергей привез из Калуги несколько сочинений Циолковского с дарственной надписью». Это удивительное признание, поскольку в библиотеке Королева никогда не было и нет книг, подаренных Циолковским! Имея такую реликвию, Сергей Павлович просто не мог бы хоть кому-нибудь ее не показать или хотя бы не рассказать о ней! Однако ни жена Королева, ни ближайшие товарищи по работе о таком подарке Циолковского никогда не слышали. Есть другие воспоминания. 23 мая 1964 года, поздравляя своего заместителя К.Д. Бушуева с его 50-летием, Сергей Павлович дарит ему «самое дорогое, что у меня есть», – прижизненное издание книги Циолковского «Космические ракетные поезда», но, разумеется, дарственной надписи Константина Эдуардовича на ней нет. Если даже прижизненное издание книжек Циолковского Королев ценил так высоко, как же могли исчезнуть книжки с дарственной надписью автора, столь им почитаемого?!

С учетом всего этого, анализируя варианты беседы Романова с Королевым, невольно хочется отдать предпочтение тому

варианту, где говорится о знакомстве не с самим Циолковским, а с его идеями. Это подтверждается и другими авторами. В книге А.П. Асташенкова «Академик С.П. Королев» (М.: Машиностроение, 1969) читаем: «В 1930-1931 гг., в период напряженного творческого труда, учебы, полетов, Сергей Павлович познакомился с идеями К.Э. Циолковского о реактивном движении, о космонавтике... Он засел за изучение трудов Константина Эдуардовича... Изучение трудов К.Э. Циолковского привело Сергея Павловича к мысли, что великие идеи калужского мечтателя, которые многим казались фантастическими, осуществимы. И не в таком уж далеком будущем...»

Королев беседовал не только с Романовым, но и со многими другими журналистами. Никому и никогда не говорил он о поездке в Калугу в 1929 году. Например, корреспондент газеты «Красная звезда» Н.А. Мельников беседовал с Королевым в марте 1965 года. На вопрос журналиста, как зародилась идея построить ракетоплан, Сергей Павлович ответил, что идея эта захватила его «особенно после знакомства с трудами Циолковского и близкого знакомства с Цандером».

Все мои попытки отыскать в Калуге следы встречи Королева и Циолковского ни к чему не привели. Столь же безрезультатны и поиски историков. Сотрудница Государственного музея космонавтики в Калуге А.Н. Иванова пишет:

«Я много занималась вопросом „встречи С.П. Королева с К.Э. Циолковским“, очень хотелось найти какие-то доказательства, но никаких документальных следов эта „встреча“ не оставила». Ей вторит внук К.Э. Циолковского А.В. Костин, многие годы отдавший изучению жизни Константина Эдуардовича: «...факт приезда Королева в 29-м году к Константину Эдуардовичу вызывает сомнения».

Мать Сергея Павловича, Мария Николаевна, у которой он жил, не помнила, чтобы сын ездил в Калугу в 1929 году. В 1966 году она рассказывала мне, что фамилия Циолковского в доме называлась, Сергей читал его книжки, было видно, что идеи эти заинтересовали его, но о поездке в Калугу и о встрече там с Константином Эдуардовичем он никогда не говорил.

Поэтому я был очень удивлен, прочитав через одиннадцать лет воспоминания Марии Николаевны в литературной записи А.П. Романова[18], в которых она утверждает нечто прямо противоположное: «...мне хорошо помнится рассказ сына о короткой встрече в 1929 году с Константином Эдуардовичем, которая, однако, потрясла его верой в перспективы космоплавания». «Перспективы космоплавания» – это уже четвертый вариант темы беседы Циолковского с Королевым.

Не помнит рассказов о поездке Королева в Калугу и его первая жена Ксения Максимилиановна Винцентини.

– Циолковского Сергей Павлович видел один раз, это точно, – говорила она мне в январе 1970 года, – но в Калугу он, по-моему, не ездил...

Один из ведущих проектантов ОКБ Королева Илья Владимирович Лавров спросил однажды Сергея Павловича, доводилось ли ему бывать в Калуге у Циолковского? Королев ответил, что к Циолковскому он не ездил.

Вторая жена Сергея Павловича – Нина Ивановна Королева – вспоминала:

– Когда мы приехали в Калугу на закладку памятника К.Э. Циолковскому, мы, конечно, посетили и его домик. Не логично ли было бы именно в этот момент вспомнить, как он сюда приезжал в молодости? Но нет. Да и рассматривал Сергей Павлович домик так, как рассматривают люди впервые увиденное...

Циолковский, который своими письмами очень помогал энтузиастам ракетного дела найти друг друга и всегда ратовал за их сплочение, нигде не ссылается на Сергея Павловича, а когда называет его фамилию, не упоминает о знакомстве. Правда, Королев тогда был энтузиастом начинающим, человеком молодым и малоопытным, для Циолковского – просто мальчиком. Но почему и в переписке ГИРД с Циолковским нет ни одного намека на «встречу», ни одного привета от бывшего собеседника? Казалось бы, это надо было сделать просто из вежливости: напомнить старому человеку о знакомстве.

О «знакомстве» с Циолковским Королев пишет только в двух автобиографиях 1952 года. В последующих вариантах (а их за 13 лет было немало) Циолковский нигде не упоминается – нельзя не обратить на это внимания, не задуматься: почему? Почему ни в одном своем публичном выступлении Королев никогда не вспоминает поездку к Циолковскому, не намекает на свое знакомство с ним ни в одной газетной статье, не пишет об этой встрече в своей книге по ракетной технике? Почему, рассказывая слушателям Высших инженерных курсов о К.Э. Циолковском 22 мая 1949 года, Королев умалчивает о своей поездке двадцатилетней давности? Почему в сентябре 1955 года на юбилейной сессии МВТУ имени Баумана Королев вспоминает Циолковского, но опять-таки, не говорит, что он – студент-бауманец – был у него дома, беседовал с ним? Почему, наконец, дважды выступая с развернутыми докладами на торжественных юбилейных вечерах в честь К.Э. Циолковского в 1947 и 1957 годах, Сергей Павлович ни слова не сказал о встрече с

Константином Эдуардовичем, хотя трудно было бы найти для этого более подходящий повод?

Однако надо остановиться. Ведь утверждая, что Сергей Павлович не ездил к Циолковскому в 1929 году, мы изобличаем не только недобросовестных журналистов и мемуаристов. Утверждая это, мы тем самым как бы изобличаем самого Королева. Даже если допустить, что текст беседы с А.П. Романовым Сергей Павлович подписал, не читая (во что поверить невозможно, зная Королева), или, что в этом тексте он проглядел упоминание о «встрече» (что также очень маловероятно), существуют ведь еще три документа, где он сам, своей рукой, пишет, что встреча была! Тогда получается, что Королев писал неправду?

Увы, получается именно так.

Нина Ивановна Королева, жена Сергея Павловича, рассказывает:

– Однажды, в первых числах января 1966 года, Сергей Павлович вдруг сказал:

«Должен тебе признаться, что я как-то плохо помню старика Циолковского...» Эти его слова я запомнила дословно. У меня на языке крутилось тогда сказать ему: «А чего же ты врал?!» – но я смягчила свой вопрос:

– Сережа, а что же ты так много неправды говорил?

– Я фантазировал...

Нина Ивановна объясняет причины, породившие эту «фантазию». По ее мнению, анкеты с упоминанием о «встрече» относятся ко времени, когда еще не реабилитированный Сергей Павлович подал заявление с просьбой принять его в партию.

– Евгений Александрович Тумовский – секретарь парткома ОКБ – рассказывал мне, что Сергей Павлович был избран кандидатом в члены партии с перевесом в один голос, – вспоминала Нина Ивановна. – Ему очень нужно было повысить свой авторитет, укрепиться. Вот тогда он и «нафантазировал», что был у Циолковского.

Это объяснение разделяет и историк ракетной техники, большой знаток жизни и трудов Королева, доктор технических наук Г.С. Ветров. Он пишет: «При подготовке очередного варианта автобиографии в июне 1952 г. Королев, видимо, в связи с результатами голосования в райкоме, решил усилить ее содержание и написал: «С 1929 г. после знакомства с Циолковским *и его работами*...» (подчеркнуто мною. – Г.В.). Есть один существенный факт, подтверждающий стремление Королева вложить в эту фразу особый смысл: такие же слова были написаны им в 1955 году в заявлении с просьбой о реабилитации.

Так авторитет Циолковского стал для Королева моральной и очень необходимой опорой. Поэтому не удивительно, что фраза о знакомстве с Циолковским и его работами прозвучала на партийном собрании в 1956 году при избрании Королева в состав парткома предприятия. Отсюда и снисходительное отношение Королева к тексту, подготовленному журналистом А.П. Романовым. В письме академику А. Топчиеву Королев писал о Циолковском: «...был немножко с ним знаком». Думаю, что все это – «последствия», связанные с однажды принятым решением прибегнуть к помощи авторитета Циолковского».

Подобное объяснение представляется куда убедительнее, чем все откровения Романова, Тетеркина, Сытина и других. Вспомним автобиографии и анкеты, написанные Сергеем Павловичем в разные годы. Вспомним «маленькие хитрости» в анкете, заполненной для поступления в Киевский политехнический институт. В графе «национальность» он пишет: украинец. Через два года, заполняя в Москве анкету МВТУ имени Баумана, – русский. На вопрос киевской анкеты: «Сколько времени живете собственным трудом?» – отвечает: три года, хотя ни о какой трудовой жизни, если не считать лекций по авиации, которые он читал в Одессе, говорить нельзя: он только что закончил стройпрофшколу. Понимал: и «украинец», и трудовой стаж помогут поступить в институт, и тоже немножно «фантазировал».

В разных документах есть, например, разные даты начала работ в ракетной технике. В автобиографии, от 18 августа 1944 года, читаем: «По реактивной технике работаю с 1929 года», хотя известно, что реактивной техникой Сергей Павлович в 1929 году (и в 1930-м тоже!) не занимался. Год спустя в другой автобиографии читаем: «С 1931 г. работал по специальной технике в РНИИ, НИИ-3». Да, работал, хотя опять-таки известно, что в 1931 году (и в 1932-м тоже!) никакого РНИИ и НИИ-3 еще не было. И немало еще разных других «фантазий» встречаем мы у Сергея Павловича...

А, впрочем, так ли уж важно, ездил Королев к Циолковскому в Калугу или не ездил, стоит ли столь скрупулезно выяснять подлинность этого факта? Всей жизнью своей доказал Королев верность делам и мечтам Циолковского, и не было на всей земле человека, который бы сделал больше для реализации идей и грёз Константина Эдуардовича. В этом – высшая правда.

Да, конечно. Но тем не менее гипотетическая «калужская встреча» представляется все-таки достойной анализа. Во-первых, хочется знать правду – это нормальная человеческая потребность. Во-вторых, в любом случае мы получаем очень интересную информацию о самом Сергее Павловиче, новый сочный мазок

ложится на его портрет. В-третьих, борясь за правду, мы тем самым боремся против попыток упростить, перевести в плоскость привычных представлений сложную, объемную фигуру великого конструктора.

В биографиях знаменитых людей очень часто встречаются попытки «исправить» их образ, «выпрямить» характер, уйти от объяснений их странных, непонятных, а порой противоречащих общепринятым нормам поступков. Канонизации был, к примеру, подвергнут тот же Циолковский. Вскользь, мимоходом говорилось о влиянии на работы Константина Эдуардовича философа Н.Ф. Федорова, между тем как его естественнонаучный позитивизм, так и его религиозно-философские концепции оказали огромное влияние на молодого Циолковского, во многом определив направление его трудов. Известно, что в последние годы жизни Константин Эдуардович в не меньшей степени, чем ракетной техникой, увлекался дирижаблями. Но мы считали дирижабли малоперспективными, а ракетную технику – прогрессивной, а посему искажали реальное соотношение интересов великого ученого. Причем делалось это вроде бы без злого умысла, напротив, «для пользы» самого Циолковского, – ведь так «будет правильнее», – объясняли нам. Да, конечно, Федоров очень повлиял на молодого Циолковского, – не это, мол, главное. Но ведь великий человек потому и великий, что в нем – все главное!

Попыткам приукрашивания подвергалась и жизнь Сергея Павловича Королева. Автор этих строк был едва ли не первым из журналистов, кто после смерти Сергея Павловича приехал к его матери – Марии Николаевне. Многие часы шли наши беседы на даче в Барвихе. Ее рассказы о детстве сына были бесценны, поскольку круг людей, которые могли бы об этом что-то рассказать, за давностью лет сузился невероятно. Помню, мы сидели на террасе и, кутаясь в шаль, Мария Николаевна рассказывала о том, как приезжала из Киева в Нежин к сыну, как сидели они вечерами в саду и она рассказывала ему сказки об Иване-царевиче, о коньке-горбунке, о...

– О ковре-самолете, – подсказал я.

– Да, да, конечно, о ковре-самолете, – закивала Мария Николаевна.

И, я допускаю, совершенно искренне закивала, потому что вспомнила эту сказку. Ведь, согласитесь, ничего невероятного в том, что маленький Сережа услышал от мамы сказку о ковре-самолете нет.

Но шли годы и «ковер-самолет» все чаще и чаще стал залетать в редакции наших газет и журналов. Уже забыты были и царевич, и горбунок, ковер-самолет – это было «то, что нужно»,

лучшей сказки для Главного конструктора космических кораблей невозможно было придумать! Ковер-самолет превращался в символ жизни. А давайте представим себе, что Сергей Павлович стал бы не великим конструктором, а великим полководцем, скажем, прославил нашу страну замечательными ратными подвигами. Сколь обрадовал бы тогда биографов Королева рассказ Марии Николаевны о порубленных им в детстве сабелькой пионах на бабушкиной клумбе!

Уже после смерти Сергея Павловича в Одесской публичной библиотеке была якобы обнаружена изданная заграничной типографией «Народной воли» в Лондоне в 1882 году книжечка о Николае Кибальчиче, который накануне своей казни за убийство царя Александра II спроектировал (очевидно, впервые в России) ракетный летательный аппарат. Нашелся в библиотеке и журнал «Былое» за 1918 год, в котором рассказывалось о проекте Кибальчича. Сведения я эти не проверял, но охотно допускаю, что все так и есть. Можно только поздравить одесских библиотекарей с чудесными и редкими находками.

Однако появились сообщения, что «изучая революционное прошлое России» юный Королев с другом Валей Божко наткнулся на лондонское издание, а затем внимательная библиотекарша Мария Петровна дала друзьям почитать и журнал «Былое». Целые страницы биографических сочинений отданы описанию того волнения, которое охватило Сергея, когда он познакомился с проектом Кибальчича.

Александр Старостин в книге «Адмирал Вселенной» вкладывает в уста юного Королева такие слова: «Я недавно просмотрел проект Кибальчича... Он сидел в тюрьме, ему вынесли смертный приговор. А он думал не о смерти, а о полете в другие миры». Не знаю, просмотрел ли «проект Кибальчича» Сергей Королев, но автор явно поленился просмотреть три книжных страницы, которые занимает записка отважного революционера. Он увидел бы, что в ней нет ни слова о «других мирах».

Сам факт того, что книги о Кибальчиче существовали в Одессе во времена юности Королева еще вовсе не означает, что он их читал и что они взволновали его до бессонницы!! Кто может это подтвердить? Валя Божко (в одних книгах он Валерьян (что верно), в других Валерий)? Он умер задолго до смерти Королева, никто его расспросить не успел. Прозорливая библиотекарша Мария Петровна?

Можно ли верить человеку, который, выдавая ежедневно сотни книг и журналов помнит, какой журнал она выдала двум школьникам без малого полвека назад даже не забыла их фамилии? В рассказах Марии Николаевны, которая могла

наблюдать волнения сына в связи с проектом Кибальчича, в воспоминаниях его одноклассников: Л.А. Александровой, В.А. Бауэра, Г.М. Вальдера, А.И. Загоровского, Г.П. Калашникова, которых мне посчастливилось разыскать в Одессе в сентябре 1969 года и с которыми Сергей мог поделиться столь взволновавшим его открытием, – ни слова о Кибальчиче! Зачем же тогда эти домыслы?

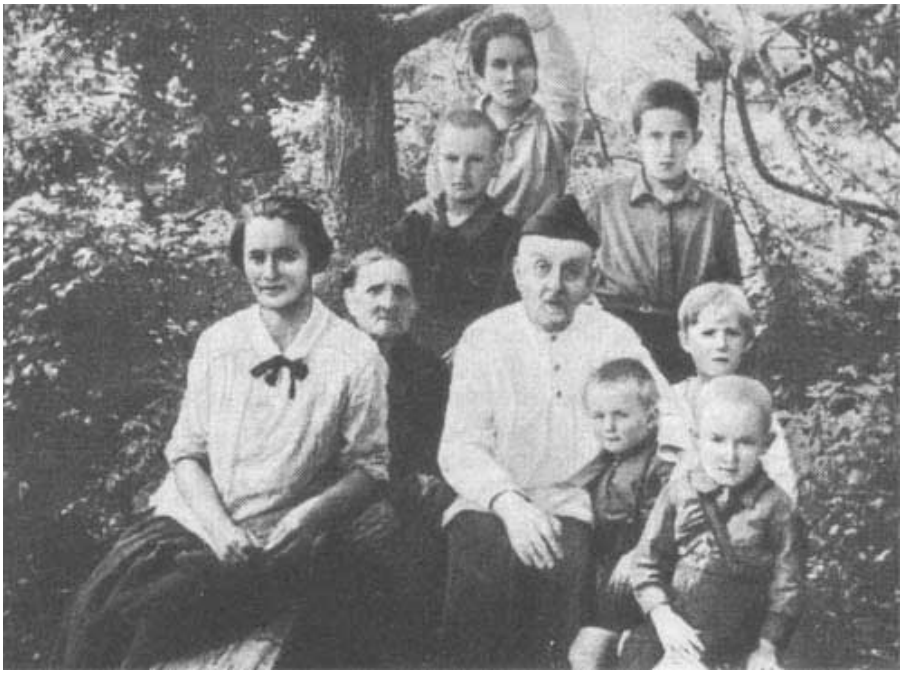
А красиво! Тот же ковер-самолет, но уже не в детском, а юношеском варианте. Нет доказательств, что Королев узнал о проекте Кибальчича в юношеские годы?;

Ну и что? Ведь и доказать, что он о нем не знал, тоже невозможно. Зато, как красиво получается: от проекта народовольца к космическим свершениям наших дней! Эстафета поколений!!

Думается, то же и с «калужской встречей» Королева и Циолковского. Действительно, как бы здорово было, если бы Сергей Павлович съездил тогда в Калугу! Да он бы непременно съездил, если бы догадался, как украсит в будущем этот факт его биографию, какую замечательную символику обретет история нашей космонавтики! Обязательно бы съездил! Но что делать... Еще знаменитый английский естествоиспытатель Томас Гексли с улыбкой сетовал: «Великая трагедия науки – уничтожение прекрасной гипотезы безобразным фактом». Впрочем, здесь, пожалуй, другой вариант: «прекрасной гипотезе» как раз не хватает фактов. Но гипотеза имеет право жить в их ожидании. Поэтому отвергать гипотезу не следует. Но именно как гипотезу. Не превращая ее в факт, пусть даже очень красивый, в мемориал, пусть даже очень желанный.

Всякое стремление к историческому примитивизму, к упрощению характера, к созданию портрета, отвечающего требованиям сегодняшнего момента, порочно не только потому, что искажает историческую правду, не только потому, что поступки человека незаурядного измеряются шаблонами заурядности. Оно порочно еще и потому, что оскорбляет тех, к кому обращено, ибо заведомо предполагает и в читателях людей примитивно мыслящих, если не сказать глупых.

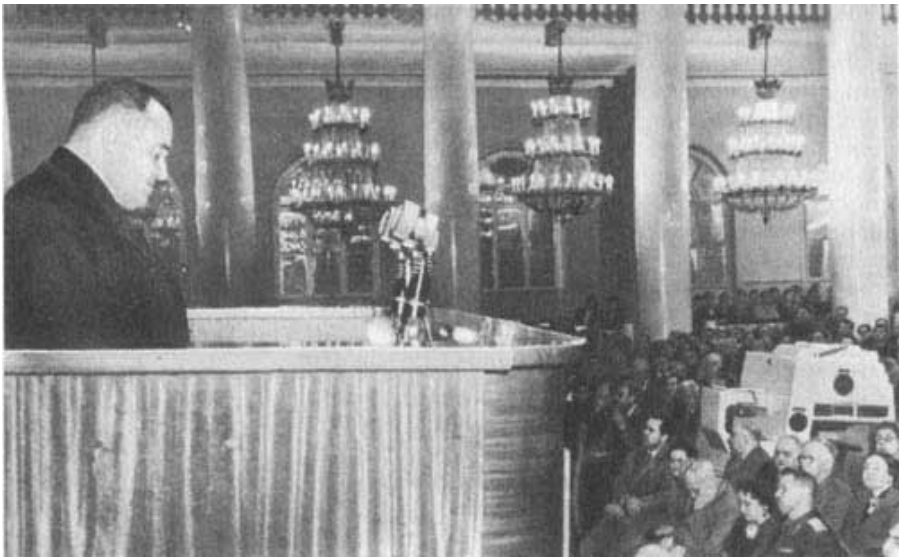
К.Э. Циолковский в кругу семьи



Кабинет-спальня К.Э. Циолковского

Михаил Клавдиевич Тихонравов.
1925 г.

Член-корреспондент АН СССР С.П. Королев делает доклад на торжественном заседании в честь 100-летия К.Э. Циолковского



15

Бывают в жизни моменты, которые являются как бы пограничной чертой для истекшего периода времени, но которые вместе с тем со всей определенностью указывают на новое направление жизни.

Карл Маркс

Видел ли Королев живого Циолковского? Видел. После торжественного вечера в честь 75-летия К.Э. Циолковского председатель Осоавиахима Роберт Петрович Эйдеман пригласил Константина Эдуардовича к себе в Центральный совет на Никольскую улицу[19]. На встрече этой, кроме осоавиахимовского начальства и работников аппарата, были Королев с Цандером и двое ленинградцев. Ждали Циолковского. Наконец из большого окна, выходящего прямо на улицу, увидели подъехавший автомобиль. Неуклюже, цепляясь шляпой за срез автомобильной крыши, – было видно, что в машине он ездит редко, – из автомобиля вылезал старик. Михайлов, управляющий делами ЦС Осоавиахима поддерживал его за локоть, когда поднимались они по лестнице на второй этаж в кабинет Эйдемана. Его заместитель Малиновский встретил Константина Эдуардовича еще в приемной. Отовсюду спешили люди, кто просто поглазеть, кто поздороваться за руку, кого-то Малиновский представлял, кто-то сам лез. Многолюдье и суета были мучительны для Циолковского, вид у него был озабоченный. Кто-то принял у Константина Эдуардовича шляпу, помог снять тяжелое, потертое, тоже явно стариковское, серое демисезонное пальто. Наконец, прошли в кабинет, расселись. Циолковский серьезно, даже строго смотрел на улыбчивое лицо Эйдемана.

Видно было, что Циолковский уже стар, седая голова его тускло отливала оловом, короткая бородка была подстрижена так, что не удлиняла, а, напротив, округляла его несколько продолговатое, малоподвижное лицо. Осоавиахимовцы заговорили о дирижаблях. Цандер что-то гневно и неразборчиво шипел на ухо Королеву: его возмущало, что драгоценное время встречи тратится на какие-то дирижабли. Циолковский редко вставлял реплики, больше слушал других. Все знали, что говорить с ним надо громко, но даже когда забывали об этом,

Циолковский не подносил ладонь к уху, не напрягался, а повернувшись всем своим вовсе не тучным, не грузным, но по-старчески тяжелым телом, просто очень внимательно смотрел в лицо говорившего, очевидно, читая слова по губам.

Во время беседы Королев говорил о том, какую помощь может оказать Константин Эдуардович его группе изучения ракетного движения. Рядом радостно кивал Цандер, тихо приговаривая: «Так, так...» Циолковский слушал Королева внимательно и отрешенно. По глазам его можно было понять, что он все понимает, но, отвечая, он сразу заговорил о другом, перевел беседу на свои брошюры и статьи, жаловался на старость и немощь. Цандер робко пытался возразить, а возражать-то было нечего, он действительно был стар и немощен и вряд ли что-нибудь мог уже дать им, кроме общих советов.

Вот такая встреча в 1932 году действительно была. Вряд ли мог на ней обсудить Сергей Павлович все волновавшие его проблемы развития ракетной техники, важнее то, что проблемы эти действительно уже очень волновали его в 1932 году. И когда появление у Королева интереса к ракетной технике объясняется только знакомством с идеями Циолковского и планами Цандера, – это, как говорят математики, ответ лишь в первом приближении. Нельзя понять этого важнейшего поворота в судьбе нашего героя, не представив себе общей картины состояния ракетной техники в ту пору, когда ею стал заниматься молодой Сергей Королев, а представив эту картину, нельзя не увидеть вновь, как гармонично сочетались личные его интересы с устремлениями века.

Циолковский опубликовал в «Научном обозрении» первую часть своей работы «Исследование мировых пространств реактивными приборами» еще до рождения Сергея Павловича – в 1903 году. Труд этот, который по своему значению для прогресса человечества может стоять рядом с книгой «Об обращениях небесных сфер» Николая Коперника или «Началами» Исаака Ньютона, в то время не был замечен и оценен. В конце XIX и в начале XX века ракетами занимались редкие энтузиасты, которых без стеснения считали чудаками. Их работы оставались или вовсе неизвестными или признавались через многие годы. Придется опять вспомнить ироничного Томаса Гексли, который говорил: «Судьба новой истины такова: в начале своего существования она всегда кажется ересью». Ракетчики прозябали не только потому, что они исповедовали «ересь», но и потому еще, что в те годы действительно не было потребности в ракетах. Ими не занимались даже не в силу консерватизма мышления, а потому, что они были не нужны.

В военном деле ствольная артиллерия наращивала калибры, повышала дальность и точность стрельбы, и новый, далеко не совершенный, непривычный, капризный снаряд не сулил артиллеристам никаких выгод. Авиация в младенчестве своем[20] никак не могла перескочить в реактивный век, минуя эпоху самолетов винтовых. Первые же опыты применения ракет как движителей различного вида наземного транспорта тоже нельзя было назвать многообещающими. Задачи исследования стратосферы связывались тогда в первую очередь с аэростатами. И там отлично обходились без ракет. Например, летом 1901 года Берсон и Зюринг в Германии поднялись на высоту 10 800 метров – достижение весьма серьезное.

Теоретики и практики ракетной техники были совершенно разобщены. Это были те самые «...не связанные друг с другом исследования и опыты многих отдельных ученых, атакующих неизвестную область вразброд, подобно орде кочевых всадников», о которых, применительно, правда, к электричеству, писал Ф. Энгельс в «Диалектике природы». Американец Роберт Годдард, который начал заниматься ракетами с 1907 года, очень долгое время ничего не знал о трудах Циолковского, равно как и Герман Оберт, работавший с жидкостными ракетными двигателями и ракетами в Германии. Столь же одинок был во Франции один из пионеров космонавтики, инженер и летчик Робер Эсно-Пельтри, будущий автор двухтомного труда «Астронавтика».

Можно, однако, предположить, что о работах этих людей, хотя бы понаслышке, знал молодой Сергей Королев. Годдард, например, на весь мир рекламировал пуск ракеты на Луну 4 июля 1924 года. В этот день человек, который действительно послал первую ракету на Луну, защищал свой первый проект в ОАВУКе и был по горло занят в планерных кружках. Полет на Луну ракеты Годдарда широко обсуждался в печати; уверен, что Королев слышал об этом проекте.

И наверное, он смотрел в том же 1924 году очень популярный фильм «Аэлита» по мотивам прекрасной фантастики Алексея Толстого. И в том же 1924 году мог листать журнал «Техника и жизнь», где напечатана была работа Цандера «Полеты на другие миры», или увидеть газету с заметкой о создании «Общества изучения межпланетных сообщений». А мог прочитать и другую газету – 13 июня 1924 года в «Известиях» напечатали заметку «Пресловутая ракета», в которой энтузиасты звездоплавания назывались «отечественными Сирано де Бержераками». Это был намек на повесть «Полеты на луну», вышедшую в 1649 году, в которой, кстати сказать, сам того не ведая, французский поэт Сирано де Бержерак описал принцип реактивного движения.

Известинская заметка, следует отметить, была переполнена благоглупостями, вплоть до сомнений по поводу того, что ракета вообще может летать в пустоте.

В год окончания Сергеем в Одессе стройпрофшколы было великое противостояние Марса, опять заговорили о каналах, марсианах, звездных перелетах, и это тоже могло незаметно, исподволь отложиться в памяти юноши.

А в Киеве! В предыдущих главах уже шел разговор о кружке, а затем «Обществе по изучению мирового пространства», о выставке этого общества на улице Короленко. В год отъезда Сергея из Киева вышло второе издание работы К.Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Книгу заметили: интерес был подогрет газетными заметками, лекциями, даже «Аэлитой». Возможно, Королев знал об этой книге. Еще раз повторяю: не надо утверждать, что он читал, знал, обсуждал, – нет у нас для этого фактов. Но ведь жил-то Сергей Королев не в глухой деревне, а в больших городах, замечательных культурных центрах: Одессе, Киеве, Москве. Значит, мог читать, знать, обсуждать.

Почти уверен, что 8 апреля 1927 года он был на вечере «От полета человека в воздухе к полетам в мировом эфире». Ведь он состоялся как раз в МВТУ. Профессор Ветчинкин очень рекомендовал своим студентам послушать доклады изобретателя и летчика Георгия Андреевича Полевого и конструктора ракетомобиля Александра Яковлевича Федорова. Последнего Королев должен был помнить по Киеву. А буквально через две недели на Тверской, в доме 68, открылась «Первая мировая выставка межпланетных аппаратов и механизмов». У громадной витрины постоянно стояла толпа: за стеклом расстилался лунный пейзаж, созданный фантазией молодого художника И.П. Архипова. Над мрачными скалами Луны висел большой диск Земли. Впереди, на гребне одного из кратеров стоял фанерный человечек в скафандре, а вдали возвышалась серебристая ракета. Инициатором выставки был тот же Федоров, человек необыкновенно одаренный и увлекающийся, один из организаторов Межпланетной секции при Ассоциации инвентистов-изобретателей (АИИЗ) – «внеклассовой, аполитичной ассоциации космополитов», как они говорили о себе. Ассоциация разрабатывала даже свой собственный язык АО для облегчения взаимопонимания космонавтов разных стран. «Изобретатели» языка очень хотели сделать своим единомышленником и Циолковского, но мудрый калужский старец не торопился с оценками. «Я несколько сомневаюсь, – осторожно писал он в АИИЗ 26 августа 1927 года, – в практичности искусственного

языка. Язык создается тысячелетиями при участии всего народа. Возможно, что я ошибаюсь». А через полтора месяца, когда опять стали на него наседать с требованием признания, ответил отказом: «...по старости, болезни и переутомленности, не мог дать и заключения о языке АО и пр.»

И все-таки при всей хлесткости, искусственности и нарочитости своих лозунгов: «Через язык АО изобретем все!», «Мы, космополиты, изобретем пути в миры!» – выставка была действительно интересной. Большие, хорошо оформленные стенды с многочисленными моделями, чертежами, рисунками, фотографиями, оттисками печатных работ были посвящены трудам Циолковского, Цандера, Годдарда, Валье, Оберта, Гомана, Эсно-Пельтри, Гансвинда, Уэлша и других пионеров космонавтики. Организаторы выставки, не представляя себе всех сложностей космического полета, искренне верили в его реальность и заражали своей уверенностью других.

Профессор Рынин писал из Ленинграда в АИИЗ: «...не могу не выразить удивления, как Вам, с ничтожными средствами, удалось организовать такую интересную и богатую материалами выставку, которая, несомненно, во многих посетителях ее должна была возбудить ряд вопросов научно-технического характера и пробудить в них интерес к астрономии, проблеме межпланетных сообщений и к выработке миросозерцания вообще».

Среди посетителей народ был самый разный: и энтузиасты и скептики. Вот строки из репортажа об открытии выставки:

«...Выставка „Космополитов вселенной“ только что открылась. Посетители идут сюда как-то застенчиво, оглядываясь, точно боясь, чтобы не увидел кто и не осмеял. Только у немногих решительный вид, – так и кажется, что этот человек пришел записываться для первого полета на Луну. Впрочем, такие желающие в самом деле были...»

Были! И была специальная книжка, куда записывались все, кто хотел полететь на Луну! А ведь за два месяца работы выставки ее осмотрело более 10 тысяч человек. Подумать только, наверняка многие из этих людей дожили до первой лунной экспедиции землян!

В 1928 году в Ленинграде разворачивает работу Газодинамическая лаборатория (ГДЛ), где ведутся работы над пороховыми, а затем электрическими и жидкостными ракетными двигателями. В том же году Цандер проектирует свой жидкостный двигатель, или «мотор», как он называл его, ОР-1 – опытный ракетный первый.

В год, когда Королев оканчивал МВТУ, Циолковский издает в Калуге брошюру «Космические ракетные поезда» и подводит в

«Трудах о космической ракете» черту под своими теоретическими работами в этой области. Он понимает, что теперь должен наступить новый этап, этап опытов и конкретных инженерных разработок. Он пишет:

«Ценность моих работ состоит, главным образом, в вычислениях и вытекающих отсюда выводах. В техническом же отношении мною почти ничего не сделано. Тут необходим длинный ряд опытов, сооружений и выучки. Этот практический путь и даст нам техническое решение вопроса. Длинный путь экспериментального труда неизбежен».

14 мая 1927 года Циолковский писал в Ленинград профессору Рынину:

«Относительно космической ракеты несомненно одно, что идея реактивного прибора для межпланетных путешествий в последнее время начинает быстро распространяться».

Да, идея буквально носится в воздухе. Еще при слове «ракета» морщат носы упрямые артиллеристы, но 3 марта 1928 года в нашей стране уже летят реактивные снаряды с бездымным порохом. Непризнанного вчера Германа Оберта сегодня с распростертыми объятиями встречает автомобильный король Фриц фон Опель. Задумана невиданная реклама – реактивные автомобили. Киноконцерны обещают Оберту большие деньги за экранизацию романа Теа фон Гарбу «Женщина на Луне». Название книги Оберта, вышедшей в 1929 году, звучит со спокойным деловым оптимизмом: «Пути осуществления космического полета».

В Соединенных Штатах Америки Роберт Годдард, человек трудного, сложного характера, предпочитал работать скрытно, в узком кругу доверенных людей, слепо ему подчинявшихся. По словам одного из его американских коллег, «Годдард считал ракеты своим частным заповедником, и тех, кто так же работал над этим вопросом, рассматривал как браконьеров... Такое его отношение привело к тому, что он отказался от научной традиции сообщать о своих результатах через научные журналы...»

Можно добавить: и не только через научные журналы. Весьма характерен ответ Годдарда от 16 августа 1924 года советским энтузиастам исследования проблемы межпланетных полетов, которые искренне желали установить научные связи с американскими коллегами. Ответ совсем короткий, но в нем весь характер Годдарда:

«Университет Кларка, Уорчестер,
Массачузетс, отделение физики.

Господину Лейтейзену, секретарю общества по исследованию межпланетных связей.

Москва, Россия.

Уважаемый сэр!

Я рад узнать, что в России создано общество по исследованию межпланетных связей, и я буду рад сотрудничать в этой работе в пределах возможного. Однако печатный материал, касающийся проводимой сейчас работы или экспериментальных полетов, отсутствует.

Благодарю за ознакомление меня с материалами. Искренне ваш, директор физической лаборатории Р.Х. Годдард».

В июле 1929 года в Уорчестере ракета Годдарда с двигателем, работающим на жидком водороде и жидком кислороде, достигает высоты 300 метров. Теперь он понимает, что до Луны еще очень далеко, но он оптимист. «Что касается вопроса о том, через сколько времени может состояться успешная отсылка ракеты на Луну, – пишет Годдард, – то я считаю это осуществимым еще для нынешнего поколения». Он оказался прав: советская «Луна-2» впервые достигла Луны через 30 лет.

На рубеже 30-х годов XX века дух эксперимента царит в ракетной технике. «Только путем многочисленных и опасных опытов можно выработать систему межпланетного корабля», – предсказывает Циолковский. Реальные дела, конкретные эксперименты становятся жизненно необходимыми. Осуществить их в нашей стране в те годы было довольно трудно из-за недостатка средств. Об этом времени интересно пишет историк Ю.В. Бирюков в своей работе «Роль С.П. Королева в развитии советской ракетной техники в период ее зарождения и становления»:

«Большие перспективы, открываемые применением реактивного принципа движения в артиллерии и авиации, в это время уже понимали многие, но добиться возможности работать над их воплощением в жизнь еще было очень трудно. Это удалось Н.И. Тихомирову и В.А. Артемьеву в Ленинграде[21], потому что они взялись решать узкую и вполне реальную практическую задачу, и это никак не удавалось Ф.А. Цандеру в Москве, который все свои предложения, даже направленные на решение конкретных ближайших задач ракетной техники, обязательно связывал с проблемой межпланетных полетов. Получался замкнутый круг. Чтобы осуществить идею ракетного полета, нужно было ее общественное признание, которое дало бы

необходимые средства для ее осуществления. Но лучшим и в то время почти единственным путем получить общественное признание идеи реактивного движения было осуществление реактивного полета на практике. В разрыве этого замкнутого круга и проявилась впервые решающая роль Королева».

И снова, как тогда в Одессе, когда устремления юного Королева так счастливо подкрепились созданием Общества друзей Воздушного флота, так и теперь, на новом рубеже жизни, планы его нашли поддержку в Осоавиахиме.

Душой этой молодой организации был 37-летний Роберт Эйдеман, участник революции, красный командарм, начальник Военной академии имени Фрунзе, прозаик, поэт, в будущем – член правления Союза писателей СССР– и председатель Латвийской секции этого союза, главный редактор Военной энциклопедии, Эйдеман еще в мае 1925 года на первом Всесоюзном совещании Военно-научного общества (ВНО) был избран его генеральным секретарем. Примерно через год общество это было реорганизовано в ОСО – Общество содействия обороне СССР, а затем слито с Авиахимом, после чего получило новое название: Общество содействия авиацинно-химическому строительству в СССР (Осоавиахим). Первым председателем Центрального совета Осоавиахима избирается Роберт Петрович и буквально через несколько дней после своего назначения подписывает приказ о создании опытного завода Центральной группы изучения реактивного движения – само время снова стало союзником Сергея Королева!

Однако еще раньше, в 1931 году, в Осоавиахиме было организовано общественное Бюро воздушной техники, председателем которого был избран Яков Емельянович Афанасьев. Член партии с 1918 года, он работал в Приволжском военном округе, в 1928 году окончил Академию имени Жуковского и участвовал в составлении первого пятилетнего плана авиапромышленности. В 38 лет Афанасьев уже носил три «ромба» военного инженера воздушного флота высшего ранга. Бюро, которое находилось при научно-исследовательском секторе Центрального совета Осоавиахима, быстро обросло активом, весьма пестрым по составу, подготовке и интересам. Вскоре энтузиасты объединились в четыре научно-экспериментальные группы, работу которых консультировали такие известные специалисты, как В.П. Ветчинкин, Б.С. Стечкин, В.С. Пышнов, Б.Н. Земский, и другие. Первая группа занималась легкомоторной спортивной авиацией. Ей помогала вторая группа, члены которой организовывали производство этих самолетов. Третья группа объединяла «стратосферщиков», строивших рекордный стратостат

«Осоавиахим-1». наконец, четвертая именовалась Группой изучения реактивного движения. Главным инициатором создания ее был инженер Фридрих Артурович Цандер. Вскоре это объединение было переименовано в ЦГИРД – Центральную группу изучения реактивого движения и реактивных двигателей.

ЦГИРД в Москве назывался центральным, потому что должен был объединять и координировать работу многих подобных групп по всей стране. В это время они создаются в Ленинграде, Харькове, Тифлисе, Баку, Архангельске, Нижнем Новгороде, Оренбурге, Днепропетровске и в других городах вплоть до Кандалакши, где (правда, позднее, уже в 1935 году) была запущена доморощенная ракета с жидкостным ракетным двигателем. Рост этих групп объяснялся и поддерживался многочисленными публикациями на эту тему. Кроме работ Циолковского, к этому времени в Новосибирске вышла из печати книга Юрия Васильевича Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств», регулярно появляются научно-популярные и научно-фантастические статьи в журналах и газетах.

Очень много сделал для пропаганды ракетоплавания уже упоминавшийся ленинградский профессор Н.А. Рынин, автор уникального многотомного труда, посвященного ракетной технике и межпланетным полетам, ставшего сегодня большой библиографической редкостью. Николай Алексеевич был энциклопедически образованным человеком, а о ракетах знал, наверное, все, что где-либо и когда-либо было опубликовано. Дома у него висела на стене огромная витрина, на которой разместились фотографии всех, кто работал в области ракетной техники.

Популярнейшими, особенно среди молодежи, в те годы были книги классика советской научно-популярной литературы Якова Исидоровича Перельмана. Его «Межпланетные путешествия» и «Ракетой на Луну» были не только научно точны, но и проникнуты необыкновенной верой в реальность космических дорог человечества. Перельман писал:

«Не знаю, доведется ли мне дожить до того часа, когда ракетный корабль ринется в небесное пространство и унесет на Луну первых людей. Но вы, молодые читатели, весьма возможно, доживете и до того времени, когда между Землей и Луной будут совершаться правильные перелеты: и – кто знает? – может быть, кому-нибудь из вас посчастливится и самому проделать такое путешествие...»

Все новых и новых энтузиастов порождали и всевозможные доклады, лекции, диспуты, популярность которых была столь велика, что они зачастую не укладывались в отведенные им часы

и переносились на другой день, а входы в залы пикетировала милиция. В диспутах принимали участие крупные ученые, они сопровождались демонстрациями наглядных пособий, математическими выкладками, ссылками на зарубежные работы. У слушателей создавалось иллюзорное впечатление, что межпланетный полет, возможность которого теоретически бесспорна, является чисто технической задачей, пусть сложной, но вполне разрешимой, соответствующей уровню науки и техники тех лет. Вряд ли кто-нибудь сегодня всерьез отнесется к объявлению на афишной тумбе, в котором вас приглашали бы принять участие в экспедиции на Марс. А тогда поверили бы! И Алексей Толстой, как большой художник, показал в «Аэлите», романе фантастическом, совершенно реального Гусева, читающего такое объявление и не удивляющегося ему, – вот что интересно! Сотни таких гусевых сидели в аудиториях МГУ и Политехнического музея и верили, что такое объявление появится завтра. Ну, послезавтра. Да только ли горячие молодые головы верили в это?

Даже Цандер, на себе испытавший все трудности первых шагов, был настроен очень оптимистично:

«Интересуясь математическими и конструктивными изысканиями, касающимися межпланетных путешествий, я уже в течение ряда лет делал расчеты по этому вопросу и пришел к выводу, что при существующей технике перелеты на другие планеты будут осуществлены, по всей вероятности, в течение ближайших лет».

Цандер был слишком увлеченным человеком, чтобы быть человеком объективным. Одна из трагедий этого выдающегося ума заключалась как раз в том, что, при всей зрелости его инженерных разработок, они не соответствовали техническим возможностям своего времени. Проекты Цандера перегоняли свою эпоху на десятки лет. Даже сегодня, когда мы получаем информацию с поверхности Венеры, а по Луне ходят люди, даже сегодня наука и техника не в состоянии реализовать некоторые идеи Цандера[22].

Как ни странно, но именно Циолковский казалось бы менее других знакомый с делами практическими, в меньшей степени представляющий себе возможные масштабы конструкторских разработок и уровень производственных баз, был наиболее осторожен в своих прогнозах. Он писал в 1929 году:

«Работающих ожидают большие разочарования, так как благоприятное решение вопроса гораздо труднее, чем думают самые проницательные умы. Их неудачи, истощение сил и надежд заставит их оставить дело незаконченным и в печальном

состоянии. Потребуются новые и новые кадры свежих и самоотверженных сил... Представление о легкости его решения есть временное заблуждение. Конечно, оно полезно, так как придает бодрость и силы. Если бы знали трудности дела, то многие работающие теперь с энтузиазмом отшатнулись бы с ужасом... Они несомненно достигнут успеха, но вопрос о времени его достижения для меня совершенно закрыт».

Таким был мир, в который входил наш герой. Мир калужского отшельника и реклам Фрица Опеля, мир лепета на языке АО и секретных разработок Годдарда, мир, которому аплодировали залы Политехнического музея и МГУ и над которым потешались фельетонисты и карикатуристы. В этом мире жили очень разные люди. Королев тоже не был ни на кого похож. Он пришел в него тихо, без шумихи, ясно представляя, чего он хочет и как этого можно добиться. Он понимает всю глубину и всю дерзость идеи полета в межпланетное пространство. Идея эта захватила его сердце, но голова его остается холодной. Он не изменяет девизу своей молодости: «Строить летательные аппараты и летать на них». Было бы неверным предполагать, что на границе 30-х годов произошел некий перелом, полная смена интересов, что авиатор Королев, прочитав брошюры Циолковского, «прозрел» и превратился в Королева-ракетчика, обуреваемого желанием улететь на Марс. Принцип полета ракеты давал ему невиданные скорости, полную свободу от внешней среды, а значит, достижение таких высот, о которых задушенные разреженной атмосферой винтовые самолеты и мечтать не могли. Перерождение авиатора в ракетчика длится долгие годы. От ракетного двигателя на планере – к высотному самолету, от него – к ракетоплану – крылатой ракете, летящей в стратосфере. Эта цепочка не сразу, не вдруг выстроилась у него в голове. Долгие годы, вплоть до окончания Великой Отечественной войны, Королев ищет пути синтеза авиации и ракетной техники.

Независимо друг от друга и почти одновременно с Королевым подобный путь проникновения в космос разрабатывался и некоторыми зарубежными специалистами. Особенно энергично работали в этом направлении представители так называемой Венской школы ракетчиков: Эйген Зенгер, Макс Валье, Франц Гефт, Гвидо Пирке. В одной из своих ранних программ Зенгер, например, выстраивает такую цепочку: стратосферный самолет-космическая лодка (космический транспортер)– орбитальная станция-межпланетный корабль-космический корабль. Своей программе этот замечательный энтузиаст космонавтики оставался верен до конца своих дней и последней крупной его работой, выполненной уже после того как

в космосе побывало десять человек, были «Предложения о разработке европейского космического самолета».

Сергей Павлович всегда говорил об огромном влиянии на него идей Циолковского. Но ведь и Циолковский, набросавший схемы космической ракеты, также говорит об авиационном первородстве ракетоплавания.

Во вновь изданной в 1926 году работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами» читаем: «Обыкновенно идут от известного к неизвестному: от швейной иголки к швейной машине, от ножа к мясорубке, от молотильных цепов к молотилке, от экипажа к автомобилю, от лодки к кораблю. Так и мы думаем перейти от аэроплана к реактивному прибору для завоевания Солнечной системы».

Через год Циолковский вновь возвращается к той же мысли: «Преобразованный аэроплан будет служить переходным типом к небесному кораблю».

Всего этого не мог не читать Королев, знакомясь с работами Циолковского. И очевидно, что он не только читал все это, но и разделял убеждения Константина Эдуардовича. Евгений Сергеевич Щетинков подтверждал, что в отличие от Тихонравова, считавшего, что в стратосферу лететь надо на бескрылой ракете, Королев, Цандер и сам он, Щетинков, отдавали тогда в ГИРД предпочтение ракетам крылатым. Забегая вперед, скажу, что уже после первого успеха – запуска ракеты 17 августа 1933 года – Королев буквально через неделю – 25 августа – публикует в газете «Вечерняя Москва» заметку с красноречивым заголовком: «Путь к ракетоплану»; Эта заметка начинается так: «Ракетные двигатели, или двигатели, получающие тягу при истечении горящих газов, несомненно должны в будущем найти применение для развития суперавиации».

Все это я говорю для того, чтобы показать, что путь, который историки техники называют «аэронавтическим (т.е. самолетным) путем в космическое пространство», – не заблуждение, не просчет, а существующее до наших дней перспективное направление научно-технического и инженерного поиска со своей богатой и интересной историей. И если попытаться именно с этих позиций проанализировать деятельность Сергея Павловича, написанное и сказанное им в 30-х годах, мы увидим, что, как это ни удивительно, в будущем у Королева все случилось вовсе не так, как он задумывал. Разумеется, допустимо предположить, что если бы – в идеальном случае – ничто не мешало осуществлению его планов, человек вышел бы в космос совершенно другой дорогой. Возможно, на орбиту спутника нашей планеты его вывела бы не баллистическая многоступенчатая ракета,

стартующая с Земли, а именно некий заатмосферный ракетоплан, крылатый аппарат с ракетными двигателями, поднятый до границ стратосферы тяжелым самолетом-маткой, нечто, своими «технико-генеалогическими» корнями уходящее в авиацию. Можно даже попытаться подсчитать, когда такое могло бы произойти, если бы не было страшной войны, если бы дали Сергею Павловичу и людей, и средства, и материалы, а не сослали бы его на Колыму. Получается – около 1942 года. Юре Гагарину было тогда восемь лет и первым космонавтом он бы не стал...

Это могло случиться, но не случилось. Случилось то, что должно было случиться.

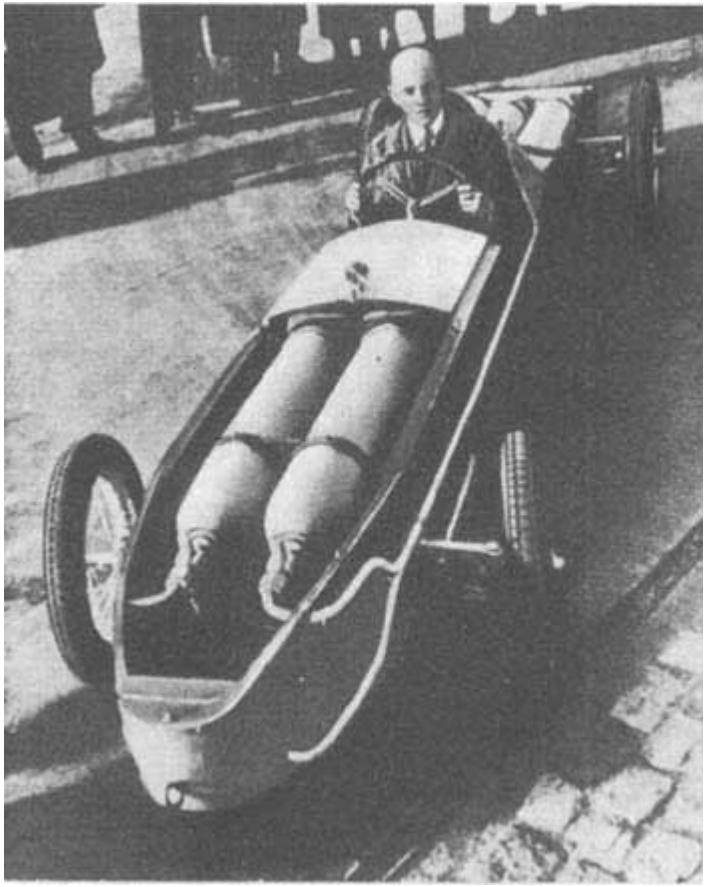
Роберт Годдард с матерью в саду своего дома в Мепл-Хилл. США, Массачусетс, 1900 г.

Афиша очередного «межпланетного» диспута

ДИСПУТ
ПОЛНОЕ ПОВТОРЕНИЕ
Суббота 4 Октября
БОЛЬШАЯ АУДИТОРИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ПЕРВОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПОЛЕТ НА ДРУГИЕ МИРЫ
СПОРЫ НА ЗАПАДЕ В СВЯЗИ С ОТПРАВЛЕНИЕМ СНАРЯДА НА ЛУНУ.
В. В. ШАРОНОВ.
Сообщение члена Президиума Московского Общества изучения взаимосвязи, сообщения инж. Ф. А. ЦАНДЕР
Об изобретенном им новом корабле, разрешающем задачу полета в мировое пространство.
ДОКЛАДЫ
ПОСЛЕ ДОКЛАДОВ ПРЕНИЯ
Цены билетов от 30 к.
Начало в 8 час. вечера.

Макс Валье за рулем автомобиля с жидкостным ракетным двигателем.

Германия, декабрь 1929 г.



Фридрих Артурович Цандер

16

Величие некоторых дел состоит не столько в размерах, сколько в своевременности их.

Сенека Младший

В 1931 году слета в Коктебеле решили не проводить, и с наступлением летних дней Сергей загрустил: так непохоже было это пустое лето на прежние, когда ночи напролет, до голубых окон, чертил он свои планеры. Впрочем, «пустым» оно было только в представлении Королева. Весь июнь сидели вечерами над ТБ-5 – работы моторной группе подвалило выше головы. Как-то во время одного такого вечернего бдения Сергей встал из-за стола, потянулся и сказал громко:

– Ну вот что. Мы решили организовать при нашем заводе планерную школу…

Вокруг зашумели: идея всем понравилась. Никто не спросил, а кто, собственно, «мы». Никаких «мы» не было. Все организовал сам Королев. Он же уговорил Игоря Толстых дать им на Планерной ИТ-4, написал письмо Олегу Антонову, попросил прислать чертежи «Стандарта», планера надежного и простого. Когда Антонов прислал чертежи, на стадионе имени Томского[23] начали строить сразу два планера. Сергей успокоился: жизнь вошла в привычный для него ритм.

Впрочем, привычный ритм этот однажды был нарушен событием чрезвычайным. Две поездки в Донбасс и лавина писем, которые неслись туда из Москвы, возымели наконец свое действие: Ляля приехала к нему. Только на два дня. 5 августа они провели за городом. 6-го пошли в загс. Загс помещался в подвале у Сретенских ворот. За двумя столами сидели две бледные еврейские девушки, кажется, сестры. Одна вела книгу похорон, другая – свадеб. То, к чему он стремился долгие годы, произошло вдруг неожиданно быстро и очень просто.

Обедали на Октябрьской вчетвером: Сергей с женой (!), мама и Гри. Потом он посадил Лялю на извозчика и отвез на Курский вокзал: она уезжала в Харьков, оттуда в Донбасс, хлопотать, чтобы отпустили в Москву. Все получилось как-то нескладно, торопливо и грустно…

Ляля вернулась в Москву в начале декабря 1931 года.

Дела новой планерной школы (строго говоря, это был, конечно, кружок) заставляли Сергея Королева чаще бывать в

Центральном совете Осоавиахима, где размещалось Бюро воздушной техники, членом которого он быстро стал. Здесь, на Никольской улице, и познакомился Сергей Павлович Королев с Фридрихом Артуровичем Цандером и очень скоро превратился для Группы изучения реактивного движения в совершенно незаменимого человека.

В письме от 20 сентября 1931 года секретарь ЦГИРД так писал Циолковскому о планах работы группы:

»...популяризация проблемы ракетного движения, лекционная деятельность, лабораторная работа и т.д. Основной же частью является применение реактивных приборов и опыты.

Для того чтобы сколотить вокруг группы необходимый актив и собрать воедино энтузиастов, для того чтобы расшевелить как следует нашу общественность и поставить нашу проблему в порядок дня, как наступившую эру ракеты, – мы строим первый советский ракетоплан».

Речь идет о ракетоплане Королева.

Сергей Павлович не вел дневника и редко записывал мысли. Когда пришла ему идея соединить планер с ракетным двигателем, сказать трудно. Королев всегда был реалистом, а реальные контуры идея могла обрести лишь в самом конце 1930 года. Ведь только 9 сентября Цандер провел первые испытания своего двигателя ОР-1. Примерно в это же время – 1930-1931 годы – в Газодинамической лаборатории в Ленинграде молодой инженер Глушко вместе со своими сотрудниками проводит серию экспериментов и создает два опытных ракетных мотора: ОРМ-1 и ОРМ-2. Маловероятно, чтобы Королев знал тогда об этих работах, поскольку деятельность ГДЛ, как организации оборонной, не рекламировалась. Кроме того, вспомним, ведь именно осенью 1930 года Сергей Павлович болел, перенес операцию, круг общения его сократился, так что и о работах Цандера вряд ли знал он до лета 1931 года.

Но, узнав о ней и быстро заручившись поддержкой актива ЦГИРД, Королев начинает очень решительно и настойчиво «пробивать» идею ракетоплана. Он во что бы то ни стало хочет избежать кустарщины, везде и всюду подчеркивая, что ракетоплан не чудачество Цандера, не прихоть Королева, а дело, в котором заинтересован весь Осоавиахим, дело государственное. Его энергия заражает Цандера, человека в организационных вопросах совершенно беспомощного. Цандер чувствует, что его идеи и мечты на этот раз могут превратиться в реальную конструкцию. Так рождается этот документ, один из интереснейших документов истории советского ракетостроения:

Не подлежит оглашению.

«СОЮЗ ОСОАВИАХИМА СССР И ОСОАВИАХИМА РСФСР

Социалистический договор по укреплению обороны СССР

№ 228/10 от 18 ноября 1931 года

Мы, нижеподписавшиеся с одной стороны, Председатель Бюро Воздушной техники научно-исследовательского отдела Центрального совета Союза Осоавиахима СССР т. Афанасьев Яков Емельянович, именуемый в дальнейшем «Бюро», и старший инженер 1-й лаборатории отдела бензиновых двигателей «ИАМ» т. Цандер Фридрих Артурович, именуемый в дальнейшем т. Цандер, с другой стороны, заключили настоящий договор в том, что т. Цандер берет на себя:

1. Проектирование и разработку рабочих чертежей и производство по опытному реактивному двигателю ОР-2 к реактивному самолету РП-1, а именно: камеру сгорания с соплом де Лаваля, бачки для топлива с предохранительным клапаном, бак для бензина в срок к 25 ноября 1931 года.

2. Компенсатор для охлаждения сопла и подогревания кислорода в срок к 3 декабря 1931 года.

3. Расчет температур сгорания, скоростей истечения, осевого давления струи при разных давлениях в пространстве, вес деталей, длительность полета при разном содержании кислорода, расчет системы подогрева, охлаждения, приблизительный расчет температуры стенок камеры сгорания в сроки, соответствующие срокам подачи чертежей.

Изготовление и испытания сопла и камеры сгорания к 2 декабря 1931 года. Испытание баков для жидкого кислорода и бензина к 1 января 1932 года, испытание собранного прибора к 10 января 1932 года. Установка на самолет и испытание в полете к концу января 1932 года.

Примечание: В случае, если запроектированное улучшение даст прямой и обратный конус, то расчет и чертежи прямого и обратного конуса представить к 15 января 1932 года.

За проведенную работу т. Цандер получает вознаграждение 1 000 рублей с уплатой их (в случае выполнения работ) в начале срока приема 20 ноября 1931 года и по окончании работ по 500 рублей.

Договор составлен в 2-х экземплярах. Один в

Центральном совете Союза Осоавиахима, а другой в ячейке Осоавиахима «ИАМ».

Председатель Бюро Я. Афанасьев.
18. XI 1931 г.
Ответственный исполнитель
Ф.Цандер.»

В это же время ЦКБ и завод имени Менжинского, выпустив свою новинку – «машину № 8», как значился в документах ТБ-5, вступает в полосу новых реорганизаций, которые, как вы увидите, снова помогают Королеву в осуществлении его новых планов.

Несмотря на то что к лету 1930 года в стране имелось только три крупных центра опытного самолетостроения: ЦАГИ, ЦКБ и КБ конструктора Калинина в Харькове, – было принято довольно нелепое решение о слиянии ЦАГИ и ЦКБ. Нелепое потому, что в ЦАГИ под руководством А.Н. Туполева вырастала отличная школа авиационных конструкторов, а в ЦКБ работали коллективы Григоровича и Поликарпова. Логичнее было, наоборот, выделять из этих сложившихся организаций другие КБ, ставить во главе их молодых талантливых конструкторов, расширять фронт опытного самолетостроения. Потом все так и случилось, но, как известно, правил без исключения не бывает, и вот, воспользовавшись отсутствием Туполева, который находился в заграничной командировке, издали приказ о слиянии ЦАГИ и ЦКБ на базе ЦАГИ.

Обе организации, проектировавшие сходные машины, были тогда в какой-то мере соперниками: ТБ-5 делали в ЦКБ и ТБ-3 – в ЦАГИ. К моменту издания приказа о слиянии уже было ясно, что ЦАГИ в этом соревновании победил: машина Туполева была заведомо лучше. Не нужно быть опытным психологом, чтобы понять, что объединение двух коллективов в этих условиях ничего хорошего не даст. Поползли слухи, что цаговцев хотят «административно задавить». Около тысячи человек были перемещены и распределены по-новому. Моментально возникли конфликты на почве мнимых и действительных ущемлений. Иногда складывались абсурдные коллизии. Например, Туполев оказался в заместителях у заместителя начальника ЦКБ Рафаэлянца, Туполев пожаловался Ворошилову. Через четыре дня приказ отменили. На деле слияние ЦАГИ и ЦКБ так и не состоялось, хотя некоторое время территориально они были объединены. Все кончилось тем, что несколько бригад вернулось обратно на завод имени Менжинского, бригады Надашкевича. Сухого и некоторые другие остались у Туполева.

Во время всех этих организационных приключений Сергей

Павлович, переехав в ЦАГИ, становится ведущим инженером по автопилоту. Этот один из первых наших автопилотов был затем установлен на ТБ-3. Легко заметить, что за очень недолгое время работы на заводе, в КБ Ришара и в ЦКБ Королев постоянно меняет свой инженерный профиль. Он занимается чисто конструкторской работой, самолетным вооружением, двигателями, приборами. Это можно назвать поисками себя, но скорее это желание синтезировать свои инженерные знания. Каким-то инстинктом, очевидно, чувствовал он, что настанет время, когда ему придется заниматься сразу и аэродинамикой, и тепловыми процессами, и автоматическим регулированием, и в тонкостях разбирать конструкторские решения.

Ну а какую же все-таки пользу извлек Королев для себя из переезда в ЦАГИ? Дело в том, что теперь они оказались почти буквально под одной крышей с Цандером и чуть ли не каждый день могли обсуждать план Королева. А план этот заключался в том, чтобы установить двигатель Цандера на планере Черановского и ему, Королеву, полетать на такой невиданной штуке.

Историк авиации В.Б. Шавров писал: «Среди советских конструкторов-самолетостроителей Борис Иванович Черановский занимает особое место по необычности схем его планеров и самолетов. Б.И. Черановский – основоположник бесхвосток в нашей стране и осуществленного в натуре летающего крыла толстого профиля во всем мире. За свою конструкторскую деятельность им было построено около 30 самолетов и планеров, но известность принесли Черановскому его „Параболы“ – аппараты с параболической формой крыла в плане».

Еще в 1920 году 24-летний Черановский разработал схему своего, ни на один летательный аппарат не похожего самолета, самолета без крыльев и фюзеляжа, – хотя это и кажется невозможным и даже бессмысленным. Вместо крыльев – одно крыло с параболическим очертанием передней кромки, – этакий серп с рогами назад. В толще этого единственного крыла и размещалось все, для чего раньше требовался фюзеляж: двигатель, баки, вся полезная нагрузка и человек. Расчеты Бориса Ивановича давали экономию в весе и уменьшение силы лобового сопротивления в сравнении с обычными конструкциями. «Вертикальное оперение является пережитком старины, – утверждал Черановский и подкреплял это утверждение сокрушительным доводом: „природные летуны в вертикальном оперении не нуждаются, и, следовательно, над устранением или рациональной заменой этого оперения следует поработать“. Черановский „заболел“ бесхвостками, и не было той силы,

которая могла бы его от них отвратить. Да никто бы не взялся за труд столь неблагодарный, поскольку всем авиаторам было известно, что Борис Иванович славится крайне трудным, неуживчивым характером. Этот необыкновенно одаренный человек не терпел никаких замечаний, советы раздражали его, сомнения в его правоте приводили к разрыву отношений. Работать в коллективе он не мог. По своей работоспособности он сам был равен коллективу. Одним из немногих людей, которых он терпел рядом с собой, был Михаил Тихонравов, – некоторое время они учились вместе с Военно-воздушной инженерной академии. В ту пору Борис Иванович жил на Ново-Басманной улице в старинном доме с большим залом. Вот эту комнату около ста квадратных метров он и занимал. Из мебели там стоял лишь огромный, под стать залу, комод, в ящиках которого они с Тихонравовым спали. Одновременно Черановский учился во ВХУТЕМАСе[24] (до этого он закончил художественное училище в Киеве), откуда притащил глины, чтобы сложить в зале печь: невозможно было работать от холода. Чайник он украл в ОДВФ. Тихонравов спрятался на дровяном железнодорожном складе, а когда склад заперли – перекидал Черановскому через забор несколько десятков поленьев, а потом отсиживался в своем тайнике до открытия склада.

Вот так и существовало это «вороватое» КБ. А если говорить серьезно, на беду Черановского период его творческой зрелости совпал с тем временем бурного развития авиации, когда конструирование самолетов из увлечения одиночек переростало в труд организованных конструкторских бюро. Романтики, наделенные богом данным птичьим чувством, вдохновением и скорее интуицией, чем знанием, так сближавшими еще вчера мир авиации и мир искусства («Век воздухоплавания имеет право на свои мелодии», – говорил Клод Дебюсси), сегодня уступали место точному расчету дисциплинированных, вооруженных острым холодным оружием математики, деловых прагматиков. Может быть, Черановский и понимал это, но примириться с этим он не мог. Судьба его драматична: вписав свое имя в историю авиации, он все-таки остался конструктором нереализованных возможностей. В 50-х годах он тяжело болел, жил в бедности всеми забытый. Изредка его навещали Королев и Тихонравов, пробовали помогать Черановскому, но делать это было очень трудно: превыше всякого благополучия ставил Борис Иванович свою независимость. Умер он почти совсем забытый в I960 году...

Как раз геометрия бесхвосток Черановского казалась Сергею Павловичу наиболее подходящей для осуществления своей идеи. Если поместить ракетный двигатель на хвосте обычного планера,

смещение центра тяжести не позволит ему летать. Если этот двигатель подвесить, скажем, «на животе», под сиденьем пилота, струя раскаленных газов, идущая из сопла, отожжет планеру хвост. Королев понимал, что и «Коктебель», и любимая его «Красная звезда» в данном случае не могут соперничать с бесхвостками Бориса Ивановича: сама схема «Параболы» устраняла все трудности.

Интересно, что независимо от Черановского и Королева идея ракетной «бесхвостки» занимала умы немецких специалистов, которых финансировал автомобильный «король» Фриц Опель. Первые опыты с моделями весом около 13 килограммов не принесли успеха: довольно мощные твердотопливные ракеты попросту ломали хрупкие конструкции бесхвосток. Несмотря на это, руководитель работ инженер А. Липпиш решил продолжить эксперименты на пилотируемом планере. Два первых полета окончились неудачей, хотя, по счастью, пилот Фридрих Штамер не пострадал. Общество «Рён-Росситен Гезельшафт», которое предоставило Опелю планер, решило, что игра не стоит свеч и ракеты для авиации не годятся. Осенью 1929 года Опель сам попробовал несколько раз летать на планере, в последнем полете у него обгорели крылья и все говорили, что пилот спасся чудом. На том дело и кончилось.

Примерно в то самое время, когда Королев стремился заключить союз с Черановским, итальянский инженер Этторе Каттенео испытывал в миланском аэропорту свою конструкцию ракетного планера.

Думаю, что Сергей Павлович не знал об этих работах. Он бы непременно ссылался на них, хотя бы для большей убедительности в спорах с оппонентами. Кроме того, Королева всегда отличала необыкновенная объективность в оценках чужих работ. «Пусть поплоше, зато мое» – никогда не было его девизом. Он понимал, что ни один даже самый великий конструктор, ни даже самый талантливый коллектив не гарантированы от того, что кто-то где-то как-то сумеет сделать лучше. Он очень не любил оказываться побежденным, признания чужих успехов никогда не давались ему, человеку честолюбивому, легко. И все-таки он был объективен.

Королев встретился с Черановским во вновь организованной «школе» на Планерной. Постройка двух планеров по чертежам Антонова была закончена, и их привезли для испытаний на станцию. Первый же полет Королева на новой машине едва не окончился печально: планер круто пошел носом вниз и выровнялся просто чудом у самой земли. Королев был очень возбужден, похохатывал:

– Я ручку на себя – не идет! Что делать? Я – от себя, потом снова на себя. Сел… Ну что же, давайте разбираться. Дефект в тросовой системе управления рулем высоты. Надо написать Антонову, что-то он недодумал…

Чарановский слушал этого крепкого румяного парня и улыбался. Королев ему нравился. Он приезжал сюда со своим другом на мотоцикле и учил ребят летать. Видно было, что сам он летать любит. И когда Королев завел разговор о том, что хотел бы полетать на бесхвостке, Борис Иванович неожиданно для самого себя согласился.

В октябре 1931 года Королев, незаметно перевалив всю работу в организованной им планерной школе на Петра Флерова, начал осваивать бесхвостку БИЧ-8. Сначала делал пробежки, потом подлетывал. Прежде всего его интересовало, насколько устойчива в полете эта такая непривычная взгляду авиатора конструкция. Сначала БИЧ клевал носом, но постепенно Королев «объездил» его, совершив 12 полетов. В общем БИЧ-8 Королеву не понравился. Особенно его раздражала кабина. Для широкоплечего Сергея она была тесна, и ему казалось, поведи как следует плечами, и она рассыплется на куски – планер был старенький, дряхлый, скрипучий, Такой ветхий, что устанавливать на нем новый ракетный двигатель было глупо.

– Борис Иванович, но ведь у вас есть БИЧ-11, – наседал Королев на Чарановского. – Вот бы его попробовать. Ракетный двигатель довольно компактен, баки поместим в крыльях…

– Да где он, этот двигатель? – Чарановский посматривал на него недоверчиво.

– Будет! ОР-1 вы видели. А сейчас Фридрих Артурович делает другой, гораздо мощнее!

Цандер начал проектировать ОР-2 как раз в сентябре-октябре, когда Королев летал на бесхвостке. Еще в конце 1930 года Фридрих Артурович перешел на работу в Центральный институт авиационного моторостроения, но очень быстро в марте 1931 года становится сотрудником ЦАГИ. Здесь он особенно сблизился с Королевым и еще одним инженером, страстным энтузиастом ракетоплавания – Юрием Александровичем Победоносцевым. Королев прочил двигатель Цандера на планер. Победоносцев сразу предлагал реактивный самолет. Цандера и радовали, и пугали эти не в меру горячие энтузиасты. Собственно, это его давнишняя идея: установить жидкостный ракетный двигатель на крылатый аппарат. Ведь задуманный им межпланетный корабль был как раз крылатым. Но ОР-1 он делал как двигатель пустяковый, чисто лабораторный, нужный ему лишь для подтверждения собственных расчетов, проверки кое-каких

неясных мест, уравнений теплопередачи, а тут сразу – «планер!», «самолет!». Он отшучивался:

– Видите как, давайте сначала поставим мой двигатель на велосипед, потом на мотоцикл, автомобиль, а потом уж пусть летит Сергей Павлович...

– Нет, сначала вместо пилота пусть летит кукла. Это опасно, – дразнил Королева Черановский.

Весь 1931 год занимался Фридрих Артурович опытами с ОР-1. В заброшенной немецкой кирхе, где помещалась лаборатория Дмитриевского, который занимался наддувом авиационных двигателей, Цандер примостился со своим маленьким испытательным стендом. Под старыми сводами стояли вечные сумерки, а когда двигатель запускали, эхо превращало его рев в сатанинский хохот. 17 мая сюда, в кирху, пришел профессор Ветчинкин. Цандер показывал ему ОР-1. Ветчинкин щипал бороду, не перебивал, но был рассеян. Он понимал, что человек, объясняющий устройства этой переделанной паяльной лампы, задумал интересное дело, что надо ему помочь с аппаратурой, подыскать помещение получше... Но как это все сделать?..

Ветчинкин не знал, что помощь совсем близка, что дело вовсе не в том, чтобы переехать из сырой кирхи, и не в том, чтобы заменить примитивные весы для измерения тяги. Не в этом совсем дело. В дневнике Фридриха Артуровича сохранились записи:

«5/X – поездка на пост разъезд 133 Окт. ж.д. и аэродром Осоавиахима, осмотр совместно с инж. Королевым Серг. Павл. его планера и присутствие при планерных полетах.

7/X (6-го был выходной день) подготовка и производство 32 опыта с ОР-1 в присутствии инж. Королева С.П., инж. Черановского, техн.-практ. Назаровой А.А., техн. Белокурова.

8/X Переговоры с Победоносцевым...

9/X Переговоры с Победоносцевым и Меркуловым...»

Там, в кирхе, Ветчинкин не знал, что помощь придет вот от этих пока еще безвестных молодых людей, вчерашних его студентов, которые поверили мечтам Цандера, которым позарез была нужна эта переделанная паяльная лампа, «хохочущая» под готическими сводами.

Удивительным человеком был Цандер!

«Цандер. Вот золото и мозг», – так сказал о нем Циолковский.

«Деятельность и личность Цандера не могут не вызывать невольного восхищения. ...» – так сказал о нем Гагарин.

Он родился в Риге в интеллигентной немецкой семье, благополучие которой убито было через два года после его рождения смертью матери. Отец – врач, все старался населить

большой, окруженный садом двухэтажный дом радостью и покоем, было много игрушек и всякой ручной живности, а вечерами он рассказывал ребятишкам о звездах и планетах. Слушая отца, Фридрих думал о черных безднах, разделяющих звезды, о множестве иных миров, которые наверняка есть, пусть очень далеко, но есть... У других людей жизнь заслоняет собой все эти мысли детства, а у Цандера мысли эти заслонили всю его жизнь...

Он отлично окончил Реальное училище и поступил в Политехнический институт, так как уже сделал свой выбор и хотел получить знания, которые приблизили бы его к звездам. Потом учился в Германии и снова в Риге. На первые скопленные деньги Фридрих купил астрономическую трубу и каждый день теперь нетерпеливо, как влюбленный, ждал часа своего свидания с небом. В те годы, когда Сережа Королев учился ходить в киевской квартире, он уже организовал студенческое Общество воздухоплавания и техники полета и начал первые, еще очень робкие расчеты газовых струй. Как всякому студенту, ему не хватало времени, он вечно торопился и для скорости стенографировал все свои записи. Начиная с 7 февраля 1909 года он писал свои работы странными плавными знаками, чем-то напоминающими вязь грузинского алфавита. Сколько трудов было потрачено, чтобы много лет спустя прочесть его записи, но до сих пор лежат в архивах еще сотни не расшифрованных страниц...

С дипломом инженера-технолога пришел Фридрих Артурович на завод «Проводник», где изготовляли резину. Он решил точно узнать, как делают резину, потому что в корабле, летящем в безвоздушном пространстве, резина могла потребоваться для надежной герметизации, кроме того, она и изолятор отличный... Он говорил об этом совершенно серьезно.

В 1915 году война переселила его в Москву. Теперь он занимается только полетом в космос. Нет, конечно, помимо этого, он работает на авиазаводе «Мотор», что-то делает, считает, чертит, но все мысли его в космосе. Ослепленный своими мечтами, он уверен, что убедит других, многих, всех в острой необходимости межпланетного полета. Он открывает перед людьми фантастическую картину, однажды открывшуюся ему, мальчику:

«Кто, устремляя в ясную осеннюю ночь свои взоры к небу, при виде сверкающих на нем звезд не думал о том, что там, на далеких планетах, может быть, живут подобные нам разумные существа, опередившие нас в культуре на многие тысячи лет. Какие несметные культурные ценности могли бы быть доставлены

на земной шар, земной науке, если бы удалось туда перелететь человеку, и какую минимальную затрату надо произвести на такое великое дело в сравнении с тем, что бесполезно тратится человеком».

Он говорит это тихо, но с такой страстью, что ему нельзя не верить... Один крупный инженер вспоминает: «Он рассказывал о межпланетных полетах так, как будто у него в кармане ключ от ворот космодрома». Да, ему нельзя не верить. И люди верят ему. Пока он говорит. Но он замолкает, и тогда многие начинают думать, что, наверное, он все-таки сумасшедший. Потому что в их представлении люди, которые хотели дать всему земному шару несметные ценности и голодали, чтобы дать их, всегда были сумасшедшими.

А он голодал, когда делал расчеты крылатой машины, которая смогла бы унести человека за пределы атмосферы. Работа эта так поглотила его, что он ушел с завода и 13 месяцев занимался своим межпланетным кораблем. Совершенно не было денег. Но, к счастью, среди людей, которым он рассказывал о звездах, были и такие, которые не хотели считать его сумасшедшим. Он писал в автобиографии: «Работая дома, я попал в большую нужду, потребовалась продажа моей астрономической трубы. Ею заинтересовались красные курсанты в Кремле и закупили у меня трубу для клубного отдела ВЦИК, помогая этим продолжению моих работ. Кроме того, рабочие с завода „Мотор“ также поддержали меня, отчислив мне мой двухмесячный заработок. Это было первым пожертвованием в пользу межпланетных сообщений».

Люди, знавшие Цандера, работавшие с ним, отмечают, что любые дела и разговоры, не связанные с межпланетными путешествиями, его никак не интересовали. Он просто не принимал в них участия, чаще всего уходил. Но его интересовало все, что можно было связать с полетом в космос. Он считал Циолковского гением, он мог сутками сидеть за столом со своей полуметровой логарифмической линейкой и утверждать при этом, что не устает от работы. Учился задерживать дыхание: в межпланетном корабле ограничен запас воздуха. Пил соду: в межпланетном корабле сода будет поддерживать тонус. Выращивал на древесном угле растения: в межпланетный корабль лучше брать легкий уголь, чем тяжелую землю.

Когда он заболел, его пришли навестить друзья. У Цандера был жар, а в комнате – страшный холод. Он лежал накрытый несколькими одеялами, пальто, каким-то ковром. Стали поправлять постель, а под ковром, под пальто, между одеялами – градусники: он ставил опыты на теплопередаче, ведь освещенная

солнцем поверхность межпланетного корабля будет сильно нагреваться, а та, что в тени, охлаждаться.

Казалось, весь мозг его – межпланетный корабль, а он любил природу, зверей и очень сильно любил детей. Своих и не своих. Он женился быстро, неожиданно для самого себя. Потом родились девочка и мальчик. Он дал им звездные имена: Астра и Меркурий. Соседи пожимали плечами: таких имен никто не знал. Соседи ходили жаловаться: на балконе дурно пахло – он проверял возможность использования фекалий в гидропонике и очищал мочу. Соседи показывали вослед ему пальцем:

«Вот идет этот, который собирается на Марс...»

О, если бы они могли понять, что он действительно собирается на Марс! В угаре неистовой работы он вдруг стискивал за затылком пальцы и, не замечая никого вокруг, повторял громко и горячо:

– На Марс! На Марс! Вперед, на Марс!

Как легко было ошибиться в нем, приняв за фанатика – не более, за одержимого изобретателя мифического аппарата, воспаленный мозг которого не знал покоя. Как действительно был он похож на них, этих несчастных чудаков, которые у одних вызывают брезгливое презрение, а других заставляют мучиться сомнениями: не гения ли отвергают они?

Но он не был таким чудаком. Его фантазии не витали в облаках. Они были крепко приколочены к технике железной логикой математики. Много лет спустя член-корреспондент АН СССР И.Ф. Образцов так скажет о Фридрихе Артуровиче:

«Особенностью творческого метода Цандера была глубокая математическая разработка каждой поставленной перед собой проблемы. Он не просто теоретически глубоко разрабатывал рассматриваемые вопросы, а с присущей ему ясностью изложения старался дать свое толкование волновавшей его проблемы, найти пути к ее практической реализации».

Прежде всего, Цандер был инженером. С мальчишеских лет, когда мастерил он в отцовском доме воздушных змеев, до последнего дня своей жизни он оставался инженером. В ГИРД, как организации Осоавиахима, полагалось проводить занятия по гражданской обороне, изучать винтовку, пулемет, устройство гранаты. Все этими занятиями тяготились. Все, кроме Цандера! Он не мог скрыть своего искреннего восхищения технической логикой устройства винтовочного затвора, радостно собирал, разбирал, с какой-то детской серьезностью приговаривая при этом:

– Так, теперь так, а теперь так...

По своей инженерной подготовке, по уровню математических

знаний, по умению провести теоретический анализ интересующего его процесса он был, очевидно, в те годы лучшим специалистом из всех занимающихся ракетной техникой. Наряду с этим в отличие от Циолковского Цандер не только не избегал практической работы в этой области, он попытался превратить теорию в реалии. Воплощение идей Циолковского, собственно, и начинается с двигателя ОР-1 и с первых жидкостных ракетных двигателей Газодинамической лаборатории в Ленинграде[25].

... Стройный, скорее просто худой, с рыжей бородкой и усами, с лицом сухим, даже аскетичным, с зелеными строгими и одновременно по-детски беспомощными глазами, слегка, непередаваемо (записать это трудно – надо слышать) ломающий русский язык в непривычно построенной речи («Алло, здесь говорит Цандер...»), одетый бедно, убого и никогда не замечающий этого, – таким увидел Цандера Сергей Павлович Королев в одном из корпусов ЦАГИ на Вознесенской улице[26] и понял, что это тот самый человек, которого он искал.

ЦГИРД, как организация общественная, находящаяся к тому же внутри общественного Осоавиахима, не требовала ни денег, ни помещения, ни материалов. Она не была никому противопоставлена и никому не мешала. Ее диспуты и выставки только увеличивали популярность Осоавиахима. Но как только Цандер начинал заводить в Осоавиахиме речь о том, что надо начинать практическую работу по подготовке межпланетных полетов, моментально появлялась настороженность. Охотников поставить свою подпись под сметой КБ, конструирующего космические корабли, не находилось. Не было хозяйственников, которых бы вдохновил полет на Марс даже в недалеком будущем. Все это предприятие воспринималось людьми «деловыми», или, говоря сегодняшним языком, материально ответственными, почти как афера. Слушать горячие речи Цандера никто не отказывался, строить Цандеру завод – это уже другое дело. Это уже несерьезно. Одни считали «межпланетчиков» пусть милыми, но увлекающимися людьми, другие – полубезумными фанатиками. В 1934 году уже после полета первых советских ракет на жидком топливе вышел роман, в котором действовал некий злодей, наделенный всеми отрицательными качествами, дополнительно к которым он увлекался проблемами межпланетных сообщений. Королев тогда места себе не находил от ярости и на одном совещании разгромил роман в пух и прах.

Отношение к «межпланетчикам» иллюстрирует такой эпизод. В сентябре 1930 года в Гааге должен был состояться IV Международный конгресс по воздухоплаванию. Цандер, тогда сотрудник ЦАГИ, еще в январе написал конспект доклада для

пересылки его в Голландию. Доклад назывался «Проблемы сверхавиации и очередные задачи по подготовке к межпланетным путешествиям». Доклад обсудили на техническом совещании и одобрили. Профессор Ветчинкин дал ему очень высокую оценку: в докладе был подытожен совершенно оригинальный материал. В апреле доклад послали в ВАО – Всесоюзное авиаобъединение. 6 мая доклад перевели на французский язык, а 18 мая начальник ВАО Михайлов переслал доклад обратно в ЦАГИ. В сопроводительном письме на имя директора ЦАГИ профессора Чаплыгина рекомендовалось отправить этот доклад от имени ЦАГИ, «т.к. ВАО, будучи промышленной организацией, не считает возможным выступить по вопросу о межпланетных сообщениях». Иметь дело с «межпланетчиками» означало прослыть организацией легкомысленной.

Несмотря на популярность самой идеи космического полета, в высшей степени скептическое отношение к попыткам ее реального воплощения существовало тогда во всем мире. Вот несколько выдержек из докладов по истории космонавтики, которые я записал в сентябре 1967 года на XVIII Международном астронавтическом конгрессе в Белграде:

США: «Мы просмотрели изданные работы первого поколения основоположников теории космических полетов: К.Э. Циолковского (1857-1937), Р. Годдарда (1882-1945), Р. Эсно-Пельтри (1881-1957) и Г. Оберта. В научных кругах эти материалы относили в основном к научно-фантастической литературе прежде всего потому, что разрыв между возможностями существовавших экспериментальных ракетных двигателей и фактическими требованиями к ракетному двигателю для космического полета был фантастически велик. Отрицательное отношение распространялось на само ракетное движение...» – из доклада американского ученого Ф.Дж. Малина.

Германия: «Добиться, чтобы авторитетные ученые выслушали меня и подумали о моих предложениях, оказалось невозможно, – вспоминал Герман Оберт. – Единственный шанс заставить их заняться этим состоял в привлечении к моим идеям общественного интереса».

Италия: «Должностные лица военно-воздушных сил проявляли очень мало интереса к будущему ракетных двигателей... Интерес опекавшей нас итальянской администрации к ракетной технике находился на точке замерзания» – это слова Л. Крокко, сына генерала Г. Крокко, крупнейшего итальянского ракетного специалиста.

Франция: «Известный специалист по пороховым ракетам Л. Дамблан говорил: „Этим делом я занялся по собственной

инициативе и до конца работал сам, без помощи квалифицированных специалистов...“

Позднее французский историк техники Л. Блоссе писал о замечательном пионере космонавтике Робере Эсно-Пельтри, что его фамилия «на каком-нибудь докладе, являлась достаточным основанием для официальных учреждений, которым был адресован доклад, чтобы отложить его в сторону».

Все эти выдержки лишь подтверждают слова Карла Маркса о том, что «всякое начало трудно – это истина справедлива для каждой науки». Но начинать было необходимо.

Человек реального дела, Сергей Павлович Королев, несмотря на свою молодость, прекрасно разбирался в создавшейся обстановке. Он понимал, что все попытки создать организацию, на гербе которой красовался бы межпланетный корабль, обречены на неудачу. Нужна была совсем другая вывеска, и предлагать надо не межпланетный корабль, а нечто всем понятное, доступное, осуществимое не за годы, а за недели и месяцы. Он уже видел людей, которые могут стать его союзниками: Юрий Победоносцев, он уже шесть лет в ЦАГИ и увлечен идеями Цандера; Михаил Тихонравов, они знакомы по коктебельским слетам, вместе работали в ЦКБ и в ЦАГИ, он думает о ракете на жидких компонентах, уже собрал небольшую группу верных людей; наконец, их троица: Цандер, Черановский, Королев, их бесхвостка с жидкостными ракетными двигателями. Это уже что-то конкретное. Под эту работу можно требовать и денег, и материалы, и помещение. А все это нужно ему позарез.

Увлеченный мечтами о ракетоплане, Королев понимает, что сделать его так, как делали они «Коктебель», «Красную звезду» и даже СК-4, уже не удастся. Работа была слишком серьезной, и «домашнее КБ» в маминой квартире с ней не справится. КБ это теперь превратилось в «штаб». Вечерами на Александровской в комнате Королева собирались Цандер, Победоносцев, Тихонравов, Сумарокова, обдумывали, с чего начать.

– Если мы будем ждать, пока нашу организацию оформят и узаконят, мы прождем до лета, – говорил Королев. – Надо сделать по-другому. Прежде всего требуется найти помещение, где мы могли бы собираться и начать работу. То, что денег нет, не суть важно. Когда мы найдем помещение и начнем работать, мы скажем в Осоавиахиме: «Вот мы, мы уже существуем. Вот что мы уже сделали. Вот что собираемся сделать». Правильно?

Цандер грел о чайный стакан тонкие бледные пальцы и молча кивал. Потом сказал:

– Видите как, помещение будет найти довольно трудно... Кто нам даст помещение?

– Нам никто его не даст, – кипятился Королев. – И не ждите, Фридрих Артурович, что вам принесут ключи и скажут: «Въезжайте, ради бога». Помещение надо не ждать, а брать. Найти и брать...

Поиски помещения были организованы на «научной основе»: Королев разделил всю Москву на участки, и каждый получил свой район поисков. Никаких объявлений не читали, справки не наводили, а просто ходили по улицам, по дворам, выспрашивали дворников. И вот здесь Королев вспомнил о подвале бывшего виноторговца в доме на углу Орликова переулка и Садово-Спасской, в котором работали конструкторы планерной школы МВТУ. Когда Королев пришел в подвал, там валялась только рваная оболочка аэростата, вытащить которую было довольно трудным делом. Но, главное, подвал был пуст, и из подвала выселить их не могли: Королев быстро разузнал, что формально подвал находился в ведении Осоавиахима. Теперь у них было помещение. Пусть запущенное, без света, но помещение!

Ремонтировали, белили, тянули проводку – все сами. И очень скоро полюбили его, этот холодный подвал, навсегда вошедший в историю космонавтики.

Все бывшие сотрудники московской ГИРД единодушно утверждают, что точную дату ее образования назвать трудно, потому что, как это ни парадоксально, ГИРД начала работать не только задолго до момента издания о ней приказа, но и до того, как отыскали подвал. Их объединила не бумага, не крыша, а мечты. Встречи Королева с Черановским и Цандером состоялись, и это уже было работой ГИРД. В общем, к концу лета 1931 года московская ГИРД уже существовала. Но поскольку хроника любит точные даты, надо сказать, что первое документальное упоминание этой организации относится к 20 сентября 1931 года, когда секретарь группы Фортиков писал о ней в письме к Циолковскому:

«В Москве, при бюро воздушной техники при НИСе ЦС Осоавиахима... наконец создана группа по изучению реактивных двигателей и реактивного летания. Я являюсь ответственным секретарем группы, именуемой, кстати, ГИРД».

Лидером ГИРД был Цандер, лидером по знаниям, по опыту работы, по возрасту, наконец. (Цандеру, – старшему из гирдовцев, – шел только сорок четвертый год.) Цандер мог быть лидером, но не мог быть начальником. Королев не отобрал власть у Цандера. И нельзя сказать, что Цандер отдал ему эту власть, – ее у него не было. Она была ничейная, и Королев взял ее, потому что для дела нужно было ее взять.

А приказ появился много позднее, 14 июля 1932 года. Приказ

был длинный, со многими параграфами:

§ 1. «Придавая большое значение в деле развития народного хозяйства и укрепления обороноспособности СССР научно-исследовательским и опытно-экспериментальным работам по изучению и применению реактивных двигателей в системе Осоавиахима, сконцентрировать всю деятельность в данной области в Группе изучения реактивного движения – ГИРД...»

А деятельность уже давно сконцентрировалась.

§ 6. «Начальником ГИРД (в общественном порядке) назначается С.П. Королев с 1 мая с.г....»

А он уже давно командовал.

С.П. Королев с женой Ксенией Максимилиановной Винцентини.

Севастополь, 19 сентября 1932 г.

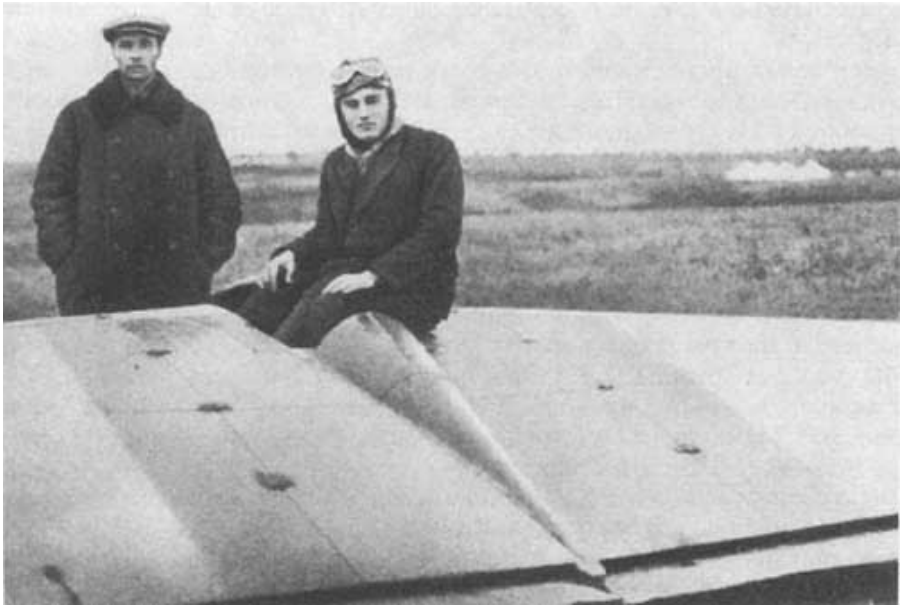
Севастополь

Ракетчики-активисты Осоавиахима

Сидят (слева направо): А. Левицкий, Н. Сумарокова, С. Королев, Б. Чарановский, Ф. Цандер;

стоят: И. Фортиков, Ю. Победоносцев, Заботин

Б.И. Чарановский и С.П. Королев на испытаниях бесхвостки



Ф.А. Цандер.
Рига, 1913 г.

17

Величие некоторых дел состоит не столько в размерах, сколько в своевременности их.

Ченнинг Поллок

О московской ГИРД написано много журнальных и газетных статей, ей посвящены главы и целые разделы книг. В некоторых публикациях можно даже проследить замаскированное соперничество с ленинградской ГДЛ, когда, как бы мимоходом, в одно касание, выясняются вопросы, «кто важнее», «кто больше сделал», вопросы, очень напоминающие дилемму раннего детства: кто сильнее, слон или кит?

Но и без сравнений с ленинградцами спектр оценок исторического значения ГИРД достаточно пестр и широк. О ней говорят как о кузнице кадров будущего советского ракетостроения, говорят, что из семени ГИРД, проклюнувшейся первыми советскими ракетами, выросла наша космонавтика.

Все это и так, и не так. ГИРД существовала примерно два года, за это время в ней, включая механиков, станочников и технический персонал, работало менее ста человек. Поэтому вряд ли справедливо говорить о «кузнице кадров». В послевоенные годы бурного развития ракетной техники в этой области работали инженеры-гирдовцы, которых можно пересчитать по пальцам. И путь из подвала на Садово-Спасской к стартовой площадке гагаринского корабля тоже не был прямым, связи между ними выражаются уравнениями сложными, да, впрочем, в истории и не бывает простых уравнений.

Да, в ГИРД был запрограммирован корабль Гагарина, подобно тому как в одной клетке запрограммирован генетический код организма. В маленькой научно-технической ячейке энтузиастов-москвичей сконцентрировались почти все будущие направления развития ракетостроения и космонавтики. Здесь занимались конструкциями ракет, жидкостными двигателями и системами подачи компонентов, воздушно-реактивными и прямоточными двигателями, отрабатывали методику испытаний, конструировали наземный комплекс обслуживания, продумывали систему наблюдения и контроля за ракетой в полете и способы возвращения ее полезного груза на Землю. Здесь занимались газовой динамикой, теплопередачей, материаловедением, химией горения, автоматикой, аэродинамикой сверхзвукового полета,

даже тем, что впоследствии получило название космической медицины. В ГИРД очень часто один инженер вел тему, которую через двадцать пять лет разрабатывал большой научно-исследовательский институт, иногда – не один институт. Не ГИРД, а вот эти институты и создали корабль Гагарина.

Наконец, ГИРД очень много дала советской космонавтике потому, что она очень много дала Сергею Павловичу Королеву. За всю свою жизнь Королев не переживал другого такого периода, как за эти два года: 1932—1933-й. Это было время необычайно интенсивного роста. В течение двух лет планерист, мечтающий приспособить к планеру никому не ведомый двигатель, превращается в крупнейшего специалиста в области ракетной техники, специалиста широкого научного кругозора, прекрасно видевшего перспективу и ясно представляющего себе дороги в будущее. За эти два года увлеченный конструктор «домашнего КБ» становится начальником целого научного центра, направляющим разнообразнейшую работу десятков людей. Именно в ГИРД, по существу, впервые выявляются все таланты Королева-руководителя, Королева-организатора, таланты необыкновенные и редчайшие даже для нашей Родины, так богатой талантами.

И есть еще нечто в ГИРД (тут, в общем-то, совсем неважно, чем она занималась, ракетами или не ракетами): это дух ГИРД, та атмосфера радостного творчества, объединяющего не только умы, но и сердца людей. Наверное, многие чувствуют, что это такое, понимают, как это бывает, но немногим счастливцам удается испытать в жизни возвышенную радость общего горячего интереса к твоим делам, твоей собственной нетерпеливой увлеченности делами тех, кто рядом. Такое не забывается на всю жизнь. Не потому ли на торжественных и высоких встречах академик Королев раздвигал вдруг плотную стену героев, лауреатов, генералов, начальников наивысшего ранга и спешил обнять никому не известного, не знаменитого человека, который когда-то, очень давно, паял ночами камеры сгорания в подвале на Садово-Спасской? Не потому ли так часто собирались они вместе – седые гирдовцы – с грустью отмечая, как от встречи к встрече редеет их маленькая группа, просеянная сквозь жестокие сита лагерей, фронтов и больниц?..

Много лет спустя Герой Социалистического Труда, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники, профессор Михаил Клавдиевич Тихонравов так объяснял появление ГИРД:

«В 30-е годы перспективы развития авиации обозначились уже более четко и начали выявляться пределы применения

винтомоторной группы. В поисках путей преодоления этих пределов ряд молодых деятелей авиации сосредоточил свое внимание на проблемах реактивного движения, приняв идеи Циолковского не столько из-за желания скорее лететь на Марс, сколько из-за стремления вообще летать выше, быстрее и дальше. У этих людей, кроме желаний и стремлений, уже был опыт работы в авиастроении, были за плечами свои осуществленные авиационные конструкции, задуманные конструкции и идеи в ракетной технике. Эти люди имели возможность опереться на авиационную промышленность как на реальную базу для работы над реактивными летательными аппаратами. Именно из этих людей вышел начальник ГИРД Сергей Павлович Королев, в котором с выдающимся конструкторским талантом сочетались глубокая научная интуиция и блестящие организаторские способности...»

И все-таки желание лететь на Марс жило уже в каждом из них, и именно эта романтическая тяга к необыкновенному вела их в эту странную организацию, где сначала даже денег не платили и требовали много работы, не давали продовольственных карточек и собирали деньги на токарные резцы. Толчок извне бывал самый разный. Для одного это случайно попавшая в руки брошюра Циолковского, для другого – восторг после лекции Цандера в Политехническом музее, для третьего – неистребимое любопытство. Ведь еще Джонатан Свифт писал, что «причина великих событий, как и источники великих рек, часто бывает очень мала».

Парадокс, но сила ГИРД была в ее слабости: никто не ждал никаких материальных благ, никто не приходил «подзаработать», все понимали, что насмешки над «лунатиками» не окончатся завтра, что славу это дело не принесет, что карьеру на нем не сделаешь. Человеку меркантильному, не по-хорошему расчетливому, тщательно строящему свою карьеру, нечего тут было делать. Тут не было ничего, кроме интересной работы.

И они работали.

Конструктор Виктор Алексеевич Андреев пришел утром в подвал и увидел сидящего над бумагами Цандера. Заметив Андреева, Фридрих Артурович спросил рассеянно:

– Что? Рабочий день уже кончился?

После этого Королев обнародовал устный приказ, согласно которому последний уходящий из руководителей бригад имел право уйти только вместе с Цандером.

Сварщик Андрей Архипович Воронцов сварил железную раму и в одиннадцать часов вечера ушел домой. Конструкторы Сергей Сергеевич Смирнов и Лидия Николаевна Колбасина в два часа

ночи увидели, что раму надо переделать. Они пошли домой к Воронцову, разбудили его, втроем вернулись в подвал и к утру кончили работу.

Инженер Яков Абрамович Голышев сломал на катке ногу, лежал дома. Его товарищ инженер Андрей Васильевич Саликов каждый день носил ему расчетную работу.

Когда бухгалтер говорил девушкам-копировщицам: «Что вы тут сидите все вечера? Я же вам за это ни копейки на заплачу», – девушки отвечали:

– А мы для себя сидим, не для бухгалтерии!

Профсоюзная комиссия по борьбе со сверхурочной работой нагрянула в ГИРД, но сделать ничего не смогла. Объяснения были самые разные:

– Отрабатываю часы, потраченные на личные дела.

– Заканчиваю несделанную в договорный срок деталь.

– Это мой личный график, черчу для себя.

Конструктор Евгений Константинович Мошкин не пришел на два комсомольских собрания. А не пришел он потому, что работал все вечера в ГИРД. Когда его вызвали на бюро и потребовали объяснений, он молчал: ГИРД была организацией секретной и рассказать, где он был, Мошкин не мог. Тогда его исключили из комсомола.

Да, была секретность, пропуска, сидел вахтер. Самоотверженность и молодой энтузиазм невольно порождают представление о некоем анархизме, радостной кружковщине, а между тем, были планы и приказы, входящие и исходящие бумаги, сидел секретарь, и по личным делам к начальнику ГИРД надо было записываться на прием. Никакого панибратства, никакой фамильярности. Между собой некоторые были на «ты», но руководителей все звали только по имени и отчеству, разве что девушки между собой, шепотком называли Победоносцева «Юрочкой», а Королева – «Серёнькой». В свою очередь, и руководители никогда не называли своих подчиненных (если они не были просто друзьями) только по имени. Казалось бы, не такой это важный вопрос, кто как кого называл, но он иллюстрирует мир человеческих отношений в ГИРД, в котором молодой энтузиазм прекрасно сочетался с дисциплиной и уважением.

Первая группа обитателей подвала была совсем маленькая – десятка полтора людей, но выросла она очень быстро: новому делу из своей калужской дали неожиданно, как капитан Немо из-под воды, очень помог Циолковский. На последних страницах и обложках своих брошюр Константин Эдуардович имел обыкновение публиковать наиболее интересные из присланных ему писем. В книжечке «Стратоплан полуреактивный» он

опубликовал то самое письмо И.П. Фортикова, в котором тот сообщал об организации московской ГИРД. Так о ГИРД узнали читатели Циолковского – как раз те люди, которым и была нужна ГИРД, которые и были нужны ГИРД. К весне 1932 года определилось ее ядро: Цандер, Королев, Тихонравов, Победоносцев. Вместе с Цандером пришел из ЦАГИ очень талантливый инженер Александр Иванович Полярный. В ЦАГИ нашел Цандера, чтобы рассказать ему о недавней поездке к Циолковскому, студент Леонид Константинович Корнеев и тоже оказался в один прекрасный вечер на Садово-Спасской. Королев переманивал своих старых знакомых по планерным делам, по работе в ЦКБ и ЦАГИ: Николая Александровича Железникова и Александра Васильевича Чесалова. Владимир Николаевич Галковский, Евгений Маркович Матысик и Виктор Алексеевич Андреев работали еще дома у Королева и, разумеется, тоже пришли в ГИРД. Так постепенно подвал заселялся, благо штатное расписание не препятствовало этому, поскольку штатного расписания не существовало. С каждым, кто хотел работать в ГИРД, Королев вел на Никольской, где размещался оргмассовый отдел, пространные беседы, выяснял, кто такой, что умеет, где работал и почему хочет заниматься ракетами. Всегда спрашивал о заработке и честно предупреждал: «У нас столько не заработаете».

Ветераны ГИРД вспоминают, что злые языки расшифровали ГИРД как Группу Инженеров, Работающих Даром. В названии этом было два смысла: и денег не платили, и никакого прока от работы нет. Однако это не так. Денег не платили в тот период, когда ГИРД была еще чистой самодеятельностью. Потом Осоавиахим, узаконивший ГИРД и заинтересованный в ее укреплении, начал платить деньги, но очень небольшие, заработная плата была значительно ниже, чем, например, в ЦАГИ. С ордерами на промтовары и продовольственными карточками тоже было много хлопот, то не давали, то давали вдруг, как командированным, на пятидневку. Однако никому и в голову не приходило что-то требовать у Королева, а если и слышался ропот недовольства, то только в адрес снабженцев.

Начинать пришлось в буквальном смысле с пустого места: все оборудование состояло из ручного точила, которое подарили им друзья из ЦАГИ. Начальник производства ГИРД Бекенёв вспоминает:

«Ни на оборудование, ни на материалы и ни на что вообще не было у нас ни лимитов, ни фондов. И все-таки...

Сначала приносили из дома кто что мог: молотки, напильники, клещи, пилы и прочее. А потом понемногу, благодаря изворотливости руководства, т.е. начальника ГИРД

С.П. Королева, стали добывать все необходимое...

По ходу развития работ возникла необходимость в приобретении маломощного токарного станка «Комсомолка». Без него все встает. На заводах я все чаще стал получать отказы в ответ на просьбы изготовить мелкие детали. Но, сколько ни бились, не могли добыть станка. И вот однажды собрались мы в кабинете Королева. Сергей Павлович говорит:

– А что, друзья, если бы прийти в кабинет какого-нибудь высокого начальника вот в такой гимнастерке (мы носили тогда осоавиахимовские гимнастерки), а на петлицах были бы следы «шпал»? Наверное, и разговоры были бы другие, а? В «шпалах» сила!

И вот дня через три после этой беседы я выходил из Наркомтяжпрома с душой переполненной неизмеримой радостью. В руках у меня были документы на получение токарного станка «Комсомолка», а на выгоревших голубых петлицах гимнастерки были... следы „шпал“».

Старший инженер, а затем начальник бригады ГИРД Корнеев описывает такой случай:

«Заканчивали производство реактивного двигателя с ребрами охлаждения, причем отдельные детали нужно было паять только серебром. Серебра не было, да и денег в кассе ГИРД не было. Как быть? Что делать? Но никто не пал духом из-за этого. На следующий день, не сговариваясь между собой, многие принесли серебро из дому: кто серебряную чайную ложку, кто крестик, а кто серебряную стопку. Все эти серебряные „детали“ тут же расплавили в тигле, камера была запаяна и хорошо прошла огневые испытания».

Королев понимал, что вопросы снабжения можно решить, только вырвавшись из порочного круга: нет инструментов и материалов – нечем работать – не выполняются планы – нет результатов – неясно, зачем надо давать инструменты и материалы и надо ли вообще их давать. Требовалось во что бы то ни стало показать себя в деле, убедить других, что игра их стоит свеч, что все задуманное действительно серьезно.

И если говорить о «школе ГИРД» для самого Королева, то одним из главных предметов этой школы, хорошо им усвоенных, было умение обходиться самым необходимым. Круглосуточный рабочий день, пренебрежение к условиям труда, доведенный до аскетизма быт – все это впервые в его жизни было в подвале на Садово-Спасской. Здесь же научился он не только все это терпеть, но и преодолевать, требовать, кричать, стучать кулаком, брать за горло, хватать за грудки, топать ногами. Все это тоже было, пока в миниатюре, порой с преодолением вчерашней робости, но было.

В январе 1932 года Сергей Павлович вместе с Цандером и Победоносцевым в деталях обсуждает вопрос об установке нового двигателя ОР-2 на планере и хлопочет о бесхвостке Черановского БИЧ-11. Планер этот с трапециевидным в плане крылом, переданный в феврале Королеву, сразу получил новое название РП-1 – первый ракетоплан.

Но до его полета было еще далеко. Несмотря на колоссальную работоспособность Цандера, двигателя, по существу, еще не было. Королев торопил Фридриха Артуровича, но он понимал, что потребуются еще многие недели и месяцы, прежде чем планер превратится в ракетоплан. Не под силу было даже Цандеру справиться с этой задачей в одиночку. Нужны были специалисты, не энтузиасты межпланетных полетов, без колебаний готовые стартовать на Марс, а люди, умеющие оценить тепловые потоки и подсчитать потери давления в гидравлических системах, организовать грамотные проливки и безопасные горячие испытания. Королев ясно представляет: если уж сегодня так нужны знающие люди, как же будут нужны они завтра! Из ГИРД идет письмо в Калугу, Циолковскому:

«Не согласитесь ли Вы быть консультантом у нас?.. Пришлите мне побольше Ваших ценных брошюрок и оставайтесь уверенным, что они окажутся у тех, кто посвящает... свои силы продолжению дела, столь гениально Вами начатого 37 лет назад... Не осуждайте, что мы форсируем и не следуем Вашему мудрому совету работать последовательно».

Приехавший из Ленинграда профессор Н.А. Рынин прочел 28 ноября 1931 года большую лекцию перед аудиторией Военно-воздушной академии. Лекция называлась «Реактивный полет» и сопровождалась многочисленными диапозитивами, но ведь одна ласточка не делает весны. Цандер и Королев организуют в начале 1932 года инженерно-конструкторские спецкурсы по ракетной технике. Цандер составляет подробный план занятий. Королев договаривается с лучшими специалистами о лекциях. Занятия начались на Ильинке, в помещении отдела авиации ЦС Осоавиахима. Ветчинкин читает курс динамики. Профессор Стечкин рассказывает о своих последних работах по теории воздушно-реактивных двигателей (ВРД). Именно этот курс Стечкина станет руководством для расчета первых в мире ВРД. На спецкурсах читают лекции Земский, Журавченко, Уваров. Королев доволен: это уже нечто более серьезное, чем витрина с лунным пейзажем на Тверской!

Сергей Павлович чрезвычайно внимательно относился к вопросам пропаганды и популяризации ракетной техники.

Статьи и книги о межпланетных полетах и жизни среди звезд

сделали свое дело: остановили внимание, привлекли, заинтересовали. ГИРД – новый период в ракетостроении. Ее время требовало новых книг и статей. Насколько серьезно думал об этом Королев, видно из его письма Перельману, написанного в конце июля 1932 года:

«Многоуважаемый Яков Исидорович!

Простите, что так долго молчал, но дела меня так одолели, что нет ни минуты свободной...

Несмотря на большую нагрузку по линии разных экспериментальных работ, все мы очень озабочены развитием нашей массовой работы. Ведь несомненно, что базироваться только на военную современную засекреченную сторону дела было бы совершенно неверно. В этом отношении хорошим примером нам может послужить развитие нашего Гражданского воздушного флота. Ведь прошло только 1,5-2 года, а как далеко и широко развернулось дело, как прочно сложилось общественное мнение! Поэтому нам надо не зевать, а всю громадную инициативу масс так принять и направить, чтобы создать определенное положительное общественное мнение вокруг проблемы реактивного дела, стратосферных полетов, а в будущем и межпланетных путешествий. Нужна, и конечно, в первую голову, и литература. А ее нет, исключая 2-3-х книжек, да и то не всюду имеющихся.

Мы думаем, что вполне своевременно будет издавать целую серию (10-15 шт.) небольших популярных книжечек по РД[27], причем в каждой книге осветить какой-либо один вопрос, например: «Что такое Р.Дв», «Топливо для РД», «Применение Р.Дв» и т.д., популярных и в то же время технических книг, в дальнейшем могущих быть замененными серией более специальной литературы.

Вообще у нас слишком много написано всяких сложных и несложных вещей и расчетов о том, как будет межпланетный корабль приближаться к Луне и что с ним будет происходить на пути и т.д., а вот для кружковца-гирдовца, жаждущего поучиться, поработать, – для него материала абсолютно нет. В письме приходится писать очень сжато, но, я думаю, что Вы поняли мою мысль. Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение по этому вопросу и ту конкретную форму, в какой Вы себе представляете такого типа литературу. На кого она

должна быть рассчитана главным образом, темы, размеры и пр. Может быть, и Вы согласились бы принять участие в этой работе и написать кое-что?

Вы знаете, наверное, что предположено праздновать юбилей Циолковского. Когда это будет точно, я не знаю, но пока что находятся люди, которые прямо-таки заявляют, что празднование этого юбилея нецелесообразно, что, мол, оно поставит в несерьезное положение всех работников РД и т.п., что празднование не следует делать и т.д. К сожалению, все это говорится людьми, имеющими достаточно большой вес, чтобы с ними не считаться.

Мнение ГИРД в этом деле будет решающим, и поэтому мне очень хотелось бы знать мнение Ленинграда и, в частности, Ваше, многоуважаемый Яков Исидорович...

Сейчас ставят вопрос о созыве Всесоюзного съезда по РД, но я еще очень неясно представляю себе вопросы и задачи, стоящие перед таким съездом. Не преждевременно ли?

Всего наилучшего.

Искренне уважающий Вас

С. Королев».

Этот подвал существует до сих пор. Истертые ступени железной лестницы приведут вас в длинный коридор. Сейчас тут многое изменилось, перестроилось, но и теперь без труда можно представить себе скрипучую дверь направо, где помещались мастерские. К долгожданной «Комсомолке» постепенно прибавлялись другие станки, пусть старенькие, разбитые, но все-таки станки. Неподалеку был ручной горн, а дальше так называемые лаборатории, где работали с фосфором, пробовали поджигать металлическое топливо. Слева от лестницы – комнаты сотрудников. Отдельный кабинет с крошечной приемной был только у Сергея Павловича. Остальные сидели побригадно.

Королев, безусловно, обладал редким даром подбора и расстановки людей. Позднее, уже в «космические» годы, когда что-нибудь не получалось, он говорил: «Давайте пересаживаться», понимая под этим новый вариант расстановки сил. Структура ГИРД – это первый самостоятельный организационный набросок Королева, в котором, однако, уже видна рука мастера.

Во главе ГИРД стоял технический совет – коллегиальный орган, решающий все общие вопросы и составленный из ведущих специалистов. В техсовет входили: Королев, Цандер, Тихонравов,

Щетинков, Корнеев, Победоносцев, Чесалов, Ефремов и Железников. Далее вся группа изучения реактивного движения подразделялась на четыре бригады. Бригадой руководил начальник бригады, которому подчинялись несколько инженеров и, что очень важно, механики, постоянный и известный круг обязанностей которых способствовал быстрому росту их квалификации.

Во главе первой бригады стоял Фридрих Артурович Цандер. Основными его помощниками были Корнеев и Полярный. Они занимались главным образом отработкой двигателя ОР-2 и созданием жидкостной ракеты.

Второй бригадой руководил Михаил Клавдиевич Тихонравов. В подвал к Королеву он пришел одним из первых. В бригаду Тихонравова входили талантливые инженеры: Зуев, Якайтис, Ефремов, вскоре ставший (после Корнеева) парторгом ГИРД. Эта бригада тоже занималась созданием жидкостных ракет.

Начальником третьей бригады стал Юрий Александрович Победоносцев. Он работал в ЦАГИ и тоже занимался планеризмом. Книги Я.И. Перельмана увлекли Победоносцева, и скоро, встретившись с Цандером и Королевым, он стал одним из самых горячих и нетерпеливых энтузиастов ракетного дела. ЦАГИ категорически не отпускал Победоносцева в ГИРД. Тогда он сумел призваться в армию и был зачислен в стрелковый полк, откуда после вмешательства Тухачевского был откомандирован для прохождения воинской службы в ГИРД. Победоносцев был начальником бригады, но в армии числился рядовым и получал красноармейский паек.

С Победоносцевым работали инженеры Лисичкин, Тимофеев, Кисенко, Иванов. Они занимались пороховыми ракетными снарядами, прямоточными и пульсирующими двигателями.

Наконец, четвертой бригадой руководил сам Сергей Павлович Королев. С ним работали Щетинков, Чесалов и Железников. Главной темой четвертой бригады был ракетоплан РП-1.

Интересно, что 9 апреля 1932 года, т.е. более чем за три месяца до официального приказа об организации ГИРД, «Комсомольская правда» писала: «В настоящее время ГИРД приступает к осуществлению плана практических работ в области конструкции советских ракет и ракетопланов, изучения стратосферы и т.д. Учитывая огромное значение этих работ, в целях максимального развития и форсирования советской суперавиации, газета „Техника“ приступила к созданию специального фонда „Штурма стратосферы“, который должен заложить материальный фундамент для последующих научно-

изыскательных работ в этой области.

Подготовительные работы по организации первого полета советского ракетоплана и ракеты в настоящее время заканчиваются.

Ракетоплан конструируется в Москве. Его конструктор – тов. Черановский. Советский ракетоплан представляет собой бесхвостую машину-параболу, снабженную реактивным двигателем. Ракетный двигатель, работы по постройке которого также заканчиваются на наших авиазаводах, сконструирован инж. Цандером (ЦАГИ)».

Конечно, дела обстояли не столь благополучно, как писала «Комсомолка», но она точно передавала сам дух, который царил в ГИРД.

Да, Королев был очень увлечен ракетопланом! Планер БИЧ-11 был сравнительно небольшим: 3,1 метра длиной, 12,1 метра размах крыла. Весил всего 200 килограммов. Королев продумал программу облета РП-1 еще до того, как на нем поставили ракетный двигатель. Просто Королеву очень хотелось полетать на планере. При всем том, что начальник, что человек очень серьезный, ему ведь всего двадцать пять лет, ему же просто полетать хочется. Тем более, что этим полетам очень легко можно было придать «деловой» вид, подкрепленный документально: Сергей Павлович после каждого полета составлял подробный отчет.

В дневнике Цандера 22 февраля 1932 года отмечено: «Участвовал при полетах самолета РП-1»... Королев вытащил Фридриха Артуровича на станцию Первомайская, где помещался аэродром Московской школы летчиков, чтобы продемонстрировать ему свое летное искусство.

Планер отрывался от земли тяжело, даже после того, как из носа вынули балласт – мешок с песком. Королев летал девять раз, поднимаясь не выше десяти метров, делал развороты и был совершенно счастлив. Цандер замерз и никак не мог понять, зачем он, собственно, приехал. Ведь атмосфера Марса столь разрежена, что там нельзя летать на планерах...

Весной Королев еще дважды стартовал на амортизаторах, а потом у него появилась новая идея: попробовать полетать на РП-1 с поршневым мотором. Он раздобыл очень изношенный двухцилиндровый двигатель «Скорпион», вместе с Евгением Сергеевичем Щетинковым сделал расчет подмоторной рамы, механики установили на ней двигатель. Королев арендовал ангар в районе станции Трикотажная, неподалеку от Химок, и начал испытания. Первая попытка взлететь оказалась безуспешной: самолет не двинулся с места, хотя мотор работал на полную

мощность. Мотору помогали резиновым амортизатором, потом двумя амортизаторами, которые изо всех сил тянули двадцать человек. Как записано в донесении Королева, «в момент, когда самолет тронулся с места, мотор заглох». Наконец РП все-таки взлетел кое-как и протянул с полкилометра на высоте метров пять. Потом мягко спланировал на мокрый луг.

Королев не успокоился. В течение недели он еще дважды пытается поднять РП-1 с мотором в воздух. Однако «Скорпион» был точно заколдован: он хорошо работал на земле, но, как только Королев отрывал машину буквально на считанные сантиметры, мотор глох.

Казалось бы, из всей серии этих испытаний можно было сделать только один вывод: «Скорпион» – никудышный мотор. Но, быть может, анализ поведения бесхвостки в воздухе, случай с балластом – все это заставило Сергея Павловича еще раз задуматься над некоторыми важными конструкторскими проблемами. В статье «Данные для подсчета весов», опубликованной в журнале «Самолет», Королев пишет: «Основная задача конструктора – возможно более точно выдерживать при постройке намеченные им веса».

Это пожелание 1932 года в 60-х годах, когда проектировались космические корабли и межпланетные станции, становится девизом и законом. Словно для будущих конструкторов «Востоков» и «Союзов» писал он тогда: «Многие метры троса, десятки валиков, болтов, шурупов, заклепок и т.д. у планера, многочисленные трубки и трубочки, краны, ниппельные соединения, хомутки, приборы и пр. у самолета – все это вместе взятое – килограммы и килограммы веса, которые вдруг „неожиданно“ появляются, когда уже машина готова.

...Никакие «прикидки на глаз», если только на них и базироваться, никогда не дадут конструктору гарантии в получении на практике намеченного им веса машины».

Среди всех забот ГИРД Сергей Павлович выкроил время, чтобы съездить в Ленинград, посмотреть, как работают в ГДЛ. В марте ленинградцы были в Москве, заходили в подвал на Садово-Спасской. Цандер долго беседовал с Валентином Глушко, молодым конструктором жидкостных реактивных двигателей (ЖРД) в ГДЛ. В Ленинграде опыты с ЖРД шли уже широко, со многими моделями. Не менее работ Глушко интересовали Королева эксперименты другого сотрудника ГДЛ – Дудакова, который испытывал на самолетах пороховые ускорители. Это было похоже на ракетоплан, и Королеву очень хотелось узнать, насколько перспективны пороховые двигатели и не ошибается ли он, делая главную ставку на ОР-2.

Ленинградцы обосновались в местах исторических: в Иоанновском равелине Петропавловской крепости. Здесь под тяжкими каменными сводами ревели ЖРД Глушко. Дудаков разместился на Комендантском аэродроме. Ему откомандировали бомбардировщик ТБ-1, на котором и были установлены ускорители. Королев сам летал на этом самолете, все испытал «на себе». Безусловно, работа Дудакова была очень перспективна. Можно было увеличить загрузку, резко сокращался разбег. Но это был совсем не ракетоплан. Это были именно ускорители, а ему нужен был двигатель. Вернувшись в Москву, еще активнее начал он помогать Цандеру.

Фридрих Артурович окончательно перебрался в подвал накануне первомайских праздников. В конце мая он несколько вечеров обсуждал с Сергеем Павловичем планы будущих работ. Королев кивал и соглашался. Только когда Цандер предложил купить водолазный костюм, он стал возражать:

– Нет, Фридрих Артурович, на костюм сейчас денег нет...

– Видите как, – наступал Цандер, – костюм все равно необходим. Наша ракета может опуститься на воду. Как мы ее будем доставать?

Королев понимал, что дело не в водолазном костюме. Рано или поздно им придется думать о скафандре для высотных полетов, и пообещал купить костюм. Правда, после того, как будет ракета.

Все лето провел Цандер в подвале, благо нежарко там было, руководил работой своей бригады, готовил испытания ОР-1, заканчивал расчеты по ОР-2. Сидя за своей древней пишущей машинкой или с большой полуметровой логарифмической линейкой в руках, он умел совершенно отключаться от всего окружающего, ничего не видел, не слышал голосов, полностью терял представление о времени. Многим казалось, что в часы работы бледное лицо этого человека как бы светилось...

После окончательной корректировки всех планов 10 июля 1932 года гирдовцы были приглашены в ЦС Осоавиахима на заседание к Эйдеману. Результатом доклада Королева председателю Центрального совета Осоавиахима и явился тот запоздалый приказ от 14 июля со многими параграфами, в котором Сергей Павлович назначался начальником ГИРД.

В конце августа-начале сентября Королев испытывает второй экземпляр РП-1, уже без мотора. Неверно установленные рули мешают ему подняться на высоту более четырех метров. Рули переделывают, но теперь нос задирается вверх.

Наконец все отрегулировано, и Королеву, а затем пилоту Романову удается взлететь метров на 40-50. Результат весьма

скромный, но Сергей Павлович доволен. «Самолет РП-1 № 2 без мотора обладает всеми видами устойчивости и маневренности» , – записывает он в очередном донесении.

В сентябре вместе с Ксенией Максимилиановной Королев уезжает в Крым. Лялю, после того как стала она его женой, не отпускали в Москву очень долго, и Сергею даже пришлось опять ехать в Донбасс скандалить. В Москву она переехала окончательно в декабре 1931 года. Жили в квартире Баланиных на Александровской, все в том же «домашнем КБ».

Зимой редкий вечер проводил Сергей с молодой женой – уж очень много дел было теперь у него. И тогда еще обещал он ей непременно, что летом они поедут вдвоем в Крым, обязательно, хоть трава не расти! Поездка все откладывалась, отодвигалась то неотложными делами в Осоавиахиме, то важными заседаниями, совещаниями, то полетами на новом РП, и уехали они в Севастополь только в сентябре. Откуда было знать Ляле, что в оттяжках этих была у Сергея своя невинная корысть: 10 октября в Коктебеле открывался VIII Всесоюзный планерный слет.

Восьмому слету придавали большое значение. Это было не только спортивное состязание, но событие политическое. Осоавиахим, комсомол и профсоюзы приняли специальное решение о развертывании планеризма и превращении его в «массовый авиационный спорт трудящихся». Нарком Ворошилов в своем приветствии слету писал, что «...состязания в Коктебеле ярко подчеркивают то огромное значение, которое планерный спорт имеет в деле подготовки отважного, смелого, находчивого воздушного бойца». Пришли приветствия от председателя ЦС Осоавиахима Эйдемана и члена Реввоенсовета (РВС), начальника ВВС РККА Алксниса. Впервые в Феодосии выходила даже специальная газета «Самолет».

На слет привезли 22 планера, из них было много совершенно новых, ранее неизвестных. Называли имена молодых конструкторов из Харькова, Саратова. Героем слета опять стал Василий Степанчонок, которого в печати называли лучшим летчиком-планеристом. На этот раз Степанчонок перелетел на планере Г-9 из Москвы в Коктебель, прицепившись к самолету У-2, который пилотировал конструктор этого планера Владислав Константинович Грибовский.

Королев завидовал Василию. Он летал на своей «Красной звезде», но никаких рекордов не установил, впрочем, он и не собирался их устанавливать. Просто хотелось полетать, увидеть снова любимые места. Но уже через несколько дней стало тянуть его в Москву. Теперь было у него в Москве свое дело, о котором ни на минуту не мог забыть он ни в Севастополе, ни в Коктебеле.

Ни солнце, ни море, ни дали степного Крыма, распахнувшиеся с высоты, не могли отвлечь мысли его от подвала на Садово-Спасской, и однажды вечером он вдруг сказал Ляле:

– Поедем завтра в Москву, а?

18

У каждого есть перед глазами определенная цель, – такая цель, которая, по крайней мере ему самому, кажется великой и которая в действительности такова, если ее признает великой самое глубокое убеждение, проникновеннейший голос сердца...

Карл Маркс

Когда Циолковского приглашали куда-нибудь, он всегда отказывался, ссылаясь на недомогание, слабость, старость, глухоту, а был просто отчаянный домосед вроде Ньютона. Еще в 1921 году Николай Алексеевич Рынин писал ему, что место преподавателя физики и математики в Институте путей сообщения ему гарантировано, звал в Петроград, – Циолковский и тут отказался. Всякая дорога пугала его, со страхом думал он о гостиницах, обо всем этом ужасно непривычном быте, когда не знаешь, где и как будешь есть, на чем спать...

Поэтому торжественное заседание в Москве, посвященное 75-летию Константина Эдуардовича, запоздало: только в октябре выбрался он в столицу. В Москву его сопровождал Сергей Иванович Самойлович из калужской секции научных работников, друг преданный и внимательный. Ничего не сказав Константину Эдуардовичу, он взял у Варвары Евграфовны (жены Циолковского) подушку, запаковал его жестяную слуховую трубу, и они покатили в столицу. В Москве их поселили в прекрасном трехкомнатном номере «Метрополя» с балконом. Внизу на площади Свердлова, звенели трамваи и катились людские толпы, один вид которых приводил Циолковского в трепет. Он страшно обрадовался родной подушке, этому кусочку привычного бытия, а труба пригодилась, когда в номер повалили посетители и целые делегации.

17 октября в Колонном зале Дома Союзов состоялся торжественный вечер в честь 75-летия Константина Эдуардовича. О трудах юбиляра в дирижаблестроении докладывал профессор Воробьев, приехавший из Ленинграда профессор Рынин рассказывал о работах по авиации и ракетному движению. Но лучше всех, энергичнее всех и теплее говорил председатель ЦС Осоавиахима Роберт Петрович Эйдеман:

– Два факта мне бы хотелось вспомнить здесь: ведь некогда в дореволюционное время, самая большая дотация, которую удалось соорудить в помощь исследованиям Циолковского не превышала 55 рублей, а в 1930 году Осоавиахим собрал на советское дирижаблестроение 25 миллионов рублей!

Особенно аплодировали Эйдеману, когда он сообщил о награждении Константина Эдуардовича орденом Трудового Красного Знамени.

Циолковский выступал с ответным словом. Голос звучал устало, выглядел он утомленным.

– Мне совестно, что мой юбилей вызвал столько хлопот, ведь, может быть, мои изобретения не осуществятся, – Константин Эдуардович оглядывал зал грустными, серьезными глазами. – Я изо всех сил стремился к работе: работал изо всех сил, все каникулы проводил в труде, производил опыты по сопротивлению воздуха, а главным образом, – все вычислял... Теперь я нахожусь в сомнении, заслуживаю ли я того, что сейчас вижу...

После торжественного вечера Циолковский вернулся домой, а примерно через месяц – 26 ноября – приехал снова, опять с Самойловичсм, получать орден.

Орден в Кремле вручал Михаил Иванович Калинин. Циолковский был взволнован. Приняв орден, тихо, почти доверительно сказал Калинину:

– Я могу отблагодарить правительство только трудами. Благодарить словами нет никакого смысла...

В декабре 1932-го начинаются в ГИРД горячие деньки. За неделю до Нового года был наконец закончен монтаж долгожданного двигателя ОР-2. Королев, Цандер, инженеры Корнеев и Полярный, механик Флоров и техник-сборщик Авдонин с торжественностью дипломатов подписали акт приемки. Можно было начинать испытания. Трудно сказать, кто больше был рад: Цандер, увидевший наконец свою мечту, воплощенную в металл, или Королев, который уже больше года ждал этот двигатель для своего ракетоплана. Впрочем, событие это было праздником для всех обитателей подвала.

На общем собрании было решено объявить «неделю штурма». Организовали штаб «штурма» из трех человек, который выработал план: кому что делать.

С 25 декабря до Нового года день и ночь возились они с капризным двигателем. Понятия «рабочий день» и «отдых» расплылись окончательно, потеряли всякие границы: кто-то уходил на час-другой поспать, кто-то приходил ему на смену. Вымотались все предельно. Уж на что Цандер, никогда не помышлявший об отдыхе, даже он однажды ночью залез

потихоньку под стол и вдруг ко всеобщему веселью запел оттуда по-петушиному. Потом вылез сияющий и сказал:

– Петух дал сигнал! Пора кончать!

Всем очень хотелось довести этот проклятый двигатель до ума к 1 января, чтобы хоть на Новый год веселиться и не думать ни о чем. Да не вышло...

И у инженеров, и у механиков опыта еще было маловато. Открылась течь в соединениях предохранительных клапанов, в тройнике. Обнаружилась вдруг трещина в бензиновом баке. Потом потекли соединения у штуцера левого кислородного бака, потом засвистело из сбрасывателя бензинового бака – каждый день что-нибудь новое.

Невеселый получился Новый год.

2 января, пока механики готовили ОР-2 к новым испытаниям, Цандер закончил и передал Королеву «Техническое описание мощного реактивного двигателя» – свой план на будущее.

На следующий день опять испытывали ОР-2. И вдруг все пошло отлично. Давление держалось. Тут же проверили циркуляцию воды во всех трубах при работе центробежной помпы. Все шло отлично! Оказывается, Новый год был счастливым!

5 января опять обнаружилась течь газа, потом травили клапаны, потом деформировался бак...

И так весь январь.

Цандер ходил серый от усталости. Иногда, видя, что все очень вымотались, Фридрих Артурович начинал рассказывать о межпланетных полетах, о далекой дороге к Марсу... Он говорил тихо, но с такой страстью, что слушали его не дыша. Королев любил минуты этих передышек. Однажды совершенно серьезно спросил:

– Но, Фридрих Артурович, почему вы все время говорите о Марсе? Почему не о Луне? Ведь Луна гораздо ближе...

Все переглянулись: Королев редко говорил о межпланетных полетах.

Иногда Цандер вовсе забывал о доме, о семье. Тогда его насильно одевали в кожаное пальто с меховым воротником и отправляли домой. Но даже когда провожали до трамвайной остановки, он каким-то образом через полчаса опять прокрадывался в подвал, Корнеев писал в своих воспоминаниях:

«Все гирдовцы работали буквально сутками. Помнится, как в течение трех суток не удавалось подготовить нужного испытания. Все члены бригады были моложе Цандера и значительно легче переносили столь большую перегрузку. Видя, что Фридрих Артурович очень устал и спал, что называется, на ходу, ему был

поставлен „ультиматум“: если он сейчас же не уйдет домой, все прекратят работать, а если уйдет и выспится, то все будет подготовлено к утру и с его приходом начнутся испытания. Сколько ни спорил, ни возражал Цандер против своего ухода, бригада была неумолима. Вскоре, незаметно для всех, Цандер исчез, а бригада еще интенсивнее начала работать. Прошло пять-шесть часов, и один из механиков не без торжественности громко воскликнул: „Все готово, поднимай давление, даешь Марс!“.

И вдруг все обомлели. Стоявший в глубине подвала топчан с грохотом опрокинулся и оттуда выскочил Цандер. Он кинулся всех обнимать, а затем, смеясь, сказал, что он примостился за топчаном и оттуда следил за работами, а так как ему скучно было сидеть, то он успел закончить ряд расчетов и прекрасно отдохнул».

Помимо двигателя ОР-2, шли опыты и над двигателем для жидкостной ракеты. Уже в этой первой ракете Цандер хотел сначала дробить, а затем сжигать в двигателе конструкции ракеты. Начались опыты с порошкообразным металлическим горючим: Корнеев, Полярный толкли в специальных мельницах алюминий и магний. Порошок через инжекторы должен был поступать в камеры сгорания, но он шел неравномерно, спекался, прожигал камеру. Всем было ясно, что мельниц на ракете не установишь, что превратить конструкцию в порошок немыслимое дело, а если и превратишь, то надо еще суметь его сжечь, всем было ясно, что из затеи с металлическим топливом ничего не получится. Всем, кроме Цандера. Корнеев и Полярный просили Фридриха Артуровича отказаться от металлического горючего и упростить систему подачи топлива в двигатель – Цандер категорически отказывался. Пробовали жаловаться Королеву, тот отмалчивался и не перечил Цандеру. Королев, конечно, понимал, что блестящая идея Цандера с дожиганием конструкций не может быть реализована, что не пришло еще ее время. Но как сказать об этом Цандеру? Возможно ли остановить движение этого человека, который сам летит вперед, словно ракета, не нуждаясь в помощи существующей вокруг среды, не боясь окружающей его всю жизнь пустоты непонимания? Королев никогда не спорил с Цандером и никогда не приказывал ему. Он мог просить. Но в данном случае Королев понимал, что и просить нельзя.

Цандер выглядел очень усталым, похудел, осунулся. В столовой, где они питались, гирдовцы вскоре заметили, что Цандер берет самую дешевую еду. Королев предложил собрать деньги и тайно от Цандера уплатить за него вперед. Фридрих Артурович по-прежнему платил свои 7 копеек, но блюда получал за 35 копеек. И все не мог нарадоваться: «Насколько лучше стали

кормить в нашей столовой!» Мошкин был вегетарианцем, отдавал ему мясо. Цандер брал с благодарностью. Из столовой в железной баночке с проволочной ручкой носил в подвал кашу – на вечер. В одном из ящиков стола хранились у него какие-то корочки, сухарики. Иногда он выдвигал ящик, заглядывал туда и говорил с улыбкой:

– Мышка была...

А иногда с удивлением:

– Ой! Откуда же у меня здесь котлета?

Королев распорядился, чтобы вечером Фридриху Артуровичу приносили чай бутерброды.

Королев был на двадцать лет моложе Цандера, а в жизни выглядело наоборот– он словно опекал его. Он и выхлопотал ему путевку в Кисловодск, в санаторий. ...

Провожали Фридриха Артуровича 2 марта. Уезжать ему не хотелось: вот-вот должны были начаться огневые испытания его двигателя. Тухачевский выполнил свое обещание: теперь у них была своя экспериментальная база – 17-й участок научно-испытательного инженерно-технического полигона в Нахабине. Цандеру так хотелось увидеть, как работает его ОР-2... Королев уговаривал:

– Поезжайте, Фридрих Артурович, поезжайте. Ну что такое стендовые испытания? Кого мы с вами удивим стендовыми испытаниями? Вот вернетесь, мы поставим двигатель на бесхвостке, пустим вашу ракету – это другое дело. Обязательно нужно, чтобы летало, а на стенде каждый сумеет...

Цандер уехал. Первые испытания ОР-2 Королев начал 13 марта. Двигатель включился, но уже по звуку все поняли, что работает он как-то нехорошо. Через пять секунд раздался оглушительный хлопок. В камере сгорания дымилась дыра. 18 марта был новый запуск: через несколько секунд прогорело сопло...

Накануне первых испытаний в Нахабине Цандер из Кисловодска послал дочке и жене открытку:

> «Дорогие мои Астра и Шура!
>
> Живу спокойно в санатории. Здесь опять выпал снег, мало солнца, стоит легкий мороз. Еще нигде нет цветов, только в курзале за стеклами. Звери в парке курзала все живы. 4 медведя балуются, 7 красивых павлинов щеголяют своим хвостовым оперением.
>
> Нас кормят здесь прелестно. 4 раза в день, у меня усиленный паек, много масла, молока, овощей, мяса! Астра! Напиши мне письмо! Ну, до свидания! Целую.

Твой папа
Фридель...»

Он подписывался именем своего рижского детства...

Через несколько дней он заболел. В то утро, когда сгорело сопло, он был совсем плох, градусник показывал 39,4°. Страшно болела голова и кололо в боку. Потом выступила сыпь, и его отправили в инфекционную больницу: тиф. В истории болезни есть запись: «По всем данным больной заразился тифом во время дороги...» – хотел оставить дома побольше денег и ехал в третьем классе.

Он лежал в шестиместной палате в забытьи.

А в Нахабине отремонтировали сопло и снова запустили его двигатель. Хлопок, потом ровное горение. ОР-2 работал секунд десять. Потом полетели золотые искры. Комиссия из Реввоенсовета установила прогар внутри сопла...

Он ничего не знал об этом. В этот день его положили в отдельную палату, рядом сидела медсестра, но он уже не видел ни этой комнаты, ни лица этой девушки.

Он умер 28 марта 1933 года в шесть часов утра. Его похоронили в Кисловодске.

Последнее письмо Фридриха Артуровича друзьям на Садово-Спасскую кончалось так: «Вперед, товарищи, и только вперед! Поднимайте ракеты все выше и выше, ближе к звездам...»

Когда в ГИРД пришла телеграмма из Кисловодска, все словно оцепенели. Королев плакал и не скрывал слез. Потом спросил тихо:

– Останется ли теперь ГИРД?

Почему-то думают, что Королев не мог быть слабым. Мог. И бывал. И это прекрасно.

На траурном митинге Сергей Павлович говорил о том, как много сделал Цандер для ракетной техники, о том, что работы его имеют непреходящее значение.

На траурных митингах всегда так говорят, но эти слова не были данью обычаю. В мировой плеяде пионеров космонавтики Цандер занимает особое место. Может быть, среди этих людей по возрасту и устремлениям ближе всего к нему стоял Роберт Годдард. Но сами американцы пишут о нем: «Нельзя установить прямую связь между Годдардом и современной ракетной техникой. Он на том ответвлении, которое отмерло». Цандер – на том, которое живет.

Никому не удалось еще сжигать металл самой конструкции ракеты во время ее полета, – эта идея, как и полвека назад, принадлежит будущему. Пока удается лишь подобрать

эффективные металлсодержащие топлива с добавками бериллия, лития, железа, алюминия, магния. Но другая идея, идея использования на старте воздуха атмосферы, идея создания ракетного гибрида – воздушно-реактивного и жидкостного двигателя – с каждым годом находит все большее число поклонников. Беспилотный высокоманевренный экспериментальный воздушно-космический самолет. собираются построить японцы. Почти все ведущие американские аэрокосмические корпорации: «Боинг», «Макдоннелл-Дуглас», «Пратт энд Уитни», «Дженерал Электрик», «Аэроджет» и другие с середины 80-х годов, т.е. более чем через полвека после проекта Цандера, начали энергичные работы по исследованию воздушно-космических аппаратов. На XXXVIII конгрессе Международной астронавтической федерации в Брайтоне осенью 1987 года представитель компании «Бритиш Аэроспейс» докладывал о проекте «Хотол» – английском варианте такого грузо-пассажирского аппарата, способного вывести на орбиту искусственного спутника Земли восемь тонн полезных грузов. Недаром еще в 1967 году академик Благонравов сказал:

– Труды Цандера до сих пор являются такими работами, в которых исследователи и конструкторы находили возможность черпать новые для себя идеи. Его наследие до сих пор помогает заглянуть вперед, использовать то, что он писал, о чем думал для дальнейшего развития ракетной техники.

В 1948 году вместе с Ниной Ивановной Сергей Павлович отдыхал в Кисловодске, в санатории имени Серго Орджоникидзе. Они ходили на кладбище, но могилы Цандера не нашли. Королев очень расстроился. Вернувшись и Москву, он вызвал своих хозяйственников и приказал им ехать в Кисловодск, поднять все кладбищенские архивы и найти могилу Фридриха Артуровича во что бы то ни стало. С большим трудом могилу разыскали. Королев добился, чтобы на ней был установлен красивый памятник с бюстом Фридриха Артуровича и летящей в зенит ракетой Цандера, запущенной уже после его смерти – единственной осуществленной конструкцией этого прекрасного человека, первого нашего звездного инженера...

Летом в Москву приехал Юрий Васильевич Кондратюк – замечательный исследователь, человек причудливой биографии. Нить его жизни лишь совсем недавно удалось распутать его биографу Борису Ивановичу Романенко[28]. Ничего не зная о трудах Циолковского, он в далеком Новосибирске сам открыл закон движения ракеты, а через года наткнулся на заметку в журнале «Вестник воздухоплавания», из которой понял, что «не является первым и единственным исследователем в этой

области». Он искал журнал с работой Циолковского, но нашел лишь через семь лет и то только один номер. «Я хотя и был отчасти разочарован тем, что основные положения открыты мною вторично, – пишет Кондратюк, – но в то же время с удовольствием увидел, что не только повторил предыдущее исследование, хотя и другими методами, но сделал также новые важные вклады в теорию полета».

Циолковский прислал ему свои брошюры. В одном из писем в Калугу Юрий Васильевич отвечает: «...я каждый раз неизменно удивляюсь сходством нашего образа мыслей по многим, самым различным вопросам». О своих собственных находках он Циолковскому не пишет: это кажется ему нескромным. А ведь ему было чем порадовать Константина Эдуардовича. Он решил, и решил чрезвычайно оригинально, многие вопросы космической баллистики, теории многоступенчатых ракет, входа в атмосферу из безвоздушного пространства. Он предложил использовать поля тяготения небесных тел для маневров в космическом пространстве: в 1985 году, используя этот принцип, наши космические автоматы настигли комету Галлея. Он считал, что именно с орбиты спутника Луны космическим путешественникам удобнее всего опуститься на ее поверхность: в 1969 году это впервые сделали Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин. Американцы сами писали, что вся схема полета по программе «Аполлон» заимствована ими у русского изобретателя Юрия Кондратюка. Он предвидел использование в космонавтике ядерных ракетных двигателей (ЯРД), изучение которых «обещает дать такую колоссальную скорость, какой не могла бы дать и самая огромная ракета». Лишь в конце 60-х годов начались наземные стендовые испытания опытных ЯРД. По полному праву человек этот входит в короткий список пионеров мировой космонавтики.

Кондратюка «открыл» Ветчинкин. Когда он прочитал присланную на отзыв работу никому не известного автора из Сибири, он пришел в восторг, сам отредактировал ее для печати, а в предисловии написал, что, по его мнению, работа эта «...несомненно представляет наиболее полное исследование по межпланетным путешествиям из всех писавших в русской и иностранной литературе до последнего времени». Книжка «Завоевание межпланетных пространств» вышла в Новосибирске в 1929 году. Ветчинкин, который постоянно интересовался делами ГИРД, не мог не рассказать о ней и ее авторе Королеву. Наверное, и книжку эту Сергей Павлович прочел. Во всяком случае, узнав через Владимира Петровича о приезде Кондратюка в Москву, Королев нашел его и пригласил в подвал на Садово-Спасской.

Кондратюк приехал утром, и проговорили они с Королевым

несколько часов. Королев понимал, что перед ним – человек невероятно одаренный, с совершенно раскованным мозгом, способным соединить современную инженерию с фантастикой самой невероятной. Сейчас, после смерти Цандера, такой человек был ему нужен позарез. Королев знал, что он умеет уговаривать и использовал этот свой талант в тот день максимально. В выработанную им методику уговаривания непременно входили демонстрации техники, стендовые испытания, а если возможно, даже натурные старты – прием подобного «подавления мощью техники» особенно широко применялся Главным конструктором в 50-60-х годах, но и в ГИРД Королев им уже владел. Он показывал Кондратюку не только схемы и чертежи, но и реальные ракеты «в металле», водил в мастерские, уговорил ехать на полигон в Нахабине.

– Юрий Васильевич, вы не должны ни о чем беспокоиться, – «пел» Королев. – Ходатайство о вашем переводе к нам подпишет лично товарищ Тухачевский. Я сам поговорю с Михаилом Николаевичем. Надо определить должность... Ну, квартира – это само собой...

Зная Королева, трудно представить себе, как выдержал Кондратюк эту атаку. Он молчал, смущенно улыбался в усы, потом сказал тихо, извиняющимся тоном:

– Видите ли, Сергей Павлович, это никак невозможно... Я обману людей, а это невозможно...

– Кого вы обманете? – не понял Королев.

– Горчакова, Никитина... Мы проектируем ветроэнергетическую установку...

– Юрий Васильевич! – воскликнул Королев. Он даже покраснел от распиравшего его негодования. – Да как же вы можете сравнивать: полет в космическое пространство и ветряк какой-то!!

– О, вы не правы! Если не считать солнца, ветер – второй источник энергии для землян. Чистый, бесшумный, неисчерпаемый океан энергии! – глаза Кондратюка горели. – Мы поставим ветровые установки в горах, на Крайнем Севере, мы получим миллионы и миллиарды киловатт часов, не сжигая ни куска угля, ни капли нефти! Мы построим десятки ветровых Днепрогэсов! Неужели вы не понимаете, как это важно?!

Королев молчал. Теперь стало ясно, почему он не может уговорить Кондратюка: он наткнулся на человека идеи. Если у человека есть идея, его нельзя сбить с пути ни квартирами в столице, ни «ромбами» в петлице. Кондратюк потерян для него навсегда. Сергей Павлович мгновенно как-то сник, замолчал. Кондратюк ушел. Королев сразу перестал им интересоваться, как

говорят, «выбросил из головы», была у него такая черта: людей, которые не интересовались его делом, он не осуждал, не критиковал, просто они для него не существовали, будь они хоть семи пядей во лбу. Больше с Кондратюком Королев никогда не встречался.

В отличие от Цандера, Кондратюк при всем своем даровании, не был одержимым ракетчиком. Его пленили перспективы ветроэнергии. И здесь он тоже заглядывает в будущее; в 70-80-х годах количество теоретических работ в этой области и реальных установок самых разных типов во всем мире растет лавинообразно.

Кондратюк работал самозабвенно. Он победил на Всесоюзном конкурсе проектов ветровой электростанции, которая, по замыслу Серго Орджоникидзе, должна была стоять на вершине Ай-Петри. Проект Кондратюка и Горчакова, законченный на следующий год после встречи на Садово-Спасской, не имел мировых аналогов. «Правда» писала: «12 тысяч кВт мощностью, станция представляла собой установку в два 80-метровых колеса на железобетонной башне высотой 150 метров».

На Ай-Петри успели построить только фундамент. После смерти Орджоникидзе дело затормозилось, но ПЭК[29] Кондратюка в Кукуевом переулке рядом с Московским энергетическим институтом продолжала существовать. Под Москвой к лету 1941 года поставили опытную 60-метровую ферму с двумя ветряками. Через несколько недель ее пришлось разобрать: началась война, а это был замечательный ориентир.

Кондратюк ушел добровольцем на фронт 7 июля 1941 года и погиб в конце февраля 1942 года[30]. Было ему сорок пять лет.

Летом 1933 года – как раз тогда, когда встречался с Королевым, Кондратюк выписал в Москву себе на подмогу старого сибирского друга инженера Колю Никитина. Через много лет Коля превратится в доктора технических наук, лауреата Ленинской премии Николая Васильевича Никитина – известнейшего нашего строителя. Среди многих знаменитых его работ, наверное, самая знаменитая – Останкинская телебашня в Москве – памятник мечте Юрия Васильевича Кондратюка, их общей мечте о великой электростанции ветра, так и не поднявшейся над Ай-Петри. От ног телебашни к обелиску покорителям космоса бежит улица академика Королева. Круг замкнулся.

В начале 1933 года, когда главное внимание ГИРД было сосредоточено на испытаниях двигателя ОР-2, в других бригадах тоже не сидели сложа руки. Железников делает полное описание самолета РП-2. Победоносцев подготовил документацию по

воздушно-реактивному снаряду и оканчивает строительство опытной установки для испытаний прямоточных воздушно-реактивных двигателей. Затем проводит серию стендовых испытаний пульсирующих воздушно-реактивных двигателей. В бригаде Тихонравова весной полным ходом идут испытания зажигательных пороховых зарядов и отдельных деталей ракеты 09. И здесь ему помог Его Величество Случай – замечательный соавтор многих научно-технических достижений.

Центральный совет Осоавиахима попросил Королева послать в Баку грамотного инженера для чтения серии лекций о ракетной технике и межпланетных полетах. Поехал Николай Иванович Ефремов, старший инженер из бригады Тихонравова. В Баку он случайно познакомился с изобретателем Гурвичем. В одной из бесед с ним Ефремов сказал:

– Вот если бы можно было сделать бензин твердым! Ведь есть же сухой спирт...

– И бензин есть, – перебил Гурвич. – Не совсем твердый, но есть.

Трехлитровую банку желеобразной массы – подарок Гурвича, – завернутую в рубашку, чтобы не обнаружили проводники в вагоне, – Ефремов привез в Москву. Следом Гурвич послал целую бочку твердого бензина.

В это время бригада Тихонравова работала над ракетой, обозначавшейся в документах индексом 07. От небольшого тела этой ракеты отходили четыре длинных стабилизатора, в которых находились баки горючего и окислителя: 07 работала на керосине и жидком кислороде. Ее двигатель проходил стендовые испытания, не раз прогорал, возились с ним долго, и конца этой возни не было видно. Бакинский твердый бензин, представляющий раствор обычного бензина в канифоли, натолкнул Тихонравова на идею создания новой ракеты, получившей название 09.

Конструкция ее упрощалась тем, что не требовалось никаких насосов, никакой системы подачи компонентов в камеру сгорания. Жидкий кислород закипал в баке и вытеснялся в камеру сгорания давлением собственных паров. Твердый бензин помещался в самой камере сгорания и поджигался обычной авиасвечой. Любопытно, что в 1977 году в США был получен патент на ракетный двигатель с пастообразным топливом. Он предназначался для артиллерийских снарядов, увеличивал дальность стрельбы на 40 процентов. Разумеется, это был уже не бензин в канифоли, а довольно сложное по составу вещество, в котором размешивался порошкообразный алюминий. Таким образом, через 44 года две самые первые гирдовские разработки –

ракета Тихонравова на пастообразном топливе и ракета Цандера на металлическом топливе объединились в американском патенте.

Уже в марте-апреле в Нахабине начались стендовые испытания отдельных узлов «девятки». Королев внимательно следил за ходом этих работ, присутствовал при многих экспериментах. Твердый бензин горел спокойно, устойчиво. Хорошо прошла и проверка камеры сгорания на прочность. Сергей Павлович понял, что с «девяткой» можно надеяться на успех. Однако в июне пошла полоса неудач: то выбрасывало наружу бензин, то прогорала камера, то замерзали клапаны и нельзя было создать необходимый наддув в кислородном баке. Точили, паяли, латали, переделывали и снова ездили в Нахабино.

Каждое испытание отнимало уйму времени и сил. Накануне надо было договориться с Осоавиахимом или начальством Спасских казарм о полуторке: своей машины в ГИРД по-прежнему не было. На машину грузили дьюары – специальные сосуды для хранения жидкого кислорода, которые успел сконструировать Цандер. Это были довольно неуклюжие, одетые в шубы из стеклянной ваты медные сосуды с двумя стенками, между которыми заливалась жидкая углекислота. Когда дьюары наполняли кислородом, углекислота замерзала и хлопьями оседала на дно. Между стенками образовывалась пустота – прекрасный термоизолятор. Однако несмотря на все эти ухищрения, дьюары плохо сохраняли кислород и надо было, заправившись на заводе «Сжатый газ», во весь опор лететь в Нахабино, пока все не выкипело.

Редко, но случалось, что кислород даже оставался, и тогда придумывали всякие необыкновенные опыты. В то время жидкий кислород был весьма экзотической жидкостью, работали с ним мало, толком свойств его не знали, а потому побаивались. Считалось, что особенно велика вероятность взрыва, если в кислород попадет масло. В подвале девушкам-чертежницам в шутку запретили приносить с собой даже бутерброды с маслом.

– Давайте-ка проверим, как он взрывается, – предложил как-то Королев. Остатки кислорода вылили на противень.

– Какой он красивый! – кричала конструктор Зина Круглова, разглядывая ярко-голубую, бурно испаряющуюся жидкость. – Вы только посмотрите, он же цвета электрик!

– Это цвет нашей атмосферы, – сказал Королев. – Давайте-ка мне тавоту и отойдите подальше...

У голубого дымящегося противня остались только Королев с Тихонравовым. Ко всеобщему удивлению, кислород вел себя с тавотом мирно. Взрыва не последовало.

Потом все осмелели. В кислород бросали ромашки, которые тут же затвердевали как каменные. Один из механиков заморозил лягушку. Ледяная лягушка выскользнула из рук и разбилась с легким стеклянным звоном...

Развлечения развлечениями, а настроение было поганое. Редкий опыт с двигателем «девятки» проходил удачно. Чаще всего прогорала камера или сопло. Только в начале июля удалось, наконец, укротить строптивый двигатель. Королев настаивал на скорейшей подготовке пуска ракеты, торопил с испытаниями парашюта, который мог бы возвращать ее на землю.

Эти испытания проводили уже не в Нахабине, а на Тушинском аэродроме. На деревянную модель надели нос ракеты, в котором был уложен парашют и смонтирован пороховой выбрасыватель. Осоавиахимовский пилот Кравец вместе с Ефремовым на У-2 должны были сбросить макет с подожженным бикфордовым шнуром на высоте 1000 метров. Кравец волновался, вся эта затея ему не нравилась, выбрасыватель мог рвануть в самолете, не было у него доверия к этим изобретателям. У Ефремова задувало спички, шнур сперва никак не хотел гореть, наконец зашипел, забрызгал огнем, и ракета полетела вниз. Кравец вздохнул с облегчением. Волновался он зря: выбрасыватель не сработал, парашют не раскрылся.

Тушинский конфуз открыл новую полосу неудач. Опять начали прогорать камеры, гореть сопла, вылетать выбитые форсунки. Мастерские работали теперь почти исключительно на «девятку». Тихонравова, задерганного и измученного окончательно, удалось все-таки уговорить уехать в отпуск, и он вместе с Зуевым и Андреевым плавал теперь где-то по Хопру, удил рыбу. Едва изготовили новую камеру и сопло, Королев назначил пуск.

11 августа в Нахабино приехали начальник Управления военных изобретений (УВИ) Терентьев, Королев, Победоносцев, Корнеев, Ефремов. Народу было много, человек тридцать. Ракету поставили в пусковой станок. Зина Круглова, засучив рукава, набила камеру твердым бензином. Николай Ефремов залил кислород, и тут же все увидели, что потек кислородный кран. Течь устранили. Долили кислород. Теперь вроде все в порядке. Давление в кислородном баке росло нормально. Ефремов доложил Королеву о готовности и попросил разрешения на запуск. Все выглядело очень торжественно. Сергей Павлович поджег бикфордов шнур выбрасывателя парашюта.

– Зажигание! – крикнул наконец Королев. И тишина, только шнур трещит.

– Ну что там?! – Королев обернулся к Ефремову.

В ответ громко хлопнул выбрасыватель: выстрелил никому не нужный парашют. Ракета не взлетела: свеча в камере замкнулась на массу.

В день повторных испытаний 13 августа погода была мерзкая: холод, дождь. Результат тот же, даже еще хуже получилось: снова прогорела камера, воспламенилась обшивка, еле потушили. Королев ходил мрачнее тучи. В подвале открыто говорили о провале работ по «девятке». Уже никто не верил в успех и ехать на полигон никому не хотелось. Новые испытания, которые Королев назначил на 17 августа, никого не воодушевляли. Ольга Паровина говорила:

– Неужели опять что-нибудь помешает? Ну что же теперь?

– Бросьте малодушничать! – раздражался Ефремов. – Все будет нормально. Ракета обязательно полетит, оторвите мне голову.

Тридцать четыре года спустя Николай Иванович Ефремов так писал об этих предстартовых минутах:

«Ракета уже заправлена топливом и установлена в пусковой станок. Мы с С.П. Королевым стоим рядом и следим за нарастанием давления в кислородном баке. Манометр маленький и установлен в верхней части корпуса ракеты. Мелкие деления его шкалы плохо различимы. Чтобы следить за перемещением стрелки, приходится приподниматься на носках.

Давление достигает 13,5 атмосферы. И тут начинает стравливать редукционный клапан. Опять «шутки» низкой температуры! Где-то на тарелочке клапана образовался ледяной нарост, и клапан плотно не прилегает в гнезде. В результате в воздух уходит столько кислорода, сколько испаряется в баке. Устанавливается равновесие. Ясно, давление выше не поднять.

Совещаемся с Сергеем Павловичем. Я предлагаю запуск с пониженным давлением. Пусть не достигнем расчетной высоты, но полет состоится, и мы получим ответ на интересующие нас вопросы. Начальник ГИРД не спешит с ответом, обдумывает создавшееся положение и, наконец, дает согласие.

Дальше все идет нормально. Подожжен бикфордов шнур в системе выброса парашюта на высоте, и мы спешим в блиндаж, чтобы оттуда управлять запуском ракеты».

О том, что случилось потом, рассказывает протокол испытаний № 43 ракеты 09 от 17 августа 1933 года:

«Дано зажигание с одновременным открытием крана, началось нормальное горение, ракета медленно пошла из станка.

Постепенно увеличивая скорость, ракета достигла высоты 400-500 метров, где, дав одно-два качания, завалилась и пошла по плавной кривой в соседний лес и врезалась в землю.

Весь полет продолжался 13 секунд от момента зажигания до падения на землю, все это время происходило горение (работа мотора)».

От удара ракета разломилась на две части, оторвался один стабилизатор, помялась обшивка, но никто этого уже не видел. Все кричали, хохотали, обнимались и целовались. Победоносцев, сидевший с Матысиком на елке во время старта, на радостях потерял крагу. Ефремов отправил Тихонравову телеграмму в Новохоперск: «Экзамен выдержан. Коля». Королев сидел на корточках около ракеты, еще горячей, пахнувшей бензиновой гарью и окалиной.

– Стабилизатор и вмятины – это от ударов о деревья, – объяснял он. – Так, ясно. Устойчивость она потеряла вот из-за этой прокладки на фланце. Прокладку выбило, газы пошли в отверстие и развернули ракету. Все понятно...

Кроме протокола № 43 сохранился еще один документ об этом историческом событии: «Акт о полете ракеты ГИРД Р-1», – так называли «девятку». Составили его уже перед отъездом из Нахабино, когда страсти немного улеглись. Посовещавшись, признали, что на 500 метров ракета не залетела и правильнее будет написать 400 метров. А продолжительность эксперимента, пожалуй, надо считать с момента запуска, и тогда получится не 13 секунд, а 18 секунд, – так будет правильнее. Акт подписали Королев, Ефремов, Корнеев и Матысик. Писал его Королев уже в сумерках на листе линованной бумаги, но почему-то поперек линеек, довольно небрежно. Тогда он не думал, что листок этот при заданной влажности и температуре будет бережно храниться в архиве РАН.

В ГИРД вышел специальный номер стенной газеты «Ракета». Под лозунгом «Советские ракеты победят пространство!» наклеили фотографию: поломанная ракета, а вокруг все участники этого исторического события – 10 человек. Королев писал в этом номере:

«Первая советская ракета на жидком топливе пущена. День 17 августа несомненно является знаменательным днем в жизни ГИРД, и, начиная с этого момента, советские ракеты должны летать над Союзом республик.

Коллектив ГИРД должен приложить все усилия для того, чтобы еще в этом году были достигнуты расчетные данные ракеты и она была бы сдана на эксплуатацию в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию.

В частности, особое внимание надо обратить на качество работы на полигоне, где, как правило, всегда получается большое количество неувязок, доделок и прочее.

Необходимо также возможно скорее освоить и выпустить в воздух другие типы ракет для того, чтобы всесторонне изучить и в достаточной степени овладеть техникой реактивного дела.

Советские ракеты должны победить пространство!»

Уже глубокой осенью, когда выпал снег, стартовала ракета ГИРД-Х – полностью жидкостная, с двумя – спиртовым и кислородным – баками, задуманная Цандером и осуществленная его соратниками по первой бригаде. Эти две ракеты стали действительно историческими: с них начинается летопись советских жидкостных ракет.

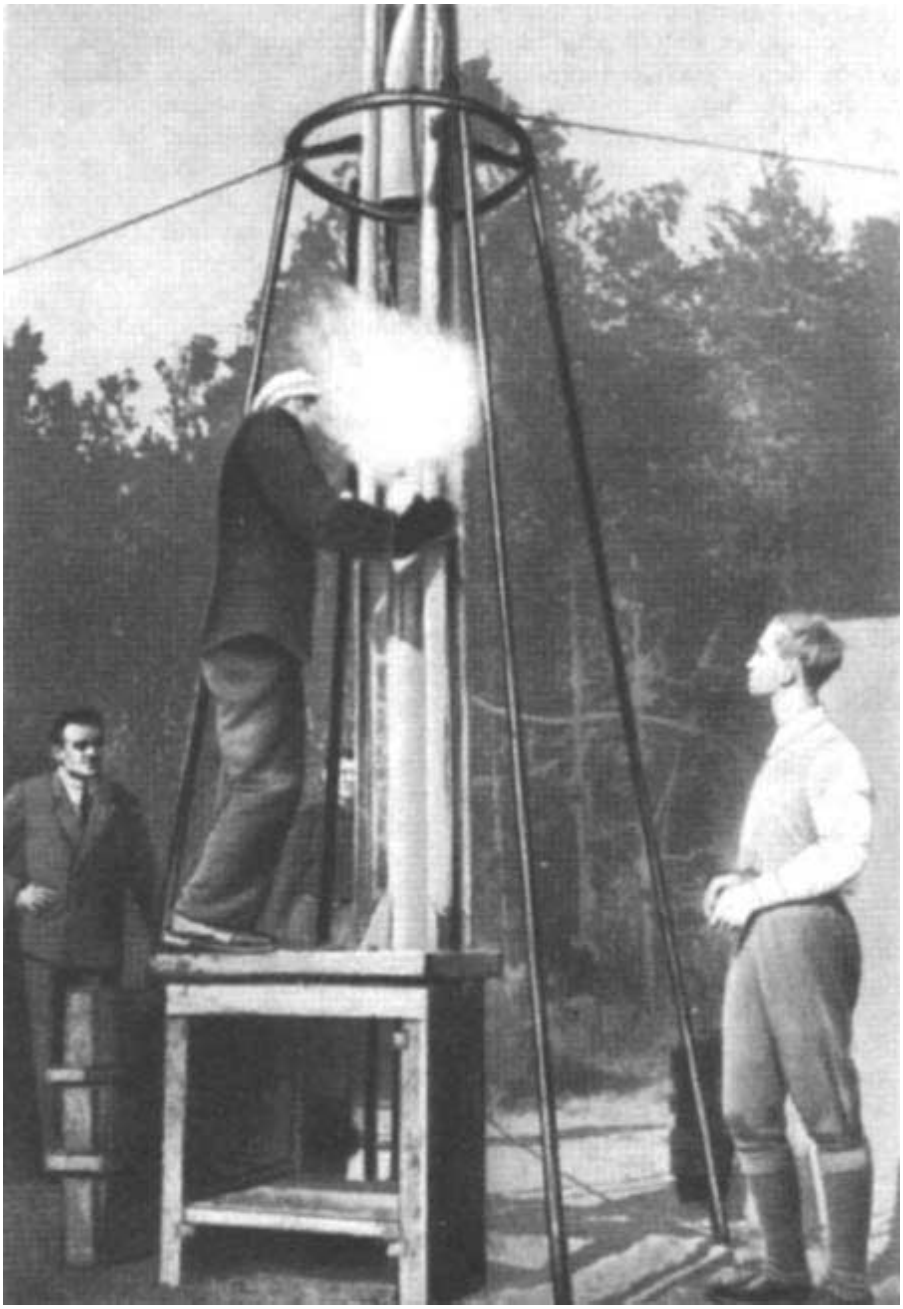
Победы ГИРД были не просто техническими победами. Успешные старты в Нахабине во многом изменили отношение к ракетной технике вообще. Они укрепили убежденность тех, кто верил в ракету. Они поколебали скептицизм тех, кто в нее не верил.

Победы эти имели важное психологическое значение еще и потому, что наиболее проницательные умы подвала на Садово-Спасской скорее чувствовали, чем ясно понимали: между их мечтами и реальными возможностями примитивного производства – пропасть. Почти через сорок лет один из гирдовцев Евгений Константинович Мошкин, доктор технических наук, специалист в области жидкостных ракетных двигателей сказал мне: «Некоторые наши конструкторские идеи тех лет могли осуществиться году в 1980-м. Даже не в 1970-м!»

Юрий Васильевич Кондратюк

Подготовка к испытаниям ракеты 09. Нахабино, лето 1933 г.

Слева направо: С.П. Королев, Н.И. Ефремов, Ю.А. Победоносцев



С.П. Королев и Я.М. Терентьев на полигоне в Нахабине

19

Сильные умы именно и отличаются той внутренней силой, которая дает возможность не поддаваться готовым воззрениям и системам и самим создавать свои взгляды и выводы на основании живых впечатлений. Они ничего не отвергают сначала, но ни на чем и не останавливаются, а только все принимают к сведению и перерабатывают по-своему.

Николай Добролюбов

Вскоре после победных нахабинских стартов – весной 1934 года – произошло еще одно знаменательное событие, которое помогло С.П. Королеву вновь оглянуться назад и подвести итоги первым своим работам в ракетной технике, определить пути на будущее.

31 марта в Ленинграде открылась Всесоюзная конференция по изучению стратосферы, – кстати, первая в мире научная конференция по такой теме. Инициативная группа, в которую входили будущий президент Академии наук СССР С.И. Вавилов, академики И.В. Гребенщиков, Н.Н. Павловский, А.Б. Вериго и другие ученые, обратилась в президиум Академии наук с запиской о необходимости созыва конференции. Президиум счел это «целесообразным», был образован оргкомитет во главе с С.И. Вавиловым и определена программа. Выяснилось, что проблемы изучения стратосферы интересуют ученых самых разных специальностей. Заявлялись доклады и сообщения по аэрологии, акустике, оптике, атмосферному электричеству, геомагнетизму, полярным сияниям, космическим лучам, биологическим и медицинским проблемам. Ракеты занимали в программе конференции довольно скромное место, но уже во вступительной речи, после того как скорбной минутой молчания почтили память погибших членов экипажа стратостата «Осоавиахим-1», Сергей Иванович Вавилов сказал:

– Конференции нужно вынести решение о наиболее рациональных конструкциях стратостатов, о перспективах стратопланирования и ракетных полетах...

Наверное, ни разу не было произнесено на конференции

слово «космос», но сегодня, рассматривая забытые доклады сорокалетней давности (а в наш век часто случается, что научные доклады стареют еще быстрее, чем докладчики), видишь в этой конференции зародыш нынешних космических ассамблей. Стратосфера – преддверие космоса – представлялась тогда мощной крепостью, план осады и штурма которой обсуждался в Ленинграде.

Оглядывая зал, Королев встречал много знакомых лиц. Некоторые, правда, были знакомы только по портретам. Седой длинноволосый старик – это президент Академии наук Карпинский. Рядом с ним – кругленький, румяный, с веселыми быстрыми глазками – Ферсман. В длинном старомодном сюртуке – классический университетский профессор – Вернадский. В летной форме с тремя «ромбами» – начальник Военно-воздушной академии Дубенский, с ним Королев знаком. Все разглядывали совершенно седого старика, сидевшего рядом с академиком Иоффе.

Это был почетный академик Николай Морозов, знаменитый революционер, двадцать лет просидевший в одиночной камере. И ведь не просто сидел – работал, писал книги. Какая воля, выдержка! Необыкновенный человек!

После Вавилова выступал председатель технической секции Дубенский.

– Современные самолеты, с точки зрения примененного для их летания аэродинамического принципа, все же являются крайне несовершенными аппаратами... Весьма большие перспективы обещает применение ракет, – сказал Петр Сергеевич. – Мне кажется, что нет технических препятствий к тому, чтобы построить ракету, способную завести прибор в более высокие слои, чем это может сделать шар-зонд... В продолжение многих лет, однако, проникновение в стратосферу неразрывно и совершенно правильно связывалось с исследованием реактивных аппаратов. В этой области следует широко развернуть работу.

Такой запевке Королев очень обрадовался. Вопрос сразу был поставлен принципиально: какой дорогой идти в стратосферу? И сколько бы ни расписывали теперь преимущества самолетов, шаров-зондов и стратостатов, на них, как клеймо, стояло убийственное слово «потолок». Не какой-нибудь технически труднопреодолимый, до времени не побежденный инженерией потолок, а потолок теоретический, выше которого не прыгнешь, как ни старайся. У ракеты не было такого потолка. Более того, чем выше поднималась она, чем меньше отличалась окружающая ее среда от пустоты, тем с большим эффектом работал ракетный двигатель. Победа ракеты в стратосфере была предопределена

самой ее природой.

Королев воспринимал доклады, в которых воспевались шары-зонды и различные наземные методы изучения стратосферы, спокойно, без запала. Они не раздражали его, как прежде. Он не считал стратостаты своими возможными соперниками. Это были скорее союзники, они работали на него, они давали ему, пусть очень приблизительные, частные, отрывочные, но все-таки хоть какие-то данные о природе нижней границы стратосферы. Каждый доклад старался преломить он через свою ракетную призму, из каждого сообщения извлечь нечто полезное для своей настоящей и будущей работы.

А полезного было очень много. Профессор М.А. Бонч-Бруевич говорил об электромагнитных волнах для изучения атмосферы, Н.И. Леушин – о происхождении радиопомех – это надо знать для организации связи со стратопланом. Следом – сообщение о внешних и внутренних магнитных полях земного шара – как повлияют они на бортовую навигационную аппаратуру? Абрам Федорович посвятил свое выступление загадочным космическим лучам. Но для того чтобы понять их природу, надо подняться, или, в крайнем случае, поднять приборы на высоту не менее 80-100 километров. Но ведь никакой стратостат туда не доберется! Значит, изучение космических лучей возможно только с помощью ракет. Правда, Иоффе предупредил, что еще совершенно не ясно, как будут действовать эти лучи на материал конструкции. И это тоже надо учитывать при проектировании ракет. О космических лучах говорили и молодые физики: Д.В. Скобельцын и С.Н. Вернов. Мог ли знать он тогда, что много лет спустя дороги жизни сведут их вместе – Королева и Вернова, что аппаратура его первых межпланетных станций принесет академику Сергею Николаевичу Вернову славу одного из открывателей радиационных поясов нашей планеты. О космических лучах, разбирая их биологическое воздействие, говорил и известный генетик Н.К. Кольцов. Об этой среде, чуждой жизни, рассказывал Г.М. Франк, а Л.А. Орбели выступил с подробным и обоснованным «Планом научно-исследовательской работы по вопросу о влиянии стратосферных условий на организм человека и животных». В этом докладе разбирались даже требования, которые должны предъявляться к скафандру будущего стратонавта. 2 сентября 1960 года Михаил Клавдиевич Тихонравов записал в дневнике: «Ездили в Томилино: С.П. (т.е. Королев. – *Я.Г.*), я, Феоктистов и Б(ушуев). Поучительно». Тогда, слушая рассказ главного конструктора скафандров Семена Михайловича Алексеева, разглядывая сине-зеленые забрала светофильтров, мог вспомнить Королев, что в далеком 1934-м, в

Ленинграде, уже шел разговор об этих светофильтрах, ставили задачи оптикам, требовали рекомендаций от окулистов, уже тогда думали о том, как будет смотреть человек из космической бездны на небо, звезды, на родную планету.

Орбели в своем докладе был настроен отнюдь не оптимистически, скорее даже мрачновато:

– Исчерпать ту программу научных исследований, чисто физиологических, которая должна быть в кратчайшее время осуществлена в связи с быстрым развитием стратосферного дела, нет возможности. Нет физиологического вопроса, который бы здесь не был актуален...

Особенно внимательно слушал Сергей Павлович доклад А.А. Лихачева о влиянии на организм больших ускорений. Стремительность памятных ему нахабинских стартов, безусловно, создавала те самые перегрузки, которые, по словам докладчика, «несомненно могут оказать весьма значительное, а в некоторых случаях и роковое воздействие на человеческий организм». Лихачев был одним из тех сотрудников 1-го Ленинградского медицинского института, которых увлек своими идеями горячий пропагандист космонавтики профессор Н.А. Рынин. В 1930 году при Институте путей сообщения Рынин и его молодые друзья медики построили две центрифуги. Первая, маленькая, с радиусом 32 сантиметра, давала 2800 оборотов в минуту. На ней испытывали насекомых и лягушек. Вторая, побольше, с метровым радиусом, давала 300 оборотов – тут ставили опыты с мышами, крысами, кроликами, кошками, даже птиц крутили: чижей, голубей, ворону. Были получены интересные данные о влиянии величины и продолжительности воздействия перегрузок.

В докладе Лихачева мы опять находим блестящие примеры научного предвидения:

«Для изучения влияния перегрузки в зависимости от ускорения исследование при помощи центробежных машин вполне целесообразно» – через много лет создаются специальные центрифуги для тренировки космонавтов, проверки аппаратуры и оборудования космического корабля.

«Для изучения влияния качки желательно устройство приспособления, воспроизводящего таковую», – в Центре подготовки космонавтов были сконструированы специальные качающиеся платформы и вибростенды.

«Для изучения влияния добавочных факторов (положения тела, температуры, влажности, газового состава, атмосферного давления и т.п.) желательно устройство кабины с соответствующим оборудованием» – это заказ на барокамеру и сурдобарокамеру, выполненный четверть века спустя.

«Желательно исследовать перегрузку в опытах с человеком до 10...» – такие и даже большие перегрузки испытали во время тренировок первые наши космонавты.

То, что впоследствии было названо проблемами жизнеобеспечения в космическом корабле, всегда чрезвычайно занимало Королева. Этот интерес традиционен: он пришел от Циолковского, который начал с вращения на самодельной центрифуге тараканов, а кончил основами современной космической медицины и систем жизнеобеспечения, от Цандера, с его наивными и трогательными опытами по организации биологических циклов на марсианском корабле. Одухотворение, очеловечивание ракетной техники у нас, русских, началось с момента ее рождения. Королев был настолько заинтересован биологическими проблемами, что заразил своей увлеченностью жену, благо Ляля была медиком. Не без инициативы Королева еще в период его работы в ГИРД в Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского была проведена серия опытов по регенерации воздуха и газовому обмену. Был выпущен отчет об этой работе начальника лаборатории Н.М. Добротворского и врача К.М. Винцентини. Для регенерации воздуха предполагалось установить в кабине стратоплана специальные патроны с принудительной вентиляцией. Существовал запас кислорода, который мог потребоваться в том случае, если аварийный клапан выпускал избыток не поглощенной патронами углекислоты. Предусматривались обогрев и осушение кабины. Герметическая кабина должна была сбрасываться с парашютом, т.е. так, как возвращались на Землю наши космические корабли. Даже об одежде стратонавта уже думали тогда: шелковое белье, шерстяной костюм, сверху – влагонепроницаемое покрытие. Жизнь пилота при разгерметизации сохранял колпак типа водолазного и костюм из воздухонепроницаемой ткани с электрообогревом.

Но вернемся на Университетскую набережную, в конференц-зал Академии наук. На трибуне профессор Николай Алексеевич Рынин. Он делает подробнейший доклад о всех возможных методах освоения стратосферы, приводит множество примеров, анализирует весь зарубежный опыт и заключает:

– Дальнейший прогресс в высоте и скорости полета аэропланов в стратосфере возможен, но связан с применением реактивного двигателя.

Почти половина доклада Рынина была посвящена ракетам, их истории, классификации, техническим данным, результатам применения, отдельно разбирал работы Крокко, Зенгера, Цандера, проанализировал все удачные запуски пороховых и

жидкостных ракет, в том числе и «девятки» Тихонравова.

– Наиболее реальными, – сказал Николай Алексеевич, – являются такие перспективы: до высоты в 20-25 километров возможны полеты стратопланов с винтомоторной группой, далее до высоты 50 километров возможны полеты реактивных стратопланов и, наконец, еще выше – полеты ракет...

Тут уже можно было аплодировать!

Однако даже среди «реактивщиков» очень скоро наметились некоторые расхождения, правда, не столько в принципиальных общих вопросах, сколько в технических частностях. Особенно кипятился Королев, когда слушал доклад М.В. Мачинского, председателя Ленинградского общества изучения реактивного движения. Мачинский говорил вроде бы и справедливые слова, горькие, но справедливые: «...с развитием реактивного движения связан целый ряд чисто научных вопросов, либо лишь наполовину решенных, либо даже почти и не начатых изучением...»

В перерыве в фойе маленькими роями кружились спорщики.

– Вот вы утверждаете, что техника реактивного движения находится в состоянии детском, – наседал Королев на своих оппонентов. – Вы критикуете, и часто справедливо критикуете Оберта, Эсно-Пельтри, Годдарда. Но они дело делают, проектируют, строят, пускают. И мы думаем не отстать от них. Кто же, по-вашему, должен реактивную технику переводить из детского в юношеское состояние, как не мы с вами?

– Для этого нужны наука, приборы, стенды, – перебивал Мачинский. – А все хотят сразу летать, простите, к звездам...

– Цандер мечтал о полете к Марсу, но это не помешало ему решить очень много неотложных практических задач...

– Вот, вот, именно марсианские корабли! Да неужели вам, Сергей Павлович, не ясно, что весь оптимизм этих популярных статеек дутый? Вы же серьезный человек! Я утверждаю, что все разговоры о том, будто завтра мы улетим не только в стратосферу, но и еще дальше, по меньшей мере преждевременны. У нас случайные полеты и случайные достижения...

– Надо сделать их системой...

– Но для этого надо подождать решения, хотя бы частичного, целого ряда научных и технических задач, которые известны вам не хуже, чем мне...

– Да поймите же наконец, – закипятился Королев, – что никогда не наступит такого дня, когда мы решим, пусть даже частично, все научно-технические проблемы и скажем себе: «Ну, теперь давайте строить стратоплан!» Этого никогда не будет! Нельзя установить все наивыгоднейшие диаграммы скоростей,

оптимальные внешние формы, наилучшую геометрию дюз и камер. Да невозможно это сделать! Над этими проблемами внуки наши еще мучиться будут! Теория и практика должны двигаться вперед вместе. И отлично, если теория опередит практику, осветит ей путь, избавит от блужданий в тупиках, но возможно, что теория и не поспеет, будет догонять, объяснять, а не предсказывать. Так бывало в истории науки...

– Вы верите, что человек полетит в стратосферу на реактивном аппарате в ближайшем будущем? – спросил кто-то за его спиной.

– Нет, я не верю. Я просто знаю, что он полетит, – ответил Королев. Так удачно получилось, что следом за Мачинским выступал с докладом Тихонравов. Михаил Клавдиевич начал вроде бы «от печки», но в словах его ясно была слышна ирония. Он говорил, что сама возможность полета ракеты в пустоте подвергалась сомнению и даже Годдард ставил опыты на сей счет.

В зале заулыбались. Тихонравов говорил и о вульгарной популяризации, и о зарубежных работах, и о том, как нужна ракетчикам автоматическая аппаратура для стабилизации полета. Но, говоря обо всех болячках и трудностях, он кончил очень бодро:

– Надо считать, что высота 25-30 километров есть высота реальная для самого ближайшего времени. Высоты же в 100 километров и более могут быть достигнуты в самом недалеком будущем... Без сомнения, чрезвычайно заманчивым является подъем на такую высоту человека. В настоящий момент данный вопрос надо считать открытым, так же как и подъем человека при помощи ракеты на значительно меньшие высоты. Но возможность такого полета не представляет ничего невероятного. Как правило, обычно приборы и различные приспособления и механизмы первыми проникали в области, труднодоступные человеку, и уже следом за ними шел человек...

Рынин и Тихонравов провели артподготовку. Королев пошел в наступление.

Доклад Сергея Павловича «Полет реактивных аппаратов в стратосфере» пришелся уже на конец конференции. Это и хорошо и плохо. Плохо, потому что народ устал. Хорошо, потому что теперь он ясно представлял себе уровень докладов, знал, что говорить будет точно по делу, в грязь лицом не ударит. Разложил на трибуне бумаги, начал скромно, тихо, но по смыслу нахально, так, что все шепотки в зале сразу пресеклись:

– Мною будет освещен ряд отдельных вопросов в связи с полетом реактивных аппаратов в стратосфере, причем, особо подчеркиваем, —он сделал маленькую паузу, – именно полетов, а

не подъемов, т.е. движения по какому-то маршруту для покрытия заданного расстояния...

Как по полочкам разложил Королев всю проблему. Прежде всего он разделяет реактивные аппараты на три группы: твердотопливные, чаще всего пороховые, аппараты с жидкостными ракетными двигателями, те самые, над которыми работали Циолковский, Годдард, Оберт и Цандер, и, наконец, аппараты, использующие кислород атмосферы, самолеты с воздушно-реактивными двигателями, теорию которых дал Стечкин, с которыми экспериментировали Лорен и Крокко. Дальше – подробный анализ каждой из трех групп, анализ объективный, трезво оценивающий все преимущества, и действительные, и мнимые, не упускающий ни одной трудности и, где это возможно, сразу дающий рекомендации по их преодолению.

Сергей Павлович упорно настаивает именно на полете человека в стратосферу: «...речь может идти об одном, двух или даже трех людях, которые, очевидно, могут составить экипаж одного из первых реактивных кораблей».

Одни из первых реактивных кораблей... Один, двое, трое... Гагарин, Беляев с Леоновым, Комаров с Феоктистовым и Егоровым. Да, так и было...

Вес такого корабля, по мнению Королева, «будет измеряться не десятками, не сотнями, а, быть может, тысячей или даже парой тысяч килограммов и более».

Первый «Восток» на контрольном взвешивании показал 4725 килограммов.

Королев словно уже видит эту необыкновенную, фантастическую конструкцию, словно не раз уже раскалывался несуществующий космодром громом ракетного взлета. Он рассказывает об этом старте со всеми подробностями, он говорит, что взлет этот «будет происходить, по крайней мере, в первой своей части достаточно медленно. Это будет происходить, во-первых, потому, что организм человека не переносит больших ускорений. Ускорение порядка $4g$[31] допустимо, но и то в течение ограниченного времени. Во-вторых, низкие, наиболее плотные слои атмосферы выгодно проходить с небольшими скоростями, так как в противном случае пришлось бы преодолевать весьма значительное сопротивление воздуха...»

Он не скрывает трудностей и не сулит быстрых и легких побед. «Центральным вопросом является повышение полезной отдачи топлива... Другим немаловажным вопросом является получение сплавов с очень высокой температурой плавления для изготовления ответственных частей двигателя... Можно

упомянуть еще ряд неразрешенных вопросов, как-то: управление реактивным аппаратом, его устойчивость, вопросы посадки (что, как можно предполагать, будет делом далеко не легким), необходимость создания принципиально совершенно новых приборов для управления аппаратом, различных наблюдений и т.д.»

В каждой строке здесь зашифрована будущая программа работы десятков коллективов, тысяч людей, их судьбы. Кто из сидящих в зале мог предполагать тогда, что «управление реактивным аппаратом», например, вырастет в целую отрасль науки, потребует нового математического осмысления, новых откровений газовой динамики, механики, теории регулирования. Какой короткий, маленький, в общем-то, доклад сделал Королев в Ленинграде и какой огромный в то же время, если взглянуть на него сегодня, с вершины прошедших десятилетий...

О воздушно-реактивных аппаратах он говорил мало, отметил благоприятный весовой баланс, большую скорость и увеличение потолка по сравнению с винтомоторными самолетами. Сразу можно было почувствовать, что ВРД его не интересуют. Он считал этот вид двигателей некой промежуточной ступенькой в стратосферу и не скрывал своих намерений перепрыгнуть с разбегу через эту ступеньку.

Горячность и убежденность докладчика предполагали весьма мажорный финал его выступления, но кончил он без всякого пафоса:

– Работа над реактивными летательными аппаратами трудна, но необычайно интересна и многообещающа. Трудности в конечном счете несомненно преодолимы, хотя, быть может, и с несколько большим трудом, чем это кажется на первый взгляд.

«Правда» отметила: «В интересном докладе инж. С.П. Королев (Реактивный научно-исследовательский институт) подверг анализу возможность и реальность полета реактивных аппаратов в высших слоях атмосферы. Центральным является здесь создание ракетных двигателей на жидком топливе. Разрешение этой проблемы упирается в необходимость чрезвычайно большого расхода топлива и весьма высокие температурные условия (до 3 тыс. градусов)».

В киоске у Дворцового моста купил пять экземпляров «Правды», запрятал во внутренний карман пальто, чтобы не увидели, не засмеяли...

В те прозрачные хрупкие дни весны, когда Сергей Павлович Королев бродил по мокрому солнечному Ленинграду, в маленьком, по окна укрытом сугробами селе Клушине, в избе при дороге на старый Гжатск уже почти месяц жил мальчик. Мать и

отец улыбались, слушая его писк, и шепотом спорили – все не могли понять, какого же цвета глаза у сына... И никак не мог тогда в Ленинграде знать Королев, что через много очень трудных, подчас жестоко несправедливых к нему лет наступит новая прекрасная весна, когда этот неведомый ему мальчик в нестерпимо ясных глазах своих принесет ему отблеск нового мира, мира черного неба и голубой Земли, мира, которого до него не видел никогда ни один человек.

Президиум Всесоюзной конференции по изучению стратосферы.

Ленинград, 31 марта 1934 г.

20

Широта горизонта определяется
высотой глаза наблюдателя.

Адмирал Степан Макаров

Ворошилов не любил Тухачевского и скрывал это с трудом. В Тухачевском была открытая уверенность, он всегда знал, что надо делать и чего не надо, и это – раздражало. Еще нервировала пилочка, которую Михаил вдруг быстро, как маленькую сабельку, выхватывал из нагрудного кармана гимнастерки и, не глядя, начинал подпиливать ногти. Трудно объяснить, но в этой пилочке было что-то обидное, издевательское для Клима Ворошилова. При виде этой пилочки он сразу вспоминал, что Михаил – сын поручика лейб-гвардии и сам служил в Семеновском полку, и отогнать от себя эту не первый раз посещавшую его мысль был не в силах. Разговор, однажды вскользь начатый Тухачевским о ракетах, тоже показался каким-то издевательским. Михаил словно ждал и желал возражений и даже улыбнулся, правда, одними глазами, когда Ворошилов сказал, что большого проку в ракетах он не видит.

Разговор этот, вроде бы мимолетный, имел долгую предысторию. Впервые серьезно задумался Тухачевский о ракетах в Ленинграде, когда осматривал Газодинамическую лабораторию. Ее конструкторы и хозяйственники сидели в том же доме № 19 по улице Халтурина, где жил сам Михаил Николаевич. По его распоряжению ракетчикам выделили еще помещение «под шпилем» в центральной части Адмиралтейства и в каменных мешках Иоанновского равелина Петропавловской крепости, где не то что ракетные двигатели запускать, а бомбы авиационные взрывать было можно. Однажды он приехал в крепость посмотреть на испытания. Рев и пламень жидкостного двигателя, невероятная мощь, скрытая в этой машине, поразили его. После испытаний он зашел на стенд. Сильно пахло гарью и какой-то едкой химией. Молоденький, похожий на скворца, Валентин Глушко объяснял ему устройство своего мотора. Он сразу все понял, подивился простоте, если не сказать примитивности конструкции этого «горшка» и еще более укрепился в мысли, что все это – не игрушки, что этот такой жаркий и громкий и в то же время такой маленький огненный агрегат может в будущем изменить весь облик военной техники. Тогда же, после разговора с Глушко, он напишет: «...крайне секретно, но интенсивно ведутся

работы по созданию реактивного мотора»...

Сразу, чтобы не забыть, вернувшись из крепости в штаб, он распорядился увеличить оклад Глушко до тысячи рублей. Финансист, когда принес на подпись приказ, робко заметил, что начальник всей лаборатории получает только пятьсот... Тухачевский посмотрел ему в глаза, чуть дольше, чем обычно, и сказал:

– Я знаю.

Потом, уже в Москве, познакомившись с ракетчиками из ГИРД, он часто их сравнивал. Ленинградцы были старше, солиднее, основательнее. Даже молодые. Тот же Глушко, чистенький, аккуратненький, действительно сразу видно, что из университета, новая интеллигенция, ученый завтрашнего дня. А Королев совершенно не похож на ученого. В крепкой его фигуре какая-то хмурая крестьянская деловитость. А говорят, он как раз из интеллигентной семьи. Однажды в разговоре с ним Тухачевский обронил:

– Rira bien, que rira Ie dernier...[32]

Королев улыбнулся и тут же бросил в ответ с сильным малороссийским акцентом:

– Je crois, nous ne serons pas d'humeur a rire, tous les deux...[33]

Королев был упрям и все время старался скрыть свою молодость подчеркнутым немногословием. Он отвечал на вопросы с ясной строевой краткостью, полагая таким образом расположить к себе заместителя наркома, и разглядеть его за этой вечной деловой насупленностью Тухачевский никак не мог.

Вот Цандера он понял сразу. Уже потому, как тот слушал, вытянув шею и по-донкихотски устремив вперед жидкую рыжеватую бородку, как до белизны сжимал в замке тонкие пальцы, по его быстрым зеленоватым глазам, в которых легко можно было прочесть все его переживания, без труда определялся в нем замечательный и бесполезный тип распахнутого фанатика. На одном совещании, куда приглашены были и ленинградцы, во время обсуждения доклада Королева Цандер вдруг попросил слова и заговорил о полете на Луну, о том, насколько дешево, по его расчетам, может такое путешествие стоить. Лангемак улыбался. Глушко с любопытством переводил взгляд с Цандера на Тухачевского и обратно. Королев что-то шипел, крутился, стараясь на ощупь отыскать своим сапогом ботинок Цандера.

– Фридрих Артурович, – мягко, словно поправляя ребенка, сказал Тухачевский, – мне кажется, сейчас рано говорить о Луне. Думать о межпланетных полетах надо, но сегодня перед нами стоят более неотложные задачи...

Цандер слушал его, неотрывно глядя в глаза, нервно

сглатывал, дергая кадыком, и медленно кивал, но так, что понять, укоряет ли он, или соглашается, было невозможно.

Тухачевскому давно было ясно, что в своем стремлении к единству ракетчики правы. Распыление средств, распыление кадров, невозможность обеспечить всех более или менее приличной производственной базой – вот что тормозит их больше, чем отсутствие лимитов на жаростойкую сталь. Хотя и сталь эта, конечно, тоже им нужна…

Невозможно точно установить, кому первому пришла в голову мысль о создании ракетного института: Королеву в московской ГИРД, Петропавловскому в ленинградской ГДЛ или Тухачевскому в Наркомвоенморе (Народном комиссариате по военным и морским делам). Можно только попытаться хронологически проследить, как это все происходило, и понять, что же стоит за трафаретной фразой, кочующей из одной книги по истории ракетной техники в другую: «В 1933 году по инициативе М.Н. Тухачевского был создан Реактивный научно-исследовательский институт…»

Если Ворошилов не любил Тухачевского, то ради справедливости надо сказать, что и Тухачевский не любил Ворошилова. Он все время невольно сравнивал Клима с его предшественником – Михаилом Васильевичем Фрунзе, погибшим в 1925 году на операционном столе при обстоятельствах странных, если не сказать зловещих. Тухачевский никого не винил, гнал от себя мысль о возможной злонамеренности врачей, успокаивал грустной статистикой медицинских ошибок. Фрунзе был талантлив – это сразу чувствовал всякий человек, с ним соприкасающийся. Как всякий человек сразу должен был почувствовать, что Ворошилов – бездарен. Тухачевскому трудно было с ним работать. В 1928 году он просит освободить его от обязанностей начальника штаба РККА. Новое назначение было вполне достойным: командующий Ленинградским военным округом. Так он узнал ГДЛ. Рамки округа ограничивают его инициативу, но, конечно, не без нажима Михаила Николаевича 25 июля 1930 года издается приказ, закрепляющий передачу ГДЛ военному Артиллерийскому институту (АНИИ). Когда 19 июня 1931 года Тухачевский назначается заместителем наркома и заместителем председателя Революционного военного совета (РВС), он получает власть уже всесоюзную и сразу – 15 августа 1931 года – переводит лабораторию ленинградцев в распоряжение вооруженцев РККА.

Взять под свое крыло московскую ГИРД сложнее: ему не хотелось обострять отношения с Робертом Эйдеманом – совсем недавно, в марте 1932 года, его назначили председателем

Осоавиахима, детищем которого была ГИРД. Вместо того чтобы помочь своему коллеге по Реввоенсовету, он, получается, посягает на его хозяйство. Впрочем, Роберт Петрович умен и поймет, что ракетчики военным нужнее, а ему и без ракетчиков дел хватит.

Поставив перед собой какую-нибудь задачу, Тухачевский мог на время отвлечься, но никогда не забывал задуманного: ГИРД постоянно в поле его зрения. 1 февраля 1932 года Королев докладывает о работе ГИРД в Управлении ВВС РККА, а через месяц в рабочем дневнике Цандера появляется короткая строчка:

«Поездка на засед. у т. Тухачевского...» Речь идет о большом совещании 3 марта в РВС, на которое Михаил Николаевич вызвал всех начальников своих технических управлений: артиллеристов, авиаторов, химиков и представителей Осоавиахима. Были на заседании и ленинградцы: в том же дневнике Цандера следующая строчка: «4.III.32... Ознакомление тов. Глушко из газодин. лаборатории в Ленинграде с нашими работами». Доклад делал Королев, и доклад Тухачевскому понравился. Тут же принимается решение о необходимости создания Реактивного научно-исследовательского института. Вернувшись домой, ленинградцы составляют и присылают Тухачевскому докладную записку ЛенГИРД, подписанную ее председателем В.В. Разумовым, начальником ГДЛ Б.С. Петропавловским, профессором Н.А. Рыниным, профессором физики М.В. Мачинским, известным пропагандистом науки Я.И. Перельманом и другими энтузиастами. Через неделю на стол Тухачевского ложится пакет из ГДЛ: проект положения о ГНИИ – Газодинамическом научно-исследовательском институте.

Тухачевский многое может, но создать новый институт своей властью он все-таки не в состоянии. Теперь ему предстояло убедить в нужности такого института людей, которые очень не любили, когда их в чем-то начинали убеждать. 26 апреля, собрав все ходатайства и проекты, Тухачевский идет к Ворошилову. Ворошилов не против. Но и не за! Он говорит дежурные фразы об экономии народных денег. Выкладки Тухачевского о перспективах ракетной техники не производят на него никакого впечатления, потому что толком в этих выкладках он ничего не понял. Да и понимать было необязательно. Куда важнее было узнать мнение на сей счет Сталина и Молотова, а тогда уже и решать. Кстати, в Совнаркоме есть Комиссия обороны во главе с Молотовым, которая может (и даже обязана!) такой вопрос рассмотреть и в законодательном порядке внести свое предложение на утверждение Совета Труда и Обороны, председателем которого был тот же Молотов. Такой ход делу и предложил Климент Ефремович, еще раз доказав, что если он не очень силен в

ракетной технике, то по части «дворцовой дипломатии» является крупным специалистом.

16 мая Тухачевский представил Молотову подробный доклад «Об организации Реактивного института» с перечислением всех вопросов, которыми институт должен заниматься, и ориентировочной сметой на пять миллионов рублей. Доклад Тухачевского – еще один пример его замечательной прозорливости и ума. Заглядывая на многие годы вперед, он пишет, что ракетный принцип в артиллерии позволит забрасывать снаряд любой мощности на любое расстояние (осуществлено И.В. Курчатовым и С.П. Королевым через 25 лет), а в авиации «повлечет за собой резкое увеличение скорости полета и поднятие потолка самолетов в стратосферу и в конечном итоге разрешит задачу полетов в стратосферу». (Осуществлено А.И. Микояном, М.И. Гуревичем и А.С. Яковлевым через 14 лет.) Останавливаясь на работах ГДЛ и ГИРД, Тухачевский убежденно доказывает, что «результаты работы этих организаций уже на сегодняшний день дают все основания делать выводы о серьезных практических перспективах по применению реактивного двигателя в военном деле. Однако ни средства, ни возможности, ни методы работы ГДЛ и ГИРД не обеспечивают в их настоящем виде скорейшего и полного разрешения реактивной проблемы в части ее практического приложения к военной технике. На основе имеющихся достижений необходима скорейшая организация широкой научной и экспериментальной базы для продолжения этих важнейших работ в форме Реактивного института или другого какого-либо научно-исследовательского учреждения». Тухачевский даже предлагает «отнести строительство Реактивного института к числу ударных строек».

Несмотря на нетерпеливый нерв, который бьется в каждой строке доклада Тухачевского, Молотов не торопится с решением вопроса. Ему действительно не ясно, нужен ли такой институт, насколько все это серьезно, а если серьезно – обязательно ли докладывать об этом Сталину? Неделя проходит за неделей, а решения нет. Во всей предыстории РНИИ постоянно наталкиваешься на некомпетентность. Люди, которые должны принять решение, в самой проблеме не разбираются и, что самое печальное, – не стремятся в ней разобраться. Вместо этого срабатывает бюрократический прием, старый как мир: своей властью надо переложить решение задачи на плечи других. Ворошилов перевалил на Молотова, Молотов, выждав несколько недель, решает, что можно перевалить еще на одну комиссию и поручить ей рассмотреть доклад Тухачевского. Не без удивления увидел Михаил Николаевич в списках членов этой комиссии, так

называемой Комиссии № 1103, свою фамилию. Теперь ему надо самому рассматривать собственное предложение. Прошло еще две недели. 5 июля председатель Комиссии № 1103 заместитель Ворошилова Иван Алексеевич Акулов представил, наконец, Молотову проект постановления об организации института. Прошло еще три недели прежде чем это постановление было возвращено на доработку: требовалось решить вопрос о строительстве, уточнить его сроки и размеры ассигнований. Одновременно было признано целесообразным расширить состав комиссии, ввести в нее дополнительно Ворошилова и Кагановича. 20 ноября Комиссия обороны делает Тухачевского председателем этой новой расширенной комиссии. Создается щекотливое положение: мало того, что Тухачевский должен решать судьбу собственного предложения, он, как председатель, должен еще как бы руководить теперь секретарем ЦК ВКП(б) Кагановичем, заместителем наркома Акуловым и даже самим наркомом Ворошиловым. Круг замкнулся: с Ворошилова Тухачевский начал, к Ворошилову пришел.

...Часто приходится слышать, что в сталинские времена все вопросы решались безо всякой бюрократической волокиты, с замечательной оперативностью. Решались. Сталиным.

Но тогда дело до Сталина не дошло: вопрос о каком-то реактивном институте сочли слишком мелким. А потому вся эта бюрократическая карусель продолжала вертеться. Собрать расширенную комиссию, состоящую из постоянно занятых и в большинстве своем не подчиненных ему людей, Тухачевскому было очень трудно. Да и у него самого, как у заместителя наркома, летом дел прибавилось: он очень хотел побывать на учениях. Вопрос о создании института затянулся.

Однако, просчитывая все варианты решения этой проблемы, Михаил Николаевич предполагал, что и такой «стоп-вариант» возможен. Находясь уже достаточно долго в верхних эшелонах власти, он знал, что в ряде случаев не следует лезть на рожон. Здесь вполне допустима военная аналогия: атака захлебнулась – значит, надо окопаться, выждать время, использовать передышку для укрепления тылов.

О «тылах» он подумал еще на мартовском совещании в РВС: поставил вопрос о создании производственной базы для ракетных исследований Королева и его товарищей. Опять-таки, укрепляя «тылы», он пишет в шефскую комиссию по осуществлению изобретений Циолковского:

> «В Москве работает в системе Осоавиахима организация МосГИРД. Специальная группа инженеров

этой организации интенсивно работает над конструированием ракетных моторов на жидком топливе, причем часть моторов уже имеется в рабочих чертежах, подлежащих срочному осуществлению. Эти работы, связанные с изобретениями К.Э. Циолковского в области ракеты и межпланетных сообщений, имеют очень большое значение для Военведа и СССР в целом.

Ввиду особой специфичности ракетных моторов совершенно необходимо иметь при МосГИРД небольшую опытную механическую мастерскую для их изготовления.

Прошу... принять все меры по линии общественности к оказанию действительной помощи МосГИРД в отношении предоставления ему оборудования НКТП[34]. МосГИРД же, как малоизвестная организация, несмотря на ряд принятых мер, получить до сего дня оборудование не смогла.

Зам. Наркомвоенмора и председателя РВС СССР
Тухачевский.

Приказ о создании «Опытного завода ЦГИРД» Эйдеман подписал 25 апреля 1932 года.

Ну, а под гордым названием «Опытный завод» скрывался все тот же подвал на Садово-Спасской. Внешне ничего не изменилось, разве что со снабжением стало полегче: как-никак завод!..

Лето и осень Тухачевский был очень занят на манёврах и учениях, а с зимы начал подготовку к новой атаке. 10 декабря он пишет письмо к Кагановичу с просьбой ускорить дело с созданием ракетного научно-исследовательского центра, найти ему помещение. В начале нового 1933 года об этом пишет газета «Техника». При случае Тухачевский напомнил Кагановичу, что он – член специальной комиссии и реактивный институт на нем тоже «висит». Михаил Николаевич так живописал полет ракеты (хотя ни одна ракета еще не летала), что Каганович в феврале 1933 года дал приказ Московскому горкому партии и ОГПУ отыскать в Москве какой-нибудь гражданский институт, в двадцатидневный срок выселить его из Москвы, а освободившееся помещение отдать ракетчикам. Дамоклов меч навис над Пушным институтом в Реутово под Москвой. Всякое движение научной мысли в области совершенствования добычи «рыхлого золота», как называли в старину меха, прекратилось полностью: ждали выселения. Но обошлось: хоромы меховщиков были признаны для ракет негодными. Пересмотрели еще несколько зданий и все отвергли.

Заниматься поисками помещения для будущего института

Тухачевский поручает всем своим службам. 7 января 1933 года начальник Управления военных изобретений (УВИ) Новиков нашел, как ему казалось, вполне подходящий военный склад, но никак не мог сообразить, куда его выселить. Письмо его Тухачевскому заканчивалось трафаретно: «Прошу ваших указаний». Вместо указаний он получил разносную резолюцию:

> «т. Новикову. Я Вам 100 раз приказывал найти институт в Москве на предмет внесения предложения о его выселении. Полгода вы ничего по этому поводу не делаете. Безобразная неисполнительность. Предлагаю 13/1 представить предложения.
>
> Тухачевский, 11/I».

Трудно было выбрать момент более неподходящий для визита бывшего парторга ГИРД Корнеева к начальнику УВИ. Получив такой разнос от начальства, Новиков слышать не мог об этих ракетчиках.

– «Человеческие условия»! «Человеческие условия»! – передразнивал он Корнеева. – Вредители тоже, между прочим, все время ставили вопрос о человеческих условиях.

Корнеев опешил. Потом спросил:

– Хорошо, а что слышно о новом помещении? – он не знал, что сыпет соль на раны начальника УВИ.

– Я не уполномочен отвечать Вам на этот вопрос! – заорал Новиков.

Тухачевский понимал, что с созданием института встанет вопрос о пополнении его кадров. Он начинает заботиться об этом загодя. 22 июня 1932 года начальник артиллерийского факультета Военно-технической академии РККА Могилевник докладывает Тухачевскому: «Во исполнение Ваших личных указаний для подготовки командиров-инженеров по реактивному делу, артиллерийским факультетом выделяются следующие слушатели баллистического и промышленного отделений...» В списке – 27 фамилий.

10 апреля 1933 года Королев делает доклад о работах ГИРД на президиуме Центрального совета Осоавиахима, в котором конечно же опять ставит вопрос о переводе ГИРД в Военвед. После обсуждения доклада президиум принимает решение: «...поручить Р.П. Эйдеману доложить Наркомвоенмору вопрос о ГИРД, состоянии работ и условиях передачи ГИРД в РВС. Принципиально считать вопрос о передаче ГИРД в РВС предрешенным».

Прежде чем доложить наркому, Эйдеман пишет Тухачевскому: «Для пользы дела это безусловно необходимо, так

как работа ГИРД вышла уже за те пределы, какие намечались ЦС Осоавиахима при ее организации».

Но и после этого письма Эйдеман, предвидя реакцию Ворошилова, не пошел к нему, ограничился письмом, мол, есть такое решение, но и свое мнение высказал вполне определенно: «В настоящее время работы по изучению проблемы реактивных двигателей получили такое развитие, которое не может быть надлежащим образом обеспечено в системе Осоавиахима и требует более широкого и глубокого изучения»,

За день до этого Королев посылает Тухачевскому письмо, которое начинается так; «Тяжелое положение группы по изучению реактивных двигателей (ГИРД), которой я руковожу, и не видимый конец наших мытарств заставляют меня обратиться к вам непосредственно».

Королев напоминает о совещании 3 марта 1932 года в Реввоенсовете, о решении создать ракетный центр и говорит, что ничего не сделано. Он по пунктам ставит вопросы, требующие безотлагательного решения: помещение, снабжение, транспорт, финансы, бытовые условия, кадры[35].

В это же время коммунисты ГИРД: Корнеев, Ефремов, Грязнов, Голышев, Буланов, Иванов и Параев пишут письмо Сталину. В письме звучат отчаянные ноты: «...Факт смерти этого старейшего работника (Ф.А. Цандера. – *Я.Г.*), много лет и много сил отдавшего делу реактивного движения, является последней каплей, переполнившей чашу нашего терпения, и заставляет нас еще сильнее заострить внимание на бюрократизм и безобразное отношение к проблеме Реактивного движения, и в частности – к нашей группе...

Работая в сыром темном подвале в невероятно тяжелых условиях, при электрическом освещении, не имея ни станков, ни оборудования, ни материалов, ни средств передвижения, ни продуктов питания, группа, собирая энтузиастов реактивного дела, работала очень много, иногда по целым суткам».

В письме коммунисты объясняли Сталину, что ГИРД переросла рамки Осоавиахима, что нужен институт.

Поддерживая московских коллег, руководители ГДЛ послали письма командующему Ленинградским военным округом Белову и первому секретарю обкома Кирову, в которых тоже говорили о необходимости «скорейшего создания специализированного института».

Ни Сталин, ни Киров, ни Белов на письма не ответили. Удивительное дело, но уже давно замечено, что труднее всего принять решение, которому никто не сопротивляется. ГИРД хотела в Военвед. Военвед брал. Осоавиахим отдавал. Но дело с

места не двигалось. Высокие инстанции медлили с решением, которого так ждали в подвале на Садово-Спасской. Кроме того, не совсем верно утверждение, что «Военвед брал». Брал Тухачевский, а это еще не Военвед. В самом Военведе было немало людей, рассуждавших по принципу: а зачем нам это нужно? Не покупаем ли мы кота в мешке? Не прибавят ли эти ракетчики хлопот на нашу голову? А потому, на всякий случай, Управление военных изобретений совместно с финансовым управлением РККА направили в ГИРД ревизоров. Бдительные хозяйственники установили, что имеют место некоторые нарушения финансово-хозяйственной дисциплины, упущения в учете и отчетности, и что Королев незаконно присвоил себе 1200 рублей. В своих выводах ревизоры были довольно категоричны: «Состояние учета и отчетности настолько неудовлетворительно, что дает возможность проделывать разного рода махинации».

Был издан приказ, подписанный начальником Управления военных изобретений: «нач. ГИРД тов. Королеву за неудовлетворительное состояние финансово-хозяйственной деятельности ГИРД объявляю выговор и предупреждаю, что при повторении подобных явлений будут приняты более строгие меры воздействия». В конце июня Королев отправляет подробный доклад об истинном положении дел, все детально, по пунктам, разъясняет, пишет о предвзятости и тенденциозности ревизоров, которые не учли специфики работы ГИРД, объясняет, откуда взялись злополучные 1200 рублей, настаивает: «Прошу это позорное обвинение с меня снять».

Однако куда более этих дурацких 1200 рублей задели Королева слова из доклада ревизоров о том, что «ГИРД создал производственную базу, вполне достаточную для выполнения стоящих в ГИРД работ… Рабочая площадь вполне достаточна но размерам… Положение с кадрами обстоит благополучно…»

Да что же это такое?! Неужели же люди не видят, в каких условиях они работают?!

Смерть Цандера, тупик, в который зашли испытания его двигателя ОР-2, нескончаемая череда прогаров и отказов с двигателем 09 Тихонравова, пожар на стартовой площадке в Нахабине, неудачный полет на РП-1, когда планер врезался в землю, а его вышвырнуло из кабины так, что чудом шею не сломал, а тут еще эти ревизоры, которые почти полгода лазают по всем углам и задают дурацкие вопросы, – все это создавало у Королева состояние угнетенное. Он чувствовал, что находится на нервном пределе и боялся срыва. Успокаивал себя и других философски: всякая кризисная ситуация по определению не может быть долговременной. В самом ближайшем будущем

двигатели перестанут прогорать, клапаны – замерзать, вопрос о новом институте будет решен, солнце выйдет из-за туч, и жизнь будет, наконец, прекрасна!

Так в конце концов и случилось: полетела ракета Тихонравова и ракета Цандера, и вопрос с институтом был решен, и солнце вышло из-за туч. А пока...

А пока начинается новый оборот карусели. Понимая, что Ворошилов уже не может слышать от него о ракетах, Тухачевский предпринимает, опять-таки по всем законам военной науки, обходной маневр. Военно-морская инспекция, руководимая Николаем Владимировичем Куйбышевым – братом Валериана Владимировича Куйбышева, председателя Госплана, получила указание обследовать организации, работающие в области ракетной техники, и доложить наркому. Куйбышев уже немного в курсе дела: в декабре 1932 года только что назначенный Тухачевским новый начальник ленинградской Газодинамической лаборатории Иван Терентьевич Клейменов рассказал ему в письме о всех бедах ракетчиков. «Таким образом, – заканчивал Клейменов свое грустное послание, – потеряли почти год, а институт еще не организован...»

Ракетных центров, которые требовалось обследовать, было не столь много, однако, только в июне комкор Куйбышев представил Ворошилову докладную записку, в которой отмечалось, что работы ГДЛ и ГИРД «имеют первостепенное значение», притом, что «ГИРД до сего времени не имеет приспособленного помещения, транспорта, кадров, обслуживания и материалов, необходимых средств, а также полигона для испытаний», короче – ничего не имеет, а работы – первостепенного значения!

Куйбышев считал, что «дальнейшее существование ГДЛ и ГИРД как самостоятельных организаций нецелесообразно ввиду распыления средств и незначительных кадров научно-исследовательских работников по реактивному движению, а также нечеткой организации работ и параллелизма в них».

В записке предлагалось объединить ГДЛ и ГИРД, а вновь созданный институт «изъять из ведения Управления военных изобретений и для более тесной связи с промышленностью и обеспечения производственной базой подчинить его ГУАП НКТП»[36].

В записке Куйбышев подсказывал Ворошилову выход, который его очень устраивал: спихнуть это темное дело в НКТП Серго Орджоникидзе. Однако делать это совершенно открыто неудобно, и Ворошилов накладывает на записку Куйбышева туманную резолюцию:

«т. Тухачевскому.

В это дело нужно внести ясность. Если не хотите передавать нашу ГДЛ НКТП, то нужно все дело организовать по-другому. А лучше всего передать это дело НКТП.

Ворошилов. 18.VI.33 г.»

Какую еще ясность надо вносить, когда и так все яснее ясного? Почему надо организовать дело «по-другому», если уже сто раз решали, как же его надо организовать? Все это – дым. Главное: «лучше всего передать это дело НКТП». Нарком полагал, что эти его маленькие хитрости никому не видны. Впрочем, уже 3 августа он принимает решение совершенно определенное: «ГДЛ и ГИРД слить в одну организацию, передав ее НКТП». Так в год, когда к власти пришел Адольф Гитлер, на знамени которого был начертан паук войны, главный военачальник СССР не заинтересовался разработками нового оружия, которое менее чем через десять лет будет признано самым перспективным оружием второй мировой войны. Быть недальновидным в делах семейных – огорчительно, а в делах государственных – преступно...

Вскоре и помещение нашлось. 9 сентября замещающий заболевшего Новикова Терентьев[37] – один из немногих, кто, как и Тухачевский, верил в будущее ракетной техники, доложил: «...слияние может быть произведено на базе существующих организаций ГДЛ и ГИРД путем введения временного штата Реактивного института, переброски в Москву части работников и оборудования ГДЛ и занятия помещений Всесоюзного института сельскохозяйственного машиностроения, предоставленных для Реактивного института Моссоветом».

Не всегда так, как хотелось бы, и всегда не так быстро, как надо бы, но все постепенно образовывалось...

Вот такова долгая, мучительная предыстория создания РНИИ. Конечно, кто спорит, дело новое, ведь это был первый в мире (!) научно-исследовательский институт по ракетной технике, а всякое новое дело рождается трудно. Но вместе с тем в этой организационной эпопее отражается и нечто такое, что, увы, принадлежит не только 1933 году. Волокита, некомпетентность, игнорирование мнения людей осведомленных людьми неосведомленными. И оптимистическая концовка тоже должна послужить уроком: убежденность, энергия, вера в людей одержимых, преданность высшей цели, направленной на благо страны, побеждали. И будут побеждать!

Сентябрь 1933 года был у Михаила Николаевича особенно трудным. Вовсю шла подготовка к маневрам Балтийского флота,

которыми он должен был командовать. Завершалось – но помогать-то все равно надо – строительство аэростата «СССР». А тут еще – председательство в правительственной комиссии по расследованию причин авиационной катастрофы 5 сентября. Тогда на АНТ-7 погибли заместитель Серго Орджоникидзе, начальник Главного управления авиационной промышленности Баранов с женой, начальник Главного управления Гражданского воздушного флота Гольцман, директор завода № 22 Горбунов – всего восемь человек. Необходимо разобраться. Это его святой долг перед памятью Петра Ионовича, светлого, замечательного человека. В сентябре он замещает наркомвоенмора. Все военные дела на нем. Вдобавок ко всему – французы: ему поручают принять и сопровождать (благо он свободно говорит по-французски) делегацию во главе с министром Пьером Котом. Французы интересуются авиацией. Он везет их в ЦАГИ, на опытный авиазавод. 21 сентября проводы. На аэродроме все по высшему разряду. Оркестр грянул так, что, казалось, желтые листья закружились в воздухе не потому, что пришла осень, а от «Марсельезы». Он внимательно изучал всегда поражавшую его, доведенную до невероятного совершенства динамику почетного караула. Вернувшись с аэродрома в наркомат, быстро прошел в кабинет, раскрыл папку «На подпись», взглянул на первый лист и улыбнулся:

«Наконец-то!» То, за что он так долго боролся, свершилось: на бланке Реввоенсовета был напечатан приказ № 0113 об организации Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ). Ткнул перо в граненую чернильницу и радостно расписался: «М. Тухачевский».

Пункт второй приказа гласил: «Формирование института начать 25 сентября и закончить 1 ноября 1933 года».

Да не тут-то было...

21

Мой жизненный опыт убедил меня, что люди, не имеющие недостатков, имеют очень мало достоинств.

Авраам Линкольн

Победа! Победа! 31 октября принято постановление Совета Труда и Обороны № 104, в котором подтверждался приказ Реввоенсовета! 15 ноября вновь образованный РНИИ передали в ведение Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР! Отныне у них свой институт!

После подвала на Садово-Спасской помещение института в Лихоборах на окраине Москвы представлялось Королеву царскими хоромами: двухэтажный корпус, к которому примыкал производственный цех. В цеху было полное запустение, по-кладбищенски белели бетонные фундаменты демонтированных машин: здесь размещалась лаборатория дизелей. В корпусе – натоптано, грязь, кучки какого-то домашнего мусора, девушки из ГИРД кричали, что обнаружили клопов. Королев помнил, каким был их подвал на Садовой, пожалуй, еще хуже. Ясно, что снова придется начинать на пустом месте, снова навалятся нескончаемые хозяйственные и организационные заботы. У пионеров науки и техники разные судьбы. Для великого Тихо Браге датский король построил целый научный городок – Ураниборг – столицу Урании, богини астрономии. Менделеев трудился в теплом уюте Петербургского университета. Эрнест Резерфорд обосновался в Кембридже, в прекрасно оборудованной Кавендишской лаборатории. Сергей Королев всю жизнь начинал с нуля: в 1931 году – ГИРД, 1934-м – РНИИ, в 1946-м – Подлипки и Капустин Яр, в 1955-м – Тюратам. Быть пионером – трудно, но во сто крат труднее создавать новое в условиях, мешающих создавать новое. Значит, придется останавливаться. Останавливаться, чтобы следующий шаг был шире.

Но ни облупленные стены, ни сиротские фундаменты станков, ни морозостойкие клопы в щелях не могли омрачить радости гирдовцев. Для них это было не просто новое помещение и не просто новая вывеска. Недавние мечтатели и энтузиасты, начавшие с самодеятельного кружка, переходили в промышленность. Они стали солидными, их признали, им поверили, они стремительно взрослели, превращаясь из

увлеченных юношей в умудренных опытом мужей.

В начале декабря сняли клуб «Искра» на Сухаревской площади напротив института Склифосовского и устроили вечер в честь рождения РНИИ. На этот вечер и явился первый раз Королев с двумя «ромбами» в петлицах: он как заместитель начальника нового института был назначен дивизионным инженером. Два «ромба» – это по нынешним временам что-то вроде генерал-лейтенанта инженерных войск, а было генерал-лейтенанту двадцать шесть лет. В такие годы не гордиться «ромбами» чудовищно трудно.

На вечере раздавали почетные значки и подарки. Королев и Тихонравов получили высшую награду Осоавиахима – знак «ЗАОР» («За активную оборонную работу»), Горбунов и Пивоваров – значки отличников Осоавиахима, Щетинков и Авдонин – часы с торжественными словами на крышке, Победоносцев – значок активиста и тоже серебряный «Мозер». Иванова – именную готовальню. Сергей Смирнов ликовал особенно бурно: ему досталось кожаное пальто на меху и шерстяное кашне, – разве можно сравнить с готовальней.

На вечере рядом с Королевым сидел его будущий шеф – Иван Терентьевич Клейменов, назначенный начальником РНИИ.

Назначению этому предшествовали долгие размышления. Очевидно, обсуждалась и кандидатура Королева. Но предпочтение отдали все-таки Клейменову. Клейменов был кадровый военный, член партии, в недавнем прошлом – участник гражданской войны, конечно, он был ближе Тухачевскому и по возрасту и по жизненному пути, чем молодой Королев, который хоть и был теперь дивизионным инженером, но пороха-то не нюхал. Поэтому Тухачевский рекомендовал Орджоникидзе именно Клейменова. Если бы кто-нибудь тогда, в конце 1933 года, мог сказать Тухачевскому и Орджоникидзе, что этим они спасли от смерти будущего великого конструктора, они бы, на беду свою, не поняли этого. Они не могли знать, что пройдет совсем мало лет и ручательство Тухачевского, доверие Орджоникидзе будут равносильны смертному приговору.

Королев знал Клейменова недавно, с 1932 года, когда он стал начальником ГДЛ. Они встречались и в Ленинграде, и в Москве, на совещаниях у Тухачевского, ездили вместе в Нахабино, осматривали испытательные стенды и стартовые площадки первых ракет. Клейменов был спокойным, рассудительным. Открытое, простоватое лицо его, прямой взгляд выдавали в нем человека откровенного, бесхитростного. В суждениях его Королева иногда настораживала несколько наигранная армейская лихость, в которой было не столько смелости, сколько желания не

углубляться и суть дела. Очень быстро можно было понять, что ракетной техники Клейменов не знает совсем. Однако на разных совещаниях Иван Терентьевич никогда и не встревал в обсуждения вопросов технических, в отличие от некоторых деятелей Военведа, высказывания которых в свое время доводили покойного Цандера до состояния, близкого к обмороку. А потом, если начальник какой-либо организации до тонкостей разбирается во всех ее делах, это, пожалуй, уже чересчур. Вполне достаточно, чтобы он не мешал тем, кто в этих делах разбирается. Кроме того, веселый «Постулат Роджерса» гласит: «Все невежды, но в разных областях». Пусть он простоват, но, безусловно, не глуп, а значит, можно было надеяться, что он сумеет узнать то, что не знает. А не знал он не потому, что не хотел, а потому, что не успел.

Иван Терентьевич был с Тамбовщины, родился в селе Старая Сурава Лысогорской волости. Отец его не крестьянствовал, а был сапожником – на селе человеком очень уважаемым, мать – портнихой. Быстрота ума Вани Клейменова замечена была уже в церковно-приходской школе, где его рекомендовали в гимназию. Учили бесплатно ввиду бедности. Когда началась первая мировая война, ему было шестнадцать лет и повоевать ему пришлось уже в Красной Армии. Сразу после гимназии в 1918 году попал он на первые Московские курсы командного состава, а уже через два месяца стал адъютантом военного совета 3-й армии. Очевидно, он был действительно очень смышленым пареньком, потому что уже в апреле следующего, 1919 года его отправили на четырехмесячные артиллерийские курсы при ВЦИК, откуда он ушел добровольцем на Восточный фронт. Возможно, этот штрих биографии начальника РНИИ и располагал к нему Тухачевского, который тоже воевал в Поволжье, Сибири и на Урале.

Время было такое, что жизнь Ивана Клейменова неслась, как горная речка в паводок, меняя русло непредсказуемо и стремительно. На фронте он вступил в партию, а уже в 20-м году был направлен учиться в Военно-хозяйственную академию. Ускоренный курс требовал, чтобы специалист с высшим (Академия!) образованием родился через девять месяцев – сколько же соленых солдатских шуток изобретено было по поводу этих девяти месяцев! Что уж это было за «высшее образование», одному богу известно, но факт налицо: Клейменов сразу же получает должность уполномоченного по снабжению 14-й армии, а потом даже заведующего секцией труда промвоенсовета Южного фронта.

Наконец, война кончилась, все фронты ликвидировали, и Иван Клейменов решил несколько притормозить жизнь, понимая,

что все эти четырехмесячные курсы и девятимесячные академии – одна видимость, а чтобы жить достойно, надо получить образование настоящее. Он приехал в Москву и поступил на физико-математический факультет университета, что сделать было нетрудно, учитывая его происхождение «от сохи». Однако, едва начав учиться, был он по распоряжению Фрунзе из университета извлечен и направлен на инженерный факультет Военно-воздушной академии РККА.

Это была уже серьезная учеба, авиационную технику он постиг настолько, что, окончив академию – вторую за восемь лет, – командовал мастерскими НИИ ВВС. Здесь опять начала петлять его жизнь. В феврале 1929 года прикомандировали его к отделу внешних заказов при уполномоченном Народного комиссариата по военным и морским делам, который работал в советском торгпредстве в Берлине. В Германии прожил он более трех лет, подкормился, отдохнул, пообтерся среди фирмачей, внешнеторговцев и дипломатов, сам приобрел некоторые дипломатические навыки, впрочем, не утеряв на чужбине столь ценимую на родине солдатскую простоту и удаль.

В мае 1932 года его отозвали из Берлина. Сначала собирались назначить заместителем начальника Научно-технического управления гражданской авиации, потом забрать в ВВС и только в ноябре Тухачевский назначил его начальником ленинградской Газодинамической лаборатории.

Таким образом, весь ракетный стаж Клейменова не составлял пока и года. Иван Терентьевич понимал, что за этот короткий срок он не успел постичь всех тонкостей новой области техники, но разобраться в основных направлениях ее развития – должен и, что очень важно для руководителя, – выработать собственное мнение о перспективах дальнейшего развития этих направлений.

Признавая за Королевым технический опыт, он вовсе не собирался отдавать в руки своего заместителя бразды правления научно-технической политикой нового института и оставлять за собой лишь чисто хозяйственные и административные функции. Напротив, увидав весь тот разгром, который царил в здании РНИИ, и угадав в Королеве отличного организатора, он с первых дней их сотрудничества стал все энергичнее поручать ему именно хозяйственные хлопоты. Клейменову хотелось, чтобы к моменту переезда из Ленинграда ведущих сотрудников ГДЛ производство было бы уже налажено, и он настойчиво напоминал об этом Королеву при каждой встрече.

Когда Сергей Павлович представлял себе слияние двух организаций, он понимал, что трудности возникнут непременно уже потому, что у москвичей и ленинградцев было совершенно

разное отношение к ракетам. В ГДЛ ракета – это средство совершенствования артиллерии, в ГИРД – это путь в космос. Да, ломка будет, конечно, но альтернатива возможна. Королев предполагал, что ленинградцы будут продолжать работу над реактивными снарядами, делать ускорители для бомбардировщиков, а Юрий Победоносцев из ГИРД дополнит их работы своими снарядами-прямоточками. Но не мыслил он планов РНИИ и без своей тематики. Он надеялся, что Тихонравов и сменивший Цандера Корнеев доведут до ума свои жидкостные двигатели. Возможно, им будет полезен опыт Глушко. Получив надежный ракетный мотор, он поставит его на планер, а со временем такой ракетоплан превратится в стратосферный самолет. Ему казалось естественным, что слияние двух организаций только поможет развитию уже сложившейся тематики исследований. И вроде бы так оно все и получалось. В постановлении Совета Труда и Обороны, подписанном Молотовым, в самом общем виде была названа тематика института, а сказать точнее – просто перечислены все возможные виды ракетной техники и известные способы ее применения: ракетные двигатели с твердым и жидким топливом, реактивные снаряды для наземных и воздушных установок, бескрылые и крылатые ракеты, ракетопланы и ракетные самолеты, разработки новых марок порохов и топлив, автоматических систем управления, баллистика, аэродинамика, теплообмен. Но теперь все это энциклопедическое перечисление надо было приземлить, конкретизировать, продумать структуру с учетом реальных людей. Однако едва Королев заводил обо всем этом разговор со своим новым начальником, Иван Терентьевич от него старался уйти. Он не возражал, а именно уходил. И сегодня на вечере в клубе «Искра» Королев снова стал допытываться, как представляет себе его новый начальник структуру будущего института.

– Ну что вы, Сергей Павлович, – пробовал отшутиться Клейменов. – Люди поют-пляшут, а мы с вами будем вести такие скучные разговоры...

– Иван Терентьевич, станочный парк нельзя создавать, не зная, что мы будем изготовлять...

– Станочный парк должен быть гибким. Вот мне в Берлине рассказывали, как на заводах «Ролс-Ройс» придумали...

– Нам пока далеко до «Ролс-Ройса».

– А так ли уж и далеко? И про Магнитку говорили – куда-де нам... Уходил, не хотел говорить. Но ведь разговора такого не миновать все равно. Хорошо, он поставит такие станки, которые нужны ему...

Переезжать в новое здание начали еще до Нового года, но дело шло медленно. Зоя Кожемякина на своей полуторке курсировала между Садово-Спасской и Лихоборами с предельной загрузкой: столы, стулья, шкафы, чертежные доски, архивы, горючее, фанера, краска, цемент, железо профильное и просто болванки, наконец, станки, моторы, приборы – короче, все хозяйство, накопившееся незаметно за два года в их подвале. Все это надо было погрузить, разгрузить, заранее прикинуть, где что будет стоять в новом помещении, решить, кто, где и с кем будет сидеть, выслушать множество частных пожеланий («только не у окна!», «только не в этой комнате, тут ужасный сквозняк...») и при всем желании всем угодить, непременно с кем-то поссориться – так мчались день за днем, и радости, и беды были мелкими, скучными, неинтересными, как домашние мухи.

Ленинградцев еще не было: не решили окончательно вопрос с их квартирами, но уже пополз шепоток: «Они сидят в своем Питере и ждут, когда мы тут для них все вычистим и вымоем...» Королев спрашивал Клейменова, когда приедут ленинградцы, Клейменов сказал, что надо организовать Ленинградский филиал и этим непосредственно занимается Лангемак.

– А что его организовывать? – спросил Королев. – Просто часть товарищей уедут в Москву, а часть останется, вот это и будет филиал...

– Вот вы какой быстрый, Сергей Павлович, – прищурился Клейменов. – Вот бы наши цеха с такой бы быстротой оснащались...

С цехами дело шло плохо. Небольшая группа рабочих и механиков «старичков-энтузиастов» из ГИРД удовлетворить нужды института не могла. Бывшие механики дизельной лаборатории тихо спивались от безделья, а некоторые из них разбрелись в неизвестном направлении. Приходили наниматься рабочие с расположенной неподалеку суконной фабрики, Клейменов их принимал («Кадровый рабочий класс, мануфактуры – оплот революции!), но это были совсем не те люди, к которым привык Королев в подвале, – понимающие его с полуслова не только мастера, но и простые слесари. Эти „мануфактурные революционеры“ не могли толком прочитать чертежи. Королев давал им задания, они их заваливали, Королев устраивал разносы, они шли жаловаться к Клейменову. Клейменов, принявший их на работу, испытывал как бы моральную ответственность за „свои“ кадры, защищал их и упрекал Королева в неумении „работать в гуще народных масс“. Королев злился, потому что никакой „гущи народных масс“ не было, а была кучка неумелых лентяев, раздраженных тем, что секретность мешает

делать „левые“ дела и воровать. Воля Клейменова все глубже и глубже загоняла Королева в это производственное болото, из которого ему вылезти было очень трудно. Назревал крупный скандал.

Разразился он вскоре после Нового года. 17 января 1934 года Королев представил Клейменову справку о неудовлетворительной работе мастерских института.

«План работ на январь не выполняется, – говорилось в ней. – Оборудование производства происходит чрезвычайно медленно. Освоение этого оборудования происходит также недостаточными темпами... Нет должной ясности и четкого стремления выполнить установленное задание ни у руководителей производства, ни у бригадиров сборочных бригад, ни у каждого рабочего места... План сроков не имеет...

Нет простейшего порядка в деле прохождения того или иного заказа на работы, распределения их по рабочим местам, систематического контроля за их выполнением... Рабочий высокой квалификации с нарядом в руках занимается отысканием материала, затем сам же его подготавливает для работы. Вопрос с подачей инструмента не упорядочен в должной степени... Обращение с инструментом в цеху скверное...

Заработок рабочего неровен и зачастую недостаточен, а иногда чрезмерно высок.

Все затронутые вопросы являются, несомненно, вопросами низового порядка, разрешаемыми в самом производстве, в цеху, в бригаде. Тенденций к их постановке и разрешению, однако, нет и даже, наоборот, у меня создается впечатление, что руководители производства ведут свою работу «от дня к дню», всецело полагаясь на меня, как вышестоящего начальника, разрешая подобные наболевшие вопросы тогда, когда их укажет кто-либо, я или вы, товарищ начальник... Даже в тех случаях, когда очевидность того или иного положения заставляет меня отдать какое-либо распоряжение руководителям производства (хотя по сути это было бы их дело), последнее выполняется нечетко и не в срок...

Как результат всего вышеизложенного слаба трудовая дисциплина на производстве РНИИ. Настроение у рабочих скверное. Постоянные срывы... дезорганизуют даже самую стойкую передовую часть рабочих нашего производства...»

Королев пишет о необходимости улучшить отопление помещений и питание в столовой, об организации транспорта, поскольку добраться до института на окраине города – задача не из легких, – комнат отдыха, красного уголка. Выход из создавшегося положения Сергей Павлович предлагает только

один: «сменить все руководство производством, как несправляющееся с работой и поставить туда людей, которые хорошо бы хозяйничали». И добавляет: «Надо обратить внимание партийной части и завкома на работу производства, т.к. без их помощи, одними административными мерами успех достигнут не будет».

Замечательный документ! Сколько в нем энергии и страсти! В нем виден человек, искренне болеющий за дело, умеющий представить проблему в целом, в самом подходе к ней уже видна хватка будущего Главного конструктора. Интересно, что даже тон этого доклада, напористый, драчливый, как бы призывающий к немедленной и энергичной работе, напоминает тон резолюций Королева «космического». Вот сравните: в марте 1965-го Сергей Павлович тоже нервный, раздраженный неудачным стартом очередного «лунника», прочитав на космодроме проект плана реконструкции своего опытного завода, пишет директору этого завода Роману Анисимовичу Туркову:

> «1. Я внимательно прочитал Ваш материал.
>
> Конечно, его надо обсуждать и разбирать со многими тов-ми, а не путем записки.
>
> 2. Тем не менее вынужден Вам написать свое предварительное мнение – отрицательное. Мне кажется, что предлагаемая реконструкция завода недостаточно увеличит производительность труда, не говоря уже о лучшей (!) организации труда.
>
> 3. Слишком большой упор взят на капитальное строительство, а что же нам делать в 65-67 гг.?!
>
> 4. Слишком много площадей и людей на заводе отнесены не на основное пр-во.
>
> 5. Мне кажется, что реконструкция мало увязана с планом и задачами, и особенно на 65-67 гг.
>
> Прошу Вас тщательно подготовиться к обсуждению к моему приезду.
>
> 17.03.65. С. Королев»

Как они похожи, два эти документа, разделенные половиной жизни! – тридцатью годами тюрем, войны, сумасшедшей работы, Золотыми звездами на груди! Насколько же цельным, крепким характером обладал 27-летний заместитель начальника РНИИ! Письмо Туркову все-таки гораздо спокойнее доклада Клейменову. Это не доклад, это – ультиматум. Теперь Клейменов должен был или признать несостоятельность своей кадровой политики и уволить людей, им же недавно набранных, или объявить Королеву войну. Иван Терентьевич пришел в ярость, посчитав, что

Королев поднимает «бунт на корабле», а бунтовщиков по морским законам «на реях вешать надо». Состоялось бурное объяснение, Клейменов утверждал, что во всем виноваты не производственники, а его заместитель, которому поручено было наладить работу этих производственников. Королев возражал: он не может руководить людьми, которые не отвечают требованиям, к ним предъявляемым. В запале Клейменов заявил, что такой заместитель ему не нужен, на что Королев ответил, что будет счастлив оставить эту должность.

Ситуация складывалась критическая. Несмотря на то, что РНИИ находился в Наркомтяжпроме, «хозяином» считался Тухачевский, а точнее – Управление военных изобретений. Только что назначенный вместо Новикова начальник УВИ Русанов пока входил в курс дела, и «тушение пожара в РНИИ» было поручено Терентьеву. К нему уже приходил Клейменов. Яков Матвеевич успел изучить и Клейменова, и Королева, понимал, что безболезненным это искусственное объединение двух коллективов, которые раньше, находясь в разных городах, испытывали друг к другу если не чувство соперничества, то хотя бы вполне объяснимое чувство потаенной ревности, произойти не может. Но он не ожидал, что начальник нового НИИ и его заместитель окажутся соперниками столь непримиримыми, и когда Тухачевский спросил: «В двух словах, что там происходит?» Яков Михайлович глубоко вздохнул и ответил: «В двух словах: нашла коса на камень, товарищ заместитель наркома...»

Можно предполагать, что взаимная неприязнь Клейменова и Королева во всяком случае в 1934 году была достаточно глубокой. Об этом можно судить хотя бы по тому, что даже в 50-х годах, когда все обиды утонули в Лете, а судьба Ивана Терентьевича как жертвы «культа личности» не могла не вызывать сочувствия, даже тогда Королев характеризовал своего бывшего шефа с явной неприязнью: «Любил пожить, глубоко в дела не вникал, особыми организаторскими способностями не отличался. Самолюбив... Мне в Клейменове не нравились личные качества: барство, пренебрежение к людям...»

Само понятие «барство» за годы советской власти постоянно трансформировалось. Были времена, когда, если в шляпе ходишь – значит – барин. Старшая дочь Клейменова Ирина, когда ей было десять лет, попросила однажды шофера Володю покатать ее на отцовской «эмке», за что получила от отца строжайший выговор. «Барином» в сегодняшнем понимании этого слова Иван Терентьевич, конечно, не был, и Королев здесь, очевидно, не совсем прав. Резким, хамоватым, безапелляционным в споре – быть мог, но это уже другое.

К сожалению, не удалось отыскать характеристик Клейменова, которые он мог Т тогда дать Королеву, но, надо полагать, что они вряд ли бы украсили будущего Главного конструктора. Ну, что делать, есть расхожее определение: не сошлись характерами. А тут два самобытных, сильных характера как раз сошлись, но в поединке вздыбились, не хотели друг другу уступать.

Однако Королев превратился бы в фигуру плоскую, если бы все было так просто. При всей многолетней неприязни к Ивану Терентьевичу Сергей Павлович был очень внимателен к семье своего безвинно погибшего начальника. После реабилитации жены Клейменова Маргариты Константиновны, прошедшей все ужасы тюрем и таежных лагерей, Королев помог ей получить денежное пособие и пенсию за мужа, регулярно справлялся о ее жизни, звонил в Боткинскую больницу, когда ей делали операцию. За несколько недель до смерти он приехал к ней домой. Проговорили целый вечер, вспоминали былое: Королев – Мальдяк, Колыму, Клейменова – Усть-Усу, Печору.

– У каждого своя река, – вздохнул Королев. Потом помолчал и добавил:– А на Ивана Терентьевича я обиды не держу. Молод я был тогда, и Клейменов делал ставку на Лангемака... Я скоро в больницу ложусь, а выйду и давайте с вами, Маргарита Константиновна, воспоминания писать, нам ведь с вами есть что вспомнить, а?...

А может быть, Королев понимал, что именно конфликты с Иваном Терентьевичем спасли ему жизнь? Будь Клейменов по-покладистее, сработались бы, и Королев остался бы заместителем начальника института. А в 37-м в РНИИ казнили не людей, а должности. Вот и получается, что ссоры их с Клейменовым к тому привели, что Королев как бы освободил стул для Лангемака. А стул-то оказался электрическим... Накануне нового, 1945 года недавно освобожденный из тюрьмы Королев пишет вдове Бориса Сергеевича Петропавловского, справляется о Лангемаке – ведь он не знает, что Георгий Эрихович давно погиб: «...Напишите мне о Жорже – что же в конце концов о нем слышно и известно? Где Елена Владимировна (жена Г.Э. Лангемака. – *Я.Г.*) и девочки? Мне эта мысль не дает покоя»...

Все столкновения 1934—1935 годов были бы куда менее болезненны, если бы сводились лишь к личным конфликтам непохожих и упрямых людей и даже если бы все дело было в том, что Клейменов «делал ставку» на Лангемака. Но ведь есть еще одна краска: это была война руководителя москвичей с руководителем ленинградцев – одна из граней вечного спора двух русских столиц. Как раз в это время ленинградцы перебрались в

Москву. Их вживание в институтские дела, уже начатые москвичами, накладывалось на ссору начальства, и худшего варианта для работы трудно было придумать.

Наконец, у конфликта существовала еще одна грань, которую хорошо понимали и в Наркомтяжмаше, и в Наркомвоенморе. РНИИ должен был прежде всего заниматься не просто ракетной техникой, но военной ракетной техникой: главным заказчиком РНИИ была армия. Ленинградцы были военной организацией и ими всегда с 1930 года, когда умер Тихомиров, командовали кадровые военные. Москвичи были организацией осоавиахимовской, общественной, руководителем их был человек сугубо гражданский – цену «ромбам» Королева все знали. Поэтому конфликт руководителей был еще конфликтом военных, которые, как известно, всегда все знают лучше гражданских, с гражданскими, которые, как тоже известно, для высшей пользы дела обязаны руководить военными. Вся эта ситуация дополнительно осложнялась тем, что среди ленинградцев были сугубо гражданские люди. Глушко например, окончивший Ленинградский университет, а среди москвичей – военные, вроде Тихонравова, выпускники Военно-воздушной академии РККА. Незадолго перед образованием РНИИ в московскую ГИРД пришло новое пополнение – молодые выпускники моторного факультета той же военной академии: Стеняев, Хованский, Лобачев, Герцен, Шибалов, Зуйков, Белов и самый активный из них – Костиков. Они не учились вместе с Клейменовым, но они закончили одну и ту же академию, и уже одно это определяло их позицию в конфликте руководителей. Эти военные инженеры, хотя и окончили академию недавно, как правило имели за плечами опыт гражданской войны, вступили в партию, наконец, они были старше Королева по возрасту (Костиков, например, на 7 лет и лишь на год моложе Клейменова). Подчиняться им, красным командирам, партийцам, молоденькому беспартийному, штатскому «шпаку» было нелегко. Партийцы ходили в Октябрьский райком, который тоже должен был теперь заниматься назревшим конфликтом. Старые гирдовцы собирались дома у Королева, пробовали выработать план действий, но ничего у них не получалось.

– К чертовой матери! – орал Корнеев, обрушивая на стол свой пудовый кулак. – Да неужели не ясно, что он всех нас схарчит! Надо не дожидаться, пока нас выгонят взашей, а уходить всем вместе. Мы же сила! Что, мы не проживем без Клейменова?!

– Но мы же сами хлопотали за институт, ведь, действительно, созданы все условия… – робко возражал Тихонравов.

– Условия как раз не созданы, – бросил Королев.

Усадив всех за стол, он устроился в углу дивана так, чтобы удобнее было наблюдать, слушал внимательно, в разговор встревал редко. Он хотел всех выслушать, потому что, откровенно говоря, очень смутно представлял себе дальнейшее развитие событий.

– Ну почему условия не созданы? Мне, например, никто не мешает, – примирительно сказал Победоносцев,

– Тебе и не будут мешать, пока на тебе Лангемак воду возит, – зло ответил Корнеев. – А выпотрошат тебя, и – взашей!

– Никто на мне воду не возит, – обиделся Победоносцев. – Лангемак вообще остается в Ленинграде... Он теперь начальник филиала...

– Лангемак переезжает в Москву, – сказал Королев.

– Та...ак! – заревел Корнеев. – Теперь всем крышка! Этот пушкарь всех дожмет!

Королев был отстранен от должности по решению начальника научно-технического управления ВСНХ СССР Николая Ивановича Бухарина. Вместе с Тухачевским они решили пилюлю немного подсластить: кресло заместителя начальника РНИИ было как бы упразднено совсем. Вместо него введена должность главного инженера, на которую был назначен Георгий Эрихович Лангемак.

Клейменов понимал, что Королев побежден, но не разгромлен. Вместе с группой выпускников академии он ставит вопрос об исключении Сергея Павловича из рядов РККА, но поддержки не находит, вопрос уходит в песок, а смута не только не кончается, но усиливается. Армейское единоначалие Клейменова все чаще и чаще приводит к новым конфликтам. Дело было уже не в Королеве и не в организации работы производственников. Предметом спора становилось главное: тематика института. Вячеслав Дудаков, казалось бы, свой, ленинградец, пишет Тухачевскому, что Клейменов его травит, мешает работать, несмотря на то что его стартовые ускорители для самолетов – единственная работа ГДЛ за все время ее существования, которая сдана на вооружение Красной Армии. Характер у Дудакова был трудный, но как не прислушаться, если человек пишет: «Для характеристики общего положения РНИИ укажу, что в нем не найдешь ни одного довольного сотрудника, дельные работники, конструкторы и инженеры бегут из РНИИ».

Прошло две недели, еще с Дудаковым не успели толком разобраться, а Клейменов снова ставит вопрос ребром: с Королевым больше работать невозможно. Выведенный из себя Королев на следующий день отправляет Тухачевскому отчаянное письмо. «...В Реактивном институте создалось совершенно

невыносимое положение,» – и Сергей Павлович убеждает заместителя наркома, что Клейменов рассматривает перспективы ракетной техники тенденциозно, не понимая, что ракеты на твердом топливе не в состоянии дать те скорости, высоты и дальности, которые потребуются в будущей войне. «Пороховые реактивные снаряды, – пишет Королев, – имеют большой смысл как средство вооружения РККА сегодня новыми видами оружия, но ставка только на это – есть гибельная политика „близкого прицела“. Королев жалуется: невозможно втиснуться в программу испытаний с жидкостными двигателями, поскольку „РНИИ представляет собой мастерские по изготовлению бесконечных вариантов пороховых снарядов Лангемака“. Защищает своих соратников по ГИРД: Ефремов вынужден был уйти, Корнеева Клейменов уволил. Кто же будет делать двигатели? „Моторы т. Глушко (Ленинград) оказались непригодны по своим данным для установки их на летающие объекты“. Совсем коротко – о своей крылатой ракетной торпеде: „Возможно, что этот объект будет прототипом в миниатюре будущего стратосферного корабля или сверхдальнего снаряда“. Заключает с трагической нотой: „РНИИ идет к гибели, задыхаясь в ужасающей обстановке, созданной стараниями нескольких лиц“.

Через два дня на стол начальника Управления военных изобретений легло это письмо с резолюцией: «т. Русанову. Прошу разобраться. Т. Клейменов жесткий человек, но не всегда объективный. Тухачевский. 1.VI.»

Русанов начинает разбираться и узнает, что РНИИ «будут слушать на райкоме». Октябрьский райком партии получал самую противоречивую информацию и решил, что пора, наконец, выяснить, кто же там прав. Русанов попросил Терентьева съездить на заседание, послушать. Терентьев поехал. Клейменов доклад построил глупо, склочно, выступавших перебивал, кричал, демонстративно похохатывал: «Что ты меня учишь?! Я Колчаку Пермь сдавал, а ты меня учишь!!» Весь берлинский лоск сразу исчез и вдруг обнажился солдафон. Секретарь райкома Андреасян говорил тихо, с мягким южным акцентом, пытался урезонить Ивана Терентьевича, но безрезультатно. Даже сторонники начальника не взялись его защищать. Секретарь парткома института Зуйков понял, что Клейменов напрочь забыл все его советы. Произошло то, чего Павел Петрович больше всего боялся: Клейменов не мог понять разницу между солдатским митингом 14-й армии на Южном фронте и отчетом директора НИИ на заседании столичного райкома партии. Костиков тоже злился на тактическую неумелость своего начальника. Невозмутимый Лангемак качал ногой в блестящем сапоге, смотрел в окно. Как

ни странно, ему импонировало выступление Клейменова. В его оголтелости, даже в его базарных репликах совершенно отсутствовало желание подстроиться к официально деловому тону райкомовцев, кому-то понравиться. Наверное, он ведет себя глупо, но он естествен, он остается самим собой. А разве это не прекрасно, вне зависимости от правоты?

Решение бюро райкома было жестким и однозначным. Налицо «грубейшие ошибки, допущенные со стороны парткома в руководстве партийно-массовой и производственной работой РНИИ». В духе партийной терминологии того времени отмечено, что «партком РНИИ занял хвостистскую позицию... втянулся в склоку и проявил неслыханный зажим критики...» О начальнике института в решении было записано, что «тов. Клейменов, как руководитель РНИИ, своим нечутким и грубым отношением создал обстановку паники и бегства из института лучших инженеров».

Корнеева восстановили, Зуйкову дали выговор и рекомендовали от работы освободить, Клейменову – «указать на недопустимые методы». Терентьев, просидевший на двух заседаниях от звонка до звонка, писал в докладной записке Русанову: «...если останется Клейменов, то придется снять с работы специалистов Корнеева и Королева... Можно предположить, что с оставлением Клейменова начальником института, из РНИИ уйдет наиболее активная группа специалистов (Победоносцев, Тихонравов и др.)... Полагал бы, что нужно принять меры к немедленному снятию т. Клейменова с должности начальника РНИИ и о назначении другого лица». Русанов доложил замнаркома. Доклад этот через три дня ушел к Фельдману – начальнику Главного управления кадров РККА с резолюцией Тухачевского: «Согласен. Прошу выдвинуть хорошего кандидата – организатора». Через три недели Клейменов написал Тухачевскому письмо. Жаловался на Терентьева и УВИ, писал, что авторитет его там подрывают и приводил пример: на конференцию по изучению стратосферы без его ведома УВИ командировало Королева. Зря, наверное, Иван Терентьевич напомнил о себе: в тот же день Тухачевский напоминает Русанову: «Прошу представить кандидатов нач. РНИИ. М.Т.»

За Клейменова пробовал заступиться Орджоникидзе, доказывал Тухачевскому, что работник он хороший, ну, а если горяч порой, – с кем не бывает. В создавшейся ситуации, пожалуй, больше всего вредил себе сам Иван Терентьевич. Никак не может успокоиться, вновь и вновь пишет сутяжные письма, да еще С гордостью о них докладывает: «Мною на основании решения партийной и общественной организаций возбуждено ходатайство

перед командованием Управления об исключении тов. Королева из РККА, но этого сделано не было, дело дошло до тов. Куйбышева, последний предложил т. Королеву исправиться и дал срок два месяца...»

Терентьев читает, пожимает плечами, накладывает резолюцию, для Ивана Терентьевича обидную: «К делу. Очередная глупость. Я.Т. 15.08.1934 г.»

Поиски кандидатов на директорский пост продолжались. Предлагали Иосифа Семеновича Амосова, инженера-металлурга из Главного артиллерийского управления, Ковалькова Алексея Федоровича предлагали, выпускника академии, начальника отдела НИИ ВВС, но один был пушкарь, другой самолетчик, ракет оба не знали и к ракетам совсем не рвались. В общем, как и нынче нередко случается, день шел за днем, институт себе работал и работал и вроде бы даже неплохо работал, дел и без него у начальства было много, Иван Терентьевич понял, что время льет воду на его мельницу, несколько поунялся, затих, и... остался в кресле.

Для стабилизации работы в институте больше всего сделал новый секретарь парткома Павел Михайлович Яновский, – член партии с 1917 года, друг Постышева, Косиора, он работал в ОГПУ, но, видя, что работать там ему становится все труднее и труднее, перешел в РНИИ, благо по образованию был химиком. Крупный, подвижный, несмотря на хромоту, весельчак, мастер карточный фокусов, он быстро находил общий язык с любым человеком, готов был обсуждать любую проблему – от химического состава ракетных топлив до «технологии» поедания речных раков, к которым был очень неравнодушен. Именно Яновский своей ровной, здоровой жизнерадостностью сумел быстро изменить всю атмосферу жизни института. Королев потом часто вспоминал его. В его представлении вот таким и должен был быть парторг: умным и веселым. Яновский постарался максимально справедливо распределить «сферы влияния» и удовлетворить притязания соперников на производственную базу. Кстати, сам нашел завод в Туле, который взялся делать для РНИИ жидкостные кислородные двигатели. В 1937 году отыскался «добрый человек», который написал, что в Тулу он ездит не за двигателями, а на троцкистские совещания, и Яновский исчез. Впрочем, можно было и не писать: с такими друзьями, как у него, Павел Михайлович был обречен...

И еще один человек очень помог Ивану Терентьевичу Клейменову, помог, чтобы о нем забыли. Им был Георгий Эрихович Лангемак.

Королев, конечно, сгоряча написал тогда, что весь институт

занят изготовлением бесконечных вариантов реактивных снарядов Лангемака. Георгий Эрихович деньги народные считал не хуже Сергея Павловича и если заказывал производству свои снаряды, то делал это не впопыхах, абы заказать, а серьезно каждый заказ аргументируя. Да и не такой это был человек, чтобы столь откровенно использовать служебное положение.

Мне кажется, что Королев не сработался с Клейменовым еще и потому, что в чем-то они были похожи, и именно несхожесть характеров помогала Сергею Павловичу ладить с Лангемаком. Королев мог накричать, Лангемак никогда не повышал голоса. Королев мог обидеть, Лангемак только высмеять. Стихией Королева были производство, металл, конкретная конструкция. Лангемак предпочитал книги. Королев любил чертить. Лангемак – считать. Королев с необыкновенным жаром добивался, чтобы его поняли и после этого поддержали. Лангемак холодно говорил: «Если вы не поняли, выполняйте, что вам приказано». Королев был гениальный технарь. Лангемак был талантлив вообще. Возможно, если бы дело их сблизило, они могли бы подружиться. Но они занимались разными делами и подружиться не успели.

Человек талантливый вообще часто имеет биографию причудливую. Лангемак родился в сугубо штатской семье преподавателей иностранных языков в городке Старобельске под Харьковом – таком маленьком, что все жители там здоровались друг с другом. Отец его был немец, мать – швейцарка, оба приняли русское подданство, и сын их говорил по-немецки и французски так же легко и чисто, как по-русски. В Елизаветграде[38] он окончил классическую гимназию и решил идти по стопам родителей – стать лингвистом, изучать японскую филологию. В Петроградском университете проучился он только несколько недель, после чего должен был сменить филологию на баллистику: призыв в армию осенью 1916 года усадил его на скамью школы мичманов. Но, как талантливый человек вообще, он стал хорошим морским артиллеристом, служил в береговой обороне Финского залива. Когда его демобилизовали, а точнее, когда всякая оборона, и береговая, и не береговая стала разваливаться, он вновь попытался стать человеком гражданским. Вернувшись домой, поступил в Одесский университет. В тревожную смутную зиму 1918-1919 годов они могли встретиться в Одессе – студент Лангемак и два мальчишки: Валентин Глушко и Сергей Королев, но встречу эту гражданская война отодвинула. Весной 1919-го Георгий Лангемак ушел добровольцем в Красную Армию и, оставаясь человеком талантливым вообще, быстро вырос в Кронштадте от командира батареи до помощника начальника артиллерии всей крепости: он понял, что с японской

филологией, очевидно, ничего не выйдет, что написано ему на роду стать артиллеристом. Впрочем, и артиллерийская, и всякая другая его карьера могла прерваться навсегда, когда во время знаменитого мятежа его арестовали, но не расстреляли, а до поры посадили на гауптвахту. Выпустили его оттуда красные матросы.

Дальше путь чисто армейский: Военно-техническая академия имени Ф.Э. Дзержинского в Ленинграде, Севастополь, помощник начальника артиллерии всего черноморского побережья.

Но было нечто, отличающее его от обычных офицеров-артиллеристов. Еще в Ленинграде познакомился он с Тихомировым и его реактивными снарядами и крепко задумался о будущем артиллерии. Математика доказывала, что если усовершенствовать реактивный снаряд Тихомирова, то эффект может получиться невероятный, труднопредсказусмый. Тихомиров и друживший с ним командующий Ленинградским военным округом Август Иванович Корк добились перевода Лангемака в ГДЛ как ценнейшего специалиста по внутренней баллистике. Сделать это, очевидно, было не просто, поскольку ГДЛ была организация секретная, а Лангемака в 1922 году за венчание в церкви исключили из партии. Так стал Георгий Эрихович ракетчиком.

Если молодого Королева, который не скрывал своего равнодушия к пороховым ракетам, Клейменов – выпускник Военно-воздушной инженерной академии (ВВИА) – признавать и авиационным специалистом не хотел, то за своим ровесником Лангемаком – кадровым офицером – первенство в пороховых делах он признал охотно. Сферы влияния таким образом не пересекались. Спокойная сдержанность Георгия Эриховича позволила ему быстро найти общий язык и со старыми гирдовцами, и с новыми военными инженерами из ВВИА РККА.

– В нем поражала его внутренняя культура, знания, эрудиция как в технике, так и в гуманитарных науках, – вспоминал Тихонравов. – С ним было чрезвычайно приятно разговаривать…

– Мне лично в жизни не приходилось больше встречать таких собранных людей, умеющих организовать не только свою работу, но и работу своих помощников. Когда потом я читал «Хождение по мукам» Алексея Толстого, то часто думал о том, что Рощин похож на Лангемака, – вторил Тихонравову Победоносцев.

– Георгий Эрихович был прекрасным оратором, владел литературным языком и его выступления приятно было слушать. А еще лучше он писал, – говорил Глушко.

Очевидно, и Королев подпал под обаяние личности Лангемака. Королев высоко ценил знания, профессионализм, внутреннюю дисциплину – здесь у Лангемака было чему

поучиться. Единственно, чего никак не мог Королев – просто в силу своего темперамента – принять в Лангемаке, так это его особую, очень вежливую и чуть-чуть высокомерную иронию, очевидно, унаследованную им от морских офицеров старой школы, которые полагали всех прочих военных (а штатских – тем более!) хоть на полдюйма ниже себя. Читая отчет совсем молоденького, только что пришедшего с мехмата Миши Дрязгова, который по собственному наитию после каждой формулы непременно ставил точку с запятой, Георгий Эрихович спрашивал с рассеянной улыбкой:

– Скажите, пожалуйста, Михаил Павлович, а другие знаки препинания Вы, очевидно, просто не уважаете?

Но тут же, взглянув на залитое краской лицо Дрязгова, старался смягчить свой укол:

– Вы не возражали бы, если бы Вашу работу мы сумели бы опубликовать? – Лангемак редактировал сборник трудов РНИИ, напечататься в котором для молодого инженера было большой честью.

На такие пассажи Королев был не способен. Доведись ему, он бы спросил Дрязгова:

– Какого черта вы наставили везде эти дурацкие точки с запятой?!

Лангемак никогда не поминал даже черта, не говоря о других персонажах, населявших лексикон выпускников школы мичманов.

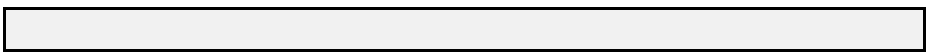
Именно такой человек и нужен был для спокойствия РНИИ. Лангемак сумел утвердить на техсовете, где он регулярно председательствовал, такой план работы института, который в общем, всех устраивал, а если кого-то (Королева, например) по каким-то частностям и не устраивал, сумел доказать необходимость временных жертв. Когда все сидели по своим комнатам, думали, считали и чертили, споры могли возникать чисто творческие, благотворные. Сыр-бор разгорался, когда начинали делить загрузку опытного производства, но и тут Лангемак со своей мягкой иронией, никогда не выражая даже тени неуважения к чужой тематике, умел отыскать вроде бы опять всех устраивающую золотую середину. Когда раньше распоряжения исходили от Клейменова, они часто вызывали раздражение еще и потому, что Клейменова в ракетных делах считали человеком некомпетентным. В Лангемаке все признавали специалиста, несогласие с ним могло вызвать сожаление, досаду, даже злость, но все эти чувства лежали уже как бы в иной плоскости взаимоотношений. Они могли привести – и приводили! – к ожесточенным спорам на техсовсте, но не к склокам. И действительно, страсти постепенно стали остывать, и

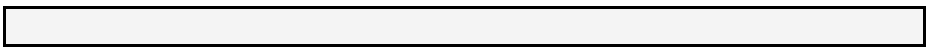
вся институтская жизнь постепенно стабилизировалась.

Перед корпусом разбили цветник, наняли специально садовника, который за ним ухаживал, расставили скамейки, отдыхали там после обеда, а иногда даже проводили собрания. Столовую организовали прямо на территории института. Руководил ею некий Барабошкин, большинство считало, что «Барабошкин кормит хорошо» и «лучше Барабошкина все равно ничего не найдем».

Ленинградцы получили многоквартирный дом на Донской улице. Знакомых у них в Москве было мало, и чреда новоселий превратилась в чреду вечеринок сослуживцев, на которых за выпивкой и патефоном противоречия стирались, недоразумения разрешались и обиды улетучивались. Жить Стало как-то веселее, особенно бывшим гирдовцам, у которых инженерная ставка подскочила с 80 рублей до 350! Примерно столько платили в знаменитом ЦАГИ.

Наладили дело с транспортом. Теперь были грузовики с крышей и скамейками, которые каждое утро забирали ленинградцев с Донской и москвичей с Новинского бульвара и Сухаревки, везли в Лихоборы. Клейменов получил квартиру в Доме правительства на набережной и ездил, конечно, не на грузовике, а на персональном «форде». А Королев – на грузовике. Но он не завидовал ему. Королев искренне начинал верить, что все, наверное, к лучшему, потому что освобождение от административных забот позволяло теперь ему все ближе и ближе подбираться к живому и любимому делу, все больше засасывало оно его чувства и мысли и превращало жизнь в то высокое и постоянное напряжение, желаннее которого ничего для него на свете не было.





Иван Терентьевич Клейменов

Георгий Эрихович Лангемак с женой. 1937 г.

22

Лишь сумма преодоленных препятствий является действительно правильным мерилом подвига и человека, совершившего этот подвиг.

Стефан Цвейг

С назначением Лангемака главным инженером тематика РНИИ была окончательно продумана и утверждена. Определилась структура. Примерно четыреста сотрудников РНИИ, кроме плановиков, АХО и мастерских, были разбиты на четыре неравных отдела. Первый был самым многочисленным и занимался пороховыми снарядами. Второй, где теперь работал Королев, – жидкостными ракетами. Из заместителя начальника института Королев, слетев на несколько административных ступенек, превратился просто в старшего инженера. Над ним оказались не только Клейменов и Лангемак, появились и непосредственные начальники: отделом руководил Алексей Стеняев, сектором – Евгений Щетинков. Стеняев – один из недавних выпускников Военно-воздушной инженерной академии, не так чтобы уж очень большой специалист по жидкостным ракетам, но человек не без организаторского таланта. Надо отдать должное Клейменову и Лангемаку – они узаконили в РНИИ правило, согласно которому руководителем того или иного подразделения не обязательно должен был быть самый знающий и опытный специалист. Такому специалисту надо было создать максимально благоприятные условия для непосредственной его работы, а не отвлекать на административно-хозяйственные хлопоты. При этом его ставка могла быть выше, чем у его формального начальника. Конечно, и Королев, и Глушко, и Тихонравов понимали в жидкостных ракетах больше Стеняева. Точно так же у пороховиков: ленинградского профессора Петрова, а затем опытного москвича Победоносцева сменил хороший администратор Глухарев, а у Дудакова – лучшего специалиста третьего отдела, который занимался твердотопливными ускорителями для самолетов, начальником был поставлен Зуйков – тоже из недавних выпускников ВВИА.

Наконец, в четвертом отделе работали химики, которые занимались ракетными порохами, готовили свои адские смеси на маленьком пороховом заводике в Софрино.

Однако не будем лукавить: очевидная разумность подобной кадровой системы имела и другое объяснение, о котором не принято было говорить, но о котором знали все. Во главе отделов должны были стоять люди партийные, еще лучше – военные, с которых можно было в случае чего спросить со всей партийной строгостью, которым можно было не просто приказать, но приказать командирским голосом. Победоносцев называл их «комиссарами при командирах». А командирами не на бумаге были как раз настоящие специалисты. Конечно, приказывать им было труднее. Ну, прижал ты его, а он взял и ушел в другое место, в ЦАГИ например. Хороший работник – трудноуправляем, ибо знает себе цену, смело критикует, не боится гнева начальства, да и вообще, кого боится хороший работник? Только того, кто мешает ему быть хорошим работником. А значит, руководить им трудно. Никак в умах человеческих уже на 17-м году Советской власти все не разграничивались два понятия: руководить и принуждать. Увы, и Сергей Павлович Королев – сын своего времени, не всегда эти понятия отличал, но об этом разговор впереди... Клейменов понимал, что идейно выдержанные партийцы из военной академии в решении принципиальных научно-технических вопросов института будут слабоваты. Поэтому действительными членами образованного уже в 1935 году научно-технического совета были все-таки в основном специалисты – «мозги РНИИ»: Лангемак, Королев, Глушко, Победоносцев, Тихонравов и Дудаков.

Второй отдел, куда пришел разжалованный Королев, по широте своей тематики сам по себе был как бы маленьким институтом. Разные секторы занимались кислородными и азотно-кислотными двигателями, и бескрылыми и крылатыми ракетами, керамическими покрытиями камер сгорания, нужными, чтобы спасти их от страшного жара, и новыми жидкими топливами, рождающими еще более высокую температуру, чем та, которую могла выдержать керамика. Тут были свои испытательные стенды, свои приборные лаборатории – короче, целое многоотраслевое хозяйство. В каждом секторе – около десяти человек инженеров и техников[39].

Королев работал теперь с Евгением Сергеевичем Щетинковым, чему был очень рад. Королев давно и хорошо знал Щетинкова как отличного специалиста, человека порядочного и в высшей степени интеллигентного, хотя он был интеллигентом в первом поколении: отец его работал в Вязьме машинистом на паровозе. Щетинков был только на год моложе Королева. Сергей в юности был черепичником, Евгений – столяром. Вместе оканчивали МВТУ, оба работали в ЦКБ. Летом 1932 года они

опять встретились в подвале на Садово-Спасской. В ГИРД Щетинков помогал Королеву в аэродинамических расчетах, без которых превратить бссхвостку в ракетоплан было невозможно. Потом разрабатывал методику испытательного полета с неустановившимся режимом работы двигателя, хотя двигателя еще не было, и вся методика была умозрительной. Щетинков приходил в подвал только вечером, днем он работал в отделе прочности ЦАГИ и о том, что ходил в ГИРД, помалкивал: в ЦАГИ гирдовцев презирали, называли «межпланетчиками», что звучало почти как ругательство.

Королев усиленно переманивал Щетинкова в ГИРД, но тот упирался и окончательно ушел из ЦАГИ уже только в РНИИ и в январе 1934 года был назначен руководителем 8-го сектора[40]. Это не вызвало у Евгения Сергеевича ни малейшего восторга, поскольку ни на какую руководящую должность он никогда не претендовал: знал, что руководить он может в лучшем случае только собой. В этом отношении он был похож на Цандера, но без испепеляющей цандеровской неистовости. В 8-м секторе никакими административными хлопотами обременен он не был. Ему была предоставлена свобода в осуществлении его идей, никто, ни Стеняев, ни Лангемак, ни Клейменов, ему особенно не мешал, а случалось – даже помогали, и жаловаться Евгению Сергеевичу было не на что, разве что на здоровье: он болел туберкулезом и чувствовал себя день ото дня хуже. Врачи говорили, что надо бросать работу и уезжать в горы. Этот спокойный, грустный человек в нервные месяцы всеобщих волнений демонстрировал завидное хладнокровие и сумел сохранить гармоничное согласие с окружающим его миром даже в жаркие дни райкомовских разбирательств.

Приходу в сектор Королева Щетинков обрадовался искренне, потому что дело свое любил, болел за него и понимал, что Королев всю их работу активизирует. Угроза того, что Королев его «подсидит» (шел такой шепоток), совершенно его не волновала. Королев был его начальником в ГИРД, потом некоторое время в РНИИ, психологически он свыкся с мыслью, что вне зависимости от «табели о рангах», Королев – его начальник. Годы в РНИИ были для Королева трудными годами, но на сей раз ему повезло: сошлись единомышленники, люди разных темпераментов, но общих устремлений, прекрасно друг друга дополняющие. В самые трудные дни Королев знал: есть плечо, на которое можно опереться, сломается, но в сторону не вильнет. Все сотрудники РНИИ единодушны в своих воспоминаниях: ближе Евгения Сергеевича у Королева в РНИИ никого не было…

Весь 8-й сектор помещался в одной большой комнате

главного корпуса РНИИ на втором этаже. В одном ее углу сделали жиденькую фанерную выгородку для двух письменных столов: Евгения Сергеевича и Сергея Павловича. Остальное пространство заполняли два ряда унылых в своей одинаковости столов, за которыми сидели сотрудники: Палло, Засько, Смирнов, Дедов, Косятов, Дрязгов, Кулешов, Матысик, позднее – Раушенбах, всего – человек 14 вместе с девушками-чертежницами. Окна были раскрыты: весна, домишки за забором по ту сторону Лихоборского шоссе уже укрылись за зеленым дымом молодой листвы. Было совсем тепло, но Королев ходил в шерстяной гимнастерке: с «ромбами» он расстался, но терять боевой вид не хотел. Военную форму он любил еще долгие годы, пока окончательно не убедился, что его приказы выполняются вне зависимости от того, как он одет.

Незадолго до смерти, вспоминая предвоенные годы, Сергей Павлович сказал журналисту Николаю Мельникову: «Я отдал ракетоплану восемь лет жизни». По сути вся личная работа Королева в ГИРД и РНИИ – это ракетоплан. В зависимости от обстоятельств, он может трансформироваться то в планер на склоне коктебельской горы Узун-Сырт, то в боевую крылатую торпеду на испытательном полигоне в Софрино под Москвой. Записывалось по-разному, а в уме всегда был ракетоплан, все восемь лет: 1931-1938 годы.

Ракетоплан не пускал в небо слабый, ненадежный двигатель. И 09 – без конца прогорающий гибрид Тихонравова, и ОР-2, так и не доведенный до ума Цандером и его последователями, – оба они были слишком маломощны, капризны, взрывоопасны, неизвестно было, как их регулировать в полете, и можно ли вообще их регулировать. Королев понимал, что у него нет и в ближайшее время не будет ракетного двигателя, тяга которого позволила бы поднять в небо человека. Зная это, любой другой конструктор на его месте переключился бы на какую-нибудь другую работу. Но Королев не мог позволить себе отложить полет в стратосферу! Если двигатели маломощны, их надо поставить на планеры меньших размеров, испытать и найти оптимальное отношение тяги к весу конструкции. Надо найти этот оптимум именно в реальном полете!

Королев строит три деревянных модели – этакие игрушечные ракетопланы с размахом крыльев около двух метров. Самолетики сначала кувыркались, но Сергей Павлович подогнал отклонение рулей под центровку, и модельки стали летать очень неплохо.

Все это было поздней осенью 1933 года, как раз тогда, когда переезжали из подвала в Лихоборы и начались первые трения с Клейменовым. Королев старался заинтересовать будущего шефа

ракетопланом, накануне Октябрьской годовщины дважды возил его на гирдовский полигон в Нахабине, где Тихонравов запускал свою ракету[41]. Первый раз замерз кислородный кран, и ракета не взлетела. Второй раз – под праздник, 6 ноября – взлетела, поднялась метров на сто пятьдесят, взвыла и разлетелась на куски. Зрелище это на Клейменова впечатления не произвело, и потом Королев жалел, что возил его на полигон: Клейменов не раз колол ему глаза «нахабинскими фейерверками». И все-таки, несмотря на эту отвлекающую от дел заварушку в верхах, опыты с маленькими крылатыми ракетами Королев продолжал.

Ракету запускали с горизонтальной деревянной фермы, по которой она разгонялась, а дальше ей полагалось лететь под углом градусов шестьдесят, постепенно набирая высоту. Но делать этого она не хотела. Соскочив с направляющих, «шестерка» – так называлась эта ракета, – пролетела метров десять, упала в снег, зашипела как змея, забилась, завертелась – сразу стало ясно, что прогорела камера сгорания.

Следующий пуск был более удачным: камеру облицевали керамикой. Ракета пролетела метров сто, но сорвалась в пике. Потом на ракету поставили простейший автомат, который должен был обеспечить ее устойчивость в полете, но и он не обеспечил: ракета поднялась на высоту пятиэтажного дома, потом вдруг клюнула носом и врезалась в землю. Менее чем за год до этого Королев писал: «Перед всяким исследователем, перед каждым работником в этой области должен в центре внимания стоять мотор... Все остальные, пусть даже самые сложные, вопросы в процессе работы с летающими моделями объектов и целыми объектами (а летать они будут наверняка в том случае, если есть надежный двигатель), несомненно, будут своевременно и достаточно полно разрешены». Заявление весьма общее. Он уточняет: «Значит ли это, что всеми остальными сопутствующими вопросами не следует заниматься? Конечно, нет. Ими заниматься следует и нужно. И такие вопросы, как, например, достижение устойчивого полета, рациональная система управления РЛА[42], приспособления для регистрации различных данных на очень больших высотах и многие другие, надо разрешать. Но в каждом таком случае надо помнить, что это будет работа не над ракетой, а над каким-то ее частным вопросом и что хорошо разработать, например, управление – еще не значит иметь хорошую ракету».

Понимать он это понимал, но на деле получилось по-другому. Какой-никакой, пусть еще далекий от совершенства, но ракетный мотор у него уже был. Узким местом в ракетной технике стала новая проблема: управление ракетой в полете. Если сказать честно, то не только «достаточно полного», как пишет

Королев, а вообще никакого решения ее не было. Обеспечить равномерный прогресс во всех областях, уравнять движение разных коллективов не за счет замедления его в угоду отстающему, а, наоборот, за счет ускорения до темпов лидера – в этом и проявлялось высокое искусство Королева-организатора.

Проблемой управления в секторе 8 только начинал заниматься Сергей Алексеевич Пивоваров, смекалистый рукодел, но эмпирик, доверявший своему изобретательскому чутью больше, чем высшей математике, которую он знал «в самых общих чертах». Пивоваров очень старался, работал, не жалея сил, и в конце концов родил ГПС – гироскопический прибор стабилизации. Как его настраивать, никто толком не знал. Откуда брать нужные коэффициенты? По какой методике считать статическую устойчивость и эффективность рулей? Подобно тому как ракетный двигатель для своего совершенствования требовал вторжения в дотоле неизвестные инженерам области термодинамики, проблема устойчивости и управления ракетами в полете тоже потребовала вторжения в те области механики и математики, куда инженеры никогда не проникали.

Королев понял это раньше других. Буквально на всех техсоветах и совещаниях он говорит о необходимости развивать работы по автоматическому управлению, создать специальные мастерские по изготовлению автоматов и измерительных приборов.

Понимает он и другое: ракетная техника в развитии своем достигла такого уровня, когда она нуждается в конкретной помощи фундаментальных наук. Для дальнейшего движения вперед надо привлекать ученых. Сергей Павлович начал с того, что сам прочел закрытую лекцию о проблеме управления крылатыми ракетами в Институте механики МГУ. Задача была: расшевелить и увлечь идеями.

Отношение к лекции у слушателей было слегка ироничное: молодой парень в гимнастерке «учил жить» университетскую профессуру. В первом ряду уселись, умиротворенно сложив руки на животе, корифеи: директор института, ученик самого Н.Е. Жуковского профессор Леонид Самуилович Лейбензон, тоже профессор и тоже ученик Жуковского, аэромеханик Владимир Васильевич Голубев, консультант Королева, «посол большой науки» в РНИИ Николай Николаевич Бухгольц и другие известные ученые. Королев закончил доклад призывом помочь решить проблему управления полетом ракет. Корифеи дружно закивали: помочь нужно. Королев уточнил: это не общественная работа, РНИИ готов платить деньги. В рядах аспирантов сразу наметилось некоторое шевеление: не так часто удавалось им подзаработать.

Дело кончилось тем, что с сотрудниками института: Х.А. Рахматулиным (он станет академиком в Узбекистане), Д.С. Вилькером, Л.П. Смирновым, Г.И. Двушерстновым Королев заключил хозрасчетные договоры. Но сказать, что молодые механики, вдохновленные речью Сергея Павловича, увлеклись ракетной техникой, значило бы погрешить против истины. Пожалуй, никто из них, кроме Георгия Александровича Тюлина, в этой области работать не стали. Многие из них рассматривали РНИИ как сытную оборонную кормушку, где можно подкормиться. Договорные работы нередко преследовали цель попросту «запудрить мозги» ракетчикам. Они были безупречны по форме, наукообразны по языку, но нередко очень бедны по содержанию. В уравнения и формулы подставлялись вновь изобретенные «ракетные» члены и коффициенты, которые придавали им вид непривычный для глаза и на первых порах создавали иллюзию неких новых разработок. Однако, если разобраться, многие «открытия» были перепевами давно известного. Один отчет, как потом выяснилось, оказался почти целиком переписанной статьей бельгийца Госа «Устойчивость и управляемость самолета». Королев, узнав об этом, сначала пришел в ярость, а потом засмеялся и сказал:

– Сами виноваты: языков не знаем, журналов не читаем. У таких лопухов и нужно деньги отнимать...

Его всегда веселила солидная толщина отчетов.

– Взгляните, – говорил он Щетинкову, – ну, каковы хитрецы: если ссылаются на Ньютона, не ленятся на полстраницы все титулы перечислить: и член парламента, и смотритель монетного двора...

Договорные работы и консультанты в полной мере его не удовлетворяли. Лучше всего было бы иметь собственного теоретика. Наконец такой случай представился: к Королеву пришел молодой ленинградский инженер Борис Раушенбах. Но, к сожалению, случилось это только в 1937 году, немного пришлось им поработать друг с другом, а пока Пивоваров с механиками Авдониным и Букиным трудились в поте лица, доводя до ума капризный ГПС.

Этот первый наш ракетный гироскопический автомат Королев решил поставить на ракету 06/3, которую сконструировал Щетинков. Она уже совсем не была похожа на бесхвостку, скорее – на модель бомбардировщика с размахом крыльев в три метра и весом 80 килограммов. Была и уменьшенная модель этой ракеты – 06/2, которую пускали дважды, чтобы сверить ее расчетный и действительный путь. Эта малышка оказалась необыкновенно своенравной и однажды во время испытаний выдала «мертвую

петлю», а потом с воем пронеслась над самой головой Тихонравова, но он так оторопел, что испугался только на ее второй «петле», после чего она врезалась в землю.

Малышка была как бы лабораторным подопытным существом. А все надежды связывались теперь с главным большим детищем Щетинкова и Королева – в технических документах РНИИ эта новая ракета называлась 216.

Немало сил и нервов стоила Королеву эта ракета. Уговорить Клейменова и Лангемака выделить деньги на эту работу было очень нелегко: новое предприятие Королева стоило довольно дорого. На полигоне в Софрино надо было выстроить 60-метровый рельсовый путь. По рельсам должна была катиться тележка с разгонными пороховыми ракетами, а с этой тележки уже стартовала 216. Глядя на чертежи этого громоздкого и дорогого сооружения, Лангемак морщился. Когда Королев ушел, Клейменов спросил:

– И на кой черт нам этот Турксиб? Разве это оружие?

– Разумеется, это не оружие, – сказал устало Лангемак. – Надо рассматривать всю эту установку как своеобразный испытательный стенд для отработки двигателей и систем управления.

– Но ведь спросят-то с нас ракету! Ракету-то он сделает?

– Думаю, что не сделает. Впрочем, Королев непредсказуем...

Позади все полигонные хлопоты, бесконечные пререкания с производственниками, нудные дни холодных испытаний, когда в самом неподходящем месте начинает или свистеть, или капать, и сколько ни переделывай, – свистит и капает, хочется взять кувалду и разнести все эти трубопроводы к чертовой матери! Все это уже позади, слава богу: наступил день первого пуска.

Щетинков очень нервничал. Королев нервничал еще больше, но успокаивал Щетинкова:

– Евгений Сергеевич, поверьте, что не в ракете сейчас дело. Ракета полетит, куда ей деться? Надо проверять не ракету, а всякие мелочи, которые могут подвести...

И он проверял. Готова ли кинокамера для фотосъемки? Работают ли самописцы движения рулей? Не отсырела ли шашка дымового трассера, который поможет точно определить траекторию? Механики по его указке мазали мыльной пеной штуцера воздушных баллонов, следили, не надуется ли где перламутровый мыльный пузырь – сигнал того, что магистраль «травит». Ракета лежала на тележке в легком облачке кислородных паров. Было тепло, и жидкий кислород надо было доливать в крылья ракеты, где размещались баки окислителя – на 216 стоял уже более мощный двигатель 02, потомок того,

который делал еще Цандер.

Наконец, все было готово. Подрывная машинка запалила пороховые ракеты тележки, которая понеслась вперед с оглушительным визгливым треском, оранжевое пламя ударило из хвоста ракеты, и вот она уже сорвалась с тележки и полетела – летит! – все круче забирая вверх. Сначала Щетинков беззвучно завыл от восторга, но тут же вой этот сменился таким же беззвучным воплем досады: уж чересчур круто пошла она вверх. Ракета сделала эффектную «мертвую петлю» и с громким взрывом врезалась в землю. Стало очень тихо.

– Вот вам и ГПС – грустно сказал Королев. И тут же добавил бодро, – но летает! Значит, надо учить ее летать!

– Пока мы ее выучим, она нам голову оторвет, – хмуро насупился «Щетинков. – Откуда это непонятное влечение к „мертвым петлям“?

– Откуда? – переспросил Королев. – Все оттуда же: нет надежной системы управления.

Из четырех ракет 216 только две взлетели с тележки, – тогда это уже считалось удачей.

Королев был очень увлечен этими пусками и вообще жидкостными ракетами, поэтому все удивились, что с не меньшим рвением он взялся и за ракеты, пороховые, на некоторых после полетов в Ленинграде с ускорителями Дудакова он вроде бы поставил крест. А вернулся он к ней не случайно. Что там ни говори, но деньгами его попрекали справедливо: такая ракета, как 216, стоила многие тысячи рублей. Пороховые ракеты по устройству были значительно проще, поэтому втискивать их в план производства было легче. И стоили они много дешевле жидкостных, а «уложиться в смету» Королеву все время удавалось с большим трудом: на все работы он получал 190 тысяч рублей в год. Сергей Павлович вызвал к себе за фанерную перегородку Дрязгова и сказал очень строго:

– Михал Палыч, я разрешаю вам заказать восемь ракет. Ну, девять. А все остальное – из вторичного сырья. Да, да, не удивляйтесь. После вчерашнего пуска камера сгорания должна быть цела, ракета ткнулась носом. Где камера?

– Так ведь темно уже было, Сергей Павлович. Как ее в лесу найдешь ночью...

– Чтобы завтра камера была, – он не повышал голоса, но какая-то особая модуляция превращала простую, ровно произнесенную фразу в приказ.

Дрязгов был рад, так как думал, что больше шести ракет Королев ему заказать не позволит. Дрязгов вообще был оптимистом и считал, что ему всегда везет, а выгородка за

фанерой вообще для него счастливое место. Первый раз Миша попал туда студентом пятого курса МГУ. Здесь, за фанерой, Королев прочел ему вдохновенную лекцию о великом будущем крылатых ракет.

– Вы только представьте себе, – говорил Королев, – если пустить обычную ракету под углом в 45 градусов к горизонту, то она пролетит четыре с половиной километра, а с крыльями – почти восемнадцать километров, в четыре раза дальше!

Глаза Миши горели от восторга. Он начал работать с невиданным энтузиазмом. Для разгона сделал несколько маленьких – по пять-десять килограммов – крылатых снарядиков, громко именовавшихся «объектом 48», и запускал их на Софринском полигоне. Летали эти «объекты» из рук вон плохо, срезали своими фанерными крыльями верхушки окрестных елок, зарывались в землю, короче – изощрялись во всевозможных пиротехнических эффектах. Но постепенно на старой аэродинамической трубе механико-математического факультета МГУ, которая помнила еще Жуковского, Миша научился проводить регулировку своих ракет, и дело пошло. Миша ходил гордый, но однажды одна из его красных «бабочек», как называли их на полигоне, лихо вылетев из стартового станка и набрав высоту, легла вдруг на спину и помчалась назад, точно целя в штаб полигона. Рядом со штабом строилось новое здание, в фундамент которого она и угодила, до смерти перепугав плотников. Начальник полигона сказал Королеву, что, если «бабочки» и дальше так будут летать, Мишу с полигона он выгонит. Дрязгов очень старался и медленно продвигался к совершенству. Сначала ракеты начали летать нормально только при работающем двигателе. Как только порох выгорал, они начинали кувыркаться. Королев привез на полигон Ветчинкина и Бухгольца. Глядя на ракету, несущуюся над лесом, словно брошенное полено, Николай Николаевич Бухгольц покрутил головой и заметил философски:

– М-да, молодые люди... Что можно сказать? Все в мире стремится к коловращению...

Однако подсказал, что надо делать.

Опыты с маленькими моделькими помогали нащупать оптимальный вариант для будущей большой. В конце концов остановились на двух ракетах – прямых потомках красных «бабочек»: 217-1 была похожа на самолет и весила более сотни килограммов. Поднявшись на трехкилометровую высоту, она должна была летать на 36 километров. Другая ракета, поменьше, имела расчетную дальность 19 километров. Во время испытаний пороховой заряд уменьшали, чтобы ракета не залетела невесть

куда.

Обе ракеты пускали в один день – 6 октября 1936 года. Погода отвратительная – дождь и ветер, кожаное пальто Королева намокло и стало ужасно тяжелым. Дрязгов дрожал от холода и от волнения. Он сидел в метрах тридцати от пускового станка у подрывной машинки, мелко клацая зубами. Механиков отослали подальше в укрытие.

– Н-ну, что, Сергей Павлович, разрешите пускать? – выдавил из себя Миша с ознобом.

– Давайте…

Дрязгов непослушной рукой закрутил ручку индуктора и ткнул пальцем пусковую кнопку.

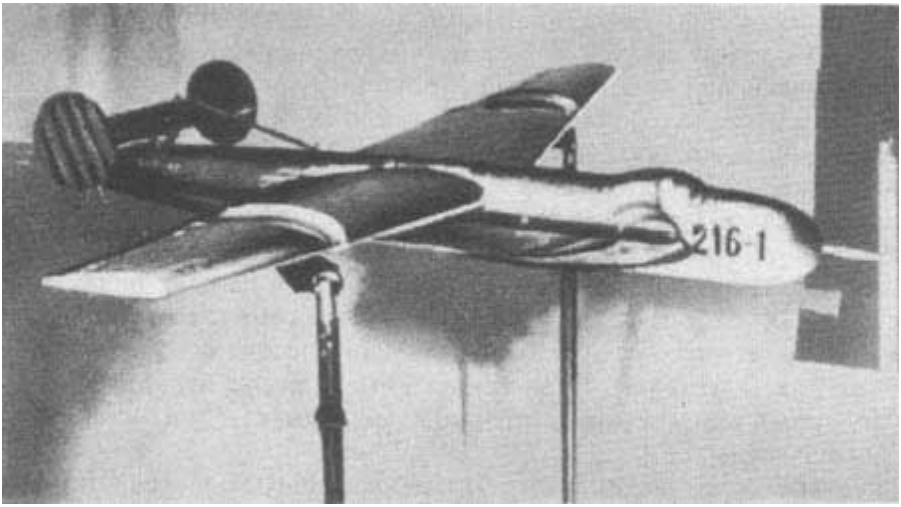
Ракета глухо завизжала, вытащила из нутра огненный хвост и медленно заскользила по десятиметровым направляющим. Она устойчиво летела довольно долго и отлетела, наверное, на целый километр, потом вдруг кувырнулась и вошла в пике.

В тот же день четырехкрылка взорвалась на старте, разворотив станок.

Еще до того, как Дрязгов установил на своих ракетах приборы для опытов по управлению, стало ясно, что его ракеты могут иметь не только лабораторное применение. Ими заинтересовались специалисты Центральной лаборатории проводной связи (ЦЛПС), которая подписала с РНИИ специальный договор. В конце 1936 года по два экземпляра каждого варианта ракеты 217 передали в ЦЛПС, но там пошла лавина повальных арестов и прибористам было уже не до ракет. Таким образом работы Дрязгова заглохли при первых обнадеживающих результатах. А ведь перспективы были интересные. 217-я должна была превратиться в зенитную ракету, наводящуюся на цель по лучу прожектора. Другая модификация – пороховая ракета-201 – стать воздушной торпедой, как теперь говорят: ракетой класса «воздух-земля». Но ничего до конца доведено не было, как сказано в официальном отчете: «в силу причин, к торпедам не относящимся».

Испытания крылатой ракеты 212 конструкции С.П. Королева

Крылатая ракета 216 С.П. Королева. 1933-1936 гг.



23

...Видит дальше других и хочет сильнее других.

Георгий Плеханов

Еще не отстреляли все 217-е и 216-е, у Дрязгова и Щетинкова была еще масса идей, и весь отдел настроен был опыты эти продолжать и совершенствовать, а Королев предложил начать работать над новой крылатой ракетой, принципиально новой, потому что она будет сжигать горючее не в жидком кислороде, на котором работали до сих пор все его жидкостные ракеты, а в азотной кислоте.

Казалось бы, это чисто техническое решение не должно было вызвать особого оживления в стенах РНИИ. Ну, такую делают ракету, ну – этакую, подобные вещи касаются узкого круга непосредственных исполнителей. Однако здесь, кроме вопросов технических, были замешаны и страсти человеческие:

– Королев изменил кислороду!

– Новый союз: Королев-Глушко!

– Москвич консолидируется с ленинградцем!

– Бывший начальник ГИРД оставляет свои разработки, чтобы воспользоваться достижениями ГДЛ!

А страсти разыгрались потому, что под крышей РНИИ жили две, если не враждовавшие, то безусловно соперничавшие школы ракетчиков-двигателистов. Впрочем, «школы» – это, наверное, слишком громко сказано. Школами им еще предстояло стать. А пока это были две группы инженеров, только начинавших постигать тайны такого простого по внешнему виду и такого непростого по процессам, в нем происходящим, ракетного двигателя.

Главой первой группы был ленинградец Валентин Петрович Глушко, который уже мог похвастаться некоторыми, пусть пока скромными победами. Во второй – московской группе – назвать лидера было сложнее. Лидеров было трое: Михаил Клавдиевич Тихонравов – он в этой группе лучше всех думал, Леонид Степанович Душкин – он лучше всех конструировал, и Андрей Григорьевич Костиков – он лучше всех говорил. Суть разногласий сводилась к тому, что Глушко работал с азотной кислотой и ее производными, а Тихонравов, Душкин и Костиков – с жидким кислородом. И каждая группа, разумеется, считала, что истиной владеет именно она, а оппоненты ведут ракетную технику в

тупик. Поклонники жидкого кислорода говорили:

– Кислород практически вездесущ, его можно добывать в буквальном смысле из воздуха, технология его получения известна и налажена. Только сумасшедший может заниматься худшим окислителем, зная, что есть лучший.

Поклонникам кислорода возражали:

– Если считать, что производство жидкого кислорода, как вы утверждаете, налажено (что не соответствует действительности), то производство азотной кислоты вообще измеряется сотнями тонн. Но дело даже не в этом. О каком военном применении жидкого кислорода может идти речь, если он кипит уже при температуре минус 183 градуса! На мирном испытательном полигоне в изолированных дьюарах он до дна выкипает за несколько часов, вы не всегда опыт успеваете сделать. Как же вы будете пользоваться им на фронте?! Не говоря уже о том, что он готов взорваться от капли масла. Азотные соединения тоже агрессивные жидкости, но их можно хранить сколько угодно, перевозить куда хочешь. Поэтому за «азоткой» – будущее нашей армии.

– Ну, насколько удобно ее возить, вам, Валентин Петрович, конечно, лучше известно, – иронизировали оппоненты, намекая на историю, которая приключилась с Глушко на Московском вокзале в Ленинграде. Да, собственно, какая это история? Нелепая, досадная случайность. Кто бы мог тогда подумать, что она будет иметь какие-то последствия…

Глушко хотел провести в Москве опыты со своим двигателем ОРМ-50, узнал, что добыть кислоту в столице – дело хлопотное и решил привезти бутыль кислоты из Ленинграда. Был сильный мороз. Бутыль, нагревшись в вагоне, лопнула. По счастью, поезд еще не тронулся. Поднялся переполох: кислота воняла, дымила, прожигала все, что могла прожечь. Поезд задержали, Валентина Петровича тут же арестовали и свезли на Литейный в ГПУ. Там он рассказал, кто он такой, зачем вез бутыль, и сообщил, что имеет сопроводительное письмо уполномоченного начальника вооружения по Ленинграду товарища Ильина. Ильина на Литейном знали: когда Тухачевский командовал Ленинградским округом, Николай Яковлевич был у него адъютантом.

– Имеем ли мы право вскрыть письмо? – спросили насторожившиеся чекисты.

– А это уж вам решать, – загадочно ответил Глушко, после чего чекисты насторожились еще больше.

Потом они куда-то звонили, наводили справки, советовались со своим начальством и, поняв в конце концов, что вся эта история – ерунда, ничего такого, что сулило бы им поощрение за

рвение в этом деле, не просматривается, Глушко отпустили.

Да, тогда это было событие трагикомическое, но в марте 1938 года на первом же допросе во внутренней тюрьме Лубянки припомнили Валентину Петровичу плетеную бутыль с кислотой – «орудие вредительского акта» и письмо Ильина – «подлого наймита иностранных разведок...»

Королев слушал споры об окислителях внимательно и непредвзято. Он давно понял, что и те и другие – правы, что оба варианта и, очевидно, множество других вариантов имеют право на существование, и весь вопрос только в том, какой вариант выбрать в каждом конкретном случае. Все его работы устремлены были к стратоплану. Поэтому кислород его не смущал: истребитель-перехватчик будет заправляться не в окопе, а на оборудованном аэродроме. Дежурные машины можно держать на подпитке. Он начал с кислорода: на кислороде взлетела первая ракета Тихонравова и вторая ракета Цандера, и все эти коварные и непослушные 06 и 216 Щетинкова тоже летали на кислороде. Но летали плохо. Плохо! А двигатели Глушко работали лучше. Лучше! Вот вам и весь спор! От кислорода он отказываться не будет. Надо поддерживать Тихонравова, Стеняева, Душкина, – всех, кто работает с кислородом. Пусть доказывают свою правоту. Но если завтра сделают такой двигатель, который будет хорошо работать на козьем молоке, возьму его!

Костиков публично обвинял Королева в «беспринципности». Да при чем тут принципы и измены? Глушко в своей книжке, которую он написал с Лангемаком[43], прямо говорит: «Жидкому кислороду как окислителю для ракетных двигателей уделяли до сих пор больше внимания, чем он того заслуживает». Это – позиция. Королев же в своей книжке[44] никакому окислителю предпочтения не отдает, отмечает только, что работа «с жидким кислородом или другими подобными по свойствам окислителями сопряжена с целым рядом серьезных затруднений и требует большой осторожности». Брать все лучшее, наиболее надежное в данный момент – это тоже позиция. Через очень много лет один из близких сотрудников Королева Константин Петрович Феоктистов напишет о нем: «Если ситуация, технические и производственные возможности менялись, появлялись новые технические решения, он смело пересматривал ранее принятые планы, ранее принятые решения».

Наступает первый, самый ранний период сближения двух будущих знаменитых ракетчиков, двух будущих академиков: Сергея Павловича Королева и Валентина Петровича Глушко. Теперь они часто встречаются и подолгу беседуют. Их можно нередко увидеть выхаживающих вдвоем по коридору или во дворе

перед испытательными стендами.

– Вон две тыщи сто идут, – смеясь, говорили механики.

Дело в том, что с недавних пор Королеву и Глушко НКТП положил персональные оклады, в сумме равнявшиеся 2100 рублям. Естественно, весь институт обсуждал это событие, поскольку обычная зарплата инженера не превышала 700-800 рублей, а молодым случалось и 500 платили.

И пусть шутят сколько угодно, Королев на такие вещи внимания не обращал. Пусть Костиков сколько угодно кричит, что он, Королев, ренегат, – новая ракета должна быть действительно новой. Надо искать нечто принципиально отличное, иначе погрязнешь в бесконечных доводках, совершенствовании многочисленных. вариантов и застрянешь, утонешь в них, как в болоте. Надо сделать новую ракету и добиться в ней самого важного для будущего ракетоплана: послушания. На ней надо отработать уже почти в натурных условиях все режимы управления будущим ракетопланом. Поэтому ведущим конструктором по этой ракете надо назначить Раушенбаха, главного «теоретика» их отдела. Раушенбах должен разобраться...

На страницах этой книги Борис Викторович Раушенбах – один из ближайших соратников Сергея Павловича Королева – будет появляться, исчезать, снова появляться, постоянно трансформируясь, превращаясь из планериста в ракетчика, из контрольного мастера кирпичного завода в руководителя одного из важнейших подразделений головного конструкторского бюро по ракетно-космической технике, из настоящего изгоя, человека отторгнутого обществом, в ученого с мировым именем, академика, лауреата Ленинской премии.

Как и всякий большой человеческий характер, Королев ни на кого не похож. Похож только на самого себя. Но если из всех его соратников и единомышленников попытаться отыскать человека, который был менее всего похож на Королева, то это, наверное, Раушенбах. Причем при чисто формальном сравнении вроде бы очень много общего, похожего. Раушенбах моложе Королева на восемь лет, но в общем это люди одного поколения. Оба воспитывались в семьях сравнительно обеспеченных, жили в крупных городах: обрусевшую немецкую семью мастера-кожевенника кормила фабрика «Товарищества Санкт-Петербургского производства обуви», в наши дни превратившаяся в гигантское объединение «Скороход». Сына кожевенника, как и юного Королева, заворожила в отрочестве авиация. Борис упросил отца выписать ему журнал «Самолет», хотя почти ничего не понимал в нем, но с упоением рассматривал картинки. А в самой

авиационной технике оба увлекаются одними и теми же конструкциями: уже на втором курсе Института гражданского воздушного флота Борис заинтересовался бесхвостками Черановского, но заинтересовался совсем не так, как Королев, ни о каком ракетном двигателе на бесхвостке он не помышлял, просто не мог понять, почему она не переворачивается в воздухе. Вместе со своим сокурсником Игорем Костенко он и сам пробовал строить бесхвостки, а первая научная работа будущего академика, написанная в год организации РНИИ, называлась «Продольная устойчивость бесхвостных самолетов». Там он писал: «Для создания полноценного самолета – „летающего крыла“ – необходимо разрешить ряд сложных проблем, в частности проблему устойчивости и управляемости». Тогда же к такому же выводу приходит и Королев, испытывая ракетные модели «летающих крыльев».

На графиках их молодых увлечений была еще одна общая точка: планеризм. В июне 1935 года журнал «Самолет» писал о своем недавнем подписчике: «Ленинградский конструктор-комсомолец т. Раушенбах сконструировал новый планер „Чайка“ для рекордных полетов на дальние расстояния». Как раз в это время Королев сделал свой «СК-9». Они вместе были в Коктебеле на XI планерном слете, но не разглядели друг друга. Планер Королева Раушенбаху не понравился, да и сам молодой конструктор, вечно насупленный, мрачноватый какой-то, не вызывал у Бориса ни малейшей симпатии. И потому еще не вызывал, очевидно, что были они очень разными, что вся эта их чисто внешняя похожесть – формальна. Бурный, деятельный, раскрепощенный, увлекающийся, постоянно готовый к драке Королев категорически не похож на тихого созерцателя и аналитика Раушенбаха, предельно сдержанного, сохранившего строгий, если не аскетический уклад жизни его немецкой семьи – немногословность, упорное, неторопливое, пчелиное трудолюбие.

В Коктебеле Раушенбах познакомился с Федором Генриховичем Глассом – одним из «теоретиков» ЦАГИ, уже довольно известным ученым, который был консультантом РНИИ по аэродинамике. Гласс пригласил Бориса работать в ЦАГИ, но когда тот приехал, оказалось, что вакансий в ЦАГИ нет. Гласс чувствовал себя виноватым и уговаривал теперь Раушенбаха поступать на работу в РНИИ, где ему будет в тысячу раз интереснее, чем в ЦАГИ, а он, можно считать, обо всем уже договорился. Борис Викторович и не думал расстраиваться, напротив, РНИИ действительно очень его интересовал. Ведь после окончания института в Ленинграде он хотел заняться ракетной техникой в ГДЛ, ходил на собрания в ЛенГИРД. Так через два

года после коктебельского слета они вновь встретились с Королевым.

Раушенбах сидел в фанерной выгородке в отделе Королева, и тот пытливо расспрашивал его вроде бы обо всем, преследуя единственную цель: убедиться, что это как раз тот парень, которого он искал, что он действительно увлечен проблемами устойчивости и управления. Теперь, когда Пивоваров выделился в самостоятельное подразделение, Королеву позарез был нужен «теоретик». Потом он долго и довольно нудно уговаривал Раушенбаха не увлекаться полетами на Луну и межпланетными путешествиями, а заниматься доступной реальной техникой, из чего Раушенбах сделал вывод, что сам Королев не меньше его увлечен космическими фантазиями, но тщательно это скрывает.

Жизнь Раушенбаха в РНИИ текла тихо и мирно, пока Королев не надумал поручить ему все руководство ракетой 212, а точнее до того дня, когда Сергей Павлович откомандировал его в ЦАГИ с заданием продуть в аэродинамической трубе модель ракеты и снять на кинопленку вихри воздушного потока. Раушенбах в ЦАГИ «зашился»: то есть кинокамера, но занята труба, то труба свободна, но нет пленки, то труба свободна и пленка есть, но у механиков отгул, – и так несколько дней. Неожиданно нагрянул Королев и, узнав, что ничего не сделано, устроил страшный разнос. Приехавший с ним Щетинков отводил глаза – он не мог смотреть на раздавленного королевским напором, что-то невнятно лепечущего Раушенбаха.

– Даю вам сутки, – сказал Королев и уехал.

Раушенбах почему-то очень перепугался. Он не мог бы объяснить этого самому себе, но им овладела непонятная тревога: казалось, если он не сделает все за сутки, произойдет нечто ужасное. Не в том смысле, что лишат премии или уволят, нет, случится нечто непоправимое, причем в масштабах гигантских. В отчаянии он понял, что теперь должен устроить разнос всем этим слесарям и киномеханикам, понимал, что скорее всего зрелище это будет жалкое, что над ним будут смеяться, но делать-то нечего. И устроил! И никто не смеялся. Забегали, засуетились, достали пленку, установили модель и сделали всю работу за одну ночь.

Королев очень удивился, получив от него протоколы продувок, но виду не подал. Потом Раушенбах понял, что никакой срочности в этой работе не было, но на Королева не обиделся, воспринял все философски, как урок на будущее.

То, что Раушенбах не был хорошим организатором, Королев видел. Но он считал, что сейчас наступил такой момент, когда умение быстро и точно разобраться в капризах техники важнее

таланта руководителя, что именно такой «нестандартный» ведущий конструктор и требуется ему сегодня.

Впрочем, формального назначения на новую ракету ведущего не было, как не было и должности такой – ведущий конструктор. Все это в будущем. Но уже в те годы проклевываются первые ростки того, что превратится потом в грандиозную организационную систему Главного конструктора: Щетинков – как бы ведущий по ракете 216, Давыдов – по крылатой 201, Раушенбах – по 212. Так в 50-х годах Хомяков станет у Королева ведущим – уже действительно ведущим – по первому искусственному спутнику Земли, Ивановский по гагаринскому «Востоку», а старый верный друг по РНИИ, который сидит сейчас по ту сторону фанерной перегородки, – Арвид Палло – ведущим по мягкой посадке на Луну, до которой Королев не доживет всего три недели...

Ракетный беспилотный самолетик 212 был самой большой из всех ракет, созданных Королевым до войны. Более трех метров длиной, он весил 210 килограммов и согласно расчетам должен был унести 30 килограммов взрывчатки на 50 километров. Глядя на него, легко можно было представить себе: вот он подрастет совсем немного и уже сможет впустить в свое чрево человека, превратиться в ракетоплан. Так в человеческом зародыше еще есть рудиментарный хвост, но уже образовались и ручки, и ножки и даже ушки ясно обозначились на маленькой голове... 212-я виделась Королеву зародышем ракетоплана. Для него она была пограничным летательным аппаратом, за которым ракетная техника превращалась в пилотируемую. Изо всех его ракет, наверное, именно эта точнее всего была нацелена в будущее... В 1971 году Тихонравов скажет: «Да, обидно... Когда разобрались с автоматикой, СП уже посадили...»

Первый раз ракета 212 полетела 29 января 1939 года. В камере Новочеркасской пересыльной тюрьмы у всех в тот день было праздничное настроение. Нет, о старте своей ракеты Королев ничего не знал. Да и откуда он мог знать? Просто одному «японскому шпиону» из авиапрома перепала пачка отличной кубанской махорки.

Споры двигателистов по поводу того, что лучше: кислород или азотная кислота, может быть, еще потому так мало трогали Королева, что это были как бы внутренние споры, «семейный конфликт» тех, кто занимался жидкостными ракетными моторами. Существовал еще другой – Большой Спор, Главный Конфликт РНИИ – между сторонниками ракет на твердом топливе – пороховых ракетных снарядов и «жидкостниками». В известном кинофильме «Укрощение огня» так похожий по всем приметам на

Королева конструктор Башкирцев стал одним из создателей знаменитой «катюши». Не выдуманный, а реальный Королев никогда реактивными снарядами не занимался, даже испытывал к ним некоторую неприязнь и не считал нужным это скрывать. Однако его неприязнь никогда не перерастала в отрицание.

Точно так же Сергей Павлович, занимаясь крылатыми ракетами, всегда ратовал и за ракеты баллистические – бескрылые и был едва ли не единственным членом техсовета РНИИ, который активно протестовал против свертывания работ по этой тематике. 15 января 1935 года на совещании в присутствии именитых гостей – профессоров Б.С. Стечкина, В.П. Ветчинкина, Д.А. Вентцеля – Королев набросился на Костикова, доклад которого объективно лил воду на его, Королева, мельницу: Костиков утверждал, что крылатые ракеты более эффективны и признавал бескрылые лишь со множеством оговорок.

– Вопрос, доложенный Костиковым, мало исследован и нуждается во всесторонней математической и экспериментальной проверке, – заявил Королев. – Прекращать исследования по бескрылым ракетам нельзя. Нельзя отступать перед конструкторскими неудачами, вся история техники этому учит…

Костиков совершенно растерялся: мало того, что Королев предал его, переметнувшись к Глушко, он теперь стреляет по своим, по коллегам, которые его поддерживают!

Антипатия между ними росла день ото дня…

Но в возражениях своих Королев не сводил счеты с Костиковым и не старался расположить к себе маститых гостей видимостью объективных оценок. Он действительно считал, что и баллистические ракеты, и реактивная артиллерия – нужные и перспективные работы.

Королев мог себе позволить, особенно сгоряча, какую-нибудь неделикатность в общении с людьми, но он был чрезвычайно деликатен в вопросах технических. В РНИИ он постоянно подчеркивал, что не хочет никоим образом противопоставлять реактивные снаряды своим ракетам и ракетопланам, но требует равной заинтересованности руководства института в этих работах. Буквально через два дня после стычки с Костиковым по поводу его нападок на чужие работы, он на другом заседании сцепился с Клейменовым, защищая уже себя.

– Нам необходимо иметь надежно работающие автоматы для крылатых ракет. Торпеды не могут летать без автоматов. Чем вызвано ваше распоряжение о сокращении плана работ автоматного сектора?!

– Тем, что они дороги, ясно? – рявкнул Клейменов. – В

первую очередь мы будем финансировать наиболее актуальные работы!

– Значит, наши работы неактуальны?! Академик Петр Леонидович Капица говорил:

– Каждый муж всегда думает, что его жена самая красивая. Каждый считает, что его работа самая важная. Только при этом человек хорошо работает.

Убежденность в предельной важности его работы была присуща Королеву всегда. Однажды на космодроме он сказал провинившемуся инженеру:

– Вы понимаете, что за такие вещи я могу вас уволить?!

– Да увольняйте, – вяло ответил тот. – Уйду в другое место. Хоть действительно важными делами буду заниматься...

Люди, хорошо знавшие Сергея Павловича, говорили:

– Если бы этот инженер плюнул ему в лицо, он бы меньше обиделся.

С Королевым случилось что-то вроде припадка, его отпаивали чистым спиртом: кто-то мог усомниться, что его дело не самое важное!

Подобная нетерпимость укрепляла репутацию Королева как человека с тяжелым характером. С учетом этого надо попытаться подняться «над схваткой» в РНИИ: действительно ли Королева ущемляли? Пожалуй, действительно. Если можно назвать главную тему РНИИ, которой в первую очередь отдавалось предпочтение, которая в первую очередь обеспечивалась кадрами и материальными ресурсами и стояла на первом месте при распределении заказов в цехах опытного производства, то, конечно, это были реактивные снаряды на твердом топливе. Значит, Королев в своих притязаниях прав?

Пожалуй, не прав.

Приход фашистов к власти не означал, как писали иногда, «угрозу возникновения новых вооруженных конфликтов». Этот приход означал не угрозу, а войну неминуемую, ибо она входила непременной составной частью в саму структуру фашистского режима. Бенито Муссолини говорил с улыбкой, которая еще больше безобразила его ужасное лицо: «Для мужчины воевать так же естественно, как для женщины рожать детей». Все тридцатые годы в СССР – годы подготовки к войне, совершенствования армии, разворачивания оборонной промышленности. Никогда до этого поиски новых видов вооружения не велись в темпах столь стремительных. И в других странах к ракетчикам, которых еще вчера почитали за чудаков и фантазеров, начинают прислушиваться. Да и как не прислушаться было к лекции Германа Оберта в Вене, который рассказывал об атаках

межконтинентальных баллистических ракет, начиненных взрывчаткой и отравляющими газами. Правда, в конце лекции Оберт заявил, что ракеты – оружие столь страшное, что ни одна страна не возьмет на себя ответственность применить их в будущей войне. Как он был наивен! Именно в Германии ракетные исследования ведутся в это время особенно интенсивно. Ведь по Версальскому мирному договору артиллерийский парк немцев был ограничен: 204 полевых орудия и 84 гаубицы. Даже снаряды лимитировались: по тысяче на пушку, по восемьсот – на гаубицу. Но ведь статью 166 Договора можно прочесть и по-другому. Ведь статья запрещала иметь «какие-либо другие запасы, склады или резервы боеприпасов». А причем здесь ракеты? Надо еще доказать, что ракеты – это боеприпасы. А значит, ракеты можно производить в любых количествах. И вот уже в конце 1933 года, как раз тогда, когда образовался наш РНИИ, ватага здоровых парней в серо-голубой форме отрядов СА заявилась на Ракетенфлюгплац – полигон под Берлином, где работали искренние романтики, мечтающие о космических перелетах, и вытолкнули романтиков взашей. Золотой «межпланетный» век немецких романтиков кончился. Наступило время Вернера фон Брауна.

Королев еще не слышал этого имени, когда писал в 1935 году: «Значительная простота ракетных аппаратов, возможность их использования для работы на больших высотах, где другие типы двигателей оказываются непригодными, и, наконец, широкие перспективы в применении их для военных целей – все это не могло не привлечь внимания военных кругов всех империалистических стран». А далее опять о своем, наболевшем: «Очевидна исключительная роль в военном деле высотного самолета, летящего с огромной скоростью».

Вот этот никем еще не построенный самолет, а не «катюша» с ее реактивными снарядами олицетворяет для Королева ракетную технику в будущей войне. В создании именно такого самолета видит он свой инженерный, гражданский, патриотический долг. Он убежден в своей правоте неколебимо. И он ошибается! А прав оказывается Клейменов, вообще плохо разбиравшийся в ракетной технике.

Опираясь на разработки, начатые Николаем Ивановичем Тихомировым, продолженные Владимиром Андреевичем Артемьевым, а затем Борисом Сергеевичем Петропавловским, Георгием Эриховичем Лангемаком, Леонидом Эмильевичем Шварцем и другими, в Ленинграде к моменту организации РНИИ уже сконструировали девять типов реактивных снарядов, а к 1938-1939 годам уже существовало реальное ракетное оружие,

нуждающееся лишь в некоторой доработке и более продуманной схеме эксплуатации, но уже вполне боеспособное. Именно «катюша» стала самым грозным оружием второй мировой войны и до ее конца не имела аналогов ни в одной другой армии мира. Не прояви Петропавловский, Клейменов и Лангемак такого упорства в отстаивании ракетных снарядов, спасуй они перед энергией Королева, требующего приоритета своим крылатым ракетам, и мы могли бы не успеть сделать «катюшу» к началу войны. Можно возразить: да, но в этом случае мы бы имели более совершенные разработки Королева...

Вряд ли. За четыре года работы в РНИИ ни одна ракета Королева не была принята на вооружение, поскольку ни одна не летала надежно. Более того: ни на одной из своих ракет Королев даже не получил расчетных данных. Это – факты. До 1934 года молодой Сергей Королев шагал в ногу со временем. В РНИИ, почувствовав свою силу, 28-летний Королев пытается время обогнать. Почему в восхитительные годы итальянского Возрождения не построили пароход, хотя у Леонардо да Винчи есть беглая запись о том, что он знает, как сделать барку, способную плыть против ветра? Потому не построили, что, несмотря на могучий рывок человеческого знания, наука и техника еще не доросла до парохода. Наука и техника 30-х годов не доросла до стратосферного ракетоплана Королева. Для этого нужен был надежный, мощный, допускающий регулировку и многократное включение двигатель, – его не было. Нужна была принципиально новая аппаратура управления и связи – ее тоже не было. Нужен был опыт в создании герметических кабин и высотной амуниции. Да разве перечислить все, что было нужно!

В 1988 году академик Раушенбах напишет, вспоминая то время: «В этих проектах Сергей Павлович был примерно на 10 лет впереди своего времени».

Пропасть, о которой уже говорилось в главе о ГИРД, пропасть между мечтами и реальными возможностями, не стала ни мельче, ни уже, а, может быть, разверзлась за прошедшие пять лет еще шире: мечты стали более дерзкими. Королев не сделал бы ракетный перехватчик до начала войны и даже вряд ли успел бы сделать хорошую, точно бьющую по цели крылатую ракету. Но даже, если бы и была такая ракета создана, она не могла бы внести существенных изменений в ход военных действий. Это, кстати, подтвердилось потом на примерах гитлеровских ракет Фау-1 и Фау-2, которые, по убеждению Геббельса, должны были привести к коренному перелому в ходе всей второй мировой войны. И не привели! Все эти разгонные пороховые тележки, многометровые эстакады, довольно громоздкие стартовые

комплексы делали боевые позиции таких ракет малоподвижными и уязвимыми для противника. Даже при максимально благоприятном решении всех стоящих перед Королевым задач такое оружие в те годы сильно уступало бы быстрой, простой, дешевой и страшной в своей огневой мощи «катюше».

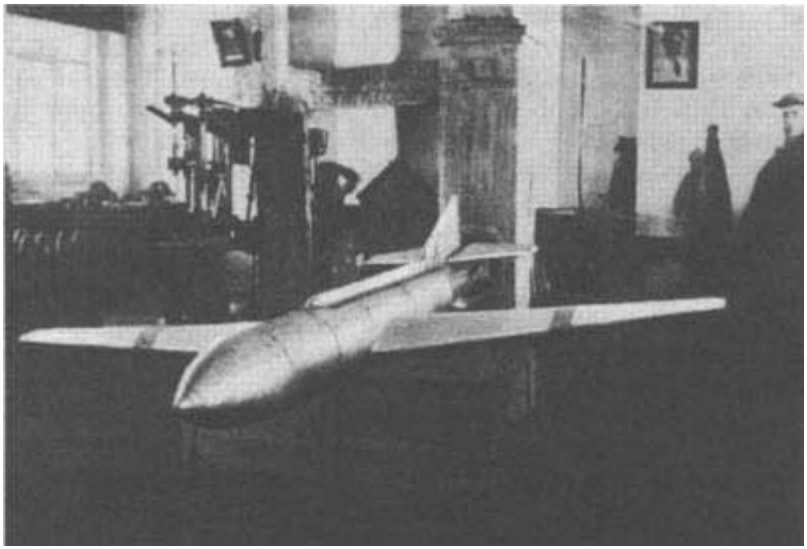
Да, все так. Все справедливо. Холодные расчеты могут быть безупречны, футурологические выкладки обоснованы, но непостижимость истинного таланта и заключается в том, что все расчеты и выкладки применимы к нему с оговорками, что ценности формальной логики для него относительны, и мысль его движется в неком недоступном нам неевклидовом пространстве таким образом, что искривленный путь ее между двумя истинами оказывается короче многократно выверенной прямой.

Вопреки всему, Королев делал стратосферный ракетоплан.

Валентин Петрович Глушко

Крылатая ракета 212 С.П. Королева, испытания которой проводились уже после ареста ее конструктора.

1934-1939 гг.



24

Для достижения успеха надо ставить цели несколько выше, чем, те, которые в настоящее время могут

Макс Планк

Стратосфера. Пароль романтики тридцатых годов. Всегда рвались туда сорвиголовы, историки откопали: еще при Бонапарте монгольфьер забрался на 7400 метров! Но сегодня у всех на устах имя профессора Огюста Пиккара. Вместе со своим ассистентом Кипфером, который и спроектировал чудо-аэростат, они поднялись 27 мая 1931 года на высоту 15 781 метр. И с этого момента как прорвало: во всех странах строят стратостаты, лезут все выше и выше. Затем Пиккар бьет свой рекорд – 15 871 метр. Потом с другим своим ассистентом – бельгийским физиком Максом Козинсом – он поднялся уже на 16 300 метров. Вскоре тот же Козинс, американцы Кепнер и Стивенс сообщают, что они собираются достичь 17-километровой отметки. Из далекой Новой Зеландии приходит неожиданное сообщение: достигли высоты 18 600 метров.

Мы отставать не хотим, тем более еще живы традиции: в Кунцеве под Москвой был расквартирован «последний из могикан», – 4-й Воздухоплавательный дивизион, а в Ленинграде взялся за строительство аэростата Павел Федосеенко – человек легендарный, энергия которого преград не знала. Он был как раз живым носителем традиций. В гражданскую войну Федосеенко командовал 9-м воздухоотрядом в армии Блюхера и прославился своими дерзкими полетами на аэростате, когда, зависнув над полем боя, корректировал огонь красной артиллерии и действия пехоты. Вернувшись с фронта с орденом боевого Красного Знамени, учился в Ленинградской военно-воздухоплавательной школе и все время летал. Несмотря на бурный прогресс авиации, он не изменял своей первой любви – аэростатам, а Академию имени Жуковского окончил с дипломом инженера-конструктора по дирижаблестроению. И вот теперь, опираясь на мощь ленинградского Осоавиахима, Павел Федорович начал строить невиданный стратостат. День и ночь сидел на заводе имени Сталина, где делали гондолу, но как ни торопил всех страстными своими речами о покорении заоблачных высот, кунцевский дивизион опередил ленинградцев: 30 сентября 1933 года

стратостат «СССР-1» достиг высоты 19 километров. Командир 4-го дивизиона Георгий Прокофьев, инженер-резинщик с московского завода «Каучук» Константин Годунов (он руководил пропиткой шелковой ткани, специально сделанной на Богородско-Глуховской мануфактуре) и пилот Эрнст Бирнбаум побили рекорды Огюста Пиккара! Циолковский прислал телеграмму из Калуги: «От радости захлопал в ладоши. Ура „СССР“».

Вскоре там же, в Кунцеве, стартовал и ленинградский стратостат «Осоавиахим-1». Кроме неутомимого Федосеенко, в его экипаж входили один из проектировщиков стратостата Андрей Васенко и молодой физик, комсомолец, ученик академика Иоффе Илья Усыскин. Они поднялись на 22 километра, но на спуске гондола оторвалась, и стратонавты погибли. Вся страна была в трауре. Им устроили национальные похороны, Сталин, Молотов и Ворошилов несли урны с прахом погибших по Красной площади…

Стратонавты исследовали природу высших слоев атмосферы, уточняли границы температурных горизонтов, проверяли проходимость радиоволн. Они были разведчиками. Но главную силу стратосферной армии составляли авиаторы. Летом 1932 года журнал «Самолет» писал в редакционной статье, что «по-видимому уже в текущем году мы услышим о первых полетах самолетов в стратосфере». Королев просто клокотал, когда читал в этой передовой, что ракетные двигатели пока еще переживают детские болезни, и вообще двигатель этот «во всем комплексе вопросов, связанных со „штурмом стратосферы“, не занимает ни очередного, ни первого места». Сергей Павлович никак не хотел примириться с тем, что журнал действительно отражал мнение большинства авиационных инженеров: надо создавать высотный мотор, надо придумать какой-то эффективный наддув, вытащить из архивов старые проекты самолетных паровых турбин, короче, как-то надо исхитриться.

В Италии объявили конкурс на конструкцию стратосферного самолета, а министерство авиации в Риме создало даже отдел высотных полетов, которому и поручено было «исхитряться». В Монтечелло, неподалеку от столицы, организовали специальную школу высотников, куда отобрали тридцать лучших летчиков Италии, и сам Муссолини ездил теперь на аэродром, чтобы пожать руки своим «орлятам», которые забрались уже на двенадцатикилометровую высоту. Геринг жгуче ему завидовал, а Сталин впервые подумал о том, что летчики могут стать еще одним символом прогресса, а символы эти будут скоро очень нужны ему, и летчиков надо приблизить…

Годдард в Америке – один из пионеров ракетной техники –

тоже попал под влияние этой всемирной технической моды и начал конструировать некий заведомо порочный двигатель, работающий на сжатом газе.

Француз Булэ объявил о своем самолете, который должен подняться на шестнадцать с половиной километров, а отважный Вилли Пост в Оклахоме не стал дожидаться французского чудо-самолета и, облачившись в специальный костюм, за три месяца передвинул планку рекордной высоты с 12 192 метров до 15 240.

И тут тоже, как и со стратостатами, мы стремимся не отстать. В ЦАГИ строят «высотную лабораторию». В ЦИАМе[45] инженер Дмитриевский конструирует какой-то хитрый незадыхающийся в стратосфере двигатель. И хотя летчик Ковалевский – обладатель мирового рекорда подъема на высоту без кислородного прибора (8126 метров) говорил, что выше залезать опасно, нашлись горячие головы, которые забрались в барокамере на высоты до 10-14 километров, хотя это и «вело, – как они писали, – к потере сознания и судороге, охватывающей все тело».

Нельзя сказать, что ракеты совсем игнорировались исследователями стратосферы. Нет. О них регулярно писали, говорили на разных совещаниях, но Королева не оставляло ощущение, что всерьез к ним, ракетчикам, не относятся, уповают на волшебные превращения поршневого мотора, хотя шансов дождаться этих превращений у стратосферщиков было ничуть не больше, чем у алхимиков, мечтавших создать золото из ртути. И винил Королев в этом самих ракетчиков, которые, по его мнению, не умели вести умную пропагандистскую работу. Конечно, Перельман – отличный популяризатор, ракетная техника многим ему обязана, но «Межпланетные путешествия» Перельмана были хороши 5-10 лет назад, а сегодня они скорее отпугивают, чем привлекают. Два письма[46] Королева к Перельману разделяет почти четыре года, но просьба Королева все та же: «Хотелось бы только, чтобы Вы в своей дальнейшей работе, как знающий ракетное дело специалист и автор ряда прекрасных книжек, больше уделили бы внимания не межпланетным вопросам, а самому ракетному двигателю, стратосферной ракете и т.п., т.к. все это ближе, понятнее и более необходимо нам сейчас.

...Очень бы хотелось видеть и Ваши прекрасные книжки в рядах тех работ, которые агитируют за ракетное дело, учат и борются за его процветание. А если это будет, то будет и время, когда первый земной корабль впервые покинет Землю. Пусть мы не доживем до этого, пусть нам суждено копошиться глубоко внизу – все равно, только на этой почве возможны успехи».

Письмо написано 18 апреля 1936 года. Ровно через четверть века и три дня Королев будет принимать в своем ОКБ первого

космонавта. Перельман не дожил: умер от голода в осажденном Ленинграде.

Заняться активной «агитацией за ракетное дело» Королев решил сам еще в ГИРД. Как раз в момент самых бурных схваток с Клейменовым он заканчивает небольшую – в пять авторских листов – книжку: «Ракетный полет в стратосфере» – единственную при жизни изданную книжку, на обложке которой стоит его фамилия. С работой этой ему очень помог Евгений Бурче, старый приятель по коктебельским слетам, бойкий журналист, летчик и вообще веселый малый. Евгений Федорович и редактировал «Ракетный полет...» в Воениздате.

Вышла эта книжка весной 1935 года. Циолковский успел посмотреть ее и даже отметил: «Книжка разумная, содержательная и полезная». Журнал «Самолет» писал: «Впервые в нашей литературе излагается схема современного реактивного мотора и указываются вопросы, разрешение которых позволит осуществить полет человека в стратосферу».

Успех королевской книжки тяжело переживал Андрей Григорьевич Костиков. На одном собрании он заявил, что книжкой этой Королев не столько рекламирует ракетную технику, сколько самого себя, не говоря уже о прямых подлогах: в книжке нарисован летящий ракетоплан, хотя всем известно, что ни один ракетоплан не летал.

Первое замечание надуманно: при том, что Сергей Павлович владел высоким искусством саморекламы, в чем нам еще предстоит убедиться, в данном случае никакой саморекламы не было. На одной только фотографии полигона в Нахабине, когда ракету устанавливают в станке, видно: стоит сбоку Сергей Павлович, но и там фамилии его нет. Напротив, книга открывается портретами Циолковского и Цандера, о которых автор говорит с большим уважением, избегая, однако, причислять себя к их ученикам и последователям. Что же касается полета ракетоплана, то, действительно, есть две фотографии: «Взлет ракетного планера» и «Ракетный планер в полете». На самом деле никакие это не фотографии, а чистый и не очень искусный фотомонтаж, который придумали Королев с Бурче. Ну, что тут сделаешь, если очень хочется, чтобы он летал?! Опять-таки, это ложь не от корысти, а «во спасение»: вид летящего ракетоплана безусловно поднимет дух энтузиастов ракетной техники! Неужели Костиков не понимает таких простых вещей?!

Книжка Королева демонстрировала техническую компетентность автора. Но при внимательном ее чтении можно разглядеть и страстную увлеченность его, которую он постоянно старается пригасить, скрыть, он смертельно боится прослыть еще

одним фантазером, впасть в тот восторженно романтический тон, который так раздражал его самого в статьях «межпланетчиков».

Но самое главное даже не это. Читая книжку, совершенно точно понимаешь, к чему стремится Королев, потому что в строках ее и между строк зашифрованы все его жизненные планы.

Уже в предисловии: «...среди всех работ наибольший интерес представляют полеты в стратосфере...» Далее: «Среди всех средств изучения и завоевания стратосферы едва ли не первое место должно принадлежать высотному самолету-стратоплану».

Заинтересовывает военных: «...очевидна исключительная роль высотного самолета в смысле внезапности его появления и нападения. ...Очевидна громадная роль высотного самолета в военном деле».

Но заинтересовывает не только военных: «...стратоплан является тем новым видом сверхбыстрого транспорта, который так необходим в условиях громаднейших расстояний Советского Союза... Изучение стратосферы само по себе представляет значительный интерес для народного хозяйства и для разрешения целого ряда научных проблем... Стратоплан... откроет все тайны стратосферы». «Будущее, прогресс, дальнейшие успехи авиации находятся на высотах стратосферы».

Как же реализовать столь заманчивые перспективы? Ну, разумеется, с помощью ракет! Однако ракета ракете – рознь. Вырваться в стратосферу, оседлав пороховую ракету, невозможно. «Ни один из работников ракетного дела в своей работе не прошел мимо пороховых ракетных двигателей, которые таким образом явились своего рода школой будущих исследователей». Однако «летать... при их помощи... опасно и невыгодно».

Так где же выход? «Переход от порохов к жидким топливам, переход, который рано или поздно сделали все без исключения экспериментаторы и работники ракетного дела, был естественным, логичным и неизбежным». «Достижение высот в 20-50-100 км при помощи, например, бескрылых ракет с жидкостным мотором является делом вполне реальным». «Теоретически ракета потолка не имеет».

Но насколько все это реально? Если подавляющее большинство публикаций пропагандистов ракетной техники буквально пропитано оптимизмом, чуть тронь, и брызги его уже достигнут Луны, то Королев, напротив, обещает в будущем одни только сложности и трудности. Прогнозы его более чем сдержанны. «Перспективы применения ракетных двигателей для летательных аппаратов нередко понимаются и обсуждаются в духе чрезмерного оптимизма... Современный самолет... непригоден для установки ракетных моторов... Полет... в

стратосферу человека при помощи аппаратов, снабженных жидкостными ракетными двигателями, в настоящее время... еще невозможен». И еще раз повторяет ту же мысль: «Нужно признать, что по состоянию ракетной техники на сегодняшний день полет человека на самолете с жидкостным мотором пока еще может быть отнесен только к области фантастики».

Вот такая суровая, деловая книжка. Очень мало восклицательных знаков. Только в последнем абзаце неожиданный оптимизм: «Мы уверены, что в самом недалеком будущем ракетное летание широко разовьется и займет подобающее место в системе социалистической техники».

Королев «образца 1934 года» – один из тех конструкторов, о которых вспомнит Тихонравов в Белграде тридцать три года спустя во время XVIII Международного астронавтического конгресса:

– Ряд молодых деятелей авиации сосредоточили свое внимание на проблемах реактивного движения, приняв идеи Циолковского не столько из-за желания скорее лететь на Марс, сколько из-за стремления летать выше, быстрее и дальше.

Выше, быстрее, дальше – пересказ знакомого лозунга тех лет. Кстати, о лозунгах. Аресты в сталинские времена шли не только с конфискацией имущества, но и с конфискацией идей. Лозунг «Даешь крылья!» 1923 года придумал Троцкий, но после высылки его нехитрый этот призыв потихоньку трансформировался в сталинский лозунг, и лет за десять в сознании всего народа прочно укрепилась мысль, что все победы в небе неразрывно связаны в первую очередь с именем Сталина. Крылатый призыв: «Летать выше всех, дальше всех, быстрее всех!» – очень распространенный вплоть до начала Великой Отечественной войны, так же приписывался Сталину, хотя он «конфисковал» его у Якова Ивановича Алксниса – начальника ВВС, расстрелянного в 1938 году.

Итак, чем же отличается Королев-34 от Королева-35? Оказывается, отличается.

В характере Сергея Павловича немало загадок и противоречий. Но в ряде случаев его реакцию на то или иное событие можно предугадать точно. Например, постоянная поддержка всего, что способствует прогрессу ракетной техники – от создания новых институтов до забот космических филателистов, вне зависимости от того, насколько близки они сфере его личных интересов. Сплошь и рядом в истории науки и техники встречаемся мы с соперничеством. И полбеды, если это просто личная неприязнь, какую испытывал, скажем, Ньютон к Гуку. Беда в том, что в наше время в такую войну могут быть

вовлечены целые коллективы, научные школы, направления. Так было в 60-х годах, когда Сергей Павлович поднялся к вершинам своей славы, но и в 30-х тоже было так. Это верный признак человека, сознающего себя как талант и уважающего в себе этот талант. Леонид Корнеев пришел вместе с Королевым в РНИИ, долго воевал с Клейменовым, а потом упросил Тухачевского помочь ему выделиться в самостоятельное КБ. Это ослабляло королевские позиции, но Королев не возражал: для дела это было полезно. Когда Тихонравов с Душкиным организовали в РНИИ ячейку Авиационного всесоюзного научно-инженерного технического общества (АвиаВНИТО) и стали строить стратосферную ракету, Королев их поддержал. Более того, он стремится к укреплению связей с различными организациями, занимающимися ракетной техникой. Объединившись с АвиаВНИТО и Стратосферным комитетом Осоавиахима, заручившись поддержкой Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского, Королев выступает уже как лидер целого направления и использует эту ситуацию для организации большой научной конференции по проблемам, которые в это время долее всех других его интересуют. Официально она называлась: Всесоюзная конференция по применению реактивных летательных аппаратов к освоению стратосферы. В ЦДКА[47] на площади Коммуны, зеленой, уютной (театра с его надуманной растопыренной архитектурой в ту пору еще не было), собралось тринадцать докладчиков и несколько десятков их слушателей.

Королев выступал в первый день работы конференции – 2 марта. Говорил о преимуществах и недостатках ракетных моторов, о ракете, которую они строят, о воздушно-реактивных двигателях, в общем, о стратосфере говорил, но в одной фразе промелькнуло:

– Появление ракетного двигателя открывает новые средства передвижения в тех пространствах нашего мира и вселенной, которые недоступны в настоящее время для летательных аппаратов, снабженных любым другим двигателем…

«Пространства вселенной!» Значит, уже тогда он думал о них! Оговориться не мог, потому что в другом месте доклада сказал конкретнее – «космическое пространство»:

– Мысль об использовании ракетных аппаратов для подъема человека на большие высоты и даже для вылета его в космическое пространство известна довольно давно… – вспомните, на Всесоюзной конференции в Ленинграде год назад Королев ни словом не обмолвился о космическом пространстве…

Но больше никаких романтических вольностей себе не

разрешил. Его доклад был предельно деловит, даже сух. Говорил, что нужен хороший двигатель, аккуратно пряча латинские буквочки под крыши квадратного корня, доказывал формулами, что летать в стратосфере очень трудно и закончил тем же озабоченным тоном:

– Дальнейшая задача заключается в том, чтобы упорной повседневной работой, без излишней шумихи и рекламы, так часто присущих, к сожалению, еще и до сих пор многим работам в этой области, овладеть основами ракетной техники и занять первыми высоты страто– и ионосферы...

Аплодировали.

После Королева выступал профессор Ветчинкин – недавний его педагог в МВТУ и консультант в РНИИ. В его докладе было много математики, наверное, не все всё поняли, но главный вывод был ясен: и разогнаться до космической скорости трудно, и погасить ее на посадке нелегко.

В воскресенье 3 марта с утра открылись дискуссии. Ветчинкина обвиняли в излишнем оптимизме, за него заступался Лангемак, впрочем, не заступался, а тоже нападал, но с другого фланга – доказывал, что Владимир Петрович зря осторожничает, что на самом деле не все так безнадежно. Потом опять пошли доклады – Франкль рассказывал об аэродинамике комбинированного двигателя, на котором Цандер собирался лететь на Марс. Дудаков угрюмо доложил о своих самолетных ускорителях. Глушко опять хвалил свою азотную кислоту, Загумин строил модели горения в ЖРД, Чернышев рассказывал о перспективных топливах. Все выглядело очень солидно и научно – Королев был счастлив.

А зачем ему все это было нужно? Для самоутверждения? В какой-то степени, но не в первую очередь. Это нужно было для Дела. Нужно, чтобы к Делу было привлечено общественное внимание. Нужно, чтобы Дело его считалось важным и серьезным. Нужно, наконец, чтобы в Дело вошли новые люди, новые талантливые головы. То, о чем он говорил на конференциях, о чем писал в статьях и книге, представляло ценность лишь в том случае, если все эти слова имели какое-то реальное воплощение. Ракеты с набросков Циолковского были бумажными ракетами, пока в Нахабине не стартовала 09. Ракетоплан Цандера летал только на его ватманах и в его снах, нужно было, чтобы он полетел наяву. Полетел не на Марс, полетел, не сжигая самого себя в полете, как проектировал Фридрих Артурович, нет, все проще, все гораздо скромнее – полет без сложного дожигания металлоконструкций на самом донышке стратосферы, но реальный полет! Реальный аппарат нужен, который можно

потрогать руками, показать чванливому чиновнику, которым можно увлечь молодого энтузиаста. Нужно исключить саму возможность фразы: «А вдруг он не полетит?» Он летает!

Но он не летал.

Еще в ГИРД Королев подобрал сильную бригаду, которую сумел увлечь идеей полета в стратосферу. Железников был уже авиаконструктором с именем. Федотов работал начальником летной части на планерной станции. Горбунов и Пивоваров – конструкторами в ЦАГИ. Авдонин был в ЦАГИ уважаемым механиком. Королев сумел сманить всех их в подвал на Садово-Спасской. Уж на что Валечка Иванова после окончания чертежно-конструкторских курсов хорошо устроилась в солидном и богатом учреждении под таинственным названием «Оргметалл», но и она пришла в ГИРД, «чтобы штурмовать стратосферу».

Однако несмотря на всеобщий энтузиазм дела с ракетопланом в ГИРД шли плохо. Бесхвостка БИЧ-11, которая должна была превратиться в первый ракетоплан – РП-1, не летала ни с ракетным, ни с обычным мотором. Объявленная Королевым «декада штурма РП-1» ничего не дала: ракетоплан так и не полетел, а люди вымотались окончательно. Один конструктор с недосыпа заказал вместо пяти шестигранных гаек шесть пятигранных, приведя рабочих в шоковое состояние.

Но самое удивительное было в том, что Королев как будто не видел всех этих неудач. Он вел себя так, словно все эти провалы не имеют к нему никакого отношения. Дорабатывая непослушный двигатель для РП-1, он параллельно готовил еще два эскизных проекта: РП-2 с ракетным двигателем насосной подачи, который делал Тихонравов, и двухместный РП-3, на котором Сергей Павлович собирался поставить и поршневой мотор, и мощный (не существующий еще в природе!) ракетный двигатель с тягой в 300 килограммов. Он всерьез говорил о том, что очень скоро поднимет потолок современной авиации до 40 километров.

Королев внимательно следит и за разработкой высотного скафандра, предполагает, что у него должны быть шлем типа водолазного и непременный электрообогрев. Скафандром занимался конструктор Черновский. В конце марта 1937 года известный летчик Коробов испытывал его высотный скафандр Ч-3.

В Военно-воздушной академии Королев обсуждал уже конструкцию патронов с перекисью натрия для регенерации воздуха и систему дополнительного обогрева кабины своего стратосферного ракетоплана. Но, помилуйте, какой скафандр, какая регенерация и обогрев?! Зачем все это, если никакого ракетоплана нет, и двигателя для него нет, и никаких радужных

перспектив не просматривается?!

...В этой книге уже не раз говорилось о счастливой судьбе Королева, о единстве его помыслов с устремлениями времени. Но вот настала пора и о другом сказать – о трагичности его судьбы, о драматическом несоответствии желаний и возможностей. Ведь должно пройти четверть века – более половины сознательной жизни, прежде чем сможет он вернуться к этим работам начала 30-х годов. Хорошо, что он не знал об этом тогда: как невероятно трудно было бы ему жить. И вообще, если подумать, не есть ли сокрытие будущего – одно из величайших благ жизни?..

Несмотря на невероятные усилия Королева, Клейменов и Лангемак уперлись и не хотели включать ракетоплан в тематику работ института. Поэтому он не мог его строить. Но он не мог и проектировать его: у него не было на это времени. Весь 1934 и 1935 год Королев вел все работы по ракетоплану, как бы сейчас сказали, на общественных началах. Но в конце 1935 года он затеял большую игру с техсоветом РНИИ: ракетоплан надо было во что бы то ни стало втиснуть в план института.

Королев начал издалека. Клейменову нужно было вскользь упомянуть, что в наркомате собираются рассматривать план 1936-года, вытащив постановление 33-го, а там есть пункт о разработках жидкостных двигателей для создания нового авиационного и химического вооружения. А по этому пункту план, сами знаете, выглядит хило... В неофициальном разговоре с Лангемаком надо заметить, что только дурак может не включить в план института работу по сути уже выполненную, готовую, о которой ни у кого голова болеть не будет. Победоносцеву, очень увлеченному в то время установкой реактивных снарядов на самолетах, необходимо было нарисовать захватывающую картину неотразимой атаки ракетоплана, вооруженного его снарядами. Глушко – объяснить, что двигатель только тогда представляет реальную ценность, если он на чем-то стоит, а просто двигатель сам по себе – это лабораторная разработка, не более. Тихонравова успокоить перспективой будущего перехватчика на жидком кислороде. Дудакову намекнуть, что любое расширение авиационной тематики в институте безусловно укрепляет его позиции. Короче, примерно за неделю всех этих дипломатических переговоров Королев сумел доказать почти всем членам техсовета, что ракетоплан – не его прихоть, а нежданная удача для всех и каждого, которая буквально с неба упала, что не он просит о благодеянии, а, наоборот, сам щедро и безвозмездно это благодеяние оказывает. Поэтому, когда в повестку заседания техсовета был включен доклад Королева «Эскизный проект ракетоплана с ракетным двигателем (объект 218)», никто не

удивился и не спросил, откуда взялся этот доклад, нигде ранее не предусмотренный и в планах заседаний техсовета не значащийся.

Утверждение проекта «объект 218» – прекрасный пример всесокрушающей воли Королева. Он еще молод, неопытен, во многом несамостоятелен, но уже видна его мертвая хватка, с которой пробивал, проламывал он все стоящие перед ним препятствия, используя при этом широчайший набор психологических методов: от яростных угроз до смиренных уговоров.

Ракетоплан был включен в работу института, но Королев на этом не успокоился. К лету он начал требовать, чтобы этот пункт решения техсовета был дополнен программой испытаний ракетоплана, который назывался теперь ракетопланом-лабораторией и значился в документах под индексом 218-1, что позволяло предполагать, что за первой моделью должны последовать новые. Для этого на ракетоплан требовалось установить ракетный двигатель. Королев и на это добился решения техсовета на заседании 16 июня 1936 года, причем решения в довольно категорической форме: «Отделы института должны предусмотреть работу по 218 объекту в планах 1937 года, как одну из ведущих работ института». Как ему удалось протащить такую формулировку – одному богу известно. Ведь большинство членов техсовета в королевские дела и планы особенно не вникали и сейчас находились в легком замешательстве: полгода назад речь шла об эскизном проекте, а сегодня автор уже собирался испытывать реальную конструкцию.

– Да откуда же он взялся, черт подери, этот ракетоплан?! – воскликнул Клейменов.

А ракетоплан был давно. Ну, не то, чтобы ракетоплан, а, если сказать откровенно, – просто планер у Королева был уже больше года...

Даже при желании соблюсти ровную последовательность хроники, повествование получается тематически послойным. Очень трудно на бумаге воспроизвести жизнь нашего героя, поскольку самые различные ее события, даже те, которые относятся только к его научно-техническому творчеству, происходят одновременно. Проектирование, постройка и испытания твердотопливных и жидкостных ракет и их моделей, работа над статьями и книгой, выступления на конференциях, собраниях, техсоветах, подготовка и чтение лекций, проектирование, постройка и испытания планеров, руководство отделом, координация всей его разнообразной тематики, участие в работе техсовета всего института – все это и многое другое в жизни Королева переплетается, иногда причудливо накладываясь,

дополняя друг друга, а то и трансформируясь одно в другое. Найти тут начала и концы трудно. Чисто условно, по документам, можно отделить работу Королева в ГИРД от работы в РНИИ, но «точку перехода», как говорят физики, разглядеть трудно. Когда Королев закончил испытания той или иной ракеты? Протоколы архива Российской академии наук могут ответить на этот вопрос, но реальную картину творчества Королева они нарисовать не в состоянии, потому что протоколы эти – лишь принудительно остановленные мгновения его жизни, кадры ее динамичной киноленты. Какие-то испытания и не были начаты, какие-то и не удалось закончить.

То же и с историей ракетоплана. Королев не закончил планерлета СК-7, когда приступил к СК-9, ставшего прообразом задуманного им ракетоплана. Одно лишь известно точно: с тех пор, как школьник Сережа Королев начал работу над своим первым проектом в родительском доме на Платоновском молу в одесском порту, он постоянно работал над различными конструкциями летательных аппаратов – вплоть до дня своей смерти в январе 1966 года.

Работы эти могли замедлиться – болезнью, тюрьмой, войной, немилостью власть имущих, но они не останавливались никогда!

Обложка книги С.П. Королева «Ракетный полет в стратосфере».

1934 г.

С. П. Королев

Ракетный полет в стратосфере

Государственное военное издательство
Москва
1934

25

Мало одного знания: надо применить его; хотеть недостаточно, надо действовать.

Иоганн Вольфганг Гёте

В давние времена лучшим писчебумажным магазином в Киеве справедливо считался магазин А.Ю. Теуфель на Крещатике. Там даже запах был особый, благородный, не то что в иных лавках, пропахших кислым костяным клеем и дрянным дерматином. Именно в этом магазине студент Сергей Королев приобрел замечательную папку, с которой он не расставался всю жизнь. В папку эту начиная с февраля 1925 года он складывает вырезки из газет и журналов. По этим вырезкам мы можем судить о том, что интересовало Сергея Павловича в разные годы. Авиация интересовала всегда. В папке – фотографии пилотов, репортажи о перелетах, заметки о работе конструкторов, научно-популярные статьи о воздухоплавании, даже некрологи на погибших летчиков. Среди вырезок 1934 года – сообщения о полетах наших стратостатов, материалы о спасении лагеря Шмидта в Арктике, статьи о трагическом самолете «Максим Горький», вырезанный из «Известий» рассказ А. Гарри «Кровь», даже стихи. Рамкой Королев обвел четверостишие Евгения Долматовского:

Мы летим к бесподобной славе —
Вот уже города понеслись.
Это, крылья стальные расправив,
Вся страна поднимается ввысь!

А в статье авиаконструктора Грибовского он подчеркивает: «Нужно раздвинуть те узкие рамки, в которых находится опытное конструирование... Опытные работы необходимо развернуть как можно шире».

Есть в папке и репортажи о планерных слетах. Просматривая их, невольно ловишь себя на мысли: а почему же сам Королев не принимал в них участия? Ведь мы помним, как страстно стремился он всегда в Коктебель, какие усилия преодолевал, какие унижения испытывал, чтобы попасть на эти состязания. И вот в течение пяти лет он ни разу не появляется на горе

Клементьева. Почему? В 1931 году соревнования не проводились. Но почему он не едет в 1932-м? Допустим, из-за того, что это был самый разгар работы по организации ГИРД. А в 1933-м? В сентябре как раз полным ходом шли испытания в Нахабине, начинал реализовываться долгожданный план создания РНИИ. В 1934 году в Крыму состоялся очень представительный слет, установлено было пять мировых и три всесоюзных рекорда, но и там его нет. Объяснить это только нехваткой времени трудно. Конечно, Королев, как всегда, работает очень много, но в сентябре каких-либо чрезвычайных, срочных событий не происходит: составляет таблицу данных по жидкостным торпедам, проводит огневые испытания двигателя ОР-2, заканчивает чертежи крылатой ракеты 06/IV – обычная, текущая работа. Кстати, в сентябре он как раз сдал в издательство свою книжку, так что вполне мог бы взять отпуск и уехать в Крым. И он действительно берет отпуск и едет в Крым. Но не в сентябре в Коктебель на слет с планером, а в октябре в Исары под Ялту с женой. Как понять? Королев предпочел тихий отдых у водопада Учан-Су захватывающей круговерти Узун-Сырта? Это на него не похоже.

Но если разобраться, очень похоже. На слеты Королев не ездит не только потому, что он занят, но и потому, что ему нечего на этих слетах показывать. После «Коктебеля» 1929 года и «Красной звезды» 1930 года у него нет нового планера. Идей, прикидок, расчетов – много. А новой машины, не бумажной, а реальной – нет! А он уже узнал вкус славы на горе Клементьева. О нем уже писали газеты как об «известном конструкторе». Так в каком же качестве он приедет на слет теперь? Пилота-парителя? Он понимает, что парители там найдутся и посильнее его. Нет, он слишком честолюбив и именно честолюбие не пускает его в Коктебель: нужна новая конструкция.

Именно в это время, несмотря на всю остроту внутриинститутской борьбы и развертывание широкой программы ракетных исследований, Королев постоянно думает о новой самолетной конструкции, и слова Грибовского о том, что «работы необходимо развернуть как можно шире», подчеркивает он не случайно.

Он уже разглядел определенную надуманность схемы бесхвосток Черановского и, несмотря на все их теоретические преимущества, понял, что на практике он вряд ли достигнет здесь успеха. После многих прикидок Королев останавливается в конце концов на так называемой двухбалочной схеме – самолет с двумя фюзеляжами. Позднее эта схема наиболее удачно была реализована немецкими авиаконструкторами в самолете-

разведчике «Фокке-Вульф-189» – «раме», как называли его наши солдаты. Двухбалочная схема не Королевым придумана, но выбрал он ее обдуманно: как и в случае с бесхвостками, он ищет такую конструкцию, которая бы позволила ему как можно лучше установить ракетный двигатель. Но планер СК-6, задуманный по этой схеме, так и не был построен... Королев не успел.

А не успел потому, что на какое-то время Сергей Павлович увлекся новой идеей, по счастью, ненадолго: к ракетной технике она отношения не имела, увлекся планерлетом.

В ту пору в авиационных кругах разгорелась дискуссия: самолет или планерлет? Все ее участники сходились на том, что развитие авиации в нашей стране с ее невиданными просторами – задача первостепенная, но одни считали, что на воздушном транспорте надо применять самолеты, а другие доказывали, что на первых порах кое-где можно обойтись планерлетом. Так называли большие тяжелые планеры, которые поднимались с земли обычными самолетами, отцеплялись и летели дальше на собственном маленьком моторе. Вот об этом моторизованном планере и спорили. Одни утверждали, что множество планерлетов большой грузоподъемности решают все проблемы воздушных перевозок, другие возражали, что планерлет – ни то ни сё, и если в тонно-километрах он может обогнать самолет, то в скорости проигрывает ему очень сильно, а «ни в одном виде механизированного транспорта партия не указывала нам возврата к тихоходам». Наверное, в таком деле партия ничего указывать не должна, указывать должна была логарифмическая линейка. Вполне возможно, что в те годы, когда хороших, сильных авиационных моторов у нас еще было мало, в решении каких-то конкретных задач планерлеты опять-таки на какое-то определенное время могли бы оказаться полезны. Но будущего, как показывает история мировой авиации, они не имели.

Королев влез в этот спор. Сергей Павлович тяготел к большим тяжелым планерам и оказался в рядах защитников планерлетов. Он даже напечатал статью «Летные характеристики планерлетов», которую заканчивает абсолютно в своем стиле: «...основное, что необходимо сейчас, – это практика и эксплуатация настоящих, „живых“ планерлетов!»

Вот этим он тогда и увлекся. Позвал к себе домой старого испытанного планерного «бойца» Петра Флёрова и сказал прямо:

– Давай делать планерлет. Я уже защитил в АвиаВНИТО проект. Называться будет СК-7...

– Что за штука?

– Планер на шесть человек, точнее – в фюзеляже двухместная кабина и по три человека сидят в крыльях.

– А мотор?

– М-11.

– Так в нем же всего сто лошадиных сил! Он восьмерых не потянет…

– Потянет! Я все рассчитал! Ты займись шасси и кабиной в крыльях. Вот смотри, что я придумал…

Королев разговаривал так, будто Петр уже согласился ему помогать.

Таким же манером Королев уговорил Ефремова рассчитать фюзеляж, а Шарапова – заняться моторным хозяйством. Сам он конструировал крылья и сводил воедино все чертежи.

Петр Флёров был назначен Королевым замом главного конструктора, Королев даже предлагал назвать планер СКФ – Сергей Королев – Флеров, но Петр не согласился.

Притом, что это была самодеятельность, это была все-таки организованная самодеятельность, что-то вроде авиационного подряда. АвиаВНИТО не только помогало планеристам строить их машины, но и выплачивало деньги за проектирование. Так что Королев поощряя энтузиазм, не забывал и о материальных стимулах. Раздавая своим помощника зарплату, всегда требовал:

– Пересчитай! Да, да, пересчитай. Из-за этих бумажек дружбу можно нарушить…

Деньги распределяли между собой по справедливости: учитывалось, у кого есть семья и как велика, работает ли жена, есть ли дети.

Потом домашнее КБ перебралось в НИИ ГВФ на Ленинградский проспект. Работали все вечера подряд и очень удивились, когда Королев однажды не пришел. Выяснилось, что кто-то заманил его в Тушино полетать на самолете. Он, разумеется, радостно помчался. В полете отказал мотор. Садился он поперек аэродрома, попал на вязкий грунт, самолет капотировал, Королев ударился головой об «иконостас»…

– В общем, ладно, не будем об этом говорить, – сказал Королев в домашнем КБ на следующий день.

Он понимал, что слухи о его полете все равно дойдут до товарищей и предпочел выдать им информацию «из первых рук», но понимал и другое – тушинское приключение его не украшает, в случившемся он виноват сам: долго не летал и растерял те немногие навыки, которые у него были, а потому сказать было нужно, но останавливаться на этой теме не стоило, и с видом предельной озабоченности он подошел к чертежной доске Флёрова:

– Так. Что у нас с бензобаком? Какой максимальный объем вписывается? Куда мы сможем на этом баке залететь?

– Если залить кабины в крыльях бензином, теоретически можно долететь до Рио-де-Жанейро, – хмуро сказал Петр, которому вся эта история с полетом очень не нравилась. Он понимал, что Сергей запросто мог сломать себе шею.

– Отлично! – закричал Королев. – Я – первый пилот, ты – второй и айда в Рио! – Иногда во время долгой и нудной работы он вдруг начинал балагурить – понимал, что людям необходима разрядка.

Домашнее КБ организовалось весной, а уже 10 октября «Известия» сообщили, что конструктор Королев сконструировал планерлет. В декабре это подтвердил журнал «Самолет».

Однако все было совсем не так благополучно. Однажды Королев пришел мрачнее тучи:

– Вчера в АвиаВНИТО меня заставили изменить весь проект…

– То есть как это «весь проект»?! – всполошился Флёров.

– Вот именно так: весь проект! Они требуют, чтобы все люди сидели в фюзеляже. Кабины в крыльях забраковали…

– Но ведь это значит, вся работа коту под хвост! – закричал Флёров. – Как ты мог согласиться? Это же совершенно другой самолет! Надо было доказывать…

– Меня задавили… Я не мог…

Задавили Королева? Не мог отбиться? Как это могло случиться? Петр Васильевич Флёров однажды сказал:

– Наверное, вам трудно в это поверить, но иногда он мог быть и слабым… Только ли это объясняет крушение СК-7? Вряд ли. Даже недруги Сергея Павловича всегда отдавали должное его невероятному техническому чутью.

– Из сотни возможных решений, – рассказывал академик В.Н. Челомей, – он выбирал одно, не всегда мог точно обосновать свой выбор, но всегда оказывался прав…

Быть может, именно эта обостренная техническая интуиция подсказывала Королеву, что с СК-7 он идет не туда, что это не его дело. Кроме того, вся вторая половина 1934 года – время бурного развития ракетной техники в РНИИ. В августе Корнеев, Полярный и Душкин заканчивают проект жидкостной ракеты КПД-1. Королев чувствует, что коллеги начинают наступать ему на пятки, а терять первенства он не хотел. В сентябре он составляет таблицы данных по жидкостным торпедам. Заканчивает чертежи крылатой ракеты 06/IV. В октябре проводит огневые испытания двигателя ОР-2. В ноябре готовит в Софрино ракету РНИИ-ГИРД-07. В декабре уже подбирает двигатель для модели 06/IV. В газете «На страже» он подчеркивает строки в статье инженера Б.Н. Воробьева «Что делали стратостаты»: «Еще большие достижения имеются в исследовании природы космических лучей… получена

возможность наблюдать эти лучи непосредственно».

Вот что его интересует! Он просто охладел к идее планерлета, потерял к нему интерес. Ведь не робот какой-то запрограммированный – живой, молодой, любознательный, увлекающийся человек, и порыв, с каким он сконструировал СК-7, это подтверждает. Впрочем, и во времена своей полной человеческой и конструкторской зрелости Королев мог остановить подчас успешно начатые разработки, потому что чувствовал: не то, не туда идет, не время этим заниматься. Так было, например, с очень увлекавшей его одно время идеей соединения двух космических кораблей длинным тросом, и раскрутки их вокруг общего центра масс для создания искусственной гравитации за счет центробежной силы. Сначала очень загорелся, всех тормошил, ночи не спал и другим не давал, но осуществить не успел. Очень увлекала Королева и идея посадки космического корабля с помощью авторотирующего несущего винта – наподобие винта вертолета. Он отдал ей много времени и сил, подключил массу людей. «Меня никто и никогда не просил сделать что-нибудь так, как просил Сергей Павлович», – вспоминал выдающийся конструктор вертолетов Игорь Александрович Эрлих. Но потом (были на то и объективные обстоятельства) и к этой идее он охладел.

Подобных примеров можно привести очень много. Бесспорно, одной из определяющих черт Королева всегда было умение выбрать цель и добиваться ее достижения, но если бы было только так, вряд ли бы Королев успел сделать в своей жизни столь много. А успел он потому, что мог быстро переключаться, находить главное и самое важное в данный момент, отказываться сегодня от задуманного вчера.

Кроме того, все люди, работавшие с Королевым, отмечают его умение слушать и оценивать чужое мнение. Почему нам не приходит в голову, что планер СК-7 был действительно неудачной конструкцией? Только потому, что его конструировал Королев? А весьма вероятно, что так и было: история авиации показывает, что пассажирские кабины в крыльях не прижились. Так, может быть, технический совет АвиаВНИТО сумел убедить Сергея Павловича в том, что его конструкция несовершенна или помог ему самому понять это?

Так ли было или не так, но в тот вечер они крепко поругались с Петром Флёровым. Петр кричал, что Сергей его обманул, что он предал собственную идею. Работа с той поры разладилась, все как-то сразу потеряли интерес к этому самолету, быстро разлетелись кто куда.

Через полтора года – в мае 1936-го, – отвечая на вопрос

анкеты журнала «Самолет»: «Над чем мы работаем?», Королев написал: «В ближайшее время выходит в первый полет пассажирский , 6-местный мотопланер моей конструкции. К большому сожалению, эта машина выйдет из постройки со значительным опозданием, так как она была спроектирована еще в конце 1934 года». Королев обещания не выполнил: ни в 1936-м, ни в 1937-м году, ни позднее «в первый полет» СК-7 так и не вышел. Вернулся Сергей Павлович к этому проекту лишь в 1938 году, но доделать не успел. Тут и объективные причины есть: дискуссия о планерлетах пригасла, да и построить такую громадину быстро тоже было не просто: длина – девять метров, размах крыльев – почти двадцать один метр! Но главная причина того, почему идея этого планера осталась не реализованной, конечно, другая. Много лет спустя, когда в 1960 году Королев поручил старому другу Петру Флёрову отработку приземления моделей «Востока», они вспомнили свое домашнее КБ и СК-7.

– Да-а, – мечтательно сказал Сергей Павлович, – замечательное было время, в те годы я спал через ночь… Несколько месяцев спал через ночь…

А спал Королев через ночь потому, что, когда Петр уходил домой, он садился за письменный стол: обдумывал и писал «Сводный тематический план работ по проблеме овладения стратосферой».

К составлению этого плана Стратосферный комитет привлек многих крупных ученых и инженеров, в том числе Королева и его «идейного» противника Дмитриевского из Центрального института авиационного моторостроения, который доказывал, что построить высотный бензиновый авиамотор можно и он его построит. Общими усилиями план был составлен к 18 августа 1934 года, когда отмечался как бы двойной праздник – День авиации и открытие Первого съезда писателей, – события всесоюзного масштаба, о которых говорила вся страна.

План этот затем обсуждался на конференции Московского авиационного актива под председательством начальника Главного управления Гражданского воздушного флота Иосифа Станиславовича Уншлихта. Среди утвержденных им главных направлений штурма стратосферы были и реактивные аппараты. Но вот что интересно: в ту зиму 1934-1935 годов, когда планерлет СК-7 был побежден ракетопланом СК-9, никто решительно не знал, что Королев собирается строить ракетоплан. Он нигде об этом не говорит, не пишет, не упоминает в интервью. В АвиаВНИТО он берется сделать просто планер, который представит на будущий слет, под это он и деньги получает. СК-9 – одно из многочисленных белых пятен в биографии Главного

конструктора, и даже люди, хорошо знавшие Сергея Павловича, не могут однозначно ответить на вопрос: сразу ли задумывался СК-9 таким, чтобы на нем можно было поставить ракетный двигатель, или вначале был просто планер, который потом превратился в ракетоплан? Сам Королев о назначении своей конструкции пишет так: «для дальних буксировочных перелетов и полетов на дальность вдоль грозового фронта». Определяя так назначение будущей машины, Королев вновь демонстрирует свои дипломатические способности. Дело в том, что начальник ВВС Яков Иванович Алкснис считал создание планеров задачей оборонной и всячески покровительствовал именно буксировочным дальним перелетам. Движение вдоль грозового фронта, где, как правило, возникают сильные восходящие потоки воздуха, дальность увеличивало, сведущие люди это знали. А для несведущих полеты вдоль грозового фронта выглядели даже немного героически: вот это планер, даже гроза ему нипочем! Так что под такую работу деньги в АвиаВНИТО дадут наверняка.

Евгений Сергеевич Щетинков версию, официально объявленную самим конструктором, поддерживал. Он считал, что, начиная работу на СК-9, Королев о ракетном двигателе не думал. В то же время Леонид Григорьевич Минов, который возглавлял в те годы отдел планеризма в Осоавиахиме и был начальником XI Всесоюзного планерного слета, где летал СК-9, был уверен, что Королев «темнил»: планер задумывался под ракетные двигатели. Борис Викторович Раушенбах, видевший СК-9 в полете, тоже считает, что без прицела на ракетоплан трудно объяснить многие конструктивные особенности этой машины. Королев не мог не видеть изъянов своей конструкции, а значит, у этих очевидных конструкторских промахов должно быть какое-то оправдание, и ракетный двигатель таким оправданием мог быть.

Впрочем, мы так упираем на промахи и недостатки, что может создаться впечатление, что СК-9 – полный провал конструктора Королева. Это не так. В Крыму Олег Антонов нарисовал карикатуру, на которой был изображен СК-9 с надписью: «Тара 16 тонн, тормоз Вестингауза – новая конструкция С. Королева». Но через много лет Генеральный конструктор Антонов скажет:

– Порочна, по моему мнению, сама идея тяжелого транспортного планера, но из всего, что было сделано в этом направлении, планер Королева – лучший.

На мой вопрос, собирался ли Королев установить на планере ракетный двигатель, обаятельный Олег Константинович улыбнулся загадочно и сказал почти шепотом:

– Думаю, что этого мы никогда не узнаем. Но выдвигать подобное предположение я не считаю антинаучным. Тем более что дальнейший ход событий это подтверждает…

Николай Иванович Ефремов, тот самый гирдовец, с которым Королев пускал в Нахабине нашу первую жидкостную ракету, а потом строил СК-7, писал: «Для разработки проекта Сергей Павлович привлек несколько инженеров, в том числе и меня. Тут-то и проявились его особые организаторские способности, умение малыми средствами и малыми силами решать серьезные задачи. Мы работали в кустарных условиях: каждый у себя дома, вечерами, и все же проектирование велось быстро и подчинялось единому замыслу конструктора. Общий вид, аэродинамический расчет и определение основных параметров сделал Сергей Павлович. В конструкции намечалась в дальнейшем и установка жидкостного реактивного двигателя. На мою долю выпало проектирование фюзеляжа, оперения и подмоторной рамы. Другому инженеру поручалось крыло. Третьему – оборудование и управление. За Сергеем Павловичем оставалось общее руководство и общая увязка. Сергей Павлович через день-два объезжал наши квартиры, координировал и утверждал сделанное… Проектирование планерлета заняло немногим более двух месяцев».

Но если проектировалась подмоторная рама, значит, двигатель замышлялся заранее! Вот вам и «дальние буксировочные полеты»! Вот вам и «грозовой фронт»! Теперь не трудно ответить и на вопрос, вырвавшийся у начальника РНИИ Клейменова на заседании техсовета: «Да откуда же он взялся, черт подери, этот ракетоплан?»

Ракетоплана пока не было. Чтобы превратиться в ракетоплан надо было еще стать просто планером. И он им стал.

В сентябре 1935 года из разных городов страны стартовали планерные поезда: самолет был паровозом, планер – вагоном. Иногда цепляли не один, а два и даже три планера. До Коктебеля добрался тогда 31 воздушный поезд. Планер Королева должны были буксировать летчик Орлов и техник Бочаров на самолете Р-5. Созданный в КБ Николая Николаевича Поликарпова как разведчик, самолет этот мог быть и бомбардировщиком, и штурмовиком, и до 1944 года состоял на вооружении ВВС, а потом работал в Аэрофлоте. Интересно, что когда в 80-х годах в Ульяновске задумали организовать музей гражданской авиации, оказалось, что ни одного Р-5 не сохранилось, хотя в ГВФ их было более тысячи[48].

Совершенно случайно таджикские вертолетчики обнаружили остатки Р-5 на одном из склонов пика Ленина. В 1937 году этот

самолет, помогая альпинистам, на высоте 5100 метров попал в воздушный вихрь и упал. Летчики остались живы, альпинисты провели их вниз. Чтобы доставить по частям Р-5 в ульяновский музей, была организована специальная экспедиция. Вот такой самолет 19 сентября 1935 года и поднял в небо последнюю и самую знаменитую авиационную конструкцию Сергея Павловича Королева. СК-9 пилотировал планерист Романов – «Романов-черненький», в отличие от «Романова-беленького», который летал с Сергеем Анохиным. Королев летел на своем планере пассажиром: СК-9 был двухместным. Когда стало смеркаться, они поняли, что заблудились: Орлов никак не мог привязать к карте все эти огни, во множестве рассыпанные на земле. Потом нашли Днепр и заночевали в Кривом Роге. До Коктебеля было уже недалеко, ничего страшного не случилось, назавтра они прилетят на слет, но Королев все равно ужасно нервничал, просто места себе не находил…

Той ночью в 22 часа 34 минуты в Калуге умер Константин Эдуардович Циолковский.

Циолковский и Королев. Это целая книга. Создатель космонавтики теоретической и родоначальник космонавтики практической, впервые воплотивший в реальные конструкции мечты гениального – и, несмотря на все славословия и фанфары, до наших дней в полной мере не оцененного человека. Идеи Циолковского – фундамент жизни Королева. Он всегда относился к нему с величайшим уважением, настолько глубоким, что никогда ни письменно, ни устно не позволял, в отличие от многих других[49], причислять себя к ученикам Константина Эдуардовича, хотя бесспорно более всех других его последователей мог считаться его учеником. В своей книжке 1934 года Королев называет Циолковского основоположником и теоретиком ракетного полета. «Им заложены основы теории ракетного полета, – пишет Сергей Павлович, – дан целый ряд проектов ракетных летательных аппаратов и исследованы многочисленные вопросы, связанные с полетом человека на больших высотах и в космическом пространстве».

В течение всех последующих лет Королев постоянно возвращается к трудам и личности Циолковского. В Центральном Доме Советской Армии 17 сентября 1947 года в день 90-летия со дня рождения Константина Эдуардовича, выступая с большим докладом о его жизни и деятельности, Королев заканчивает его так: «К.Э. Циолковский был человеком, жившим намного впереди своего века, как и должно жить истинному и большому ученому». Ровно через десять лет в Колонном зале Дома союзов теперь уже на 100-летнем юбилее Циолковского Королев делает новый

доклад. Но эти последние слова повторяет почти дословно, очевидно, считая, что, несмотря на грандиозный прогресс ракетной техники за истекшее десятилетие, мысль эта остается справедливой.

– В настоящее время, – говорит Сергей Павлович, еще невозможно в полной мере оценить все значение научных идей и технических предложений Константина Эдуардовича Циолковского, особенно в области проникновения в межпланетное пространство.

Время иногда неумолимо стирает облики прошлого, но идеи и труды Константина Эдуардовича будут все более и более привлекать к себе внимание по мере дальнейшего развития ракетной техники...

Королев считает, что научное наследие Циолковского неисчерпаемо. В домашней библиотеке книги Циолковского испещрены его карандашными пометками. В последние годы жизни Сергей Павлович задумывает написать творческую биографию Константина Эдуардовича, подбирает документы. По словам жены Королева, Нины Ивановны, он уже составил план будущей книги. У нее сохранилась папочка тонкого картона с несколькими листками этого плана. На папочке – две буквы, написанные рукой Королева: «Кн». Кроме как «книга» расшифровать их трудно. В домашнем рабочем кабинете останкинского дома, ставшего мемориальным музеем, висит фотография Константина Эдуардовича. Когда Королев искал эту фотографию, он говорил жене:

– Ты знаешь, мне хочется, чтобы на портрете Циолковский был полон сил. Я не люблю его фотографий, на которых он старый, дряхлый...

Да, в те годы, когда Сергей Павлович Королев пришел в ракетную технику, Циолковскому было уже за семьдесят. Трудная, не всегда сытная жизнь, болезни, смерть детей рано состарили его. Быть может, он и хотел бы как-то участвовать в работах той же ГИРД, но у него уже не было сил.

Сразу после организации РНИИ Клейменов пишет Циолковскому письмо, рассказывает об институте, добавляет: «Мы считаем, что необходима тесная связь с Вами, как с человеком, давшим и разработавшим основы теории реактивного движения. Мы просим Вашего согласия на посещения Вас тремя-четырьмя руководящими работниками нашего института в ближайшее время».

Письмо Клейменова датировано 7 февраля 1934 года. Циолковский получил его 11 февраля и, как всегда, оперативно откликнулся телеграммой: «Приезжайте 14 февраля». Но никто не

приехал. Однако Константин Эдуардович ждет гостей, помнит о них. На следующий день он составляет своей рукой программу работы РНИИ из 18 пунктов, документ, во многом наивный, в котором есть и реактивные «сани», и «естественное очищение воздуха камеры растениями». Видно, что очень смутно представляет себе, чем же занимается Реактивный институт.

Клейменов «трех-четырех руководящих работников» не набрал, уговорил Тихонравова поехать с ним, и 17 февраля они приехали, наконец, в Калугу.

Неизвестно, уговаривал ли Клейменов Королева съездить в Калугу к Циолковскому. Тихонравов этого не помнил. Глушко говорил, что сам, без Клейменова, собирался туда съездить, но не собрался. Не собрался и Королев.

Искренен Королев и правы его биографы, когда пишут, что в начале 30-х годов он заинтересовался идеями Циолковского. В них увидел он по сути программу своей жизни.

Но что мог дать Королеву сам Циолковский – тот старик, которому шел уже восьмой десяток, и портрет которого Сергей Павлович не хотел вешать в своем домашнем кабинете? Ведь речь шла о работе практической, а Циолковский ею никогда, даже в молодые годы не занимался и летающие модельки ракет, которые демонстрировали нам создатели биографического фильма «Взлет», изобретены не Циолковским, а сценаристом Осетинским. Кроме того, надо вспомнить, что в конце жизни самого Циолковского больше интересовали вопросы дирижаблестроения, нежели ракетной техники. В чем мог помочь Циолковский Королеву в 30-х годах? Чем мог он помочь РНИИ?

Визит Клейменова и Тихонравова в Калугу носил скорее символический, чем деловой характер. (На фотографиях Циолковского с Клейменовым и Тихонравовым Константин Эдуардович сидит какой-то отрешенный, думает о чем-то своем.) Но все-таки визит этот помог налаживанию контактов. Возобновляется переписка Циолковского с РНИИ. В день годовщины Красной Армии на торжественном собрании в РНИИ Циолковского избирают Почетным членом Ученого совета института. Старику приятно, он благодарит в ответном письме, но мысли его путаются. «Привет тов. Тихомирову...» – пишет он, а Тихомиров – основатель ленинградской ГДЛ – умер еще четыре года назад... Скорее всего он просто спутал Тихомирова с Тихонравовым. И после поездки Клейменова и Тихонравова в Калугу, после их рассказов об РНИИ, Циолковский, очевидно, не очень ясно представляет себе масштабы этой организации: он просто никогда не видел ни одного научно-исследовательского института. Однажды он называет РНИИ «реактивной группой». А

может быть, опять путает институт с ГИРД, которая уже год как не существует. В письмах в Москву Константин Эдуардович жалуется: «очень слаб от старости», в другом: «я очень нехорошо хвораю, хотя на ногах и по-прежнему провожу утро в работе, даже без выходных дней... О моей болезни прошу никому не говорить, даже мне». Он действительно продолжает работать, даже посылает статью для сборника трудов института, но слабеет день ото дня. Сломала его смерть любимого внучка Женечки, задушенного скарлатиной. Рыдая у маленького гробика, почувствовал он, что жизнь его летит под откос. Болезнь точила тело и ожесточала душу: близкие раздражали, он сердился, когда дочь Люба приходила в больницу.

8 сентября Циолковскому сделали операцию под местным наркозом, вырезали часть опухоли, устранили непроходимость. Во время операции он спрашивал хирургов:

– Нашли причину-то?

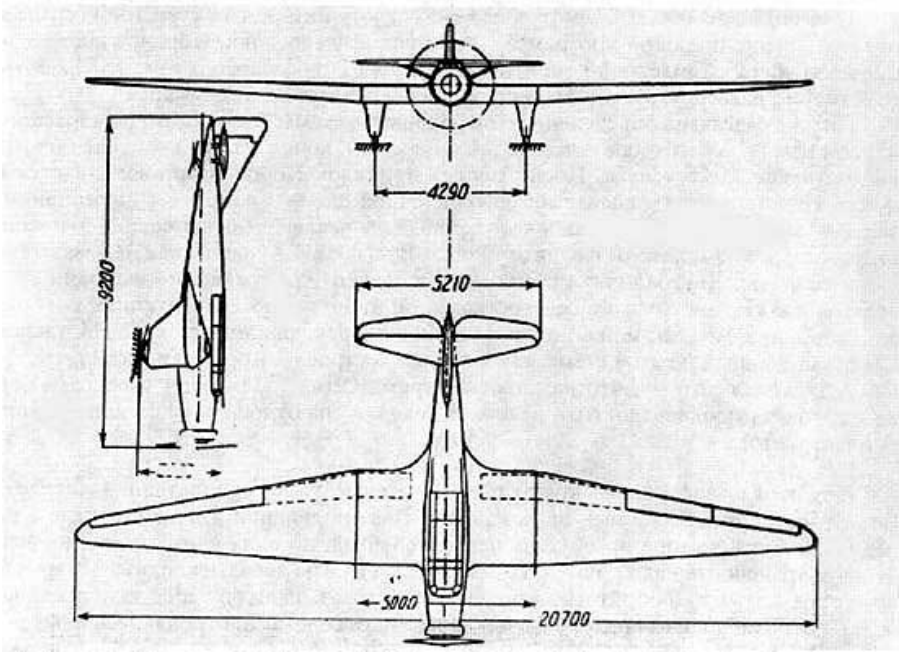
– Нашли, нашли, – успокаивал его профессор Плоткин.

Искать ничего не нужно было, все сразу было видно: cancer vintriculi inoperabilis[50].

После операции Константин Эдуардович был весел, шутил, сам своим шуткам смеялся. Он думал, что болезни больше нет, что опухоль вырезали раз и навсегда. Вскоре начался токсикоз. 19 сентября уснул поздно и не проснулся.

Умирающий Циолковский знал о ракетоплане и его конструкторе. Заведующий организационно-массовым отделом ЦГИРД Иван Петрович Фортиков писал Константину Эдуардовичу в 1933 году: «Наши опытные работы по реактивному самолету-ракетоплану „ГИРД-РП-1“ подходят к концу... У нас работает много высококвалифицированных инженеров, но лучшим из лучших является председатель нашего техсовета инженер С.П. Королев... Уже теперь он сделал для нас всех много и много. Он-то и будет пилотировать первый ракетоплан...»

Чертеж общего вида планерлета СК-7 С.П. Королева (окончательный вариант)


4290
5210
9200
5000
20700

26

Если вы будете работать для настоящего, то ваша работа выйдет ничтожной; надо работать, имея в виду только будущее. Для настоящего человечество будет жить только разве в раю, оно всегда жило будущим.

Антон Чехов

Рекорды на XI слете достались трем планерам: ЦАГИ-1, РФ-6, двухместному КИМ-2. ЦАГИ-1 построили молодые конструкторы Врягов и Ильин. Коля Врягов внезапно умер накануне слета, все о нем горевали. РФ-6 («Рот-Фронт») сделал Олег Антонов. Он считался уже мастером (было ему 28 лет). КИМ-2 («Коммунистический интернационал молодежи») сконструировал тоже очень молодой конструктор планерного завода Емельянов. За этот планер Алкснис премировал его путевкой на учебу в Военно-воздушную инженерную академию.

СК-9 никаких рекордов не установил, никто его не отмечал. Правда, начальник слета Леонид Григорьевич Минов упомянул потом в журнале, что планер Королева отличается «прекрасным оборудованием пилотской кабины». Наверное, именно это обстоятельство заставило Минова предложить зарубежному гостю – чехословацкому планеристу Людвигу Эльзницу полетать с ним на СК-9 над Коктебелем. В газете «На страже» чех очень хвалил СК-9: «Я рад тому, что первым получил приглашение совершить полет на одном из лучших планеров... У меня от этого полета осталось замечательное впечатление»[51].

Впрочем, Королев быстро забыл о слете. Понравился его СК-9 кому-то или не понравился – сейчас это его мало заботило. Теперь надо превращать планер в ракетоплан.

После того как он добился признания своего детища на техсовете РНИИ, Королев начинает осуществлять проект РП-218. В помощники себе он взял Щетинкова, точнее – Щетинков был соавтором проекта, но как бы младшим соавтором, впрочем, подобная субординация нисколько Евгения Сергеевича не волновала. Он вообще совершенно искренне не понимал, как можно волноваться из-за назначений, званий, орденов. Волноваться можно из-за работы – это другое дело. И РП-218 волновал его по-настоящему.

Получалась очень интересная машина. Поскольку планер был двухместным, ракетоплан мог быть в двух вариантах: с одним летчиком и с двумя. Если поставить на него связку из трех азотно-керосиновых двигателей Глушко, его стартовый вес превысит полторы тонны и все-таки скорость можно получить фантастическую: 850 километров в час! Получалось, что при старте с земли ракетоплан мог залететь на высоту 9 километров, а если поместить на месте второго пилота баки, потолок вырастет до 20 километров – никто никогда на такой высоте на самолетах не летал.

– А почему, собственно, надо стартовать с земли? – задумчиво спросил однажды вечером Щетинков у Королева.

Истина еще не была изречена, но Королев все сразу понял, вцепился в логарифмическую линейку, словно ее у него отбирали, даже покраснел от волнения.

– ТБ-3, ТБ-3, – зашептал он, глядя сквозь Щетинкова.

– Да, лучше всего, пожалуй, ТБ-3, – согласился Евгений Сергеевич. ТБ-3 – тяжелый бомбардировщик Туполева, известный «в миру» как АНТ-6, был испытан Михаилом Громовым еще в самом конце 1930 года и признан одним из лучших самолетов мира.

– Что ему наш ракетоплан, когда он поднимает более семи тонн! – ликовал Королев. – Тут все может быть рекордным!

Новые расчеты показывали, что если прицепить ракетоплан к бомбардировщику Туполева, поднять на высоту километров в восемь и стартовать оттуда, то потолок маленького ракетного самолета возрастет до 25 километров, а в одноместном варианте – до 37!

– Это уже стратосфера, – сказал Королев.

Он был совершенно спокоен. Остыл. Они сидели до рассвета, пока за окном не загоготали гуси. Во след им визгливо залаяла африканская гиена: рядом был зоопарк.

Маленькая квартира Баланина на Октябрьской улице была тесна для двух семей. Нет и быть не может такой свекрови, которая бы считала свою невестку идеальной. Это психологически объяснимо: всякая невестка отбирает сына у матери. Идеальная теща намного вероятнее, потому что дочь она отдает. С малых лет мать девочки мечтает о счастливом замужестве дочери и к тому, что «отдать» ее придется, психологически готовится многие годы, тогда как мать мальчика многие годы живет в тревоге, что сына заберут, обманут, окрутят, уведут невесть куда, а главное – безусловно не будут заботиться о нем так, как заботится она. В данном случае вариант был, пожалуй, наиболее благоприятный: Сергей не был «маменькиным сыночком». С одесских лет он жил

гораздо самостоятельнее своих сверстников, трудная учеба в Киеве эту самостоятельность укрепила и в Москве, живя с матерью и отчимом, он ее не утратил. Но все-таки, какими бы идеальными ни были отношения между матерью и женой, отдельно жить лучше.

В РНИИ Королеву дали сначала комнату. Между Петровкой и Цветным бульваром есть проход – улица не улица, проходной двор не проходной двор, невесть что, оканчивающееся с двух концов воротами. По одну сторону там находился знаменитый каток «Динамо», а по другую шли довольно унылые и весьма густонаселенные строения, где и получил Сергей Павлович в начале 1935 года комнату. Это было предельно убогое жилище, перестроенное по так называемой коридорной системе, с большой, заставленной керосинками и примусами кухней, долженствующей, по мнению идеологов коридорной системы, воспитывать коммунистические взаимоотношения в быту. Смрадная, пропахшая щами и грязным вареным бельем кухня гудела, словно заводской цех, в коридоре, уставленном сундуками, увешанном оцинкованными корытами, стиральными досками и поломанными велосипедами фирмы «Дукс», с визгом носились дети. После уютной тишины баланинской квартиры Петровка казалась сущим адом. Сергей Павлович с женой ночевали там два-три раза, но так туда и не переехали. Ксения Максимилиановна ждала ребенка и оставаться одна на Петровке робела. Так они и продолжали жить на Октябрьской с Марией Николаевной и Григорием Михайловичем.

Перспектива близкого отцовства и радовала, и заботила Королева, как всякого мужчину. Он очень смутно представлял, в чем и как изменится его жизнь с рождением ребенка, а честно говоря, старался об этом вообще не думать, философски успокаивая себя тем, что дети рождались и будут рождаться, все закономерно, и, слава богу, рядом и мама, и Софья Федоровна – старшие Винцентини с 1933 года жили в Москве, во Всехсвятском переулке.

Если у Ксении были почти идеальные отношения со свекровью, то у Сергея отношения с тещей и тестем были сверхидеальными: Софья Федоровна считала его человеком положительным, а Макс – просто любил, а потому он смело мог рассчитывать на их помощь после прибавления семейства.

Королев хотел дочку. Мальчишку он почему-то плохо себе представлял, но маленькую черноглазую девочку видел ясно и уже любил. Имя дочке он придумал в Исарах в октябре 1934 года.

В те годы санаторий Исары принадлежал к числу привилегированных, «закрытого типа», как тогда говорили, и

предназначался для начсостава Главного управления Гражданского воздушного флота. Путевку туда Королеву дал Тухачевский. Санаторий был расположен неподалеку от развалин старинной генуэзской крепости – предмета вожделения фотографов-любителей – и водопада Учан-Су, километрах в семи от Ялты. В октябре в Крыму уже не сезон, отдыхающих было мало, человек десять-двенадцать. Все жили в одном большом добротном коттедже – нижний этаж каменный, верхний – деревянный – раньше в Крыму так часто строили. Вокруг стояли крутолобые горы, темные, лохматые от сосновых лесов, перечеркнутых светлыми полосами скалистых обрывов, таких крутых, что деревья на них не могли удержаться. Лазали по горам, ходили в походы, вечерами танцевали под патефон. Каждый день кто-нибудь вновь и вновь начинал восторгаться местным воздухом, «изумрудным воздухом», «хрустальным воздухом», воздух был действительно замечательный, но эти ежедневные дежурные восторги почему-то ужасно бесили Королева, он брал малокалиберку и уходил стрелять. Винтовки и целый ящик патронов были единственным развлечением: ни в карты, ни в шахматы он играть не любил. Пули цокали о камни, и чистый короткий звук долго потом катался в лохматых горах.

В санатории была машина, которая возила отдыхающих в Ялту на пляж, но море было уже холодное, больше грелись на камешках, чем купались. Королев с тоской оглядывал пустой пляж – ни одной красивой женщины, тихое, цвета дюраля море, которое где-то далеко в дымке, безо всякой границы горизонта сливалось с таким же дюралевым небом. Тоска.

Кормили в Исарах замечательно, по-домашнему, всех за одним столом. К обеду всегда ставили сухое вино «Мысхако», но пили его очень мало: сухое вино в молодые годы ценят редко.

К концу октября в санатории остались всего три пары: авиационный инженер Констанин Карлович Папок, главный инспектор ГВФ Николай Валерианович Шийко и Сергей Павлович Королев с женами. Все люди молодые, доброжелательные, веселые, Королев среди них был самым угрюмым. Его раздражало все: и собственная дурацкая стрельба, и молодые жизнерадостные соседи по коттеджу с их ежевечерней «Рио-Ритой, и беременная жена. Еще не видно было, что она беременна, но уже появилось в ней то глубинное светлое спокойствие и какое-то святое всепрощающее равнодушие ко всему окружающему, которые отличают будущих матерей, и все это тоже раздражало Сергея. Ксения Максимилиановна вспоминала давние одесские времена – боже мой, уже десять лет пролетело! – и тогда Сергеи не был душой компании, но вроде бы и других не угнетал. А здесь он

часто бывал мрачным и злым.

Королев сближался с людьми трудно. Вернее тут проявлялся его предельный прагматизм: он искренне не мог себе представить, как и зачем надо это делать если это сближение не способствует интересам Дела. Но в конце концов маленькая компания познакомилась поближе. Во время одной из прогулок Королев и Папок немного поотстали от других, и тут Королев неожиданно для самого себя рассказал Константину Карловичу о РНИИ, о ракетах, которые он пускает, о будущем штурме стратосферы. Папок – убежденный авиатор, слушал его с насмешим недоумением. Королев не мог не знать о тех замечательных победах которые одерживает и будет одерживать – тут сомнений быть не может – авиация. Как же он позволяет себе всерьез заниматься такой ерундой: «Ракета поднялась метров на четыреста...» Да хоть на четыре тысячи, все равно этот фейерверк – сущая безделица!

– Ну, хорошо, вы запустите сегодня ракету не на четыреста, а на пятьсот метров, – с усталой иронией в голосе сказал Папок завтра на километр запустите. Ну и что? Что дальше?

– А дальше запустим на сто, на двести километров. В высоту на двести километров, представляете себе?

– Ну и что из этого?

– Потом можно будет послать ракету на Луну...

– Согласен! Можно! Но зачем?! Для чего?!

Королев взглянул зло и замолчал: если человек сразу не понимал, зачем надо послать ракету на Луну, бесполезно было ему это объяснять. С Константином Карловичем они не поссорились. Просто стало еще тоскливее.

Никак не хотел признаться себе Сергей Павлович, что не авиационные амбиции молодого инженера, не мраморные львы Алупкинского дворца и не беременная жена раздражают его, а вот это «изумрудное», «хрустальное» безделье, когда жизнь просто теряет всякий смысл, когда по собственной воле ты превращаешься в пищеварительный аппарат, по складу своему гораздо более близкий к миру растений, чем к миру животных. Он не любил и не умел отдыхать! Он отдыхал, а покоя на душе не было. Та психологическая операция, которую называют «выключением мозгов», давалась ему с неимоверными усилиями и, если на какой-то краткий срок это и получалось, все равно в подсознании что-то не срабатывало, не выключалось окончательно, и он нервничал. И красивая, может быть, самая прекрасная за всю его жизнь осень в Исарах, ничего не дала ему тогда, разве что имя будущей дочке придумал: Наташа. Обязательно Наташа!..

А потом все разъехались. Далеко и навсегда. С Папком Королев встретился через тридцать лет на одном совещании в Ленинграде. Константин Карлович был уже профессором, заслуженным деятелем науки и техники, доктором технических наук, а Сергей Павлович – академиком и дважды Героем. Они сразу узнали друг друга!

– Сколько же лет пролетело, – задумчиво сказал Королев.

– Да, в те годы мы бы посчитали нас нынешних глубокими стариками, – улыбнулся Папок. – А сегодня мы, пожалуй, в среднем возрасте, правда?

– Нет, это не верно! – сказал Королев с неожиданной резкостью в голосе. – Наш возраст со всех точек зрения – очень большой возраст. Мне уже стукнуло 58 лет. Это очень, очень много. И я это чувствую...

Королев прожил чуть больше года после этой встречи.

10 апреля 1935 года родилась Наташа. Это же замечательно: он хотел дочку и родилась дочка! Что тут началось! Загомонили, засуетились и бабка Маруся, и бабка Соня, что-то без конца шили, строчили, стирали, гладили. В родильный дом за дочкой Сергей поехал с Марией Николаевной. Когда сидели в приемном покое, слышно было, как где-то далеко страшно кричала женщина. Сергей выглядел растерянным и немного испуганным.

– Мама, неужели это такая мука? – спросил он шепотом. Крохотную Наташу привезли на Октябрьскую, уложили на диван. Бабка Соня долго разглядывала внучку и сокрушалась, что у нее нет ресниц и бровей.

– Будут! – весело сказал Сергей. – Все будет: и брови, и ресницы! До конца зимы прожили они у отчима, а весной 1936 года Сергей Павлович получил первую в своей жизни отдельную квартиру на Конюшковской улице в доме № 28[52]. Дом был ведомственный, наркомтяжпромовский, из РНИИ в нем поселились, кроме Королева, Лангемак, Победоносцев, Тихонравов, Дудаков, Чернышев, Зуйков и Зуев. В этом же доме жили и прославленные летчики, лишь два года назад ставшие первыми в стране Героями Советского Союза: Сигизмунд Леваневский, Михаил Водопьянов и Николай Каманин.

Дом этот цел до сих пор, облагорожен наружными лифтами, но несмотря на светло-желтую краску, которой его обрызгали, выглядит мрачновато, особенно со двора, упирающегося в крутой бугор, на котором стоит высотный дом площади Восстания. В 1936 году высотного дома не было, войдя со двора в подъезд и поднявшись (без лифта!) на шестой этаж, можно было увидеть всю Кудринскую площадь, недавно переименованную в площадь Восстания и Поварскую, переименованную в улицу Воровского, и

Большую Никитскую – теперь улицу Герцена – в 1936-м еще никак не могли привыкнуть старые москвичи к новым названиям.

Квартирка была совсем маленькая: две комнаты общей площадью в 23 квадратных метра, кухонька, прихожая, ванна с газовой колонкой, туалет. Королев был счастлив совершенно, а после того как на остатки своего гонорара за «Ракетный полет в стратосфере» постелил паркет, вообще считал Конюшковскую дворцом.

По нынешним меркам квартирка была очень скромная, если не сказать бедная. Из прохожей с большим платяным шкафом и дверью в короткий коридорчик, который вел на кухню, вы попадали в комнату Ксении Максимилиановны. Посередине круглый стол, у стены – диван, туалетный столик, прикроватный старый столик под мрамор с телефоном, встроенный буфет с посудой и ее любимый, из Одессы привезенный отцом, старинный маленький столик карельской березы. Наташа, до того, как купили ей кроватку, спала в оцинкованном корыте, стоящем на двух стульях. Комната эта была проходной и вела в другую – чуть поменьше – комнату Сергея Павловича. Там стояла в уголке единственная ценная в доме вещь – старое блютнеровское пианино, а при нем этажерка грушевого дерева с нотами. Еще один диван с подушками, встроенные стеллажи с книгами. Письменный стол у окна.

Через полвека я разыскал эту квартирку и меня впустили. Нелепо было искать следы пребывания Королева: после него здесь было много хозяев. И даже в окна смотреть было без толку, – я не мог увидеть того, что видел Королев: вырос высотный дом, и деревья стали другие. Мне казалось, что я очень хорошо представляю себе квартиру Королева – ведь столько рассказов о ней я слышал. И она действительно оказалась точно такой, какой я представлял ее себе, только меньше. Все меньше. Она раза в полтора меньше той квартиры, в которой жил Королев в моем воображении...

Дом Щетинкова был неподалеку – в Большом Тишинском переулке, и Евгений Сергеевич приходил к Королевым каждый вечер, что в конце концов стало Ксению Максимилиановну раздражать. Сидели допоздна. В проходной комнате Наташка, домработница Лиза, все это страшно неудобно. Щетинков, когда прощался ночью с Ксенией Максимилиановной, всякий раз выглядел смущенным, извинялся. Но назавтра приходил снова.

Дело в том, что в этот дом манил его не только ракетоплан – давно и безответно был он влюблен в Ксению Максимилиановну. Она была для него воплощением всех женских добродетелей, и он не понимал Королева, который год от года не только становился

все более холоден со своей молодой женой, но и не скрывал это на людях. Щетинкову, да и не только ему, было известно об амурных похождениях Королева. О таких, как он, говорят: «ходок», – смелый, дерзкий, циничный и подчас не очень разборчивый. Ксения Максимилиановна знала это, и это очень ее мучило. Очень хотелось как-то ему отплатить, но не заводить же роман из мести. А потом, она вовсе не был уверена, что это как-то на него повлияет. Однажды, когда чистила его пиджак, из кармана выпала розовая бумажка. Это были два билета в Большой театр. Он ничего не говорил о них. Значит, пойдет с какой-то своей пассией. Был у Ксении Максимилиановны один поклонник, крупный военный чин, и уговорить его сходить в Большой не стоило труда. Встретились в антракте. С Сергеем была красивая, гибкая брюнетка, пожалуй, только накрашена неумело. Увидав жену, он отпрыгнул от нее, словно кот от метлы, заговорил быстро, сбивчиво:

– Случайно предложили билеты... Неудобно было отказать... Где мы встретимся после спектакля?..

– А зачем нам встречаться? – насмешливо спросила Ксения. – Меня проводят, – и она покосилась на своего попутчика. Тот склонил голову. На нем была такая новая портупея, что он скрипел при ходьбе.

– Нет, мы поедем вдвоем, – зло сказал Королев.

Куда он сплавил свою даму – неизвестно, но, проявив незаурядное упорство, Ксению Максимилиановну увез из театра сам. Был очень зол. Нет, не на нее, на себя, конечно. Он не привык, не умел проигрывать...

Женщин Королев любил, но сколько бы он ни увлекался, никогда не позволял им занять первое, главное место в своей жизни. Мальчиком, прочитав «Тараса Бульбу», он не понял порыва Андрия, так же как в зрелые годы всегда искренне недоумевал, когда слышал: «Он ради нее бросил все...» Как это? Женщины не имели никакого отношения к его планам, устремлениям, трудам. Не было женщины, ради свидания с которой он отменил бы совещание, эксперимент, командировку.

И в этом они были очень непохожи с Щетинковым, тихим вздыхателем, романтиком. Жену к нему он не ревновал. Может быть, потому, что видел ее равнодушие к Евгению Сергеевичу. Да потом ревность могла помешать их работе. Пока что ей мешало то, что комната Ксении и дочки была проходной. Надо что-то придумать. Придумал: прорубить еще одну дверь из коридорчика прямо в его комнату. Призвал на помощь тестя. Максимилиан Николаевич в ту пору работал в Московском институте инженеров транспорта и сам был инженер неплохой, рукастый,

умелый. Вдвоем с помощью маленькой одноручной пилы, которую принес Макс, они сокрушили стену и навесили узенькую дверь.

Теперь могли работать сколько угодно. Просыпаясь ночью, Ксения Максимилиановна часто слышала их споры: наступал всегда Королев, Щетинков оборонялся. Иногда шептались, впрочем, редко. Слов не было слышно, но Ксения Максимилиановна знала, что говорят они о политике, об аресте Тухачевского и других знаменитых командиров Красной Армии. Страшные эти события переворачивали буквально все их представления, ничего нельзя было понять, ни во что верить. Щетинкову Сергей доверял. С ним можно было об этом говорить. Едва ли не с единственным.

Сегодня нам это не легко себе представить, но арест Тухачевского и его соратников, равно как и все предыдущие и последующие аресты, не обсуждались. Это была запретная для разговоров тема. И на собраниях и митингах тоже никакого обсуждения не было – только осуждение, всеобщее и безусловное. Усомнившийся – завтрашний враг. Инакомыслящий – враг сегодняшний.

Изолировавшись окончательно в своем домашнем конструкторском бюро, Королев усилил режим секретности: ракетоплан был последним словом военной техники, а потому входить в комнату Ксане не разрешалось, даже маленькую Наташку не пускали.

– Сделайте еще уборную секретной! – кричала через дверь Ксения Максимилиановна.

Работа Сергея не нравилась ей. И не в том дело, что занят он круглосуточно, что дома сидит каждый день заполночь. Нет. Ей казалось, что он вообще занимается не тем, чем надо заниматься. Сергей умный, хорошо думает, быстро соображает. Ему надо заниматься наукой. Не ракетами этими, а настоящей наукой. Она смотрела его книжку. Какая там теория? Один Циолковский, а остальное – голая инженерия. И секретность эта какая-то ущербная, плебейски приземленная. Настоящая наука не может быть секретной…

Не то чтобы секретность так уже мешала Ксении Максимилиановне, нет, просто она презирала ее, Сергей это чувствовал и это накапливало в нем трудно скрываемое раздражение. Заглядывая из окна его Конюшковского кабинетика в будущее, можно увидеть, что Королев всегда любил не то чтобы саму секретность, а скорее ее ритуалы, секретный оккультизм, всю эту игру, в которую с такой убежденной серьезностью начинают играть, словно мальчики, взрослые мужчины.

Секретность делала его непохожим на других, наделяла его работу неким новым, возвышающим ее свойством. Наверное, объяснить это можно тем, что и в середине 30-х годов, как и в середине 20-х, очень многие военные и штатские специалисты-вооруженцы серьезно к ракетной технике еще не относились. Но ведь несерьезную работу засекречивать не будут. Таким образом, сам факт засекречивания был и фактом признания важности работы. Поэтому Королев всячески стремился засекретиться: так было полезнее для Дела.

Немало еще предстоит нам говорить о «карьеризме» Королева, о его «борьбе за престиж». Было, все было, и карьеризм, и борьба. Не любил, не хотел быть вторым, третьим, десятым. И не был! Но не мог представить себе, как можно быть первым не по делам, а по знакомству, связям, родству. Королев очень хотел вступить в партию. Укрепило бы это его позиции в институте? Безусловно! Карьеризм? Если оценивать формально, да, карьеризм. Но в партию он хотел вступить, чтобы на равных разговаривать с Клейменовым, Лангемаком, Костиковым. Чтобы воевать с ними в партийном бюро. Чтобы пойти в райком, горком, в ЦК, наконец, убедить в своей правоте, найти единомышленников, двинуть дело вперед. Он ощущал себя не то, чтобы человеком второго сорта, но все-таки уязвимым, которому в любой момент могли сказать: «А это мы решим в партийном порядке, это – не твоего ума дело...» Его очень обижало, что многие институтские партийцы в ответ на его просьбу дать ему рекомендацию в партию от разговора этого уходили. Он понимал: комсомольцем не был, не воевал, из семьи интеллигентов – все это не лучшие данные для вступления в партию. Он числился в «сочувствующих» – была такая социально-политическая прослойка, отстойник для кандидатур спорных.

Мало кто задумывался над тем, что воевать он не мог просто по малолетству, что жил и воспитывался в семье, где честно и трудно зарабатывали свой хлеб. Он не мог не видеть, как чисто формальные строки биографии становились определяющими, когда решалось, насколько ценен этот человек для Советской власти, как нередко формальные признаки перечеркивали действительную суть. Он не мог не видеть, что многие коммунисты «от станка» или «от сохи» только благодаря этому «от» и стали коммунистами, а на самом деле таковыми, строго говоря, называться не могут, и он, беспартийный, предан делу Ленина-Сталина не только не меньше, но заведомо больше их. Он не мог не замечать, что во всяком своем движении вперед он постоянно натыкается на часто не высказанные, но тем не менее вполне реальные попреки в том, что нет у него рабоче-

крестьянского происхождения, той чистопородности™, которая делала бы его окончательно «своим» в глазах борцов за чистоту рядов, вроде Костикова.

Но беспартийность создавала для него подчас и вполне реальные трудности в главном – в работе. Для того чтобы иметь доступ к секретной работе, беспартийному, пусть даже и «сочувствующему», надо было получать «поручительство» от члена партии. С этим тоже возникла неувязка, Королев понимал, что может и здесь напороться на отказ, а этого ему очень не хотелось. В конце концов «поручительство» ему написал бывший сосед – Валентин Николаевич Топор, его квартира была как раз под квартирой Баланина. (Очень скоро после этого Королева арестовали, а у Топора были крупные неприятности – чуть не исключили из партии. Отделался строгим выговором за «потерю политической бдительности».)

И еще одна рана была нанесена в то время его самолюбию. В конце октября 1935 года научно-технический совет РНИИ представляет Королева к званию профессора по специальности «Крылатые и бескрылые ракеты». Владимир Петрович Ветчинкин отослал в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) свой отзыв, в котором отмечал, что Королев играет в РНИИ ведущую роль и звание ему безусловно присудить надо. Стеняев, формальный начальник, тоже приложил бумагу: «Тов. Королев по своему складу имеет большую склонность к экспериментальной и конструкторской работе». В ВАК посмотрели послужной список и тоже вроде бы решили, что претендовать на профессорское звание Сергей Павлович имеет право. Но экспертная машиностроительная комиссия под председательством Бориса Николаевича Юрьева, того самого любимейшего ученика и зятя Николая Егоровича Жуковского, который читал Королеву лекции в МВТУ, представление РНИИ «зарубила». В протоколе были написаны слова обидные: «Ввиду отсутствия у инж. Королева научного труда, равноценного кандидатской диссертации, рекомендовать ВАК отклонить присвоение ученого звания профессора».

– Отзыв профессора Ветчинкина чрезмерно преувеличен, – сказал Юрьев на заседании ВАК в октябре 1937 года.

– Достаточно, наверное, старшего научного сотрудника ему присвоить? – спросил Межлаук, он был председателем ВАК.

– Я знаю Королева, он, конечно, не профессор, – добавил Александр Иванович Некрасов, замечательный механик, который только что сам получил в МГУ профессорское звание и к новым кандидатам относился болезненно.

На том и порешили: отклонить. Обидно. Даже очень обидно.

Уж лучше и вовсе не представлять, не позориться. И опять-таки звание нужно для авторитета, а авторитет – для Дела. Дело-то разворачивать надо...

И он начал разворачивать! Быть может, именно в это время, накануне рокового для него 1938 года, впервые проглядывает в его действиях хватка будущего Главного конструктора столь ясно. Теперь, когда ракетоплан входит в тематический план института, он заканчивает домашние бдения с Щетинковым и почти всех своих людей бросает на эту работу. Щетинков занимается теперь выбором органов управления и расчетом объемов и весов баков. Орлов ведет прочностные расчеты, Засько – предварительные прикидки устойчивости и всю аэродинамику. Палло конструирует отдельные узлы, доглядывает за их производством и начинает стендовые испытания системы питания: измеряет расходы горючего, перепады давления, смотрит, как работают краны, проверяет систему зажигания. От связки двигателей пока отказались: надо научиться работать с одним; ОРМ-65 – опытный ракетный мотор конструкции Глушко, его решено поставить на ракетоплан.

В октябре 1937 года Королев продумывает большую серию холодных испытаний, которые должны убедить всех и прежде всего его самого в надежности их систем. Одиннадцать стендовых испытаний провели они с Палло в октябре. Теперь точно известны перепады давления на форсунках, проверена работа кранов и аккумуляторов давления. Они добились полного соответствия расходов горючего и окислителя, что обещало устойчивую работу двигателя. Контрольные испытания были проведены 2 ноября.

– Отлично! – сказал Королев Палло, когда уже под вечер шли они к проходной. – А все-таки мы молодцы! Давай-ка завтра приходи пораньше. Надо посмотреть, насколько одновременно поступают компоненты в камеру...

На следующий день, когда Королев утром шел со стенда в свою фанерную выгородку, он с удивлением увидел сидящего на скамейке перед пожухлой клумбой Щетинкова. Подошел. Евгений Сергеевич, глядя как-то мимо, разглядывая облетевшие ветки где-то за плечом Сергея Павловича, сказал тихо:

– Сегодня ночью арестован Клейменов.

На отдыхе в Исарах. Крым, сентябрь 1934 г.

Слева направо: Ксения Максимилиановна Винцентини,

Николай Валерианович Шийко, главный инспектор ГВФ, его жена Лидия Васильевна, Константин Карлович Папок, инженер, Сергей Павлович Королев

С.П. Королев с дочерью Наташей

КАТАСТРОФА

27

… Преступление, совершенное над отдельным лицом, не есть преступление только перед лицом, прямо от него пострадавшим, но и перед целым обществом.

Николай Чернышевский

В первый день нового 1935 года «Правда» писала в передовой статье: «Страна охвачена энтузиазмом стройки прекрасной, радостной жизни. Контуры завершенного здания социализма уже видны каждому. Непоколебимое руководство ленинской партии, прозорливость ее вождя – гениального Сталина – обеспечивают неизбежность победы. 170-миллионный народ Страны Советов является единым, сплоченным, трудовым коллективом. Это единство достигло того уровня, когда никакие попытки врагов народа не могут его поколебать. Воровской выстрел в спину любимца народа Кирова не оправдал надежды врага. Наоборот, он лишь подчеркнул стальное единство советских рядов».

Эта статья звучит, как колыбельная песня: жизнь радостна и прекрасна, вождь гениален, попытки врагов не смогут поколебать народного единства, и победа неизбежна. Сталин словно убаюкивает 170 миллионов. А ведь, очевидно, где-то в это время продумывал он весь этот адский план уничтожения миллионов людей, всю череду этих кошмарных процессов, выжигающих не оппозицию даже, а лишь теоретическую возможность инакомыслия, составлял невероятный проект непререкаемого деспотизма, в сравнении с которым времена правления Гиерона Сиракузского, Александра Македонского, «бича божьего» Аттилы да и любого другого тирана кажутся детскими шалостями.

Были ли уже обречены тогда знаменитые красные генералы и прежде других Тухачевский? Очевидно были. Эти люди не могли жить дальше потому, что по духу своему не вписывались в задуманную систему. Идея «военно-фашистского заговора» еще не родилась, лишь через два года Фриновский обрадует Ежова своей «находкой», но не додумайся он до этого заговора, был бы другой.

Именно поэтому так одиозно выглядел Климент Ефремович Ворошилов. То, что Ворошилов мешал Тухачевскому организовать РНИИ, – частный маленький эпизод, и можно простить наркомвоенмору, что не оценил он ракеты: в мире были считанные люди, способные их тогда оценить. Нет, спор был

глубже и шире, он охватывал кардинальные стратегические вопросы строительства армии. Если разговор касался будущей войны, Ворошилов видел перед глазами своими дико ревущую кавалерийскую лаву, лихих веселых бойцов, гладких, сытых коней, сверкание клинков над спутанными ветром гривами. Он видел гражданскую войну– только в будущей войне солдат, коней и фуража должно быть больше. Очевидно, Сталин заставил его поверить в авиацию. Хорошо, если пушек тоже будет больше. И пулеметов, конечно. У него не было какой-либо военной доктрины, пусть даже ошибочной. Приоритет кавалерии – не доктрина, а воспоминания. Как оно там будет дальше – представлялось туманным. А главное – он сжился с мыслью, что в конечном счете все будет решать Сталин, и это его полностью устраивало. Ворошилов не был лидером никогда, и это устраивало вождя. Поразительно, как он разглядел этого неумного, но смекалистого, темного, но умеющего маскировать скудость знаний луганского паренька, разглядел и не ошибся в нем. Проявив редкую политическую дальновидность, 38-летний наркомвоенмор выигрывает самое важное в своей жизни «сражение»: публикует в 1929 году статью «Сталин и Красная Армия». «Значение тов. Сталина как одного из самых выдающихся организаторов побед гражданской войны, – пишет он, – было до некоторой степени заслонено и не получило должной оценки… Я хочу хоть отчасти заполнить этот пробел».

И начал «заполнять»: вся история и царицынской эпопеи, и всей гражданской войны в целом пошла наперекосяк. Если отжать из всего написанного, точнее, наверное – из всего подписанного Ворошиловым, сироп славословий Сталину – останется мокрая горсть банальных слов.

Константин Симонов свидетельствует: «Помню, что приход Фрунзе на место Троцкого был встречен хорошо, помню, как были огорчены потом его смертью. Замена его Ворошиловым была воспринята с некоторым удивлением и недовольством – видимо, среди таких людей, как мой отчим, существовало мнение, что на опустевшее после смерти Фрунзе место наркомвоенмора следовало назначить более значительного и более военного, чем Ворошилов, человека».

Именно таким человеком был Тухачевский. Кадровый военный, окончивший не только кадетский корпус (тоже неплохо для формирования молодого человека), но одно из лучших в мире высших военных учебных заведений – Александровское училище. За первые полгода мировой войны – шесть орденов. Безоговорочно принял революцию, член партии с апреля 1918 года. В 25 лет командарм, затем командующий Южным

Кавказским и Западными фронтами. Громил Колчака и Деникина, давил мятежи Муравьева и белочехов. Мог ли не испытывать по отношению к нему норкомвоенмор чувства собственной чисто профессиональной неполноценности?

Но не в ратных подвигах дело. Еще в 1922 году 29-летний командующий войсками Западного военного округа Тухачевский делегат XI съезда РКП(б) по поручению Фрунзе готовит доклад, в котором прямо говорит: в будущей армии роль конницы уменьшится, а роль авиации, бронетанковых войск и артиллерии возрастет. В 1928 году Тухачевский направил Сталину записку о необходимости решительного технического переоснащения армии. Крупнейший военный теоретик, в труде «Новые вопросы войны» еще в 1931-1932 годах (т.е. практически одновременно с началом работы Королева над ракетопланом) Тухачевский писал: «Осуществление бомбардировочных полетов в стратосфере будет означать громадный технический и военный переворот. Гигантская быстрота перелетов (например, Ленинград-Париж – два-три часа), вытекающая отсюда внезапность и, наконец, неуязвимость для зенитной артиллерии».

Мысль эта не оставляет его. Через три года он снова говорит: «Чем больше скорость самолета, тем он труднее уязвим со стороны зенитной артиллерии, тем он труднее уязвим со стороны истребителей противника. Поэтому эти показатели играют не меньшее, а иногда и большее значение, чем показатели количественного порядка».

Был ли у Королева более верный единомышленник? Мог ли не ликовать Сергей Павлович, читая слова Тухачевского, словно прямо ему адресованные: «Несмотря на то, что полеты в стратосфере находятся в стадии первоначальных опытов, не подлежит никакому сомнению, что решение этой проблемы не за горами...» Тухачевский писал о танках, радиосвязи и радиоуправляемых минах, о новых подводных лодках, новых методах обучения войск, новой организации работы тыла... Он был автором более ста научных работ.

Генерал-лейтенант Ф.И. Жаров, который хорошо знал Михаила Николаевича, поскольку в предвоенные годы был начальником вооружений ВВС, один из немногих чудом уцелевших людей из круга Тухачевского, написал в своих воспоминаниях: «Тухачевскому в развитии военной техники принадлежит такое место, на которое не может претендовать никто другой из наших военачальников».

В 1970 году один старый военный инженер, прошедший и ссылки, и фронт, сказал мне о Тухачевском:

– Поверьте мне, старику, это был военный гений...

И Клим Ворошилов со своей конницей…

Тухачевский несколько лет пытался объяснить своему непосредственному начальнику, что кавалерия не может быть главной силой в будущей войне. Безрезультатно. Недаром подхалимы придумали ему эпитет «железный». Он и впрямь отличался железным упрямством. Если Ворошилов бывал в благодушном настроении, что случалось не часто, он пытался сначала отшучиваться, ссылался на опыт Буденного, потом начинал злиться. Буденный был прост. Когда при нем выражали сомнение в непобедимости кавалерийских атак, он грозил пальцем и изрекал классическую фразу: «Погодите, лошадь еще свое слово скажет!..» Это уже какой-то фарс, оперетта, а Тухачевский не любил оперетту, он был человеком военным и осознавал свою ответственность и перед армией, и перед народом. С трибуны VII Всесоюзного съезда Советов он сказал:

– Мы привыкли за время гражданской войны к коннице, как к самому быстрому роду войск, а большинство привыкло и к пехотным действиям, и перестроиться на новый лад, уметь использовать подвижность авиации и наших механизированных войск, наших танков не так-то просто…

Правда, закончил он свой доклад здравицей, которая в устах военных ораторов становилась уже традиционной и от частого повторения тускло различаемой сознанием:

– …Под железным руководством Клима Ворошилова, под знаменем коммунистической партии во главе с нашим великим Сталиным Красная Армия разгромит интервентов и обеспечит победу над врагами Октябрьской революции!

Рев восторга накрыл эти слова, сквозь бурю аплодисментов прорывалось резкое, как вопли кликуш: «Да здравствует великий Сталин!!» Кричавшие не знали, что больше половины сидящих в этом зале и есть те самые «враги революции», «победа» над которыми будет «обеспечена» через два года…

Эта дуэль «коня» Ворошилова и «мотора» Тухачевского тянется многие годы. За несколько недель до гибели, понимая, что Ворошилова и чаще всего соглашающегося с ним Сталина ему все равно не убедить и ничего, кроме гнева наркома это не вызовет, Тухачевский тем не менее публикует статью, в которой прямо говорит: «Нам пришлось столкнуться с теорией „особенной“ маневренности Красной Армии – теорией, основанной не на учете нового вооружения как в руках наших возможных врагов, так и в руках советского бойца, а на одних лишь уроках гражданской войны, на взглядах, более навеянных героикой гражданской войны, чем обоснованных ростом могущества, культуры, ростом крупной индустрии

социалистического государства, а также ростом вооружений армий наших возможных противников из капиталистического лагеря».

Можно себе представить, как взбесила эта статья Ворошилова. В эти дни и была окончательно решена судьба красных генералов. Говорил ли Клим со Сталиным? Не мог не говорить.

Судьба Тухачевского решена.

Забегая вперед, хочется проследить за продолжением «конно-моторного» спора, чтобы лучше понять Ворошилова. Уже после разгрома Сталиным, им и Ежовым Красной Армии в 1938 году, когда уже не было ни одного военачальника, который бы посмел с ним спорить так, как Тухачевский, и, что того страшнее – кто мог бы с ним спорить на уровне Тухачевского, Ворошилов по-прежнему остается убежденным противником модернизации армии. В докладе «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского флота» в феврале 1938 года он утверждает:

– Конница во всех армиях мира переживает, вернее уже пережила кризис и во многих армиях почти что сошла на нет... Мы стоим на иной точке зрения... Мы убеждены, что наша доблестная конница еще не раз заставит о себе говорить, как о мощной и победоносной Красной кавалерии... Красная кавалерия по-прежнему является победоносной и сокрушающей вооруженной силой и может и будет решать большие задачи на всех боевых фронтах...

Еще через год на XVIII съезде партии Семен Буденный так объяснил отставание коневодства:

– Разумеется, эта отрасль пострадала, пожалуй, больше всех других отраслей нашего сельского хозяйства. Гнусные подонки человечества – троцкистско-бухаринские гады поработали в этой области весьма основательно...

В конце концов Сталин понял, что кавалерийская доктрина двух не расстрелянных его любимцев – самых бесталанных из маршальской пятерки, – полная чушь и начинает от нее отмежевываться. Все идет по хорошо продуманной им, выверенной схеме: свалить собственные грехи на других, убедить всех, что порочен не стиль его руководства, а глупые действия неумелых исполнителей гениальных замыслов. Так он «поправлял» неугомонных коллективизаторов, обвиняя их в «головокружении от успехов». Так он «исправлял» ошибки ретивых чекистов на январском Пленуме ЦК ВКП(б) 1938 года. Теперь пришла пора наставить заблудших военачальников. На заседании Главного военного совета 17 апреля 1939 года он уже говорит о том, что «культ традиций и опыта гражданской войны

помешали... перестроиться на новый лад, перейти на рельсы современной войны». А в январе 1941 года на заседании того же совета буквально повторяет слова Тухачевского, сказанные Михаилом Николаевичем еще в 1922 году, приписывая себе мысли, за которые, в частности, их подлинный автор был казнен. «Современная война, – изрек тогда Сталин, – будет войной моторов: моторы на земле, моторы в воздухе, моторы на воде и под водой. В этих условиях победит тот, у кого будет больше моторов и больший запас мощностей...»

Страшно думать, сколькими человеческими жизнями в годы войны заплачено за это позднее прозрение «величайшего из полководцев всех времен и народов»...

Разумеется спор Тухачевского с Ворошиловым о конях и моторах – лишь один из примеров несостоятельности наркома. Эту несостоятельность видели все и часто открыто об этом говорили. Убежденным противником Ворошилова был, например, начальник Главного политического управления Красной Армии Ян Борисович Гамарник. Кроме Буденного, которого люди думающие как-то и в расчет не брали, терпимее других относился к Ворошилову разве что маршал Александр Ильич Егоров, что и позволило ему дожить до 1939 года. Многие высшие командиры считали, что Ворошилов, конечно, никакой не нарком, но, будучи людьми военными, полагали, что решать вопрос, кому быть наркомом, – не их ума дело, для этого есть Москва, ЦК, Сталин. Между собой критиковали, втихомолку обсуждали, но в общем помалкивали.

Бывший комбриг Чапаевской дивизии Иван Семенович Кутяков – кавалер трех орденов боевого Красного Знамени (тогда!) и ордена Красного Знамени Хорезмской Советской Республики, на свою беду вел дневник, коим он и изобличался в 1938 году в совершении преступлений по «полному набору»: измена родине, террористический акт, участие в контрреволюционных организациях. 2 марта 1936 года Кутяков записал: «Маршал Тухачевский вел почти 100% решительную атаку по Вор. + Егор. Якир + Уборевич осторожны. 9 октября: „В этом году будут пертурбации среди верхушек“. 13 февраля 1937 года: „Все перепутано, не поймешь, кто враг, кто друг“. 15 марта: „Пока „железный“ будет стоять во главе, до тех пор будет стоять бестолковщина, подхалимство, и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться“.

Потому ли погиб Тухачевский, что не разделял взглядов Ворошилова? Отчасти. В малой степени. Потому ли он погиб, что был соперником наркома, о чем в армии говорили, – значит, это было известно Ежову, а следовательно, и Сталину? (Впрочем,

Сталин и сам не мог не понимать этого.) В большей степени, но тоже отчасти. Нелепо говорить о любви Сталина к Ворошилову, так же как к любому другому из своих кремлевских рабов. И не хуже Ивана Кутякова видел Сталин, что все тупое в почете, а все умное унижается. Пока это его вполне устраивало, а коли перестанет устраивать, он может распорядиться отковать нового «железного наркома».

Потому ли погиб Тухачевский, что свержение Ворошилова вызревало снизу, что в самом намерении этом выявлялась чья-то воля? В очень большой степени, но тоже не совсем. Сталин понимал, что, вне зависимости от того, плох ли действительно Ворошилов, хорош ли Тухачевский, даже не решение, а лишь обсуждение этого вопроса в армии уже есть покушение на власть. А для него не было ничего страшнее этого, ибо власть для Сталина была важнее и старого друга Клима Ворошилова, и всех маршалов вместе взятых, и всей армии вместе с маршалами, и всего народа вместе с армией, маршалами и старыми друзьями.

Сыграли ли в трагедии Тухачевского свою роль козни фашистской разведки? Удалось ли коварному Гейдриху с «помощью» Бенеша сделать Тухачевского в глазах Сталина агентом вермахта? Вполне допустимо. При патологической подозрительности Сталина можно было состряпать что-нибудь и погрубее, он бы поверил. Поверил бы, потому что хотел поверить, ждал любого повода, чтобы поверить. На Западе в 50-60-х годах много писали о дьявольском немецком плане уничтожения верхушки Красной Армии. Но и тогда наиболее осведомленные историки понимали, что дело не в макиавеллиевских талантах немецкой разведки. Пауль Карелл, например, автор книги «Война Гитлера против России», писал:

«Гейдрих не был автором этой драмы, а всего лишь „ассистентом режиссера“. Его фальсифицированное досье не было основной причиной ареста и осуждения Тухачевского и его друзей, а всего лишь алиби для Сталина.

...Расправа над офицерским корпусом была результатом драматического процесса, а не просто грязной махинации».

Тухачевский погиб потому, что он должен был погибнуть обязательно. Он не мог не погибнуть, потому что, находясь в высших этажах власти, он не только слушал, но и думал, имел свое мнение, умел его отстаивать. Совершенно не важно, прав он был при этом или не прав. Сталин мог бы простить ему любую неправоту. Но не мог простить свободы мысли и души. Не мог простить, что Тухачевский говорит на иностранных языках, что любит скрипичный концерт ре-мажор Бетховена, что профессионально играет на скрипке и бьется над секретами

рецептов лака лучших скрипичных мастеров, что читает стихи, что ездит за границу, что не охотно пьет на сталинской даче и плохо пьянеет, что не любит бороться с другими пьяными гостями по воле хозяина, а если тот очень настаивает, – быстро и ловко кладет их на лопатки. Нельзя простить того, как смотрит он в глаза, как говорит, как стоит, как сидит...

Через двадцать лет маршал Жуков, вспоминая Тухачевского, скажет:

– Огромного военного таланта человек. Умница, широко образованный, сильный, занимался тяжелой атлетикой и очень красивый... Удивительно был красив...

Вот почему Тухачевский должен был погибнуть.

Понимал ли он это? Наверное, чувствовал беду, но вряд ли думал о возможной гибели. Слишком дикой была бы эта мысль. Чувствовал беду в словах Молотова: «У нас нет должной бдительности к врагу...» – это за пять недель до ареста; в красных лозунгах Первомая 1938 года: «Искореним врагов народа – японо-германо-троцкистских вредителей и шпионов! Смерть изменникам родины!» – это за четыре недели до ареста; в призывах Хрущева на IV Московской партконференции – опять бдительность – это за два дня...

Во вторник 11 мая 1937 года, через пять дней после публикации той самой статьи с критикой теории «особенной» маневренности Красной Армии Ворошилов назначает Тухачевского командующим Приволжским военным округом. Это тоже был какой-то кошмарный ритуал: перед пулей – новое назначение. По тому же сценарию арестовали Якира: перевод из Киевского военного округа в Ленинградский, арест в поезде, расстрел. Трудно объяснить, но в практике этой есть что-то от блатного мира, что-то от убийств исподтишка.

Елена Николаевна Тухачевская с мужем и братом Николаем приехала на дачу в Петровское, чтобы повидаться с братом перед его отъездом.

– И до этого, – свидетельствует она, – в его служебной судьбе бывали назначения и перемещения. И ни у кого из нас не вызывало сомнений очередное. Но когда я увидела Мишу, поняла, что происходит нечто экстраординарное. Я никогда не видела его столь подавленным и удрученным. И обед за столом, обычно веселый и оживленный, проходил с ощущением неясного беспокойства. И что самое удивительное, прежде приветливые женщины, обслуживающие маршала и его семью, были надменны и откровенно враждебны. Они тоже что-то чувствовали и знали уже о происшедших переменах. Больше я никогда не видела Мишу...

Тухачевский был арестован 26 мая. Его следователем был Ушаков – Зиновий Маркович Ушиминский – один из самых страшных подручных Ежова. В 1956 году во время реабилитации красных генералов на документах «Дела» Тухачевского обнаружены были бурые пятна. Экспертиза установила, что это – человеческая кровь. Мне кажется, что Михаил Николаевич признал себя виновным не потому, что его били. Тухачевский за свою бурную жизнь всякого повидал. Да и самого его вряд ли правильно было бы причислять к людям мягким. Подавление антоновского мятежа долго помнили – огнем и мечом прошел он по Тамбовщине. Не такой это был человек, которого враз мордобоем поломать можно. Думаю, он подписал все наветы, спасаясь от невероятного, никогда дотоле непережитого унижения, когда мальчишки-лейтенанты могли кричать на маршала, срывать звезды с петлиц, когда надо было рукой поддерживать галифе, потому что ремень был изъят, когда собственный расхристанный вид в неподпоясанной гимнастерке вызывал в нем врожденный протест истинного офицера и человека безупречной аккуратности. Протоколы, мне думается, подписывал он из брезгливости, от нежелания видеть Ушакова, общаться с ним в любой форме, от чувства гадливости ко всему происходящему. Подумайте сами: ощущение несвободы для него было самым мучительным ощущением. Поэтому он бежал из немецкого плена пять раз и убежал все-таки! Если бы Тухачевского не расстреляли, он очень быстро умер бы в тюрьме или сам напросился бы на пулю конвоира…

Когда его вызвал Вышинский, с ним был еще какой-то писарь[53], он не стал ему ничего доказывать и объяснять. «Признаю себя виновным, жалоб не имею», – и пусть выкатывается. Нет, объясняться надо не с глазу на глаз, а на суде.

Ждал суда. Вот там он все подробно объяснит, обнажит абсурд, выявит и высмеет всю чудовищную нелепость этого ареста. А Ежову надо потом сказать, чтобы наказал этого мерзавца Ушакова, его надо примерно наказать!

Он не знал, что в своем кабинете застрелился смелый человек Ян Гамарник, не знал об аресте других военачальников. Когда Ушаков кричал о заговоре и называл их фамилии, он думал, что это конечно же провокация, представить их в тюрьме он не мог.

Когда в 9 часов утра Тухачевского ввели в зал Верховного суда СССР, где заседало Специальное судебное присутствие, и он увидел подсудимых: Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путну, пусть каких-то странных (Примакова он не сразу узнал), каких-то холодно неподвижных, стеклянных, когда он увидел их, своих товарищей, верных

большевиков, героев гражданской войны, а напротив увидел тех, кто будет их судить: Блюхера, Алксниса, Шапошникова, Буденного, Дыбенко, Белова из Белоруссии, Каширина с Кавказа, командира казачьего корпуса Горячева, – он сразу успокоился. Меньше других он знал Ульриха, Главного военного прокурора, председателя Специального судебного присутствия. Слышал, что человек жесткий.

Ну, вот и суд. Теперь все, наконец, кончится...

Последующие несколько часов были самыми страшными в жизни Михаила Николаевича Тухачевского, а в его жизни было немало страшных часов. Думаю, что он не понимал, что происходит, не понимал, зачем ему задают эти вопросы.

Встречался ли он с троцкистами, беседовал ли с теми, кто оказался потом «врагами народа»? Ну, разумеется, и встречался, и беседовал, да и как мог он не встречаться с ними? Все, кто находился на верхних этажах власти, с ними встречались. Но он никогда не был троцкистом, не поддерживал Троцкого.

Знает ли он остальных подсудимых? Как он мог их не знать, он – заместитель наркома, не знать высший командный состав армии?! С Уборевичем и Фельдманом они дрались еще против Антонова. С Якиром...

Встречались ли и беседовали в Лондоне с Путной? Да, встречались и, конечно, беседовали. Витовт Казимирович был военным атташе в Англии, а он ездил туда на похороны короля Георга V...

Почти все вопросы задавал Ульрих. Буденный оживлялся только при упоминании кавалерии. Дыбенко и Белов спрашивали какую-то ерунду. Блюхер сидел молча, опустив глаза. Потом вдруг наскочил на Уборевича:

– Почему вы говорили обо мне плохо?

Уборевич улыбнулся, пожал плечами, начал протирать стеклышки пенсне.

– Вы показывали немцам то, что им не следовало показывать? – спросил Алкснис, глядя мимо лица Тухачевского.

– Мы показывали то, что нужно было показывать[54], – ответил Тухачевский и все старался поймать взгляд Якова Ивановича, но не поймал...

– Имели ли вы контакт с офицерами и генералами вермахта?

А как же он мог их не иметь, если возглавлял советскую военную делегацию в Берлине? Но причем здесь фашизм и Гитлер? Ведь все это было до прихода Гитлера к власти!

Неудовлетворительно шло строительство укрепрайонов на западной границе? Мала сеть шоссейных и железных дорог? Разумеется, какие-то упущения были, строить надо и лучше, и

быстрее. Он готов отвечать, но какие конкретные оборонительные сооружения имеются в виду? Ведь весь разговор какой-то расплывчатый, общий. Выступал ли за сокращение кавалерии, за развитие механизированных частей? Да, выступал и делал это открыто, гласно, никогда не скрывал своего мнения по этому вопросу. А с тем, что его приказы способствовали ослаблению боеспособности Красной Армии, согласиться нельзя, потому что роль кавалерии в современной армии...

– Это вам не Академия... Лекций нам не читайте, – перебил Ульрих. Тухачевский взглянул на него и увидел, что лицо у него цвета сырого мяса. И с этого лица на него смотрят совершенно белые глаза...

Сообщение об аресте Тухачевского и раскрытии заговора в Красной Армии ошеломили Королева. Он часто встречался с Михаилом Николаевичем, слышал его выступления, сам с ним говорил. Королев не мог заставить себя поверить в то, что Тухачевский – враг. Понимая умом несбыточность своих надежд, сердцем все-таки надеялся: разберутся, вероятно ошибка, не может быть, чтобы не разобрались, ведь это Тухачевский!

Каждое утро с нетерпением хватал газету, искал сообщения о суде. 11 июня развернул «Красную звезду» и не поверил своим глазам: передовая статья называлась «Шпионам и изменникам пощады не дадим!» Каким шпионам?! Каким изменникам?! Ведь суда еще не было, ведь еще надо доказать, что арестованные – изменники и шпионы! Королев не был знатоком юридических тонкостей, но такую элементарную вещь не увидеть было нельзя. Суд еще не приступил даже к разбирательству дела, а газета писала: «Маски сорваны, шпионы пойманы с поличным. Они сознались в своих гнусных преступлениях, в своем предательстве, вредительстве и шпионаже».

Тогда, в июне 1937 года, Королев не понимал, а если бы кто-нибудь и объяснил ему, то не поверил бы, что суд – никому не нужен, что это проформа. Он не поймет этого и через год – в июне 38-го, когда его самого арестуют и он будет с нетерпением ждать суда. Он не мог представить себе, что ни вопросы Ульриха, ни ответы обвиняемых никого не интересуют, что приговор суда вынесен задолго до суда и даже больше того – задолго до того, как подсудимые были арестованы и превратились в подсудимых. Страшное прозрение наступит, и Королеву откроется истина: этот суд – кровавый спектакль. Но и после этого он еще долго не сможет понять, что спектакль этот разыгрывается в театре марионеток, еще будет надеяться, что все-таки это суд – нормальный, человечий, с живыми людьми...

Все восемь подсудимых были приговорены к расстрелу.

Приговор привели в исполнение немедленно[55].

В день расстрела Тухачевского и его товарищей заведующая бюро жалоб Комиссии советского контроля Мария Ильинична Ульянова умерла от кровоизлияния в мозг.

В тот же день народный комиссар обороны СССР подписал приказ № 96, в котором, кроме «глубокого анализа» текущего момента: «Вся Красная Армия облегченно вздохнет, узнав о достойном приговоре суда над изменниками, об исполнении справедливого приговора», была в сжатой форме изложена и программа на будущее: «Ускорим полную ликвидацию последствий работы врагов народа».

«Ускорение» было предельным. 26 июня с согласия наркомата обороны были арестованы и расстреляны три командующих корпусами, а всего уничтожено шестьдесят комкоров из шестидесяти семи. 2 июля арестовали трех комдивов. Покатилась, разгоняясь, страшная лавина... Из одиннадцати членов первого Реввоенсовета СССР к 1939 году в живых остались только Ворошилов и Буденный. С.С. Каменев умер своей смертью, но сразу после расстрела Тухачевского приказом Ворошилова («железный нарком» сам вершил суд) был объявлен «врагом народа», оклеветан в гробу. П.И. Баранов погиб в авиационной катастрофе, Г.К. Орджоникидзе – застрелился. Остальные расстреляны. Позднее генерал Тодорский подсчитал: расстреляны три маршала из пяти, два командира I ранга из четырех, двенадцать командармов второго ранга из двенадцати, пятнадцать армейских комиссаров II ранга из пятнадцати, два флагмана флота из двух.

Во время Великой Отечественной войны мне, мальчишке, на всю жизнь запомнилась гибель двух крупных наших военачальников в ранге командующих фронтов: Николая Федоровича Ватутина и Ивана Даниловича Черняховского... Двух!

Совсем немного времени прошло, и уже другие суды, где тоже были и верные большевики, и герои, судили судей вчерашних: Алкснис, Блюхер, Белов, Дыбенко, Каширин, Горячев оказались тоже участниками «заговора». Николай Иванович Ежов, шустрый питерский паренек, который, как он утверждал, штурмовал Зимний, верный солдат Сталина, алкоголик, наркоман и гомосексуалист, да еще закомплексованный малым ростом, достиг вершин своей славы. Ведь он назначен только в апреле, и уже такие успехи! Но, конечно, и поработать пришлось немало. Расстреливали чаще всего в подвале небольшого старинного дома в Варсанофьевском переулке. Стены были толстенные, выстрелов практически не слышно. Дом этот соратники Николая Ивановича в шутку называли «мастерская». А

оттуда уже в крематорий. Все лето 1937 года это мрачное творение архитектора Осипова работало с предельной нагрузкой, дым поднимался подчас к самой вершине шуховской башни, предвещая вёдро окрестным жителям.

Да, лето и впрямь было прекрасное, ласковое, теплое, и много замечательных событий происходило вокруг. В апреле МХАТ поставил талантливый спектакль «Анна Каренина». Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Жданов смотрели и все им очень понравилось. В мае отважный планерист Расторгуев на планере комсомольца Грошева установил международный рекорд. Написал потом Сталину, поблагодарил за заботу о советском планеризме. Получил орден «Знак Почета». Полярная экспедиция Отто Юльевича Шмидта прилетела на Северный полюс. В газете была большая фотография: Сталин целует Спирина. В июне Чкалов, Байдуков и Беляков полетели через Северный полюс в Америку «по маршруту, намеченному тов. И.В. Сталиным». Участники узбекской декады демонстрировали в Большом театре свое искусство и послали товарищу Сталину письмо, поблагодарили за заботу о советском Узбекистане. Было принято постановление о создании ВСХВ[56], и по воле великого Сталина в Останкине развернулось строительство волшебного города.

Папанинцы бодро рапортовали о своих успехах с самой макушки планеты, а отец героя Дмитрий Николаевич Папанин писал в газете: «В золотое время живут наши дети...»

...Трагедия эпохи заключалась в самой возможности сосуществования «мастерской» и всех этих спектаклей, выставок и перелетов...

Замечательные успехи радовали и Ивана Терентьевича Клейменова, но расстрел Тухачевского и других не выходил из головы. Как это могло случиться? Непостижимо! Но ведь сознались, сами во всем признались! Однажды, заехав по делам к Алкснису, начал было разговор, ведь Алкснис сам судил...

– Кто бы мог подумать.., – только и сказал Яков Иванович. Помолчал и добавил: – Ты-то хоть нас не подведешь? Мы ведь тебя с Лангемаком к ордену представили...

– А как я вас могу подвести? – рассеянно спросил Иван Терентьевич.

– Ты-то не сядешь?..

Страшно стало оттого, что Алкснис сказал это без улыбки.

– Просто так, ни за что ни про что людей не арестовывают. Меня же не арестовывают, потому что не за что меня арестовывать, – сказал Клейменов.

Иван Терентьевич был не прав: было за что его арестовывать. Да – из крестьян, да – участник гражданской войны, да –

большевик с 1919 года. А мало ли таких перерожденцев? В Берлине жил?! Не важно, до Гитлера, после Гитлера, но жил. А известно ли ему, что его сослуживцы по Германии Иосиф Зенек, Владимир Бельгов, Соломон Мушинский – враги народа? И уже обнаружен, выявлен, окружен целый клан шпионов-заговорщиков из Наркомвнешторга, и он – Иван Клейменов – в этом окружении. А когда нарком Ежов послал товарищу Сталину списки арестованных, приложив другие списки с припиской: «Всех этих лиц проверяем для ареста», – товарищ Сталин слова эти раздраженно подчеркнул и написал рядом: «Не проверять, а арестовывать нужно».

А разве не писал в райком партии Андрей Григорьевич Костиков, что в повседневной своей работе, он, Иван Клейменов, опирается на беспартийных Лангемака и Королева, людей с темным прошлым? А разве через три дня после расстрела Тухачевского не получил нарком Ворошилов письма от бывшего боевого командира гражданской войны Леонида Константиновича Корнеева? Ведь там ясно написано: «... только теперь в свете последних событий как-то ясно стало, что Клейменов тоже вредитель, стоявший за спиной подонков человечества, исключительных мерзавцев XX века: Пятакова, Тухачевского и других. ... Чем раньше, чем скорее будут собраны материалы о Клейменове и его сегодняшних покровителях, тем больше пользы получит страна».

Ну так как? Есть ли у наркома Ежова основания для ареста Ивана Терентьевича Клейменова?

30 августа 1937 года Клейменов освобождается от работы в РНИИ и становится заместителем начальника винтомоторного отдела ЦАГИ. Впрочем, всего на два месяца...

В Доме правительства, том самом прославленном Юрием Трифоновым «Доме на набережной»[57], где жил Клейменов с женой, двумя дочками-школьницами и породистым дратхаром Гертой – непременной участницей всех охотничьих утех Ивана Терентьевича, в 1937 году арестовывали чуть ли не каждую ночь. Иван Терентьевич узнавал об арестах, прогуливая утром Герту. В доме было много собак, собаки перезнакомили хозяев, и теперь, если на утреннюю прогулку собаку выводил кто-то другой, все уже знали, что хозяина ночью арестовали. Да и собака эта гуляла теперь не как прежде, а в отдалении от других.

Собаки ощущали происходящее лучше людей, ибо руководствовались глубинным инстинктом самосохранения и уже почти утраченным человеком первобытным предчувствием опасности. Эти животные инстинкты одерживали верх над людским разумом, который не мог осмыслить происходящего,

поскольку оно не подчинялось законам разума: все происходящее по природе своей было куда ближе миру животных, нежели миру людей.

Иван Терентьевич убедился в этом сам: когда ночью 2 ноября за ним пришли, Герта завыла, и Маргарита Константиновна отвела ее в дальнюю комнату.

Пришли трое. Один был совсем молоденький, просто мальчик. Клейменов сидел в кресле в той же напряженной, несвойственной ему позе, в какой сидел он в день ареста Алксниса. Иногда он тер руками глаза и, оглянувшись на Маргариту Константиновну, повторял:

– Ничего не понимаю... Ничего не понимаю...

Она присела к нему на ручку кресла.

– Уйдите! Не сговаривайтесь, – резко сказал один из чекистов. Тот, что постарше.

Клейменов обернулся к нему удивленно: его поразил не смысл произнесенных слов, а тон, каким они были произнесены. Никто и никогда в его доме не говорил так с ним и его женой.

Перерыли весь дом, три больших берлинских чемодана набили документами и фотографиями. Оживление вызвали два охотничьих ружья и еще больше – третье, с оптическим прицелом. Это было ружье Михаила Шолохова. Они познакомились еще в Германии, Иван Терентьевич показывал Шолохову Берлин, они подружились и, когда Шолохов приезжал в Москву, вместе ездили на охоту. Оптический прицел очень вдохновил чекистов: подготовка теракта была налицо.

Маргарита Константиновна собрала в старый желтый портфель белье, полотенце, мыло.

– Возьми денег, – сказала она Ивану Терентьевичу.

– Не надо, я завтра вернусь... Это какое-то недоразумение... Обулся: ботинки и краги. На голову – пилотку, хотя было зябко: ноябрь... Потом, уже весной, в большой камере Бутырской тюрьмы Маргарита Константиновна вместе с другими женщинами будет пристально вглядываться в узкую полоску свободного пространства под железом оконного козырька. Единственное окно камеры выходило во двор, где прогуливали заключенных. Видны были только ноги чуть пониже колен, и женщины по обуви искали своих мужей. Очень много расшнурованных[58] ботинок и сапог прошло перед ней, но краг не было ни разу...

Маргарита Константиновна не знала тогда, и долго потом не знала – я назвал ей этот черный день лишь весной 1988-го, – что Клейменова расстреляли 10 января 1938 года – за сутки до ее ареста.

В той новогодней передовой «Правды», с которой начиналась

эта глава, цитировался Сталин: «Мы выиграли самое дорогое – время, мы создали самое ценное в хозяйстве – кадры». Сталин был удивительно последователен и сбить его с выбранного им курса было невозможно. Через много лет– 24 июля 1951 года – Сталин писал: «...Мы по-прежнему считаем, что показания преступников без фактов, подтверждающих эти показания, не могут служить основанием для обвинения деятелей, известных партии по их большой положительной работе».

Это жутко читать, кружится голова, когда подходишь к краю и заглядываешь в бездонную пропасть цинизма этого страшного человека.

Михаил Николаевич Тухачевский

На переднем плане А.И. Микоян, Н.И. Ежов, Л.М. Каганович

28

…Не надлежит ослабевать духом, но тем больше мысли простирать, чем отчаяннее дело быть кажется.

Михайло Ломоносов

Слова Щетинкова об аресте Клейменова Королев принял спокойно: он ждал этого. Арест этот стал реальностью сразу после расстрела Тухачевского. РНИИ был детищем маршала-«вредителя», так где же искать его единомышленников, как не в РНИИ? Правда, могли вспомнить конфликты замнаркома с начальником института. Ведь одно время Тухачевский даже снять хотел Ивана Терентьевича. Но ведь не снял! Поди теперь докажи, что недовольство маршала было искренним, что все это не игра? Иван Клейменов – вредитель. Ну и времена настали…

На следующий день был арестован Лангемак.

Институт притих. Столь невероятные и важные события не обсуждались даже в самом узком кругу. Вновь торжествовала старая добрая формула: «Зря не сажают». Кто следующий по рангу? Исполняющим обязанности директора института назначается Леонид Эмильевич Шварц.

Вскоре было назначено общее собрание. Повестка дня: ликвидация последствий вредительства. Собрание было очень бестолковым, Костиков говорил о «банде, свившей себе гнездо в институте». Щетинков, сидящий рядом с Королевым, прошептал ему в ухо: «Вы слышали, чтобы бандиты вили гнезда?» Все выступавшие твердили о том, что теперь надо отдать все силы «залечиванию ран, нанесенных вредителями», но никто не знал, что это конкретно за раны, а потому не мог предложить столь же конкретного рецепта их залечивания. Потом вспомнили, что мать Лангемака жила в Эстонии и Лангемак с ней переписывался. Но поскольку сам факт переписки сына с матерью обсуждать было нелепо, желанного кипения негодования и накала гнева опять не получилось. Собрание не удовлетворило Костикова. Он понимал, что два «врага народа» для целого института – это не серьезно и надеялся получить на собрании хотя бы пяток новых кандидатур для дальнейшей разработки. Известно было, что тесть химика Чернышева жил в Греции, но Чернышев, как на грех, ушел из РНИИ, если и доказывать, что Чернышев враг народа, то это был бы уже не «свой», а «чужой» враг. Правда, потом наметилось было

«дело Раушенбаха».

Когда Борис Раушенбах перебрался из родного Ленинграда в Москву, жить ему было негде. Все квартиры на Донской, предназначавшиеся для сотрудников ГДЛ, давно разобрали, и он поселился у приятеля в квартире, которая принадлежала сестре Якова Михайловича Свердлова. Ее дочь была замужем за Ягодой, а когда его арестовали, она вернулась в эту квартиру. Ночью приехали чекисты искать оружие, но нашли Раушенбаха с приятелем. Приятеля исключили из комсомола за то, что он не разоблачил Ягоду, а Раушенбаху дали строгий выговор за то, что он не разоблачил приятеля, который не разоблачил Ягоду. Все это дело выглядело несолидно, мелочь этот Раушенбах.

Костиков не был удовлетворен собранием еще и потому, что оно не укрепило его позиций в институте. Ему очень хотелось стать теперь начальником и достойных конкурентов себе он не видел: Глушко – человек Клейменова, чуть подтолкни и упадет. Королев, правда, воевал с Клейменовым и Лангемаком, но основная тематика института – пороховые реактивные снаряды – его совершенно не интересует. Кроме того, он не военный и беспартийный. Да и характер его известен всем... Тихонравов никогда сам вперед не полезет. Шварц вовсе не стремится в начальники, это человек временный. Оставался, правда, Победоносцев, мужик с характером и один из лучших специалистов института. Наверх он вроде бы не стремился, но... как знать... Подрезать крылышки никогда не вредно. Очевидно, именно в это время сочинил Андрей Григорьевич письмецо, которое вполне могло стоить Юрию Александровичу жизни. «Существовала в институте так называемая баллистическая лаборатория, – доверительно сообщал Костиков, – в которой занимались изучением процесса горения пороха в ракетной камере и продолжают заниматься по настоящее время. Причем основную роль, к сожалению, в этой лаборатории занимает инж. Победоносцев Ю.А., хотя начальником этой лаборатории является инженер коммунист тов. Пойда.

Во второй половине 1937 года, после того, как РС и РАБ (будем дальше для краткости так называть ракетн. снар. и ракетн. авиац. бомбы)[59] пошли на опытно-валовое производство, как бы случайно было обнаружено ненормальное поведение в известных условиях пороха при его горении...»

Далее наш популяризатор объясняет, к чему это может привести и как иссушить мощь Красной Армии.

Вся изюминка, конечно, в этом замечательном: «как бы случайно». Невинная с виду оговорка – словно маленькая формочка, в которой отливалась пуля для Юрия Александровича.

Несмотря на это письмо, на то, что фамилия Победоносцева была выбита из Клейменова и Лангемака, Юрия Александровича не арестовали. Объяснить это так же невозможно, как объяснить, почему, наоборот, арестовали того или иного человека. Размышляя над этакими вопросами, раз и навсегда надо отказаться от попыток каких бы то ни было логических объяснений. Но сделать это трудно и объяснения всегда ищешь. Единственное, что приходит тут на ум, это то, что Победоносцев был одним из главных, если не самым главным, специалистом по реактивным снарядам, которые определяли тематику института и бесспорно были самым перспективным оружием из всех, там разрабатываемых. Впрочем, такое объяснение не стоит выеденного яйца: как же тогда арестовали Лангемака?

Но арестуют Победоносцева или не арестуют – дело хозяйское. Главное – перекрыть кислород. По всему раскладу получалось, что нет серьезных конкурентов у Андрея Григорьевича. Тем тяжелее было его разочарование, когда он узнал, что довольствоваться ему придется лишь креслом главного инженера. Начальником НИИ-3 НКБ – так с конца 1936 года назывался институт, отданный Орджоникидзе вновь организованному Наркомату боеприпасов, 14 октября 1937 года назначен был Борис Михайлович Слонимер.

Это был толстый, спокойный, рассудительный человек и неплохой химик. В ракетной технике он ничего не понимал. Очевидно, он был из породы «везунов», потому что, вернувшись из республиканской Испании, где он работал техническим экспертом, не был объявлен испанским или каким-либо другим шпионом, а, проработав несколько месяцев в институте, награжден орденом Ленина за реактивные снаряды, в создании которых не принимал решительно никакого участия. Слонимер очень мало говорил, чтобы не сказать лишнего, ни с кем не ссорился, чтобы не нажить себе нечаянно врагов, и старался принимать как можно меньше самостоятельных решений, чтобы не делать ошибок, тем более там, где он не считал себя компетентным. Уже то было хорошо, что он это понимал и использовал любую возможность, чтобы «подковаться» в беседах со своими сотрудниками. Узнав, что Раушенбах, хоть и имеет строгий выговор за потерю бдительности, но читает в библиотеке иностранные журналы, он вызвал его к себе и попросил с подкупающей откровенностью:

– У меня совершенно нет времени читать, и я вас очень прошу: приходите ко мне раз в неделю и рассказывайте, что делается на белом свете...

Как в данный момент руководить институтом, Слонимер тоже

не знал, писать доносы на своих подчиненных не хотел, положение его было очень сложное. Еще накануне ареста Тухачевского Климент Ефремович Ворошилов отмечал: «Там, где вместо бдительности господствует беспечность и самоуспокоение, где упорная настойчивая работа над своим совершенствованием подменена бахвальством и зазнайством, там враги народа наверняка найдут благоприятное поприще своей шпионской, вредительской и диверсантской деятельности». Человек трезвый и объективный, Борис Михайлович сколько ни искал, не находил во вверенном ему учреждении ни беспечности, ни самоуспокоенности, ни бахвальства, ни зазнайства, а следовательно, не находил для врагов «благоприятного поприща», и даже в размышлениях своих доходил до того опасного рубежа, когда ему начинало казаться, что никаких врагов, возможно, в институте вообще нет. Разумеется, мыслями этими он ни с кем не делился – его могли неправильно понять. Не снижая тем не менее личной бдительности, он посчитал, что коль скоро враг где-нибудь притаился, его отыщут люди более опытные, и внутренне к открытию такому был готов постоянно, поскольку врагом мог оказаться каждый. А потому со всеми держался Борис Михайлович приветливо, но не более. Когда к нему пришла жена Клейменова и попросила вернуть ее собственные облигации, которые хранились в сейфе Ивана Терентьевича, Слонимер мог предположить, что этот визит – своеобразная проверка его бдительности и ответил твердо, что никаких облигаций врагам народа он возвращать не будет и просит оставить его в покое.

Немало написано уже о том, сколько замечательных людей погибло в годы сталинских репрессий и почти ничего не сказано о том, как эти годы калечили души и отравляли мозг тех, кто оставался на свободе, как разлагали они людей добрых и порядочных, выедая из сердец честь, достоинство и сострадание, как замораживали в лед всякую смелость, да так, что и через десятки лет людей этих нельзя было разморозить, так и уходили они из жизни запуганными и страхом этим униженные навеки.

Ни один сотрудник РНИИ после ареста Клейменова и Лангемака не пришел к ним домой – просто чтобы пожать руку жене и подарить кулек конфет девчонкам.

Институт продолжал работать в прежнем ритме. В самой этой скотской покорности, в том, что люди вели себя так, будто ничего не случилось, в том, что работа не приостановилась и даже не замедлилась, было что-то глубоко оскорбительное для человеческого достоинства. Никто не только не пытался защитить Клейменова и Лангемака или оправдать их, но никто даже не спрашивал, как это могло случиться, потому что в самом вопросе

этом уже был намек на какое-то сомнение. Королев конфликтовал с руководством все эти годы, но ведь были люди, все эти годы активно поддерживавшие начальника института и главного инженера, однако и они не сделали ничего для их защиты, и высшим проявлением гражданской смелости был скорбный вздох и невнятное бормотание шепотом: «Да... кто бы мог подумать....»

Ощущение тоскливой беспомощности, овладевшее Королевым после ареста Клейменова и Лангемака, не проходило. Для его активной деятельной натуры ощущение это было особенно мучительным, но что надо делать в подобной ситуации, он не знал. В одном только был уверен твердо: то, над чем он работает, стране нужно и работу необходимо продолжать, как бы дальше не складывалась жизнь.

В день ареста Клейменова, несмотря на то что все валилось из рук, он провел испытания топливных магистралей. Еще через 12 дней отработал систему зажигания, завершив, таким образом, намеченную им программу холодных испытаний двигателя ракетоплана, написал свое заключение и пошел к Слонимеру подписывать бумагу в академию Жуковского: пора было вылезать с ракетопланом из рамок института, подключать военных авиаторов, так дело пойдет быстрее. Письмо на имя начальника академии Слонимер подписал, справедливо полагая, что письмо такое еще раз демонстрирует отсутствие всякого бахвальства и зазнайства во вверенном ему учреждении. «Ввиду отсутствия в НИИ № 3 специалистов по тактике ВВС прошу Вашего разрешения на проведение соответствующей консультации специалистами ВВА с целью выявления возможных областей применения ракетных самолетов...»

Нетрудно представить, что за жизнь была в академии Жуковского осенью 1937 года после ареста Алксниса, начальника ВВС РККА. Однако положительный ответ пришел очень быстро, и Королев отвез в академию свои расчеты.

Тем временем на институтском стенде Арвид Палло под неусыпным наблюдением Щетинкова и Королева начал огневые испытания. Первый раз ничего не получилось: из-за дефектов форсунок горючего двигатель не запустился. Королев отрегулировал форсунки, и 16 декабря назначил новые испытания. На этот раз все прошло благополучно. Пожалуй, даже более чем благополучно. Можно сказать, что просто здорово все прошло на этот раз: двигатель проработал 92 секунды!

Шесть испытаний подряд проходят без сбоев. В протоколах значится: «Двигатель запускался сразу, плавно, работал устойчиво и легко останавливался... Материальная часть вела себя безукоризненно». Вот что главное! А профессорское звание

можете себе оставить!.. Как бы он хотел научиться быть таким, как Щетинков: не придавать этой чепухе никакого значения! Уйти в работу, и все! В сложные моменты жизни особенно полезно уходить в работу...

Королев старался, чтобы Щетинков пореже приходил на стенд: в задымленном, пропахшем горелым железом помещении его начинал бить кашель. Но однажды в самое неподходящее время вдруг появился Щетинков:

– Сергей Павлович, Вас Елена Наумовна просила зайти, – успел сказать, прежде чем судорожно задохнулся.

Это был плохой знак. Елену Наумовну Купрееву, секретаря-машинистку в приемной начальника, побаивался весь институт: она знала все и обо всех. Вместе с Клейменовым она работала в Берлинском торгпредстве и поначалу все считали, что Иван Терентьевич просто привел в институт свою секретаршу, с которой сработался, знает, доверяет. Но вскоре выяснилось, что и сам Клейменов чрезвычайно тяготится присутствием в его приемной Елены Наумовны, что на работу он ее не приглашал, что ее «прислали». С этого времени к Елене Наумовне все стали относиться с почтительной настороженностью, одновременно стараясь по возможности обходить ее, что было трудно, учитывая ее местопребывание.

– Хорошая новость, – сказала Елена Наумовна, с улыбкой передавая Королеву пакет.

Пакет был вскрыт. В нем лежало довольно объемистое «Заключение» Военно-воздушной инженерной академии. Королев быстро пробежал глазами отдельные абзацы:

»... горизонтальная скорость вдвое превосходит известные скорости...»

»... зона тактической внезапности, составляющая 80-120 км от линии фронта, может быть сокращена до 20-30 км...»

»... цифры уже сейчас обеспечивают реальную возможность вести воздушный бой...»

Дойдя до главки «Выводы», ногой нащупал стул, сел и читал, не отрываясь:

«Самолеты с ракетными двигателями дают вполне реальные основания предполагать, что в них могут быть осуществлены летно-технические данные, дающие резкое превосходство над самой совершенной техникой противника. Одни только данные горизонтальных и вертикальных скоростей говорят о превосходстве, абсолютно недостижимом по линии бензиновых двигателей при современных принципах их конструирования».

«Подумать только, какие же светлые головы в этой академии!» – Королев прямо подпрыгнул на стуле.

Елена Наумовна улыбалась, глядя на него...

«Изложенное доказывает, – читал Королев, – что дальнейшая работа над ракетными двигателями и широкое внедрение их в авиацию является необходимым и сулит перспективы, о каких в других областях авиационной техники нельзя и мечтать.»

Начальник кафедры тактики Военно-воздушной академии РККА полковник Шейдеман.

ВРИД начальника кафедры огневой подготовки Военно-воздушной академии РККА майор Тихонов».

Какие же молодцы Шейдеман с Тихоновым! Наверное, за всю жизнь не получал Королев на свою работу отзыва, столь решительно его поддерживающего. Он был необыкновенно обрадован и воодушевлен. Вместе с Щетинковым Королев составляет подробные тезисы доклада «по объекту 318» – ракетному самолету. Почувствовав поддержку военных специалистов, Королев усиливает наступательный дух: «Должен быть принципиально решен вопрос о нужности этого объекта и необходимости более форсированного развития его». В заключение вновь давит на Наркомат боеприпасов, понимая, что с ракетопланом новые хозяева института связываться не захотят, с них и реактивных снарядов довольно, он ставит вопрос категорически: «Необходимо теперь же принять определенное решение о необходимости и важности этого объекта и обеспечить все необходимые условия для работ. Половинчатые решения только повредят делу, так как при недостаточных темпах работ получение первых практических результатов будет отодвинуто на срок 5-6 лет, когда требования к объекту в связи с прогрессом тактики и техники могут совершенно измениться».

Почти ежедневно теперь на «горячем» стенде проходят испытания систем подачи, замер температур и других параметров двигателя. Кроме главного испытателя Палло, в них принимают участие Щетинков, Глушко, инженеры Шитов, Дедов, слесарь Иванов – ракетоплан словно сам собирал вокруг себя коллектив.

И результаты были весьма обнадеживающие. В декабре все ликовали, когда двигатель проработал 92 секунды. В марте он работал непрерывно уже 230 секунд – почти четыре минуты! На протоколах испытаний резолюции Королева: «Огневые испытания на полной мощности повторить».

До сих пор двигатель испытывали на стенде отдельно от остальной конструкции, отгородившись от него на случай взрыва броневой плитой. 19 марта впервые решили включить его прямо на раме ракетоплана, точно так, как он будет работать в полете. После зажигания раздался сильный хлопок и тишина: двигатель не включился. Два дня возились с зажигательными пороховыми

шашками. 21 марта, в понедельник, Королев сидел на стенде с Глушко допоздна.

– Если хлопок и не загорается, значит, температура зажигания недостаточна, – рассуждал Королев.

– Или нерасчетный режим подачи топлива, – добавил Глушко, – надо заменить завихрители горючего и померить температуру, которую дают шашки. Когда мы сможем это сделать? Завтра сможем?

В ночь со вторника на среду Глушко арестовали. Его бы раньше арестовали: показания на него были, не говоря уже о том, что писал письма Герману Оберту – лучшему ракетному специалисту западной Европы, да и кислота, которую разлил в поезде, – вполне достаточно. Но в марте судили «антисоветский правотроцкистский блок» во главе с Бухариным, и тюрьма на Лубянке была переполнена. А как раз к концу месяца с правыми троцкистами все было уже кончено, с помещениями стало полегче…

Когда Валентину Петровичу предложили одеться и он стал зашнуровывать полуботинки, один из чекистов сказал тихо, так, чтобы не слышал второй, уныло перетряхивающий книги:

– Одевайтесь теплее.

Слова эти словно приоткрыли люк в бездну. Ведь весна, уже совсем тепло, «одевайтесь теплее» – это значит надолго…

– Мама, успокойся, это какое-то недоразумение, – он говорил Марте Семеновне то, что говорили тогда все, к кому вот так приходили ночью…

В черной «эмке» ввезли его в просторный внутренний двор НКВД. Вылезая, он заметил множество фургонов с надписью «Хлеб» и удивился, не понимая еще, что в этих фургонах сюда привозят людей.

В камере сразу стали знакомиться. Из темного угла кто-то спросил с вызовом, нервным, надтреснутым голосом:

– Ну и как?! Можете вы себе представить, что все мы – вот все эти люди – враги народа?

– Не знаю, – устало сказал Валентин Петрович.

Несмотря на высокую оценку военными из академии разработок Королева, снова начались преследования его ракетоплана. Если в первые годы работы РНИИ все научные споры, хотя и были окрашены личными симпатиями, идущими от землячеств или традиционного антагонизма военных и гражданских, оставались все-таки научными спорами, то с 1937 года вся их объективная техническая суть начисто испарилась. Королев конфликтовал с Клейменовым по принципиальным вопросам, но сейчас помнили только то, что Королев

конфликтовал именно с Клейменовым, а суть конфликта никого не интересовала. Раз Королев конфликтовал с «врагом народа», его следует поддержать.

Сергеи Павлович находился в замешательстве. Ему очень хотелось расширить и ускорить работы по крылатым ракетам и ракетоплану. И он понимал, что может это сделать, встав на путь оголтелой политической спекуляции. Он должен был громко сказать, что Клейменов и Лангемак мешали ему работать не потому, что не верили в жидкостные ракеты, как оружие, не потому, что сомневались в реальности ракетного истребителя-перехватчика в ближайшие годы, а потому, что они были врагами, пособниками фашистов, сознательно приносили вред обороноспособности страны. Но он не мог так сказать даже ради ракетоплана!

Он видел, как подобная демагогия губит сейчас реактивные снаряды. Как бы ни относился к ним Королев, он понимал что работа эта нужная и перспективная. Победоносцев убедил его, что из них может вырасти грозное оружие. Но теперь после ареста Лангемака работы по реактивным снарядам затормозились, поскольку их главным вдохновителем был «враг народа» Лангемак. Теперь, когда арестовали Глушко, Костиков сразу припомнил Королеву «измену» с азотной кислотой. Ведь «вредительство» Глушко как раз и состояло в борьбе с «большевистским» кислородом в угоду «троцкистской» азотке. А раз Королев консолидировался с врагом (в гитлеровской Германии даже глагол специальный придумали: «пактировался», например «пактировался с евреем», «пактировался с коммунистом», стало быть, ты враг рейха), значит, как бы ни были полезны и совершенны его разработки, они могли рассматриваться только как продолжение «вредительства». Все это было настолько дико, что Королев, привыкший к горячим схваткам на техсовете, к спорам до крика, теперь совершенно растерялся. Это были не научные споры, а какая-то гнусная и вредная игра, в которую он играть не умел и учиться не хотел.

Еще до рождения Сергея Павловича один из великих современников Королева Владимир Иванович Вернадский напишет в письме к жене Наталье Егоровне очень глубокую фразу: «… Я считаю, что интересы научного прогресса тесно и неразрывно связаны с ростом широкой демократии и гуманитарных построений – и наоборот». Королев фразы этой не знал, но чувствовал: вся эта «псевдомарксистская» борьба, поиски «вредителей» и зависимость оценок объективных технических решений от политических симпатий их авторов дело загробят.

Королев не мог не чувствовать, что наступление на него идет

уже давно и по всему фронту. В течение одного года – с лета 1937-го до лета 1938-го – неприятности и неприятности опаснейшие, если не сказать роковые, валятся на него как из рога изобилия.

Руководствуясь указаниями райкома партии, Королева, как человека «тесно связанного с врагом народа Эйдеманом», общее собрание членов Осоавиахима РНИИ единогласно исключает из членов Совета ОСО.

– Еще до этого Клейменов отзывает свою рекомендацию, данную Королеву для вступления в группу «сочувствующих». Когда один из сослуживцев попробовал возразить: «Королев – один из самых толковых людей в институте, делу предан беспредельно!» – ему спокойно возразили: «Мало быть толковым! Королев в общественных мероприятиях участия не принимает, на профсоюзные собрания не ходит. Вспомни: на демонстрации и маевки его не затащишь, да и с сотрудниками груб».

С 1 января 1938 года Королев уже не руководит отделом, – без объяснения причин, его переводят на должность ведущего инженера.

Атаки, как видите, идут со всех сторон: его обвиняют в грехах политических («сочувствующий»), общественных (ОСО) и профессиональных (понижение в должности).

19 апреля 1938 года Королев пишет письмо в Октябрьский райком ВКП(б). Старается убедить в своих верноподданнических чувствах: «Я не представляю для себя возможности остаться вне партии»... Отмежевывается от «врага народа» Клейменова: «Мне он очень много сделал плохого, и я жалею, что взял у него рекомендацию»... Жалуясь, он предсказывает свое будущее: «Обстановка для меня создалась очень тяжелая. Прав я не имею никаких, фактически в то же время неся ответственность за всю группу... Я уже не могу работать спокойно, а тем более вести испытания. Я отлично отдаю себе отчет в том, что такая тяжелая обстановка в конце концов может окончиться для меня очень печально...» Говорит о самом дорогом, самом важном: «считая мое исключение неправильным, разрешить вопрос о моем пребывании в рядах сочувствующих, дать возможность продолжать работу в институте, где я работаю уже 7 лет над объектами, осуществление которых является целью всей моей жизни...»

Из райкома письмо это переслали в институт. Новый секретарь парткома Федор Пойда наложил резолюцию: «Разобрано на парткоме. Решено в сочувствующих не восстанавливать».

После ареста Глушко Королев понял, что и его арестуют

непременно. Он чувствовал это. По отрешенности, с какой говорил с ним Слонимер, по улыбке Елены Наумовны, даже по тому, что механики на стенде старались как можно меньше контактировать с ним, вообще находиться в одном помещении.

А может, все это ему кажется, может быть, просто сдавали нервы: он чувствовал себя измазанным, вонючим, заразным, уязвимым для всевозможных унижений, которым он должен подвергнуться за что-то гадкое и позорное, чего он не совершал, но о чем все, кроме него, уже знают и ждут, что все это должно быть вот-вот публично объявлено. Да, да очень часто казалось, что его ареста ждут!

Пожалуй, единственным человеком, который ни в чем, ни в одной мелочи не изменил своего отношения к Королеву, был Евгений Сергеевич Щетинков. Он вообще вел себя так, словно ничего не случилось, разговаривал безо всякой оглядки, не боялся вспоминать и Клейменова, и Лангемака, и Глушко, в то время как для других людей они словно бы никогда и не существовали. У Щетинкова была репутация институтского юродивого, который и царю может говорить в глаза что думает.

– Ему хорошо, у него туберкулез, – со вздохом сказал о Щетинкове один из сослуживцев.

Евгений Сергеевич действительно был тяжело болен и внутренне подготовил себя к близкой смерти. Осенью и весной, набрав разной расчетной работы, уезжал он в Абастумани и там, в ласковых грузинских горах, пережидал смертельную для него московскую слякоть. И нынешней весной был он совсем плох, но не торопился с отъездом. Очень хотелось напоследок сделать что-то по-настоящему интересное, что переживет его самого и, кто знает, может быть, поможет понять всем этим «бдительным слепцам», что нельзя арестовывать Королева, а напротив, надо, чтобы он мог работать с полной отдачей своих уникальных (в этом Евгений Сергеевич был убежден) сил и способностей.

В самом начале апреля Щетинков закончил большую работу: «Перспективы применения жидкостных ракетных двигателей для полета человека». Сорок страниц: весовой баланс, аэродинамика с учетом влияния звуковых скоростей, куча формул, графиков – он просчитал несколько вариантов...

Королев закрыл папку, прижал ладонью к столу, спросил грустно:

– Успеем ли, Евгений Сергеевич?

– А разве это важно?... Другие успеют...

– Не согласен, – твердо сказал Королев. – Я сам должен успеть... Намеченные еще с Глушко огневые испытания продолжались до начала лета. Работу осложняла кислота – опыта

обращения с агрессивными жидкостями не было, механики ходили с обожженными руками, в дырявых спецовках: постоянно что-то просачивалось, протекало, лопалось. Королев уже отметил, что на каком-то этапе стендовых отработок непременно наступает вот такая черная полоса неповиновения металла, и, как ни бейся, она будет длиться положенное богом время, а потом сама собой кончится, Щетинков говорил, что это мистицизм, а Палло был с ним согласен. Сейчас они как раз вошли в эту черную полосу.

13 мая взорвались баки на ракетной торпеде 212, по счастью никто не пострадал. Председателем комиссии по разбору причин аварии назначили Тихонравова, чему Королев был очень рад: Михаил Клавдиевич не будет искать в этом деле «вредительства». Разбирались целый день. Через неделю Королев составил программу новых испытаний ракеты. Теперь нужно было очень постараться, чтобы что-то взорвалось. Опрессовку новой системы водой проводил Палло. Вырвало штуцер: давление высокое – до сорока атмосфер. Королев торопил механиков, ему хотелось поскорее вернуться к ракетоплану. Когда все отремонтировали, дал команду залить основные компоненты. Палло показал: подтекает.

– Я предлагаю проводить испытания, – бодро сказал Королев.

– Я не буду, – хмуро отозвался Палло.

– Это почему?

– Потому что все надо переделывать... Иначе, когда выйдем на расчетное давление, может рвануть.

– А может и не рвануть, правильно? – Королев обернулся к стендовикам Волкову и Косятову, ища у них поддержки.

Саша Косятов молча вытирал ветошью руки. Волков отвернулся.

– Александр Васильевич, но вы-то что молчите?! – спросил Косятова Королев.

– Ненадежно все это, Сергей Павлович, – подумав, сказал Косятов.

– Я сам буду проводить испытания! – взорвался Королев. Все хмуро разошлись по местам.

– Поехали! – крикнул Королев.

Палло не отрываясь смотрел на дергающуюся стрелку манометра. Громкое шипение заглушало все звуки и голоса. Потом звук этот сразу сломался, стрелка упала влево, Палло оглянулся и увидел: Королев стоит, прижав руки к лицу, и между его пальцами льется кровь. В следующую секунду Королев выбежал во двор, выхватил носовой платок, прижал к окровавленному лицу и упал. Тут же вскочил. Палло держал его за плечи. Волков побежал звонить в «скорую». Косятов раздобыл

бинты.

Вырвавшийся кусок трубы ударил Королева в висок. Как выяснилось потом, он пришелся по касательной, оставив трещину в черепе. Спасли Сергея Павловича буквально миллиметры.

Когда приехала «карета скорой помощи» (так на старинный манер называли эти автомобили с красными крестами на боку), Королев попросил:

– Свезите в Боткинскую, у меня там жена работает. Знаменитая Боткинская больница для коренного москвича была тогда как бы и не в Москве, потому что настоящая Москва кончалась для него у Брянского[60] вокзала. А дальше – новый стадион «Динамо», ипподром, Боткинская больница, и еще дальше – Петровский замок, Ходынка – какая же это Москва?..

В двухместной палате травматологического отделения пролежал он недели две. Страшная синяя гематома почти закрывала один глаз. Рядом с ним лежал молодой парень, спортсмен, которому ампутировали ногу. Он не хотел никого видеть и ни с кем разговаривать. Ксана приходила по нескольку раз на день. Приезжала мама.

Когда пришел Арвид Палло (он был единственным, кто навестил его в больнице), Сергей Павлович сказал:

– Ты был прав: надо переделывать...

Долечивался Сергей Павлович дома, на Конюшковской. Очень рвался на работу, а Ксане не хотелось его отпускать. В их доме почти каждую ночь кого-то арестовывали. Идешь утром на работу, а на двери висит свежая бирка с сургучной печатью. Подъезд, двор и вся улица были грязными, ветер таскал по мостовой какую-то бумагу, клубил пыль. И двор, и улицы теперь не убирали, потому что дворники ночью ходили как понятые, очень уставали от чужих слез и днем отсыпались. Ксении Максимилиановне казалось, что пока Сергей сидит дома, пока вот эта белая повязка на голове, никто его не тронет. Но сколько ни уговаривала себя, трезвый ум ее шептал свое: «Тронут, все равно тронут...» Наташку отвезла на дачу к бабушке Соне: если все-таки придут, девочка не должна этого видеть.

На работу Королев вышел только в 20-х числах июня. Новостей за время его отсутствия накопилось много. Приняты на вооружение в ВВС реактивные снаряды двух калибров. Гвай задумал работы по многозарядной реактивной установке. Иван Исидорович Гвай был крепким инженером и человеком очень энергичным, служил в армии, окончил в Ленинграде военную академию, а потом вместе с ГДЛ приехал в Москву. Это он сделал «Флейту»[62] – установку для реактивных снарядов на истребителях И-15 и И-16. И бомбардировочная установка тоже его. И наземную

он, конечно, до ума доведет, тем более что теперь в его распоряжении целый взвод толковых инженеров.

И еще одна новость, конечно, с этой связанная: 1 июня, когда Королев лежал в больнице, Слонимер издал приказ остановить работы по ракетоплану...

Прочитав приказ, Королев долго молчал, думал. Если теперь, после отличного отзыва из Военно-воздушной академии издается такой приказ, значит, наступает время настоящей войны, войны не на жизнь, а на смерть. Кто может помочь? Циолковского нет. Эйдемана нет. Алксниса нет. Тухачевского нет. Все его союзники теперь – Евгений Сергеевич, Арвид Палло, Борис Раушенбах, Саша Косятов на стенде. Не густо. Но победить необходимо, иначе вообще непонятно, зачем жить. Надо писать Сталину. Сталин поймет, как все это важно...

В воскресенье 26 июня были выборы в Верховный Совет России. У избирательных участков толпился народ, молодежь танцевала, люди смеялись, и невольно хотелось верить, что все обойдется, что все невзгоды пройдут, начнется, наконец, нормальная жизнь...

На следующий день по дороге на работу Королев развернул «Правду». Почти весь номер был посвящен выборам. Цитировалась записка, брошенная в урну:

«Пусть долго живет товарищ Сталин! За дело Ленина-Сталина мы готовы на все! Так думает весь народ».

»... Мы готовы на все...»

Вечером, возвращаясь из РНИИ, Королев увидел у подъезда своего дома двух «топтунов». Жарко, но «топтуны» были в темных душных костюмах – сама погода усиливала их ненависть к миру. Ксана просила купить хлеба, но, кроме французской булки, он купил ей сегодня новую патефонную пластинку. У них был патефон! В те годы обладателей патефонов было несравненно меньше, чем сегодня людей, у которых есть телевизор. Они с Ксаной подкупали разные пластинки, танцевальные – «Рио-Риту», «Брызги шампанского». А сегодня он купил «Русские песни».

Ужинали на кухне. А потом завели патефон.

Во поле березонька стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Люли-люли стояла,
Люли-люли стояла.

Некому березку заломати,
Некому кудряву...

Когда в дверь позвонили, он сразу все понял.

Г.Э. Лангемак в тюрьме

Ведущие сотрудники НИИ-3 НКОП(РНИИ), оставшиеся после волны арестов

Сидят (слева направо): Л.Э. Шварц и А.Г. Костиков;

стоят: Ю.А. Победоносцев и Ф.Н. Пойда

29

С недоумением спрашиваешь себя: как могли жить люди, не имея ни в настоящем, ни в будущем иных воспоминаний и перспектив, кроме мучительного бесправия, бесконечных терзаний поруганного и ниоткуда не защищенного существования? – и, к удивлению, отвечаешь: однако ж жили!

Михаил Салтыков-Щедрин

Ивана Терентьевича Клейменова, арестованного в ночь со 2 на 3 ноября 1937 года, во внутренней тюрьме НКВД словно забыли: на первый допрос он был вызван через сорок три дня после ареста – 15 декабря.

За жаркое для Ежова и его дружины лето 1937 года уже был накоплен некоторый опыт обращения с такими людьми, как Иван Терентьевич. А это был сложный контингент: из крестьян, упрямые, помешанные на идеалах революции и понюхавшие кровь на гражданской войне. Именно осенью – в октябре-ноябре 37-го работы на Лубянке было просто невпроворот, и до Клейменова в азартном этом запале просто руки не доходили. А с другой стороны, такого, как он, полезно было «образовать» в камере, дать ему послушать других, притомить его так, чтобы он уже ждал допроса, а потом вызвать совершенно неожиданно, и с налета, с настоящим накалом, когда у самого кровь бросается в голову, так его ухватить, чтобы сразу весь дух из него вышел! Было среди следователей даже такое негласное соревнование: у кого с какого подпишет. И мастера настоящие были. Ушиминский Зиновий Маркович, например. Как подлинный артист, он даже псевдоним себе придумал: Ушаков, под которым был известен в широких кругах ежовцев. Он чуть ли не с первой атаки повалил и Фельдмана, и Эйдемана, и самого Тухачевского. Но как и в каждом бою, время атаки тут тоже надо точно выверить.

Звериная эта тактика себя оправдывала. «А почему, действительно, меня не вызывают?» – начинал думать забытый всеми узник в душевном смятении, ибо человек – существо общественное, а за решеткой – общественное вдвойне. Лев Толстой говорил, что человек многое может выдержать, если видит, что и другие люди живут так же, как он. Невинный

человек, не понимающий, почему и за что его посадили, по издавна бытующей на Руси практике законов не ведающий, имеющий самое смутное представление и о своих правах, и о своих обязанностях, и вообще получивший все свои знания о тюремной жизни в лучшем случае от графа Монте-Кристо, естественно, ищет поддержки у окружающих, прислушивается к их советам и делает выводы из открывшегося ему чужого опыта.

Конечно, существовали различные тюремные «университеты», но все их программы стремились к одной цели: малыми жертвами достичь наилучших результатов. А вот пути к этому предлагались самые разные. Там, где обучался Клейменов, полагали, что надо быстро, не доводя дело до серьезных увечий и, не дай бог, до Лефортовской тюрьмы, во всем признаваться, называя при этом сообщников из числа тех, кто уже сидит, создавать этакий замкнутый «хоровод»: ты показал, что я шпион, а я, – что ты шпион. А вот когда дело передадут в суд, тут уж надо все отрицать. Это приведет суд в замешательство, начнут разбираться, увидят – не смогут просто не увидеть! – что кругом «липа» и отпустят, конечно...

Многие и многие тысячи людей поплатились жизнью за эту «тактику». Но винить ее авторов было бы жестоко, потому что во всех своих построениях они исходили из соображений, что их противник наделен как минимум человеческой логикой, и заведомо идеализировали конечные цели этого противника.

Если для Сталина повальные репрессии были продуманной политикой, то непосредственные реализаторы этой политики осмыслением ее никогда себя не утруждали. Им прежде всего требовалось придумать дело, нахватать как можно больше людей, уничтожить их с соблюдением некоего ритуала и отрапортовать. Существовал термин: «слипить дело». Именно «слипить», а не «слепить», поскольку новый этот глагол – «липовать» – был производным не от «лепки», а от «липы». А раз так, «липили» первоначально в самых общих чертах, с употреблением формулировок самых расплывчатых, скажем – «заговор». Что за заговор, против кого, с какой целью – это уже детали. И участники «заговора» – тоже детали. Имеет человек к нему отношение или не имеет – не суть важно. Надо просто наполнить оболочку «заговора» каким-то человеческим содержанием, не важно каким. Известно немало случаев, когда приходили человека арестовывать, а его нет – уехал. Не скрылся, не спрятался, а просто уехал на курорт или в деревню. Но даже зная, куда он уехал, его обычно не искали – вместо него арестовывали кого-то другого. В списках «врагов народа, окопавшихся во Внешторге», были Сердюков и Тулупов. Николай Сердюков, друг

Клейменова, работал в одном из московских НИИ. Когда его исключили из партии и он понял, что посадят со дня на день, он уехал из Москвы, поселился в другом городе, поступил на завод, и о нем забыли, точнее – руки до него не дошли. А Тулупова – председателя приемной комиссии Берлинского торгпредства – просто не нашли. И искать не стали: пропал, ну и черт с ним.

Но ведь арестованные всего этого не знали! А хоть бы и знали, что бы изменилось? Мог бы Лангемак, даже зная о предстоящем аресте, скрыться? Да нет, конечно! Потому что по понятиям чести человеческой это уже означало бы признание за собой некой вины. Именно благородство жертв было главным помощником палачей: никто никуда не бежал, все сидели на своих местах и ждали, пока их прихлопнут! Не бежали и ждали, потому что никак не могли уяснить для себя главного: во всем происходящем никакой нормальной человеческой логики нет, и всякие их умственные построения, рассчитанные с ее учетом, заведомо негодны.

Положение Ивана Терентьевича было мучительно еще и потому, что, ожидая многие дни допроса, он все-таки не мог к этому допросу подготовиться: сколько ни вспоминал, никаких грехов за собой не помнил, не понимая, что для его уничтожения никакие реальные грехи и не нужны! Ощущай он себя хоть в чем-то виноватым, он мог бы придумывать разные варианты оправдания своей вины, а так неизвестно, к чему было ему готовиться. Единственно, что он мог предположить, так это то, что посадили его за знакомство с врагом народа Тухачевским, у которого он находился в подчинении несколько последних лет. Но ведь невозможно же арестовать всех, кто был связан с Тухачевским (собственно, почему невозможно?), ведь в подчинении у него была практически вся Красная Армия!

Можно даже предположить, что в то время, когда Ивана Терентьевича арестовывали, дела ему окончательно еще не «слипили». Дальше-то все получилось исключительно удачно для следствия, потому что Клейменов стал как бы мостиком, соединяющим два «змеиных гнезда врагов и диверсантов» – Внешторг и РНИИ.

Внешторговцев начали арестовывать давно. Да и то сказать, кого, как не их легче всего было заманить в свои сети Троцкому в Мексике, Пилсудскому в Варшаве и Гитлеру в Берлине? Клейменов знал, что еще в 1936 году арестован был Леонтий Александров, а в мае 37-го – помощник военного атташе в Берлине Иосиф Зенек. Но он не знал, что в одну ночь с ним арестовали заместителя председателя Технопромимпорта Бориса Шапиро, через три дня – начальника Экспертного управления

Шмавона Гарибова, потом председателя Технопромимпорта Киселева, Николая Гасюка из Берлинского торгпредства, Алексея Хазова, Мордуха Рубинчика, Владимира Бельгова и других ответственных работников Наркомата внешней торговли. Все они на следствии признались во вредительстве и шпионаже, но кроме Рубинчика, никто даже не упомянул фамилии Клейменова. Избитый до полусмерти Рубинчик «признался» 14 ноября 1937 года, что по совместной нелегальной деятельности был связан с Клейменовым и Бельговым, которые работали в Берлине. Но когда начали дознаваться, как он встречался с Троцким и сколько миллионов лир получал за свои рапорты в Рим, Рубинчик опять принялся за старое: Троцкого никогда в жизни не видел, итальянским шпионом не был и никаких денег не получал. За такое упрямство его, как и большинство других арестованных внешторговцев, расстреляли. Второй раз фамилия Клейменова была произнесена на допросе Лангемака 15 декабря.

Одними из главных тем раздумий узников внутренней тюрьмы НКВД были: «Какая же сволочь меня посадила?!», «Кто написал донос и что в нем написано?!» Между тем раздумья эти были совершенно пустопорожними. Никаких конкретных инициаторов ареста могло и не быть, а мотивы обвинения даже человек с предельно развитым воображением представить себе был не в состоянии. Великого генетика Николая Ивановича Вавилова арестовывали, в частности, на том основании, что отец его якобы жил в Германии. А отец нигде не жил, потому что к тому времени, вернувшись из Германии, умер в России.

Клейменов был арестован 2 ноября, а первые невнятные обвинения в его адрес прозвучали 14 ноября и 15 декабря, т.е. уже после того, как он был арестован. Поэтому чей-то навет был для Лубянки безусловно желателен, но вовсе не обязателен, как и разные другие, тормозящие набранное ускорение юридические «условности», которые только докучали следствию. Тому же Клейменову постановление об избрании меры пресечения сочинили только через месяц после ареста. И у прокурора утвердить забыли. И предъявить обвинение Ивану Терентьевичу на предварительном следствии тоже забыли. Ну, что сделаешь, понять можно: работы невпроворот. При такой загрузке просто невозможно соблюсти все юридические тонкости. А потом, не зря же говорил Генеральный прокурор товарищ Вышинский: «Надо помнить указание тов. Сталина, что бывают такие периоды, такие моменты в жизни общества и в жизни нашей в частности, когда законы оказываются устаревшими и их надо отложить в сторону».

Дело Клейменова вел Соломон Эммануилович Луховицкий, натуральный садист[63].

И хотя Клейменов после долгих раздумий и советов с товарищами-сокамерниками решил, что на предварительном следствии плести на себя небывальщину все равно, очевидно, придется, такого мордобоя с первых минут допроса (атака Луховицкого была рассчитана на ошеломление и полное подавление противника) не ожидал, все-таки он – участник гражданской войны, ромбы в петлицах. И как бы ни готовил себя Иван Терентьевич, – не рассвирепеть он не мог, а потому и был избит до потери сознания, пришел в себя только после уколов фельдшера, едва дотащился до камеры, лег пластом и не поднимался до следующего допроса. На следующий день, 16 декабря, Луховицкий показал Ивану Терентьевичу признания Рубинчика и Лангемака и спокойно объяснил, что дело его безнадежно, если он не облегчит своей участи чистосердечным признанием. А потом так же спокойно сказал, в чем конкретно надо признаться. А признаться надо было в том, что в антисоветской организации в Берлинском торгпредстве он, Клейменов, состоял и сам завербовал в нее Киселева, Сердюкова и Тулупова. Надо признаться и в том, что в организации этой состояли Александровы – Леонтий и Степан, Алексей Хазов, Лазарь Газарх, Иосиф Зенек...

– Впрочем, Зенека можно и не писать, – сказал Луховицкий. Потом подумал и добавил: – Нет, напиши на всякий случай...

Клейменов даже удивился, почему следователь вздумал пожалеть Зенека. Он не знал, что Иосиф Яковлевич еще месяц назад был приговорен к расстрелу и его уже не было в живых, как и Рубинчика, которому обещали жизнь за «чистосердечное признание» и клевету на того же Клейменова.

И еще надо признаться в том, что в РНИИ тоже была антисоветская организация и в организации этой он, Клейменов, установил «контрреволюционную связь» с Лангемаком и от него узнал, что в организацию эту входят Валентин Глушко, Сергей Королев, Юрий Победоносцев и Леонид Шварц[64].

Возвратившись в камеру, Иван Терентьевич вновь и вновь вспоминал все детали допроса и подумал, что Луховицкий даже не спросил, в чем же конкретно заключалась его «контрреволюционная связь» с Лангемаком, и что это вообще за связь. Лангемак был его заместителем и «связь» у них была ежедневно. Это же замечательно: тем абсурднее будет выглядеть на суде все обвинение!

Следователь Георгия Эриховича Лангемака 28-летний младший лейтенант Михаил Николаевич Шестаков[65] был, очевидно, еще не столь опытен и искусен, как его коллега Луховицкий, и с Лангемаком ему пришлось крепко повозиться:

Лангемак упорно отказывался признать себя виновным хоть в чем-то. Только на двенадцатый день, уже теряющий связь событий и временами впадающий в состояние динамического беспамятства, когда он мог ходить, сидеть и говорить, находясь в то же время как бы за порогом мысли, Лангемак подписал заявление о том, что он «решил отказаться от своего никчемного запирательства и дать следствию показания о своей контрреволюционной деятельности».

Да, действительно еще в 1934 году начальник института Клейменов завербовал его в антисоветскую организацию и он узнал от Клейменова, что в ней уже состоят инженеры Глушко, Королев и Победоносцев. Ну а дальше все вместе начали вредить, срывать сроки разработок нового вида вооружения, в частности тормозили сдачу реактивных снарядов, стартовых ускорителей, двигателей с жидким кислородом, которым занимался Глушко, и многое-многое другое...

Я думаю, прошло немало часов, прежде чем ясность сознания Георгия Эриховича восстановилась, все происходящее расставилось по своим местам и вернулась обычная способность к холодному анализу. Вероятно, Лангемак не мог не радоваться своей находчивости на допросе. Как ловко удалось обвести вокруг пальца Шестакова, когда он обвинил Глушко в саботаже с кислородными двигателями. Ведь когда на суде начнут разбираться, сразу увидят, что Глушко всегда был противником этих двигателей, даже в книжке об этом писал и сам никогда двигатели на кислороде не строил! И как он, Лангемак, мог тормозить работы над реактивными снарядами, если совсем недавно, в марте нынешнего года, как раз за эти работы он, Лангемак, приказом народного комиссара оборонной промышленности был премирован десятью тысячами рублей! С первого взгляда ясно, что все его показания – полнейшая чепуха. Не заметить этого суд просто не сможет. И вообще, бытовавшая в его камере мысль о том, что, признаваясь, надо называть как можно больше «соучастников», очевидно, не столь уж абсурдна. Действительно, невероятное количество «врагов народа», соизмеримое с самим «народом», оставшимся на свободе, должно в конце концов убедить Сталина в том, что Ежов преступник. Ну как, скажем, может быть крестьянский паренек Клейменов врагом Советской власти, если он дрался за нее на фронте, если власть эта все ему дала: образование, положение в обществе, высшее командирское звание...

Мысль об очевидной вздорности всех его признаний настолько крепко засела в голове Георгия Эриховича, что не стоило большого труда убедить его не отказываться от своих

показаний на суде. Он и не отказывался. Ждал, что вот начнут читать дело и… А Клейменов отказывался. Прямо сказал: «Все, что говорил, – ложь! Виновным себя не признаю!» Ему снова прочли показания Рубинчика и Лангемака. – «Это тоже все ложь! – твердо стоял на своем Иван Терентьевич. – Я ни в чем не виноват».

Суд длился минут 15-20: понедельник вообще день тяжелый, а тут еще очень много дел и входить во все тонкости судьи просто не могли. Да и надо ли, когда и так все ясно?..

Иван Терентьевич Клейменов и Георгий Эрихович Лангемак были приговорены к расстрелу. Приговор обжалованию не подлежал и приводился в исполнение в день оглашения. Стояли сильные морозы, и, когда везли в «мастерскую», Клейменову в пилотке было холодно.

Как раз в январе Сталин задумывается о чистоте своей «короны». Положение сложное: с одной стороны, все, что происходит в стране, должно происходить с ведома и благословения вождя, с другой – теперь, когда он обмазал кровью самых приближенных соратников – «людей с сильными лицами», как назвал их в 1939 году Иоахим Риббентроп, – от всей этой жути надо отмежевываться. На январском пленуме было признано, что ошибки имели место. Было опубликовано специальное Постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». В пункте 7 этого постановления были просто замечательные слова: «Обязать партийные организации привлекать к партийной ответственности лиц, виновных в клевете на членов партии, полностью реабилитировать этих членов партии и публиковать в печати свои постановления в тех случаях, когда предварительно в печати были помещены дискредитирующие члена партии материалы».

И действительно, кого-то выпустили из тюрьмы, восстановили в партии в 1938-м – 77 тысяч, на следующий год – еще 65 тысяч, но на деле ничего не изменилось, аресты продолжались, может быть, только поменьше стали писать о том, как туго приходится врагам в «ежовых рукавицах».

Ничего не изменилось и в методах следствия. Валентина Петровича Глушко били в марте ничуть не меньше, чем его начальников в декабре. Однако ход самого «Дела РНИИ» значительно замедлился: обвинительное заключение по делу Глушко комиссар госбезопасности III ранга НКВД Амаяк Захарович Кобулов завизировал только через год после ареста Валентина Петровича. А год тогда – срок огромный!

В НКВД был свой табель о рангах: дело делу рознь. Глушко, Королев, которые мелькали в показаниях Клейменова и Лангемака, кто они такие? Это сейчас мы читаем и ужасаемся: академики, лауреаты, гордость ракетной техники, пионеры мировой космонавтики! Но тогда-то для НКВД это были безвестные инженеришки какого-то не очень серьезного института. Через пятьдесят лет после описываемых событий на мой вопрос: «Почему в 1937-1938 годах из сотен сотрудников РНИИ посадили всего семерых человек?»[66] – Мария Павловна Калянова, секретарь комсомольской организации РНИИ в 1938 году, ответила:

– Думаю, потому, что нас не воспринимали всерьез…

И немалая доля правды в этом объяснении есть. Расстрелами Клейменова и Лангемака РНИИ был обезглавлен. Теперь предстояла подчистка, отлов мелкой рыбешки. На такой работе трудно проявить себя ярко, заметно. Ну, кто такие эти мальчишки со своими огненными горшками, кому охота с ними возиться? Надо брать пример с того же Соломона Луховицкого, который «слипил» дело Наркомпищепрома. Наркома Гилинского подвел под расстрел! Это же вся страна читает и дрожит! А тут какие-то газогенераторы, прости господи. Короче, дальнейшая разработка «Дела РНИИ» не сулила ничего интересного.

Однако не прислушаться к голосу научно-технической общественности тоже нельзя. А научно-техническая общественность была представлена Андреем Григорьевичем Костиковым. «Ежовые рукавицы» словно специально корчевали все препятствия на пути этого карьериста. Арест Клейменова и Лангемака делает его главным инженером, а затем и начальником института. Арест Глушко убирает реального конкурента и самого последовательного научного оппонента. Только Королев, этот вечно спорящий, упрямый, драчливый Королев, остается, пожалуй, единственно реальной угрозой его безраздельному владычеству в ракетной технике. И пока будет Королев, полновластным хозяином в институте ему не быть.

Через тридцать с лишним лет после описанных событий деликатнейший, очень осторожный в своих оценках Евгений Сергеевич Щетинков добавит: – «У меня впечатление, что Костиков причастен к арестам в РНИИ…»

В 1957 году, когда в 23 томе второго издания Большой советской энциклопедии (БСЭ) была опубликована статья о Костикове, Королев и Глушко – тогда уже члены-корреспонденты Академии наук СССР, Герои Социалистического Труда, не выдержали и отправили в редакцию БСЭ письмо, в котором рассказали об истинном вкладе этого авантюриста в нашу

ракетную технику. В этом письме, в частности, прямо говорится: «В 1937-1938 гг., когда наша родина переживала трудные дни массовых арестов советских кадров, Костиков, работавший в институте рядовым инженером, приложил большие усилия, чтобы добиться ареста и осуждения как врагов народа основного руководящего состава этого института...»

Так что «помощь научно-технической общественности» имела место, и тем не менее «Дело РНИИ» двигалось в темпе, который не мог не опечалить Андрея Григорьевича. Даже чекисты, не очень щепетильные в доказательности своих обвинений, видели в этом «Деле» изъяны очевидные, на которых после только что прошедшего пленума можно было споткнуться. При самом беглом чтении дел, сразу бросалось в глаза: Лангемак утверждает, что во вредительскую организацию его вовлек Клейменов, от которого он узнал, что там же уже состоят Глушко и Королев. Клейменов доказывает, что о вредительстве Глушко и Королева он узнал от Лангемака. Минуточку, почему никто не обращает внимания на одну маленькую деталь: коль скоро и в показаниях Клейменова, и в показаниях Ленгемака везде эти две фамилии рядом: Глушко-Королев, то почему же Глушко арестован, а Королев разгуливает на свободе? Ну хорошо, ну не разгуливает, а лежит в больнице с трещиной в черепе, дома долечивается. Но хватит уже, полежал и будя. Пора брать, пора...

Не сразу сообразили остановить патефон:

– Некому кудряву заломати...

Чекист сам подошел, поднял иглу, двинул рычажок стопора. Королев сидел на стуле посередине комнаты молча. Чекиста удивило, что он не успокаивает жену, не говорит этих непременных слов, которые говорят все, которые он слышит каждую ночь: «Это – недоразумение, все завтра разъяснится...» Обыск скучный, по давней, в самодержавное прошлое уходящей схеме: от дверей по часовой стрелке. Обыски проходили, как правило, формально: искавшие знали, что ничего интересного для себя не найдут. У военных иногда еще попадалось незарегистрированное оружие – прямое доказательство террористических намерений, а у штатских – от силы заваляется где-нибудь брошюрка Троцкого. Но редко, время было такое – только объявят в газете: «враг», все тут же сами сжигают, выбрасывают, портреты в книгах заливали тушью...

Ксения Максимилиановна заметила, как один из чекистов, нагнувшись над ее туалетным столиком, ловко вытянул из открытой шкатулки малахитовые запонки, которые Макс подарил Сергею на свадьбу, но промолчала, конечно. Она тоже молча сидела на стуле посередине комнаты.

– Соберите вещи, – мирно сказал второй чекист, безо всякого интереса листающий книги.

Третий, подсев к письменному столу, писал протокол. Дворник в прихожей дремал на табуретке.

Ксения Максимилиановна не сразу как-то сообразила, о каких, собственно, вещах идет речь. Потом поняла: вещи Сергею в тюрьму. И в этот момент испугалась по-настоящему, глубоко испугалась за Сергея, за себя, за Наташку, вообще за всю будущую жизнь. Сколько надо собирать вещей и каких, она не знала, а спрашивать не хотела. Не то чтобы боялась, а не хотела, ей неприятно было всякое, пусть даже вынужденное, общение с этими людьми.

Обыск и сочинение протокола продолжались до утра: Сергей начал одеваться, когда за окном уже было совсем светло, позвенькивали трамваи. Написал доверенность на получение зарплаты. Надел кожаное пальто, то самое, гирдовское, вечное. Уходя, в прихожей обнял Ксану и, прямо глядя ей в глаза, сказал спокойно и просто:

– Ты знаешь: вины за мной никакой нет.

30

Мы знаем, он будет прекрасен,
1938 год, он не может быть иным...

Прасковья Пичугина,
депутат Верховного Совета СССР

Арест Королева санкционировал Рагинский – заместитель Генерального прокурора Вышинского. К великому сожалению Андрея Януарьевича, когда Ежова арестовали и трон Вышинского качнулся, Рагинским пришлось пожертвовать. Постановление на арест Королева писал Жуковский – это из ежовской «гвардии». Основания для ареста: показания Клейменова, Лангемака, Глушко – все трое называли Королева участником контрреволюционной троцкистской организации внутри РНИИ, «ставящей своей целью ослабление оборонной мощи в угоду фашизму». Следствие по делу нового «фашистского угодника» вели младшие лейтенанты, оперуполномоченные Быков и Шестаков.

Фамилия Шестакова нам уже, как вы помните, встречалась: от «липил» Лангемака. На мой запрос в управление кадров КГБ пришел ответ с указанием адреса Михаила Николаевича – оказывается, жив-здоров. Я немедленно к нему поехал,

Дверь отворил невысокий крепкий пожилой человек, с живыми карими глазами. На аккуратной голове его темные волосы резко, как словно бы это тонзура какого-нибудь монаха-иезуита, прерывались лысинкой чистого блеска. Михаилу Николаевичу шел 80-й год, но в движениях его не было ни старческой заторможенной немощи, ни мелкой прерывистой суетливости – спокойный, опрятный, сильный еще отставной полковник.

Познакомились. Со всей возможной деликатностью сообщил я о цели моего визита, упирая главным образом на то, что меня более всего интересует поведение Королева во время допросов. Каким он был: подавленным или, напротив, агрессивным, молчаливым, словоохотливым, оживленным, угрюмым?

– Какого Королева вы имеете в виду? – спросил в свою очередь Шестаков, глядя мне в глаза честным, прямым взглядом.

– Сергея Павловича. Из РНИИ. Впоследствии – Главного конструктора ракетно-космической техники...

– Не помню... Решительно не помню.

– Но ведь Королев сам называет вас своим следователем в

письме к Сталину. Согласитесь, вряд ли, находясь в тюрьме, он рискнул бы писать неправду товарищу Сталину.

– Удивительно. Здесь какая-то ошибка...

– Но и в письме к вашему непосредственному шефу – Лаврентию Павловичу Берия Королев тоже называет вашу фамилию. Берия хорошо знал своих сотрудников, и, если бы это была неправда, он мог легко изобличить автора письма.

– Но я не помню Королева!

И вдруг страшная мысль в этот момент пришла мне в голову: а может быть, Шестаков говорит правду? Может быть, он действительно не помнит Королева? Может быть, раскрыв в январе 1966 года «Правду» и увидев портрет академика в траурной рамке, он не нашел знакомых черт? Но ведь это было бы страшнее ложных отпирательств! Я помню всех людей, кому я давал пощечину, даже мальчишек в школе. Существует только одно объяснение тому, что Шестаков забыл человека, которого он избивал (а что, как не побои, имелось в виду под термином «физические репрессии» в письме Королева к Сталину и Берия?): таких людей было много! Их было так много, что все их окровавленные лица превратились в памяти его в какой-то неразделимый мокрый красный ком. Эта страшная работа была столь ординарна для него, неинтересна, а главное – длилась так долго, что требовать, чтобы он запомнил свои жертвы, так же нелепо, как требовать от кассирши универмага, чтобы она запомнила лица всех своих покупателей.

– Да я вообще не занимался следствием, – продолжал тем временем Шестаков, – я был на оперативной работе.

– А в чем она заключалась?

– Ну, это уже наши профессиональные дела...

– Михаил Николаевич, но если вы не занимались следствием, зачем же вас в 1955 году вызывали в Главную военную прокуратуру, где состоялся разговор малоприятный, помните? Дело Лангемака...

Темные глазки метнулись: он не ожидал, что я и это знаю. Движение было быстрым, как щелчок затвора фотоаппарата, но он «засветился» в этот миг. Теперь я знал, что он помнит Лангемака, и Королева тоже не может не помнить. Ну, слава богу, а то мы уж было начали возводить на человека напраслину...

– Видите ли, я действительно давал показания по делу Лангемака, поскольку однажды заходил в кабинет, где его допрашивали...

– Вот и славно! Расскажите, какой это был кабинет: большой, маленький, куда окна выходили, какой свет, где сидел Лангемак, а где следователь?

Шестаков улыбнулся:

– Помилуйте, все это было пятьдесят лет назад. Неужели вы могли бы запомнить комнату, в которую вы случайно зашли пятьдесят лет назад?

– Ну, хоть и пятьдесят лет прошло, но Лангемака вы помните. А Королева не помните?

– А Королева не помню. Да, много лет пролетело... И не заметил, как годы бегут, а сейчас вот здоровье никудышное, на днях опять в госпиталь кладут...

«Его в госпиталь кладут, – подумал я, – а подследственный его уже почти три десятилетия лежит в кремлевской стене».

Из вежливости пришлось выслушать жалобы отставного полковника на нашу медицину.

На том мы и расстались с Михаилом Николаевичем.

Следователя Быкова разыскать не удалось, жив ли он – неизвестно. Единственный человек, кто может сегодня рассказать о Королеве во время следствия – Шестаков. Он не расскажет никогда. Я прочитал много дел того времени, дел, которые вели следователи Клейменова, Лангемака, Глушко. Валентин Петрович Глушко неохотно, кратко, но все-таки рассказал мне, что вытворяли с ним на Лубянке. Не думаю, что для Королева были сделаны какие-нибудь послабления – кто бы и зачем делал? Я не знаю точно, как все было с Королевым, но я знаю, что было с десятками людей, равного с ним бесправия в то же время и в том же месте. Я ничего не могу здесь доказать и никого не могу обвинить. Я могу только попытаться увидеть...

Когда Сергея Павловича Королева сразу же по прибытии на Лубянку утром 28 июня 1938 года ввели в комнату для первого допроса, он увидел молодого темноволосого, черноглазого, симпатичного парня, примерно одних с ним лет и даже похожего на него плотной, кряжистой фигурой.

– Вы знаете, за что вас арестовали? – спросил он, пожалуй, с ненужной для первого вопроса надменностью в голосе.

– Нет, не знаю, – просто ответил Сергей Павлович.

– Ах ты не знаешь... твою мать!! – неожиданно страшно взревел симпатичный парень. – Сволочь! Мразь! – с этими словами он смачно, поднакопив в крике горячую слюну, плюнул в лицо Королева.

Королев бросился на него инстинктивно, не думая уже где он находится, кто перед ним, но рывок его был, оказывается, предусмотрен. Размашисто – так вратари выбивают мяч в поле – следователь ударил его сапогом в пах, мгновенно сбив с ног. Потеряв сознание, Королев еще извивался какое-то время на полу, карябал ногтями паркет, потом утих.

Когда он очнулся, рядом с парнем стоял еще один человек в белом халате. Он наклонился к Королеву, хмуря брови, пощупал его пульс, помог встать и сказал следователю:

– Страшного ничего нет.

Теперь Королев стоял у стены, а следователь сидел за столом.

– Значит так, – сказал следователь безо всяких следов прежней ярости в голосе, очень буднично и делово. – Будешь стоять на «конвейере» до тех пор, пока не подпишешь показаний.

Королев стоял до вечера. Есть не давали, пить не разрешали. Вечером пришел другой следователь, совсем молоденький, лет двадцати двух, не старше, с красивой русой кудрявой головой.

– Зачем вы себя мучаете? – спросил он Королева. – Ну, вот же черным по белому написано, что вы – вредитель. Вы поймите, вы – уже вредитель, это уже доказано следствием, понимаете? А ваше признание – вещь формальная. Вы полагаете, что, упираясь, вы делаете себе лучше? Поверьте мне, все как раз наоборот. Не помогая следствию, вы, прежде всего не помогаете себе. Неужели вам не ясно? Подпишите, и дело с концом...

– Что такое «конвейер»? – тихо спросил Королев.

– «Конвейер», – с улыбкой объяснил кудрявый, – это значит, вы будете стоять, а мы сменяться.

– Как это?.. – не понял Королев.

– Нас будет трое. Мы тут будем круглосуточно. Неужели вам не ясно? Советую подписать..

Он не пугал, действительно так и было: вечером пришел еще один, а рано утром снова тот, первый, симпатичный.

– Стоим? Молчим? – начал он весело. – А что вы такой скучный, невеселый? Небось, смеялись, когда ракеты разбивали вдребезги, когда ракетный самолет, опытную модель со своим дружком сожгли! – Чем больше он говорил, тем больше распалялся, свирепел. – Тогда, наверное, от души хохотали, а теперь вот, когда всей вашей банде хвост прижали, сразу вдруг погрустнели. Сейчас я вас пробочкой подбодрю...

В ящике письменного стола у него лежала разная пыточная мелочь: куски резиновых шлангов с металлом внутри, плетенки из кабеля со свинцовой изоляцией, бутылочные пробки со вставленными внутрь булавками так, что жало выходило наружу на два-три миллиметра.

Следователь тыкал пробкой в живот и шипел прямо в лицо:

– Напишите, кто вас завербовал... Просто на клочке бумаги.. Протокол составлять не будем... Все между нами останется... Ведь Клейменов вербовал вас? Ведь так?..

Потом вдруг снова, словно клапан какой срабатывал, срывался в крик:

– Почему молчишь, тварь?! Думаешь, нам нужны твои показания? Есть у нас показания!

И снова вкрадчиво:

– Это глупо: отпираться от вещей очевидных. Вы же инженер, можете рассуждать логично. Ну, давайте вместе разбираться. Вы работали в НИИ-3?

– Работал.

– Институтом руководил Клейменов. Троцкист. Немецкий шпион. Вредитель. Это он сам признал. Вы выполняли его указания?

– А как же можно не выполнять указаний начальника института, в котором ты работаешь?

– Вопросы задаю здесь я. А вы – отвечаете. Вы выполняли указания Клейменова?

– Выполнял.

– Слава богу! Вы понимаете, что, выполняя вредительские указания, вы тем самым совершали вредительство?

– Но ведь весь институт, так или иначе, выполнял указания Клейменова…

– Я не спрашиваю обо всем институте. С институтом мы еще разберемся. Вы за себя отвечайте. Вот ваш дружок Глушко понял, что запираться глупо и честно пишет: «Вел подрывную работу по развалу объектов, необходимых для обороны страны с целью ослабления мощи Советского Союза, тем самым подготовлял поражение СССР в войне с капиталистическими странами… Сорвал снабжение армии азотно-реактивными двигателями, имеющими огромное оборонное значение…»

– Да почему же «сорвал»? Он их доводил до ума. ОРМ-65 – хороший двигатель, я с ним работал…

– ОРМ-65? – задумчиво переспросил следователь, листая бумаги дела. – Есть и ОРМ-65. Вот слушайте: «В 1936 году Глушко с целью оправдать свою бездеятельность подготовил для сдачи азотно-реактивный двигатель ОРМ-65 для установки на торпедах и ракетоплане, который им же, Глушко, вместе с Королевым при испытании был взорван с целью срыва его применения в РККА…» Очень интересно получается. Значит, вы признались, что работали с двигателем ОРМ-65, так?

– Работал. Можете посмотреть протоколы горячих испытаний…

– У нас с вами свои протоколы. И не менее горячие! Итак, вы признаете, что работали с ОРМ-65, а Глушко признает, что работа эта – вредительская. Стало быть, вы кто? Вредитель! Зачем взорвали двигатель? А? Говорите честно. Ведь легче будет…

– Да ничего мы не взрывали! Он цел! Можете поехать в

институт и посмотреть...

– Куда мне ехать, я сам решу. Не мое дело по институтам ездить, а мое дело получить от тебя показания, узнать, кто там еще затаился в вашем институте. И ты мне их назовешь! Всех назовешь!!! Назовешь, выблядок фашистский!!!

Весь налился кровью и, как-то боком подскочив к Королеву, резко и очень сильно ударил в лицо, сбив с ног.

Очнулся, когда облили холодной водой.

Следователь сидел за столом, перебирал бумаги, мурлыкал себе под нос: «Ты постой, постой, красавица моя, дай мне наглядеться, радость, на тебя...»

Щека Сергея Павловича чуть прилипла к полу от засыхающей крови. Когда он зашевелился, следователь проворно поднялся из-за стола, подойдя совсем близко, молча ударил ногой в лицо... Королев очнулся под утро от укола шприцем. Врач сказал, что надо быть осторожнее: очевидно, он так побился, споткнувшись на лестнице. Королев плохо разглядел врача: все лицо заплыло и от глаз остались щелки.

В феврале 1988 года я беседовал с членом-корреспондентом Академии наук СССР Ефуни. Сергей Наумович рассказывал мне об операции 1966 года, во время которой Сергей Павлович умер. Сам Ефуни принимал участие в ней лишь на определенном этапе, но, будучи в то время ведущим анестезиологом 4-го Главного управления Минздрава СССР, он знал все подробности этого трагического события.

Анестезиолог Юрий Ильич Савинов столкнулся с непредвиденным обстоятельством, – рассказывал Сергей Наумович. – Для того чтобы дать наркоз, надо было ввести трубку, а Королев не мог широко открыть рот. У него были переломы двух челюстей...

– У Сергея Павловича были сломаны челюсти? – спросил я жену Королева, Нину Ивановну.

– Он никогда не упоминал об этом, – ответила она задумчиво. – Он действительно не мог широко открыть рот, и я припоминаю: когда ему предстояло идти к зубному врачу, он всегда нервничал...

Королев пишет ясно: «следователи Шестаков и Быков подвергли меня физическим репрессиям и издевательствам». Но доказать, что Николай Михайлович Шестаков сломал челюсти Сергею Павловичу Королеву, я не могу. К сожалению, никто этого уже не сможет доказать. Даже доказать, что ударил, – нельзя. Что просто толкнул. Вновь повторю: я ничего не могу доказать, нет в природе этих доказательств. Я могу лишь попытаться увидеть.

Днём после ареста Сергея Ксана поехала в приемную НКВД

на Кузнецкий мост. На вопрос, в чем конкретно обвиняют мужа, младший лейтенант, поворошив бумаги, ответил коротко:

– Арестован. Ведется следствие…

Когда она вернулась домой, позвонила свекровь, начала спрашивать что-то о Наташе…

– Мария Николаевна! Сергея больше нет! – крикнула Ксана, бросила трубку и, упав на диван, завыла, давясь слезами.

Это были ее первые слезы с того мига, как Сергея увели.

Когда Мария Николаевна примчалась на Конюшковскую, дверь в квартиру оказалась не заперта, в прихожей была разбросана марля, бинты, какие-то пузырьки (при обыске растрясли домашнюю аптеку), и она подумала, что с Сергеем случилось что-то страшное.

– Умер? – спросила она спокойно, входя в комнату.

– Нет, арестован НКВД.

– Ну, слава богу!

– Вы с ума сошли!!

– Но ведь он жив!!!

Вечером приехали старики Винцентини. Начался большой семейный совет. Макс сказал дочке:

– Если ты начнешь хлопотать, тебя тоже посадят.

– Хлопотать надо обязательно! – Мария Николаевна была воплощением деятельной энергии, – Я пойду в НКВД и напишу письмо Сталину!

В НКВД ее не пустили, а письмо Сталину она действительно написала. Может быть, оно до сих пор лежит в сталинских архивах, хотя невозможно представить себе такой архив, который вместил бы все письма к Сталину. Ответа, разумеется, не получила, но энергия ее не иссякла. Через некоторое время Мария Николаевна посылает Сталину телеграмму. Пройдя по Великому Кольцу Жалоб, телеграмма эта осела в архивах прокуратуры. Своеобразный документ эпохи:

> «Москва. Кремль. Сталину. Дополнительно моему письму 15 июля сего года делу сына Королева Сергея Павловича, работавшего институте номер 3 НКОП арестованного органами НКВД 27 июня сего года. Убедительно прошу срочно ознакомиться письмом. Сын мой недавно раненый с сотрясением мозга исполнении служебных обязанностей находится условиях заключения, каковые смертельно отразятся его здоровье. Умоляю спасении единственного сына молодого талантливого специалиста инженера ракетчика и летчика, принять неотложные меры расследования дела.

Мать Королева Мария Баланина. Москва, Октябрьская, 38, кв. 236. 22 июля 1938 года».

Счастье наше в том, что чем дальше будет отодвигаться то время, когда Сергей Павлович Королев сидел в камере сегодня уже не существующей тюрьмы, тем меньше сможем мы понять его, вникнуть в суть его переживаний, уяснить себе психологию его поведения. Да, это счастье, что нам, годящимся Королеву в дети и внуки, сделать это трудно, и, дай Бог, чтобы детям внуков наших это стало совсем невозможно. Почти уверен, что ход моих размышлений по этому поводу неверен и приблизителен, но ведь берем же мы на себя смелость говорить о непреклонности воли Галилея или Бруно, выстраивать их внутренние монологи, проникать в тайники сомнений людей, отделенных от нас веками. А Королев – наш современник...

Интересовался ли он политикой? По свидетельству всех (их десятки) людей, знавших его в те годы, не интересовался. Он видел, как круто изменила революция жизнь страны, и приветствовал эти изменения. Он видел, что индустриализация, прогресс техники, развитие науки, иными словами, реальное воплощение политики совпадает с его личными устремлениями. У него не было никаких счетов с Советской властью: у его родителей не отнимали недвижимость или золото, потому что ни недвижимости, ни золота не было. Не выселяли из особняка, потому что особняка тоже не было. Не раскулачивали, не уплотняли, не высылали, короче – его никак не угнетали. В то же время и льгот каких-либо тоже не было. Он не чувствовал себя чем-то кому-то обязанным. Никто его не толкал, не выдвигал, скорее осаживали, и если он чего-то достиг к тридцати двум годам, то, кроме самого себя, говорить «спасибо» было некому. Он не был ни притеснен, ни обласкан и, может быть, еще и поэтому мало интересовался политической жизнью, до крайнего предела раскалившейся внутрипартийной борьбой. Откровенно сказать, он, по образу мыслей своих, – законченный технарь, искренне не понимал, как всем этим можно всерьез интересоваться. Он не очень вникал в разногласия Троцкого со Сталиным, или Тухачевского с Орджоникидзе, споры эти интересовали его лишь в той степени, в какой эти люди могли ускорять или тормозить его дело, которое волновало его в миллион раз больше, чем заботы всех политиков мира вместе взятых. У него действительно не было за душой ничего, кроме постоянного желания добиться совершенства в любимом деле. Построй он тогда ракету, которую он построил через двадцать лет... Впрочем, даже ту, которую он построил через десять, – и она встала бы тогда в один ряд с

перелетами через полюс, метрополитеном, песнями Дунаевского, палаткой Папанина, с Магнитогорским комбинатом, «Тихим Доном», костромскими буренками-рекордистками, – со всем лучшим, что было создано в нашей стране ее гражданами, создано их умом, талантом и трудом, но приписывалось лишь гениальным предначертаниям одного человека, пополняя ларец исторических свершений великого вождя всех времен и народов. Королев еще не успел сделать свой взнос. Впрочем, даже если бы и успел, это вовсе не означало бы, что колесо его жизни минует катастрофическую колею. Слава Мейерхольда или Туполева ушла за границы страны, и что? Да объяви тогда, что в сплоченный коллектив папанинцев затесался матерый японский шпион, скажем, Кренкель – никто бы не удивился... Моментально бы заклеймили...

Но не будем фантазировать. Будем размышлять о том, что известно. Известно, например, что Королев, как и большинство его коллег по РНИИ, жил довольно изолированно. В самых общих чертах представляли себе, как рождаются колхозы, как возводятся великие стройки. Что им говорили по радио, о чем они читали в газетах, то они и знали. И если Сталин, который уже в середине 30-х годов становится «гениальным», которого очень умный человек – Тухачевский – называет «великим», если этот «гениальный», «великий» политик утверждает, что по мере роста и укрепления страны классовая борьба будет ожесточаться, то как можно ему не верить?! Королев всегда с большим уважением относился к специалистам, а в этом вопросе Сталин был для него как раз авторитетным специалистом. А потом – денно и нощно – по радио, в газетах: Сталин прав, прав, прав! И думаешь: да все, наверное, не так просто, как казалось раньше. То, что враги Советской власти существуют, – это никому и доказывать не надо, это всякому ясно. Другое дело, что распознать их действительно трудно. Но распознают! Припирают к стенке! И они сознаются! Сами сознаются!! Кто бы мог поверить, что Тухачевский – глава антисоветского заговора? Генерал армии А.В.Горбатов в своих мемуарах пишет: «В конце концов, перебрав различные объяснения, я остановился на самом ходком в то время: „Как волка ни корми, он все в лес смотрит“. Этот вывод имел кажущееся основание в том, что М.Н. Тухачевский и некоторые другие лица, вместе с ним арестованные, происходили из состоятельных семей, были офицерами царской армии... „Очевидно, – говорили тогда многие, строя догадки, – во время поездок за границу в командировки или на лечение они попали в сети иностранных разведок“.

Разве расстреляли бы таких высоких военачальников, если бы

не было за ними никаких грехов, да еще сейчас, когда так много говорят о грядущей войне, сейчас, после Испании?! Ну не будет же Сталин рубить сук, на котором сидит! Значит, были грехи и немалые...

А Клейменов с Лангемаком? Герои гражданской войны? Тухачевский с Блюхером тоже герои. Ведь Клейменов действительно жил в Берлине. Могли его там завербовать? А почему не могли? Лангемак был белым офицером, кто ему в душу влезет? И здесь из глубин сознания всплывала самая страшная, миллионы людей сгубившая своим глубоким гражданским наркозом формула: «ПРОСТО ТАК У НАС НЕ САЖАЮТ!» А давайте-ка разберемся. Разве не мешали Клейменов и Лангемак ему, Королеву, развивать жидкостные ракеты, строить ракетоплан, т.е. именно те объекты, которые (по мнению Королева!) представляют огромную ценность для обороны страны? Разве не тормозили они его работы, не вставляли ему палки в колеса? Но ведь он-то точно не враг народа! И если они ему мешали, то враги они! Если они оговорили его, втянули в свою шайку, посадили за решетку, значит, они вдвойне враги!..

Стоп! Стоп! Стоп!! Так нельзя! Нельзя!! Да, они не соглашались с ним, спорили, всегда старались протолкнуть свои реактивные снаряды впереди его ракетоплана, не верили в жидкий кислород и крылатые ракеты, но ведь техническая близорукость и предательство – это все-таки не одно и то же. И, объективно говоря, у них ведь получались неплохие реактивные снаряды, вне зависимости от того, нравятся они ему или не нравятся. Но если они не враги народа, зачем же они втянули его в эту кровавую историю?! Ведь они же знали, что он не вредитель, знали, что ни в какой антисоветской организации он не состоит, и втянули! Но ведь об их показаниях только говорят, а самих документов не показывают. А если этих показаний не было? Но и другое возможно: показания есть, но даны они под пыткой. Тогда все, вся жизнь теперь сужается до одного единственного, обязательного условия всего его существования: не назвать никого, не утопить других людей. На иную доблесть сил уже не хватит...

Пройдет много дней и ночей на нарах теплушек, в камерах пересылок, в палатках далекой Колымы, много долгих дней и ночей подневольного рабского труда на заводах и в шарагах Москвы, Омска, Казани, прежде чем сквозняки эпохи рассеют дым сталинского ладана в его голове, прежде чем рассосется зловонная жижа подозрительности ко всем и ко всему в его сердце, прежде чем сквозь мутное и кривое стекло искаженной истории сумеют глаза его разглядеть истинные лица своих

товарищей и он осознает себя участником одной из величайших трагедий в истории человечества.

Королев Сергей Павлович обвинялся в деяниях весьма серьезных, а сказать точнее – в преступлениях, обозначенных в статье 58, пунктах 7 и 11 Уголовного кодекса Российской Федерации. О страшной 58-й статье в нашей стране сегодня слышали все, но именно слышали, а толком о ней мало кто знает и узнать трудно: в современном Уголовном кодексе ее нет. А статья и пункты эти – страшные, беспросветные.

Пункт 7 – это «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенной в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собой высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества».

Пункт 11 еще страшнее: «всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке и совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения преступлений, предусмотренных настоящей главой».

Столь подробное цитирование старого Уголовного кодекса умышленно: прочитав все это, острее можно представить себе состояние совершенно невинного человека, которого во всех этих злодействах обвиняют. Как должен был закричать тот же Королев: «Помилуйте, но какое ко мне все это имеет отношение?! Какую промышленность или кредитную систему я подрывал, в интересах каких капиталистических организаций действовал, какие преступления подготавливал?!» Задача следователя и состояла (помимо получения признания) в доказательстве того, что конкретные действия арестованного как раз «подпадают» под данные пункты статьи. А поскольку сформулированы они с такой широтой, что охватывали все сферы деятельности любого работающего человека, сделать это при желании и даже минимальных навыках было совсем не трудно. В чем же

конкретно обвинялся Королев?

Первое и главное: он – член контрреволюционной вредительской организации. Это доказывается показаниями Клейменова, Лангемака и Глушко. Никаких документов, никаких вещественных доказательств, ничего, кроме расплетающихся подписей трех до полусмерти забитых людей.

По этому поводу Королев писал: «... я никогда нигде и ни в какой антисоветской контрреволюционной организации не состоял и ничего об этом не знал и не слыхал. Мне 32 года, отца моего, учителя в городе Житомире, я лишился 3-х лет от роду. Мать моя и сейчас учительница в Дзержинском районе Москвы. Я вырос при Советской власти и ею воспитан. Все, что я имел в жизни, мне дала партия Ленина-Сталина и Советская власть. Всегда, всюду и во всем я был предан генеральной линии партии, Советской власти и Советской Родине».

Второе обвинение: разработка ракет производилась без чертежей, расчетов, теоретического обоснования, т.е. ракеты-то были, но это только одна видимость, обман, саботаж, вредительство. Но ведь все чертежи, расчеты – в секретных тетрадях, они хранятся, их можно посмотреть. Протоколы испытаний и продувок в аэродинамических трубах, теоретические обоснования в сборниках «Ракетная техника», которые издавал институт – их вышло уже пять номеров, все акты экспертиз Технического института РККА, Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского, НИИ № 10 НКОП и других учреждений – все это существует! Не сожгли, не уничтожили, даже не запрятали – все лежит на своих местах. Надо просто взять и посмотреть, и все это обвинение лопается.

Следующий пункт: специально разрабатывал неудачную ракету 217, чтобы задержать остальные, более важные разработки. Конечно, неудачи в РНИИ у Королева были и немало, но как раз ракету 217 можно отнести к числу удач. Заказчик – НИИ № 10 в Ленинграде – ракету принял, есть акты. В сравнении с другими разработками Королева ракета 217 – более чем скромный объект, который просто не мог в виду малого объема работы затормозить другие ракеты. А потом опять-таки на все лежат документы.

Еще одно обвинение: не разработана система питания ракеты 212, что сорвало ее испытания. Но ведь система, даже несколько ее вариантов, реально существует в металле, ее можно пощупать! И испытания проводились многократно, есть протоколы! А проводить испытания без системы питания невозможно!

Королева обвиняют в том, что он разрабатывал негодные ракетные двигатели, которые работали только 1-2 секунды.

«Работы над ракетными двигателями мною никогда не производились, – пишет Королев, – а велись в другом отделе института и другими лицами». Это истинная правда: за всю жизнь Королев не разработал ни одного ракетного двигателя.

Наконец, упорно доказывалось, что еще в 1935 году они с Глушко разрушили ракетный самолет. Самое замечательное в том, что разрушить его в 1935 году невозможно было при всем желании хотя бы потому, что он тогда не существовал. И как же он разрушен, если весь 1938 год на нем регулярно проводились испытания?! «В день моего ареста 27 июня 1938 года, – пишет Королев, – он целый и невредимый стоял в НИИ-3».

Что ни пункт, то откровенная, даже ничем не замаскированная «липа». Не потрудились придать делу хотя бы видимость чего-то серьезного. Все обвинение рассыпается в прах при первом же, даже самом поверхностном следствии. Но никакого следствия не было. Было истязание.

В мае 1955 года в заявлении в Главную военную прокуратуру с просьбой о реабилитации Королев писал о тех днях: «Во время следствия по моему делу я ничего не мог доказать и объяснить, так как следствие в то время велось в совершенно недопустимой форме и обстановке. Вернее было бы сказать, что никакого следствия по существу дела и предъявленных обвинений в то время не производилось.

Меня обвиняли во вредительстве в области новой техники, где я работал в то время. Более неправдоподобное и нелепое обвинение трудно себе представить, так как работа в области новой техники всегда была для меня целью всей моей жизни и любимым делом».

Каково же ему было тогда, в 38 м, если и семнадцать лет спустя он так волнуется, составляя это заявление, ведь волнение его отчетливо выступает за этими строчками, если и в 55-м душу его жжет горечь и обида за надругательство над ним, как над человеком и гражданином?

Очень плохо было ему тогда. Королев совершенно подавлен морально. Это видно из его письма к Ксении Максимилиановне. «Я сильно, очень сильно устал от жизни, – писал Сергей Павлович. – Я не вижу в ней для себя почти ничего из того, что влекло меня раньше... Тебя, может быть, огорчит столь резкое падение моего интереса к жизни вообще, но должен тебе сказать, что это вполне обоснованное положение. Во-первых, я не вижу конца своему ужасному положению. Будет ли ему конец скоро, в этом году? Никто не знает и, быть может, еще год, два и более суждено мне томиться здесь. Во всяком случае рассчитывать почти, наверное, нечего, затем, вообще на что можно

рассчитывать дальше мне, ибо я всегда снова вероятный кандидат. Да, кроме того, это значит всегда отягощать твою и Наташкину судьбу. Я даже не знаю, сможем ли мы снова жить вместе, вернее, могу ли я и должен ли я жить вместе. Я боюсь об этом говорить и думать...»

Поскольку обвинение «на ногах не стояло», ему надо было срочно придумать какие-то костыли. Такими костылями – не только в деле Королева – в тысячах других дел были акты технической экспертизы. Причем, не спрашивали: «вредил или не вредил». Сам факт вредительства не обсуждался. Требовалось указать, «как конкретно вредил».

Слонимер назначил специальную экспертную комиссию по делу Королева. Составлен был акт за подписями четырех человек: Костикова, Душкина, Дедова, Каляновой. Позднее Королев напишет: «Этот акт пытается опорочить мою работу. Однако заявляю вам, что он является ложным и неправильным. Лица, его подписавшие, никогда не видели в действии объектов моей работы. Приводимые в акте „факты“ вымышлены...»

Откуда и как появилась эта четверка? Слонимер от подписи уклонился: человек-де новый, с Королевым работал очень недолго. Костиков подписал, не раздумывая. Он же привлек Душкина – нужен был хотя бы один человек, что-то понимающий в королевской тематике. Душкин был человек способный, а каждый способный человек кому-то мешает. Он очень боялся, что и на него могут написать донос, боялся ареста. Наверное, подумал, что подпись будет замечена «там», не столько доказывал вредительства Королева, сколько расписывался в собственной лояльности. Дедов работал в отделе Королева. Он был из рабочих, с большим трудом закончил институт, но инженера из него так и не получилось. Подписал, потому что начальство велело. Маруся Калянова была на взлете: фабричная девчонка кончила академию химзащиты, попала в РНИИ, а после ухода Николая Гавриловича Чернышева стала заведовать химическим отделом. Румяная, очень энергичная, наглая, уверенная: «зря у нас не сажают». В 37-м ее уже приняли кандидатом в члены партии и подпись ее под актом можно было рассматривать как исполнение партийного поручения: помочь товарищу Сталину разоблачать врагов народа.

Акт, подписанный этим квартетом 20 июля 1938 года, бил наповал:

> «Методика работы Королева С.П. была поставлена так, чтобы сорвать выполнение серьезных заказов, путем создания определенных трудностей, запутывания

существа дела, ведением кустарного метода работы и непроизводительным расходованием средств...»

Через полвека я нашел Марию Павловну Калянову. Вспоминали РНИИ. Она рассказывала, кто в какой комнате сидел, как одевался, ее прекрасная память сохранила много ценнейших мелких наблюдений, на которые лишь женщины способны. Когда стали вспоминать страшные давние годы, сказала убежденно: «Я не допускала мысли, что Клейменов, Лангемак, Глушко и Королев – враги народа».

Даже мысли не допускала!

Я спросил без паузы, среди беседы:

– Мария Павловна, вот вы говорите, что Королев был душевным, симпатичным молодым человеком. Вы совершенно не были связаны с ним по работе, значит, какое-либо соперничество исключается. Что же побудило вас подписать акт технической экспертизы для НКВД в 38-году? Ведь вы же не могли не понимать, что этим актом вы губите человека...

Разом вспыхнула:

– Какой акт?! Не помню... Не может быть...

Маруся, Маруся («Меня все в институте Марусей звали...»), я сам с этой книгой следователем стал и вижу: помните, все вы прекрасно помните. Просто не могли себе представить, что через пятьдесят лет отыщется эта проклятая бледная подпись и прошлое, приняв мое обличье, явится в вашу квартиру, что акт этот всплывет из пучин бездонного океана страшных бумаг тех лет – свидетельств слабости, если не трусости, трусости, если не подлости...

– Неужели там моя подпись? Просто не могу поверить... Очевидно, Пойда меня уговорил...

Да не судья я вам, Мария Павловна. Не обличения ради говорю все это, а с одной единственной целью: пусть всякий человек, и ныне взявший в руки неправедное перо, помнит: уберечься от правды невозможно, и есть на наше счастье среди всех судей, прокуроров и адвокатов – главный, никогда не ошибающийся судья, прокурор и адвокат – Время. А что потом уж страшней – кара людская или приговор собственной совести – каждый сам решит для себя...

Когда я уходил, Мария Павловна сказала несколько жеманно, тоном каким-то деланным, не искренним:

– Вы, право, так расстроили меня сегодня...

Но я поверил: я действительно ее расстроил.

Сколько раз вызывали Шестаков и Быков на допрос Сергея Павловича Королева, установить нельзя. Дело в том, что

протоколы допросов чаще всего оформлялись лишь тогда, когда подследственный давал какие-либо показания. А если упрямился – что ж бумагу-то переводить...

В «Деле» Королева, хранящемся в архиве Комитета государственной безопасности, есть только два протокола допроса: от 28 июня – сразу после ареста – и 4 августа 1938 года.

Вот в этом втором протоколе (отпечатан на машинке, дата дописана чернилами) говорится: Королев признал, что является участником антисоветской организации, в которую в 1935 году был вовлечен Лангемаком и в которой состояли Клейменов и Глушко.

Однажды, уже в 1945-м, он скажет Ксении Максимилиановне:

– Я подписал, потому что мне сказали: если не подпишу, вас с Наташкой погубят...

Читая дела ракетных и авиационных специалистов, репрессированных в 1937-1938 годах, очень трудно обнаружить какую-либо закономерность в определении наказания. Поскольку все эти люди совершенно чисты, нельзя говорить о какой-то их вине. Можно рассматривать лишь количество обвинений, которые им предъявлялись. Однако за одно и то же «преступление» человека могли приговорить к десяти, а то и восьми годам лагерей, а могли и расстрелять. Расстреливали чаще лидеров, скажем, наркомов, их заместителей, крупных специалистов, которые объявлялись руководителями диверсионных группировок, как Клейменов, например. Но, скажем, Туполев и Петляков, названные руководителями вредительской «русско-фашистской партии» в авиапроме, остались живы, в то время как рядовые «члены» этой «организации» были расстреляны. Одни люди «признавались» во всем и «признание» это постоянно подтверждали. Другие «признавались», но потом отказывались от своих показаний. Третьи – единицы – ни в чем не «признавались». Но мера наказания в каждой из трех групп арестованных тоже была различна. Не зависела она и от того, называли имена «соучастников» или не называли. «Высшая мера» назначалась, надо думать, не только до начала следствия, но еще и до ареста человека, и поэтому, скорее всего, не могла быть обусловлена его поведением и показаниями.

В этой слепой и кровавой стихии, не имевшей каких-либо законов и правил, были неотвратимость и фатализм молнии или урагана. Страшная эта жизнь становилась еще страшнее оттого, что невозможно было ничего предвидеть, рассчитать, предположить развитие событий по некой схеме, работающей, пусть не по твоей, но хотя бы по какой-то логике. Ответить на все вопросы, объяснить, почему так или иначе, не могли ни законы,

ни жертвы и даже – ни палачи. Пожалуй, только один человек мог это сделать – Сталин, но он не делал этого никогда.

Королев, как и большинство других арестованных, очень ждал суда. Нервы его были на пределе. Он был человеком действия, из тех, для которых ждать много хуже, чем догонять. Пусть хоть в тундру отправляют, но сидеть целыми днями в камере и задыхаться он невероятной духоты и смрада он больше не мог. В Москве отмечалась в те дни рекордная жара – до 35 градусов, люди падали на улицах, а что творилось в переполненных тюремных камерах, и представить невозможно. Суд превращался в навязчивую идею, в недосягаемую мечту, и чем нетерпеливее он ждал суда, тем крепче становилась его уверенность, что там можно будет все объяснить, указать на очевидные несуразности обвинений, понятные сразу, даже без изучения каких-либо документов, там можно, наконец, хотя бы попытаться оправдаться, т.е. сделать то, что невозможно было сделать во время следствия. Живучесть этих заблуждений объяснялась тем, что, если во время следствия арестованные могли общаться между собой, обмениваться своим трагическим опытом, то контакты между теми, кого уже судили, и теми, кто ожидал суда, исключались.

Как судят – рассказать было некому.

Королева судила 27 сентября 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством армвоенюриста Василия Васильевича Ульриха.

В галерее «героев 1937 года», кроме самого главного «героя», прежде других глаза останавливаются на трех портретах: благообразный теоретик человеконенавистничества Вышинский, маленький уркаган с маршальскими звездами в петлицах – Ежов и человек с лицом василиска – Берия. Предшественник Ежова – Ягода отступает куда-то на задний план и совсем в тени остается Ульрих. Между тем Ульрих, по степени своего человеческого перерождения, по почти мифологическому размеру причиненного им зла не только не уступает вышеназванным палачам, но даже превосходит их. Если допустимо рассуждать формально, то может быть, именно Ульрих приговорил к смертной казни и каторге столько людей, сколько не приговорил ни один другой человек за всю историю человечества, и если бы Шекспир нашего времени задумал создать образ злодея XX века, то немало черт его он смог бы взять у Василия Васильевича.

Безупречное происхождение. Он родился в Риге в семье убежденного революционера, вступившего в борьбу еще в конце 70-х годов прошлого века и тогда же сосланного на пять лет в Сибирь. XX век «Мефодий» – такова была партийная кличка

Василия Даниловича – встречал с женой и десятилетним сыном в новой ссылке – в городе Илимске Иркутской губернии. Там до пятнадцати лет мальчик живет и воспитывается в среде настоящих большевиков. Восемнадцати лет он уже член «Центра учащейся молодежи» при Рижском комитете социал-демократов. Учится в знаменитом Политехническом институте (том самом, который окончил Фридрих Цандер), ведет активную пропагандистскую работу. С осени 1915 года – вольноопределяющийся в саперных войсках, но, поскольку образование высшее, направлен в школу прапорщиков. В октябре 1917-го – член исполкома Совета солдатских депутатов 12-й армии. Весной 1918 года направлен в ВЧК, работает под непосредственным руководством Дзержинского. Как, где, когда проклюнулся и стал вызревать в нем палач?

С февраля 1920 года – в органах военной юстиции. Стремительная карьера: с января 1926 года он уже председатель Военной коллегии – главный военный юрист страны! Постановление ЦИК СССР передает подчиненным ему военным трибуналам с июля 1934 года все дела «об особо социально-опасных преступлениях против советского государства». Он председательствует на всех самых знаменитых процессах 30-х годов: «Контрреволюционный ленинградский центр» – карает «убийц» Кирова, «Объединенный троцкистско-зиновьевский центр», «Параллельный троцкистский центр», «Военно-фашистский заговор», «судит» Каменева, Зиновьева, Ягоду, Пятакова, Бухарина, Тухачевского, за каждой этой фамилией – десятки, сотни, тысячи погубленных людей. Редкое дело поручает он своему заместителю Матулевичу, – подавляющее большинство дел стремится вершить сам. Невероятно работоспособен. В 1937 году усердие его отмечено было орденом Ленина. Его избирают в первый Верховный Совет СССР, словно в насмешку делая депутатом от Усть-Вымского избирательного округа Коми АССР – именно там раскинулись лагеря с тысячами его жертв.

Страшный этот человек умер в мае 1951 года. С полным уважением к его заслугам и званию – он был единственный генерал-полковник юстиции в стране – Ульриха похоронили на Новодевичьем кладбище. Через весь город от здания Военно-юридической академии ученики его – курсанты – несли гроб на руках. Воистину, нет Бога! Прахом наивного, скорее смешного, чем страшного, обманщика Гришки Отрепьева выстрелили из пушки. Сталина вынесли из мавзолея. Берия лишили могилы. Ульрих лежит в некрополе славнейших сынов Отечества!

Вот этого человека – толстенького, круглолицего, почти совсем лысого, с маленькими черненькими (тогда их чаще

называли «чаплинскими», а позднее – «гитлеровскими») усиками, в очках, с виду очень добродушного, похожего на плюшевого медвежонка, которого так любят дети, и увидел перед собой Королев утром 27 сентября 1938 года. По бокам его сидели два довольно безликих человека с «ромбами» в петлицах. До 1935 года Военная коллегия сохраняла видимость некоего судопроизводства: прокуроры, адвокаты, судьи, но к 1938 году вся эта канитель в целях элементарной экономии времени отпала за ненадобностью. Если у Ягоды или Пятакова были – пусть формально! – защитники, то Королеву и в голову не могло прийти требовать адвоката и невозможно даже представить себе меру удивления Василия Васильевича, если бы он его потребовал.

Голосом безгневливым, скучающим, Ульрих поинтересовался «установочными данными»: кто такой, где и когда родился и кем работал до последнего времени? Королев отвечал. Ульрих слушал молча, но как бы и не слышал. Затем, тоже довольно бесстрастно, было зачитано обвинительное заключение.

– Признаете ли вы себя виновным? – спросил Ульрих, кажется, впервые взглянув на Королева.

– Нет, не признаю, – твердо ответил Королев. – От своих прежних показаний я отказываюсь. Я дал их только потому, что ко мне применялись недозволенные методы следствия. Я ни в чем не виноват.

Настал долгожданный миг! По мнению Королева, эти слова и должны были сразу круто изменить ход судебного заседания. Он ожидал недоумения и даже растерянности судей. Мог представить себе их недоверие к его словам, а может быть, даже возмущение, но того, что слова эти не произведут никакого впечатления, он не ожидал и на какой-то миг даже подумал, что, возможно, его не расслышали или не поняли и надо повторить. Но повторять не потребовалось.

– От своих показаний вы отказываетесь, – еще спокойно, но уже с чуть заметным усталым раздражением сказал Ульрих, – а вот Клейменов показывает, что на путь борьбы с Советской властью он вступил еще в тридцатом году, находясь в Берлине, и продолжал свою вредительскую деятельность в НИИ-3. И вы в этой вредительской группе состояли...

– Ни в какой группе я не состоял.

– И Лангемак, и Глушко показывают...

– То, что они говорят, я объяснить не могу.

Вы-то не можете, зато мы можем!..

Разбирательство заняло минут пятнадцать: у Василия Васильевича был уже немалый опыт. Протокол заседания столь долгожданного для Королева суда умещается на одной странице.

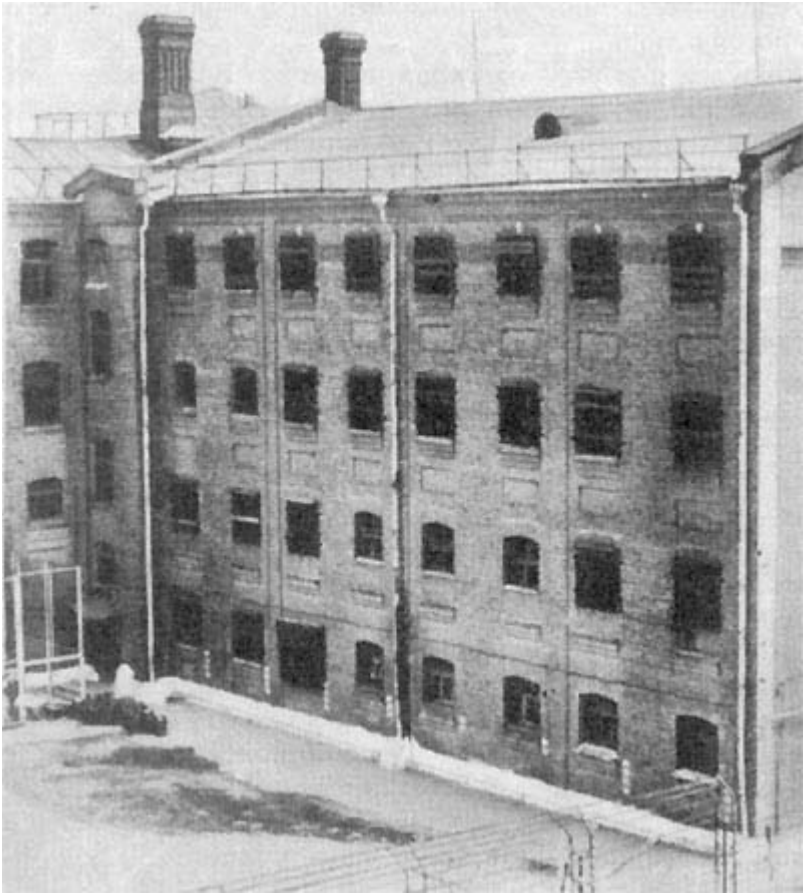
В бумажке этой значилось, что Королев «виновным себя не признает и данные им показания на предварительном следствии отрицает... Как участников организации он назвал по указанию и предложению следователя – Лангемака и Глушко. Назвал их потому, что знал об их аресте, но он категорически отказался называть следователю лиц, которых тот ему еще предлагал, зная, что те не арестованы. Участником контрреволюционной организации он никогда не был и, конечно, не знал никаких участников этой организации».

Королев все ждал, что вот сейчас весь этот нелепый по своей бездоказательности разговор о террористическом заговоре кончится, наконец, и его начнут спрашивать по делу, по сути предъявляемых обвинений. Но никто ни о чем не спрашивал и никакими деталями не интересовался. Ульрих скользнул взглядом по своим безмолвным и неподвижным помощникам, сказал невнятно: «Ну, думаю, все ясно...»

Королеву захотелось крикнуть: «Погодите, но ведь так же нельзя! Давайте я расскажу вам о себе, о своей работе», – но он не успел: Ульрих уже читал:

– ... Королева Сергея Павловича за участие в антисоветской террористической и диверсионно-вредительской троцкистской организации, действовавшей в научно-исследовательском институте № 3 Народного комиссариата оборонной промышленности; срыв отработки и сдачи на вооружение Рабоче-Крестьянской Красной Армии новых образцов вооружения приговорить к десяти годам тюремного заключения... окончательный... не подлежит...

Тюрьма в Новочеркасске, где С.П. Королев находился с октября 1938 г. до июня 1939 г.



Василий Васильевич Ульрих

О люди,
Люди с номерами!
Вы были люди, не рабы.
Вы были выше и упрямей
Своей трагической судьбы.
Я с вами шел в те злые годы.
И с вами был не страшен мне
Жестокий титул «враг народа»
И черный
Номер
На спине.

Анатолий Жигулин

Доставленный обратно в Бутырку, Королев был помещен в церковь Бутырской тюрьмы, которая, ввиду того, что бога упразднили, служила местом временного пребывания полутора сотен уже приговоренных зеков, ожидающих отправки, этапа. Он был так подавлен, лучше сказать – раздавлен, что ни с кем не говорил, на вопросы не отвечал. Один из самых деятельных людей XX века – он был не в состоянии понять случившегося с ним, а потому и действовать не мог. Во что бы то ни стало надо подавить в себе истерику, задушить вопль, рвущийся из него, успокоиться, трезво все обдумать и тогда уже искать какие-то решения.

Сколько прошло времени – часов или суток – он, вероятно, не знал, во всяком случае очень скоро сквозь приглушенный вокзальный гул огромной камеры он услышал громкое:

– Королев, с вещами…

По правилам Бутырки, если говорили: «Оденьтесь слегка» – это означало, что поведут на допрос тут же в тюрьме. «Оденьтесь» – повезут в «университет», так называлась Лубянка, или в «академию» – это Лефортово. А если: «С вещами» – это значит увозят далеко.

Новая, ранее неизвестная грань тюремной жизни открылась Королеву: он не знал, куда его везут. Даже тогда, ночью на Конюшковской, когда его арестовали, он знал, что повезут на

Лубянку, часто слышал: «забрали на Лубянку». А куда теперь?

Дня два просидел в пересылке на Красной Пресне, ждал пока оформят этап. Потом платформа. Теплушка. Состав тронулся без гудка. Поехали...

Московские казематы были переполнены, столицу требовалось разгрузить, и арестованных рассылали в пересыльные тюрьмы, где формировали этапы: в Коми, Мордовию, на Урал, в Сибирь, в казахские степи и далее – до крайних восточных пределов страны. Королев попал в Новочеркасскую пересылку. Прибыл он туда – в одну из самых больших тюрем на юге России – довольно скоро, если учесть скорость движения арестантских экспрессов – 10 октября, через две недели после суда. В Новочеркасской тюрьме провел почти восемь месяцев. Я не нашел ни одного человека, который бы помнил Королева по Новочеркасску, о жизни его там ничего не известно. Знак его пребывания в пересылке – заявления, которые он шлет оттуда в Москву. Сразу по прибытии он пишет Председателю, Верховного суда СССР и Прокурору СССР, который не ответил на его августовское письмо. В феврале 1939 года – в ЦК партии, в апреле – второе письмо Председателю Верховного суда.

В то же время в квартире на Конюшковской появляются какие-то подозрительные личности, приносят крохотные записочки: «Жив, здоров, не волнуйтесь...» Ксения Максимилиановна сует этим добровольным почтальонам деньги. Расспрашивать бесполезно: что могут рассказать уголовники?

– В Новочеркасске шамовка клевейшая, куда Самаре...

Но Ксения Максимилиановна не знала, как кормят в самарской тюрьме, сравнить не могла...

1 июня 1939 года Королева вновь погрузили в вагон. Этап следовал на восток, но прошел слух, что повезут через Москву. Удалось написать домой. Ксения Максимилиановна и Мария Николаевна пробовали узнать, что за поезд, куда, когда придет. Никто ничего не знал. А может быть, не велено было говорить. Всю ночь ходили они по путям Москвы-товарной, искали, не нашли.

Почти два месяца катился пульман к Тихому океану. В вагоне их было пятьдесят человек. Конвоир не нужен: вагон запирался снаружи. Пятеро блатных стали было куролесить, но однажды молодой комбриг, грузин, ухватив домушника Жору за ворот правой рукой, поднял его к самой крыше и, дико вращая огненными глазами, заорал:

– Встать!!

И блатные встали. Комбриг бросил им под ноги Жору и

крикнул:

– Вольно!

Со дня «вознесения святого Георгия», как окрестил это событие отец Михаил – священник из Ульяновска, блатные стали ниже травы, тише воды. На остановках конвоиры, прихватив в помощники пару блатных, разносили хлеб и ведра с похлебкой. Ели из мисок, но без ложек, как собаки. За трешку конвоиры приносили газеты. Когда Королев читал их, ему казалось, что это какие-то инопланетные издания, рассказывающие о жизни других миров. Опера Хренникова «В бурю». Декада киргизского искусства. Город Надеждинск переименовали в Серов, а Бердянск – в Осипенко. Все время кого-то награждали орденами: работников Наркомата вооружения, воинов дивизии особого назначения имени Дзержинского, сельских учителей, артиста Козловского. В передовой «Правда» цитировала Ворошилова: «У нас есть полная уверенность, что в ближайшее пятилетие мы выйдем на уровень мировой авиационной техники и создадим все условия для того, чтобы в этой области быть впереди других». Вот он и «создал все условия». «Проблема повышения потолка… самолетов, – продолжала „Правда“, – во всей авиации встает сейчас с особой остротой». Но коли она «встает», почему же он-то лежит запертый на нарах? Ведь именно этим – повышением потолка – он и занимался. Но особенно поразила его статья Председателя Верховного суда СССР Голякова, которая долго бродила по нарам, периодически вызывая взрывы отборного мата.

«Необходимо, чтобы органы расследования собрали по каждому делу улики, не вызывающие сомнений в своей достоверности, чтобы все противоречия были вскрыты и объяснены… – писал Голяков. – Известно, что вредители стремились к упрощению судебного процесса, прививали судьям пренебрежительное отношение к защитнику, игнорировали права подсудимого».

Матерь божья! Это он, «вредитель» Королев, оказывается, прививал Ульриху пренебрежение к защитнику! Все это было так мерзко и подло, что иронии, сарказма уже не хватало. Но раз это печатали, значит там, в мире за стенками пульмана, были люди, которые верили, что органы следствия дотошно собирают улики, «не вызывающие сомнений», а сами подсудимые им мешают. Неужели Ляля, мама, Гри – неужели и они этому верят? И сумеет ли он рассказать им когда-нибудь обо всех нагромождениях этой невиданной лжи?

Написать им обо всем, что волновало его сейчас, было невозможно: не на чем. Однажды ему удалось раздобыть несколько «лепестков» папиросной бумаги и нацарапать

карандашным огрызком весточки: жив, здоров. Бумажки эти, сложенные треугольником, заклеивали хлебным мякишем и выбрасывали в перевязанное колючей проволокой оконце. Если их не уносил ветер, щадил дождь и птицы не склевывали мякиш, был маленький шанс, что записку найдет путевой обходчик и перешлет семье арестованного. Редко, но письма такие доходили до адресата. «Человечность путевых обходчиков в эпоху сталинского террора» – вполне подходящая тема для исторической диссертации.

К концу второго месяца пути эшелон их прибыл наконец, на станцию назначения. Вторая Речка – так назывались ворота Колымы. Это была обширная территория, а точнее – несколько обширных территорий, обнесенных колючей проволокой в два ряда, между которыми бегали овчарки. По углам на вышках сидели пулеметчики, а внутри стояли огромные добротные бараки. Каждая зона вмещала 10-15 тысяч зеков, а вся Вторая Речка по числу жителей не уступала областному городу. Отсюда начинался путь к золоту, здесь швартовались штатные теплоходы Дальстроя, постоянно снабжающие магаданские прииски новыми живыми мускулами. Тысячекратно описанные перевозки работорговцев не идут по масштабам своим ни в какое сравнение с Дальстроем. И в десять лет не привозили на берега Миссисипи столько невольников, сколько на берега Колымы за одну навигацию.

После могучих стен Новочеркасских казематов и густого, неистребимого никаким сквозняком горячего смрада вагона Вторая Речка представлялась просто пионерлагерем: солнце, ветерок, настоянный на далеких медовых травах, теплынь – Королев повеселел.

Жизнь здесь была очень динамична: кого-то привозили, кого-то увозили, каждый день новые слухи с воли. Бессознательно приукрашенные самими заключенными, они были, как правило, оптимистичными: начали пересматривать дела, кого-то уже выпустили, Ежов снят... Когда людей лишают надежды, они рождают ее сами, потому что надежда должна быть с человеком до самого его последнего мига.

Передавали мнение людей знающих, что якобы торопиться уезжать со Второй Речки не надо, чем больше здесь прокантуешься, тем больше сил сбережешь, но как, каким способом можно тут зацепиться, толком никто не знал: все они были колымскими новоселами. Известно, что в пересылке сидели месяц, а то и два, но Королев, хотя и понимал, что от добра добра не ищут, все-таки хотел отсюда поскорее выбраться. Он не любил состояния временности, надо точно знать, что тебя ждет и, зная

это, рассчитывать силы. Он был тогда, с точки зрения опытного колымского зека, непростительно наивен.

Ждать ему пришлось недолго: дней через десять он попал в этап. Пристань. Солдат и собак, кажется, больше, чем заключенных. Трап и сразу трюм, гулкий, как собор, трюм теплохода «Дальстрой».

Пять тысяч заключенных расписаны были по разным отсекам. У каждого трюмного колодца – толпа охранников. Небольшими группами, если не было шторма, выводили подышать на палубу. У команды и конвоя было две заботы: исключить возможность захвата парохода заключенными и обеспечить их численную сохранность. Живой-мертвый – это не важно, лишь бы за борт не упал, не смыло его волной.

Все познается в сравнении. Теплушки теперь казались раем: в трюме стояла невероятная липкая духота, весь пол в блевотине – в Охотском море сильно штормило, противная дрожь железа и этот глухой стук машины, – очень скоро уже не можешь отличить, где стучит – у тебя в голове или где-то снаружи. От холода воды за бортом и зловонного трюмного тепла железо все время запотевало, сочилось водой. Под ногами стояли ужасные лужи в белых пузырях – они бродили, как сусло. Сверху непрестанно капало. В трюме Королев пережил предельное ощущение физической нечистоты – ни до, ни после такого не было. Так они плыли семь дней.

Королев сидел в носовом отсеке. По шипению воды за бортом можно было определить, когда меняется ход. Потом, словно сорвавшийся с вершины камнепад, загрохотала цепь в якорном клюзе. И стало тихо. Открыли люк.

– Выходи пятерками!

Королев стоял в своей пятерке и смотрел на берег, где за завесой мелкого холодного дождя на фоне пологих скучных гор белели домики. А ведь где-то были другие горы, Карадаг, Узун-Сырт, водопад Учан-Су… Перед ним лежал Магадан – столица колымского края.

Освоение Колымы началось с 1932 года, когда организовался Дальстрой. Тогда начали тянуть Колымский тракт, пробиваться от Магадана к перевалу и дальше – на север – к Берелёху, Таскану, Сеймчану. Шли за золотом, за оловом, за углем, двадцатиметровые пласты которого лежали прямо на поверхности. Дело двигалось ускоренно. В 1934 году здесь уже собирали урожай картофеля и капусты, а в оленеводческом совхозе Дальстроя паслось одиннадцать тысяч голов. Еще через год начальник Дальстроя Берзин, уже расстрелянный к моменту приезда сюда Королева, писал: «Каковы перспективы Колымы?

Здесь пройдут железные дороги, здесь будут сооружены десятки шахт и рудников, здесь будет металлургический завод... Нет силы, которая может остановить рост этого края».

Увы, силы такой действительно не было: в 1937-1939 годах население здесь удваивается, утраивается, удесятеряется. Создается – будем оптимистами! – последняя в истории человечества рабовладельческая империя – империя ГУЛАГа.

По маленьким, но характерным деталям: громкому открытому мату, тычкам прикладами в спины замешкавшихся, отсутствию овчарок на причале Сергей Павлович сразу понял, что бухта Нагаева – это уже другой мир, мир далекий, как Плутон, и законы здесь другие, и жизнь будет совсем другая...

Неожиданно хорошо, досыта накормили. Повели в баню – «вошебойку».

– Учти, шмотки отберут, – шепнул ему по дороге сосед в шеренге. Жалко было кожаного пальто, прочная, ноская вещь.

– Никогда у меня больше не будет вот такого замечательного кожаного пальто, – засмеялся Королев.

Пророчество сбылось: никогда больше не было у Королева кожаного пальто.

Каждому выдали кусочек хозяйственного мыла с палец величиной, предупредили: отводится 15 минут. Некоторые ухитрились провернуть даже маленькую постирушку.

После бани каждого ждала горка одежды: майка, трусы, портянки, ватные штаны, гимнастерка, бушлат, шапка ушанка и валенки: путь их лежал на север.

Огромная магаданская пересылка располагалась в центре нарождающегося города рядом с тюрьмой, которую все называли Домом Васькова, но кто такой Васьков, чем знаменит, никто не знал. Сюда шли заявки с приисков, здесь формировались этапы. Отсюда начинался великий Колымский тракт – дорога на Голгофу, только не для трех человек, а для сотен тысяч, и шли по ней тоже и разбойники, и пророки, но здесь пророков было больше, чем разбойников...

И тут Королев тоже не задержался: через несколько дней попал в этап. Их усадили в трехтонку ЗИС-5 с крепкой фанерной будкой в кузове, так что стоять было нельзя – только сидеть на скамейке. Конвоир расположился в кабине. Странно, но сам факт того, что никто их теперь всерьез не охранял, действовал угнетающе: значит, действительно бежать некуда. Спрыгнуть с грузовика и убежать в тайгу было равносильно прыжку с теплохода в Охотское море: или ты утонешь в тайге, или доберешься до берега, до людей, которые навесят тебе за этот прыжок новый срок. Никто не прыгал.

Первые километров девяносто дорога была хоть и выбитой, но все-таки относительно спокойной. За поселком Палатка началось Колымское нагорье, серпантины, красота неописуемая. Дождь, постоянно гуляющий по берегу моря, кончился. Было сухо, прохладно, солнечно, сурово.

На остановках для «оправки» все кидались собирать кедровые шишечки, во множестве разбросанные у обочины, косясь при этом на конвоира, вылезавшего из кабины размяться: конвоир-весельчак мог запросто пристрелить за один лишний шаг к шишке, пристрелить абсолютно безнаказанно, поскольку шаг этот всегда можно было назвать первым шагом побега.

Потом пошла грунтовка и трясло так, что было уже не до красот природы. Они ехали четыре дня, впроголодь, без глотка горячего, и путь был так огромен, что казалось – еще один поворот, и откроются просторы Ледовитого океана. И опять, как тогда, в пульмане, никто не знал, куда они едут. Шофер не отвечал на вопросы, конвоир тем более. Шли по тракту: Мякит – Оротукан – Дебин – Ягодное – Бурхала – Сусуман – Берелёх. В Берелёхе – это был примерно 550-й километр от Магадана, они свернули с тракта направо. На пятый день Королев прибыл на прииск Мальдяк.

Прииск Мальдяк организован был недавно – в 1937 году, но, благодаря усердию Николая Ивановича Ежова в далекой Москве, стремительно развивался и повышал свою производительность, хотя числился небольшим, точнее сказать – типовым лагпунктом. Бывали лагеря до десяти тысяч человек, а Мальдяк – стандартный, примерно 500-600 зеков работало там в то время.

Поселок состоял из нескольких маленьких деревянных домиков, в которых жили люди вольные, и обширной зоны, огороженной колючей проволокой со сторожевыми вышками по углам и десятью большими – в армии их называли «санитарными» – палатками внутри. Мальдяк был окружен плавными, волнами бегущими сопками, поросшими низкорослыми, скрюченными ветрами лиственницами и расцвеченными сейчас роскошными цветами Иван-чая. В распадках между сопками бежали к Берелёху чистые ручьи. Тут действительно была просто прорва золота. На одной примитивнейшей бутаре за смену, случалось, добывали до сорока килограммов песка. Там, где выработка была меньше пятисот граммов, уже не копали. Золото лежало буквально под ногами: требовалось только снять шорфа – верхний слой почвы – и мой! В других местах надо было зарываться, но не глубоко, редкий шурф был глубже сорока метров.

Сергею Павловичу пришлось работать и наверху, и под землей. Впрочем, наверху недолго: зима начинается в сентябре, а

зимой мыть золото нельзя, и породу таскают из-под земли в терриконы, копят до весны.

Королев приехал на Колыму в разгар ее короткого лета. Первым, самым страшным испытанием были для него комары. Уроженец благословенной Украины, он никогда не бывал в тайге, о таежных комарах слышал, но ничего подобного представить себе не мог. Говорят: «тучи комаров». Тучи имеют границы. А это были не тучи, а нескончаемая, слепая комариная метель. Комары кружили у губ, еще чуть-чуть – начнешь дышать комарами, и они задушат тебя. Когда руки при тачке и защищаться нечем, спасения нет никакого. А комаров столько, что едва трап разглядишь, по которому тачка катится. Перед первыми заморозками появлялась на несколько дней мошка. Это был уже сущий ад, люди ходили с окровавленными лицами, выли, как звери.

Первый день работы под землей показался Королеву раем: там комаров не было. Да и какой комар может выдержать чад от горевшей в нефти пакли. Но очень скоро он понял, что выполнить норму невозможно, а если и выполнишь, блатные пайку не дадут. Вечную мерзлоту кайло, даже американское, не брало, бурили шахтерскими отбойными молотками, закладывали аммонал и взрывали. Руду вывозили где можно на тачках, где нельзя – в коробах, на лямках, как бурлаки.

Распорядок жизни в лагере казался вечным, как мерзлота. В четыре часа утра – подъем. Завтрак – кусочек селедки, двести граммов хлеба и чай. За зону выводили побригадно: тридцать зеков и один конвоир. Вообще охрана была чисто символическая. Поэтому можно было выйти за зону и без конвоира. «Иду за дровами» – и тебя пропускали.

Добывали золото примерно в километре от лагеря. Работа начиналась часов с семи и шла до двух часов дня, когда привозили обед: миска баланды с перловкой или гаоляном. Ложка каши и триста граммов хлеба.

В ту пору на берегах Колымы можно было встретить самых разнообразных «врагов народа», «троцкистско-зиновьевских прихвостней» и «подлых наймитов вражеских разведок». Школу колымского золота прошли одновременно с Сергеем Павловичем Королевым заместитель командира 6-го кавкорпуса Горбатов, друг Бела Куна работник Коминтерна Стерн, экономист, редактор «Правды» Грязнов, преподаватель политэкономии Бакинского университета Мазуренко, работник Ленсовета Дубинин, комиссар Ярославской химдивизии Чистяков, начальник Главного управления учебных заведений наркомзема Левин, болгарский коммунист Дечев, будущие писатели – Варлам Шаламов и

Вячеслав Пальман – воистину там были и академики, и герои, и мореплаватели, и плотники.

Люди держались по-разному. В общем всё, как и на воле: общительные скорее завязывали знакомства, образовывали приятельские группки, хоть в пустяках старались помочь друг другу. Но были и такие, которые сохранили веру в то, что «зря у нас не сажают», а то, что случилось с ними, – ошибка, «увы, ошибки неизбежны». Секретарь Харьковского обкома партии Бобровников считал, например, что во всем лагере он один сидит безвинно. Ни с кем не разговаривал, читал Маркса.

Этим несчастным, обманутым, совершенно зачуханным людям, которые во время следствия потеряли привычные нравственные и моральные ориентиры, и теперь наново обретали, если не доверие, то хотя бы способность к нормальному человеческому общению, противостоял сплоченный коллектив уголовников – со своими ясными законами и выверенными традициями, нетронутым, не подвергшимся никакой ревизии кодексом «морали», напротив, в свете всего происходящего в стране, в этих людях лишь окрепло сознание своей правоты.

Из пятисот-шестисот зеков лагеря Мальдяк блатные составляли едва ли десятую часть, но это были лагерные «патриции»: подносчики баланды, хлеборезы, повара, старшие по палаткам, дневальные, нормировщики, учетчики, съемщики золота (каждый в сопровождении двух солдат), бригадиры, наконец. Они задавали тон лагерной жизни, судили, били, отбирали еду и одежду. В палатке, где жил Королев, всем командовал «дядя Петя» – известный в своих кругах грабитель поездов. Бригадиром могли назначить и «анекдотчика» (статья 58 УК РСФСР, пункт 10*)[67].

Но лучшим бригадиром среди зеков считался не «урка» и не «анекдотчик», а старый, тертый зек с многолетним стажем, уже изучивший до тонкостей лагерную жизнь и все правила местных взаимоотношений. Такой человек значил для зека несравненно больше, чем, скажем, недоступный начальник лагеря. От него во многом зависело, будет ли бригада передовой или сядет на «гарантийный» паек – 200 граммов хлеба. А передовой она будет, если бригадир «ладит» с нормировщиком, десятником, учетчиком, со всеми, кто дает наряд на объект, определяет норму и расценку, составляет процентовку, акты приемки. А «ладить» можно только имея «фонд»: продукты из посылок. Это была целая наука и вовсе не простая.

Колыма раздиралась главным противоречием: с одной стороны, предназначалась она для уничтожения людей, с другой – для добычи золота. Но умирающий не мог добыть много золота,

а здоровяк, добывающий много золота, не хотел умирать. Решение было выбрано половинчатое, но позволяющее выполнить худо-бедно обе задачи: высокие нормы. Единственный стимул для их выполнения – хлеб. Даже крепкий зек чаще всего норму выполнить не мог. Ему срезали пайку, он обессиливал и тем более не мог выполнить норму. Начинался лавинообразный процесс гибели зека, но его стремление жить поддерживало при этом сравнительно высокую производительность труда.

Противоречие это отражалось и в действиях лагерной администрации. Садист Гаранин – начальник Севвослага[68] – мог, приехав в лагерь, за невыполнение плана в назидание расстрелять несколько десятков человек.

Но и он понимал, что чем меньше людей в лагере, тем меньше песка. Начальники лагерей и бригадиры на своем уровне должны были решать те же проблемы. Сгноить зека дело не хитрое, но ведь неизвестно, когда пришлют новых, сколько их будет и что это будут за люди. Скажем, узбеки или таджики вообще не могли работать на вечной мерзлоте, однако числились по документам, план спускался и на них и за план этот спрашивали и с простого бригадира, и с начальника Дальстроя комиссара госбезопасности III ранга Павлова. И у бригадира, и у комиссара выход был один – туфта.

Туфта – довольно емкое лагерное слово, обозначающее всевозможный обман официального руководства. Золотодобыча по самой своей природе создавала условия для пышного произрастания туфты: количество золота в породе колебалось в очень широких пределах, рядом стоящие бутары могли отличаться по своей производительности в 50 раз и более. Площадь снятых шорфов также могла «натягиваться» в немалых границах, равно как и объем добытой породы. Короче, все держалось на туфте – обмане, обсчете, приписках. Там, за колючей проволокой сталинских лагерей, – корни всех больших и малых фальсификаций, чуть не погубивших наше народное хозяйство многие годы спустя.

Королев видел и понимал все это. Там научился он распознавать туфту – этот талант очень ему пригодится. Там обострился, отточился его природный дар видеть суть человека, потому что там, на Колыме, от дара этого зависела часто жизнь.

Сергей Павлович мало и неохотно рассказывал о годах своего заключения домашним и самым близким сослуживцам. Кроме скупых и отрывочных этих рассказов, существует немало полулегенд того времени. Согласно одной из них, он ударил бригадира за то, что тот избил старика зека, от немощи опрокинувшего тачку, но был прощен.

– Не троньте этого человека, – сказал якобы бригадир, – это наш человек, если он не побоялся меня!

С той поры этот бригадир оказывает Сергею Павловичу покровительство, а на прощание даже дарит ему свой бушлат, который помогает Королеву выжить.

В другой полулегенде вместо безымянного бригадира появляется вполне конкретный человек – Усачев, завоевавший непререкаемый авторитет в лагере благодаря своей огромной физической силе. Он тоже покровительствует Королеву и даже избивает «урку», который притесняет Сергея Павловича.

В этой «полулегенде» есть реальное основание. Михаил Александрович Усачев, человек действительно богатырского телосложения, был директором авиазавода при КБ конструктора Поликарпова. Арестован он был после гибели в декабре 1938 года любимца Сталина Валерия Чкалова. Королева он знал, когда тот еще работал на авиазаводе. Еще большее доверие начинаешь испытывать к этой истории, когда узнаешь, что в 1961 году Королев приглашает Усачева, работавшего в авиапроме, в свое КБ и назначает его заместителем главного инженера опытного завода. По свидетельству очевидцев, Усачев неизменно пользовался расположением Главного конструктора, который прощал ему то, что никогда не простил бы другим.

Наконец, существует как бы «полулегенда-наоборот»: не Королева защищают от «урок», а «урка кнацает»[69] Королева.

Верится в это с трудом, поскольку, согласно лагерной «этике», подобные взаимоотношения исключались. Королев знал это, но сам рассказывал, что на прииске был некий уголовник Василий, который подкармливал и опекал его. Спустя несколько лет, Сергей Павлович скажет Нине Ивановне:

– Если у меня когда-нибудь будет сын, я назову его Васильком…

Коли так, то этот неизвестный нам человек с преступным прошлым, историю которого мы вряд ли когда-нибудь узнаем, в 1938 году спас Сергею Павловичу Королеву жизнь. Впрочем, он сделал даже большее в нравственном смысле: он спасал его жизнь, ясно сознавая, что спасти его не удастся: именно такие, как Королев, – молодые крепыши сгорали от голода, пеллагры и цинги быстрее хилых стариков.

Зима накатывалась стремительно, день ото дня становилось все холоднее, все больше маленьких (по большим конвоиры стреляли) костерков светились на полигоне, и все быстрее жизнь вымораживалась из тела. От холода было одно спасение – работа, движение, человек работал не потому, что проявлял сознательность, и даже не потому, что мечтал о добавке к пайке.

Человек работал, чтобы не замерзнуть, чтобы не присесть на камень в сладком бессилии и не заснуть навсегда. Но снова оказывался он внутри замкнутого круга: человек не мог работать, потому что у него не было сил. А сил не было потому, что не было хлеба. А хлеба – потому, что он не мог работать.

Все теснее душило это дьявольское кольцо Королева. Все пристальнее смотрели на него черные глазницы главного, самого страшного и непобедимого губителя – голода. От комаров зеки могли спастись дымом, от стужи костром, от голода они не могли спастись ничем.

Зеки думали о еде все время, понимали, что делать этого нельзя, но отогнать эти мысли были бессильны. Где, как, когда удобнее, у кого, с помощью кого или чего раздобыть корку хлеба? Все, весь мир, вся вселенная вращались вокруг корки хлеба. А потом наступило самое страшное: и эти мысли пропали. На какой-то предсмертной стадии голод превращал людей в животных. Полная апатия ко всему окружающему овладевала ими, тупое равнодушие и к бедам, и к радостям. Не реагировали и на смерть, и самый труп человека не воспринимали, как воспринимают его обычно. Не реагировали и на жизнь. Скажут – надо идти, идет. Не скажут – не пойдет. Станут в прорубь совать – не сопротивляется. Отнимут желанную пайку – вчера бы глотку за это перегрыз, а теперь даже на это наплевать: перед смертью от истощения есть уже не хочется. Наступает не только физическая, но и умственная неподвижность, и жизнь замирает, тихо гаснет, как выгоревшая до донышка свеча.

Зимой Королев погиб бы, зиму он бы не пережил – он сам говорил об этом. Зима была страшная: из пятисот заключенных лагеря Мальдяк до весны дожили не больше ста человек.

Слесарь-механик Михаил Георгиевич Воробьев, с которым Королев работал еще в ГИРД, а потом строил планер СК-9, рассказывал мне, как он встретил Сергея Павловича на площади Белорусского вокзала в Москве. Королев выглядел изможденным, но был оживлен и все время улыбался, что удивило Воробьева, поскольку привычки такой он за ним не знал.

– Вы откуда такой худой? – спросил Миша.

– С Колымы, – весело ответил Королев. – Тачки с песком возил. Писал в разные инстанции, но не потому, что не хотел возить тачки, а потому, что считал: меня можно лучше использовать на другой работе...

Михаил Георгиевич рассказывал всю правду, но вообще-то это полуправда. В Москву Королев приехал не с Колымы, а из Казани. А вот насчет того, что писал в разные инстанции, это точно. 15 октября 1939 года Сергей Павлович направил большое

письмо Верховному прокурору СССР. Отметая все предъявленные ему обвинения, Сергей Павлович заканчивает его так:

«Вот уже 15 месяцев, как я оторван от моей любимой работы, которая заполняла всю мою жизнь и была ее содержанием и целью. Я мечтал создать для СССР впервые в технике сверхскоростные высотные ракетные самолеты, являющиеся сейчас мощным оружием и средством обороны.

Прошу Вас пересмотреть мое дело и снять с меня тяжелые обвинения, в которых я совершенно не виноват.

Прошу Вас дать мне возможность снова продолжать мои работы над ракетными самолетами для укрепления обороноспособности СССР».

Во всех заявлениях в разные инстанции он никогда не ставил свободу на первое место. На первом – всегда мысль о работе. Думаю, для Королева работа была важнее свободы.

Посылая это заявление, Королев не знал, что приговор его уже отменен.

Как рассказывала Мария Николаевна, из Магадана Сергей прислал ей письмо, в котором... восхищался отважными летчицами, установившими женский рекорд дальности полета на самолете. Самолет этот получил нейтральное название «Родина», а прежнее – АНТ-37-бис – называть было опасно (см. ст. 58, п. 10 УК РСФСР), поскольку сам АНТ – Андрей Николаевич Туполев – к тому времени уже сидел. В письме Королев отдельно поминал Гризодубову и посылал привет «дяде Мише». Мария Николаевна поняла, что сын подсказывает ей, откуда можно ждать помощи и быстро разыскала адреса Гризодубовой и «дяди Миши» – Михаила Михайловича Громова.

Громова Королев очень ценил, восхищался им, собирал в свою киевскую папку все вырезки о его полетах и гордился своим знакомством со знаменитым летчиком. Встретились они в ЦАГИ, еще когда Королев работал в авиапроме.

Мария Николаевна пошла домой к Громову без звонка. Он жил на Большой Грузинской. Стоял ясный весенний день, вдруг как-то сразу полилось с крыш, побежали ручьи. В мокрых фетровых ботах и закапанной беличьей шубке Мария Николаевна выглядела жалковато.

Громов был высок, строен и очень красив, но без той слащавости, которой часто отмечены признанные красавцы. Ему было сорок лет – мужик в самом соку, он и выглядел на сорок, сидел очень прямо (верховая езда до глубокой старости сохранила его стать), слушал внимательно. Потом сказал:

– Все ясно. Я постараюсь помочь, но в какой форме, не знаю. Надо посоветоваться с моим секретарем... Видите ли, я ведь

беспартийный...

– Сережа тоже беспартийный, – сказала Мария Николаевна.

– Позвоните мне через два-три дня...

Секретарь Громова отнекивался, тянул, давал понять, что звонки ее нежелательны, но недооценил упорства Марии Николаевны (это качество Главный конструктор бесспорно унаследовал от матери) и, в конце концов передал ей записку Громова к Председателю Верховного суда СССР с просьбой принять ее.

Летом 1971 года я посетил Михаила Михайловича (он жил в высотном здании на площади Восстания) с единственной целью: узнать подробности его заступничества за Королева, известного мне лишь по рассказам Марии Николаевны.

– Весна 39-го? – переспросил Громов. – Я ездил в Берлин за медалью ... Откровенно скажу, я не помню, что мать Королева приходила ко мне, но я действительно хлопотал, чтобы ее принял Председатель Верховного суда и характеризовал Сергея Павловича как порядочного человека...

В мемуарах, опубликованных в 1977 году (см. журнал «Новый мир». 1977. № 1-3.), Громов этот эпизод вспомнил. О Марии Николаевне он пишет: «Когда-то, а точнее после моего полета через Северный полюс, она пришла ко мне на Большую Грузинскую с просьбой помочь ей встретиться с влиятельными людьми, которые могли бы устранить трагическую несправедливость, угрожающую ее сыну. Я это сделал».

Мария Николаевна решила обратиться и к Гризодубовой. Валентина Степановна – молодая, красивая, знаменитая[70] – была в зените своей славы.

Только что получила она новую квартиру неподалеку от Петровского замка, еще не везде докрашенную, с газетами на полу (необходимо было предварительно очень внимательно просматривать газеты, чтобы не расстелить на полу портрет вождя. Грязный калошный след на газете мог стоить человеку жизни). Пока Мария Николаевна нашла ее квартиру, уже стемнело. Дверь открыла мать Вали Надежда Андреевна. Выслушав Марию Николаевну, всплеснула руками:

– Сережа Королев! Ну как же, такой славный мальчик, я помню его в Коктебеле...

Закричала в дальние комнаты:

– Валюша! Иди сюда. Это мама Сережи Королева. Помнишь Сережу? Вышла Валя, с распущенными волосами, в пеньюаре:

– Сережа... Ну, конечно, помню...

Отец всегда брал ее с собой в Коктебель. Она была совсем девчонка, планеристы любили ее и баловали. Феодосия,

гостиница «Астория», летчики стояли под балконом, задрав головы и открыв рты, она бросала им в рот виноградины... Существуют какие-то пустяки, которые непонятно почему застревают в памяти навсегда. Черноглазый крепыш Сережа Королев. Очень хорошо плавал...

– Вы успокойтесь, что можем, мы все сделаем, – ласково сказала Надежда Андреевна. – Валя, надо написать записку в Верховный суд... Подумать только, и Сережу...

Она вела всю переписку дочери. Героине писали сотни людей, жалоб, просьб защитить, заступиться было очень много. В аппарате Верховного Совета мать Гризодубовой уже знали, говорили: «Ну, вот еще одно послание от бабушки Гризодубовой...»

Валентина Степановна отличалась характером взрывным, отчаянным и, если уж что-то решала, шла напролом – недаром она занималась в юности боксом. Могла себе позволить выходки дерзкие, куда более опасные, чем перелет на Дальний Восток. Лаврентию Павловичу Берия, например, сказала однажды:

– Если вы будете ко мне приставать, я о вас все расскажу Иосифу Виссарионовичу!

Она якобы ходила в Кремль заступаться за Сережу Королева, с большим трудом добралась до Поскребышева и взяла с него обещание, что он непременно передаст ее заявление Сталину. Трудно сказать, показывал Поскребышев эту бумагу Сталину или сам дал команду разобраться.

Рассказывая об этих страшных годах всеобщей подозрительности, доносительства, предательства идеалов и друзей, особенно приятно находить в этой грязи зерна истинного благородства. Это относится не только к Героям – Герою легче быть благородным. Молоденький Гриша Авербух, который работал с Королевым в РНИИ, сразу после ареста Сергея Павловича пришел к Ксении Максимилиановне – вот это герой! То, что в дом «врага народа» приходили Юрий Александрович Победоносцев и Евгений Сергеевич Щетинков, говорит о них больше, чем все характеристики, лауреатские дипломы и орденские книжки вместе взятые. Сейчас, по счастью, это трудно понять, но в то время поведение Авербуха, Победоносцева и Щетинкова следовало считать не просто благородным, но мужественным.

Если взглянуть на всю историю возвращения Королева с Колымы трезво, да подумать, то быстро сообразишь, что для этого недостаточно было чьих-либо хлопот. Тем более что записки Героев написаны уже после возвращения Сергея Павловича с Колымы. Главную причину изменения судьбы нашего героя

правильнее искать в событиях более масштабных, в извивах политики общегосударственной.

Осудив на январском Пленуме 1938 года крутой раскат репрессий, Сталин одной рукой как бы пригрозил слишком усердному Ежову, а другой продолжал его подталкивать: аресты, ссылки и расстрелы продолжались. Но к концу 1938 года Сталин, удовлетворившись (пока!) результатами деятельности НКВД, очевидно, понял, что пора проводить вторую пересменку палачей. Все оборачивалось красиво и достойно: в январе Ежову велели поуняться, он не послушался, пусть пеняет на себя... В преддверии XVIII съезда парии Сталин не включает своего недавнего любимца в состав ЦК. 17 ноября 1938 года публикуется Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о грубейших нарушениях социалистической законности – очередной шедевр сталинского лицемерия. Следом специальное Постановление принимает Пленум Верховного суда, в котором указывается, что «в судебной практике имели место случаи неправильного применения ст.ст. 58-7, 58-9, 58-14 УК РСФСР». В начале декабря Сталин освобождает Ежова от обязанностей наркома НКВД, давая ему еще некоторое время до ареста посидеть в кресле наркома водного транспорта.

С именем нового наркома НКВД Лаврентия Павловича Берия Королев связывал самые светлые надежды и чаяния. И не без основания! Ведь, действительно, Иванова выпустили, Петрова восстановили в партии, а Сидорова посадили в прежнее высокое кресло. Маленькие факты, налагаясь на человеческое стремление к справедливости, порождали большие слухи. Всячески поощряемые, они способствовали созданию светлого образа чекиста-либерала, верного друга и соратника великого и мудрого вождя, который просто не знал обо всех творящихся в стране ужасах, но теперь-то узнал и вот вместе с новым, пусть строгим, но справедливым наркомом начал ошибки исправлять.

Берия, который был умнее Ягоды и Ежова вместе взятых в десять раз, изучив опыт предшественников, понимал, что даже пустячная ошибка, даже небольшой перекос, малейшее несоответствие, нет, не командам, а невысказанным желаниям Сталина, будут стоить ему головы. Ясно, что в кровопускании требовался передых. С другой стороны, если брать интересующую нас грань проблемы, Берия не мог не видеть все большего внимания вождя к военной технике. Внимание было, а военных специалистов не было – кто расстрелян, кто сидит. Выпускать сидевших, пожалуй, преждевременно. Во всяком случае, нигде, ни в одном выступлении Сталина не уловил Лаврентий Павлович и намека на необходимость реабилитации. Ежов был осужден за

перегибы, но жертвам этих перегибов доброе имя возвращено не было. Значит, открывать клетку рано. А вот приспособить этих умных недострелянных зеков к работе, держа их при этом за решеткой, было бы правильно. Как тут не вспомнить столь блестяще оправдавшую себя практику прежних лет, хотя бы КБ «Внутренняя тюрьма» в Бутырках. Есть в экономическом управлении люди, которые ценный этот опыт не растеряли и способны его приумножить. Если зеки сделают что-то стоящее, кто пожнет их лавры. НКВД! Кто стоит «на страже завоеваний», недоумок Ворошилов со своей конницей и тачанками-ростовчанками, или он, Берия, с новыми танками и торпедными катерами? И вождь увидит это. И оценит. Но даже если ничего из этого не выйдет, кто мешает отправить всех этих спецов обратно в рудники? Никто!

Это время с полным основанием можно назвать эпохой новой экономической политики НКВД. Очень быстро начинает выстраиваться обширная сеть шараг: всевозможных институтов, лабораторий и конструкторских бюро, в которых работали репрессированные специалисты.

Но Мария Николаевна Баланина не знала об этом, когда переступала порог большого кабинета Председателя Верховного суда СССР. Из-за огромного стола поднялся, быстро, внимательно, разглядывая ее, тоже очень большой, импозантный седеющий мужчина Иван Терентьевич Голяков, тот самый, от статьи которого так клокотал в теплушке зек Королев. По воспоминаниям Марии Николаевны, внимательно выслушав ее взволнованную речь, первый судья страны в ее присутствии крупно начертал прямо на обложке «Дела» толстым красным карандашом: «Пересмотреть!»

Насколько счастливее все мы стали бы, если бы судьи так слушались наших матерей…

Но по документам выходит другое. Дело Королева на Пленум Верховного суда СССР с просьбой отменить приговор направляет… Василий Васильевич Ульрих! Да, тот самый, страшный армвоенюрист просит отменить свой собственный приговор!

Угрызения совести исключаются категорически. Вышинский? Формально ему подчинялся Ульрих. Вряд ли. Вышинский после опалы Ежова чувствовал себя некоторое время не совсем уверенно и не затеял бы пересмотр по своей инициативе. Да и зачем это было ему нужно: признаваться в собственных ошибках. Единственно, кто заинтересован в том, чтобы вернуть Королева с Колымы, – Берия. Очевидно, команда Ульриху исходила от него. Очевидно и то, что касалась эта команда не одного Королева, это

был не единственный «пересмотр». В общем, так или иначе 13 июня 1939 года Пленум Верховного суда отменяет приговор Военной коллегии от 27 сентября 1938 года.

Королев медленно пересекает в этот момент Россию с запада на восток в своем пульмане – он только едет на каторгу! Но он уже не заключенный! Приговор отменен! Он не узнает об этом ни в пересылке на Второй Речке, ни в трюме парохода «Дальстрой», ни в бухте Нагаево, ни в лагере Мальдяк. На берегах золотоносной речки Берелёх умирал замечательный человек, не только ни в чем не виноватый, но и формально не осужденный по закону!

Когда его вызвали к начальнику лагеря, и он шагал среди сугробов на свет маленьких окошек, он перебрал в уме, казалось бы, все возможные причины вызова, ждал всего, но такого не ждал:

– Королев? Поедете в Москву…

Уже в зоне страшно, до стона в груди, заплакал. Стоял трескучий мороз, и слезы жгли лицо, как кипяток.

Прииск Мальдяк

Снимок сделан в 1970 г.

Крестиками отмечены бараки, сохранившиеся с 1939 г., когда здесь работал арестованный С.П. Королев

32

У всякого человека есть своя история, а в истории свои критические моменты: и о человеке можно безошибочно судить только смотря по тому, как он действовал и каким является в эти моменты... И чем выше человек, тем история его грандиознее, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее.

Виссарион Белинский

Мы снова вступаем в зыбкий мир полулегенд, впрочем, ограниченный вполне конкретными временными рамками. В июне 1970 года, отвечая на мой запрос, учреждение АВ-261, надо понимать, имеющее отношение к магаданским местам заключения, сообщило, что из этих мест Королев Сергей Павлович, 1906 года рождения, уроженец города Житомира, убыл в распоряжение УВД Приморского крайисполкома во Владивосток 23 декабря 1939 года. Эту дату подтвердила и заведующая архивом отдела исправительно-трудовых учреждений Управления внутренних дел Магаданского исполкома Исаева: «С личным делом убыл в гор. Владивосток из гор. Магадана 23 декабря 1939 года». «Из своего жизненного опыта, – добавляет она, – я знаю, что когда я с семьей прибыла в Магадан 7 декабря 1952 года, Охотское море было не замерзшим и только недалеко от бухты Нагаева нас встретил ледокол».

Однажды на космодроме Королев заболел гриппом и лежал в своем домике. Его пришли навестить человек пять его сотрудников. Среди них – баллистик, бывший аспирант Королева в МВТУ имени Баумана, работавший в его ОКБ Михаил Сергеевич Флорианский. Он рассказывает: «Королев встретил нас необыкновенно радушно:

– Деточка (так он иногда называл Нину Ивановну) прислала мне конфет, сейчас я вас чаем угощу, – встал с дивана, начал сервировать стол.

В тот вечер сидели мы у Королева допоздна и совершенно неожиданно для всех он начал рассказывать о годах своей тюремной жизни. В частности, запомнил я такой эпизод.

– Я едва шел в Магадан, сил уже не было, – вспоминал Сергей

Павлович. – Но не знаю, как теперь, а в те годы там была традиция: у колодцев оставляли буханку черного хлеба. Я подошел, увидел и зажмурил глаза. Понял: если открою и буханки нет, значит, и меня, считай, нет, я погиб. Открыл глаза – буханка лежит. Эта буханка спасла мне жизнь...»

Не думаю, что Сергей Павлович «фантазировал». Очевидно, была эта спасительная буханка. Но как понять: «Я едва шел в Магадан»? В декабре из Мальдяка в Магадан? Но ведь это около 600 километров, а в том состоянии предельного истощения Сергей Павлович и шестидесяти не прошел бы, очень быстро бы замерз, ведь от Мальдяка до Магадана дальше, чем до Оймякона – полюса холода Северного полушария. Добирался Королев в Магадан, конечно, только на машине и не один день, и с конвоиром непременно, и не в одиночку, а, безусловно, с этапом – одного его никто бы не повез. Может быть, именно задержка с формированием этапа и привела к тому, что он опоздал на последний пароход.

Это опять-таки утверждение самого Сергея Павловича. Королев не раз рассказывал, что после освобождения из лагеря он опоздал на последний пароход, идущий из Магадана во Владивосток и добавлял, что это знак судьбы, потому что пароход этот затонул.

В ту пору на линии бухта Нагаева-Вторая Речка работали пароходы «Кулу», «Джурма», «Индигирка», «Дальстрой», «Николай Ежов», которые занимались транспортировкой заключенных. Королев имел в виду «Индигирку». Но по документам он прибыл в Магадан не позднее 29 ноября, а «Индигирка» ушла в свой последний рейс 13 декабря. Тогда что мешало Сергею Павловичу попасть на обреченный пароход? Так или иначе, загрузив в трюмы 1064 зека, которых отправляли из бухты Нагаево на пересуд, «Индигирка» в штормовом проливе Лаперуза сбилась с курса и села на камни у берегов японского острова Хоккайдо. В трюмы хлынула вода, но начальник конвоя запретил открыть люки, обрекая людей на верную гибель. Погибли и два члена экипажа парохода. Остальных моряков и конвой японские спасатели сняли с «Индигирки» и помогли им вернуться во Владивосток. Капитан Лапшин был расстрелян. Начальник конвоя получил восемь лет тюрьмы. Японцам сказали, что в трюмах были рыбаки. Спасатели извлекли трупы погибших и похоронили их на берегу японского острова.

Так судьба еще раз сберегла для нас Королева. Вскоре после ухода «Индигирки» ему удалось на каком-то маленьком суденышке добраться до Владивостока, откуда он был отправлен в Хабаровск. Силы его ушли в песок золотой речки Берелёх.

Изнурительная работа на прииске, нервотрепка с пароходами, многодневное плавание по замерзающему морю, голод и цинга – все это привело к тому, что по этапу отправили уже полутруп: Королев потерял четырнадцать зубов, опух и едва мог передвигаться. Он был настолько плох, что начальник пересылки в Хабаровске отпустил его без конвоира к докторше. Эта женщина приняла необыкновенно сердечное участие в судьбе полуживого, никому не известного зека, занесенного многими своими товарищами в роковой список тех, которым уже не выкарабкаться. Она отмыла и перевязала ему язвы на ногах, накормила, снабдила витаминами и лекарствами. На следующий день послала в тюрьму два таза с сырой капустой и свеклой – это было лучшее лекарство от цинги.

Королев не раз собирался приехать в Хабаровск, чтобы разыскать свою спасительницу, но всякий раз какие-то неотложные дела мешали ему сделать это. Узнав об этой истории, двоюродный дядя Королева, Александр Николаевич Лазаренко, тот самый молодой киевский дядька, который помнил Сергея студентом КПИ, уже после смерти Сергея Павловича в конце 60-х годов попробовал с помощью хабаровских комсомольцев-следопытов разыскать эту женщину. Найти ее было очень трудно, поскольку на месте пересыльной тюрьмы и барака, где жила докторша, вырос новый микрорайон, и старожилов просто не существовало. После долгих поисков удалось только установить, что фамилия ее была Днепровская. Вскоре после начала войны она уехала из Хабаровска, а куда – никто не знает.

Чем ближе приближался Королев к дому, тем яснее становилось ему, что слова начальника лагеря Мальдяк о возвращении в Москву были истолкованы им превратно. Возвращение еще не означало освобождения. Вырвавшись с прииска, Королев перестал быть лагерным зеком, но не зеком вообще. И даже больше того – по мере приближения к столице все менее и менее ощущал он себя человеком вольным. Ни сам он, ни даже многоопытные, со стажем, зеки в пересылках, никак не могли понять и объяснить ему его нынешний юридический статус. Если человек был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР, а Пленум того же Верховного суда СССР приговор этот отменил, то человек вроде бы должен быть свободным. Или нет? Еще теплилась детская, наивная и прекрасная, как рождественская сказка, надежда, что конвоир должен сдать его в Москве, доставить, как ценную бандероль, а после уж, удостоверившись, что это действительно он, его отпустят. Понимал, что все это прекраснодушие от слабости, от тоски по свободе, по дому, по дочке, от почти насмерть замороженной

Колымой, но все-таки оставшейся живой и отогревающейся сейчас в нем надежды на продолжение своей долгожданной работы. Понимал, что нельзя в его положении ни во что хорошее верить, чтобы вдребезги не разбить душу, но верить-то хотелось!

На дальних подступах к Ярославскому вокзалу ждал его черный воронок. А когда вышел из него, ничего и спрашивать не надо было – сразу узнал внутренний двор Бутырки, с которой расстался он семнадцать месяцев назад. Прошло только семнадцать месяцев, но эти семнадцать месяцев были несоизмеримо больше всех прожитых до этого лет. Волны пологих сопок Мальдяка захлестнули, поглотили зеленый дворик Москаленко, Платоновский мол, гору Унуз-Сырт, подвал на Садовой-Спасской и далекий голос патефона: «Некому кудряву заломати...»

Зловещая слава Бутырской тюрьмы, одной из самых известных в России, мешает взглянуть объективно на замечательный архитектурный памятник Москвы. В XVIII веке на месте этом квартировал Бутырский драгунский полк, передавший свое имя «тюремному замку», построенному по указу императрицы Екатерины II великим русским зодчим Матвеем Федоровичем Казаковым. Казакову было 33 года – макушка жизни, энергия била через край, и замок получился славнейший. Но в отличие от других загородных замков, например Петровского, им же поставленного на Тверском тракте, Бутырский был именно тюремным замком, со всеми вытекающими отсюда особенностями функциональной архитектуры. И в этой работе угадывается талант незаурядный, ибо так все продумал Казаков, что, начиная с 1771 года, когда появился здесь первый узник, до наших дней, когда историческое здание стыдливо прикрыто безликой новостройкой, ни одному злодею не удавалось покинуть эту темницу по своей воле. Бутырка помнит Емельяна Пугачева, которого привезли сюда в клетке перед казнью, и многих других исторических деятелей, включая Кржижановского и Дзержинского. Коротко говоря, памятные доски с фамилиями знаменитых узников могли бы впритык закрыть весь фасад. Сюда приходил Толстой, когда писал «Воскресение», а в 1920 году для политзаключенных здесь пел Шаляпин.

В дни, когда Сергей Павлович вновь оказался в знаменитой тюрьме, Федор Иванович петь политическим уже не смог бы не только потому, что его уже не было в живых, но и потому, что в Москве не существовало зала, способного вместить всех «политических» Бутырки. Камера № 66, куда был препровожден Королев, была рассчитана на трех человек, но из-за

перенаселения тюрьмы, в ней некоторое время находились и пять, а то и шесть человек. Маленькая, в общем, комнатушка, со сводчатым белым потолком, с которого на голом шнуре спускалась тусклая сиротская лампочка. Стены были крашены какой-то грубой масляной краской, мерзкий цвет которой было бы затруднительно назвать. Коричневый с белыми квадратиками кафель был очень хорош, крепок, не трескался и даже не покрывался серой паутинкой от многолетнего шарканья расшнурованных арестантских ботинок.

У стены койки шли в два яруса, а под окном, забранным в «намордник», так что никак нельзя было разглядеть, куда же оно выходит, – только внизу. Наглухо привинченный стол и скамейка. Параша в углу. Дверь с «кормушкой». Предельный тюремный аскетизм. Ничего лишнего, в-точь как надо. Убери хоть одну деталь, и уже не тюрьма, уже пещера...

Я сидел в этой пустой камере, соображая, что могло поменяться здесь за последние полвека. Цвет стен? Парашу сменил унитаз. И лампочка та давно перегорела. А стол вполне мог и не меняться. Может быть, за этим столом и писал зек Королев письмо товарищу Сталину...

В РНИИ он ждал ареста. После ареста ждал следствия. После следствия суда. Теперь, когда приговор был отменен, он не знал, чего надо ждать, и жизнь от этого была еще мучительней. Когда у человека отнимают будущее, ему ничего не остается, как жить прошлым, – ведь чем-то надо жить. Все чаще возвращается Сергей Павлович в мыслях своих к ракетоплану. Следователи на Лубянке утверждали, что ракетоплан сожгли. Неужели правда, неужели у кого-то поднялась рука уничтожить РП-318?

Ракетоплан был цел и невредим.

После ареста Королева в РНИИ все гадали: кто следующий? О том, что в делах арестованных назывались фамилии Победоносцева и Шварца, в институте не знали, а поскольку последним арестовали Королева, следующим должен быть Арвид Палло. Он был правой рукой Королева на стенде, он испытывал двигатель «врага народа» Глушко. (Щетинкова в расчет опять не брали по болезни, которая дожигала его окончательно.) Быть может, Палло и арестовали бы, но он взял отпуск и, никому ничего не сказав, уехал с Сашей Косятовым к нему в деревню. Газет не читали, радио не слушали, занимались только рыбалкой и грибной охотой, стараясь не думать о том, что с ними будет, когда они вернутся в РНИИ. Отпуск иссяк, они вернулись, время шло, а Палло не арестовывали. И тогда он начал потихоньку работать. Идея ракетоплана увлекла Арвида Владимировича, слишком много времени и сил он ей отдал и бросать было

обидно. Группу Королева после его ареста расформировали. Палло подумал и пошел к Слонимеру с предложением продолжить работы по ракетоплану. Слонимер подумал и согласился: ведь это и было конкретным исправлением последствий вредительства!

Двигатель ОРМ-65, предназначавшийся для ракетоплана, был еще сырой, его пробовали дорабатывать, но известно – мачеха не мать, – Глушко не было, а значит, никто душою за двигатель этот не болел. Да и побаивались его: несинхронность поступления компонентов топлива в камеру, которую долго пытались устранить, постоянно грозила взрывом.

После ареста Глушко главным специалистом по жидкостным двигателям стал Леонид Степанович Душкин. К этому времени он разочаровался в жидком кислороде как в окислителе и перешел на азотную кислоту, т.е. начал заниматься тем же, чем занимался Глушко, но это было тоже уже не «вредительство», а «исправление последствий вредительства» – Слонимер придумал замечательную палочку-выручалочку. Душкин взялся за двигатель для ракетоплана и двигатель такой сделал, пусть не совсем оригинальный – его можно назвать модификацией ОРМ-65, но зато лишенный некоторых недостатков своего прародителя. Назывался двигатель РДА-1-150: он развивал тягу в 150 килограммов.

Осенью возобновились и начатые Королевым еще в июле 1937 года огневые испытания ракеты 212. Только теперь ведущим по этой ракете был не Борис Викторович Раушенбах, а Александр Николаевич Дедов. Наверное, это было поощрением за подпись его под актом техэкспертизы и опять-таки давалась возможность на деле показать свое рвение в ликвидации «последствий вредительства». 8 декабря Костиков, возглавлявший специальную комиссию, подписал решение о допуске ракеты 212 к летным испытаниям. В январе и марте 1939 года ракета 212 дважды летала на Софринском полигоне. В полетах проверялся не только двигатель, но и новая автоматика стабилизации полета. Через много лет Раушенбах вспоминал: «В первом полете процесс управления протекал нормально, было видно, что автомат стабилизации хорошо справляется с порывами ветра. К сожалению, полет прервало неожиданное раскрытие парашюта, предназначенного для спуска ракеты в конце участка планирования. Второй полет был неудачным, по-видимому, из-за поломки автомата стабилизации. Дело в том, что разгонная катапульта не обеспечивала плавного разгона, вследствие чего ракета испытывала большие ударные и вибрационные нагрузки, а автоматы стабилизации не проходили соответствующих

испытаний и их работа, очевидно, могла нарушаться при разгоне...»

Как бы там ни было, а Андрей Григорьевич Костиков был доволен главным результатом испытаний: без Королева ракеты пускать можно, и летают они не хуже, чем при Королеве. Теперь то же самое требовалось доказать и с ракетопланом. Поэтому Костиков поддержал инициативу Палло, когда тот предложил продолжить работы, а когда встал вопрос о переводе для этой цели в НИИ-3 Щербакова, тоже не стал возражать.

Алексей Яковлевич Щербаков был человеком энергичным и увлекающимся. С Королевым они познакомились еще в 1934 году на конференции по изучению стратосферы в Ленинграде и с той поры не теряли друг друга из вида. Щербаков работал в Харькове заместителем главного конструктора Калинина.

Королев интересовался работами Щербакова прежде всего потому, что тот пробовал запускать планеры на большие высоты. Когда он узнал, что в одном таком полете летчик Владимир Федоров забрался на 12 105 метров, он не выдержал и поехал к Щербакову. Сидели долго, спорили, в общем, познакомились уже по-настоящему. Щербаков очень расстроился, узнав, что Королев – «враг народа», совместная работа его привлекала. Поэтому, когда в конце 1938 года Палло и Душкин попросили его помочь с ракетопланом, он согласился, не раздумывая. Требовалось подработать хвостовое оперение, чтобы исключить всякую возможность пожара от раскаленной струи двигателя, а главное – надо было найти толкового летчика, который бы тоже заинтересовался такой фантастической работой и не боялся бы огненного горшка под хвостом. Он вспомнил о Федорове. Владимир Павлович съездил в РНИИ, посмотрел, как гоняют на стенде РДА-150-1: грохот, жар, пламя, дым коромыслом, – ему понравилось!

Тринадцатый ребенок в семье лесного сторожа, Володя Федоров пас коров, когда впервые в жизни увидел летящий самолет. Видения этого забыть он не мог всю жизнь.

Крестьянствовал, потом работал слесарем на протезном заводе, а самолет этот все летел у него перед глазами. Когда узнал о наборе в Московскую областную школу планеристов, чуть ли не бегом побежал на Первомайскую, где размещалась школа. Обожал все новое. После того как забрался с планером на высоту 12 километров, его спросили: «Ну как?» Ответил просто:

– Работать трудно. Нужна герметичная кабина...

РП-318 – это дело было как раз по нему. Федоров родился чуть-чуть не вовремя. Появись он на свет лет на 15-20 позднее, можно быть уверенным, что он стал бы космонавтом[71].

Весь 1939 год Арвид Палло, Лев Иконников, Алексей Щербаков и пришедшие с ним Наум Старосельский и Владимир Федоров «доводили до ума» ракетоплан Королева. Только в конце зимы стало возможно попробовать его «в деле».

Первые испытания проходили на маленьком аэродроме в Подлипках в последний день февраля 1940 года при ясном небе и ярком солнце, редком в такую пору. Сам ракетоплан взлететь не мог, поднимал его летчик Фиксон на Р-15, том самом трудяге Р-5, который пять лет назад буксировал конструктора этого ракетоплана из Москвы в Крым. В буксировщик забрались Щербаков с Палло. Непонятно, как им удалось разместиться в задней кабине, да еще вместе с киноаппаратом.

Вот буксировщик тихонько порулил по снежному полю, выбрал слабину буксира... Полетели! Фиксон сделал широкий круг, набрал высоту около трех километров. Сейчас Федоров будет отцепляться.

Они летели как раз над аэродромом. Наверняка там сейчас все задрали головы, ждут: полетит самостоятельно эта огненная штуковина или не полетит?

Федоров отцепился!

Щербаков вспоминает:

– Фиксон тут же делает энергичный вираж и пристраивается к ракетоплану метрах в ста слева.

Из донесения Федорова:

«После отцепки на планировании установил направление полета и на скорости 80 км/час, выждав приближение самолета Р-5, наблюдавшего за мной, начал включать двигатель...»

Щербаков вспоминает:

– Мы видим все, что происходит дальше: и рыжий факел пламени, распустившийся, как яркий цветок за хвостом ракетоплана, и энергичное нарастание его скорости, и спокойный, красивый переход в набор высоты...

Из донесения Федорова:

»...Включение двигателя произвел на высоте 2600 м, после чего был слышен ровный, не резкий шум... Примерно на 5-6-й секунде после включения двигателя скорость планера выросла с 80 до 140 км/час... После этого я установил режим полета с набором высоты и держал его до конца работы двигателя. За это время ракетоплан набрал 300 метров...»

Щербаков вспоминает:

– Ракетоплан быстро ушел от нас с набором высоты. Все попытки продолжать наши наблюдения не увенчались успехом. Несмотря на максимальное увеличение оборотов мотора, самолет безнадежно отстал от ракетоплана.

Из донесения Федорова:

«На всем протяжении работы двигателя никакого влияния на управляемость ракетоплана замечено не было. Планер вел себя нормально... вибраций не ощущалось... Расчет и посадка происходили нормально».

Щербаков вспоминает:

– С включением двигателя ракетоплан летал еще три раза. Испытания приостановились из-за недостатка горючего. А в общем, он был никому не нужен. У авиапрома своих дел было невпроворот, Наркомат оборонной промышленности, в ведении которого находился НИИ-3, тоже нами не интересовался, это была для него тематика побочная. У ракетоплана не было хозяина, он стоял под открытым небом и тихо гнил. А потом началась война, и тут уж всем было не до ракетоплана...

Значение РП-318-1 и в жизни его конструктора, и в истории авиации и ракетной техники надо и не преувеличивать, и не занижать. Он был первым в нашей стране пилотируемым летательным аппаратом, использующим для своего движения силу реактивной струи. Но, с другой стороны, даже если исключить то, что успех был относительный, – двигатель оказался хуже, чем думали, тяги в 150 килограммов он не набрал, от силы – 90, даже если все это в расчет не принимать, все равно РП-318 – тупиковая ветвь авиационной техники. Вскоре, в начале войны, на ней появится еще один отросток – ракетный перехватчик БИ – о нем рассказ впереди. И у нас, и в других странах еще будут делаться попытки скрестить жидкостный ракетный двигатель с самолетом, но жизнестойких гибридов получить не удастся. ЖРД не прижился в авиации и прижиться не мог. Налицо был чистый алогизм: зачем же возить с собой окислитель, если сам летательный аппарат купается в окислителе – кислороде окружающей его атмосферы. Получается, что двигатель этот нужен там, где атмосферы нет, нужен не авиации, а космическим кораблям. Поэтому не совсем верно называть, как это делается иногда, РП-318 предком реактивных самолетов наших дней[72]. Скорее это предок «Шаттла», «Бурана» и всех других космических аппаратов многоразового использования, которым предстоит накрепко привязать к нашей жизни околоземное пространство в XXI веке.

У ракетоплана была трудная и печальная судьба. Как и у его конструктора в те годы. Ракетоплан погиб. Конструктор выжил. Вспоминая о полете РП-318, гирдовец Меркулов писал, что полет этот мог состояться на два года раньше, а отсрочка произошла «по организационным причинам». Ну, назвать их «организационными» вряд ли правильно. Биограф Королева

Асташенков более точен: «По независящим от самого конструктора обстоятельствам он не присутствовал на летных испытаниях...» В то время, когда в Подлипках летчик Федоров включил двигатель ракетоплана, вагон, в котором этапировался его конструктор, приближался к Москве. Обстоятельства действительно от него не зависели. Не только присутствовать на испытаниях, но просто выйти из вагона он не мог. Через день он услышит громкое:

– Королев! На выход с вещами!

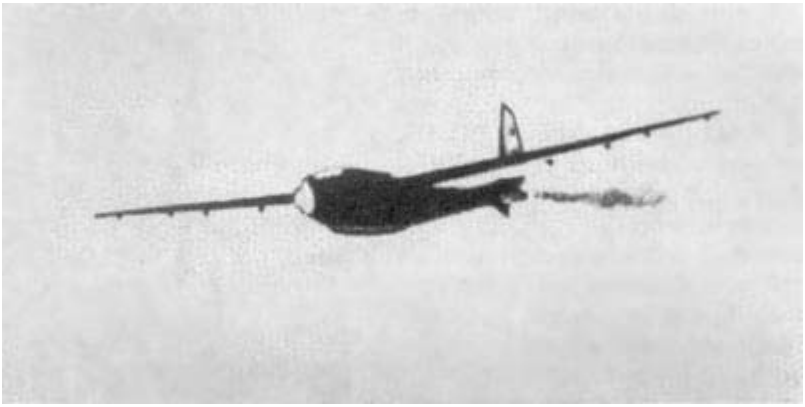
Пройдет много лет, и Королев соберет в своем доме в Останкине друзей. Охрана особняка, отпирая калитку, будет пытливо рассматривать гостей академика. Кто-то вспомнит об этом среди дружеского застолья, и Сергей Павлович скажет с улыбкой:

– Вы знаете, никак не могу отделаться от мысли, что они в любой момент могут зайти ко мне в дом и крикнуть:

– Королев! А ну, падло, собирайся с вещами!..

Испытатель ракетоплана Владимир Павлович Федоров

Ракетоплан РП-318 конструкции С.П. Королева в полете. Февраль 1940 г.



33

Это хуже, чем преступление,
это – ошибка.

Жозеф Фуше

Весною 1940 года самым большим тружеником в НКВД был Валентин Александрович Кравченко – начальник 4-го специального отдела, занимающегося организацией шарашек. Это было действительно совсем непростое дело. Надо было продумать всю структуру, установить, какие люди действительно нужны, разыскать их в необозримой россыпи островов архипелага ГУЛАГ, доставить в Москву, рассортировать по специальностям, создать условия для работы.

Непосредственный начальник Валентина Александровича – Амаяк Захарович Кобулов, выдающийся мастер заплечных дел, правая рука Лаврентия Павловича, вместе с ним потом и расстрелянный, занимал в то время кресло начальника экономического управления НКВД. Он совсем измучил бедного Кравченко, требуя от него ежедневных подробных докладов, и сам почти ежедневно докладывал о ходе дел Берия. А Берия докладывал Сталину. На каждом докладе надо иметь какой-то фактик, маленький козырь, спросит – а ты тут же и выложил, без тени бахвальства, скромно, как будто все само собой разумеется. Берия, в отличие от Ежова, который всякий раз мчался к Сталину с разными приятными, по его мнению, для вождя пустяками, никогда не торопился. Он ждал, когда Сталин сам вызовет его. Одно это невольно рождало впечатление о предельной загруженности, постоянной сверхмерной занятости Лаврентия Павловича. А если уж он докладывал сам, то всегда безошибочно улавливал настроение Сталина и точно знал, когда, что и сколько надо говорить. Настроение надо было именно уловить, его нельзя бы заранее вычислить, предсказать, ибо Сталин был непредсказуем, а переходы от ярости к добродушию, а точнее – от желания карать к желанию миловать – не подчинялись никаким законам логики и здравого смысла. Берия понимал, что не следует льстить Сталину, убеждая его, будто сделанное есть прямое воплощение его идей, – так, он видел, делали многие. Это грубо. Кроме того, у Сталина была отличная память, и он никогда не забывал, что действительно принадлежит ему, а что приписывается льстецами. Как это ни покажется странным, но, несмотря на то что Сталин действительно многие годы тщательно

возводил пирамиду своего культа, в ближайшем кругу своих – да нет, какие они соратники, – в кругу ближайших слуг, он очень бдительно относился к лести. Льстить было нужно, но очень осторожно.

В равной степени не следовало и представлять сделанное как итог собственной инициативы, ибо ничто так мгновенно не настораживало Сталина, как всякое проявление самостоятельности. Нет, всякий доклад должен был показать реальный итог собственных усилий в результате частного приложения общих, глобальных идей Сталина в конкретных условиях. Но и при этом не следовало делать это грубо, как делали, скажем, военные: «Руководствуясь высказанными вами пожеланиями...» Не надо. Надо, чтобы Сталин сам увидел, что его пожеланиями постоянно руководствуются. Именно так, выждав удобный момент, Берия получил сталинское благословение на шараги.

Теперь настала пора быстрых и решительных действий. Теперь надо заставить всех этих спецов работать с утроенной энергией. Туполеву Берия прямо сказал:

– Давайте договоримся, Андрей Николаевич, самолет в воздух, а вы все – по домам!

– А не думаете ли вы, что и, находясь дома, можно делать самолеты? – нахмурившись спросил Туполев.

– Можно! Можно, но опасно. Вы не представляете себе, какое на улицах движение, автобус может задавить, – Лаврентий Павлович был человек большого и тонкого юмора.

Но Туполев почему-то не улыбнулся.

Предназначенных для шараг заключенных надо было немного приодеть и откормить, поскольку многие из них ни для какой работы не годились, особенно колымские, норильчане и доходяги с архангельских лесоповалов. Впрочем, поговори с зеками и узнаешь о неизвестном ранее, еще более глубоком аде, и поймешь: предела – самого страшного места – установить нельзя.

Буквально на следующий день по прибытии Королева в Москву Ксения Максимилиановна получила записку, в которой он просил прислать ему башмаки, носки и два носовых платка. Крепких башмаков у него не нашли, Гри послал свои. И Ксана, и Мария Николаевна, и старики Винцентини ликовали: выпускают! Мария Николаевна каждый день ходила в приемную НКВД, где вопросы ее вызывали искреннее удивление:

– Как не пришел? Ну, значит, сегодня придет... А на следующий день снова:

– Неужели не пришел? Ну, имейте терпение...

Была Мария Николаевна и у заместителя главного военного

прокурора Афанасьева, и у помощника главного военного прокурора по спецделам Осипенко, и все просили чуть-чуть подождать, не волноваться, 19 июня Осипенко сказал даже ласково:

– Следствие закончено. Не тревожьтесь, идите спокойно домой, о судьбе сына я вам напишу...

Верили! Столько раз обманутые, продолжали верить! Доверчивость – родимое пятно порядочных людей. И представить себе не могли, что уже вовсю реализуется грандиозный план строительства великой рабской системы, что для осуществления этого плана все эти зеки-интеллектуалы, – и те, кто еще не был осужден, и те, кому прежние приговоры отменили, – кроме башмаков и носовых платков, должны были получить еще какой-то срок.

Только в середине июля все тот же безукоризненно вежливый чекист в приемной НКВД с серьезным и даже чуть-чуть скорбным выражением лица объяснил Марии Николаевне, что прежний приговор ее сыну действительно отменен, но... Но он вновь осужден Особым совещанием НКВД на восемь лет исправительно-трудовых лагерей.

– Понимаете, – с интеллигентской вкрадчивостью объяснил чекист, – главное, что теперь он не лишен прав!

Мария Николаевна посмотрела прямо в глаза заботливому чекисту и спросила:

– А зачем нужны права человеку, который сидит в тюрьме?

– О, вы многого не понимаете!.. Так нельзя говорить, – кричал вдогонку ей вежливый дежурный.

На Лубянке Королева, можно сказать, не допрашивали, а расспрашивали: и пальцем никто не тронул. То, что мечтал он сделать на суде, он сделал теперь: в деталях объяснил всю абсурдность предъявляемых ему обвинений. И с ним не спорили! Не перебивали, не одергивали! А если и задавали вопросы, то никаких ловушек он в них не видел. Ну, теперь-то все разъяснилось, теперь-то законность восторжествует!

2 июня Королев пишет записку прокурору Осипенко, просит вызвать его для беседы. Никто не вызывает. Через неделю пишет Главному прокурору СССР Панкратьеву: «...прошу Вас вызвать меня для беседы с Вами, или с лицом по Вашему указанию... Убедительно прошу Вас не отказать в моей просьбе».

В просьбе отказали: никто его не вызывал и на этот раз. А зачем вызывать? Ведь дело-то уже сделано, обвинительное заключение в экономическом управлении уже сочинили.

Всего ждал он: новой канители, крючкотворства, казуистики, нелепостей – всего, но только не этого приговора! Осудили

безвинного человека – и как! Исподтишка, заочно, даже взглянуть на него не захотели. Проглядывала во всем этом какая-то знакомая по лагерю блатная хамская трусость: пришли и, в глаза не глядя, сунули под нос вот эту бумагу, в которой, кроме имени и дат, не было ни слова правды.

«ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
по след, делу № 19908
по обвинению Королева
Сергея Павловича по ст.ст. 58-7; 58-11 УК РСФСР

28 июня 1938 года НКВД СССР за принадлежность к троцкистской, вредительской организации, действовавшей в научно-исследовательском институте № 3 (НКБ СССР)[73] был арестован и привлечен к уголовной ответственности бывший инженер указанного института Королев Сергей Павлович.

В процессе следствия Королев признал себя виновным в том, что в троцкистско-вредительскую организацию был привлечен в 1935 году бывшим техническим директором научно-исследовательского института № 3 Лангемаком (осужден)[74].

В процессе следствия по делу Лангемака он специально о Королеве допрошен не был и об участии последнего в антисоветской организации показал, что знал об этом со слов Клейменова – бывшего директора НИИ-3 (осужден) (л.д. 41).

По заданию антисоветской организации Королев вел вредительскую работу по срыву отработки и сдачи на вооружение РККА новых образцов вооружения (л.д. 21-35, 53-55; 66-67, 238-239).

Решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 27 сентября 1938 года Королев был осужден к 10-ти годам тюремного заключения.

13 июня 1939 г. Пленум Верховного Суда СССР приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР отменил, а следственное дело по обвинению Королева было передано на новое расследование (см. отдельную папку судебного производства).

В процессе повторного следствия Королев показал, что данные им показания на следствии в 1938 году не соответствуют действительности и являются ложными (л.д. 153-156).

Однако имеющимися в деле материалами следствия и документальными данными Королев изобличается в

том, что:

В 1936 году вел разработку пороховой крылатой торпеды; зная заранее, что основные части этой торпеды – приборы с фотоэлементами – для управления торпеды и наведения ее на цель, не могут быть изготовлены центральной лабораторией проводной связи[75], Королев с целью загрузить институт ненужной работой усиленно вел разработку ракетной части этой торпеды в 2-х вариантах.

В результате этого испытания четырех построенных Королевым торпед показали их полную непригодность, чем нанесен был ущерб государству в сумме 120 000 рублей и затянута разработка других, более актуальных тем (л.д. 250-251).

В 1937 году при разработке бокового отсека торпеды (крылатой) сделал вредительский расчет, в результате чего исследовательские работы по созданию торпеды были сорваны (л.д. 23-24, 256).

Искусственно задерживал сроки изготовления и испытания оборонных объектов (объект 212) (л.д. 21, 54, 255).

На основании изложенного

обвиняется

Королев Сергей Павлович, 1906 года рождения, урож. гор. Житомира, русский, гр-н СССР, беспартийный, до ареста – инженер НИИ-3 НКБ СССР,

в том, что:

являлся с 1935 года участником троцкистской вредительской организации, по заданию которой проводил преступную работу в НИИ-3 по срыву отработки и сдачи на вооружение РККА новых образцов вооружения, т.е. в преступлениях ст.ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал, но впоследствии от своих показаний отказался.

Изобличается показаниями: Клейменова, Лангемака, Глушко; показаниями свидетелей; Смирнова, Рохмачева, Косятова, Шитова, Ефремова, Букина, Душкина[76] и актами экспертных комиссий.

Дело по обвинению Королева направить в Прокуратуру Союза ССР по подсудности.

Обвинительное заключение составлено 28 мая 1940 года в г. Москве.

Следователь следчасти ГЭУ НКВД СССР мл.

лейтенант госбезопасности Рябов.

Пом. нач. следчасти ГЭУ НКВД СССР ст. лейтенант госбезопасности Либенсон.

«Согласен». Нач. следчасти ГЭУ НКВД СССР майор госбезопасности Влодзимирский.

«Утверждаю». Зам. нач. главного экономического управления НКВД СССР майор государственной безопасности Наседкин.

26 мая 1940 г.»[77].

На первой странице размашисто, небрежно, толстым черным карандашом:

«8 лет ИТЛ. 10/VII-40». И неразборчивая закорючка вместо подписи[78].

С того декабрьского вечера на Мальдяке, когда плакал он по дороге в зону, узнав, что поедет теперь в Москву, с той секунды жил он надеждой на близкую свободу.

Еще шаг, еще один поворот и все – исчез конвоир, нигде нету проволоки, можно сесть в трамвай и ехать домой, и в трамвае все время открыты двери и можно сойти, когда хочешь, на любой остановке, и можно спрыгнуть на ходу и никто не навесит за этот прыжок второй срок! Уже прошедший тюремные университеты, он знал, что бюрократическая судебная машина вращается медленно, неповоротливо и надо набраться терпения. Но он знал и другое, самое главное, с мыслью этой засыпал и просыпался: приговор отменен! И вот снова все вернулось на круги своя. Он вдруг ясно увидел свою палатку, ощутил запах дыма от печки, холодные капли сверху, там, где уходила в небо труба. Палатку они засыпали снаружи снегом, как эскимосскую иглу, но помогало мало: те, кто спал у стенки, часто не просыпались... Опять туда?!! Было десять лет, стало восемь, но какая разница? Неужели те невидимки, которые судили его, не знают, что там нельзя прожить ни десять лет, ни восемь лет, что там и года нельзя прожить!

Приговор 1940 года был для Королева во сто крат страшнее приговора 1938 года.

Когда ранним июньским утром везли его с Конюшковской на Лубянку, было страшно: тюрьма! Но это была абстрактная тюрьма, и думал он тогда прежде всего о заточении, не ведая о физических и душевных муках его ожидающих, о постоянных невыносимых унижениях человеческого достоинства, о хамском произволе блатных, о синей баланде, желтых сталагмитах промерзших сортиров, о мошке, вшах, холоде, голоде. Теперь само понятие «тюрьма» было наполнено для него совсем другим,

душу леденящим смыслом. Теперь он знал, что Колыма – это не заточение, это – смерть!

В 38-м он быстро понял: виновен или не виновен, все равно осудят. Но теперь, если разобрались, если вызвали с края света и отменили приговор, как же теперь-то можно осудить?! И зачем тогда весь этот дьявольский фарс? Начали убивать и убили бы. Но ведь не убили! Он жив! А раз так, надо бороться. Прежде всего, надо написать Сталину. Не жаловаться, не просить помилования. Просто объяснить, что совершается ошибка государственная. В конце концов, дело совсем не в нем. Дело, которое он начал, важнее его жизни, ибо оно способно сохранить жизнь тысячам людей. Сталин не может не понять, какой вред приносит этот приговор обороноспособности страны, его страны, державы Сталина! Надо писать Сталину...

Королев не знал, что вопрос согласован. Берия снова выбрал удобный момент и получил от Сталина разрешение на заочное рассмотрение дел оборонных специалистов. Он очень толково и ясно объяснил вождю, что вина каждого из арестованных бесспорно доказана в процессе следствия, а вызывать всех их на суд нецелесообразно, поскольку это только отвлекло бы их от работы, сбило мысли с нужного направления. Но Королев не знал, как Лаврентий Павлович «заботится» о нем, и решил написать Сталину.

Заявление Королева Сталину – интереснейший документ эпохи. Он расскажет о Сергее Павловиче полнее и больше, чем многие страницы авторских размышлений и, несмотря на немалый объем, заслуживает того, чтобы привести его целиком.

«г. Москва. ЦК ВКП(б)
Иосифу Виссарионовичу Сталину.
Королева Сергея Павловича
ЗАЯВЛЕНИЕ

Советские самолеты должны иметь решающее превосходство над любым возможным противником по своим летно-тактическим качествам. Главнейшие из них – скорость, скороподъемность и высота полета. Сейчас в авиации повсеместно создалось положение, при котором самолеты нападения почти не уступают по качеству самолетам-истребителям, а также и другим средствам обороны. Это дает возможность нападения воздушному противнику на большинство объектов внутри страны. Это подтверждает и опыт последних войн. Только решающее превосходство в воздухе по скорости, скороподъемности и высоте полета м.б. надежным

средством защиты. Это условие необходимо и для успеха наступательных действий авиации и в настоящее время зачастую предопределяет успешный исход всей кампании в целом. Обычная винтомоторная авиация в силу самого принципа своего действия (двигатель внутреннего сгорания, гребной винт – пропеллер) уже не может дать нужного превосходства самолетам обороны над им же подобными самолетами нападения. В этом отношении обычная авиация стоит почти у своего предела, а все ее средства, как-то: наддув, винт переменного шага, парогазодвигатели или турбины и пр. – все это полумеры, а не выход из создавшегося кризиса.

Выход только один – ракетные самолеты, идея которых была предложена Циолковским. Только ракетные самолеты могут дать преимущество над лучшими винтомоторными самолетами, а именно: по скорости в 1,5—2 раза и более; по скороподъемности в 8-10 раз и более; по высоте полета в 1,5 раза и более, а также по своей неуязвимости, мощности поднимаемого вооружения и т.д. Для ракетных самолетов область огромных скоростей и высот есть не препятствие в работе, а фактор благоприятный в силу самого принципа действия ракет, в отличие от винтомоторных самолетов, областью которых являются относительно малые скорости и высоты полета. Значение ракетных самолетов, особенно сейчас, исключительно и огромно. За рубежом уже 15—20 лет во всех крупных странах интенсивно ведутся работы над ракетами вооружения, а в основном – над созданием ракетного самолета, чего, однако, до 1938 года достигнуто с успехом нигде не было (в Германии – Оберт, Зенгер, Тиллинг, Опель и др., во Франции – Руа, Бреге, Девильер и др., в Италии – Крокко и др., в США – Годдард и др., и т.д.). В Советском Союзе работы над ракетными самолетами производились мною фактически с 1935 года в НИИ № 3-НКОП. Аналогичных работ никем и нигде в СССР не велось. До моего ареста (28 июня 1938 года) за 3,5 года работы были осуществлены несколько типов небольших ракет (до 150 кг весом), разных моделей и агрегатов и произведены сотни их испытаний на стендах и в полете. Был разработан ряд вопросов методики и теории ракетного полета и издан в печати и пр. Впервые в технике в 1938 году с успехом были произведены

основные испытания небольшого ракетного самолета (весом 700 кг). Испытания его в полете были с успехом закончены в апреле 1940 года, что я узнал из акта технической экспертизы. Из сказанного видно, что, несмотря на очень малый срок моей работы над проблемой ракетного полета и ее общеизвестные огромные технические трудности, сложность, новизну, особую секретность и отсюда – полное отсутствие литературы, зарубежного опыта, консультаций и пр., несмотря на все это, кое-что было сделано, правильное начало было положено.

Целью и мечтой моей жизни было создание впервые для СССР столь мощного оружия, как ракетные самолеты. Повторяю: значение этих работ исключительно и огромно. Однако все эти годы я лично и мои работы подвергались систематической и жестокой травле, всячески задерживались и т.п. ныне арестованным руководством НИИ-3 – Клейменовым, Лангемаком и группой лиц: Костиков (сейчас зам. дир. НИИ-3), Душкин и др. Они по году задерживали мои производственные заказы (212), увольняли моих сотрудников, или их принуждали к уходу (Волков, Власов, Дрязгов и др.), распускали обо мне слухи и клевету на партсобраниях (Костиков), исключали меня без причин и вины из сочувствующих ВКП(б), публично вывели из совета ОСО и многое другое. Обстановка была просто невыносимая, о чем я писал, например, 19 апреля 1938 г. в Октябрьский райком ВКП(б). Они же ввели в заблуждение органы НКВД, и 27 июня 1938 года я был арестован. Клейменов, Лангемак и Глушко дали клеветнические показания о моей якобы принадлежности к антисоветской организации. Это гнусная ложь, и это видно хотя бы из следующего: конкретных фактов нет, да и не может быть; Клейменов и Лангемак взаимно ссылаются о том, якобы один слышал от другого, при этом в разное время и т.п. Выдаваемые ими за акты вредительства с моей стороны: сдача заказа на ракеты в авиатехникум в 34 г., задержки в ракете 217 и высотной ракете, даже сами по себе, если разобраться, никак не могут быть истолкованы, как вредительство. Кроме того, сдачу заказа в авиатехникум, как легко и проверить, я не производил, ее дали Щетинков и Стеняев. Над высотной ракетой я вообще не работал, а объект 217 по своему объекту ничтожно мал,

да и был выполнен досрочно. Костиков, Душкин и др. никогда не видали в действии объектов моих работ и не знали даже, как следует, их устройства, но они представили в 38 г. в НКВД лживый «акт», порочащий мою работу и безграмотно искажающий действительность. В 1938 году следователи Шестаков и Быков подвергли меня физическим репрессиям и издевательствам, добиваясь от меня «признаний». Военная коллегия, не разбирая сколь-либо серьезно моего дела, осудила меня на 10 лет тюрьмы, и я был отправлен на Колыму. В частности, на суде меня обвиняли в разрушении ракетного самолета, чего никогда не было и который эксплуатируется и сейчас, в 1940 году. Но все мои заявления о невиновности и по существу обвинений оказались безрезультатны. Сейчас я понимаю, что клеветавшие на меня лица старались с вредительской целью сорвать мои работы над ракетными самолетами. Уже более года как отменен приговор и 28/V с.г. окончено повторное следствие, причем: моими показаниями и повторной экспертизой от 25/V 40 г. опровергнуты обвинения и клеветнические показания на меня, но повторное следствие не встало на путь объективного разбора моего дела, а, наоборот, всячески его замазывает и прикрывает юридическими крючками, а именно: эксперты Душкин, Дедов, Калянова используются вновь, как свидетели (что незаконно), мне не предоставлено дачи объяснений по их показаниям, или очных ставок и пр. Свидетели с моей стороны не допрошены, я не допрошен подробно по показаниям арестованных и пр. и, наконец, мне снова предъявлено обвинение по ст. 58, п.п. 7 и 11, что явно неправильно и нелепо. Третий год скитаюсь я по тюрьмам от Москвы до бухты Нагаева и обратно, но все еще не вижу конца. Все еще меня топят буквально в ложке воды, зачем-то стараются представить вредителем и пр.

Я все еще оторван от моих работ, которые, как я теперь увидел при повторном следствии, отстают до уровня 1938 года. Это **недопустимо**, а мое личное положение так отвратительно и ужасно, что я вынужден просить у Вас заступничества и помощи. **Я прошу назначить новое объективное следствие по моему делу.** Я могу доказать мою невиновность и хочу продолжать работу над ракетными самолетами для обороны СССР.

13 июля 1940 г.
С. Королев».

Все есть в этом письме. Прежде всего, невероятный заряд энергии и несгибаемая вера в свое дело. Кремлевскому владыке бутырский острожник читает целую лекцию о путях развития авиации. Досада, злость на людей, оклеветавших его, жгучая боль от несправедливости мучительной и многолетней – тоже тут. Обида его велика, и сам он тоже несдержан, не везде справедлив. Но опять-таки не это главное. Главное – дайте работать, дело отстает, подчеркивает: «Это недопустимо!» Если бы Сталин читал подобные письма, взгляд его, надо думать, задержался бы на послании Королева.

И потому еще задержался бы, что сам вид этого документа необычен. Трудно поверить, но все заявление Королев уместил на одном (!) листке, вырванном из ученической тетради по арифметике. От самого верха до нижнего предела, без полей, с двух сторон в каждой клеточке листка – бисером ясные четкие буквы, словно выцарапанные иглой. На расстоянии вытянутой руки листок этот уже не воспринимается как рукопись, а кажется просто клочком какой-то фиолетовой рябенькой бумаги. Когда организуют музей жертв «культа личности», – а его непременно организуют! – письмо это должно лежать в главной витрине.

Есть и второй точно такой же листок, слово в слово повторяющий первый. Он написан в тот же день на точно таком же тетрадном листке. Только адресат другой: не Сталин, а Берия. Почти нет разночтений и с третьим экземпляром, написанным через десять дней и адресованным Прокурору СССР Панкратьеву. Сталина и Берия он просит назначить объективное следствие, Панкратьева – отменить приговор. Он понимает теперь – пройдет буквально несколько дней, сколотят новый этап, засунут в теплушку и отвезут обратно на Вторую Речку. И тогда уже никто тебя не найдет, тогда – зима и смерть. «Прошу Вас задержать исполнение решения особого совещания, само решение отменить, а дело мое снова передать на объективное расследование...» – эти слова в своем письме Сергей Павлович подчеркивает. Впервые в противовес допрошенным свидетелям он просит вызвать других свидетелей: профессора Пышнова, профессора Юрьева[79], инженера Дрязгова, а также экспертов Щетинкова и Кисенко, просит очные ставки. «Я могу доказать свою полную невиновность и прошу дать мне эту возможность», – пишет Королев.

Но возможности этой ему не дали. Нет, не отказали. Просто никакой реакции на все эти послания не было.

13 сентября Королев написал новое заявление «Прокурору

Союза ССР из Бутырской тюрьмы, камера 66». Уже не просит ни следствие новое назначить, ни приговор отменить. Одна просьба: «Вызвать меня для личных переговоров».

И на этот раз тоже никто его ни для каких личных переговоров не вызывал, но бывают же совпадения: именно 13 сентября, когда Королев писал свое заявление в камере № 66 Бутырской тюрьмы, судьба его была, наконец, решена: Кобулов вынес постановление: «Осужденного Королева как специалиста – авиационного конструктора, подавшего заявление с предложением об использовании, перевести в Особое техническое бюро при НКВД СССР».

Начался новый виток тюремной судьбы.

Письмо С.П. Королева к Л.П. Берия из Бутырской тюрьмы. Июнь 1940 г.

34

Особенно много времени уделял товарищ Сталин воспитанию конструкторов.

Александр Яковлев, авиаконструктор

Авиация – это не ракетная техника, все понимали, что авиация – дело серьезное. В 38-м на Лубянке следователь говорил Королеву: «Занимались бы делом и строили бы самолеты. Ракеты-то, наверное, для покушения на вождя?..» А раз авиация – дело серьезное, то и сажать авиационных специалистов начали раньше ракетчиков и сажали много.

Туполева взяли 21 октября 1937 года прямо в рабочем кабинете, пришли и увели. По делу Туполева проходило более двадцати человек, и все дали показания, что Туполев – враг народа. Кроме основного – организации «русско-фашистской партии», Туполеву «липили» связь с профессорами-кадетами, высланными за границу, вредительство при подготовке рекордных перелетов Громова, внедрение порочной американской технологии, срыв сроков строительства новых корпусов ЦАГИ и несовершенство всех самолетов, созданных в его КБ, даже тех, которые всем авиационным миром признавались вершиной современной конструкторской мысли. Туполева не били, но подержали немного «на конвейере», что для него, человека тучного, было особенно мучительно. А потом применили прием древний, как мир, хорошо выверенный и почти всегда срабатывающий: прямо сказали, что, если не «признается» – семье конец: жену в лагерь, сына и дочку – в детские дома. Через неделю после ареста он во всем «признался», а через полтора месяца, на новом допросе, добавил еще, что он повинен в срыве перелета Леваневского через полюс в Америку в 1935 году[80] и его гибели в 37-м, а также в шпионаже в пользу Франции аж с 1924 года. Сказал, что в 1935 году он лично передал шпионские сведения министру авиации Франции Денену. Удивительно, как бдительным чекистам не пришло в голову, а почему, собственно, шпионские сведения надо передавать министру, когда для этого существуют сотни опытных агентов «Сюртэ женераль»[81]?

Туполев долго сидел в Бутырке, никто его никуда не вызывал, о нем словно забыли. Он прикидывал в уме новый

бомбардировщик, объяснял своим сокамерникам, что в его жизнь вторглось нечто мистическое: надо же, статья 58-я, камера в Бутырке № 58 и новый самолет, если соблюдать нумерацию, будет АНТ-58! Однако почему же его оставили в покое и что там они замышляют?

Следствие закончилось в апреле 1938 года, но суда не было, а стало быть, и этапировать его было нельзя. Андрей Николаевич не знал, что следователь его – лейтенант Есипенко – вовсе не забыл о нем и сам вынужден был объяснять своему начальству, что «дело с обвинительным заключением находилось без движения до разрешения вопроса об использовании Туполева на работе в Особом Конструкторском Бюро».

«Решение вопроса» приближалось. К этому времени относится как раз организация шараги в Болшеве – подмосковном дачном поселке. Впрочем, шарагой в чистом виде она не была, как не была тюрьмой и пересылкой, – это был своеобразный гибрид, выведенный лубянскими «селекционерами», который точнее всего можно назвать мозговым отстойником или интеллектуальным сепаратором. Сюда свозились зеки-оборонщики со всех тюрем и лагерей Советского Союза. В просторном спальном бараке с чистым полом и ласковыми голландскими печками, словно в огромной шкатулке, накапливались невероятные национальные сокровища: смелые идеи, дерзкие проекты, конструкторские озарения, немыслимые изобретения. В бараке сидели люди, большинство из которых в своей области были лидерами мирового масштаба: теоретики и конструкторы пушек, танков, самолетов, боевых кораблей. Артиллерист Евгений Александрович Беркалов, автор «формулы Беркалова», по которой во всем мире рассчитывались орудия, создатель тяжелой артиллерии русского флота, бывший полковник царской армии. Ему было около семидесяти – крепкий, жизнерадостный старик с абсолютно ясной головой.

Летчик и авиаконструктор Роберт Бартини, за всю свою жизнь он не создал ни одной тривиальной, серой машины. Биография его годилась для приключенческого романа. Во время первой мировой войны сидел в плену во Владивостоке. Вернулся в Италию. В 1921-м Роберт Бартини – сын барона Лодовико ди Бартини – государственного секретаря итальянского королевства, вступил в коммунистическую партию. Попал в тюрьму. Убежал из тюрьмы и приехал в Советский Союз, чтобы бороться с фашизмом. Над ним грустно подшучивали:

– Ты здорово выгадал, Роберт: убежал из одной тюрьмы и прибежал в другую…

– Конечно, выгадал! – кричал он с истинно итальянским

темпераментом, – Муссолини дал мне двадцать лет, а Сталин только десять!

В Болшеве сидел выдающийся механик Некрасов, один из лучших наших корабелов латыш Гоинкис, конструктор подводных лодок Кассациер, ведущий специалист по авиационному вооружению Надашкевич, изобретатель ныряющего катера Бреджинский, главный конструктор самолетов БОК-15, предназначавшихся для рекордного перелета вокруг земного шара Чижевский, крупнейший технолог автопрома Иванов, главный конструктор харьковского авиационного КБ Неман, первым в нашей стране построивший самолет с убирающимся шасси, и многие другие светлые умы. Все это напоминало бы Александрию времен Птолемеев, где, по словам дерзкого странствующего философа, «откармливают легионы книжных червей ручных, что ведут бесконечные споры в птичнике муз», – если бы не одна деталь: в Александрии у Птолемеев не было зоны, вертухаев на вышках по углам и глухого забора вокруг бараков. Впрочем, и самих бараков в Александрии тоже не было.

Но «бесконечные споры в птичнике муз» были! Вырвавшиеся из рудников и с лесоповалов, голодные, избитые, больные люди попали пусть в тюрьму, но тюрьму, где досыта кормили, где спали на простынях, где не было воров, отнимающих валенки, конвоиров, бьющих прикладом в позвоночник, а главное – не было тачек, коробов, бутар, лопат, пил, топоров, не было этого смертельного изнурения, когда их заставляли делать то, что они никогда не делали, не умели и не в состоянии были делать. Ошеломление, которое испытывали вновь прибывшие в Болшево, быстро сменялось бурным взрывом эйфории и энтузиазма. Не меньше, чем от голода физического, настрадались эти люди от голода интеллектуального. Многие были знакомы еще на воле, большинство слышали друг о друге, но если даже не слышали, понимали, что все здесь собравшиеся – люди одного круга, что тут возможен долгожданный разговор по душам, а главное – что тебя поймут, если ты будешь говорить о Деле. Не о «Деле», в которое подшивали протоколы после мордобоя, а о Деле, которому они были преданы всегда и мысли о котором не могли выбить из них ни рудники, ни лесоповалы. Конечно, и в Болшево были «стукачи», не могли не быть, это означало бы нарушение системы, но плевать им было на стукачей! Они не говорили о политике, у них была масса гораздо более интересных тем для обсуждения. И более того, так, как они разговаривали здесь, они не могли говорить на воле. Там, разделенные глухими заборами специализированной секретности, они не имели права на такое общение. «Титул» «врага народа»[82] освобождал их теперь от всех

обязательств и расписок, хранящихся в 1-м отделе. Тайн не существовало! Собираясь группками, они по многу часов что-то обсуждали, рисовали, чертили пальцем в воздухе и понимали, читали эти невидимые чертежи, схватив карандашный огрызок, тут же считали, радостно тыча в грудь друг друга клочки бумаги с формулами.

– А если мою пушку поставить на ваш танк, вы представляете?!

– Есть такой масляной насос! Уже года два, как мы его сделали! Точно под ваши расходы…

– Надо зализать вот это ребро вашей рубки, как мы сделали на ГАНТ-8[83], и скорость лодки наверняка возрастет…

– Эта тяга работает на срез и, уверяю вас; сварка здесь лучше клепки…

– Да все очень просто! Смотрите, выкидываем нервюру, она вам абсолютно тут не нужна, только вес нагоняет, и нужное место освобождается!

Это были минуты высокого наслаждения, потому что в эти минуты они не ощущали себя рабами, в каждом из них воскресал человек. Унизительное существование, еще вчера определяемое пайкой хлеба, перечеркивалось гордой формулой Рене Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую».

Королев еще сидел в Новочеркасской тюрьме, впереди был этап к берегам Тихого океана и Мальдяк, и обратный путь, когда в феврале 1939 года Андрея Николаевича Туполева привезли в Болшево. В просаленном пятнистом макинтоше и кепочке – так его увезли из Наркомтяжпрома осенью 37-го – выглядел он странновато. Прижимал к себе «сидор», в котором хранилась пайка черного хлеба и несколько кусочков сахара. Расставаться с этими сокровищами не хотел, пока его не убедили, что кормят тут сытно и вволю. Из уважения к авиационному патриарху (а патриарху только что исполнилось пятьдесят) зеки отвели ему койку у печки. Туполев уселся на ней в излюбленной своей позе – подвернув под себя ногу в шерстяном носке, огляделся и спросил:

– Так. Замечательно. А работают-то у вас где?

В Болшево было три барака: спальня и помещения охраны, столовая с кухней и КБ – рабочий барак. Там разворачивался Бартини. Вместе с Сергеем Егером – недавним сотрудником Ильюшина[84], они задумали какой-то фантастический самолет и уже сделали эскизный проект. Туполев долго разглядывал чертежи, ворчливо спрашивал: «А это еще зачем?» – и черкал коричневым карандашом. В тот же день он заявил Кутепову, что работать начнет при одном условии: он должен убедиться, что жена его на свободе.

Григорий Яковлевич Кутепов, начальник Болшевской шараги, делал головокружительную карьеру. Как вы помните, в декабре 1929 года в Бутырской тюрьме существовало КБ ВТ – Конструкторское бюро «Внутренняя тюрьма» – во главе с Поликарповым и Григоровичем, в ту же зиму переведенное на территорию Ходынского аэродрома и названное ЦКБ-39-ОГПУ. Кутепов трудился на этом аэродроме слесарем-электриком, но подлинное свое призвание нашел он в работе с зеками. Через десять лет Гришка Кутепов – так называли его все авиационники – вознесся до начальника вновь организованной шараги. В конструировании самолетов Гришка ничего не понимал, но кто такой Туполев – знал и понял, что просто отмахнуться от ультиматума Андрея Николаевича нельзя. Он доложил по начальству.

Жена Туполева, Юлия Николаевна, была арестована через неделю после того, как Андрея Николаевича увезли на Лубянку. Ее допрашивали шесть раз, добиваясь признания в антисоветской деятельности мужа; никаких показаний она не дала и с конца апреля 1939 года вызывать на допросы ее перестали. Туполеву передали записку, в которой она его успокаивала, но Берия обманул: освободили ее только в ноябре.

Изголодавшийся по работе Туполев обрушил на своих коллег целую россыпь замечательных идей. Он предложил делать новый бомбардировщик – скоростной, пикирующий, небольшой, двухмоторный, с экипажем не более трех человек – мобильный самолет мобильной войны. Работа закипела и продвигалась очень быстро, поскольку ею занимались классные специалисты. Но однажды, после очередной поездки в Москву, Туполев вернулся раздраженным и на следующий день его снова повезли на Лубянку вместе с Егером, Френкелем и всеми чертежами будущего самолета. К ночи они не вернулись. И на следующее утро их не было. По шараге поползли слухи.

Вкусив «сладкой жизни» Болшева, зеки смертельно боялись возвращения на каторгу. Косой взгляд Гришки, небрежно брошенное им слово, просто по неграмотности его приобретающее двоякий смысл, малейшие изменения режима шарашки, снабжения, питания и всего прочего сразу всех настораживали. А тут уехали – и нет! Ужели теперь разгонят и впереди этап?!

Оказывается, тройку зеков с чертежами принимал Давыдов – новый начальник всех шараг, сменивший Кравченко. Идея бомбардировщика ему понравилась, и он предупредил, что завтра их примет Берия, которому Туполев должен все подробно объяснить. Для «удобства» обратно в Болшево их не повезли, а

развели на ночь по одиночкам внутренней тюрьмы. Этот визит со слов Туполева описал в своих воспоминаниях, опубликованных в 1988 году, один из его ближайших соратников Леонид Львович Кербер[85]: «Прием у Берии, в его огромном кабинете, выходившем окнами на площадь, был помпезным. На столе разостланы чертежи. У конца, который в сторону „ближайшего помощника и лучшего друга“ главного вождя, сидит Туполев, рядом с ним офицер, напротив – Давыдов. Поодаль, у стены, между двумя офицерами – Егер и Френкель. Выслушав Туполева, „ближайший“ произнес: „Ваши предложения я рассказал товарищу Сталину. Он согласился с моим мнением, что нам сейчас нужен не такой самолет, а высотный, дальний, четырехмоторный пикирующий бомбардировщик, назовем его ПБ-4. Мы не собираемся наносить булавочные уколы, – он неодобрительно указал пальцем на чертеж АНТ-58, – нет, мы будем громить зверя в его берлоге. – Обращаясь к Давыдову: – Примите меры, – кивок в сторону заключенных, – чтобы они через месяц подготовили предложения. Всё!“

Трудно даже вообразить себе ярость Туполева – человека страстей необузданных. Кто больше понимает в самолетах, он или Берия?!! Кому нужна эта четырехмоторная тихоходная махина при нынешнем потолке зенитной артиллерии?! Постепенно он успокоился, подумал, поговорил со своей «гвардией» и решил, что, взяв за основу АНТ-42, сделать эту летающую мишень для зенитчиков можно, но делать ее все-таки не нужно.

– Жорж! – крикнул он Френкелю. – Бери бумагу, будем писать объяснительную записку!

В записке доказывалось что конструировать четырехмоторный бомбардировщик нецелесообразно потому, что он уже сделан и надо просто наладить его производство. А нужен небольшой, массовый, маневренный пикирующий бомбардировщик. Гарантировать те тактико-технические показатели, какие от него требуют для четырехмоторной громадины, он не может, а для АНТ-58 может и гарантирует.

Туполев умер в 1972 году, мне довелось лишь однажды говорить с ним, расспросить обо всей этой эпопее я его не успел. Да и не уверен, что он стал бы мне рассказывать – к пишущей братии Андрей Николаевич был очень строг, на просьбы часто отвечал неоправданно резкими отказами, капризничал. Поэтому я вынужден снова прибегнуть к помощи Леонида Львовича Кербера.

«Через месяц Туполева отвезли на Лубянку одного. На этот раз он пропадал три дня, и мы изрядно за него поволновались, а, вернувшись, рассказал:

– Мой доклад вызвал у Берия раздражение. Когда я закончил, он взглянул на меня откровенно злобно. Видимо, про ПБ-4 он наговорил Сталину достаточно много, а может быть, и убедил его. Меня это удивило, из прошлого я вынес впечатление, что Сталин в авиации, если и не разбирается, как конструктор, то все же имеет здравый смысл и точку зрения. Берия сказал, что они разберутся. Сутки я волновался в одиночке, затем был вызван вновь. «Так вот, мы с товарищем Сталиным еще раз ознакомились с материалами. Решение таково: сейчас, и срочно, делать двухмоторный. Как только кончите, приступите к ПБ-4, он нам очень нужен». Затем между нами состоялся такой диалог:

Берия: Какая у вас скорость?

Я: Шестьсот.

Берия: Мало, надо семьсот! Какая дальность?

Я: Две тысячи километров.

Берия: Не годится, надо три тысячи! Какая нагрузка?

Я: Три тонны.

Берия: Мало, надо четыре. Все! – И обращаясь к Давыдову: – Поручите военным составить требования к двухмоторному пикировщику. Параметры, заявленные гражданином Туполевым, уточните в духе моих указаний».

Позднее Туполев объяснил своим коллегам, что идея ПБ-4 была порочна не только с технической и военно-тактической точки зрения, но и грозила арестованным конструкторам гибельными последствиями. Самолет, придуманный Берия, военные скорее всего не приняли бы, а их отказ был бы равносилен новому обвинению во вредительстве и, кто знает, чем бы окончилась эта история для авторов отвергнутого проекта.

Но теперь все страхи были позади, и работа возобновилась с прежним рвением. Один из ее эпизодов завершал недолгую, но славную историю Болшевской шарашки.

Туполев решил построить макет будущего бомбардировщика в натуральную величину прямо в зоне, под открытым небом. Сергей Егер чертил шпангоуты на фанере, Саша Алимов (бортмеханик с 39-го авиазавода) выпиливал и сбивал всю конструкцию. Туполев и сам с удовольствием приходил помогать. Скоро макет был готов. Но тут прибежал Гришка Кутепов и потребовал немедленно макет разобрать. Остряки пустили слух, что Гришка боится, как бы зеки не совершили побег с помощью макета, но скоро выяснилось, что военлеты с Монинского аэродрома увидели сверху лежащий в лесу самолет, решили, что он сел на вынужденную, и товарищей надо спасать! Как был погашен благородный порыв летчиков, неизвестно, макет накрыли огромным брезентом, а всей Болшевской шараге скоро

пришел конец. К этому времени московские металлурги выполнили ответственнейшее задание Лаврентия Павловича – изготовили огромное количество железных решеток, которыми изнутри, чтобы не портить импозантного фасада, одели все окна здания ЦАГИ на углу улицы Радио и Салтыковской набережной[86] речки Яузы.

В этом здании размещался КОСОС – руководимый Туполевым Конструкторский Отдел Сектора Опытного Строительства ЦАГИ, а также завод № 156, воплощавший в металле эти конструкторские опыты. Отныне зарешеченное учреждение именовалось Центральным конструкторским бюро № 29 НКВД. Болшево – отстойник, разноязычный Вавилон, ЦКБ-29 – это уже большая, настоящая, в данном случае – авиационная шарага.

Появление Туполева в ЦАГИ произвело впечатление разорвавшейся бомбы: ходили упорные слухи, что Андрей Николаевич расстрелян. Он вернулся на родное пепелище, но именно на пепелище: конструкторское бюро было просто разгромлено НКВД.

Еще в Болшеве Туполев заявил, что конструирование самолетов – дело коллективное и для того, чтобы выполнить то, что от него требуют, ему нужны специалисты.

– Какого черта вы упрекаете меня в медлительности, – раздраженно, в своей обычной небрежно грубоватой манере говорил Андрей Николаевич. – А с кем я работаю? В КБ приходят люди разных специальностей, чаще не способные отличить крыло от хвостового оперения. А инженеров-авиационников разбросали по всей стране… Вам какие самолеты нужны: из говна или из металла?

Слух о шарашке гулял по ГУЛАГу, зеки сюда стремились, и к туполевскому порогу подчас действительно прибивало людей случайных, никакого отношения к авиации не имеющих. Так в ЦКБ-29 оказался бывший начальник Ленинградской электротехнической академии Константин Полищук, математик и физик Юлий Румер, звукооператор Виктор Сахаров, дипломник Станкостроительного института Игорь Бабин, изобретатель и разведчик, человек фантастической биографии Лев Термен. Это были люди очень талантливые, как говорится, все хватающие на лету, но сразу заменить специалистов при всех своих талантах они не могли.

Кутепов подумал, посоветовался на Лубянке и предложил Туполеву составить списки нужных людей. Списки составлять было опасно: в них могли оказаться вольные, и Туполев боялся упрятать их за решетку. Постепенно, опросив товарищей, встречавших в тюрьмах своих коллег, Туполев списки такие все-

таки составил, и в Болшево, а потом и на яузскую набережную стали стекаться авиаарестанты.

Списков Туполева я не видел, но, думаю, они сохранились: такие документы не выбрасывают, они лежат в каком-нибудь архиве, ждут своего часа. Не знаю, был ли в этих списках Сергей Павлович Королев. Весьма вероятно, что был. Ведь планеризм давно ввел его в мир авиации. Как помните, и писали о нем, как об авиаконструкторе. Да и корни увлечения ракетной техникой – в авиации. Пленники Болшева могли встретиться с Сергеем Павловичем в Бутырке в 38-м году, и в 40-м, и в пересылках. Если колымская легенда об Усачеве верна, то и он, возможно, рассказал Андрею Николаевичу о Королеве, поскольку точно известно, что Михаил Александрович Усачев работал в шараге у Туполева. Да и сам Туполев мог вспомнить о своем дипломнике, ведь и десяти лет не прошло с того времени, как он консультировал королевскую авиетку СК-4. Впрочем, это все неважно. Был ли Королев в списках Туполева или не был, но Кобулов постановление подписал, и в сентябре 1940 года Сергей Павлович был доставлен в ЦКБ-29-НКВД.

Такое пережить надо. Спальни с наволочками и простынками. И в спальню не входят вертухаи, спальня – заповедник зеков. И в спальне ночью тушат свет: уже два года, если не считать теплушек, не спал он в темноте. И душ! И в столовой скатерти, салфетки, хлеб лежит горкой и тарелки глубокие и мелкие, и ложки, вилки, ножи, и какао, и кто-то сердито выговаривает подавальщице, что какао остыло! Такое пережить надо!

Вновь прибывшие первый день не работали. Надо было, чтобы они немного пришли в себя, уяснили новые правила, поняли, что таскать из столовой и прятать под подушку хлеб – не следует. На другой день новичка определяли в одно из конструкторских бюро, составляющих ЦКБ-29: кроме группы Туполева, самой многочисленной и сильной, здесь работали группы Петлякова, Мясищева, а позднее и Томашевича.

Раньше всех в ЦКБ перебрался со своими людьми Владимир Михайлович Петляков. Петлякова арестовали через неделю после ареста Туполева, и в конце мая 1940 года Военная коллегия Верховного суда заочно определила ему десять лет лагерей, пятилетнее поражение в правах и конфискацию всего имущества. Однако после вынесения этого приговора заключенным Петляков числился меньше двух месяцев.

Дело было так. Петляков и его группа начала работать над двухмоторным высотным, скоростным истребителем-перехватчиком. Очень быстро такой истребитель был создан, и в апреле 1940 года летчик-испытатель Петр Стефановский уже

летал на нем, а 1 мая проект 100 – «сотка» – так называлась новая машина – уже участвовала в Первомайском параде на Красной площади. Стефановский сделал эффектную горку над мавзолеем, впопыхах забыв убрать шасси. Если бы створки шасси не выдержали воздушного напора, оторвались и спланировали на Красную площадь, и Стефановского, и Петлякова, думаю, расстреляли бы в тот же день: трудно было бы вообразить более очевидное покушение на вождя. Но створки выдержали! Пронесло!

Однако тут выяснилось, что истребитель, хоть и неплох и сделан в рекордно короткий срок, но армии не очень-то и нужен, поскольку функции его может выполнить МиГ-3, первый вариант которого тоже полетел в апреле 1940 года. К августу его испытания были закончены, новый истребитель участвовал в авиационном празднике в Тушине и очень понравился Сталину. Сразу было принято решение о его серийном выпуске. Но и до полета в Тушине всем было ясно, что «сотка» не нужна. Подобно сказочной царевне, которую царь-самодур замучивает невыполнимыми поручениями, и Петляков, как в сказке, получил новое, поистине невероятное задание: за полтора месяца переделать истребитель в бомбардировщик. И переделал! И, что самое удивительное, получилась очень неплохая машина – всем известный Пе-2 – один из основных наших бомбардировщиков во время войны. Серийное производство его началось уже 23 июня 1940 года, а 25 июля Петляков был освобожден вместе с группой своих помощников, среди которых были известные авиационные специалисты: Николай Некрасов, Курт Минкнер, Борис Кондорский, Николай Петров, Амик Егинбарян и другие.

Дальше судьба-индейка распорядилась так. В 1941 году Петляков получает за бомбардировщик Сталинскую премию, а после начала войны работает в Казани, организует массовый выпуск своих самолетов. В январе 1942 года его вызвали в Москву. Он полетел на одном из Пе-2, который перегоняли на фронт. Под Арзамасом самолет загорелся и упал. Так нелепо погиб действительно в самом расцвете сил этот талантливый авиаконструктор.

Когда Королева привезли на улицу Радио, «первый выпуск» состоялся – Петляков и его товарищи работали в ЦКБ-29 уже «вольняшками», ночевать ездили домой. Вместе с Петляковым был, непонятно почему (к Пе-2 он никакого отношения не имел), освобожден и Владимир Михайлович Мясищев – «Вольдемар», как звал его Туполев, «Боярин» – такое прозвище было у него в шараге. Мясищев возглавлял второе КБ, которое проектировало дальний, высотный бомбардировщик – проект 102. К нему и был

определен Королев. Работа шла уже полным ходом, что-то еще чертили, а что-то уже строили. Королеву Мясищев поручил сделать бомбовые люки. Сделал быстро и хорошо: створки уходили во внутрь, не портили аэродинамику. Но потом работа разладилась. Мясищев был человек не легкий. В отличие от добродушной грубости Туполева, «Боярин» иногда резко язвил, мог поранить больно, обидно. Королев – сам не сахар, да и от тюремной жизни еще не отошел. Они сцепились. Королев перешел в КБ Туполева.

Почти все люди, находившиеся в то время рядом с Королевым, отмечают его постоянную угрюмость, глубокую подавленность и предельно пессимистический взгляд в будущее. «Хлопнут нас всех, братцы, без некролога» – вот фраза, наиболее характерная для Королева 1940 года.

Многим авиационникам срок дали уже в ЦКБ – приехал чекист, вызывал по одному, предъявлял постановление и велел расписаться. Все получали «по стандарту» – десять лет и пять лет поражения в правах. Исключение составляли Туполев, которому дали 15 лет, и вооруженец Борис Сергеевич Вахмистров, получивший, непонятно почему, 5 лет. (Опять эти порочные поиски логики!) Чекист забрал расписки и уехал, жизнь пошла своим чередом, абсолютно ничего не изменилось – что был приговор, что не было его.

Существует шуточное определение, что пессимист – это хорошо информированный оптимист. На фоне своих товарищей по несчастью Королев выглядел (и был!) пессимистом потому, что он гораздо лучше был осведомлен о лагерном бытие. Многие зеки ЦКБ вообще не знали, что такое этап, лагерь. Королев никак не мог прийти в себя после второго приговора, в «рай» ЦКБ он не верил, был убежден, что сладкое это бытие продлится недолго, а когда слышал, что «вот сделают самолет и всех отпустят», – криво улыбаясь, наставлял розовых оптимистов:

– Поймите, никто не застрахован от разных qui pro quo[87] Фемиды. Глаза-то у нее завязаны, возьмет и ошибется, сегодня решаешь дифференциальные уравнения, а завтра Колыма...

Мысль о неотвратимости Колымы преследовала его постоянно.

Вообще в шараге существовало довольно четкое деление на пессимистов и оптимистов. Кроме Королева, к пессимистам относился, например, физик Карл Сциллард. Периоды спокойной работы сменялись у него ни с того ни с сего вспышками мадьярского гнева, он не находил себе места, метался и, наконец, дождавшись отбоя, затихал, уткнувшись лицом в подушку. Он был убежден, что все изменения их существования могут

происходить только в худшую сторону.

Воинственно мрачным был и Петр Александрович Вальтер, тоже туполевский аэродинамик, член-корреспондент Академии наук. Сухонький, маленький этот человек в старомодном пенсне, задрав кверху бородку, все время атаковал молодежь, которая наградила его за агрессивность прозвищем «тигромедведя», хотя Вальтер категорически не был похож на тигра, а на медведя – тем более. Судьба этого выдающегося ученого трагична. Милость Берия по причинам непонятным постоянно обходила его во время разных локальных амнистий, и Петр Александрович так и умер в тюрьме – в Таганрогской шараге – уже после войны.

Напротив, безусловным оптимистом был, например, Александр Васильевич Надашкевич – едва ли не лучший в стране специалист по авиационному вооружению, бонвиван, сердцеед, жизнелюбия которого не могла поколебать ни КБ «Внутренняя тюрьма» в 1929 году, ни ЦКБ-29 в 1939 году.

– Уверяю вас, ничего с нами не будет, – убеждал он маловеров. – Мы умеем делать хорошие самолеты, а самолеты им нужны, и никто нас не расстреляет.

Надашкевич ошибался. Очень многих ответственных работников авиационной промышленности расстреляли в 1938 году еще до организации шарашек. Среди них Николай Михайлович Харламов, начальник ЦАГИ; Василий Иванович Чекалов, начальник 8-го отдела ЦАГИ, Евгений Михайлович Фурманов, заместитель начальника отдела подготовки кадров ЦАГИ; Кирилл Александрович Инюшин, заместитель начальника планово-технического отдела завода № 156; Израиль Эммануилович Марьямов, директор завода № 24; Георгий Никитович Королев, директор завода № 26; Андрей Макарович Метло, начальник 2-го отдела 1-го Главного управления НКОП, и другие ни в чем не повинные люди, которые умели делать хорошие самолеты.

Наверное, было бы неправильно объяснять пессимизм Королева только неожиданно свалившимся на него новым приговором. Мне кажется, есть и другие причины, и одна из них – жажда ясности. Биография Сергея Павловича постоянно демонстрирует эту острейшую его потребность. Он любил знать. С той поры, когда в нежинском доме бабушки он спрашивал молоденькую учительницу, Лидочку Гринфельд, которая читала ему басни Крылова: «А что значит вещуньина?» – с тех младых лет крепло в нем постоянное желание разобраться во всем окружающем, понять ход событий, ясно представлять себе продолжение своей жизни. Он всегда знал, что надо делать, и смело планировал свое будущее. Тюрьма лишила его не только

движения в пространстве, но и движения во времени. Неопределенность существования угнетала не меньше, чем условия этого существования. И раскрыть эту неопределенность он не мог, ибо не понимал ее механизма. Королев много размышлял над тюремными правилами шараги. Многие из них, какими бы дикими они не казались заранее, он все-таки мог объяснить. Ну, скажем, запрещалось иметь часы. Вообще нигде никаких часов не было. Дико? Но все-таки можно объяснить: нельзя согласовать время побега. Есть приемы, которые позволяют использовать часы как компас (что особенно актуально в Москве!). Тут хоть видимость какой-то работы мысли. Или замена фамилий конструкторов во всей технической документации личными номерами. И это можно понять. Номер вместо фамилии – давнее тюремное правило. Сталин всегда боролся с человеческой личностью, иметь свои лица разрешалось нескольким десяткам людей в стране – тоненькой пенке из писателей, музыкантов, актеров, летчиков, ученых, ударников, спортсменов, – прикрывавшей огромную безликую массу народа. Один человек должен отличаться от другого не больше, чем друг от друга отличаются цифры, – это понятно, поскольку соответствует духу режима. Но существовали вопросы, которые Королев, равно как и другие зеки, часто задавали себе и ответы на которые не находили. Почему, например, Берия вообще возродил шараги? Надашкевич прав: нужны хорошие самолеты, которые будут защищать существующий строй. И другое есть объяснение: Берия требуется доказать эффективность своей системы.

Но зачем эти простыни и какао? Ведь все эти люди конструировали бы самолеты лишь за право их конструировать, за счастье сменить тачку на кульман, за то, что рядом с тобой спит член-корреспондент Академии наук, а не «вор в законе». Конечно, нельзя строить самолеты, если постоянно думаешь о куске хлеба. Но если мыслить в этом направлении и признать зависимость итогов творчества от условий жизни творца, то почему же вообще не освободить?! Хорошо, давайте следовать их логике и считать, что Петляков сделал хороший самолет не потому, что он не может сделать плохой, а потому, что хочет получить свободу. Но по такой логике получается, что теперь, находясь на свободе, Петляков вообще перестанет делать самолеты! Как понять эти дикую систему, этот извращенный ход мыслей? Размышления на эту тему были продолжением того духовного кризиса, который переживал Королев даже не с момента своего ареста, а раньше, с тех пор, как расстреляли Тухачевского, как посадили Клейменова и Лангемака.

Реставрация души проходила медленно, но проходила. На берегах Берелёха его сгибали и замораживали, на берегах Яузы он выпрямлялся и оттаивал.

Вновь повторю: для Королева работа была важнее свободы, а условия работы в его положении тут были идеальные. Конструкторские бюро не запирались на ночь, приходи, когда хочешь, и работай. Если надо пройти на опытное производство (завод № 156 – ЗОК – завод опытных конструкций ЦАГИ находился на той же территории), из «паровозного депо» вызывался сопровождающий «попка» (он же вертухай, он же «тягач», он же «свечка». У Туполева было свое название: «Лутонька с вышки». Почему «Лутонька» – добиться было невозможно). Неподалеку от «паровозного депо» располагался кабинет Гришки Кутепова и его заместителей: Ямалутдинова – «руководителя» Петлякова, Устинова – «руководителя» Мясищева и Балашова – «руководителя» Туполева.

О компетентности этих «руководителей» можно судить по такому случаю, – он запомнился всем обитателям шарашки, с которыми мне довелось говорить.

Два инженера из КБ Мясищева пришли к их «руководителю» Устинову и предложили разработать новый аварийный двухтактный бензиновый движок, который можно было включить на случай, если генераторы самолета выйдут из строя. Устинов задумался. Потом спросил:

– А в чем новизна? Какие движки сейчас ставят?

– Четырехтактные. А наш будет двухтактным.

Устинов задумался надолго, потом сказал с очень серьезным, озабоченным видом:

– Вот всегда мы торопимся. С четырехтактного сразу на двухтактный. Рискованно. Сделайте для начала трехтактный...

После этого, иначе как «Трехтактным» Устинова никто не звал.

Пожалуй, из всех «руководителей» терпимее всего относились к Минуле Садриевичу Ямалутдинову. Каким-то образом этот умный и хитрый татарин дал всем почувствовать, что он отлично понимает, что они – никакие не «враги народа», но он будет делать вид, будто они враги. И еще, он не разбирается в технических вопросах совершенно, но будет делать вид, будто разбирается. Такой молчаливый договор всех устраивал.

«Паровозное депо», кабинеты «руководителей» и другие административные помещения располагались на трех первых этажах. Выше начиналось собственно конструкторское бюро. Стол Королева стоял в «аквариуме» – большом двухэтажном зале с огромными окнами, выходящими во внутренний двор ЦАГИ.

«Аквариум» был набит битком – там работало больше сотни человек. Тут сидели в основном «каркасники», т.е. проектировщики фюзеляжа, крыльев, оперения. Вооруженцы, специалисты по электрооборудованию и разной другой самолетной начинке располагались в маленьких комнатах неподалеку от «аквариума» и на других этажах. ЦКБ-29 было могучей организацией – наверное, крупнейшим авиаконструкторским бюро страны, в котором работало не менее восьмисот сотрудников. Зеки составляли лишь небольшую – около сотни, – но важнейшую часть, поскольку это был мозг ЦКБ.

Отличить зека от вольняшки на работе было довольно трудно. Зеки выглядели пообшарпаннее, но и вольняшки одеты были скромно. Только, разглядывая тот же «аквариум» долго, внимательный наблюдатель заметил бы, что зеки как бы молчаливее: к ним не обращались ни с какими разговорами, с работой не связанными.

Выше конструкторского бюро размещалась тюрьма, т.е. спальни зеков. Было четыре спальни, каждая примерно человек на тридцать. Заселялись они вначале хаотично, «по мере поступления контингента», потом происходило перераспределение: пожилые к пожилым, молодежь – к молодежи. У каждой спальни был назначенный «руководством» староста. Самая большая спальня: «Дубовый зал» называлась спальней Алимова – он был старостой «зала», где жили Туполев и его ближайшие сотрудники: Базенков, Егер, Надашкевич, Вигдорчик, Бонин и другие.

Королев жил в спальне Склянского. Иосиф Маркович Склянский – в прошлом ведущий инженер по электрооборудованию завода № 22, а теперь заместитель Кербера, на беду свою, был не только членом «русско-фашистской партии», но и родным братом Эфроима Марковича Склянского – правой руки Троцкого. Эфроим Маркович был потом определен Сталиным на дипломатическую службу и утонул в каком-то глухом озере при загадочных обстоятельствах. В спальне Склянского соседями Королева были Дмитрий Марков – арестован у Поликарпова, Туполев сделал его начальником бригады оперения; Тимофей Сапрыкин – в прошлом автогонщик, а после перелома ног – начальник бригады шасси (что, конечно, вызывало шуточки), старый летчик и конструктор Вячеслав Павлович Невдачин, который летал над Одессой раньше, чем маленький Сережа поселился на Платоновском молу, а с 20-х годов работал с Поликарповым. Не то, чтобы Королев соседей своих сторонился, но первым с ними в разговор никогда не вступал. Когда спрашивали, отвечал приветливо, но дружба не

возникала. Королев трудно сходился с людьми, а здесь еще, конечно, тюрьма виновата. Как сказал еще в XVII веке английский богослов Томас Фуллер, «не может быть дружбы там, где нет свободы».

Рядом с кроватью Сергея Павловича, как и у других зеков, стояла своя – «персональная» – тумбочка, в которой, к его великому удивлению, ни разу не сделали «шмона»[88].

Вообще обхождение с зеками было самое вежливое, называли на «вы», а уж о зуботычинах и говорить нечего. После Бутырки, не говоря уже о Колыме, правила для зеков выглядели пределом тюремного либерализма. Заключенным ЦКБ запрещалось посылать с вольняшками записки домой и получать через них письма из дома. Вообще какое-либо внеслужебное, к делу не относящееся общение с ними преследовалось. Вольняшкам за такие дела грозили арестом. Запрещалось иметь в спальне ножи – только у старост. Каралось пьянство. Спиртного не было, но за потребление одеколона из тюремного ларька можно было угодить в карцер Бутырки, поскольку своего карцера в ЦКБ не предусмотрели. Но к карцеру прибегали крайне редко – зеки были очень дисциплинированными, – Гришка объяснил популярно: если что не так – сразу в лагерь.

Выше спальных этажей, уже на крыше, находился «обезьянник» – обнесенная решеткой площадка, действительно похожая на вольеру зоопарка. Там гуляли и разглядывали Москву. Королеву рассказывали, что 1 мая из «обезьянника» была видна летящая над Красной площадью «сотка», и Петляков даже закричал: «Шасси! Он не убрал шасси!..»

В «обезьяннике» вечерком хорошо было посидеть, покурить. Папиросы выдавались бесплатно с тех пор, как однажды, после очередного совещания в кабинете Берия, Туполев стал собирать коробки и пачки, лежащие на столе, и рассовывать их по карманам. Берия спросил, в чем дело?

– Мало того, что кормят паршиво, курить моим ребятам нечего! – отрезал Туполев.

Берия тут же вызвал какого-то хозяйственника и приказал снабжать ЦКБ папиросами и организовать питание на ресторанном уровне.

Кутепов – делать нечего, САМ приказал! – устроил опрос: кто что курит? Модные папиросы «Герцеговина Флор» (Сталин крошил их в трубку) заказали Туполев (для представительства, сам Андрей Николаевич не курил) и Алимов (из молодого пижонства). Профессор Некрасов предпочитал «Казбек», остальные – демократический «Беломор».

С ресторанным питанием оказалось сложнее. Гришка был в

панике.

– Где же я вам возьму ресторанного повара?!

– Да хотя бы в «Национале», – спокойно парировал Туполев. – Что вам стоит арестовать шеф-повара и сюда!

Поднималась шарага в семь часов, умывались, брились, стелили постели и шли завтракать: каша, масло, кефир, сладкий чай. Потом работали до обеда. С часа до двух – обед: суп, мясо с гарниром, компот, какао, и снова работа до семи вечера. В восемь ужин: опять какое-нибудь горячее блюдо, кефир, чай, и свободное время до одиннадцати часов. Если ты хотел поработать ночью, приносили бутерброды, кефир, чайник с кипятком и заварку.

В свободное время каждый занимался, чем хотел. Много читали. Был кружок любителей поэзии. Книги шли из Бутырской тюрьмы, библиотека которой, как и библиотека Лубянки, была одной из лучших в Москве, постоянно пополняясь конфискованными собраниями «врагов народа». На некоторых томиках даже можно было обнаружить заметы прежних владельцев: «Радек», «Рыков», «Из книг Бухарина». Устраивали производственные микросоветы. Просто трепались, сплетничали на тюремные темы, любители обсуждали прекрасную половину ЦКБ. Гуляли в «обезьяннике», в жаркие летние вечера поливали там друг друга из пожарного шланга. Однажды окатили Туполева, он так ругался, что слышно было на набережной. Полищук, Бартини и Соколов в свободное время занимались наукой – ставили опыты, исследовали, как влияет электрическое поле на обтекание конструкций воздушным потоком. Абрам Самойлович Файнштейн был нашим торгпредом в Италии и сидел не как член «русско-фашистской партии», а как «фашистский шпион». В шарагу он попал, поскольку был, кроме того, еще замечательным химиком, специалистом по бакелиту и плексигласу. В свободное время он выпиливал отличные расчески, так его и звали: Главный конструктор расчесок. Николай Николаевич Бочаров делал скрипки. Приглядевшись к нему, молодежь – Паша Буткевич, Игорь Бабин, Виктор Сахаров – соорудила из фанеры гитары, балалайки, мандолину и бубен с плотной калькой вместо кожи. Так родился маленький оркестрик, воистину «надежды маленький оркестрик»... Вечерами играли, пели.

Королев, который с юных лет никогда не был заводилой по части развлечений, и здесь держался в стороне. Замечали, что он что-то пишет, считает на линейке. Вряд ли эта работа касалась бомбардировщика. Никаких записей и набросков того времени не сохранилось. Уверен, что эти его потаенные труды имели отношение к ракетной технике, потому что везде, где имелась хоть какая-нибудь возможность заниматься ракетной техникой,

будь то тюрьма или курорт, Королев ею занимался.

Константин Ефимович Полищук свидетельствует: «Сергей Павлович все время обдумывал какой-то летательный аппарат, но что это был за аппарат, я не знаю. Я слышал, что он ходил с каким-то предложением к Кутепову». Королев ни с кем не делится, не советуется, расчетов своих не показывает. Отношение вообще к ракетной технике в авиационной среде было явно негативное – инженер Папок, его оппонент в Исарах, увы, не был одинок. Один из зеков однажды прямо сказал Королеву:

– Вы со своими лунными проектами пускали деньги на ветер, вот нас и пересажали за ваши фокусы...

Иногда зекам удавалось убедить «руководство» в необходимости творческих командировок в другие конструкторские бюро, на испытательные станции, полигоны и аэродромы. Вырваться хоть на день из клетки хотелось всем, но удавалось это не часто. Арон Рогов и Александр Алимов, например, работавшие над двигателем будущего бомбардировщика, ездили на Центральный аэродром в бокс ЦАГИ, «гоняли» двигатель. Надашкевич, Кербер и Френкель навалились на Туполева: надо съездить на несколько заводов. Туполев сумел договориться с Кутеповым.

Королев никуда не ездил, хотя стремился. Особенно завидовал он Вадиму Успенскому, который однажды попал на полигон под Ногинском и в разговоре обмолвился, что видел испытания ракет. Королев тут же утащил его в укромный уголок:

– Очень прошу, расскажите мне подробно обо всем, что вы там видели...

Успенский рассказал, что видел, как стреляла реактивными снарядами специальная установка, смонтированная на автомашине.

– А еще? – спросил Королев.

– Все...

– Ну, это можно было увидеть и десять лет назад, – Сергей Павлович был явно разочарован.

В шарашке часто устраивали маленькие добровольные собрания, на которых в самой непринужденной обстановке зеки делали доклады, делились планами и идеями. Королев бы, наверное, мог сделать доклад по своей тематике, но упорно отказывался:

– Рано, не о чем еще говорить. Работать нужно...

Но на доклады других зеков он ходил регулярно. Особенно запомнился замечательно остроумный и очень интересный доклад Роберта Бартини. Водя пальцем по специально сделанным для доклада графикам, Бартини сказал небрежно:

– Как вы видите, согласно графику будущий самолет Андрея Николаевича будет иметь скорость не более 585 километров в час.

– Как 585? – взревел Туполев. – 640! Дурак! И графики твои дурацкие!

– Сам дурак!

Началось общее веселье.

Однажды Королев вышел из «аквариума» покурить и не поверил своим глазам – навстречу шел Петр Флёров.

– Это ты? – тихо спросил Сергей.

– Я! – весело ответил Флёров и обнял его.

«Попка» в коридоре крякнул: вольные не только не обнимались с зеками, но даже не здоровались.

Флёров работал в КБ Яковлева, занимался колесами и тормозами. Туполев вызвал его для консультации. Колеса – это была целая проблема. При убирающемся шасси колеса должны были быть как можно меньше. Но где предел?

Флёров приходил к Королеву в «аквариум», они подолгу беседовали. Однажды их застукал Кутепов, но и рта не успел открыть, как Петр, кивнув на Королева, ошарашил его вопросом:

– И долго вы его тут держать будете, товарищ начальник? За соседними столами прыснули в кулак. Гришка растерялся, забормотал невнятно:

– Сколько положено, столько и будем…

Флёров заехал вечером к Ксане, потом к Марии Николаевне, рассказывал о встрече с Сергеем, отдал записочки, которые вынес под стелькой башмака.

– А одет-то он хоть прилично? – взволнованно спрашивала Мария Николаевна, словно это было самым главным.

– Очень элегантно, модно, – улыбался Петр, – черный комбинезон и… бутсы, – хотел сказать: «говнодавы», – так называли эти ботинки в ЦКБ, но постеснялся…

Очень редко зеков из шарашки возили на свидания с родными в Бутырскую тюрьму. Нина Ивановна вспоминала, что Сергей Павлович рассказывал ей, как к нему никто не пришел и он очень горевал. Ксения Максимилиановна описывала эти свидания достаточно подробно. Допускаю, что правы обе: какое-то свидание могло по каким-то причинам не состояться, это огорчило Королева, запомнилось ему, о других он мог и не говорить Нине Ивановне, понимая, что это ей не очень приятно слушать.

Для всех зеков свидания эти были тяжким испытанием. Встречались близкие люди, которые не видели друг друга несколько лет. Встречались буквально на минуты, – что можно

тут успеть рассказать и как можно рассказать, если рядом сидит вертухай. Вертухаи могли воспринимать живых людей, как предметы, но живые-то люди не могли так их воспринимать! А дети! Валентин Петрович Глушко впервые увидел свою дочь на тюремном свидании. Когда Елизавета Михайловна, жена Кербера, войдя в комнату для свиданий, сказала сынишке: «Левушка, поцелуй папу», двухлетний мальчик бросился на колени к вертухаю, обнял его за шею… Это было так страшно, спазм горьких, горячих рыданий душил Леонида Львовича…

Пятилетняя Наташа Королева спросила отца:

– Мама говорила, что ты прилетел из командировки на самолете. Но как же ты сумел сесть, тут такой маленький дворик?

– Сесть-то сюда легко, девочка, – весело сказал молодой вертухай, – улететь отсюда трудно!

Королев отвернулся, чтобы дочка не видела его глаз.

На свидания с улицы Радио в Бутырку их возили в обычном автобусе, безо всяких решеток, только окна не разрешалось поднимать. Свидание начиналось раньше Бутырок – свидание с Москвой, с домами, с людьми на тротуарах, с витринами, с собаками – за окном был мир, столь же реальный для них, сколь реален экранный мир для кинозрителя. Автобус с улицы Радио выползал на улицу Казакова, Инфизкульт, Театр Транспорта. Афиша: «Без вины виноватые» – это про них. Садовое кольцо, НКПС, люди, ныряющие в воронку метро «Красные ворота». Институт Склифосовского, Сухаревская площадь, этих башен с эмблемами ВСХВ по углам Первой Мещанской они еще не видели, кинотеатр «Форум», еще афиша: «Светлый путь» – это явно не про них. Третий Дом Советов, поворот на Каляевскую, отсюда до Конюшковской он мог бы дойти пешком за полчаса, а вот и дом родной – Бутырка!

Свидания происходили в домике во дворе Бутырки, в маленьких комнатах, где стояли большие столы, по обе стороны которых и рассаживались. А вертухай – их называли «гувернерами» – в торце как председатель.

Когда Королев впервые увидел Ксану, он заплакал. Ничего не мог с собой сделать, слезы сами лились. Все спрашивал:

– Ну, как ты? Как Наташка? А мама?

– Я защитила диссертацию… – сказала Ксана.

– О защите говорить тут запрещается, – перебил «гувернер».

Потом Ксана приезжала с Наташей.

Трудно сказать, чего больше было в этих свиданиях: горечи или радости. Перед арестом жили они неладно, в каком-то напряжении, в недобром предчувствии расставания. И вынужденное расставание сохранило, а может быть, и усилило

привкус прошлых размолвок. Беда не приблизила к нему Лялю, наверное, отодвинула еще дальше. Конечно, можно было себя уговаривать: «Весь этот кошмар когда-нибудь кончится, и все наладится...» Уговаривать-то можно, уговорить – трудно...

По воскресеньям не работали. Неожиданно из черных репродукторов – они висели во всех спальнях и за потоки изрекаемой лжи зеки прозвали их «плевательницами» – строгий голос объявил о предстоящем важном сообщении. Вскоре появились вертухай, которые молча, не обращая внимания на протесты, поснимали все «плевательницы» и унесли. Никто не мог понять, что все это значит. «А вдруг ОН умер?» – фантастические предположения взбудоражили спальни. Потом кто-то увидел в окно, как за Яузой к входу в парк МВО бегут люди. Там на столбах висели большие, похожие на граммофонные трубы репродукторы. Целая толпа людей стояла, задрав головы, слушала. Звуки не долетали до зеков, но по тому, как толпа слушала, все поняли, что передается что-то очень важное. Побежали вниз, к руководству, с просьбой вернуть «плевательницы», но прежде чем их принесли и развесили, нашла все-таки дырочку, просочилась с завода новость короткая и ясная: война!

В ЦКБ-29 стояла черная тишина. Все молчали. Но думали об одном и том же: это смерть. Если «политических» расстреливали в мирные дни, то во время войны живыми их не оставят. Где-то в глубине души теплилась робкая надежда: ведь они создают боевые самолеты, нужные как раз сейчас... (Опять, опять эта надежда на логику! Да при чем здесь логика?! Они не знали тогда, что 28 октября 1941 года, когда офицеры фашистского авангарда рассматривали в бинокль Москву, двадцать пять выдающихся военачальников и создателей оружия, ни в чем не повинных людей, были расстреляны под Куйбышевом и Саратовом. Нет такой, пусть даже самой изощренной логики, которая могла бы это объяснить.)

Что же теперь будет с ними? Они уже привыкли ничего не загадывать. Будь, что будет. Надо избегать смерти, но нельзя ее бояться. Мысль о собственной безопасности, остро уколовшая в первые минуты, отодвигалась, расплющивалась огромной, тяжкой, холодной, как камень, думой: «А что же теперь будет со ВСЕМИ нами?..»

Андрей Николаевич Туполев

35

Героического энтузиаста поддерживает надежда на будущую и недостоверную милость, а подвергается он действию настоящего и определенного мучения. И как бы ясно он не видел своего безумства, это, однако, не побуждает его исправиться или хотя бы разочароваться в нем...

Джордано Бруно

В субботу 21 июня 1941 года из Берлина в Рим вылетел личный курьер фюрера с письмом к Муссолини. «Я чувствую себя внутренне снова свободным, после того как пришел к этому решению, – писал Гитлер. – Сотрудничество с Советским Союзом, при всем искреннем стремлении добиться окончательной разрядки, часто тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что освободился от этого морального бремени».

Освободившись от «морального бремени», Гитлер переложил его на плечи миллионов людей. В том числе – на миллионы зеков. Как бы ни были они измучены, искалечены и унижены, как бы ни душила их обида за несправедливые кары, каким бы жаром ненависти к своим палачам ни переполнялись их сердца, они сразу поняли, что есть нечто более важное, вне Сталина существующее, – Родина, которую надо спасать.

Самолет 103, он же – АНТ-58, он же – Ту-2 летчик-испытатель Михаил Александрович Нюхтиков первый раз поднял в воздух 29 января 1941 года. Очень скоро стало ясно, что 103 превосходит Пе-2 и по вооружению, и по бомбовой нагрузке, а главное – по скорости: опытный образец дал 640 километров в час, – за этим бомбардировщиком с трудом могли угнаться истребители. Несмотря на явные достоинства машины, потребовали ее доработки: оказалось, что высотные моторы, под которые она проектировалась, уже не выпускаются. Замена двигателей потребовала новых переделок. Люди, ожидающие главной награды за свою работу – свободы, нервничали. Рождение Ту-2 было процессом трудным, болезненным, но, в конце концов, всем стало ясно, что дальше переделывать нельзя, надо налаживать

выпуск нового бомбардировщика, нужного фронту.

Завод № 156 на набережной Яузы был заводом опытных конструкций. Тут могли сделать все что угодно, но для серийного выпуска самолетов он был совершенно не приспособлен, расти ему было некуда, да и специалисты для такого дела нужны были совсем другие.

Давным-давно, осенью 1929 года, когда ТБ-1 под гордым названием «Страна Советов» прилетел в Америку, Туполев познакомился с двумя головастыми инженерами – Александром Сергеевичем Ивановым и Тимофеем Марковичем Геллером, которые учились у Форда автомобильным премудростям. Вернувшись, они строили автогигант в Нижнем Новгороде, получили ордена, Иванов стал главным инженером ГАЗа (Горьковского автозавода), а Геллер – начальником цеха: на «Дженерал моторс» он начал рабочим и кончил как раз дублером начальника цеха. Потом их посадили. Иванова, впрочем, очень долго не сажали. Арестовали всех руководителей завода, а он все разгуливал на свободе, ужасно мучился постоянным ожиданием неотвратимого унижения и даже подумывал, не пойти ли ему самому в НКВД и во всем «сознаться», потому что он совсем перестал спать. Но, в конце концов, и его посадили. Туполев, узнав об этом, сразу внес их в свои списки – это были едва ли не лучшие в стране специалисты по серийному поточному производству. Поскольку 156-й завод мог изготовить два, три, ну пять бомбардировщиков– не больше, было принято решение срочно создать в Омске авиазавод. ЦКБ-29-НКВД свое существование закончило: 13 июля 1941 года с товарной станции Казанского вокзала ушли три теплушки с зеками. Приготовили место и для Андрея Николаевича, но его не было. Волновались, никто не мог объяснить, где Туполев. А Туполев вместе с семьей был в другом поезде, в купейном вагоне. Через неделю вышел приказ: Андрей Николаевич Туполев 19 июля 1941 года был «по ходатайству НКВД СССР на основании постановления Президиума Верховного Совета Союза ССР от наказания досрочно освобожден со снятием судимости». Вместе с ним освободят Егера, Френкеля, Черемухина, Бонина, Надашкевича, Петрова, Озерова, всего около 20 человек, но тогда они еще числились зеками и занимали положенные им места на нарах в теплушках.

Королев останется зеком: в Омске он узнает, что его фамилии нет в списке освобожденных. Очень многих фамилий не было в этом списке, во много раз более коротком, чем списки Туполева, когда он вытаскивал зеков из лагерей и тюрем. Слухи о помиловании бродили по ЦКБ с весны. Ждал ли он освобождения? А кто же за решеткой не ждет свободы? Конечно,

очень ждал. Но разочарование не было теперь столь острым, как год назад: человека можно приучить ко всему. Три грязно-бурых товарных вагона с двумя окошечками, на каждой стороне забранными колючкой, то цепляли к какому-нибудь составу, то отцепляли, катились они на восток неспешно, «согласно законов военного времени» – этими словами объяснялось тогда все. На остановках у запертых дверей теплушек выставляли часовых. На платформах было много беженцев. Когда люди замечали за колючкой лица зеков, они кричали конвоирам:

– Убить сволочей! Что вы их кормите, мерзавцев! – зеков принимали за пленных немцев. Трудно было в июле 41-го набрать три вагона пленных немцев…

Однако болезненнее всего переживали не проклятия беженцев и не отсутствие горячей пищи, а сокрытие маршрута и их тюремного статуса. Никто не понимал, кто они: заключенные, которых везут в лагеря, или инженеры шарашки, которые продолжат прежнюю работу на новом месте. Это был вопрос важнейший, Королев лучше других понимал, что от его решения, возможно, зависит жизнь. Он выглядывал в оконцы, по названиям станций пробовал определить их путь. «Мамлютка». Где это – Мамлютка? Никто не знал. Пронесся слушок, что вроде бы едут в Омск, но ветераны тут же его отмели, заявив, что в Омске сроду не было авиазавода. Значит, все-таки лагеря? Но однажды на переезде увидели своих вольняшек, платформы с зачехленными, бескрылыми самолетами и вздохнули, наконец, облегченно: значит не этап, значит – эвакуация.

Все как-то сразу повеселели, загомонили, кто-то даже запел. Королев оживленно беседовал с соседями по нарам – Георгием Кореневым и Львом Терменом. Они договорились, что втроем будут делать радиоуправляемую пороховую ракету – бить фашистские танки…

Через восемь дней прибыли в Омск. Поначалу зеков свезли в местную очень грязную и вонючую тюрьму с невероятно свирепыми надзирателями, а через несколько дней разместили в здании школы, переоборудовать которую не успели: ни зоны, ни забора, ни даже решеток на окнах. Такая была толчея и неразбериха, что не то что убежать, можно было просто спокойно уйти средь бела дня. Но постепенно все рассасывалось и утрясалось.

В Омске 41-го года снова воссоединились почти все участники болшевской драмы 39-го. За Иртышом, в Куломзино на базе авиаремонтных мастерских ГВФ был организован авиазавод № 266, где под недремлющим оком все того же Гришки Кутепова обосновались конструкторские бригады Мясищева, Бартини и

Томашевича. Мясищев доводил свою машину – начатый еще в ЦКБ дальний бомбардировщик. Он никак не склеивался и в серию, в конце концов, не пошел. Неудачными были и многочисленные, как всегда, неожиданные поиски Бартини. Томашевич делал истребитель и параллельно штурмовик. Эти самолеты тоже не пошли в серию.

Что касается туполевцев, то, прибыв в Омск, они обнаружили, что их «завод № 166» – никакой не завод, а несколько маленьких, вовсе не авиационных корпусов, даже под крышу не подведенных. Правда, вокруг была большая зона и несколько сотен зеков, – главным образом несчастных рабочих, опоздавших на 20 минут к табельной доске, и несчастных крестьян, принесших горсть колосков с колхозного поля, – с утра до ночи работали на оборонной стройке.

Что касается туполевцев, то, прибыв в Омск, они обнаружили, что их «завод № 166» – никакой не завод, а несколько маленьких, вовсе не авиационных корпусов, даже под крышу не подведенных. Правда, вокруг была большая зона и несколько сотен зеков, – главным образом несчастных рабочих, опоздавших на 20 минут к табельной доске, и несчастных крестьян, принесших горсть колосков с колхозного поля, – с утра до ночи работали на оборонной стройке.

Оборудования, которое привезли из Москвы, для массового производства самолетов было, конечно, недостаточно. Поэтому сюда же, на несуществующий еще завод, были эвакуированы ремонтные авиазаводы из Смоленска и Севастополя и завод № 45 из Ленинграда, который специализировался на производстве деревянных самолетов, в том числе – знаменитых «кукурузников» У-2. У каждого завода был свой директор, который, естественно, как и подобает директору, хотел командовать. Вот в эту стихию и ринулся Туполев.

От многих замечательных авиаконструкторов Андрея Николаевича всегда отличали забота о дальнейшей судьбе рожденного им самолета. Он считал дело сделанным не тогда, когда самолет проходил летные испытания, а когда он шел в серию. Поэтому Туполев лучше других авиаконструкторов знал производство. И сейчас вся его неизбывная энергия была отдана решению единственной задачи: наладить серийный выпуск Ту-2. Все – и вольные, и зеки – работали по 16-18 часов в сутки, и работа эта, вопреки всем «высочайшим» инструкциям режима, размывала различия между ними, рушила остатки отчужденности, которая все-таки существовала на Яузе, но уже не могла сохраниться на Иртыше. Еще неотступно ходили с зеками «попки», но ни в какие разговоры уже не вмешивались, одергивать

зеков не смели. Вообще вся эта охрана напоминала какой-то грустный фарс. Из тюрьмы молодые зеки ухитрялись бегать по ночам к возлюбленным, а те человек двадцать, которые работали в конструкторском бюро, – оно разместилось в центре города в здании пароходства, – ездили из тюрьмы на работу в обычном трамвае в сопровождении одного-двух вертухаев, которые моментально теряли своих подопечных из вида в утренней трамвайной толчее.

Позднее, когда освоились, обжились, анекдотических ситуаций стало еще больше. Константин Ефимович Полищук задержался на заводе – все вертухаи ушли и забыли его. Он походил, побродил и решил идти домой сам. Через проходную его пропустили, а в тюрьму без сопровождающего пускать не хотели, долго пришлось уговаривать. Тем временем на Королева и Купленского, еще одного зека (соседа Полищука) – уже составляли бумагу, как на «соучастника побега».

Георгий Васильевич Коренев с товарищем получил задание «отстрелять» кабину Ту-2 трофейными немецкими пулеметами. Им выдали четыре пулемета, две тысячи патронов, выделили автомобиль, и они поехали на край аэродрома... с одним «попкой», вооруженным древней винтовкой.

– Слушай, парень, – крикнул Коренев, установив пулеметы, – часом, не знаешь, кто кого охраняет?

Кому нужна была вся эта комедия, почему огромное количество сильных молодых людей (около сотни туполевских зеков охраняли сотни полторы «свечек», не считая охраны всей зоны), так нужных фронту, не просто отсиживалось в тылу, но в это невероятно тяжелое время не принимали решительно никакого участия ни в каком производстве – ни в промышленном, ни в сельскохозяйственном, почему и зачем существовала эта армия паразитов, – никто объяснить не мог.

Но гнусная эта игра продолжалась. Вслед за зеками прибыли из Москвы и «руководители»: Кутепов, Балашов, Ямалутдинов. Они, как и прежде, изображали предельную озабоченность, совались без толку в дела, в которых ничего не понимали. Осаживать их боялись. Даже Туполев предпочитал не связываться с ними. И Анатолий Ляпидевский, участник знаменитой челюскинской эпопеи, назначенный директором нового завода, вынужден был считаться с их «указаниями». Он не был большим специалистом-производственником, но отличался неуемной пробивной энергией и смелостью в спорах, подкрепленной Золотой Звездой Героя Советского Союза № 1. Делу Ляпидевский безусловно помог, но когда начался выпуск самолетов, стало ясно, что не всякий храбрый летчик может быть директором

авиационного завода, и Ляпидевского сменил Леонид Петрович Соколов, настоящий, крепкий производственник.

А пока Туполев решил, что самый спокойный для НКВД и не губящий дело вариант – это сделать начальниками цехов вольняшек, даже если не все они тянут на эту должность, а их заместителями поставить энергичных и работающих зеков.

Королев стал заместителем начальника фюзеляжного цеха по подготовке производства. Непосредственным начальником его был Лев Александрович Италинский – он работал у Туполева на заводе опытных конструкций начальником сборочного цеха. Почему его не посадили, непонятно. Он признался Королеву, что ничего не понимает в серийном производстве: всю жизнь занимался созданием единичных экземпляров опытных машин.

– Я тоже ничего не понимаю, – сказал Королев. – Но надо понимать. Будем учиться.

Учителем Королева стал Тимофей Маркович Геллер, тот самый бывший начальник цеха ГАЗа, который по просьбе Орджоникидзе внедрял в авиапроме штамповку, а после ареста оказался в шарашке Туполева. Сергей Павлович задавал Геллеру массу вопросов, начиная с вопросов о малосерийных свинцово-цинковых штампах, кончая системой Тейлора[89], благо они с Геллером не только работали вместе, но и жили в одной камере.

Впрочем, камерой место их обитания можно назвать достаточно условно. Если бы не решетки на окнах, забор, окружающий «зону» – двухэтажный каменный дом, двор с дощатым сортиром и умывальником, – то все это вполне могло сойти за рабочее общежитие.

Да так, очевидно, и намечалось до приезда зеков. Рядом с заводом-новостройкой существовал рабочий поселок имени 10-летия Октября – несколько небольших кирпичных двухэтажных домиков. Два из них и были экспроприированы НКВД. На первом этаже размещались вертухаи и столовая, на втором – жили зеки. В зависимости от размеров комнаты, жили втроем, вчетвером, впятером, но не больше. Отдельные апартаменты – восьмиметровую комнатушку – занимал в доме только Александр Иванович Некрасов.

Некрасов был выдающимся механиком, членом-корреспондентом Академии наук, заместителем начальника ЦАГИ. В 1937 году обрушились на него несчастья: находясь в США, попал он в жестокую автомобильную аварию, сильно искалечился, а когда вернулся на Родину, его арестовали как американского шпиона. На следствии его заставили подписать все, что требуется, но потом он заявил, что от показаний своих отказывается «как от вымышленных в результате извращенных

методов следствия», что, впрочем, не помешало приговорить его к «стандартным» для туполевской шараги десяти годам. В списке многочисленных «вредительств», которые приписывались Александру Ивановичу, было одно, ставшее неиссякаемым источником всевозможных шуточных обсуждений и комментариев его молодых коллег по шарашке. Ему инкриминировалась продажа части Поволжья какому-то американскому миллиардеру. Меня всегда восхищала блестящая фантазия Габриеля Гарсиа Маркеса, у которого в романе «Осень патриарха» диктатор продает американцам море, но, как выяснилось, Маркес вторичен. Зеки все время приставали к Некрасову с просьбой уточнить границы проданной территории, выдвигали многочисленные предложения по организации на ней суверенного независимого государства и составляли проекты его конституции. Одинокого, не излечившегося от шока, страдающего провалами памяти, Александра Ивановича зеки, несмотря на шутки, опекали, по-сыновьи о нем заботились – Некрасову было 58 лет, но все считали его стариком, наверное, потому, что он был старше Туполева, а все, кто был старше Туполева, причислялись к старикам. Некрасов на завод не ходил, а писал в своей комнатушке большой труд по теории волн, коротая время с Капитолиной – беспородной кошкой, которую он нежно любил. Вечерами он выходил во двор и прогуливал Капитолину. По весне она сбежала, а потом принесла ему четырех котят, которых он наотрез отказался топить, выхаживал их в коробке с ватой, а когда они подросли, разрешил подарить заводским вольняшкам, но при условии, что они попадут «только в хорошие семьи». Когда во вторую волну «помилования» в 1943 году Некрасова освободили, он стал просить оставить его в тюрьме, объясняя это тем, что он человек одинокий, как ему теперь питаться, совершенно не представляет, «и к тому же у меня ведь Капочка», сказал он генералу НКВД. Генерал был шокирован. Узнав, что речь идет о кошке, разрешил амнистировать и кошку. Некрасова с Капитолиной забрал к себе Туполев, и некоторое время он жил в семье Андрея Николаевича[90].

Рядом с некрасовской «одиночкой» была большая комната, в которой разместился Королев, горьковчане Иванов и Геллер, математик Крутков и инженер Шекунов[91]. О горьковчанах я рассказывал, но и два других соседа Королева были людьми замечательными.

Юрий Александрович Крутков, старший в этой компании – ему шел 52 год, – еще до революции окончил Петербургский университет, с которым он никогда бы не расстался, если бы его не переквалифицировали из профессоров математики в уборщики

барака уголовников в одном из Канских лагерей. Крутков был блестящим механиком, Туполев знал его работы по гироскопам и теории упругости, вытащил его в шарашку и поместил в расчетный отдел. Юрий Александрович был зачислен Андреем Николаевичем в своеобразный «интеллектуальный резерв главного командования» – он призывался тогда, когда разобраться уже никто не мог, как реббе в синагоге, примирял спорщиков и изрекал истину.

Крутков был человек ироничный, даже едкий, Кербер говорил о нем «наш Вольтер». Эрудит, энциклопедист, Юрий Александрович свободно говорил по-немецки, был блестящим рассказчиком и помнил бесконечное количество веселых и нравоучительных историй, приключавшихся с известными учеными: Карпинским, Ольденбургом, Крыловым, Иоффе, которых хорошо знал.

Ирония Круткова уравновешивалась постоянным ровным оптимизмом и добродушием Евграфа Порфирьевича Шекунова, бывшего главного инженера большого московского авиазавода. Призванный в армию накануне первой мировой войны, он служил механиком на аэродроме и на всю жизнь влюбился в самолеты. Человек сугубо штатский, по военной стезе он не пошел – в армии даже в офицерских погонах вид имел жалко-неуклюжий. Однажды на аэродром приехал Врангель, Шекунов бросился рапортовать, но один сапог застрял в глине и козырял он генералу «частично обутым».

– А это что за идиот? – рассеянно спросил Врангель, навеки пресекая ратную карьеру Евграфа Порфирьевича,

Веселый нрав чуть не сыграл с Шекуновым в шарашке злую шутку. Чтобы отвязаться от техника, который приставал к нему с вопросами о номере какого-то узла на чертеже, Шекунов небрежно бросил:

– Я не помню номера. Пиши «гордиев узел».

Тот написал. «Гордиев узел» долго гулял по ЦКБ, попал в копии, был обнаружен «руководством», которое очень всполошилось, посчитав эту выходку актом саботажа, продиктованную вредительским намерением запутать техническую документацию и сорвать тем самым сроки проектирования боевой машины. Серьезность положения усугублялась тем, что «руководству» требовалось объяснить, что такое «гордиев узел», поскольку древняя мифология находилась вне пределов их эрудиции. Короче, Шекунов еле отвертелся.

Как у всех веселых людей, редкие вспышки гнева его были сильны и опасны. Некоторые из местных вольняшек в разговорах между собой называли московских зеков «самураями». Однажды в

цехе один инженер позволил себе обратиться так к Шекунову. Евграф Порфирьевич побелел и так рявкнул: «Вон отсюда!» – что окна зазвенели.

Вот в такой любопытной компании оказался в Омске Сергей Павлович. Но общаться с этими людьми Королеву приходилось очень мало – практически они не жили вместе, а только спали в одной комнате, а жили – на заводе.

После завтрака (кормили день ото дня все хуже) к восьми часам в сопровождении «попки» уходили на завод. У Королева на заводе был персональный «попка», очень его раздражавший, поскольку он действительно преследовал его как тень. Работы было много и ежедневно видеть перед собой постоянно праздного, да еще делающего тебе замечания человека было действительно тяжело.

Сталин приказал выпустить первый бомбардировщик в декабре и в дальнейшем выпускать одну машину в день. Даже если бы туполевцев эвакуировали на хороший, большой авиазавод с отлаженным производством, это была бы задача невыполнимая – ведь технологически новый бомбардировщик был совсем сырым, никакой оснастки не существовало. А здесь вообще не было завода – ни большого, ни маленького, никакого. Собрать несколько машин из частей, изготовленных в Москве, – это еще не производство. Ни круглосуточная работа, ни угроза чекистов, ни их же обещания свободы – ничего изменить не могли.

Однако, несмотря на предельную загруженность, когда никакого свободного времени физически не существовало, Королев не забыл разговора в теплушке о радиоуправляемой ракете. Он ходил с этим предложением к Кутепову, Балашову, писал им докладные записки и, в конце концов, добился, что ему выделили комнату, двенадцать вольнонаемных, в основном девчонок-чертежниц, и ракету эту они втроем начали делать, но, увы, работа продолжалась недолго. Коренева перевели в Куломзино к Томашевичу, а Термена отозвали в радиошарашку в Свердловск. Союз распался. Королев еще больше помрачнел.

И было отчего. В списки освобожденных он не попал. И будет ли другая обещанная амнистия, никто не знает. Самолет Петлякова делали десятки зеков, а освободили – единицы. И никто не торопится их освобождать. Точно так же и с туполевцами. Когда будет второй «выпуск»? Три года он отсидел. Впереди еще пять...

Технолог Эсфирь Михайловна Рачевская, с которой работал Королев, не выдержала однажды и спросила:

– Ну почему вы такой мрачный?! Не горюйте, вас отпустят...

– Чудес на свете не бывает, – сухо ответил Сергей Павлович.

Впереди еще пять лет, и никто не знает, что это будут за годы. Вот наладят выпуск бомбардировщиков и пошлют на золото. Идут слухи об американской помощи. Он даже видел банку свиной заокеанской тушенки с этикеткой, напечатанной прямо на металле, в которой сразу резал глаз «Y» вместо русского «У». Геллер говорил:

– Я знаю американцев, они никакого бесприбыльного дела никогда не начнут. В этом их сила и их слабость. А за тушенку, я уверен, мы будем платить золотом...

Потребуется золото для американцев и пошлют на золото.

Теперь они беспрепятственно слушали радио и читали газеты. Сводки становились тревожнее день ото дня. Немцы стояли под Москвой. Александр Сергеевич Иванов, сидя вечером на кровати, размышлял вслух:

– История политических репрессий показывает нам, что в периоды кризисных ситуаций политические противники подлежат ликвидации. Если немцы возьмут Москву, нас расстреляют, и не потому, что мы плохие или хорошие, а потому, что существуют законы фронды...

– Никогда немцы не возьмут Москву! – перебивал Шекунов.

– При чем здесь законы фронды? – иронично возражал Крутков. – Никакие эти французские законы для нас не писаны. У нас свои законы. При императрице Анне был у нее кабинет-министр Артемий Петрович Волынский – подонок, палач и вор, в 1740 году предан пытке и казнен. Вот он точно говорил: «Нам, русским, хлеб не надобен. Мы друг друга едим и с того сыты бываем...»

– Да не едим мы друг друга! – не выдержал Королев. – Нас едят!

...В архиве Российской академии наук в фонде Королева хранятся несколько записей, сделанных им в Омске. Это стихи. Стихи разных поэтов, переписанные в маленький блокнот или на листки из ученической тетради. В этих стихах есть то, чего нет и быть не может ни в каких документах, о чем не может рассказать ни один свидетель тех дней. И комментарии тут излишни.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи.
Любуйся ими и молчи...

Простым карандашом в дешевом блокноте:
Закатилось мое солнце ясное.
Уехал мил сердечный друг
За синь море...
Омск 25.12.41 г.

На листке в клеточку аккуратно переписана главка «Я мертв» из книги американского летчика Джимми Коллинза «Летчик-испытатель»:

> «Скосит нас беспощадная смерть. Все уйдем туда, откуда нет возврата. Но огонь еще тлеет и друзья сидят вокруг чаши. Прославим богов, щедро наполняющих вином кубки, сердце весельем и душу сладкой пищей».

На том же листке:

Жить просто – нельзя! Жить надо с увлечением...
Венец, свинец и достойный конец.

И еще одно стихотворение:

Когда в глаза твои взгляну,
Вся скорбь исчезнет, словно сон.
Когда к устам твоим прильну.
Мгновенно буду исцелен.

На отдельном листке переписано стихотворение в прозе «Как хороши, как свежи были розы...»

Очевидцы рассказывают, что в комнате Королева жили Иванов, Геллер, Крутков и Шекунов. А, оказывается, там жили еще и Тургенев, и Тютчев, и Гейне, и Олдингтон...

День от дня становилось холоднее и голоднее. Первая военная зима в Омске была яркая, солнечная, синее чистое небо, громко скрипит снег на деревянных тротуарах, румянит крепкий мороз – замечательная зима, если ты можешь сытно поесть. Зеки получали восемьсот граммов хлеба, двадцать граммов масла, крохотную пайку сахара. Совсем плохо было с куревом. После табачного разгула в ЦКБ это особенно чувствовалось. Вольняшки иногда отсыпали им немного махорки, которую выменивали у наезжавших на рынок казахов: за бархат и блестящий шелк казахи отдавали что хочешь. Никто из вольняшек врагами зеков

не считал. Кстати, по нескольким деталям, случайно оброненным фразам Королев понял, что Кутепов, Балашов, Крапивин, который командовал зеками-строителями, тоже не считали их «врагами». Точнее сказать – именно «считали», поскольку так полагалось, но при этом знали, что никакие они не враги. Пожалуй, только самые тупые, зачуханные вертухаи думали иначе.

В отличие от ЦКБ, правила которого всячески препятствовали общению зеков с вольняшками, здесь этого не было. Да и быть не могло, потому что трудились они рядом, в буквальном смысле плечо к плечу и не будь подле зеков «свечек», отличить их от вольняшек было бы невозможно. Однажды какой-то парень сказал Королеву:

– Ты так вкалываешь, я думал, ты вольный…

Перед Новым годом вольняшки притащили для зеков несколько бутылок самодельного вина, домашних ватрушек, пирожков – они не то что вкус – запах всего этого уже забыли. А Тимофею Геллеру знакомая девушка даже галстук подарила.

Девушки, девушки, одна отрада в жизни… Мужчин в городе не было, жизнь у девушек была тоскливая. А зекам даже не любви хотелось, на любовь уже сил не оставалось, а хотелось тепла, чтобы кто-то к тебе прижался, обнял, погладил, жарко зашептал в ухо забытые слова, чтобы кто-то тебя просто ПОЖАЛЕЛ, – даже самому сильному человеку трудно без этого жить. И настоящая любовь была, и интрижки, и просто молодое жеребячество – недаром же красавцу Серафиму Купленскому дали прозвище «Совокупленский».

Свиданиям с девушками мешало постоянное внимание к твоей персоне вертухая, особенно если вертухай, как у Королева, был персональный. Однако известно, что неразрешимых проблем нет. Способ борьбы с недремлющим вертухайским оком предложил Саша Алимов по прозвищу «Слон». (Прозвище это он получил от Туполева еще в Болшеве, когда ухитрился наступить на его очки, оно сохранилось за ним на всю жизнь. И в 60-х и в начале 70-х годов Туполев писал ему: «Дорогой Слон…») В гидравлическую систему бомбардировщика заливалась смесь спирта с глицерином. Достать чистый спирт было довольно сложно, а смесь, получившая название «Ликер Ту-2», была доступнее. Непривычному человеку сладкая эта гадость сокрушала желудок, но при регулярном потреблении понос утихал, наступала благостная адаптация. Вертухаи быстро пристрастились к «ликеру» и за четвертинку готовы были оставить своего подопечного на некоторое время без надзора. Все омские зеки, с которыми довелось говорить, в один голос подтверждают: Королева девушки любили. И он их тоже.

Сталин был недоволен Туполевым: все требования Верховного Главнокомандующего обеспечить серийное производство Ту-2 не выполнялись. «Великий вождь» неукоснительно следовал мудрому правилу Наполеона Бонапарта: если есть хотя бы малая вероятность того, что твой приказ может быть не выполнен, отдавать этот приказ не следует. Поняв, что Омск не может давать самолет в день, Сталин перестал задавать вопросы о Ту-2. Это тоже было страшно. Каждый день Кутепов и его подручные просыпались с леденящей мыслью, что сегодня Сталин вспомнит о них и начнется нечто ужасное. Если бы просто разнос, даже тюрьма за невыполнение приказа, но ведь могли взять круче: саботаж в военное время, а значит точно – к стенке.

Рядовые завода № 166, в отличие от «руководства», спали спокойно и о карах не думали. Люди работали изо всех сил и создали завод на пустом месте. На всю жизнь запомнил Сергей Павлович день, когда собрали они первый «носок» бомбардировщика, и втроем: два вольных – Лев Италийский, Венедикт Помаржанский и зек Сергей Королев – несли его примеривать к фюзеляжу. Оказалось, что «носок» не стыкуется и тогда в один день он, Королев, сделал так, что стал стыковаться.

15 февраля 1942 года на Юго-Западном фронте отбили три деревни, на Калининском устроили засаду и перестреляли двести немецких лыжников, под Москвой сбили три фашистских самолета, но, наверное, самая важная победа в день 15 февраля была одержана в тылу, в далеком Омске, когда полетел первый серийный бомбардировщик Ту-2.

Как и в ЦКБ, Королев ведет в Омске никому не известную, потаенную творческую жизнь: что-то чертит, рисует, считает, пишет; как и в Москве, никому своих записей не показывает. Когда Эсфирь Рачевская спросила Шекунова, почему Королев всегда такой угрюмо сосредоточенный, Евграф Порфирьевич честно признался:

– Не могу понять! Черт его знает, он чокнутый какой-то. Видите ли в чем дело, он постоянно о чем-то думает, но о чем – никто не знает…

Королев думал о ракетах. Когда его покинули единомышленники – Коренев и Термен, – он продолжал работать в одиночку. Никто в ракеты не верил. Он попробовал однажды показать свои выкладки Италийскому. Тот посмотрел и сказал:

– Сосчитано все верно. Но зачем это?

– Нам надо слетать на Луну обязательно! – в каком-то запале выдохнул Королев.

В цехе было ужасно холодно, градусов восемь, котельная не

справлялась. Италинский дышал в ладони, грел руки, не расслышал, спросил рассеянно:

– Куда?

– На Луну.

Лев Александрович пожал плечами и промолчал.

Однажды разговор о ракетах возник в их комнате. Шекунов говорил очень горячо, убежденно:

– Уверяю вас, ракеты – тупые существа, дрессировке они не поддаются, как не поддаются дрессировке крокодилы. Летать вы их не научите: палка с постоянным смещением центра масс летать устойчиво не может. Я читал о давних попытках применения ракет в армии, но, в конце концов, от них всегда отказывались...

Иванов, интеллигентно потупившись, молчал, потом спросил осторожно:

– Я не совсем понимаю, Сергей Павлович, какую задачу вы собираетесь поставить перед ракетами, которую не могла бы решить авиация?

– Стратосфера. Заатмосферное пространство, – быстро ответил Королев.

– Все ясно. «Стратосфера!» – с издевкой в голосе, ни к кому не обращаясь, как бы сам себе, сказал Крутков, лежащий на кровати. – «Заатмосферное пространство!» Чрезвычайно актуально с учетом последних сводок Совинформбюро, – с этими словами он демонстративно отвернулся к стене.

Королев пожалел, что вообще затеял этот разговор. И в Болшево, и на Яузе, и здесь, в Омске, не раз уже убеждался он, что ничего эти разговоры не дадут, что обратить в свою веру этих умных, знающих людей, прекрасных инженеров, он не в силах. Лучше помалкивать.

Поэтому, когда один из петляковцев, приехавший из Казани, рассказал ему о том, что Глушко – зек из РНИИ – организовал там группу и проектирует ракетные двигатели для Пе-2, чтобы облегчить их взлет с маленьких фронтовых аэродромов, Королев никому ничего не сказал. Но с этого дня он неотступно думал о Глушко и твердо решил во что бы то ни стало добиться перевода в Казань. Дело проворачивалось медленно. После разговора с Королевым непосредственный его «куратор» («Малюта Куратор» – как звал его Крутков) Алексей Петрович Балашов долго сносился со своим начальством, а его начальство – со своим, и добро на перевод было получено только к осени. Вот тогда Королев объявил соседям по комнате, что уезжает в Казань.

– Ускорители эти, конечно, не самое интересное дело, но все-таки поближе к ракетам, – объяснил он, быть может впервые за

много месяцев улыбнувшись, словно извиняясь.

– Ты дурак, – сказал Геллер. – Нежели ты не понимаешь, что сейчас, когда машина пошла на фронт, нас освободят обязательно?! Ты понимаешь, что ты дурак?

– Тимоша, называй меня как хочешь, но я поеду, – все с той же тихой улыбкой кротко ответил Королев.

– Тимофей, оставь его в покое, – отозвался с кровати Крутков.

В мае 1942 года три первых серийных самолета Ту-2 улетели в армию Громова. Потом бомбардировщики Туполева дрались на Курской дуге, обеспечивали Выборгскую операцию, бомбили Кенигсберг и Берлин. Ту-2 был признан лучшим фронтовым пикирующим бомбардировщиком второй мировой войны.

Геллер оказался прав. Не скоро, примерно через год – в сентябре 1943-го, туполевцев освободили. Не всех, конечно, группу – как и в первый раз. Заключенный Королев Сергей Павлович, 1906 года рождения, уроженец города Житомира, дело № 795372, узнал об этом уже в Казани.

Науки благороднейшими человеческими упражнениями справедливо почитаются и не терпят порабощения.

Михайло Ломоносов

Не пытаясь найти какую-нибудь логику в этих печальных событиях, выскажу субъективное мнение: различие в тюремных судьбах Глушко и Королева, несмотря на схожесть предъявленных им обвинений, на то, что числились они членами одной вредительской организации, можно объяснить лишь тем, что Валентин Петрович был арестован на три месяца раньше Королева. Похоже, что Глушко попал в ту же струю, что и Туполев. Следствие велось неспешно, Глушко писал жалобы, его снова допрашивали, он требовал очных ставок с Клейменовым, Лангемаком и Королевым, а ставок этих дать ему не могли, поскольку Клейменова и Лангемака давно уже расстреляли, а искать Королева было лень. Обвинение, с большим трудом, было составлено лишь через два года после ареста Валентина Петровича. В «Заключении» по делу Глушко отмечалось, что его «причастность к контрреволюционной организации основана на показаниях Клейменова, Лангемака и Королева, из показаний которых видно, что Королеву об участии Глушко в организации известно от Лангемака, Лангемаку от Клейменова, а... показания Клейменова не конкретны и из них не видно, от кого ему известно об участии Глушко в организации...» И хотя в совершенно секретной «Повестке» к заседанию Особого совещания и указывалось, что «в настоящий момент уточнить его (Глушко. – *Я.Г.*) вовлечение в троцкистскую организацию не представляется возможным», Особое совещание решило, что можно обойтись и без уточнений, и 15 августа 1939 года приговорило Валентина Петровича к восьми годам исправительно-трудовых лагерей.

Но в лагерь Глушко, по счастью, не попал. В Бутырке в камере № 113 он сидел без блатных, в компании людей замечательных – там были командарм с тремя орденами боевого Красного Знамени, посол в Японии, начальник КВЖД, председатель «Озета»[92], будущий академик, выдающийся теплотехник Борис Сергеевич Стечкин.

Он был, однако, не только выдающимся теплотехником, но и

не менее выдающимся знатоком тюремных дел. В 1936 году, когда Стечкина, как бывшего вредителя, уволили с авиазавода, его хотел забрать к себе Туполев в 1-й главк Наркомата оборонной промышленности. Стечкин презирал чиновников, отказался, но вскоре с помощью того же Туполева стал заместителем начальника Центрального института авиационного моторостроения. Там его арестовали уже по делу Туполева – в принадлежности его к «фашистско-русской партии» сомнений не было, да и сам он до поры это не отрицал. У Стечкина был редкий нюх опытного зека. Он знал, что надо сделать, чтобы ускорить дело, а что для того, чтобы его притормозить, и когда надо ускорять, а когда притормаживать. О шарашках он прознал раньше других и подсказал Глушко написать заявление, просить использовать как специалиста. И действительно, заявление – редчайший случай! – возымело действие: Глушко перевели на авиазавод в Тушино, а когда он заикнулся, что, мол, не худо бы привезти из РНИИ его чертежи и документы, привезли. Более того, он попросил себе в помощь несколько человек – дали! Появился уже некий коллектив, эмбрион будущего ОКБ.

Глушко почувствовал, что лагерей, может быть, удастся избежать, и написал очень толковое предложение по установке ЖРД на самолетах. Не подозревая о существовании «Трехтактного Устинова» из ЦКБ-29, Валентин Петрович, тем не менее, ясно представлял себе технический уровень будущих читателей своей записки и постарался сделать ее максимально популярной. Он объяснял, что ракетный двигатель позволит бомбардировщикам не только уменьшить разбег при взлете и взять на борт больше бомб, но, если случится, и удрать от преследования вражеских истребителей гораздо проворнее. В боевых условиях неожиданное резкое увеличение скорости всегда даст эффект, будь то атака или отступление.

Бумага действительно была очень ясная и понятная, потому что через несколько дней Глушко повезли на Лубянку. Невольно вспомнились дубинки, сплетенные из проводов со свинцовой изоляцией, но на этот раз обхождение было выше всех похвал: только на «вы» и папиросное угощение. Выяснилось, что руководство ВВС выразило свою заинтересованность, а НКВД взяло на себя хлопоты по его трудоустройству. Предлагались на выбор: Москва, Ленинград и Казань. Глушко задумался. Разумеется, лучше всего было бы вернуться на свои родные стенды в Лихоборы. Но, во-первых, он не сможет работать под началом доносчика, во-вторых, никто его туда не пошлет, поскольку НИИ-3 никакого отношения к ВВС не имеет. В любой же другой известной ему организации в Москве или в Ленинграде

– а знал он их довольно хорошо – он все равно окажется телом инородным, всем мешающим и отправить его оттуда в лагерь при желании не представит большого труда.

– А что в Казани? – осторожно спросил Глушко.

– Там будет большой авиазавод.

Ага, значит дело только разворачивается и добиться независимости и самостоятельности там будет гораздо легче. Впрочем, о какой независимости и самостоятельности может мечтать зек?

– Я хотел бы работать в Казани, – сказал Глушко, и ответ его почему-то очень понравился чекисту.

– Правильно! Вы сделали совершенно правильный выбор, – радостно сказал он. Так и не поняв причин ликования энкэвэдэшника. Глушко со своими сотрудниками вскоре переехал в татарскую столицу.

Сначала Валентин Петрович планировал установить свой ракетный двигатель на самолете «Сталь-7» Роберта Бартини. Это была замечательная машина для перевозок двенадцати пассажиров с невероятной для пассажирских самолетов скоростью: четыреста километров в час. Весной 1937 года после успешных испытаний решили готовить «Сталь-7» к кругосветному перелету. Одновременно Бартини стал переделывать этот самолет в бомбардировщик ДБ-240. Не успел: арестовали.

Кроме ДБ-240, Глушко собирался опробовать двигатель и на истребителе – «сотке» Петлякова, но «сотка» быстро переродилась в пикирующий бомбардировщик и теперь, когда Петлякова и его КБ перевели в Казань, Глушко понял, что это – перст судьбы: никакая «Сталь-7», тем более несуществующая «сотка», ему не нужны – на казанском заводе начался серийный выпуск Пе-2, машины, вполне подходящей для экспериментов с ракетными двигателями. Глушко начинает разработку нескольких двигателей и довольно быстро добивается успеха. Уже в 1941 году его группа создает двигатель РД-1 с тягой в триста килограммов, работавший на тракторном керосине и азотной кислоте. С начала 1942 года он проводит целую серию испытаний на стенде и добивается, что камера не прогорает и через 70 минут после запуска, причем непрерывно двигатель работал 40 минут, пока не опорожнились баки.

Вот обо всем этом и узнал в Омске Королев, узнал и потерял покой.

Валентин Петрович Глушко рассказывал мне, что Королева он хотел вытянуть к себе еще с Колымы, но Туполев перехватил его. В автобиографическом очерке «Рождение мечты и первые шаги» Глушко пишет:

«По моему ходатайству на работу в наше ОКБ был направлен С.П. Королев. Он горячо взялся за руководство разработкой установки наших двигателей на самолетах и проявил в этой работе блеск своего таланта. С 1942 по 1946 год С.П. Королев был заместителем Главного конструктора двигателей по летным испытаниям».

Во всех своих статьях и книгах, в редактируемой им энциклопедии «Космонавтика», везде, где возможно, Валентин Петрович непременно подчеркивает: Королёв был его заместителем. Наверное, это очень льстит его самолюбию. Но что правда, то правда: Глушко у Королева заместителем не был, а Королев у Глушко был!

Да, был, и был необыкновенно счастлив! Словно истомленный жарой человек, нырнувший в прохладную речку, бросился он в мир своих долгожданных ракет. Теперь он не знал ни выходных дней, ни обеденных перерывов. «Его все называли неугомонным, – вспоминает библиотекарша заводоуправления Лидия Павловна Палеева. – Его жажда знаний удивляла нас. Мы еле успевали подбирать для него необходимые материалы...»

Королева очень интересовали новые разработки Глушко. Он понимал, насколько важно сейчас, в военное время, отработать надежный и мощный ускоритель на жидком топливе. И, тем не менее, буквально с первых своих дней в Казани он снова начинает борьбу за ракетоплан. Очевидно, за все эти годы мечта о заатмосферном самолете не оставляла его. Едва расположившись, оглядевшись и разобравшись, чем конкретно на сегодняшний день располагает Глушко (а располагал он перспективным, но очень еще сырым двигателем), Королев пишет весьма солидную служебную записку: «К вопросу о самолете-перехватчике РП с реактивным двигателем РД-1». Стиль знакомый – автор сразу берет быка за рога:

«Ознакомление с реактивными двигателями показало, что в ближайшее время вполне возможно и необходимо использование этих двигателей на самолетах.

При обеспечении необходимых условий такие самолеты могут быть осуществлены в короткие сроки и с большим эффектом применены в войне против Германии».

Прекрасно понимая, сколь велика ответственность за выполнение оборонных заданий в военное время, Королев, тем не менее, назначает сам себе сроки невероятно жесткие. «В декабре месяце с.г., – пишет он 16 декабря – РД-1 поступает на испытания. В течение I квартала 1943 года двигатель будет отрабатываться, после чего он может быть установлен на самолет ориентировочно 1/V-1/VI-1943 г.».

. Далее в записке он сжато излагает историю вопроса, рассказывая о своем РП-318, о полете Федорова, дает краткое описание перехватчика, предварительные расчетные данные, оговаривает вооружение (две пушки и пулемет), уточняет особенности производства. В приведенных таблицах, конечно, есть цифры, как говорится, «среднепотолочные». Королев считает, например, что максимальная скорость перехватчика превысит тысячу километров в час («...на основании расчетов с учетом поправки по Берстоу получается 1000 км/час во всех случаях»), не зная, что он переступает тем самым звуковой барьер, предъявляющий особые требования к конструкции самолета. В заключение – опять-таки уже известный всесокрушающий королевский напор: «Предлагаемый самолет-перехватчик РП с реактивным двигателем РД-1 является представителем нового класса сверхскоростных высотных истребителей».

Он видит свою машину во всех деталях и пишет о ней, как о чем-то реально существующем: «РП обладает (уже обладает! – *Я.Г.*) исключительно высокими летными и тактическими качествами и мощным вооружением, что при сравнительно большой для реактивных машин продолжительности полета позволит ему решить многие недоступные для винтомоторных самолетов тактические задачи.

РП может (уже может! – *Я.Г.*) догнать и уничтожить любой современный скоростной самолет, летящий на сколь угодно большой высоте и попавший в зону его действия».

Но и этой вновь выдвинутой Королевым идее ракетоплана не суждено было осуществиться. Первый раз ее погубил Сталин, посадив конструктора (и еще несколько тысяч конструкторов) в тюрьму. Второй раз – два молодых, очень талантливых инженера, никогда не слышавших ни о РП-318, ни о его авторе.

Но Королев о них слышал: когда он приехал в Казань, Глушко подробно рассказал ему о самолете БИ, который он видел в Билимбае под Свердловском, описал все его характеристики. Характеристики эти, надо признать, были весьма скромны: на максимальной скорости (800 километров в час) БИ мог лететь не более двух минут, а на пониженной – не более четырех-пяти минут. Двигатель БИ допускал шесть пусков продолжительностью не более 80 секунд. На таком самолете особенно не повоюешь. Королев в своей записке отмечает, что, конечно, можно установить на этом самолете более совершенный двигатель Глушко РД-1, но предупреждает: «Потребная для этого переделка самолета БИ так велика, что фактически сводится к созданию машины заново». В абзаце, посвященном БИ, явно звучит некоторое раздражение по отношению к сопернику. И оно

объяснимо: РП-318 – планер, сам подняться с земли не мог, а БИ – какой-никакой, но самолет. Несмотря на всю непохожесть, главные идеи, заложенные в этих машинах, пересекались в одной точке: это были летательные аппараты с жидкостными ракетными двигателями для полета человека.

Что за БИ? Откуда он взялся?

Был такой не очень удачливый авиаконструктор Виктор Федорович Болховитинов. В его КБ работали два молодых инженера: Александр Березняк и Алексей Исаев. Березняку пришла в голову идея создать ракетный самолет. Он поделился ею с Исаевым, и они вместе, никому ничего не сказав, начали проектировать невиданную машину. Это была чистая самодеятельность, через много лет Исаев вспоминал:

– ...Страшно вспомнить, как мало я тогда знал и понимал. Сегодня говорят: «открыватели», «первопроходцы». А мы в потемках шли и набивали здоровенные шишки. Ни специальной литературы, ни методики, ни налаженного эксперимента. Каменный век реактивной авиации. Были мы оба законченные лопухи!..

Работа эта их страшно увлекла, ни о чем другом думать они не могли, и, в конце концов, однажды вечером поехали домой к Болховитинову и все ему рассказали. Болховитинов посмотрел их расчеты, полистал эскизы и сказал задумчиво:

– Все это может у вас получиться...

Так их самодеятельность была узаконена шефом, но ни в каких планах КБ самолет не значился.

Болховитинов катался в воскресенье на яхте по Клязьминскому водохранилищу и, подойдя к берегу, увидел Исаева, сидящего на мотоцикле.

– Виктор Федорович, война! – крикнул Исаев.

Он посадил шефа на багажник и отвез в наркомат.

В тот же день нарком авиационной промышленности Алексей Иванович Шахурин[93] узнал о самолете БИ и дал команду построить опытный экземпляр за месяц.

Через месяц и десять дней БИ – Березняк и Исаев назвали самолет первыми буквами своих фамилий – выкатили на аэродром. Но двигателя для него не было, да и выбирать тогда особенно не из чего было. Остановились на новом двигателе Душкина – варианте двигателя того, что он делал для РП-318.

– Двигатель выглядел внушительно, а показатели имел ерундовые, – вспоминал Исаев. – Расчет был на одну-единственную атаку. Эта атака должна была уничтожить вражескую машину, а после ее окончания самолет должен был спланировать на свой аэродром... Осенью 41-го КБ Болховитинова

эвакуировали на Урал. Разместилось оно в Билимбае на крохотном труболитейном заводике. В Кольцове, туда, где сейчас Свердловский аэропорт, эвакуировали научно-испытательный институт ВВС. Там они и нашли Бахчи – Григория Яковлевича Бахчиванджи – летчика-испытателя для своего БИ. И 15 мая 1942 года состоялся первый полет. Двигатель работал около минуты, но за это время Бахчи сумел забраться на полторы тысячи метров.

После первого полета стало ясно, что БИ нужен более совершенный двигатель. Болховитинов узнал, что в Казани работает зек Глушко, специалист по ЖРД. Вместе с Исаевым они поехали в Казань. Если инженеры Душкина напускали на свой двигатель туман в прямом (от паров кислоты) и переносном смысле, близко к нему никого не подпускали – «совершенно секретный объект!» – то Глушко, пользуясь правами «врага народа», не темнил, говорил все как есть, показал свои разработки, отдал методики расчетов. Он даже предложил для БИ связку из четырех своих камер, но Исаеву такой вариант не понравился.

– Эта связка нам всю машину испортит, – ворчал он. – Посмотрите, у нас не самолет, а девушка, стройная, тоненькая, а тут будет ж..., как у старой бабы.

К счастью, Исаев вернулся из Казани в Билимбай расстроенный. Расстроенный, потому что понял, что создать хороший двигатель – дело непростое. К счастью – потому что ему ничего не оставалось, как самому приниматься за проектирование ЖРД, и это решение стало началом ракетной биографии выдающегося конструктора космической техники, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий Алексея Михайловича Исаева – мы еще встретимся с ним.

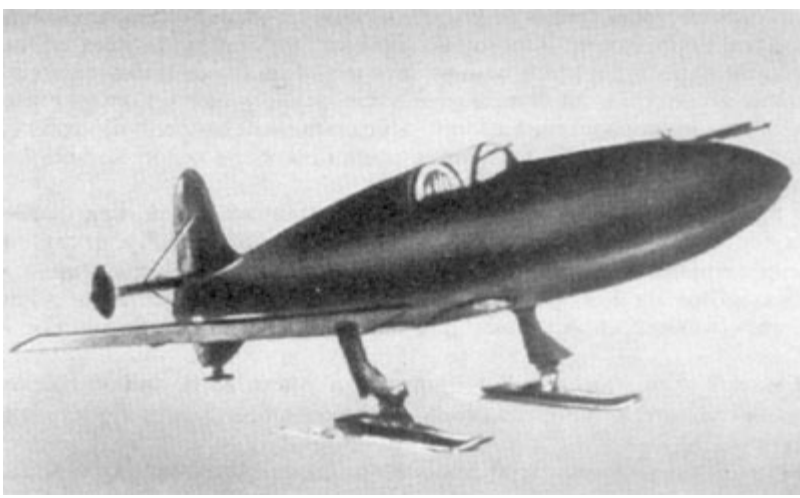
Вот в это самое время и появляется в Казани Королев со своими идеями возрождения ракетоплана. У Королева, пусть очень заманчивая, но только идея. У Болховитинова – реальная машина, которая уже летает. Не правильнее ли будет, прежде чем начинать новую работу, посмотреть, а стоит ли игра свеч? На что вообще годна эта штуковина с огненным хвостом?

В подобных скептических рассуждениях был здравый смысл, тем более что нельзя забывать о времени, предельно неподходящем для опытных разработок: пик войны, немецкое наступление на юге, начало сталинградской битвы.

История БИ закончилась печально: 27 марта 1943 года – в трагический день – ровно через четверть века, час в час этот день отнимет у нас Юрия Гагарина, – во время седьмого испытательного полета погиб Григорий Бахчиванджи. Его

мужество оценят лишь через сорок лет, присвоив ему звание Героя Советского Союза. А тогда решение о постройке 30-40 опытных машин было отменено. Вместо них появился один-единственный, и товарищи Бахчи – Константин Груздев и Борис Кудрин еще продолжали какое-то время испытания ракетного самолета, но разгадать причину гибели Бахчи так и не смогли. Лишь через годы выяснилось, что сверхскоростной истребитель, очевидно, погиб именно потому, что он сверхскоростной: летчик-инженер Кочетков и другие испытатели обнаружили и изучили явление затягивания самолета в пике на больших скоростях. Думаю, если бы Королев построил свой ракетоплан, его РП ожидала бы та же участь, что и БИ: законы аэродинамики одни для всех. А ведь тогда Сергею Павловичу было еще только тридцать семь лет, и он наверняка захотел бы полететь сам...

Истребитель-перехватчик БИ



С.П. Королев в годы заключения в Казани

37

Свобода означает ответственность.

Бернард Шоу

Жизнь в Казани более напоминала шарагу на Яузе, чем омский завод. Королеву сразу бросилось в глаза то, чего не было в Омске: светомаскировка. Казань немцы не бомбили. Рассказывают, что однажды залетел сюда фашист-разведчик, и все. Но зенитчики стояли, и все окна в большом здании заводоуправления были перечеркнуты тряпочными крестами: защита от осколков стекла, если ударит воздушная волна.

Здание заводоуправления стояло на стыке двух территорий: авиазавода № 22 и моторного завода № 16, эвакуированного из Воронежа. Группа Глушко находилась как бы при моторном заводе, но директору завода не подчинялась. У казанских зеков был свой «директор» – Василий Петрович Бекетов, чекист с инженерным дипломом.

Административное здание представляло собой три четырехэтажных корпуса, соединенных трехэтажными перемычками так, что все здание в плане напоминало огромную букву «Ш». В левой стойке этого «Ш» и находилось ОКБ. На втором этаже размещался кабинет Бекетова с приемной, где сидела секретарша, кабинет второго чекиста майора Кобеляцкого (вряд ли надо уточнять, какое прозвище дали ему зеки), маленькая комната, в которой работал Глушко со своим преданным помощником техником Иваном Ивановичем Ивановым и нормировщиком Вольфом. Дальше – большая комната со столами в два ряда, где располагались сотрудники Глушко: Жирицкий, Беленький, Витка, Нужин, Озолин, Уманский, Агафонов и жена Агафонова, позднее – Лист. Королев сидел на третьем этаже как раз над кабинетом Бекетова. Там же размещались жилые комнаты зеков.

В каждой комнате ночевало человек по двадцать. Постельное белье меняли раз в десять дней. В спальнях висели портреты вождей. Никому и в голову не приходило, что коли они «враги народа», которых вожди эти покарали, то портреты – кощунство по отношению к вождям.

Вконец поизносившихся зеков приодели, выдали шерстяные, очень дурно сшитые, но добротные, ноские костюмы и меховые безрукавки – «душегрейки». На единственной известной мне

фотографии зека Королева он как раз в пиджаке, из-под которого видна «душегрейка».

Цех, где изготовлялись ракетные двигатели, размещался на территории 16-го моторного завода. Монтировали их на бомбардировщики уже на 22-м заводе, самолетостроительном. Таким образом, ракетчики трудились на двух территориях, что отличало их от других зеков с постоянным местом работы. А вообще ракетчики составляли малую часть зеков: ведь сюда еще перед войной из шараги на улице Радио были переведены петляковцы, которых после гибели Владимира Михайловича возглавил Мясищев. Здесь же работали группа Добротворского и Бодля – проектировали поршневые двигатели – и группа Стечкина. Вновь встретился здесь Глушко со своим бывшим сокамерником.

– Ну, что я тебе говорил?! – кричал Борис Сергеевич. – Никогда не надо торопиться! Поверь, что здесь гораздо уютнее, чем на джезказганских рудниках...

Стечкин тоже проектировал ускоритель, но не ракетный, а пульсирующий, использующий кислород атмосферы. Позднее подобный двигатель немцы поставили на самолеты-снаряды Фау-1, но стечкинский уже тогда был совершеннее.

Таким образом, шарага на берегах реки Казанки отличалась от шараги на берегах Яузы разнообразием решаемых зеками задач. Отличались они и по режиму. Все строгости Яузы в военное время постепенно отмирали. Война сплачивала людей и обнажала абсурдность и лицемерность шараг, а значит, и ненужность их тюремных порядков. Весь путь из заводоуправления, где жил и работал Королев, до проходных заводов – налево 22-го, направо – 16-го – не превышал двухсот метров. На этом пути его должен был сопровождать «попка». Но это был уже совсем другой «попка», чем на Яузе, – штатский, без винтовки, если и был у него пистолет, он его не выставлял, не бахвалился. Вскоре Королева и десять других зеков расконвоировали, выдали пропуска с фотографией (вот откуда, очевидно, этот снимок в «душегрейке»), по которым они могли ходить на завод и с завода, когда хотели. С конвоиром Королев теперь ездил только на аэродром[94].

«Попка», символ несвободы, всегда угнетал Королева. Однажды на аэродроме Королев увидел Владислава Грибовского, того самого Владика Грибовского – планериста и военлета, который в Коктебеле в 27-м году во время землетрясения размахивал парабеллумом. Господи, это было семнадцать лет назад, а кажется – в другом веке. Это было так давно, что трудно поверить, что это было с ним. Грибовский увидел «попку» и остановился. Потом поднял руку и помахал ему. И он помахал в

ответ. И так стало плохо, постыло на душе. Ничего же не случилось, ну помахали друг другу старые знакомые. Но не подошел к нему Грибовский, не мог подойти, потому что между ними пропасть глубже всех пропастей Карадага, где гуляли они, потому что Грибовский вольный человек, строит свои десантные планеры, а он – раб, спасибо, цепи нет, которой бы приковали его к этому бомбардировщику.

Расконвоированный зек – это поддельный свободный человек, фальшивый гражданин страны. Он был свободен, как свободна лошадь, у которой нет табунщика, но лошадь стреноженная. Он не мог, скажем, уехать в центр и пойти в кино. Но если кто-нибудь из расконвоированных заболевал, он мог поехать в город в больницу. Когда к Воронцову приехала жена, он гулял с ней по скверику неподалеку от заводоуправления. В общем, никто не мог определить теперь границ между дозволенным и запрещенным, но все: и вольные, и зеки, и сами вертухаи видели, что авторитет режима падает день ото дня.

В этом странном, противоестественном человеческом сообществе коллектив ракетчиков держался довольно обособленно. В заводской иерархии они занимали привилегированное положение: их было мало, работа их считалась совершенно секретной, чтобы попасть к ним, требовался специальный пропуск – все это создавало ореол исключительности. Но в спальнях ореол этот тускнел: ракетчики жили вместе с другими зеками. Старик Пазухин, профессор из института золота, вечно штопающий свои носки, был консультантом по химии. Иван Иванович Сидорин, известный металлург, который помогал Туполеву в строительстве первых наших цельнометаллических самолетов, занимался материаловедением, Николай Романович Воронцов на воле был заместителем начальника ОТК большого завода, а здесь стал начальником цеха сборки ЖРД.

Кровать Королева стояла в одном ряду с кроватями Глушко и Севрука.

Доминик Доминикович Севрук вел в ОКБ испытания двигателей на специальных стендах, пристроенных к цеху № 30 моторного завода трудами Александра Поликарповича Кужмы, которого многие считали авантюристом, потому что всякое внеплановое строительство в 1941 году заведомо было опасной авантюрой. Севрук увлекался автоматикой, стремился приспособить ее в ЖРД везде, где только можно. Экспериментатором он был блестящим, работал быстро, весело и удачливо – такие люди слывут «везунчиками», и общаться с ними приятно. У Севрука всегда была масса интересных инженерных

идей, которые он щедро раздавал, но сам редко к ним возвращался. Некоторые считали его человеком разбросанным – тугодумы часто называют так людей талантливых, не желая признавать, что этакая «разбросанность» им, увы, недоступна. Севрук еще в 1941 году начал первые летные испытания ускорителей Глушко, которые особенно заинтересовали Королева.

Глушко и Севрук решили, что Королев займется летными испытаниями. Он всегда любил летать – вспомните хотя бы «испытания», которые он придумал для бесхвостки Черановского в ГИРД. А потом это была живая творческая конструкторская работа, по которой он истосковался. Королев согласился. Ему выделили техников, слесарей-сборщиков, двух-трех молодых инженеров-прочнистов, и уже в начале января 1943 года «группа № 5» – так называлось подразделение Королева – приступила к работе. Вскоре по согласованию с Мясищевым был выделен серийный бомбардировщик Пе-2 с заводским номером 15/185, переоборудованием которого и занялся Королев. Позднее для испытательной работы были откомандированы и два летчика, два Саши: Александр Григорьевич Васильченко и Александр Силуянович Пальчиков.

Двигатель работает, самолет серийный – на первый взгляд может показаться, что соединение их в единое целое не представляет серьезной проблемы, но это было совсем непростое дело. Ведь самолет проектировался без учета того, что на нем будет установлен ЖРД. В организм этого готового, серийного «взрослого» самолета требовалось теперь как бы вживить новый орган, самой его природой не предусмотренный. Королев искал, где какой узел можно расположить, прикидывая и так и эдак, начертил несколько вариантов. Как-то в ОКБ зашел Мясищев, подошел к кульману Королева, долго рассматривал его чертеж. После стычек в Москве они встречались редко и, очевидно, сохранили некоторую неприязнь друг к другу.

– Это никуда не годится, – сказал Мясищев тоном, за который и получил прозвище «Боярин». – Вся ваша система должна быть единым, компактным, самостоятельным агрегатом. А у вас разные узелки разбросаны по всему самолету. Кто же так делает?..

Королев стоял красный. Злился ужасно, но молчал. А что скажешь? Прав «Боярин»! Это был хороший урок, который он надолго запомнил.

Королев всегда работал быстро, и с задачей окончательной увязки РД-1 и Пе-2 он тоже справился быстро. Но увязать одну железку с другой намного проще, чем увязать деятельность всех людей, стоящих за этими железками. Испытания, за которые теперь отвечал Королев, были самым тесным образом связаны с

производством 30-го цеха, с графиком загрузки испытательных стендов, с работой механиков и сборщиков, наконец, с авиаторами, с теми, кто готовил самолет к испытаниям и летал на нем. Это был маленький, еще довольно примитивный прообраз тех Больших Систем, которые впоследствии создал Королев и о которых речь впереди.

А пока уже первые летные испытания РД-1 быстро выявили «ахиллесову пяту» этого двигателя. Во время полета его надо было включать и выключать. Выключить – дело нехитрое. А вот включаться он не хотел: не срабатывало электрическое зажигание. Глушко решил вообще от него отказаться, заменить химическим. Мееров – главный химик в ОКБ – работал над меланжем – самовоспламеняющимся топливом. Нужин проектировал пусковые форсунки. Так родился двигатель РД-1ХЗ (ХЗ – это химическое зажигание).

Дело не только в том, что барахлило зажигание. Волновала и герметичность: насосы керосина и кислоты сидели на одном валу, компоненты могли смешаться и... И мало ли что может вообще случиться! Стендовые испытания и ответственны, и опасны, но летные – во сто раз ответственнее и опаснее. Пожар в воздухе, это не пожар на стенде, и взрыв там и тут – это разные взрывы. Академик Борис Викторович Раушенбах писал много лет спустя: «Следует обратить внимание на то, что установка жидкостных ракетных двигателей на самолеты требует чрезвычайно высокой степени надежности. Если можно было допустить хотя бы в мыслях взрыв маленькой ракеты, которую запускают из бункера, то допустить, чтобы произошел взрыв на самолете, в котором сидят летчик и экспериментатор (а Королев и сам летал на этих самолетах), было невозможно. И поэтому в военные годы происходит, может быть, невидимая для большинства, но очень важная работа по созданию ракетной системы высочайшей надежности. Это оказалось необходимым впоследствии, когда после войны Сергей Павлович вернулся к прерванной работе по ракетам с жидкостными двигателями».

Предсказать, откуда и что тебе угрожает в испытательной работе, невозможно, иначе она не была бы испытательной. Ну разве можно было предусмотреть, что вот Севрук полетит, а какой-то сумасшедший зенитный расчет начнет его обстреливать? Слава Богу, не попали.

При летных испытаниях мог подвести не только двигатель, который испытывался, но и самолет, на котором его испытывали. Уже в 1944 году судьба снова сберегла нам Королева. Молодой инженер Александров упросил однажды Сергея Павловича разрешить ему один испытательный полет. Королев не стал

возражать. И на его глазах – они стояли на аэродроме с ведущим военпредом Сергеем Александровичем Карегиным – у Пе-2 остановился один мотор, он быстро стал терять высоту, выпустил шасси, но до полосы не дотянул, зацепился колесами за крышу какой-то избушки, обломил крыло с бензобаком, дом вспыхнул, как стог сена, однокрылый бомбардировщик протащился на брюхе несколько метров и замер. Когда Королев и Карегин подбежали, Александров был еще жив, но в тот же день умер. Васильченко, который пилотировал бомбардировщик, повредил позвоночник и ногу, лежал в госпитале, но потом опять начал летать.

Судьба Королева хранила всегда: мог подорваться на мине в Одессе – не подорвался, мог сломать шею на планере в Киеве – не сломал. Судьба убрала его с поста заместителя начальника РНИИ – и его не расстреляли, придержала на Колыме – и он не утонул на «Индигирке». И в Казани вновь подвела она его к тому краю, за которым уже нет ничего, но дальше не пустила. Случилось это уже перед самым отъездом из Казани. Сохранился документ:

> «Приказ № 3 по опытно-конструкторскому бюро специальных двигателей от 8 июня 1945 года.
>
> 12 мая 1945 года во время опытного высотного полета самолета со спецдвигателем на высоте 7000 метров при включении спецдвигателя произошел взрыв, разрушивший двигатель и повредивший хвостовое оперение самолета. Особо отмечаю четкую и умелую работу экипажа самолета во время аварии, блестяще справившегося со своей задачей в сложной обстановке и благополучно посадившего машину на аэродроме. В связи с этим объявляю благодарность экипажу самолета:
>
> летчику-испытателю капитану Васильченко А.Г.
> инженеру-экспериментатору Королеву С.П.
> бортмеханику Харламову С.Ф.
> Главный конструктор ОКБ В. Глушко».

Что же случилось 12 мая, на третий день после Победы?

Мать Сергея Павловича Мария Николаевна Баланина вспоминала, что во время аварии летчик даже приказал Королеву покинуть самолет, прыгать с парашютом, но он не прыгнул.

– После аварии он целые сутки почти не видел, – рассказывала она.

Александр Романов в книге «Конструктор космических кораблей» передает такой рассказ Валентина Петровича Глушко: «В одном из отладочных полетов двигатель неожиданно взорвался. Хвостовое оперение самолета оказалось разрушенным.

Однако летчик Александр Васильченко не потерял самообладания и сумел благополучно посадить машину. Казалось бы, после этого случая Сергей Павлович надолго откажется от испытательных полетов. Но он был другого склада. Выйдя из самолета, Королев сказал нам: „Я, кажется, нашел причину. Я верю в двигатель. Завтра начну снова его испытывать“. И начал».

Петр Асташенков в книге «Академик С.П. Королев» приводит рассказ еще одного очевидца – Константина Ивановича Трунова, также работавшего тогда в Казани. Трунов рассказывает, что Королев занял место в задней кабине, и самолет улетел. После пуска ускорителя он неожиданно пошел на посадку. «Сергея Павловича нашли в кабине с окровавленной головой. Помогли ему выбраться из самолета, забинтовали голову и сдали на попечение врача. Как оказалось, он был ранен в лицо осколками взорвавшегося двигателя, но, к счастью, не тяжело... Немного поправившись, Сергей Павлович продолжал испытание двигателей».

В книге воспоминаний «Академик С.П. Королев. Ученый, инженер, человек» (М.: Наука, 1986. С. 43-44) есть рассказ не только свидетеля, но и в определенной мере участника этой истории – инженера Николая Сергеевича Шнякина: «Работы приближались к завершению, когда произошло неожиданное – ЖРД взорвался в воздухе. Значительно поврежденным оказалось хвостовое оперение самолета, но А.Васильченко благополучно посадил самолет. Я подбежал к самолету одним из первых. У Сергея Павловича были опалены веки и брови, обожжено лицо. Он мне сказал, что почти полностью потерял зрение. Мы с ним отправились в глазную клинику, где была быстро организована помощь. Прибыл профессор (фамилию его, к сожалению, не помню), внимательно осмотрел Сергея Павловича, провел необходимую лечебную обработку, завязал ему оба глаза и велел в течение пяти дней не снимать повязки».

Заранее оговорюсь: у меня нет никаких оснований не доверять свидетельствам людей столь уважаемых, тем более очевидцев всех этих событий. Но, согласитесь, что представить себе истинную картину случившегося было бы значительно легче, если бы не противоречивость этих рассказов, которая сразу бросается в глаза. По сути похоже в них только начало: во время испытаний произошел взрыв. О том, что случилось в результате этого взрыва с самолетом, говорится тоже примерно одно и то же: оперение разрушено (Глушко) или значительно повреждено (Шнякин). Галлай, который хорошо знал Александра Григорьевича Васильченко, говорил, что летное мастерство этого замечательного летчика-испытателя могло компенсировать

потерю половины хвостового оперения. Итак, самолет сел.

Но что случилось с Королевым? В приказе о ранении не упоминается. Из рассказа Валентина Петровича тоже следует, что ничего не случилось, спокойно вышел из самолета и назавтра уже проводил испытания. Вряд ли. Ужели за сутки успели и отремонтировать самолет, и заменить взорвавшийся двигатель? Да и прежде чем снова лететь, не худо бы разобраться, отчего он взорвался. Вторая версия более распространенная: Королев ранен – обгорел (Шнякин), разбита голова (Трунов), потерял зрение на день (Баланина), на пять дней (Шнякин).

Но не эти разночтения настораживают. Дело не в том, сколько дней Королев лечил глаза, а как он их опалил. По словам Трунова, Королев сам пригласил его на аэродром. «Ты как летчик скажи свое мнение», – попросил якобы Королев Трунова. Но как Трунов мог высказать свое мнение, если пуск ускорителя произошел на высоте семь километров, что Константин Иванович мог разглядеть с земли?

Должен признаться, что знакомясь с историей ранения Сергея Павловича, я вновь ощущаю некий привкус мифотворчества. В ней есть «кинематографическое» желание придать нашему герою черты исключительности.

Подобное стремление украсить его биографию нам уже знакомо. Вспомним «поездку» Королева в Калугу к Циолковскому. Но если там обнаруживается такое количество несуразиц, что поверить в эту «поездку» невозможно, то история с ранением на Пе-2 основана на конкретном, не вызывающем сомнений факте и, как мне кажется, просто драматизирована.

Уже упоминавшийся историк авиации Вадим Борисович Шавров свидетельствует: «При испытаниях самолета в 1944 году[95] произошел взрыв в системе РД-1, при этом едва не погиб Сергей Павлович Королев...» Может быть, в короткой этой справке и кроется истина: взорвался не двигатель, а система, та ее часть, которая находилась вблизи кресла, где сидел Королев? Но ведь в приказе Глушко речь о двигателе. И почему тогда разрушилось хвостовое оперение?

Короче, скажу откровенно: я не представляю, как это все было, не знаю, как конкретно пострадал Королев. Но одно бесспорно: судьба и на этот раз хранила Сергея Павловича и его товарищей. Расспросить Королева об этой истории я не успел. Встретиться с Васильченко и Харламовым тоже не удалось. Александр Григорьевич Васильченко умер раньше Королева – отдав многие годы опасной профессии летчика-испытателя, он угорел в гараже. Сергей Федотович Харламов умер в конце 80-х годов, но и с ним я не виделся.

Однажды выпало Сергею Павловичу путешествие.

Из Горького приехал заместитель Лавочкина Семен Михайлович Алексеев. Он интересовался самолетными ускорителями, ездил к Меркулову, Челомею и вот теперь приехал в Казань. Бекетов разрешил ему встречу с четырьмя зеками: Королевым, Севруком, Уманским и Витка. Королева ему заранее охарактеризовали как практика, Севрука как теоретика, Уманского как универсала-гидравлика и Витка – как аса электрооборудования. Они вчетвером объясняли ему, как работает ЖРД на хвосте бомбардировщика, а он угощал их «Беломором». Через три дня Алексеев уехал, пообещав вызвать всю компанию в Горький для консультаций. И вызвал! Было это летом 1943 года. Казанских зеков Алексеев взял на поруки, снял для них большой номер в гостинице «Якорь», и Сергей Николаевич Рыбаков – начальник летно-испытательной станции – сам возил их на завод и с завода. По городу просили не гулять, но все равно – впервые за несколько лет они почувствовали себя людьми вроде бы свободными, на окнах не было решеток! Одно это уже повышало настроение – и работали они воистину вдохновенно.

В результате РУ-1 (ракетная установка первая) – так называлась вся система с двигателем РД-1 – позволила истребителю Ла-7р достичь скорости 742 километра в час. Позднее, более совершенная машина Лавочкина Ла-120Р с ракетным ускорителем развила фантастическую скорость 805 километров в час. Она вызвала бурю восторга на авиационном празднике в Тушине 18 августа 1946 года, где ее демонстрировал летчик-испытатель Алексей Владимирович Давыдов.

Королев вновь встретился с Алексеевым через десять лет, когда Семен Михайлович был главным конструктором завода, на котором делали кресла-катапульты, скафандры и всякое другое высотное снаряжение для ракетной авиации. Бывший казанский зек попросил его помочь написать проект постановления по организации орбитального полета человека. Слово «орбитальный» было тогда не столь популярно, как сейчас, и Алексеев честно признался:

– А что это за полет такой? Никогда не слышал...

– Восемь километров в секунду, – гордо ответил Королев.

– Прости, но это 28 тысяч километров в час!

– Точно! Пусть тебя это не волнует, это мои дела. Ты подумай, как нам летчика усадить, чтобы он выдержал двадцатикратные перегрузки. И учти, там вакуум.

– Какой?

– А никто не знает. Что-то около 10-8 миллиметра ртутного

столба.

– А состав атмосферы?

– Не знаю. Полетим – разберемся...

Разговор был непривычно несерьезным, и в то же время Алексеев понимал, что все это очень серьезно. Он помнил этого человека в Горьком во время войны, помнил, как вцепился он тогда в Ла-7 и поставил-таки на нем ускоритель! Если ту давнюю хватку он сохранил, то и 28 тысяч километров в час для него не фантастика.

Еще до поездки в Горький РУ-1 испытывали на истребителе Сухого Су-7 и истребителе Яковлева Як-3 РД, которые по указанию Верховного Главнокомандующего срочно разрабатывались для защиты Москвы от высотных фашистских самолетов «Юнкерс-86Р», появившихся в 1943 году. Воевать истребителям не пришлось: немцы прекратили полеты.

Как видим, ракетные ускорители становятся все более популярными в авиации. Хотя летчики относятся к ним настороженно: все это чрезвычайно для них непривычно. Летчик-испытатель Виктор Леонидович Расторгуев, испытывавший Як-3 РД, говорил:

– На этой машине летать, что тигрицу целовать: и страшно, и никакого удовольствия.

На этой машине он и погиб на репетиции воздушного праздника 1946 года.

Королев считает эти работы весьма перспективными. «В ближайшие год-два, – пишет он, – вспомогательные реактивные установки явятся наиболее жизненной формой использования жидкостных ракетных двигателей на их современной стадии развития». Создается впечатление, что казанский опыт заставил Сергея Павловича несколько откорректировать свои планы по созданию самолета стратосферы. Не беда, если вначале это будет гибрид ракетного и поршневого самолета. По мере совершенствования ракетный будет все более вытеснять поршневой и, в конце концов, превратится в чистый ракетоплан. Одновременно Королев продолжает те самые свои «потаенные» работы, которые он вел в шараге на Яузе и в Омске (не удивлюсь, если завтра обнаружится, что и на Колыме он их вел). Казанские записи, расчеты и чертежи сохранились. Это уже не самолеты, а «чистые» ракеты, но они мощнее, крупнее тех, которые он проектировал в РНИИ. Эти ракеты можно назвать ракетами второго поколения: длина – четыре с половиной метра, заряд – двести килограммов. Построены они не будут, но для того чтобы создать те, которые будут построены, очевидно, надо было пройти через этот этап развития.

Еще более важным, чем для Королева, стал казанский период для Глушко. Несмотря на то что некоторый опыт в ГДЛ и РНИИ уже был, работы в Казани были абсолютно новаторскими, пионерскими. Надо было создавать теорию, сообразно ей вести расчеты, конструировать, строить, испытывать, сравнивать то, что получали, с тем, что надеялись получить, разбираться, почему не получили, и начинать весь цикл сначала. В Казани Глушко стал Главным конструктором, получил свое Дело, свою производственную базу, свои испытательные стенды. Здесь зародился коллектив будущего могучего конструкторского бюро ракетного двигателестроения. Здесь нашел Глушко тех, кто составил ядро этого будущего ОКБ, многолетних своих соратников: Жирицкого, Севрука, Витка, Гаврилова, Страховича, Листа, Меерова, Артамонова и многих других. Наконец, в Казани по-настоящему раскрылся организаторский талант Глушко, выявился стиль его работы. Он был постоянно собран, очень аккуратен, если не сказать пунктуален. Прислушивался к мнению других, но решал сам. Ровно держался и с начальниками, и с подчиненными. Не выделял «любимчиков», но доверял первому впечатлению: если кто-то сразу ему не нравился, изменить первое впечатление было почти невозможно. Не устраивал разносов, не кричал, но резко обрывал словоблудие, не терпел приблизительности, сухо замечал:

– Лучше говорите: «Не знаю».

С Королевым они были очень непохожи – разные характеры, темпераменты, манера поведения, а в чем-то важном, касающемся дела, вдруг обнаруживали сходство. Но, наверное, все-таки самым главным из того, что их объединило тогда, был Указ, в котором фамилии их стояли рядом, – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1944 года о досрочном освобождении со снятием судимости.

Давно, с весны гулял по шараге слух об этом указе, кто-то, где-то, у кого-то даже видел какие-то списки с чьими-то фамилиями. Королев не верил. Не мог верить. Уж слишком часто разочаровывался. Наверное, что-то внутри перегорело. Он и сам не ожидал, что воспримет эту весть, о которой мечтал долгие годы, так спокойно. Ну, вот и дождался. Свобода. Хорошо. А восторга не было, не смеялась душа!

Лет пятнадцать, а может быть и двадцать назад, начав разбираться, как и когда Королев вернулся в Москву, я уже заранее знал ответы на эти вопросы. В воображении моем Королев уезжал в Москву на следующий день после объявления амнистии. А может быть, прямо в тот же день. Натыкаясь на даты в документах, на воспоминания очевидцев, из которых

явствовало, что и после освобождения он продолжает работать в Казани, поначалу думал, что это какая-то ошибка. «Мой» Королев должен был уехать сразу. Я тогда еще плохо знал его. И воспоминаний моих, воспоминаний эвакуированного в Омск первоклассника, не хватало, чтобы увидеть всю правду взрослой жизни тех лет, жизни «по законам военного времени». В этих законах не было слова «хочу». В этих законах было только слово «надо». Люди, работавшие на оборонных предприятиях, имели не намного больше прав распоряжаться собой, чем зеки.

Королев писал жене:

> «Сейчас тяжелое время и не время жаловаться, тысячи людей разлучены и, быть может, навсегда. Все это я понимаю и этим я живу вместе со всеми, но ведь не все уложишь в рамки, в установленный порядок и не прикажешь сердцу замолчать!! Так я лелеял надежду на скорую встречу с тобой и с мамой, но так же нам не везет и который уже раз. Вот и сейчас все у нас тут неожиданно закончилось, и я сижу и не знаю, что и как дальше будет. Я надеялся, что когда закончу эту работу, то смогу вас повидать, но сейчас все опять изменилось. Куда направят, я не знаю, не исключена возможность, что останемся и здесь, только на другой работе и значит все сначала. Но сейчас меня с работы не отпустят, я в этом уверен».

9 августа все освобожденные зеки – их было двадцать девять человек – справляли новоселье: им отвели целый подъезд шестиэтажного дома № 5 по улице Лядова. Там, на пятом этаже, в квартире № 100 получил комнату и Сергей Павлович. Было странно и непривычно спать в комнате одному. Он постепенно осознавал, что свободен, неторопливо разглядывал мир и видел его совсем другим, несравненно более полным, разнообразным, красочным. Так случается с людьми после тяжелой болезни. Впрочем, это и была тяжелая болезнь, эпидемия Сталина. Ему повезло: он – выжил. Он пишет матери:

> «У меня хорошая комната 22 м2 с дверью на будущий балкон и двумя окнами, так что вся торцовая наружная стена остеклена. Много света и солнца, так как мое окно смотрит на юг и восток немного. Утром с самого восхода и до полудня, даже больше, все залито ослепительным ярким солнцем. Я не ощущал раньше (до войны) всей прелести того, что нас окружает, а сейчас я знаю цену и лучу солнца, и глотку свежего воздуха, и

корке сухого хлеба.

Комната моя «шикарно» обставлена, а именно: кровать со всем необходимым. Стол кухонный, покрытый простыней, 2 табурета, тумбочка и письменный стол, привезенный мною с работы. На окне моя посуда: 3 банки стеклянных и 2 бутылки, кружка и одна чайная ложка. Вот и все мое имущество и хозяйство. Чувствую ваши насмешливые улыбки, да и мне самому смешно. Но я не горюю... Это ведь не главное в жизни, и вообще, все это пустяки».

Он всегда был бессребреником, а тюрьма воспитала в нем стойкое – на всю жизнь – убеждение в относительной ценности денег, вещей, одежды, удобств. Он ничего не коллекционировал, вещей, которыми бы он дорожил, было мало, а если и дорожил ими – не за их стоимость. С Колымы он привез алюминиевую кружку и сохранил ее до конца жизни. Душегрейку пришлось выбросить в конце концов, но он не любил менять костюмы, пальто, был равнодушен к моде. Он мог подарить жене дорогую шубу, но после его смерти на его сберегательной книжке лежало 16 рублей 24 копейки. Кинозала на даче не было. Потому что дачи тоже не было, хотя могла быть. Несколько последних лет его жизни был большой двухэтажный дом с садом и розарием (подарок правительства), большой черный автомобиль (служебный) и даже персональный большой самолет Ил-18 (разумеется, служебный). Но и тогда он твердо знал: «Это ведь не главное в жизни, и вообще, все это пустяки».

Не пустяк для него только одно – дело. Вновь повторю: дело было важнее свободы. Королев не мог уехать из Казани сразу после освобождения, это верно. Но Королев и не хотел из Казани уезжать. Вывод, на первый взгляд, парадоксальный, однако, если разобраться...

Что он будет делать в Москве? Кто примет на работу вчерашнего зека, не реабилитированного, а лишь прощенного? НИИ-3 в эвакуации. На старой базе занимаются «катюшами». Его тематика, особенно самолетная, от них далека. Да и не надо туда возвращаться, старое ворошить. Чего больше всего хочет Королев в конце лета 1944 года, в дни обретения свободы? Хочет самостоятельности. Хочет иметь свое Дело.

Многое объясняет «Докладная записка», написанная 30 сентября, т.е. через два месяца после освобождения, – «О работах Бюро самолетных реактивных установок при ОКБ-РД на заводе № 16». Заметьте, как уже в заголовке сформулировано: Бюро при ОКБ. В самой записке вновь подчеркивается: «В период 1942-1944

гг. в системе ОКБ 4-го спецотдела НКВД на заводе № 16 находились две самостоятельные группы: КБ-2 – конструкторское бюро реактивных двигателей (Глушко) и группа № 5 – самолетных реактивных установок (Королев)». Он декларирует свою независимость, положение заместителя Глушко его не устраивает. Потом, правда, он вынужден признать: «Группа № 5 придана ОКБ-РД на заводе № 16». В докладной перечисляет сделанное за два года и даже рассказывает обо всех работах 1932-1938 годов, создавая картину весьма внушительную: «Было выполнено несколько сот экспериментальных пусков...» Зачем это все он пишет?

Во-первых, чтобы отбиться от новых «хозяев»: «Сейчас группа передана в моторное КБ, не свойственное по профилю производимых работ. Работники завода № 22 в результате отозваны и используются на других работах. Фактически группа не имеет возможности работать дальше».

Во-вторых, чтобы получить не только юридическую, но и творческую свободу: «В настоящее время было бы своевременным и целесообразным реорганизовать группу в самостоятельное конструкторское бюро на одной из производственных баз в системе Главного управления НКВД по реактивной технике».

Он готов остаться в системе НКВД?! Да, готов. Королев реально представляет себе всю расстановку сил в промышленности и понимает, что сейчас, на исходе войны, он никому со своей тематикой не нужен, его не «купят» вместе с его группой ни авиационники, ни вооруженцы. Чтобы продолжать свое дело, он согласен на шарагу, но только на свою шарагу, со своей тематикой. Так, чтобы не он при двигателях, а двигатель при нем. Чем он собирается заниматься?

«Наибольший интерес представляет тема: одномоторный истребитель с бензиновым мотором (и РД) и реактивной установкой по специальной схеме.

Несомненно, что особое значение представляет разработка реактивных автоматически управляемых торпед для поражения весьма удаленных площадей, по типу немецких боевых ракет».

Докладная записка датирована 30 сентября 1944 года. Первая ракета Фау-2 выпущена на Лондон 8 сентября. Вряд ли Королев имеет в виду эту ракету – англичане еще сами толком не разобрались, что на них упало. Скорее, он пишет о самолете-снаряде Фау-1. Эти снаряды тоже начали применяться недавно – с 13 июня 1944 года, но он уже в курсе дела, осведомлен обо всех новинках! Сосед Королева по квартире Николай Сергеевич Шнякин вспоминает: «Появившаяся надежда на организацию собственного КБ буквально окрылила его, и он без устали

работал, составлял планы работ на будущее».

Поразительный человек! Вчерашний зек требует КБ! Усталый, больной – не раз случались сердечные приступы, драный нищий – стеклянная банка и чайная ложка – все его богатство, – печется о судьбе своего крохотного коллектива. У него нет канцелярской скрепки, чтобы не разлетелись странички его докладной записки, он прокалывает их сапожным гвоздиком, а ему нужен стратосферный самолет!

В октябре Королев составляет отчет «Крылатые ракеты». Отчета этого никто с него не спрашивает. Пишет для себя. Подводит итог всему, что успел сделать на воле до 1938 года. Смотрит, откуда надо начинать.

В декабре он завершает эскизный проект ракетной модификации истребителя Лавочкина Ла-5ВИ.

Новый год встречали весело, пили спирт, пели песни: Новый год на свободе – тоже забытое ощущение...

Всю зиму и весну продолжает полеты на Пе-2 с ракетной установкой. К Первомаю в Казанском авиационном институте организована кафедра ракетных двигателей. Глушко стал заведующим кафедрой, Жирицкий – профессором, Королев, Лист, Севрук и Брагин – старшими преподавателями.

Но заняться преподаванием он не успел.

...В тот вечер он пришел домой после полетов усталый, хотел приготовить что-нибудь поужинать, но решил немного отдохнуть, одетый прилег на кровать и уснул. Проснулся, когда было уже темно, от какого-то глухого шума, гула, который проникал в комнату отовсюду – сверху, снизу, сквозь стены, с улицы. Королев вышел в коридор. В квартире никого не было. Открыл дверь на лестничную площадку. Навстречу ему огромными прыжками несся незнакомый ему человек с мокрым лицом и невероятно сияющими глазами. Увидев Королева, он закричал срывающимся голосом:

– Победа! Победа!

Внизу слышен был голос Левитана, и Королев бросился на этот голос.

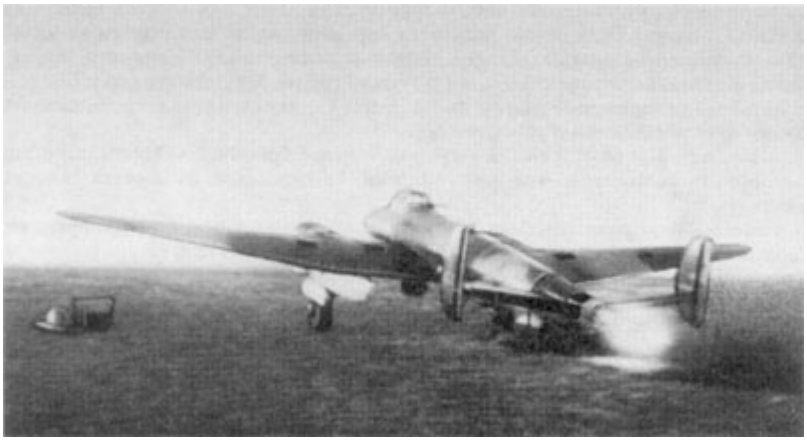
– ...прекратить военные действия в 23-01 часа по центрально-европейскому времени 8 мая 1945 года... Начала он не слышал, услышал самое главное. Через шестнадцать лет он опять услышит этот ликующий голос, услышит самое главное:

– ...космический корабль «Восток» с человеком на борту...

Но ведь тогда, на лестничной площадке казанского дома, он не мог знать того, что будет через шестнадцать лет. Тогда он знал лишь, что конец войны означает одно: придется начинать с начала. Как, где, с кем – не знал, но то, что придется начинать с

начала, знал твердо. У него украли шесть лет, шесть лет, когда он был в самом соку, в самой силе, ведь 32 было ему тогда – лучшие, золотые годы. Теперь надо наверстать эти шесть лет. Скоро сорок. Время еще есть. Но надо очень торопиться.

Старт бомбардировщика Пе-2 с жидкостным ракетным ускорителем



С.П. Королев во время испытаний жидкостных ракетных ускорителей.

Казань, весна 1945 г.

ВЗЛЕТ

38

Знания истории предмета необходимы для правильного движения вперед.

Дмитрий Менделеев

Командировку в Москву удалось оформить только в августе. Полетели вместе с Глушко на служебном заводском самолете. Накануне Королев позвонил Тимофею Геллеру, чтобы он встретил их на машине: самолет садился в Раменском, в хозяйстве Туполева, а хотелось поскорее попасть домой. Впрочем, не домой. Перед вылетом выяснилось, что на Конюшковской лопнули какие-то трубы и Ляля с Наташей и домработницей Лизой перебрались к маме на Октябрьскую. Надо было ехать в Марьину Рощу.

Вошел во двор – забилось сердце: семь лет он здесь не был. Стал подниматься по лестнице и вздрогнул: рука узнала перила. Вот уж не думал, ведь никогда и не вспоминал эту лестницу, по которой бегал в молодости, и перила тогда не нужны были, а вот ладонь вспомнила форму старого дерева, чудеса!

За многие годы неволи он столько раз представлял себе свое возвращение, так ясно видел его, слышал слова, которые скажет, и вот идет он не к себе домой, и все, конечно, будет совсем не так. Не надо никогда загадывать. Он представлял себе, как откроется дверь и он увидит незнакомую девочку, которую он не видел уже четыре года, и она, конечно, не узнает его, а когда он возьмет ее на руки, она будет не то чтобы отстраняться, а как-то напрягаться, а когда он поцелует ее, она будет коситься на мать. Но дверь ему открыла Софья Федоровна, теща. За спиной ее стояли мама и Макс. А тех, кто должен был быть – Ляли и Наташки, – не было. Заохали, запричитали, объятия, слезы. Звонили Ляле на работу, потом пришел Гри, за ним – Наташка с домработницей Лизой. И Наташка сразу узнала его. Стоило бабушке Марии Николаевне закричать: «Наташенька, внученька, ты видишь, кто приехал!..», – как она улыбнулась и тихо сказала:

– Папа...

Да, все не так получилось, как он себе представлял. И хоть все вокруг радовались и милая тихая девочка ласково смотрела на него, стала вдруг грустно, тоскливо на душе.

Приехала Ляля. И снова все было как-то не так, и люди эти вокруг...

– Пойдем погуляем, – предложил он Ляле, – я по Москве

соскучился...

Они спустились по Октябрьской на площадь Коммуны, и Королев с удивлением разглядывал Театр Советской Армии. Он помнил его еще в лесах, строили долго, с 1934 года, а закончили уже без него, в 40-м.

Алабян и Симбирцев – украшатели новой Москвы – предложили проект, если не архитектурно, то политически безупречный: в плане театр представлял собой гигантскую пятиконечную звезду. Никому тогда в голову не пришло, что с воздуха звезда эта смотрится как безошибочный ориентир. В дни налетов на Москву театр решили замаскировать и теперь, раскрашенный в разные резкие, контрастные цвета, представлял он собой не здание, а некое геометрическое нагромождение, накрытое деревенским лоскутным одеялом. Королев подумал, что работа эта, скорее всего зряшная, даже с километровой высоты всего этого камуфляжа не видно, тем более ночью, а если и надо было что-то раскрашивать, так это крыши. Он все это начал было объяснять Ляле, но увидел, что это ей неинтересно, и замолк. По Цветному бульвару и Неглинке они вышли на Театральный проезд, а потом сидели в скверике перед Большим театром. Скверик совсем не изменился за последние семь лет, те же деревья, те же скамейки. Тут время словно остановилось: театр, кино, «Метрополь», Островский как сидел, так и сидит. Он опять почувствовал какое-то раздражение, обиду что ли на Островского за его постоянство. И опять, как дома, стало тоскливо. Он не знал, о чем говорить с Лялей. Она не задавала ему никаких вопросов, а он никак не мог сообразить, о чем он должен расспрашивать ее. Если говорить откровенно, то интересовала его только Наташка. Она ему уже все рассказала, про то, как жила с дедушкой и бабушкой в Йошкар-Оле, про школу, куда она пойдет 1 сентября, уже совсем скоро. Но ведь надо же о чем-то спрашивать Лялю, так ведь нельзя... Он хотел было спросить, почему она не приехала к нему с Наташкой в Казань. Тамара с маленькой дочкой приехала к Валентину Глушко еще до освобождения. И к другим приезжали. Но потом подумал, что спрашивать не надо, ни к чему, кроме тягости, разговор этот не приведет. Он спросил что-то о стариках Винцентини. Потом Ляля рассказала о домработнице Лизе, какой это человек чудесный, как помогала ей. Опять помолчали. Синий троллейбус, лобастый, толстый, катился мимо скверика. Он таких не видел...

– А что с Евгением Сергеевичем, – спросил Сергей. – Жив ли?

– Он еще на Урале. Жив. И даже выздоровел... Просто медицинское чудо...

Щетинков, уехавший вместе с институтом на Урал в самые

голодные и холодные военные годы действительно исцелился от туберкулеза. В Свердловске ему порекомендовали какую-то бабку, знахарку, которая поила его козьим молоком, настоянным не то на чесноке, не то на черемше, – гадость была ужасная, но он пил. Пил и начал поправляться.

После войны Евгений Сергеевич вернулся в Москву, но с Королевым больше никогда не работал. Он увлекся теорией сверхзвуковых прямоточных двигателей, в 1949 году защитил по ним докторскую диссертацию.

В середине 50-х, когда я работал в бывшем РНИИ, наша лаборатория была как раз под кабинетом Щетинкова, я часто видел его на разных совещаниях и ученых советах, неизменно скромного, молчаливого, но, по счастью, сохранившего со времен своей болезни репутацию человека, которому «все дозволено», – то самое деловое, принципиальное прямодушие, когда доброжелательство искренне уживается с требовательностью вне зависимости от чинов и личных симпатий. Потом, когда я стал журналистом, мы встречались несколько раз, он много рассказал мне о Королеве.

Преданная любовь его к Ксении Максимилиановне была вознаграждена: в 1952 году она стала женой Евгения Сергеевича. Он обожал ее, очень заботился о Наташе, и они счастливо прожили почти четверть века, наблюдая вместе засекреченный, безликий триумф такого близкого им когда-то и такого невозвратимо теперь далекого человека, пролетевшего сквозь их жизни...

Евгений Сергеевич Щетинков пережил Королева, он умер в 1976 году. Было ему 69 лет.

...С шипением, рывком захлопнув свои узенькие дверцы с окошками, похожими на бойницы, синий троллейбус тяжело, как пароход, отчалил от тротуара. Ляля рассказывала, как Щетинков пришел к ней на следующий день после ареста Сергея, не испугался, он слушал ее, но ему неинтересно было ее слушать. Он злился, потому что признаться в этом самому себе было стыдно. Ляля видела, что Сергей нервничает, не понимала почему и думала, что тюрьма его мало изменила, не обкатала, не размягчила, что дальше ей с ним будет опять трудно, может быть, труднее, чем было до тюрьмы...

На следующий день Сергей куда-то уехал, с кем-то встречался, когда Ляля спросила вечером, где он был, что делал, ответил неохотно:

– Так... Дела...

Уехал он обратно в Казань очень быстро и был рад, что уезжает. Но вскоре приехал снова.

Сталин любил авиационные праздники в Тушине. Если не считать Красной площади, это было, пожалуй, единственное место, где он встречался со своим народом. Стоя под тентом широкого балкона аэроклуба, он видел внизу на зеленом поле живые пятна, составленные из бесконечного количества крохотных людей, и это нравилось ему. О дне 18 августа вспомнили вовремя, посчитав, что хозяину будет приятно вернуться к довоенной традиции. Намечен был план праздника, одним из пунктов которого был полет «пешки» с включенными ракетными ускорителями. Для подготовки этого «пункта» и был вызван из Казани Королев. Он прилетел в субботу 11 августа, а уже в понедельник в наркомате пошел слушок, что праздника не будет, вроде бы и без того слишком много праздников: Победа, парад победителей, парад физкультурников – Сталин пригласил тогда на трибуну мавзолея Эйзенхауэра и Гарримана, а впереди еще уже вполне созревшая капитуляция Японии, так что можно с Тушино повременить: любое торжество от частого повторения начинает терять свою торжественность, – генералиссимус почувствовал это на салютах, но любил их, не отменил и после 9 мая. Воздушный парад перенесли на будущий год. В августе 1946-го действительно демонстрировались ракетные ускорители РД-1 ХЗ, но уже не на «пешках», а на истребителе Лавочкина 120-Р. А на этот раз парад вождь вычеркнул, но в честь «Дня Сталинской авиации» распорядился устроить большой салют, торжественное заседание в Доме Советской Армии и народное гулянье в «Центральном парке культуры и Горького» – так объявляли кондукторши остановку в троллейбусах маршрутов «Б» и «10», ходивших по Садовому кольцу. В честь праздника Сталин пожаловал ордена Суворова I степени четырем маршалам, вторую золотую Звезду пяти Героям и третью – 25-летнему Кожедубу: неправильно, если среди летчиков будет только один трижды Герой. И Жукову в назидание, тоже полезно…

В свой первый приезд Королев ни с кем не успел поговорить обстоятельно, спокойно и теперь позвонил Тихонравову и договорился, что заедет к нему вечером.

Обнялись, расцеловались. Тихонравов мало изменился за эти годы, такой же сухонький, подтянутый. Он и потом, до старости, мало менялся, белела голова, светлел с годами, и все…

Засиделись за полночь, было, что вспомнить. Михаил Клавдиевич начал рассказывать, что знал о старых знакомых, кто где, война людей здорово раскидала в разные стороны, но Королев как-то нетерпеливо заерзал на стуле, перебил:

– Ладно. Бог с ними. Потом. Расскажите про себя: где вы, чем занимаетесь.

– Да, понимаете, я тут задумал опять за старое приняться, – улыбнулся Михаил Клавдиевич. – Помните наш подвал на Садово-Спасской?

– Я с тех пор много подвалов прошел, но тот не забыл...

– Ну, так вот, я вернулся к идее ракетного полета человека в стратосферу. Королев быстро придвинулся к столу и как-то по особенному набычился. Тихонравов знал, что эта поза Сергея означает предельное внимание.

В начале 1945 года Тихонравов задумал построить большую одноступенчатую жидкостную ракету, посадить в нее человека, а точнее – двух человек, и поднять их в стратосферу. Герметичная кабина, достигнув высоты двухсот километров, отделялась от ракеты и опускалась на парашюте. Какое-то небольшое время стратонавты должны были испытывать состояние невесомости, что очень интересно, но главное – можно было померить давление, температуру и поставить, наконец, точку в многолетнем споре теоретиков о том, как устроена стратосфера. Тихонравов понимал, что проект выглядит довольно фантастично, но... чем черт не шутит?! Войне виден конец, может быть, его проект заинтересует начальство?.. Впрочем, об этом он не очень много думал, работал, потому что самому было интересно, потому что не мог заставить себя об этом не размышлять.

Подходя к проекту ВР-190 с мерками сегодняшнего дня, невозможно им не восхищаться! Конечно, в 1945 году многое понимали упрощенно, есть решения наивные, но наряду с этим есть и замечательные откровения, осуществленные лишь через много лет уже в космической эпохе. Кабина отделялась от ракеты при подрыве соединительных болтов, начиненных взрывчаткой, так называемых пироболтов, а опускалась на парашюте, затем садилась с применением двигателей мягкой посадки. Все это потом осуществили уже на космических кораблях, включая даже штангу-щуп, которая выдвигалась вниз при приземлении и, едва коснувшись земли, включала посадочный двигатель. В разреженной атмосфере, где никакие воздушные рули не годились, для стабилизации полета кабины применялись, как и в космических кораблях, маленькие реактивные двигатели. Продумана была и система жизнеобеспечения в самой кабине. Короче, это был один из тех проектов, который явно свое время обгонял. Как чаще всего случается с подобными проектами, время, которое не любит, чтобы его обгоняли, его притормозило. Забегая вперед, скажу, что в 1946 году Тихонравов предложил строить такую ракету на коллегии Министерства авиационной промышленности (МАП). Министр Алексей Иванович Шахурин

кивал, слушая Тихонравова, предложение одобрили, но, поразмыслив на досуге, министр понял, что подключаться к этому делу смысла нет. Оборонщики организуют под Москвой новый институт НИИ-4, вот и пускай они там займутся этой ракетой. Так и случилось: Тихонравов с небольшой группой единомышленников перешел в НИИ-4, где продолжал дорабатывать свой проект, который назывался теперь «Ракетный зонд». Работу заслушали на ученом совете института и тут тоже все кивали, но ракету так и не построили. Кончилась эта история в 1949 году научным отчетом, пополнившим строй совершенно секретных и никому не нужных фолиантов спецбиблиотеки.

Но тогда, летом 45-го, рассказ Тихонравова о проекте ВР-190 привел Королева в состояние крайнего возбуждения.

– Но кто, кто будет это делать? – тормошил он Михаила Клавдиевича. – Есть у вас люди, база?

– Люди есть. Чернышев Николай Гаврилович, химик, помнишь его? Володя Галковский, он «катюшами» занимался, толковый парень, Штоколов Владимир Аркадьевич, он с вами работал в РНИИ. Кого вы еще знаете: Иванов, Москаленко, Кругов... А базы нет, откуда у меня база?..

– Погодите, а возможно ли в принципе такую ракету сегодня построить?

Не случайно задал Сергей Павлович этот вопрос. В середине 40-х годов на границе войны и мира происходит внешне малозаметный, но очень важный процесс переосмысления Королевым всей своей работы в ракетной технике. Еще в самом начале войны, в августе 1941 года, делает он прикидочные расчеты АТ (крылатой авиаторпеды, беспилотного ракетоплана) – это эхо работ в ГИРД и РНИИ, возможно, результат тех его уединенных размышлений, которые были замечены обитателями туполевской «шарашки» на улице Радио. Но вот он переезжает в Казань и начинает испытания ускорителей. Ведь «пешка» с ускорителем – это ракетоплан, но как невыносимо короток его полет! Уже в одном из первых своих полетов он почувствовал, что... трудно объяснить словами... но он ясно почувствовал, что это двигатель не от той машины. Не конкретный РД-1 – двигатель Глушко был совсем не плох, нет, вообще этот тип двигателя находился в некоем противоречии с конструкцией летательного аппарата, и Королев сразу это почувствовал. Доказать это математически было довольно трудно. Это можно именно почувствовать, а он верил своему техническому чутью, ценил в себе эту, богом данную интуицию, потому что не помнил случая, чтобы она подводила его.

Значит, годы, потраченные на ускорители, потрачены зря? Он

знает и умеет теперь значительно больше, чем знал и умел. Казанские ускорители стали хорошей инженерной и конструкторской школой. В 1971 году американский военный специалист Герберт Йорк напишет: «Во время войны ни одна из союзных держав не конструировала стратегических ракет, аналогичных немецким, но все они разрабатывали и выпускали для других целей ракеты и снаряды меньших размеров. Среди них важнейшим, с точки зрения последующего развития этой отрасли, были ракетные ускорители, предназначенные для облегчения взлета тяжелых тихоходных самолетов». Йорк напишет это в 1971 году, но Королев и в 1945-м понимал, как много дала ему эта проклятая работа в Казани. Именно опираясь на казанский опыт, он может построить ракетоплан и на сегодняшнем уровне техники, и он доберется до стратосферы, ну а дальше? А выше? Какой-то чертик, которого он постоянно гнал от себя, нашептывал ему в ухо: «Там тупик».

Но отказ от ракетоплана – это предательство! Предательство? Почему? Разве он предает намеченную цель? Он хотел и хочет летать в стратосфере и за ее пределами. И цель эта остается. Он меняет лишь средства ее достижения. Циолковский согласился бы с ним. Ведь сам Константин Эдуардович писал: «Многие думают, что я хлопочу о ракете и забочусь о ее судьбе из-за самой ракеты. Это было бы грубейшей ошибкой. Ракета для меня только способ, только метод проникновения в глубину космоса, но отнюдь не самоцель... Будет иной способ передвижения в космосе – приму и его...» Ракетоплан – тоже не самоцель, это тоже только способ, только метод достижения цели. А если Циолковский прав, если для космоса все-таки нужна, прежде всего, ракета? Все чаще и чаще думает он о ракете, большой, дальнобойной. 14 октября 1944 года – через полтора месяца после своего освобождения, он посылает на имя заместителя наркома авиапромышленности Дементьева письмо и проект: «Необходимые мероприятия для организации работ по ракетам дальнего действия». Примерно к этому времени (даты нет), очевидно, относятся и его «Исходные данные для проектирования ракет дальнего действия ДС и ДК». Если в «Докладной записке» от 30 сентября 1944 года он говорит о Бюро самолетных реактивных установок, то в «Исходных данных» предлагает организовать в Казани работы по ракетам дальнего действия и даже прилагает список лиц, которые ему нужны: Дрязгов, Раушенбах, Полярный – единомышленники по РНИИ. Ясно видишь: Королев на распутье: ДС – это дальний снаряд, ДК – дальняя крылатая. Не может он вот так, сразу, одним махом отказаться от крылатого ракетного аппарата. Ведь ракетоплан – это по сути вся сознательная инженерная жизнь

Королева до 1944 года. Он уже не верит в жидкостный ракетоплан, но еще не верит в большую ракету. Вот почему так жадно слушает он Тихонравова, ему нужно укрепить себя в этой новой вере. Вот откуда этот вопрос:

– Погодите, а возможно ли в принципе такую ракету сегодня построить?

...Тихонравов ответил не сразу, улыбнулся, по-птичьи скосив на него глаза, – он, когда хотел, мог одним глазом смотреть в одну сторону, а другим – правее или левее.

– Да ведь в том-то и дело, что можно, – сказал он, наконец. – Вы слышали о Фау-2?

– Конечно...

– Вы слышали, а я видел!

Речь шла о фашистской баллистической ракете А-4 конструкции Вернера фон Брауна «Vergeltungs Waffe»[96], сокращенно – Фау-2.

Черчилль еще в 1943 году забеспокоился по поводу этой ракеты. Сталин поручил Маленкову разобраться, Маленков запросил ракетчиков. Что можно было сказать, не видя самой ракеты? По данным бомбардировок Лондона, точность и кучность плохая, дальность – 250 километров в принципе может быть достигнута. Вспомнили, что перед самой войной никому не известный изобретатель из Киева Зименко прислал в Главное артиллерийское управление очень грамотный проект ракеты с дальностью 300 километров. В Киев из РНИИ послали людей разбираться. Проект даже не был засекречен. Расчеты проверял Михаил Алексеевич Лаврентьев – будущий академик, прародитель Сибирского центра науки. Все получилось точно, идея была правильная, но тут началась война, и было уже не до ракеты Зименко.

– Если один украинец сумел спроектировать ракету на 300 километров, то почему много немцев не могут сделать на 250? – резонно заметил Тихонравов.

Обсуждение увяло. Маленков остался недоволен присланной справкой: докладывать хозяину было нечего. Но Сталин, оказывается, давал поручение не одному Маленкову. Параллельно задание разузнать о Фау-2 получила военная разведка и вскоре обнаружила следы фашистской ракеты в Польше.

18 августа 1943 года британская авиация провела одну из своих самых удачных боевых операций. Обманув немцев отвлекающим маневром восьми самолетов «москито», устремившихся к Берлину, и добившись, что почти вся истребительная авиация фашистов бросилась защищать свою

столицу, 597 четырехмоторных бомбардировщиков англичан обрушили на ракетный центр в Пенемюнде 1593 тонны фугасных и 281 тонну зажигательных бомб. Более половины всех зданий было уничтожено или разрушено, погибло 732 человека, в том числе ведущий двигателист Тиль, инженер Вальтер и другие специалисты КБ фон Брауна. Англичане потеряли 42 самолета и один «москито» над Берлином. Гитлер был в ярости: ПВО[97] «проспала» Пенемюнде. Как он кричал по этому поводу на Геринга – неизвестно, но известно, как кричал Геринг на начальника штаба ВВС генерал-полковника Ешоннека: Ешоннек застрелился.

Работать на полную мощность, а именно этого требовал фюрер, в Пенемюнде после налета не могли, поэтому было решено организовать новый испытательный полигон для Фау-2. Эту работу рейхсфюрер Гиммлер поручил начальнику строительного отдела Главного хозяйственно-административного управления СС группенфюреру Каммлеру, и тот нашел подходящее место. Рядом с польскими деревнями Близка и Пусткув, откуда срочно было вывезено все население, расположился сверхсекретный «Артиллерийский полигон Близка». Там же был организован концлагерь, куда привезли около двух тысяч евреев из Франции, Бельгии и Голландии. Заключенные зацементировали несколько площадок под стартовые столы для Фау-2, после чего всех их расстреляли. Гиммлеру очень хотелось, чтобы фюрер увидел, кто действительно болеет за безопасность и оборонную мощь рейха, этот недоумок Геринг с его бездарной ПВО или он, Гиммлер. Увидел бы и оценил. Когда за дело берется СС, августовская бомбежка повториться не сможет, поскольку секретностью будут заниматься не дилетанты, а специалисты. Для русской воздушной разведки не поленились даже построить деревню, развесили на веревках белье, расставили гипсовых собак, на завалинках рассадили кукол в полный человеческий рост.

Стрелять отсюда начали по району Сарнаки в 120 километрах восточнее Варшавы, где из десятка деревень на берегу Буга тоже выселили крестьян. По этим деревням и выпустили около сотни ракет.

Гипсовые собаки не уберегли полигон Близна: польские партизаны о нем разузнали, купили у одного нестойкого нациста топографическую карту с обозначением всех стартовых площадок и стали собирать все, что можно было собрать на местах взрывов. В Варшаве все «железки» тщательно изучались, по клеймам и фирменным знакам определялись фирмы и заводы-изготовители, и все эти сведения передавались англичанам. В апреле 1944 года

полякам особенно повезло: Фау-2 упала в болото и не взорвалась. Партизаны быстро, как муравьи дохлую стрекозу, растащили ракету по амбарам и сараям, солдаты и жандармы два дня искали ее, не нашли и для успокоения бдительных эсэсовцев написали акт, из которого было ясно, что ракета бесследно утонула в болоте. Фотографии упавшей ракеты, три прибора из блока управления и пузырек с остатками топлива партизаны доставили в Варшаву. 25 июля 1944 года присланный англичанами самолет «Дакота» сел на партизанском аэродроме и вывез агрегаты Фау-2. Гиммлер был посрамлен: ведь партизаны организовали аэродром в 260 километрах от Варшавы, в районе, где было полно немецких войск и эсэсовцев.

Тогда же одна ракета Фау залетела в Швецию, шведы сообщили об этом англичанам, те прислали опытного специалиста, который увез в Англию все «железки». Другие части взорвавшейся ракеты англичанам переправили с датского острова Борнхольм. Научно-технической разведке англичан помогали и специалисты из подпольной группы французского Сопротивления «Марко Поло». Таким образом, Лондон еще до начала обстрела уже имел какое-то представление о Фау-2. Если в июне 1943 года Черчилль созвал специальную научную конференцию, на которой британские специалисты спорили о том, что конкретно может угрожать Англии, то 2 августа, когда Лондон отбивался от крылатых ракет Фау-1, Черчилль, выступая в палате общин, предупреждает, что скоро на Англию могут обрушиться и баллистические ракеты немцев.

Вернер фон Браун записал: «7 сентября 1944 года наступил долгожданный момент: наша „игрушка“ превратилась в оружие уничтожения. В районе Гааги была пущена первая Фау-2».

Первую ракету пустили по Парижу. Лондон начали обстреливать на следующий день. И хотя англичане знали о немецкой ракете, сначала они ничего не поняли. Когда в 18 часов 43 минуты 8 сентября в районе Чизвик раздался сильный взрыв, подумали, что взорвалась газовая магистраль: ведь никакой воздушной тревоги не было. Взрывы повторялись и стало ясно, что газовые магистрали ни при чем. Около одной из воронок офицер из ПВО поднял кусок патрубка, который словно прилип к руке: металл был заморожен. Так стало ясно, что в ракете, очевидно, применяется жидкий кислород.

В отличие от англичан, у нас ничего не было, кроме докладов разведки о стартах в Польше и радиоперехватов восторженных речей Геббельса, который утверждал, что новое оружие способно изменить весь ход войны, – Геббельс давно усвоил, что самым невероятным «уткам» народ склонен верить больше, чем

полуправде, и не стеснялся. Получены были сведения, что немцы собираются применять Фау-1 для бомбардировки Ленинграда. Подвешенные к бомбардировщикам «Хейнкель-111» самолеты-снаряды, пилотируемые летчиками-смертниками, собирались долететь до Куйбышева, Челябинска, Магнитогорска и других городов. Известный разведчик, любимец фюрера Отто Скорцени, уже начал отбор 250 летчиков-смертников для пилотирования Фау-1. Мы об этом знали. Маршал артиллерии Воронов поручил даже разработать на основе британского опыта «Предварительные указания по борьбе с самолетами-снарядами». Была продумана система ПВО. Позднее выяснилось, что для мести несдавшемуся Ленинграду в Таллин морем привезли несколько Фау-2. На территории псковского льнокомбината организовали специальную зону, где ракеты должны были готовить к запуску. Секретный эшелон с кодовым названием Р-13, в котором были отправлены шесть Фау-2, до Пскова не дошел, его подорвали партизаны. В общем, ни Фау-1, ни Фау-2 на Восточном фронте немцам применить не удалось, что не снизило, однако, интереса Ставки к этим ракетам. Едва войска маршала Конева приблизились к району «полигона Близна», как в НИИ-1[98] стали готовиться лететь в Польшу. Впрочем, первую партию «железок» генерал Курочкин (его дивизия захватила полигон) прислал сам. Самым ценным подарком в этой посылке оказалась камеру сгорания Фау-2.

– Вы представить себе не можете, какой огромный горшок! – Тихонравов снизил голос до потаенного шепота, и камера сгорания от этого стала еще больше. – Помните наши двигатели, хоть Глушко, хоть Душкина, критическое сечение сопла – кулак не пролезет, а тут сам можешь забраться внутрь камеры, представляете?! Я увидел, глазам не поверил, стали считать, получается тяга порядка 25 тонн! Не 250 килограммов, а 25 тонн, представляете, какой рывок вперед они сделали?!

Королев слушал не двигаясь, даже не мигая. Спросил отрывисто:

– Система подачи?

– Турбонасосный агрегат.

– Я так и думал! Я еще на Колыме понял, что при больших тягах, когда топлива много, вытеснительная система подачи не годится. Она потребует прочных, а значит, тяжелых баков. Да, в 39-м я уже понял, что мощный двигатель – это насосы…

В своей книге «Академик С.П.Королев» П.Т.Асташенков напишет: «Сергей Павлович, как и другие наши ученые-ракетчики, был знаком с немецкими жидкостными боевыми ракетами времен войны. Никаких „откровений“ в них не нашел:

они в основном базировались на идеях К.Э. Циолковского». Нет, «откровения» были, и много «откровений»! Браун сделал принципиально новый шаг вперед, создав ракету такой мощности, о которой наши ученые-ракетчики только мечтали. Что же касается идей Циолковского, то действительно немецкие ракеты времен Гитлера, равно как и китайские времен мандарина Ван Гу, и американские времен президента Кеннеди «в основном базировались» на этих идеях. Рассматривая историю техники в таком ракурсе, можно сказать, что все фашистские самолеты «базировались» на формуле подъемной силы крыла, выведенной Н.Е. Жуковским.

Осколки секретного оружия вызвали очень большой интерес среди наших специалистов. Поглядеть на невероятную камеру и другие «железки» приходили многие – «люди Болховитинова», тогда еще не очень разбирающиеся в этом деле: Березняк, Черток, Мельников, Мишин; двигателисты, которые могли оценить мощь «немецкого горшка»: Тихонравов, Душкин, Исаев, Глушко. Что-то пробовали восстановить по осколкам, поставили токарный и фрезерный станки, стапель для распрямления искореженного металла. Рисовали, спорили и даже сочиняли отчеты по результатам своих анализов, впрочем, довольно умозрительные, хотя молоденький инженер Василий Мишин написал отчет «Некоторые вопросы проектирования ракет для вертикального полета», как потом выяснилось, весьма толковый и для дела полезный.

Работали быстро, всех очень торопил нарком авиапрома Алексей Иванович Шахурин, ведомству которого подчинялся теперь НИИ-1. А торопил всех Алексей Иванович потому, что на него самого нажимал Маленков, требовал справок, заключений. Шахурин передал новому начальнику НИИ-1 генералу Федорову записку Сталина. На небольшом листке бумаги размашисто красным карандашом было написано: «Феодоров, я очень прошу ускорить выполнение моего задания. И. Сталин».

Шахурину очень не хотелось всем этим делом заниматься. И без ракет хватало ему забот, а тут и не разберешь – то ли это снаряд, то ли торпеда, но, во всяком случае, нечто от авиации весьма далекое. И Болховитинов – правая рука Федорова в институте – был согласен с наркомом. Ну, Фау-1 – все-таки самолетик с двигателем-трещоткой, им еще можно заняться, но эта штуковина... Виктор Федорович относился к Фау-2 очень настороженно.

Но «Феодорову» после сталинской записки хочешь не хочешь, а заниматься Фау-2 придется, и лететь в Польшу за всеми этими «горшками» тоже придется: только так можно было выказать свое

рвение вождю. Из ракетчиков он взял с собой Шварца, из управленцев Коновалова, Боровкова, Попова. Чтобы быть в Польше мобильнее и ни от кого не зависеть, решили взять с собой «виллис», закатили в самолет, а как надо не закрепили, и под Киевом он сорвался в воздухе...

– Представляете, – рассказывал Тихонравов, – в полетном списке одиннадцать человек, а трупов двенадцать. Долго разбирались. Оказалось, солдатик один, в награду отпущенный на неделю домой, торопился в свою часть, упросил взять его в самолет...

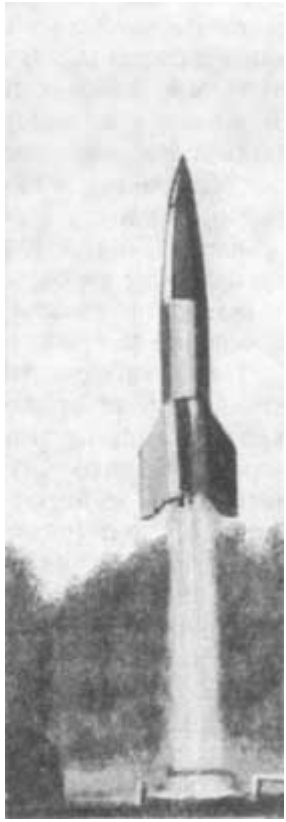
По глазам Королева Тихонравов понял, что он его не слушает. Только конец фразы зацепил его сознание.

– Жалко солдатика. Всех жалко, – рассеянно проговорил Королев. – И безо всякой связи с предыдущим вдруг сказал:

– А я в Германию лечу.

Вернер фон Браун (слева) и Курт Дебус

Подготовка к запуску и запуск немецкой ракеты Фау-2



Разрушения в Лондоне в результате бомбежек Фау-2

С.П.Королев. 1945 г.

39

Ежели мы не изобрели пороха, то это значит, что нам не было это приказано...

Михаил Салтыков-Щедрин

С VII площадки ракетного центра в Пенемюнде 14 февраля 1945 года взлетела последняя фашистская ракета Фау-2 – заводской номер 4299 серийного производства «Миттельверке». Геббельс обманул: колесо истории Фау-2 в обратную сторону не повернуло.

В эти последние недели войны в разных точках Германии происходят события, имеющие отношение к нашему рассказу.

На юге, в Баварии, у границы австрийских Альп в маленьком курортном городке Гармиш-Партенкирхен появились озабоченные люди, не похожие на курортников. Я был в этом райском уголке, где в очень синем небе сияет шатер Цугшпитце, где очень много цветов, где тротуары моют стиральными порошками, а дома похожи на декорации для детского фильма по сказкам братьев Гримм. Но новоселы 1945 года были слишком озабочены, чтобы замечать все эти прелести. Оказались они тут не по своей воле.

3 апреля группенфюрер СС Ганс Каммлер получил приказ Гиммлера «немедленно эвакуировать руководящие кадры производства оружия Фау в „Альпийскую крепость“ – так кодировался район неподалеку от Гармиш-Партенкирхена. Вернер фон Браун и начальник центра в Пенемюнде генерал Вальтер Дорнбергер жили в фешенебельном отеле „Ингебург“. Услышав о самоубийстве фюрера, они как истинные патриоты решили не „сдаваться“, а подождать, когда их „возьмут в плен“. В „Альпийскую крепость“, кроме Брауна и Дорнбергера, приехало 466 ведущих ракетных специалистов. Остров Узедом обезлюдел: разбежались кто куда, ходили слухи, что всех причастных к ракетам, эсэсовцы будут уничтожать, чтобы никто не узнал секретов „оружия возмездия“.

Однако время шло, никто их не уничтожал, поскольку все заботы эсэсовцев постепенно свелись к одной большой и главной заботе – спасти собственную шкуру. Посланный из «Ингебурга» навстречу американцам брат Вернера – Магнус Браун-младший на свое счастье вышел на контрразведчиков 4-й пехотной дивизии США, и 5 мая младший лейтенант Чарльз Стюард взял, наконец, в плен штурмбанфюрера СС Вернера фон Брауна, генерала

Дорнбергера и всю их компанию, истосковавшуюся в ожидании младшего лейтенанта. Впрочем, у Стюарда богатую его добычу сразу отобрал профессор Гетц Энтони Брифс – он специально прилетел из Вашингтона, чтобы найти Брауна, познакомиться, поговорить. Поговорили. И быстро договорились...

В тот же самый день 5 мая далеко от австрийских Альп танки авангарда маршала Рокоссовского вышли на низкие берега холодного залива Грейфсвальдер-Бодден, и после полудня солдаты майора Вавилова заняли пустынные полуразрушенные корпуса ракетного центра Пенемюнде. Солдаты были сильно раздосадованы тем, что казачьему полку, как всегда, повезло больше, казаки оккупировали «Швабес отель», всласть побили посуды и напились марочного вина, от которого с непривычки поутру сильно гудели их чубатые головы.

В то же время далеко и от южных гор, и от северных морей, в самом центре Германии – в Тюрингии, вблизи маленького городка Нордхаузена, – американские части захватили подземный завод, где строились Фау-2. По соглашению, этот район Германии отходил в советскую зону оккупации. Американский историк ракетной техники Вилли Лей писал: «Разумеется, переместить подземный завод было невозможно, однако к тому времени, когда союзные офицеры приступили к исполнению необходимых формальностей, связанных с передачей завода русским, около 300 товарных вагонов, груженных оборудованием и деталями ракет Фау-2, находились уже на пути в Западное полушарие».

Начинался новый, короткий, но интересный этап в истории мировой ракетной техники: охота за немецкими трофеями. Еще десять—пятнадцать лет назад ракетчиков считали беспочвенными фантазерами, сейчас за ними гонялись по всей Германии. Тогда их доклады и расчеты тихо опускали в мусорные корзины, теперь с каждого клочка сдували кирпичную пыль и подшивали в секретные папки. Ценить с опозданием – свойство человеческой натуры.

В годы «холодной войны» бывшие участники антигитлеровской коалиции постоянно упрекали друг друга в том, что союзник-де захапал больше и на этом нажился. Мы обвиняли в этом американцев, американцы – нас. Потом взаимные упреки за давностью лет пригасли, но когда после запуска первого искусственного спутника Земли американским специалистам надо было как-то объяснить своим соотечественникам, почему русские оказались впереди, о немецких трофеях снова вспомнили. Правда, не сразу – поначалу придумали ответы совсем курьезные: русские выкрали у американцев ракетные секреты. «Эти домыслы неизбежно

приводят нас к нелогичным до странности и даже антиамериканским взглядам, – иронизировала тогда английская газета „Манчестер гардиан“. – Если Советский Союз действительно „выкрал“ бы указанные секреты, то в худшем случае, с американской точки зрения, он мог бы идти вплотную, но никак не впереди Соединенных Штатов в развитии ракетной техники».

И вот тогда-то и нашлось еще одно ветхозаветное объяснение, высказанное лицом весьма авторитетным.

– Вы не должны забывать, – сказал президент Эйзенхауэр журналистам, – что русские захватили всех немецких ученых в Пенемюнде.

И хотя был президент Эйзенхауэр уже не молод – 67 лет, – никогда я не поверю, что мог он забыть приказы генерала Эйзенхауэра, предписывающие отлавливать немецких ракетчиков, атомщиков и других нужных Соединенным Штатам специалистов, что не помнил он о секретных операциях «Алсос» – это атомная бомба, «Целластик» – данные немецкого научно-технического шпионажа, «Тууспэйст» – закрытая химическая информация, «Джекпот» – урановые дела, наконец, миссия «Пейперклип» – «Канцелярская скрепка» – ракетная техника.

И мы тоже искали немецкие секреты, и у нас были свои «миссии» – об этом рассказ впереди, но надо признать, что американского размаха в этом деле мы тогда не достигли. Переговорив с двумя десятками наших ракетчиков, работавших в Германии, и прочитав все, что было мне доступно, я пришел к выводу, что получили мы от немцев гораздо меньше, чем американцы, а распорядились полученным лучше них.

Американцам достались самые сильные специалисты: Вернер фон Браун был в 1945 году крупнейшим в мире конструктором больших жидкостных ракет. Да, эсэсовец, нацист, но специалист, повторяю, крупнейший. 50-летний генерал Вальтер Дорнбергер – опытнейший организатор исследовательских и экспериментальных работ. Артур Рудольф – талантливый ракетчик, будущий конструктор «лунной» ракеты «Сатурн-5». Перечислять можно долго: в Америку перебрались 492 немецких ракетных специалиста и 644 члена их семей. Но главное, повторяю, не в количестве, а в качестве: это были специалисты высшего ранга.

Крупнейшим ракетчиком, который помогал нам, был Гельмут Греттруп. Если допустим здесь «табель о рангах», то в сравнении с генералом Дорнбергером он был майор, не выше.

Все мои собеседники, работавшие в Германии, не сговариваясь, утверждали:

– Мы не нашли в ракетных центрах, на испытательных полигонах, на заводах-изготовителях ни одной полностью собранной ракеты Фау-2. В то же время известно, что готовые ракеты были и у англичан, и у американцев. Что же касается отдельных исправных блоков, отсеков и агрегатов, то и тут наши союзники получили значительно больше нас. На полигон Уайт-Сэндз в штате Нью-Мексико в трехстах вагонах, о которых пишет Вилли Лей, прибыло из-за океана 115 приборных и 127 топливных отсеков, 180 кислородных баков, 200 турбонасосных агрегатов, 215 двигателей. В предисловии к изданной в США книге «Космос: от спутника к „Джемини“» говорится: «Германские ракетные снаряды Фау-2 послужили основой американских успехов в этой области».

Помогли ли Фау-2 нашей ракетной технике? Бесспорно помогли. Но нам эти знания дались труднее. Юрий Александрович Победоносцев рассказывал мне в 1971 году:

– Американцы рушили шахты подземных заводов, заливали их водой, устраивали пожары, жгли документы. Когда я вспоминаю свою работу в Германии, я, прежде всего, вспоминаю себя постоянно копошащимся в руинах, в пыли и грязи...

У нас не было ни одного полного комплекта технической документации по Фау-2. Немцы «раскидали» бумаги из Пенемюнде и Нордхаузена чуть ли не по всей Европе. Их находили в Австрии, в Чехословакии, за сотни километров от ракетных центров. Нельзя было изучать незнакомую технику, имея на руках только «Фибель А-4» – руководство для солдат, запускающих ракету. «Улов» союзников был явно богаче. Американский журнал «Харперс мэгэзин» писал, что только военные патенты, привезенные в Соединенные Штаты, составляют 750 тысяч отдельных единиц. Журнал утверждал, что в Америке «жадно проглатывают все бывшие немецкие секреты». Другой журнал – «Стил» – писал: «Подсчитано, что использование знаний и опыта немцев сэкономило американскому налогоплательщику 750 миллионов долларов только в одной области: использование ракет». В Вант-Фильдо – американском центре, где хранилась трофейная немецкая документация, необходимо было разобрать и обработать более миллиона документов, которые «весьма вероятно, содержат все научные, промышленные и военные тайны нацистской Германии».

Я это все пишу не в укор бывшим союзникам, хотя тащить все, что можно, за океан, а что нельзя утащить – уничтожать, конечно, не по-дружески. Ну, да они люди верующие, и бог им судья.

В 60-70-х годах мы замалчивали сам факт использования

немецкого ракетного опыта, и находились даже «патриоты», которые категорически этот факт отрицали. Это неразумно. На все эти ракеты и документы у нас прав несоизмеримо больше, чем у американцев, англичан и французов вместе взятых. «Немецкие секреты» мы не похитили, не купили тайком, не добыли обманом, за них сполна заплачено кровью наших солдат. Это наши законные военные трофеи, – почему они должны умалять патриотические чувства победителей? Если бы мы не воспользовались немецким опытом, мы поступили бы как раз непатриотично, оскорбив своей бездеятельностью память павших и не оправдав надежд живых.

В охоте за немецкими трофеями у нас и у наших союзников задачи были разные. Союзников интересовали частные вопросы. Скажем, американцев – прежде всего секреты, связанные с производством атомной бомбы – президент Трумэн был очень ею увлечен тогда. Интересовали ракеты, как нечто новое, Америке практически неизвестное. Интересовала могучая, наверное, сильнейшая в мире химическая технология немцев. Что-то в металлургии, что-то в приборостроении.

Нас интересовало все. За линией фронта осталась разбитая войной страна. В руинах лежали сотни заводов и фабрик. Реконструкции и смены требовало промышленное оборудование тыла, работавшее несколько лет на пределе своих возможностей. Поэтому не было ничего, что нам было бы не нужно.

Когда стало ясно, что войне скоро конец, наиболее оперативные и дальновидные наркомы стали комплектовать бригады грамотных специалистов и командировать их в Германию для обнаружения, осмотра, оценки, сбережения и, елико возможно, присвоения немецких трофеев. Эти бригады шли по пятам армии, а были даже курьезные случаи, когда они перегоняли ее, демонстрируя хозяйственное рвение, соизмеримое с боевым духом. Были тут свои интриги, споры и столкновения, особенно когда дело касалось универсальных трофеев: станков, оборудования, приборов, особо ценного сырья – нужных разным ведомствам. Межведомственная конкуренция, увядшая во время войны, расцвела в Германии пышным цветом. В Берлине, например, на заводе «Крайзергерет», который изготовлял гироскопы для ракет Фау-2, столкнулись корабелы, авиационники и ракетчики. Корабелы и авиационники быстро поняли, что стабилизированные платформы для большой ракеты им не нужны, не к чему их приспособить, но ведь интересно в этой технике покопаться, а потом – как это, разве можно просто так отдавать что-либо конкуренту, даже если это тебе и не нужно?!

Во главе бригад специалистов, как правило, стояли генералы.

Это облегчало контакты с командованием войск и поднимало авторитет в конфликтных ситуациях. Специалистам тоже присваивались офицерские звания и выдавалась форма, которую лишь редкие из них умели носить. Делалось это не столько для конспирации, сколько для облегчения жизни в условиях военной администрации, для определения ее в привычные и понятные рамки. В армии дурной славой пользовался так называемый филичёвый табак – крошка деревянная, а не курево. Новоиспеченных офицеров боевые командиры называли «филичёвыми полковниками», а их руководителей генералов – «профсоюзными генералами».

Едва ли не первую такую бригаду, начавшую работать в Германии еще в апреле 1945 года, организовал энергичный нарком Шахурин и поручил возглавить ее Николаю Ивановичу Петрову – генералу, начальнику Научно-исследовательского института самолетного оборудования. В нее входили майор Смирнов (будущий профессор), майор Чистяков (будущий профессор) и майор Черток (будущий член-корреспондент Академии наук СССР). Они интересовались радиосвязью и авиационным оборудованием. Поскольку НИИ-1 – бывший НИИ-3, бывший РНИИ, – входил теперь в систему авиапрома, следом за петровской бригадой очень скоро в Германию отправились ракетчики во главе с генералом Андреем Илларионовичем Соколовым, мужиком жестким, властным и деловым.

Сын красного партизана, Соколов служил в армии, учился в институте, сам, будучи еще студентом (!), руководил институтом, в 1938 году был выдвинут на работу в ЦК, а после начала войны утвержден Уполномоченным Государственного комитета обороны (ГКО) по производству «катюш» в Челябинской области. Полномочия и права имел высочайшие: постановление ГКО было подписано Сталиным. Проявив волю и характер, он организовал выпуск нового оружия буквально на пустом месте, за что был отмечен генеральским боевым орденом – Кутузова II степени.

В небольшую группу Соколова входили Юрий Победоносцев, старый наш знакомый, уже отмеченный за реактивные снаряды Сталинской премией, прибористы Михаил Рязанский и Евгений Богуславский, Владимир Бармин, много сделавший для налаживания выпуска «катюш», командир подразделения гвардейских минометов – так звонко называли «катюши» – Георгий Тюлин и другие. Пройдет полтора десятка лет, и все эти фамилии мы встретим на первых страницах истории советской космонавтики.

Следом на собственном самолете в Берлин прилетела еще одна группа во главе с полковником (до генерала он не дотянул,

впрочем, вид имел бравый, не «филичёвый») Генрихом Наумовичем Абрамовичем. С ним – Исаев, Райков и несколько других ракетчиков.

Хотя все они действительно были (или скоро станут) ракетчиками, народ подобрался разношерстный – у каждого свой интерес. Победоносцева, Тюлина, Бармина занимала, прежде всего, реактивная артиллерия, Чистякова, Богуславского и Рязанского – радиосвязь, Чертока – приборы и самолетное оборудование, Абрамовича – воздушно-реактивные двигатели, Исаева – жидкостные. Короче, каждый тянул одеяло на себя. Но вскоре все поняли, что если будешь добиваться удовлетворения только личных интересов, дело не сдвинется, а начинать всем сообща надо с разведки – установить, что у немцев есть, а там, где уже побывали союзники, – что после них осталось, хотя бы примерно определить объем работы, подсчитать, сколько людей нужно для ее выполнения и прикинуть конкретно, что это будут за люди. Кстати, ориентировочные списки нужных специалистов составлялись в Москве еще в 1944 году, когда появилась первая конкретная информация о ракетном обстреле Лондона. Уже тогда Победоносцев внес в эти списки Королева. Хотя Королев еще не был освобожден.

Ракетчики довольно быстро промчались по Германии, но все главное сумели высмотреть. Когда вернулись в Берлин, Соколов сказал Тюлину:

– Останешься здесь за главного, а я буду тебе из Москвы специалистов присылать...

Георгий Александрович Тюлин мелькнул уже однажды в нашей хронике, когда Королев в РНИИ налаживал связь с университетской наукой. Он еще студентом работал по хоздоговору в Институте механики МГУ, а в РНИИ прочел доклад по аэродинамике. 1941 год помешал развитию ракетчика-теоретика, превратив его в ракетчика-практика: всю войну командовал он «катюшами».

В мае в Берлине была образована Советская техническая комиссия по ракетной технике и определен примерный фронт работ, намечено, кому куда надо ехать. Комиссия находилась при штабе советской военной администрации в Берлине. Это облегчало жизнь, помогало оперативно решать бесчисленные вопросы, не говоря уже о линии спецсвязи в Карлсхорсте, по которой надлежало докладывать Москве об успехах и получать нагоняи при отсутствии таковых. Периодически на бедного Тюлина сыпались шифровки: «вылетает такой-то, тогда-то для того-то... принять... разместить... обеспечить...» Дело военное, – приказ есть приказ, встречал, размещал...

Но это были отдельные командировочные. Вторую группу специалистов сформировали летом 45-го. В нее входили Николай Пилюгин, Василий Мишин, Леонид Воскресенский и другие – тоже все будущие «космики». 8 августа их вызвал к себе Шахурин[99]. Алексей Иванович был краток: надо лететь в Германию. Вместе поехали в ЦК, там новый инструктаж – задание формулировалось, как говорят проектировщики, «в самом общем виде»: найти и привезти самое интересное.

Наутро им выдали обмундирование, «филичёвые погоны», и ночью того же дня они уже вылетели в Берлин, горячо обсуждая в самолете перспективы только что объявленной войны с Японией.

И в эту группу Королев тоже не попал: намечавшийся в Тушине праздник притормозил его. Вернувшись 29 августа в Казань, быстро сдал дела, собрал вещички, – да и то сказать, весь домашний скарб вчерашнего зека спокойно размещался в одном небольшом чемодане, – и в Москву. 8 сентября Королев вылетел в Берлин.

К тому моменту, когда Сергей Павлович приземлился на аэродроме Адлерсгоф, в Германии работало уже больше сотни советских специалистов-ракетчиков и специалистов, начинавших подозревать, что им предстоит стать ракетчиками. Наверное, хорошо, что он приехал позднее других: ему пришлось тратить меньше времени и сил на работу, которая, наверняка, только раздражала бы его.

В эту работу входило:

налаживание взаимоотношений с местной военной администрацией, которое включало в себя как бесконечные «пугающие» рапорты сверху вниз – снизу вверх, так и нескончаемые банкеты с жареными зайцами на прекрасных саксонских блюдах, вином в старинных бутылках и спиртом в канистрах;

размещение в особняках с пугливыми и гордыми фрау, которым хотелось одновременно сохранить и мебель, и достоинство, и доступ к ящику квартиранта с американской тушенкой;

получение автомобиля, достаточно крепкого, чтобы его не надо было ремонтировать, но не слишком красивого, чтобы на него не позарился какой-нибудь генерал.

Все эти и многие другие вопросы уже как-то утряслись к осени 45-го.

Ракетчики и другие наши специалисты жили в районе Обершелевайде, в добротных, обойденных огнем домах на Бисмаркштрассе. Отсюда начинались поездки по Германии и за ее пределы: в Прагу, в Вену. Несколько человек «копали» в Берлине.

Королев тоже поселился на Бисмаркштрассе в огромной квартире, где в одной из комнат тишайшей мышиной жизнью жили ее хозяева – сколько там было человек, он так и не разобрал, поскольку прожил там недолго, да и то приходил только ночевать.

Буквально на следующий день после прилета узнал Сергей Павлович, что в штаб советской военной администрации пришло из Гамбурга официальное приглашение англичан на показательный запуск ракеты Фау-2, который они намерены провести в своей зоне в середине октября. Королев быстро выяснил, что вопрос о поездке решался в Москве и из Москвы специально с переводчиком-чекистом летит генерал Соколов, чтобы возглавить советскую делегацию. Англичане приглашали трех человек, и решено было, что с Соколовым полетят Победоносцев и Глушко – Валентин Петрович тоже был уже в Берлине.

Королев в Германии человек новый, из военной администрации мало кому известный. Даже молодая поросль из НИИ-1 знала его понаслышке. Претендовать на место для поездки в английскую зону он не мог, а поехать хотелось очень. Ситуация напоминала далекую юность, когда он, студент Киевского политехнического, мечтал попасть в Коктебель на планерные состязания, а его не брали…

У каждого человека в жизни постоянно возникает ситуация, когда чего-то хочется, но… не получается! Люди слабые, бесхарактерные, сразу отступают: нельзя, значит нельзя. Таких, впрочем, немного. Подавляющее большинство начинает рыпаться: уговаривать, хлопотать, короче – добиваться. Время, в течение которого у человека хватает энергии рыпаться, и определяет заряд воли этого человека. Так вот, в отличие от других людей, время это у Королева было не ограничено. Он прекращал добиваться в двух случаях: или когда убеждался, что это ему уже не нужно, или когда видел, что «поезд ушел». Впрочем, если «поезд ушел», он мчался его догонять.

Сейчас была именно такая ситуация: очень хотелось, но не получалось. Королев понимал, что в жидкостных ракетах Соколов не разбирается и толку от него не будет, но не мог же он, только что приехавший «филичёвый подполковник», потребовать, чтобы его послали вместо генерала. Впрочем, генерал тоже был «профсоюзный». Подсиживать старого друга Юру и тем более Валентина – действительно специалиста по ЖРД, он не будет. Как быть? В конце концов, придумал: он будет личным шофером генерала Соколова. Андрей Илларионович выслушал и рассмеялся:

– Зачем же мне шофер, если я лечу на самолете?

– А когда прилетите, что тогда? – упорствовал Королев. – Какой же вы генерал без личного шофера?! Это же подрыв авторитета нашего командования в глазах союзников!

Соколов задумался. А что, пожалуй, он прав. Вопрос-то политический...

– Валяй, – сказал он, наконец. – Только подполковничьи погоны для шофера не годятся. Придется тебя временно разжаловать в капитаны, не выше...

Тюлин – как и Королев тоже подполковник, только настоящий, боевой, сам себя разжаловал в капитаны, чтобы поехать в Гамбург, вроде он тоже не в делегации, а так, «нижний чин», вспомогательный человек. Да еще переводчик-чекист. Итого перед самым отлетом советская делегация увеличилась вдвое – шестеро вместо троих приглашенных.

Вылетать надо, но как на грех не было ни одного самолета. Тюлин набрался храбрости, позвонил маршалу бронетанковых войск Ротмистрову и попросил у него самолет. Павел Алексеевич был человек добрый, звонку удивился, но самолет дал. В пятницу 12 октября генерал Соколов со своей «свитой» вылетел в Гамбург.

Приглашение это имело свою историю. Англичане очень интересовались Фау-2 хотя бы потому, что эта ракета обстреливала их столицу. Из 1402 запущенных Фау-2 1054 упали на Британию и 517 попало в Лондон. В результате ракетных бомбардировок было разрушено и повреждено было ста тысяч жилых домов, около 13 тысяч человек погибло, 38 тысяч было ранено. Англичане хотели понять, что за штука причинила им столько зла. Захватив несколько ракет прямо на стартовых позициях и взяв в плен стартовиков, они решили произвести пробные пуски, посмотреть машину фон Брауна в действии.

В английской армии было тогда немало женщин. Одной из них – капитану III ранга Джоан Бернард пришла в голову чисто женская мысль: сделать один из пусков показательным, пригласить союзников и вообще устроить маленький праздник с большим ракетным фейерверком. Джоан была адъютантом генерал-майора Камерона – начальника отдела противовоздушной обороны Верховного штаба экспедиционных сил союзников – и подала рапорт, как полагается, – по начальству. Идея понравилась, вопрос согласовали с Лондоном, и операция «Отдача» – такое кодовое название ей придумали – начала осуществляться. Уже в мае допросили немецких стартовиков. В июне их собрали в специальном лагере под Брюсселем и стали подыскивать подходящее место для запуска ракет Фау. Довольно скоро остановились на полигоне для

испытаний морских орудий Круппа в восьми километрах от маленького городка Куксхафена, расположенного на краю Шлезвигского полуострова. Здесь были удобные помещения для подготовки ракет, отсюда радары могли прослеживать их до самой датской границы, а неразбитые дороги обеспечивали связь с Гамбургом.

Постепенно выдумка Джоан Бернард становилась действительно крупной операцией, в которой было задействовано около двух с половиной тысяч англичан и 591 немецкий специалист. Специальную инструкцию посвятил «Отдаче» главнокомандующий союзниками генерал Эйзенхауэр. Он разрешил англичанам допросить для пользы дела фон Брауна и Дорнбергера в Гармиш-Партенкирхене. 85 специалистов, плененных в «Альпийской крепости», были вызваны на полигон то ли в качестве консультантов, то ли в качестве заложников. Кроме того, англичане продолжали поиски ракетчиков в своей зоне. Из разных тюрем и лагерей, голодных и драных их срочно свозили в Куксхафен. Немецкий ракетчик Карл Хаймбург подумал, что он вообще сходит с ума. Сначала, благодаря обычному писарскому сбою, перепутав его с каким-то очень высокопоставленным немцем, его отвезли в замок Крансберг под Наухаймом, где была организована тюрьма-отель с обслуживанием по первому разряду, в которой сидели (или отдыхали?) Альберт Шпеер, Ялмар Шахт, Фриц Тиссен, Александр Порше, Герман Оберт и другие небедные люди. Чтобы не разрушать общей картины благопристойности, Хаймбург отдал в починку свои вконец развалившиеся башмаки и только-только начал приходить в себя от неожиданного знакомства со знаменитостями, как вдруг примчались англичане, буквально подхватив его под белы руки, усадили в «джип» и увезли. На полигон теперь уже ничего не понимающий ракетчик прибыл босиком.

Первоначально англичане хотели подготовить тридцать ракет, отобрать из них девять и запустить. В конце концов, подготовили восемь, а запустили три.

Первый блин, как полагается, был комом: 1 октября ракета взлететь отказалась. Она не взорвалась, просто не хотела запускаться. Англичане были очень раздосадованы и злились еще больше, глядя на невозмутимых немецких стартовиков, которые давно привыкли к капризам Фау-2 и сохраняли истинно нордическое спокойствие.

На следующий день эта же ракета почему-то запустилась и упала в воды Северного моря, не долетев до расчетной точки полтора километра. Джоан Бернард наблюдала старт и хлопала в ладоши. Она была второй женщиной в мире, которая видела

старт Фау-2. До нее это удалось только Еве Браун, будущей жене фюрера.

Вторая ракета сначала тоже упрямилась, потом все-таки взлетела, но в 24 километрах от старта шлепнулась в море. Англичане совсем приуныли и как-то потеряли интерес ко всей этой затее. Посовещавшись, решили провести еще один последний запуск, на который и были приглашены союзники-наблюдатели.

Англичане встречали самолет с советской делегацией. Первым по трапу спустился генерал Соколов, за ним переводчик. Не было еще произнесено ни одного слова официального приветствия, как раздался радостный крик: «Саша!», и на нашего чекиста бросился с объятиями какой-то англичанин. Это был майор Лаудон из русского отдела Интеллидженс сервис, старый приятель переводчика.

Англичане смотрели на нашу группу с недоумением: приглашали троих, а прилетели шестеро. Впрочем, пунктуальные американцы тоже нарушили договоренность: их было четверо.

Американскую делегацию возглавлял «филичёвый» полковник Теодор фон Карман. 10 августа 1945 года – буквально два месяца назад – в Балтиморе умер Роберт Годдард, и после его смерти фон Карман, безусловно, стал самым крупным ракетчиком США. Он был лишь консультантом американских ВВС по ракетам, а в будущем станет членом Национального консультативного совета по аэронавтике и первым директором основанной им Лаборатории реактивного движения в Пасадене.

Вторым был Вильям Пиккеринг, тогда – ассистент кафедры электротехники Калифорнийского технологического института, а в будущем – второй директор знаменитой лаборатории в Калифорнии, которую при нем прославят американские лунники и знаменитые межпланетные станции: «Маринеры», «Рейнджеры», «Сервейеры», «Пионеры». В 1973 году я познакомился с ним в Пасадене, получив в подарок отличную фотографию марсианского вулкана Никс Олимпик, сделанную «Маринером-9».

Пуск под Куксхафеном он помнил отлично, а Королева не помнил.

– А жаль, – грустно улыбнулся мистер Пиккеринг, – если бы я знал все, что будет потом, я бы с ним поговорил...

Два других американца – Говард Зайферт, специалист по ЖРД и морской офицер капитан III ранга Грейсон Меррилл – через несколько лет он станет руководителем проекта «Полярис». Меррилл потом говорил, что мысль о ракетном залпе из подводной лодки пришла ему во время пуска в 1945 году.

Были и три французских офицера. Похоже, что в ракетах они

мало что понимали, просто приехали отдохнуть и выпить за компанию.

Королев был за границей первый раз в жизни. Пять недель в Берлине еще не были «заграницей». В Берлине увидел он не столько чужой город, сколько город войны – истерзанный, потерявший прежний облик. Там он все время общался с советскими людьми, и поэтому Берлин тоже был какой-то ненастоящий «заграницей». Другое дело – Гамбург. И здесь были разбитые дома, но, конечно, их было несравнимо меньше, чем в Берлине. К октябрю 45-го руины почти везде были расчищены, превратились в скверики, уютные, нестрашные дворики. Здесь было много людей, больше, чем в Берлине, и это были «заграничные» люди: он никогда не слышал на улице русской речи. Дома, мостовые и чугунные люки в мостовых, тротуары, водосточные трубы и решетки водостоков, вывески – да что перечислять! – все объемы, краски и запахи были здесь другие, чем в Москве, Киеве, Ленинграде, Казани. Когда он только вошел в вестибюль отеля «Адлон», он сразу почувствовал «заграничный» запах, запах нерусского табачного дыма и кофе, который тянулся из бара на первом этаже. Да, именно в вестибюле отеля «Адлон» он сразу почувствовал, что он – в другой стране. И в номере все было тоже заграничное: дверные замки, бронзовые оконные запоры с ручкой посередине, поворот которой запирал окно сразу и внизу и наверху (про себя отметил: «конструкция оригинальная, но материалоемкая»), длинные подушки в постели и эти пуховики, которые так смешили его в Берлине. Во всех предметах, окружающих его здесь, была какая-то незнакомая солидная основательность. Эти забавные мелочи гамбургского бытия отмечались им как-то автоматически, в голове не задерживались, в памяти не застаивались.

Его интересовала Фау, он с нетерпением ждал отъезда на полигон и обрадовался, очутившись, наконец, на заднем сидении шикарного «Майбаха», который прислали за ними из штаба Камерона. Наверно, английский шофер снова подумал о загадочной славянской душе, когда увидел, что русский генерал садится рядом с ним, где полагается сидеть его адъютанту, а адъютант – на задний диван, где полагается сидеть генералу. И что это за генерал, который, имея адъютанта, сам открывает дверцу машины, не дожидаясь, пока из нее выпрыгнет адъютант и не распахнет ее, почтительно отступая в сторону.

От Куксхафена они проехали еще километров восемь, пока у шлагбаума не притормозил их часовой в мелкой, похожей на суповую тарелку, каске и, разглядев, наконец, лицо шофера, поднял шлагбаум, за которым начинался полигон Альтенвальде.

Англичане были сдержанно радушны и деловиты, никаких объятий, похлопываний по плечу, ничего похожего на то, как братались на Эльбе с американцами. Несмотря на солидность генерала Соколова, главным русским специалистом все считали Победоносцева, а когда Юрий Александрович спросил у старшего лейтенанта Хохмута, все ли имущество благополучно прибыло в Уайт-Сэндз, у всех американцев отвалились челюсти, поскольку полигон в Нью-Мексико был строго засекречен и раз этот русский знает, что Фау поплыли в Уайт-Сэндз, значит он вообще много чего знает.

– А то давайте, – весело предложил Победоносцев, – мы съездим к вам в Уайт-Сэндз, а вы к нам в Пенемюнде.

Американцы заулыбались, но беседу не поддержали. Англичане, которые слышали этот разговор, были рады: англичан раздражали американцы, которые приехали уже не вчетвером, а компанией человек в двадцать пять, вели себя шумно, развязно, лезли без разрешения куда попало, но лезли не из-за стремления что-то разузнать, а из нахальства и желания показать, что они, хоть и не хозяева тут, но все равно могут позволить себе вести себя так, как считают нужным. Сразу было видно, что, собственно, Фау интересует только четырех спецов, а остальным американцам просто интересно поглазеть на «Great fire works»[100].

В чистых добротных крупповских пакгаузах лежали ракеты – в сборе и расчлененные на отсеки: головная часть, приборы, бак спирта, бак кислорода, турбонасосный агрегат, двигатель. Соколов делал вид, что Фау-2 известна ему с детских лет и вообще уже порядком ему надоела, – пыхтел, отворачивался, пару раз даже махнул переводчику рукой – ладно, мол, угомонись, все сами знаем...

Победоносцев заинтересовался взрывателями, Тюлин размышлял над компоновкой приборов, Глушко внимательно разглядывал сильфонные соединения магистралей, – в общем, каждый занимался своим делом.

Королев впервые видел Фау-2 целиком и только теперь окончательно понял, насколько это большая машина. Однако восхищение его быстро сменилось недоумением. Зачем Браун вставил баки в корпус? Разве сами баки не могут стать частью корпуса? Хорошо, бак жидкого кислорода будет слишком быстро нагреваться, вон он даже теплоизоляцию сделал из стекловаты. Но бак горючего, ему-то нагрев не страшен. Или он все-таки слаб для того, чтобы быть несущим, и просто сомнется под тяжестью налитого в него спирта? Ведь три с половиной тонны заливают в этот бак... Он не критиковал, понимал: все, что он видит, – обдумывали и считали люди грамотные. Но понимал он и другое:

всякую задачу можно решать по-разному и считать, что немцы всегда и везде сумели найти лучшее решение, никаких оснований нет, тем более что работали они в большой спешке…

Потом англичане показывали тележку-установщик и стартовый стол, наконец, саму уже заправленную ракету, окруженную озабоченно работающими немцами и озабоченно праздными англичанами. Немцы были озабочены тем, что поднялся сильный ветер с моря, и, если он усилится еще чуть-чуть, пуск придется откладывать, сливать компоненты, короче – делать лишнюю работу. Англичане тоже были озабочены непогодой, но не в связи с перспективой дополнительных трудов, а в связи с перспективой некоего конфуза перед союзниками: пригласили, а запустить не сумели. Камерон объяснял Соколову пункты инструкции по эксплуатации, Андрей Илларионович снисходительно кивал, и на лице его было написано, что, так и быть, лично он прощает этот сильный ветер генералу Камерону, фельдмаршалу Монтгомери[101] и королю Великобритании Георгу VI.

Погода действительно была препаршивая. Низкие тучи, клубясь, катились с моря, налетал ветер, хлопал плащ-палатками, норовил сорвать с головы фуражку. Всякий борющийся с ветром человек всегда выглядит смешно и глупо, а выглядеть так перед союзниками советским офицерам не пристало, и Соколов уже двинулся к зданию штаба, когда один из немецких стартовиков, вытянувшись перед Камероном, доложил, что ракета готова к старту. Королев давно приметил этого немца, который неторопливо, но четко и как-то очень профессионально отдавал приказы стартовикам. Когда все зашагали на стартовую, он спросил по-немецки одного из английских офицеров, кто это докладывал генералу о готовности. Англичанин болезненно улыбался, с трудом продираясь в джунглях королёвского произношения, но суть понял:

– Это капрал Фибах, начальник зондеркоманды.

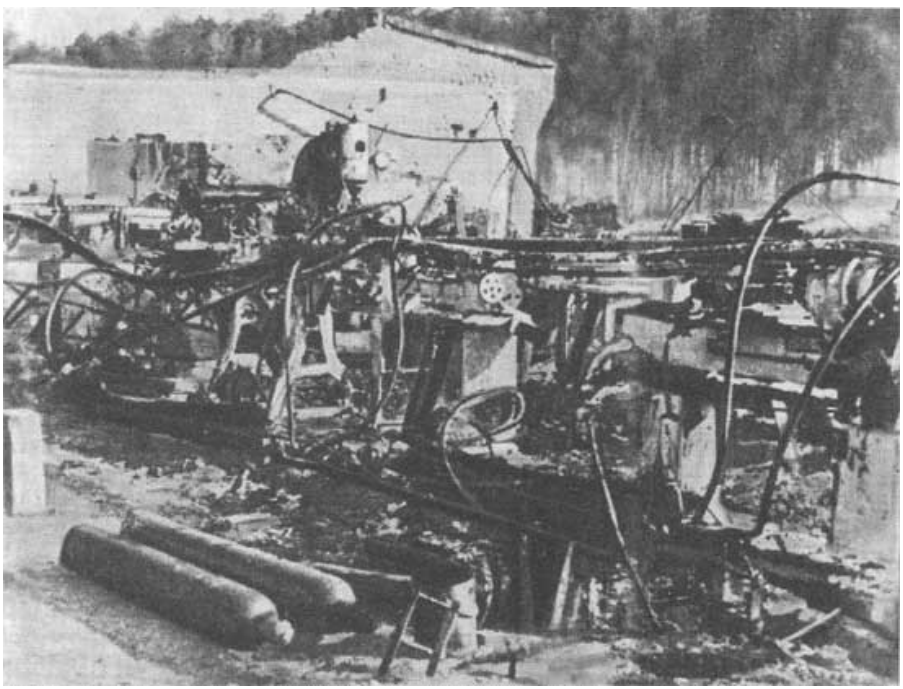
«Фибах», – Королев приказал себе запомнить. Стоя в стороне, как и подобает адъютанту, он видел ракету в мелкой сетке дождя, успел заметить судорожный, дергающийся бег света воспламенительного устройства в сопле двигателя, быстро закрытого клубами дыма, из которого медленно и неохотно поднималась на белом огненном столбе ракета. Зыбкое марево теплого воздуха начало размывать контуры, словно в бинокле сбилась юстировка, и тут же ударил рев двигателя. В этот момент Королеву показалось, что ракета слегка покачивается, все быстрее набирая скорость, но разглядеть, точно ли так, не успел, потому что Фау уже ушла в облака. Звук разом приутих, и лишь размытое

пятно света в тучах и чадно дымящийся, как кухонная плита, стартовый стол, говорили о ракетном выстреле, состоявшемся несколько секунд назад. Застывшие от ракетного грома группки людей вдруг разом зашевелились, словно после стоп-кадра пошел обычный фильм.

По дороге в Гамбург Королев был молчалив и раздумчив.

Операция «Клэттерхауз» – «Грохочущий дом» (англичане, как и американцы, обожали нарекать даже пустяшные акции звучными зашифровками) – показ союзникам Фау-2 в полете – была успешно завершена. Это был последний старт немецкой баллистической ракеты в Европе.

Немецкие «трофеи»



Владимир Павлович Бармин в Берлине

Г.А. Тюлин и С.П. Королев в Германии

Валентин Петрович Глушко в Германии

С.П. Королев в Германии. 1945 г.

40

Можно поучиться и у врага.

Публий Овидий Назон

Наших ракетчиков интересовала не только большая баллистическая ракета фон Брауна. Триумф нашей «катюши» заставлял особенно внимательно изучить немецкий опыт в создании фронтовых реактивных установок. Историк ракетной техники Герман Назаров однажды рассказывал, что немцы «получили» снаряд нашей «катюши» в 1939 году, когда еще и имени у нее этого не было. Как «получили», Назаров не сказал. Украли? Или купили? Он, быть может, и сам не знает. Секрет реактивной пушки оберегался с особой тщательностью, но что такое «катюша», немцы знали и предпринимали самые решительные и срочные меры, чтобы подобное оружие создать. Десятки фирм взялись за разработку различных реактивных установок, и к концу войны существовало множество опытных образцов, ни один из которых не удовлетворял требованиям военных. Большинство из этих установок были нам неизвестны. Теперь требовалось разобраться, почему они лежат на складах, потому ли, что несовершенны, или потому, что их просто не успели применить. Не сразу выяснилось, что все эти разработки практической ценности для наших ракетчиков не представляли. Из всех образцов относительно совершенным оказался, пожалуй, только «фаустпатрон» – реактивный гранатомет, который эффективно применялся в городских боях, когда несчастные мальчишки из «гитлерюгенд» в упор палили из них по нашим танкам.

С 1942 года немцы применяли на Восточном фронте шестиствольные минометы, стреляющие реактивными снарядами «Небельверфер» и «Вурфгерет». Была у них многоступенчатая 11-метровая ракета «Рейнботе», которой обстреливали Антверпен, были экспериментальные зенитные ракеты: маленький «Тайфун», трехметровые «Шметтерлинг» и «Энциан», шестиметровая «Рейнтохтер» и без малого восьмиметровая «Вассерфаль». Кроме ракет, были различные реактивные бомбы, торпеды, осветительные устройства, ускорители – большое хозяйство, накопившееся в стране, для которой двенадцать последних лет подготовки к войне и война были основой всей ее жизни. Так что надо было разобраться, и, как легко себе представить, специалисту разбираться во всем этом было очень интересно.

По воспоминаниям окружавших тогда его людей, Королев в Германии поначалу был сосредоточен и мрачен. Может быть, это субъективные наблюдения? Я никак не мог понять причины этой мрачности. Казалось бы, он вступает в новую и вроде бы светлую полосу жизни. Позади тюрьма, война, он занимается любимым делом, в бытовом отношении живет, наверное, лучше, чем когда-либо жил. Откуда же эта мрачность? Понял вдруг, когда Борис Евсеевич Черток, рассказывая о работе Королева в Германии, произнес фразу, сразу, как ключ, открывающую скрытый за внешним благополучием мир его переживаний:

– Фау-2 нравилась ему и раздражала его...

Нравилась и раздражала! Ну, конечно же! Фау была машиной, обогнавшей свое время, и уже потому не могла не нравиться ему. Но и не раздражать не могла, потому что самим фактом своего существования предопределяла выбор, который он должен был сделать в Германии: ракетоплан или большая ракета? Фау-2 ставила крест на ракетоплане, на пятнадцати годах раздумий и опытов. Конечно, за эти пятнадцать лет он многое понял в ракетной технике, но неужели надо оставить ракетоплан? И ради чего?! Ради этой толстой немецкой штуковины, не умеющей еще хорошо летать, капризной, как крутобокие девчонки-подавальщицы в столовой берлинского штаба, избалованные молодыми генералами? Да, конечно, немецкая ракета должна была невероятно раздражать его! Да, да, да, раздражала! Но, черт возьми, уже сегодня она поднимается на высоту 178 километров, на которую неизвестно когда залетит ракетоплан, и залетит ли... Нет, конечно, залетит! Но когда? Ракета дает ему выигрыш во времени – как раз те самые шесть лет, которые у него украли. И это тоже очень важно.

И еще один, и тоже очень важный довод в пользу баллистической ракеты: она уже существует, ее видели. Ее видели военные, наркоматовские чиновники, партийные администраторы – люди, которые будут решать за него, чем ему заниматься, будут давать ему деньги, материалы и специалистов, формировать, как они говорят, «техническую политику», а на самом деле – думать только об одном: как, в какие выражения облечь свои рапорты и доклады, чтобы «вмастить» вождю, чтобы одним неверным словом не вызвать не раздражение даже, не возражение, упаси бог, а лишь легкий сдвиг сталинских бровей. Все они видели Фау-2 и знают, что баллистическая ракета – реальность, их не надо убеждать, что ее можно сделать. Они видят, как ею интересуются американцы, англичане, и это лучше всяких других доводов, расчетов и графиков убеждает их, что ею надо интересоваться. А стратосферного самолета нет. Его нельзя увидеть. В чертежах те,

кто решает, как правило, не разбираются. Значит, в ракетоплан они могут только поверить. Но поверить – значит рискнуть, А кто же захочет рисковать, если можно не рисковать?! Нет, он вовсе не собирается огулом чернить всех администраторов, но надо быть реалистом и непременно включать в свои расчеты поправочные коэффициенты на человеческие несовершенства...

Вот эти думы делали Королева мрачным и сосредоточенным. И было отчего помрачнеть: требовалась принципиальная перестройка всех планов жизни. Некоторые думали, что его увлечет ракета «Шметтерлинг»[102] – ведь она была похожа на его 212, которую пускали в РНИИ.

– Ну, как, ты уже заготовил сачок, чтобы ловить «бабочек»? – весело спрашивал Победоносцев.

– Я плету сеть для большой рыбы, – в тон ему ответил Королев. – А если ты имеешь в виду других «бабочек», то тут я отлично обхожусь без сачка! – военный юмор отличается от юмора вообще так же, как военная музыка от музыки, но он чертовски заразителен, а когда ты сам недавно одел погоны – тем более...

Вернувшись из Гамбурга, Королев пытается узнать о Фау-2 все, что можно узнать. Леонид Воскресенский рассказал ему, что Василий Павлович Мишин вроде бы напал на след технического архива Брауна в Чехословакии, и Королев с нетерпением ждал вестей из Праги.

Мишин поехал в Прагу вместе с Александром Березняком – тем самым, который придумал ракетный самолет БИ. Давно известно, что жизнь причудливее всякого вымысла: в Чехословакии Березняк нашел угнанную немцами сестру Марину. Теперь они работали втроем. По документам вагон с техническим архивом следовал в Австрию, но по дороге где-то потерялся. Оказалось, чехи его тихо отцепили в местечке Вистовице и быстро разгрузили. Документы Мишин, Березняк и Марина нашли в сарае, и когда Василий Павлович увидел шифр МРЕ – так помечались бумаги Фау-2, он понял: нашел! В штабе армии Жадова Мишин получил трехсменный наряд, поставил у сарая часового, а через два дня загрузил архив в спецпоезд, направляющийся в Москву с пльзенским пивом и красавицей «Татрой» для товарища Сталина, бодро доложил в Берлин, что задание выполнено и испросил разрешение следовать домой.

– Тут прилетел какой-то Королев и требует, чтобы вы немедленно прибыли в Берлин, – хмуро сообщил Воскресенский.

Так встретился Сергей Павлович со своим будущим первым заместителем и преемником, будущим академиком и Героем Социалистического Труда, верным помощником Василием

Павловичем Мишиным. Двадцать лет проработали они с Сергеем Павловичем, двадцать лет беспрерывного напряжения до самого того страшного телефонного звонка, когда Бурназян[103] сказал Василию Павловичу, что Королева больше нет, и он почувствовал в тот миг, что мозг его словно заволокло, и заплакал – большой, сильный, 48-летний мужик – заплакал, как ребенок…

Сразу по приезде в Германию Королев вел себя так, будто он не зек вчерашний, а папский нунций в сельском храме: требовал, приказывал и его, непонятно почему, слушались. Сбой произошел один раз, когда Сергей Павлович развернул бурную деятельность по организации на манер англичан собственных полетных испытаний Фау-2.

– Это очень важно! Уже при подготовке к испытаниям мы сразу поймем, чего мы еще не знаем и не умеем, – страстными речами он сумел увлечь этой идеей всех ракетчиков в Берлине, но Москва его окоротила. Если шифровку, которую принес ему Тюлин, можно было бы еще раз дешифровать, то звучала бы она примерно так: «сидите и не рыпайтесь. Вот когда привезете все эти ваши ракеты домой, тогда и будете пускать, а Европу пугать нечего…»

Окорот не охладил энергии Сергея Павловича, он сделал вид, будто никакого запрета нет, а просто сам он передумал, и продолжал командовать. Конечно, начальники над ним были, но в среде командированных в Германию специалистов субординация была размыта – ведь задача у всех была одна: искать, находить и изучать. В Германии повторилось то, что с Королевым уже бывало и будет: он не ждал назначения, а захватывал его. Он становился лидером сначала «де-факто», а уже потом «де-юре». Мишин не был ему подчинен, Мишин был человеком Болховитинова, «филичёвым» подполковником, как и сам Королев. Но Королев разговаривал с ним, словно сам он не «филичёвый» подполковник, а боевой генерал-полковник.

– Где хотите работать? – резко спросил он.

– Я домой хочу, – честно признался Мишин.

– Все домой хотят. Но сначала надо во всем разобраться…

– Да чертежи-то мы в Москву отправили.

– Чертежи уже обратно едут… И вы поезжайте. В Бляйхероде.

Чтобы заниматься Фау-2, нужно было ее иметь. Где ее искать? Родное гнездо этой ракеты – остров Узедом. С 1936 года там, в Пенемюнде, находился научно-исследовательский ракетный центр и завод, изготавливающий ракеты. С мая 1937 года там обосновался фон Браун. В конце 1942 года был издан приказ, предписывающий развернуть массовое производство баллистической ракеты в Пенемюнде и Фридрихсгафене на

заводах фирмы «Цеппелин». Заводы по сборке и изготовлению компонентов для ракеты находились в Винер-Нойштадте. Завод по производству концентрированной перекиси водорода, на которой работал турбонасосный агрегат, размещался в Бад-Лаутерберге. Секретность была на высоком уровне и что делалось на этих заводах, англичане толком не знали. Фридрихсгафен и Винер-Нойштадт они считали центрами авиапромышленности, о Бад-Лаутерберге вообще не ведали, но зато о Пенемюнде знали хорошо. В августе 1943 года после массированного налета на Пенемюнде немцы решили изменить всю систему производства большой ракеты, а центр рассредоточить. Вот тогда, как я уже рассказывал, и создали полигон в Польше, экспериментальную лабораторию отправили в Кохель, в 40 километрах от Мюнхена, теоретиков поселили в благословенном Гармиш-Партенкирхене, заводы в Фридрихсгафене и Винер-Нойштадте из программы исключили, а в Пенемюнде оставили лишь опытное производство. Отныне Фау-2 производились на единственном и совершенно недоступном для английских бомб подземном заводе, вырубленном на 70-метровой глубине в недрах горы Конштайн неподалеку от городка Нордхаузен. Завод этот и примыкающий к нему концентрационный лагерь «Дора-Миттельбау» стал одной из «фабрик смерти», не менее страшной, чем Бухенвальд или Дахау, но менее известный, благодаря строжайшей секретности, окружавшей ее узников.

Это были только главные центры Фау-2. Можно сказать, что на эту ракету работала вся Германия. Заказы Брауна выполняли крупнейшие немецкие фирмы: «ИГ Фарбениндустри», «Сименс», «Рейнметалл-Борзиг», АЭГ, «Телефункен», «Миттельверке» – последний фирме и принадлежал завод под Нордхаузеном. Только в Южной Германии в районе Фрейбурга различные детали для Фау-2 изготовляли 38 фирм, не говоря о других, разбросанных практически по всем странам, оккупированным Гитлером.

Но ведь всего этого мы тогда не знали! Известны были только полигон в Близне – там ничего не осталось, разбитый бомбежкой Центр в Пенемюнде, испытательная база двигателей в Леестене и Нордхаузен, в котором уже похозяйничали американцы. Поэтому Королеву пришлось начинать работу на пустом месте.

Впрочем, не совсем пустом: ведь он приехал в Германию позже других и до его приезда кое-что все-таки успели сделать.

Первым в Пенемюнде, сразу за танкистами Рокоссовского, примчался генерал Соколов с маленькой группой своих специалистов. Вскоре к ним присоединились Исаев и Черток. Облазили весь остров, дивясь немецкому размаху. Ракетный

центр был организацией, по структуре своей не имевшей аналогов в мире. Это был и научно-исследовательский институт, и мощное конструкторское бюро, и отлично оснащенная экспериментальная база, и опытный полигон. За жилым городком размещался завод, с которого тянулись железнодорожные ветки к испытательным стендам в центре острова, на север – к стартовым позициям Фау-2 и полигону Фау-1, на запад – к кислородному заводу и электростанции. Неподалеку от стартовых позиций находилась аэродинамическая лаборатория и корпус прибористов. Но все это имело вид жалкий – по существу не было ни одного целого здания, разве что «Швабес отель» в жилой зоне, недобитый нашими казаками. Руины, искореженный металл, безлюдье (а ведь там работали около десяти тысяч человек), холодный ветер с моря (купался один Победоносцев) – Пенемюнде было местом ужасно неуютным. Целыми днями наши ракетчики копошились в развалинах, лазали по всем одиннадцати испытательным стендам, выискивали какие-то непонятные железки, расспрашивали редких испуганных немцев о ракетах, документах, чертежах, но ничего путного не узнали. Самым дорогим трофеем оказалась толстая папка с техническим отчетом по ракете А-9/А-10, случайно найденная в дровах. Это была составная немецкая ракета, которой Браун собирался бомбить Нью-Йорк, но довести ее до ума не успел.

Посовещавшись, Соколов, Исаев, Победоносцев и Черток решили, что делать тут нечего и как только американцы уйдут из Тюрингии, надо переезжать туда. Не может быть, чтобы там, где шло массовое производство Фау-2, не осталось ни одной ракеты и документов.

В Нордхаузен они приехали буквально на второй день после ухода американцев, но опоздали: на подземном заводе уже хозяйничала бригада из Наркомата боеприпасов – нарком Ванников был не менее оперативен, чем Шахурин. Ракеты ванниковцев не интересовали, им нужны были станки, которые американцы не тронули. Впрочем, у приехавших Чертока, Исаева и Райкова тоже не было направленного интереса к Фау-2. Чертока интересовали приборы, Исаева и его сотрудника Райкова – двигатели. Каждый искал интересное для себя, о ракете в целом никто из них не думал, да и что думать, коли янки все повывезли. На стапелях подземного завода лежали какие-то отдельные блоки, агрегаты, но что это и откуда – не всегда можно было разобрать.

Жить в Нордхаузене было негде, и тройка наших первопроходцев перебралась в городок Бляйхероде – тот самый, куда Королев отправлял Мишина. Очень услужливый немец-

бургомистр предложил им поселиться на вилле «Франк»:

– Там жил герр Браун, и я надеюсь, что вам там будет удобно…

Этот двухэтажный дворец принадлежал какому-то миллионеру-еврею, которого Гитлер выжил из Германии. Когда Пенемюнде эвакуировали, виллу отдали фон Брауну. Американцы виллу не разграбили, все было целехонько: ковры, гобелены, картины, люстры, дорогая мебель, библиотека со шкафами черного дерева. Исаев вошел в спальню, упал в бездонную перину и завопил на весь дом:

– Черт возьми! А совсем не так плохо в логове фашистского зверя!

Вместе с картинами и мебелью в доме сохранилась и прислуга. Аккуратная фрау неопределенного возраста в белой наколке прислуживала им в просторной нижней столовой, разливала суп из большой фаянсовой супницы в розанах, ловко прихватывая ложкой и вилкой в одной руке, раскладывала жаркое. После обычной военной сухомятки и «пиров» на газетах все это выглядело ирреально.

Поняв, что без помощи немцев разобраться с этой полуразбитой, разрозненной, никак не описанной техникой будет трудно, наша троица ежедневно совершала поездки в соседние городки в поисках немецких специалистов. В эту работу включилось и подкрепление, присланное из Берлина: Мишин, Воскресенский, Пилюгин, Рязанский, Богуславский, Рудницкий, Чижиков. Немцев собралось уже столько, что их надо было как-то организовать, и Чертоку пришла мысль создать институт. Военное начальство – генерал Горишный – дал команду бургомистру, который встретил эту идею восторженно. Известна немецкая любовь к порядку, а конец войны, приход американцев, а потом на смену им русских – все это являло собой крайнюю степень беспорядка, от которого немцы просто устали. Им хотелось стабильности. Раз перестали стрелять, значит надо работать, ходить на службу, получать зарплату, отоваривать карточки. Поэтому идея института была моментально горячо поддержана, тут же нашлось здание, откуда-то привезли отличную мебель. Придумали даже название новому учреждению «Raketen bau Entwicklung», что в переводе означает что-то вроде «Ракетовосстановительный институт» или сокращенно RABE.

– РАБЕ! РАБЕ! – немцы были в восторге: поскольку сокращение это означало по-немецки «ворону» – тут же родилась и эмблема. Нашлась даже типография, которая напечатала бланки с вороной. По согласованию с Берлином назначили немецкого директора – инженера Розенплентера, но директором с

властью подлинной был Черток.

У фельдмаршала Кутузова были замечательные военачальники, с которыми он выиграл войну: Михаил Барклай де Толли, Петр Багратион, Николай Раевский, Денис Давыдов, Матвей Платов, Петр Коновницын – всех назвать трудно. У ракетного фельдмаршала Королева были замечательные инженеры, с которыми он вышел в космос: Василий Мишин, Константин Бушуев, Сергей Охапкин, Сергей Крюков, Игорь Садовский, Борис Раушенбах, Михаил Тихонравов, Константин Феоктистов, Михаил Мельников, Святослав Лавров – всех назвать невозможно, их не меньше, чем было у Кутузова. Когда-нибудь у нас будет Музей космонавтики, достойный нас, а в музее том непременно будет галерея героев покорения космоса, подобная галерее героев 1812 года в Эрмитаже. И в галерее этой будет непременно портрет лысого человека с длинным носом и очень умными глазами – Бориса Евсеевича Чертока – одного из самых верных и надежных генералов космического фельдмаршала.

Черток родился в 1912 году в Польше, в Лодзи, где отец его работал бухгалтером на текстильной фабрике. Семья оказалась там из-за матери, женщины огневой, страстной меньшевички, подпольщицы, которая после разгрома революции 1905 года должна была эмигрировать, жила в Швейцарии, во Франции, а потом осела с мужем в Лодзи. Впрочем, в Польше жили они недолго, с двух лет Борис уже москвич натуральный. Тут, в Москве, пошел в школу, узнал, что в мире живет необыкновенное чудо – радио, бегал в радиоклуб на Никольскую и даже печатался в журнале «Радио всем». Вторым увлечением отрочества стала авиация. Обе страсти соединились в 1930 году, когда Борис – электромонтер кирпичного завода – удрал (с бегунами тогда шла «война») на авиазавод имени Десятилетия Октября. Был он убежденный и яростный комсомолец, в двадцать лет не из карьерных выгод, по убеждению, стал коммунистом, организовывал летную школу, строил стадион, агитировал записываться в парашютный кружок, а в цехах собирались знаменитые самолеты: ТБ-3, АНТ-9, «Крылья Родины», «Страна Советов» – дух захватывало! На сборке ТБ-3 и познакомился он с Катей, племянницей знаменитой скульпторши Голубкиной. Познакомился и никогда уже не расставался…

В биографиях людей сильных, ярких, непременно присутствуют другие сильные, яркие люди – это закон. Борису Чертоку чертовски везло. Да нет, не учился он у них, не воспитывался ими, он просто соприкасался с ними, и, если хочешь понять Чертока, Королева, эпоху, нельзя не отвлекаться. Отвлечения от темы – грунт полотна, на котором портрет героя.

Директором завода № 22, самого большого авиазавода в стране, Сергей Петрович Горбунов стал в 28 лет! Организатор-виртуоз, энергичный и обаятельный, он влюблял в себя людей с первого взгляда. И сам влюбился. Это была настоящая драма. Сталин прислал на завод своего эмиссара – парторга ЦК Ольгу Александровну Миткевич. Член партии с 1905 года, участница дальневосточных походов Блюхера, одна из тех самых женщин, с которых писалась Любовь Яровая и комиссар в «Оптимистической трагедии». Очень некрасивая, очень умная и очень энергичная. И Горбунов влюбился! Она была старше его лет на двадцать, но ради Ольги он бросил молодую жену-красавицу. В 1933 году Горбунов погиб в авиационной катастрофе вместе с Петром Ионовичем Барановым. В 1937 году Ольга Миткевич, ставшая директором после гибели Горбунова, исчезла навсегда. Так закончился этот светлый и грустный роман, шекспировский по страстям своим и трагически современный…

Миткевич еще в 1933 году обвинялась в том, что повсеместно насаждала на заводе троцкизм. Началось дотошное корчевание ее единомышленников. Борис угодил в эту кампанию одним из первых: исключили из партии. В райкоме, однако, ограничились строгим выговором. В горкоме старушка-политкаторжанка заливисто похохатывала, читая его дело, и заменила строгий выговор обыкновенным. В 1933-м такое еще было возможно. Но с комсомольских вожаков Борис был смещен. Свободного времени стало больше, и он начал изобретать. Вскоре изобрел автоматический бомбосбрасыватель и получил неслыханные, по тому времени деньги – 500 рублей! Миткевич следила за этим смекалистым, энергичным пареньком и посоветовала ему учиться. Борис был откомандирован на электромеханический факультет Московского энергетического института. Учился, но продолжал работать на заводе.

Когда погиб Леваневский, Борис был уверен, что теперь уж и его посадят непременно: ведь он принимал участие в подготовке его самолета, да и маму, хоть и подпольщицу, но меньшевичку, самое время было ему припомнить. Но его не посадили, а он запретил себе об этом думать, запретил себе бояться, глядя на нового директора – Бориса Николаевича Тарасевича. Строго говоря, Тарасевич был не директором, а главным инженером. Директором он был на Коломенском паровозостроительном заводе, до того как его арестовали по «делу промпартии». Отсидев, он был назначен главным инженером завода № 22. Директоров после Миткевич было так много и сажали их так часто, что единственным человеком, который мог связывать постоянно рвущиеся вожжи управления, был Тарасевич, которого

все – и начальники, и подчиненные считали настоящим директором.

– Мне ничего не страшно, – говорил Борис Николаевич. – Я на деле Рамзина уже весь свой страх растратил. Я – беспартийный человек, но я заставлю вас всех работать так, как это нужно России. А вы можете на меня жаловаться, писать доносы…

Тарасевич был болезненно справедлив и, по определению академика Д.С.Лихачева, высоко интеллигентен, поскольку движению его мысли всегда предшествовало движение сердца. С какой-то пронзительной грустью он часто говорил о России, так всегда и говорил: не Советский Союз, а Россия…

Еще до исчезновения Ольги Александровны на завод пришел Болховитинов и организовал свое КБ. Он быстро разглядел Чертока и сделал его руководителем конструкторской группы, хотя тот был еще студентом. В течение нескольких лет у Болховитинова собрались сильные молодые ребята: Исаев, Березняк, Мишин, Пилюгин, заведующий кафедрой ВВИА имени Н.Е.Жуковского Курицкис – в среде талантливых людей человек бездарный совсем засыхает, а способный – быстрее идет в рост и скорее расцветает. Так и случилось с Чертоком, хотя на некоторое время с КБ пришлось расстаться.

В МЭИ Бориса знали, ценили, как-никак член парткома института, но учиться было трудно: КБ и завод времени на учебу не оставляли. Он пробовал несколько раз скрыться в институтской библиотеке, но заводские его находили и требовали явиться немедленно. Росли «хвосты», впереди была еще одна сессия, и Борис решил на несколько дней «лечь на дно», как говорили подводники, а чтобы не нашли, забрав тетради, засел в читальне ЦПКиО.

Подошли двое:

– Гражданин Черток? Сдайте книги и выходите вместе с нами.

Сели в «эмку». «Интересно, куда поедем: в Бутырку или на Лубянку? – думал Борис. – Видать, в Бутырку, машина идет по Садовому кольцу, к центру не сворачивает…»

Его привезли на родной завод и ввели в кабинет заместителя главного инженера:

– Борис! Ну, это же форменное безобразие! Ты же знаешь, что мы горим без тебя. Ищем через НКВД, а он книжки читает! Нашел время учиться…

Надо было выбирать. Черток поехал в МЭИ. Директора сместили и за главного начальника была Валерия Алексеевна Голубцова, секретарь парткома, жена Георгия Максимилиановича Маленкова, будущего нашего кратковременного вождя, а тогда –

человека, который еще не высовывался, но занимал очень важный пост заведующего отделом руководящих кадров ЦК ВКП(б) и быстро набирал очки в соревновании сталинских любимцев.

– Ну, Черток, что с тобой делать? Выгонять? – спросила Валерия Алексеевна. – Испытываешь мое терпение. Одни «хвосты» за тобой. И бумаги твои с просьбами об отсрочках за подписью Туполева, врага народа, надоели мне. Так как? Выгонять? Не…ет, дорогой! Не выйдет! Я заставлю тебя кончить институт!

И заставила. Он окончил МЭИ, правда, из КБ на некоторое время пришлось уйти, но с дипломом он вернулся к Болховитинову уже начальником отдела спецоборудования и занялся новой системой управления тяжелых бомбардировщиков на переменном токе. Тут началась война, стало ясно, что идеи его с переменным током никому не нужны, но очень нужна система зажигания для ЖРД, который Исаев и Березняк ставили на свой ракетный истребитель БИ.

Посмотрев, как работает ЖРД, Черток обозвал его вонючим горшком и попросил не втягивать его в эту «тухлую» историю. Да не на тех напал! Исаев так вцепился в него, что вскоре он уже сделал не только систему зажигания («Бред, но Исаеву понравилась!»), но и систему радионаведения БИ на самолеты противника, не считая всей автоматики перехватчика, за что и получил первый свой орден – «Красную Звезду». От системы наведения начался новый виток увлечения радиотехникой. Черток разрабатывал радиофильтры, которые экранировали систему зажигания в боевых самолетах и гасили страшный треск в шлемофонах, совсем измучивший летчиков на фронте.

Таким образом, едва приобщившись к ракетной технике во время работы над БИ, он снова начал заниматься самолетными системами и в Германию поехал, чтобы узнать, что сделано немцами именно в этой области, но, напав на след приборного отсека Фау-2, сразу понял: это что-то новое и очень интересное. В Нордхаузене Исаев и Райков, верные своим жидкостным двигателям, заявили, что делать им тут нечего и уехали в Леестен на стенды, где испытывались ЖРД. Черток остался один на вилле «Франк» и работал круглосуточно: организовывал РАБЕ. Первый заместитель наркома авиационной промышленности Петр Васильевич Дементьев прислал в Берлин шифровку, предписывающую его людям сдать дела и возвращаться в Москву. Черток подумал, свернул из приказа «голубка» и пустил по кабинету. «Голубок» сделал плавную дугу и сел на письменный стол.

– Так, – сказал Борис Евсеевич «голубку». – Никуда мы не поедем…

В это время вошла аккуратненькая фрейлен, которая каждый день ставила в его кабинете свежий букет, и сказала, что его просит принять подполковник Королев. Черток подошел к окну и увидел у тротуара очень потрепанный «опель-кадет». «Невелика птица», – подумал Черток. Так они впервые встретились.

– Эту первую встречу я почему-то очень хорошо помню, – рассказывал Борис Евсеевич. – Поздоровались, он сел, я начал рассказывать, чем мы тут занимаемся, я рассказываю, а сам думаю: «Какие умные глаза у этого мужика!» Красивый был, молодой, весь подтянутый. Он мне понравился сразу, но еще я подумал: «Это он с виду такой спокойный, но в любой момент может вдруг ощетиниться и прыгнуть на тебя...» Так и было потом... Но тогда, во время нашей первой встречи, он был очень вежлив, спокоен. Когда мы расставались, он сказал: «Я думаю, нам придется часто встречаться и долго вместе работать». Представляете, он угадал...

В Германии всем хотелось командовать. Когда была война, было ясно, кто кому подчиняется. Теперь, когда решалась судьба трофеев, субординация как-то исказилась и раздражающе усложнилась. Командовать хотелось военным. Потому что они любят и умеют это делать и потому, что они справедливо считали, что все трофеи принадлежат в первую очередь тем, кто их отнял у врага. Командовать хотел генерал Горишный, дивизия которого первой вошла в Бляйхероде. Но командовать хотел и генерал Кузнецов, имея полномочия командующего гвардейскими минометными частями Петра Алексеевича Дегтярева. Боеприпасников Кузнецов прогнал, а ракетчикам объявил, что отныне они переходят в полное его подчинение. Однако вскоре Кузнецов попал в автокатастрофу, лежал в Эрфурте в госпитале, а ему на замену прибыл генерал Лев Михайлович Гайдуков, тот самый, который составлял списки ракетчиков, нужных в Германии. Он был членом военного совета гвардейских минометных частей, но, кроме власти, обладал еще и невероятной личной энергией, которая после победы никак не могла найти выхода.

Когда Черток, например, сказал Гайдукову, что не хочет возвращаться в Москву, пока не разберется со всей немецкой аппаратурой, Лев Михайлович закричал: «Правильно! Оставайся! – и тут же отдиктовал бумагу:

«Москва. Наркомавиапром.
Зам. наркомавиапрома
генералу Дементьеву.
В Нордхаузене получено Ваше указание об

откомандировании из комиссии тт. Чертока, Толстова, Райкова, Харчева, Смирнова, Чижикова, Палло, Мишина и Березняка. Откомандирование указанных товарищей совершенно остановит всякую работу в г. Нордхаузен по V-2. Убедительно прошу оставить перечисленных товарищей в Нордхаузене в счет людей, которых НКАП выделяет в нашу комиссию.

Гайдуков».

Хотелось командовать и НКВД. Если Берия немало командовал дома, то уж в Германии сам бог велел ему командовать. В Берлин прибыл генерал-полковник Иван Александрович Серов, правая рука Лаврентия Павловича, человек крутой, но обхождения приятного, вперед не вылезающий, в технические вопросы не вникающий, довольствующийся решением задач организационных.

– Вы мне скажите, кто, что и зачем вам в Германии нужен, а я уже буду думать, как поступить, дальше, – с улыбкой говаривал Иван Александрович. – Впрочем, кто вам нужен, я вам сам скажу...

Командовать хотелось и наркомам. И не только для того, чтобы добыть побольше трофеев, но и для того, чтобы самим рвением в этом деле доказать свое усердие вообще. Однако никто из них не торопился взваливать на свои плечи бремя будущих забот о судьбах ракетной техники. Что оно такое, эта Фау-2? Уже не артиллерийский снаряд, столь близкий Устинову, но еще не самолет, понятный Шахурину. Это были два наиболее вероятных хозяина: Шахурин, который не хотел брать ракеты, но на котором они формально «висели», и Устинов, который никак не мог решить, хочет ли он их брать. Впрочем, и тот и другой понимали, что цена всех их желаний – две копейки пучок в базарный день, как говаривала бабушка Королева Мария Матвеевна: решать все будет Сталин. Кому скажет брать, тот и возьмет.

Королев видел всю эту битву честолюбий и драку ведомственных амбиций, но занимали они его лишь постольку, поскольку могли ускорить или затормозить дело. Сейчас ему в принципе было все равно, кому подчиняться: Дегтяреву, Серову или Шахурину – лишь бы работать не мешали. Как тут было вновь не вспомнить любимую поговорку бабушки Марии Матвеевны: ласковая телка двух маток сосет. Задачу для себя он уже сформулировал: досконально изучить Фау-2, научиться пускать большую ракету и сразу идти дальше. Черток – очень толковый инженер, но узкий: его, кроме бортовой аппаратуры, ничего не интересует. Замечательно, значит об аппаратуре у него может

голова не болеть. Королев уже поговорил с Леонидом Воскресенским. Видно, как увлечен он предстоящими пусками, пусть специализируется на испытаниях. Михаила Рязанского и Евгения Богуславского интересует проблема радионаводки Фау-2, хотят понять, как ею управляют с земли. Отлично. Это тоже очень важно. Надо не выпускать из поля зрения Леестен. Там – стенды для горячих испытаний двигателей. Конечно, нужен стенд, на котором бы можно было испытать всю ракету целиком. В Леестене работают Алексей Исаев и Иван Райков. Туда же поехали Валентин Глушко и его помощники Шабранский и Лист. Наземным стартовым оборудованием занимается Виктор Рудницкий. Николай Артамонов на заводе «Монтанья» разбирается с технологией. Надо только, чтобы они не складывали добытые знания каждый в свою кучку, а валили в общий котел. Институт РАБЕ – превосходная выдумка, но, опять-таки, он узок. Надо заниматься не только аппаратурой. Надо создать такой институт, который будет изучать Фау-2 со всех сторон, и тогда нынешний РАБЕ просто превратится в один из отделов такого института. Он уже начал говорить об этом с Гайдуковым, как бы вскользь обронил, что как директор Лев Михайлович, стоящий «над схваткой», лучше всего сможет учесть интересы разных специалистов, и по блеску, сразу появившемуся в глазах генерала, понял, что Гайдуков будет помогать ему в создании такого института.

Для института нужны люди. Немцы разных специальностей и наши, которые этими специальностями должны овладеть: корпусники, прибористы, двигателисты, испытатели, хорошие, с совершенно свободным пространственным воображением конструкторы, толковые технологи, способные сразу увидеть, как быстрее и лучше сделать любую деталь. Нужны снабженцы-доставалы, люди-спруты, переплетающие одновременно разные ведомства, свои ребята в десяти наркоматах одновременно, понимающие, что если сегодня не дают бронзу, но есть цемент, надо брать цемент, и умеющие завтра обменять цемент на бронзу. Нужны демагоги, люди-флюгеры, начетчики, виртуозы министерских докладов, умелые кормчие партийных собраний. Господи, сколько же нужно самых разных талантливых людей, чтобы сдвинуть этот воз, разогнать его и заставить катиться вперед со все возрастающим ускорением!

Масштабы работ расширялись с каждым днем. В местечке Берка расположилась БОН – бригада особого назначения, в задачу которой входило чисто военное изучение Фау-2. В бригаду отбирали самых толковых офицеров из авиации и гвардейских минометных частей, талантливых выпускников и адъюнктов

разных военных академий. В БОН начали свой путь в ракетную технику впоследствии выдающиеся специалисты: Юрий Александрович Мозжорин, Яков Исаевич Трегуб, Николай Николаевич Смирницкий, Святослав Сергеевич Лавров и другие. Кстати, нескольких человек, в том числе Мозжорина и Лаврова, Королев еще в Германии переманил к себе.

Командовал БОН 42-летний генерал Александр Федорович Тверецкий, генерал не «филичёвый», а самый что ни на есть боевой. Он был адъюнктом Военной академии имени Ф.Э.Дзержинского, когда командировали его на какую-то проверку в Киевский военный округ. Из Киева вернулся он в Москву в полдень 22 июня 1941 года. Командующий артиллерией РККА Воронов тут же отправил его на Северо-Западный фронт, а потом побывал он со своими «катюшами» на Волховском, Донском, Брянском, 4-м и 3-м Украинском и встретил победу в Австрии. Тверецкий верил в ракеты, понимал, что это несоизмеримо более сложная техника, чем «катюши», с которыми в военных мозгах только и связывалось само понятие «ракета». Для БОН собрали одну Фау, на которой вели занятия по материальной части, разбирались, когда, где, что надо включать-выключать, что при этом где замыкается и куда течет и как, в конце концов, эта штука взлетает. Учились транспортировать ракету, поднимать и ставить на стартовый стол, прицеливать, короче, проводили все операции, предшествующие пуску, и даже раскручивали на старте турбонасосный агрегат, который накачивал в двигатели не спирт с жидким кислородом, а воду. Офицеры Тверецкого, работая в тесном контакте со специалистами-ракетчиками, сами превращались в военных ракетных специалистов. БОН положила начало новому роду войск – ракетным частям стратегического назначения и вскоре стала ядром первого советского полигона баллистических ракет в Капустином Яре.

Таким же принципиально новым делом было и формирование спецпоезда. Ясно было, что Фау-2, если удастся собрать хоть несколько штук, повезут в Москву. А дальше? На полигон. На какой – еще не ясно, но ясно, что из Москвы стрелять не будут, обязательно повезут куда-то. Вот для этого и предназначался спецпоезд. В него входили не только специальные вагоны для ракет, но и платформы со стартовым столом и бронемашиной, из которой можно было вести пуск, не считая бронированного вагона с командным пунктом. В состав поезда входили электростанция, узел связи, цистерны с компонентами топлива, вагоны-лаборатории баллистиков, прибористов, гироскопистов, испытателей рулевых машинок, вагоны-мастерские с хорошими

станками, наконец, жилые вагоны, кинотеатр, вагон-ресторан, баня – всего около 80 вагонов. Поезд мог организовать ракетный полигон в любой точке, если до нее дотянутся рельсы.

Идея создания комплексного института была поддержана в Москве. Институт именовался «Нордхаузен», хотя и размещался в Бляйхероде. Гайдуков стал его директором, Королев – главным инженером, но фактически всю техническую политику проводил он. В институте было несколько отделов. Собственно ракетой занимался сам Королев, двигателями – Глушко, автоматикой – Пилюгин, радиоаппаратурой – Рязанский и Богуславский, группа «Выстрел», руководимая Воскресенским, готовилась к испытаниям. Это все были эскизы будущей грандиозной организационной системы, которая родится через несколько лет.

В Берлине возник другой институт – «Берлин», занимающийся твердотопливными и зенитными управляемыми ракетами (ЗУР). Его главный инженер, ставший потом академиком, – Владимир Павлович Бармин скажет через 30 лет:

– Весь наш будущий коллектив сложился в Германии.

В Тюрингии кипела работа, а Москва все никак не могла решить, кто же будет заниматься ракетной техникой. То ли у Сталина руки до нее не доходили, то ли хотел он посмотреть, чем закончится эта история без него, хотя ясно, что без него она ничем закончиться не может, и, таким образом, к бесконечному множеству примеров, демонстрирующих полную беспомощность «соратников», лишенных высочайшего вмешательства, добавится еще один назидательный пример.

Отзывая своих людей из Тюрингии, Шахурин еще раз показал, что ракеты ему не нужны. Подтвердил он это и Гайдукову, когда Лев Михайлович приехал в Москву искать, кто бы пошел «княжить на ракетную технику». Отказ Шахурина осложнял дело, поскольку, объективно говоря, конструирование и производство ракет было ближе всего авиапрому.

– Алексей Иванович, ведь вы же переходите на реактивную авиацию, и ракеты вам в этом помогут, – доказывал Гайдуков Шахурину. – Вы отработаете на ракетах и двигатели, и аппаратуру, а потом перенесёте все это в авиацию. По-дружески вам рекомендую...

– Не нужно мне помогать, Лев Михайлович, – отмахивался Шахурин. – И за дружбу спасибо. Одна забота: помог бы бог от таких друзей избавиться, а от врагов сами избавимся...

Нарком боеприпасов Борис Львович Ванников сладкими речами Гайдукова прельстился, и вроде бы они договорились, но через две недели Ванников сам позвонил Гайдукову и сказал, что ничего не получится: он получил другое задание. В узком кругу

вооруженцев уже блуждала зыбкая тень великой тайны атомной бомбы, и Гайдуков понял, в чем тут дело.

Последним купцом, который мог купить его товар, оставался нарком вооружения Устинов, вроде бы ему, пушкарю, ракеты совсем ни к чему, но Дмитрий Федорович заинтересовался, долго обо всем Гайдукова расспрашивал, при расставании благодарил за рассказ, но, в отличие от Ванникова, «покупать» ничего сразу не стал, пообещал только, что, не откладывая дела в долгий ящик, попросит слетать в Бляйхероде своего первого заместителя Василия Михайловича Рябикова, а тогда уж и будем все решать...

Никогда не сумею я воздать по чести тем людям, которые вложили свои кирпичи в основание пирамиды, куда как более грандиозной, чем хеопсова, – пирамиды нашей космонавтики. Предвосхищаю упреки: о том не рассказал, об этом даже не упомянул. И я виновен, и время: тема секретная. Но время точит секретность, и радостно назвать людей – строителей и прорабов космической пирамиды.

Морской артиллерист Рябиков работал в Ленинграде на заводе «Большевик», когда там директорствовал совсем молоденький Устинов. Был парторгом завода. Потом Дмитрий Федорович помог ему стать парторгом ЦК. Накануне войны он снова при Устинове – первый заместитель наркома вооружения. Когда на рассвете 22 июня 1941 года Вознесенский позвонил Устинову и сказал, что началась война, первый, кому сообщил об этом Устинов, был Рябиков. Рябиков замещал Устинова, когда наркомат эвакуировали в Пермь. Всю войну они были неразлучны. Рябиков шел за Устиновым, как нитка за иголкой, всю жизнь и оставался «человеком Устинова» до самой смерти. Административная и партийная работа не испарила инженерных знаний Василия Михайловича, технику он любил, а что не понимал – быстро схватывал. Это был спокойный, суховатый и здравомыслящий человек и, – что не так часто встречается в людях его ранга, – воспитанный и деликатный.

Встретили Рябикова очень приветливо и показали ему все, что могло произвести впечатление: вновь организованный институт, молча и усидчиво работающих немцев, завод «Монтанья», конструкторскую группу в городке Зоммерда, подземный завод «Митгельверке» и, наконец, «гвоздь программы» – запуск двигателя на стенде в Леестене, который – в этом многократно убеждались – на человека, впервые это видевшего, не мог не произвести впечатления. Оглушенный Василий Михайлович спросил тихо:

– Сколько же времени он работал?

– Минуту, – ответил Шабранский.

– А я думал целый час...

На вилле «Франк», первый этаж которой превратился в какое-то подобие офицерского клуба ракетчиков, устроили прием в честь высокого гостя и, хотя Семен Гаврилович Чижиков, поселившийся на вилле вместе с Чертоком, добыл целый ящик «Корна» – своеобразного напитка, похожего одновременно и на испорченный коньяк и на недоброкачественную водку, пили очень мало и, если можно так выразиться, очень трезво пили, поднимаясь для тостов прежде всего, ради произносимых слов, а уж потом ради самой рюмки, точнее – фужера: рюмки были не в ходу.

Рябиков слушал других, а сам помалкивал. Лишь в конце вечера он поднялся, понимая, что было бы невежливо не сказать ответного слова:

– Ну что же, товарищи, все, что вы мне показали, очень интересно. И перспективно. Я считаю, что нашему наркомату надо подключаться к этой работе. Буду говорить об этом с Дмитрием Федоровичем...

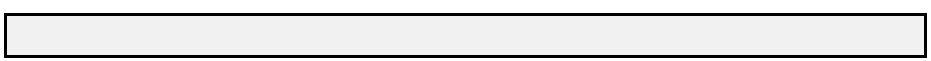
В один из дней начала мая Гайдуков срочно вызвал к себе Королева.

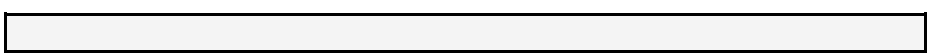
– Ждите гостей, Сергей Павлович, – сказал он строго. – К нам едут из Берлина Устинов, Яковлев с целой свитой: восемь министров и замминистров, из ЦК кто-то, ученые. Надо подготовиться.

– А из ученых кто? – подумав, спросил Королев.

– Челомей. Профессор Сатель из МВТУ. Соколов из НИИ-4...

– Раз из НИИ, значит ученый! Оба расхохотались.





С.П.Королев и Ю.А.Победоносцев. Германия, 1945 г.

Василий Павлович Мишин.
1947 г.

Вилла «Франк»

Н.А. Пилюгин и М.С. Рязанский в Блейхероде.
Германия, 1945 г.

Борис Евсеевич Черток в Германии.
1945 г.

Лев Михайлович Гайдуков

Германия, февраль 1946 г.

Сидят (слева направо): Н.А.Пилюгин, И.Б.Бровка, (?), Бакунин – инструктор отдела минометчиков, Ю.А.Победоносцев, С.П.Королев, В.С.Будник; стоят: (?), В.И.Харчев, Л.А.Воскресенский, С.Г.Чижиков, В.П.Мишин

Василий Михайлович Рябиков

41

Заметьте, что мы имеем важное преимущество перед прежними путешественниками: мы путешествуем вооруженные.

Константин Батюшков

Вскоре после войны Сталин собрал всех наркомов оборонщиков и сказал: – Положите ваши мундиры[104] в сундуки и пересыпьте нафталином. Больше они вам не понадобятся. То, чем вы занимались, забудьте...

Начал перечислять, кому что делать. Паршину – турбины, насосы, компрессоры, текстильные и полиграфические машины, часы... И так каждому наркому.

Единственным человеком, который выступил, когда Сталин закончил, был танкист Зальцман, любимец вождя, который во время войны год был наркомом.

– Нам спущен план, который мы обязаны выполнять, – сказал Исаак Моисеевич, – машины на потоке, да и материалы мы получаем не для тракторов...

– Я убедился, товарищ Зальцман, – сказал задумчиво Сталин, – что вы наркомом быть не можете. С этого часа вы не министр, а директор Челябинского завода.

Боевые наркомы сидели, как зайцы, прижав уши...

Когда Рябиков рассказал Устинову о поездке в Германию и добавил, что, по его мнению, ракетная техника – дело перспективное, Устинов долго раздумывал, как ему доложить Сталину, ведь неровен час, и он может враз полететь, как Зальцман. Но и тянуть с докладом нельзя: плохо, если Сталин узнает о ракетах не от него, а, скажем, через Серова от Берия. В конце концов, он решился. Далее события развивались очень быстро. Постановление Совмина о создании научно-исследовательских центров для нужд ракетной техники было принято молниеносно – 13 мая 1946 года. Согласно этому постановлению Устинов учредил у себя головной институт – НИИ-88. Министерство[105] промышленности средств связи – НИИ-885, которому поручались работы по аппаратуре и радиосвязи для ракет. Главным конструктором этого НИИ был назначен Михаил Сергеевич Рязанский. В рамках Министерства судостроительной промышленности создавался НИИ-10 – институт по гироскопам во главе с Виктором Ивановичем

Кузнецовым. Министерство авиационной промышленности выделило для Валентина Петровича Глушко свою базу – НИИ-456 и опытный завод, где утвердилось ОКБ ракетных двигателей. Конструкторское бюро Владимира Павловича Бармина по разработке стартовых комплексов обосновалось на заводе «Компрессор», где строились первые реактивные установки. Тогда же в ЦК был поставлен вопрос о создании полигона для испытаний ракет дальнего действия и военным поручалось срочно найти место для такого полигона.

Май 46-го – поворотный момент в истории нашей ракетной техники. В конце 20-х-начале 30-х годов ракетчиков считали просто фантазерами. В середине 30-х – увлеченными энтузиастами, которые тратят силы на не очень серьезное дело. С конца 30-х они как бы были допущены в цех вооруженцев, но не более. С мая 46-го начинается путь, который выведет ракету в приоритетные лидеры не только оборонной, но и многих других отраслей промышленности, в немалой степени подчинит ей экономику, отдаст едва ли не лучшие умы Академии наук и ведущих вузов и в результате – сделает ее основным оружием армии, авиации и флота, предоставит ей почетные места за круглыми столами дипломатических переговоров и поднимет на самые высокие трибуны международных форумов, где ракеты будут определять судьбу войны и мира, а, в конечном счете, судьбу жизни на нашей планете.

С мая 1946 года остротам и улыбкам скептиков приходит конец. Это вовсе не означает, что скептики разом исчезли. Отнюдь. Их много. Авиаконструктор Яковлев, например, доказывал, что немцы войну проиграли чуть ли не потому, что в ущерб авиации увлеклись ракетами. Нет, скептики были и тормозили дело, как могли, еще многие годы. Но это был уже личный, а не государственный скептицизм. Острить и улыбаться дозволялось в узком кругу, но никто на серьезном совещании уже не стал бы иронизировать над ракетчиками, ибо это значило бы смеяться над армией, а ведь военные скорее простят тем, кто их побил, чем тем, кто над ними смеялся. Это значило бы издеваться над Госпланом, который объявил на заседании Верховного Совета СССР о том, что в первой послевоенной пятилетке необходимо обеспечить работы «по развитию реактивной техники, применению нового типа двигателей, создающих новые скорости и мощности». Наконец, неверие в ракеты означало бы неверие в мудрость и дальновидность того, по чьей воле ракеты были теперь признаны.

За месяц до смерти министр обороны, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза и дважды Герой

Социалистического Труда Дмитрий Федорович Устинов закончил книгу воспоминаний[106].

Прослеживая в ней свою жизнь как раз до того момента, когда он приехал в Германию: о поездке в Бляйхероде и встречах с ракетчиками в книге, увы, ничего нет. Но есть в книге глава «Самое дорогое», в которой он пишет о Сталине. «Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом... – пишет Устинов. – При всей своей властности, суровости, я бы сказал, жестокости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений... Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И.В. Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал.

Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное».

Мне трудно спорить с Дмитрием Федоровичем: он встречался и работал со Сталиным, я же видел его два раза в жизни: один раз на мавзолее, другой раз – в гробу. Может быть, Сталин и «живо откликался на проявление разумной инициативы» и особенно на проявление «самостоятельности», но мы знаем, как дорого стоили людям его «живые отклики». Королев говорил обратное: культ Сталина сковывал народную инициативу. Но речь сейчас не о Сталине. Интересно не только, каким был Сталин, но и каким увидел его Устинов. Мне кажется, что увидел он его таким, каким был сам. Если Рябиков был «человеком Устинова», то Устинов был «человеком Сталина». Он боготворил вождя, стремился ему подражать во всем и, будучи сам порождением сталинских методов руководства, с невероятной энергией насаждал эти методы всю жизнь. Как и все, он боялся Сталина, но, думаю, что и любил его искренне. Да и как же мог он не любить его, если с именем вождя были связаны самые прекрасные дни его жизни: молодость, любимая работа и главное – возможность раннего и полного самовыражения, реализации тех несомненных талантов, которые были заложены в нем природой. Сталину обязан он своей головокружительной карьерой. В ту самую страшную зиму, когда расстреляли Клейменова и Лангемака, когда ставили «на конвейер» Туполева и били Королева, случайный доклад,

понравившийся Жданову, делает 29-летнего Устинова директором большого оборонного завода в Ленинграде. Без санкции Сталина Жданов не решился бы на столь ответственное назначение. В начале июня 1941 года Маленков вызывает Устинова в Москву:

– В ЦК есть мнение назначить вас наркомом вооружения...

В каком ЦК, какое мнение? Лукавит Георгий Максимилианович: ужели наркомов ЦК назначал?! Сталин их назначал. И дальнейшая история этого назначения подтверждает это бесспорно. В ответ на лепет Устинова Маленков посоветовал ему пойти в гостиницу и хорошенько подумать, но ни с кем не советоваться. Устинов пошел думать, когда в типографии «Правды» уже набирали на первую полосу указ о его назначении. А на последнюю – заметку об освобождении наркома Ванникова от своих обязанностей.

Устинов узнал об этом утром, купив в гостинице газету. Кто, кроме Сталина, мог себе позволить подобные молниеносные решения?

Когда вновь назначенный нарком приехал в свой наркомат, он спросил:

– А где Ванников? – ведь надо было принимать дела.

– Борис Львович уехал, ничего никому не сказав, – ответил Рябиков – первый заместитель смещенного наркома.

Очень четкий и дисциплинированный человек, Борис Львович Ванников дела своему преемнику сдать не мог. «Позднее мы узнали, – пишет Устинов, – что Б.Л. Ванников был арестован». Очень часто слышал и сегодня слышу: «Устинов – талант! В 33 года нарком!» Бесспорно, талант и немалый. Но неужели сам Устинов, умный человек, не понимал, что, кроме таланта, выносит его наверх еще и красная волна сталинского гнева? Ужели не понимал, что в миг единый могут они с Ванниковым поменяться местами? А если понимал – ведь не мог не понимать! – каково же ему было?!

Руководителем правительственной комиссии, которая отправилась в Германию, был начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев, с которым прибыли Устинов и добрый десяток министров, замминистров и высших чинов оборонной промышленности, не считая ученых. Но запомнился всем прежде всего не спокойный, рассудительный Яковлев, а неистовый Устинов.

Заместитель Председателя Совета Министров СССР Леонид Васильевич Смирнов рассказывал мне, что когда в 1944 году его, тогда слушателя Академии оборонной промышленности, вызвал к

себе Устинов и он переступил порог кабинета министра, то тут же услышал веселый окрик:

– Иди быстрее!

В этом «иди быстрее»! – весь Устинов. Он ворвался в Бляйхероде, как вихрь, приводя в движение все вокруг себя: утвердил создание двух институтов: «Нордхаузен» и «Берлин», потребовал формирования еще одного спецпоезда, который ему очень понравился, а потом заявил, что хочет увидеть все своими глазами. Распорядок дня был незатейлив: в 5.30 утра он кричал на всю виллу:

– Орлы, поднимайтесь!

Завтрак на бегу. Работа до 23.00. С 23.00 до часа ночи – ужин с выпивкой, Устинов пил не много, но регулярно. (За ужины отвечали ребята из батальона аэродромного обслуживания, не сказать, что мародеры, но наглецы и доставалы экстра-класса.)

Такая круговерть шла больше недели. Для Устинова это был ритм нормальный, но, кроме Дмитрия Федоровича, мало кто его выдерживал.

Он жил так многие годы, десятилетия, и после Германии – в Москве, на полигонах, в бесчисленных командировках по всей стране. Это был человек уникальной выносливости. Если бы он в молодые годы ушел в спорт, был бы, наверное, знаменитым стайером, лыжником, или марафонцем. Биологические часы из его организма были вынуты. При жизни Сталина режим работы диктовался хронической бессонницей вождя. В министерствах сидели с 11 до 18, потом с 21 до… сколько у кого терпения или смелости хватит. Обычно до 5-6 утра. Но изнуряющий ритм работы Устинова не изменился и после смерти Сталина. В 12 часов ночи Дмитрий Федорович обычно назначал оперативки. Начальник ракетного главка Леонид Васильевич Смирнов докладывал о текущих делах в 4 утра. Созывать совещания ночью было для Устинова обычным делом, и заканчивал он их только тогда, когда видел по глазам собеседников, что они уже не соображают, или когда Исаев ложился на диван и говорил жалобным голосом:

– Дмитрий Федорович! Больше не могу…

Теперь, когда он уже твердо решил взять к себе ракетную технику, он хотел сам во всем разобраться. Он хорошо знал пушки и теперь хотел так же детально изучить ракеты. Единственный способ сделать так, чтобы подчиненные не дурачили тебя, не вешали лапшу на уши, – это знать дело лучше подчиненных.

В Тюрингии Устинов был недолго, но все облазил, все осмотрел, везде побывал, даже на свалке металлолома. Влезал во

все мелочи. Заставил двигателистов, например, во всех подробностях объяснить ему, как работают форсунки в камере сгорания.

Еще перед началом всех поездок Королев сделал для высоких гостей подробный доклад, в котором рассказал о тактико-технических данных Фау-2, ее недостатках, путях их исправления и дальнейшего совершенствования этой машины, перспективах будущей работы. Четкость и ясность доклада произвели на Дмитрия Федоровича очень приятное впечатление. Королев Устинову понравился, хотя сразу почувствовал он, что Королев – мужик с норовом, работать с ним будет нелегко. Все дни пребывания в Тюрингии присматривался он к Сергею Павловичу. Однажды, когда поехали в Кляйнбодунген, где у немцев был ремонтный завод для баллистических ракет, которые возвращала армия, и где теперь Королев организовал сборку Фау-2 из обнаруженных в разных местах деталей, Устинов спросил Костина – хорошего артиллерийского конструктора, указывая на лежащую на стапеле Фау:

– А ты такой снаряд сделать сможешь?

– Смогу, Дмитрий Федорович, если поможете.

– А как тебе помочь?

– Электриков человек двадцать дадите, и сделаю...

Стоящий рядом Королев улыбнулся, и Устинов заметил эту улыбку. Когда шагали к выходу, Устинов подошел к Королеву и спросил, проверяя, как тот поймет его без долгих объяснений:

– А вы что думаете о двадцати электриках? Королев не удивился, он словно ждал этого вопроса:

– А я думаю, Дмитрий Федорович, что речь идет не о двадцати электриках, а о тысячах специалистов, о новой области техники и новой отрасли промышленности. А точнее – о кооперации многих отраслей промышленности. Я никого не хочу обижать, но это же не пушка: отковал ствол, выточил и все дела. Вы же сами это понимаете...

Разговор был совсем короткий, но запомнился Устинову.

Перед отъездом Устинов спросил Королева:

– У вас уже есть полная ясность по Фау-2?

– Нет, полной ясности пока нет. Я понимаю, как она работает, но некоторые частные вопросы, особенно связанные с технологией, еще надо решить. Вся беда в том, что нет документации...

– Сколько ракет вы надеетесь собрать полностью, таких, которые можно было бы запустить в Союзе?

– Не более десятка. И то с трудом.

– Когда сможете их привезти?

– Думаю, что к Новому году…

– Хорошо. Но не позднее. Американцы в Уайт-Сэндзе уже начали пуски Фау-2. Надо торопиться. Пришлю людей помогать, – министр крепко пожал руку Королева…

Устинов принадлежал к особому сорту людей, порожденных властью Сталина и всеми силами эту власть укрепляющих. Их ставили в пример, их волей, упорством, целеустремленностью нас учили восхищаться. Исследование их мира провел в своем «Новом назначении» Александр Бек. Он показал, что они при всей чистоте помыслов и внешнем благополучии бытия были людьми глубоко несчастными. Это были рабы, только не в кандалах, а в золотых генеральских погонах. Воля, упорство и целеустремленность Устинова, быть может, покажутся кому-то похожими на волю, упорство и целеустремленность Королева. Но между ними нет ничего общего, ибо первый служил Хозяину, а второй – Идее.

Командующий гвардейскими минометными частями Петр Алексеевич Дегтярев регулярно получал сигналы о том, что находящиеся в его распоряжении «филичёвые» полковники куролесят в Германии и мало того, что пьют, но неоднократно замечены и в связях с прекрасными представительницами поверженного врага, что, как известно из истории, всегда во всех армиях мира удавалось осудить, но никогда не удавалось искоренить. Получив однажды очередную «сводку боевых действий» полковника Чернышева Николая Гавриловича (химик, заведовал отделом в РНИИ), полковника Королева Сергея Павловича и нескольких других полковников, генерал подумал, что назрело время решительной борьбы с пороком. Он начал звонить и вызывать к себе жен командированных, дипломатично заводить разговор о том, как соскучились по ним в проклятой неметчине их мужья, а некоторым непонятливым, оставив дипломатию, вынужден был со всей армейской прямотой рассказывать о страшных последствиях венерических заболеваний. Приказывать женам Дегтярев не мог, но он знал уже, что таинственная формулировка «есть такое мнение» производит на штатского человека действие, сходное с приказом, и, действительно, после Первомая жены дружно потянулись к своим одичавшим на чужбине мужьям. В апреле-мае жены вместе с детьми приехали к Победоносцеву, Тюлину, Рязанскому, Пилюгину, Бармину, Рожкову, Буднику, Мишину, Королеву. Началась новая жизнь, без девочек в легких платьицах с ватными плечиками, без патефонов, без сизой от табачного дыма гостиной на вилле «Франк» и застолий за полночь, короче, гусарство кончилось – началась семейная жизнь.

Честно сказать, ехать Ксении Максимилиановне не хотелось,

в Боткинской дела у нее шли отлично, много оперировала, но... надо – значит надо. 10 мая сели они с Наташей в поезд и покатили в Берлин. Соседние полки в купе занимала тоже женщина с девочкой, разговорились, оказалось – жена генерала Тверецкого с дочкой, тоже едут в Тюрингию «к папе».

Все, кто помнит дом, в котором жил Королев в Германии, рассказывают, что дом этот очень похож на его останкинский дом в Москве, в котором прожил он последние шесть лет своей жизни. Это чистое совпадение, поскольку Королев никак не вмешивался в работу архитектора Романа Ивановича Семерджиева, который проектировал останкинский дом, а Семерджиев никогда не видел дома в Тюрингии. В том немецком доме хозяйничала довольно смазливенькая фрау, которая, в отличие от многих других фрау Бляйхероде, не только не была благосклонна к Сергею Павловичу, но, напротив, постоянно демонстрировала к нему стойкую неприязнь. Фрау очень обрадовалась приезду Ксении Максимилиановны с Наташей, поскольку считала, что их приезд пресечет поползновения полковника, в чем, однако, ошиблась.

Тягостная недосказанность, неопределенность, которая отличала взаимоотношения Королева с женой в те немногие дни между тюрьмой и Германией, что прожили они вместе, не исчезла и теперь. Бывает, что муж и жена ссорятся, но и в минуты ссоры понимают, что все это – вздор, что жить друг без друга они все равно не смогут и только зря теряют время на утверждение собственных амбиций. Они же не ссорились, не выясняли отношений, но, несмотря на кажущееся благополучие, очень неясно представляли себе будущую совместную жизнь, оба чувствовали ее зыбкость и не находили в себе желания упрочить ее. И не то чтобы тяготились они друг другом, а просто не испытывали друг к другу интереса, ни духовного, ни физического. Обоих что-то удерживало от того, чтобы признаться в том хотя бы себе. Это был еще не самообман, пока только нежелание правды. Надеялись, что Наташа соединит их вновь, но и в это соединение верили как-то вяло, так, для временного успокоения. Приезду дочери Королев был очень рад, проводил с ней почти все свободное время, приносил игрушки, сладости, любил с ней разговаривать, дивясь ее понятливости и, как всякий отец, эту понятливость преувеличивая. Беседуя с Наташей, он ясно видел в ней промелькнувшую вдруг бабку Марусю, или Ксану, или даже себя – во фразе, в жесте, в выражении лица и восхищался неведомым механизмом, оставляющим в ребенке следы предков.

Он часто катал дочку на машине, они лазали в невысоких, красивых горах или просто гуляли по маленьким, чистеньким

городкам, многие из которых война не тронула. Если исключить кое-где еще попадавшуюся гитлеровскую атрибутику – свастики, орлы и прочая муть, то и не сразу разберешь, в каком году живет этот городок: в 1905, 1925 или 1945-м. Иногда объединялись с Победоносцевыми или с Рязанскими и отправлялись большой компанией в Саксонскую Швейцарию, в горы Гарца, в разные замки и крепости, ездили к огромному памятнику Фридриху Барбароссе, фотографировались. Михаил Сергеевич Рязанский, усадив детей в кружок, рассказывал «таинственным» голосом:

– Историки пишут, будто сердце Барбароссы похоронено в Тарсе, мышцы в Антиохии, а кости – в Тире. Но историки все врут! Барбаросса жив! Восемьсот лет он спит в замке Кифгейзере, и рыжая борода его проросла сквозь каменный стол!

Дети слушали не шелохнувшись, с широко открытыми глазенками.

– А вот мы его сейчас разбудим! – озорно кричит Королев. – За мной!

И вся ватага несется к гигантской нише, внутри которой сидит величественный, похожий на Деда Мороза, на заграничного, не нашего Деда Мороза, Барбаросса, карабкается по фигуре, облепляя грозного государя как лилипуты Гулливера, а самый смелый уже сидит в короне на барбароссовой голове.

«Господи, если бы он всегда был таким...» – думает Ляля, глядя на Сергея, стоящего на плече Барбароссы...

Грустно, муторно ей в Германии. Все другие жены ей «сочувствуют», и это невыносимо. Всякие ее попытки пресекать разговоры и «не понимать» намеки ни к чему не приводили: ее продолжали «жалеть». Она решила, что уедет, как только отыщет предлог для отъезда...

В конце августа, сославшись на то, что Наташе нельзя опаздывать в школу, она уехала с дочерью в Москву.

Немцы презирали французов. Сама мысль о том, что французы – победители Германии, казалась им кощунственной и глупой. Англичан они не любили. Англичане «слишком много их бомбили, чтобы немцы их любили», – как срифмовал Победоносцев. Англичане не пускали немцев в свои рестораны и всячески, где могли, интеллигентно их унижали. Русских немцы боялись. Боялись мести. Увидев, что им не мстят, вообще ничего не поняли. Потом бояться вроде бы перестали, но не уважали за неаккуратность, презрение к комфорту, даже за то, что их не грабят: настоящий победитель должен грабить. Американцы были наиболее подходящими оккупантами. Злости в них не было: Америку не бомбили, с ними не воевали, ведь, в конце концов, это США объявили войну Германии, а не Германия США. При

всем своем шумном беспардонстве американцы были деловиты и расчетливы, и это объединяло их с немцами. Получалось, если подумать, что лучше всего сдаваться американцам. И если возникала возможность выбора, им немцы и сдавались.

Специалисты, которые работали в институте РАБЕ и потом, когда РАБЕ стало частью «Нордхаузена», никаких секретов русским не открывали. И даже не для того нужны были немцы, чтобы освоить опыт в ракетостроении, – и без них его бы освоили, а для того, чтобы сделать это быстрее. От них требовалось только одно: помочь поскорее разобраться в документах, в технологических картах, в режимах предстартовой подготовки, в последовательности операций во время самого старта, в методиках отслеживания летящей ракеты и во многих других вещах, в которых, конечно, и сами бы мы разобрались в конце концов, но времени на это потратили бы больше.

Дело это было добровольное, немцев поначалу не принуждали, не мобилизовывали, а только уговаривали. Сотрудничество с бывшим противником не рассматривалось в их среде как предательство. Другое дело, с каким из противников выгоднее сотрудничать. А так, что же – они сопротивлялись врагу до той минуты, пока Кейтель не подписал Акт о безоговорочной капитуляции. Но раз Акт подписан и капитуляция безоговорочная, как же можно сопротивляться?! Befel ist Befel[107].

В общем, мы здесь вторгаемся в сложные сферы чисто национальной психологии, не всегда нам понятной, но в то время для нас выгодной. Бдительные ребята Ивана Александровича Серова находились, безусловно, в плену устаревших стереотипов, когда искали следы саботажа, вредительства, подпольных центров сопротивления. Ничего они не нашли и, хотя им очень этого не хотелось, вынуждены были в конце концов признать, что немецкие партизаны – это миф. Может быть, и были среди немцев «вредители» – мальчишки из «Гитлерюгенд» или обложенные красными флажками, как волки в лесу, головорезы из СС, но того, что мы привыкли понимать под сопротивлением – народной войны на оккупированной противником территории, – не было. Бдительные ребята, разумеется, об этом помалкивали, поскольку сразу напрашивался вопрос: а зачем они вообще тут, коли есть армейский СМЕРШ, и не лучше ли было показать свое умение где-нибудь в Западной Украине? Но лезть под бандеровские пули бдительным ребятам не хотелось, поэтому для них был большой праздник, когда удавалось отловить какого-нибудь нациста в таком чине, что его не стыдно было отлавливать. Однако крупные и даже просто убежденные нацисты попадались не так часто. Черток, когда набирал людей в РАБЕ, напоролся однажды на

ортодокса, который, дерзко глядя ему в глаза, заявил:

– Я на русских работать не буду! Можете меня расстрелять!

– Да не работайте, – устало ответил Борис Евсеевич. – Ваше дело. Однако хочу отметить, что – он назвал несколько фамилий – работают у нас и довольны. Они получают приличные деньги, хороший паек...

Ортодокс задумался. Расстреливать его никто не хотел, пафос выглядел глуповато, и среди своих моральной поддержки он тоже не находил, а есть хотелось. В конце концов, согласился и работал хорошо. Потому что если тебе платят хорошие деньги, надо работать хорошо – это тоже из области национальной психологии, к сожалению, нам тоже не всегда понятной.

Как постепенно выяснилось, многие немецкие ракетчики-нацисты действительно не разделяли фашистских убеждений. Гитлеровцы привлекали ценных специалистов в партию – этим им как бы честь оказывалась, и отказ в нее вступить мог означать только конфронтацию, что непременно должно было быть отмечено соответствующими службами. Другие специалисты, не разделяя нацистских убеждений, тем не менее, сами стремились вступить в партию из чисто карьеристских соображений. А убежденных нацистов среди технической интеллигенции было немного.

Первым согласился работать с нами Гельмут Греттруп – как потом выяснилось, и пользы от него было больше, чем от других. Сначала Черток вместе с Королевым посадили Греттрупа писать историю создания Фау-2, чтобы выяснить, на каком этапе какие трудности преодолевались. Знал Греттруп и адреса, где изготовлялись отдельные детали и агрегаты ракеты. И что очень важно – знал людей. Он сам вызвался пригласить нескольких специалистов на работу в РАБЕ и довольно быстро их уговорил. Далее шла «цепная реакция» – немцев спрашивали:

– Знаете ли вы в английской или американской зоне, кого полезно было бы пригласить для работы у нас?

Появлялись новые фамилии и адреса. Так нашли аэродинамика Цейзе – это был эрудит настоящий, австрийца Нэра – строителя, специалиста по наземным сооружениям и нескольких других, но, увы, только из «младшего командного состава».

Больше всех для привлечения немцев к сотрудничеству сделал, наверное, старший лейтенант Василий Харчев, которого вся эта работа по-мальчишески увлекала. Он организовал собственную «контрразведку» – посылал немцев в зоны союзников с сигаретами и тушенкой, задабривал английские и американские посты ручными часами и водкой, завязывал дружбу с

квартирмейстерами и бургомистрами – выяснял, кто где живет, и проводил торги: переехать согласен, но не за 8, а за 12 пайков. И просит не 9, а 12 тысяч марок. Цейзе в английской зоне оговорил свой переезд досконально, до последнего пфеннига и даже условий публикаций его научных работ. Когда договаривались, вся проблема заключалась в том, как перебраться в советскую зону. Эти заботы часто брали на себя сами немцы, тоже за соответствующее вознаграждение. Иногда, правда, приходилось им помогать. Одного спеца вывезли в колонке газогенераторного грузовика. А то и в открытую везли, если посты были «подмазаны». Серов убеждал ракетчиков, что по его агентурным данным союзники в долгу не остаются и вовсю шуруют в советской зоне, но Королев в это не очень верил: нечего им было тут шуровать, все большие рыбины давно уже сами уплыли к американцам, не дожидаясь коварных сетей союзников.

После визита Устинова стало ясно, что пускать немецкие ракеты мы будем. Не в Германии, так дома. Королев пригласил Воскресенского, который лучше других соображал в испытательных делах, долго сидели они, писали-рисовали, прослеживали операцию за операцией и, увы, обнаружили некие не столь уж большие, но важные пробелы в своих знаниях. Вдруг у Королева из глубин памяти всплыло: Фибах! Капрал Фибах, который так четко командовал тогда стартовиками в Куксхафене. Нашлись немцы, которые знали Фибаха, их отправили в английскую зону. Фибах согласился переехать. Вывозил его Победоносцев какими-то окольными дорогами в горах Гарца, мимо английских постов.

Когда стало ясно, что работа ракетчиков в Германии подходит к концу, вопрос о немецких специалистах решался в Москве. Сохранение принципа добровольности в их сотрудничестве показалось Лаврентию Павловичу ничем не оправданным либерализмом, и Иосиф Виссарионович не мог с этим не согласиться. Поэтому Берия поручил Серову организовать «переселение» немцев в Союз. С калмыками, чеченцами, балкарцами, ингушами, корейцами, крымскими татарами, немцами Поволжья и другими малыми народами уже был накоплен определенный опыт подобных переселений, и операция готовилась по хорошо апробированной схеме. Были составлены списки, подсчитано, сколько людей требуется вывезти, а для этого, сколько нужно солдат для окружения домов, сколько грузовиков для скарба, сколько вагонов для погрузки.

Королеву вся эта затея не нравилась. Он понимал, что немцы могут и должны еще поработать, но так... Еще не забыл он свои этапы. Ведь немцам платили хорошие деньги, ну, можно было

чуток прибавить, подписать контракт, сделать все по-людски… Немцы что-то пронюхали, приставали с вопросами:

– А шубу надо брать? У меня много перин…

– На кого я оставлю своего попугая? Я могу взять попугая?

– Простите, у меня вопрос деликатный. Могу ли я поехать не со своей женой. Дело в том…

Королев и врать не хотел, и правду говорить не мог, мычал что-то нечленораздельное.

В пять часов утра 22 октября 1946 года началось переселение немцев. Все было сделано очень быстро и организованно. Никто не плакал, не голосил, не вырывался из солдатских оцеплений, окружавших дома. На трехосные «студебеккеры» быстро загрузили скарб, включая огромные тюки с перинами и оговоренных заранее попугаев. Колонна двинулась к вокзалу, и вот уже немцы покатили на восток.

Американец Н. Данилов пишет в книге «Кремль и космос», что немцев было 40 тысяч. На следующей странице поправляется: две тысячи. Разумеется, Берия мог переселить не только 40, но и 400 тысяч, – мастер, что говорить. Однако Победоносцев, на чьих глазах все это происходило, рассказывал мне:

– Собственно специалистов-ракетчиков вывезли около 300 человек – с женами, детьми, сундуками…

Королев уже прекрасно представлял себе, как работает Фау-2. Более того, он уже знал, какой будет следующая ракета, свободная от всех немецких инженерных догм и элементарных ошибок, которые в спешке допустили немцы. Расчетно-теоретическое бюро, разместившееся в просторной «шпаркассе»[108], уже просчитало траекторию, перегрузки и всю аэродинамику для этой будущей ракеты. В Леестене форсировали двигатель, поднимали тягу с 25 до 35 тонн. Все с этой Фау теперь ясно. Писал Победоносцеву в Москву: «Вообще мне надо перебираться отсюда. Подумай, как будем действовать дальше». Впрочем, как действовать дальше, он знал: пускать надо, смотреть, как летает, думать, совершенствовать.

После отправки немцев все потихоньку стали паковать чемоданы. Трофейный бум первых послевоенных месяцев, когда гонялись, кто поглупее – за мебелью и посудой, кто поумнее – за камешками и альбомами с марками, ракетчиков как-то не задел. Королев, которого мама Мария Николаевна всегда считала человеком абсолютно непрактичным, долго ломал голову: что бы привезти в подарок – ведь и деньги были (он получал в Тюрингии пять тысяч марок в месяц, не считая зарплаты в Москве), – ничего не придумал, купил, в конце концов, чернобурку – они входили в моду.

Всем, и Королеву тоже, очень хотелось вернуться домой с машиной. Вот тут все суетились, оформляли купчии, хлопотали об отгрузке. У Королева был малиновый «хорьх», который очень ему нравился. Бармин купил «мерседес», Глушко – легковой «студебеккер». Всех перехитрил Тюлин, который довольствовался скромнейшим «опель-кадетом», прослышав, что в Москве готовят выпуск точно такой модели под названием «Москвич», а значит, проблем с запчастями не будет...

Ну, вот и кончилась Германия, еще одна ступенька на его пути в зенит. Королев уезжал без сожаления, точно зная, что он хочет делать и что он будет делать. Сбитый с ног в 1938 году, он почувствовал, что вновь крепко стоит на ногах. Вот только Ляля... Но ведь должно наладиться, непременно должно наладиться, как же иначе... Еще 9 августа 1946 года министр вооружения СССР Дмитрий Федорович Устинов подписал приказ № 83-К: «тов. Королева Сергея Павловича назначить Главным конструктором „изделия № 1“ НИИ-88». Королев послал в НИИ-88 Мишина, чтобы дом не был без хозяина, Мишин парень энергичный, но ведь уже глубокая осень, пора самому ехать...

4 ноября 1946 года Юру Гагарина приняли в пионеры.

Дмитрий Федорович Устинов

С.П.Королев в Германии.
Ноябрь, 1945 г.

К.М.Винцентини с дочерью Натальей

42

Снимем камзолы и займемся делом, покуда еще светло...

Вильям Теккерей

Вернувшись в Москву, Королев ни на Конюшковской, ни на Октябрьской практически не жил. Очень быстро перебрался он в Калининград, или Подлипки – как чаще называли этот, тогда совсем маленький, грязноватый (что особенно бросалось в глаза после Германии) подмосковный городок, который сыграл важнейшую роль в жизни Сергея Павловича: он прожил в нем двадцать последних и главных лет своей жизни. Была квартира, а потом и отдельный дом в Москве, но он там ночевал, а жизнь шла в Подлипках, потому что жизнь для него была там, где были его ракеты. Он, собственно, и превратил Подлипки в настоящий современный город и сделал для его процветания несоизмеримо больше, чем «всесоюзный староста», имя которого город носит до сих пор.

Подлипки выросли под Москвой из зернышка «Белой дачи» – так называлось имение Перлова – владельца двух доходнейших чаеразвесочных фабрик в Москве, который в угоду своим постоянным зарубежным партнерам построил «китайский дом» на Мясницкой, где торговал чаем и заключал миллионные сделки с иноземными плантаторами. Чайного магната губила одна благородная страсть: лошади. На «Белой даче» им жилось не хуже, чем людям: конный двор, манеж, кузница. Сам выезжал рысаков, возил в Москву на ипподром и играл самозабвенно. В 1912 году случились лихие скачки, Перлов вошел в азарт и в одночасье проиграл конезаводчику Голованову[109] и саму «Белую дачу», и леса вокруг, и лучшую воду мытищинских ключей, сосняки с маслятами и ельники с рыжиками. Голованов быстро продал поместье оборотистому англичанину Вайнраубе, который решил организовать здесь образцовый дачный поселок с водопроводом и телефоном, с парком, цветниками, аттракционами и даже плавательным бассейном, с купальнями на Клязьме и конкой, чтобы за четыре версты возить на Клязьму купальщиков. В Москве в киоске у Большого театра продавали участки под дачи, и торговля шла бойко: к 1915 году было выстроено 53 дачи.

Вайнраубе был интуитивным диалектическим материалистом: перед самой революцией почувствовал он, что

надо забирать деньги и сматываться. Английское акционерное общество «Бекос», которому он продал Подлипки, дачи не интересовали. Новые хозяева решили построить здесь авто– и авиасборочный завод. Заложили корпуса, поставили два двухэтажных дома и бараки для рабочих, но тут Великий Октябрь их «прихлопнул».

Начало новой главы в истории Подлипок связано с петербургским орудийным заводом, основанным в 1866 году на месте старого Арсенала у Литейного моста. В 1918 году, когда немцы начали наступление на столицу, завод решили эвакуировать в Пермь и, частично, в Нижний Новгород. Прибыв на место, оружейники увидели, что никому они тут не нужны и размещаться им негде. Специально созданная правительственная комиссия подыскала им новое место – Подлипки. Весной 1919 года в опустевший дачный рай прибыли станки оружейников. Но работа у них не клеилась: металла не было, топлива не завезли, людей морил голод, не давая себе остыть окончательно, завод делал зажигалки. Тем и жили.

В начале 1922 года Дзержинский, открыв очередной заговор, решил, что Горки – место опасное, и попросил Ленина переехать в один из домов совхоза ВЧК, который находился рядом с Подлипками, в деревне Костино, которая теперь уже влилась в пределы Калининграда. Там, на краю большого парка и прожил Владимир Ильич часть января и весь февраль в тишине зимнего леса.

Трудное время постепенно отступало, началось строительное шевеление, в 1923 году возвели водонапорную башню, на открытие которой приехали вожди: Михаил Иванович Калинин и Влас Яковлевич Чубарь. Калинин в 1911 году работал на орудийном заводе. Даже его шлифовальный станок уцелел, стоял, как памятник, в 28-м инструментальном цехе. От этого станка все и пошло: завод имени Калинина, поселок имени Калинина, город Калининград.

Завод рос и укреплялся и к началу первой пятилетки стал не меньше своего петроградского прародителя. В январе 1939 года оружейники были награждены орденом Ленина. Во время войны завод эвакуировался и, как большинство заводов, из эвакуации не вернулся, осел на новом месте. В Калининграде – Подлипки с 1938 года стали городом – в самые тяжелые дни войны продолжали ремонтировать разбитые пушки. В декабре 1942 года на базе старого завода поставили новый артиллерийский завод № 8. Директором его был знаменитый оружейник Илларион Аветович Мирзаханов, а главным конструктором – не менее знаменитый Василий Гаврилович Грабин, еще до войны ставший

Героем Социалистического Труда, что тогда было почетнее, чем трижды Герой во времена Брежнева. Уже после войны Грабину построили новый завод, а старый Устинов решил отдать ракетчикам. При заводе было конструкторское бюро, превратившееся теперь в научно-исследовательский институт: НИИ-88. Получалось, что лидерство теперь завод утерял: раньше КБ было при заводе, теперь завод при НИИ.

Институт этот сыграл очень большую роль в жизни Сергея Павловича.

Взяв в 1946 году под свое крыло ракетную технику, министр вооружения Устинов понимал, что он наваливает на себя новую обузу, но война закончилась, а он внутренне разогнался и остановиться не мог: хотелось большого дела! И конечно, он завидовал Малышеву и Ванникову с их атомным размахом. Понимал: будет трудно. Ракеты потребуют кооперации, а другим министрам они не нужны, у них и без ракет дел хватает. Работы над атомной бомбой Сталин поручил курировать Берия лично и ежечасно. Берия мог приказывать любому министру. У него Берия нет, его собственные приказы другим не закон. А ракеты, если подумать, дело не менее сложное, чем бомба. Тоже нужны и новая производственная база, и толковые специалисты. Пока ни того, ни другого у него нет. Кроме того, бомба – нечто законченное и конкретное. А чем он должен заниматься? Совершенствованием «катюш»? Это бесспорно. Но надо решить, насколько серьезно все остальное: зенитные, баллистические и разные другие ракеты. Артиллеристы говорят, что все это полная чушь, однако артиллеристам верить нельзя, они и «катюшу» поначалу поносили. Но и ракетчикам тоже нельзя верить: каждый конструктор, как кулик, свое болото хвалит.

Устинов, очевидно, правильно начал развивать все виды ракетной техники. Это была техническая селекция: кто-то выживал, кто-то отмирал, выявлялись новые люди, увлеченные новым делом. В первые годы своего существования НИИ-88 был ракетным многоязычным Вавилоном: здесь, сменяя друг друга, работало около десятка различных главных конструкторов. На Фау-2 Устинов сначала хотел посадить артиллериста Костина, но ракетчики убеждали его, что даже такой гениальный «ствольщик», каким был Костин, должен разбираться с большой ракетой не меньше года, а Королев через год начнет ее запускать.

– Но ведь он сидел, ваш Королев, – вяло сопротивлялся Устинов.

– Ну и что? – искренне удивился Победоносцев, назначенный Устиновым главным инженером НИИ-88. Юрий Александрович всегда относился к аресту Королева, как к болезни, – было и

прошло, выздоровел.

– А то, что он теперь пуганый. Бояться будет…

– Королев бояться не будет, – твердо сказал Мишин. – Его бояться будут, это точно.

Устинов вспомнил Кляйнбодунген, где Костин просил у него двадцать электриков, чтобы сделать Фау-2, и согласился: Королев стал Главным конструктором отдела № 3 – это Фау-2. Одновременно с ним Главными конструкторами стали: Синильщиков – отдел № 4 – работал над ракетой «Вассерфаль»; Рашков – отдел № 5 – над «Шметтерлингом»; Костин – отдел № 6 – над «Рейнтохтер» и другие. Свои отделы позднее были у конструкторов двигателей Туманского, Исаева и Севрука, у приборист Чертока. Кроме конструкторских, формировались и научно-исследовательские отделы: Т – топливо, А – аэродинамика, М – материаловедение, П – прочность и другие. Королев первое время никак не выделялся, он – «один из многих», разве что отдел его был чуточку побольше, поскольку побольше была сама ракета.

Все отделы входили в СКВ, во главе которого Устинов поставил своего человека из Наркомата вооружения – Карла Ивановича Тритко, которого он хорошо знал еще с довоенных времен, когда тот был главным инженером завода «Баррикады». Должность начальника СКВ в такой ситуации была искусственной и надуманной (надо сказать, что и просуществовала она недолго). «Карла», – как называли его за глаза, был человеком не глупым и порядочным, что позволило ему успешно выполнять первейшую заповедь любого начальника: не мешать людям работать. Подчиненные ему конструкторы отдавали себе отчет, что и понимать в ракетах ему не обязательно, его задача – доглядывать и докладывать Дмитрию Федоровичу. А если говорить откровенно, так не один же Карл Иванович ничего не понимал в ракетах…

Начальником НИИ-88 Устинов сделал тоже своего человека, старого «артиллериста» Льва Робертовича Гонора, которого знал много лет, которому доверял и который никогда не обманывал его доверия. Они начинали вместе: директор завода «Большевик» Устинов, главный инженер Гонор. Потом Лев Робертович сам стал директором сталинградского завода «Баррикады», а Тритко был у него главным инженером – они должны были сработаться и теперь. Гонор во время войны возглавлял Уральский артиллерийский завод в Свердловске и сделал для победы нашей очень много. Это был опытный, проверенный в самых трудных сражениях генерал тыла, из того выведенного сталинской селекцией железного сорта людей, которые могли не спать

несколько суток подряд, а когда вождь звонил и говорил: «Сделать», – делали, загоняя себя и других чуть ли не до смерти[110].

Разглядывая Устинова тех лет, сразу замечаешь, что, приняв к себе ракетную технику, Дмитрий Федорович формирует руководство новой отраслью по принципу: «опыт важнее знания». Он решил опираться в новом деле на своих, проверенных людей, даже если они смыслят в ракетах меньше Королева, Глушко или какого-нибудь другого специалиста. Подобно тому как Малышев привел в атомную проблематику своих верных «танкистов» (Н.Л.Духов, П.М.Зернов, А.М.Петросьянц и многие другие), Устинов, естественно, опирался в ракетной технике на своих «артиллеристов». И поступал он так не только из чувства самосохранения – «свои не подведут», но и потому, что специалистов-ракетчиков у него было «раз-два и обчелся» – их просто не было, этих специалистов, их надо было готовить. Открыли техникум на 600 мест, разные курсы техучебы, а при МВТУ имени Н.Э. Баумана – высшие инженерные курсы – авиационники и пушкари переучивались на ракетчиков. Лекции им читали крупнейшие специалисты, в их числе Королев и Глушко, а слушатели тоже были неординарные: сам Устинов наезжал, сидел за партой будущий академик Макеев, вел конспекты будущий начальник опытного ракетного производства Ключарев и другие «будущие».

В первое время своего существования НИИ-88 был, мягко говоря, довольно своеобразным научным учреждением, выжить которому и набрать силу было очень трудно, поскольку в самой его природе были сокрыты серьезные противоречия. Ведь большинство научных сотрудников и конструкторов пришло из авиации, высшие руководители и производственники были пушкарями, а делать все вместе они должны были ракеты. Авиационники считали ракеты недоразвитыми самолетами, у которых не отрасли еще крылья. Пушкари – перезрелыми снарядами, которые мечтают летать без пушек. Сознание, что ракета – нечто совершенно новое, принципиально отличное и от самолета, и от снаряда, приходило не сразу и не ко всем. Очевидно, преимущество Королева перед его многочисленными коллегами как раз и заключалось в том, что он понял это раньше других, думаю, до войны еще понял, и именно поэтому уже через два-три года после возвращения из Германии стремительно вырвался вперед. И опять-таки, именно благодаря этому пониманию, Королев, едва появился в Подлипках, сразу стал лидером и никогда никому лидерства этого до конца своих дней не уступал. Именно разрыв в сроках понимания вещей для него

давно очевидных и приводил к конфликтам Королева с его начальниками, и, прежде всего с главным его начальником – Устиновым.

Схема будущей работы ракетчиков в представлении Дмитрия Федоровича описывалась простой и точной формулой: каждый должен заниматься своим делом. Схема Королева строилась на весьма спорной декларации: я должен заниматься всем! Устинов, опираясь на свой богатый опыт, был убежден, что НИИ, проводя научно-исследовательские разработки, должен генерировать передовые идеи. Вслед ему КБ – облекать эти идеи в конкретные инженерные и конструкторские решения, проще говоря – в чертежи. Завод – превращать чертежи в металл, в оружие. Военные специалисты это оружие должны испытывать и решать, надо ли его изготовлять, а если надо, то в каком количестве. Наконец, промышленность его изготовляет, а армия использует по своему назначению. Казалось бы, что проще? Что логичнее? И как можно с этой схемой не соглашаться?!

– Ведь именно так работали, Сергей Павлович, – урезонивал Устинов Королева. – Давайте проследим историю рождения любого артиллерийского снаряда...

– Артиллерийский снаряд так же похож на ракету, как конка на метрополитен, – перебил Королев.

Устинов не терпел, когда его перебивали, но раздражение в себе подавил. Ему хотелось дожать Королева не криком, не приказом – это он всегда успеет сделать, – ему хотелось убедить этого упрямца, доказать ему его неправоту, добиться, чтобы он сам ее признал.

– Хорошо, пусть снаряд не годится, – мягким, если не ласковым, несвойственным ему голосом продолжал Дмитрий Федорович. – Наиболее близка к ракетам, наверное, авиация. Так? Возьмем авиацию, хотя я, в отличие от вас, в авиапроме никогда не работал. Если я скажу что-нибудь не так, вы меня поправите. Договорились? Итак, авиация: ЦАГИ – мозг. Считают, продувают в аэродинамических трубах, исследуют разные коварные вещи и дают рекомендации, скажем, Туполеву. Туполев «рисует» самолет. Шахурин его делает. Летно-исследовательский институт испытывает, находит изъяны, если надо, Туполев поправляет, доделывает. Далее – госприемка, серийное производство, ВВС. Все! Так, Сергей Павлович?

– Так, – насупившись, опустив свой крепкий подбородок, ответил Королев.

– Тогда какое вам нужно производство, какие опытные образцы? Зачем они вам? Почему вы хотите подменить науку? И откуда у вас это стремление все подмять под себя, черт вас

подери!

– Ничего я не хочу подменять и подминать. Я просто знаю, как надо работать для пользы дела. Вот вы о Туполеве говорили. Я работал у Туполева, когда он делал Ту-2. Спроектировали под один двигатель, а оказалось, что его с производства сняли. Поставили другой. Потеряли в скорости, но самолет летал. И хорошо летал. А ракета не полетит с чем попало! Туполев просто покупал двигатели у Микулина, Швецова, Климова, как в магазине. Покупал автопилоты, выбирал, какой получше. А ракете нужен только ее двигатель и никакой другой! Только ее приборы, специально для нее созданные! Ни у кого из авиационных конструкторов об аэродроме голова не болит, они о нем просто не думают. А ракете нужен не вообще аэродром с ВПП[111] определенной длины, а специально созданный только для нее стартовый комплекс! Летчик-испытатель слетал, самописцы все записали, самолет сел, летчик все рассказал, посмотрели записи. А мне кто расскажет?! Мне нужны опытные образцы, чтобы я мог проверить их сам на прочность, на устойчивость, на температурные режимы еще на земле, а уж потом пускать. И пускать должен я, потому что никто лучше меня эту ракету не знает. Я и мои люди должны учить военных испытателей. И только тогда, когда все отработаем, наладим, сдадим на вооружение, только тогда я уже буду этой ракете не нужен. Вот тогда – пожалуйста, массовое производство, клепайте сколько вам нужно и отдавайте армии, а армия пусть пускает. Да и то..., – Королев осекся.

Устинов засмеялся:

– Что значит «да и то...»? Вы хотите сказать, что и тут без вас не обойдутся?

Королев позволил себе не обратить внимание на этот дружелюбный смех, означавший желание примирения. Любой главный конструктор обратил бы. Впрочем, и Королев, безусловно, обратил, но позволил себе показать, что он не хочет обращать внимание. Еще больше набычась и подавшись грудью к столу министра, он сказал:

– Дмитрий Федорович, вы и ваши замы хотите сделать из меня конструктора ракеты, одной ракеты, точнее автоматического снаряда, только очень большого. Поймите, если я буду похож на авиационных конструкторов – делу конец. Я должен быть Главным Конструктором Системы, понимаете?..

Спор этот длился многие годы. Оба были слишком сильны и упрямы, чтобы уступить. Жизни, чтобы подружиться, им не хватило.

В 1947 году решался еще один очень важный вопрос – вопрос

о создании специального полигона для испытаний ракетной техники.

Поначалу ракетчики прицелились на бывшее стрельбище Ванникова, которое теперь, после войны, было как бы не у дел. Полигон наркома боеприпасов располагался на Таманском полуострове – место ласковое, теплое, опять же море, а главное, там была база: производственные помещения, жилье, водопровод, электроэнергия, короче – готовое хозяйство. Кое-что, конечно, пришлось бы переделать, кое-что достроить, но основа была – не на пустом месте начинать.

И надо же так случиться, что накануне решения вопроса о полигоне один из экспериментальных самолетов-снарядов Челомея сбился с курса и угодил в кладбище на окраине большого города. Сталин об этом узнал и, едва заговорили о Таманском полуострове, перебил сразу:

– Это неподходящее место. Рядом крымские курорты, скопление людей. Можете ли вы ручаться, что ваши ракеты не упадут завтра на наши здравницы, как сегодня они падают на кладбища? Полигон надо создать где-то здесь...

Подойдя к столу, на котором была разложена карта артиллеристов, он ткнул толстым красным карандашом в левобережье Волги южнее Сталинграда.

Вопрос о создании полигона Капустин Яр был решен в течение шести минут.

Майское постановление правительства предписывало заводу № 88 собрать десять образцов ракеты Фау-2 из немецких деталей. Обещание, данное Устинову в Германии, Королев сдержал, десятка полтора ракет в Кляйнбодунгене он собрал, потом снова разобрал и отправил в Подлипки, но все-таки это, как говорили производственники, была «незавершенка» – в одной ракете такой детали не хватало, в другой – этакой, надо было делать чертежи, отдавать на завод, точить-сверлить. Королев держал в голове все ракеты. Это для посторонних все они были «на одно лицо», а для него – все разные. К каждой прикрепил он ведущего инженера, который «вел» машину с самого начала сборки и проводил все ее испытания.

К июлю 1947 года были собраны немецкие ракеты первой серии. Королев доложил Устинову. Устинов в тот же день позвонил по «кремлевке» Яковлеву:

– Николай Дмитриевич, все забываю спросить... Когда мы можем отправлять наш товар в Капустин Яр?

Яковлев был тертый калач и через военпредов знал все, что делается на сборке у Королева. Вопрос министра позабавил маршала артиллерии:

– И то сказать, Дмитрий Федорович, пора отправлять. А то залежится ваш товар, моль побьет, жучок заведется. Ведь поди, уже часа два лежит, а?

Устинов понял, что разоблачен, засмеялся, не обиделся. С Яковлевым, несмотря на их частые стычки, работать было интересно.

Надо признать, что маршал Яковлев был одним из тех людей, которые на первом этапе становления нашей ракетной техники сыграли роль очень важную. Конечно, Королев и без Яковлева сделал бы то, что он хотел сделать, но с Яковлевым он смог сделать это быстрее.

Сын пожарника из Старой Руссы, Николай Дмитриевич Яковлев в армию был призван едва ли не последним указом Николая II в январе 1917 года. Послужной список его длинен и безупречен. 21 июня 1941 года он явился в Москву, чтобы представиться Народному комиссару обороны Тимошенко в должности начальника ГАУ, а потом до глубокой ночи сидел на совещании, которое, уходя с этого поста, проводил маршал Кулик. (Про Кулика в армии ходила злая поговорка: «Кулик, хоть умом невелик, зато трус». Не берусь судить о его смелости, но, судя по его дальнейшей деятельности, он не был выдающимся полководцем. Однако каким-то непостижимым образом Кулик сумел внушить Сталину, что он как раз выдающийся, и некоторое время числился в фаворитах.)

В ту ночь засиделись засветло. Где-то около четырех часов утра зазвонила «кремлевка». Кулик слушал, бледнея. Совещание тут же распустил, но офицерам ничего не сказал. Только Яковлева поманил в соседнюю комнату, прошептал: «Война!» И тут же уехал.

Николай Дмитриевич в совершенно пустом здании сидел один в кресле начальника ГАУ – почетнейшем кресле русской армии, в котором сиживали великие князья. Шел первый час войны, и это был, наверное, самый тихий час в его жизни…

Начальником ГАУ Яковлев войну начал, начальником ГАУ и кончил. В 1944-м стал маршалом артиллерии, а на следующий год – первым заместителем командующего артиллерией Николая Николаевича Воронова. Учился Николай Дмитриевич немного: высшая артиллерийская школа в 1924 году, да стажировка в Чехословацкой армии в 1937-м, но был от природы умен, обладал памятью невероятной и мог удерживать в голове объем информации, превышающий все нормы для нормального человека. Это свойство его отточилось во время войны, когда он должен был, не полагаясь на бумаги, докладывать Сталину кучу цифр по снабжению фронтов боеприпасами. С удивительной

быстротой сопоставлял он все вновь услышанное с запасом прежних сведений, сразу отбрасывал второстепенное, вышелушивал главную идею, очищал, оголял, демонстрировал ее всем и объяснял, что это такое, откуда взялось, почему появилось и что с этим надо делать.

Интуиция подсказывала Николаю Дмитриевичу, что в ракетах «что-то есть», но причислять его к людям, подобным Устинову, которые сразу поверили в ракетную технику, было бы неверно. Поначалу Яковлев присматривался. Сделать его верным союзником ракеты могла только сама ракета: данные стрельбы. Но ведь можно по-разному ждать эти данные. Можно при первой же неудаче заявить: «Ну, что я говорил! Убедились?» А можно сказать: «Обидно. Но давайте еще раз попробуем...» Яковлев не был убежден в совершенстве ракетного оружия, но очень хотел убедиться в этом совершенстве. Вот эта исходная позиция сближала его с Королевым. Сергей Павлович знал: в армии у него есть союзник.

И еще один сильный и надежный союзник был у Королева в армии. Не меньше, а наверняка больше Яковлева отдал сил ракетной технике Василий Иванович Вознюк – человек в ракетных войсках легендарный, строгий командир, неутомимый строитель, подлинный хозяин полигона Капустин Яр. Он приехал в богом забытое заволжское село, построил первый в нашей стране ракетный полигон и завещал могилу ему вырыть здесь же, в Кап.Яре. Там его и похоронили в сентябре 1976 года...

Решение о строительстве полигона было принято 23 июня 1947 года. Ни о каком полигоне в ту пору Вознюк ничего не знал. Всю войну провоевал он с «катюшами» на Брянском, Воронежском и Юго-Западном фронтах, окружал Паулюса, прошел с 3-м Украинским по всему югу до Балкан и встретил победу в Австрии. Когда в Москве готовили решение о строительстве полигона, Василий Иванович отдыхал от ракетных дел в славном городе Констанце, где был заместителем командующего артиллерией Южной группы наших войск. В мае 1946 года его вызвали в Генеральный штаб на совещание по итогам войны. Василий Иванович сделал толковый доклад о применении «катюш» в тылах противника, рассказывал, как ходили гвардейцы-минометчики вместе с кавалеристами и танкистами в рейды на Одессу и Белград, и уже собрался возвращаться в Констанцу, как приказано было ему явиться в ЦК. Предложили организовать некий полигон для некой техники – туман непроницаемый. Вознюк отказался. Собеседник его сначала промолчал, но движением бровей показал, что неприятно удивлен. Потом протянул задумчиво:

– Странно. Но приказ о вашем назначении согласован с товарищем Булганиным и подписан товарищем Яковлевым...

Теперь уже Вознюку было впору удивляться: зачем спрашивать его согласие, если приказ о его назначении подписал начальник Главного артиллерийского управления?

– Приказы не обсуждаются, а выполняются, – сказал Василий Иванович.

– И я тоже так думаю, – кисло улыбнулся его собеседник.

Вознюк поехал в Германию, разыскивал там своих гвардейцев, собирал народ для будущего полигона покрепче, понадежнее, понимал, будет не легче, чем на фронте, ну, разве что не убьют, и уж во всяком случае, куда солонее будет, чем в Констанце на румынских харчах.

Но как ему будет трудно, он еще не знал тогда.

В деревню Капустин Яр приехал он со своими офицерами 20 августа 1947 года. Разбили палатки, организовали кухню, госпиталь. Все были фронтовики, подобный быт считался нормой. А потом ведь, действительно, не стреляют! Конечно, видели они места и покрасивее этой голой степи, но приказ есть приказ. Вместе с гвардейцами Вознюка приехали военные строители маршала инженерных войск Михаила Петровича Воробьева. На третий день по прибытии они начали строить бетонный стенд для огневых испытаний двигателей. В сентябре – новое подкрепление: из Тюрингии прибыла БОН генерала Тверецкого. Следом за ними – два спецпоезда, сформированных в Германии. Кроме бетонного испытательного стенда, примерно за полтора месяца люди Воробьева, Вознюка и Тверецкого построили стартовую площадку с бункером, временную техническую позицию, монтажный корпус, мост, провели шоссе и железнодорожную ветку, соединяющую полигон с главной магистралью на Сталинград. Все строилось только для ракеты, – для людей ничего. Когда осенние холода стали вымораживать из палаток, начали расселяться по крестьянским домам, ютились по углам, в каждой щели. Офицеры приехали с женами, с детьми. Когда на следующий год построили два первых кирпичных дома, комнату давали семье, в которой было не менее трех детей.

– Вы когда-нибудь жили в квартире, в которой рядом с вами девять маленьких детей? – спросил меня Василий Иванович, когда в феврале 1970 года я приехал к нему в Кап.Яр.

Сколько раз потом приходилось читать о самоотверженности наших воинов, которые «несмотря на чудовищные трудности», и т.д. Да при чем здесь самоотверженность?! Воин, он и есть воин: приказ командира – закон для подчиненного. Зубами скрипели, а делали и не делать не могли. Куда больше здесь не

самоотверженности, а самодержавного сталинского бездушия и презрения к людям, не только удобства и здоровье, но самая жизнь или смерть которых давно перестали его интересовать. Впрочем, а интересовали ли когда-нибудь?..

Мы ходили с Вознюком по городу, и он показывал мне гостиницы, магазины, библиотеки, детские сады.

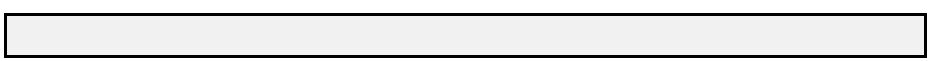
– А вы знаете, что первая елка, которую мы привезли черт-те откуда под Новый 1948 год для ребятишек, освещалась аккумулятором, снятым с ракеты? – говорил Василий Иванович, глядя на светящиеся вывески магазинов.

Как Петр I своим Петербургом, гордился Вознюк своим Кап.Яром. Василию Ивановичу предлагали очень высокие должности в Большом доме на Фрунзенской набережной, но он оставался верен своему полигону до конца жизни. Тогда, в 47-м, еле вытаскивая сапоги из липкой, цепкой грязи, он ворчал:

– Погодите, сейчас сюда присылают по приказу, но будет время – по блату будут присылать...

В Капустном Яре он был полный и безраздельный хозяин, правда, не лишенный черт деспотизма. Он не позволял, например, книжному магазину продавать новинки до того, покуда сам их не увидит. По прибытии новой партии книг магазин закрывался, новинки раскладывались по прилавкам, после чего приезжал Василий Иванович и, как принимающий парад, обходил книжный строй, извлекая из него все то, что его интересовало. А интересовало его, выросшего в актерской семье, лихого командира гвардейских минометов, опытнейшего испытателя новой техники, интересовало его все! В его доме была огромная библиотека, а периодику он выписывал всегда не менее, чем рублей на двести пятьдесят...

Да, книги он покупал «без очереди», но, пожалуй, он заслужил это право тогда, в пыли и грязи осени 47-го года: первая ракета стартовала через шестьдесят дней после приезда Василия Ивановича Вознюка в деревню Капустин Яр.



Капустин Яр

Первый ряд (слева направо): (?), Н.А.Пилюгин, Г.А.Тюлин, В.Г.Шарыпов, С.С.Лавров;

второй ряд: М.С.Рязанский, В.П.Бармин, С.П.Королев, С.И.Ветошкин, Л.М.Гайдуков, В.И.Кузнецов;

третий ряд: В.П.Глушко (наклонил голову), Д.Д.Севрук,

Б.Е.Черток, М.И.Борисенко, Л.А.Воскресенский, В.А.Рудницкий, (?)

Василий Иванович Вознюк.
После 1942 года

Место первого старта ракеты Р-1 18 октября 1947 г.

43

Счастье любви – в действии...

Лью Уоллес

При жизни Королева я не был в его останкинском доме и первый раз попал туда через полгода после его смерти – летом 1966 года, как сейчас помню, в день своего рождения, вот такой сам себе подарок смастерил! С вдовой Сергея Павловича Ниной Ивановной проговорили мы более трех часов, она показывала мне дом, кабинет Сергея Павловича – там все оставалось неизменным со дня его смерти.

Насколько я понимаю, к журналистам относилась она настороженно. Ей претила суетность вокруг имени Королева, бесцеремонность обращения с его памятью многих из тех, кто знал его хорошо, и наглость придуманных мемуаров тех, кто знал его плохо. Королев был для нее близким, дорогим человеком, и всякое вторжение в его мир людей чужих, а подчас, как ей (не без основания!) представлялось, корыстных, глубоко обижало ее. Настороженность к пишущей братии объяснялась еще и тем, что нередко попадались ей люди элементарно недобросовестные, а пуще того – просто неумные, которые, как известно, чаще всего и приносят нам всевозможные огорчения.

Главной причиной ее огорчений было вольное или невольное искажение истины в рассказах о Сергее Павловиче или отход от тех представлений о нем, который она считала истиной (чаще всего, тоже не без оснований). Однако вне зависимости от симпатий или антипатий к своим собеседникам Нина Ивановна, надо признать, была всегда абсолютно искренна. Она не пыталась дорисовать портрет своего мужа светлыми красками или, напротив, зарисовать какие-то тени на этом портрете, придумывать Сергею Павловичу несуществующие, но способные украсить его черты характера, привычки, увлечения, окружить его какими-то интересными, яркими людьми, далекими от технических сфер, которые его не окружали, равно как и приписывать себе мнимые заслуги или преувеличивать масштабы своего участия в его жизни и труде.

Да, у него был трудный характер, да, случалось, они и ссорились, и, может быть, не только Сергей Павлович был повинен в этих ссорах. Но он первым приходил мириться всегда, если был виноват. И была в нем ласковость и мягкость, неведомая его КБ. И усталость, тоже никому не известная.

В ее рассказах я встречался чаще всего с Королевым неизвестным, но в то же время как бы очень на себя похожим. Это как любительский снимок рядом с фотографией на анкете. С женой он был другим. И этого «другого» Королева никто в мире не мог знать лучше ее.

Мы встречались более двадцати лет, и я заметил, что и спустя многие годы после наших первых встреч Нина Ивановна, в отличие от некоторых других людей, близких к Королеву, никогда не выходила за рамки своих давних воспоминаний. Я никогда не устраивал специальных проверок, но, обнаружив записи одних и тех же эпизодов, сделанные в разные годы, убеждался в этом не раз. За эти годы Нина Ивановна узнала немало нового для себя о работе Сергея Павловича, но эта информация оставалась чужеродной тканью, которая не сращивалась с живым организмом ее собственных воспоминаний. Иногда так хотелось узнать что-то, скажем, о взаимоотношениях Королева с другими людьми, но я был благодарен ей за откровенное:

– Этого я не знаю… Сережа мне об этом не говорил…

Рассказывает Нина Ивановна тихо, жестикулирует мало, но лицо ее во время беседы очень живое, а улыбка как бы говорит: «Нет, вы послушайте, что я вам сейчас еще расскажу…»

Нина Ивановна выросла в большой трудовой семье: папа, мама, четыре дочери и сын, погибший в дорожной катастрофе в 35 лет. Отец ее Иван Осипович Котенков был крупным администратором-оружейником, коммерческим директором на тульских и ижевских заводах, а с 1929 года обосновался в Подлипках. В 1936 году 46-летнего Ивана Осиповича настиг рак легких, и он умер в Боткинской больнице, оставив без главного кормильца большую семью. Незадолго перед смертью Орджоникидзе наградил Котенкова автомобилем, теперь его продали, на эти деньги и жили. Жили трудно, потому что даже такая редкая тогда вещь, как автомобиль, это все-таки не Великий Могол[112], а народу много и есть хотелось всем.

Нина – младшая в семье – в 18 лет вышла замуж за авиаконструктора Владимира Григорьевича Ермолаева, который вскоре был назначен руководителем нового ОКБ. Этому ОКБ было поручено довести до ума прекрасный самолет Роберта Бартини «Сталь-7», – Бартини уже сидел, как вам известно, в Болшевском мозговом отстойнике. Ермолаев с заданием справился, в июне 1940 года был выпущен опытный бомбардировщик, который выдержал все испытания, а в октябре уже пошел в серию. Ермолаев хотел дать новой машине имя ее подлинного автора, на худой конец – назвать ее, используя буквы своей фамилии и

фамилии Бартини, но это ему было категорически запрещено. Бомбардировщик назывался Ер-2. До лета 41-го успели выпустить несколько десятков этих бомбардировщиков, которые были в боях с первых дней войны и даже бомбили Берлин.

Перед войной Ермолаев получил на Соколе большую квартиру, где и жил с молодой женой, которая изучала английский в Институте иностранных языков. Потом началась война. В октябре 1941 года ОКБ эвакуировали в Казань. В 1943 году Нина ушла от Ермолаева, узнав, что у него есть другая женщина. Совсем еще молодой генерал Владимир Григорьевич Ермолаев в одночасье умер 31 декабря 1944 года в Иркутске от сыпного тифа.

В том же 1944 году Нина, как переводчица, ездила в Иран, но тем же летом вернулась.

– Я еще раз была замужем. Правда, всего несколько месяцев, – рассказывала Нина Ивановна, – а потом была командирована в Германию...

Приходилось читать, что Сергей Павлович познакомился с Ниной Ивановной в Германии. Это неверно. Они были в Германии в одно и то же время, но жили в разных городах, не встречались и ничего друг о друге не знали. О знакомстве с Королевым сама Нина Ивановна рассказывала так:

– Весной 1947 года я работала в бюро переводов НИИ-88. Я была единственная «англичанка», остальные переводчицы «немки»: почти вся нужная для работы документация была на немецком языке. Но вот однажды начальник отдела технической информации Назимов говорит:

– У Королева накопилось много английских журналов. Сходите к нему, он вам покажет, что надо перевести.

Кто такой Королев, я толком не знала. Начальник 3-го отдела. Выхожу на лестничную площадку. Там стоит одна наша переводчица, спрашивает:

– Чего тебя вызывали?

– К какому-то Королеву посылают...

А она толкает меня за колонну и делает страшные глаза. Оказывается, Королев поднимается по лестнице и слышит мои слова. Но он тогда, наверное, о чем-то думал и никак на них не прореагировал. Все-таки неудобно как-то, и я решила сходить к Королеву на следующий день.

Прихожу. Секретарь Люся Башарова говорит: «Он занят». Слышу, действительно говорит с кем-то по телефону. Разговор явно не деловой, приятельский:

– Да о чем ты говоришь! Я из Германии привез две машины. Одну подарил...

Он мне показался хвастунишкой. Слышу, телефонный разговор окончился. Дверь кабинета приоткрылась:

– Вы ко мне? Пожалуйста... Садитесь...

Представился:

– Королев Сергей Павлович.

– Нина Ивановна, – говорю я. – Перед вами – безработная переводчица.

– Я так и понял, – улыбнулся Королев и достал целую кипу английских и американских журналов.

– А вы знаете, что вам здесь нужно?

– Вот эту статью переведите, пожалуйста. Редактировать буду я сам...

Я понимала, что сделала очень плохой перевод, потому что не знала смысла многих чисто технических терминов. Королев просит:

– Читайте.

Я сначала отказывалась, говорила, что сама мало что понимаю в своем переводе. Но он настоял. Я начала робко читать.

– Да, действительно плохо, – говорит Королев.

– Дайте мне инженера, с которым я могла бы откорректировать статью.

Дня три мы сидели с инженером Игорем Николаевичем Моишеевым, разбирались. Опять иду к Королеву. А потом он стал вызывать меня все чаще и чаще. Однажды кладу перед ним перевод, он читает, а сам берет меня за руку. Я руку отвожу. Помолчал и спрашивает:

– Что вы делаете в воскресенье?

– Пока у меня нет никаких планов...

– Вы не возражаете отдохнуть вместе?

– А что вы имеете в виду?

– Ну, пойдем в ресторанчик, потанцуем...

– Я не очень люблю рестораны, но пойдемте, – говорю я, – только куда-нибудь подальше от города...

– В Химки, не возражаете?

– Согласна...

Не могу вспомнить, где он мне назначил свидание. Чистяков, его шофер, отвез нас в Химки. Мы гуляли по набережной у Речного вокзала. Помню, навстречу идет военный с толстым мальчиком. Королев, увидев его, сказал:

– Сёма Лавочкин.

Больше я Семена Алексеевича никогда в жизни не видела.

А потом мы обедали в ресторане. Немного выпили, и вдруг так искренне, так откровенно Сергей Павлович начал мне рассказывать о своей жизни, о Германии, о семье, в которую он

решил больше не возвращаться... Я даже растерялась: мы так недавно познакомились...

Когда мы возвращались в Подлипки, он спросил, куда меня отвезти. Я назвала адрес. К великому его удивлению, оказалось, что мы живем не только в одном доме, но и в одном подъезде: квартира моей мамы на первом этаже, а Королев – на втором. Поднялись к нему. Что теперь лукавить: я осталась у него в этот первый наш вечер... На всю свою жизнь осталась...

Влюбился! Сразу! В первый вечер! Влюбленный Королев! Если бы можно было увидеть через какую-нибудь щель, которую фантасты пробивают во времени, Королева 1947 года! Невероятная энергия его удесятеряется! Он не просто загорелся, он горит с гудом, с жаром! У него столько сил! Он молод – ему только сорок! Он невероятно богат! Ну, разумеется, не теми шестью тысячами рублей[113], что положены ему ежемесячно, зачем ему эти деньги, заберите, он сам отдаст, нет, он богат планами, идеями, мечтами! Совершенно новая жизнь начинается у него с 47-го года!

Фау-2 – пройденный этап. Как, впрочем, и Р-1 – ее советская копия. На первом заседании научно-технического совета НИИ-88 он защищает эскизный проект Р-2. Устинов крепко жмет ему руку: «Молодец!». Эта ракета полетит уже на шестьсот километров. Он делает доклад о конструктивно-компоновочных схемах ракет дальнего действия. Обобщая опыт своей работы над Р-2, он думает о Р-3. Можно довести дальность до трех тысяч. Испытания в Подлипках закончены, осенью он начнет пуски в Капустином Яре. Приходил Тихонравов. Он задумал нечто очень важное: пакет баллистических ракет, который мог бы разогнаться до первой космической скорости. Радостно узнает: объединенное собрание студенческих научно-технических кружков по ракетной технике ставит вопрос о подготовке к космическому полету! Организуется Академия артиллерийских наук, и его избирают членом-корреспондентом по ракетному отделению.

На празднике воздушного флота в Тушине увидел группу «лавочкиных» – Ла-11 с ускорителями Челомея и весело сказал Победоносцеву:

– Это мы уже проходили!

Он читает лекции в МВТУ и слушает лекции на философском факультете вечернего университета марксизма-ленинизма. Он делает доклад на юбилейном собрании Академии артиллерийских наук в большом, очень нарядном зале Центрального Дома Красной Армии в день 90-летия Циолковского. В зале сидела Ксения Максимилиановна, Гри. И Нина рядом с Юрой Победоносцевым – он усадил их, прежде чем

уйти в президиум. Это ведь Нине рассказывал он о Циолковском! А потом, после заседания, он влетел запаленный в ресторан ЦДКА – там они договорились встретиться – и сразу увидел Нину и Юру. И пробка от шампанского летела в потолок – салют в честь Нины! А когда Москва устроила грандиозный фейерверк в день своего 800-летия – это ведь тоже в честь Нины был фейерверк!

...Он спал на верхней полке поезда Москва-Сталинград и улыбался во сне: ему снилась Нина! Он будет писать ей с полигона: «Ты, верно, околдовала меня... Я, быть может, поздно понял и почувствовал радость жизни».

Ах, какой это был замечательный для него год – 1947-й! Какой замечательный влюбленный человек жил среди нас в том далеком 47-м году!

Командующий ракетными войсками стратегического назначения Владимир Федорович Толубко вспоминал в 1979 году, что ракеты прибыли в Капустин Яр 14 октября 1947 года. Королев приехал за десять дней до этого. С каждым днем начальства становилось все больше, приехали Устинов с Ветошкиным, Яковлев с Неделиным и еще масса людей нужных и ненужных. Королев нервничал, поскольку в равной степени верил и в «визит-эффект», когда в присутствии начальства бутерброд обязательно падает со стола и непременно маслом вниз, и в придуманный веселыми англичанами «Закон Фетриджа», который гласит: «Событие, которое непременно должно произойти, не происходит, в особенности, если за этим специально наблюдают». Все эти дни голова его была занята одним: что может подвести из того, что подвести вроде бы не может, и как проверить то, что, как считают, проверить нельзя. Поэтому, как писал Сергей Павлович в Подлипки, «все завертелось бешеными темпами».

Спасибо Нине Ивановне, сохранившей все письма мужа. От него самого узнаем мы о жизни полигона накануне первого старта. «Доехали мы отлично. Я спал непробудным сном четверо суток. Надо сказать, мои соседи очень трогательно обо мне заботились всю дорогу, и я мог немного отдохнуть».

«Васюня», – так называет он в письмах Мишина, подтыкал ему под бок шинельку и не разрешал будить, когда затевалась выпивка или преферанс.

На место прибыли в субботу 4 октября. Впрочем, дни недели, красные и черные даты в календаре, имели в Кап.Яре значение чисто теоретическое. Королев жил в спецпоезде, в вагоне № 82 – штабном. Он начинался несколькими купе-люкс, потом шел зальчик для заседаний, из которого дверь вела в торец вагона – в комнату Королева, чуть более просторную, чем купе, за счет коридора. В штабном вагоне жили: Победоносцев, как главный

инженер НИИ-88, начальник НИИ-88 Гонор и Ветошкин, начальник 7-го – ракетного – Главного управления Министерства вооружения, неусыпное устиновское око. Когда приезжали маршалы – Яковлев, Воронов, Воробьев – а приезжали они часто, – их расселяли в другом, военном, спецпоезде. Вознюк от спецпоезда отказался, жил в крестьянской избе в деревне.

12 октября ночью в двух оконцах вагона № 82 допоздна горел свет: у Победоносцева и у Королева. Зная, что наутро в Москву поедет курьер, спать не легли, писали письма женам.

Победоносцев: «Любимая моя Тосёнок! Я ужасно скучаю без тебя. Очень хочу видеть вас своими глазами и чувствовать своими руками. Только что вернулся из путешествия в глухую пустыню, где на сотни километров нет живой души, нет воды и только местами сохранились высыхающие соленые озера. Однако, несмотря ни на что – большое количество движений, холод, жару, острый недостаток в сне, – меня здесь разносит. Я чувствую, как по часам меня от свежего воздуха и неплохого питания разносит все больше и больше. По утрам я здесь занимаюсь гимнастикой и обливаюсь на морозе до -6° холодной водой. Встаю вместе с солнцем. Оно появляется из-за горизонта, и я пробуждаюсь от мертвого сна. Но ложиться так же, как и в Москве, раньше 2—3-х часов ночи не удается. Очень много работы. Иногда, правда, урвешь часок днем, после обеда, но это далеко не всегда удается. Спать безумно хочу. Сейчас 3-й час ночи...»

Королев: «Милый друг, пользуюсь этой оказией, чтобы переслать письмо и немного денег. У меня все благополучно пока, здоров, много занят. Мой день складывается примерно так: встаю в 5.30 по местному времени (т.е. в 4.30 по московскому), накоротке завтракаю и выезжаю в поле. Возвращаемся иногда днем, а иногда вечером, но затем, как правило, идет бесконечная вереница всевозможных вопросов до 1—2 часов ночи, раньше редко приходится ложиться. Однако я использую каждую возможность, чтобы отоспаться. Так, третьего дня я задремал и проснулся одетый у себя на диване в 6 утра. Мои товарищи на сей раз решили меня не будить.

Если погода хорошая, то в поле очень жарко, днем сильный ветер, несущий столбы пыли, иногда целые пылевые смерчи из песка и туманных лохматых облаков. Если дождь – то совсем уныло, а главное – безумно грязно вокруг и пусто. Наша работа изобилует трудностями, с которыми мы пока что справляемся. Отрадно то, что наш молодой коллектив оказался на редкость дружным и сплоченным. Да здесь в этих условиях, пожалуй, и нельзя было бы иначе работать. Настроение у народа бодрое, близятся решающие денечки. Мне зачастую трудно, о многом

думаю и раздумываю, спросить не у кого.

Но настроение тоже неплохое, верю в наш труд, знания и нашу счастливую звезду.

Плохо то, что здесь на месте многое оказалось неготовым, как всегда, строители держат. Сегодня видел ужасный случай: сорвалась балка – и в нескольких шагах (от меня) погиб человек. Так устроена жизнь человеческая, дунул – и нету.

Сегодня утром, еще до выезда, не утерпел и послал тебе телеграмму. Ведь сегодня же воскресенье, ты свободна, и не раз мы неплохо проводили этот день вместе. Помнишь, как мы ездили купаться? Я и этот день сегодня вспомнил и мне так захотелось тебя увидеть хоть на одну минуточку и крепко, крепко обнять.

Не знаю, стоит ли еще и еще раз повторять о том, как я скучаю по тебе, моя любимая девочка. Боюсь, что ты можешь загордиться совсем, но вот теперь я так ясно почувствовал, как ты мне дорога и близка. Не скрою, очень часто о тебе раздумываю и, знаешь, последние дни я как-то неспокоен, сам не пойму почему».

Ему очень хочется видеть Нину, говорить с Ниной, с каждой оказией он посылает ей письма. Даже за несколько часов до первого старта успел черкнуть:

«Пишу наспех, в нашу первую боевую ночь... Дни мои проходят с большой загрузкой и напряжением, но настроение хорошее. Спешим, чтобы тут долго не задерживаться...»

Но задержаться пришлось.

Первую прибывшую на полигон ракету решено было опробовать на новом испытательном стенде. Возились много дней, несколько раз дело доходило до последней команды «Зажигание!», но ракета не желала запускаться.

– Вы что, спирт не можете поджечь? – свирепел Серов. – Возьмите шест с паклей...

Все отворачивались, чтобы скрыть улыбку: посмотрел бы он, что останется от этого человека с шестом.

– Кто разбирается с зажиганием? – властно спросил Яковлев.

– Гинзбург.

– А ну покажите мне этого Гинзбурга? – фраза эта потом на долгие годы превратилась в полигонную поговорку.

Наконец Гинзбург во всем разобрался, запустили. Первые стендовые огневые испытания Фау-2 прошли без замечаний. Главное – выдержал только что построенный стенд. Нагрузки все-таки не шуточные: ракета стремилась оторваться от стенда с силой в 25 тонн. Все воодушевились, начальство повеселело, было решено готовить первый пуск. Королев правильно писал: ночь с 17 на 18 октября действительно была боевая.

Перед первым пуском Фау-2 стартовика Фибаха и гироскописта Хоха доставили на полигон. К большому удовольствию немцев идиот-особист щедро поил их в самолете, чтобы они не вычислили координат Капустина Яра. Немцы, хоть и были с крутого похмелья, работали хорошо, особенно Фибах, за которым Леонид Воскресенский, Яков Трегуб и Николай Смирницкий ходили по пятам, осваивая тонкости стартовых премудростей.

Во время второго пуска, когда ракета улетела вбок дальше, чем вперед, и гироскописты запутались в своем анализе, подключился Ганс Хох, помог разобраться. Еще до конца первой серии испытаний немцев отправили домой – точнее, на остров к женам и детям.

Надо сказать, что судьба немецких специалистов, вывезенных из Германии осенью 1946 года, сложилась весьма причудливо. Сначала их разместили в пустовавших подмосковных санаториях в Монино, Валентиновке и на Клязьме, и в бытовом отношении многие жили теперь лучше, чем в Германии, а уж сытнее – наверняка. Немцы повеселели, организовали любительский театр, ставили «Короля Лира», построили себе теннисные корты, свободно ездили в Москву и стали заводить знакомства в иностранных посольствах. Это людям Серова не понравилось, и немцев перевели в замечательно красивое, но от всего мира отрезанное место – остров Городомля на озере Селигер. Окрестности этого озера прельщали даже доисторического человека, стоянки которого там обнаружили, не говоря уже о человеке историческом, построившем здесь городища и монастыри. В наше время древний монастырь в Никола-Рожке, Троицкий собор в Осташкове, церковь Иоанна Предтечи XVII века и прочие достопримечательности влекут сюда целые полчища туристов с автомобилями, палатками и аквалангами, но в те строгие годы это место было пустынное, сильно примятое войной. Немцам давали задания: что-то сосчитать, что-то спроектировать. Параллельно ту же работу в Подлипках делали наши специалисты. Потом сравнивали, проверяли – туда ли мы идем и скоро убедились, что идем мы именно туда, куда надо, и в немецких поводырях уже не нуждаемся. Это, кстати, потом и сами немцы подтверждали. Поэтому в начале 50-х годов всех немцев с Городомли вывезли, и они возвратились на родину. Многие уехали в ФРГ, а жена Греттрупа даже выпустила там свои мемуары «В тени красной ракеты».

Да, говоря совершенно объективно, немецкие специалисты, действительно, были в тени. Работа их в Советском Союзе никак не повлияла на развитие советской ракетной техники. Ускорить

на пару-тройку запусков освоение стартовых методик немецкие консультанты могли, но не более...

Первые Фау-2, доставленные из Подлипок в великой тайне спецпоездом, готовили в монтажно-испытательном корпусе (МИК). Это гордое имя носил просторный деревянный сарай, который был предназначен для защиты людей и техники от пыли и чтобы хоть немного их обогревать, но не делал ни первого, ни второго. Тонкая лёссовая «мука» проникала всюду. В одном из первых писем с полигона Нина Ивановна нашла фотографию Сергея Павловича с надписью: «Не удивляйся моему виду – мы утопаем в пыли». Пыль была опасна не столько гигиенически, сколько технологически, угрожая в первую очередь приборам. От холода сарай тоже не спасал. Несколько печек, сделанных из железных бочек, можно было раскалить до густого малинового жара, но тепло было только рядом с печкой... Я вспоминаю нынешние МИКи, куда нельзя входить без белого халата и хирургической шапочки, и, честно говоря, не понимаю, почему они вообще летали, эти ракеты 47-го года...

Согласно военной терминологии, ракета в сарае называлась ракетой на технической позиции. Оттуда ее везли на стартовую позицию и устанавливали вертикально. Неподалеку от стартовой позиции, со стартовым столом, на котором стояла ракета, за капониром находилась соединенная с нею проводами бронемашина, в которой у пульта сидел оператор. Для начальства была построена деревянная терраса, а рядом с ней отрыт хороший окоп под броневыми щитами – на случай, если ракете «придет в голову» (а точнее, в болванку, поскольку ракеты пускали без боевого заряда) поразить террасу с начальством. Тут же кино-фототеодолиты – немецкие KTh-41, весьма далекие от совершенства аппараты, которые могли делать лишь четыре снимка в секунду. Офицеры из отделения траекторных измерений находились в своем окопчике с секундомерами в руках. С момента старта они начинали громко считать секунды, и крики их, проступая из грохота улетающей ракеты, напоминали гогот встревоженной гусиной семьи. Но уже тогда Рязанский и Богуславский пытались наладить еще очень сырую телеметрию, установив на ракете восемь датчиков. Они очень гордились этими датчиками, всем о них рассказывали и все их хвалили. Интересно, как вели бы себя Михаил Сергеевич и Евгений Яковлевич, если бы им сказали, что всего через каких-нибудь 25-30 лет полетят орбитальные станции, на которых будут работать около 12 тысяч датчиков...

Председателем Государственной комиссии на первый пуск был назначен Николай Дмитриевич Яковлев. С ним – целая свита

военных. Офицеров-ракетчиков из спецпоезда переселили в палатки, чтобы разместить всех высоких гостей. Заместителем Яковлева был назначен Серов. В комиссию входили: Устинов, Ветошкин, Вознюк, Королев, представители министерств-смежников: авиапрома – они отвечали за двигатели, судпрома – их гироскопы, связисты – их приборы. В Кап.Яре работало к тому времени уже более 2200 человек, из двенадцати различных министерств. Здесь же были все Главные конструкторы: Глушко, Пилюгин, Рязанский, Бармин, Кузнецов, не говоря уже о своих, подлипкинских: Гонор, Победоносцев, Мишин, Черток и много других специалистов из НИИ-88.

Обстановка была напряженная, много уже ночей не спали, устали донельзя. У Смирницкого по рукам поползла нервная экзема. Вознюк нашел ему профессора-дерматолога из Саратова, но бедный профессор не знал, что от этой хвори есть только одно средство: успешный пуск баллистической ракеты. Профессор верил в какую-то вонючую мазь, и Смирницкий сидел в броневике за пультом с забинтованными руками.

Время старта диктовали баллистики, а им диктовала погода: для траекторных измерений требовалось чистое небо. На этот раз повезло: утро 18 октября было как по заказу: холодное, сухое и солнечное.

Били в рельс – сигнал-приказ покидать стартовую площадку. Белый флаг на мачте за десять минут до пуска сменился красным. Завыла сирена: три минуты осталось. С террасы были видны маленькие фигурки людей, бегущих в укрытие, словно это сирена их испугала. Над Фау струилось мирное, самоварное облачко паров жидкого кислорода: каждую минуту испарялось два с половиной килограмма. Потом облачко растаяло: закрылся дренажный клапан. Пары в кислородном баке создадут теперь избыточное давление, которое подтолкнет жидкий кислород к лопаткам центробежных насосов. Затем из бронемашины электрозапалом подожгут пороховую шашку, установленную внутри двигателя так, что, загоревшись, она начнет вращаться наподобие фейерверочного колеса, разбрызгивая пламя во все стороны. Вот открываются клапаны на магистралях кислорода и спирта, а через пять секунд уже пошла турбина, на оси которой сидят насосы. Восемнадцать форсунок каждую секунду обрушивали на огненный фейерверк 125 килограммов мелкой пыли из спирта и кислорода, но, прежде чем вылететь искореженным из сопла, запальное устройство успевало поджечь эту пыль и ракета медленно, едва заметно покачиваясь, начинала подниматься на огненном хвосте, чтобы еще через мгновение устремиться в зенит.

Первый старт баллистической ракеты в нашей стране состоялся 18 октября 1947 года в 10 часов 47 минут утра. Примерно через минуту ракета поднялась уже на 23 километра, развернулась и легла на заданный курс, продолжая набирать высоту. Она «залезла» в небо на 86 километров и начала валиться оттуда на землю. Воронка на месте ее падения диаметром около 20 метров и глубиной с деревенскую избу находилась в 274 километрах от старта.

Но про 274 километра и про воронку узнали уже потом, а сейчас все видели: улетела и летела ровно, хорошо, куда надо. Что тут началось! Плакали, смеялись, обнимались! Королева, Трегуба, Воскресенского качали. Яковлев звонил в Кремль, докладывал Сталину. Генералиссимус приказал объявить благодарность всем участникам пуска, а маршал добавил к благодарности обед в монтажном сарае, пусть и из походных кухонь, но праздничный, с выдачей ста граммов спирта, потом еще ста и, наконец, когда доложили координаты воронки, – еще ста[114].

С 18 октября по 13 ноября было проведено одиннадцать пусков ракеты Фау-2. После первого, удачного, пошла полоса отказов. Пришлось разбираться. В короткой записке Нине от 24 октября Королев пишет, что много трудностей, «порой неудач». 2 ноября: «Мы работали последние двое суток без перерыва». Бессонные ночи были вознаграждены успехом на финише: 13 ноября последние две ракеты, впервые управляемые по радио, достигли цели.

В этот день на стартовой Королев сфотографировался с Николаем Алексеевичем Пилюгиным. Было уже холодно, оба в брезентовых непродувайках на меху, в меховых кожаных шлемах, в теплых перчатках. А у Королева на лбу еще летные очки. Ну, любил он летные очки! С тех еще пор любил, как в 1929 году впервые сам полетел на «Аврушке» над Ходынским полем. Может быть, очки эти делали его моложе и придавали смелости, мы же не знаем...

Через двадцать два года я стоял на том месте, где они фотографировались. Ветеран полигона Вадим Алексеевич Кузовкин привез меня сюда, чтобы показать бетонный ступенчатый пьедестал, на котором стояла ракета-памятник. Сбоку в бетоне маленькая звездочка и дата: 18.10.47.

Стояли молча. Потом Кузовкин сказал:

– Я вдруг сейчас вспомнил, как однажды ракета загорелась на старте. Подтек спирт, и она загорелась. И Королев вместе со всеми бросился ее тушить, поливать из брандспойтов, кричал: «Вы не так тушите! Поливайте сверху, чтобы вода в сопло не

попала!..» Он стоял метрах в десяти от горящей ракеты... Загасили в конце концов... Интересно, страшно ему было?..

Я тогда ничего не сказал Кузовкину, но подумал, что Сергею Павловичу не было тогда страшно, потому что влюбленные люди не могут себе представить собственной гибели. А Королев был очень влюблен...

Нина Ивановна Королева

Полигон, конец 40-х-начало 50-х годов
Слева направо: В.И.Вознюк, С.И.Ветошкин, С.П.Королев, (?)

Н.А.Пилюгин и С.П.Королев на полигоне Капустин Яр

Между тем, император держал частые советы, на которых обсуждался вопрос, как поступить со мной.

…Возникало опасение, что мое содержание окажется слишком дорогим и может вызвать в стране голод.

Джонатан Свифт

Из частной проблемы освоения трофейного оружия ракетная техника после войны очень быстро превращается в ведущую отрасль оборонной промышленности. В условиях сталинской диктатуры такое превращение не могло произойти лишь в результате энергичных действий Королева или веры в ракеты Устинова. Как и в какой мере сам Сталин принимал в этом участие? Встречался ли он с Королевым? Ответы на эти вопросы во многом определили судьбу Сергея Павловича. Однако дать их не легко: живых свидетелей этих встреч практически не осталось, в мемуарах они не отражены, а документы кремлевских архивов, увы, остались для меня (если бы только для меня!) недоступны. В воспоминаниях различных людей, с которыми мне удалось побеседовать на эту тему, встречи Королева со Сталиным расслаиваются: либо это многолюдное совещание у Сталина, на котором в числе других присутствует и Королев, либо это встреча Сталина только с Королевым. В беседе с корреспондентом ТАСС Александром Петровичем Романовым в 1964 году Королев на прямой вопрос журналиста – встречался ли он со Сталиным – отвечает:

– Да, но много позже[115], в 1948 году. Мне было поручено доложить о разработке ракеты. Он слушал молча, почти не вынимая изо рта трубки. Иногда прерывал меня, задавая короткие вопросы. Не могу не рассказать о таких деталях. Перед тем как войти в кабинет, меня предупредили, чтобы я ему не задавал никаких вопросов, был предельно краток. Имевшуюся у меня небольшую папку с тремя листками конспекта доклада не разрешили взять с собой. Сталин ответил на мое приветствие, но руки не подал. Сталин был внешне сдержан. Я не знал, одобряет ли он то, что я говорю, или нет. Достаточно Сталину сказать «нет», как это «нет» мгновенно становилось законом. Такая была

обстановка. Эта встреча все же сыграла свою положительную роль. Видимо, Сталину, его военным советникам стало, наконец, ясно, что первые опыты по созданию реактивных самолетов, артиллерийских установок и другие разработки могут дать впоследствии положительные, далеко идущие результаты. Возможно, что именно тогда ему и напомнили о группе советских ученых, которые шаг за шагом пробивали дорогу этим идеям.

Настораживает, что, приводя это интервью в своей книге «Конструктор космических кораблей», Романов весьма вольно обращается со словами Королева. Сергей Павлович лично поправил и завизировал текст, в котором ясно говорится о недостаточном внимании к ракетной технике руководства страны в предвоенные годы.

– Среди крупных военных специалистов в то время имелись люди, на мой взгляд, не понимавшие великого будущего реактивного двигателя, – говорит Королев. – Конечно, ему следовало бы тогда же уделить максимум внимания... Однако имелись высшие государственные деятели, которые не видели пользы в замене винтового двигателя реактивным.

– Сталин? – спрашивает журналист.

– Возможно, что он знал о проводимых нами опытах. Однако все внимание руководителей организаций, советников Сталина по военным делам сосредоточивалось на разработке конструкций новых типов самолетов с поршневым двигателем, артиллерийских орудий обычного типа.

Иными словами, Королев считает, что если Сталин и знал что-то о ракетной технике, то интересовался ею все-таки мало.

В книге же А. Романова Королеву приписываются слова, которых нет в завизированом им тексте[116] и которые имеют смысл прямо противоположный: «Чувствовалось, что он (Сталин. – *Я.Г.*) имеет полное представление о ракетах». Как же так, не интересовался, слушал недальновидных военных помощников и вдруг «имеет полное представление»?! Но дальше – еще более удивительные вещи. «Его (Сталина. – *Я.Г.*) интересовали скорость, дальность и высота полета, полезный груз, который она (ракета. – *Я.Г.*) может нести. Особенно с пристрастием он расспрашивал о точности полета ракеты в цель». Теперь уже все непонятно. Какое же «полное представление» о ракетах имел Сталин, если он расспрашивал и о скорости, и о дальности, и о высоте полета, и о полезном грузе, и о точности попадания?! Выходит, он ни о чем представления не имел.

Еще настороженнее начинаешь относиться к этому интервью, когда знакомишься с письмом Сергея Павловича, написанным им на полигоне Капустин Яр 6 марта 1953 года, т.е. на следующий

день после смерти Сталина. Ведь по рассказу Королева, так, как он записан Романовым, создается впечатление, что Сергей Павлович был у Сталина один. Никаких других людей он не называет, говорит только о себе: «меня предупредили», «ответил на мое приветствие», «я не знал...» Но в письме Королева мы видим совсем другую картину. Королев пишет:

«Вспоминаю, как были мы у товарища Сталина 9 марта 19.. года[117]. Так все было неожиданно, а потом так просто; мы ожидали его в приемной и вошли – какое волнение охватило меня, но товарищ Сталин сразу заметил и усадил нас. Началась беседа. Все время он ходил по кабинету и курил свою трубку. Все было коротко и ясно. Много спрашивал и много пришлось говорить. Эти часы пролетели незаметно. Как заботливо говорил он о всех нас и как глубоко направил по правильному пути наш труд. А ведь многое из того, с чем мы пришли, придется теперь делать по-иному. И как это хорошо и ясно все стало.

Говорили и о будущем, о перспективе. Д.Ф.[118] потом мне сказал, что слишком много было сказано о нас в розовом тоне, но я с этим не могу согласиться, – где же, как не у товарища Сталина, можно говорить легко и то, что думаешь, чего хочешь. Великое выпало мне счастье – побывать у товарища Сталина».

Эта запись 1953 года очень не похожа на интервью 1964 года. Здесь ясно видно, что 9 марта 1948 года Королев был у Сталина не один: «мы ожидали», «нас усадил», «говорил о всех нас», наконец, прямо указан один из присутствующих на этой встрече – Устинов.

В интервью Сталин «предельно краток», задает «короткие вопросы». В письме он «много спрашивал и много пришлось говорить». Интервью создает ощущение короткого личного доклада, письмо – обстоятельного совещания («часы пролетели незаметно»).

Валентин Петрович Глушко рассказывал мне, что после возвращения ракетчиков из Германии в Кремле проходило совещание, на котором Сталин решал вопрос, кто должен возглавить работы по ракетной технике. Фамилия Королева называлась, но присутствовал ли сам Королев на этом совещании – из рассказа Глушко я не понял.

В нескольких опубликованных на Западе работах такое совещание тоже упоминается и даже с небольшим разбросом называется дата его проведения: 13-16 апреля 1947 года. Сведения эти основаны, прежде всего, на показаниях Токати-Токаева, направленного в 1945 году ВВИА им. Жуковского вместе с другими нашими специалистами в Германию, а потом сбежавшего в английскую зону. Из интервью, которое Токати-

Токаев дал Национальному музею авиации и космоса Смитсонианского института в Вашингтоне, видно, что он, конечно, кое-где привирает, несколько преувеличивая свою роль в событиях тех лет, путается, но вопиющих несуразностей в этом интервью я не нашел. Толчком к кремлевскому совещанию, по мнению Токати-Токаева, стал Зенгер и его самолет[119].

Немецкий инженер Эйген Зенгер считал космонавтику логическим продолжением авиации и с 1929 года говорил и писал о заатмосферном самолете. В августе 1944 года проект Зенгера, дополненный несколькими «военными» главами, был представлен фашистами в качестве совершенно секретного документа под названием: «О ракетном двигателе для дальнего бомбардировщика». После разгрома рейха он был, естественно, рассекречен и широко обсуждался специалистами во всем мире. Зенгер с группой своих сотрудников уехал во Францию, где консультировал французских ракетчиков и писал теоретические работы по горению. Ни о какой постройке суперсамолета речи не было: специалисты понимали, что для этого нужны годы работы и огромные средства.

Сам Зенгер милитаристом не был. За месяц до смерти в январе 1964 года в журнале «Флюгвельт» он обращался с призывом к государствам Европы объединиться для постройки пилотируемого межконтинентального космического самолета. Будущее техники в его понимании было тесно связано с социальным прогрессом человечества. « Быстрое усовершенствование оружия невероятной разрушительной силы, – писал он, – показывает все большую бессмысленность его действительного применения для войны. В недалеком будущем все человечество должно будет признать, что война не только морально, но и технически бессмысленна».

Но в те годы сообщение о межконтинентальном бомбардировщике не могло не заинтересовать наше руководство, тем более что столбик ртути в градуснике «холодной войны» опускался день ото дня.

3 апреля 1947 года академик Келдыш отправляет в авиапром свою записку по ракетным самолетам. «Такие ракетные самолеты, – пишет Келдыш, – по своему типу и тактическим свойствам, вероятно, будут отличаться весьма сильно от самолетов с обычными двигателями и будут приближаться по характеру полета к ракетам типа Фау-2».

Уже по одной этой фразе видно, насколько же все тогда мало что знали и понимали в ракетной технике, если авиапрому надо было объяснять, что самолет с ракетным двигателем будет отличаться от обычного самолета.

Келдыш в записке Зенгера не упоминает, но о немецких работах пишет. Более того, в научно-техническом отчете РНИИ – НИИ-1 за 1947 год Келдыш посвящает целую главу принципиальной возможности создать летательный аппарат типа самолета Зенгера и приходит к выводу, что «можно создать комбинированную силовую установку с жидкостным ракетным двигателем и прямоточным и сверхзвуковыми воздушно-реактивными двигателями, обеспечивающую дальность ракетного самолета порядка 12 тысяч километров».

Таким образом, на весну 1947 года приходится новый пик интереса к ракетной технике. В уже упоминавшейся книге Н. Данилова «Кремль и космос» говорится:

«К началу 1947 года, менее года спустя после отправки немецких ракетных специалистов в Москву, советские руководители начали пересматривать русскую программу Фау-2. Ограниченность дальности действия ракеты была очевидна. Г.М. Маленков, бывший в то время вторым человеком после Сталина и занимавший посты заместителя Председателя Совета Министров и секретаря ЦК Коммунистической партии, заявил:

– Нам нужна не ракета Фау-2. Мы усовершенствовали ее, мы превзошли уровень, достигнутый специалистами Пенемюнде в 1945 году, но все равно наша ракета продолжает оставаться слепым, примитивным оружием недостаточной дальности действия. Кого, по-вашему, мы можем испугать этим оружием? Польшу? Турцию? Но нам незачем пугать Польшу. Наш потенциальный противник находится на расстоянии тысяч километров. Мы должны работать над созданием ракет дальнего действия. Важность проекта Зенгера должна оцениваться в свете того факта, что предлагаемый им бомбардировщик может совершать полеты на очень большие расстояния. И мы, естественно, не можем ждать того момента, когда американские империалисты пополнят свой военный потенциал, в котором уже есть бомбардировщик Б-29 и атомная бомба, еще и самолетом Зенгера».

Как пишет американец, совещание у Маленкова началось в десять часов вечера 13 апреля 1947 года. Кроме Маленкова, на нем присутствовали председатель Госплана Вознесенский, Устинов, маршал авиации Вершинин, генерал-лейтенант авиации Куцевалов, авиаконструкторы Микоян и Яковлев. О Королеве не упоминается.

Процитированные строки поначалу внушают доверие конкретными деталями: указан не просто день, но даже час совещания у Маленкова. Однако чем больше размышляешь, тем большие сомнения начинают тебя одолевать. Маленков не был

«вторым человеком после Сталина» хотя бы потому, что все искусство власти Сталина основывалось как раз на том, что «второго» не было. Был «первый» и «остальные», из которых он периодически кого-то приближал, кого-то отдалял. Так было в разное время с Молотовым, Ворошиловым, Берия. Так было и с Маленковым. В 1946-м Маленков впал в монаршую немилость. Он сохранил все свои регалии, но остался не у дел. В это время он получает от вождя лишь эпизодические поручения. Одним из таких поручений была помощь ракетчикам. Сергей Иванович Ветошкин – в то время заместитель Устинова по ракетным делам – рассказал мне:

– Однажды Маленков позвонил мне по «кремлевке» и попросил приехать к нему. Я спросил, какие материалы надо захватить с собой. Он ответил, что ничего брать не надо. Когда я приехал, он начал расспрашивать меня, как идут работы по освоению немецкой ракетной техники и чем надо помочь. Я ответил, что хорошо бы помочь оснастить завод в Подлипках всем необходимым оборудованием и ускорить строительство под Загорском испытательных стендов. Маленков при мне позвонил генералу армии Хрулеву – тогда он был начальником тыла Вооруженных Сил – и попросил его помочь нам. Я потом встречался с Андреем Васильевичем, и он действительно помог нам и с оборудованием, и в строительстве: выделил колонну грузовиков, прислал солдат-строителей. Но это была эпизодическая помощь, как эпизодическим было и внимание Маленкова к ракетной технике. Он вызывал меня еще два-три раза по частным вопросам, но развитием ракетной техники он не руководил и интересовался нашими делами не более полугода. О состоянии наших дел Сталину докладывал Устинов. Никакого совещания Маленков не проводил. Я не мог не быть на таком совещании. Если бы он не пригласил меня, должен был быть Устинов, который непременно рассказал бы мне о таком совещании, как я рассказывал ему о всех разговорах с Маленковым. Что касается Токати-Токаева, рассказы которого лежат в основе американской книги, то должен признаться, что я никогда не слышал такой фамилии. Фамилия редкая, я бы ее запомнил...

Далее в книге «Кремль и космос» рассказывается о том, что на следующий день после совещания у Маленкова состоялось новое совещание на более высоком уровне. Председательствовал Сталин, присутствовали (кроме названных выше) Молотов, Ворошилов, Микоян, Жданов, Берия, Серов, конструкторы и руководители оборонной промышленности. Снова обсуждался вопрос о бомбардировщике Зенгера и о немецких специалистах.

Сталин якобы сказал:

– Мне кажется, итог очень плохой. Мы разгромили нацистов, захватили Берлин, захватили Вену, а американцы заполучили фон Брауна, Липпиша; англичане Буцемана и, возможно, Танка, а теперь французы заполучили Зенгера...

Использование немецких специалистов Сталин, по словам автора книги, считал целесообразным.

Токати-Токаев утверждает, что 17 апреля секретным постановлением Совета Министров была образована правительственная комиссия по ракетам дальнего действия во главе с заместителем Берия генерал-полковником Серовым. Заместителем Серова в этой комиссии стал якобы сам Токати-Токаев, в ее состав входили М.В. Келдыш от Министерства вооружения, М.А.Кишкин от Министерства авиационной промышленности и сын Сталина Василий от ВВС. Комиссия должна была выехать в Германию для того, чтобы «тщательно проанализировать вопрос о немецком вкладе и специалистах и рассмотреть вопрос об отборе персонала для работы по проекту Зенгера и по другим проектам».

Охотно допускаю, что слухи о широко обсуждавшемся на Западе проекте Зенгера дошли до Маленкова или даже до Сталина и он захотел с этим делом разобраться. Сергей Иванович Ветошкин также подтверждает, что совещание у Сталина было, но он никогда не слышал о комиссии Серова, да еще в таком «причудливом» составе.

Даже не зная комментариев Ветошкина, который был – обязан был быть! – участником описываемых событий, трудно удержаться от вопросов, читая книгу «Кремль и космос».

Почему Маленков утверждает, что мы уже усовершенствовали и «превзошли» Фау-2? Эта работа только ведется. Мы еще не только не «превзошли», но и не освоили Фау-2: первый пуск немецкой ракеты состоится лишь через полгода и будет ли он удачным, Маленков знать не мог.

Почему правительственную комиссию по ракетам дальнего действия возглавляет Серов? Ведь все ракетные дела еще в 1946 году поручены Устинову. Вряд ли Токати-Токаев мог быть заместителем председателя этой комиссии, слишком маленькая он для этого фигура.

Почему Келдыш фигурирует в ней в качестве представителя Министерства вооружения, если он никогда в этом министерстве не работал?

При чем МАП и ВВС, если они давно уже отмахнулись от ракет дальнего действия? И зачем нужна эта комиссия вообще, зачем ей ехать в Германию и «анализировать вопрос о немецком

вкладе», когда вопрос этот давно проанализирован, написан фундаментальный отчет, 13-томный «Сборник материалов по изучению трофейной реактивной техники»? И ездить за ним в Германию тоже не надо, поскольку отчет этот давно в Москве!

Непонятно и то, почему комиссия, возглавляемая Серовым, должна заниматься в 1947 году «отбором персонала» в Германии, хотя как раз сам Серов уже «отобрал персонал» в 1946 году?

В известной мне отечественной литературе, например в книге все того же А.П. Романова «Ракетам покоряется пространство»[120] также упоминается, правда безо всяких деталей, апрельское совещание 1947 года, которое вел Сталин. В книге Николая Чевельча «Рядом с молниями»[121] тоже рассказывается о совещании у Сталина, которое, как не трудно вычислить, происходило в первой половине 1947 года и на котором якобы присутствовал «генеральный конструктор Сергей Павлович Королев». В описании этой встречи главное действующее лицо – Митрофан Иванович Неделин, с которым Сталин и решает вопрос, где строить полигон для испытания ракет. Неделин мог принимать участие в таком совещании, но вряд ли Сталин решал бы этот вопрос без маршалов Воронова и Яковлева. А в их присутствии едва ли Неделин мог быть главным действующим лицом. Что же касается Королева, то он не был тогда (и никогда не был!) «генеральным конструктором», а лишь начальником одного из отделов НИИ-88 и «главным конструктором изделия № 1».

О совещании у Сталина пишет в книге «Неделин»[122] многолетний заместитель первого главкома ракетных войск Владимир Федорович Толубко. Дата тоже не указана, но из контекста понятно: начало 1947 года. В описании этого совещания уже присутствуют и Воронов, и Яковлев, и Неделин, но тема совершенно другая: Сталин «с присущей ему проницательностью» интересовался состоянием ракетостроения и атомных исследований. Докладывали ему Неделин, Королев и Курчатов.

Почему ракетные и атомные дела разбираются вместе? Ведь до создания атомной бомбы еще далеко. Почему о состоянии ракетостроения докладывает начальник отдела института Королев, а не министр Устинов, который даже не упоминается в числе участников совещания, имеющего к его работе самое непосредственное отношение?

Не надо быть слишком проницательным текстологом, чтобы заметить, что у всех названных авторов концы с концами не всегда сходятся, а описания совещаний основаны скорее на легендах, чем на документах. Пожалуй, с некоторым риском

можно принять лишь одно, самое общее свидетельство: весной 1947 года Сталин проводит совещание, посвященное ракетной технике, на котором мог присутствовать Королев, но, очевидно, не присутствовал, поскольку Королев говорит о 9 марта 1948 года, а из письма видно, что «великое счастье побывать у товарища Сталина» выпало ему лишь однажды. Если бы он был у него несколько раз, он бы непременно вспомнил об этом в день смерти Сталина: в такие минуты люди пишут правду. Да и о самолете Зенгера даже намека нет в записи Королева.

Королев позднее рассказывал нескольким людям, что он был на совещании у Сталина, которое состоялось после пусков Фау-2, перед пуском ее советской модификации Р-1, когда уже ясно наметились контуры следующей ракеты Королева Р-2. Март 1948 года – как раз время между Фау и Р-1. Георгий Александрович Тюлин рассказывал, что примерно в то же время – 1947-1949 годы – Кремль потребовал от Королева отчета о состоянии ракетной техники в мире. Писали они такой отчет вместе с Королевым, и Королев возил его в Кремль. Там, по его словам, он впервые встретился со Сталиным, который расспрашивал его о преимуществах ракет в сравнении с бомбардировщиками. После этой беседы Сталин попросил Королева составить ему на эту тему короткую справку. Королев написал ее прямо в приемной и после этого уехал. Это тоже весьма вероятно, потому что вопрос: что лучше – ракета или самолет, вопрос, который дебатировался потом еще многие годы, как раз тогда и зарождался, и Сталин, конечно, хотел знать все аргументы.

Изучив все рассказы и легенды о встречах Королева со Сталиным, я вот что об этом думаю:

В апреле 1947 года, когда Сталин, вероятно, обсуждал вопрос о бомбардировщике Зенгера и немецких трофеях, Королев на этих совещаниях, очевидно, не присутствовал. Он еще не тот Королев, которого мы себе сегодня представляем. Не тот у него уровень, чтобы заседать у Сталина.

Другое дело – март 1948 года. Королев не только разобрался с Фау-2, но и научился пускать эту ракету. Более того, уже готовится к производству ее советская модификация Р-1. Уже есть конкретные разработки новой ракеты, превосходящей по всем своим показателям немецкий «эталон». Открываются новые перспективы. Кормчий должен был указать путь, дать возможность вновь отпечатать проверенный трафарет: «руководствуясь мудрыми указаниями великого Сталина...» Значит, требуются «великие указания». А ракеты – дело темное, одни их хвалят, другие ругают, как быть? Резолюции Сталина редко используют бессильную бюрократическую формулу:

«Разобраться и доложить». Он почти всегда стремится разобраться сам, а если дает поручения, определяет в резолюции свою точку зрения. Сам себя загнал Сталин в сложнейший лабиринт: он не мог разрешить кому бы то ни было что-то решать, он должен был решать сам, но он не мог решать неверно! Неверные решения разрушили бы образ. Он лишил себя права на ошибку. Но при всем своем уме он был только человек и не мог никогда не ошибаться. Это он тоже понимал, и тогда он научился красть истину.

Я был знаком с ленинградцем Александром Соломоновичем Фефером, кандидатом технических наук, лауреатом Государственной премии СССР, заслуженным изобретателем РСФСР. Перед самой войной он – совсем молодой инженер – вместе с приятелем изобрел способ термитной сварки металла с помощью портативного оборудования, что позволяло ремонтировать, скажем, гусеницу танка в походных условиях буквально за несколько минут. Вызванный в Москву ошеломленный Фефер был доставлен к Сталину, который попросил его подробнейшим образом рассказать ему о своем изобретении.

– Я бы хотел, чтобы вы, – сказал Сталин, – назвали мне не только положительные, но и отрицательные свойства вашей установки...

Фефер подробно и честно рассказал обо всех недостатках, объяснил, на что, по его мнению, нужно обратить внимание при доработке изобретения.

На следующий день у Сталина было большое совещание, посвященное «мартену в кастрюле», как писали в газетах. Выступали разные танковые военачальники, работники танковой промышленности, и все очень хвалили новое изобретение. Заключая обсуждение, Сталин сказал, что он согласен с тем, что новый метод необходимо повсеместно внедрять, но просит товарищей обратить внимание на некоторые недоработки. И далее, не смущаясь присутствием Фефера, который вчера все это ему рассказывал, Сталин перечислил все эти недоработки.

– У маршалов и директоров заводов отвисли челюсти, – рассказывал Александр Соломонович. – Танкисты-профессионалы, опытнейшие технологи, выходит, не сумели разглядеть того, что сразу увидел гениальный вождь своим орлиным взором! Я чуть с ума не сошел: сначала думал, что меня убьют, чтобы я никому об этом не сказал, – ведь мы беседовали наедине. Но время шло, меня все не убивали, и тогда я стал думать, что он, наверное, понимает, что я и так никогда никому ничего не скажу...

А, может быть, что-то похожее было и с Королевым? Когда настала пора решать, что делать с ракетами дальше, Сталин, прежде всего, получил от Королева необходимую ему информацию, – письменную, устную, – не суть важно. Возможно, и даже весьма вероятно, – не только от Королева. А дальше – широкое обсуждение.

Тюлину Королев рассказывал, что на это совещание его и Гонора привез Устинов. В разговоре с будущим космонавтом Георгием Гречко Сергей Павлович вспомнил такую деталь: когда они вошли, все места за столом были заняты, и он хотел сесть поодаль, но Сталин, взяв у стены одной рукой стул, усадил его за стол заседаний.

Академик Виктор Иванович Кузнецов рассказывал мне, что он присутствовал на совещании у Сталина, на котором Королев точно был, он это помнит, потому что они сидели рядом. Но из его слов получается, что совещание было позднее марта 1948 года, поскольку на совещании обсуждались итоги испытаний ракеты Р-1, а первые ее пуски начались лишь в сентябре 1948 года.

Может быть, Сергей Павлович запамятовал, когда читал текст Романова и по ошибке написал «1948»? Ведь напиши он «1949», и все замечательно становится на свои места... Совещанию, по словам Кузнецова, предшествовали события очень неприятные для Королева и его соратников. Ракета Р-1 поначалу летала плохо, неточно. Военные отказались принимать ее на вооружение. Конфликт между ними и ракетчиками, родившись на полигоне, разрастался и, подобно вихрю торнадо, вовлекал в свою круговерть все новых людей. Устинов и Яковлев не могли найти решения, которое устраивало бы обе стороны. Вот тогда Сталин решил разобраться сам.

Выступать, как запомнилось Кузнецову, начали артиллеристы. Больше всех горячился Яковлев:

– Зачем нам ракета с дальностью в 260 километров, если она дает разброс точности в четыре километра?! Насколько проще в этом случае использовать авиацию! Не только проще, но и дешевле – не надо строить стартовую позицию, кстати, не столь уж мобильную и весьма уязвимую для самолетов противника...

Сталин, как вспоминает Кузнецов, усадив всех, по своему обыкновению молча ходил вдоль стола, посасывая потухшую трубку. Он был одет в китель с высоким твердым воротником с погонами генералиссимуса, которые он придумал уже после войны, в июне 1945 года, исключая, тем самым, даже тень равенства с другими маршалами. (Он надел их на следующий день после утверждения, пополнив короткий список почивших

российских генералиссимусов, и теперь встал в этом списке рядом с Суворовым.) Сталин никогда не носил галифе, брюки с широкими красными лампасами были заправлены в мягкие сапоги. Напротив Кузнецова и Королева, чуть левее, сидел Устинов. Он ни на секунду не спускал глаз со Сталина, медленно поворачивая голову по мере его движения вдоль стола. Сталин спросил Устинова, какой-то пустяк, что-то о вагонах для транспортировки ракет, и Устинов не просто встал, а стремительно ввинтился в пространство над собой. Рядом с Устиновым сидел Яковлев. Надо сказать, что Королев очень ценил и уважал Яковлева. Едва ли кто другой помогал ему так в строительстве Капустиного Яра, в работе над Р-1.

– Кто еще хочет высказаться? – спросил Сталин, на секунду остановившись и оглядывая стол. – Пожалуйста, товарищ Королев.

Королев поднялся, не отрывая взгляда от рыжих глаз Сталина, как учил всех Устинов. Он начал крушить Яковлева с первой фразы, обвиняя его в недальновидности, технической отсталости, отсутствии чувства нового. Военные за столом переглядывались. Королев припомнил Яковлеву все, даже записку, которую тот написал в начале войны, критикуя «катюши».

– Был ли товарищ Яковлев тогда прав? Да, был. У «катюши» действительно было большое рассеивание. Он был прав тогда так же, как прав сегодня, – правдой только сегодняшнего, текущего дня. К счастью для всех нас, тогда товарища Яковлева не послушались.

Думаю, что и сегодня мы не будем руководствоваться лишь данными сегодняшнего дня и не будем слушаться товарища Яковлева...

– У меня такое впечатление, – рассказывал Кузнецов, – что Королев хотел говорить еще и еще, но, наверное, он вспомнил наставления, которые давал нам Устинов. Ведь один из законов этого кабинета: доклад должен быть краток. Королев вдруг замолчал и сел.

Сталин продолжал бесшумно ходить. Стояла пронзительная тишина. Наконец он остановился и, плавно поводя мундштуком трубки в воздухе, сказал задумчиво:

– Я думаю, что военные все-таки правы. Оружие с такими характеристиками нам не нужно. – И опять начал ходить.

Королев сидел белый как мел. Сталин снова остановился:

– Но я считаю, что у ракетной техники большое будущее. Ракету надо принять на вооружение. И пусть товарищи военные приобретают опыт в эксплуатации ракет. Давайте попросим

товарища Королева сделать следующую ракету более точной, чтобы не огорчать наших военных...

А мы все спорим: садист – не садист...

А мы все недоумеваем, почему не выдержало сердце у Сергея Павловича во время операции, ведь всего 59 лет ему было... Вспоминаю Глушко, Бармина, Пилюгина, Кузнецова, Келдыша. Королева они пережили, но головы у них были совсем седые, белые, как снег на кремлевских елках...

Эйген Зенгер

Сергей Иванович Ветошкин

Иосиф Виссарионович Сталин.
1946 г.

...Лидерство в науке – это не караван судов, идущих в открытом море, но караван судов, идущих во льду, где переднее судно должно прокладывать путь, разбивая лед. Оно должно быть наиболее сильным и должно выбирать правильный путь.

Петр Капица

Несмотря на то, что только пять из одиннадцати ракет Фау-2, запущенных в Кап.Яре, достигли цели, Королев да и другие специалисты считали этот результат весьма обнадеживающим. Сергей Павлович не забыл, как настрадались они осенью 33-го в Нахабине с ракетой Тихонравова, как капризничали его собственные ракеты в РНИИ. А Фау-2 – это не «бабочка» с гироскопическим прибором стабилизации, это сложная машина, а значит, и вероятность отказов больше. Опыта нет, но, тем не менее, ни одной осечки на совести стартовиков не было, всегда виновата оказывалась конструкция. Главная задача все-таки выполнена: все видели, что ракета может летать хорошо. Теперь надо выявить все немецкие недоделки, додумать то, что они не успели, или не смогли додумать и научить ее летать хорошо всегда!

У американцев результат пусков Фау-2 был примерно тот же: из 32 пусков едва ли половину можно назвать успешной. Но, в отличие от Кап.Яра, где большого веселья тоже, по правде сказать, не было, на полигоне Уайт-Сэндз царил черный пессимизм. Военные дружно заявили, что такая несовершенная техника им не нужна. В Пентагоне лежал проект МХ-774, составленный совместно с немецкими специалистами, в котором описывались перспективы развития ракетной техники. Проект полистали-почеркали и решили, что перспективы эти неясны и ничего такого, чего не могла бы сделать авиация, эти ракеты тоже сделать не смогут. В июле 1947 года работы по проекту МХ-774 были свернуты. К ним вернулись только через пять лет – в 1952 году. Когда после запуска нашего спутника американцы все никак не могли найти причин своего отставания, начинать искать надо было как раз с июля 47-го года.

Советским правительством было принято решение прямо

противоположное: о создании ракеты Р-1, аналога Фау-2, но сделанного нашими рабочими, на наших заводах, из наших материалов. Может возникнуть впечатление, что решение это ошибочное: копировали немцев, вроде бы топтались на месте, теряли время. Но я думаю, что это было правильное решение. Дальнейшее движение вперед тормозилось не отсутствием собственных идей и даже не тем, что, прежде чем идти дальше, надо было разобраться в недочетах немецкой конструкции, но более всего – неподготовленностью и неумелостью производства. Ракета – изделие тонкостенное, из листа. Корпус, баки, двигатель – это все лист. Значит, прежде всего, металлургам надо было освоить производство тонких большеразмерных листов из специальных марганцевистых сталей, из сплавов марганца и алюминия, которые до этого не производились. Подлипкинские пушкари с листом не работали. На помощь им летом 1948 года пришли специалисты авиапрома. Вместе учились штамповать, клепать, сваривать тонкостенные оболочки из незнакомого металла, изготовлять ранее неведомые гофрированные трубки-сильфоны, штепсельные разъемы новой конструкции, кабели новых свойств. А учиться, даже чисто психологически, удобнее всего было на Фау: «Как это, немцы сделали, а мы не сможем?!!» Главная задача, которую ставил Королев перед ракетой Р-1, была не точность ее попадания, хотя военным он об этом не говорил. Точность придет. Главная ее задача: организация производства, технологический навык, опыт людей, которые завтра должны будут строить ракеты, куда более сложные, чем Р-1.

И другое понимал Королев: для того чтобы строить эти более сложные ракеты, только навыка и опыта мало. Нужны были деньги, и армия должна была эти деньги ему дать. Он обязан иметь стабильного и богатого заказчика, а им может быть пока только армия. Поэтому нужна была ракета, которую примут на вооружение. И сделать ее надо как можно скорее, как можно скорее втянуть в свои дела военных, убедить их в преимуществах ракетной техники. Подавляющее большинство из них этих преимуществ не видели, были союзниками относительными, тогда союзниками, когда все хорошо идет. Но выбора не было, и все свои будущие планы Королев связывал с армией. И все будущее благополучие ракетчиков, все надежды на осуществление давних своих планов зависело от того, насколько быстро заказы армии начнут обновляться. Тогда будет все: сильное КБ, своя производственная и испытательная база, полигоны... А когда будет все, тогда можно будет думать не только об армии...

Я спросил Сергея Ивановича Ветошкина:

– В 40-х, в начале 50-х годов, когда вы подолгу жили вместе с Королевым в Кап.Яре, заводил ли он когда-нибудь разговор о заатмосферных полетах, о космосе?

– Заводил. Редко, осторожно, но заводил. Такое впечатление, что он нас прощупывал: как мы на его слова будем реагировать.

– А как вы реагировали?

– Да никак. Нам было не до космоса...

Кого мы считаем человеком организованным? В повседневной жизни это тот, у кого порядок на письменном столе, телефонная книжка не похожа на старую швабру, кто не опаздывает, назначив встречу, и не забывает поздравить друга с днем рождения. Если обобщить, организованный человек – это человек, способный одновременно осуществлять несколько программ. То, что Королев обладал этой способностью в высочайшей степени, можно было заметить уже во времена его молодости. С годами это его качество совершенствовалось. Мы уже наблюдали его работу с «перехлестом» в РНИИ, когда планеры, ракеты и ракетоплан накладывались друг на друга и, переплетаясь, двигались во времени. Тогда я пытался нарисовать картину его жизни на бумажной плоскости: рассказывал об одной ракете, потом переходил к другой, а требовалась, очевидно, какая-то словесная голография, которой я, увы, не владею. Как быть сейчас, тоже не знаю. Очевидно, опять придется переводить объемные конструкции жизни Королева в довольно примитивные чертежи отдельных событий.

А как иначе? Судите сами. Если составить таблицу для десяти лет королевских трудов (1947-1957), то опять мы увидим, что последовательности – сделал одну ракету, можно приниматься за другую, – нет. Р-2 задумывается еще в Германии, когда об Р-1 и разговора не было. Р-5 разрабатывается до сдачи Р-2. Еще раньше начинается работа над небольшой мобильной ракетой Р-11, и первые прикидки межконтинентальной ракеты Р-7. Если бы две работы накладывались одна на другую, это еще можно было бы понять: вот – сегодняшний день, а вот – перспектива. Но у Королева все гораздо сложнее. Например, в 1954 году он одновременно работает над различными модификациями ракеты Р-1 (Р-1А, Р-1Б, Р-1В, Р-1Д, Р-1Е), заканчивает работу над Р-5 и намечает пять разных ее модификаций, завершает ответственнейшую работу над ракетой Р-5М – с ядерным боевым зарядом. В самом разгаре дела по Р-11 и ее морскому варианту Р-11ФМ. Наконец, все более реальные черты приобретает межконтинентальная Р-7. Все это – в течение одного года!

Как у него это получалось – представить себе трудно. Разумеется, у каждой ракеты свой хозяин – ведущий конструктор,

все расписано по отделам, составлен график производства. Но если с простейшей ракеткой ГИРД, которую в трамвае возили, было столько хлопот, что люди не спали сутками, то как мог не лопнуть, не рассыпаться на куски, не разлететься по колесикам весь этот огромный и сложнейший механизм?! Как год от года убыстрял он свое движение, наращивал силу, увеличивался в объеме? Если найдешь ответы на эти вопросы, то и на самый сложный, спорный, но и самый интересный, главный вопрос всей этой книги можно ответить: происходило бы все это, если бы на месте Королева был не Королев?

Несмотря на приказ Сталина точно скопировать немецкую машину, Королев все-таки кое-какие явные, с его точки зрения, немецкие недоработки исправил: изменил программу токораспределителя, упразднил прибор аварийного выключения двигателя, заменил два отрывных штекера – одним.

– Даже у человека одна пуповина, – говорил он Воскресенскому, – а человек куда сложнее этой «дуры»!.

Кое-какую оснастку и нужные станки привезли из Германии. Но когда встал вопрос о выпуске первой серии своих ракет, выяснилось, что многого не хватает. Устинов провел ревизию всего министерского хозяйства: у кого что есть? Отнимать не хотел – начались бы великие обиды и склоки. А вот разместить на разных заводах королёвские заказы – это можно. Сам Королев пошел дальше. Он не ограничился рамками только устиновского министерства. Используя давние знакомства и великий дар уговаривать людей, он находил такие институты и заводы, о которых Устинов и не слышал никогда. В общей сложности в создании первой нашей баллистической ракеты принимали участие 13 КБ и НИИ и 35 заводов. Это был первый и блестяще проведенный опыт кооперирования, первый шаг к той Большой Ракетной Системе, которую создал Королев в масштабах всей страны.

Отправка «изделия № 1»[123] – так засекретили Р-1 – на полигон началась уже в августе 1948 года – через четыре месяца после правительственного постановления о ее создании! А в самом начале сентября и сам Главный конструктор появляется в Кап.Яре. Поначалу все не ладится: что может отказать – отказывает, что может протечь – протекает, замкнуться – замыкается, сломаться – ломается. Идет черная полоса неудач. Королев знает: так бывает. Это – стихия, бороться с ней так же трудно, как с морским прибоем. Но и не бороться нельзя, иначе она тебя утопит. Она сразу чувствует, если ты слабеешь, и начинает наглеть. Надо ее перехитрить – на ее же гребне выскочить на земную твердь. А для этого надо быть очень

внимательным и предельно собранным. Накануне всякого старта Королев преображался: очень спокоен, молчалив и щепетильно предусмотрителен. Но, увы, даже он всего предусмотреть не мог...

Когда стартовики работали на верхней площадке у люков приборного отсека, до всех квадрантов дотянуться было трудно и там навешивался специальный монтажный мостик. Ефрейторы Горбатенко и Максименко робели работать наверху: все-таки высоко, с трехэтажный дом поди... Капитан Киселев решил их успокоить.

– Ну что тут страшного, – сказал он и с этими словами два раза подпрыгнул на мостике. Мостик рухнул. Пролетев метров пятнадцать, Киселев упал на бетон стартовой площадки.

«Тринадцатого сентября трагически погиб наш дорогой друг и боевой товарищ Павел Ефимович Киселев – один из основных наших испытателей, – пишет Сергей Павлович Нине Ивановне. – Несчастье случилось 13-го, а 14-го он, не приходя в сознание, умер в 14.00 часов. Страшное стечение обстоятельств повлекло его гибель, его личная смелость и горячая любовь к порученному делу трагически толкнули его навстречу смерти. Но при всем при том на нас, конструкторов, и на меня, как на главного их руководителя, ложится тяжкая ответственность за этот случай.

Формально говорят, что он виноват сам, но я лично тяжко переживаю и не могу простить себе, что, может быть, я что-либо все-таки проглядел и во всех случаях я должен был смотреть внимательнее. Сутки, которые он еще боролся со смертью, мы все здесь жили только одной надеждой, что он останется жив. 14-го в 12 часов дня я не выдержал и заснул, и вдруг какая-то сила меня подбросила с дивана, я вскочил – было ровно 2 часа дня. В эту минуту он умер...

Кажется, давно я так не надеялся ни на что, кажется, давно я так не молился судьбе и какому-то могущественному Богу, чтобы он остался жить, – и теперь все окончено раз и навсегда!

Трагедия усугубляется еще и тем, что через пять дней после этого у него родилась дочь».

Королев очень ценил свою первую стартовую команду, знал всех поименно: сержанты Осьмак, Пашков, Тращановский, ефрейторы Горбатенко, Максименко, Лопатко, рядовой Коровкин. Это были молодые, не шибко образованные, но очень смекалистые, исполнительные и аккуратные работники. Эти качества Королев очень ценил. Когда Горбатенко демобилизовался, Сергей Павлович пригласил его работать к себе в Подлипки на опытное производство. Рабочий Константин Георгиевич Горбатенко был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Уже после смерти Королева, в мае

1967 года, Горбатенко ездил в Париж, чтобы смонтировать ракету «Восток» на 27-м Международном авиакосмическом салоне, а позднее стал заместителем начальника цеха.

Но Париж и Золотые Звезды – это все потом. А сейчас стояла зябкая осень, холодный ветер, казалось, не имел никакого направления, дул со всех сторон, так что полосатый конус ветроуказателя, который летчики называли «колдуном», мотался во все стороны. Но, несмотря на холодный ветер, и дождь, и снег – все, что угодно, на выбор! – надо было во что бы то ни стало заставить ракету летать.

«Похоронили мы нашего дорогого Павла и снова вернулись на следующий день к нашей работе, за которую он отдал свою жизнь, – писал Королев. – С этого дня и посегодня нас непрерывно преследуют неудачи и трудности... Видно, еще много есть темных мест в нашей работе... Мы трудимся не покладая рук, и я очень надеюсь, что в самые ближайшие дни мы с честью выйдем из создавшегося положения... Я твердо уверен в успехе наших работ».

Преодолев бесчисленные технические и организационные препятствия, Королев 10 октября проводит первый пуск ракеты Р-1. Меньше, чем за месяц, стартуют еще восемь ракет. Итоги более чем скромные. Военные не скрывают своего недовольства. Конфликт между Устиновым и Яковлевым зреет и, наконец, лопается на описанном совещании у Сталина. Скепсис отравляет офицерские умы многочисленных инспекторов Яковлева. Не таясь, задорно поглядывая на московских инженеров, они говорят:

– Да если нашей бригаде отдать весь тот спирт, который мы в нее вливаем, мы бы любой город разнесли в пух и прах безо всякой ракеты...

Спирт действительно был отменный, поскольку поставлялся не откуда-нибудь, а из столицы, с Первого Московского ликеро-водочного завода...

За шутками военных Королев явно видел их неверие, разочарование, которое надо было переломить. Он должен был заставить их поверить в ракету. Королев яростно пресекает все подобные остроты и «пораженческие разговорчики». Падение авторитета ракетчиков он переживает как личное оскорбление. Становится еще суше, еще официальное, очень болезненно относится к любому действительному, а подчас и мнимому выражению неуважения к себе и своим товарищам. Всем запомнился, например, такой случай.

На стартовой позиции стоял «банкобус» – так называли автобус, в котором проводили совещания, обсуждали ход работ.

Непременно кто-нибудь был особенно красноречив, как говорили – «держал банк», отсюда и «банкобус». Однажды во время очередного обсуждения в присутствии Вознюка и других военных в «банкобус» заглянул молодой солдатик-дневальный и спросил сонным голосом:

– Королев, есть такой?

– Ну, я – Королев, – отозвался Сергей Павлович.

– Тебя к телефону...

Королев бросился на солдатика, схватил его за воротник шинели и, тряся, как куклу с болтающейся головой, страшно выкатив глаза, кричал ему в лицо:

– Я с тобой спирт пил, мать твою?!! Я с тобой в канаве валялся?!! Так какого же... ты мне тычешь?!! Я тебе кто?!!

Его еле удалось оттащить от насмерть перепуганного дневального...

Но и самый праведный гнев авторитета не вернет. Есть единственный способ: довести Р-1 до той степени совершенства, до какой позволяет сама конструкция. Любой отказ должен превратиться из рядового случая в чрезвычайное событие. Устинов требовал расследования причин неудач, но если бы он и не требовал, Королев сам учинил бы такое расследование. Воскресенский, Трегуб, Смирницкий работали, как «потные черти» (любимое выражение Алексея Михайловича Исаева), искали, отчего хлопки в двигателе, почему она не запускается. Люди Пилюгина во всем обвиняли двигателистов. Люди Глушко – управленцев. И те и другие приводили убедительные доказательства своей невиновности. Королев слушал их с мрачным выражением лица.

– Не рассказывайте мне о том, по каким причинам вы не виноваты, – говорил он. – Расскажите мне, по каким причинам она летать не хочет.

В конце концов выяснилось, что все дело в дрянных реле и разболтанных многоканальных штекерах[124].

– Надо, чтобы штекеры входили, как папа в маму, – объяснял Королев на стартовой площадке, используя сравнение, наиболее запоминающееся солдатам, живущим в безлюдной степи.

Искренне стремясь во всем разобраться как можно скорее, Королев, тем не менее, чрезвычайно болезненно относился к вмешательству других специалистов в свои дела и пресекал всякие попытки помочь ему. В будущем он не только не станет отказываться от помощи, но даже начнет настаивать на ней. Но сейчас ему нужно было доказать всем, что никто лучше его в ракетах не разбирается и нечего соваться в его дела.

Когда генерал Нестеренко – начальник НИИ-4 – предложил

поставить на ракету разработанные в его институте интеграторы боковых ускорений, чтобы увеличить точность, Королев взорвался:

– Как-нибудь мы обойдемся без подсказок! Зачем все это нужно? Я не допущу, чтобы на мою ракету ставили разное дерьмо!

И не допустил-таки! Сделал свои интеграторы.

На все проверки и доделки ушел год. В сентябре-октябре 1949 года второй серией пусков он доказывает, что ракета летает хорошо. После этих испытаний Р-1 принимают на вооружение – это была первая ракета Королева, принятая на вооружение.

Приятно, конечно. Признали. Но закономерно. Никакого чуда здесь нет, сплошная диалектика. Как учат в вечернем университете, количество перешло в качество. Надо приучить себя к тому, что и дальше так будет. Р-1 полетела хорошо, потому что должна была полететь хорошо. Сказать, что это веселит его, нельзя. Это все-таки не его машина, в ней нет его мыслей. Он не любит ее. Но он попытается именно на ней доказать нечто, важное для всех последующих машин...

Идея родилась еще в Германии, когда он, знакомясь с Фау-2, находил в ней разнообразные несуразицы и недодумки. Пилюгин и Рязанский с ним согласились: приборы управления полетом надо модернизировать. Не нужны эти мощные, тяжелые стабилизаторы. Королев понимал, что именно стабилизаторы заставляют ракету лететь головой вперед, даже если она никак не управляется. Но выигрыш в устойчивости не окупает проигрыша по весу, а значит – по дальности. Стабилизаторы нельзя облегчить: их несущие поверхности должны быть достаточно большими. Вдобавок стабилизаторы неравномерно распределяют аэродинамические нагрузки, появляется вредный изгибающий момент, который может поломать корпус, и его надо дополнительно усиливать – это опять лишний вес. Как избавиться от стабилизаторов? Ночами в своем вагоне они обсуждают с Пилюгиным эту проблему. Пилюгин жует язык, мычит, думает. Ясно одно: с той системой управления, которая стоит на Р-1, без стабилизаторов не обойтись. Надо делать принципиально новую систему.

– Сколько на это необходимо времени? – вот что больше всего заботит Королева.

– Трудно сказать, – Пилюгин, «стреляный воробей», авансов не дает, он еще в Германии узнал, какими авралами оборачивается королевское нетерпение. – Как дело пойдет... Постараемся не задержать...

Вопрос о стабилизаторах и новых принципах управления

Королев обсуждает в Москве на расширенном заседании ученого совета. Приглашены лучшие специалисты страны: Мстислав Всеволодович Келдыш из НИИ-1, Николай Дмитриевич Моисеев из МГУ, «небесный» механик Георгий Николаевич Дубошин и другие корифеи. Заседали очень долго, все уже устали, а конца спорам не было видно. Несколько разрядил атмосферу Дубошин, спасибо ему. Георгий Николаевич был очень маленького роста, почти карлик. Когда он встал на кафедру, видна была только одна голова, что уже вызвало оживление всех присутствующих. А когда тонким голоском Дубошин начал свое выступление словами: «Со своей колокольни я на это дело смотрю так...» – собрание почувствовало прилив новых сил...

В итоге всех обсуждений стало ясно, что со стабилизаторами расстаться можно и нужно, и Пилюгин всерьез занялся этой проблемой.

Но, кроме стабилизаторов, Королев видел еще один, значительно больший, выигрыш по весу конструкции, который сразу бросился ему в глаза в Германии, и он тогда еще удивлялся, как Браун мог этого не заметить. Примерно две трети всего объема Фау-2 занимали топливные баки[125].

Немцы делали отдельно корпус ракеты, отдельно баки и вставляли эти баки в корпус. Зачем? Почему нельзя совместить корпус ракеты с баками? Сразу огромный выигрыш по весу! Теплотехники утверждают, что бак жидкого кислорода совместить трудно: если не сделать на нем теплоизоляцию, кислород будет интенсивно испаряться. Браун пространство между баком и корпусом заполнял стеклянной ватой – мерзким материалом, вызывающим нестерпимый зуд, если сунешь в него руку. Как будет испаряться кислород в баке без ваты, надо еще посчитать и прикинуть, не выгоднее ли потерять на дозаправке, но выиграть несколько десятков километров по дальности. Но даже если не спорить с теплотехниками и признать, что на кислородном баке надо оставить стеклянную шубу, то что мешает ему сделать бак со спиртом несущим, черт подери?! Его будущая ракета должна избавиться от этой «классической», традиционной немецкой фундаментальности, когда делают так не потому, что так хорошо, а потому, что так все делали раньше. Его ракета будет изящной, тонкой, вся конструкция должна лежать где-то у самых границ устойчивости, которую гарантирует сопромат. Впрочем, сопромату надо еще научиться определять эти границы, – далеко не все ясно в том, как ведут себя тонкостенные оболочки под нагрузками. Нагрузки разные. Вот ракету собрали, и она лежит на установщике – здесь одна нагрузка, надо считать, чтобы не согнулась, не обломилась. Вот ее поставили

вертикально, заправили – и нагрузки совсем другие, надо считать, чтобы не лопнули баки, чтобы не смялся хвост, на котором ракета стоит. Наконец, пуск – и нагрузки сразу снова меняются. Однако самые большие испытания для ракеты впереди, когда она из стратосферы начнет входить в плотные слои воздуха. Самолет охватывала бешеная дрожь при переходе звукового барьера. Мстислав Келдыш в ЦАГИ сумел разобраться с этим таинственным явлением, погубившим немало летчиков. Ракета входит в атмосферу со скоростями, во много раз превосходящими скорость звука. Одно утешение, что ракета пока – аппарат беспилотный, но если она начнет разрушаться, не долетев до цели, – кому она нужна? А получается, что нагрузки на финише раз в десять больше, чем на старте. И вот из-за этих считанных секунд перенапряжения в жизни ракеты придется в несколько раз повышать прочность, утяжелять всю машину, а значит – сокращать ее дальность или уменьшать груз, который она способна поднять. А перспектива вообще мрачнейшая: чем больше дальность, тем выше летит ракета, с тем большей высоты она падает, а значит, тем быстрее начинает входить в атмосферу. Таким образом, с ростом дальности скоростной напор тоже растет и требует упрочнения, утяжеления конструкции. Иными словами, каждая прибавка по дальности будет стоить все дороже и дороже.

Расчеты входа в атмосферу «издевались» над Королевым. Они смеялись над ним, гримасничали, нагло выставляли наконец цифры, принуждающие его делать то, что он делать не хотел! Бумага шептала: «ничего не поделаешь, дорогой, неумолимые законы природы, так сказать... Их тебе Устинов не отменит... Как ни езди, не объедешь...»

Но он объехал! Ракета разрушается? Ну и пусть разрушается! А зачем она нужна? Она уже выполнила предназначенную ей задачу: доставила заряд к цели. Вот он, этот заряд, головная часть ракеты, не должен разрушиться. Он обязан выдержать любой воздушный напор, любой перегрев. Его надо отделить от ракеты. Он полетит к цели без нее. Отделяющаяся головная часть – принципиально новое решение Королева, не применявшееся раньше в ракетной технике.

Впервые Королев заговорил об отделяющейся головке сразу по возвращении из Германии – в марте 1947 года. Но придумать – это одно, а сделать – совсем другое. Сначала казалось, что ничего сложного тут нет: двигатель выключается, головка или отбрасывается пружиной, или отстреливается пиропатроном. Но оказалось, что все не так просто. Пока двигатель работает, головку отделить трудно: двигатель все время как бы подпирает к ней снизу корпус ракеты. Но и после выключения двигателя

отделять головку плохо: ракета уже неуправляема, и головка может отклониться от курса. Отделять надо точно в момент выключения двигателя. Но этого момента не существует! После отсечки топлива, догорание в камере продолжается, тяга стремительно уменьшается, но совсем исчезает лишь секунд через десять. Вычислить кривую падения давления в камере невозможно, потому что как эти топливные остатки догорают, толком никому не понятно, а если двигателисты и изобретут какую-нибудь хитрую методику расчета таких процессов, то это – для отчета, верить ей нельзя и все равно придется проверять в испытательных полетах.

И тут Королев придумал, как может ускорить работу над Р-2. Пока ее будут делать, он проведет опытные отстрелы головки на Р-1, и, когда начнутся испытания новой ракеты, все вопросы уже будут решены. В марте 1947 года Сергей Павлович сделал на ученом совете НИИ-88 доклад, в котором рассказал о преимуществах отделяющейся головки, и получил полную поддержку. Так появилась ракета Р-1А, – «единичка» с отделяющимся боевым зарядом – «аннушка», называли ее на полигоне, точно так, как называли московский трамвай, который ходил тогда по бульварному кольцу...

Итак, отделяющаяся головная часть нужна была Королеву для ракеты Р-2. Но быстро выяснилось, что в ее испытаниях очень заинтересованы физики и геофизики. С 1949 года начинается и уже до конца жизни не прекращается история контактов Сергея Павловича с наукой академической. Однако, как всякая серьезная история, она должна иметь предысторию.

Идея посылки ракеты с приборами для выяснения состава атмосферы восходит еще к Циолковскому, а конкретная реализация идеи – к тем временам, когда Королев делал в Ленинграде свой доклад на Всесоюзной конференции по изучению стратосферы – к весне 1934 года. Кроме Королева, на конференции об этом говорили Тихонравов, Ветчинкин, Иоффе. Полярный, Зуев и Корнеев в Москве, Штерн и Разумов в Ленинграде начали проектирование исследовательских ракет, но дело не пошло, застревало на стадии рабочих чертежей, если ракету и удавалось построить, откладывался пуск, а если пускали – результаты получали малоинтересные. Королев до войны этими ракетами не занимался.

В то время, когда он работал в казанской шараге, Физический институт Академии наук поставил вопрос о проектировании ракеты, способной поднять на высоту 40 километров приборы, измеряющие космическую радиацию. В апреле 1944 года под руководством Павла Ивановича Иванова, одного из ведущих

сотрудников лаборатории Тихонравова, такую ракету начали проектировать, а в июне проект уже был готов. В декабре в скромном кабинете Сергея Ивановича Вавилова в Физическом институте Академии наук Иванов рассказал о своем проекте. Ракета была пороховой, трехступенчатой и весила на старте 87 килограммов. На высоте 40 километров она вместе с приборами весила уже около 15 килограммов. Но если запускать ее в горах, где-нибудь на высоте около четырех километров, где воздух уже разрежен, она сможет подняться до 48 километров. Как потом выяснилось, ракета эта, названная «210», внешне была очень похожа на ракету «Рейнботе», но Павел Иванович немецкую ракету никогда не видел, и случай этот лишь подтверждает мысль о том, что совпадения технических решений возможны и объяснимы, а потому и обвинения в плагиате не всегда справедливы.

Вавилову ракета понравилась, и идея с горным пуском тоже. Решили построить десять ракет и пускать их на Памире. В июне 1946 года под Ленинградом Иванов запустил три ракеты с аппаратурой, которую сделал 36-летний профессор Сергей Николаевич Вернов со своими сотрудниками. У первой ракеты на старте взорвалась камера сгорания, вторая улетела куда-то вкривь, третья вроде бы хорошо начала набирать высоту, но, как показал локатор, на заданный потолок не вышла. Вернов был очень расстроен, когда докладывал Вавилову об этих результатах: аппаратуру побили и толком ничего не сделали. Ехать с такими результатами на Памир, строить где-то в горах десятиметровый пусковой станок, притом что никаких гарантий успеха нет, – все это показалось Вавилову несерьезным, и работу эту прикрыли.

Но Вернов, хоть и жалел о погубленных приборах, в ракеты верил. А может быть, и не верил, но понимал, что без ракет ему до стратосферы не добраться. И хотя полигон Капустин Яр и был невероятно секретным, стали доходить до Сергея Николаевича слухи, что где-то в заволжских степях будут пускать большие ракеты. Вернов пошел по следам слухов и вышел на Королева. Летом 1947 года Королев пригласил физиков к себе в Подлипки, водил по КБ, показывал образцы ракетной техники, которую вывезли из Германии, все подробно объяснял. Если Королев хотел завести с кем-нибудь прочные деловые связи, он часто начинал с таких экскурсий, старался произвести впечатление наглядной демонстрацией размаха своих работ, а потом уже приступал к переговорам.

Так было и на этот раз. Закончив экскурсию, Королев начал расспрашивать физиков об их планах. Сергей Павлович слушал очень внимательно, а когда они замолчали, спросил:

– Какой общий вес вашей аппаратуры?

У Вернова перехватило дыхание. Детекторы вместе с блоками усиления, формирования и кодирования сигналов, два передатчика и все кабельное хозяйство весили столько, что и подумать страшно. Вавилов радовался, когда Иванов обещал поднять ему на 40 километров 10 килограммов, а тут...

– Пятьсот килограммов, – с дрожью в голосе произнес Вернов.

Королев все понял. Сделал многозначительную паузу, чтобы Вернов осознал свое «безумие», и, наконец, произнес с улыбкой:

– Пятьсот килограммов это пустяки...

Это были совсем не пустяки, но какое же это наслаждение: быть сильным!

Не без труда с помощью Вавилова Вернов получил у Устинова разрешение установить свои приборы на двух Фау-2. Осенью 1947 года маленькая экспедиция физиков приехала на полигон Капустин Яр. Разместились в спецпоезде. У них была даже своя «академическая» землянка, в которой готовили к полету аппаратуру. Первый раз «академическая ракета» стартовала 2 ноября 1947 года и весьма успешно: сигналы с баллистической траектории были приняты, раскодированы и проанализированы.

Кстати, на полигоне Уайт-Сэндз Фау-2 еще раньше – в апреле-мае 1946 года – тоже были использованы в научных целях. Поскольку американцы привезли много ракет, план был составлен с размахом: предполагалось запустить 25 Фау, а стартовало 69, из которых только 32 более или менее выполнили программу полета.

Прошло меньше года после того, как в Кап.Яре отстреляли весь маленький запас трофейных Фау-2 и в МИКе появилась новенькая, «с иголочки», советская копия: Р-1. Уже на первых ее пусках в октябре 1948 года исследования космических лучей были продолжены в двух новых полетах. Круг интересов физиков расширялся, а теперь, узнав о проекте ракеты с отделяющейся головной частью, они пришли в полный восторг: можно было точно померить газовый состав и температуру верхних слоев атмосферы. Раньше это сделать было трудно, поскольку ракета своим газовым хвостом «пачкала» эксперимент. Военные относились к физикам со снисходительным скептицизмом: «Ну ладно, так и быть, ловите ваши космические лучи, занимайтесь всей этой ерундой, но только не мешайте, не путайтесь под ногами в наших делах государственной важности». Королев же вцепился в физиков мертвой хваткой. Данные, которые они могли получить, требовались ему, прежде всего для его собственной работы. Увеличивая дальность своих баллистических ракет, он увеличивал высоту их подъема и должен был знать, что делается

там, на этой высоте, каков состав газов, какая температура, есть ли ветер, а если есть, какой силы. Он должен знать, как распространяются там радиоволны, могут ли пройти они там через газовую струю двигателя и можно ли избежать прекращения радиосвязи при входе в плотные слои атмосферы. Все это ему понадобится завтра, а многое нужно уже сегодня. Кроме того, Королева очень радовали контакты с Академией наук сами по себе. Это придавало всей его работе большую солидность, серьезность. Он не просто конструктор-оруженец, он ученый. И если свои планы на завтра он связывал с армией, то сокровенные свои планы на послезавтра – с Академией наук. Честолюбию Королева льстило, что его работами интересуется сам президент!

В конце апреля 1949 года Сергей Павлович улетает на полигон для проведения первой серии пусков из шести «аннушек». Долетел очень быстро – за четыре часа: ветер был попутным. В Кап.Яре стояла чудесная погода, цвели тюльпаны и не было этой ужасной пыли. Он поселился вместе с Алексеем Яковлевичем Щербаковым, тем самым, который в феврале 1940 года помог подняться в воздух его РП-319, а теперь стал у Королева одним из ведущих испытателей. 1 мая они определили себе днем отдыха, загорали и даже купались в теплой старице, а на следующий день, уступая активному напору военных, устроили банкет. Собралось около дюжины представителей «элиты» Кап.Яра, включая трех девушек из НИИ-88, приглашенных для украшения мужского общества. «Народ пил и веселился от души, – писал Сергей Павлович Нине Ивановне, – танцевали до упаду и еле разошлись в 3 часа, а я скучал несусветно, пил чуть-чуть и без конца вспоминал тебя... Т.к. этот банкет устраивал „Главный“, т.е. я, то он влетел мне почти в тысячу рублей. И я все эти дни вел очень скромный образ жизни, т.к. сижу без денежек».

Но не из-за «денежек» не любил он подобных праздников. И когда другие приглашали, или совсем не ходил, или исчезал в самый разгар веселья. Он и после работы, когда все проходило хорошо и «сам бог повелел это дело отметить», находил предлог куда-нибудь улизнуть, а тем более до старта. Впереди были ответственные испытания, которые имели большое значение для всей последующей работы, какой уж тут спирт...

Первый старт Р-1А состоялся 7 мая. На следующий день Королев писал домой: «Вчера был наш первый концерт, прошедший с весьма большим успехом. Это очень приятно и, надеюсь, знаменует успешное осуществление в жизни одного из очень важных этапов нашей работы». Возбужденный, веселый Королев тут же требует самолет, летит в район цели, с воздуха

находит две воронки, уговаривает летчиков посадить Ли-2 как можно ближе к воронкам:

– Некогда бродить по степи, посмотрим и назад!

Ракета упала неподалеку от головки, воронка здоровенная – метров шесть глубиной. Болванку не нашли – ушла глубоко в песок.

– Не так надо делать, – говорил Королев. – Надо все-таки закладывать немного взрывчатки и дымовые шашки, сразу все будет ясно!

Более или менее успешно прошли еще три баллистических пуска, и пятую ракету решено было пустить вертикально с аппаратурой физиков. Старт был назначен на 4.40 утра – лучшее время для наблюдений: на земле еще сумерки, а взлетевшую ракету уже освещают лучи невидимого солнца. «Аннушка» поднялась на 110 километров, механизм отделения головной части сработал как надо, контейнеры разлетелись в разные стороны от ракеты, покидая «зону паразитных газов». Некоторое время контейнеры летели не включая аппаратуру – проветривались от остатков земного воздуха, наконец, начали работать, но в этот момент вдруг гораздо раньше запланированного времени раскрылись парашюты. Сумасшедший напор воздуха вмиг превратил и их в пучок рваных лент, и контейнеры понеслись к земле...

Королев был раздосадован, но утешал физиков:

– Первый блин обязан быть комом! Гораздо хуже, если бы это случилось на втором пуске. А сейчас у нас есть еще одна ракета, и все будет хорошо!

И действительно, когда через четыре дня запустили последнюю «аннушку», все удалось на славу. Целые и невредимые контейнеры благополучно приземлились.

Научные исследования проводились на «аннушках» в течение семи лет – ракета оказалось очень удобной. Начатые профессором Дзердзиевским, они с каждым годом привлекали все больше экспериментаторов, особенно молодежь. Капустин Яр стал стартовой площадкой для Ивана Хвостикова, Сергея Мандельштама, Лидии Курносовой, Татьяны Назаровой, Веры Михневич, Бориса Миртова, Александра Чудакова, Ивана Савенко и других талантливых молодых ученых. Очень много сделал для успеха этих работ в Геофизическом институте АН СССР талантливый, увы, рано умерший геофизик Григорий Александрович Гамбурцев, создавший ряд уникальных приборов для этих исследований. Разработкой научной аппаратуры для высотных стартов занимались также Государственный оптический институт, Физический институт им. П.Н. Лебедева,

Радиотехнический институт, Институт медико-биологических проблем, Летно-исследовательский институт и другие организации. Все ракеты, разработанные Королевым в 1947-1957 годах, непременно «демобилизовывались» для научной работы. Впрочем, «демобилизованная аннушка» называлась уже не Р-1А, а В-1А. Различные ее модификации, касающиеся «начинки» головной части, соответственно обозначались: В-1Б, В-1В, В-1Д, В-1Е.

Принятые после «единички» на вооружение ракеты Р-2, Р-5, Р-11 также имели много научных модификаций, не говоря уже о знаменитой Р-7, открывшей эпоху исследований в ближнем космосе. Запуски «академических» ракет продолжались и после первого спутника, и после Гагарина, и после смерти Королева. Они стали главным инструментом в работе тех, кто хочет разгадать все тайны великого воздушного океана, на дне которого мы живем.

С.П. Королев на полигоне Капустин Яр.
Сентябрь 1948 г.

Нам дарует радость не то, что нас окружает, а наше отношение к окружающему...

Франсуа де Ларошфуко

О ракетах Королева 1947-1957 годов известно гораздо больше, чем о его жизни. Впрочем, так и ставить вопрос нельзя, ибо его ракеты и были его жизнью, без ракет никакого Королева просто нет. И именно ракеты делят его жизнь на КБ и полигон. Бывали годы, когда он проводил в Кап.Яре больше времени, чем в Подлипках. Именно ракеты образуют своеобразный календарь этой жизни: это случилось тогда, когда испытывали «единичку», это произошло до сдачи на вооружение «пятерки»... Потом такими вехами станут спутники, космические корабли, межпланетные станции. Ракеты определяли, как видите, его бытие во всех измерениях – и в пространстве, и во времени.

Ну а если все-таки попытаться отделить его жизнь от ракеты?

Королева нельзя назвать человеком общительным. В его доме не часто собирались гости. А если собирались – довольно узкий круг, чаще всего родственники Нины Ивановны. Бурные, долгие, многолюдные застолья были не в обычаях этого дома. Поэтому считанные люди – в первую очередь жена, конечно, – могут рассказать, каким был Королев дома. Лучше известен его командировочный быт: он сам рассказывает о нем в письмах к Нине Ивановне. В Подлипках писем он, естественно, не пишет, иногда оставляет короткие, чисто информационные записочки: «пришел», «ушел», «пообедал», «буду звонить». Но и в них нет-нет да сверкнет подлинный Королев. «Я ушел на завод, но не работать, а просто походить и отдохнуть». Одна фраза, говорящая о человеке больше многих страниц.

До встречи с Ниной вел Сергей Павлович в Подлипках типично холостяцкий образ жизни. На втором этаже «директорского» дома на улице Карла Либкнехта[126] НИИ-88 выделил начальнику отдела № 3 однокомнатную квартирку с дровяной плитой на кухне и дровяной колонкой для ванны, которая помещалась тоже на кухне. Плиту эту топил он крайне редко, потому что некогда ему было возиться с ней, завтракал и ужинал чаще всего всухомятку, довольствуясь чайником на электроплитке, а обедал на работе. Обстановка этого холостяцкого дома была довольно убога хотя бы потому, что все

было в нем казенным: и стены, и мебель с жестяными инвентарными бирками, и даже постельное белье с непобедимыми кипятком черными штампами. Все украшение дома сводилось к двум вазочкам с полевыми цветами, которым он забывал менять воду, отчего вазочки изнутри зеленели, как поплавки гидросамолетов в Хлебной гавани… Королев и в прежние годы комфортом был не избалован. Потом тюрьма и временная, командировочная жизнь в Германии упорно отучали его придавать какое-либо значение условиям домашнего существования. Крыша над головой и подушка под головой есть, тепло, помыться, чай вскипятить можно – ну, что еще нужно?!

С появлением в доме Нины все изменилось. Холостяцкая квартира начала стремительно преображаться, неузнаваемо изменилась кухня, в ней теперь даже пахло по-другому. Кислый запах сохнущих осиновых поленьев был раз и навсегда забит ароматами борща, который готовился по рецепту Серафимы Ивановны, матери Нины – крупнейшей специалистки по этой части.

Дом свой Сергей Павлович любит, постоянно (опять-таки в письмах с полигона) о нем вспоминает – «наш милый дом», «нашу милую квартирку», он явно страдает от командировочного неуюта, хотя постоянно старается не замечать его.

Дом он любит, и жену любит, но идеальными их отношения, особенно на первых порах, не были, да и неизвестны мне семьи с идеальными отношениями. Есть такая запись 1953 года:

«Очень переживаю мое московское пребывание в этот раз. Конечно, если быть совсем откровенным, то все дело в Нине. Как страшно она нервничает и по совершенно непонятным мне причинам. Ее не оставляет ни на одну минуту какое-то беспокойство и чувство неуверенности в наших отношениях, в прочности нашей семьи».

Это чувство понятно и объяснимо. Оно нередко овладевает женщинами, которые хотят иметь детей и не имеют их. Нина Ивановна по многу месяцев в году одна. Насколько скрасил бы ребенок ее жизнь! Как же ей не нервничать?! Тем более что она знает, что и муж хочет ребенка. Конечно, ей было бы легче, если бы тогда она прочла продолжение его исповеди:

«Как это все неверно и ненужно. Моя родная маленькая девочка, если бы ты знала, как сильно и нежно я тебя люблю и как мучаюсь сам от всех этих волнений и твоих сомнений. Ты должна быть спокойной, уверенной и все будет хорошо… Вот совсем недавно зимой был такой хороший, спокойный период нашей жизни, ты была спокойна и так необычно приветлива, ласкова. Как хороши были эти дни».

Дела житейские, что мартовское небо: то солнечная синь, то вьюга, и Королев здесь, наверное, мало отличается от всех нас. Но есть в его сердце одна действительно незаживающая рана – дочь.

Ксения Максимилиановна уходом Королева была разгневана. Она не унизилась до писем в партком, да и не был Королев тогда членом партии, но отношения своего к бывшему мужу не скрывала, и понять ее можно. Наверное, она поторопилась все рассказать Наташе: ребенку в двенадцать лет трудно разобраться в мире человеческих привязанностей, в которых и сами взрослые разобраться не могут. Но дело было сделано: Наташа узнала об «измене отца». Она на мелкие клочки изорвала все его фотографии, которые нашла в доме, и заявила, что видеть его не хочет. Бабушка Мария Николаевна тоже посчитала, что так будет лучше. Королев предпринял было несколько попыток примирения с дочерью, столкнулся с резким, если не агрессивным, отказом и попытки оставил. Но ведь дочь! Родная кровь! Каково ему было. Страдал. Работа отвлекала, забывался, но вспоминал и страдал.

В день ее совершеннолетия он поздравил ее. Письмо его из Капустина Яра очень точно рассказывает и о нем самом, и о его отношении к дочери, и даже чуть-чуть об отношении дочери к нему и достойно того, чтобы привести его целиком, поскольку до сих пор оно во всех публикациях цитировалось с купюрами.

> «Наташа, через несколько дней наступает день твоего совершеннолетия, и ты по праву можешь считать себя взрослым человеком.
>
> От всего сердца приветствую тебя в этот день и желаю быть достойным гражданином нашей Великой Советской Родины.
>
> Несмотря на тяжелые испытания, которые мы все вынесли за минувшие годы, ни на один миг наша Родина не оставляла заботы о тебе. Как ни было трудно, но ты росла и училась, и жизнь для тебя была светлой[127].
>
> Помни об этом всегда и всегда люби наш народ и землю, на которой ты выросла.
>
> Этого я тебе желаю во всем и навсегда.
>
> Желаю тебе также радостного труда, хорошей учебы, а также счастья в твоей личной жизни.
>
> Я не сомневаюсь в твоих успехах в учебе и работе.
>
> Ты выбрала себе благородный путь в жизни[128], и я уверен, что ты окажешься достойной своего избрания.
>
> Личная жизнь – во многом в твоих руках, а хороших людей на свете много встретишь. Будет и большая любовь, и дружба – все это обязательно будет!

Я считаю неправильным, милая Наташа, твое поведение в отношении меня. Я прошу тебя подумать об этом хорошенько.

Я искренне и крепко тебя люблю, часто вспоминаю и очень хочу, чтобы ты снова со мною виделась и чтобы было сломано то отчуждение, которое создалось за последние годы. Ты теперь взрослая и сама многое понимаешь.

Сейчас я нахожусь очень далеко от тебя, но 10 апреля[129] знай, что буду тебя вспоминать здесь, в этой пустыне. Не забывай своего отца, который тебя очень любит, всегда помнит и никогда не позабудет.

Крепко, крепко тебя обнимаю и целую. Всегда твой друг,

Сергей».

Трудный, болезненный процесс ломки того отчуждения, о котором пишет Сергей Павлович, продолжался очень долго. В 1955 году Королев жалуется в письме к Нине Ивановне: «Хочу поделиться с тобой и о Наташе. Как обидно и горько мне, что она не хочет меня знать... Очень это мне грустно и тяжело вспоминать – все же ведь дочь родная. Я знаю, ты не любишь этих разговоров, но ведь мне не с кем об этом поговорить, кроме тебя. Даже с мамой не хочу, а то еще одно расстройство будет. Может, конечно, еще пройдет время, и она поймет все как надо?»

Василий Павлович Мишин рассказывал мне, как Королев звонил Наташе с Байконура, чтобы поздравить ее с днем рождения.

– Она бросала трубку, – насупясь, говорил Василий Павлович, – а он сидел и плакал...

За десять лет жизни Королева в Подлипках Наташа ни разу не была у него дома, хотя Нина Ивановна никогда этому не препятствовала. После переезда в Москву он некоторое время жил неподалеку от Театра Советской Армии[130] – была однажды, а в останкинский дом приезжала раза три за все годы. Королев не был приглашен на свадьбу дочери. В роковые дни января 1966 года она ни разу не навестила отца в кремлевской больнице накануне операции и даже в день его рождения, за два дня до смерти.

Конечно, время и житейский опыт притупляли остроту давнего конфликта. Говоря языком дипломатическим, нормализация отношений – дело медленное. Отец интересовал Наташу все больше и больше по мере того, как иногда случайно брошенные фразы приоткрывали покров тайны над его трудами:

сначала она догадывалась, а потом и узнала, что отец – один из самых крупных безымянных ученых страны. Она вспомнила, как однажды еще маленькой девочкой, лежа в постели, читала роман Жюля Верна «Из пушки на Луну», как отец подсел к ней и сказал:

– А ты не думай, что это фантазия. Вот увидишь, люди непременно побывают на Луне, и это случится очень скоро...

И теперь она начинала понимать, что он тогда говорил ей правду...

Надо признать, что после смерти Сергея Павловича Наталья Сергеевна, доктор медицинских наук, лауреат Государственной премии СССР, сделала очень много для пропаганды жизни и трудов своего замечательного отца.

Но с площадей, на которых открывали памятники Королеву, из аудиторий, где проходили многочисленные научные «Королевские чтения», нам пора вернуться в прошлое, на улицу Карла Либкнехта в городе Калининграде. До останкинского особняка было еще далеко, а пока его квартира – одна комната. Однако, исследуя свое жилище, Сергей Павлович обнаружил, что некогда оно состояло из двух комнат, но одну из них «прирезали» к соседям. Королев сумел вновь ее «отрезать» и уже готовился с Ниной расположиться в этаком неслыханном просторе, но не заладилось: надо было выручать Юру Победоносцева.

Если бы мне предложили назвать фамилии друзей Сергея Павловича, я бы надолго задумался. А может быть, в конце концов, так бы никого и не назвал. Но нельзя не признать, что в круг самых близких ему людей входил Юрий Александрович Победоносцев. Эта фамилия то появляется в книге, то исчезает, потом снова появляется. Он всегда где-то близко.

Юрий Александрович Победоносцев был коренным москвичом, как и его родители. Отец окончил МГУ, преподавал физику. В голодный 1921 год семья спасалась в Полтаве, а Юра, которому было 14 лет, уже работал на мельнице под Херсоном, пас коров, короче, был уже самостоятельным человеком. В Полтаву поехал доучиваться, но и там самостоятельность не утерял – дежурил у дизеля на городской электростанции, был подручным механика в авторемонтных мастерских. Когда Королев чертил в Одессе свой планер, Победоносцев в Полтаве чертил свой. Они были ровесниками, и биографии их сходны до деталей, но сначала Победоносцев все время, выражаясь спортивным языком, на полкорпуса впереди: его планер летал на вторых Всесоюзных планерных состязаниях в Коктебеле в 1924 году, а планер Королева только в 1929-м. И легкий самолетик, авиетку, спроектировал он тоже раньше Королева и повез в Москву на суд профессора Ветчинкина. Владимир Петрович внимательно

посмотрел расчеты, чертежи и еще более внимательно разглядывал автора проекта: парень без образования спроектировал хорошую машину. Ветчинкин предложил Победоносцеву остаться в ЦАГИ. Юрий радостно согласился. Он работает чертежником, механиком-лаборантом, одновременно учится в МВТУ на том же факультете, что и Королев, но курсом ниже. Готовит испытательные полеты и летает сам. Летать его учил Огородников. Однажды они полетели вместе на Р-5, вошли в «штопор», а выйти никак не могли.

– Выбрасывайся! – крикнул Огородников.

Юрий энергично замотал головой: ни за что!

– Выбрасывайся! Центровка изменится!!

Он выбросился, а Огородников разбился. Несколько дней Победоносцев не мог говорить, есть, пить, спать...

Он дружил с Юрой Станкевичем. Юра тоже разбился.

Станкевич был женихом Тоси. Когда Александр Васильевич Чесалов, руководивший секцией летных испытаний, впервые увидел ее на аэродроме, он спросил:

– А это кто такая?

– Младший техник Савицкая.

– А детскую коляску для нее вы привезли?

Первый раз она полетела с Николаем Елагиным, тем самым, который угробил гигант «Максим Горький»[131], и очень быстро отлично научилась летать. Это очаровательное существо влюбило в себя весь аэродром. И Юру Победоносцева тоже...

Кончал он уже не МВТУ, а отпочковавшийся от него МАИ (см. главу 12) и сразу был переведен на должность старшего инженера ЦАГИ. Пожалуй, лучшей его работой в ЦАГИ, за которую он получил благодарность замнаркома и денежную премию, была разработка приспособления, облегчающего выход самолета из «штопора».

А потом он пришел в ГИРД. Пути Победоносцева и Королева, так долго идущие рядом, пересеклись, наконец. С тех пор они рядом многие годы, с перерывом на тюрьму – Победоносцев чудом избежал ее, работали в Германии, в Подлипках, в Кап.Яре, хотя общих работ у них практически не было. Королев занимался жидкостными ракетами, ракетопланами, Победосноцев – пороховыми снарядами, изучением сверхзвуковых скоростей, прямоточными двигателями. Разные заботы не мешали быть единомышленниками в главном: в отношении к жизни, к труду, к людям. Они об этом редко говорили, но знали, что это – так...

В 1935 году Тося Савицкая попала под машину. Тяжелый перелом обеих ног. В ЦАГИ она не вернулась: костыли, летать нельзя. Вышла замуж за кинорежиссера. Победоносцев тоже

женился. Дочка родилась, но жизнь была невыносимой: жена его – славная добрая женщина, тоже работавшая в ГИРД, с годами все глубже уходила в неизлечимый алкоголизм. Сама страдала ужасно, и все вокруг мучались. Юрий Александрович случайно встретил Тосю в Севастополе и понял, что любит ее. Он и раньше ее любил, но не понимал этого. И вот однажды он посадил Тосю в машину и сказал:

– Поедешь со мной. Больше тебе там, – он кивнул на окна, – делать нечего.

Так Антонина Алексеевна стала женой Юрия Александровича. Победоносцев без конца то улетал в Германию, то прилетал из Германии, а когда окончательно вернулся в Подлипки и стал главным инженером НИИ-88, оказалось, что поселить его негде и единственное спасение – вторая комната Королева. И вот они опять оказались вместе: Королев и Победоносцев. Теперь вместе шли на работу, а то и с работы, вместе уезжали на полигон и, как помните, даже письма своим женам писали тоже вместе...

Я был знаком с Юрием Александровичем, знал Антонину Алексеевну, бывал в их доме и, глядя из окна на веселый хоровод маленьких конькобежцев, кружащихся по Патриаршему пруду, говорил им: «Какие вы счастливые люди! Когда я умру, в завещании напишу, чтобы на вашем доме установили мне мемориальную доску: „В этом доме всю свою жизнь мечтал жить и работать...“» Юрий Александрович смеялся... Это был очень мягкий, чуть ироничный человек, весьма скептически относящийся к признанным авторитетам, но никогда этим не бравирующий и вообще лишенный всякого самомнения. Он подробно и откровенно рассказывал мне об РНИИ, о жизни в Германии и суровых днях Кап.Яра. Мне было приятно, что в отличие от многих других моих собеседников он никогда даже не намекал на особо доверительные, дружеские отношения с Сергеем Павловичем. Потом, прочитав несколько писем Королева к Победоносцеву, я понял, что он имел на это право.

Последний раз встретились мы в холле гостиницы накануне открытия XXIV Международного астронавтического конгресса в октябре 1973 года, на котором Победоносцев должен был делать доклад по истории РНИИ. Он только что прилетел из осенней Москвы в солнечный Баку, сидел в толстом драповом пальто, распаренный, но веселый. Мы сговорились увидеться. В день открытия конгресса я опаздывал в зал, быстро шел по уже опустевшему фойе, когда услышал:

– Человеку плохо, врача, врача скорее.

Юрий Александрович лежал у стены на мягкой лавке с

закрытыми глазами. Вокруг суетилось много людей, прибежали «космические» эскулапы из Института медико-биологических проблем, очень скоро появились санитары с носилками и Юрия Александровича увезли. Так он умер.

После его смерти в бумагах нашли записку: «Когда будут со мною прощаться в крематории или на кладбище, хочу, чтобы исполнялся вальс цветов из „Щелкунчика“, но только не печальные реквиемы. Особенно я не люблю похоронные марши».

Эхо характера, вдруг прозвучавшее…

В то время Нина Ивановна не была еще законной женой Сергея Павловича. Поначалу они оба убеждали друг друга, как важно оставаться людьми свободными, не зависеть друг от друга, убеждали горячо, очевидно, потому, что оба в это не очень верили. Вернувшись с полигона в благодушном настроении после первых удачных пусков, Королев сказал Нине:

– Я передумал, мы поженимся!

А я своего решения не изменила! – с улыбкой ответила она.

Он очень смутился:

– Как же так? Ты подумай…

– Непременно подумаю…

Вскоре после Нового 1948 года Королев берет отпуск, и они впервые уезжают вместе в Кисловодск, в санаторий имени С.Орджоникидзе, а оттуда – на Кавказ: Сочи, Сухуми, Хоста, поездка в Самшитовую рощу – это было их запоздалое «свадебное путешествие». 7 февраля Королев писал Победоносцеву из Сочи:

> «Дорогие Тосенька и Юра, шлем вам привет из Сочи, куда приехали вчера. Наш кисловодский сезон окончился очень удачно, время провели прекрасно, жили в чудесном дворце-санатории и не раз теплым словом вспоминали Льва Робертовича[132] за его хлопоты с путевкой. Остаток нашего отпуска решили провести здесь на побережье. Вчера здесь было пасмурно, шел дождь, а сегодня ясный, теплый, солнечный день, как почти все последнее время. Несмотря на дождь, мы вчера целый день ходили по Сочи, любуясь этим чудесным городом. Завтра думаем двинуться дальше: Гагры, Сухуми, а там видно будет».

Королев отдыхать не умел, как правило, тяготился отдыхом, без конца звонил в КБ, а главное – голову не отключал, думал о работе. Казалось бы тогда, зимой 48-го, мог позабыть о своих ракетах. И действительно, он пишет: «Признаюсь, что очень не хочется возвращаться в Москву». Но тут же поправляется: «Впрочем, за последние дни мысли о работе все чаще и чаще

появляются у нас обоих. По-видимому, мы уже основательно отдохнули».

«Вас обоих, – продолжает Королев, – вспоминали не раз. Очень интересуемся здоровьем Тосеньки и „грядущими событиями“. Шлем вам обоим и Тосеньке особо сердечные пожелания здоровья, счастья и успехов, а самое главное – хороших сынульку и дочурку.

Мы решили возвратиться примерно в районе 20/II. Еще раз привет. Нина. Сергей».

«Грядущие события» – предстоящие Антонине Алексеевне роды. Вскоре после возвращения Королевых с юга – 1 апреля 1948 года – у Победоносцевых родился сын Алеша. Королев завидовал Юрию Александровичу. Ему очень хотелось, чтобы Нина Ивановна родила ему сына или дочь. Однако не получалось. В конце 40-х – начале 50-х годов он беспрестанно показывает жену разным медицинским светилам в Москве, Одессе и по их рекомендациям отправляет ее на лечение в Евпаторию, Саки. В его письмах к Нине Ивановне из Кап.Яра тех лет неназойливо, но часто прослеживается эта тема: «Поедем с тобой, моя родная, вместе отдыхать к морю, либо в горы, и ты там отдохнешь, успокоишься и наберешься сил – для меня и для сына». «Очень хочу, чтобы ты хорошо отдохнула и полечилась. Во имя сынули, дочи и нас с тобой». В письме в евпаторийский санаторий «Чайка» Королев пишет: «Меня очень тронуло твое горячее желание лечиться».

Постепенно, очевидно, понимая, что лечение, увы, результата не дает, он оставляет эту тему в своих письмах, знает, что не меньше, а куда больше его страдает она, и только в 1953 году промелькнуло: «Еще один вопрос очень мучает тебя и меня, конечно. Но я твердо уверен, что сынуля у нас все же будет...»

Когда у Победоносцева родилась дочь, Королев говорил полушутливо Антонине Алексеевне:

– Отдай мне Леночку. Я ее на машине буду в английскую школу возить...

– Вот потому и нельзя ее отдавать, что вы ее будете на машинах возить, – с улыбкой отвечала Тося.

Письма Королева с полигона проникнуты любовью, нежностью и вниманием к жене. Чувствуется, что в отсутствие Нины он какой-то неприкаянный, допоздна, когда все уже разошлись, сидит на работе. В гости не ходит и к себе никого не зовет. Однажды ездил в министерство, освободился часов в шесть и оказался в непривычном для себя состоянии праздного столичного жителя. Подумал о кино, о театре, не прельстился. Забрался на пятнадцатый этаж гостиницы «Москва» в ресторан. За

столиком с ним сидела пожилая супружеская пара. Кинорежиссер Иванов-Барков с женой. За многие годы работы в кино переживал он первый большой успех: недавно вышел его фильм «Далекая невеста», пожалованный Сталинской премией. Говорили о фильме, не о ракетах же говорить... Королев запомнил этот, в принципе, малозначительный эпизод своей жизни, потому что в течение очень короткого времени он соприкоснулся с людьми из другого мира, совершенно ему неизвестного, со своими страстями, трудами, интригами. Они были для него словно инопланетяне, потому что на его маленькой планете ракеты не оставляли места ни для чего другого.

Ему хотелось сделать что-нибудь приятное для жены и вообще проявить себя хозяином дома, и он затевает ремонт квартиры. В письмах в санаторий докладывает Нине Ивановне об успехах в этом деле, которое было для него, очевидно, более сложным, чем испытания баллистических ракет. Теперь уже самому ему хочется «свить гнездо», обустроиться, начать новую жизнь. Заниматься всем этим ему некогда: в НИИ до глубокого вечера, не говоря уже о полетах в Кап.Яр. Весной 49-го он простудился, лежит дома с воспалением легких, до этого, в апреле, Нину оперируют в МОНИКИ[133], удаляют миндалины. Короче, переживает то самое, что все мы называем «тяжелая полоса». Вдобавок ко всему, начатый в июне бракоразводный процесс с Ксенией Максимилиановной затягивается: развод она ему не дает. Это очень его нервирует. Надо искать юристов, все им объяснять, это крайне неприятно, требует много денег[134], которых у него мало, а главное, времени, которого у него еще меньше. Лишь 26 августа 1949 года получает он документы о расторжении брака с Ксенией Максимилиановной Винцентини. Через четыре дня – 1 сентября 1949 года во время обеденного перерыва Сергей Павлович Королев регистрирует брак с Ниной Ивановной Ермолаевой. 4 сентября Королев был уже в Кап.Яре.

Капустин Яр был полигоном для испытаний ракет, но в неменьшей степени и для испытаний людей. Если учитывать интересы хлебопашцев, наверное, правильно, что ракетчикам отдали эти бросовые солончаковые степи, но если говорить об интересах самих ракетчиков, то надо признать, что жить здесь было неимоверно трудно. Постоянно, из года в год, в своих письмах к Нине Ивановне Королев рисует безотрадную картину полигона. Уже в самом первом своем письме он пишет: «Внешние условия очень тяжелые. Пыль ужасная, жара днем, холод ночью, нехватка воды и эта унылая солончаковая степь кругом. Наше подвижное жилище[135] просто как оазис.

Но бывать в нем приходится мало». «Что касаемо пустыни, –

пишет Королев в другом письме, – то это действительно пустыня, забытое Богом местечко на Земле, и человек, находясь в ней, чувствует себя одинокой песчинкой... Это пренеприятное место с резко выраженным континентальным климатом... Погода здесь довольно странная: страшная жара неожиданно сменяется резким похолоданием. Два раза были дожди и пыльная буря. Вообще очень ветрено и пыльно... Исключительно изнуряюще действует жара, доходящая до 45-50° на солнце. Мне порекомендовали пить особые капли три раза в день, что я и делаю. Утром натощак пью глюкозу. Все это – для укрепления деятельности сердца и поднятия его силы... Ночью 32° тепла, а днем однажды в тени было 43°! Я немного подгорел, хотя очень берегусь от солнца. Большое тебе спасибо за шляпы, № 58 мне подошел точно по размеру... Хожу в парусине и чувствую себя в ней отлично». Королев с усмешкой говорил Меньшикову: «Мы как котлеты на сковородке: один бок пригорит, сразу переворачиваемся». Жара заставляет его менять режим работы: днем старается быть в вагоне, ночью уезжает на стартовые площадки. Перед работой он иногда вместе с Рязанским, Мишиным или с кем-нибудь из военных ездил купаться на Ахтубу. Но и это не помогало: «Эффект купания пропадает в течение 30 минут из-за жары...»

Когда представишь себе всю эту жизнь, как-то совсем по-другому звучит трогательная просьба, с которой обращается он к жене, живущей в Крыму: «Захвати с собой немножко моего любимого теплого моря...»

Королев прошел испытания Кап.Яром во все времена года: весной (1948-49 гг.), летом (1951-52 гг.), осенью (1947-49 гг.), зимой (1950 г., 1953 г.). Пыль сменялась метелью, метель пылью, а кормили всегда плохо. Если даже Королев, видит бог, человек не избалованный, прошедший школу тюрем, лагерей и голодных шараг военной поры, жалуется на полигонный рацион, значит, дело совсем труба.

«Пользуюсь случаем сказать, – пишет он домой, – что с питанием здесь стало необычайно плохо. Так все скудно и невкусно. Я прямо страдаю после нашего домашнего стола. Мяса я совсем не могу здесь есть. Молочных продуктов здесь почти нет. Иногда бывает свежая рыба и яйца, чем мы и спасаемся... На мясо я буквально не могу смотреть и с отвращением прикасаюсь ко всем этим блюдам – твердым и жидким... Один раз достали творог, но соленый и старый».

Генерал Меньшиков вспоминал:

– Когда работали ночью, на старт привозили кашу. Черт их знает, из чего ее варили, сущее мыло... Нина Ивановна постоянно организует продовольственные посылки на полигон, но воду-то

не пошлешь, и питьевая вода вырастает в постоянную «неразрешимую» проблему. «Вода здесь только „Ижевская“ и притом горькая, газ весь выдохся, – пишет Королев. – А простая вода – только хлорированная, не могу ее пить совершенно!»

Иногда он просит прислать ему пива, «если можно достать бутылочек 10», или, «если будет можно, передай мне сухого красного или белого винца. Здесь нет ничего, а водку я не пью, и какой-нибудь кексик. Тут абсолютно нет ничего сладкого, острого и соленого».

«Сухой закон», провозглашенный на полигоне, был совершеннейшей фикцией, поскольку в деле были сотни тонн отличного спирта. Учуяв перегар, маршал Яковлев наказывал беспощадно, выговаривал Вознюку со всей строгостью: «У тебя пьют, и я требую, чтобы этому был положен конец!» Вознюк мог наказать офицера, а как солдата накажешь? Посадить на «губу»? Так после пекла стартовой площадки это ему поощрением обернется. Цистерны со спиртом были на пломбах, но как ни был хитер генерал Вознюк, солдат был хитрее его. При различных заливках-переливках поднаторевшие в этом деле стартовики могли так положить шланг, что в нем всегда оставалось полведра «огненной жидкости».

Забегая вперед, скажу, что борьба со спиртоносцами продолжалась и на Байконуре. Некоторые детали и трубопроводы требовалось обезжиривать, а для этого их промывали спиртом, который после такой операции требовалось выливать, но его, естественно, не выливали – и то сказать, продукт был чист как слеза. Наконец, разгневанное начальство поручило офицерам лично контролировать уничтожение спирта. И офицеры сопровождали солдата, который на их глазах выливал ведро спирта в песок неоглядной пустыни. Однако и после такого контроля личный состав продолжал попахивать. Проблема долго не поддавалась решению, пока один из офицеров не провалился ногой в ведро, закопанное в пустыне и прикрытое чистой портянкой, присыпанной песком, в которое на его глазах и выливали спирт.

В общем, кто хотел выпить на полигоне, тот такую возможность изыскивал. Василий Иванович Вознюк вспоминал, что Королев на протяжении всех лет работы в Кап.Яре (то же было и в Тюратаме) оставался последовательным и убежденным противником всевозможных банкетов, дружеских застолий, всегда протестовал, когда начинались намеки, что победу надо бы «обмыть», а неудачу «утопить в вине».

– Вот вы просите меня рассказать о Королеве, – говорил мне Василий Иванович. – Но я могу вспомнить его только на

стартовой площадке, в МИКе, в штабном вагоне на совещаниях Госкомиссии. Я не помню его нигде, кроме работы. Он не ездил на рыбалку, не играл в карты, не приходил на вечеринки. Очень редко нам привозили кино. Вот в кино он иногда ходил. Помню, ему нравилась кинокомедия «Первая перчатка». Но я потому и запомнил этот фильм, что кино было большой редкостью. Еще, правда, помню, привезли французский фильм «Фанфан-Тюльпан».

Когда Жерар Филипп опрокидывал там в стог сена девчонку, генерал Пырский кричал солдату-киномеханику:

– Останови!

А солдатик тоненьким таким голоском ему в ответ:

– Не могу, товарищ генерал, пленка загорится...

Все очень смеялись...

Самыми любимыми были три фильма: французская комедия «Скандал в Клошмерле», «Мост Ватерлоо» с Вивьен Ли и «Возраст любви» с Лолитой Торрес. Королеву нравилась аргентинка. Глушко морщился:

– Вы все ничего не понимаете. Это драная кошка. Вот Вивьен Ли – это женщина!

Кино стало маленькой отдушиной в их убогой, голодной жизни, переполненной изнурительной многодневной, многонедельной, многомесячной работой. Не надо забывать, что Королев принадлежал к высшим представителям полигонной «элиты», и условия его жизни демонстрируют вершины местного комфорта. Трудно даже представить себе, каково же приходилось солдатам, младшим офицерам, рядовым инженерам из НИИ-88 и смежных организаций. Ветеран Кап.Яра бывший начальник электроогневого отделения стартовой батареи, т.е. тот самый человек, который ракету «подпаливал», позднее подполковник-инженер Александр Александрович Лапин писал мне: «Когда я первый раз отказался от соленой воды и хотел потерпеть до привоза пресной, один мой знакомый, бывший фронтовик, сказал: „Значит, ты никогда не пил коровьей мочи...“ Жара около пятидесяти градусов, около сорока – в тени. Но на стартовой площадке в тень не спрячешься, надо работать. Площадка бетонная, оборудование и ракеты – металлические. Стоишь возле ракеты, а пот течет со всего тела прямо в сапоги. Это уж потом будут специальные береты, костюмы, рубашки „апаш“. А тогда – гимнастерки и кители под ремень и портупею, фуражка. Ботинок еще не было. Гимнастерки выгорали, гнили от пота, особенно на плечах и под ремнями. Отрезали полосы снизу, латали верх... Автомашину с водой мы замечали километров за восемь-десять: степной мираж – дорога как бы поднималась у горизонта, и машина с водой „летела“ по воздуху! Мы узнавали ее по силуэту,

как распознают самолеты... Жили в палатках. До них нельзя было дотронуться рукой. До сих пор удивляюсь, как они не возгорались. А внутри – настоящая баня, духота. Уснуть удавалось только под утро и то после того, как натянешь мокрую простынку на обе спинки кровати. Получалось что-то вроде миниатюрной палатки с влажным микроклиматом. В поселок ездили по субботам. В одной избе без перегородок и делений на комнаты жили 2-3 офицера, хозяин с хозяйкой и их дети. Два офицера на одной узкой кровати – явление очень частое. Даже генерал Тверецкий жил почти в тех же условиях со своей семьей».

Трудно сказать, когда им было легче: летом или зимой. Амундсен говорил, что человек ко всему может привыкнуть, но к холоду он привыкнуть не может, а Амундсен в этом кое-что понимал. Кап.Яровская стужа столь же жестока, как и Кап.Яровская жара. «На днях работали при – 32˚, и выше – 20˚ на солнце температура не поднималась, – пишет Сергей Павлович Нине Ивановне. – При этом еще и ветерок. Должен сказать, что переносить такой „режим“ было для меня (да и для всех) довольно трудным делом. Я даже вспомнил свое пребывание на Чукотке – как ты знаешь, это довольно грустные воспоминания[136]. Нормально же у нас -12˚? -15˚ и немного снега, а ветры – все время».

Королев мог прийти на стартовую позицию, а мог и не приходить. Даже если пришел, мог уйти, когда захотел. А каково стартовой команде? От сырости и холода шинели превращались в ледяные доспехи. «Приходим поздно вечером в жилую комнату, – пишет Лапин, – и изощряемся: кто лучше поставит свою шинель. Правдоподобнее всех получалось у зам. комбата по технической части капитана Трофимова Ивана Михайловича, человека с юмором и фантазией».

Бураны заносили снегом аппарели с оборудованием так, что невозможно было отыскать агрегаты. Находили какой-то один и, ориентируясь на него, откапывали другие. Пурга тут же все снова покрывала глубоким снегом.

И все-таки Лапин считает, что не им, а как раз начальству в те годы было труднее. «Королев и Неделин вместе с другими генералами и конструкторами отдельных систем находились непосредственно на стартовой площадке, терпели жару, пыльные степные ветры, безводье наряду со всеми, – пишет Александр Александрович. – Но нам было легче. Мы были молоды и лучше переносили тяготы климатических условий. А на них дополнительно лежал огромный груз ответственности. Мы часто слышали их озабоченные разговоры. Уж поверьте, разговор высокого начальства от рядового работника не ускользает... Да

что говорить! Мы были единым коллективом при всей разнице в званиях и положении, при всей строгости соблюдения субординации. Трудное было время. Но тем оно и дорого для нас...»

Из очень большого и откровенного письма Лапина врезалась в сознание строчка: «Одна маленькая деталь: мы отдавали Сергею Павловичу воинскую честь. Мы считали его самым главным генералом в ракетном деле».

Летом 1949 года «самый главный генерал в ракетном деле» был награжден[137] медалью «В память 800-летия Москвы».

Как тут не вспомнить, например, другого генерала – Семена Михайловича Буденного, получившего третью Золотую Звезду Героя (!) Советского Союза только за то, что сумел прожить 85 лет, что было, надо полагать, не столь уж и трудно, поскольку большую часть этого времени провел он в зимнем тепле и летней прохладе довольно безответственного времяпрепровождения, питаясь разносолами, о существовании которых даже не подозревали на полигоне Капустин Яр.

С.П.Королев с женой Ниной Ивановной

Наташа Королева.
Апрель 1958 г.

Группа ракетчиков на полигоне. Предположительно 1947-1948 гг.

Со слов Пилюгина слева направо: И.Л.Гинзбург, Б.Е.Черток, Н.А.Пилюгин, Л.А.Воскресенский, Н.Н. Смирницкий, Я.И.Трегуб

47

Делали одно,
А получалось
Неизменно что-нибудь другое,
Но и этим дело не кончалось...

Леонид Мартынов

Королев приехал со старта поздно ночью. Впрочем, правильнее было бы написать – очень рано утром, но в октябре светает поздно, еще стояла глухая темень, черная и тяжелая, как намокший колымский бушлат. Лицо его было красным от холодного ветра и мокрым от дождя. Нашел щепку и долго срезал с сапог желтую липкую грязь. Лампочки в вагоне горели в полнакала. «Не забыть завтра устроить нагоняй лейтенанту Полякову, начальнику электростанции. Нормальный свет должен быть круглосуточно». Помыл сапоги и поставил подсушить рядом с горячей трубой. В теплых домашних тапочках сразу почувствовал себя свободным и усталым. Ни одного огонька не светилось за окном, и трудно было поверить, что такая ночь когда-нибудь может кончиться. Но она кончится и, увы, скоро. Ложиться нет смысла: часа через три за ним зайдет Мишин, и они поедут на старт. На секунду вспомнил, что не ел целый день, но на кухне сейчас никого нет и нечего об этом думать. Достал листок бумаги и сел писать Нине письмо.

«Моя родная, любимая девочка, – писал Сергей Павлович, – не знаю, как даже определить наше теперешнее состояние и положение: почти все окончено и, если бы все шло гладко, то мы уже были бы дома. Но судьба над нами подсмеивается и дает нам новые уроки жизненного опыта (кстати сказать, очень справедливые!)...»

Письмо большое. Пишет, что соскучился, что думает о ней и ждет писем, что встреча уже близка. А потом вдруг как бы совсем не из письма мужа к жене неожиданное, но, очевидно, переполнявшее его, волновавшее:

«Оглядываясь назад сейчас, можно только с некоторым удивлением остановиться перед размерами и содержанием совершенного.

Однако, как и всегда, жизнь наша и, как ты знаешь, моя особенно, не может строиться на минувшем. Новые задачи впереди, грандиозные и увлекательные, как сама фантазия. Много новых планов и надежд – хватило бы только сил и лет

жизни, чтобы их воплотить во славу нашей великой Родины».

Дождь барабанил по крыше вагона неровно, набегал волнами, сам себя перебивая, а ветер был так силен, что капли в окне, мелко дрожа, бежали в разные стороны, как на ветровом стекле автомобиля...

Письмо это Сергей Павлович писал накануне последнего пуска второй серии «единичек». В те же холодные сырые дни начинал он испытания первых Р-2Э – экспериментальных «двоек». Это была уже не копия машины Брауна, а первая баллистическая ракета Королева. Дело не только в несущем баке. Критически пересмотрены применяемые до этого материалы. Везде, где возможно, сталь заменили алюминиевыми сплавами. Незаправленная топливом машина оказалась всего на 350 килограммов тяжелее «единички», но вдвое превосходила ее по дальности. Глушко удалось снизить вес двигателя на пятнадцать килограммов, при этом повысив тягу на семь тонн. Результаты чрезвычайно обнадеживающие! Именно тогда пишет Королев в письме к Нине Ивановне эту фразу, ставшую почти хрестоматийной, звучавшую с киноэкранов и цитируемую всеми его биографами. Фраза действительно интересная не по смыслу, в ней заключенному, а по форме выражения, по тому пафосу, который отражает невероятно боевой, наступательный дух Королева того времени. Это не просто красивые слова, которые просятся на кумач, – у него действительно «много новых планов и надежд». В 1949 году под руководством Королева выполняется большая комплексная работа – «Исследование условий работы РДД[138], их агрегатов и аппаратуры в полете», в которой суммируется уже приобретенный опыт для дальнейшего движения вперед.

Впрочем, опыта еще мало. Он постоянно сталкивается с новыми явлениями, о существовании которых и не подозревал. Так случилось с «двойкой», когда осенью 1950 года постоянные отказы, главным образом, из-за нарушения герметичности, растянули ее испытания на три месяца. А началось все со вполне благополучного пуска, поздравлений, радостных звонков Ветошкина – он был председателем Государственной комиссии – Устинову, бодрых докладов Устинова Сталину. А потом поехало... «Наши дела идут не совсем так, как хотелось бы... – пишет Сергей Павлович Нине Ивановне в ноябре 1950 года. – Я не теряю надежды справиться со всеми затруднениями, хотя окончательные решения по целому ряду вопросов еще неясны и, как ты это иногда наблюдала, не поддаются разрешению, несмотря на много сил и времени, затрачиваемых для этого. Видимо, наши новые задачи так сложны и огромны по своим

масштабам, что просто иногда сразу, без обдумывания в течение значительного времени, трудно все понять и осмыслить». Через две недели: «Еще никогда за все годы я не был в таком трудном положении. Понемногу выбираемся на дорогу, но впереди еще несколько очень крутых ступеней».

Каждая новая машина – это не только новая конструкция, если бы так, насколько легче было бы жить. Это новые штатные единицы, новые производственные мощности, новые стартовые комплексы, новые системы слежения и контроля в полете, новые смежники, которых надо было найти, договориться с ними, обратить их «в свою веру». На ракету Р-2 работали уже 24 научно-исследовательских института и 90 промышленных предприятий. Если бы только ракеты становились больше – больше становилось все хозяйство, все росло очень быстро и сразу во всех направлениях – в те годы к Королеву применима модель расширяющейся вселенной.

Но процесс не был стихийным, он сознательно направлялся Сергеем Павловичем. Большинство людей энергично раскручивают колесо своего авторитета, темпа жизни, увеличивают вес на штанге своих трудов до определенного предела, после которого, став «рекордсменами», уже не они работают на авторитет, а авторитет на них. Когда человек достигает этого предела, уже никто не сомневается в его силе, и силу эту уже не требуется постоянно демонстрировать. Королев раскручивал колесо и утяжелял штангу до конца своих дней. Даже тогда, когда спокойно, не в ущерб себе или кому-либо, мог этого не делать. Такое постоянное ускорение неизбежно приводило Королева к некоему противоречию в его творчестве. С одной стороны, Сергей Павлович всегда стремится к основательности в работе, к выяснению всех возникающих вопросов и закрашиванию всех «белых пятен»; с другой – почти всегда работает внахлест: не окончив одного, принимается за другое. Ведь, казалось бы, разберись с одним более простым и тогда иди дальше. Но Королев всегда торопится – вспомните ГИРД, бесхвостку Чарановского, планеры, планерлеты, РП-318 – всегда все шло внахлест.

Конец 1949 года. Между двумя сериями пусков экспериментальной «двойки» Королев приезжает в КБ и на заседании научно-технического совета института делает основной доклад на защите эскизного проекта ракеты Р-3. Он задумал эту ракету в апреле прошлого года – еще не летала «единичка»! Уже тогда он выстраивает цепочку: Р-1 с дальностью 280 километров, Р-2 – 600 километров, Р-3 – 3000 километров! По мнению некоторых соратников Королева, проект Р-3 был едва ли

не самым тщательным, подробным, научно аргументированным из всех его проектов, с которым может сравниться, пожалуй, еще более тщательно продуманный проект Р-7 – межконтинентальный, а затем космической ракеты. Защита проекта Р-3 проходит блестяще. Устинов и военные не скрывают своего удовлетворения. Стартовый вес ракеты поражает воображение: 72 тонны! Подумать только, вчера еще Фау-2 с весом в двенадцать с половиной тонн казалась гигантской!

Вот это-то как раз его и не устраивает! Он раньше всех увидел то, что потом разглядели и другие: попытку решить новые задачи, опираясь на старую схему. Дальность 3000 километров в одноступенчатом варианте может быть достигнута только за счет вот такой гигантомании. А если разобраться, ничего хорошего в ней нет. Чем ракета больше и тяжелее, тем труднее ее эксплуатировать, тем более, если речь идет о боевой машине. Но если прикинуть двухступенчатый вариант, то получается, что в этом случае машина не реализует своих возможностей. Она способна лететь не на три тысячи километров, а вдвое, а то и втрое дальше... Вновь сталкиваемся с проявлением уникальной интуиции Сергея Павловича: Р-3 – ни то ни сё, не надо ее делать. И он не стал ее делать. Интересно, что последующий зарубежный опыт свидетельствует: ракета с характеристиками, близкими к Р-3, нигде и никем не строилась. Заложенные в ней противоречия, которые Королев скорее почувствовал, нежели вычислил, позднее были доказаны математически.

Итак, надо делать либо одноступенчатую, но более компактную – на меньшую дальность, либо двухступенчатую махину на большую дальность. А точнее, надо делать и ту и другую. К моменту сдачи на вооружение ракеты Р-2 уже начаты работы над одноступенчатой ракетой Р-5 с дальностью 1200 километров. Она весит около 29 тонн, но стройнее, изящнее «двойки», нет стабилизаторов – оказывается, можно и без них обойтись.

Уже первые испытания показали, что ракета «с характером». Довольно много потратили времени на поиски оптимальной системы управления. Немало пришлось повозиться с двигателем: взрывались на стенде. Не сразу поняли, почему и отчего рвутся сильфонные трубопроводы. Да разве возможно перечислить все эти технические преодоления, нет им числа, и каждый день приносит свои проблемы, каждый месяц, каждый год.

В начале 1953 года первая партия ракет Р-5 была готова и отправлена в Капустин Яр.

Королев вылетел из Москвы в четверг 5 марта. В Москве было пасмурно, долго летели в тумане и вдруг, как из запертой темной

комнаты, выскочили в яркую синеву, увидели блистающую серебром Волгу и бескрайнюю белую степь, уходящую в дымку, смешавшую границу снега и неба. Кап.Яр лежал в глубоких сугробах, и невозможно представить было, как солнце растопит такую бездну снега.

В этот день умер Сталин.

Общество, положившее в основу своей морали ложь, породило удивительные феномены и парадоксы, над разгадкой которых еще долгие годы будут корпеть социологи, психологи, а быть может, и психиатры. К ним относится, например, волшебная способность Сталина оградить свое имя от всех ужасов, им порожденных, отмыть себя от рек крови, им пролитых. И напротив, связать с именем своим все самое светлое, доброе и героическое так, что получалось – не будь его и не было бы этого. Умные, тонко мыслящие люди, едва заслышав о репрессиях, твердили, как попугаи: «Это не Сталин, Сталин об этом не знает, его обманули...» Известны случаи – бежали из лагерей в Москву, чтобы пробиться к Сталину, рассказать ему все. Страстно славили его за секунду до расстрела. Через 15-20 лет лагерей, искалеченные, беззубые, полуживые выходили на волю убежденными сталинистами. Договаривались до чудовищных вещей: «Войну выиграл Сталин!» Короче, все по Булату Окуджаве:

«И льну душой к заветному Кремлю,
и усача кремлевского люблю,
и самого себя люблю за это».

Почему так получалось? Оболванил народ? Но это огромный труд – оболванить целый народ! Огромный труд, если народ не хочет быть оболваненным. Как же он позволил оболванить себя?! Так много об этом написано, а ответа нет. И Королев не только не помогает найти его, но, напротив, лишь усложняет задачу.

Еще не зная о смерти Сталина, Королев записал 5 марта: «Тревога не оставляет сознание ни на минуту. Что же с ним будет и как хочется, чтобы все было хорошо». На следующий день: «Умер наш товарищ Сталин... Так нестерпимо больно на сердце, в горле комок и нет ни мыслей, ни слов, чтобы передать горе, которое нас всех постигло. Это действительно всенародное, неизмеримое горе – нет больше нашего родного товарища Сталина... В самые трудные минуты жизни всегда с надеждой и верой взоры обращались к товарищу Сталину. Самый простой, самый маленький человек мог к нему обратиться и всегда получал просимую помощь. Его великим вниманием была согрета любая область нашей жизни и работы... Сталин – это свет нашей

жизни и вот его теперь нет с нами...»

7 марта: «Не могу ни за что взяться и собраться с мыслями».

8 марта: «Как страшно тяжело на сердце».

9 марта: «Слушали по радио похороны товарища Сталина. Как страшно тяжело. Как хорошо говорили тов. Маленков, Берия и Молотов. Кроме неисчерпаемого народного горя к тому, что было сказано, добавить нечего. Наш товарищ Сталин всегда будет вечно жить с нами».

Трудно передать те чувства, которые испытываешь, читая эти строки. Он же все видел: Бутырку, Лубянку, пересылки, страшные трюмы пароходов Дальстроя, лагеря смерти на Колыме, золотые клетки шарашек. Он жил, разговаривал, работал с сотнями осужденных людей, знал, убежден был в их абсолютной невиновности, тогда, как он, очень умный человек, психолог, великий знаток людей мог не связать своей судьбы, судьбы своих товарищей, уничтоженных физически и духовно искалеченных, с именем Сталина?! Как он мог написать, что, обращаясь к Сталину, «самый маленький человек... всегда получал просимую помощь», если сам обращался – помните его страстное, жгучее письмо Сталину, написанное в Бутырке 13 июля 1940 года (см. главу 33), – и никакой помощи не получил. На его глазах письма такие писали сотни людей и ни одного из них Сталин не спас, ни одному не помог. Тогда, как можно объяснить его скорбь? Когда я вспоминаю плачущих студентов на траурном митинге в большой химической аудитории МВТУ, я могу это понять: что знали эти мальчишки, что знал я сам? Но Королев! Почему он написал это?

А может быть, он, еще не реабилитированный вчерашний зек, писал для того, чтобы это прочла не только Нина Ивановна? Письма шли с оказией, но куда заходили до адресатов эти письма, мы не знаем. И Королев не знал, но, быть может, догадывался, что конверты эти со сверхсекретного полигона не минуют недремлющего ока Ивана Александровича Серова? Можно ли предположить, что Королев лукавил, дабы рассеять все сомнения в его верноподданнических чувствах? А сомнения такие были в 1946 году, и позднее – в 1952-м. Я спросил об этом однажды одного из соратников Королева Владимира Павловича Бармина.

– Вполне может быть. Почта, идущая с полигона, читалась, надо полагать, не только адресатами.

– Но ведь Сергей Павлович всегда передавал письма для Нины Ивановны с людьми, которым он доверял...

– Видите ли в чем дело. И Королев, и Глушко были сидельцами, т.е. людьми, которые сидели, прошли все ужасы репрессий. Это люди душевно искалеченные, пропитанные

страхом, испуганные на всю жизнь. Внешне это могло никак не проявляться, это сидело в сидельцах очень глубоко. Поэтому исключить такую версию нельзя. Мы же не знаем, куда по дороге к Нине Ивановне заезжали курьеры...

В словах Бармина – немалая доля правды. Предположить в Сергее Павловиче верноподданническое лукавство, конечно, можно. Но поверить в него трудно. Подобная гипотеза разрушает образ того Королева, которого я знаю. Глубинный страх сидельца, конечно же, не миновал Королева. Забыть прииск Мальдяк он не мог. Профессор Всеволод Иванович Феодосьев, многолетний консультант ОКБ по вопросам устойчивости, вспоминал один разговор Сергея Павловича со своими ближайшими сотрудниками.

– Помните, братцы, – говорил Королев, – мы тратим страшные деньги. После таких неудач ничего не стоит «пришить» нам политическое дело – сознательную экономическую диверсию. Я эти штуки знаю...

Но при всем «комплексе сидельца» не такой все-таки человек был Сергей Павлович, чтобы так хитрить в письмах. И слишком простое получается в этом случае объяснение, слишком примитивное для такого характера.

В том-то и драма Королева, что писал он искренне, что даже он, человек невероятно раскрепощенного мышления и раскованной воли, задавить в себе раба был не в силах. Он, всю жизнь обгонявший время, был, тем не менее, и продуктом своего времени. Поэтому, кстати, и интересен он для потомков. Увы, Королев был искренен: раб оплакивал господина. Он даже Устинова в одном из писем называет «хозяином». Просто плакать хочется. Нет, не Королева оплакивать – время, в котором он жил.

Отстонали траурные марши, время возвращало в русло повседневных трудов разлившиеся в печали человеческие заботы. Танками пробивали в осевших, набухших весенней влагой снегах дорогу к стартовой площадке, готовили новую ракету к экзаменам.

Старт был назначен на пятницу 13 марта. «Чертовой дюжины» Королев не боялся. Он понедельников не любил, никогда не назначал серьезную работу на понедельник. Не из суеверия. Просто знал, что в этот день еще не развеялся в иных головах похмельный туман. А пятница – день хороший, рабочий. Но утро тринадцатого оказалось все-таки несчастливым: из-за Волги пришли низкие, плотные облака, закрыли небо, и Вознюк начал уговаривать отложить пуск. Королев посоветовался с Рязанским и согласился. Во время обеда Воскресенский посмотрел в окно, за которым сияла под ярким солнцем снежная равнина, и сказал:

– Все! Кончилось мое терпение. Пойду бить морду метеорологам. Что хотят, сволочи, то и делают, работать не дают!

Первый старт Р-5 состоялся в воскресенье. Королев записал: «Машина очень красива на старте. Но вот и последние минуты. Сейчас, когда все прошло, я и то волнуюсь, когда пишу эти строки, а на старте волнение достигло своего предела. Каждый сдерживался, как мог, и это чувствовалось. Наконец, мы на своих местах, и Л.А.[139] дрогнувшим голосом подает первую команду. Как легко и красиво она прорвалась, как легко и радостно у меня на душе. Значит, не пропал огромный труд и смелый замысел большого коллектива наших (всех наших, в самом широком смысле) тружеников, так много и упорно потрудившихся над этой машиной. Когда-то мне мерещилось не то во сне, не то в мечтах, что наступит этот миг, и белая машина – эта наша «белая мечта» – горделиво оторвется от земли. Ну что же, это свершилось и пусть это будет в добрый час».

Многокилометровые переезды и кувыркания в сугробах кончились тем, что Королев сильно простудился. Болело горло, температура поднялась до 38,8.

Местные военные эскулапы придумали свой экспресс-метод лечения подобных недугов: ставили банку, а под банку кололи антибиотики. Больно, но Королев терпел. Совсем больным он был на втором старте 18 марта, а на следующий день астраханским поездом уехал в Москву: хотелось поскорее доложить о победе.

Устинов встретил его мрачным, осунувшимся. Он очень болезненно, как большую личную утрату, переживал смерть Сталина. Выслушав доклад Королева, сказал несвойственным ему вялым голосом:

– Ну, что ж, поздравляю... Но праздновать победу рано. Это только начало. Мы должны убедиться, что она будет устойчиво летать на тысячу двести километров.

– Она будет летать на тысячу двести километров, – хриплым от ангины голосом сказал Королев.

– Это мы с вами знаем, что будет, – примирительно сказал Устинов. – А надо, чтобы и там знали, – он ткнул пальцем в потолок. Он не сказал, кто конкретно должен знать «там», а может быть, и сам не знал: и месяца не прошло после смерти Сталина, всем «там» было не до ракеты.

Королев вернулся на полигон. С энтузиазмом невероятным включился в работу по подготовке пуска на полную дальность. 2 апреля Р-5 сдавала этот главный, «выпускной» экзамен. «Несомненно, что сегодняшний день и именно этот опыт – это крупный серьезный шаг вперед в нашей технике, – пишет он в письме. – К сожалению, окончательных результатов пока нет, ибо

расстояние столь велико, что быстро получить данные нельзя. Кроме того, там на месте настолько дикая пустыня, что нет никаких средств для быстрого передвижения. Наш народ оттуда очень жалуется на невыносимые условия. А так, как говорится, в целом все очень хорошо. Сил и нервов затрачено было очень много, хотя все уже становится относительно знакомым и привычным и потому все было несколько спокойнее».

Однако радовался Королев рано. Вести из далекой казахской степи подтверждали, что если «пятерка» и сдала экзамен, то только на «тройку»: отклонение от цели было очень большим. Скудость сведений мешала провести объективный анализ – что это: случай или принципиальный дефект? Двое суток без сна Королев, Черток, Рязанский, Пилюгин сидели, разбирались, искали. 8 апреля пуск повторили. «Как будто все в норме, а результата все нет. Наоборот, все плохо», – записывает Королев.

Но его удручали не только неудачи – неудачи и раньше бывали. Более самой неудачи удручало его отношение к ним отдельных людей. «Как все быстро меняется, – пишет он, – когда все хорошо, то все (и наши из МВ[140], и А.Г.[141], и компания особенно) страшно милы, а сейчас – так сухо и плохо. А ведь, казалось бы, в трудную минуту именно и нужна поддержка, хотя бы моральная, и помощь. Ну, да и без них разберемся, но неприятно».

Разбирались долго. В конце концов, после многочасовых споров, отбросив все маловероятные варианты, пришли к выводу, что «собака зарыта» в нерасчетных колебаниях рулевых машинок, на которые, вероятно, накладывались изгибные колебания самой ракеты. Матерь божья! В 1933-м, когда пускали в Нахабине ракету Тихонравова, одна была забота, чтобы клапан не замерз, а теперь Пилюгин сидит, сопит, беззвучно ворочает во рту языком, пишет, через плечо заглянешь – черно от формул, а он лапищей своей толстопалой бумагу скомкает и под стол. Королев звонил Келдышу, в подобных делах виртуозу, звал его на помощь. Мстислав Всеволодович, когда хотел, умел конструировать разговор из литой резины – и вроде бы мягко, и в то же время упруго, ты ее сгибаешь, а она снова выпрямляется. Королев понял, что вникать в их болячки и искать для них лекарств Келдыш не хочет. Королев разозлился. Ошибки он мог простить, а равнодушия к своим делам не прощал никому. Но быстро понял, что злость его в данном случае бессильна, недееспособна и злиться глупо. И еще понял, что очень устал. Так устал, что даже есть не хочется, хотя он не обедал уже несколько дней, все так, на бегу. Пошел в свою комнату, лег, мгновенно заснул и проспал шесть часов кряду, чего не было, наверное, уже недели две…

17 апреля Сергей Павлович пишет Нине Ивановне: «Мы начинаем все сначала. Страшно нервозная обстановка. Держусь изо всех сил, но нервы не держат. Команда работает самоотверженно. Жаль людей, ведь их силы тоже на пределе. Сейчас ловили в моей комнате фалангу, но она, подлая, убежала в щель. Соседство весьма малоприятное. Ну да это – лирическое отступление от наших трудовых будней. Через час едем начинать все сначала».

«24 апреля. Снова провалились неизвестно куда. Ничего не могу понять. Все в норме, но авария налицо. Так обидно чувствовать свое бессилие. Что-то не нашли до сих пор».

«27 апреля. Сегодня говорил с Д.Ф.[142] Тон его совершенно ледяной. Как это все знакомо. Который уже раз мы все это переживаем. А нам сейчас нужны лишь силы и время».

У него не было ни того, ни другого: заставить людей работать на Первомайские праздники он не мог – это было бы слишком несправедливо. Королев знал, что, когда долго ловишь истину, а она не дается, все время ускользает, надо на некоторое время оставить ее в покое, продемонстрировать свое якобы равнодушие и, усыпив таким способом ее бдительность на некоторое время, затем быстро и ловко ее поймать.

– Отдыхать надо, – сказал он Пилюгину.

– В Москву ехать сил нет, – ответил Николай Алексеевич. – У меня идея. Давай махнем в Сталинград и вызовем туда наших жен, а?

Королеву идея понравилась. И начальству спокойнее, если ты не в Москве, а где-то поблизости. К ним хотел присоединиться Виктор Кузнецов, гироскопист, но оказалось, что жена его больна, и решили ехать вдвоем. Королев написал домой письмо, просил Нину приехать в Сталинград, позвонил в министерство, чтобы из Москвы связались с заводом «Баррикады», предупредили об их приезде. Зная по Кап.Яру уровень сервиса в Министерстве вооружения, предупреждал жену: «Только прошу учесть, что хороших условий в Ст-де, очевидно, не будет, но ведь мы побудем вместе, посмотрим этот великий город, съездим на Волго-Дон, правда? Ты же не побоишься всех неудобств, правда? Я очень хочу тебя, моя родная, повидать хоть эти 3 денечка (4-го мы должны быть на месте)».

Приехали они с Пилюгиным загодя и отправились по адресу, который продиктовали из Москвы. Невзрачный безликий дом напоминал студенческую общагу и, в общем-то, таковым и оказался, когда заспанная кастелянша ввела их в большую светлую комнату со свежевыбеленным потолком, с которого свисали две сиротские лампочки без плафонов (не говоря об

абажурах), со стенами, скорее вымазанными, чем покрашенными на высоту человеческого роста масляной краской цвета навозной жижи и десятком узких железных коек под суконными одеялами, стоявших в казарменном строю.

Пилюгин взглянул на Королева и понял, что дело плохо: над общежитием завода «Баррикады», над самим заводом и городом Сталинградом в целом нависла угроза немедленного и полного физического уничтожения.

– Где у вас телефон? – чуть слышно спросил Королев, уперев подбородок в грудь.

Был канун праздника, и Сергею Павловичу пришлось потратить довольно много времени, прежде чем он дозвонился до директора завода Романа Анисимовича Туркова и предложил ему тотчас явиться во вверенное ему заводское общежитие. Пилюгин слушал этот разговор и думал, что, формально говоря, директор огромного оборонного завода имеет полное право совершенно спокойно послать их к чертовой матери, но Королев говорил так, таким тоном, что сделать это было невозможно. Уже первые две-три фразы словесной атаки Королева приводили противника в полное замешательство и обращали в бегство. Чтобы послать его к черту, т.е. перейти в контрнаступление, надо было хоть на секунду его остановить, а Королев не давал это сделать, резко и решительно подавляя всякие очаги сопротивления в виде робких оправдательных реплик.

Турков приехал. Королев устроил ему короткий крутой разнос, после которого Пилюгин сказал примирительно, с улыбкой только одну фразу:

– Не будем огорчать Дмитрия Федоровича...

Турков от разноса не стушевался. Он не оправдывался и не лебезил. Реплика Пилюгина не произвела на него ожидаемого впечатления. Напротив, он посмотрел в глаза Николая Алексеевича, и взгляд его говорил: «Ну, зачем же вот этак, не надо...» Королев взгляд этот перехватил, Турков начинал ему нравиться.

– Получилось не очень здорово, – спокойно, с мягкой улыбкой, которая, впрочем, не приносила ни малейшего урона его достоинству, сказал Турков, – но все это легко исправить. Через час Королев и Пилюгин поселились в лучших номерах совершенно пустой заводской гостиницы.

Вечером пошли на вокзал встречать жен. Нина Ивановна и Антонина Константиновна прекрасно доехали вдвоем в четырехместном купе и еще из окна вагона приметили две неказистые фигуры под фонарем, в довольно помятых костюмах: никто и никогда не признал бы тогда в них Главных

конструкторов – шоферня, от силы – мастера с буровой...

В Сталинграде прожили они три дня. Гуляли, бродили по городу, забрались на Мамаев курган, с которого солнце уже согнало весь снег, обнажив рыжеватые от ржавого железа склоны: в каждой горсти земли можно было найти осколок. Осмотрели изрытую снарядами мельницу и дом Павлова, и универмаг, в подвале которого пленили фельдмаршала Паулюса. Сергей Павлович купил в этом историческом универмаге сумку для Нины – равнодушная к нарядам, она обожала всякие сумки. Это очень забавляло Королева, он часто говорил знакомым:

– Приходите к нам, у нас выставка по случаю покупки Ниной 135-й сумочки... 1 мая организовали отличный обед, выпили винца, потом гуляли по набережной Волги. Женщины шли чуть впереди. Королев вдруг остановил Пилюгина:

– Коля, знаешь, о чем я все время думаю. Мы обязательно должны научить ее летать! Понимаешь, если мы научим ее летать, она сможет нести атомную боеголовку. Понимаешь? Это не Фау-2, это – тысяча двести километров. И это не тонна тротила, а тысячи тонн. Это уже совсем другое оружие, ты понимаешь, Коля?

Королев любил, уважал и ценил Пилюгина. Да, именно ценил, потому что Колюня – как иногда, в минуты особого расположения, он называл его – был умен и хитер, а Королев знал, что такой сплав – редкость, обычно: или-или... Из «великолепной шестерки», как называли Совет Главных конструкторов, Пилюгин чисто человечески был ему ближе других. С ним чаще, чем с другими, объединялись они, отстаивая общую точку зрения, с ним реже ссорились. Нет, ссорились, конечно, и не раз! Например, в 1963 году, когда не ладилось с лунной программой, Королев, плохо сдерживая раздражение, в одном из писем к Нине Ивановне жалуется на «бесконечное упрямство» Пилюгина. «Неужели и я стал такой же упрямо недосягаемый и „непогрешимый“ в своих делах?» – восклицает он. И все-таки, повторяю, Николай Алексеевич был ему ближе других Главных. Казалось бы, вот Глушко, с 1933 года вместе, одной колючей проволокой повязаны были и Германию вместе прошли, но властолюбие Королева, которому упорно не подчинялся заносчиво свободолюбивый Валентин, и эта чуть надменная непростота, которая образовывала вокруг Глушко неосязаемое, но непроницаемое поле отчуждения, мешали их дружбе. Собственно, дружбы никогда не было, было что-то внешне очень сходное, но лишенное (обоюдно!) человеческой теплоты, без которой дружбы не бывает. А с Пилюгиным эта теплота была. Коля никогда не самоутверждался. Он знал себе

цену. Это была высокая цена, но он никогда не объявлял ее, не вывешивал на лбу свой прейскурант. Он нередко отсиживался в молчунах, спорить он не любил вообще, но зато никогда не врал. Он мог не сказать всю правду, но он говорил только правду. Иногда при этом, сглаживая остроту ситуации, мог сыграть «под дурачка», который не ведает, что творит. Уступая Королеву в смелости, технической дерзости и полете фантазии, чисто по-человечески Пилюгин был мягче и скромнее Королева. Очень тонко чувствующий людей, Сергей Павлович не мог этого не знать. Может быть, за это он и любил «Колюню»...

...Стояли изнуряющие дни очень жаркого июля 1980 года, когда я приехал к Николаю Алексеевичу на дачу. В пропитанном зноем саду плыл ликующий гуд невидимых насекомых, а в блестящей, как крашеная жесть, зелени смородины, где пряталась укрытая марлей колясочка, высоким, тонким голоском попискивал какой-то чрезвычайно крошечный человек: в то лето Пилюгин стал прадедушкой. Сидеть в прохладном сумраке террасы было приятнее и спокойнее, чем в саду.

Николай Алексеевич показывал мне фотографии. Фотография была его давним увлечением. В начале 50-х годов он скупил все марки наших фотоаппаратов, которые можно было скупить, и опробовал их по очереди. Он наснимал невероятное количество пленок, но печатал очень мало, и одному богу известно, какие фотографические открытия ждут тех, кто проникнет в семейный архив Пилюгина (если эти пленки сохранились). Однако те фотографии, которые он все-таки печатал, были аккуратно выклеены в толстые добротные немецкие альбомы с плотными листами благородного мышиного цвета, разделенными вроде бы папиросной, но не папиросной, с разводами бумагой, секрет изготовления которой у нас, очевидно, утерян. Фотографии военных лет и времени германской командировки были почти все очень маленькие и по тогдашней моде обрезанные с узорчатыми зубчиками, наподобие нарядных деревенских наличников.

– Вот видите, коренастый такой, в кожаном шлеме, это Королев... А вот молоденький, не узнаете? Это же Газенко! Ныне уже академик... А генерал – это покойный Анатолий Аркадьевич...[143]

У Пилюгина большие руки, толстые пальцы, которые накрывают сразу несколько маленьких фотографических физиономий. Рассказывали, что он очень рукастый, мастеровой, все умеет: чинить, паять, собирать разную металлическую мелочь. В Кап.Яре, когда сломалась машина, долго ходил по обочине, внимательно рассматривая мусор в придорожной канаве, нашел железную крышку коробочки от сапожной ваксы, что-то вырезал,

согнул, приспособил, и машина пошла. Дома собирал замки. Один из его сослуживцев – Пальцев – вспоминал, что Николай Алексеевич очень удивился, узнав от него о существовании пневматических замков. «Через некоторое время, – рассказывает Пальцев, – он встречает меня и говорит: „Придется домой ехать, жена „грушу“ забыла, домой попасть не может...“ Оказалось, что он сконструировал сам пневматический замок, и в него надо было „дуть“ „грушей“...»

Николай Алексеевич любил возиться с магнитофонами, изучал разные их схемы, ремонтировал. Его большие руки были очень точны в движениях.

Он и сам был большой, грузный, величаво, по-кутузовски медлительный. Говорит не торопясь, при этом в паузах совершает часто некое странное движение языком, словно перекатывает им что-то во рту.

– Николай Алексеевич, это уже полигон, 50-е годы. А расскажите все с самого начала, с корней, ведь интересно...

Он улыбается, тоже медленно и добродушно соглашается: – С корней, так с корней...

Мы проговорили несколько дней...

Родился он в Царском селе под Петербургом на родине матери 18 мая 1908 года – он был на полтора года моложе Королева. Вокруг лежали три крестьянские слободы. Из одной – мама... А рядом – царскосельские лагеря. Уланы! В уланском полку, в эскадроне, которым командовал граф Алексей Алексеевич Игнатьев, ставший потом советским писателем, был рядовой Алексей Алексеевич Пилюгин, крестьянин деревни Теляково Орловской губернии, где из 75 дворов в 70 жили Пилюгины.

– Так встретились мои родители, – рассказывал Николай Алексеевич. – А когда отец отслужил «действительную», они поехали в Петербург, а там и революция... Сочинять не буду: смутно помню звуки какой-то далекой перестрелки и все. Нищета и голод все-таки выгнали нас из столицы. Переехали под Орел к старшему брату отца: у отца было одиннадцать братьев. Я учился в сельской школе. Очень у меня не ладилось с попом. Я плакал. И никто во всей округе не радовался больше меня отделению школы от церкви. Потом мы переехали в Москву. Отец работал в совнаркоме – Пилюгин сделал многозначительную паузу и добавил с улыбкой: – Кучером.

Бывает детство трудное. У Коли Пилюгина было трагическое детство. В семье пятеро детей, отец прокормить их не может, отправляет к другу в село Ахтуба под Саратов. Там их настигает страшная эпидемия тифа. Умирает мать, младшая сестра...

– Я сам болел, метался в бреду. Ничего не помню. Даже как мать хоронили, не помню. Еле живых нас – четверых детей – отправили в приют, пока не приехал отец. Отец работал в сельсовете, учительствовал, хотя у него и было только начальное образование. А тут начала свирепствовать банда Антонова, отец скрывался в лесах, опять мы одни остались...

Но вот, кажется, все позади. Снова они в Москве. Отец женился на вдове с тремя детьми, их жизнь не очень нарядна и не очень сытна, но после ахтубских ужасов – это счастье. Коля ходит в школу («неподалеку от нынешнего французского посольства»), семилетки показалось мало – окончил девять классов. Пора работать. Пилюгин – слесарь-механик в ЦАГИ. Там вступил в комсомол, подал заявление в МВТУ. Рабочий и студент одновременно. Все студенческие каникулы – на стройке нового ЦАГИ под Москвой. В это новое ЦАГИ Николай Пилюгин пришел уже с дипломом инженера.

Он не «искал себя»: сразу начал специализироваться на авиационных системах управления. Во время войны Пилюгина переводят к Болховитинову в НИИ-1. Там он знакомится с Тихонравовым, Исаевым, Чертоком.

Приобщение к ракетной технике начинается с Фау-1:

– Болховитинов велел разобраться с этой штукой. По обломкам он восстанавливал систему управления самолета-снаряда...

Жара спала, мы вышли на улицу, сидели на скамеечке, я курил и ждал, что он продолжит свой рассказ, но Пилюгин сидел молча. Как многие пожилые люди, начав вспоминать, он переносился в ушедшие годы, и это путешествие во времени и волновало, и утомляло, как настоящее путешествие.

– Сегодня кажется, – прервал он, наконец, молчание, – что ракетная техника всегда была окружена тем вниманием и почетом, как сейчас. Сейчас мы баловни промышленности, что попросим – все дают. А ведь было-то не так... Никому эта ракетная техника было не нужна. Чертока Шахурин отзывал из Германии, тот не подчинился. Приехал шахуринский зам. «Хватит, – говорит мне, – ерундой этой заниматься, сворачивай свои ракетные дела...» А я сказал, что выполняю задание не авиапрома, а ЦК и ничего «сворачивать» не буду... Авиационники не поверили тогда в ракеты, а зря. Авиапрому это дело было ближе, чем пушкарям Устинова. Но Устинов поверил, и это было самое главное. Ну, да что вспоминать... – он опять замолчал, сидел так, будто меня и вовсе нет.

Сад синел, день скатывался в вечер. Антонина Константиновна позвала нас ужинать. Пилюгин ожил: «Я

проголодался». За столом разговор гастрономически-кулинарный, без ракет. Николай Алексеевич, оказывается, наделен и немалыми поварскими талантами. Коронным его блюдом знатоки признают особые пилюгинские котлеты, которые делал он по старинному рецепту из разных сортов мяса.

– А вот расскажите-ка, как надо печь блины? – Николай Алексеевич возбужден необыкновенно.

– Ну, как печь... На сковороде... Перышком сковороду маслом топленым мазать...

– Не на сковороде, а на трех сковородах! И знаете, почему?

... Лишь в конце ужина с немалым трудом удалось мне перевести нашу беседу на прежние рельсы.

– Поверьте, все дальнейшее – дело техники. Все послевоенные годы я занимался, по существу, одним и тем же: созданием все более совершенных – максимально точных, минимальных по весу и габаритам и безотказных в работе систем управления. Эту общую задачу можно было решать по-разному. Можно было, как сделали немцы в Фау-2, создать радиосистему, которая получала бы команды с Земли, выполняла бы их и докладывала бы Земле об их выполнении. Крупнейшими специалистами в разработках подобных систем были Михаил Сергеевич Рязанский и, к сожалению рано умерший, Евгений Яковлевич Богуславский. Но был и другой путь: создать автономную систему управления, которая ведет ракету без участия Земли. Этим занимался я с моими ребятами. Сначала я работал у Рязанского, а потом выделился в самостоятельную организацию. Две фирмы стали разрабатывать две разные системы.

– А какая лучше? – спросил я, понимая, что вопрос дурацкий: если бы Николай Алексеевич не считал свою систему лучшей, он бы, наверное, ею не занимался.

– Так нельзя ставить вопрос. В том и состоит искусство конструктора, чтобы объективно и непредвзято решить, где какая система требуется, где какая лучше будет работать. Не надо быть специалистом, чтобы понять, что в военной технике автономная система предпочтительнее: она не позволяет вводить помехи в управление полетом. А, скажем, в межпланетных аппаратах, конечно, нужен радиомост Земля-Космос-Земля, поскольку нельзя заранее сказать, когда и какая потребуется коррекция траектории.

Когда мы начали работать с Сергеем Павловичем, перед нами сразу встали две новые, до нас «нетронутые» задачи: научиться управлять направлением и дальностью полета ракеты и стабилизировать ее центр масс – иначе ею просто нельзя управлять. Вот смотрите...

Он берет листок бумаги, рисует ракету, несообразно пузатую,

похожую на зеркального карпа, пунктиром отмечает траекторию ее движения, откуда-то из нутра карпа вылезает длинная острая стрела вектора скорости, а под сенью этой могучей стрелы во все стороны торчат, как сорняки, паразитные стрелочки разных помех и отклонений. Карандаш в его толстых пальцах быстро набрасывает параллелограммы суммарных сил, и поперек прежней ложится еще одна рыба, отчего весь рисунок начинает походить на старинный герб города Белозерска. Николай Алексеевич оживился, глаза его засверкали, язык за щекой уже не катается, но вдруг, словно спохватившись и как-то по-детски улыбнувшись, он прервал сам себя:

– Да что это я... Может быть, вам это не интересно... Вас ведь интересует Сергей Павлович...

Он не понимал, что, увлеченно рассказывая мне о своей работе, он рассказывает мне и о себе, и о Королеве, об атмосфере их общего труда, о том, почему эти люди нашли друг друга и так много сделали вместе. Он не понимал, что, рисуя мне векторы скоростей, он рисует автопортрет. Наверное, в нем можно было разглядеть и отрицательные черты. Я не могу о них говорить, потому что недостаточно хорошо знал его, чтобы суждение мое имело цену. Однако все, даже люди, критически к нему относившиеся, не могли не признать в нем крупного характера, не могли не отметить, например, стабильной пилюгинской бескомпромиссности. Никогда не слыл соглашателем. Если надо было для принятия какого-либо решения предварительно людей «обработать» и среди них был Пилюгин, с него никогда не начинали, он мог все сразу завалить. Мог, нарушая всякую чиновную и военную субординацию, вдруг «рубануть с плеча», после чего срочно надо было решать, как быть – продолжать атаку или, обратив все в шутку, откатиться на запасные рубежи. Но он никогда не был наивным «рубакой», этаким простачком. У него был дальний крестьянский ум, вроде бы рассеянный, но дело знает крепко, терпеливый, но быстрый, притом – отменный тактик. Бывали случаи, когда он без крика, грозных речей и кулачного стука заставлял многих упрямцев, включая и самого Королева, выбрать нужный ему путь. Умен и хитер. Таким руководителем был Николай Пилюгин.

– Мне рассказывали, – сказал я, – что Устинов считал, будто изо всех Главных конструкторов вы лучше всех знаете производство.

Помолчал, покрутил языком:

– Может быть, и так. Ему виднее...

– А Королев?

– Видите ли, в чем тут дело... Я действительно хорошо знал

производство. Но вся штука в том, что Королев знал и свое производство, и мое производство. И производство Рязанского, и всех других Главных...

В разные дни Пилюгин рассказывал о разных годах, беседы наши не отличались строгой системой. Рассказывая, он непременно листал свои замечательные альбомы – лица людей помогали вспоминать. Ракет на фотографиях не было, но в разные дни он рассказывал и о разных ракетах, он относился к ним, как к живым существам: у них было разное «детство», разный «характер», разная судьба и разный срок жизни, определяемый уже не богом, а людьми.

– Нам, прибористам, всегда больше всех доставалось, – с улыбкой признался однажды Пилюгин. – Не так летит – управленцы виноваты. Особенно, помню, намаялся я с Р-1. Началось с того, что сразу после включения двигателя он самовыключался. Все на нас: ваша-де система вырубает двигатель! А мы сумели доказать, что выключение это – следствие хлопков, которые возникают из-за неравномерности процесса горения во время запуска. Ведь такое в кабинете не докажешь. Нам, прибористам, все доказывать приходилось на натуре – он опять по-детски улыбнулся...

«Нам, прибористам» – эти слова почему-то врезались в память. Думал о них, возвращаясь с его дачи в Москву. Ночные бабочки зелеными кляксами разбивались о лобовое стекло машины. А приборист, наверное, сейчас альбомы свои собирает со стола...

– Какая ракета была самой трудной? – спросил я, когда мы снова увиделись.

– Легких не было...

– А Р-5?

– Не приведи господи...

Они потом часто вспоминали свою поездку в Сталинград. Картины их жизни внешне не были пестры, и эти несколько дней, окрашенные в совершенно непривычные цвета, запомнились надолго.

Уже 4 мая Королев и Пилюгин, отправив жен в Москву, вернулись в Капустин Яр, чтобы продолжить усмирение непокорной и своенравной ракеты Р-5.

Через две недели Королев пишет домой:

«Наша жизнь и работа идет здесь теми же совершенно сумасшедшими темпами. Последняя работа нас всех за 3 суток ее непрерывной подготовки довела до полного изнеможения. Дело еще осложняется тем, что у нас днем стоит совершенно невозможная жара... Дела наши по-прежнему идут очень трудно,

и за каждый сантиметр успеха или даже просто положительного результата приходится напряженно, настойчиво бороться».

«Вылечить» Р-5, размотать весь этот запутанный клубок колебательных процессов более других помог Королеву молодой – ему было тогда 37 лет – профессор МВТУ Всеволод Иванович Феодосьев – крупнейший в стране специалист по устойчивости тонкостенных оболочек. Весной 1953 года Сергей Павлович после первого аварийного пуска вызвал Феодосьева в Кап.Яр. Всеволод Иванович сразу оказался втянутым в жаркие споры по поводу причин аварии и несколько часов кряду принимал участие в обсуждении различных гипотез, которые Королев, ничего пока не утверждающий, но и ничего не отвергающий, называл «гипотенузами». (Феодосьев утверждает: «Это ядовитое словечко изобретено, конечно, не случайно. Оно подчеркивает относительную малограмотность и поспешность высказываемых предположений».) Посмотрев, как на глазах всего полигона развалилась очередная «пятерка», Феодосьев подумал, что, скорее всего собака зарыта в рулевых машинках. Изучив данные телеметрии, он тут же на логарифмической линейке прикинул частоты, сравнил и убедился, что напал на правильный след. По неопытности Феодосьев поделился своей «гипотенузой» со стартовиками Вознюка, за что незамедлительно получил от Королева жестокий разнос: почему не ему первому рассказал.

Одновременно Феодосьев занимался болячками маленькой пятитонной Р-11. Двигатель Исаева, который на ней стоял, имел так называемый «пушечный запуск», без предварительной ступени, не разгоняясь, сразу на полную мощь. Ракета взлетала стремительно и, естественно, при этом возникали большие перегрузки. Поэтому, когда во время одного из первых пробных пусков она развернулась и врезалась в землю рядом со стадом свиней, которые паслись в подсобном хозяйстве Вознюка, все сразу выдвинули «гипотенузы», обвиняющие во всех грехах перегрузки «пушечного запуска». Поскольку телеметрия ничего определенного не сообщала, начались догадки. А может быть, лопнул трубопровод? Королев знает, что это чепуха, но молчит. А может быть, неправильно штекер поставили, задом наперед, и изменилась полярность сигнала? Королев знает, что и это чепуха, поскольку штекер невозможно воткнуть иначе, чем так, как он втыкается, но опять молчит. Выслушав все «гипотенузы», Главный создает комиссию по выяснению причин аварии. Феодосьев – председатель. В комиссии стартовики Вознюка пошли в атаку на гироскопы Кузнецова – ясно, что гироскопическая платформа не выдержала встряски «пушечного запуска». Кто может сказать: так это или не так? Никто! Но чутье истинного таланта подсказывало

молодому профессору, что гироскопы не виноваты. Феодосьев пошел в степь погулять и подумать. Придумал. Собрал комиссию.

– Если виноваты гироскопы, – сказал Всеволод Иванович, – то это выявится в опыте. Надо подсчитать, с какой высоты следует бросить гироплату на бетонный пол, чтобы в ней возникли такие же перегрузки, как и при «пушечном запуске» ракеты. Определим высоту, бросим и посмотрим. Если гироскопы выйдут из строя, вы правы.

Инженеры из КБ Кузнецова заволновались: «Это слишком жесткие условия!»

– Да почему жесткие? Мы же создаем точную имитацию условий старта! – Феодосьев давил оппонентов логикой и математикой. Спорить было трудно. Уселись считать. Все это походило на контрольную работу по алгебре в 8-м классе. Все смотрели в шпаргалки, на которых Феодосьев выписал формулы, сверяли друг у друга размерности, шептались, а главное – контролировали промежуточные результаты, стремясь к единственному и одинаковому ответу. Наконец, высота, с которой надо было бросать гироплату, была подсчитана. Никто не верил глазам своим: четыре сотых миллиметра! Сторонники гироскопной «гипотенузы» были посрамлены. Феодосьев нашел истинную причину кувырканий ракеты. Виноват был не Кузнецов, а Пилюгин. Молодого профессора зауважали.

Вернувшись в Москву, Феодосьев предложил одному из своих коллег – Косте Колесникову[144] разобраться во всем этом деле фундаментально, что тот и сделал, защитив на эту тему диссертацию.

К осенней серии пусков Р-5 автоколебания были, наконец, устранены, все теперь вроде бы налаживалось, но тут вылезла новая, очень неприятная болячка: на участке спуска стала разрушаться головная часть. По обломкам видно было, что причина, вероятнее всего, в перегреве, но датчики температуры показывали норму, и это всех ставило в тупик. Королев понял, что это опять тот самый случай, когда ему снова нужна помощь Келдыша. С молодым академиком из ЦАГИ сотрудничали они еще с 40-х годов, Келдыш провел несколько очень важных для Королева теоретических исследований, как говорится, на будущее, теперь же требовалась помощь конкретная и срочная. В начале 1954 года Королев несколько раз встречается с Келдышем, они обсуждают весьма широкий и для постороннего уха, наверное, невероятно фантастический круг проблем, но не чураются и «прозы жизни», в том числе – странностей поведения головных частей Р-5.

Королев провел в Капустином Яре почти все лето. Третью

серию испытаний Р-5 он начал 12 августа. И в первой же ракете опять сгорела «голова». Вскоре приехал Келдыш со своими «мальчиками»: Димой Охоцимским и Тимуром Энеевым. От ОКБ им деятельно помогал Владимир Федорович Рощин – знаток тепловой защиты. Иногда подключался главный королевский баллистик Святослав Сергеевич Лавров. Вчетвером они организовали «мозговой штурм» и вроде бы во всем разобрались. Келдыш уехал, а Королев предложил устроить совещание с привлечением всех заинтересованых лиц и заслушать доклад четверки. Заинтересованных лиц было немало: всем хотелось «отмазаться», доказать, что он-то как раз не виноват. А Королеву хотелось понять, в чем же действительно дело. Но и вопрос, кто же виноват, тоже заботил его. Он очень не любил, когда выяснялось, что виноват он, т.е. его ОКБ, вырвать у него признание в собственных «грехах» было очень трудно. Если быть объективным, то в Совете Главных конструкторов, пожалуй, лишь один Пилюгин без особой волокиты и препирательств признавал свои ошибки: «Виноват, братцы, рубите голову...». Но, при всей нелюбви к самокритике, Королев в тысячу раз больше не любил незнание. Понять причину отказа надо было во что бы то ни стало. Королев всегда считал, что понять – это уже наполовину устранить.

Из доклада четверки явствовало, что всю неразбериху вносят датчики, которые плохи сами по себе, стоят не там, где надо, и не так, как надо, а потому и показывают не то, что есть. Королев неотрывно смотрел в глаза докладчикам: по глазам он точно мог определить «туфту». Начались прения. Один майор от Вознюка в выражениях, далеких от парламентских, смешал докладчиков с пищей воробьев.

В математической модели майор разобрался не совсем, но возмутило его то, что люди, первый раз приехавшие на полигон, пороха толком не нюхавшие, позволяют себе разевать рот. Ко всеобщему удивлению Королев, подводя итоги совещания, не только не урезонил майора, а, напротив, ласково посоветовал ему почитать кое-какую литературу и еще раз подумать над докладом. Тон Королева сразу погасил страсти, все как-то успокоились, умиротворились, но «мальчики», вместе с Рощиным, остались в недоумении: принят их доклад Главным или забракован? Стоя в стороне, курили и шептались, обсуждая ситуацию. Королев подошел неслышно и сказал тихо, заговорщически:

– Не надо переживать. Я этого майора давно знаю. Товарищ очень быстро «растет над собой». А ему хочется еще быстрее. И, слава богу. Конечно, его заносит. Не обращайте внимания. Я с

ним поговорю. А к вам просьба: вы с ним посидите и все ему подробно растолкуйте. Я ведь вас понял, и он поймет...

Охоцимскому, Энееву и Рощину королевское предложение не понравилось. И почему это они должны идти на поклон к этому хаму? Зачем из них делать гуманистов-просветителей?

На следующий день Королев сам нашел их и сразу спросил:

– Ну, как, договорились?

– Интересное дело, он нас облаял, а мы пойдем ему лекции читать! – закипятился Тимур Энеев, самый горячий в тройке.

Королев как-то сразу потух:

– Эх, молодые люди... А я о вас лучше думал... Оказывается, вы, как все: амбиции, амбиции... Ну, а о деле кто-то ведь должен думать... – он был искренне огорчен.

С майором математики просидели несколько часов и убедили его в своей правоте...

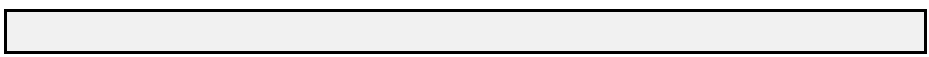
В картине жизни Королева на передний план естественно выступает работа, под которой, в первую очередь, мы подразумеваем всевозможное изобретательство в самом широком смысле слова, от глобальных озарений до маленьких хитростей, и преодоление всевозможных технических препятствий: поломок, отказов, прогаров, замыканий, бесчисленных вариантов всего того, что должно сюда влезать, но не влезает, что должно герметически стягиваться, но не стягивается, что должно отходить и заклиниваться, но не отходит, а если отходит, не заклинивается, и так до бесконечности. Это все истинная правда, так оно и было, но это только полправды и даже, возможно, не самая трудная ее доля. Другую половину его работы составлял постоянный ежедневный и многолетний монтаж сложнейшей схемы человеческих связей. Собственно его ОКБ было малой частью этой схемы, куда входили дирекция института, его родное министерство, Министерство обороны – главный заказчик, Академия наук – заказчик и помощник, добрый десяток министерств-смежников, Военно-промышленная комиссия Совета Министров, оборонный отдел ЦК, секретарь ЦК, курирующий оборонную промышленность, и даже глава государства. Необходимо было точно знать не только все параметры цепи, связывающей его со всеми этими, людьми, но и бесчисленные варианты их внутренних связей между собой. Кто за кем стоит, кто кого поддерживает, что произойдет при перемещении N из пункта А в пункт Б, и какие последствия этого перемещения ожидают X,Y и Z. В партийном, государственном и хозяйственном аппаратах всегда были, есть и будут люди, внимательно анализирующие всю эту человеческую конъюнктуру, чисто биржевое, подчас никак не предсказуемое, повышение и падение

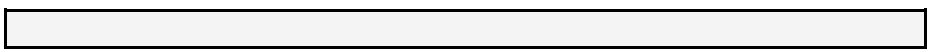
акций авторитета и престижа, но проводящие этот анализ чаще всего в сугубо личных целях: что это даст мне? Был ли Королев удовлетворен в середине 50-х годов своим личным положением? Нет, не был. Он ясно ощущал всю искусственность своей зависимости от НИИ-88, ему давно уже не требовался никакой директор, он чувствовал, что созрел для полной свободы. Но монтировать и изучать цепь человеческих взаимоотношений ему нужно было не для того, чтобы стать заместителем министра, – потом ему предлагали не раз этот пост, или министром, или даже зампредом Совмина, – он мог им стать вне всякого сомнения, а для осуществления своих планов, для воплощения собственных идей.

Самостоятельность нужна была не ради самой самостоятельности, не для того, чтобы тебе начали козырять, а для того, чтобы кончить козырять самому, чтобы не ходить спрашивать тогда, когда все сам знаешь, и не спрашивать надо, а дело делать.

Разумеется, он мог публично «выпороть» зарвавшегося майора и тем самым дать удовлетворение «мальчикам» Келдыша. Но этим он посеял бы в полигонной пыли недобрые семена антагонизма между людьми Вознюка, всеми этими военными спецами, которые, кстати сказать, годами глотают здесь пыль, и учеными, наезжающими в Кап. Яр в белых рубашках. Без веры в него людей Вознюка ему работать нельзя. Они наращивают опыт от пуска к пуску, как тяжеловес наращивает мускулы, и завтра они поднимут в небо такую ракету, которую ему без них не поднять. И ученые – сегодня от Келдыша, завтра – от многих других, нужны будут все чаще, ибо вся логика его работы неизбежно ведет к ее постоянному усложнению. Уже сейчас он с трудом обходится без помощи этих головастых теоретиков – завтра он без них и шагу ступить не сможет. Не конъюнктура, не желание всем угодить, чтобы как грибоедовский Молчалин протиснуться вперед, а само дело требовало от него объединения сил.

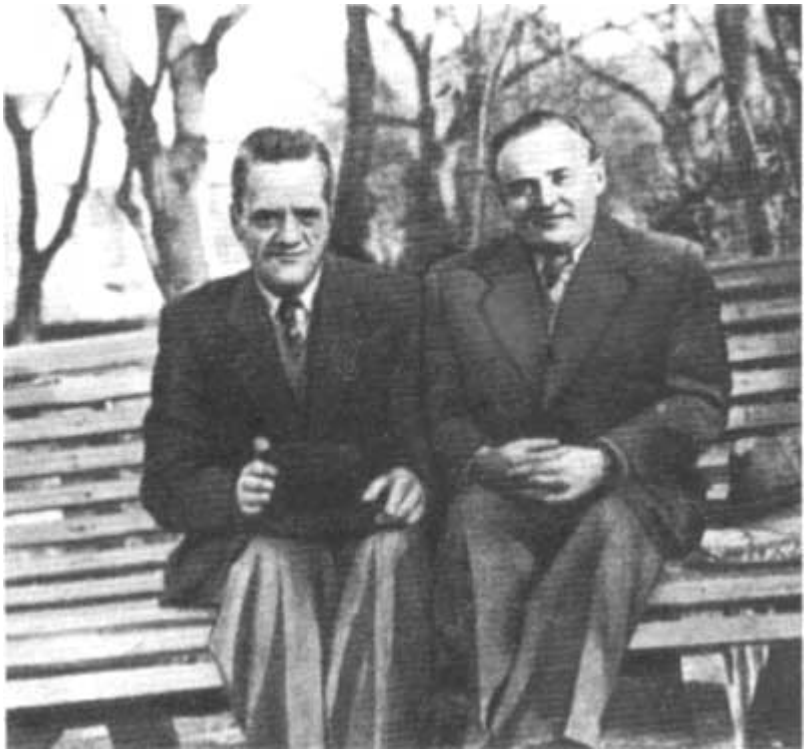
Вот почему, узнав, что математики договорились с майором, он улыбнулся Тимуру Энееву, садясь в машину, чтобы ехать на старт.





Лейтенант Д.Поляков, начальник электростанции

Н.А.Пилюгин и С.П.Королев



Н.А. Пилюгин и М.С.Рязанский

Всеволод Иванович Феодосьев

Дело, зверь живой и сильный, править им нужно умеючи, взнуздывать надо крепко, а то оно тебя одолеет.

Максим Горький

В одном из писем жене Королев признается: «Меня, конечно, еще губит и работа моя. Видимо, нервное напряжение забирает все силы и мне трудно порою...». Работа губила его, но работа приносила и главную радость жизни, была смыслом всего его существования.

В конце 40-х годов отдел Королева в НИИ-88 начал быстро разрастаться, деформируя первоначально задуманную структуру института. Устинов видел это и понимал, что реорганизация назревала.

Прежде всего, Дмитрий Федорович прекратил все работы по артиллерийской тематике, которые еще кое-где теплились в Подлипках, даже после ухода Грабина. Затем он ликвидировал СКВ Тритко, поскольку существовало оно только на бумаге. Свернул работы Рашкова над «Шметтерлингом» – ничего интересного там не получалось, как, впрочем, и у Костина с «вариациями на тему „Рейнтохтер“[145].

– Не уговорил ты «дочку», – сказал Устинов Костину, – думай, чем будешь заниматься...

Все случилось так, как он и предполагал: сильные выжили и развивались, слабые – зачахли. Исаев у Болховитинова формально числился за авиапромом, но было ясно, что он настоящий ракетчик, и Устинов через Королева шлет к Исаеву «зазывал» – Мишина и Бушуева, соблазнять переходом в НИИ-88. Исаев помогал тогда Лавочкину создавать «Бурю» – двухступенчатую дальнюю ракету, первая ступень которой с ЖРД забрасывала ее на высоту 25 километров, разгоняла ее там, после чего на второй, крылатой ступени начинал работать прямоточный воздушно-реактивный двигатель Михаила Макаровича Бондарюка, талантливого конструктора, который начинал путь в ракетной технике в РНИИ. Авиапрому «Буря» не нравилась, и он искал способ отделаться от нее. Было бы здорово отдать ее Устинову вместе с Исаевым. Устинов готов был взять Исаева, но без «Бури». Торги заняли больше года. «Буря» не получалась. Низкий ее потолок и относительная тихоходность делали ее

уязвимой, военные от нее отвернулись, и несколько опытных образцов этой ракеты использовались лишь в качестве учебных мишеней.

А Исаев вместе со своей «командой» перешел в НИИ-88. Так на месте двух полумертвых отделов образуется один, но полный сил. Следом новый отдел систем управления возник с приходом Георгия Николаевича Бабакина. К середине 1950 года архитектура всего здания НИИ-88 значительно упростилась. Вместо нагромождения мезонинчиков, пристроечек, террасок, в которых располагалось множество хозяев, поднялась мощная и несокрушимая башня ОКБ-1 Королева и куда более скромное ОКБ-2 по зенитным управляемым ракетам, с которыми Устинов расставаться пока не хотел.

В отличие от Устинова, который то строит, то ломает, Королев внутри своего ОКБ особенно ничего не меняет, делает лишь незначительные перестановки. Обладая замечательным даром быстро угадывать нужных ему людей, он, однако, не всегда может сразу точно определить место, где данный человек способен принести максимальную пользу. Для этого Королеву надо какое-то время понаблюдать его в деле и тогда уже решать. К лету 1950 года руководящий состав ОКБ в основном уже определился. Первым заместителем Королева оставался Василий Павлович Мишин. И в этой должности он пробудет до смерти Сергея Павловича, после чего займет его кабинет. Заместителем Главного конструктора становится Василий Сергеевич Будник, начальником проектно-исследовательского отдела – Константин Давыдович Бушуев, сектор прочности возглавил Сергей Осипович Охапкин, оба – будущие заместители Королева. В это же время в ОКБ появляется еще одна очень колоритная фигура – Михаил Кузьмич Янгель.

Это был медвежий угол в прямом и переносном смысле слова. Деревня Зырянова стояла на берегу вольного широкого Илима, как говорили тут – «всего в двух месяцах ходьбы от железной дороги». Медведей здесь действительно было много, и били их знаменитые зыряновские охотники в недоступном по нынешним временам количестве. 25 октября 1911 года в этой деревне родился мальчик Миша. Думали – будущий охотник, оказалось – будущий академик…

Я был знаком с Янгелем, видел его несколько раз на Байконуре, но ни разу не довелось, к сожалению, с ним побеседовать подробно. Помню крупного, крепкого человека, который поначалу не казался крепким, потому что был высок и строен. Мне не приходилось видеть его угрюмым, сердитым, распекающим кого-то за какие-нибудь грехи. В отличие от

Королева, Янгель часто улыбался, а когда на заседаниях Госкомиссии разглядывал своими веселыми, умными глазами очередного докладчика, казалось, что вот сейчас он ему подмигнет. У него были удивительно выразительные глаза. В них легко можно было прочесть: «Ох, и боек ты, братец, но так ли все отлично, как говоришь?..» Или: «Ну-ну, давай, заливай. Наверно, думаешь, тут чурки еловые сидят, хитростей твоих не видят...» Или: «Молодец! Орел! Вот такой, как ты, мне нужен. Сманил бы, но как?» Разное было в лице его. Не было самодовольства, барства, равнодушия. Он говорил: «Плохо, если с количеством званий и наград уменьшается простота и доброта...»

Из глухого сибирского села Янгель приехал прямо в Москву, потом окончил ФЗУ и работал помощником мастера на подмосковной ткацкой фабрике. В двадцать лет вступил в партию. Биография Янгеля яснее и прямее биографии Королева. Причина этому видится в его происхождении: Янгель – «от сохи». Социальное происхождение Королева, если не тормозило его движение по жизни, то уж, во всяком случае, не ускоряло. А у Янгеля – ускоряло. Кому должен был выписать Пушкинский райком комсомола путевку в Московский авиационный институт, как не пареньку из глухого сибирского села, показавшему себя активным рабочим? Кого из числа студентов выбрать в партком МАИ, как не паренька из глухого сибирского села, показавшего себя активным студентом? После окончания института Янгель начинает работать в одном из лучших авиационных конструкторских бюро страны – в КБ Николая Николаевича Поликарпова. Лишь год проработал, совсем еще «зеленый», и новый вопрос: кого направить в длительную зарубежную командировку, как не паренька из глухого сибирского села, показавшего себя способным молодым специалистом? В 1938 году путь Королева лежит на прииск Мальдяк, а путь Янгеля – в Германию, Бельгию, Францию, США. Наверное, более зрелый конструктор с большей пользой для дела мог бы съездить в такую командировку, но где же их взять, многоопытных, бедному авиапрому, окончательно зачуханному арестами «врагов народа» – деятелей «русско-фашистской партии», где отыскать таких, чтобы и многоопытный, и одновременно – из глухого сибирского села? А Янгель, действительно, человек талантливый, наблюдательный и, самое для него главное, – быстро впитывающий знания, общую культуру, новые нормы поведения и человеческих взаимоотношений, неведомые в глухом сибирском селе, не теряя при этом чистоты, откровенности, высокой нравственности и той душевной открытости, которая присуща людям деревни.

Очень многие специалисты, командированные для изучения зарубежного опыта, после возвращения на родину объявлялись шпионами. Вспомним хотя бы Тимофея Марковича Геллера и Александра Сергеевича Иванова – зеков, работавших вместе с Королевым в Омске, которые после поездки в США были обвинены в шпионаже. Янгель счастливо избежал этой участи. Избежал, хотя, вскоре после его возвращения из США, в КБ Поликарпова пришел донос на Янгеля, в котором утверждалось, что он – сын кулака, врага советской власти, скрывающегося с обрезом в тайге. Поликарпов знал, что отец Миши умер три года назад, а до этого был активным колхозником. С благословения Николая Николаевича Янгель тут же едет в Сибирь, не без приключений добирается до родного села и возвращается в Москву со справками его обеляющими. И Поликарпов, и Янгель были людьми наивными: что значили в те времена справки Зыряновского сельсовета, как и все другие справки, если человека решили посадить?! Но, как говорится, пронесло.

Миновал Михаила Кузьмича и гнев Сталина после гибели Чкалова, хотя Янгель имел отношение к испытаниям роковой машины. Даже арест родного брата – скромного учителя географии в далеком Ленинск-Кузнецке – лишь помешал Янгелю стать парторгом одного из крупных авиазаводов, – но не более.

Все это подтверждает то, о чем мы уже говорили: никакой логики в действиях машины репрессий не было. Но нормальному человеку поверить в это трудно и логику все равно продолжаешь искать. И, как мне представляется, одно из вероятных объяснений подобного «везения» Янгеля – его корни: «парень из глухого сибирского села...»

Однако вернемся к Янгелю начала 1938 года, гуляющему по увешанному свастиками Берлину. О его зарубежных впечатлениях известно из писем, которые он присылал своей невесте Ирине Викторовне Стражевой.

«Мне хочется рассказать тебе о своих впечатлениях, о первых пяти днях путешествия по Европе... – пишет Михаил Кузьмич 17 февраля 1938 года. – Очень строгое, даже подчас суровое отношение к нам было замечено почти на всех лицах встречавшихся нам немцев... Отсутствие хотя бы немногих веселых лиц, строго официальное обращение чиновников, размеренность их жестов и движений производят весьма неприятное, стесняющее впечатление. Оно усугубилось, когда мы проехали в глубь страны и посмотрели на Берлин.

Серая природа в это время года, какая-то придавленная тишина как нельзя лучше гармонируют с фашистским духом, дополняют его и делают более ощутимым... Было всего 9 вечера,

но город спал. В окнах домов почти совершенно не было света, оживление на главных улицах было примерно такое же, как у нас на улице Горького в 3-4 часа ночи, никакого смеха, ни одного громкого разговора. Мне все время чудилось, что кто-то умер и жители Берлина находятся в глубоком трауре. Заметно бросается в глаза большое количество военных и почти полное отсутствие продовольственных магазинов. Несмотря на то, что мы шли по одному, между собой не разговаривали, за нами все время следил один тип в сером пальто, поэтому мы побоялись пойти в сторону от главной улицы».

Осуждая образ жизни фашистского Берлина, Янгель не замечает, что, приехав из Москвы начала 1938 года, они сами запуганы не меньше немцев. Им тоже не до смеха и громких разговоров. Почему они идут по одному и не разговаривают между собой? Чего они боятся, ведь их целая группа, а «тип в сером пальто» один?

«В Берлине, – пишет Янгель, – в витринах некоторых магазинов можно увидеть портреты Гинденбурга и Гитлера, причем у последнего вид отъявленного бандита и грабителя». Вспоминал ли он витрины московских магазинов? И не только витрины. Неужели не вспоминал, не сравнивал?

В США Янгель изучает опыт американских авиационников на заводах «Дуглас», «Волти», из Нью-Йорка летит в Калифорнию. Под крылом самолета в зыбком, молочном свете выплывали из ночи неведомые города. Он писал в Москву Ирине, не зная, что эти его слова через много лет станут обязательной принадлежностью всех биографических книг и очерков о нем: «Миллионы разбросанных на большой площади электрических лампочек производят впечатление звездного неба, и фантазия рисует картину, которой я очень увлекался раньше – полета в межпланетном пространстве».

Янгель – убежденный авиатор. Цитату из этого письма биографы Янгеля-ракетчика, думаю умышленно, не всегда приводят до конца: «Быстро мчащиеся автомобили, освещаемые прожекторами сзади идущих машин, как-то невольно наводят мысль на межпланетные корабли будущего. И лучи прожекторов кажутся следами этих кораблей в мировом пространстве. Нелепая фантазия, верно ведь? Но чего только не способна нарисовать фантазия, когда она выскакивает за рамки реально существующего...»

Янгель – не Цандер, он человек земной, и космический корабль для него в 1938 году, действительно, нелепая фантазия. Журналист Владимир Губарев цитирует Михаила Кузьмича: «В те годы я мечтал только о самолетах. Они казались совершенством».

Ракеты его не интересуют, все его планы связаны с авиацией. В системе авиапрома Янгель остается вплоть до окончания войны. Так случилось, что со смертью Поликарпова в июне 1944 года в жизни Михаила Кузьмича начинается некий сбой. Янгель переходит в КБ Артема Ивановича Микояна, но не задерживается там. Потом работает у Мясищева и тоже не долго: КБ расформировали. Его назначают старшим инженером одного из отделов Министерства авиационной промышленности. Дела не идут, работой он тяготится, понимает, что чиновничья деятельность не для него, и в министерстве это тоже понимают. А ведь ему уже 37 лет, это не мальчик со студенческой скамьи, куда попало его не сунешь, ему дело нужно под его рост, а дела такого нет и ничего интересного не предвидится. В 1948 году Янгеля направляют на учебу в Академию авиапрома: пока он будет учиться, что-нибудь для него отыщется.

В академии он продолжает заниматься вопросами авиационными. Курсовая работа – тележка на рельсах для взлета тяжелых самолетов. Тема диплома тоже чисто авиационная: «Расчет крыла истребителя». В 1950 году, когда Янгель оканчивает академию, в стенах которой он, надо полагать, слышал и о Р-1, и о Р-2 – ведь они уже летали, – Михаил Кузьмич о ракетах опять-таки не помышлял, его личные планы по-прежнему связаны с авиацией.

Устинов, который все эти годы постоянно испытывал нехватку специалистов, забирает Янгеля в НИИ-88. 12 апреля – «гагаринский» день! – в трудовой книжке Михаила Козьмича появляется новая запись: «Принят на должность начальника отдела ОКБ...» Так Янгель стал заведовать отделом систем управления в ОКБ Королева.

Почему системы управления? Ведь Янгель никогда ими не занимался, был чистым конструктором? Отдел работал хоть и не плохо, но как-то не дружно. Внутри его постоянно возникали какие-то «партии», группки, претендующие на лидерство, много было пустопорожних споров, в которые изо всех сил старались втянуть Чертока, и была надежда, что новый, да к тому же плохо разбирающийся в деле начальник, сможет оказаться «над схваткой» и оздоровить обстановку. Кроме того, новым назначением Устинов надеялся прикрыть Чертока.

Как раз в это время Сталин приступает к осуществлению своей последней, по счастью, незавершенной репрессивной акции. Говорить о троцкистах или зиновьевцах теперь, после войны, вроде бы смешно, и новым жупелом становится мировой сионизм. По всей стране покатилась мутная волна антисемитизма.

Устинов никогда особенно не интересовался

национальностью своих подчиненных. Главное, – как человек работает. Среди вооруженцев было немало евреев – крепких специалистов, с которыми Устинов проработал всю войну и которым он всегда доверял. Но теперь даже ему не удалось уберечь своего любимца – Льва Робертовича Гонора, Героя Социалистического Труда, настоящего генерала тыла. Гонор был снят с поста начальника НИИ-88 и арестован. Правда, вскоре его освободили. Верный сталинец, Устинов обвинял во всем Берия, который стремился погубить кадры, с таким трудом выпестованные Дмитрием Федоровичем, и как мог защищал своих людей. Однажды среди ночи он позвонил Рязанскому:

– Михаил Сергеевич, разбудил?

Рязанский не сразу сообразил, кто с ним говорит.

– Выйди через полчасика, – надо пройтись, – продолжал Устинов.

Вот тут Михаил Сергеевич сразу проснулся: если министр зовет тебя погулять среди ночи, значит что-то серьезное. Быстро оделся, вышел на улицу. Вскоре подъехала машина Устинова. Улица была пустынна. Прошли метров сто.

– Ни о чем не спрашивай. Завтра отправишь Евгения в командировку. Не тяни, оформи все быстро, и с утра пусть уезжает.

Евгений Яковлевич Богуславский был заместителем Рязанского, в командировки ездил часто, но все командировочные дела решали они всегда сами, без вмешательства министра.

– Куда ему ехать? Зачем? – оторопело спросил Рязанский.

– Миша! Куда угодно!

Только теперь Михаил Сергеевич все понял…

Такая же угроза, как над Богуславским у Рязанского, нависла над Чертоком у Королева. Борис Евсеевич стал уже крупным специалистом по системам управления, и Устинов не хотел отдавать его Берия на растерзание, не говоря уже о чисто человеческих симпатиях. Черток на посту начальника отдела просто резал глаза. Его нужно было задвинуть, упрятать в тень и попросить не высовываться некоторое время: Устинов знал, что эта кампания, как всякая подобная кампания, имеет строго отмеченные временем границы. Волна накатывала, а потом спадала. Вот этот накат и надо теперь переждать. Он решил прикрыть Чертока Янгелем. Правда, у Янгеля тоже была какая-то «подозрительная» фамилия. Невозможно ведь всем объяснить, что происходит она от «янга» – ковша, черпака, в котором казаки варили в походе похлебку: предки Михаила Кузьмича были с Черниговщины. Новое назначение помогало Чертоку переждать смутное время в тени нового начальника, Устинову – сохранить

очень нужного ему специалиста, а Янгелю – приобрести знания в новой для него области, что никогда не мешает, как и выяснилось через несколько лет, когда Янгель стал Главным конструктором.

Но, конечно, поначалу он чувствовал себя не в своей тарелке.

– Мне, сама понимаешь, не легко, – говорил он жене, – я сложившийся самолетчик...

Янгелю, по природе своей – лидеру, ужиться с Королевым – человеком очень нелегкого характера, было трудно. Их «отношения складывались не очень гладко... Похожи у них характеры, упрямства хватит у обоих. Коса и камень», – свидетельствует Владимир Губарев в своей книжке о Янгеле[146]. Ирина Викторовна Стражева, ставшая женой Михаила Кузьмича, напротив, считает, что характеры Янгеля и Королева совершенно разные. Но итог – тот же. «Могу сказать, – пишет она[147], – что близкими друзьями они никогда не были. Много было у них и во время недолгой совместной работы, и после, когда каждый шел своим путем, принципиальных и жарких споров, острых дискуссий...

– Королев горяч, но отходчив, – говорил Янгель».

– Они стоили друг друга, и сравнивать эти два самобытных характера невозможно, – считает биограф Янгеля Владимир Петрович Платонов.

Янгель начал с того, что собрал весь отдел управления и устроил собрание, которое длилось три дня.

– Давайте вынесем сор из избы, чтобы стало чисто, – сказал он. – Высказывайте все свои претензии и выдвигайте конкретные предложения, как нужно дело поправить там, где его нужно поправить...

Люди выговорились, обстановка разрядилась, дела пошли лучше. Королев, конечно, внимательно за всем этим наблюдал, сразу угадав в Янгеле талант организатора. Через год Михаил Кузьмич становится заместителем Сергея Павловича. Еще через год, в мае 1952 года, утвержденный начальником вместо Гонора, Константин Николаевич Руднев ушел на повышение – заместителем Устинова по ракетным делам, и Янгель назначается начальником НИИ-88, т.е. начальником Королева.

Вот это пережить Королеву было трудно! Да и то сказать, ракетный стаж Королева, если считать с ГИРД, – уже двадцать лет, а в начальники ему назначают человека не только более молодого, но и заведомо менее опытного, который только два года назад узнал с какого конца ракету поджигать надо. Наверное, это понимал и Устинов, но изменить систему, в которой деловые качества, опыт, знания и творческие способности всегда отступали, пропуская вперед социальное

положение, партийность, национальность и другие, не имеющие к прогрессу решительно никакого отношения, обстоятельства, он не мог. Да вряд ли и хотел ее менять, поскольку сам был вскормлен и взращен ею. Королев – бывший зек, беспартийный. Как он может быть директором?! Янгель – талантливый организатор, член партии, не говоря уже о том, что он – парень из глухого сибирского села!

Обиженный Королев решил сразу показать свой норов. На первое большое совещание, на которое Янгель пригласил Глушко, Пилюгина, Рязанского, Кузнецова и других смежников, Королев не явился, придумав (или организовав) вызов в министерство. Оглядев присутствующих, Михаил Кузьмич сказал:

– Королева нет? Жаль. Кто от Королева? Мишин? Ну и отлично! Давайте начинать...

Королев появился к концу совещания, извинился, что не мог присутствовать, поскольку...

– Ничего страшного, – весело перебил его Янгель, – мы тут без вас уже все вопросы решили...

Это был хороший урок для Королева, который понял, что хочешь не хочешь, а считаться с новым назначением Янгеля ему придется, иначе он рискует вообще остаться не у дел, а более страшной перспективы для Королева не существовало.

И еще один урок преподал Янгель Сергею Павловичу. Именно с появлением в ОКБ Янгеля Королев остро почувствовал свою партийную изоляцию. Янгель очень часто обращался в партком, выносил вопросы на собрания коммунистов, решения которых шли куда-то наверх и возвращались уже затвердевшими от резолюций, превращаясь из пустой институтской писульки в Документ. Беспартийный Королев, используя известные и им самим изобретенные рычаги власти, к рычагам партийным никогда не прибегал и прибегать не мог. И теперь он убеждался, что его положение вне партии – ущербно, оно мешает делу, тормозит его. Он решает вступить в ВКП(б). Относится к этому очень серьезно, неторопливо, подбирает и внимательно читает политическую литературу, даже возит ее с собой в командировки. Еще летом 1950 года Королев оканчивает вечерний университет марксизма-ленинизма. Что уж там ему рассказывали о нарастании классовой борьбы, что он по этому поводу отвечал, – не знаю, но университет он оканчивает, да еще и с отличием! Активную помощь в подготовке ответов на всевозможные каверзные вопросы, которые ему могут задать на выборном собрании, оказывала ему Белла Эммануиловна Апарцева, заведующая парткабинетом НИИ-88. Несколько вечеров просидели они, чеканя формулировки. Мудрая пропагандистка

никак не могла растолковать Сергею Павловичу, что просто знать – мало, надо знания свои облечь в единственно допустимые канонические формы, забвение которых карается строже невежества.

В марте 1952 года Королева принимают кандидатом в члены партии. В рекомендации, которую дал ему старый друг Юрий Александрович Победоносцев, есть такие слова: «Будучи чрезвычайно твердым в отстаивании и проведении в жизнь своей линии, товарищ Королев нередко встречал энергичный отпор и сопротивление. На этой почве у него иногда возникали конфликты с отдельными работниками и товарищами по работе. Однако товарищ Королев всегда оставался последовательным и принципиальным в намеченном им решении того или иного вопроса... Рекомендую товарища Королева кандидатом в члены ВКП(б). Надеюсь, что он будем достойным коммунистом...»

Кандидатский срок Королева истек как раз во время первого пуска Р-5. Вернувшись только в начале июня в Подлипки, Сергей Павлович пишет заявление:

> «В партийную организацию ОКБ-1 завода им. Калинина.
>
> Королева Сергея Павловича, кандидата в члены КПСС с марта месяца 1952 г.
>
> к/к 10012568.
>
> Заявление
>
> Прошу принять меня в члены Коммунистической партии Советского Союза. Хочу быть в рядах активных участников построения Коммунистического общества в нашей стране.
>
> Обязуюсь всегда высоко держать звание члена партии Ленина-Сталина.
>
> 30 июня 1953 г.
>
> Королев.»

Собрание 15 июля 1953 года проходило в зале, где работали конструкторы. Доски с кульманами опустили, сразу стало просторно и светло. За распахнутыми окнами весело гомонили птицы, но люди их не слышали, все были очень серьезны, а Королев – серьезнее всех. Конструктор Евгений Александрович Тумовский, бывший позднее, в «космические» уже времена, секретарем парткома ОКБ, вспоминает: «На собрание пришли все коммунисты КБ. Королев заметно волновался. Рассказал биографию, ответил на ряд вопросов умно и строго, без лишних слов. Чувствовалось, что это событие имеет для него как руководителя особое значение, и в отношениях его с

подчиненными наступают определенные изменения».

– За что вы были осуждены? – спросил секретарь парткома Медков.

Королев набычился, некоторое время молчал, потом ответил не глядя на Медкова:

– Мне разрешено на этот вопрос не отвечать....

Сергей Павлович находился в положении весьма щекотливом. Все дело в том, что он не был реабилитирован, т.е. не был объявлен человеком невинно осужденным. Он был помилован, со снятием судимости – юридически это совсем разные вещи. Формально рассуждая, в партию принимали прощенного и потому освобожденного преступника. Именно это обстоятельство вызвало большие сомнения при утверждении решения собрания в райкоме: ведь зек! Но все-таки приняли...

Став коммунистом уже после назначения Янгеля директором НИИ-88, Королев политически как бы сравнялся с ним, что предопределяло дальнейшее обострение соперничества. Устинов, кажется, уже понимал, что рассаживать этих двух медведей по разным берлогам все равно придется, что усмирить своенравие Королева никакой директор никогда не сможет и есть только один способ справиться с ним – лишить его монополии на ракеты дальнего действия, создать ему конкурента. Впрочем, конкурент нужнее был не только и даже не столько для обуздания непокорного Королева, сколько в интересах развития ракетостроения вообще.

Тут самое время, наверное, оговориться. При всех битвах честолюбий, при всех демонстрациях собственных амбиций, характера, воли, а подчас и упрямства, при всем разнообразии форм и методов руководства одними людьми и подчиненности другим, даже при несходстве взглядов на события, происходящие в стране, и разной степени преданности вождю – при всем при том и Королев, и Янгель, и Устинов были людьми идейными. Я понимают под этим беспредельную преданность идее своего труда, которая лежала в основе их нравственности. Создать оружие, способное защитить страну, – вот что их, действительно, всегда объединяло.

В начале 50-х годов стало ясно, что ракетная техника перерастает первоначально определенные ей рамки и требует создания новой отрасли промышленности, что один опытный завод в Подлипках не сможет обеспечить армию новым оружием в массовом количестве и никакая его реконструкция тут не поможет: ему просто некуда расти.

Сталин поручает Устинову изучить вопрос и представить свои соображения. Устинов понимает, что уже сам факт поручения

Сталина развязывает ему руки. В этой ситуации он может не затевать нового многолетнего и многомиллионного строительства, а попытаться отнять у кого-нибудь уже готовый завод. Но у кого? Устинов был реалистом и понимал, что большой завод с налаженным производством, с добытым кровью и потом оборудованием, со своими людьми, наконец, без боя никто ему не отдаст. Причем невозможно заранее предсказать, на чью сторону в этом бою встанет Сталин, и есть весьма вероятный шанс бой этот проиграть, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот, если бы найти новостройку, еще не закостеневшую в министерских планах, где дело только налаживается, где еще даже не все выстроено… Подобная экспроприация, когда один строит, а едва выстроит, появляется другой, нахрапистый, и, руководствуясь «высшими интересами государства», выстроенное присваивает, практиковалась довольно широко и даже нашла свое литературное отражение в известном рассказе Солженицына «Для пользы дела».

В конце концов, Устинов обнаружил то, что искал, и разработал свой коварный план. Еще в 1944 году, едва наши войска погнали немцев за Днепр, в Днепропетровске решено было начать строительство автомобильного завода. Строился он трудно и медленно, но в начале 50-х годов начал выпускать продукцию. Постепенно усложняя производство, от прицепов перешли к автопогрузчикам, от автопогрузчиков – к грузовикам и амфибиям. К тому времени, когда Устинов «положил глаз» на завод, там было выпущено только около сотни автомобилей. Место отличное, город индустриальный, с рабочими традициями, – лучше не найдешь. Устинов доложил Сталину. Обсуждение длилось недолго. Министр автомобильной промышленности пискнул было, что, мол, стране нужны грузовики, но в заключительном слове товарищ Сталин объяснил ему, что если у нас будут ракеты, то грузовики наверняка будут тоже, а если ракет не будет, то, возможно, не будет и грузовиков. Судьба автомобильного завода была решена.

Первоначально думали именно о заводе, который смог бы наладить массовое производство ракет. О том, что туда отправят Янгеля, речь не идет. В феврале 1952 года первый «московский десант» высаживается на берегах Днепра. Королев отправляет туда своего заместителя Василия Сергеевича Будника – он станет ненадолго Главным конструктором нового КБ, главного технолога опытного завода Сергея Николаевича Курдина – он станет Главным инженером, талантливого проектанта Вячеслава Михайловича Ковтуненко, будущего Главного конструктора межпланетных станций, начальника ОТК Тихона Романовича

Соловьева, начальника цеха сборки Германа Яковлевича Семенова и многих других специалистов. (Семенов ехать не хотел, но Королев настоял, он страшился даже намека на какую-либо семейственность, а Герман был женат на родной сестре Нины Ивановны.) Все эти люди были нужны Королеву, но еще нужнее ему было наладить на новом заводе массовый выпуск своих ракет. Он все время наезжает в Днепропетровск – в мае, в июне, в сентябре 1952 г. – проверяет, как идут дела, помогает, как может. Завод очень быстро становится на ноги. Ясно, что на его базе нужно создать свое конструкторское бюро. Оно создается в апреле, а в июле 1954 года Михаил Кузьмич Янгель назначается руководителем нового КБ и одновременно завода. С этого момента заканчивается монополия Королева на ракеты дальнего действия.

Как раз в то лето я – студент ракетного факультета МВТУ – работал на производственной практике в цехах Автозавода, – так называли его в Днепропетровске по старой памяти. Все в городе, конечно, знали, что он выпускает: на заводе работало несколько десятков тысяч человек и сохранить тайну его производства было невозможно. Но готовую продукцию, пусть и в закрытых вагонах, служба режима распорядилась отгружать только с наступлением полной темноты, очевидно, вспомнив Гоголя: «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее...» Служба режима стремилась, в противовес Николаю Васильевичу, чтобы как раз поменьше «всматривались».

Василий Сергеевич Будник

Михаил Кузьмич Янгель с внуком Димой

Партийный билет С.П. Королева

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

№08683575

Фамилия Королев

Имя и отчество Сергей Павлович

Год рождения 1906

Время вступления в партию Июль 1953 партколл Мытищинского з-да им Калинина ГК КПСС Московск. обл.

Время выдачи партбилета 4 марта 1960 г.

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ 1960 год

Месяц	Месячный заработок	Членский взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль	15000	450 00	
Март	15000	450 00	
Апрель	15000	450 00	
Май	15000	450 00	
Июнь	15000	450 00	
Июль	15000	450 00	
Август	15000	450 00	
Сентябрь	15000	450 00	
Октябрь	15000	450 00	
Ноябрь	15000	450 00	
Декабрь	15000	450 00	

49

Мир стоит до рати, а рать до мира.

Русская пословица

Продолжим тему Гоголя...

В России не редкость, если самое серьезное дело вдруг обернется комедией, то и фарсом, если из строя, достойно радующего глаз единством линии, вдруг неожиданно вывалится что-то несообразное, курьезное и обращающее весь этот строй в конфуз, в, прости господи, какой-то пуф. Не потому ли великая русская литература дала миру таких писателей, как Гоголь и Салтыков-Щедрин, коим трудно найти аналога в литературах иных народов?

Увы, не миновала чаша сия и славнейшую нашу ракетную технику, которая тоже украсила свою летопись историей, доселе нигде не записанной, но настолько близко лежащей к истинно народным сказам и былям, что она, безусловно, достойна того, чтобы ее записать, не говоря уже об историческом значении сей летописи, повествующей о невозвратимом прошлом. Итак...

История о том, как мыши съели Волкодава

В одной из центральных областей России, в какой, – известно, но называть ее мы не будем, чтобы унять сердцебиение разведчиков, находился большой склад ракет дальнего действия. Этот факт не может представлять собою секрета сам по себе, коль скоро первый человек государства – Никита Сергеевич Хрущев с высокой трибуны сообщил всему миру, что ракеты эти мы делаем в великом множестве, как колбасы. Но при такой резвости производства, с одной стороны, и отсутствии войны – с другой, ракеты неизбежно должны накапливаться, а значит, и склад для их хранения необходим и обязателен с учетом важности и дороговизны самого предмета бережения. Склад был столь велик, что заведовал им не какой-нибудь старшина-сверхсрочник, тихо живущий, подобно яблочному червяку, в окружении бесплатной и сочной мякоти армейского довольства, а настоящий генерал с боевой фамилией Волкодав.

Неподалеку от склада протекала река, не большая, но и не маленькая, название которой Вам наверняка известно, но которое

мы опять-таки называть не будем. И не только по упомянутой выше причине, но и потому еще, что всякие частные уточнения лишают нашу историю эпичности, низводя ее до разряда губернского приключения. Так вот, в январе 1953 года неожиданное и резкое потепление, охватившее всю Европейскую Россию привело к обильному таянию уже опустившихся на землю снегов, разливу рек и затоплению угодий. Однако склад ракет был сооружен столь расчетливо и продуманно, что никакой паводок не смел достичь его границ. Но вода настигла тысячи мышиных норок в полях и нивах, окружающих склад. Хозяева их готовились к мирной и тихой зимовке и теперь были изгнаны из родных пределов стихией, которая в одночасье лишила их накопленного многомесячным трудом пропитания. Бедным полевкам ничего не оставалось делать, как устремиться на склад ракет дальнего действия, ища спасение в сухом и теплом чреве огромных машин.

Подобно тому как в замечательной сказке о Коньке-Горбунке Рыба-Кит дала пристанище целому народцу, баллистическая ракета Р-1 населилась тысячами жертв капризной зимы. Ни проволочные и иные заграждения, ни образцово поставленная караульная служба, ни запретительные приказы самого генерала Волкодава не могли остановить великого похода невинных страдальцев. Наверное, самым правильным было бы, щедро расставив кормушки с зерном, отвлечь, таким образом, несчастных беженцев от боевой техники, однако то ли Волкодав не увидел такого решения, то ли посчитал зазорным для советского генерала подкармливать вредителей колхозных полей, но он этого не сделал. Великий инстинкт самосохранения заставил мышиную рать, не дождавшись политически близоруких решений Волкодава о подкормке, искать собственные пути к спасению. И они нашли их. Изоляция на электропроводах внутри ракет оказалась хотя и невкусной, но все-таки съедобной. И мыши изоляцию съели! А вместе с изоляцией съели и Волкодава: шуточное ли дело загубить столь важный арсенал!

В подобном умалении боеспособности нашей армии человек непредвзятый не сразу разглядит личную вину генерала Волкодава. Однако давно уже известно, что если солдата наказывают за провинности, лично им совершенные, то офицера, а тем паче генерала, чаще всего карают за проступки, персонально к нему никакого отношения не имеющие, а лишь случившиеся в пределах им контролируемых. Волкодав мышей на склад не звал, предвидеть и предотвратить мышиный налет не мог, но отвечать за него был обязан, поскольку армия тем и сильна, что какое бы печальное событие внутри нее не

произошло, всегда можно найти человека, за него отвечающего, и наказать его.

Вскоре на склад приехал наш давний знакомый генерал Гайдуков и снял бедного Волкодава с поста за преступную халатность. В конструкторские бюро спустили дополнительные технические условия, исключающие применение в ракетах съедобных материалов. В ракетное хранилище срочно завезли ремонтников с опытного завода в Подлипках и котов. В течение нескольких дней последствия мышиного варварства были ликвидированы. Окончание ремонта отметили баней с вениками и квасом, а главных ремонтников Гайдуков пригласил на ужин с жареной уткой в окружении печеных яблок...

Всякому ясно, что история о том, как мыши съели Волкодава, – суть вздорное кривое зеркало, никак не отражающее истинную картину жизни армейских складов, но она продолжает жить долгие годы, передаваясь из уст в уста и веселя уже не одно поколение ракетчиков.

Узнав эту историю, Королев хохотал до слез. А потом задумался. Дело не в съедобной изоляции, конечно. Погубленный мышами Волкодав лишний раз напоминал о несовершенстве Р-1, родной сестры (если не сказать близняшке) Фау-2. Это была не его ракета, это был черновик, который он написал, прежде чем приступить к собственному сочинению. Он слишком хорошо видел несовершенства «единички», видел, что и в «двойке» ему удалось избавиться лишь от некоторых из них, и поэтому еще в то время, когда на заводе в Днепропетровске лишь готовились приступить к массовому производству ракет дальнего действия, он уже задумал новую машину, которая должна была прийти на смену «единичке». Сохраняя по возможности ее преимущества, она должна была освободиться от большинства ее недостатков. Прежде всего, требовалась мобильность, свобода от заранее сооруженной, забетонированной стартовой площадки. Жидкий кислород держал Р-1 на привязи, как собаку на цепи. Условия хранения сверххолодной жидкости делало ракету неповоротливой. Кислород надо было заменить так называемым высококипящим[148] окислителем на основе азотной кислоты, который может храниться в заправленной ракете долгое время. Ракета должна быть небольшой, компактной, простой в эксплуатации, дешевой в производстве. Исаев предложил двигатель без турбонасосного агрегата, который стоит не меньше самого двигателя. Топливо пойдет в камеру сгорания без насосов, оно будет вытесняться, выдавливаться из баков повышенным давлением. Королев знал великую формулу Ломоносова: «Что в одном месте прибудет, то в другом убудет», и понимал, что за все

эти преимущества – сокращения размеров, простоту, мобильность – платить придется. И он платил. Дальностью. Р-1 летала на 280-300 километров. Р-11 – так называлась новая машина, полетит на 140-150. Но если рассматривать эту ракету как оперативно-тактическую, а именно такой она задумывалась, то это цифры одного порядка. Кажется, и военные это понимали.

Да, конечно, Сергей Павлович был увлечен этой работой, но очень многие ветераны ОКБ говорили, что назвать эту ракету любимым детищем Королева было бы ошибкой. Он относился к ней со сдержанной холодностью, понимал, что она нужна армии, что ее ждут, понимал, что и ему самому она нужна для упрочения позиций ОКБ, но не более. «Крестным отцом» Р-11 был Василий Павлович Мишин. Эта машина во многом определила путь в ракетную технику и другого замечательного конструктора, выдающегося ракетного оружейника, будущего академика, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной и Ленинской премий Виктора Петровича Макеева.

Макеев подключился к этой работе во время первых летных испытаний Р-11, которые проходили весной и летом 1953 года. Десять пусков выявили изъяны двигательной системы. Это была первая совместная работа Исаева с Королевым, и Алексею Михайловичу хотелось, чтобы его двигатели не уступали двигателям Глушко, на которых летали все ракеты Королева. Поэтому Исаев решил разобраться во всем фундаментально и на понукания Королева не реагировал. Только через год, в апреле—мае 1954 года, испытания были продолжены, ракета научилась летать хорошо, и уже в июле 1955 года Р-11 была принята на вооружение.

Королев отправил Макеева в Златоуст налаживать выпуск Р-11, а сам загорелся новой идеей: а что если сделать морской вариант? И даже не просто морской, а подводный?! В Ленинграде он находит Главного конструктора подводных лодок Исанина и с напором, только ему присущим, атакует Николая Никитича. Много раз писали о плодотворном сотрудничестве двух замечательных ученых – Королева и Курчатова, создавших ракетно-ядерный щит, и никогда не упоминалось не менее замечательное сотрудничество Королева и Исанина, которое не только щит этот еще более укрепило, но и потребовало коренного пересмотра многих глобальных военных доктрин.

Р-11ФМ – морской вариант сухопутной ракеты – был интересен Королеву прежде всего новизной старта: ракета должна была попадать точно в цель, улетая с корабля, вне зависимости от того, что на море: штиль или шторм. Стартовый комплекс для

ракеты, улетавшей с подводной лодки, прозванный ракетчиками «Рога и копыта», – детище Анатолия Петровича Абрамова, – одного из талантливейших конструкторов ОКБ Королева. В одном из ленинградских ОКБ сделали специальную качающуюся платформу, с которой и проводили опытные пуски морской ракеты.

Еще до этого на полигоне построили макет рубки подводной лодки с перископами и антеннами, с которого было проведено несколько стартов, чтобы убедиться, что струя раскаленных газов не повредит саму подводную лодку.

Ведущим конструктором Р-11ФМ Королев назначил молодого и очень талантливого инженера Ивана Васильевича Попкова, которого любил и которому, безусловно, доверял, но когда начались испытания на Северном флоте, Королев усидеть в кабинете не мог, тем более что он был назначен техническим руководителем испытаний. Вспоминается станция Планерская, куда возил Королев Фридриха Цандера, чтобы показать ему, как здорово он летает на бесхвостке. Годы разные, техника другая, а психологически здесь много общего. Была в этом какая-то забытая юношеская романтика: море, соленые брызги, подводная лодка, переваливающаяся на волне. Наверное, он Одессу свою вспоминал, Хлебную гавань...

Первый выход Королева в море состоялся еще в 1953 году и для дела был совершенно не нужен, просто очень уж было интересно поплавать на подлодке. Но, начиная с 1955 года, Сергей Павлович фактически руководит всеми морскими испытаниями. Имея опыт Кап.Яра, Королев пригнал в Северодвинск свой вагон с зальчиком для заседаний, кабинетом и спальней (в Капустном Яре к этому времени уже отстроились, и вагон был не нужен, жили в коттеджах). Как и в Кап.Яре, был здесь и свой «морской Вознюк» – начальник испытательного полигона Илья Алексеевич Хворостянов, будущий адмирал. Единственно, что создавало Сергею Павловичу непривычный душевный дискомфорт, так это, наверное, то, что официальным руководителем всех работ был все-таки не он, а Исанин. Это не мешало их дружбе, но Королев, конечно, ревновал Исанина к работе, хоть и скрывал это, с добродушной улыбкой называя Николая Никитича «главнющим» конструктором.

В сентябре подводная лодка «Б-67», которой командовал капитан II ранга Федор Иванович Козлов, была подготовлена к первому ракетному пуску. Королев приехал загодя и внимательно следил за всеми операциями по загрузке ракеты на подводный корабль. В ракетном отсеке он уселся на брезентовой разножке позади операторов, контролируя все их действия во время

генеральных испытаний.

Ранним утром 16 сентября 1955 года подлодка вышла в море. Стоял тихий, но пасмурный, серый денек, море было спокойным, что очень расстраивало Королева: качка усложнила бы задачу и дала бы более интересные результаты. В надводном положении лодка пришла в заданную точку полигона. Королев с Попковым сначала сидел у пульта. Сыграли «боевую тревогу». Но все и так уже давно сидели на своих местах, оставалось только надеть шлемофоны. Королев поднялся в боевую рубку. Стоя рядом с командиром, отдавал команды стартовикам по циркуляру. Голос ровный, спокойный. Он понимает, что волнуются все, и сам он тоже очень волнуется, но волнение у людей надо снять. Тогда и у тебя оно уйдет.

– Пуск! – громко, но спокойно говорит Королев.

И тишина. Моряки были уверены, что грохот начнется в тот же миг, и на секунду растерялись от тишины. Потом вдруг что-то загремело, затрещало, громче-громче, потом тише-тише... И все?! И все.

Обнимались, поздравляли друг друга.

– Сергей Павлович, – сказал Запольский, – а ведь сегодня исторический день: день рождения ракетного оружия Военно-Морского Флота!

– Правильно! Именно так! Вы большой молодец, Анатолий Александрович! – Королев крепко пожал руку офицера. Он был явно доволен успехом этих первых испытаний и непривычно словоохотлив. По дороге на базу, когда все свободные от вахты офицеры собрались в кают-компании, Сергей Павлович весело рассказывал о том, как он летал в молодые годы и однажды разбился на планере, при этом в немалой степени фантазировал...

Королев на лодке никогда не ночевал: рано утром уходили на полигон, поздно вечером возвращались. Иногда во время перехода позволял себе отдохнуть в командирской каюте. Костюм во время второго своего приезда он сменил на довольно щеголеватый комбинезон на «молниях», который вызвал потаенные улыбки моряков. Королев это заметил и больше комбинезон не надевал. Однажды, пролезая в толстом драповом пальто через свежеокрашенный люк, испачкал рукав суриком, но никакого неудовольствия не выказал, напротив, сказал с улыбкой:

– Приятно видеть, что вы любите свой корабль и бережете его...

В декабре 1955 года командиром опытной лодки был назначен другой офицер – Иван Иванович Гуляев. Королеву это не понравилось: в вопросах различных служебных перестановок он был человеком консервативным. Причем не только в делах прямо

его касающихся. На полигоне его раздражала смена каких-нибудь штабистов, хозяйственников, даже связистов. Здесь он был похож на Менделеева, который тоже крайне неохотно менял своих лаборантов, служителей, долгие годы не расставался с одним переплетчиком, сапожником, портным. Королев, прежде всего, должен был знать, почему сменился тот или иной человек, а еще лучше – коли уж смена необходима, происходить она должна по его воле и желанию. Поэтому Гуляева встретил он поначалу настороженно, но уже после первого отстрела с новым командиром поверил в него, «принял». Гуляев оказался на редкость собранным и волевым человеком, блестяще организовавшим испытания в предельно сжатые сроки. Королев был очень доволен.

Перед подводным ракетоносцем стояла теперь новая задача: нужно было убедиться, что длительное хранение заправленных ракет в условиях дальнего похода не приведут к их отказу во время пуска. Лодка с ракетами уходила в море на месяц, два, потом – на много месяцев. Подводникам другие моряки всегда завидовали: они могли в любой момент уйти от непогоды, погрузившись на несколько метров. Но лодка Гуляева специально искала ненастье и никогда не пряталась под волны. Это были тягчайшие походы даже для бывалых моряков. Штормы достигали девяти баллов, при этом в течение многих часов крен доходил до 45 градусов. В общей сложности во время этих походов опытный ракетоносец прошел более десяти тысяч миль в трех морях Ледовитого океана.

Королев в этих походах не участвовал не из робости перед трудностями, а просто потому, что не мог отлучаться из КБ на столь долгий срок. Но, возвращаясь из похода, Гуляев всегда видел на причале коренастую фигуру Главного конструктора: Королев непременно встречал подлодку. Гуляев забирал Сергея Павловича на борт и уходил на полигон. После отстрела одной ракеты Королева ссаживали в Северодвинске, добирали одну ракету и снова уходили в море.

После завершения этой многомесячной работы Государственная комиссия, в которую входил и Сергей Павлович, отметила в своем заключении, что «впервые получен ряд важных экспериментальных данных, необходимых для дальнейшей разработки ракетного оружия и кораблей-носителей этого оружия, а также получен опыт эксплуатации систем и устройств, входящих в комплекс ракетного оружия».

Перед началом испытаний 1956 года главком адмирал Горшков собрал совещание по итогам прошедших стрельб. Докладывал Гуляев. Главком перебивал его несколько раз, но

Иван Иванович держался молодцом, сбить себя не позволил. Королев, Исанин и другие дружно поддержали доклад, похвалили подводников.

Горшкову это понравилось, он помягчел и в заключение тоже похвалил, впрочем, в сдержанных выражениях, приличествующих главкому.

Самые хорошие воспоминания о работе с моряками сохранились у Королева, наверное, еще и потому, что испытания эти были на редкость удачными, проходили почти без отказов и нервотрепки. За все время испытаний лишь один раз ракета не запустилась. Взведенная, она стояла на старте и не хотела улетать. Вся лодка замерла – ждали решения технического руководителя. Королев думал. Очень хотелось отвезти ее на берег и там спокойно разобраться в причинах отказа. Это нужно сделать, чтобы отказ не повторился. Но идти на базу с взведенной ракетой... Если она не запустилась, когда надо, что мешает ей запуститься, когда не надо? И почему бы ей вообще не рвануть на лодке? Нет, идти с ней на базу нельзя, придется утопить к чертовой матери...

– Аварийный выброс! – скомандовал Королев. Ракета пошла на дно.

– Вы, Сергей Павлович, видать, в такой ситуации не раз бывали, привыкли, спокойны, – сказал старпом Вадим Константинович Коробов.

– Нельзя к этому привыкнуть, – устало отозвался Королев. – У меня вся рубашка мокрая...

Морякам запомнился еще один случай, когда в пути на полигон сгорел какой-то трансформатор и Королев приказал, не теряя времени, возвращаться на базу. На свою беду там в это время находился заместитель главкома. Едва лодка подошла к пирсу, он набросился на Гуляева: как он посмел вернуться на базу без разрешения?! Тут вмешался Королев, да так рявкнул на адмирала, что тот остолбенел: в его адмиральском воображении никак не укладывалось, кто, кроме главкома, может так орать на него в расположении его базы?!

Морское военное начальство мало отличалось от сухопутного военного начальства: скептиков было предостаточно. В лучшем случае они помалкивали, чутко обратив ушки-топорики к Москве. Поэтому Королев был очень благодарен Сергею Георгиевичу Горшкову за поддержку. Он был моложе Королева, в 46 лет стал Главнокомандующим Военно-Морским Флотом и много сделал для его перевооружения. Но чаще всего среди кадровых моряков отношение к ракетам было настороженное и, что для Королева было особенно обидно, – не всегда уважительное. Однажды на

пуск вместе с ним пошел командующий флотом Чабаненко. Королев, которого жизнь не раз заставляла верить в реальность «визит-эффекта», нервничал: ему-то что, но подводники, имея на борту столь высокое начальство, конечно, волновались. Пуск прошел, как говорится, без сучка, без задоринки.

– Ну как? – не без гордости в голосе спросил Королев у командующего.

– Гремит, как кастрюля, – ворчливо ответил адмирал.

Больнее обидеть Сергея Павловича было трудно...

Морские ракеты совершенствовались, становились специальным видом вооружения. На первых пусках, которыми командовал Королев, стреляли, собственно, не из подводной лодки, а с подводной лодки: лодка всплывала, со дна шахты вместе с ракетой выдвигался стартовый стол, с которого и проводили пуск. Лодка могла взять на борт лишь две ракеты. В дальнейшем старт был настолько усовершенствован, что лодка вела стрельбу из-под воды и боезапас ее стал значительно больше. В 1957 году лодку с ракетами, после того как ее покинул экипаж, и она ушла на глубину, атаковали глубинными бомбами, проверяя взрывобезопасность ракет. И эти испытания ракеты выдержали. Королев уже не принимал в них участия.

– Теперь все ваши вопросы – к Виктору Петровичу, – говорил он подводникам. – Он у нас настоящий морской волк...

А было «морскому волку», когда он начал этим делом заниматься, двадцать девять лет...

Циолковский – первое поколение наших ракетчиков, начало отсчета, Королев – второе, Макеев – уже третье, он на 18 лет моложе Сергея Павловича. Дело не в возрасте, а в условиях работы. Макеев пришел в ракетную технику, когда она уже была признана и становилась привилегированной отраслью техники. Начинать ему было легче – он шел как бы по накатанной лыжне, но обгонять труднее – слабаков на трассе не было.

Макеев родился под Москвой в поселке при Коломенском паровозостроительном заводе, рабочим которого был его отец. Через шесть лет семья переехала в Москву, и отец стал токарем на авиазаводе № 22 в Филях, – не раз завод этот уже назывался в нашей книге. Виктор окончил семь классов и тоже пошел на завод – стал чертежником в КБ Болховитинова. Тогда в Филях работали замечательные юноши: Янгель, Черток, Макеев, – но завод и КБ были слишком большими, чтобы они могли узнать друг друга. Да и разница между дипломированным инженером Янгелем и мальчишкой-чертежником Макеевым слишком велика была тогда. Когда началась война, завод, как вы помните, эвакуировался в Казань.

– Там я впервые увидел Королева, – говорит Виктор Петрович.

– И что же?

– А ничего! Увидел и забыл навсегда!

– И никакого «внутреннего голоса»?

– Полнейшая тишина!

Мы лежим на зеленом косогоре на берегу озера. Июль. Тепло. По озеру плавает много яхт и лодок. Визг, крики, плеск – звуки человеческого скопления у воды. Но они почему-то совершенно не мешают нашему разговору. Это – зона отдыха его КБ и завода, здесь все знают Виктора Петровича в лицо, но никто не обращает на него никакого внимания. А может быть Главный конструктор в плавках не воспринимается как Главный конструктор! Вытащить Виктора Петровича на этот косогор было не легко, но еще труднее было разговаривать в кабинете в постоянных телефонных трелях, в поминутных бумагах, которые молча тянули к нему люди, неслышно, как воздух, проникающие в кабинет. Здесь хоть телефона нет, а ручка только у меня, резолюции он накладывать не может – полностью обезоружен...

– Ни о каких ракетах я не думал, – говорит Макеев, покусывая травинку, – я в авиацию был влюблен. Как вернулся из эвакуации – сразу в МАИ. Трудно было, голодно. Подрабатывал, где мог. На фабрике «Дукат» – платили сигаретами. В институте одном платили спиртом из-под дохлых змей. В ЦАГИ работал, у Мясищева. А диплом пришел делать к Королеву. Темы СП сам утверждал, знал темы всех дипломников. У меня был диплом о полете человека в космос. Куда потом идти работать? Я договорился с одной организацией поближе к дому. Королев рассвирепел, диплом снял с защиты, чертежи арестовал, вызывает:

– В чем дело?!!

– Я в Филях живу, мне в Подлипки в один конец ехать два с половиной часа...

– А если я тебе жилье дам? Ты веришь мне, что я через 3-4 месяца дам тебе жилье? Веришь?

Я слушаю Макеева и думаю: «Ну, почему Королев в него вцепился? Мальчишка зеленый, дипломник, зачем он ему нужен? Каким же необыкновенным чутьем на таланты обладал Главный конструктор...»

– Работал я в проектном отделе у Сергея Сергеевича Крюкова, – продолжает Виктор Петрович, – и был очень активным комсомольцем. Выбрали меня в комсорги ОКБ. Я не стал дожидаться пока СП свое обещание с квартирой выполнит, построили мы дом методом «комсомольской стройки», там и поселился. А потом забрали меня в ЦК ВЛКСМ. Я отбивался, как

мог, но не отбился. Определили меня инструктором отдела рабочей молодежи. Занимался металлургией и углем. Без конца командировки: Донбасс, Кузбасс, Тула... Очень много работал. Решили меня поощрить и послали на Олимпиаду в Хельсинки заместителем руководителя по политчасти команды вольной и классической борьбы. Видно, я всех ребят воодушевил невероятно, потому что все пятнадцать золотых медалей были наши...

Вернулся в Москву и думаю: ну, хватит воодушевлять, пора за дело браться. Поехал в Подлипки, пришел к Королеву, так и так, не по мне эта работа, хочу обратно. Возвращение «блудного сына» состоялось. Вот тут и подключили меня к «одиннадцатой» машине... Ездил на испытания в Кап.Яр, пока не научили ее летать.

Летом 1955-го, 6 июня, как сейчас помню, приехал я первый раз в Златоуст, пускать Р-11 в серию. Пустил. Вернулся. Вызывает Королев:

– Виктор Петрович, что бы вы сказали, если бы мы предложили вам должность заместителя Главного конструктора Уральского филиала?

Я подумал и говорю:

– Нет, Сергей Павлович, я на Урал поеду только Главным конструктором.

Королев от такой наглости обомлел, смотрит на меня и молчит. Ведь после ЦК я только три года проработал в ОКБ, мальчишка, щенок, тридцать лет мне было. Сергей Павлович не возмутился, не разозлился, просто он очень удивился. Да... Потом я и Устинову так сказал. Тот только улыбнулся и головой покрутил. А я действительно очень хотел стать Главным, свободы хотел и чувствовал, что справлюсь...

– Ничегошеньки этого тут не было, – он обвел рукой купальщиков и яхтсменов. – Куковал я один в гостинице. Через год получил квартиру, привез семью. И начал тут жить... Ну, вот и все, наверное...

За косогором в лесу стояли легкие домики, этакие чистенькие курятнички, и курятничек Главного конструктора ничем не отличался от остальных. Там мы обедали и долго еще говорили, до вечера.

То, чем кончил Макеев свой рассказ, было не концом, а началом. В начале 1956 года Виктор Петрович получил от Королева эскизный проект новой модификации морской ракеты и здесь, на Урале, превратил этот эскизный проект в свою первую ракету. С этого момента он приобретает самостоятельность и автономию.

– У Королева не было ревности, – говорил Макеев. – Он понимал, что всем заниматься он не сможет. Но ему всегда хотелось передать свои ракеты «в хорошие руки». Так о породистых щенках говорят, – он засмеялся…

Я не расспрашивал Виктора Петровича о его дальнейших работах – военная секретная техника, как говорится, «меньше знать – крепче спать». Да и не имело все это уже прямого отношения к герою этой книги. Наверное, Макеев делал хорошие ракеты для флота, раз Золотые Звезды получил. Виктор Петрович часто бывал в Москве, дал мне свой московский телефон, но мы ни разу в Москве не встретились. Один только раз я его видел в Москве в сырой, зябкий день конца октября 1985 года. Засыпанный поздними бледными астрами, Виктор Петрович лежал в гробу во Дворце культуры того самого завода, куда когда-то пришел он работать чертежником. Макеев, как и Янгель, умер в день своего рождения – ему исполнился 61 год, и цветы, которые клали на гроб, многие, возможно, покупали, чтобы подарить новорожденному…

Похороны были очень многолюдные, но тихие – академик и мертвый оставался засекреченным, и служба режима следила, чтобы на лентах прощальных венков не стояли, упаси боже, номера «почтовых ящиков». В официальном некрологе слова были туманны: «…им предложен ряд оригинальных решений по проектированию и испытанию сложных технических систем… которые послужили основой для организации и проведения обширных научно-исследовательских и конструкторских работ, завершившихся созданием важных образцов новой техники».

Годом раньше на родине, в Коломне, поставили ему бронзовый бюст, но за что, – народ толком не знал…

Стартовая команда подводной лодки Б-67, принимавшая участие в первых испытательных пусках советских ракет

Слева направо: старший ведущий инженер-испытатель, инженер-капитан-лейтенант Анатолий Александрович Запольский; техник-лейтенант Константин Михайлович Амбросимов, оператор на пульте телеметрии; старший техник-лейтенант Анатолий Гаврилович Юшков, оператор на пульте разброса стоек пускового устройства; старший инженер-лейтенант Юрий Батаев, оператор на счетно-решающих приборах (сидит)

Виктор Петрович Макеев

50

Своевременный труд
первенствует над всем.

Пиндар

Погода была чудесная, солнце, но не жарко, легкий ветерок, шум воды, которую легко и сильно резал нос крейсера. Трумэн задремал. А может быть, ему только показалось, что он задремал. Пригласили на маленький концерт судового оркестра. Очень мило. После концерта все не спеша тронулись в офицерскую кают-компанию перекусить.

Президент Соединенных Штатов на борту крейсера «Огаста» возвращался домой после завершения Потсдамской конференции. Казалось бы, несколько дней можно отдохнуть, подышать чистым океанским воздухом, но расслабиться не удавалось: президент ждал важного сообщения. Около полудня Фрэнк Грэхем, офицер связи «Огасты» вручил Трумэну шифровку из Вашингтона: «Бомбардировка Хиросимы произведена в условиях прекрасной видимости в 5 часов 23 минуты 15 секунд утра (по вашингтонскому времени – 5 августа в 19 часов 15 минут). Истребители противника не появлялись. Зенитного огня не было. Результаты успешны во всех отношениях. Визуальный эффект превосходит все прежние испытания. Состояние самолета после сброса бомбы нормальное».

Потрясая кулаком с зажатой в нем телеграммой Трумэн кричал офицерам в кают-компании:

– Не падайте со стульев, джентльмены! Мы только что сбросили бомбу на Японию, она мощнее, чем двадцать тысяч тонн тринитротолуола! Успех потрясающий! Мы одержали верх!

Верх над кем? Ну, не над Японией, конечно. Фау-2 Гитлер называл оружием возмездия. А бомбу Трумэн мог бы назвать оружием назидания. Поклонник политики «железного кулака и сильных выражений», Трумэн не делал никаких тайн из своих намерений. «Русские скоро будут поставлены на свое место – говорил он, – и тогда Соединенные Штаты возьмут на себя руководство движением мира по тому пути, по которому его надо вести».

За столь безответственными словами стояли, увы, не менее безответственные дела. Уже в октябре 1945 года – и двух месяцев не прошло после капитуляции Японии – существовал документ, оставленный военной разведкой Пентагона: «Стратегическая

уязвимость России перед нападением с воздуха». Потом появилось великое множество подобных «теоретических разработок», которые в любой момент могли превратиться в практические руководства. Через месяц, в ноябре 1945 года, Пентагон намечал атомную бомбардировку двадцати городов Советского Союза, еще через месяц, в декабре – уже ста девяноста шести.

В 1949 году, когда была принята на вооружение первая наша баллистическая ракета Р-1, в военном ведомстве США был составлен план под кодовым названием «Дропшот» – «Укороченный удар», есть такой термин в теннисе. Согласно этому плану войны с Советским Союзом необходимо было «добиться быстрой капитуляции путем атомных бомбардировок такой ошеломляющей эффективности, что они приведут к параличу всей нации». Конкретизировалось и само довольно расплывчатое понятие «ошеломляющей эффективности»: триста атомных бомб, сброшенных на наши города. Ну, а уж разбитую параличом нацию оккупировать никакого труда не составляет. «Укороченный удар» предполагал, что «полная оккупация союзными силами потребует двадцать три дивизии для собственно Советского Союза». Еще пятнадцать дивизий нужно для вторжения в социалистические страны Восточной Европы.

Почему «Укороченный удар» не был реализован? Причин много, не место тут их разбирать. Но одна из причин – сообщение ТАСС от 25 сентября того же 1949 года о произведенном в Советском Союзе атомном взрыве. Как всегда, в Вашингтоне нашлись «оптимисты», которые доказывали Трумэну, что сама по себе атомная бомба еще ничего не решает, что у русских нет средств для транспортировки этой бомбы. Но вскоре выяснилось, что у русских, оказывается, есть стратегические бомбардировщики, которые могут такую транспортировку осуществить. О ракетах тогда как-то мало вспоминали. Кому надо, помнили о них; конечно, в саму возможность создания межконтинентальной ракеты, способной нести ядерный заряд, поверить было трудно. Серьезно Америка относилась пока только к авиации и впервые в своей истории начала заниматься системами противовоздушной обороны.

«Оптимисты» Белого дома, тем не менее, имели основание для оптимизма. Советская атомная бомба еще не создавала паритета. Неоднократно и в 40-е и в 50-е годы публиковались карты Восточного полушария, на которых в границы Советского Союза со всех сторон упирались стрелки гипотетических ударов. Не говоря о странах Западной Европы, напичканных американскими военными базами, стрелки эти шли с юга и с

востока – из Турции, Японии, Южной Кореи, с Окинавы и Тайваня. Количество их измерялось десятками, а численность военнослужащих – сотнями тысяч. Для американского бомбардировщика, стартующего с этих баз, расстояние до цели в СССР вовсе не равнялось расстоянию от советского военного аэродрома до побережья, западного или восточного – не важно, Соединенных Штатов. И как бы ни были совершенны наши самолеты, проигрыш в пути, а значит, и вероятность перехвата, были предопределены. Предпринятая Хрущевым попытка создать военную базу на Кубе, вблизи границ США, как известно, провалилась, но это случилось значительно позднее. А в тот момент не существовало такого средства доставки атомной бомбы на территорию потенциального противника, которое нельзя было бы перехватить. Все больше людей, ответственных за оборону страны, понимали, что таким средством может стать только ракета.

В фильме «Укрощение огня», несмотря на то, что в начальных титрах автор сценария и режиссер Даниил Храбровицкий всячески отмежевывается от документалистики, прототипы главных действующих лиц угадываются однозначно, а Курчатов, например, Курчатовым и назван, даже бороду курчатовскую Бондарчуку приклеили. Башкирцев – это, конечно, Королев, Огнев – это Глушко, Логунов – очевидно, Устинов, Головин – Неделин. Прототипы документальны, но в то же время редкий фильм так пропитан красивой ложью, как «Укрощение огня».

После испытаний атомной бомбы Огнев на наблюдательном пункте затевает нелепый разговор, долженствующий, по мысли сценариста, показать гуманизм советских ученых: «А вас не тревожит моральная сторона?»

Как говорят в Одессе – «хватились!» Поздно было такие вопросы задавать. Но еще нелепее реплика Головина: «Меня тревожит одно, как в случае необходимости доставить все это в любую точку земного шара!» Вот тут уж, действительно, «хватились!» – бомба уже есть, а как ее «доставить», оказывается, неясно. Огнев продолжает валять Ваньку, пока Головин с солдатской прямотой не задает ему и Башкирцеву главный вопрос:

– Вы будете делать носитель? Только без демагогии – да или нет?

– Да, – отвечает мудрый Башкирцев.

– Пожалуйста, не говори за меня, – продолжает паясничать Огнев.

Какой-то детский идет разговор. Как могли наши ракетчики, которые были не только выдающимися конструкторами, но и

истинными патриотами, не делать носитель, видя реальную угрозу превращения «холодной» войны в войну «горячую»?! Какое профессиональное, моральное, гражданское право имели они отказаться от подобного задания? И какими недоумками выглядят здесь высокие руководители оборонной промышленности и армии, если они вот так, на ходу, в бункере, ставят задачу, важнейшую для судьбы страны, определяющую саму возможность ее дальнейшего развития!

То, что ракета с атомной боеголовкой будет принципиально новым оружием, ломающим все прежние наступательные и оборонительные доктрины, было ясно сразу после Хиросимы. Что нужно было сделать, знали. Весь вопрос был в том, как это сделать.

Точнее, вопросов было два.

25 сентября 1949 года ТАСС сообщило о взрыве, который произошел значительно раньше: в полдень 29 августа. Через два дня «летающая крепость» В-29, совершавшая обычный облет советских границ, вернулась с засвеченными пленками. Эксперты определили причину: радиация. 23 сентября Трумэн оповестил своих соотечественников об атомном взрыве в России. Лишь после этого Сталин распорядился о публикации сообщения ТАСС.

Бомба, взорванная на металлической башне, была еще далека от совершенства, тяжела, громоздка. Поэтому первый вопрос, который надо было решить – сделать атомную боеголовку максимально компактной и легкой.

Вопрос второй – создание носителя, максимально мощного, способного унести эту боеголовку как можно дальше. Оба вопроса были связаны теснейшим образом: вот заряд, легче которого сделать нельзя – говорили физики; вот ракета, мощнее которой сделать нельзя – говорили ракетчики. Их труды должны были пересечься в одной точке и создать ракетно-ядерный щит страны. Все труды Королева с начала его работы в Подлипках до 1957 года, когда была создана межконтинентальная баллистическая ракета Р-7, способная доставить термоядерный заряд в любое место на земном шаре – и есть, по сути, все более ускоренное движение к точке этого пересечения. Физики и ракетчики двигались с двух сторон навстречу друг другу, взаимно сокращая разделяющее их расстояние. Не берусь судить, кто сделал больше для этого сближения: путь физиков останется за рамками этой книги. Не берусь и сказать, кому было труднее. Трудности были разные, и легко не было никому. Но позволю себе, однако, предположить, что Королеву было труднее, чем Курчатову. И не потому, что Курчатов имел постоянную поддержку Берия, который лично отвечал за работу физиков перед Сталиным, а за

Королевым Лаврентий Павлович лишь доглядывал. И не потому, что тысячи новых, «свежих», послевоенных зеков строили атомные объекты. Не в них дело – другие тысячи молодых, почти столь же бесправных, как зеки, и не больше их избалованных жизнью солдат строили объекты ракетные. И не потому, что Ванников, Завенягин, а потом Славский были богаче Устинова – ракетчикам в средствах тоже редко отказывали. Курчатов немало сил приложил, чтобы Королева со всей его тематикой передали в средмаш[149], но брать под свое могучее крыло новое огромное хозяйство средмаш не захотел. Однако Королев и здесь ничего не потерял. Сталин считал бомбу важнее ракеты. Бомба – главное. Недаром атомное Главное управление при Совете Министров СССР называлось Первым Главным управлением, а ракетное – Вторым. Но опять-таки дело не в престиже – уязвленными, обиженными ракетчики себя не чувствовали. Нет, Королеву было труднее, чем Курчатову не материально, не морально, а психологически. И вот почему.

Курчатову нужно было создать бомбу, которая уже была сделана в США. Курчатов мог не знать деталей, и это незнание тормозило его работу, но главное он знал точно: задача, поставленная перед ним, в принципе решается. Будут люди, деньги, время, и мы тоже сделаем бомбу. Курчатову в его работе очень помогла разведка, которой он обязан едва ли не половиной своей победы. Не этим ли, кстати, объясняется высокий эмоциональный тонус Курчатова и та атмосфера жизнерадостного оптимизма, который был так характерен для Игоря Васильевича? Итак, Курчатов знал: то, что он ищет – существует. А Королев не знал.

Межконтинентальной ракеты, способной поднять атомный заряд, не существовало. Более того, никто не мог с уверенностью сказать, что на данном этапе развития ракетной техники она вообще может существовать. А если и может теоретически, насколько это реально практически? Ведь между уникальной конструкцией и оружием – дистанция огромная. Американцы открыто говорили, что межконтинентальная ракета – миф. Научный советник Ванневер Буш писал о ней: «Ее стоимость астрономическая. Как средство доставки заряда взрывчатого вещества или чего-либо подобного – это фантастическое предположение». Он признал, говоря о наших ракетчиках: «Полет их воображения был смелее».

Королев не мог предвидеть всех неожиданных трудностей, не знал, где и когда они могут появиться. Тем более, он не мог знать всех способов их преодоления. Поэтому Королев был вынужден довольно часто применять верный, но долгий и дорогой метод

проб и ошибок, который, в свою очередь, заставлял его работать поэтапно. Курчатов смело требовал деньги для работы, положительный результат которой был известен. Королев должен был при этом убеждать в возможности положительного результата. Королеву должно было быть труднее потому, что его работа была новаторской, пионерской, а значит, по самой своей природе содержала большую вероятность задержек, ошибок, тупиков. И не поэтому ли обстановка у Королева была более нервной, чем у Курчатова, а сам Королев – более резким и напряженным?

Ни Курчатов, ни Королев по духу своему, по складу ума не были оружейниками. Я говорю об этом вовсе не для того, чтобы сделать их облик более привлекательным, превратив их в убежденных антимилитаристов. Нет. Достаточно разглядеть их биографии, чтобы понять, что война чужда им не только по политическим убеждениям, и даже не столько по политическим убеждениям, сколько по их личным творческим устремлениям. Война отсутствовала в планах их жизни. И если Курчатов и Королев стали, тем не менее, великими оружейниками XX века, то причина этого – не в них, а в несовершенстве современного им мира. Не они сделали себя оружейниками, жизнь их сделала.

Королев в беседах с власть имущими даже не заикается о стратосферных исследованиях, о проникновении в космос. Но он думает об этом постоянно: в тюрьме, в шарашке, в Германии и теперь, в своем ОКБ. Очень редко он «проговаривается», но никогда подробно мысли свои не развивает, не хочет выглядеть прожектером, «фантастом» в глазах истинных «реалистов». По крупицам собирал я эти «оговорки», искал маленькие щелки, заглянув в которые можно прочесть его потаенные мысли.

Осенью 1945 года в Германии Королев вместе с другими ракетчиками смотрит фантастический фильм классика немецкого кино Фрица Ланге «Женщина на Луне». Эта кинолента имеет отношение к истории ракетной техники, поскольку в ее создании принимал участие один из пионеров космонавтики – Герман Оберт[150]. В фильме этом авария мешает землянам вернуться из космоса на Землю. После сеанса Королев был взволнован, что немало удивило его товарищей: ну, подумаешь, фантастика какая-то...

– Да, над вопросом возвращения из космоса нам еще очень много придется работать..., – сказал вдруг Королев.

В 1946 году он переманивает к себе из БОН (см. главу 40) авиационного техника, будущего члена-корреспондента Академии наук СССР Святослава Сергеевича Лаврова и, как всегда в таких случаях, рассказывает о перспективах, о создании ракет

значительно большего радиуса действия, а потом вдруг совершенно неожиданно добавляет:

– Ну, а потом мы займемся косметикой…

– Чем? – не понял Лавров.

– Ну, космическими исследованиями, – смущенно объяснил Королев.

Таких примеров можно привести немало. Очень разные, они говорят об одном: искреннем желании Королева использовать плоды своих трудов не для уничтожения людей, а для их блага. И здесь, как мне кажется, Королеву удалось самовыразиться с большей полнотой, а главное – быстрее, чем Курчатову. Сравнивать такие вещи нельзя, но путь от бомбы до реактора атомной электростанции оказался сложнее и труднее, чем путь от межконтинентальной ракеты до спутника. Для того чтобы пройти этот путь, Курчатову потребовались годы, а Королеву – недели.

Но как еще далеко было до этих благословенных недель…

В начале октября 1953 года Сергей Павлович выкроил недельку, чтобы отдохнуть с Ниной Ивановной в Гаграх, и снова вернулся в Капустин Яр. Он готовился к новой серии испытаний «пятерки», когда Устинов позвонил Янгелю и сказал, что надо принять «людей от Вячеслава Александровича», все им рассказать, а что можно – показать. Янгель понял: атомщики Малышева уже всерьез заинтересовались их делами. Этого следовало ожидать. Жаль, что нет Королева, – это точно по его части.

19 октября «люди Вячеслава Александровича» прилетели в Москву, и часа через два Михаил Кузьмич уже встречал их в своем кабинете. Разговор был поначалу «светский», о пустяках, нелетной погоде и слякоти, но быстро переключился на дело. Все, что нужно было его гостям, Янгель понял через минуту и вызвал к себе Сергея Александровича Воронцова, в отделе которого занимались головными частями ракет.

Секретных «людей Вячеслава Александровича», как и следовало ожидать, интересовали вещи тоже абсолютно секретные: дальность, точность, вес и габариты полезного груза всех, как уже существующих, так и находящихся на различных стадиях разработки ракет дальнего действия. Воронцов не мог припомнить, чтобы кто-нибудь, включая своих и «заказчиков» из Министерства обороны, получал подобную информацию, но поскольку приказано было говорить все, о чем бы ни спросили, рассказал. Молчаливые люди слушали серьезно и дружно заулыбались лишь однажды, когда он упомянул о том, что головная часть несет тонну тротила. Узнав, что Р-5 рассчитана на дальность в 1200 километров, атомщики начали переглядываться.

– А какой разброс она дает? – спросил один из гостей.

– Плюс-минус пять километров, – потупясь и, стыдясь этих своих слов, очень тихо ответил Воронцов.

– Пять или пятьдесят? – нервно переспросил атомщик.

– Господь с вами, какие пятьдесят, разве это можно! – воскликнул Воронцов, на мгновение подумавший, что над ним просто шутят.

Молчаливые люди очень оживились, заерзали, посыпались вопросы...

Атомщики ежедневно приходили к Воронцову, что-то рисовали, считали, прикидывали и прибрасывали. Королев узнал «о людях Вячеслава Александровича» в тот самый день, когда Воронцов привел их в свой отдел. Кстати, это было одно из немногих абсолютно обязательных требований Сергея Павловича: все, что происходило в его ОКБ, на полигоне, на стендах, он должен был узнавать только от своих людей. Если Устинов, Келдыш или Глушко сообщали ему нечто, ему не известное о его собственных делах, он обычно пытался, насколько это было возможно, скрыть свое незнание, но последующий разнос запоздавшего информатора был неотвратим и суров.

На этот раз Королев все узнал вовремя и, запустив первую «пятерку», срочно вылетел в Москву. Он не отходил от атомщиков до конца их работы – объяснял, рисовал, водил по цехам. Как опытный купец, он не перехваливал свой товар, но со скромным достоинством давал понять, что лучшего они нигде не найдут. И был прав: лучшего не было. Впрочем, не было ни лучшего, ни худшего – тогда Королев еще был монополистом.

После окончания работы устроили совещание. Присутствовали Малышев, заместитель председателя Военно-промышленной комиссии Пашков, заместитель Устинова по ракетным делам Руднев, Королев, Воронцов, несколько проектантов и «люди Вячеслава Александровича» в полном составе. Атомщики считали, что оснащать ядерными боеголовками ракеты Р-1 и Р-2 вряд ли целесообразно – ясно, что на смену им приходят другие, более совершенные ракеты. Р-11 можно приспособить, но небольшая дальность снижает эффективность нового оружия. Ракета большой дальности пока что только намечается, поэтому говорить о ней рано. А вот Р-5, пожалуй, то, что нужно. К тому же испытания ее, по словам товарища Королева, близки к завершению. Разумеется, атомный вариант потребует доработки ракеты, увеличения надежности, но все это задачи вполне реальные.

Вопросов к ракетчикам было очень много. И уже по тому, какие это были вопросы и как они задавались, Королев быстро

понял, что Малышев – «энтузиаст», а Пашков, скорее, «сомневающийся». Впрочем, понять Георгия Николаевича было можно. Атомный заряд был в то время штукой весьма капризной, требующей жестких ограничений по температурному режиму, перегрузкам, вибрациям. «Скрещивать» его с ракетой было делом очень ответственным, но плод подобного «скрещивания» был сладок: ракета – не самолет, ее зениткой не возьмешь, от такого оружия защиты нет. Пашков хотел подумать, посоветоваться со знающими людьми...

Задумчивая медлительность Пашкова начинала раздражать Малышева – он был человек быстрый, недаром английские газеты, когда ездил он в Англию в 1956 году, называли Вячеслава Ивановича «человек-динамо».

– Пойми, Георгий Николаевич, – тормошил он Пашкова, – если мы с тобой не примем решения, то никто за нас «наверху» такого решения не примет...

Вячеслав Александрович был прав: «наверху» очень смутно представляли себе тогда, что такое атомное оружие. Это хорошо видно на примере первого испытания водородной бомбы, которое происходило примерно за три месяца до совещания с ракетчиками.

Назначив Курчатова руководителем атомной программы, Сталин поручил его заботам Берия, и Лаврентий Павлович никого из руководителей страны к этой программе близко не подпускал. Сами атомщики действовать через его голову не могли – он тут же пресек бы подобную самодеятельность, да и не хотели: Лаврентий Павлович брал на свои могучие плечи немалое число их организационных и хозяйственных забот. После смерти Сталина в начале марта и ареста Берия в конце июня 1953 года атомщики воистину «осиротели». На всех ответственных испытаниях Лаврентий Павлович, как правило, присутствовал, а тут нужно было провести первый взрыв только что созданной водородной бомбы, а начальника нет и никаких указаний на сей счет не поступает. На полигоне собралось немало светлых голов: Курчатов, Сахаров, Харитон, Щелкин, Зельдович, от армии – министр Василевский, от Совмина – зампред Малышев, но что делать, никто не знал. Все, однако, понимали, что предстоящее испытание – акт не только научно-технический, но и политический и проявлять самодеятельность здесь нельзя. Малышев и Курчатов полетели в Москву.

Когда Маленков услышал от них о готовящемся испытании, он был крайне удивлен: ни о какой водородной бомбе первый человек в государстве ничего не знал. Георгий Максимилианович звонил Молотову, Ворошилову, Кагановичу, но и они тоже толком

ничего не знали, так, «слышали краем уха». Да и не до бомбы было остальным: события куда более важные сотрясали верхние этажи власти. Маленкову надо было решать, что же делать – ему спрашивать было уже не у кого. После небольшого совещания разрешение на испытание было получено.

Успех был полный и превзошел самые смелые ожидания. Малышев собрал всех специалистов и поздравил их с победой. Уже когда все разошлись, Вячеслав Александрович вспомнил, что он поздравил всех, кроме главного виновника торжества – Сахарова. Конфуз получился необычайный. Малышев снова собрал всех атомщиков и произнес речь в честь Андрея Дмитриевича. Через несколько недель, минуя ступеньку члена-корреспондента, 32-летний Сахаров был избран действительным членом Академии наук СССР и получил свою первую Золотую Звезду.

Из этого примера видно, что Малышев вряд ли мог надеяться на получение каких-либо приказов сверху, напротив – инициативы ждали от него, он должен был, говоря на бюрократическом жаргоне тех лет, «входить с предложениями». А предложения его сводились к тому, чтобы в первую очередь оснастить ракету Р-5 атомной боеголовкой, затем попробовать сделать то же с ракетой Р-11, а работу над большой ракетой вести с учетом возможности установить на ней уже водородную бомбу.

Атомщики, как духи, исчезли за своими непроницаемыми арзамасскими заборами (их охраняла целая дивизия внутренних войск) и там начали готовить атомную «голову» для новой «пятерки». Непосредственно разработка боевой части для ракеты Р-5, притом что атомный заряд подходящих размеров уже существовал, была поручена организации, называющейся теперь ВНИИЭФ – Всесоюзному научно-исследовательскому институту экспериментальной физики в Арзамасе. Во главе нового дела стояли Анатолий Сергеевич Александров (не путать с Анатолием Петровичем!) и Юлий Борисович Харитон. Непосредственно бомбу соединяли с ракетой два инженера: Александр Петрович Павлов и Владимир Константинович Лилье. От Королева они получили точные чертежи головного обтекателя, под которым могли мудрить сколько душе угодно, в пределах, естественно, разумного веса, который их вполне устраивал и о котором у них, как говорится, голова не болела. Их задача: приспособить бомбу к ракете.

Королеву требовалось приспособить ракету к бомбе. Это была работа чрезвычайно ответственная. Сколько было написано (главным образом не у нас) разных фантастических книжек о том, как в результате каких-то роковых ошибок, неверно понятых

команд и даже безумия, охватившего летчиков, страшный бомбовый груз направлялся не туда, куда нужно, и какие чудовищные последствия это имело (чаще – могло иметь, поскольку счастливый конец всегда предпочтительнее). Но там летели бомбардировщики с опытными, многократно проверенными людьми, которые, конечно, могли вдруг спятить, но вероятность такого стремительного помешательства была все-таки несоизмеримо меньше вероятности помех в системе управления ракеты.

Приступая к работе над машиной, предназначенной для атомного заряда, Королев сразу понял, что это должна быть принципиально другая машина. Внешне это будет копия Р-5, с теми же двигателями, но система контроля полета и управления этой ракетой должна измениться коренным образом. По своей надежности модернизированная «пятерка» – Р-5М – должна быть ракетой уже иного поколения. Это понимали и «управленцы»: Пилюгин, Рязанский, Черток, Богуславский – их не надо было агитировать. Р-5М была первой ракетой Королева, в которой применялось дублирование и даже троирование некоторых наиболее ответственных систем. Работы по их созданию были проведены в невероятно короткие сроки – примерно за год, так что уже в 1955 году Р-5М была готова к испытаниям.

Атомщики тем временем осваивали Капустин Яр. На полигоне Вознюк выделил им километрах в сорока от стартовой площадки кусок земли, на котором началось строительство «площадки 4Н» – заповедной и неприкасаемой территории атомщиков. Внутри нее, окруженные забором из колючей проволоки с вышками, где сидели автоматчики (этот силуэт стал просто символическим для России, как белая березка), строились два ДАФа[151] – служебных помещения. Первый корпус – «чистый» – предназначался для всех работ, связанных с автоматикой и конструкцией зарядного устройства, второй – «грязный» – для работы уже с самим зарядом, который должен был храниться в подземном бункере, как в сказке – под семью замками, и, тем не менее, ежедневно (!) проверять его должны два (!) человека по специально разработанному ритуалу[152]. Отдельно на «площадке 4Н» были расположены жилые помещения, душевая, столовая, кинозал и комнаты отдыха – атомщики старались, где только возможно, обустраиваться со всеми удобствами, избегая палаточных стадий. Лаврентий Павлович приучил их денег не жалеть, что, скорее всего, правильно, поскольку всякие времянки обходятся, в конце концов, дороже…

Стройбаты Вознюка должны были возвести ДАФы к сентябрю 1955 года. В мае Александр Петрович Павлов, которому

предстояло вскоре обосноваться на «площадке 4Н», приехал на полигон, чтобы посмотреть, как идут дела. Когда вместе с Вознюком они объехали строительные площадки, обоим стало ясно, что сентябрь – срок абсолютно нереальный. Вознюк сидел мрачный, понимая, что в недалеком будущем ему предстоит большой разнос, но угнетала его не предстоящая кара, вплоть до сдирания генеральских погон, а собственное бессилие: выхода он не видел. Неожиданный выход предложил Павлов, причем выход простейший, примитивнейший и именно поэтому обещавший успех.

– Не могли бы вы, Василий Иванович, используя ваш авторитет в Министерстве обороны, добиться разрешения на досрочную демобилизацию солдат-строителей в том случае, если они сдадут объекты в срок? – спросил Александр Петрович.

Вознюк сразу оценил предложение Павлова и без труда добился разрешения на досрочную демобилизацию. После этого энтузиазм на стройке достиг невиданных пределов, работали и ночью, включив прожекторы и прикрепив к груди электрические фонарики. К сентябрю «площадка 4Н» была готова.

С февраля до сентября Королев, занимаясь еще доброй сотней разных других дел, держал под неусыпным контролем все стендовые испытания Р-5М, в результате которых тщательно измерялись режимы перегрузок и вибраций. Ракетчикам удалось удовлетворить непривычно жесткие для них требования атомщиков, которые, впрочем, тоже пошли на некоторые уступки. В середине августа 1954 года Королев проводит третью серию летных испытаний Р-5 уже явно с прицелом на ее модернизацию. На стендах идет отработка отдельных узлов, проверка на перегрузки и вибрацию, но стенд – это только стенд и в январе—феврале 1955 года он начинает испытания первых Р-5М в Кап.Яре.

О напряжении, с которым работал тогда Королев, могут рассказать протоколы испытаний модернизированной ракеты Р-2, академической В-1Е, оперативно-тактической Р-11МФ на качающемся стенде и стратегической Р-5М, датированные одними месяцами, а порой и неделями. У него нет времени даже на письма, он шлет домой только телеграммы: «Шлю самый теплый сердечный привет...», «Все благополучно», «Здоров, все благополучно, настроение среднее...», «Очень страдаем от сильной жары, страшно соскучился, очень хочу уже домой...»

Работа над Р-5М вначале проходила без участия атомщиков – отрабатывалась собственно сама ракета. С осени, когда заселилась «площадка 4Н», работа стала общей.

Собственно ядерный заряд в дополнительных испытаниях не нуждался: если правильно сработает вся автоматика подрыва, не

взорваться он не может просто по законам природы. Следовательно, проверки и испытаний требовала сама автоматика, «атомные капсулы», запальное устройство. Этим собственно и занимались Павлов и Лилье, но к моменту испытаний Владимира Константиновича перебросили на другую работу, и Павлов остался в Кап.Яре один, вместе с дюжиной своих ребят, из которых ближайшим его помощником, отдавшим очень много сил этой работе, был Владимир Петрович Буянов. Их задача была многогранна. Во-первых, работа автоматики исключала возможность взрыва заряда на старте. Бомба должна была взводиться уже в полете. Но поскольку никто не мог дать стопроцентной гарантии, что ракета полетит туда, куда нужно, взводиться бомба должна была не просто в полете, а только непосредственно над целью, на спуске, когда уже ясно было, что она прилетела туда, куда ее посылали, когда не существовало сил, способных изменить направление движения боеголовки.

Во-вторых, вся эта автоматика должна была выдержать все условия ракетного полета: вибрации и перегрузки на старте, переходящие в невесомость, а затем новые перегрузки, нарастающие при спуске до весьма солидной величины, да еще с аэродинамическим нагревом. Вот и начали проверять: что сработает, что не сработает, что выдержит, что не выдержит.

Вряд ли надо объяснять, что вся эта работа велась под покровом абсолютной и строжайшей тайны с введением предельных режимов засекречивания. Даже в Кап. Яре – наисекретнейшем объекте – мало кто знал о существовании «площадки 4Н» и еще меньше – о том, чем там занимаются. Площадку охраняло особое подразделение госбезопасности, не подчинявшееся командованию полигона. Кроме Вознюка и Королева, никто пропуска на площадку не имел. Что касается ракетчиков, то секретность их была унаследована у гвардейских минометных частей. «Расчеты первых „катюш“ знали, – рассказывал мне Василий Иванович Вознюк, – доску от снарядного ящика потеряешь, расстрел». Так что вчерашним фронтовикам-ракетчикам, работающим теперь на полигоне, секретность была не в новинку. Капустин Яр даже адрес имел фантастический: «Москва-400». Во время испытаний всякая внеслужебная связь прекращалась вообще. «По некоторым ясным тебе сейчас соображениям больше почтой писать не могу...» – сообщает в одном из писем к Нине Ивановне Королев. В другом письме: «Мои письма, видимо, долго не попадут к тебе, так как сейчас здесь очень строго...»

Еще в XIII веке знаменитый алхимик Альберт Великий, граф фон Больштедт вывел формулу, ставшую для всех служб режима

основным руководством к действию: «Нет иного способа сохранить тайну, как не увеличивать числа людей, в нее посвященных». Формула мудрая, ничего более эффективного, действительно, невозможно придумать. Атомщиков Берия просто запер: для выезда из зоны требовалось специальное разрешение, въезд каких-либо посторонних, временных людей, даже близких родственников вообще исключался. Ракетчики жили полегче: Подлипки не входили ни в какую зону. Но о работе ракетчиков с атомщиками в ОКБ Королева знали считанные люди. То же и в ОКБ Пилюгина – знали, что «пятерку» модернизируют, повышают надежность, но зачем и почему? Да, чтобы была надежнее! – вот вам и весь ответ.

Летом 1955 года и в начале 1956 года Королев проводит двадцать восемь пусков будущей «атомной ракеты». Ядерное устройство в головной части ракет было заменено массивной стальной плитой-отметчиком, которая сохраняла, даже зарываясь глубоко в землю, следы работы детонаторов, по которым довольно легко можно было определить четкость и качество работы всей автоматики боеголовки. Плиту вырывали из воронки на месте падения ракеты, бережно заворачивали в брезент и доставляли на «площадку 4Н», где атомщики аккуратненько очищали ее от земли, протирали спиртом и смазывали маслом, чтобы не ржавела. А потом «читали» свою плиту и составляли протокол испытаний. Можно ли было назвать итоги этих испытаний обнадеживающими? Для атомщиков, безусловно.

Плита рассказывала, что вся их техника работает четко, выдерживая все условия ракетного полета. Для ракетчиков – отчасти. Правда, из двадцати восьми ракет на активном участке взорвалась только одна и, что очень важно, быстро разобрались, почему она взорвалась. Но были недолеты. Разбирались, дорабатывали. Несколько пусков проходило точно по программе, потом опять срыв. Королев нервничал, успокаивал себя сравнениями с испытаниями других ракет, ведь бывало и хуже шли дела.

11 января 1956 года зачетный пуск Р-5М прошел без замечаний. Все повеселели, но ненадолго – поняли: наступает час испытаний по полной программе, с настоящей атомной боеголовкой.

В феврале интенданты Вознюка бегали, как ошпаренные: съезжалось большое начальство, всех надо было достойно разместить, накормить, обеспечить транспортом.

Председателем Государственной комиссии был назначен Павел Михайлович Зернов. Под его началом в Арзамасе создавалась первая атомная бомба. После ее испытаний в 1949

году он же руководил изготовлением первой серии из пяти бомб. Когда в 1950 году одну из этих первых серийных бомб начали испытывать, она не взорвалась. Зернов свалился с инфарктом. Тогда впервые в зону был допущен профессор-кардиолог, который, впрочем, до конца своих дней так и не узнал, куда, собственно, его возили. Подлечившись, Зернов остался в Москве в должности заместителя министра. Вместе с Зерновым приехали ведущие атомные специалисты: Николай Александрович Петров и Евгений Аркадьевич Негин.

Армию – главного заказчика – в Госкомиссии представлял маршал артиллерии Митрофан Иванович Неделин, назначенный год назад заместителем министра обороны по вооружению. Николай Дмитриевич Яковлев, отдавший столько сил Кап. Яру, ракетами уже не занимался. В 1952 году он попал Сталину под горячую руку и его посадили[153]. После освобождения он стал заместителем командующего, а ко времени описываемых событий – командующим ПВО страны. Королеву с Неделиным, очевидно, было работать легче, чем с Яковлевым, не только потому, что в яковлевские времена он не обладал еще таким авторитетом в военных кругах, как теперь, но и потому, что Неделин был тише, спокойнее, не встревал в технические вопросы и вообще в сравнении с Яковлевым в кругу людей штатских выглядел даже робким. Королев с Неделиным ладил. Он говорил о нем: « Это большая удача, что в период разработки и реализации грандиозного проекта по созданию первых баллистических ракет вместе со мной находился эрудированный во всех отношениях, умный военачальник, понимающий тонкости науки и техники. С ним приятно было работать, вести беседу и даже спорить».

Вместе с Неделиным в Госкомиссии сидели его главные «ракетные генералы»: Александр Григорьевич Мрыкин, Василий Иванович Вознюк и Петр Алексеевич Дегтярев.

От Министерства оборонной промышленности в состав Госкомиссии входили Устинов, Ветошкин и Королев. Там же были и все Главные – смежники из разных министерств: Глушко, Пилюгин, Рязанский, Бармин, Кузнецов.

За несколько дней до старта Зернов пригласил всех членов Госкомиссии на «площадку 4Н». Прошлись по ДАФам, дивясь чистоте и порядку. В одной из комнат Зернов задержал всю группу:

– А теперь я бы хотел показать вам то, что должно отсюда улететь, – с этими словами он распахнул двери в соседнее помещение. В ярких лучах невидимых ламп на блестящей металлической подставке лежало что-то непонятно шарообразное.

– Входить не надо, – добавил Павел Михайлович, наслаждаясь произведенным эффектом. Все застыли у дверей, разглядывая атомный заряд.

В период предварительных пусков у Королева довольно часто случались задержки старта – вылезали «бобики»[154], и неприятно было не только то, что они вылезали, а то, что об этом нужно было сообщать атомщикам, поскольку график работ был четко скоординирован. А докладывать, значит демонстрировать несовершенство своей техники. И теперь Королеву очень хотелось, чтобы вся подготовительная часть его работы прошла без нервотрепки, задержек и замечаний, поэтому дни и ночи проводил он вместе с другими Главными в монтажно-испытательном корпусе, контролируя каждый шаг предстартовой подготовки и в зародыше уничтожая всякую возможность появления «бобика». Подготовка ракеты, вывоз на старт и все предстартовые операции прошли строго по графику. И что удивительно, волноваться в самый последний момент всех заставили атомщики, по вине которых никогда никаких отказов не было.

На полигоне стояли трескучие морозы. Глубокой ночью, уже после пристыковки головной части ракеты с атомным зарядом, за несколько часов до старта, дежурный у пульта Владимир Петрович Буянов обнаружил падение температуры в головной части ракеты. Как уже говорилось, атомный заряд требовал соблюдения довольно жестких температурных режимов, и Буянов очень встревожился. Он разбудил Зернова и рассказал ему о своих наблюдениях. Зернов немедленно вызвал на стартовую позицию всех членов Госкомиссии. Ночь глухая, звезды ярчайшие, мороз за двадцать градусов, ехать далеко, но что поделаешь. Пока все съехались Буянов доложил, что падение температуры прекратилось и стрелка на пульте стала клониться к норме. Начали обсуждать, можно ли проводить пуск, если заряд все-таки находился некоторое время во «внештатном режиме». С учетом его массы, теплоемкости и времени падения температуры получалось, что охладиться он не успел. Решение было единодушное: испытания проводить.

Много дней спустя Вознюк признался доверенным людям, что, проходя ночью вблизи стартовой площадки, один из его офицеров заметил выдернутый штекер в разъеме электрообогревателя, закрепил его и доложил Вознюку. Сам ли он выскочил, выдернул ли его каким-то неловким движением кто-то из стартовиков было неизвестно, но Василий Иванович решил на Госкомиссии помалкивать, понимая, что делу уже не поможешь, а особисты кинутся на этот разъем, как стервятники, и начнется

такой общеполигонный перетряс, что работать будет уже невозможно...

Выполнение решения Госкомиссии задержалось, однако по метеоусловиям: в Кап.Яре стояла солнечная морозная синь, но над атомным полигоном, по которому должны были стрелять, висели низкие облака. Погоды не было двое суток. Королев изнервничался окончательно, совсем потерял сон. Пробовал давить на Зернова, торопил, пугал, что упустим погоду на старте, Павел Михайлович не поддавался, отшучивался, но не отступал. Королев быстро понял: Зернов из той редкой породы людей, которых даже он, – великий мастер, – уговорить не сможет.

Пуск Зернов назначил неожиданно для всех – Королев предсказывал верно: погода на старте испортилась. Все члены Госкомиссии поехали на НП[155], километрах в шести от ракеты. В бункере, кроме стартовиков во главе с Воскресенским, остались только Королев, Пилюгин и Павлов. Сергей Павлович сидел у перископа молча. Одни глаза горели на его измученном сером лице. Пилюгин выглядел не лучше. Павлов, напротив, был оживлен:

– Уверяю вас, все будет в порядке...

Ракетчики ему не отвечали.

Старт прошел точно по графику. Ракета быстро скрылась из глаз в низких облаках. На земле еще долго погромыхивало, как всегда бывает, когда звуковая волна оказывается запертой и бьется между землей и облаками.

Наблюдатели на атомном полигоне ракеты не видели. Вдруг что-то крошечное, очень яркое, блеснуло на мгновение, побежала, как круги по воде, взрывная волна и огненный столб устремился вверх, всасывая в себя все окружающее, чтобы, поднявшись, разом почернеть, распустив шляпку ужасного гриба.

Телефонный доклад с полигона был немногословен:

– Наблюдали «Байкал», – так был зашифрован этот пуск.

Королев поднялся из бункера и распахнул железную дверь в мир. Мир был прекрасен. Чистая снежная равнина бежала во все стороны без конца и края. Дым на стартовой уже рассеялся. Господи, неужели всё?

Так, 20 февраля 1956 года в первый раз было испытано советское ракетно-ядерное оружие. В следующем году на вооружение нашей армии поступила вторая ядерная ракета с подвижным стартом. Для межконтинентальной ракеты Р-7 была создана термоядерная боеголовка, завершившая создание ракетно-ядерного щита. Однако вместе с ракетой в полете оружие это никогда не испытывалось.

Создание оперативно-тактической, морской и ядерной ракет

в середине 50-х годов имело в жизни и творческой биографии Королева огромное значение.

Он становится бесспорным лидером важнейшей, во многом определяющей всю международную политику страны, отрасли оборонной техники. Укрепляется его авторитет в военных кругах. Достаточно сказать, что после принятия на вооружение ракеты Р-11 летом 1955 года ОКБ Королева в сопровождении Устинова посещает группа высших военных: Жуков, Конев, Баграмян, Неделин. Пуск 20 февраля 1956 года авторитет Королева укрепил окончательно.

Надо учесть еще, что первая ракета с атомным зарядом была запущена в дни работы XX съезда КПСС. В те годы, впрочем и много лет спустя, это очень много значило. Порочная система «трудовых подарков» и «праздничных рапортов» съездам, пленумам, годовщинам и юбилеям стала зародышем новой, еще только нарождающейся показухи времен Хрущева, которая достигла полного расцвета в годы Брежнева. Поэтому сразу после съезда, а точнее, после Пленума 27 февраля 1956 года, на котором был избран новый Президиум ЦК КПСС, несколько наиболее влиятельных членов президиума: Хрущев, Булганин, Молотов, Каганович, Кириченко и другие, – приехали в Подлипки.

В сборочном цехе лежал макет межконтинентальной ракеты. Макет был неполный, но все равно производил впечатление. На металлических держалках Королев развесил плакаты, расставил перед ними стулья для высоких гостей, а главный инженер завода Ключарев соорудил у входа в цех «правительственную» вешалку.

Доклад Королева все слушали с большим вниманием. Каганович был туговат на ухо, а цех большой, гулкий, акустика плохая, и Сергей Хрущев – студент МЭИ, приехавший с отцом, все время, как переводчик, шептал что-то на ухо Лазарю Моисеевичу. Королева никто не перебивал, все послушно поворачивали головы, когда он переходил он плаката к плакату. Один Хрущев вертелся на стуле, егозил, толкая в бок Кириченко, громко шептал ему:

– Слышь, что Главный говорит? Тебе до твоего Киева лету двадцать минут, слышь?..

Сам факт этого визита уже означал признание заслуг Королева и, конечно, очень его воодушевил. Вскоре – 20 апреля – вместе с группой атомщиков, в которую входили Зернов, Петров, Негин, Королеву и Мишину было присвоено звание Героя Социалистического Труда. НИИ-88 и опытный завод были отмечены орденами Ленина. Ордена Ленина получили ближайшие соратники Королева – Бушуев, Воскресенский,

Крюков, Макеев, Охапкин, Черток. Наградами были отмечены и производственники: Герасимов, Ключарев. Наконец, еще одно событие, означавшее для ДЕЛА гораздо больше любого ордена, которое, конечно же, надо считать прямым следствием всех предыдущих событий, совершилось в том же 1956 году: 14 августа 1956 года Устинов подписал приказ № 310 по Министерству оборонной промышленности, согласно которому ОКБ-1, руководимое Сергеем Павловичем, выделялось из состава НИИ-88 в самостоятельную организацию.

Итак, летом 1946 года вчерашний зек, «филичёвый полковник» Королев был назначен «Главным конструктором изделия № 1» – копии немецкой Фау-2. Летом 1956 года член-корреспондент Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда Сергей Павлович Королев становится Главным конструктором ведущего ракетного конструкторского бюро страны, автором целого арсенала боевых и научно-исследовательских машин. Только теперь мог он сказать, что нагнал за это десятилетие годы, украденные тюрьмами и шарашками.

Как много приходилось читать о триумфе Королева после запуска первого спутника, после гагаринского полета. Да, конечно, триумф, глобальная безымянная слава, эпохальные события всемирной истории. Но ведь они – лишь сверкающая на солнце всеобщего ликования надводная часть неподъемного айсберга его трудов. А бо́льшая – невидима в потемках глубинной секретности. Из этого переполненного работой десятилетия, из пыльных бурь Капустина Яра, из пляски волн за бортом подлодки, из черного дыма аварийных пусков, из ликования победных стартов, ни единой строчкой не упомянутых в газетах, прилетел наш спутник, шагнул к нам Гагарин.

В подвале на Садово-Спасской, когда Цандер заводил разговор о полете на Марс, Королев всегда мягко ему возражал:

– Рано, Фридрих Артурович, еще не время...

Теперь он мог бы сказать ему:

– Пора!

Жить Королеву оставалось десять лет.

Вячеслав Александрович Малышев

К.Е. Ворошилов вручает С.П. Королеву Золотую Звезду Героя Социалистического Труда и орден Ленина за операцию «Байкал», 1956 г.

51

Жить идеей означает относиться к невозможному, как к возможному.

Иоганн Вольфганг Гете

Ракета Р-7 – главный итог земных трудов Королева и начало его космических трудов. И спутник, и гагаринский корабль, и все прочие замечательные и оригинальные конструкции Сергея Павловича без ракеты Р-7 превращаются в дорогие, замысловатые и бессмысленные игрушки. «Семерка» – одно из чудес XX века – первична в истории космонавтики. Она могла бы забросить в космос просто чугунную чушку, и все равно это было бы событие эпохальное.

Начав работу над Р-7, Королев сразу понял, что это будет не только (а может быть, и не столько даже) ракета межконтинентальная, сколько ракета космическая. По отдельным случайно брошенным фразам, по вниманию к работам группы Тихонравова в НИИ-4, который «прибрасывал» (выражение Михаила Клавдиевича) спутник, видно, что Королев рано начал думать о великом предназначении своей гигантской машины. Если бы он не думал об этом, он не смог бы с какой-то невероятной скоростью превратить боевую ракету в космическую. Ведь прошло всего сорок три дня между первым успешным стартом «семерки» и выводом спутника на орбиту! Раушенбах считает, что Королев постоянно жил мыслью о космосе. «Создается впечатление, – пишет Борис Викторович, – что с первых дней своей работы в этой зарождающейся области техники он уже видел грядущий полет Гагарина».

Осенью 1965 года во время нашей последней встречи Королев говорил о будущих работах, рассказывал о суперракете Н-1 и сказал фразу, которая сразу запомнилась, потому что ее отличала несвойственная Сергею Павловичу в разговорной речи выспренность:

– Это будет ракета моей мечты, ракета всей моей жизни!

Мечта не осуществилась. Н-1 начала учиться летать уже после смерти Королева, но так и не научилась. Ракетой всей его жизни осталась «семерка».

Сейчас даже далекому от техники человеку это покажется странным, но еще в 50-х годах находились серьезные люди, считавшие, что по дальности ракеты имеют свой «потолок»,

лежащий где-то за пределами тысячи километров, забросить дальше, конечно, можно, но трудно, поскольку машина раздувается до чудовищных размеров, становится реально неосуществимой и, в конце концов, приходит в тупик, начиная возить сама себя. Когда Королев слышал такое, он приходил в ярость. Выводило его из себя не невежество оппонентов, а их упорное нежелание разобраться в сути вопроса. Ведь спорить с ними было трудно, потому что они были правы: ракета действительно имела пределы дальности, но это относилось только к одноступенчатой ракете. Разбираясь с неосуществленным проектом ракеты Р-3, Королев, как вы помните, показал, что действительно существует некая «неудобная» для ракет дальность около трех тысяч километров, когда одноступенчатая ракета уже не эффективна, а многоступенчатая еще не эффективна. Но в принципе для многоступенчатой ракеты никаких пределов нет, это еще Циолковский показал. Интересно, что, поняв это, Константин Эдуардович сразу оценил свою находку. В записях своих он помечает со значительностью, ему не свойственной, что мысль о создании «эскадры ракет», т.е. идея многоступенчатости, пришла ему в голову «15 декабря 1934 года после 6 часов вечера...» Михаил Клавдиевич Тихонравов, одним из первых познакомившийся с осколками Фау-2, привезенными из Польши, и (что важнее!) одним из первых понявший, что это такое, в Германию не ездил, сидел в своем НИИ-1, но был в курсе всех вопросов, связанных с большой ракетой. Когда стало ясно, что считанными трофейными образцами Фау мы не удовлетворимся и будем делать свою копию – ракету Р-1, Тихонравов, очень любивший разные умозрительные расчеты, решил прикинуть, а нельзя ли, соединив между собой несколько ракет, разогнать их до такой скорости, которая позволила бы вытащить на орбиту искусственного спутника Земли хотя бы небольшой полезный груз. Начал считать и увлекся не на шутку. НИИ-4 руководил генерал Алексей Иванович Нестеренко, человек совершенно военный, но не утративший в строю живой любознательности. Поэтому вся эта внеплановая, полуфантастическая работа Тихонравова им не только не преследовалась, а напротив, даже поощрялась, хотя и не афишировалась особенно. Нестеренко знал, что отнюдь не все его вышестоящие начальники столь же любознательны, и не без оснований опасался обвинений в прожектерстве. Тихонравов и маленькая группа его столь же увлеченных сотрудников в конце 1947 – начале 1948 года безо всяких ЭВМ проделали колоссальную расчетную работу. Чтобы, как говорится, «не дразнить гусей», они все свои вычисления вели

для некой гипотетической одноступенчатой ракеты с дальностью в тысячу километров, в возможности постройки которой не сомневались даже самые упорные скептики. И получилось, что если соединить несколько «тысячных» – как называл их Михаил Клавдиевич, то с помощью такого пакета вытащить спутник на орбиту можно.

Доклад Тихонравова заслушали на ученом совете института. О спутнике он помалкивал, потому что говорить о вещах столь несерьезных в аудитории столь солидной было бы оскорбительно для членов ученого совета. Довольно было и того, что он о пакете рассказал. После доклада обнаружилось множество самодеятельных оппонентов, которые один за одним выбегали к доске и, ломая мел от нескрываемого негодования, доказывали, что тихонравовский пакет, – не что иное, как «доска, летящая поперек воздушного потока». Тихонравов, однако, не успокоился.

В июне 1948 года Академия артиллерийских наук готовилась провести научную сессию, и в институт, где работал Тихонравов, пришла бумага, в которой запрашивалось, какие доклады может представить НИИ. Тихонравов решил доложить итоги своих расчетов по ИСЗ – искусственному спутнику Земли. Никто активно не возражал, но тема доклада звучала все-таки столь странно, если не сказать дико, что решили посоветоваться с президентом академии Анатолием Аркадьевичем Благонравовым.

Совершенно седой в свои 54 года, красивый, с холеными руками, длинными ухоженными ногтями, изысканно вежливый, величаво неторопливый, с золотыми погонами генерал-лейтенанта артиллерии, Благонравов напоминал носителя каких-нибудь древних дворянских кровей и трудно было поверить, что корни его родословной зарыты на огородах деревни Аньково Ивановской губернии.

Президент сидел в окружении нескольких ближайших своих сотрудников и маленькую делегацию из НИИ-4 слушал очень внимательно. Он понимал, что расчеты Михаила Клавдиевича верны, что все это не Жюль Верн и не Герберт Уэллс, но понимал он и другое: научную сессию Академии артиллерийских наук такой доклад не украсит.

– Вопрос интересный, – усталым и бесцветным голосом сказал Анатолий Аркадьевич, – но включить ваш доклад мы не сможем. Нас вряд ли поймут... Обвинят в том, что мы занимаемся не тем, чем нужно...

Сидящие вокруг президента люди в погонах согласно закивали.

Когда маленькая делегация НИИ ушла, Благонравов испытал какой-то душевный дискомфорт. Он много работал с военными и

перенял у них в общем-то полезное правило не пересматривать принятые решения, но тут вновь и вновь возвращался он к тихонравовскому докладу и дома вечером опять думал о нем, никак не мог отогнать от себя мысль, что несерьезный этот доклад на самом деле очень серьезен.

Тихонравов был настоящим исследователем и хорошим инженером, но бойцом он не был. Отказ президента расстроил его. Молодые его сотрудники, которые помалкивали в кабинете Благонравова, подняли гвалт, в котором, однако, мелькали новые серьезные доводы в пользу их доклада.

– Что же вы там молчали? – рассердился Михаил Клавдиевич.

– Надо снова идти и уломать генерала! – решила молодежь.

И на следующий день они пошли снова. Было такое впечатление, что Благонравов словно обрадовался их приходу. Он улыбался, а новые доводы слушал в полуха. Потом сказал:

– Ну, хорошо. Доклад включим в план сессии. Готовьтесь – краснеть будем вместе...

Потом был доклад, который слушали в гробовом молчании: никто не знал, как на него реагировать. Как на шутку, розыгрыш? Или серьезно думают всем этим заниматься?

Доклад Тихонравов закончил так:

– Таким образом, дальность полета ракет не только теоретически, но и технически не ограничена.

Благонравов заранее объявил, что прения отменяются, но, как и ожидал Анатолий Аркадьевич, один очень серьезный человек в немалом звании спросил Благонравова как бы мимоходом, глядя поверх головы собеседника:

– Институту, наверное, нечем заниматься, и потому вы решили перейти в область фантастики...

Ироничных улыбок было предостаточно.

Но не только улыбки были. Королев подошел к Тихонравову без улыбки, сказал, строго набычившись по своей манере:

– Нам надо серьезно поговорить...

Королев понимал важность сделанного Тихонравовым: через год выйдет его собственная работа «Принципы и методы проектирования ракет большой дальности», в которой он тоже анализирует различные варианты многоступенчатых «упаковок». Королев уже тогда, летом 1948 года, когда еще не летала его «единичка», знал, что рано или поздно он придет к многоступенчатой ракете, никуда ему от нее не деться. Поэтому он буквально вцепился в работу Тихонравова, приехал специально к нему в НИИ-4, быстро проглядел разложенные на столах графики, все сразу «схватил», глаза его заблестели:

– Вы – инженеры с большой буквы! – сказал окружившим его

ребятам Тихонравова.

Однако скепсис на этот раз восторжествовал. Несмотря на молчаливое сопротивление Нестеренко, исследования по составным ракетам в НИИ-4 в начале 1949 года прикрыли, оставив Тихонравову одного-единственного сотрудника – Игоря Яцунского, которому позволено было заниматься пакетными схемами.

Тихонравов – аккуратист, немного даже педант, многие годы исправно ведет дневник, посвящая событиям каждого дня ровно одну страницу блокнота, и по дневнику этому видно, что Королев ни на минуту не выпускает Михаила Клавдиевича и его группу из поля своего зрения, хотя они работают в разных институтах. В дневнике постоянно мелькает: «Утром – к Королеву», «Позвонить Королеву», «Был разговор с Королевым», «Совещание у Королева». Связь их крепнет день ото дня.

Уже в 1950 году весовой анализ, проведенный Тихонравовым, показал, что, собрав пакет из уже реально существующих ракет, в принципе можно вывести на орбиту довольно увесистый полезный груз.

Но Тихонравов отнюдь не единственный союзник Сергея Павловича в разработке его планов на будущее. Одним из самых сильных его союзников стал Мстислав Всеволодович Келдыш.

Первое близкое знакомство механиков-теоретиков с большими ракетами состоялось поздней осенью 1947 года после отстрела в Кап.Яре трофейных Фау-2. В Подлипки приехали Келдыш, Сергей Алексеевич Христианович из ЦАГИ, Владимир Васильевич Голубев из МВТУ и другие ученые. Королев прочел им доклад о ракетах дальнего действия, рассказал о работах фон Брауна и ближайших перспективах.

Во время доклада Христианович спросил шепотом у Тюлина:

– Что он нам про немцев рассказывает, а сам-то что он сделал?

– Сейчас скопировал Фау, но у него много оригинальных идей, – тихо ответил Тюлин.

– Идей у всех много. Еще неизвестно, что у него получится…

Ракеты Королева Христиановичу, как говорится, «не показались». Чутьем настоящего исследователя Сергей Алексеевич почувствовал, что авиация стоит на пороге подлинной революции в своем развитии, а тут – немецкие копии… На ракеты чутья не хватило, ракеты Христиановича не увлекли.

А Келдыша увлекли. Чем больше он думал о них, тем больше убеждался, что в ракетной технике существует целый кладезь занимательных загадок, есть над чем поломать голову, а ничего так не любил 35-летний академик, как «ломать» свою невероятно

одаренную голову. Мог ли он предполагать тогда, что всего через десять лет его нарекут «Теоретиком Космонавтики»?!

При Математическом институте имени В.А.Стеклова под руководством Келдыша еще в 1944 году был организован отдел механики, где и начали заниматься ракетодинамикой. Первым сотрудником Мстислава Всеволодовича стал аспирант Дима Охоцимский, которого Келдыш «прельщал» ракетной техникой, в то время как Христианович – его шеф в ЦАГИ – всячески Диму от ракет «отвращал». Келдыш победил, за Охоцимским потянулись другие молодые ребята, которых так и называли «мальчики Келдыша» и долго так называли, даже тогда, когда они уже стали признанными корифеями.

Образовался костяк будущего Отделения прикладной математики, которое потом, уже после смерти Королева, превратится в Институт прикладной математики, а после смерти Келдыша – в ордена Ленина Институт прикладной математики имени М.В.Келдыша. Но тогда до института было еще далеко. Их было совсем немного: Дмитрий Охоцимский, Галина Таратынова, Тимур Энеев, Сергей Камынин, Василий Сарычев, Всеволод Егоров. Вот эти молодые ребята (самому старшему – Охоцимскому – было 28 лет) под руководством своего тоже вовсе не старого шефа провели в 1949-1951 годах целый цикл работ по выбору оптимальных схем и характеристик составных ракет. Они математически безупречно доказали то, что Королев знал давно: «Переход к составным ракетам, – говорилось в одной из этих работ, – можно считать оправданным лишь при начальных весах, превышающих 70-80 тонн (при полезном грузе 3 тонны), и, следовательно, лишь при дальностях, превышающих 3000-4000 километров».

Королев задумал ракету, способную доставить примерно 3 тонны груза на расстояние 6-8 тысяч километров. Анализ всех возможных вариантов достижения такой дальности приводил к двум различным схемам, и обе выглядели вроде бы реалистически. Или это должна быть двухступенчатая баллистическая ракета с жидкостными ракетными двигателями, или гибрид: первая ступень – обычная жидкостная, вторая – крылатая с прямоточным двигателем, которая полетит значительно ниже и медленнее. Какое-то время Королев прорабатывал оба варианта, но быстро понял, что первый ему ближе, и уже в 1953 году от крылатого варианта отказался.

Расчеты «мальчиков Келдыша» смотрел сначала Святослав Лавров, потом они шли к Королеву.

Королев эти встречи любил, не торопил докладчиков, отключал телефон. Некоторые люди отдыхают, уходя мыслями в

прошлое. Сергей Павлович отдыхал, погружаясь в будущее.

– Погодите, друзья, – говорил он «мальчикам», – мы еще доживем до того времени, когда вокруг шарика полетим…

Однако то, что было в прошитых бечевками с вечно крошащимися сургучными печатями «секретных» тетрадках «мальчиков», все это еще не более как теория. Расчеты говорили, что сделать в принципе можно. Но как сделать-то? Приняв двухступенчатый баллистический вариант, Сергей Павлович оказался перед необходимостью выбора одной из конкретных схем, количество которых измерялось многими десятками. Две ступени – это две ракеты, соединенные в одну. Как их соединить? Да как душе угодно! Можно поставить одну на другую. Так делал фон Браун, когда задумал бомбить Нью-Йорк. Нескладная, неустойчивая получается машина, хилая по прочности. Можно соединить ракеты в пакет, наращивать не ввысь, а вширь. Циолковский придумал переливать топливо из одной ракеты в другую. Сложно, тяжело. Тихонравов от перелива сразу отказался. Очень большое должно быть давление в трубопроводах, разъемы не выдержат. А как лучше запускать ракеты: все сразу или по очереди: одна отгорит, отвалится, следующая загорится? И сколько их должно быть, как их наилучшим образом скомпоновать, чтобы действительно не получилась доска, летящая против ветра?

И снова Королев слышал шепот своей уникальной инженерной интуиции: «Искать некоего абсолюта, идеальной схемы – не надо. Потому что ее нет. Потому что за каждый миллиметр совершенства в одном, возможно, придется пожертвовать сантиметром в другом». Не расчеты теоретиков, а воспоминания о бессонных ночах Кап.Яра, когда проклятая «единичка» не хотела улетать со старта, склоняли его к мысли, что всеми силами надо постараться избежать такой схемы, при которой вторая ступень должна будет запускаться на большой высоте, в вакууме.

– Надо честно смотреть в глаза фактам, – говорил он Глушко. – Мы не умеем запускать ракетный двигатель в вакууме. У нас нет уверенности, что он там запустится, и ты…

– Я не вижу здесь неразрешимых трудностей… – вяло перебивал Глушко.

– И я не вижу! Они разрешимы! Но на это нужно время. Вот смотри, мои ребята прикинули несколько вариантов, когда и первая, и вторая ступень включаются прямо на старте, потом первая кончает работать и отбрасывается, а вторая продолжает тянуть… Вот смотри, – он раскладывал перед Валентином Петровичем схемы, которые рисовали проектанты из отдела

Бушуева.

Глушко смотрел, отворачивался:

– Плохо...

– Ты хочешь сказать, что после сбора первой ступени, вторая тащит уже наполовину опорожненную конструкцию?

– Ну, конечно, это же ребенку ясно...

– Разумеется, это не лучший вариант, но зато тогда все двигатели мы запускаем на земле!

– Ну, что опять: «двигатели», «двигатели»! – Глушко раздражало неверие Королева в прогресс его ЖРД...

Снова вспоминается фильм «Укрощение огня». Башкирцев (Королев) звонит Огневу (Глушко) в три часа ночи, врывается к нему домой и лихорадочно чертит схему ракеты Р-7, делясь осенившей его вдруг идеей. Не верю. Не было такого, и быть не могло. Это Шампольон, когда понял, что может читать египетские иероглифы, прибежал к брату в страшном запале, начал рассказывать и рухнул без чувств. А Королев рухнуть не мог, потому что «осенить» его так, как осенило в кино, не могло. В общей сложности, прежде чем остановиться на конечном варианте «семерки», в конструкторском бюро Королева было рассмотрено около шестидесяти вариантов различных компоновочных схем. Никакого «открытия вдруг» не было. Схемы эти были известны очень многим людям, обсчитывались и обсуждались у Евгения Федоровича Рязанова, у Сергея Сергеевича Крюкова, многократно подвергались разносторонней критической фильтрации Константина Давыдовича Бушуева и самому въедливому и придирчивому разбору Василия Павловича Мишина, прежде чем происходила их своеобразная «защита», предварительная «сдача» в кабинете Сергея Павловича Королева. Озарения не было, был долгий и упорный поиск.

Однако было бы печально, если бы труд этот выглядел в глазах людей непосвященных лишенным всяких страстей, вконец иссушенным математикой, отгороженным от живого человеческого общения решетками бесчисленных графиков, если бы возникло убеждение, что работа эта только потому не была поручена мудрому и дальновидному компьютеру, что тогда еще не было мудрых и дальновидных компьютеров. Это не так. Талант Королева не в секундах озарения, а в часах выбора. Он должен был понять и оценить все приобретения и потери каждого из предложенных вариантов, должен был решить. Тут одного инженерного таланта мало. Тут требовался особый талант прирожденного руководителя, ведь многие уникально способные ученые и инженеры начисто лишены этого поистине драгоценного дара – умения решать.

Ах, как бы славно было вот так-то прибежать к Валентину Глушко среди ночи и разом обо всем договориться! Я понимаю, что в кино нельзя показать десятки совещаний, которые проводил и ночью, а чаще все-таки днем Главный конструктор, прежде чем схема, так живо нарисованная артистом Кириллом Лавровым, была принята и утверждена. А совещаний было действительно десятки. И, кстати, художественный кинематограф мог бы одно такое совещание показать, там есть что играть хорошим актерам...

Как все проходило? Как единоначалие Королева сочеталось с коллегиальностью? Как, в каких формах его знания и опыт соединялись со знанием и опытом других? Единого стереотипа не было, классического «совещания по-королевски» не существовало. Множество вариантов объединяло только одно: желание узнать чужое мнение. Королев мог, допустим, сам вообще не выступать, а просто, подводя итоги, сказать:

– Ну вот, товарищи, вы, собственно, сами уже решили вопрос. Действительно все так. Я ваше решение одобряю. Спасибо.

Иногда быстро образовывалась лидирующая по количеству и авторитету группа единомышленников, которая с большим перевесом громила своих оппонентов, но оппоненты не сдавались. В этих ситуациях Королев мог сказать:

– Вам все ясно, а мне надо подумать...

Отпускал всех и действительно думал и день, и два, и три, а потом предлагал свое решение, объясняя, как он к нему пришел.

Но более всего любил Сергей Павлович «бои мнений» примерно равных противников, выбирая себе роль рефери на ринге. Новичкам, впервые присутствующим на совещании у Главного конструктора, могло показаться, что Королев не любит, когда с ним спорят. Вообще говоря, этого никто не любит. Но недовольство Сергея Павловича могло быть вызвано не только несогласием с ним. Он мог оборвать и «поставить на место» как раз чаще всего не тогда, когда с ним не соглашались, а тогда, когда человек начинал говорить не по делу, переключался на вопрос, который его занимал и стремился использовать само совещание в своих местнических интересах. Раздражался Королев и тогда, когда обсуждаемый вопрос начинали дробить, мельчить, засыпая главное множеством деталей, когда масштаб обсуждения переставал соответствовать уровню собрания, высоте кабинета, в котором оно происходило. Он не любил словесных предисловий, отступлений (как деловых, так и лирических), говорить надо было только «по делу» и «по-крупному».

Если Королев и не любил, когда с ним спорили, то еще больше он не любил, когда сразу ему начинали поддакивать,

быстро с ним соглашались. Он требовал сопротивления. Глеб Юрьевич Максимов, один из самых талантливых молодых сотрудников Королева, лауреат Ленинской премии, рассказывал однажды о такой, на первый взгляд, удивительно «некоролевской» черте поведения Сергея Павловича не совещаниях, а если поразмыслить, как раз очень «королевской».

– Иногда создавалось впечатление, что Королев боится принять случайные и недостаточно обдуманные решения, боится оказаться под влиянием какого-либо одного мнения – своего или чужого, – вспоминал Максимов. – Это сочетание осторожности при разработке программы с несокрушимой волей к реализации уже выбранного пути может быть одно из самых ценных свойств Сергея Павловича, как Главного конструктора...

Все перечисленные варианты совещаний были сравнительно просто, арифметически вычисляемы. Однако существовали варианты куда более сложные, требующие знаний высшей математики дискуссий. И здесь Королев был величайшим специалистом. Случаев можно привести множество, но дело не в частных решениях, а в самом принципе хода мысли. Поэтому куда интереснее показать это на примере абстрактном.

Допустим, решается вопрос: что делать – «квадратное» или «круглое»? Допустим, все присутствующие довольно быстро склоняются к тому, что делать надо «квадратное», поскольку оно надежнее, технологичнее, современнее и т.д. и т.п. – доводы серьезные, научно обоснованные и убедительные. Выслушав всех, Королев подводит итог:

– Вы, товарищи, совершенно правильно все решили и оценили. С вашими доводами нельзя не согласиться. Действительно, делать надо «квадратное». Но мы с вами будем делать «круглое».

Все – в полном недоумении, а некоторые даже обижены, усматривая в таком решении каприз Главного. Королев тем временем продолжает:

– Правильно ли считать «квадратное» более надежным только потому, что «круглое» уже три раза ломалось? Да, ломалось! И теперь мы все эти случаи изучили и причины устранили. У нас есть веские гарантии, что «круглое» больше ломаться не будет. Есть ли у нас такие же гарантии по «квадратному»? Нет! И, если сломается «квадратное», надо будет всю испытательную работу начинать с нуля, выяснять, почему оно сломалось и опять-таки нет никакой гарантии, что мы это сможем быстро выяснить, потому что хороших индикаторов для замера отклонений «квадратного» от нормы у нас нет.

Вы совершенно правы, когда утверждаете, что «квадратное»

технологичнее. Это бесспорно, и Иван Иванович, и Петр Петрович могли бы не тратить столько времени, чтобы нас в этом убедить. Но я навел вчера справки и выяснил, что как раз те станки, которые делают «квадратное», сейчас перегружены, а те, которые делают «круглое», стоят. Правильно я говорю, Семен Семенович? Для «круглого» нам оснастку обещает сделать Иванов, я с ним договорился, а за оснастку для «квадратного» нам надо будет валяться в ногах у Петрова, а вы знаете, что, хотя у нас с ним хорошие отношения, он не ладит с министром и поэтому делать не станет, а дожать его будет трудно, поскольку, как вы знаете, он загружен спецзаказом для Сидорова.

Ну, ладно. Допустим, мы сделаем «квадратное». Оно действительно современнее. Сделаем, а что дальше? Где мы будем его испытывать? «Круглые» испытательные стенды для него не годятся. Значит, надо обращаться в правительство за дополнительными ассигнованиями. Если бы мы сделали это три месяца назад, нам, скорее всего, дали бы деньги, но сейчас, когда принято постановление по работам Сидорова, денег просто нет... А потом, кто мне сможет объяснить, почему фирма «Дженерал Дайнэмикс», где тоже не дураки работают и все преимущества «квадратного» не хуже нас с вами видят, тем не менее, делает все-таки «круглое», а?..

Это грубая схема. В действительности Королев во время подобных совещаний говорил гораздо убедительнее, приводя точные цифры, ссылаясь на известные факты, оперируя труднопредсказуемыми аргументами, начиная от угрозы снежных заносов на железных дорогах, когда придет время везти «квадратное», и кончая личными симпатиями заместителя Председателя Совета Министров СССР к «круглому», поскольку в те далекие времена, когда в одном из наших НИИ додумались до «полукруглого», там работала его жена... Впрочем, зная и такие детали, широкую аудиторию он в них не посвящал, но сам учитывал непременно.

Цель всех объяснений Сергея Павловича заключалась вовсе не в том, чтобы задавить своими доводами инакомыслящих. И даже не в том, чтобы добиться официального принятия решения. Это было совсем не трудно, если учесть границы его власти. Цель была в том, чтобы люди сами пересмотрели свои доводы, чтобы с ним согласились не по принуждению, а искренне, и его, Королева, мнение сделалось бы их мнением, подкрепленным полным и ясным сознанием того, что они поступают правильно и что принятое решение – единственно возможное. И тогда завтра, когда принятое решение начинало реализовываться, люди работали не потому, что Главный «велел», они делали не то, что

их заставляли делать, а то, что они хотели. Именно здесь корни невероятных темпов всех разработок Королева.

«Семерка» рождалась быстро, но трудно. Трудно, потому что эта была первая в мире двухступенчатая ракета такой невероятной дальности, а все первое в мире рождается нелегко. Но дело не только в технике. Дело и в психологии.

Сегодня, когда задрав голову у павильона «Космос», мы смотрим на огромную ракету, кажется: ну что тут особенно голову было ломать, все логично, наверное, и я бы мог до этого додуматься, а компанией, – тем более... И трудно даже представить себе тот чисто психологический барьер, который должен был преодолеть Королев, выбирая схему «семерки». Ведь Циолковский компоновал свою «эскадру», как он называл составные ракеты, из ракет одинаковых. И Тихонравов все «прибрасывал» тоже в расчете на одинаковые части некоего общего целого. И в техническом задании, которое Келдыш получил от ОКБ Королева, речь шла о так называемом «структурно-однородном пакете», т.е. опять-таки компоновка из одинаковых частей. Но условие: все двигатели и первой и второй ступени запускаются на Земле – означало, что вторая ступень должна быть по габаритам своим больше первой, и пакет становился уже «структурно-неоднородным». И надо было не испугаться и сказать:

– Да! Это так. Ну и что?

Труднее всего было сказать вот это последнее: «Ну и что?» То есть как «ну и что»? Ведь никто никогда так еще не делал! И тут надо было совершить еще один подвиг воли и свободомыслия и продолжить: «Ну и что из того, что не делал, а мы сделаем!» Надо было перешагнуть через запрет, отодвинуть в сторону старую табличку «хода нет!», которой все непонятно почему продолжают верить. Есть «ход»! В этом надо было убедить даже прогрессивных «мальчиков Келдыша», людей в науке дерзких, которые структурно-неоднородную схему просчитали, но в сводный отчет не поместили, полагая, что раз им это не поручали сделать, то это так, «игра ума», которая практическое применение в обозримом будущем вряд ли найдет.

Существовало еще одно условие, которое не имело никакого отношения к ракетной технике, но о котором проектировщики обязаны были постоянно думать. Ясно, что целиком привезти эту ракету на полигон невозможно: она не пройдет по железнодорожным габаритам, нет таких самолетов, в которых она могла бы поместиться, нет водных путей, по которым ее можно было бы доставить на старт. Но надо, чтобы хоть в разобранном виде она была бы транспортабельной. Забегая вперед, скажу, что

если «боковушки» ракеты Р-7 помещались в железнодорожных вагонах, то центральный блок нужно было членить на две части: один бак и второй бак с двигателями.

В 1953 году оптимальная схема сверхдальней ракеты была найдена. Сергей Павлович делает доклад о результатах всех этих расчетов, и конструкторское бюро Королева начинает эскизные разработки «семерки».

Вскоре после первых испытаний водородной бомбы Малышев приехал к Королеву. Потом зачастили целой компанией: Курчатов, Харитон, Щелкин, Духов. Обо всем расспрашивали, вникали во все детали. Однажды Вячеслав Александрович приехал один, сказал, что хочет посоветоваться по будущим работам. Совещались в довольно узком кругу. Малышев был необыкновенно жизнерадостен и оживлен, шутил, и на людей, мало его знающих, мог произвести впечатление человека легкомысленного и поверхностного. Но Королев понимал, что весь этот малышевский оптимизм неспроста, что разрядка обстановки нужна ему для чего-то очень важного и ухо надо держать востро. И он не ошибся.

– Так сколько весит ваша ракета? – небрежно спросил Малышев у Мишина.

– Примерно сто семьдесят тонн, – ответил Василий Павлович.

– И сколько же такая махина может поднять? – Он обернулся к Крюкову.

– Около трех тонн, – ответил Сергей Сергеевич.

– Ну что это такое – три тонны? – Малышев с улыбкой смотрел на Королева.

– А что? Совсем неплохо, – дипломатично ответил Королев, понимая, что главное – впереди.

– Товарищи, – Малышев стал вдруг очень серьезным. – Термоядерная бомба весит сегодня около шести тонн. Ваши три тонны, – ни то ни се. Шесть тонн. Ну, пять с половиной. Физики обещают этот вес уменьшить, но ориентироваться надо на шесть тонн. Я понимаю: никто никогда такой ракеты не делал. Так ведь и бомбы такой тоже никто никогда не делал! Мы получаем абсолютное оружие: невероятной силы заряд, способный поразить любого потенциального противника.

– К сожалению, абсолютного оружия не бывает, – вздохнул Королев. – Завтра придумают что-то новое, еще более совершенное... Конца этому нет...

– Но согласитесь, Сергей Павлович, что мы будем иметь мощнейший ракетно-ядерный щит.

– Это понятно. Но представляете ли вы, что это такое: ракета, способная зашвырнуть в другое полушарие Земли шесть тонн?!

– Главное, чтобы вы, Сергей Павлович, это представляли, – засмеялся Малышев...

Около недели проектанты работали не разгибаясь. Каждый вечер Королеву докладывали о ходе дела. Все яснее становилось, что форсировать ту машину, которая задумывалась, – невозможно. Речь шла не о доделке, не о переделке, а о нечто совершенно новом.

– Не получается, Сергей Павлович, – Крюков сказал это твердо. – Ничего не получается. Надо перевязывать[156] машину...

Королев знал: если Крюков говорит «не получается», значит, действительно, не получается. Крюкову он верил, – потому что Крюков был мужик тертый.

У него на редкость несчастное детство. Родился он в 1918 году в Бахчисарае, но родиной считал Севастополь. Там и рос Сергей – единственный сын в семье черноморского моряка. В 1927 году отец заболел и умер в больнице. Мать давно болела раком и тоже вскоре умерла. Он остался один в девять лет. Сердобольная тетка Евдокия Федоровна и добрейший дядька Евдоким Федорович приняли его в свою семью. Дядька был железнодорожником, все время кочевал по Крыму: Бахчисарай, Джанкой, Мелитополь. Сергею нравилась такая жизнь: в путешествиях люди взрослеют быстрее. Но и это зыбкое благополучие вдруг рухнуло: тетка умерла, а дядьку посадили: по его вине на сортировке крепко стукнулись два товарных вагона. Сергея определили в детский дом, откуда он бежал, но быстро был отловлен и помещен в керченский детприемник.

– Как я понимаю, – вспоминал Крюков, – следующим пунктом моего назначения была уже тюрьма.

Случайно в детприемнике нашел его дальний родственник отца – «седьмая вода на киселе», – и забрал к себе в город Мценск. Там он учился в школе и задумал поступать в МВТУ, но не получилось. В 1936-м он стал студентом Сталинградского механического института. И опять вроде бы все налаживается, начинает он постепенно выкарабкиваться из всех бедствий. Вот уж и диплом близок: последняя практика в Ленинграде. 23 июня 1941 года в понедельник он собирался уехать в Ригу на флот...

Война все поломала. Он работал на оборонном заводе в Сталинске[157], а долгожданный диплом получил уже в МВТУ после войны. В 46-м был в Германии, но тогда с Королевым они близко не сошлись. Настоящая совместная работа началась уже в Подлипках. Высокий, молчаливый, сдержанный в выражении своих эмоций, Крюков нравился Королеву. В 1961 году он стал заместителем Главного конструктора по расчетно-теоретической работе, отвечал за все нагрузки, баллистику, аэродинамику.

За первый спутник получил Сергей Сергеевич Ленинскую премию, а за полет Гагарина – Героя Социалистического Труда. Но после смерти Королева быстро почувствовал: все изменилось. А ему меняться вроде бы поздно. И подал в отставку... И в семьдесят с лишним лет оставался крепким, стройным, живым... Написать «стариком» – рука не поднимается, хотя он уже отгулял на свадьбе правнука...

Когда Малышев через неделю снова приехал к Королеву, Сергей Павлович повторил ему слова Крюкова:

– Надо перевязывать всю машину...

– Перевязывать, так перевязывать, – спокойно отозвался Малышев.

– Но это совсем другая ракета, с другим стартом. Это ведь большие деньги, Вячеслав Александрович...

– Сергей Павлович, – тихо сказал Малышев. – Я ведь все понимаю, мне ведь Устинов уже объяснил, что мы вытворяем. Знаю, что уже затрачены средства на прежний проект. Но их придется списать. И не только списать, но и новые просить. И немалые. Очень даже немалые. Однако ведь лучше лишнее потратить, но сделать, действительно, что-то стоящее, чем сэкономить и ничего не иметь. Вы согласны со мной?

– Согласен. Но ведь для того, чтобы я мог начать работать, нужно постановление правительства.

– Пишите проект постановления и завтра присылайте мне...

Через неделю новое постановление правительства по ракете Р-7 было принято.

Когда лет через тридцать после всех этих событий ветераны ОКБ однажды начали вспоминать всю историю создания «семерки» и этот разговор Малышева с Королевым, им стало ясно, что именно тогда была решена судьба первого в истории искусственного спутника Земли и запрограммировано наше первенство в эпохальном полете первого человека в космос. Ветераны утверждали, что «нормальный» срок для принятия постановления такого масштаба в 70-е годы составлял около двух лет.

Михаил Клавдиевич Тихонравов

Анатолий Аркадьевич Благонравов

М.К.Тихонравов и Г.Ю.Максимов

Сергей Сергеевич Крюков

52

Я не ищу. Я нахожу.

Пабло Пикассо

Сергей Сергеевич Крюков писал в своих воспоминаниях о Королеве: «Проектирование каждой новой ракеты начиналось в ОКБ задолго до того, как вступали в силу соответствующие директивные документы». Поэтому не надо удивляться тому, что постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании межконтинентальной ракеты датировано – 20 мая 1954 года, а в июле в ОКБ была завершена разработка эскизного проекта. Уже в ноябре проект этот был рассмотрен и одобрен правительством.

Представлял ли Королев масштабы задуманной работы? Представлял. Но, конечно, лишь в самых общих чертах. Он понимал главное: чем большая задача стоит перед ним, тем большее количество людей становится к ней причастны, а значит, тем зависимее от этих людей становится он сам. Каждая новая машина требовала все более разветвленной кооперации, и точно предсказать границы своих постоянно расширяющихся владений он не мог. Подобно древним завоевателям, подчиняющим себе соседние пределы, Королев чувствовал, что его «ракетная империя» может разрастись так, что он уже будет не в состоянии контролировать все, в ней происходящее, и она может рухнуть, подобно государствам Александра Македонского или Аттилы. Как ни странным может это показаться, но организационно самым простым для него было, наверное, создание самой ракеты. В том, что должен был сделать он, Королев, ясность была абсолютная. Но ведь дело было не только в нем и его ОКБ!

Расчеты показывали, например, что графитовые рули в потоке раскаленных газов в новой машине не годятся: громоздко, тяжело, размеры кормы раздуваются, надо что-то продумывать. Придумали маленькие двигатели специально для управления. Но Глушко заявил, что идея дурацкая и проектировать эти двигатели он не будет. Что делать? Искать нового смежника? Уламывать, уговаривать и при этом безо всяких гарантий, что все будет сделано в срок. И потом никто еще не знает, как это будет сделано. Не так много у нас опытных двигателистов, да и у опытного не всегда все получается. Королев решает сам создать двигатели управления. Первые «семерки» летали со своими «родными» движками конструкции Михаила Васильевича Мельникова. Это «задело» Глушко, и он, в конце концов,

отработал более совершенный движок, но когда? Когда ракета уже летала.

Как собирать ракету на полигоне? Одни говорили: будем собирать, как раньше собирали, – по горизонтальной схеме: ракета лежит, ее «лежа» собирают и вывозят, а на старте поднимают и «ставят» – так было со времен Фау-2. Другие возражали; поднимать такую громаду сложно. Если она стартует вертикально, то и собирать ее надо вертикально, как детскую пирамидку, это гораздо технологичнее. Королев долго не мог сделать выбор. Ясно, что и та, и другая схема имеет свои плюсы и минусы, и обе требуют дополнительного анализа. Сергей Павлович посылает своих инженеров в Ленинград к специалистам по транспортировке крупногабаритных грузов, которые, в конце концов, убеждают его, что схемы действительно равноценны. Теперь уже легче, теперь выбор определяется не математикой, которую не уговорить, а конъюнктурой, подвластной простым смертным. Было бы неплохо, конечно, организовать вертикальную сборку, она действительно технологичнее, а потом хотелось, чтобы все, окружающее новую ракету, тоже было новым. Но вертикальная сборка потребует строительства высотного монтажно-испытательного корпуса. Опыта подобного строительства у военных нет, они могут зашиться, сорвать все сроки. Горизонтальная сборка привычнее, не надо крутиться где-то на верхотуре, как цирковые акробаты, и люди будут работать спокойнее. Нет, строить высотный МИК не надо! Смежники на совете Главных тоже склонялись к этому. Сам принцип работы установщика, который ставит ракету, давно апробирован, так что здесь сюрпризов быть не должно. Правда, никогда еще не создавала наша промышленность столь могучего подъемного устройства, но что делать, надо создать!..

Когда выяснилось, что нашлись заводы, которые берутся сделать гигантский установщик, Королев раз и навсегда выбрал горизонтальную схему. Несмотря на то, что Государственная комиссия уже одобрила эскизный проект с вертикальной сборкой, Королев, не страшась неминуемых конфликтов, решительно отвергает его и запрещает впредь обсуждать этот вопрос. Это характерная черта Главного: долгий, полный сомнений выбор и неукоснительное следование принятому, наконец, решению.

Адскую по объему работу предстояло провести с новой ракетой баллистикам ОКБ: Святославу Сергеевичу Лаврову, Рефату Фазыловичу Аппазову, Михаилу Сергеевичу Флорианскому и другим. Борцы с «тлетворной буржуазной идеологией» позаботились о том, чтобы к этому времени у нас в стране существовала единственная (!) счетная машина – БЭСМ –

«чудо техники». Если она работала четыре минуты подряд и не ломалась – это расценивалось как подарок судьбы!

Баллистики приезжали ночью, считали и были счастливы, потому что несколько минут работы этих загадочных шкафов равнялись многонедельному труду девчонок-расчетчиц, которые с утра до вечера трещали в Подлипках на своих допотопных, еще из Германии привезенных «Рейнметаллах», «Мерседесах» и уж совсем никуда не годных «Феликсах».

Рассказ о создании «семерки» легко представить себе в виде отдельной книги: примеры нестандартных решений можно приводить бесконечно, и я уже предвижу укоризненные взоры моих давних друзей-ракетчиков, которые непременно скажут:

– Ну, старик, я все понимаю – объем нельзя превышать, но как же ты мог о нашей-то работе даже не упомянуть?! Ведь если бы N не додумался до X, никакой бы межконтинентальной ракеты в 1957 году у нас бы не было! И сказать так могут не только сотрудники ОКБ Королева, но и тысячи их коллег, которые работали под руководством Глушко, Пилюгина, Рязанского, Бармина, Кузнецова и других давних и верных смежников Сергея Павловича. И от них требовал Королев нового подхода, нового мышления, ясного сознания того, что новая ракета – это не просто подросшая на несколько метров старая, а нечто принципиально новое, мировой технике не известное. Как сочинить партитуру для этого колоссального космического оркестра? Как дирижировать им? Как сделать так, чтобы никто в нем не сфальшивил? Ведь отнюдь не всегда и сам он мог сказать, какие «музыкальные инструменты» потребуются ему завтра, не всегда знал, как на них «играть» и как «оркестрировать» для них их «партию». Кроме того, не все нужные «музыканты» хотели работать в его «оркестре», а те, которые и хотели, должны были еще спрашивать разрешения у собственных «дирижеров». Впрочем, дело не только в «музыкантах» – надо еще было найти «концертный зал».

Работа в ОКБ шла невероятно высокими темпами. После выбора принципиальной схемы Р-7, ее требовалось разработать конструкторски. Итак, четыре блока первой ступени – «боковушки» – вокруг как бы главного центрального ствола первой и второй ступени. Как их соединить, чтобы они взлетали, объединив свои усилия? И как заставить их легко отделиться, когда они станут не нужны? Причем так отделиться, чтобы не ударить вторую ступень и не стукнуться между собой. Отвалиться должны все сразу, не сбив при этом ракету с курса. Как это сделать?

Туполев, на правах старого учителя приглашенный однажды

Сергеем Павловичем в ОКБ, долго сидел на стуле перед лежащей «семеркой», разглядывал ее, слушая пояснения Королева, потом сказал:

– Все понимаю, но как эта штука будет у тебя разваливаться – не понимаю!

Почти ежедневно наведывался теперь Сергей Павлович к конструкторам. Ходил от кульмана к кульману. Иной раз подкрадывался так тихо, что увлеченный работой человек и не слышал. А он стоял за спиной и разглядывал чертеж. Конструктор случайно оборачивался – Главный! Он мог сказать тихо: «Работайте, работайте...» – и отойти. А мог, сев на стул, начать обсуждение, разбор чертежа, вокруг собирался народ, спорили – это ему ужасно нравилось. Он смеялся, шутил, задирал кого-то, но по-доброму, как старший среди равных, среди единомышленников, а он и в мыслях не мог допустить, что кто-то из этих ребят не его единомышленник. И был прав!

– Вот вы мне скажите, – спрашивал Королев одного из молодых конструкторов, – вы какую курочку больше любите: вареную или жареную?

– Жареную... – неуверенно отвечал парень, не понимая, куда клонит Главный.

– И я вижу, что жареную. У жареной ножку-то выворачиваешь, выворачиваешь, иной раз и ножиком никак не отрежешь, а у вареной чуть повернул и все! Твоя «боковушка» с таким замком – жареная. А вы мне сделайте вареную «боковушку»! Вот смотрите..., – он начинал рисовать, придерживая левой рукой листок на кульмане.

– Это красиво, Сергей Павлович. Только как вы ее отпихнете? Пружина какая-то нужна, – комментировал кто-то за его спиной.

Он быстро оборачивался:

– Зачем пружина? Вы думаете только о железках и забываете о том, что находится внутри этих железок. Что внутри «боковушек»?

– Ну, баки...

– Не «ну, баки», а баки под давлением! Всякое избыточное давление – это уже энергетический аккумулятор. Сделайте отверстие, и это избыточное давление отпихнет вашу боковушку...

– Тут что-то есть, – задумчиво тянул парень.

– Ну, спасибо! Значит, «есть», говоришь? Слава богу!

Все вокруг смеялись.

Поощрял:

– Наконец это похоже на нашу конструкцию, а не на паровозную! Это должно летать! Молодцы! Здорово придумали!

Воодушевлял:

– Надо сделать быстро и сделать это, ребята, можно. Помню, когда мне с двумя помощниками пришлось срочно переделывать чертежи крыла, сбегали мы в магазин, купили хлеба и полтора метра колбасы, и чертежи к утру были готовы. А на колбасу и остальное деньги у вас, если сделаете, будут. Это я вам обещаю...

Критиковал:

– Это никуда не годится, потому что очень тяжело. Я вас прошу еще поработать и облегчить конструкцию. Десять процентов веса с любой конструкции, поверьте моему опыту, можно снять...

Воспитывал:

– Если ты сделаешь быстро, но плохо, все забудут, что ты сделал быстро, но будут помнить, что ты сделал плохо. Если ты сделаешь медленно, но хорошо, все забудут, что ты сделал медленно, но запомнят, что ты сделал хорошо. А если ты сделаешь быстро и хорошо, я этого тебе никогда не забуду...[158]

Теперь почти каждый день вызывал он к себе своего заместителя по конструкциям Сергея Осиповича Охапкина. А нередко Охапкин, узнав о каком-то «вето», наложенном Главным на работу его ребят, сам, минуя секретаря, врывался в кабинет Сергея Павловича. Королев это не любил и, как правило, жестко пресекал, но великий знаток человеческих душ, он всегда знал, кому можно разрешать иногда врываться в кабинет, а кого надо тут же осадить. Почему Охапкину можно? Потому что он заместитель Главного конструктора? Вовсе нет, должность здесь ни при чем. Заместителей много[159]. Охапкину разрешалось врываться потому, что настал его час, потому что сегодня именно работа Охапкина определяла общую скорость продвижения вперед. Разрешение на вторжение в кабинет Главного давало только Дело.

В галерее королевских «ракетных генералов» Сергей Осипович Охапкин занимать должен достойнейшее место: он был главным конструктором при Главном конструкторе. Небольшого роста, живой, заводной, легко воспламеняющийся и быстро, с треском, горящий, невероятно трудоспособный, преданный делу, как говорится, до печенок, он да еще, пожалуй, Константин Давыдович Бушуев чаще других заместителей Королева получали от него всевозможные выволочки и разносы. Применительно к Охапкину в 99 случаях из 100 в основе всех конфликтов лежали две причины:

1) Охапкин утверждал, что сделать ту или иную работу в сроки, назначенные Главным, невозможно, а Королев – что вполне возможно;

2) Охапкин утверждал, что сделать тот или иной узел ракеты

компактнее и легче, чем сделали его конструкторы, невозможно, а Королев – что вполне возможно.

Но все кары и разносы Охапкина совершенно не смущали. Один из ведущих сотрудников ОКБ, ставший потом космонавтом, – Константин Петрович Феоктистов писал о Королеве: «Нужно сказать, что все его ближайшие помощники ходили в выговорах, как в орденах. Выговоры рассматривались как некие награды, потому что дурака воспитывать и ругать бесполезно». Охапкина подобные королевские «награды» не смущали не потому, что исключали, по Феоктистову, из разряда дураков, а потому, что Сергей Осипович понимал Главного, когда тот громил его чертежи. Если он, Охапкин, не вписался, к примеру, в заданные ему пределы по весу конструкции, кто, кроме него, Охапкина, виноват? Где может взять Королев эти драгоценные килограммы, которые нельзя купить ни на рубли, ни на доллары?! Выскакивал бедный Сергей Осипович из кабинета Главного конструктора, как из перегретой парной, сидел в приемной, курил, прикуривая сигарету от сигареты, остывал и снова шел в кабинет.

– Серега, – ласково говорил Королев, – надо что-то придумать...

И он придумывал. Придумывал, хотя знал, что у Королева есть резерв, но он его бережет. У Королева, действительно, резерв всегда был, но какой – не знал никто: ни свои, ни смежники, ни в министерстве. Этот секрет Сергей Павлович никогда и никому не открывал...

Когда Королев и Охапкин, наконец, приходили к какому-то соглашению, лежащему, однако, почти всегда ближе к мнению Королева, чем к доводам Охапкина, мирное их существование продолжалось недолго. Сергей Осипович видел: то, что уже сделано, можно сделать лучше! Умнее! Технологичнее! Дешевле! И он шел к Королеву, чтобы доказать ему необходимость переделок. Если в первых двух случаях наступал Королев, а Охапкин оборонялся, то теперь расстановка сил была прямо противоположной. Теперь Охапкин утверждал, что еще не поздно исправить чертежи, что с производственниками он договорится, а Королев – что поздно и ломать производственникам график работы нельзя. Охапкин сам лез на рожон, никто никаких улучшений от него не требовал, ни в каких промахах и недоработках его не упрекал, но не могла душа его смириться с мыслью, что вот можно сделать лучше, а не делают! Все красноречие, весь жар души вкладывал он в свой доклад Главному конструктору.

Сергей Павлович очень быстро схватывал идею Сергея

Осиповича. Он понимал, что тот прав, что пришел он к нему только потому, что всей душой болеет за их общее дело. Но всякие поправки в чертежах давали право производственникам сдвигать сроки изготовления «изделий» (так и прижился этот дурацкий термин секретчиков), сроки всей его, Королева, жизни. И хотя понимал Королев, что Охапкин ищет лучшего в хорошем и за поиск этот готов был его расцеловать, не мог он не карать его своим отказом. Не имел права ради будущего. Иногда очень медленно, неохотно он отступал под огромным давлением буквально всех своих советников, пока не упирался спиной в невидимую стену никому неведомых, им самим себе назначенных сроков, и тогда уже никто и ничто не могло поколебать его решимость. Многим в ОКБ запомнилась его фраза: «За апрель не ходить!» – определяющая срок выполнения работы. Вот почему не спал ночами Охапкин: не пускал его Королев «за апрель».

Я не был знаком с Сергеем Осиповичем. Перебирая с его вдовой Клавдией Алексеевной снимки семейного архива, я спросил ее, на кого он был похож. Не портретно: тут мне все рассказали фотографии, а по темпераменту, по рисунку поведения, жесту, речи. Клавдия Алексеевна тихо улыбнулась и сказала:

– Вы знаете, может быть, это покажется вам нескромным, но, как я понимаю, он был очень похож на Суворова...

Ни Клавдия Алексеевна, ни я Суворова не видели, но мы сразу поняли друг друга.

Биография Сергея Осиповича никакими особыми примечательностями не отмечена. Она типична для человека его времени: Охапкин родился в 1910 году. Когда я узнавал его жизнь, подумал, что Охапкин – образ собирательный. В самом деле, биография его где-то похожа на биографию Раушенбаха – отец кожевенник в Бронницах; где-то на Крюкова: в 14 лет осиротел, жил у тетки; где-то на Чертока – был секретарем комсомольской организации; где-то на Янгеля – прежде чем поступить в МАИ, работал на текстильной фабрике. После окончания института Сергей Осипович наращивал конструкторский опыт у учителей именитых: Туполева, Мясищева, Ильюшина, а с 1948-го – Королева. Сергей Павлович в людях ошибался редко, и уже под самый новогодний праздник – 31 декабря 1952 года стал Сергей Охапкин заместителем Главного конструктора.

...В юные годы был «правым краем» в футбольной команде. Страстный грибник, знал все места за Загорском. Очень любил оперную музыку. Если все хорошо и настроение хорошее, пел один, смущался, когда его за этим занятием заставали. Больше

всех певцов любил он Шаляпина. Заводил его пластинки в своем домашнем кабинете, закрывался и дирижировал Федору Ивановичу. На космодроме был едва ли два раза: это не его дела. Отмечен Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, которая, впрочем, ничего в его жизни и поведении не изменила. Уже после смерти Королева настиг Охапкина коварный инсульт. Лечили восемь лет, но вылечить не сумели. Он забыл смысл букв: писать мог, а читать нет, не понимал, что это такое. А память осталась, он все помнил – и как хотели его исключить из комсомола на фабрике, когда он сказал, что уходит учиться в МАИ, и первую встречу с Клавочкой, когда он выпил рюмочку кагора и стал невероятно словоохотлив, и все ракеты свои он помнил, каждый шпангоут в родной «семерке», каждый лонжерон...

Сергей Осипович умер в марте 1980 года.

Королев обладал невероятно цепкой памятью на людей. Охапкина заприметил и оценил он в Омске, на заводе № 156 в 1942 году, когда числился еще «врагом народа». Так же прочно память его зацепила и директора завода «Баррикады» Туркова, которого распекал он в канун Первомая 1953 года, когда задумали они с Пилюгиным провести праздники в Сталинграде и вызвали туда жен. Спокойная рассудительность Романа Анисимовича, который не сробел перед фонтанирующим гневом Королевым, произвела на Сергея Павловича должное впечатление, и теперь, став самостоятельным, получив возможность назначать своею волей начальника опытного производства, Королев вспомнил о сталинградском директоре, нашел его и переманил к себе.

По мере того как заканчивалась конструкторская работа у Охапкина, центр тяжести общих трудов перемещался в цеха опытного производства. И «семерка», и вся другая космонавтика материальная, осязаемая, металлическая, с первых ее шагов до смерти Королева, связана с именем этого обойденного прижизненной славой замечательного мастера-производственника: Романа Анисимовича Туркова.

С младых ногтей, с коктебельских слетов, а точнее – с коновязи на Беговой улице, где строил Королев свой планер, уяснил он для себя важнейшую истину: без производства ты – ничто, нуль без палочки. Все твои открытия и решения, подобно бумажным ассигнациям, золотом не обеспеченным, никакой цены не имеют до тех пор, пока не превратишь ты их в истинно твердую валюту, в металл, в то, что можно самому пощупать и другим показать. Он заботился о заводе не меньше, а, может быть, даже больше, чем о КБ.

Врезался в память такой случай. Однажды я сидел в маленьком рабочем кабинете Главного конструктора, когда зазвонил телефон кремлевской связи, в просторечии фамильярно именуемый «вертушкой». Я встал и хотел выйти, но Королев жестом возвратил меня в кресло. По той достойной почтительности и по тому, что именовал он собеседника Алексеем Николаевичем, я понял, что звонит Королеву Косыгин. Говорил Косыгин. Что говорил, я не слышал, не знаю. Королев отвечал односложно: «Хорошо... Понятно... Я запишу...» И действительно, что-то записывал. Потом сказал:

– А теперь, Алексей Николаевич, у меня есть к Вам одна просьба. Помогите мне прописать сто рабочих-станочников. Они мне очень нужны...

Я потом думал: почему вопрос, который начальник отдела кадров должен решить с замом председателя горисполкома, решают Главный конструктор ракетно-космических систем и Председатель Совета Министров великой страны?!!

Но и о другом я подумал: да какое же ему дело до этих станочников? Оказывается, есть дело. И когда в газетных поздравлениях вместе с учеными, инженерами, техниками назывались и рабочие – это справедливо: ракетная техника создавалась не только умными головами, но и умелыми руками.

Космические планы Королева требовали много ракет. В Подлипках он может сделать одну, две, пять, пусть десять опытных машин, но наладить их серийный выпуск Подлипки не смогут, как не смогли они наладить даже выпуск «двойки». Днепропетровск «семерку» не возьмет, зачем она ему – Янгель хочет самостоятельности не меньше Королева. А это значит, что надо искать другой завод.

На этот раз выбор пал на большой авиационный завод в Куйбышеве. Туда отправляет Королев одного из своих вернейших «гвардейцев», бывшего ведущего конструктора «атомной пятерки», а ныне ведущего конструктора «семерки» Дмитрия Ильича Козлова – в будущем он станет дважды Героем Социалистического Труда.

Ну а о серийном производстве речь пойдет только после принятия ракеты на вооружение, после всесторонних испытаний.

Испытания... Так все ближе подступала к нему, все требовательнее заставляла думать о себе новая забота Королева – полигон для «семерки».

Сергей Осипович Охапкин

Роман Анисимович Турков

53

Я застал Рим глиняным, а оставляю его мраморным.

Октавиан Август

Ракета Р-7 – «семерка» – еще не родилась, но все понимали, что когда она родится, Капустин Яр будет ей мал: не хватало необходимой базы для траекторных измерений. Самым опытным человеком по полигонным делам справедливо считался Василий Иванович Вознюк. В 1954 году под его председательством была создана специальная комиссия, которой поручалось найти место для нового полигона. Хочу подчеркнуть: для полигона – ни о каком космодроме речи не было и быть не могло. И когда в одной книжке я читаю, как начальник строительства по случаю закладки первого дома произносит на митинге 5 мая 1955 года речь, в которой говорит, что «партия, Советское правительство, народ доверили нам построить первый на планете космодром», – я авторам не верю. Народ был вообще не в курсе дела, а партия и правительство доверили, точнее – приказали построить полигон для испытания новых мощных боевых ракет – и не будем наводить тут тень на ясный день.

Если бы Василий Иванович Вознюк был не советским, а, скажем, голландским генералом, задачу, перед ним поставленную, можно было бы решить несравненно проще, поскольку территория, требующаяся для нового полигона, должна была быть примерно с Голландию величиной. Уж чем-чем, а просторами Россия не оскудела и выбрать такое пространство где-нибудь в Восточной Сибири или в Таймырской заполярной тундре не составляло труда, но все понимали, что полигон желательно разместить, пусть в диковатых и пустынных местах, но все-таки не окончательно безжизненных, куда не нужно было бы тянуть железные дороги, дальнюю энергетику, чтобы все ему необходимое, включая сами ракеты, находилось пусть не рядом, но сравнительно недалеко.

На первых порах выбрали три варианта. Марийская АССР. Лесные угодья ее были сильно подорваны во время войны, а места вырубок осваивать было трудно, да и подо что осваивать, что там может вырасти? Второе место: берег Каспия неподалеку от Махачкалы. Что-то похожее на мыс Канаверал во Флориде. Как и у американцев, первые ступени ракеты должны были падать в море. Третье: казахское предпустынье, правый берег Сырдарьи.

В рабочую комиссию Вознюк привлек и ракетчиков: Королева, Рязанского и Бармина. Королев был резко против марийского полигона.

– Василий Иванович, – объяснял он Вознюку, – ты сам должен понять и другим растолковать, что полигон должен располагаться не у полярного круга, а как можно ближе к экватору. Тогда мы сможем наиболее эффективно использовать скорость вращения Земли. Если стрелять на восток, к скорости ракеты будет прибавляться окружная скорость географической точки космодрома, понимаешь? И прирост может быть весьма солидный. Уже Казахстан дает нам прирост более трехсот метров в секунду, представляешь?! Я все знаю: и климат тяжелый, и возить далеко и стройматериалов поблизости нет, но поверь мне, Василий Иванович, лучше всего строить в Казахстане.

Вознюк, как положено, доложил по начальству – маршалу артиллерии Митрофану Ивановичу Неделину. Неделин в Военно-инженерной академии имени Ф.Э.Дзержинского провел довольно многолюдное, но вместе с тем предельно секретное совещание, на котором рассказал о результатах поисков и объяснил все преимущества и недостатки выбранного места. В зале сидели министры оборонных отраслей, главные конструкторы и военные. Сидел в зале и начальник Главного управления специального строительства Министерства обороны генерал-лейтенант Григоренко. Он знал, что за строительство отвечать будет он, слушал Неделина очень внимательно и чем больше слушал, тем больше мрачнел. Место, конечно, выбрали удачно: пустыня, никакие угодья не страдают, население редкое, есть накатанная железная дорога и простор – расширяйся в любую сторону, – все было замечательно. Но только не для строителей! Пустыня, она и есть пустыня: ни дорог, ни коммуникаций, ни электроэнергии, – песок и черепахи, начинать надо с полного нуля.

После доклада Неделин подошел к Григоренко:

– Ну, что, Михаил Георгиевич, справятся военные строители с такой стройкой?

– Только они и справятся, товарищ маршал, – хмуро ответил Григоренко.

Требовалось получить еще решение Совета Министров Казахстана о передаче земель. Королев тоже ездил в Алма-Ату, хотя его и отговаривали: «Сложностей не предвидится, процедура чисто формальная, неужели вы думаете, что Алма-Ата запретит Москве строить полигон?» Заранее подготовленные бумаги передали в казахский Совмин. Прошел день, другой, третий. Шли какие-то вялые разговоры: «Много просите… зачем Вам столько земли».

– Но ведь на этих солончаках ничего не будет расти, даже если их поливать.

– Не будет, – кивали головами чиновники. А один, кажется он был родом из тех мест, добавил: «Если поливать – тем более не будет».

– И как пастбища они тоже использоваться не могут, – наседал Королев.

– Не могут.

– Так в чем же дело?

– Будем думать...

Королев еще подождал, потом не выдержал, пошел в республиканское ЦК. После его страстной речи один из секретарей ЦК позвонил в Совмин и назавтра вопрос был решен.

– А вы что мне говорили? «Формальная процедура»! – наставлял Сергей Павлович строителей на обратном пути из Алма-Аты. – Я казахов понимаю: почему они должны вот так сразу отдавать гигантскую территорию пусть и бросовых земель? Тем более что мы им не можем толком объяснить, зачем нам эта земля и что мы с ней делать будем. Но, поверьте моему слову, когда узнают, – спасибо нам скажут. Мы эту пустыню на весь мир прославим!

Окончательно месторасположение нового полигона узаконено было на одном из заседаний Политбюро. Докладывал маршал Жуков. Быстро перечислил варианты и предложил Казахстан. Жукова слушали с вежливым равнодушием, проголосовали единогласно: в конце концов, Жукову виднее, где ему строить новый полигон. Только Хрущев, человек, кажется, самый живой и любознательный в этой компании, спросил:

– А где точнее?

– Разъезд Тюратам, – ответил Жуков.

Разъезд Тюратам появлением своим на свет в 1901 году был обязан не неким хозяйственным потребностям, а лишь несовершенству тогдашних паровозов: здесь они останавливались, чтобы «напиться» воды. В те годы была сооружена насосная станция с дизелем, отполированные медные части которого, горящие жарким самоварным блеском, поразили первых строителей полигона: старая машина вполне могла бы жить в зале Политехнического музея, но она исправно работала уже шестой десяток лет. С 1913 года здесь, сменяя друг друга, постоянно жили русские механики, сущие отшельники и великие хозяева, сумевшие в этих солончаках содержать и коров, и свиней, и овец, не считая кур, уток и огорода. Часа на 2-3 в день они запускали свою идеально чистую насосную, а остальное время хозяйствовали, вытаскивали из бочажков плененную

коротким весенним паводком рыбу и стреляли сайгаков. К 1954 году – последнему году патриархального быта Тюратама – разъезд этот мало отличался от «Буранного полустанка» Чингиза Айтматова. Два дома железнодорожников и три десятка мазанок давали приют нескольким десяткам людей и нескольким десяткам тысяч клопов, азиатское гостеприимство первых и кровожадность последних испытали на себе строители нового полигона в полной мере.

А появились эти строители в самом начале 1955 года, появились совершенно неожиданно для жителей разъезда. 12 января начальник станции Анатолий Лебедев получил телеграмму с распоряжением отцепить в Тюратаме два вагона-теплушки от поезда, следующего на Ташкент. Из теплушек посыпались солдаты, одетые, как в 41-м – в полушубки, ушанки и крепкие валенки. Командовал ими лейтенант Игорь Николаевич Денежкин, вошедший в историю, как житель № 1 Байконура. До Денежкина сюда приезжали, правда, инженеры-изыскатели – прикидывали стройплощадки, «прибрасывали» дороги, определяли уровень грунтовых вод, но это были как бы командировочные, а Денежкин со своими ребятами был уже коренным.

В ответ на вопросы железнодорожников лейтенант загадочно улыбался, туманно намекал на большую стройку.

Надо сказать, что строительство нового полигона было окружено еще более плотной завесой тайны, чем организация в свое время Кап.Яра. Что они, собственно, строят, рядовые солдаты-строители не знали. Политработники отделывались заготовленными в Москве трафаретами: «Родина поручила нам строительство объекта огромной государственной важности», и т.п. На почте существовала жесткая военная цензура. Запрещалось писать не только о том, что копаю-де котлован – это расценивалось как разглашение государственной тайны, но даже о песках, тюльпанах, скорпионах, сусликах и жаре. И вообще никто не мог толком объяснить, о чем же все-таки можно солдату писать домой. Когда один из них, встретив Королева, спросил на месте первого стартового комплекса, что же тут будет, Сергей Павлович засмеялся:

– Стадион, ребята! Самый большой в мире стадион!

Но, конечно, постепенно правда дырочку находила и просачивалась. Никогда не следует считать солдата тупым простофилей, который не может отличить авиационный ангар от МИКа с железнодорожными рельсами, или подземный арсенал от ракетного старта. Солдат все видит, все слышит и смекает, а если командир желает, чтобы он, солдат, вроде бы ничего не знал, он

согласен сделать вид, что ничего и не знает, так ему даже спокойнее.

В конце концов, все всё знали, а поначалу и так видно было, что затевается действительно огромная стройка: на крохотный пустынный разъезд буквально обрушился такой поток грузов, который и в очень большой город не прибывает: бревна, доски, стекло, кирпич, цемент, известь, гравий, горючее и смазочные материалы, грузовики, тракторы, скреперы, бульдозеры, экскаваторы, электрические и трансформаторные подстанции, котлы, станки, продовольствие и еще великое множество всего другого в ящиках, тюках, мешках, бочках, контейнерах, которые не успевали развозить по складам и строительным площадкам, так что поезда у разъезда Тюратам шли как бы в тоннеле, образованном всем этим богатством, лежащим по обеим сторонам железной дороги.

Разгружать все новые и новые вагоны было в таких условиях невероятно тяжело, даже на соседних разъездах стояли в ожидании своей очереди неразгруженные составы, и дело кончилось тем, что министр путей сообщения Бещев Тюратам закрыл: ни одна станция не имела права принять груз, туда адресованный.

Только авральное строительство отводной железнодорожной ветки и мобилизация всех имеющихся ресурсов на разгрузку прибывающих составов вывели полигон из критического положения.

Впрочем, это случилось уже весной, после подписания Постановления правительства о строительстве полигона. Постановление от 12 февраля 1955 года включало множество пунктов, адресованных различным министерствам и ведомствам. Но на первом месте стоял, конечно, «заказчик» – Министерство обороны.

Неделин решил, что строители строителями, но, коли полигон формально на бумаге существует, у него должен быть начальник. Все прочили на это место Вознюка. Узнав об этом, жена Василия Ивановича Марта Яковлевна, всплеснула руками:

– Вася, милый! Неужели опять уезжать?! Посмотри, какой цветник вырастили! Васенька, давай останемся…

Дело не в цветах, конечно. Вознюк прикипел сердцем к Кап.Яру. Каждый, не то что дом, – каждый камень был здесь памятен ему. Он всегда много работал, и на войне он тоже очень много работал. Но вот война кончилась, и где он, этот труд? Да, конечно, в Победе. Ну, а материально, как потрогать то, что оставит он на Земле детям? Полигон был для него не местом службы, а следом его жизни…

Он отклонил предложение маршала перебраться в Тюратам. Он и потом не раз отклонял разные очень лестные для него предложения, включая высокие московские кабинеты Министерства обороны. Он остался верен своему Капустиному Яру.

В апреле 1955 года Неделин назначил генерала Алексея Ивановича Нестеренко начальником нового полигона.

Начальник был, но полигона еще не было. Его еще надо было построить, И его строили с невероятной быстротой сотни, тысячи людей. Три десятка молодцов из первого десанта лейтенанта Денежкина стремительно превращались в целую строительную армию: в общей сложности за время основного строительства здесь работало свыше трехсот тысяч человек.

У каждой армии должен быть командующий. Им стал инженер-полковник (затем генерал-майор инженер технической службы) Георгий Максимович Шубников.

Рассказывают, что Шубников по складу характера, воле, упорству и работоспособности был очень похож на Королева. Он был немного старше Сергея Павловича – родился 1 мая 1903 года в Ессентуках в семье плотника. И в отроческие годы начинали они похоже: Королев в стройпрофшколе, Шубников – в строительном техникуме. Но Королева сманила авиация, а Шубников так и пошел по строительной стезе. Служил в армии, в кавалерии, после демобилизации – работал и учился, в 1932 году окончил строительный институт и строил до самого начала войны. И на войне он тоже не разрушал, а строил: укрепрайон на Дону, переправы на Днепре, дороги в северной Буковине, мост на Висле, – долго можно перечислять.

– А после войны, – рассказывал мне заместитель, а позднее преемник Шубникова генерал Илья Матвеевич Гурович, – работа его отличалась от прежней только тем, что не стреляли, и еще тем, что работы этой прибавилось...

Георгий Максимович восстановил и построил заново: железнодорожный мост во Франкфурте на Одере, мосты через Одер в Кюстрине и Староречье, мосты через проливы Штральзунд и Цитентрабен, мост через Дунай в Будапеште, через Шпрее – в Берлине. Он же построил и знаменитый скорбный ансамбль на кладбище наших воинов в Трептов-парке. Потом был Донбасс, аэропорт в Ташкенте, спецобъекты ПВО в Азербайджане и вот теперь Тюратам – главная и последняя стройка его жизни.

Как и Королев, Шубников ничем, кроме работы своей, серьезно не интересовался, а работал с рассвета и заполночь. Звонил жене по телефону, чтобы не ждала его к ужину и весело говорил сослуживцам:

– Замечательная женщина моя жена! Совсем не мешает мне работать!

Как и Королев, был строг и требователен к людям. Как и Королев, имел право на такую требовательность, потому что себя тоже не жалел. Шубников поднимался в шесть часов. Он приспособился бриться и одновременно выслушивать по телефону рапорты дежурных – узнавать, что произошло, пока он спал. После физзарядки завтракал: картофелина, яйцо, горстка капусты, иногда маленький кусочек мяса и стакан чая. Быстро все это съедал и – вперед! Когда и где обедал – никто точно не знал. В том числе и он сам.

Сходство Шубникова и Королева продолжается в их неизбалованности комфортом, сервисом и пищей и дополняется равнодушием к алкоголю, что в условиях полигона и по сути неограниченного (для их ранга) доступа к спирту назвать типичным явлением нельзя. Шубникова довольно часто приглашали на различные застолья – кто ищет, повод всегда найдет: начало работы, окончание работы, рождение, поминки, лишняя звездочка на погоне, просто красный день календаря. И Шубников редко отказывался. Приходил, выпивал бокал шампанского или стопку водки и незаметно исчезал. Сидеть и пировать по несколько часов кряду не умел и не любил, как и Королев.

В общении с подчиненными был Шубников, пожалуй, посдержаннее Сергея Павловича, реже кричал, стучал кулаком по столу, королевского умения «заводить» самого себя и бесспорных актерских способностей Сергея Павловича Георгию Максимовичу не хватало. Рассказывали, как одному провинившемуся прорабу, атлетически сложенному, румяному молодцу Шубников, долго его разглядывая, тихо, словно размышляя сам с собой, сказал:

– Удивляюсь, как вы, мужчина, при всех своих способностях можете так плохо работать…

Мне кажется, реакция Королева была бы другой. Но, как и у Королева, самым суровым приговором Шубникова было:

– Это – безответственный человек.

Даже издалека, рассматривая в бинокль или стереотрубу Королева и Шубникова в кругу других людей, даже не слыша, о чем и как они разговаривают, а только по движению, по походке, жесту внимательный человек сразу признал бы в них лидеров. Они были прирожденными лидерами и знали это. Не надо быть оракулом, чтобы предсказать: стычки между такими людьми возможны и даже вероятны. Они и были.

Королев приехал в Тюратам первый раз ненадолго, между двумя командировками на Северный флот, в сентябре 1956 года.

Две вещи поразили его: никогда прежде невиданный размах строительства и невыносимые природные условия. Оказалось, что существует жара и пыль пострашнее, чем в Капустином Яре, причем он понимал, что лето уже на закате, особого ветра нет и это отнюдь не предельная жара и пыль. Летом, как ему рассказывали, было совсем плохо. Солдаты-строители мучились от жажды, воды не хватало. Никогда еще за всю свою долгую жизнь чистенькая насосная станция с блестящим древним дизелем у паровозной водокачки не работала как теперь – круглосуточно, но напоить всех она не могла. Случалось – не на чем было даже сварить солдатам обед. От жары мутилось в голове, и приказы командиров имели уже сомнительный вес. Солдаты самовольно выходили на дорогу, останавливали водовозки и выпивали их досуха, залив все фляги, котелки и ведра. Шоферы не знали, что им делать: драться или плакать, ведь воду ждали там, в пустыне, такие же солдаты...

– Сейчас готов водовод, проблему эту мы решили, – говорил Шубников, усаживая Королева в свой газик. С веселым оживлением демонстрировал Георгий Максимович Главному конструктору все свое хозяйство, рассказывал о ходе работ, не спеша, солидно знакомил со своей «гвардией»: начальником политотдела полковником Баландиным, главным инженером подполковником Грунтманом, начальником производственно-технического отдела Гуровичем, командиром 84-й инженерно-строительной-бригады полковником Гордиенко, 101-й – подполковником Дуровым, 2-й Симферопольской ордена Красного Знамени – полковником Халабуденко и другими высшими офицерами специально созданного в Тюратаме Управления инженерных работ (УИР). Уже по тому, как подтянуто выглядели офицеры – именно у строителей такое не часто встретишь, по тому, как подходили, как докладывали, как спокойно, без суеты, с точными цифрами отвечали на его вопросы, Королев видел, что дело у Шубникова поставлено четко, но от похвал удерживался, напротив, вид имел сурово озабоченный, что контрастировало с улыбающимся Шубниковым. Георгий Максимович уже «вычислил» Королева. Он понимал, что мнимое недовольство Главного конструктора во многом наигранное, поскольку Королев, очевидно, думает, что оно позволит ему с большей требовательностью настаивать на ускорении работ и вообще вести диалог в наступательных тонах. Всем этим хитростям научил Шубникова его собственный начальник – генерал Григоренко, угодить которому было невозможно: как бы ты ни работал, разноса не миновать. Даже если Григоренко видел, что сегодня все хорошо, он устраивал

профилактический разнос, чтобы завтра было еще лучше. И теперь, вспоминая уроки Григоренко, Шубников улыбался, разгадав тактический ход Королева. А потом, черт побери, он имел основания улыбаться!

Сделать за такой короткий срок удалось действительно немало. Шубникову было чем гордиться: многие километры дорог, железнодорожных путей, теплоцентралей, электролиний, первая очередь кислородного завода. На «площадке № 10» – она превратится в город Ленинск – заложен первый жилой дом. В июне 1955 года приступили к строительству самого большого здания полигона – МИКа – монтажно-испытательного корпуса, это была «площадка № 2». Во второй половине сентября там начали сооружать и первый стартовый комплекс. Самая трудоемкая работа шла, пожалуй, именно на «площадке № 2»: предстояло вырыть огромный и глубокий пламеотводный канал. Примерно за полгода – к апрелю 1956 года – отрыли и вывезли миллион (!) кубометров грунта. И раньше бы сделали, но отчаянные морозы января на некоторое время парализовали технику. Тогда же, в январе, начали возводить собственно старт – тоже сооружение циклопическое. В апреле на «площадке № 2» приступили к бетонным работам. С гордостью показывал Шубников и школу, сданную перед самым приездом Королева.

– Много ли тут детей, что вы уже школы строите? – ворчливо спросил Королев.

– Сто тридцать шесть, Сергей Павлович. Пока сто тридцать шесть, – примирительно ответил Шубников.

Первый раз они «сцепились», когда осматривали общежитие для стартовиков на «площадке № 2». Это был довольно неказистый двухэтажный барак, строителей которого можно было обвинять в любых грехах, но не в стремлении к архитектурным излишествам. Впоследствии среди ракетчиков, начавших ездить на полигон в те годы, он за свой «комфорт» и нравы, в нем царящие, быстро получил прозвище «Казанский вокзал».

– Мои инженеры не будут жить в таких бараках! – заявил Королев.

По нерву в его голосе Шубников понял, что он очень раздражен. Георгий Максимович уже готов был ответить какой-то ватной фразой, в которой гнев Королева, не встретив сопротивления, наверняка бы увяз, но увидел багровое от ветра и возмущения лицо Халабуденко. Без сна и отдыха уже год тянул Михаил Иванович стартовый комплекс, замерзал, тонул в зыбучем песке и плакал от счастья, когда его солдаты бросали в первый кубик застывающего бетона двугривенные. Шубников увидел его лицо и понял, что, если он сейчас не «врежет»

Королеву, если «ляжет», – свои не простят. Очень не хотелось ссориться с Главным, но работать-то со своими...

– Кто вам дал право так разговаривать? – спокойно, но громко спросил Шубников. – Почему мои инженеры, которые ничуть не хуже ваших, могут жить в землянках, а вашим я должен строить барские хоромы? Я строю согласно проекта, утвержденного правительством, и прошу вас об этом не забывать.

Надо заметить, что в бытовых тяготах ракетчиков в какой-то степени виновен был и сам Сергей Павлович. Уже давно усвоил он лукавые правила некой финансовой игры, в которую играли наши руководители, наверное, во всех министерствах. Если затевалось какое-то большое дело: новая электростанция, или городок, или самолет – неважно что, – смета составлялась так, чтобы стоимость новой этой затеи была минимальна. При ее утверждении наверху подчас удивлялись: «Надо же! Такое большое дело, а стоит сравнительно недорого!» Работа разворачивалась и в смету, естественно, не вписывалась. И те, кто составлял смету, и те, кто ее утверждал, знали, что вписаться невозможно. Но первые надеялись, что им денег прибавят: «Смотрите, как отлично идут дела, еще немного и...»; а вторые – что удастся от них отбрыкаться: «Все, что вы просили, мы вам дали и больше нет...» Затем путем взаимных уступок находили золотую середину. Но что такое «взаимные уступки»? Это как раз и есть экономия на том, что называется соцбытсектором. На полигоне нельзя было экономить ни на МИКе, ни на стартовом комплексе, поэтому экономили на гостиницах.

Первая стычка Королева с Шубниковым сразу показала Сергею Павловичу, что перед ним «достойный противник». Вечером того же дня, когда в сумерках началось совещание в УИРе, Королев был уже совсем другим. Он опять наступал – на этот раз сыр-бор разгорелся вокруг железнодорожной ветки, идущей к МИКу, ее строительство действительно выбилось из графика, но это был уже совсем другой разговор, иной тональности, в котором уже превалировали ноты общей озабоченности и слышались даже минорные отголоски дружеского расположения.

– Я вас понимаю, – говорил Королев, – но и вы меня поймите. К Новому году я должен начать в МИКе сборку первого изделия. На грузовике я ракету на вторую площадку не довезу. Поэтому я прошу отнестись со всей ответственностью к дороге. Если у нас будет готов старт, а не будет этой ветки – нам старт не нужен...

Уже все чаще вместо «я» – «мы», «нам»... Как же он хитер! Нет, с этим мужиком не соскучишься, – Шубников прихлопнул ладонью стол:

– Ну, Сергей Павлович, это, я надеюсь, все тут понимают...

Через день, когда снова ходили они вместе по МИКу, Королев сказал:

– Да! Вижу теперь, что вы умеете строить быстро и хорошо. Я уверен, все будет готово к сроку, строители не подведут. – Помолчал и снова, с чисто королевским упорством вернулся к старой теме: – Но все же, Георгий Максимович, отделайте, пожалуйста, получше гостиницы для моих сотрудников. Я понимаю, в этих условиях... Но если что можно, сделайте, пожалуйста, а? Люди ведь у меня золотые...

– Что можно – сделаем, – отозвался Шубников. – А насчет людей... Если у вас золотые, у меня – стальные...

Королев вскоре улетел, но по своему обыкновению о разговоре не забыл, более того, как-то хитро обойдя ведомственные рогатки (ведь они с Шубниковым относились к разным министерствам, комедия да и только!), сумел послать военным строителям плитку, краску, электрооборудование и другие материалы из своих фондов.

С той поры Королев стал регулярно наведываться в Тюратам, внимательно следить за ходом работ и с каждым приездом своим убеждался, что Шубников – тот человек, которому надо помогать. Конечно, не раз еще они ссорились и оба произносили гневливые речи, но уже знали цену друг другу и искренне уважали один другого. Друзьями они не стали, но были настоящими товарищами до конца своих дней: Сергей Павлович пережил Георгия Максимовича меньше чем на полгода.

Я приехал первый раз в Ленинск – так, недолго ломая свои натруженные ратными заботами головы, окрестили в Министерстве обороны новый город – уже после смерти и Шубникова, и Королева, весной 1967 года. Но я еще застал деревянные бирочки на деревьях, которые росли вдоль улиц. На бирочках было написано: «Ответственный...» и фамилия человека, который должен был следить, чтобы дерево не засохло. Тогда в Ленинске зеленел уже городской парк и невозможно было поверить, что 10-12 лет назад здесь не росло ни травинки, и только ветер – солдаты называли его «Хоттабычем»[160] – гонял колкие шары перекати-поля. И парк с аллеями серебристых тополей, и зеленые улицы – это привет от генерала Шубникова из прошлого.

Деревья решил посадить Георгий Максимович.

– В успех дела никто не верил, – рассказывал генерал Гурович, – откровенно говоря, я тоже был убежден, что затея эта пустая и ничто в этом пекле расти не будет: природа есть природа, приказом по части ее не возьмешь. Но Шубников

настоял на своем...

Финансисты УИРа подсчитали, что на ирригацию, трубы, арыки, транспортировку и высадку деревьев потребуется пять миллионов рублей. И денег, как и полагается финансистам, не дали.

– Если бы я был уверен, что из пяти саженцев хоть один приживется, я бы тебе денег дал, – говорил самый главный финансист. – Но, Георгий Максимович, пойми, погибнут ведь все! Все пять погибнут! И ответственность ляжет на тебя. Затаскают по кабинетам, устанешь рапорты писать...

Шубников не испугался. Осознание современниками истинной ценности личности часто запаздывает, но маршал Неделин еще в 50-х годах говорил:

– Это счастье для Министерства обороны, что во главе строительства полигона стоит Шубников.

Для военного человека Митрофан Иванович Неделин был, пожалуй, иногда чересчур мягок и податлив, особенно когда дело касалось не его непосредственных забот, а проблем сопутствующих. Строители постоянно старались втянуть Неделина в круг своих споров, заручиться его поддержкой в борьбе с оппонентами. Оппоненты делали то же самое.

– Меня убеждают, – говорил он Королеву, – что дома в Тюратаме надо строить в девять этажей и больше. А Шубников категорически против. Он говорит, что дома не должны быть выше деревьев, иначе задохнешься от жары. А вы что думаете?

– Прав Шубников, – подумав, ответил Королев, – я его поддержу. Лучше всего строить для каждой семьи отдельные коттеджи с садиком, огородиком, с бассейном...

– Это сколько же надо земли и воды, – вздохнул маршал. – Город-то большой будет...

– Земли тут хватит, – убежденно продолжал Королев, воды под нами – море. Мы начали здесь дело, которому в обозримом будущем конца нет. Поэтому людей к этой земле надо привадить. Человек, который посадил дерево и съел с него яблоко, не уедет от своих трудов. Поэтому Шубников прав!

– Но если город будет большой, и люди в нем останутся жить, то надо думать о школах, техникумах...

– ...и институтах, – перебил Неделина Королев. – А со временем филиал Академии наук откроем или даже Академию Космоса!

Мы сидели с Гуровичем в парке неподалеку от могилы, где похоронены ракетчики, погибшие вместе с Неделиным.

– Мне трудно объяснить вам, что же, в конце концов, сделал Шубников, не потому, что вы не инженер-строитель, – говорил

Илья Матвеевич. – Дело не в этом. Чтобы вы действительно поняли, вам нужно было прожить хотя бы один день в том аду, испытать на себе это пекло, узнать вкус драгоценного глотка теплой, нагретой солнцем во фляге воды, увидеть хотя бы одну пыльную бурю… Даже не бурю, просто увидеть «ту» пыль. Летом 1955 года, помню, встали несколько десятков новейших самосвалов: никакие фильтры не могли сдержать пыль, и она точила цилиндры автомашин, как наждак. Перед сном всегда стряхивали простынку – полная постель песка. Хорошо, если без сколопендры… Вот если бы вы прожили так один день, вы бы поняли, что такое десять лет стройки в пустыне, что такое дерево под твоим окном, поняли бы, что сделал Шубников…

В 1965 году у Шубникова случился инсульт. Он лежал в люксе тюратамской больницы в сознании, но ничего не видел, отличал только день от ночи. Королев пришел навестить его вместе с Гуровичем. Илья Матвеевич рассказывал:

– Услышав наши шаги, Георгий Максимович приподнялся в кровати и воскликнул:

– Постойте, не говорите, кто вошел! Я сам попробую угадать. Один – это Илья, а второй… Неужели Сергей Павлович?

Они обнялись. Я вышел из палаты, оставив их вдвоем. Через некоторое время оттуда вышел Королев, попросил у медицинской сестры валерианки и залпом выпил. На другой день Королев на своем самолете отправил Шубникова в Москву, в Главный военный госпиталь.

Больше они не виделись: Георгий Максимович умер 31 июля 1965 года. Похоронили его на родине – в Ессентуках.

Через десять лет после старта первой ракеты, когда я впервые увидел Ленинск, у полустанка Тюратам стоял город под стать областному – с вокзалом и аэропортом, с Дворцом культуры, кинотеатром, спортивным центром с большим бассейном, гостиницей, узлом связи, универмагом, рестораном, где вечерами играл оркестр и танцевали девочки в мини-юбочках, и даже с магазином «Филателия». Как удалось сделать все это, не говоря уже о сотнях километров железнодорожных путей и шоссейных дорог, электрических линий и водопроводов, о монтажно-испытательном корпусе, длина которого превышает сто метров? Как удалось запустить в этой пустыне первую межконтинентальную ракету меньше чем через два с половиной года после того, как в песок вбили символический рельс, а если быть пунктуально точным – за 844 дня между высадкой «десанта» лейтенанта Денежкина и подписанием акта о сдаче стартового комплекса в эксплуатацию?!

Объяснять все только строгостью военного приказа вряд ли

будет правильно. Сталин уже умер, за неповиновение не расстреливали, на каторгу не ссылали, напротив, наступали самые либеральные годы хрущевского десятилетия. В те времена сроки строительства других, не менее ответственных и тоже специальными постановлениями оговоренных объектов срывались сплошь и рядом. Поэтому склонен объяснить успехи в Тюратаме причинами субъективными, в первую очередь – личностью самого Георгия Максимовича Шубникова.

– Я не фантазер. Я ставлю перед собой реальные цели. Но когда цель намечена – я ее достигаю, – часто говорил Шубников.

Он выработал свою собственную методику управления гигантской стройкой и неукоснительно ей следовал. Выбирал какой-то объект, досконально изучал всю его документацию и, прихватив с собой начальников всех подразделений с этим объектом связанных, с утра следующего дня отправлялся туда и на месте решал все вопросы. Никогда не распылял сил, не «стрелял по площадям» – только по конкретным целям.

Зигмунд Фрейд говорил: «Гений и послушание – две вещи несовместимые». Шубников не гений, конечно, но, как всякий истинный талант, послушанием не отличался, постоянно конфликтовал с разными начальниками. Ему, например, не раз указывали, что он «раздувает производственную базу», что база эта сооружается «чересчур капитально». Но он упорно, словно не слыша всех этих тормозных окриков, тянул свое и базу такую создал, и это во многом сократило сроки строительства. Здесь был у Шубникова верный единомышленник и союзник – Алексей Алексеевич Ниточкин.

Многие военные строители приезжали в Тюратам с таким настроением: быстро, годика за два-три построить военный городок, МИК, стартовый комплекс и быстро из этого богом забытого места сматываться. Собирались строить именно городок, а не город. А Ниточкин хотел построить город.

Главный проектировщик Тюратама Алексей Алексеевич Ниточкин был коренным москвичом, работать на стройках начал еще мальчишкой, закончил Московский инженерно-строительный институт, был руководителем группы в «Теплоэлектропроекте» и, если бы не война, может быть, и прожил бы тихо в родной Москве. Но в 41-м, проучившись три месяца на курсах в Военно-инженерной академии, попал на фронт и неожиданно для самого себя стал прекрасным офицером, обнаружив в себе смелость и мужество решительно ему неизвестные. Он кончил войну в Берлине – вся грудь в орденах и медалях – и остался военным строителем. Когда его назначили руководителем проекта нового полигона, он был уже инженер-подполковником. Умница,

прекрасный специалист, одаренный художник, не мог он побороть единственную слабость, которая его губила: водку. Это знали и прощали ему: человек был добрый, хороший и талантливый.

Ниточкин, наверное, раньше других строителей понял, что этот полигон надолго, что его на всю жизнь хватит, что одним стартовым комплексом дело не кончится, что, кроме Королева, полигон этот завтра понадобится и Янгелю, и Челомею, и кто там еще что пострашнее придумает. Поэтому он проектировал не городок, а город. Поначалу, как истинный москвич, да и вообще городской человек, робел от безбрежных казахских просторов. Его поправил Неделин:

– Ну, что ты жмешься, Алексей Алексеевич! Давай немного раздвинем здания, сделаем дворы попросторнее, чтобы ребятишкам было где побегать. Ведь кругом такой простор, земли на все хватит...

Но было бы ошибкой объяснять все победы военных строителей личными качествами и талантами их командиров. Есть и объективные причины. В какой-то очередной, пузырящейся пафосом «космической» книжке прочел я жизнерадостную фразу: «Космодром строила вся страна». Несмотря на затертость самого стереотипа, он отвечает истине: космодром действительно строила вся страна, чаще всего сама о том не зная. Те, кто валил лес, плавил металл, делал цемент, – не знали, куда все это пойдет, но космодром строила вся страна. Отказа не было ни в чем. Каждый день заместитель Шубникова по материально-техническому снабжению Андрей Александрович Ткаленко звонил в Москву своему министерскому коллеге – заместителю начальника Главного управления специального строительства по материально-техническому снабжению Михаилу Васильевичу Кузьмину и диктовал, диктовал, диктовал, что ему нужно, а Кузьмин записывал, записывал, записывал и отсылал, отсылал, отсылал...

Дело доходило до анекдотов. Однажды, когда Ткаленко разговаривал с Кузьминым, в комнату зашел находящийся на полигоне генерал Григоренко и начал по обыкновению кого-то распекать. Ткаленко пошутил:

– Вот тут Михаил Георгиевич зашел и говорит, что нам для хорошей работы скипидар нужен, чтобы закапывать...

В это время связь прервалась. Каково же было удивление Ткаленко, когда просматривая на следующий день бумаги о вновь прибывших грузах, он обнаружил накладные на две двухсотлитровые бочки скипидара, доставленные самолетом!

Не менее курьезный случай, иллюстрирующий ту же мысль,

произошел позднее, когда на космодроме выяснили, что протирать опорожненную заправочную цистерну перед новой заправкой вафельными полотенцами нельзя, так как мельчайшие ниточки забивают фильтры насосов. Стали думать, чем же протирать. Один шутник заправщик сказал:

– Я знаю отличный материал. Надо вытирать щетками из рыбьего уса...

Кто-то из офицеров услышал, и вскоре щетки из рыбьего уса попали в инструкцию по заправке. Когда инструкцию не глядя подписал Бармин, а потом и Королев, она приняла форму приказа. И вот заправщики пошли на склад получать положенные щетки, а им уса, естественно, не дают. Они пожаловались Бармину: подписанная им инструкция не выполняется. Бармин, который не упускал случая свалить на военных, если не вину за что-то, то хотя бы возможность вины, отметил на заседании Государственной комиссии недоработки со стороны военных снабженцев, что ужасно раздосадовало главкома ракетных войск Кирилла Семеновича Москаленко, который всегда старался всем доказать, что если на полигоне и бывают какие-нибудь накладки, то происходят они исключительно по причине расхлябанности гражданских товарищей. Москаленко после заседания Госкомиссии устроил своим снабженцам суровый разнос и приказал немедленно вылететь в Москву и без щеток из рыбьего уса на космодром не возвращаться. Гонец Москаленко оказался человеком исполнительным и очень дотошным. Он перевернул вверх дном все столичные ихтиологические институты и лаборатории, весь Минрыбпром, но не обнаружил даже следов рыбьего уса. Ему предлагали взять китовый ус, но ни на какие замены он не соглашался. Намекали, что, возможно, это, так сказать, эзопов язык, что на самом деле под рыбьим усом подразумевается некое секретное стратегическое сырье, возможно, даже получаемое из-за рубежа через третьи страны, но проверка и этой версии ничего не дала. Обессиленный гонец вернулся на космодром без рыбьего уса, честно обо всем доложил и был прощен главкомом, который не преминул отыграться на Бармине и подпустил шпильку Королеву. Инструкцию по заправке переделали.

Редкой силы стужа, бураны и метели, начавшиеся перед самым новым 1957 годом, затормозили работы по прокладке железной дороги к старту. Утром 26 декабря шел сильный дождь, а к вечеру мороз достиг 36 градусов. На дорогах был чистый, как зеркало, лед. Стройка стала. Машины, тракторы, бульдозеры нельзя было заглушить ни на час: масло и солярка становились такими же тягуче-густыми, как асфальт летом. У заглохших

машин шоферы снимали аккумуляторы, в землянках спали, прижимая их к себе, согревая собственным телом...

Люди очень измучились в эти дни, и, тем не менее, уже в феврале во всю развернулась работа по монтажу технологического оборудования на стартовой позиции. Через некоторое время подключились монтажники Госкомитета по электронике, их дело – системы управления, телеметрия, коммуникации шлемофонной и громкой связи.

Настал день, когда Королев позвонил из Подлипок Нестеренко и Шубникову:

– Отправляю...

В начале марта 1957 года сверхсекретный спецпоезд, густо усыпанный краснолицыми солдатами охраны в белых полушубках, вышел из ворот завода имени Калинина. В опечатанных вагонах лежала разобранная по частям ракета Р-7 – первая ракета полигона Тюратам.

Первые бараки полигона Тюратам

Георгий Максимович Шубников

С.П. Королев военными строителями, в центре Г.М.Шубников

Звездоплавание нельзя и сравнить с летанием в воздухе. Последнее – игрушка в сравнении с первым...

Если бы знали трудности дела, то многие, работающие теперь с энтузиазмом, отшатнулись бы с ужасом.

Константин Циолковский

В январе 1957 года Сергею Павловичу Королеву исполнилось пятьдесят лет. Дата серьезная. Юбилеи были в моде, но Королев шума большого создавать не хотел, однако и замалчивать такую дату не стал: юбилей для Дела может быть полезен. Бесспорно, для Дела полезен и орден Ленина, которым был он отмечен и который 9 февраля вручил ему в Кремле старенький, с прозеленью в седине Ворошилов – тот самый «Железный нарком», который никак не мог поверить в его ракеты всего двадцать лет тому назад...

Орден еще не был вручен, когда в ОКБ решили устроить торжественное заседание в честь шефа. За несколько часов до начала Сергей Павлович неожиданно приехал домой, прямо в костюме, не сняв пиджака, улегся на постели и заявил жене, что ни на какое торжественное заседание он не поедет. Нина Ивановна, уже имевшая немалый опыт в «разминировании взрывоопасного Королева», очень спокойно и тихо, голосом Дюймовочки спросила:

– Ну почему же, Сереженька?

– Устинов заявил, что «не рекомендует» мне приходить на этот вечер с женой.

– И отлично! – почти радостным голосом воскликнула Нина Ивановна. – Поезжай без меня! Господи, какие пустяки...

Ей было очень обидно. К этому вечеру она тоже готовилась, сшила новое платье, знала, что оно к лицу... Глупость какая-то! Ведь отец ее там работал, сама она там работала, причем тут ракетные секреты?..

Нелепые эти распоряжения шли не от Устинова, Устинов лишь передавал их. Шли они от заведующего оборонным отделом ЦК КПСС Ивана Дмитриевича Сербина, который крепко недолюбливал Сергея Павловича. Обвинять его за это нельзя, его

можно лишь жалеть: это почти генетическая неприязнь серости ко всякой яркой и неординарной личности.

Сербии распорядился проводить юбилей Королева не в его ОКБ, а в соседнем НИИ-88.

– На чужой территории он не так будет задаваться, – сказал он Устинову.

В зал заседаний НИИ-88 приехали все, кто обязан был приехать. Приехали все, кто мог себе позволить и не приехать. Приехали и те, кто год назад наверняка бы не приехал. Но в этом прошедшем году были «Байкал», Золотая Звезда, Политбюро в ОКБ, и потому они приехали.

Доклад о жизни и трудах юбиляра должен был сделать Глушко. Он опоздал минут на сорок, Сергей Павлович дошел уже до предельного накала и объяснений Валентина Петровича слушать не хотел. Глушко влетел на трибуну и начал говорить. Как замечательно он говорил! О таланте, о воле, о вдохновении и, конечно же, о невероятной целеустремленности юбиляра, истинного лидера, объединившего вокруг себя и... Ну, просто замечательно говорил! Королев сидел с влажными глазами, про опоздание забыл...

В ответном слове Сергей Павлович благодарил своих авиационных учителей: Туполева, Григоровича, Поликарпова, своих ракетных учителей: Циолковского, Цандера, тех, кто помогал ему в первые годы работы: Тихонравова, Победоносцева. Подобные слова благодарности – обычная дань юбиляра, но услышал ли кто-нибудь в этом перечислении звон исторической цепочки, соединяющей чердак с моделями калужского мечтателя и стартовые комплексы готового к сдаче космодрома?..

В общем, при всем формализме мероприятия вечер прошел хорошо, тепло, Королев был доволен. Запланирован был и банкет. Кто-то расхвалил Сергею Павловичу мастерство поваров ресторана «Украина», Нина Ивановна ездила туда, договорилась о трех банкетных залах: гостей набиралось больше сотни. С метрдотелем разработано было меню и внесен задаток – пир намечался нешуточный, тысяч на пятнадцать. Уже обзвонили всех гостей, точно назначили день и час, но вот опять приехал с работы Королев в таком настроении, что впору снова одетым в постель кидаться.

– Представляешь, – клокотал Сергей Павлович, – приходит сегодня Яковенко[161], глаза прячет и говорит, что «есть такое мнение – банкет отменить». Как это тебе нравится?!

– И чудесно! – всплеснула руками Нина Ивановна. – Это даже лучше! Соберемся дома в узком кругу, одни родные и отпразднуем на славу...

Диву даешься, какие же пни сидели где-то там, на Старой площади, или на Лубянке, не понимающие, что и самым строго засекреченным людям тоже нужно несколько часов радости, веселья, нарядной толчеи, дружеских улыбок, всего несколько часов из многих лет, переполненных сложнейшей работой, пыльными бурями и грохотом ракетных стартов, каждый из которых уносил в бездонное небо частицу их жизни. Чем бы люди ни занимались, какими бы важными секретами ни владели, они же люди. А коли не так, зачем все это, все эти ракеты и секреты, гори они огнем...

Человеку от техники далекому, а впрочем, даже в ней и разбирающемуся, представить себе объем работы, предшествующей запуску межконтинентальной ракеты, невозможно. Я рассказывал об изысканиях теоретиков Келдыша, проектировщиков Бушуева и Крюкова, конструкторов Охапкина, но ведь существовали еще тысячи вопросов, не связанных с ОКБ Королева, и десятки тысяч – относящихся уже не к сфере науки и техники, а чистого производства, монтажа, транспортировки, наконец, испытаний. Вновь повторю: вся работа была новаторской – никто, никогда и нигде такой ракеты не делал, спросить было не у кого.

Требовалось разработать чертежи и составить документацию на многие тысячи деталей, продумать, кто и где их может изготовить, и договориться с этими изготовителями, точно рассчитать свои силы: кто, что, когда будет делать и есть ли для этого необходимое оборудование, станки, материалы и люди соответствующей квалификации. И, наконец, убедившись в том, что есть нечто, чего нельзя изготовить ни своими, ни чужими руками, надо было придумать, как же это все-таки изготовить, или – и такой вариант допустим! – как же без этого обойтись.

Перед тем как делать настоящую ракету, надо было соорудить габаритный макет, увидеть все в реальных размерах, убедиться, что отдельные детали компонуются в нечто целое и это целое действительно похоже на то, что задумывалось. Затем надо было сделать еще один макет для наземной отработки совместно со стартовым комплексом. Головной организацией по наземке и на этот раз было КБ Владимира Павловича Бармина.

Этот стартовый комплекс, не то вытканный, как ковер цветными нитками, не то живописно исполненный с применением какой-то причудливой техники, висит в рабочем кабинете Владимира Павловича по левую руку Главного конструктора. С Барминым мы знакомы давно. В отличие, скажем, от Пилюгина он был из тех Главных, кто в 60-е и 70-е годы почти всегда приезжал на все запуски космических кораблей, так что

встречались мы в Тюратаме лет десять, а поговорить все не удавалось. От коллег я слышал, что Бармин своенравен и капризен, однако могу засвидетельствовать, что это не так: мы нашли общий язык сразу и сразу почувствовали какое-то взаимное доверие друг к другу. Впрочем, из одного рассказа Владимира Павловича я понял, что у него были основания относиться к пишущей братии настороженно.

Дело было в 1936 году. В тот год Орджоникидзе послал в Соединенные Штаты большую группу инженеров с разных заводов страны поучиться и перенять все толковое. Был среди них и Владимир – 27-летний инженер с московского завода «Компрессор». Перед отъездом заботливые хозяйственники, имея собственное мнение о престиже Родины, одели наших «спецов» в дорогие драповые синие пальто, в одинаковые шевиотовые костюмы, выдали желтые ботинки и шляпы, которые дома большинство из них никогда не носили, поэтому группка выглядела диковато, и американцы, естественно, над ней потешались:

– Это что? У вас такая форма? А как вообще в СССР с культурой?

– Да при чем здесь культура! – взорвался Бармин. – По вашим прериям волки бегали, когда у нас уже была высокая культура!

– Не волки, а койоты, т.е. шакалы, – хладнокровно подправил Трофимов, – руководитель советской делегации.

– Что вы скажете об американских женщинах?

– Женщины, как женщины. Такие же, как в Париже и Москве...

– Но туалеты?!

– Туалеты у вас лучше. Мы тут отстаем. Однако и вы отстаете от парижан...

– Вы любите Диснея?

– Да. В нашей стране очень популярны «Три поросенка» и «Микки Маус...»

– И вот представляете, – Владимир Павлович и сегодня, полвека спустя, обиду эту простить американским журналистам не может, – представляете, мы наутро читаем: «Советские специалисты без ума от американских женщин и Микки Мауса!..» А потом начинают глумиться над нашими шляпами...

– Ну, насчет шляп, они наверно, правы были...

– Нет, не правы! Мы – гости! Это невежливо!..

В США Бармин ездил от завода «Компрессор». Смотрел технику и изучал возможность кое-что заказать на могучих фирмах: «Вортингтон», «Дженерал электрик», «Ингерсол-Рэнд», «Фрик», «Норман», «Йорк». Кроме того, было у него и одно личное задание Серго: разузнать, как янки делают прозрачный пищевой

лед... Дело в том, что на одной встрече с иностранцами кто-то заметил Сталину, что лед у нас мутный. Пустяковое это замечание почему-то чрезвычайно болезненно задело вождя, и он приказал Орджоникидзе разузнать во что бы то ни стало, как получается прозрачный лед. О том, что для получения прозрачного льда при заморозке воду надо обработать ультразвуком, который выбьет из нее мельчайшие пузырьки воздуха, Бармину рассказал мистер Сахаров, выпускник Петербургского политехнического института, приехавший в 1914 году в США размещать военные заказы и оставшийся здесь навсегда. Славный, тоскующий по родине человек, очень огорченный тем, что дети его плохо говорят по-русски...

– Владимир Павлович, а почему же вас не посадили после возвращения? – простодушно спросил я, не сразу оценив бестактность своего вопроса.

– Меня спас Трофимов, бывший чекист, настоящий коммунист, начальник литейного цеха завода «Борец» и руководитель нашей группы в Америке. Ваш вопрос справедлив: почти всех, кого Серго отправлял в США, – а ведь групп, подобных нашей, было несколько, – потом репрессировали. Я ждал ареста со дня на день. Уже все на «Компрессоре» знали: если к директору приехали на черной «эмке», значит кого-то увезут. Однажды вызывает директор меня. Иду и вижу: стоит черная «эмка». Все понял. Не испугался, но стало очень тоскливо на душе. Привезли меня на Лубянку, посадили в комнату – графин с водой, газеты, журналы, – но, честно скажу, – как-то не читалось... Ждал долго. Наконец, проводят в кабинет. Вижу: Волович – заместитель начальника оперативного отдела. Я его знал. Поздоровались. Сижу, молчу.

– Ну, как живешь?

– Нормально... – Что можно ответить в такой ситуации?

– Трофимова давно видел?

– С тех пор, как писали отчет о поездке в Америку, не видел...

– Что можешь о нем сказать?

– А что о нем говорить? Отличный мужик, умница, вы сами знаете...

– А ты знаешь, что Трофимов умер?

– Трофимов?!

– Он повесился. После ареста директора завода «Борец» Цисляка Трофимова на собрании объявили «агентом врага народа Цисляка». Он написал четыре письма: Сталину, Угланову, Межлауку и в райком – и спокойно поехал домой, дома пошел в туалет и повесился. А в письмах пишет, что ни в чем перед партией не виноват и обо всех вас, «американцах», отзывается

самым лучшим образом…

Бармин замолчал, ведь рассказывать о страшном тоже страшно. Какой же это ужас: невиновный человек лишь смертью доказал свою невиновность и спас товарищей. Впрочем, Ян Гамарник застрелился и ничего не доказал – мертвый был причислен к «врагам народа».

– А откуда вы знаете Воловича? – спросил я.

– Он занимался мавзолеем. После постройки каменного мавзолея в 1930 году там надо было создать наиболее благоприятные условия для сохранения тела Владимира Ильича.

Почему это задание было дано ОГПУ – до сих пор не понимаю. Но факт есть факт: ОГПУ поручило заводу «Компрессор» создать холодильную установку для охлаждения саркофага и правительственной комнаты в мавзолее. На «Компрессоре» это задание поручили трем специалистам: Ивану Федоровичу Твердовскому – руководителю проектного отдела, Шолому Евсеевичу Шехтману – руководителю аппаратного отдела и мне, – руководителю компрессорного отдела. Тогда я и познакомился с Воловичем и его начальником Паукером. Мы сделали проект, поставив главной задачей – обеспечение абсолютной надежности установки. Проект наш ОГПУ отправило на отзыв в Гипрохолод и МВТУ. Специалисты по холодильным машинам: Евгений Борисович Иоэльсон и Платон Николаевич Шевалдышев проект наш разгромили. Они предлагали бесспорно более совершенное техническое решение: аммиачная установка с воздушным охлаждением и испарением аммиака в воздухоохладителях – вместо нашего рассола. Вот тогда нас и вызвали в ОГПУ. Очень серьезный был разговор, очень опасный…

– Ты не перепутал? – спросил, не глядя на нас Паукер у Воловича. – Ты им объяснил, что установка нужна для мавзолея, а не для овощной базы?

Мы начали объяснять, что аммиачная установка, конечно, современнее, но в охлажденный воздух может просочиться аммиак, а это – яд, будет большая беда. А наша установка совершенно безопасна. Ну, протечет у нас трубопровод, будет лужа рассола и все.

– Но ведь трубы сварные, – попробовал возразить Паукер, но прежней уверенности в его голосе уже не было.

– Любая конструкция коррозирует…

– А если в воздухоохладитель подложить ампулу с отравляющим веществом? – весь подавшись вперед тихо спросил Волович.

– Такую возможность исключить нельзя, – в тон ему ответил Твердовский. В результате мы убедили, что наша установка

безопаснее...

Бармин опять помолчал и добавил:

– Воловича и Паукера расстреляли. Иоэльсон сидел, а потом куда-то исчез...

– А потом Берия расстрелял Ежова, – в тон академику сказал я, – это же сценарий из жизни мафии. Вам приходилось встречаться с Берия?

– Увы, приходилось... Он вызвал к себе всех главных конструкторов по ракетной технике. Усадил всех нас за длинный стол и сказал:

– Я начну с того, что каждый из вас в течение трех месяцев должен подготовить как бы своего двойника, который разбирался бы во всех вопросах не хуже вас. Мало ли что с вами может случиться... Фамилии этих людей сообщите товарищу Михневу, моему помощнику. А теперь я вас слушаю...

Первым выступал Королев, рассказывал о ракетах, над которыми он работает, показывал чертежи, графики, рисунки траекторий. Иногда в рассказ встревал Устинов, дополнял. Берия одергивал его, как разбаловавшегося мальчишку:

– Сиди и не мешай! Что мне с тобой делать...

У меня и у других тоже сложилось впечатление, что Устинов не боится Берия. Очевидно, Берия всегда помнил, что Устинов – любимец Сталина. Когда Королев начал объяснять траектории, Берия перебил:

– Товарищ Королев, я – не техник, мне этого знать не надо. Мне надо знать, что эта ракета нам даст, сколько времени требуется для ее изготовления и сколько она будет стоить...

Королев не успел ответить, как зазвонил телефон, Берия схватил трубку, вскочил с кресла и вытянулся струной:

– Слушаю, товарищ Сталин!.. Я заканчиваю прием конструкторов ракетной техники... Понял... Буду...»

Совещание он свернул буквально на полуслове. Больше я его никогда не видел, о чем не жалею...

На восьмой день войны главного конструктора завода «Компрессор» Бармина вызвал к себе нарком общего машиностроения Петр Иванович Паршин. В кабинете сидели заместитель начальника оборонного отдела ЦК Лев Михайлович Гайдуков и главный инженер НИИ-3 Андрей Григорьевич Костиков.

– Все, что вы до сих пор делали, забудьте, – сказал Паршин Бармину. – Только это, – он пододвинул папку с секретными чертежами реактивной установки – скоро ее назовут «катюшей».

Нарком не сказал тогда Бармину, что к началу войны у нас было только шесть боевых машин. В ночь с 1 на 2 июля они ушли

на фронт. Шесть! А нужны были сотни, тысячи!

– Костикова Паршин назначил главным конструктором завода, а меня – его замом, – вспоминает Бармин. – Костиков приезжал к концу рабочего дня, да и то не каждый день. Это не работа. В производстве он совершенно ничего не понимал. Его конструкцию, как говорили старые рабочие, – на колене надо делать, он не представлял себе реальных возможностей производства. А ведь нужна была большая серия. Я решил все делать по-своему, он злился, писал рапорты, чтобы меня убрали. Но, в конце концов, убрали его, я стал главным конструктором «Компрессора». Завод эвакуировался в Челябинск, но мы в Москве продолжали делать «катюши»...

Едва ли найдется у нас еще один академик, который бы за годы войны был отмечен «генеральским» орденом Кутузова. У Бармина был этот орден.

С Королевым Бармин встретился в Германии, но виделись они там, впрочем, редко: Бармин работал в Берлине, а Королев – в Тюрингии. В послевоенные годы баллистические ракеты сблизили их. Стартовый комплекс первых баллистических был довольно примитивен, и, когда речь зашла о ракете межконтинентальной, поначалу думалось, что и тут можно будет сработать по «классической» схеме: поставить ее на хвост, и конструкторам и стартовикам это было привычно, а привычное – успокаивает. Стали считать и получилось, что отвести на старте газовые струи одновременно из центрального блока и из «боковушек» – невозможно. Решение оказалось столь же новаторским, как и сама ракета. Межконтинентальную ракету стартовые фермы брали «за талию», она не стояла, она висела над газоотводным проемом. При этом собственной тяжестью она как бы сама себя заклинивала. Но задача-то была не только в том, чтобы удержать эти 300 тонн, но и в том, чтобы ракету вовремя отпустить, не притормозив в эти первые, самые трудные секунды ее полета. И вот здесь конструкторы КБ Бармина нашли действительно на редкость изящную схему, ранее никогда в мировой ракетной технике не применявшуюся. Как только двигатели набирали силу, способную уравновесить массу огромной машины, ракета, естественно, переставала давить на упоры ферм, и в этот момент противовесы, откидывая фермы в сторону, освобождали ракету. Точнее, она как бы сама себя освобождала, когда стартовый комплекс был ей уже не нужен. Об этом писать легко, поскольку все видели старты космических ракет в кино и на телеэкране, но додуматься до такой инженерной простоты, ой, как трудно! Ведь, действительно, нет никакой гидравлики, пневматики, магнитов, электрических

цепей, ничего, что может потечь, заклинить, замкнуться. Надежность обеспечивается законом всемирного тяготения Ньютона. Ньютон – соавтор солидный, на него можно положиться, не подведет...

Но это школьники знают, что не подведет, а люди ответственные полагаться на какого-то там Ньютона не могут. Собралась именитая комиссия экспертов под председательством академика Благонравова. Смотрели, считали и решили, что все-таки не мешало бы задублировать всю эту систему гидроцилиндрами.

– Я отказался наотрез, – рассказывал Бармин. – Примчался Королев, расшумелся: «Я забракую, я не приму такой старт...» А я спокойно так говорю: «Ну, что ты шумишь? Давай сядем и я тебе все объясню. Ты сам увидишь, как все здорово получается...» Он все понял и очень мне помогал...

Королеву очень хотелось до окончания строительства стартового комплекса в Тюратаме, проверить работу всей конструкции Бармина не на макете, а с реальной ракетой. Правда, не совсем ясно было, где можно провести подобные испытания? В Москве облазили все, но цеха, в котором поместилась бы «семерка» со стартовым комплексом, не нашли.

– Надо искать! – упрямо повторял Королев. – Большой театр нам все равно не дадут. На Москве клин не сошелся, надо посмотреть в других городах...

В молодости, когда он искал помещение для ГИРД, он разбил Москву на квадраты и нашел подвал на Садово-Спасской. Четверть века спустя Королев снова ищет помещение, но разбивает на квадраты уже всю страну. Подходящий цех он опять все-таки нашел, был такой на Ленинградском металлическом заводе имени Сталина. Там и смонтировали стартовый комплекс. Однако для установщика места уже не было, ракету поднимали с помощью крана. Этот же кран имитировал подъем ракеты, когда проверяли работу противовесов. Всю студеную зиму 1955/56 года огромный завод лихорадило от любопытства: что же делают в большом цехе? При всей натуге службы режима, в конце концов, узнали: испытывают какую-то здоровенную ракету...

Кроме макета для отработки конструкции Бармина изготовляли отдельные детали для статических испытаний: «боковушки», баки, хвост – нагружали, разгружали, если надо, ломали. Наконец, нужна была машина для горячих испытаний на стенде. Испытательные стенды под Загорском принять «семерку» не могли: они не были рассчитаны ни на такие габариты, ни на такую мощь – ракета могла их разворотить. (Такую возможность предвосхитил замечательный французский карикатурист Боск:

«Три-два-один-старт!» – ракета на месте, а фермы летят!) Поэтому «семерку» испытывали частями: центральный блок, потом «боковушки».

Не меньше, чем о корпусе самой ракеты, спорили о ее двигателях. Конечно, было бы лучшим вариантом поставить в центральном блоке и в «боковушках» по одному мощному двигателю, но где их взять? Да и испытательных стендов для них нет. Разумеется, двигатели можно было спроектировать, а стенды построить. Но на все это требовалось время. Сергей Павлович не требует от Глушко совершенства, он готов на компромисс. Подобно тому как вся двухступенчатая схема «семерки» была не оптимальна, двигатели этой ракеты тоже не были оптимальны. В каждом из пяти блоков – центральном и четырех «боковых» – стояла связка из четырех двигателей, разработанных в КБ Валентина Петровича Глушко. Двадцать двигателей это, конечно, хуже, чем пять. Но эти двадцать были надежны, а надежность искупает лишний вес и, главное, не тормозит работу.

Конечно, и с этим двигателем возни было предостаточно. Ведь еще закладывались по сути основы ракетного двигателестроения как науки, еще только учились бороться с невероятными, доселе неизвестными технике, тепловыми потоками, только изучали механизмы непредсказуемых детонаций, только создавали математические модели, которые позволяли бы сразу находить, например, оптимальные размеры камеры сгорания. Теория говорила: чем длиннее сопло, тем большую тягу можно получить. Но длинное сопло – это лишний вес, который съедал выигрыш в тяге. Искали золотую середину. Первые двигатели были длиной метра два. Их гоняли на стенде, замеряли тяги, укорачивали, снова гоняли. Геометрию камеры сгорания тоже искали во многом опытным путем.

Да, очень многого тогда просто не знали. Не знали, например, что малюсенький кусочек какой-нибудь элементарной заводской грязи может заткнуть отверстие форсунки, изменить тем самым соотношение компонентов, исказить процесс горения, привести к прогару двигателя, к взрыву, к гибели всей огромной ракеты. Кусочек грязи из-под ногтя сборщика…

Работающий на стенде четырехкамерный двигатель производил даже на людей бывалых впечатление ошеломляющее. Виктор Иванович Кузнецов, гироскопист, сказал восхищенно заместителю Глушко Владимиру Ивановичу Курбатову:

– Да… а, ну и зверя вы сделали!

Королев молчал, но улыбка и особый блеск глаз выдавал его восторг. Кстати, непременная черта крупной личности: умение не ревновать и искренне радоваться чужим успехам. В предельной

степени даром этим, насколько я знаю, обладал один-единственный мой соотечественник – Пушкин. Но Королев тоже, по счастью, был отмечен этой благодатью в должной мере...

В сроки чрезвычайно сжатые двигатель, как говорят ракетчики, «довели», т.е. довели до ума.

Перечислить, просто назвать все, что сделал Королев, другие главные конструкторы, десятки предприятий смежников для создания межконтинентальной ракеты, невозможно. Ее техническая документация по объему не уступает приличной библиотеке. Тем большее восхищение вызывает эта работа, что выполнена была она в срок рекордный, до сих пор не превзойденный, сильно сомневаюсь, что он вообще когда-либо будет превзойден. Если считать со дня принятия правительственного постановления по «семерке» до ее первого старта прошло три года![162] Для создания подобной новаторской машины это не просто маленький, это ничтожный срок. Достаточно сказать, что при всем счетно-электронном могуществе, расширившихся возможностях производства и при несравненно большем количестве участников самой программы ракета «Энергия» потребовала более десяти лет работы.

Тюратам – это все-таки не пустыня, это предпустынье, северный край песков Кызылкума, сползающих в Туранскую низменность, и весной здесь хорошо: чистое, высокое небо, пряный ветер гуляет по степи и радуются жизни птицы в небе, рыбы в Сырдарье, все твари земные от верблюда до скорпиона. По обеим сторонам бетонки, бегущей из города к «площадке № 2», расстилались красным ковром дикие тюльпаны, невысокие, крепенькие, выносливые: неделю простоят в вазочке, не чета тепличным...

В один из таких весенних мартовских дней 1957 года и прибыл в Тюратам спецпоезд с первой «семеркой». Запломбированные вагоны без промедления отправили по только что сданной железнодорожной ветке в МИК. Солдаты охраны, уставшие от многодневной ответственности, вдвойне тягостной от того, что они не знали, что собственно они охраняют, расслабились, наконец, подставив ласковому солнцу свои обветренные физиономии. Солдаты могли чуток передохнуть, а в МИКе начались горячие денечки: приступали к сборке и контрольным проверкам первой ракеты.

Еще 4 марта Королев утверждает «Техническое задание № 1», согласно которому на космодроме должны были проводиться все доработки ракеты с учетом замечаний в ходе испытаний макета, который стоял, а точнее – лежал расчлененный на отсеки в Подлипках. Такое дублирование увеличивало надежность.

Примерно через месяц после прибытия в Тюратам первой «семерки», Королев приехал сам. Вместе с ним – Пилюгин, Рязанский, генералы от Неделина, начальники от Устинова. До него приехал Бармин, озабоченный подготовкой к сдаче стартового комплекса. Из всех Главных Бармин теснее всего сотрудничал со строителями. Все его тут знали, и он всех знал. Его хлопотами на «площадке № 2» поставили четыре щитовых финских домика для высокого начальства, по нынешним меркам довольно убогих, а тогда это были воистину царские апартаменты: каждый состоял из трех комнат да еще умывальник и туалет! Домики стояли на песке неприкаянно, без дорожек, без оградок и выглядели чужеродно, словно упавшие на этот песок метеориты. В первом домике поселился Неделин, во втором – Королев и Мишин[163], в третьем – Бармин, Кузнецов, Воскресенский, в четвертом – Глушко, Пилюгин, Рязанский. Вот такой образовался микрогородок будущих ракетных знаменитостей.

Работая на космодроме вскоре после смерти Сергея Павловича, я однажды попросил ключи и просидел в этом домике целый день. В нем никто не жил, ни у кого рука не поднималась занять домик Королева, но и музеем он не был еще. Просто стоял запертый, как стоял, когда хозяин его был в отъезде. Трехкомнатный домик этот действительно довольно убогий.» Пройдя прямо по коридорчику, попадаешь в некое подобие гостиной: посредине стол, у стен буфет с посудой и диван под ковром. На стене – часы. В углах – журнальный столик и холодильник. Справа при входе был совсем маленький кабинет, в котором мог поместиться только письменный стол, книжный шкаф, из тех, которые обычно стоят в ЖЭК, два жестких кресла и два стула. У стола стоят два телефонных аппарата.

Самой большой комнатой, в которой, как я понимаю, Сергей Павлович и проводил большую часть времени, была спальня. Посредине небольшой стол, в углу шкаф для одежды, кровать с тумбочкой, а в противоположном углу – столик под телевизор, но телевизора не было. На стене висел портрет Ленина, обычный, если можно так сказать – стандартный. На другой стене висел эстамп неизвестного мне художника: река, ранняя весна. Меня заинтересовали книги в шкафу: любопытно было узнать, что же читал Королев на космодроме.

Очевидно, эта маленькая библиотека (как и эстамп, и портрет Ленина) была в большей своей части привезена сюда политотдельцами из штаба полигона и лишь в малой степени дополнена Сергеем Павловичем. Книги стояли в строю совершенно бессистемно: Борис Горбатов, Семен Кирсанов,

Валентин Овечкин, Пушкин, Лермонтов, Салтыков-Щедрин, биография Амундсена, несколько книг по энергетике и ядерной физике, «Империализм и эмпириокритицизм» Ленина, Сароян, два тома Герберта Уэллса, «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова и опять XIX век: Аксаков, Лесков, Станюкович; История КПСС, вышедший незадолго перед смертью Королева первый том трудов пионеров ракетной техники: Кибальчича, Циолковского, Цандера, Кондратюка; брошюра Ленина «О молодежи», учебник политэкономии, Джеймс Олдридж, альбом первых фотографий Луны; журналы: «Новый мир», «Звезда», «Октябрь».

Очень аккуратно, стопочками были собраны все центральные газеты с описаниями пилотируемых космических полетов. В шкафу я нашел конверт с большой, очень хорошей фотографией Нины Ивановны. Очевидно, он любил именно эту ее фотографию. Позднее с нее был сделан инкрустированный деревом портрет, который он поставил в кабинете останкинского дома.

Если не считать этой библиотеки, то весь домик напоминал номер «люкс» в старой гостинице какого-нибудь областного города. Да, собственно, он и был для Королева гостиницей. Но со временем Сергей Павлович полюбил этот домик, обжился и даже свои привязанности тут появились: под козырьком у входной двери жила семья диких голубей.

– Я так к ним привык, что и не представляю, как я буду без них, – говорил он начальнику экспедиции Бондаренко. – Я вас прошу предупредить всех в экспедиции, что эти горлицы находятся под моей защитой, и кто им сделает что-либо плохое, тот будет иметь дело со мной...

Но в ту весну, когда Королев впервые поселился в этом домике, голубей еще не было. Буквально за считанные дни степь за домиком, покрытая ковром тюльпанов, несказанно обезобразилась. Ветер сухой, жаркий, тянул ровно днем и ночью, все сушил, и солнце дожигало. Королев ходил вялый, на себя не похожий, у него стреляло под лопатку, болело сердце, гарнизонный врач поил его какими-то каплями и утешал, что все от перемены климата, придется потерпеть, само пройдет, но противочумную прививку сделать надо. Чума иногда вдруг вспыхивала в глухих местах Средней Азии, ее тут же гасили, но военные очень боялись чумы, за чуму могли крепко наказать. Конечно, любой перевод из этого пекла в наказание выглядел бы, как поощрение, но ведь могли разжаловать, а то и вовсе уволить. А как бы солоно ни служилось кадровому офицеру, увольнения он все равно боится. Известно было, что чуму разносят грызуны. Посему был отдан строгий приказ уничтожать, прежде всего, сусликов. Охота на них была едва ли не единственным

солдатским развлечением, тут шло свое соревнование, одного выдающегося истребителя командование наградило именными часами, и, в конце концов, суслики во всей округе были выбиты поголовно.

В домике Королев занял комнату побольше, а Мишин, как и полагается заму, – поменьше.

«Обо мне очень заботится Вас. Павл., – пишет Королев Нине Ивановне. – Практически мы все время вместе, а в нерабочее время просто вместе...» С улыбкой поясняет: «...наш дом построен так, что если нечаянно (!) издашь вдруг звук, то из соседней комнаты могут запросто ответить: „на здоровье“.

Именно в этой «экспедиции» – как называли ракетчики поездки на полигон – больше, чем когда-либо, сблизился Сергей Павлович с Мишиным. В письмах домой, упоминая о товарищах по работе, всех называет он по имени-отчеству или инициалами, и Мишина вначале тоже: «Вас. Павл. оказался очень приятным соседом. Он очень заботится обо мне и у нас с ним все идет хорошо». Но буквально через несколько дней начинает называть его в письмах «Васюней», «Васенькой», «Василёчком»: Мы с Василёчком целый день в хлопотах, бывает, что, разойдясь рано утром, только ночью и встречаемся»; «Василёчек вчера лежал с сердечком тоже целый день». А ведь «Василёчек» был моложе Королева на десять лет, ему только что в январе исполнилось сорок, а вот «тоже лежал с сердечком»...

Василий Мишин в детские и отроческие годы сам лаской и заботой перекормлен не был и знал цену внимания, когда всем некогда, улыбки, когда грустно, шинельки, когда холодно. Родился он в деревне Бывалино под Павлово-Посадом в семье несчастливой: отец с матерью разошлись, старшие брат и сестра умерли. Жил он при деде, который занимал уважаемый пост торфмейстера – главного мастера на Абрамовских торфоразработках, отец только наезжал. Но потом отца посадили за анекдот про Сталина. Не за то, что рассказывал, а за то, что слушал и не донёс...

Воевать Василию не пришлось: в феврале 41-го окончил он МАИ и начал работать у Болховитинова, который руководил его дипломом и «положил на него глаз». А дальше – эвакуация, Билимбай, ракетный перехватчик БИ, возвращение в Москву, потом Берлин, Прага, документы Фау-2, и вот уже Королев «положил на него глаз». Так Мишин стал первым заместителем Сергея Павловича. Первым по счету. И первым по должности. И главное, по сути первым. Когда я спрашивал ветеранов КБ, кому, кроме, разумеется, Королева, обязана «семерка» своим рождением, отвечали дружно:

– Это, конечно, ракета Мишина. Он отдал ей много сил...

Наверное, действительно много, коли в сорок лет «сердечко» в постель укладывает. И вот уже в одном из писем Королев просит жену: «Пришли мне тюбиков 5 валидола, так как у меня остался лишь один...» А в другом письме: «Валидол мне был нужен для товарищей».

Нельзя сказать, что сам Сергей Павлович отличался завидным здоровьем, но и у других, более крепких людей, пустыня быстро высасывала силы. «Жить здесь, – пишет Королев, – просто ужасно: суховей (влажность бывает 7-10% !), ветры и зной, испепеляющий все живое. Пока работаем в помещениях, это еще ничего, а на воздухе плохо». Отвратительная вода вызывала постоянные желудочные боли, а пить теплую минералку было уже невмоготу. Отлеживались и молодой Мишин, и Рязанский, и Пилюгин.

Да, впрочем, некогда было отлеживаться – работа требовала, чтобы они были здоровы. Королев очень нервничает, но тревогами своими с товарищами не делится – они должны верить в успех. Только Нине признается в письме: «Чем больше я думаю о наших будущих предстоящих делах, тем больше нервничаю и сомневаюсь в наших силах. Все ли нами сделано, как надо, все ли предугадано так точно и верно, как это необходимо?! Ну что же, скоро все узнаем сами... Все мы не пожалеем сил, чтобы добиться решения».

О напряженной жизни полигона в то время говорит совпадение двух дат, случайно обнаруженное в картотеке: 5 мая 1957 года Государственная комиссия подписала акт приемки стартового комплекса – «площадки № 2». А уже на следующий день – 6 мая – Королев вместе с командованием полигона дает команду на вывоз ракеты из МИКа на ту самую стартовую площадку, в акте о приемке которой в эксплуатацию еще не высохли чернила.

В тот день родился один из ритуалов, описанный неоднократно и чаще всего неточно: проводы ракеты на старт. Приходилось читать, что Сергей Павлович шагал впереди установщика с ракетой, которого сзади толкал тепловоз. Во время первых вывозов «семерки» впереди шел офицер с тяжелой кобурой, а по бокам – солдаты с винтовками: сверхсекретное «изделие» оберегалось от всяких посторонних прикосновений. Кроме того, установщик двигается хотя и довольно медленно, но все-таки Королеву пришлось бы довольно резво шагать примерно километра два. Нет, все происходило не так.

Королев действительно непременно приходил на вывоз ракеты в какой бы час суток он ни был назначен. Он

действительно шагал обычно с несколькими своими ближайшими помощниками впереди ракеты, когда она трогалась с места и медленно выкатывалась из распахнутых ворот МИКа. Потом Сергей Павлович садился в машину, чтобы ехать на старт. В одном месте, примерно на середине пути, там, где железнодорожная колея делает поворот к стартовому комплексу, Королев почти всегда выходил и молча смотрел на медленно движущуюся громадину...

Георгий Михайлович Гречко, будущий космонавт, а в те годы – рядовой инженер-баллистик на полигоне – рассказывал:

– Королев был при всей внешней суровости и строгости романтик в душе. На вывоз ракеты, формально говоря, он мог не приходить, как и другие, непосредственно к этой операции отношения не имеющие. Приходили единицы, но Королев приходил всегда. Однажды я с товарищем тоже стоял у поворота и смотрел на медленно плывущую ракету, когда подъехал Сергей Павлович. Он улыбнулся нам, было видно, что ему приятно, что мы – два мальчишки – тоже стоим и смотрим на его ракету. Потом посадил нас в свою машину и подвез до стартовой, хотя пройти там уже оставалось совсем недалеко. Он очень ценил в людях увлеченность, энтузиазм...

Не торопясь, проверяя и перепроверяя каждую предстартовую операцию, приближались к мигу старта. Вместе с военными ракетчиками, которые должны были освоить новую технику, уточняли методику пуска, заранее составленную в Подлипках, но, как выяснилось, во многом довольно умозрительную.

Государственная комиссия под председательством Василия Михайловича Рябикова назначила первый старт ракеты Р-7 и вообще первый старт на полигоне Тюратам на 15 мая 1957 года. У трех перископов подземного бункера находились: «стреляющий», т.е. офицер, отдающий все команды стартовикам, – Александр Иванович Носов, его, скажем так, гражданский дублер, заместитель Главного конструктора по испытаниям Леонид Александрович Воскресенский и Сергей Павлович Королев. В 19 часов 01 минуту ракета в огненно-рыжих клубах тонкой пыли ушла со старта. Спокойно, ровно начала набирать высоту, все уже ждали разделения ступеней, когда в одной из «боковушек» брызнуло пламя, и, прежде чем до Земли дошел звук взрыва, видно было, как упорно стремящаяся ввысь ракета сначала шарахнулась в сторону, а потом сразу развалилась на куски. Оставляя узкие белые хвосты дыма, куски эти неспешно, нехотя повалились на Землю...

Как ни странно, Королев после этого неудачного пуска был менее мрачен, чем до него, выглядел бодрым и даже веселым.

Вспоминая тот день, начальник полигона Алексей Иванович Нестеренко подтверждает:

– Ни при каких авариях, а они случались, Королев никогда не ныл, не размагничивал людей. Я никогда не видел его размазанного, раскисшего от неудач, он всегда держался очень мужественно. Так было и на этот раз. Королев бодро всем говорил:

– Со старта ушла отлично! Ракета летать будет!

Конечно, он переживал, но и перед Нестеренко и его офицерами, и перед своими инженерами бодрился, а что это ему стоило, мы не знаем, но догадываться можно. В письме к Нине Ивановне через два дня после этого пуска Сергей Павлович пишет: «Устали мы здорово, и я, конечно, в частности, и настроение очень неважное...» Это – «эзопов язык»: они с Ниной договорились, что слово «настроение» в его письмах будет означать успехи в работе. Эта нехитрая эпистолярная конспирация продолжалась многие годы. «Но надеемся, – продолжает письмо Королев, – что пройдет время, отдохнем от неприятностей и постараемся, чтобы и настроение исправилось. Вообще, конечно, распускаться нам нельзя ни при каких обстоятельствах».

Он давно уже заметил, что неудачи в работе выявляют в людях худшие черты и самое печальное – люди стараются от неудачи как бы отмежеваться, показать свою непричастность, а если возможно, то и вообще исчезнуть.

Вскоре после неудачного старта уехал Глушко.

«Вчера срочно отбыл Вл. Павл.[164], все бросил, со всеми разругался, – пишет Королев домой 21 мая. – Печально и тяжело просто было смотреть на человека, потерявшего всякую ориентировку и желающего во что бы то ни стало улететь.

Плохо на всех нас подействовал и отъезд Ник. Алекс...[165]

Сегодня на 3 дня улетает Леон. Александр.[166] Он очень сильно простудился, у него опухло лицо (говорят – гранулема) и «в конце концов» в сопровождении врача мы его отпускаем.

Вот как все бегут с нашего корабля, почти затопленного бушующими волнами!

Я к этому, впрочем, давно привык, что когда дела идут похуже, то и «друзей» поменьше, но, конечно, это не может улучшить общего состояния и настроения у меня и у тех, кто остался.

Но мы так не сдадимся: много, очень много работаем, много думаем и найдем, в чем дело и решим все до конца».

Анализ аварии показывал, что винить Сергею Павловичу некого: пожар и взрыв «боковушки» произошел по вине его

производственников: негерметичным оказался стык одного из трубопроводов, идущих к рулевым двигателям, тем самым, которые отказался делать Глушко и которые сделали в его КБ. Немедленно директору завода Туркову и главному инженеру Ключареву был отдан жесточайший приказ разобраться с этим вопросом и устранить недоработки. Устинов прислал на завод своего заместителя Карасева, который только что не спал в сборочном цехе, не спуская глаз с коварных движков.

Кстати говоря, это еще один пример использования Устиновым, уже после смерти Сталина, близких ему, истинно сталинских методов руководства. В случае, если дело не идет, посылать этакого надсмотрщика, погонялу. Помочь он не может, будучи человеком, как правило, некомпетентным, а лишь пугает и дергает людей. Я ничего дурного не хочу сказать о Карасеве, но не полезнее ли было послать на завод кого-нибудь из опытных технологов – Глушко или Исаева?

Дни шли в постоянных, упорных поисках надежности. «Дела наши идут без особых перемен, мы снова готовимся и стараемся до конца все понять, – писал Королев домой 27 мая. – Много времени занимает просмотр всевозможных данных и записей. Вот где воистину бывают положения, когда „мой карандаш умнее меня“, – это изречение, кажется, Лейбница, но и мы часто не понимаем до конца всего того, чем располагаем. Одновременно ведем большие опыты там, у нас дома, и все это как-то должно быть связано воедино».

По поводу «больших опытов… дома» много лет спустя вспоминал Виктор Михайлович Ключарев:

– Герметичность была на первых этапах испытаний ахиллесовой пятой «семерки». Проводить испытания герметичности было очень сложно, потому что никто не знал истинных условий, в которых работают все эти соединения в первые секунды полета…

Королев постоянно – днем и ночью – находится в состоянии крайнего нервного напряжения. Он все время чувствует на себе взгляды людей, ждущих его решений и приказов, но понимает, что торопиться с этими решениями и приказами нельзя, что он должен быть предельно осмотрителен, чтобы избежать будущих ошибок. Конечно, очень хочется доказать всем, что его «семерка» – отличная машина, но он не настаивает пока на новом старте.

«Вчера я лежал дома днем и раздумывал над тем несколько необычным состоянием, в котором я нахожусь все это время, – пишет Сергей Павлович домой.

– Скорее всего, его можно определить как состояние тревоги и беспокойства. Даже нельзя сказать конкретно, о чем или по

какому поводу это беспокойство. Просто напряжены нервы и внимание так, как если бы происходит что-то плохое или трудное, и ты не знаешь исхода, или возможно результата. Это состояние всегда охватывает меня, если что-либо не ладится и, особенно, при испытаниях. Но потом все как-то проходит, когда есть результаты...

Сейчас здесь этого нет и, видимо, долго не будет, так как нам еще предстоит очень долгий и сложный путь да и начало было не очень блестящее.

Чувствую, что уходит много сил на все это, стараюсь не нервничать сам и сдерживаюсь при взаимоотношениях с другими, а порой так трудно бывает, как никогда».

В другом письме: «... мы должны добиться здесь, именно здесь и сейчас нужного нам решения. Дело слишком большое, очень важное и срочное...»

Вот в таком трудном, противоречивом состоянии – напряженной работы, постоянных сомнений и несокрушимой веры в правильности выбранного пути – Королев жил почти месяц: второй пуск «семерки» состоялся в полночь 11 июня.

Ракета со старта не ушла. И на том спасибо, что не взорвалась, не разворотила все фермы. «Снова у нас нехорошо и очень»! – пишет Королев домой на следующий день.

В довершение ко всем неудачам, едва успели слить ракету[167], как над «площадкой № 2» разыгралась невероятная и давно забытая в этих краях гроза. Пламеотводный канал превратился в настоящий водопад, вода затопила подземный командный бункер. Королев писал жене, что дождя в Тюратаме вообще никто из старожилов не помнит в последние сто лет, а такой грозы и ливня он никогда в жизни не видел – «все залило, и мы путешествовали чуть ли не вплавь».

После того как ракету отвезли обратно в МИК, чтобы понять причину неудачи, довольно быстро выяснилось, что на одной из магистралей клапан стоит «вверх ногами». Таким образом, корни и второй неудачи шли из ОКБ Королева.

Сергей Павлович был справедлив в своих технических оценках – это все отмечают. Но это вовсе не значит, что он бесстрастно признавал свои ошибки. Он не любил их признавать и не признавал до той разумной черты, после которой не признавать было уже просто смешно и глупо. Если ракета взрывалась, не летела совсем или летела не туда, куда надо, поиски причин он никогда не начинал «с себя».

– А возможно не долили топлива... А может быть, горючее не той марки...

Есть ли уверенность, что подпитка жидким кислородом

проводилась по штатному расписанию? – Он мог придумать десятки причин.

Все остатки топлива после заправки опечатывались, состав компонентов контролировался химическим анализом, и Бармину обычно не составляло большого труда отвести эти подозрения с помощью соответствующих документов. Тогда Королев переключался на Глушко, высказывая различные предположения в связи с отказом двигателей. Получив алиби двигателистов, наваливался на Пилюгина, изыскивая погрешности в подаче команд системой управления. При всех этих разборах конструкция собственно ракеты была как бы вне подозрений. Это особенно бесило Глушко:

– А ты и ракета твоя безгрешны? А если это дренажи? А если трубопровод лопнул?! – В гневе Валентин Петрович становился похож на сокола-тетеревятника.

Когда определялся адрес порока, приведшего к аварии, Совет Главных назначал комиссию во главе с кем-нибудь из Главных, но Королев обычно комиссии не возглавлял, ставил вместо себя Мишина или Воскресенского, а сам был как бы «над схваткой». Большим искусством, которым в совершенстве владел Сергей Павлович, было и составление итогового отчета, который шел министру и в ВПК[168]. Нужно было и правду сказать, и себя не чернить. Поэтому отчет по строю своему был весьма витиеват. Перечислялись (неизвестно зачем) все возможные варианты аварии и лишь в конце честно оговаривалось: «Однако наиболее вероятной причиной отказа следует считать...» У каждого читающего, по мысли Сергея Павловича, должно было создаться такое впечатление: «Дело сложное: и там возможны неприятности, и тут, но вот на этот раз Королеву не повезло... Бывает...»

На этот раз, как говорится, «номер не прошел». Рябиков был слишком стреляный воробей. Прочитав отчет, он лукаво посмотрел на Королева и сказал с улыбкой:

– Ох, и хитрый же вы человек, Сергей Павлович! Все причины палочкой расковыриваете, чтобы в нос ударило, а на свое говно одеколона не жалеете...

Неделин ходил мрачный, разговаривал, словно плевал через губу. Вообще все стали как-то сдержаннее в проявлении своих дружеских чувств, как-то прохладнее. Это вызывало у Королева искреннее недоумение. Разумеется, такие глупые отказы, как случилось с этим клапаном, досадны, но ничего неожиданного в этом нет, напротив, все эти ошибки закономерны. «Конечно, я и сам понимал и понимаю, – пишет Сергей Павлович домой, – что нельзя было рассчитывать на легкую дорогу, и мы и не

рассчитывали, но все же пока все идет очень уж трудно. Правда, и задача небывалая еще во всей истории нашей техники и вообще техники».

Именно в эти дни в письмах к жене больше, чем когда-либо, говорит он о работе, именно сейчас остро чувствует свое одиночество. Он пишет Нине Ивановне: «Очень важно с тобой поделиться, ведь мне так откровенно на эти темы ни с кем делиться нельзя».

А надо, чтобы было можно! Для пользы дела нужно подняться над всеми этими взаимными обидами, кончить мелочные распри, дружно навалиться на все эти чертовы отказы, а не расползаться по своим норам: раз я не виноват, это меня не касается. Королев стремится к сплочению. Через три дня после неудачных испытаний, когда стартовики принялись за ремонт всего размокшего и затопленного, Королев с Мишиным в своем домике собрали неофициальный «совет в Филях». Пришли Руднев, Бармин, Кузнецов, Рязанский, Черток, Глушко со своим заместителем Владимиром Ивановичем Курбатовым. Начали рассудительно, мирно, но вскоре опять посыпались упреки друг к другу, в голосах появились нехорошие, злые ноты. Кузнецов и Рязанский по обыкновению помалкивали, Мишин и Черток тоже высовывались редко – Королев был сильный боец, их помощь была ему не нужна. Взаимные обиды сосредоточились в треугольнике Глушко-Бармии—Королев. Руднев пробовал утихомирить страсти, но все его миротворческие попытки не давали никаких результатов, пока Королев вдруг не понял, что вся эта перепалка – тупик, и так же вдруг не остановился на полном ходу, как он умел останавливаться, поражая окружающих мгновенной сменой настроения.

– А не заняться ли нам совсем другой проблемой? – громко спросил он, доставая из шкафа картонную коробку.

В коробке на торте сидел большой шоколадный заяц. Началось общее ликование, Мишин заварил чай, зайца растерзали в пять минут – они совсем отвыкли от сладкого: ни конфет, ни печенья, о пирожных и тортах и говорить смешно – ничего тут не было. Все нахваливали Нину Ивановну за заботу о муже, Руднев предложил даже послать приветственную ВЧ-грамму, Королев сидел довольный, улыбался. Очень редко он улыбался в последнее время...

Третью ракету он надеялся пустить без замечаний: все проверено и перепроверено, должна улететь. Стояла страшная жара. Спасаясь от духоты, Сергей Павлович работал ночью, а днем старался отдыхать, но не всегда получалось. Третий старт «семерки» был назначен ровно через месяц – на 11 июля. Ракета

замечательно пошла в зенит, но перед отделением «боковушек» вдруг как-то странно метнулась влево, задергалась, развернулась и, словно наткнувшись на невидимую преграду, начала кувыркаться, разламываясь на куски и заполняя бледно-голубое, выцветшее на солнце небо яркими белыми облаками паров жидкого кислорода.

Никто этого не ожидал. После всех споров, после всех предельно тщательных проверок опять «за бугор»?! Все были подавлены. Королев ходил мрачнее тучи. Через день после этого старта он писал домой: «Наши дела опять очень и очень неважные. Трудно мне определить точно дальнейший ход событий, но нам снова предстоит много и серьезно поработать и разобраться в тех новых задачах и вопросах, которые возникли заново».

В новых задачах и вопросах удалось разобраться сравнительно быстро: ракета ушла с курса потому, что какой-то пилюгинский умник перепутал полярность на одном из приборов системы управления. На бедного, подавленного Николая Алексеевича уже не набрасывались – не было уже сил набрасываться. А вот предсказать дальнейший ход событий действительно было нелегко. То есть Королеву-то все было ясно: испытания необходимо продолжать, используя каждую неудачу для совершенствования ракеты до тех пор, пока все возможные причины неудач не иссякнут. Но ведь понимал он и другое: дальнейший ход событий зависел не только от него. Он давно уже усвоил: чем чаще неудачи, тем меньше его власть над будущим – нелепо, дико, но это так. Сейчас он знал, что его точка зрения поддерживалась Главными конструкторами, к ней без особого энтузиазма, но склонялись Рябиков и Руднев. А что тут еще можно придумать? Деньги потрачены, ракета сделана, значит, надо «доводить». Конечно, всем предстоят в Москве очень малоприятные разговоры: Рудневу с Устиновым, Неделину с Жуковым, Рябикову с Булганиным. А Королеву – со всеми ними. И, наверное, единственная возможность неприятных разговоров избежать – это запустить, в конце концов, эту упрямую ракету.

Однако на заседании Государственной комиссии по итогам третьего пуска мрачный Неделин предложил определить событиям другой ход.

– Я считаю, что так дальше продолжаться не может, – спокойно сказал Митрофан Иванович. – Меня как заказчика не интересует, кто в какой неудаче виноват. Это вы сами разбирайтесь, – он кивнул Рябикову. – Армии нужно одно: чтобы ракета летала и отвечала тем тактико-техническим требованиям, которые для нее определены. А она не летает, – он обернулся к

Королеву, – и никаким требованиям не отвечает! Поэтому я предлагаю ракету с испытаний снять, все изделия, прибывшие на полигон, отправить обратно в ОКБ к Сергею Павловичу, и пусть он доводит ракету на своих испытательных стендах, а когда доведет, вот тогда и будем дальше пускать...

В словах Неделина, бесспорно, и логика, и свой резон были, но Пилюгин, а за ним Королев пошли на маршала в атаку. Они доказывали, что все эти перевозки потребуют массу времени, не говоря уже о том, что после перевозок нужно снова собирать и проверять все ракеты в МИКе, что причины неудач им ясны и причины эти вовсе не требуют отправки ракет за сотни километров, а могут быть устранены на месте. И в их словах был немалый резон. Когда слово взял Глушко, Королев был уверен, что теперь они Митрофана Ивановича «дожмут», ведь Совет Главных всегда выступал единым фронтом, как вдруг...

– Я думаю, что Митрофан Иванович прав, – сказал Глушко. – Нет никакого смысла продолжать испытания. – Сорок моих прекрасно отработанных двигателей уже разбиты во время этих испытаний. Если дело и дальше так пойдет, мое производство этого просто не выдержит.

– Но, Валентин Петрович, – заметил Руднев, – если бы ракеты летели по штатной программе, ваши двигатели все равно были бы разбиты в конце концов. И не сорок, а шестьдесят. Как же вы планируете свое производство в случае выполнения программы?

– Вы меня не так поняли, Константин Николаевич, – мне было бы не жалко двигателей, если бы мы били их ради дела! Почему я должен страдать из-за чужих недоработок?..

– Это не чужие! Это наши недоработки!! – закричал Королев. Решение не было принято. После Госкомиссии Рябиков, не скрывая своего раздражения, сказал Главным конструкторам:

– Вы сами между собой можете договориться? Соберитесь и выясните ваши отношения. Тогда и будем решать...

Все разошлись, оставив в комнате шестерку Главных конструкторов. Нужно было определить председателя Совета Главных. В Москве им становился тот, в чьем кабинете происходило совещание. Если главным вопросом были двигатели, собирались у Глушко, если радиосистемы – у Рязанского. Но тут, на полигоне, никто не имел территориального преимущества. Королев и Глушко, как главные «герои» конфликта, председательствовать не могли. Пилюгин сослался на нездоровье – у него обострился диабет. Рязанского отвел Глушко: «Михаил Сергеевич, разумеется, будет поддерживать Сергея Павловича!..» Кузнецов взял самоотвод, заявив, что он судья хреновый и вообще вся эта затея ему не по душе. Председателем Совета стал Бармин.

Они дружили с Глушко, но надо признать, что Владимир Павлович на этот раз был максимально объективен.

– Итак, – сказал он, – давайте спокойно разберемся, что мы будем делать с «семеркой»...

– Думаю, что никакого «спокойного» обсуждения у нас не получится, – в особом негромком, но хорошо известном всем присутствующим тоне приглушенного клокотания начал Королев. – Я уже неоднократно высказывал претензии к Валентину Петровичу. Не к его двигателям, а к нему самому. Я не мирился и не смогу смириться с его менторским тоном, с постоянным желанием выделить свою работу из общей нашей работы и отстраниться от общих неудач. Откуда это зазнайство, непререкаемое убеждение, что он один работает хорошо, а все другие только и думают, как бы ему навредить?!

– Я не готов к этому разговору, – тихо, тем самым, не то чтобы менторским, а отрешенным, холодно констатирующим тоном, который так бесил Королева, заговорил Глушко, угадав паузу. – Следовало бы поднять все протоколы испытаний по всем изделиям и посмотреть, по чьей вине мы терпели неудачи. Считаю в корне неверным все попытки размазывать ответственность на всех нас. И все знают, что ракеты гибнут чаще всего по вине Королева. Так было и с Р-1, и с Р-2, и с Р-5.

– Да пойми же, наконец, что нет «ракет Королева», а есть наши ракеты! – взорвался Королев. – Наши! С твоими двигателями, с его приборами! Пойми, что порочен сам твой принцип подхода к делу! Ракета может не улететь из-за поломки вот его старта, из-за прогара твоего двигателя, из-за поломки его прибора, или моего клапана, но всякий раз не улетает наша ракета! И мы все за это должны быть в ответе!

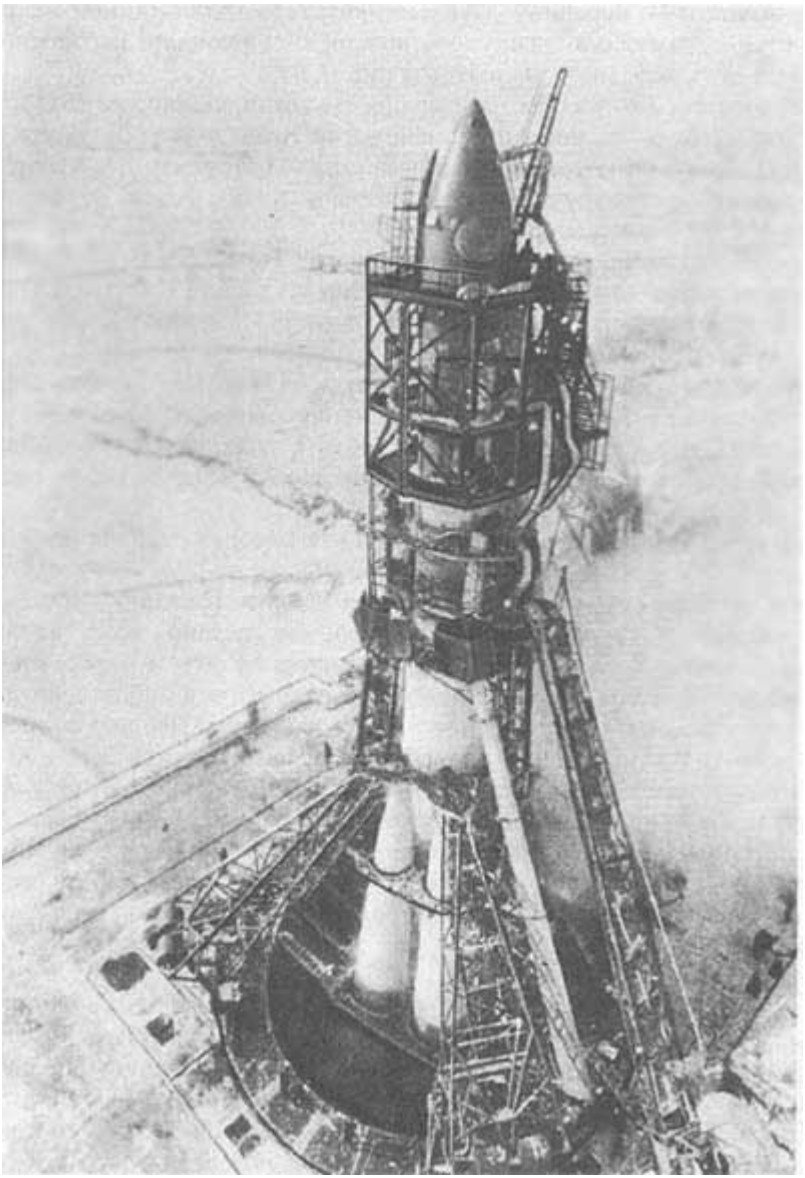
– Думаю, вся эта затея ни к чему не приведет, – задумчиво сказал Бармин. – Вы оба виноваты и оба неисправимы. И примирить вас я не берусь...

Трудно сказать, но, возможно, этот конфликт в Тюратаме летом 1957 года положил начало многолетнему и, увы, бесплодному спору Сергея Павловича Королева и Валентина Петровича Глушко, когда личная неприязнь перешла на дело, и дело от этого год от года все больше и больше страдало.

Почему-то всегда осуждается перенос личных взаимоотношений на рабочие. А разве может его не быть? Тем более, у людей, нерасторжимо сплавивших свою личность со своей работой, не существующих порознь. Этот конфликт непременно должен был обозначиться рано или поздно. Аварийные пуски «семерки» лишь ускорили процесс его вызревания.

Владимир Павлович Бармин

Ракета «Восход» на старте



55

Нет ничего проще, чем решенная проблема.

Блез Паскаль

Нет ничего проще, чем решенная проблема.

Блез ПаскальВсеми философами и большими, и совсем маленькими, да и просто пытливыми наблюдателями человеческих судеб неоднократно уже отмечалось, что жизнь – полосата: на смену ненастью приходит вёдро, а на смену огорчениям – радости. Начало трудного лета 1957 года в жизни Сергея Павловича Королева можно смело рисовать одной черной краской, но при внимательном рассмотрении и там отыщутся светлые полоски.

Никто Королеву об этом не напоминал, и, возможно, сам он об этом тоже иногда забывал, но факт есть факт: один из главных создателей ракетно-ядерного щита, член-корреспондент Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда, руководитель ведущего конструкторского бюро по ракетной технике, – все послевоенные годы оставался с юридической точки зрения хоть прощенным, но преступником, «врагом народа», которого пожалели и отпустили. Это что-то вроде того, как у интеллигентного, всеми уважаемого человека где-то под рубашкой есть, скажем, неприличная татуировка, которую хулиганы-мальчишки накололи ему в детстве. Никто ее вроде бы не видит, но увидеть может, и тогда надо объяснять, как все произошло, доказывать, что ты не вор и вообще... Можно ли назвать такое состояние мучительным? Пожалуй, оно ближе к состоянию человека нечистого, которое, кстати, для нормального человека мучительно. Поэтому, когда после XX съезда партии началась кампания по реабилитации людей, невинно осужденных в сталинские годы, Королев весной 1955 года направил в Главную военную прокуратуру СССР заявление с просьбой «полностью реабилитировать» его и объяснял, что он невиновен ни по одному пункту предъявленных ему обвинений. В 1955 году Главная военная прокуратура рассматривала тысячи реабилитационных дел, Королев это понимал, но все равно нервничал: почему молчат? В конце сентября ему сообщили: его архивно-следственное дело затребовано из КГБ. В октябре дело пришло, но лишь в апреле 1956 года его направили на заключение к военному прокурору полковнику Терехову. В августе Терехов

приходит к выводу, что «в деле нет данных, свидетельствующих о том, что Королев был осужден обоснованно» и просит Военную коллегию Верховного суда СССР постановление Особого совещания при НКВД отменить, а дело прекратить «за отсутствием состава преступления». Королев узнает, что 15 октября 1956 года реабилитирован Глушко. Валентин заявление в Главную военную прокуратуру послал на сорок дней раньше Королева, но ведь проходили они по одному делу, освободили их одним Указом и если с Валентином все теперь ясно, то почему же тянут с ним – Сергей Павлович нервничает, сам себе старается объяснить задержку обычной бумажной волокитой, но успокоиться не может, постоянно об этом думает. Нина Ивановна все видит, по коротким, вскользь брошенным репликам (подробно не говорили) догадывается о причинах его неспокойствия. В последних числах апреля 1957 года, когда Сергей Павлович переживал самые горячие дни подготовки к пуску первой «семерки», Нина Ивановна получила повестку из Военной прокуратуры и в тот же день поспешила на улицу Кирова. Там и вручили ей справку о реабилитации мужа. Она сразу пишет ему письмо и с первым же курьером отправляет в Тюратам. Сообщая благую весть, Нина Ивановна понимала, как растормошит она душу Сергея Павловича, просила: «Не мучай себя воспоминаниями...»

Да как же не мучить?! Разве можно все это забыть?! Он всех вертухаев помнил в лицо, помнил, как пахнет смола в шишках, которые подбирали на Колымском тракте, рисунок кафеля в Бутырке помнил. Дела и мечты все энергичнее выдавливали из его памяти гнев к своим истязателям. Он вряд ли смог бы, встретив на улице Шестакова или Быкова, которые били его на Лубянке, – дать им пощечину. Но к одному человеку ненависть его не иссякала долгие годы. Этим человеком был Андрей Григорьевич Костиков.

Мы расстались с Костиковым в дни, когда он трудился над актом технической экспертизы, в котором доказывал, что Королев – враг народа, а потом, следуя за главным героем книги, совсем потеряли Андрея Григорьевича из вида. А это несправедливо.

Страшные годы заточения Королева были годами триумфа Костикова. Триумф достиг апогея в начале войны: 28 июля был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Костикову звания Героя Социалистического Труда «За выдающиеся заслуги в деле изобретения и конструирования одного из видов вооружения, поднимающего боевую мощь Красной Армии».

Институт был в шоке: дела у Костикова шли неважно,

поговаривали о его уходе из НИИ, а тут вдруг ни за что ни про что средь бела дня свалилась ему на грудь Золотая Звезда.

Об изобретении реактивной артиллерии говорить трудно – корни уходят в древний Китай, в Индию, что же касается реактивных снарядов в современном их виде, то основы заложили Тихомиров, Артемьев, Петропавловский и особенно Лангемак, но никак не Костиков. Лангемака расстреляли, Петропавловский сам умер, Артемьев работал в РНИИ, но, видит бог, ни на какое авторство не претендовал, да и не мог претендовать, с учетом дворянского происхождения и нескольких лет Соловков. Был, правда, еще недобитый Победоносцев, которого так и не удалось упрятать за решетку вместе с Глушко и Королевым. За реактивные снаряды для истребителей И-16, коими громили японцев на Халхин-Голе, он получил Сталинскую премию. После расстрела Лангемака доработкой реактивных снарядов занималась группа инженеров во главе с Л.Э.Шварцем. В нее входили, кроме В.А.Артемьева и Ю.А.Победоносцева, Д.А.Шитов, А.С.Пономаренко, В.Лужин. Снарядами занимались и другие специалисты: М.С.Кисенко, И.В.Воднев, М.К.Тихонравов, Ф.Н.Пойда, М.Ф.Фокин, В.Г.Бессонов, М.П.Горшков, но Костиков снарядами не занимался!

Что касается собственно «пушки» – ракетной установки, то ее в отделе К.К.Глухарева делала группа И.И.Гвая: А.П.Павленко, А.С.Попов, В.Н.Галковский, В.А.Андреев, Н.М.Давыдов, С.А.Пивоваров, С.С.Смирнов, И.В.Ярополов, Н.Г.Белов, но и в этом списке Костикова нет! Поговаривали, что заслуга Андрея Григорьевича в том, что именно он предложил поставить реактивную пушку на автомобиль, но об автомобиле еще в 1935 году писали в своей книжке «враги народа» Лангемак и Глушко.

Когда после ареста Клейменова и Лангемака Костиков был назначен главным инженером института, он волей-неволей должен был заниматься будущей «катюшей» по должности, и он ею занимался. В этом смысле его можно назвать автором, если в списке авторов человек 15-20. Но ведь Золотую Звезду получил он один!

Все это выглядело очень некрасиво, неуклюже, весь институт знал, что и геройское звание, и авторство – липа. Подхалимы говорили, что сам Андрей Григорьевич абсолютно ни при чем, что ему самому неловко, ведь все неожиданно для него решили наверху.

– А если ему так неловко, – заметил тогда Щетинков, – пускай он пойдет и скажет, что ко всему этому делу он никакого отношения не имеет и Золотую Звезду сдаст в фонд обороны.

Надо сказать, что все эти годы после ареста Клейменова,

Лангемака, Глушко и Королева одна мечта Андрея Григорьевича никак не могла осуществиться – все время что-то мешало, никак не назначали его начальником института. После Слонимера очень недолго был Фоменко, его сменил Монаков, и только в 1942 году административное рвение Костикова было оценено надлежащим образом, и он стал, наконец, начальником НИИ-3. Вот тут-то, видно, и закружилась у него голова: Андрей Григорьевич написал в Государственный комитет обороны, что за год он берется построить невиданный ракетный истребитель-перехватчик.

Сталин запретил заниматься опытным конструированием, считая, что все силы авиапрома должны быть брошены на массовое производство уже апробированных самолетов. Туполева, например, он отчитал за попытку начать работу над новым бомбардировщиком. Но Костикову строить ракетный перехватчик разрешил. Наверное «катюши» убедили вождя в невероятной талантливости Андрея Григорьевича.

На что надеялся Костиков, берясь за это дело, никто в институте не понимал. Это была чистая авантюра. Сам Костиков в самолетах не разбирался, но это – полбеды. Беда в том, что никто в институте ими тоже серьезно не занимался. Было несколько человек, которые строили планеры в молодые годы, но одно дело построить планер, другое – никому неведомый ракетный истребитель-перехватчик.

Костиков привлек к своей афере Бисновата. Матус Рувимович Бисноват был человеком талантливым, но не пробивным, в сравнении с таким «хищником» как, скажем, Яковлев, абсолютно «травоядным». Начинал он в КБ Всеволода Константиновича Таирова, у которого учился строить истребители и, видно, неплохо выучился, потому что в 1938 году выделился в собственное маленькое КБ, в котором создал три истребителя, но конкуренции с Яковлевым, Микояном, Лавочкиным выдержать не смог, машины его не приняли на вооружение. Бисноват самолет Костикову сделал, точнее, не самолет, а планер, который должен был превратиться в самолет, когда Костиков поставит на нем свой ракетный двигатель. Но двигателя у Костикова не было!

Летчик-испытатель Сергей Николаевич Анохин попросил своего коллегу Виктора Леонидовича Расторгуева прицепить планер Бисновата к бомбардировщику СБ и «вывезти» его в небо, чтобы проверить аэродинамику и управление. Расторгуев отбуксировал Анохина, тот 9 октября 1943 года летал в течение 27 минут и благополучно приземлился, начав и одновременно завершив «небесную» часть истории истребителя-перехватчика Костикова.

«Земная» же часть этой истории имела для Андрея

Григорьевича грустное продолжение. Год прошел, перехватчика не было, а Сталин не любил, когда его обманывали. Он поручил заместителю наркома Александру Сергеевичу Яковлеву собрать комиссию, разобраться и доложить. Яковлев собрал солидных людей: начальника лаборатории № 2 ЦАГИ академика Сергея Алексеевича Христиановича, начальника летно-технического института НКАП[169] Александра Васильевича Чесалова и других опытных специалистов. Комиссия пришла к выводу, к которому могла прийти и за год до этого: Костиков не обладает достаточными познаниями для выполнения такого задания, срок, за который он обещал построить перехватчик, необоснован и нереален. 18 февраля 1944 года постановлением ГКО генерал-майор Костиков с поста директора института был снят, а Прокуратуре СССР было поручено расследовать «невыполнение Костиковым особо важного задания». 15 марта Костикова арестовали.

На следствии Костиков признал, что ввел в заблуждение правительство, нанес вред стране, но объяснил все это не злым умыслом, а лишь «желанием прибавить себе славы, завоевать в стране положение конструктора-монополиста в области ракетной техники».

Отсидел он по тем временам срок короткий: одиннадцать с половиной месяцев, после чего был прощен, остался при генеральских лампасах и Золотой Звезде.

Костиков нужен был Сталину, ибо являлся одним из носителей сталинского миропорядка. В книге немало говорится об уничтожении талантов. Но ведь параллельно и неразрывно шел другой процесс – незаслуженного возвышения, конструирования псевдоэталонов, надувания пустотелых авторитетов. Подмены действительного мнимым происходили везде – в политике (Бухарин – Жданов), в армии (Тухачевский – Буденный), в науке (Н.Вавилов – Лысенко), в литературе (Платонов – Павленко), во всех областях жизни это было. Посадив Костикова, Сталин нарушал правила собственной игры.

К моменту отъезда Королева в Германию Андрей Григорьевич был уже на свободе, насколько мне известно, после войны они не встречались, но Королев все эти годы сохранял стойкую неприязнь к Андрею Григорьевичу. Сын Михаила Сергеевича Рязанского рассказал мне случай, который вспоминал отец:

– Когда нам в Берлине выдали личное оружие, Королев, уж не помню по какому поводу, вспомнил Костикова. Дергая затвор пистолета, он процедил:

– Пусть я снова сяду, но эту б... я пристрелю!

И в голосе его было столько ненависти, что Рязанский понял:

действительно может пристрелить...

Костиков умер 5 декабря 1950 года от сердечного приступа. Королев в это время находился на полигоне. На сообщение о смерти Костикова он откликнулся в письме к Нине Ивановне: «Мне позвонили о смерти АГК (а вчера в газете прочел). Так судьба развела нас навек, и эта черная строчка навек зачеркнута. Ну пусть спит с миром – старое надо забыть и простить». Это было написано в Капустном Яре 12 декабря 1950 года. Может быть и надо забыть и простить. Но он не сумел ни забыть, ни простить. И не простил до самой смерти. В 1965 году заехал Сергей Павлович навестить вдову расстрелянного Ивана Терентьевича Клейменова. Сидели, беседовали. Маргарита Константиновна вспоминала Печерский лесоповал, Сергей Павлович – прииск Мальдяк, им было что вспомнить. И Костикова вспомнили.

– Сергей Павлович сразу помрачнел, – рассказывала мне Маргарита Константиновна. – Вы же знаете, он человек суровый, но не злой, а тут говорит: «Таких, как Костиков, добивать нужно! Его счастье, что он умер... Я бы его скрутил в бараний рог...»

Да, Сергей Павлович был человек взрывной, резкий, но никто, включая недоброжелателей, не мог сказать, что он был злым и злопамятным. И, если через всю жизнь пронес Королев такую ненависть к человеку, трудно поверить, что человек этот чист перед ним...

Теперь же, в 1957-м, получив сообщение о реабилитации, Королев быстро пишет Нине Ивановне: «Очень меня обрадовало твое сообщение о решении Верхсуда. Наконец-то и это все окончательно закончилось. Конечно, я здесь невольно многое вспомнил и погоревал, да ты и сама можешь себя представить, как печальна вся эта кошмарная эпопея.

Прошу тебя в очередном письме напиши мне дословную формулировку из справки Верхсуда. Прошу тебя снять в нотариальной конторе 3—4 копии этой справки, они мне будут нужны по приезде. Что они (Верхсуд) говорили о пересмотре дела? Они предлагали его пересмотреть? Это было бы очень интересно и поучительно...»

Много раз перечитывал я эти строки и всякий раз не мог отделаться от ощущения, что слышу в них не только радость («наконец-то...»), но и какую-то загоняемую вовнутрь тревогу («Что они говорили?.. Они предлагали?..»).

Одна милая старая женщина, дважды по много лет сидевшая в сталинских лагерях, на вопрос: не боялась ли она попасть туда в третий раз, когда ее выпустили в 1954 году, призналась с грустной улыбкой:

– А я и сейчас, через тридцать лет, боюсь...

Тревоги свои Королев не выпускает наружу, но они никогда, даже в дни самых громких фанфар, очевидно, не покидают его. Думаю, что это постоянное тайное унижение питало пламя его презрения к доносчикам и не разрешало забыть лжеотца «катюши» до самой смерти...

И еще одно событие скрашивает Сергею Павловичу все печали лета 1957 года. Его политическая реабилитация совпадает по времени, если можно так выразиться, с реабилитацией научной. После того как незадолго перед арестом Сергея Павловича «прокатили» с профессорским званием, защищать диссертацию у него времени не было, да и как-то он к этому не стремился[170].

В апреле 1947 года Королев был избран членом-корреспондентом Академии артиллерийских наук, в октябре 1953 года – членом-корреспондентом большой Академии, но при этом он не был даже кандидатом наук. По мере того как демократия Хрущева костенела и затвердевала в бюрократической неподвижности, внешние знаки человеческих оценок приобретали все большее значение. «Ученый без степени – не ученый» – эта анекдотическая формула все прочнее входила в обиход, вся ирония из нее испарилась и звучала она уже вполне серьезной строкой некой инструкции. Руководить огромным ОКБ человек без ученой степени не мог – это выглядело уже как вызов обществу. Королев и сам это понимал, но и защищать в пятьдесят лет диссертацию наравне с его мальчишками-инженерами с трехгодичным стажем тоже как-то нелепо. В марте 1957 года академик Келдыш и один из самых «взрослых» его «мальчиков» – Георгий Иванович Петров, уже ставший членом-корреспондентом академии, пишут «Отзыв о научной и инженерной деятельности Главного конструктора тов. Королева Сергея Павловича». В отзыве этом указано, что Главный конструктор «вполне заслуживает присвоения ученой степени доктора технических наук». И вот бумага сия начинает свой неспешный канцелярский путь. И никому дела нет, что соискатель в это время испытывает уникальную машину, не имеющую себе равных в мире! Лишь 29 июня 1957 года ученый совет НИИ-88, наконец, присуждает Королеву ученую степень доктора технических наук без защиты и решение свое забрасывает на следующую более высокую ступеньку – в Высшую аттестационную комиссию. И смешно и грустно, что степень доктора наук Королеву была утверждена уже после запуска первого в истории искусственного спутника Земли, после того, как соискатель открыл новую эру человеческой цивилизации.

Однажды прочел я такое признание:

«Я несу ответственность за то, чтобы дни проходили не совсем бессмысленно. Я не бываю просто человеком со своими личными заботами. Я наблюдаю, регистрирую, констатирую, контролирую. Предлагаю, прельщаю, вдохновляю или отвергаю. Во мне отсутствует спонтанность, импульсивность, соучастие в игре, хотя внешне все выглядит наоборот. Если бы я на секунду снял маску и высказал то, что на самом деле думаю и чувствую, мои товарищи накинулись бы на меня, разорвали на части и выкинули в окно.

Но маска не искажает моей сути. Интуиция работает быстро и четко, я все замечаю, маска – лишь фильтр, не пропускающий ничего личного, не относящегося к делу. Буря – под контролем».

Так писал о себе и своей работе великий режиссер XX века Ингмар Бергман. Но как же это все похоже на великого конструктора XX века Сергея Королева! Как еще раз убеждаемся мы, что люди делятся не на «физиков» и «лириков», а на творцов и ремесленников.

Создание исторической ракеты Р-7 есть процесс истинно творческий, а потому он и не мог протекать просто и гладко, ибо всякое творчество по природе своей драматично. Муки жары, пустые коробочки из-под валидола, поставленный «вверх ногами» клапан, споры с Глушко, все его многомесячное стремление к совершенству по божьему ли понятию о справедливости, по философскому переходу количества в качество, по неумолимой математической теории вероятности – по всем законам земным и небесным должны были привести его к победе. Помещать могло единственное: отсутствие воли в достижении цели. Это ему не грозило.

21 августа 1957 года в 15 часов 25 минут Носов, прильнувший к перископу, на весь бункер закричал: «Подъем!!» Сухие контуры распахнувшихся ферм пошли легкими волнами, искажаясь в огненном вихре ракетного хвоста, жаркое солнце пустыни словно пригасло и перестало давать тень, а тень рождалась теперь новым, все быстрее и быстрее восходящим в зенит рукотворным светилом, сияние которого было сильнее блеска солнца. И на «площадке № 10», и на станции Тюратам, и далеко окрест люди услышали какой-то странный громоподобный треск, будто купол неба был сделан из крепкой голубой парусины и кто-то, невероятно сильный, раздирал эту парусину над твоей головой. И люди увидели ее – летящую ракету, а через несколько секунд стал заметен в небе огненный крест – знамение победы! – это отошли в стороны отработавшие «боковушки»...

Настал первый большой праздник на новом полигоне. Целый

день изучалась, со всех сторон анализировалась информация, идущая с НИП[171] и доклады камчатских наблюдателей.

Павел Артемьевич Агаджанов, один из ветеранов командно-измерительного комплекса, в будущем – член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии, вспоминал этот день:

– Сергея Павловича очень интересовали результаты и качество измерений, полученные при полете ракеты. Было уже близко к полуночи, когда все необходимые материалы были представлены Королеву. Не тратя лишнего времени, он приступил к их просмотру и примерно в течение двух часов обсуждал полученные результаты измерений, оценивая «поведение» последней ступени на нисходящем участке траектории, выявлял особенности работы бортовых агрегатов и систем. Время пролетело незаметно. Был уже третий час ночи, но спать не хотелось – уж очень велик был душевный подъем. Сергей Павлович начал мечтать вслух, строить планы на будущее. Он говорил, что полет ракеты подтвердил правильность принятых технических решений и что ракета, после ее модификации, сможет вывести на орбиту искусственный спутник Земли…

Официального сообщения ТАСС не было долго: все мудровали, как и сказать и не говорить. Только 27 августа родился в муках этот безликий плод бюрократической тайнописи:

> «На днях (когда? – *Я.Г.*) осуществлен запуск сверхдальней, межконтинентальной многоступенчатой ракеты (строго говоря, было полторы ступени, ну, можно сказать, две. Но «две» это не «много» – это «две»); Испытания ракеты прошли успешно (полуправда, об этом – ниже). Они полностью подтвердили правильность расчетов и выбранной конструкции. Полет ракеты происходил на очень большой (какой?), еще до сих пор недостигнутой высоте. Пройдя в короткое время (какое?) огромное расстояние (какое?), ракета попала в заданный район (куда?)».

Ну, разве это не талант – весь мир испугать и ничего не сказать?

Успех был действительно большой. Что ни говори, а ракета уникальная.

Шутка ли – стрельнуть из казахских пустынь по Камчатке! Ракета доказала, что летать она умеет, но она не была еще боевой ракетой. И Королев это понимал. Понимал, что немалый труд предстоит еще, чтобы превратить ее в боевую.

Агаджанов не случайно подчеркивает в своих воспоминаниях, что Королева особенно интересовало «поведение» последней

ступени на нисходящем участке траектории. Можно больше сказать: ничто в этом полете не интересовало его так сильно. А если быть точным, интересовала его не последняя ступень (она же – вторая), а БЧ – боевая часть – так именовалась «голова» ракеты. Дело в том, что БЧ до Камчатки хоть и долетела, но можно считать, что и не долетела, поскольку разрушилась, когда стала входить в плотные слои атмосферы. И Королев знал, что не долетит, не может долететь.

Когда за несколько лет до этого пуска Иван Савельевич Прудников, который возглавлял в ОКБ исследования по входу «головы» в атмосферу, показал ему расчеты своих ребят, Королев сразу увидел главное: чтобы сохранить «голову» нужна теплозащита толщиной чуть ли не в метр и весом в семнадцать тонн. Ясно, что это глухой тупик. Едва приступив к проектированию больших баллистических ракет, Королев, вновь используя свою многократно проверенную и почти всегда безотказную техническую интуицию, сразу почувствовал, что проблема теплозащиты «головы» – это тщательно замаскированный капкан на его пути, который может схватить его намертво, так, что он и шагу вперед не сделает. Первые работы ОКБ по входу БЧ в атмосферу датируются 1952/53 годом – ни о какой «семерке» и разговора не было. И с той поры отдел Прудникова находился под постоянным личным контролем Главного конструктора.

Мало кто знал тогда, что Королев заботится не только о БЧ, но и о будущих аппаратах, которые потребуется спускать на Землю из космоса, о Возвращении Человека.

Та теплозащита, которая спасала первые баллистические ракеты Королева, «семерку» уже не спасет: температура за ударной волной достигала 8000 градусов. Не существовало в природе материала, который мог бы выдержать такой жар.

Американцы тоже знали, что рано или поздно они столкнутся с проблемой теплозащиты. Пионер американской ракетной техники Теодор фон Карман, тот самый, которого осенью 1945 года мельком видел Королев в Куксхафене, когда англичане в своей зоне устроили показательный пуск Фау-2, писал по этому поводу: «Вход в атмосферу..., вероятно, одна из наиболее трудных задач, которую можно себе представить... Решением этой задачи заняты лучшие умы из тех, кто работает в данной области современной аэрофизики».

Американцы всегда были отличными экспериментаторами, но тут даже «лучшие умы» зашли в тупик. Они упорно старались сконструировать теплозащиту из толстой красной меди, все надеялись, что удастся подобрать такой материал, который

сумеет впитать в себя эти колоссальные потоки тепла и спасти конструкцию от разрушения. Мы, по счастью, сразу нашли свой путь и, надо сказать, в решении этой проблемы ушли далеко вперед. Наши специалисты поняли, что поиски материала с невероятной теплоемкостью – это ловля сказочной жар-птицы. Надо, чтобы материал «головы» нагревался, испарялся и уносил это тепло вместе с собой. Совершенно другой принцип: не поглощать, а отбрасывать! Не защищать, а спасать, жертвуя собой!

Королев наладил теснейшую связь с лабораторией Георгия Ивановича Петрова, которая была организована в том самом, уже столько раз помянутом в этой книге РНИИ, научным руководителем которого стал теперь Мстислав Всеволодович Келдыш. Лаборатория Петрова, отдел Прудникова, несколько других групп аэродинамиков, материаловедов и прочнистов упорно бились над решением этой сложнейшей научно-технической задачи. И все-таки к моменту запусков первых «семерок» работы эти еще не были завершены.

Королев понимал, что «голова» разрушится, но об этом все должны знать заранее, чтобы это не стало неожиданностью, не породило ненужных кривотолков. Прилетев на несколько дней в Москву после второй неудачи с «семеркой», Королев на президиуме ученого совета НИИ-88 делает доклад о прочности БЧ, популярно объясняет, что, если головная часть ракеты долетит целехонькой до Земли – это очень плохо, поскольку будет противоречить всем нашим знаниям по аэродинамике и теории теплопередач.

– Мы испытываем пока ракетоноситель, а не оружие, – подчеркивал Сергей Павлович.

Только в будущем 1958 году Королев научится «спасать голову». Но чтобы научиться этому, он хотел знать уже сегодня, как все происходит там, в стратосфере, насколько похожа горящая, как метеор, «голова» на те оплавленные болванки, которые показывали ему после опытов в сверхзвуковых аэродинамических трубах? Впрочем, и труб-то таких, которые точно могли бы смоделировать невероятную скорость потока, тогда еще не было.

Камчатское ракетное стрельбище – полигон-финиш под командованием энергичного полковника Павленко – размещался в безлюдном районе полуострова, населенного маленькими злыми медведями, не боящимися человека, поскольку редкие охотники забредали сюда. Позднее, уже в начале 1960 года, для испытаний межконтинентальных ракет был определен, наверное, еще более безлюдный район в самом центре Тихого океана,

расположенный в 12 500 километрах от Тюратама. Ближайший кусочек земной тверди – атолл Пальмира – находился лишь в 270 милях к востоку от этого места. Время пусков и точные координаты сообщались заранее, чтобы оттуда успели уйти (если они там были) случайные рыбаки или владельцы частных яхт, на смену которым спешили снаряженные всевозможной техникой американские наблюдатели в надежде что-нибудь разглядеть, а даст бог – и что-нибудь выловить. Но это было уже через два с половиной года после первого пуска. А пока стреляли по Камчатке.

Когда с места падения ракеты пришла шифровка, удостоверяющая, что ракету, а точнее, некий метеор в небе действительно наблюдали, но никаких осколков на Земле не нашли, Королев пришел в неописуемую ярость.

– Что, значит «не нашли»?! Это что: иголка в стоге сена?! Я требую снять Павленко как несправившегося! – кричал он на Госкомиссии, и глаза его горели от гнева.

Тут не выдержал начальник полигона генерал Нестеренко:

– Да что же это такое?! – взорвался Алексей Иванович. – Я тридцать лет в армии и не слышал, чтобы так разговаривали! Кто дал вам право командовать военными?! Павленко носит погоны...

– Мы снимем с вас погоны! – как мальчишка, по-петушиному выкрикнул вдруг Рябиков...

Толку от этой перепалки не было никакого. Засечь точный момент и координаты разрушения «головы» при уровне тогдашней техники было невозможно. Что же касается каких-то долетевших до земли обломков, то быстро нашлись любители занимательной математики, которые подсчитали, что относительные размеры головной части в сравнении с площадью полигона на несколько порядков меньше, чем размеры иголки, в сравнении со стогом сена. А если учесть, что местность была воистину богом перепаханная: вулканы, горы, распадки, речки, ручейки, болота и все это заросло непроходимой тайгой, причем не просто тайгой, а тайгой камчатской, более похожей на тропический, чем на северный лес, то станет ясно, что поиски были обречены на неудачу.

Но Королев ничего не хотел слушать: ему были нужны осколки и они должны быть доставлены, даже если упали на Луну. Он настоял на создании специальной комиссии по поискам останков «головы», в которую вошли и военные, и штатские, в том числе – два молодых сотрудника его ОКБ.

– Учти, – сказал он одному из них – Андрею Решетину, – если не найдешь – не возвращайся. Так и живи там на вулканах...

Когда комиссия прибыла на место, не разжалованный, но

крепко битый Павленко, объяснил, что во время финиша ракеты здесь была гроза, стояла плотная низкая облачность и разобраться в тех «небесных огнях», которые они засекли, практически невозможно. Снова начали прочесывать тайгу. Решетин каждый день звонил Королеву и докладывал о результатах. Точнее, об отсутствии таковых. Королев только сопел в ответ. Он уже понял, что ничего не найдут и людей он зря мучает. Поэтому был очень рад, когда однажды Андрей доложил, что нашли кусок шпангоута, сантиметров тридцать, который никакого отношения, по его мнению, к головной части не имел и уж, во всяком случае, ничего о разрушении ее рассказать не сможет.

– Молодцы! – бодро прокомментировал Королев. – Но смотрите, вторую не прозевайте...

Следующий пуск «семерки» 7 сентября 1957 года прошел, как и предыдущий, без замечаний: огромная машина научилась летать. Время старта выбиралось теперь так, чтобы на Камчатке удобно было разглядеть финиш. Оседлав безлесную вершину горы Лызык, наблюдатели со своими теодолитами заметили в полночь яркую, быстро летящую звездочку – это был корпус ракеты, горевший в лучах уже невидимого с земли солнца. Потом возник всполох и красной трассой прошел метеор – это была «голова». Засекли, что разрушение произошло на высоте около 11 километров, рассчитали траекторию падения, но целая неделя потребовалась, чтобы отыскать на берегу маленькой болотистой речушки воронку, на дне которой в жидкой грязи покоились обломки БЧ...

После сентябрьского старта Королев решил, что следующая ракета полетит со спутником. Понимал ли значение задуманного? Понимал. В июне 1957 года писал Нине Ивановне: «Мечты, мечты... Но, впрочем, ведь человек без мечтаний, все равно, что птица без крыльев. Правда? А сейчас близка к осуществлению, пожалуй, самая заповедная мечта человечества. Во все века, во все эпохи люди вглядывались в темную синеву небес и мечтали».

Откуда этот пафос в письме мужа к жене? Что это, тщательно скрываемая, может быть, даже от самого себя мысль, что слова эти прочтут потомки, что они войдут в историю? Или естественное желание поделиться с близким человеком тем искренним возвышенным романтизмом, который присущ ему и который не находил выхода в суровых буднях полигонной жизни? Или потребность подняться над этими буднями и, не дождавшись от других, дать самому себе оценку происходящего и уже этим подбодрить себя? Быть может, и то, и другое, и третье, поскольку

все это не противоречит логике характера Сергея Павловича.

И все-таки, несмотря на ясное представление об историчности приближающегося события, о великой миссии осуществить «заповедную мечту человечества», Королев был обуреваем в эти дни еще одним чувством, не оцененным в должной мере историками. Им владело извечное человеческое любопытство – великий двигатель прогресса. Ужасно интересно было посмотреть, а что же все-таки получится, как он, черт его подери, полетит этот спутник?

Андрей Григорьевич Костиков. 1944

Талант должен убедить массу в истинности своих идей, и тогда ему больше не придется беспокоиться об их осуществлении, которое совершенно само собой последует за их усвоением.

Фридрих Энгельс

В те времена, когда Леонид Ильич Брежнев был отмечен Ленинской премией за свои литературные успехи, в том числе и за воспоминания о личном вкладе в космонавтику, и даже в еще более отдаленные времена, когда сияющий Никита Сергеевич Хрущев на трибуне мавзолея прижимал к себе Юрия Гагарина, уже в те далекие времена без конца говорилось и повторялось, какой заботой и вниманием со стороны партии и правительства всегда была окружена наша космонавтика и как лично пеклись наши вожди о ее развитии.

Все это верно, но все это относится к послеспутниковому периоду, когда стало ясно, сколь громадный политический эффект космонавтика может дать, какие огромные пропагандистские прибыли можно тут получить. Если же говорить о доспутниковом времени, то заботой и вниманием она не окружалась просто потому, что партия и правительство не очень ясно представляли себе, а что, собственно, и зачем требуется окружать. Правильнее было бы сказать, что вожди не мешали ее рождению, и за это надо поблагодарить партию и правительство.

Ученые разных стран в середине 50-х годов придумали Международный геофизический год (МГГ). Дело хорошее, мирное, полезное, способствует укреплению международных связей и не тормозит построения коммунизма, – Хрущев был за МГГ. Хотят дно в океане мерить – пусть мерят, скважины бурить – разрешаю, спутник запустить – не возражаю. И в самом деле, почему не запустить?! А если запустить раньше, чем запустят американцы, а?!

В одной книге написано, что когда Королев обратился в ЦК с предложением о запуске спутника, ему якобы так ответили:

– Дело заманчивое. Но надо подумать...

Ручаться не могу, может быть, действительно, так ответили, но вряд ли. Не ясно, почему дело названо «заманчивым»? Что в

нем было тогда «заманчивого»? И уж совсем непонятно, о чем тут надо было думать? Носитель требовал дальнейшей отработки, ведь было только два успешных старта, его так или иначе все равно пускать надо. Стоимость спутника ничтожна. Эксперимент, как утверждают ученые, интересный, престижный. Что тут думать? Далее в этой же книжке со слов Королева сказано: «Летом 1957 года вызвали в ЦК. Было дано доброе напутствие нашим планам».

Вот тут – другое дело, тут, действительно, есть над чем подумать...

Летом 57-го не вызывали Королева в ЦК по поводу спутника, а сам он туда поехал по этому поводу. Поехал, чтобы оговорить срок запуска, а не получать добро на планы. Летом 57-го поздно было получать добро на планы: до старта сто дней оставалось. Бушуев 24 июля уже подписал компоновочные чертежи, спутник по частям уже был готов, какое уж тут согласование. Так что, все так было, да не так...

Королев, как уже говорилось, мечтает о спутнике очень давно. Многие годы тесно сотрудничает с Тихонравовым и его группой, ведет переговоры с Келдышем и его «мальчиками» и «мальчиками» «мальчиков» – как было в лаборатории Петрова. Опыт, знания, самые последние достижения в разных областях техники, с первого взгляда, вроде бы и не связанные друг с другом, он, руководствуясь некой одному ему известной программой, много лет, подобно компьютеру, накапливает в себе для реализации этого грандиозного предприятия.

Он нашел деньги, чтобы еще в 1954 году оформить договор с Тихонравовым, который работает в НИИ-4 у Соколова и из чистого любопытства начинает «прибрасывать» спутник, – пройдет несколько лет и он заберет Тихонравова к себе.

Примерно тогда же Раушенбах у Келдыша предлагает первый вариант активной системы стабилизации спутника в полете – абсолютно еще умозрительная, ни к какому «железу» не привязанная теория, пройдет несколько лет, и он заберет Раушенбаха к себе. В январе 1954 года Королев начинает неспешную, но упорную, неотступную работу по консолидации всех «космических» сил, причем иногда силы эти не сразу сами узнают, что они – «космические». Первый этап: соединить Келдыша с Тихонравовым. 23 января впервые о спутнике говорят серьезно в таком солидном учреждении, как Институт прикладной математики. Через три недели Келдыш с «мальчиками» приглашают «на Тихонравова», который приехал с Яцунским и Максимовым, нескольких ученых. Среди них – люди, еще не понимающие, сколь большую роль сыграет космонавтика в

их жизни.

Физик Вернов. Пройдет несколько лет, и запуск третьего спутника принесет Сергею Николаевичу славу, всемирную известность, Ленинскую премию, звание академика, приведет его к главному итогу всей его жизни – открытию внешней зоны радиационного пояса Земли. Для выполнения своих потаенных планов Королеву нужна поддержка астрономов.

Астроном Борис Васильевич Кукаркин. Он занимается своими переменными звездами и еще не ведает о том, что через несколько лет Королев затянет его в работу по созданию искусственной кометы.

Даже такого осторожного и осмотрительного человека, как физик Капица, Сергей Павлович сумел увлечь своими планами.

– Я не знаю, что нам конкретно может дать спутник, – сказал Петр Леонидович, – но я знаю, что все новое рождает новое, и спутник даст нам новые открытия.

Авторитет Капицы в академии очень высок, а с этого дня Петр Леонидович всегда поддерживает программы Королева.

Наконец, в марте-апреле Келдыш несколько раз встречается с Александром Николаевичем Несмеяновым. Президент заинтересован. Он читает доклад Тихонравова и передает его Келдышу с положительной резолюцией. 25 мая в три часа дня Несмеянов в президиуме Академии наук встречается с Королевым, Келдышем, Тихонравовым. Полное одобрение планов ракетчиков. «Все подписано, – ликует в дневнике Тихонравов. – Можно считать, что первый этап закончен!»

Да, первый этап закончен. Королеву удалось повернуть к космосу академические умы. Но он понимает, что это самый легкий этап. Нелепо было ожидать, что люди столь ярко мыслящие, как Несмеянов, Келдыш, Капица, будут сопротивляться запуску спутника. Куда труднее будет убедить администраторов, министерских чиновников, партийных аппаратчиков.

Первый раз Королев споткнулся там, где и не ожидал – на старом друге Тюлине. Сергей Павлович делает попытку увлечь Георгия Александровича работами Тихонравова. Тюлин большого энтузиазма не проявляет. Королев, начинает «давить» на Тюлина, забыв, что Тюлин лишь «твердеет», когда на него «давят». Тихонравов записывает в дневнике: «Т. ничего не понял и по впечатлению К. помощи оказывать не будет, хотя и обещал. В общем, этого следовало ожидать».

Пройдет всего несколько лет, и заместитель министра Георгий Александрович Тюлин будет назначен председателем Государственной комиссии при подготовке стартов четырех

последних космических кораблей, запущенных при жизни Королева, станет «крестным отцом» Быковского, Терешковой, Комарова, Феоктистова, Егорова, Беляева, Леонова – ну что может быть причудливее извивов человеческой судьбы?!

Первый раз Королев говорит о спутнике с Устиновым в феврале 1954 года. Министр сдержан, но удалось убедить его хотя бы посмотреть бумаги Тихонравова. Сам Тихонравов послал свой доклад маршалу Василевскому и получил воодушевляющую резолюцию: «Тов. Тихонравову. Если у Вас возникнут затруднения, в любой момент звоните мне по телефону...». Теперь, в мае, заручившись поддержкой Академии наук, Королев начинает атаку на государственный аппарат: буквально на следующий день после беседы у Несмеянова письма о спутнике идут Василию Михайловичу Рябикову в Совет Министров, Георгию Николаевичу Пашкову в Госплан и Дмитрию Федоровичу Устинову в Министерство оборонной промышленности. В этих письмах впервые официально ставится вопрос о создании искусственного спутника Земли. Хороший психолог, Королев дополняет письма докладной запиской Тихонравова, а также несколькими листами переводов из американских журналов: смотрите, насколько это серьезно, нас могут обогнать!.. Все соглашаются, что это серьезно, но письма Королева уходят в зыбучий бюрократический песок: никакой заметной, деловой реакции они не вызвали.

Но Сергей Павлович не думает сдаваться. Вот как он оценивает итоги 1954 года: «В настоящее время все более близким и реальным кажется создание искусственного спутника Земли и ракетного корабля для полетов человека на большие высоты и для исследования межпланетного пространства».

А ракета Р-7 существовала пока только на бумаге.

Как вода капля за каплей точит камень, так и Королев день за днем «точит» своих оппонентов. Резко изменив тактику «захвата» Тюлина, отказавшись от лобовых атак и применив обходные маневры, он добивается того, что Георгий Александрович становится под его знамена. Не раз будут ссориться, и крепко, до крика и крутых слов, но знамена – одни. Тюлин пишет еще одно письмо Пашкову. Ну, пусть он, Королев, увлеченный фантазер, городской сумасшедший, только не в Калуге, а в Подлипках, но Тюлин-то – человек серьезный, заместитель начальника НИИ-4 – солидной организации солидного министерства. Должны же прислушаться к его словам!

Затем Королев добивается нового совещания у Рябикова. Произносит страстную речь, рассказывает, что спутник будет простейшим, неориентируемым, но запуск даже такого спутника

явится важным политическим событием, а уж о научном он говорить не будет, поскольку тут присутствует Мстислав Всеволодович...

Келдыш своим тягучим вялым голосом подтверждает: научное значение весьма велико...

– Да о чем мы тут говорим?! – встрепенулся генерал Мрыкин, представитель Министерства обороны. – Когда запустим Р-7, тогда и будем думать о спутнике...

Перед Королевым – листок бумаги. После слов Мрыкина записал: «Поздно!»

С Мрыкиным они познакомились еще в Германии. Занятной личностью был Александр Григорьевич. До мозга костей солдафон и до мозга костей технарь. Военпреды трепетали перед ним. По любому их замечанию он требовал от ракетчиков доскональных объяснений. В ОКБ шутили: «Получил втык в один мрык». Его боялись все, а он никого не боялся. Яростный противник любых компромиссов, Мрыкин нажил себе неисчислимое количество врагов, в том числе в родном министерстве, и долго не мог получить заслуженных генеральских погон.

Его требовательность не раз восхищала Королева, но сейчас, слушая его, Сергей Павлович внутренне клокотал. Как убедить Мрыкина и всех других мрыкиных, что готовиться к полету надо именно сейчас, а когда «семерка» стартует, уже не готовиться надо, а лететь! Сразу! Быстро! Как их убедить?..

Тем временем Белый дом объявил 29 июля 1955 года о том, что США будут участвовать в предстоящем Международном геофизическом годе, который должен начаться в середине 1957 года и продолжится до конца 1958-го.

Замечу, что разговоры о искусственном спутнике Земли в США начались еще за десять лет до этого, едва окончилась вторая мировая война. 3 октября 1945 года в бюро аэронавтики военно-морских сил США состоялось секретное совещание, на котором было принято решение о возможности и желательности создания спутника. К началу 1954 года американский спутник уже получил одобрение высших военных чинов США. Таким образом, заявление Белого дома, прозвучавшее сенсационно и неожиданно, на самом деле имело давнюю предысторию.

В общих международных планах МГГ пункт о запуске спутника стоял как бы под вопросом, поскольку неясно было, а как его, собственно, осуществить. Теперь, когда подключались США, как-то само собой выходило, что они и должны запустить спутник. Ну, а кто ж еще?!

Во всех странах, в том числе и в Советском Союзе, о спутнике

писали газеты и журналы, публиковались разные варианты конструкций, фотографии отдельных приборов и аппаратов целиком. Наши умельцы – от юных техников во Дворцах пионеров до зрелых изобретателей с толстыми пачками авторских свидетельств – не хотели отставать, но не знали, к кому им надо обращаться, кто этим делом у нас в стране занимается. Требовалось человеческую фантазию и энтузиазм на что-то «закоротить»...

Есть в Москве на Лесной улице в доме № 55 музейчик: «Подпольная типография ЦК РСДРП 1905-1906 годов». Снаружи вывеска: «Торговля кавказскими товарами», а внутри, в глубоком колодце, печатали прокламации. Нечто подобное было создано у нас почти полвека спустя в космонавтике. Королев в подлипкинском «колодце» делал дело, а снаружи висела вывеска для доморощенных простаков и зарубежных шпиков: «Междуведомственная комиссия по координации работ в области организации и осуществления межпланетных сообщений». Это была чистая «липа», потому что комиссия эта ничего не могла координировать по двум причинам: во-первых, она ничего толком об этих работах не знала; во-вторых, если и знала, то никому ее координации были не нужны. Насколько серьезной была эта организация, можно судить уже по тому факту, что ни Королев, ни Келдыш, ни Глушко, ни Тихонравов в комиссию эту не входили. Во главе ее стоял академик Леонид Иванович Седов, механик, профессор Московского университета, солидный, красивый мужчина, словно самой природой созданный для представительства. Любая ракета была для него, прежде всего «телом переменной массы», детали конструкции интересовали его мало. В заместители ему определили Георгия Ивановича Петрова, тогда – члена-корреспондента Академии наук, который, как вы помните, занимался входом ракетной «головы» в атмосферу и теплозащитой.

Поскольку Петров в отличие от Седова находился «при деле», за границу на разные конгрессы и симпозиумы его не пускали, вообще рекомендовали с иностранцами не дружить, да к тому же Георгий Иванович не любил Леонида Ивановича, а потому в работе комиссии принимал участие минимальное. Когда решено было направить на 6-й конгресс Международной астронавтической федерации в Данию наших наблюдателей, туда поехали Седов и профессор Кирилл Федорович Огородников, главный редактор реферативного журнала «Астрономия и геодезия», человек очень эрудированный и начитанный, но решительно ничего не понимающий в ракетной технике. Впрочем, это и так ясно: если бы он понимал, он бы в Данию не поехал.

3 августа в зале Копенгагенского политехнического института президент конгресса американский профессор Дюран зачитал письмо президента США Эйзенхауэра, в котором официально подтверждалось, что в США готовятся к запуску спутника. «Птица» – так назывался американский проект – должна была стать самым щедрым подарком великой страны МГГ, а заодно напомнить миру о недосягаемости американской техники и укрепить в сознании миллионов людей мысль о бесспорном лидерстве США во всем мировом сообществе.

Прослушав письмо президента, все аккредитованные на конгрессе журналисты загоготали на весь мир, как встревоженная гусиная стая, а наш Леонид Иванович тихо и спокойно объявил, что устраивает в здании советской миссии пресс-конференцию. Все очень удивились: советские пресс-конференции были тогда не часты, и народу набралось много. Седов выступил, рассказал, что знал и что можно было рассказывать о наших работах, и, в частности, сказал:

– За последнее время в СССР уделяется много внимания исследовательским проблемам, связанным с осуществлением межпланетных сообщений, в первую очередь проблеме создания искусственного спутника Земли... Осуществление советского проекта можно ожидать в сравнительно недалеком будущем...

Когда конкретно, Седов, мне кажется, сам не знал, но говорить так смело никто Леониду Ивановичу не запрещал, поскольку те инстанции, которые запрещают, решительно не могли представить себе, что какой-то там спутник – это нечто серьезное, и относились к этому, как к научно-популярной болтовне.

Если бы в это время уже думали о приоритете, о том, что американцы могут нас обогнать, никакой советской пресс-конференции не было бы, хотя бы потому, что она могла встревожить американцев и активизировать их работы. Поэтому прозвучавшие через несколько лет упреки, прежде всего американцев, по поводу того, что мы что-то темнили, скрывали свои планы и устроили им «космический Пирл-Харбор», несправедливы. Темнить мы начали позднее, а тогда Седов прямо сказал:

– Возможно, наши спутники будут созданы раньше американских и превзойдут их по весу.

Журнал «Радио» летом 1957 года заранее публикует примерные частоты, на которых будет работать передатчик спутника. Количество статей о спутнике в наших популярных журналах и газетах к осени 1957 года измерялось уже сотнями. Президент Академии наук Несмеянов публично подтверждает,

что теоретически проблема вывода спутника на орбиту решена. Наконец, Королев за 17 дней до старта в своем докладе на юбилейном заседании в честь 100-летия со дня рождения К.Э.Циолковского прямо говорит, что советские ученые намерены в ближайшее время запустить спутник.

За рубежом тоже немало писали о наших спутниках. Французский журналист Мишель Рузе, отличными научно-популярными статьями которого в журнале «В защиту мира» я зачитывался в студенческие годы, трезво оценил ситуацию: «Отнюдь не означает, что „Луна Эйзенхауэра“ первой придет к финишу в состязании с ее советским и, может быть, английским соперниками», – писал он еще в сентябре 1955 года.

Так что все знали, что мы хотим запустить спутник, но никто не верил, что мы его можем запустить.

Выступление Седова было, кстати сказать, не первым на эту тему. До этого на заседании Комитета по проведению МГГ в Барселоне вице-президент Академии наук СССР Иван Павлович Бардин тоже говорил о спутниках, но тогда его заявление осталось как-то без внимания. А тут, наверное, потому, что Седов провел свою пресс-конференцию сразу после письма Эйзенхауэра, сообщение это вызвало воистину всемирную сенсацию. Леонид Иванович оказался в центре внимания, ему преподносили шоколадные ракеты, фотографировали со знаменитыми красавицами, а через несколько лет, когда спутник действительно полетел, нарекли «отцом русского спутника». Он, насколько мне известно, подобные утверждения не оспаривал, хотя и не подтверждал, обаятельно и таинственно улыбался, вместо того, чтобы с той же обаятельной улыбкой сказать:

– Уважаемые дамы и господа! Я ученый-механик. У меня есть хорошие работы по гидро– и аэродинамике. Но к ракетной технике и изучению космического пространства я никакого отношения не имею, а служу лишь ширмой, за которой прячутся те, кто имеет...

Но Седов этого не сказал, полмира объездил и «отцом русского спутника» пребывал несколько лет. Мне его всегда было жалко. Мне кажется, это унизительно для настоящего ученого...

Однако нельзя не признать, что выступление Леонида Ивановича в Копенгагене в какой-то степени действительно помогло рождению космонавтики. С незапамятных времен в России дороже ценилось то, что говорят по ту сторону пограничного шлагбаума, нежели то, что думают по тому же поводу с этой стороны. В космонавтике тоже нередко так получалось, что шевелиться нас заставляло чужое шевеление. Наиболее умные и хитрые наши специалисты даже отработали

такой прием: на высоких совещаниях в конце доклада небрежно бросали:

– Хочу отметить, что на аналогичные работы в США выделено N миллионов долларов...

И действовало! Впрочем, в Хьюстоне американцы рассказывали мне, что они точно так же пудрили мозги своим администраторам...

Короче, трудно точно сказать почему: под влиянием ли заявления Эйзенхауэра, или советских и зарубежных публикаций Седова, и всей этой шумихи вокруг них, но с августа 1955 года начинается новый виток предыстории нашего спутника.

29 августа Королев отправляет, как тогда говорили, «в инстанции» подробную программу исследования космоса – от простейших спутников до полета человека. Еще раз подчеркиваю: его об этом не просят, никуда его не вызывают, он делает это только по собственной инициативе.

На следующий день – 30 августа – опять-таки по инициативе Королева собирается весьма представительное совещание в кабинете Главного ученого секретаря Академии наук Александра Васильевича Топчиева.

Топчиев был неплохой химик-органик, но, очевидно, куда более сильный научный администратор. С военной поры, когда стал директором Московского нефтяного института, пошел он по этому пути: замминистра высшего образования, Главный ученый секретарь, а потом и вице-президент Академии наук. Это был энергичный и умный человек, с крепкой деловой хваткой. Вместе с несколько «возвышенным» романтиком Несмеяновым «приземленный» реалист Топчиев сумел сделать немало полезного для Академии, пока Хрущев не задумал перестраивать ее по собственному образцу.

На этот раз, с учетом всех событий, Александр Васильевич прикинул, что результатом новой говорильни должен быть не просто «обмен мнениями», а какое-то конкретное решение. Королев выступил с коротким докладом, рассказал, как идут дела с «семеркой».

– На днях состоялось заседание Совета главных конструкторов, – сказал Сергей Павлович, – на котором был подробно рассмотрен ход подготовки ракеты в варианте искусственного спутника. Конкретной компоновкой мы займемся, когда у нас будут все габариты и веса. А пока я считаю необходимым создать в Академии наук специальный рабочий орган, который занялся бы программами научных исследований с помощью целой серии искусственных спутников, в том числе и биологических, с животными на борту. Этот орган должен

уделить самое серьезное внимание изготовлению научной аппаратуры и привлечь к этому делу ведущих ученых Академии наук...

Топчиев одобрительно кивал.

– И я поддерживаю предложение Сергея Павловича, – отозвался Келдыш. – Важно назначить толкового председателя.

– Вам и быть председателем, – с ходу парировал Королев. – Вы согласны со мной, Валентин Петрович? – он обернулся к Глушко.

– Согласен. Главное, Мстислав Всеволодович сможет реально оценить возможности создания этой научной аппаратуры в столь короткие сроки. Когда ракета полетит, приборы не должны тормозить нашу работу...,

Так Мстислав Всеволодович Келдыш начал вплотную заниматься спутником. Через несколько лет, полузасекреченный, он получит газетный псевдоним: «Теоретик космонавтики».

Младшему сыну преподавателя Рижского политехнического института Всеволода Михайловича Келдыша, Мстиславу было всего четыре года, когда армии Вильгельма вторглись в Латвию. Семья Келдышей переехала из Риги в Москву. Найти квартиру оказалось делом очень нелегким, и они поселились за городом, в Лосиноостровской. Тут и прожили трудные три года.

Однажды весенним вечером в дом постучали. На пороге стоял усатый человек в простой солдатской шинели. Извинился за беспокойство, аккуратно вытер ноги о половичок, улыбнулся ребятишкам, представился:

– Фрунзе, председатель Иваново-Вознесенского губисполкома.

Михаил Васильевич приглашал профессора Келдыша в Иваново-Вознесенск. Там, в изнуренной разрухой русской текстильной столице, задумал Фрунзе создать новый политехнический институт. Всеволод Михайлович Келдыш стал одним из первых и ведущих профессоров нового учебного заведения.

В 1963 году мне довелось встретиться с Всеволодом Михайловичем, выдающимся советским строителем, академиком архитектуры. Мы беседовали у него дома, в большой полуподвальной квартире рядом с Музеем изобразительных искусств, которую он очень любил и категорически отказывался из нее переселяться куда-нибудь повыше.

– Ну что вам сказать, – весело говорил Всеволод Михайлович. – У нас в семье было семеро детей. Если бы я знал, что один из моих мальчишек станет президентом Академии наук СССР, может быть, я обращал бы на него больше внимания. – Мне

всегда казалось, что самый талантливый не младший, а старший, который стал руководителем джаза. А Мстислав... Помню, он ездил со мной в Балахну, на строительство бумажного комбината. Есть даже снимок: сидит верхом на бетономешалке...

Учился Мстислав хорошо. В шестнадцать лет он окончил школу и решил идти по стопам отца – стать строителем. Хотел поступить в МВТУ на строительный факультет, но его не приняли: слишком молод. Старшая сестра, студентка математического факультета Московского университета, советовала брату попытать счастья в МГУ. В ту пору в приемную комиссию университета входили и студенты. Молодость нового абитуриента их не смутила. Сомневающимся преподавателям они говорили: «Давайте попробуем. А если он сдаст все на отлично?» Он и сдал все на отлично.

Одним из ведущих профессоров в университете был тогда Николай Николаевич Лузин. Он воспитал блестящую плеяду советских математиков: А.Я.Хинчин, П.С.Александров, Л.А.Люстерник, М.А.Лаврентьев, А.Н.Колмогоров. Среди его учеников был и молодой Келдыш. Однажды в фойе Московской консерватории Всеволод Михайлович Келдыш, гуляя с женой во время антракта, встретил Лузина.

– Должен вас очень огорчить, – сказал математик, – ваш сын идет на дно...

Звонок прервал беседу. Нетрудно понять, с каким нетерпением ожидал Келдыш-старший окончания концерта: шутка ли, когда профессор так характеризует своего студента, а этот студент – твой сын!

– Да, да, идет на дно! – продолжил в гардеробе Лузин начатый разговор. – Вы представляете, он увлекается прикладной математикой! Его, видите ли, интересуют инженерные задачи! Гибнет незаурядный математический талант!

Может быть, именно эта «инженерная жилка» в молодом математике и привлекла к нему внимание двух других ученых: заместителя начальника ЦАГИ Александра Ивановича Некрасова, уже известного нам по туполевской шараге, и выдающегося аэродинамика, первого ученика Н.Е.Жуковского Сергея Алексеевича Чаплыгина. После окончания университета в 1931 году двадцатилетний Келдыш становится сотрудником ЦАГИ.

«Научный труд – это не мертвая схема, а луч света для практиков», – поучал молодежь Чаплыгин. Может быть, как нигде в другом месте выявились в те годы в ЦАГИ принципиальные особенности новой математической школы – органическое слияние чистой и прикладной науки, диалектическое единство абстрактного и конкретного. Поэтому не случайной была победа

над одним из коварнейших врагов самолетов – флаттером.

Флаттер – это стремительно нарастающая вибрация конструкции, внезапно возникающая при некой, так называемой критической скорости полета. Флаттер никак не предупреждал о себе, он внезапно охватывал самолет, и иногда было достаточно нескольких секунд, чтобы машина в воздухе развалилась на куски. С земли казалось, что самолеты взрывались. Это явление было столь стремительным и неуловимым, что находились люди, считавшие, что причина катастроф кроется совсем в другом, а «флаттер выдуман в ЦАГИ».

Столкнувшись с флаттером, которым тогда занимались опытные механики Борин, Гроссман и Кричевский, Келдыш сразу понял, что это лишь одно из проявлений еще неисследованного мира динамической прочности, в который вторглась авиация. Он занялся нестационарными, меняющимися во времени режимами, анализируя их с предельной математической точностью. Перед войной флаттер был побежден, но Келдыш понимал, что за частной задачей флаттера стоит целый сонм других проблем, которые не могут не появиться там, где царствуют невиданные ранее скорости.

В отличие от многих «чистых» теоретиков 27-летний Келдыш, ставший уже доктором физико-математических наук, оказался и довольно смекалистым экспериментатором. Он тщательно продумывал опыты в аэродинамических трубах и реальных полетах, которые подтвердили его теоретические предположения.

Трудный, самый трудный 1941-й. Немцы знают, что такое ЦАГИ. Бомбежки чуть ли не каждый день. В ту страшную осень у Мстислава Всеволодовича большая радость – родился сын. Петька. Родился прямо во время бомбежки...

У новой темы, которой занялся Келдыш, странное название: шимми. Точнее – шимми переднего колеса трехколесного шасси. Шимми – это танец, модный американский танец. У них самолеты и «затанцевали». Уже в первых машинах с трехколесным шасси переднее колесо при некоторой скорости начинало произвольно поворачиваться вокруг стойки, то немного вправо, то чуть-чуть влево. Самолет съезжал с бетонной дорожки, зарывался носом в землю. А того хуже, стойка ломалась на большой скорости, и тогда шимми становился для летчика танцем смерти.

Все как будто просто. Колесо катится по земле, что тут хитрого? Но колесо нагружено. Какие силы возникают там, где пневматика касалась земли? Как они зависят от скорости движения колеса? Что заставляло его «танцевать»? Член-корреспондент АН СССР – избран за решение задачи флаттера – Келдыш руководит уже целым коллективом исследователей. У

него свой почерк, свой стиль. Он никогда не позволяет себе повышать тон при разговоре, резко перебивать собеседника. Но когда он своим тягучим голосом, с мягкой буквой «л» начинает критиковать, тогда, наверное, многие предпочли бы такой «ласковой» критике самый громкий разнос. Он знает силы каждого, никогда не переоценивает людей, но никогда не докучает им мелкой начальственной опекой. Перед каждым своя задача. Десятки частных ответов дают один – общий. Он схватывает идеи моментально, освобождает их от шелухи второстепенных подробностей, обнажает главное, оценивает его с самых общих, самых объективных позиций. Ему органически чуждо то, что называется ведомственными интересами. Никто никогда не мог сказать, что Келдыш «человек» Туполева, Шахурина, Баранова или Устинова. В сравнении с Королевым он был гораздо более независимым, но не только в силу характера, а, прежде всего, благодаря специфике самой его работы.

Когда появились первые советские самолеты с трехколесными шасси, проблема шимми была уже решена. Советские машины не «танцевали». В 1946 году за эту работу Келдыш был отмечен второй Сталинской премией. В том же году 35-летний ученый стал академиком. Через три года на общем собрании Академии наук СССР, посвященной советской математической школе, профессор П.С. Александров отметил, что Келдыш «является выдающимся исследователем не только в математике, но и в механике».

В 1956-1957 годах совсем зеленым инженером я работал в РНИИ, а точнее – в НИИ-1 Министерства авиационной промышленности – такова была новая, кажется уже четвертая по счету вывеска многострадального РНИИ. Его научным руководителем был Келдыш. Среди молодежи о нем ходили легенды. Всерьез говорили о том, что не существует такой прикладной математической задачи, которую он не смог бы решить, если она верно сформулирована. Однажды Келдыш дал десять дней одной из лабораторий на проведение неких расчетов. В конце срока смущенный руководитель лаборатории признался, что работа не выполнена, поскольку очень трудно сформулировать задание для ЭВМ. Келдыш поморщился, взял коробку «Казбека», перевернул тыльной светлой стороной, покрутил в руках карандаш и быстро что-то написал на коробке.

– Мне кажется, что теперь это сможет сосчитать даже кошка, – сказал он, брезгливо отодвигая от себя коробку.

Я присутствовал на защите одной докторской диссертации. Келдыш председательствовал. Он сидел за столом, посасывая леденцы из плоской железной коробочки: отучался от табака.

Выражение лица было отсутствующее, я был уверен, что докладчика-соискателя он не слушает. Отвечая на вопросы, докладчик вдруг споткнулся на одном из них, как говорится, «поплыл»: попробовал что-то путано объяснить и, наконец, замолчал. Келдыш встал и, подойдя к развешанным таблицам, сказал своим тихим голосом, чуть растягивая слова:

– Ну это же так просто, вот взгляните... – и начал объяснять. Я подумал: соискатель изучал этот вопрос годы, Келдыш – минуты. Вспоминается рассказ Раушенбаха. Однажды на космодроме Келдыш подошел к группе ученых и попросил:

– Вы не могли бы уделить мне буквально несколько минут?

– Конечно, конечно!

– Но вопрос сугубо личный...

Такое признание всех заинтриговало. Прошли в комнату, где была доска, и Келдыш быстро начал писать математические символы, оборачиваясь через плечо и спрашивая:

– Так? Так?..

Дело кончилось тем, что Келдыш прочел целый курс лекций, по памяти выводя все основные соотношения теории относительности. Просто ему хотелось проверить себя. Его мозгу была необходима математическая разминка, как спортсмену – физическая зарядка.

Уже когда Келдыш стал президентом Академии наук, мне по делам газетным приходилось встречаться с ним и в президиуме, и на космодроме, однажды даже у него дома: он жил в высотном здании у Красных ворот. Надо сказать, что журналистов Мстислав Всеволодович не то что не любил, а как-то сторонился их, избегал встреч, редко давал интервью, все это делало общение с ним, как с президентом, трудным и малоприятным. Мои попытки узнать у него что-то о нем самом тоже не увенчались успехом. Гораздо больше мне рассказали его отец и брат, но не тот, которого отец считал самым умным, а другой – известный музыковед. Я мало знаю о привычках и увлечениях Мстислава Всеволодовича, слышал, что он покупал книги по живописи, любил французских импрессионистов.

Последний раз видел я его в гостях у Марии Николаевны Баланиной. Он приехал в день рождения Сергея Павловича, еще раз подчеркивая этим высочайшее уважение к его памяти. Он быстро старел и не внешне даже, а как-то внутренне: становился тише, говорил меньше, очень усталым голосом. С ним заговаривали Черток, авиаконструктор Антонов, прилетевший из Киева. Он отвечал односложно, быстро умолкал. Перед уходом я попросил Келдыша рассказать мне о Королеве.

– Что я могу рассказать, – ответил он, посмотрев на меня

потухшими глазами. – Королев все рассказал о себе своими делами...

Но тогда, летом 1955 года, Келдыш был совсем другим. Королев очень ценил в нем состояние постоянной умственной готовности, его умение схватывать все на лету и так же быстро решать. Это был отлично организованный мозг, и Королев был очень доволен, когда его предложение о председательстве Келдыша в «космической» комиссии Академии наук было поддержано и утверждено.

Келдыш спутником увлекся. Вскоре в президиуме Академии он уже по своей инициативе собрал еще одно совещание, пригласил Иоффе, Капицу, других корифеев. Жаль только Королева не было, улетел на полигон и вместо него докладывал Тихонравов.

Сообщение Михаила Клавдиевича – очень спокойное, риторически неброское – произвело большое впечатление именно потому, что о вещах совершенно фантастических он рассказывал просто и буднично. Развернулась дискуссия по теплообмену. Кто-то предложил установить на борту маленький холодильник.

– Холодильник – это слишком громоздко, – встрепенулся Иоффе. – Нужно организовать хорошую циркуляцию с помощью вентиляторов, а энергию им дадут солнечные батареи...

Келдыш звонил члену-корреспонденту АН СССР Вулу, тот тоже подтвердил, что сделать такую штуку можно, посоветовал Келдышу связаться с Виктором Сергеевичем Вавиловым в ФИАНе – сыном Сергея Ивановича, который дока в этих делах.

Постепенно, начав с невинных консультаций, Келдыш втягивал в новую работу известных ученых: Б.П.Константинова, В.А.Котельникова, Л.А.Арцимовича, В.Л.Гинзбурга. Само их присутствие на его совещаниях придавало делу столь необходимую ему солидность, гарантировало от упреков в прожектерстве. Келдыша в Академии наук знали и уважали. Молодым импонировала его молодость, старым – его молчаливое спокойствие, несуетность. Он не зарабатывал авторитет на трибуне, не лез в политику, это был настоящий ученый, который заниматься ерундой не станет. Поэтому, когда Келдыш приглашал на совещания, к нему шли, это было даже лестно: Келдыш хочет со мной посоветоваться.

Мстислав Всеволодович работал очень много, провел ряд совещаний с «атмосферщиками» С.Н.Верновым, Л.В.Курносовой, В.И.Красовским, всякий раз старался сузить тему: космические лучи, ионосфера, магнитное поле Земли. С удивлением обнаруживал, как мало знают обо всем этом светлейшие умы академии, тормошил своих «мальчиков», математиков-

траекторщиков: Д.Е.Охоцимского, Т.М.Энеева, В.А.Егорова, М.Л.Лидова; подключил к работе Н.С.Лидоренко, КБ которого занималось преобразованием лучистой энергии, в том числе – солнечными батареями; консультировал Г.И.Петрова по работам с «головой», входящей в атмосферу. Написал письмо академику-секретарю Отделения физико-математических наук М.А. Лаврентьеву с просьбой выделить машинное время на ЭВМ для расчетов по спутнику. Постепенно обозначился круг вопросов, который должен был решаться на «объекте Д» – так был закодирован спутник. По расчетам весить он должен был около 1100 килограммов и свободно размещаться в головной части ракеты.

Уже в сентябре предложения ученых по спутнику были на столе у Королева. Он собрал Совет Главных, пригласил Келдыша, нескольких академиков, и все вместе обсудили предложенную программу.

Королев намеренно старался придать всему делу как можно большую солидность. Ему было важно показать, что комиссию по «объекту Д» возглавляет не он, а академик Келдыш, что объект этот – не его затея, а плод трудов всего Совета Главных, а сам он вроде бы лишь координатор. На самом деле, именно Королев был главной заводной пружиной всего этого механизма, именно через него шли все линии связей наука-техника, именно он постоянно торопил всех с выполнением этой программы.

А торопить приходилось постоянно. За два года нужно было разработать, изготовить и отладить всю аппаратуру, источники питания, систему терморегулирования, радиотелеметрическую связь с всенаправленными антеннами, продумать схему управления работой бортовой аппаратуры и многое другое. Можно сделать все это за два года? Можно! Но трудно. «Объект Д» оснащали десятки исполнителей, практически друг с другом не связанных. Быстро создать «объект Д» можно, лишь опираясь на энтузиазм многих людей, но Королев был уже слишком опытен и знал, что ожидать равного и нужного ему энтузиазма от всех исполнителей – нереально. Соединить их всех он мог, но было ясно, что такая связь непрочна и, как ни важны тут личные, дружеские отношения, требуется нечто, стоящее над этими отношениями. Вот теперь нужно было подключать власть предержащих, вот теперь требовалось РЕШЕНИЕ, опираясь на которое, он мог бы уже не уговаривать и не просить, а настаивать и требовать. И снова, не дожидаясь пока его вызовут, сам ездил и в ЦК, и в Совмин, возил бумаги, письма, объяснял. Он очень торопился: на носу были ответственнейшие испытания Р-5М с зарядом «Байкал», от итогов которых зависело многое – прежде

всего, доверие к нему. В первых числах января Королев уехал в Кап.Яр. Постановление Совета Министров СССР № 149-88 СС вышло, когда он был уже на старте «атомной» ракеты. Оно утверждало все разработки ОКБ и Академии наук и предписывало создание спутника весом 1000-1400 килограммов, из которых 200-300 отводилось под научную аппаратуру. Срок пробного пуска – лето 1957 года. Комиссия, созданная чисто партизанскими методами в кабинете Топчиева, когда Королев по-школярски, словно старосту в классе выбирали, выкрикнул Келдыша в председатели, отныне узаконивалась. Заместителями Келдыша назначались Королев и Тихонравов, ученым секретарем – Скуридин – сотрудник президиума академии.

Вернувшись после пуска «Байкала» из заволжских степей «на щите», Сергей Павлович снова активно включается в работу по спутнику. Беседы с «академическими» смежниками тревожат его. Очень часто они не могут ясно сформулировать, что же они хотят узнать с помощью спутника. Инертность и лень многих мужей науки особенно ясно проявились в апреле 1956 года на Всесоюзной конференции по исследованию верхних слоев атмосферы. Королев прочел доклад о тех возможностях, которые предоставляют этим исследованиям ракеты дальнего действия, модифицированные для мирной научной работы, просил выступить и рассказать о недостатках, необходимых доработках этих экспериментов как со стороны геофизиков, так и со стороны ракетчиков. Работы с геофизическими ракетами шли шесть лет, ужели и сказать нечего?!

Председательствующий академик Евгений Константинович Федоров, некогда самый молодой в папанинской четверке на полюсе, но теперь солидный, важный, похожий на большого тюратамского суслика, тщетно призывал сонное собрание к участию в прениях.

– Мы сегодня ждали, что товарищи, работники Геофизического института, выскажут какие-то предложения, – говорил в заключительном слове Королев, – но ничего сказано не было. «Мы измеряли, мы брали, мы получали результаты с такой-то степенью точности, но мы не учитывали, что контейнер кувыркается, мы не учитывали аэродинамического фактора» и т.д. Правильна, научна ли такая постановка вопроса?..

При обсуждении тезисов моего выступления мы сознательно постарались сказать: исследуйте, мы беремся поднять ваши приборы на ту высоту, на какую вы захотите. Но этих требований мы сегодня не услышали. Должен сказать, что по известным причинам нас будут интересовать, в связи с перспективными работами, высоты до 800 километров... Мы должны знать

физические свойства атмосферы для тех высот, которые нам нужны...

Иногда ему казалось, что он говорил в бочку. У бабушки в Нежине во дворе было много больших бочек, он залезал в них и разговаривал, а бочки отвечали каким-то низким долгим гудом...

Потом Келдыш скажет: «Каждый килограмм веса научного прибора стоил значительно больше золота, он стоил золотого интеллекта». В этих словах Келдыш немного набивает цену себе и своим коллегам. У Королева были серьезные претензии к интеллекту. Когда он послал Олега Ивановского к «смежникам» в одно ленинградское приборное НИИ, тот вернулся в ужасе: аппаратура была на уровне 30-х годов. Приборы, которые предназначались для установки на спутнике, были тяжелее и больше по габаритам, чем американские. Королев вынужденно закрывал на это глаза: других в обозримом будущем ждать было неоткуда. Шут с ним, с весом, лишь бы работали надежно...

В это время Сергею Павловичу требовалось нечто более дефицитное, чем интеллект. График подготовки аппаратуры срывался постоянно, и найти виновных оказывается невозможно. Многие ученые, люди в высшей степени изобретательные и оригинально мыслящие, превращались в сущих детей, когда дело доходило до производства. У них не было никакого опыта взаимодействия лаборатории и цеха. Создав что-то интересное и действительно нужное, они ликовали и успокаивались, не думая о том, а кто же, когда и как воплотит их находку в «железо».

14 июня 1956 года Королев принимает решение по компоновке ракеты под спутник. Для спутника «семерку» требовалось немного переделать: изменить программу работы двигательной установки, снять радиоаппаратуру системы управления, сделать новый конус и тепловой экран, чтобы спутник не перегрелся при подъеме, отработать пружинный толкатель, который сбросит в нужный момент конус головного обтекателя, и другой пневматический толкатель, который отделит спутник от ракеты.

Но как все это делать, когда отделять-то еще нечего! Успеют ли сделать сам спутник? То, что и ракеты еще фактически нет, вернее, она есть, но еще не летала, Королева как-то не беспокоило. Ракета будет. Тут он ни от кого не зависит, тут все решает он и его люди. В июле 1956 года Сергей Павлович утверждает эскизный проект спутника с массой примерно 1400 килограммов – нечто условное, абстрактное, заранее предрасположенное ко многим изменениям. Документ подписали: Королев – Главный конструктор, Тихонравов – главный консультант, Бушуев – заместитель Главного по

проектированию, Охапкин – заместитель Главного по конструированию, Воскресенский – заместитель Главного по испытаниям.

Келдыш успокаивал Королева: академия не подведет. 14 сентября он пригласил Сергея Павловича на заседание президиума, на котором сам сделал доклад. Многие члены президиума впервые услышали о спутнике – радиопередатчик, а потом собака, фотографии невидимой стороны Луны – все это звучало как сказка. В конце своего доклада Мстислав Всеволодович опять стал успокаивать ракетчиков (а, может быть, и себя?):

– У нас было некоторое отставание по целому ряду работ в Академии наук и сейчас имеется отставание. Мы должны были сдать еще в августе габариты аппаратуры и привязку ее к ракете... Очень напряженное у нас положение с созданием макетов ряда приборов, которые мы должны дать в октябре для установки на модели спутника... Надеемся, что по большинству приборов мы дадим макеты в октябре, а по остальным – в ноябре... Мы хотим, чтобы наш спутник вылетел раньше, чем американский...

Если бы знал Келдыш, как хочет этого Королев! Его просто ужас охватывал, когда он представлял себе, что «американы»[172] его обгонят. Он и думать об этом не хотел!

Через десять дней, готовя тезисы доклада по спутнику, Королев писал: «Несомненно, что мы вступаем в новую область работы по ракетной технике, связанную с созданием летательных машин... Создание этого эскизного проекта не является случайностью, а подготовлено всей предыдущей работой организаций, занимающихся разработкой ракет дальнего действия...

В итоге тщательной проработки плана исследовательских работ, проводимых на спутнике, в Комиссии Академии наук под председательством М.В. Келдыша было установлено, что нельзя ограничиться одним вариантом спутника, и приняты три варианта, отличающиеся составом аппаратуры...».

Еще через три дня научно-технический совет НИИ-88, выслушав доклад Королева, одобряет экскизный проект. Королев еще надеется, что академические институты не подведут его, ведь Келдыш обещал сдать макеты в октябре-ноябре. Но вот проходит октябрь, наступает ноябрь, а всех макетов нет, и когда они будут, никто сказать не может. Королев вязнет в сроках, барахтается в них, они засасывают его, как великая грязь Кап.Яра. Подлипки-Кап.Яр-Тюратам-Молотовск (там идут завершающие испытания морской ракеты) – по этому четырехугольнику беспрерывно перемещается Королев, занимаясь сразу десятками разных дел, из

которых главной заботой остается спутник и «семерка». Впрочем, для него они неразделимы...

Сейчас, наблюдая из дали времен все эти яростные метания Сергея Павловича, слушая донесенное пожелтевшими бумагами эхо его страстных споров, ясно видишь эту борьбу убежденного энтузиаста с сонной рутиной, с сотнями, быть может, и не плохих людей в общепринятом определении, но, прежде всяких искусственных спутников Земли обеспокоенных получением твердых гарантий будущего благополучия и сытости; ясно видишь, сколь велик личный вклад Королева в то, что страна наша стала родиной первого спутника и открыла новую эру человеческого прогресса.

В.М.Рябиков, В.П.Глушко, М.В.Келдыш

Делегаты VI Международного конгресса по астронавтике в Копенгагене в августе 1955 г.

Слева направо: астроном профессор МГУ Кирилл

Огородников, механик профессор МГУ Леонид Седов и делегат из США Фредерик Дюрант-II

В Центре дальней космической связи

Слева направо: М.В.Келдыш, М.С.Рязанский, Т.Н.Бабакин, Н.С.Лидоренко

КОСМОС

57

Первый великий шаг человечества состоит в том, чтобы вылететь за атмосферу и сделаться спутником Земли. Остальное сравнительно легко, вплоть до удаления от нашей Солнечной системы.

Константин Циолковский

Не раз пробовал заводить Сергей Павлович Королев разговор с Михаилом Клавдиевичем Тихонравовым о спутнике, делился тревогами, комментировал сроки испытаний. Тихонравов кивал. Королев знал Тихонравова давно и понимал, что в организационных делах он ему не помощник. Придумать, посчитать, сравнить, проанализировать – тут Михаил Клавдиевич силен, а выбивать приборы из смежников – этого он не умел. Иногда Королеву даже казалось, что Тихонравов равнодушен к его заботам, во всяком случае для него было полной неожиданностью, когда где-то уже в ноябре, когда стало ясно, что полный комплект макетов приборов они вряд ли получат до Нового года, Тихонравов вдруг предложил:

– А если сделать спутник полегче и попроще? Килограммов на тридцать или легче?..

Королев сразу оценил это предложение: не расхолаживая «академические» институты, маленький простейший спутник можно было бы сделать своими силами, с минимальным количеством смежников. Собственно, для такого спутника ему нужен только Рязанский – с его радиоаппаратурой и Лидоренко – с источниками тока. Если Королев что-то решал, то уже не раскачивался, не примеривался, сразу начинал работу. В ПС – простейший спутник[173] – он поверил: прост, дешев, такой, если и гробанется на старте, – не жалко. Но главное – его можно было сделать быстро и обогнать «американов». Будущее покажет, что этот расчет Королева был абсолютно верен. Если бы он, доверившись успокоительным речам, позволил усыпить себя правительственным решением, снимавшим с него всякую ответственность за опоздание («ракета готова, а спутник – дело Келдыша...»), продолжал ждать приборов «Объекта-Д», т.е. придерживался указаний директивных органов и никакой инициативы не проявлял, Советский Союз не стал бы

первооткрывателем космической эры. «Объект-Д», известный как третий советский искусственный спутник Земли, – «летающая лаборатория», – стартовал лишь 15 мая 1958 года, т.е. через три с половиной месяца после американского спутника «Эксплорер-1». И пусть этот спутник весил всего 14 килограммов – в сто раз меньше нашей «лаборатории», пусть бы вдоволь натешились над «американским апельсином» карикатуристы всего мира, никого бы не волновали его размеры, никто бы не вспоминал его вес, – он был бы первым и баста! Первым навсегда!

Уже 25 ноября 1956 года, через несколько дней после разговора Королева с Тихонравовым, молодой конструктор Николай Александрович Кутыркин получает задание на проектирование простейшего спутника. Чуть позже тоже совсем не старому баллистику Георгию Михайловичу Гречко поручили рассчитать траекторию выведения ракетоносителя для обеспечения строго определенных параметров орбиты спутника. Гречко потом вспоминал:

– Большая счетная машина Академии наук только вводилась в строй. Считали «вручную» до четвертого знака, а нужно было, как минимум, до шестого-седьмого. Потом в Вычислительном центре Академии наук нам выделили несколько часов рабочего времени, но только ночью. Машина была «неопытная», часто хандрила, программы тогда набивались не на перфокартах, а на лентах. На случай внесения поправок каждый из нас таскал в кармане обыкновенный дырокол. Плюс ко всему машина работала на лампах – сильно грелась. Поэтому всеми возможными способами устраивали сквозняки. Если бы кто-то вошел тогда случайно в машинный зал, увидел бы посиневших от холода, со вздыбленными ветром волосами людей, которые, ко всему прочему, еще включили вентилятор. А на стене плакат: «Вентилятор – друг труда, пусть работает всегда!» Наше время, как правило, заканчивалось в три-четыре часа ночи. Сунув ленту с траекторией полета первого искусственного спутника Земли в авоську – в кармане она не помещалась, а портфелями еще не обзавелись, – мы отправлялись к себе в Подлипки. В электричке засыпали и были счастливы...

Работа шла полным ходом, с каждым днем ПС становился все более реальным, и теперь Королеву опять очень нужна поддержка сверху: очень важно, чтобы не заупрямились («раз уже принято решение, чего уж теперь переделывать...»), чтобы разрешили сделать этот упреждающий космический маневр. Как убедить? Задача осложнялась тем, что он лишился поддержки Келдыша: Мстислав Всеволодович был против ПС, и понять его можно. Ведь на всех собраниях и совещаниях, во время всех уговоров

смежников Келдыш всегда упирал на то, что все они – соавторы абсолютно новаторской работы, что спутник будет первым в мире. А теперь получается, что он, Келдыш, всех обманул, что он трепач, несерьезный человек. Запустят ПС, выполнят, таким образом, обещание по МГГ и неизвестно, будут ли вообще запускать его, с таким трудом подготовленные, приборы, кому они станут нужны?..

При том, что Келдыш был выдающимся ученым, он был и довольно тонким политиком. Мстислав Всеволодович сразу понял, что запуск и такого спутника, как ПС, все равно будет расценен всем миром как выдающееся научно-техническое достижение, а к Академии наук оно, как выяснится, никакого отношения не имеет: ракета сделана в КБ Королева, спутник – тоже. Никаких лавров Академия наук не пожнет. Конечно, секретность Королева заставит отдать славу за этот запуск Академии. Но так можно журналистов дурачить, а в Политбюро-то знают, кто что сделал.

Противником Королева стал не только Келдыш и ряд других ученых, которых ПС отодвигал от интересной работы, а значит, от «проходных» диссертаций для молодежи, дополнительного финансирования, расширения базы, получения уникального оборудования и, наконец, от вполне вероятных в самом недалеком будущем наград, званий и прочих благ. Более того, противником Королева стали многие сотрудники его собственного КБ. Пошли разговоры, что Главный заметался и сам толком не знает, чего он хочет. Один из старых, самых преданных его «гвардейцев» Илья Лавров, человек до печенок делу преданный, но и прямой до дерзости, открыто говорил, что шар этот – ерунда и позор для КБ и надо, конечно, срочно доделывать и пускать «Объект-Д» на 1100 килограммов, а не эту финтифлюшку, которой самое место – висеть на новогодней елке в подшефном детском доме. И многие в Подлипках задумались: а может, мудрый Илья прав? Великая интуиция Королева подсказывала, что делать ПС надо, но ведь полной уверенности и у него не было. И долго не было. Уже когда многие узлы ПС были в металле, Королев вдруг ясно увидел, что спутник должен быть больше, просто обязан быть больше! Сохранив форму шара, он решает увеличить его диаметр до метра – все-таки посолиднее будет выглядеть... Когда Сергей Осипович Охапкин, узнав об этом, ворвался в кабинет Главного, Королев решил, что пришел его смертный час: Охапкин разорвет его на куски. Королев молчал, слушая Охапкина и ребят, которых тот привел с собой на подмогу. Он заряжался уверенностью, иногда покидавшей его. А она была ему очень нужна, потому что убеждать умел только

тогда, когда был убежден сам.

Для власть имущих Королев припас свой козырной аргумент: запустить два спутника до начала Международного геофизического года, где-нибудь в апреле-июне 1957-го, и таким образом обогнать Америку! «...Полученные к настоящему моменту результаты лабораторных и стендовых испытаний позволяют надеяться, что при напряженной работе в марте 1957 года начнутся пуски ракет... – пишет он в докладной записке в правительство 5 января 1957 года. – Две ракеты, приспособленные в этом варианте (т.е. для спутников. – *Я.Г.*), могут быть подготовлены в апреле-июне 1957 года и запущены сразу же после первых удачных пусков межконтинентальной ракеты». Он еще не знает, какие сюрпризы готовит ему «семерка»...

С учетом всех этих событий совсем по-другому видится летняя тюратамская эпопея 1957 года, еще более зловещими, если не трагическими, предстают неудачи с Р-7, требования Неделина остановить ее испытания, неверие соратников.

Королев не мог начать испытания ракеты в марте хотя бы потому, что тогда еще не был готов стартовый комплекс. Он не мог запустить спутник ни в апреле, ни в июне, так как «семерка» еще не умела летать в это время. Он срывал им же самим назначенные сроки. Лишь одной строке своей записки он останется верен: спутник будет запущен «сразу же после первых удачных пусков межконтинентальной ракеты».

Уже через десять дней после первого успешного запуска «семерки» Королев проводит в Подлипках комплексные холодные испытания ПС, вместе с ракетой-носителем. В сентябре, когда вторая огромная машина готовилась к полету на Камчатку, полным ходом шли проверки спутника в термокамере и на вибростенде.

Возбужденный вторым успешным пуском межконтинентальной ракеты, Королев возвращается в Москву накануне 100-летнего юбилея К.Э.Циолковского. Большая группа ракетчиков во главе с Главным поехала в Калугу. В областном театре было торжественное заседание, потом закладка памятника на площади Мира, торжественная линейка в школе № 9, где долгие годы преподавал Константин Эдуардович.

До старта спутника оставалось 19 дней.

Через два дня, 17 сентября, в Колонном зале Дома союзов на торжественном вечере в честь 100-летия К.Э.Циолковского Королев делает доклад.

– В ближайшее время, – говорит он, – с научными целями в СССР и США будут произведены первые пробные пуски

искусственных спутников Земли...

Особисты в зале, наверное, поперхнулись. Впрочем, должны были быстро успокоиться: доклады визируются...

До старта оставалось 17 дней.

20 сентября Королев собирает заседание специальной комиссии по запуску ПС. Устанавливается примерное время старта. К 23 сентября должен быть составлен проект сообщения ТАСС.

До старта оставалось 14 дней.

24 сентября Тихонравов принес на подпись Королеву «Технический отчет о возможности запуска ПС-1». Потом Королев размашисто напишет на обложке этого отчета: «Хранить вечно!»

До старта оставалось 10 дней.

26 октября Королев через Ташкент – так быстрее – вылетел в Тюратам.

До старта оставалось 8 дней.

Мне приходилось беседовать со многими сотрудниками ОКБ С.П.Королева и специалистами-смежниками о первом нашем спутнике. Странно, но его помнят плохо. Работа над ракетой была столь велика и напряженна, что заслонила в памяти людской этот маленький шарик с «усами» антенн. Заместитель Тихонравова[174] Евгений Федорович Рязанов вспоминал, как Королеву показывали первые эскизы ПС. Все варианты ему не нравились. Рязанов спросил осторожно:

– Почему, Сергей Павлович?

– Потому что не круглый! – загадочно ответил Королев.

И дело не только в том, что сфера – идеальное геометрическое тело, обладающее максимальным объемом при минимальной поверхности. Быть может, безотчетно, интуитивно Сергей Павлович стремился к предельному лаконизму и выразительности формы этого исторического аппарата, и ведь действительно сейчас трудно представить себе иную, более емкую эмблему, символизирующую век космоса.

Кстати, очевидно, сама задача создания искусственного небесного тела тоже подвигала авторов спутника к идее шара как фигуры, наиболее характерной для небесных тел. Совершенно независимо от нас «американы» из Исследовательской лаборатории военно-морского флота США тоже конструировали спутник в форме шара. Американский шар имел диаметр 50 сантиметров, наш – 58. Правда, спутник американских ВМС так и не полетел. А «Эксплорер-1» был уже другой формы – похож на огрызок граненого карандаша.

Когда и сегодня в ОКБ Королева заговаривают о первом спутнике, всегда вспоминают случай с докладом Михаила

Степановича Хомякова в кабинете Главного конструктора. Хомяков ошибся и назвал спутник не ПС, а СП. Королев остановил его и сказал с улыбкой:

– Вы путаете: СП – это я, а спутник – ПС! – Сергей Павлович знал, что за глаза все называют его инициалами имени и отчества, и не обижался. Позднее эта система «кодирования» имен и отчеств распространилась и на других начальников. Все в КБ знали, что Вэпэ – это Мишин, Кадэ – Бушуев, Бэвэ – Раушенбах и т.д.

В конце зимы-начале весны 1957 года Королев все чаще наезжает в КБ Рязанского или приглашает Михаила Сергеевича к себе. Они подолгу обсуждают работу будущего передатчика ПС: как он будет передавать, что он будет передавать, будет ли его слышно?

– Понимаешь, его сигналы должны ловить на самом захудалом приемнике, пусть слышит весь мир! – говорил Королев Рязанскому.

– Ну, знаешь, чтобы захудалые приемники во всем мире ловили, это какую же мощность нужно иметь?! – смеялся Михаил Сергеевич. – Где мы возьмем такие батареи? И как долго, по твоему мнению, он должен работать?

– Не знаю, – спокойно отозвался Королев. – Данные по плотности стратосферы отличаются друг от друга на порядок. Келдыш считает, что он будет летать не менее десяти суток, но может быть, и месяц. Французы утверждают, что он не проживет больше нескольких часов. «Американы» пишут о двух, самое большее – шести неделях. Миша, все дело в том, что никто ничего толком не знает. И я в том числе...

– Ну, на две недели я могу обеспечить приличный сигнал...

15 февраля Королев и Рязанский утвердили протокол НИИ-885 и ОКБ об основных требованиях к передатчику ПС.

В радиоделах Королеву помогали Владимир Александрович Котельников – директор Института радиотехники и электроники Академии наук, Институт земного магнетизма и распространения радиоволн, Физический институт имени П.Н.Лебедева, но больше всего, конечно, НИИ-885 Рязанского. Передатчик для ПС создавался в Лаборатории распространения радиоволн, которой руководил Константин Иосифович Грингауз, упрямо настаивавший на том, что спутнику, помимо традиционного для ракетчиков ультракоротковолнового передатчика, нужен еще один, с длиной волны в два раза больше. Грингауз ломал традиции, а Королев всегда относился к этому процессу настороженно, – прогрессист иногда мог мирно уживаться в нем с консерватором. Но Константин Иосифович сумел убедить и

Королева, и Келдыша, и Рязанского в своей правоте, и молодой инженер Вячеслав Иванович Лаппо, работавший в лаборатории Грингауза, вплотную засел за такой передатчик.

Через много лет, рассказывая мне об этом задании, Лаппо вспоминал, что он работал очень смело, так как не знал, чего, собственно, требуется остерегаться: ни один радиоприбор никогда в космосе не работал. В конце концов, все сошлись на том, что бояться надо резкого температурного перепада, жесткого космического излучения и метеоритов. Аккумуляторную серебряно-цинковую батарею в институте Лидоренко сделали в виде большой восьмигранной гайки, внутрь этой «гайки» и был упрятан передатчик, который она как бы защищала.

– Мы сделали шесть экземпляров передатчиков, – рассказывал Лаппо. – Один стоял на самолете Ту-16, который летал над НИПами и обучал их принимать сигналы. Другой мы подвесили на 200-метровой веревке к вертолету и проверяли, как сработают антенны. Оказалось, что антенны получились весьма удачными: нас засек даже Дальний Восток. Оставались два рабочих и два резервных передатчика. Работали тогда день и ночь. Однажды, поздно уже было, приходит в нашу лабораторию Королев и просит дать ему послушать сигналы спутника. Я включил и объяснил, что давление и температура внутри спутника будут контролироваться с помощью изменения длины радиопосылки:

– Понимаете, Сергей Павлович, перед смертью он будет пищать по-другому. Королеву это очень понравилось. Он с удовольствием послушал сигналы «бип—бип», а потом осторожно, даже с некоторой робостью спросил:

– А нельзя сделать, чтобы он какое-нибудь слово пищал?..

5 мая 1957 года все испытания радиоаппаратуры спутника были, наконец, завершены.

По давно заведенному и оправдавшему себя порядку ПС тоже имел ведущего конструктора – им был опытный королевский «гвардеец» Михаил Степанович Хомяков, отвечавший за всю систему, а его заместителем – Олег Генрихович Ивановский, который доглядывал за «шариком». Изготовление спутника было поручено директору завода Роману Анисимовичу Туркову и главному инженеру Виктору Михайловичу Ключареву, которые тоже, надо признаться, не воспринимали ПС как нечто эпохальное.

– Для нас он, с точки зрения изготовления, действительно был простым, – рассказывал Ключарев. – Да и все наше внимание в то время сосредоточилось на доводке ракеты-носителя. А по самому спутнику проблема была лишь в том, как обеспечить

блестящую, отражающую солнечные лучи поверхность: для алюминиевого сплава, из которого делался корпус первого спутника, в то время не было специальной технологии. И это одолели. Все, кто соприкасался с «шариком», стали его буквально носить на руках, работали в белых перчатках, а оснастку, на которой он монтировался, обтянули бархатом. Королев следил за всеми операциями по спутнику, требовал особого отношения к этому изделию...

В тюратамском МИКе Королев попросил, чтобы при нем провели последние испытания передатчика. В гулком пространстве огромного цеха раздалось жизнерадостное «бип-бип...». Кто-то из молодых, не сдержав энтузиазма, заорал «ура!». Королев оглянулся и так посмотрел на крикуна, что тот замолчал на полувздохе, словно его обесточили.

Будущий космонавт Георгий Гречко рассказывал, а многие испытатели, работавшие на космодроме, подтверждали, что срок пуска ПС Королев сдвинул на два дня раньше. Причиной тому был листок экспресс-информации, в котором говорилось, что на совещании по координации запусков ракет и спутников, которое проходило в Вашингтоне по линии МГГ, на 6 октября намечен американский доклад «Спутник над планетой». Что это значит? Королев встревожился. Может быть, просто доклад – один из многих на эту тему. А может быть, констатация факта! Он звонил в КГБ. Ему сказали, что никаких сведений о том, что американцы запустят на днях спутник, нет. Королев знал, что запуск американского спутника планируется примерно на март 1958 года. Но вдруг! Ведь в одном из своих выступлений – Королев читал их внимательнейшим образом – Джон Хаген, руководитель проекта «Авангард», заявил как-то неопределенно: «Быть может, мы предпримем испытания до исхода этого года...» Сейчас, когда счет шел на дни, даже на часы, сама мысль о том, что его могут опередить, была для Королева невыносима. И, несмотря на то что работы шли по очень напряженному графику, Главный принимает решение: сдвинуть его на два дня, провести пуск не 6 октября, как намечалось, а 4 октября.

Все предстартовые часы были переполнены нервотрепкой. Госкомиссия пришла в ярость, когда узнала, что на одной батарее потек электролит, а перед самым стартом вдруг обнаружилось, что напряжения вовсе нет.

– Это технический бандитизм! – кричал Руднев.

Королев молчал, понимал – сейчас не надо разносов. Монтажница Римма Коломенская нашла оторвавшийся кабель.

Оказалось, просто плохо припаяли...

Что обнаружится теперь? Через час? Через пять минут? И все

это – в простейшем спутнике, действительно простейшем. Сколько бы пришлось расхлебывать с «Объектом-Д»? Здесь, на полигоне, Сергей Павлович еще больше укрепился в мыслях, что решение он принял верное.

Приказ о летных испытаниях ПС Королев подписал 2 октября – за два дня до старта – и отправил его в Москву. Еще раз хочу это подчеркнуть: приказ шел не из Москвы в Тюратам, а из Тюратама в Москву. Москва утвердила только 4 октября. Не дожидаясь никаких вышестоящих разрешений, 3 октября ранним утром ракету со спутником вывезли на стартовую позицию. Едва тепловоз тронулся, Сергей Павлович, оглядев стоящих рядом людей, сказал:

– Ну, в добрый путь... Пойдемте провожать первенца...

Как и во время предыдущих пусков «семерки», испытаниями руководили: Александр Иванович Носов – от полигона и Леонид Александрович Воскресенский – от ОКБ. Как это ни парадоксально, «сложнейшая» ракета приносила им на этот раз несравненно меньше хлопот, чем «простейший» спутник. Все испытания носителя шли четко, без замечаний, строго по графику.

– Нас никто не торопит, – говорил Королев. – Если имеете хотя бы малейшие сомнения, остановим испытания и доработаем спутник. Время еще есть...

Понимал ли Сергей Павлович, что в эти часы закладываются будущие, не писанные ни в каких инструкциях, не отмеченные ни в каких приказах нравственные, этические законы космонавтики? «Нет, не думалось тогда о величии происходящего: каждый делал свое дело, переживая и огорчения, и радости», – напишет много лет спустя в своей книге «Первые ступени» Олег Ивановский.

На следующий день – 4 октября – после заправки топливом Королев позвал Хомякова, поручил ему подняться на верхнюю площадку ферм обслуживания и все внимательно еще раз проверить. Последним, кто прикасался к спутнику, был Грингауз – через маленький лючок подсоединял провода к каждой из антенн, проверил, как работает передатчик.

По свидетельству очевидцев, все предстартовые дни Главный конструктор был сдержан, молчалив, улыбался редко. Он беспрестанно задавал себе вопросы, на которые не находил ответа. Он не знал, правильно ли выбрана траектория полета, где, собственно, кончается атмосфера, где ее границы. Никто не мог точно рассчитать, на какую высоту поднимется ПС, каков будет эллипс его траектории. Никто не мог дать гарантии, что ионосфера пропустит сигналы радиопередатчика. О том, что у Земли существуют радиационные пояса, тоже никто тогда не

знал, Королев не был уверен, пощадят ли микрометеориты его полированный шар, справятся ли вентиляторы с отводом тепла, сохранится ли герметичность шара после вибраций на активном участке. Еще в МИКе, когда он вместе с Келдышем осматривал стык полусфер, уплотнение показалось ему слабоватым: воздух выйдет и вакуум убьет спутник.

– Достаточно одного кольца? – спрашивал он у Бушуева. – Может быть, надо второе сделать?

– Не надо, Сергей Павлович, уплотнение надежно...

Сейчас часто, иногда и без повода, используют ставшее уже крылатым выражение «полет в неизвестное». Но это был действительно полет в абсолютно неизвестное: ничего более неизвестного не было за все то время, когда человек начал летать.

Стояла глухая осенняя ночь. Стартовая площадка освещалась прожекторами. Где-то вне пределов их узких белых конусов громко лязгнул тепловоз. Еще баснописец Крылов отметил, что пустая бочка громче полной. Это уходили опорожненные топливные цистерны. Королеву доложили: заправка закончена, полный вес ракеты 272 830 килограммов.

Если смотришь на ракету, кажется, что это жгучие лучи прожекторов заставляют ее дымиться. Наконец белый дымок исчез: закрылись дренажные кислородные клапаны, начался наддув баков. Хотя Носов считался руководителем полигонных испытателей, «стреляющим» в бункере был назначен Евгений Ильич Осташов. Волновался, конечно. Команды отдавал, не отрывая лица от черной резины, окружавшей окуляры перископа. У командного пульта с кнопками в те минуты сидели два оператора: лейтенант Борис Семенович Чекунов и старший техник Анатолий Иванович Корнев. Они поворачивали ключ по команде «Ключ на старт!» и нажимали легендарную кнопку «Пуск». Темнота дрогнула, где-то внизу забилось пламя, блеснуло на миг из бетонного канала, клубы дыма и пыли закрыли на секунду огнедышащий хвост ракеты. Один из стартовиков писал потом в своих мемуарах: «В этот момент наблюдавшим показалось, что ракета сгорит сейчас на пусковом устройстве, так и не поднявшись». Она не сгорела, она вырвалась из этого горячего облака и полетела вверх, заливая светом ночную степь...

Спутник стартовал 4 октября 1957 года в 22 часа 28 минут по московскому времени.

– Мы радовались, как ребятишки, смеялись и целовались, – вспоминал Бушуев.

Около небольшого домика – одного из пунктов радиотелеметрической информации, ближайшего к стартовой позиции, был установлен автомобильный фургон, в котором

находились радиоприемники, настроенные на частоты передатчиков спутника. В фургоне сидели Лаппо и Грингауз, плотно надвинув на уши головные телефоны. Они ждали. Когда конус обтекателя, под которым спрятан спутник, проходит через атмосферу, он нагревается до 320-350 градусов. А вдруг передатчик перегрелся?! Не должен, а вдруг?! В фургончик все время норовили протиснуться какие-то люди, Грингауз и Лаппо шипели на них, все вокруг кричали: «Тише! Тише!» – и оттого уж совсем ничего не было слышно. Но вдруг, словно поднимаясь из каких-то немых глубин, раздалось далекое, размытое, но с каждой секундой все более громкое, четкое: «Бип-бип-бип...».

Дружное «ура!» покатилось по ночной степи. Неизвестно откуда появившийся Рязанский кричал по телефону Королеву в командный бункер:

– Есть! Есть сигнал!

Данные по скорости в конце активного участка телеметристы принесли минут через пятнадцать. Королев внимательно читал цифровой ряд. Похоже, что спутник состоялся... Но какая там атмосфера, как он будет тормозиться?

Все ждали теперь сообщений с НИПов. Последний, камчатский пункт засек спутник на вполне приличной высоте. Вроде не падает. Теперь всем не терпелось узнать, с какими параметрами он придет с запада. Королев, Рябиков, Келдыш, Глушко, Бармин, Носов, Воскресенский – все потянулись к фургончику радистов. И вот часа через полтора снова:

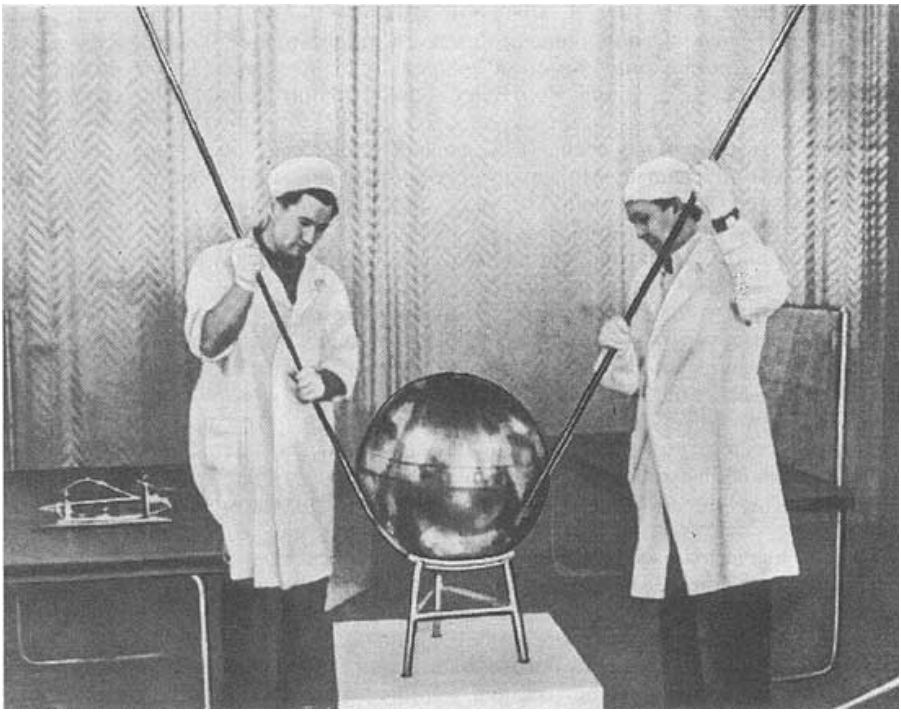
– Бип-бип-бип...

Баллистики подтвердили: орбита высокая – апогей 939 километров, перигей – 215, летать должен долго. (Верные своему давнему правилу «темнить где можно», бдительные чиновники эти цифры в сообщение ТАСС не вставили, отделавшись расплывчатым утверждением, что спутник «будет двигаться на высотах до 900 километров над поверхностью Земли».)

Однако баллистика, как известно, дело темное, и для верности председатель Государственной комиссии Василий Михайлович Рябиков решил дождаться второго витка и тогда уж звонить в Киев, где находился Хрущев, докладывать. Благо, там глубокая ночь, начальство спит, а докладывать дежурным – никакого удовольствия...

Королев не сразу заметил, как стало уже совсем светло. Наступило первое утро космической эры, в которую вступила Земля. Но она еще не знала об этом.

Монтаж первого искусственного спутника Земли ведут слесари-сборщики опытного завода Юрий Дмитриевич Силаев и Николай Васильевич Селезнев



Вячеслав Иванович Лаппо

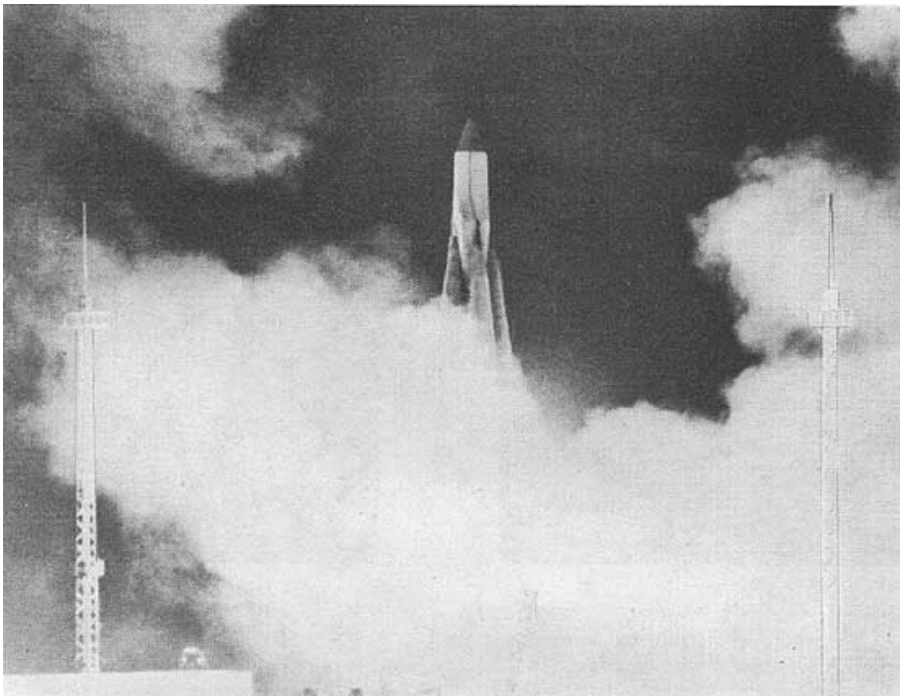
Александр Иванович Носов

Лейтенант-инженер Борис Семенович Чекунов

Лейтенант Виктор Хусинович Алиев, начальник расчета

Лейтенант Анатолий Иванович Кудряшов, участник первых пусков ИСЗ

Запуск первого спутника 4 октября 1957 г., 22 часа 28 минут по московскому времени



Когда то, чего мы очень долго ждем, наконец приходит, оно кажется нам неожиданностью.

Марк Твен

Королеву очень хотелось, чтобы люди поняли важность ими совершенного. На стихийном митинге, забравшись на импровизированную трибуну, Сергей Павлович взволнованно сказал:

– Дорогие товарищи! Сегодня свершилось то, о чем мечтали лучшие умы человечества! Пророческие слова Константина Эдуардовича Циолковского о том, что человечество вечно не останется на Земле, сбылись. Сегодня на околоземную орбиту выведен первый в мире искусственный спутник. С выводом его начался штурм космоса. И первой страной, проложившей дорогу в космическое пространство, явилась наша страна – страна Советов! Разрешите мне поздравить всех вас с этой исторической датой. Разрешите особо поблагодарить всех младших специалистов, техников, инженеров, конструкторов, принимавших участие в подготовке носителя и спутника, за их титанический труд...

В речах и выступлениях Сергей Павлович подчас употреблял слова, которые никогда не произносил в обыденной жизни, вроде вот этого: «титанический», или «дерзновенный». Закончил он свою речь хорошо и просто: «Еще раз большое вам русское спасибо!»

Испытатели нестройно грянули: «Ура!». Слава Лаппо прямо на улице натянул антенну, поставил приемник на полную мощность, и над «площадкой № 2» громко звучало «бип, бип, бип...». Все были возбуждены необычностью совершенной работы и радостной перспективой улететь, наконец, домой. Возбуждение усилилось, когда заместитель Королева Евгений Васильевич Шабаров дал команду начальнику экспедиции (это высший хозяйственный чин) выдать победителям спирт. Чтобы не ходили по несколько раз, Шабаров определил норму: чайник на человека. («Когда я подписывал акты на списание спирта, у меня даже рука устала».) Может быть, именно щедрость Шабарова, сознание, что чайник выпить трудно, привели к тому, что сильно пьяных не было.

Днем, когда НИПы окончательно сформировали орбиту и стало ясно, что спутник будет летать долго, состоялись торжества

в маленьком кинозале. Выступал Рябиков, передал приветствия от руководителей партии и правительства. Потом Королев и Келдыш вновь объясняли значение совершенного и поздравляли с успехом. Вечером на Совете Главных с участием Келдыша решили, что, пожалуй, нужно подготовить толковую статью о спутнике. Дело это поручили Скуридину, он подключил Охоцимского и несколько королевских специалистов.

Уже на ночь глядя полетели в Москву: Королев взял за правило летать на полигон и с полигона только ночью – так он экономил рабочий день. Впрочем, теперь правильнее было бы сказать, что прилетели они на полигон, а улетали уже с космодрома. Правда, названия ему еще не придумали и в сообщении ТАСС о месте, откуда запускался спутник, вообще не было сказано ни слова.

В Ил-14 кто-то еще переговаривался, но большинство, сморенные предыдущей бессонной ночью и шабаровской щедростью, уже подремывали, когда из пилотской кабины вышел любимец Королева командир корабля Толя Есенин и, наклонившись над креслом Главного, сказал громким шепотом, который часто бывает слышнее крика:

– Сергей Павлович, весь мир гудит, на всех языках: «Россия», «Спутник»...

Королев быстро встал, прошел в кабину летчиков. Через некоторое время вернулся задумчиво просветленный:

– Да, товарищи, вы не представляете – весь мир говорит о нашем спутнике... – И добавил с улыбкой: – Кажется, мы действительно наделали много шума...

Первыми в США засекли спутник не могучие средства ПВО, а радиолюбитель Чарльз Титерс и священник Чарльз Вуд из Нью-Джерси. Дежурный редактор «Юнайтед Пресс Интернэйшнл» Генри Торнберри собирался уходить домой, надел пальто и ждал прихода сменщика, когда вдруг «ожил» телетайп ТАСС и побежали строчки о спутнике. Торнберри быстро сообразил, что это великая сенсация, и начал перегонять срочные сообщения в Нью-Йорк. Два часа он работал без устали и совсем запарился, потому что не было времени даже снять пальто.

События в Вашингтоне 5 октября 1957 года вообще напоминали старинные классические сказки с волшебными превращениями. В доме № 1125 по 16-й авеню в нарядном зале для приемов советского посольства в этот день собрались участники совещания по координации запусков исследовательских ракет в период МГГ. Во время приема научного обозревателя «Нью-Йорк таймс» Уолтера Салливэна позвали к телефону. Звонили из редакции, чтобы сообщить:

русские запустили спутник! Салливэн передал новость Ллойду Беркнеру – главному координатору всех исследований по ракетам и спутникам программы МГГ. Беркнер вытаращил глаза и захлопал в ладоши, чтобы привлечь внимание собравшихся. Все умолкли и обернулись.

– Господа! «Нью-Йорк таймс» сообщила о запуске спутника на орбиту высотой 900 километров. Я бы хотел поздравить советских коллег с их достижением...

Советские коллеги, равно как и посольские дипломаты, ничего не знали, и им оставалось лишь таинственно улыбаться и подмигивать американцам – вот, дескать, какой сюрприз мы вам устроили...

Не успел президент Эйзенхауэр прилететь на уикэнд в Геттигсберг, чтобы немного отдохнуть и поиграть в гольф, как тут же телефонный звонок Хегерти, пресс-секретаря Белого дома: «Советы запустили спутник» – возвращает его в Вашингтон...

Только что ушедший в отставку министр обороны Чарльз Вильсон заявил: «Это всего лишь изящный научный фокус...»

Вернер фон Браун раньше других понял, что, увы, это не фокус. Новому министру обороны Макэлрою он сказал пророческие слова: «Ну, теперь в Вашингтоне разразится сущий ад!» Он имел в виду только политический резонанс, но нарушился весь уклад американской жизни: газетная буря уже к 8 октября привела к падению биржевых акций на общую сумму в 4 миллиарда долларов...

Телевизионные пророки утверждали, что стоит русским захотеть, и они разрушат Нью-Йорк немедленно. «Из всех символов мифологии страха, – писал потом американский ученый Герберт Йорк, – спутник был самым драматическим»...

Пастор Клут в Вашингтоне предсказывал конец света...

Американцы оказались неподготовленными к такому событию прежде всего потому, что не хотели к нему готовиться. Они не допускали мысли о том, что Советский Союз может запустить спутник раньше, чем США. Не допускали, несмотря на то, что ЦРУ еще в 1955 году представило Национальному совету безопасности информацию о том, что подготовка к запуску спутника идет в Советском Союзе полным ходом. Это довольно распространенное явление: с одной стороны, правительство вроде бы не жалеет средств для своих разведывательных служб и ни в чем им не отказывает, но, когда службы эти сообщают нечто действительно важное, оправдывающее свое существование, – их никто не желает слушать.

Однако и в Советском Союзе тоже были не подготовлены к явлению спутника. Я имею в виду не «широкие круги

общественности», которые всегда не в курсе того, что они с таким жаром бросаются одобрять или осуждать. В данном случае можно сказать, что не в курсе оказались и те, кто непосредственно этим делом занимался. Общее настроение наших специалистов довольно точно передает в своих воспоминаниях Владимир Павлович Бармин: «Сам спутник до того, как он стал реальностью, вышел на орбиту, моментами казался какой-то невозможной фантастикой. Но это, конечно, только моментами, в целом же каждый из нас делал свое дело и видел весь запуск как сумму отлаженных операций, которые непременно должны сработать. Куда же он денется, этот спутник? Конечно же полетит...»

Да, для людей, собравшихся в начале октября 1957 года на «площадке № 2», это была, прежде всего «сумма отлаженных операций». Подняться над «отлаженными операциями» они не могли не только в силу своей инженерной заземленности, но и по причине отсутствия каких-либо аналогов, – ничего похожего никогда не было. Многие годы они запускали разные ракеты – большие и маленькие, пуски эти имели, разумеется, какой-то общественный и даже международный резонанс. И полет ракеты со спутником тоже будет, конечно, иметь резонанс, наверняка больший, поскольку это все-таки не просто запуск, а запуск, выражаясь словами генерала Вильсона, с «научным фокусом». Однако ни Королев, быть может, единственный, кто в полной мере мог оценить масштаб события, ни увлеченный чисто научной задачей Келдыш, ни радостный Тихонравов, очень довольный тем, что давние его расчеты воплотились в реальную работу, ни чиновники из ЦК и Совмина, которые более всего думали о том, как заслужить похвалу – нет, не за феноменальный эксперимент, а за обгон американцев – ведь Хрущев обожал обгонять американцев, – никто никогда не предполагал, что запуск спутника произведет такой переворот в умах всего населения планеты. К такой реакции мира совершенно не были готовы и наши идеологи, возглавляющие средства массовой информации. 5 октября, когда весь мир действительно гудел, взбудораженный эпохальным событием, «Правда» вышла с передовой статьей «Подготовка к зиме – дело неотложное». Само сообщение ТАСС о запуске спутника отличалось такой скромностью газетной «подачи», какая заставляет думать, что и газетчики тоже ничего не поняли. И понять значение того, что свершилось, через некоторое время заставил их, прежде всего мир, а не Королев, Келдыш, Суслов или Хрущев.

Потом об этой октябрьской ночи будут написаны тысячи статей, целые библиотеки книг, будут сочинены стихи о спутнике,

сложены песни, а американский моряк Роберт Венутти попадет на страницы популярных журналов как изобретатель прически «sputnik» – четыре облитые лаком пряди торчали, как сосульки, на бритой голове. Старт 4 октября долгие годы будет анализироваться со всех сторон: научной, технической, исторической, политической. Он заставит по-новому взглянуть на многие проблемы нашего века, начиная с ревизии высшей школы и кончая доктринами мирного сосуществования разных политических систем на одной планете. Американская газета «Вашингтон ивнинг стар» комментировала запуск первого спутника с беспощадным лаконизмом: «Эра самоуверенности кончилась». Французский журнал «Пари-матч» констатировал: «Рухнула догма о техническом превосходстве Соединенных Штатов».

Да, о политике, первенстве в экономике, новом оружии говорили больше всего, и лишь немногим открылась вся философская, мировоззренческая глубина этого события, которое именно потому, что было воистину великим, вмещалось в одну короткую фразу: «Впервые на Земле нечто, подброшенное вверх, не упало». Все последующее в жизни Королева и его преемников: лунники, гагаринский триумф, межпланетные полеты; все, свидетелями чего мы стали после смерти Сергея Павловича: высадка на Луну, гигантские орбитальные станции и полет за пределы Солнечной системы; все, свидетелями чего станут наши дети и внуки: марсианская экспедиция землян, лунная индустрия и создание солнечной энергетики в околоземном пространстве – все это уже вторично и является по сути своей лишь усложненным, технически более совершенным вариантом того, что произошло 4 октября. Поняли это не сразу, но и не сразу поняли не все...

После возвращения в Москву Королев был принят Хрущевым. Беседа была совершенно непринужденной. В благодушном настроении Никита Сергеевич был очень милым, веселым человеком, общение с которым доставляло истинное удовольствие, но в гневе зверел, становился неуправляем и дик. Сейчас, начитавшись правительственных вестников ТАСС и радиоперехватов, с восторгами по поводу спутника, Хрущев был очень оживлен, разглядывая Королева своими умными лукавыми глазками, говорил откровенно:

– Когда вы нам писали о спутнике, мы вам не верили. Думали, это так, фантазирует Королев, хвастается, да... Но теперь другое дело... Близится годовщина Октября, Сергей Павлович, сорок лет Советской власти как-никак, да... Хотелось бы что-нибудь к празднику, а?

– Например, спутник, который бы вместо сигналов передавал «Интернационал», – подсказал сидевший рядом Анастас Иванович Микоян.

– Ну что ты со своим «Интернационалом», – одернул его Хрущев, – что это тебе – шарманка, что ли?..

– А что, если запустить спутник с живым существом, с собакой? – предложил Королев с таким выражением лица, будто идея эта только сейчас его осенила.

– С собакой? – встрепенулся Хрущев. – А что? Здорово! Представляешь, Анастас, собака в космосе, а? Это годится! Давайте собаку! Но к празднику! Договорились, Сергей Павлович, а? Можете просить все, что хотите, но к празднику, договорились? – Хрущев расхохотался.

– Будем стараться, Никита Сергеевич, – улыбнулся Королев.

Королев как хороший инженер знал, что сделать и запустить спутник с собакой за месяц – невозможно, даже если люди будут весь месяц работать круглосуточно. Но он знал, что сделать его придется, и он его сделает.

Над простейшим моим вопросом, когда же врачи начали работу по подготовке полета человека в космос, профессор Яздовский задержался неожиданно долго. Потом ответил:

– Думаю, что подготовка к полету Юры началась примерно за 12 лет до его старта...

12 лет... Гжатский школьник Юраша (так называла его мама) Гагарин не мог знать, сколь важное для него совещание состоялось в красивом особняке на Ленинском проспекте Москвы. В кабинете президента Академии наук СССР Сергея Ивановича Вавилова сидели Сергей Павлович Королев и Владимир Иванович Яздовский. Сначала говорили в основном Вавилов с Королевым – о развитии нынешней ракетной техники: до каких высот уже возможно добраться, о том, какую аппаратуру в первую очередь надо поднять в стратосферу и как ее оттуда вернуть.

Вавилов давно интересовался небом. Конечно, интересы у них с Королевым были разные. Вавилову хотелось узнать, что там, в стратосфере и выше, есть и чего нет, понять природу в общем-то тончайшего в межпланетных масштабах слоя вещества на границе Земли и космоса, а если быть уж совсем точным, более всего интересовали его – одного из крупнейших в мире специалистов – оптические свойства этого слоя. У Королева была другая цель. Королеву хотелось там летать. Но эти интересы были связаны, даже закольцованы: нельзя было понять природу стратосферы, не попав туда, и нельзя было попасть туда, не узнав этой природы. Требовалось совместное последовательное движение вперед. Это хорошо понимал и президент, и Главный конструктор.

– А вас, Владимир Иванович, мы просим возглавить биологические исследования, – Вавилов обернулся к Яздовскому. – Вероятно, вам понадобится помощь различных учреждений биологического и медицинского профиля. Андрей Николаевич Туполев рассказывал, что вы хорошо умеете организовывать исследования как раз в условиях реального полета. Подберите людей, заказывайте аппаратуру. В средствах обещаю особенно вас не стеснять. И давайте начинать...

Сергей Иванович неторопливо проводил гостей до приемной. Он никогда никуда не торопился, а потому никогда не опаздывал и успевал сделать больше людей торопящихся.

Когда происходила эта встреча, Яздовскому было 36 лет. К этому времени он, старший сын бывшего коллежского асессора ашхабадского таможенного чиновника VIII класса, не без труда (сын служащего) поступил, а затем накануне войны со Сталинской стипендией закончил Ташкентский мединститут и всю войну – «от звонка до звонка» – прошел вместе с летчиками 4-го Украинского и Прибалтийского фронтов дивизионным врачом. И после войны, не сняв погон, переведен был в Москву, в Институт авиационной медицины. Работал очень напористо, участвовал в испытаниях разной авиационной техники и был замечен Туполевым. Андрей Николаевич и свел его с Королевым.

Начав еще с времен Фау-2 осуществление научной программы физиков (см. главу 45), Королев параллельно проводил и биологические пуски. Профессор В.Н.Чернов, доктор медицинских наук В.И.Яковлев и их сотрудники первые биологические исследования на ракетах начали еще в 1949 году. В декабре следующего года эта программа обсуждалась на совместной сессии АН и АМН СССР. Возник спор: кого пускать? Одни предлагали начинать с мышей, крыс и другой лабораторной мелочи (бедные мухи дрозофилы, вся вина которых заключалась в быстром размножении, что позволяло скорее проследить за передачей наследственной информации, были тогда изгнаны отовсюду Т.Д. Лысенко и его единомышленниками, и даже вспоминать о них считалось научным хулиганством), другие настаивали на опытах с собаками. Бесспорно были хороши обезьяны – как никак «ближайшие родственники» человека, но обезьяны трудно поддаются дрессировке, склонны к простудам и разным хворям, начинают очень волноваться в непривычных условиях, могут датчики с себя сорвать. Тогда на сессии кинологи (так по-ученому называют собачников) во главе с директором Института авиационной медицины Алексеем Васильевичем Покровским и Владимиром Ивановичем Яздовским в спорах этих победили. Поддержал их и академик Анатолий Аркадьевич

Благонравов, которого Вавилов, никогда ничего не забывающий, рекомендовал председателем Государственной комиссии по организации и проведению полетов животных на ракетах. К работе этой со стороны Академии наук были привлечены также Н.М.Сисакян (будущий академик и ученый секретарь АН СССР) и В.Н.Черниговский (тоже будущий академик и хозяин павловских Колтушей).

Королев, прекрасно понимающий, как важны для его перспективных разработок эти эксперименты, торопил медиков, интересовался, нашли ли нужных собак и как их собираются тренировать. Яздовский делился с ним своими заботами. Ведь дело-то действительно было непростое. Ракетчики просили, чтобы собаки были небольшие, килограммов по шесть-семь. Маленькие собаки чаще всего – домашние животные, довольно изнеженные, прихотливые к пище. В этом смысле обыкновенная дворняжка имела преимущества перед болонками, тойтерьерами или таксами. Дворняжки были не глупее, но заведомо выносливее. Из «дворян» предпочитали выбирать самок – к ним легче было приспособить ассенизационное устройство.

Требовался отбор и по масти. Предпочтение отдавалось беленьким сучкам – это была просьба специалистов по кино-, фото– и телеаппаратуре. Из светленьких потом отбирали по здоровью, нраву, реакциям. Решено было запускать по две собаки в одном контейнере: реакция одной могла быть чисто индивидуальной, а результаты хотелось получить наиболее объективные. Стали подбирать животных, наиболее совместимых по нраву. После всех этих многоразовых просеиваний, обмеров, взвешиваний, пытливых наблюдений во время, казалось бы, невинных прогулок на каждого четвероногого кандидата в стратонавты завели карту и только тогда приступили к тренировкам: держали в барокамерах, крутили на центрифугах, трясли на вибростендах. Началась истинно «собачья» жизнь, одна отрада – кормили хорошо. Королев прислал в Институт авиационной медицины настоящий ракетный контейнер, и теперь надо было добиться главного: посаженная в него собака должна была чувствовать себя как дома – все вокруг привычно, никаких поводов к волнению нет.

В середине июня 1951 года Яздовский, Покровский, их помощники – Виталий Иванович Попов и Александр Дмитриевич Серяпин – с целой псарней дворняжек прибыли в Капустин Яр. В одном письме к Нине Ивановне Королев писал, что гулял с Дезиком и Цыганом – двумя «космическими» собачками. Их старт состоялся ранним утром 22 июня 1951 года. Впервые в истории крупные животные поднялись на ракете на высоту около 100

километров. И примерно минут через 15 плавно опустились на парашюте неподалеку от стартовой площадки. И хотя договаривались заранее: «Товарищи! Важнейший эксперимент! После приземления все остаются на местах, к контейнеру допускаются только врачи!», хотя договаривались многократно и все высокие начальники из разных министерств и академий сами убежденно кивали при этом головами, эти же начальники первыми все соглашения и нарушили, благо у них были автомобили. Столь велико было это искреннее, по-человечески понятное и простительное нетерпение людей, желавших убедиться: все хорошо, живы эти дворняжки, не зря ночей не спали, что и осудить их за нарушение договора у медиков рука не поднялась. Окружив контейнер плотным кольцом, заглядывали в иллюминатор и кричали радостно: «Живы! Живы! Лают!..»

Попов и Серяпин открыли люк, отсоединили штекеры системы регистрации физиологических функций и параметров среды, выключили регенераторы воздуха и, наконец, вытащили Дезика и Цыгана. Собаки весело забегали, ласкались к врачам.

– Условно-рефлекторные связи сохранились, – сказал кто-то из физиологов за спиной Королева.

«Черт с ними, со связями, потом разберемся, – подумал он. – Пока важно, что живы. Живы!..»

По плану намечено было провести шесть пусков. Не все шло удачно. Полетевший вторично Дезик и его напарница Лиса погибли во время второго полета. В результате вибраций что-то сломалось в барореле и оно не ввело парашютную систему. Контейнер разбился при ударе о землю. Королев очень горевал. Благонравов приказал Цыгана – напарника Дезика по первому полету – больше не запускать, а когда в начале сентября уезжали в Москву, забрал его к себе домой. Я видел Цыгана в квартире Анатолия Аркадьевича на Садово-Спасской, но не знал, какой он знаменитый, и, помню еще подумал: где же это академик откопал такого беспородного пса?..

В то лето погибли четыре собаки. Несовершенство техники погубило их. Жалко – добрые, славные псы. А что делать? Ведь надо же было пройти этот этап. Не людьми же рисковать. Погибая, собаки спасали человеческие жизни. За это академик Павлов поставил им памятник. Тем, которые погибали в его лабораториях. И этим – разведчикам стратосферы. И будущим, которые не вернутся из космоса...

Случались на полигоне и курьезы. Пес Смелый не оправдал клички: сумел открыть клетку и удрал в степь. Его искали, не нашли и решили срочно готовить ему замену, но тут он сам пришел «с повинной». Перед последним пуском буквально за

считанные часы до старта вырвался и убежал Рожок. Яздовский был в полной панике, но вдруг его осенило: в ракету посадили ЗИБа – Запасного Исчезнувшего Бобика. А на самом деле был он никакой не запасной, а обычный уличный пес, ни о каком полете в стратосферу не помышлявший, тренировок не ведавший, эдакий баловень случая: слетал и баста! И ведь отлично слетал, все его хвалили потом, и ласкали, и кормили разной вкуснятиной. В таком вынужденном эксперименте открылся свой смысл: значит, и неподготовленная собака может справиться со всеми этими стрессами без особого труда...

Старты 1951 года были началом обширной многолетней программы. Наряду с собаками в экспериментах использовались мыши, крысы, морские свинки, «реабилитированные» мухи-дрозофилы, бактерии, фаги, тканиевые препараты. Кроме того, грибы, семена и проростки пшеницы, гороха, кукурузы, лука и других растений. Что же касается собак, то в 1953-1956 годах они летали в специально сконструированных скафандрах и катапультировались в них на высоте около 80 километров. Параллельно совершенствовалась конструкция герметических кабин, росла высота подъема ракет: от 100 километров к 200 и выше – к 450. Стало уже более или менее ясно, что шумы и вибрации лежат в пределах вполне переносимых, тем более если время действия их измеряется всего несколькими минутами, что перегрузки можно перехитрить, т.е. проблема эта тоже решаемая. Но невесомость... Продолжительность невесомости во время ракетных пусков на большие высоты достигала уже девяти минут. Однако в космическом полете счет пойдет уже не на минуты, а на часы и дни (сегодня – месяцы, завтра – годы, послезавтра – десятилетия). Что таит в себе длительная невесомость? Вертикальные старты не могли ответить на этот вопрос. Поэтому биоспутник планировался Королевым в числе самых первых.

Идея посылки собаки в космос накануне 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции невероятно увлекла Никиту Сергеевича Хрущева, ни на день не забывал он об этой собаке и правой своей руке – второму человеку в государстве – Фролу Романовичу Козлову приказал докладывать ему постоянно о ходе дела.

Уже на следующий день после разговора Хрущева с Королевым Козлов собрал широкое совещание: Рябиков, Пашков, Мрыкин и многие ведущие технари: Королев, Пилюгин, Рязанский, Бармин, телеметрист Богомолов, Бушуев, на которого Королев наваливал теперь в ОКБ всю космическую программу.

Сергей Павлович предложил для ускорения работы упростить конструкцию, не отделять контейнер с собакой от ракеты.

– Кроме простоты, – сказал Главный, – это позволит нам отводить часть тепла по металлу конструкции и поможет предохранить животное от перегрева… Все согласились, что так и следует сделать.

– Только к празднику надо успеть обязательно, – очень серьезно сказал Фрол Романович, которому было совершенно безразлично, как будут отводить тепло, и который готов был вообще его не отводить, лишь бы поспеть к назначенному Хрущевым сроку. Он представил себе на миг, что запуск не состоится, представил себе горящее гневом лицо Никиты и повторил: – К празднику надо успеть обязательно, – горестная складка на лбу выдавала его озабоченность.

Все закивали тоже с очень серьезными лицами…

Биоспутник делался не на пустом месте. Обдумывали его давно. Был опыт по созданию собачьих контейнеров и регистрирующей аппаратуры. Королев сразу сообразил, что для нового спутника можно использовать штампы, на которых делали полусферы для ПС. Просто теперь между этими полусферами надо сделать цилиндрическую вставку. Вот вам уже выигрыш во времени, и немалый. Яздовский утверждал, что у него в институте уже есть оттренированные собаки. Контейнер и всю систему жизнеобеспечения для них делали в КБ Семена Михайловича Алексеева, специалиста по высотным (космических тогда не было) скафандрам, – того самого, который устроил в 1944 году зеку Королеву поездку в город Горький. В СКВ «Биофизприбор» в Ленинграде придумали «космическую кормушку» для собаки. Сигналы с датчиков на теле животного преобразовывались и передавались по радио с помощью аппаратуры, созданной в лаборатории МЭИ, которой руководил Алексей Федорович Богомолов. Конечно, Королев был душой всего дела, вокруг него, как планеты вокруг светила, вращались все эти и многие другие смежники. Каждый день Королев докладывал о ходе работ Рябикову, тот – Козлову, Козлов – Хрущеву. Многоступенчатость позволяла очень многим людям, конкретно делом не занятым, демонстрировать свою к нему причастность. В случае успеха похвалы и награды не могли их миновать, а в случае неудачи легко было доказать свою невиновность. Кроме того, многоступенчатость в целом создавала иллюзию слаженно работающего совершенного механизма, в то время как на самом деле в механизме этом было полно паразитных шестеренок, только замедляющих движение, увеличивающих потери на трение, а подчас создающих ненужный перегрев…

Позднее Сергей Павлович говорил, что месяц между

запусками первого и второго спутников был счастливейшим временем его жизни. Мечты молодости, знания зрелости – все, что копилось в нем долгие годы, воплощалось теперь в реальные дела в течение считанных дней. Он испытывал чувство того полного счастья творчества, выше которого вряд ли что есть и пережить которое дано, увы, не каждому.

Месяц он практически не спал – так, урывками. Так же работали и его ближайшие помощники. Однажды Королев спросил Хомякова:

– Ты что, домой уходишь?

– Да.

– Давай сделаем так. Бери мою машину, поезжай к жене, скажи «отправляют в командировку», а сам возвращайся в цех!

Когда Королев давал Хрущеву обещание порадовать советский народ к празднику новым космическим чудом, он понимал, чем он рискует. Однако маленький задел, который как раз и отличает это обещание от авантюры, у Главного конструктора был. Дело в том, что академический «Объект-Д» планировался в трех вариантах. Первый реализовался в нашем третьем спутнике. Второй должен был быть ориентируемым. Третий предусматривал контейнер с подопытным животным. Так что кое-какие идеи и наметки у Королева были, но от идей до металла расстояние колоссальное. Королев не раз преодолевал его и знал, как тягостен этот путь. Поэтому почти весь октябрь 1957 года Сергей Павлович проводит в цеху. Все вопросы решались на месте, сам, своей рукой он исправлял чертежи, впрочем, никто другой без его ведома не имел права сделать это. А решиться просить об этом у Главного и получить такое разрешение «на доработку» было труднее, чем переплыть Волгу в ледостав.

Но что-либо править в чертежах можно было, если эти чертежи существовали. Дело осложнялось тем, что часто чертежей вообще не было. Биоспутник создавался так, как ни один объект ни до него, ни после него не создавался. То, что принято называть технической документацией, сплошь и рядом подменялось какими-то набросками, эскизами и прочими несерьезными бумажками, выверенные годами технологические программы откладывались в сторону, уступая место эмпирике. В эти дни Королев часто забывал, что он Главный конструктор, – он был просто конструктор, мог взять клочок бумаги, нарисовать нечто, подойти к токарю и спросить:

– Понимаешь, что мне нужно?

– Понимаю, – отвечал токарь.

Так рождалась деталь, и никого не интересовало, а куда,

собственно, девалась эта бумажка с желтыми масляными отпечатками пальцев токаря.

Когда делали ПС, Королев особое внимание уделял полировке шарика – зеркальная поверхность должна была уберечь его от перегрева. И сейчас больше всего Королева тоже беспокоил перегрев. Он чувствовал – это «ахиллесова пята» биоспутника. Солнце снаружи, аппаратура и сама собака внутри – все это стремится нагреть. А как охладить? За счет чего? Справятся ли теплоотводящий экран и вентилятор? И сегодня для космической техники эта задача не простая, а тогда?..

26 октября, через 22 дня после запуска первого спутника, Сергей Павлович скоростным самолетом Аэрофлота вылетел в Ташкент, а оттуда сразу на Байконур.

Тем временем в Институте авиационной медицины закончились длившиеся около года работы по подготовке животных. Из десяти собак выбрали трех, очень похожих друг на друга: Альбину, Лайку и Муху. Был еще четвертый – кобель Атом, но он подох во время тренировок. Альбина до этого уже дважды летала на ракете, честно послужила науке. У нее были смешные щенки. Альбину запускать было жалко. Впрочем, всех их было жалко: собака шла на верную гибель. Решили в конце концов, что полетит Лайка, а Альбина будет как бы ее дублером. Муха числилась «технологической собакой». На ней испытывали аппаратуру, работу различных систем. Все эти собаки попадали в институт из питомника, в котором собирали бездомных животных. Лайка, ставшая самой знаменитой в истории собакой, тоже была уличной бродяжкой. В институте заметили; что эти изгои собачьего общества понятливее и неприхотливее других собак и лучше дрессируются, потому что лучше способны оценить человеческую доброту. Впрочем, надо было просто вспомнить чеховскую «Каштанку», чтобы это понять, В питомнике института Лайку считали хорошей собакой. Но не лучшей. Лучших жалели.

– Лайка была славная собачонка, – вспоминал Яздовский. – Тихая, очень спокойная. Перед отлетом на космодром я однажды привез ее домой, показал детям. Они с ней играли. Мне хотелось сделать собаке что-нибудь приятное. Ведь ей жить оставалось совсем недолго.. Сейчас, по прошествии стольких лет, полет Лайки выглядит очень скромным, но ведь это тоже историческое событие. И я хочу назвать людей, которые готовили Лайку к полету, которые вместе с тысячами других людей писали первые страницы истории космонавтики. Имена эти можно разыскать в специальных журналах и книгах, но большинство людей никогда их не слышали. А ведь это несправедливо, согласитесь. Итак, Лайку в полет готовили: Олег Газенко, Абрам Генин, Александр

Серяпин, Армен Гюрджиан, Наталья Козакова, Игорь Балаховский.

Перед отлетом на космодром Яздовский и Газенко оперировали собак. От датчиков частоты дыхания на ребрах провода под кожей шли на холку и там выходили наружу. Участок сонной артерии вывели в кожаный лоскут для регистрации пульса и кровяного давления.

На космодроме Королев встретил собак как желанных гостей. Он сразу предложил медикам занять его домик и там же разместить животных. Медики смущенно отказались, они не ожидали такого почета. Сергей Павлович распорядился, чтобы медикам были созданы все необходимые им условия для работы.

Тренировки собак продолжались и на космодроме буквально до дня старта. На несколько часов каждый день их сажали в контейнер. Собаки сидели спокойно. Они давно уже освоились с кормушкой, которая представляла собой некое подобие пулеметной ленты, составленной из маленьких корытец с желеобразной высококалорийной пищей. В каждом корытце была дневная норма питания. Запас пищи был рассчитан на двадцать дней. Не тяготились они и плотно облегающим тело «лифчиком», который держал мочекалоприемник. Фиксирующие цепочки, которые крепились к «лифчику» и стенкам контейнера, ограничивали свободу движений, но позволяли стоять, сидеть, лежать и даже немного передвигаться вперед-назад.

С утра 31 октября Лайку готовили к посадке в спутник, протирали кожу разбавленным спиртом, места выхода электродов на холке снова смазали йодом. Вошел Королев в белом халате. Смотрел на собаку. Она спокойно лежала на белом столике, вытянув вперед передние лапки и подняв голову, похожая на остроносеньких собак с древних египетских барельефов. Королев осторожно почесал Лайку за ухом. Медики тревожно покосились, но ничего не сказали.

В середине дня Лайку усадили в контейнер, а около часа ночи контейнер подняли на ракету. Медики не отходили от собаки ни на минуту. Стояла уже глубокая осень, и было холодно. К Лайке протянули шланг с теплым воздухом от наземного кондиционера. Потом шланг убрали: надо было закрывать люк. Правда, незадолго перед стартом Яздовскому удалось уговорить Королева разгерметизировать на минутку контейнер, и Серяпин попоил Лайку водой. Вода входила в пищу, но всем казалось, что собаке хочется пить. Просто попить обычной воды.

3 ноября второй спутник ушел в космос. Телеметрия сообщила, что перегрузки старта прижали собаку к лотку контейнера, но она не дергалась. Пульс и частота дыхания повысились в три раза, но электрокардиограммы не показывали

никакой патологии в работе сердца. Потом все постепенно стало приходить в норму. В невесомости собака чувствовала себя нормально, медики отмечали «умеренную двигательную активность». Радостный Яздовский уже докладывал Государственной комиссии: «Жива! Победа!»

А ведь и правда, это была замечательная победа! Собака не просто осталась жива, когда ее подняли в космос, но жила в космосе целую неделю! Она погибла от перегрева на седьмые сутки полета. А спутник кружил еще долго, 2370 раз облетел Землю и только 14 апреля 1958 года, зацепившись, в конце концов, за атмосферу, сгорел, наградив жителей далекого острова Барбадос великолепным зрелищем яркой хвостатой кометы.

Через три дня после старта Лайки курсанту Оренбургского высшего военно-авиационного училища имени И.С.Полбина Юрию Гагарину вручили золотые парадные погоны лейтенанта ВВС. Он был совершенно счастлив, он праздновал в те дни свадьбу, он не думал ни о каком космосе...

И Хрущев тоже был совершенно счастлив: Лайка была на устах всего мира. Какое-то английское общество охраны животных попробовало было пискнуть, что, дескать, собачку-то заморили, но жалкая эта антисоветская выходка бесследно была заглушена всемирными возгласами восхищения. Под сенью двух спутников прошел праздник 40-летия Октября. Ослепительная Лайка, высунувшая несуразно большую голову из несуразно маленького спутника, украшала фронтон Центрального телеграфа на улице Горького, а иллюминация на Центральном телеграфе издавна считалась в столице как бы главной иллюминацией. В Подлипках срочно составлялись наградные списки. В конце года специальным закрытым указом звание Героя Социалистического Труда получили за спутники: Бушуев, Охапкин, Воскресенский и представитель рабочего класса Григорий Маркович Марков – старший мастер 39-го цеха. Хрущеву очень хотелось дать Золотую Звезду и Королеву, но Сергей Павлович получил ее в прошлом году за «Байкал», частить неловко было, и Никита Сергеевич ограничился Ленинской премией, тоже, разумеется, закрытой. 500 сотрудников ОКБ были награждены орденами и медалями.

Перед новым 1958 годом наступил маленький передых. То есть в том смысле, что ночевали регулярно дома и воскресенья, случалось, проводили с женами и детьми. Сейчас дорабатывали первый вариант «Объекта-Д», который из первого превращался теперь в третий спутник.

Более всего Королева в третьем спутнике интересовали солнечные батареи. Первые полеты показали, что даже лучшие аккумуляторы – это не выход. Ясно, что в будущем, когда энергии

потребуется значительно больше, они уже не спасут. Солнечные батареи – это принципиальный шаг вперед. Созданные в Институте источников тока все тем же «главным космическим энергетиком» Николаем Степановичем Лидоренко, батареи эти были, конечно, очень еще слабоваты – их коэффициент полезного действия не превышал четырех процентов. Но ведь других выходов из энергетического тупика нет. Атомный реактор – штука громоздкая, тяжелая и грязная. А КПД, конечно, поползет вверх – это закон прогресса, а Королев в прогресс верил. «Практическая возможность достаточно надежного использования энергии солнечных источников энергопитания для научной аппаратуры и других целей на всех искусственных спутниках представляет исключительно важное значение и во многом определяет условия их создания», – писал в декабре

1957 года «профессор К.Сергеев», – под этим псевдонимом Сергей Павлович скрывался на страницах «Правды» – больше он нигде не печатался – до самой своей смерти.

Работа снова закипела, забурлила сразу после Нового года. Королев собрал всю свою «гвардию» и сказал:

– Теперь надо быстро реализовать первоначальный проект – «Объект-Д». Научные приборы уже готовы. Опыт быстрой работы у нас есть. Давайте и на этот раз откажемся от привычных традиций. Будем работать так: никто никого не ждет. Никакого проекта, чертежей. Проектанты, конструкторы, производственники, технологи – создатели научных приборов перебазируются в цехи и работают все вместе. Проектанты пусть выкладывают свои идеи в присутствии мастеров и рабочих, конструкторы тут же дают эскизы, технологи сразу поправляют их – и в дело...

Одной из центральных проблем, как быстро выяснилось, оказалась проблема герметизации космического аппарата. Создавать, а главное – сохранять ее тогда еще умели плохо. Когда главный инженер Научно-исследовательского вакуумного института Меньшиков приехал по просьбе Королева в ОКБ и увидел конус высотой три с половиной метра с диаметром основания без малого два метра, он пришел в ужас: с такими габаритами вакуумщики никогда не работали.

У Келдыша прошла целая череда совещаний по третьему спутнику. Обсуждали научную программу, строили модели стратосферы, тормошили Лидоренко, чтобы он повысил КПД своих батарей. Королев на заседания ездил, но в спорах не участвовал. Его просили поднять все эти приборы в космос, и он их поднимет, это он сделает, а модели стратосферы – это не я вам, это вы мне их дайте.

Первый пуск многострадального «Объекта-Д» оказался неудачным. 28 апреля 1958 года, едва поднявшись со стартового козырька, ракета со спутником пошла кувырком. Высота была маленькой, и при падении конус сплющился, но, что вызвало всеобщее удивление, не потерял герметичности. Когда открыли лючки, спутник задымил: короткое замыкание проводов привело к пожару, и Ивановский со своими ребятами выпустили в нутро аппарата струи трех огнетушителей.

Это была наша первая космическая неудача. Здесь же начало и длинной цепочки «космической» лжи: об аварийном запуске ничего не сообщили.

Королев не унывал и энергично руководил подготовкой второго экземпляра спутника. Он стартовал без приключений 15 мая 1958 года. В газетах его называли «летающей лабораторией», и, в общем, в этом не было журналистского перехлеста: на спутнике было размещено множество приборов для исследования Солнца, космических лучей, микрометеоритов, строения земной атмосферы и магнитного поля нашей планеты.

В Государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами была организована пресс-конференция, которую открыл председатель Советского комитета по проведению Международного геофизического года, вице-президент Академии наук академик Иван Павлович Бардин, металлург, строитель Магнитки, к ракетной технике никакого отношения не имевший. О спутнике рассказывал член Советского комитета по проведению МГГ Евгений Константинович Федоров, ставший уже членом-корреспондентом АН СССР, геофизик, метеоролог, тоже непосредственно к делам не причастный. Федоров, однако, очень крепко уцепился за космонавтику, понимая ее престижность, был первым человеком на всевозможных пресс-конференциях, где он чаще всего сидел на месте председателя – неизменно важный, с непроницаемым лицом человека, посвященного в великую тайну. Речи его на этих пресс-конференциях отличались удивительным пустословием и нарочитым наукообразием там, где все можно было сказать ясно и просто.

Начиная с первых наших спутников, с рассказами о них самих, их исследованиях и значении этих исследований для науки выступали кто угодно, но не люди, которые эти исследования осуществляли. Среди выступавших были действительно серьезные ученые: Н.П.Барабашов, А.А.Дородницын, В.С.Кулебакин, А.Л.Минц, Н.М.Сисакян, В.И.Сифоров, Л.И.Седов, В.Н.Черниговский, Д.Я.Мартынов, К.П.Станюкович. Некоторые из них что-то знали, другие

приглашались Королевым и Келдышем для разнообразных научных консультаций, но непосредственными реализаторами космических программ они все-таки не были, а потому информация, ими сообщаемая, имела ценность относительную. Когда я, помню, сразу после запуска третьего искусственного спутника попросил академика Л.И.Седова дать интервью для «Комсомольской правды», он согласился, но попросил меня привезти ему только что переданное по телетайпу сообщение ТАСС, поскольку не знал, что, собственно, надо комментировать.

О мере технической осведомленности Леонида Ивановича говорит эпизод, хорошо запомнившийся многим на космодроме. Уже после запуска ПС Королев пригласил Седова на очередной старт, показывал ему МИК и стартовую площадку. Там уже стояла очередная «семерка». Расхаживая вокруг нее, Седов спросил простодушно:

– Сергей Павлович, а где, собственно, спутник?

Королев опешил. Потом присел на корточки, протянул указующий перст к верхушке ракеты и не своим, писклявым голосом запел:

– Во-о-о-он там!

Те же, кто был хоть немного в курсе, например А.А.Благонравов, С.Н.Вернов, были так опутаны подписками о неразглашении государственных секретов, что говорили одни банальности, а потому мало отличались от непосвященных.

То же происходило и с теми, кто действительно имел прямое отношение к космической программе. Именно потому, что они знали дело, цензура к ним была особенно строга. Их статьи были абстрактны, отрешенны, понять, какое отношение имеет сам автор к тому, о чем пишет, было невозможно. Так писали все: «профессор К. Сергеев» (С.П. Королев), «профессор В. Петрович „(В.П.Глушко), „профессор В.Иванченко“ (Б.В.Раушенбах), „М.Михайлов“ (М.С.Рязанский), „Б.Евсеев“ (Б.Е.Черток), «О.Горлов“ (О.Г.Газенко) и другие замаскированные псевдонимами специалисты.

В специальных журналах публиковались статьи о динамических эффектах в движении спутников, возмущениях газовой среды, термодинамических параметрах стратосферы и солнечных корпускулах, но вся эта премудрость была доступна лишь избранным. Насколько все это важно, простые смертные оценить не могли. Из всех сообщений народ сделал для себя три простых и ясных вывода: мы первые полетели в космос, живое существо может там жить, наша ракета самая мощная в мире. Последний вывод был особенно нагляден: вес спутников возрастал стремительно: 83,6(ПС), 508,3 (дом Лайки) и, наконец,

1327 килограммов (летающая лаборатория). Об этом, а не о научных открытиях говорили более всего – это было понятно каждому человеку. А когда американцы запустили, наконец, свой первый маленький спутник, наше бахвальство перешло уже все границы. Хрущев ликовал: более наглядного и убедительного примера обгона США невозможно было придумать.

Королев понимал, что теперь надо сделать что-то принципиально новое и еще более фантастическое. Этим новым будет полет к Луне.

За два часа до старта

М.В.Келдыш, С.П.Королев, В.П.Бармин, А.Ю.Ишлинский, А.С.Кириллов

Н.П.Каманин, С.П.Королев, В.И.Яздовский

На вибростенде

Лайка

Почтовая открытка, выпущенная в 1958 г.

Отчизна! Прогресса и мира звезду
Ты первой зажгла над землею.
Слава науке, слава труду!
Слава советскому строю!

Я воображаю, что мы скоро будем путешествовать в воздушных кораблях и, наконец, откроем путь на Луну...

Джордж Байрон

Как ни хороша была «семерка», в военной среде она популярной не стала. Для подготовки первых ракет на стартовой позиции требовалась неделя. Тщательно проанализировав все подготовительные операции, это время удалось сократить до двух суток, но и такие сроки выходили за рамки существовавших тогда доктрин о нанесении ответного удара потенциальному противнику. Если же держать дежурную ракету на стартовой позиции в заправленном состоянии, жидкий кислород будет испаряться, потребуется постоянная подпитка – это дорого и неудобно. Все более модной в среде военных становилась неуязвимая (как им тогда казалось) стартовая позиция в шахте, но представить себе шахту для «семерки» не могли даже самые отчаянные реформаторы ракетных войск стратегического назначения. Многие военные открыто говорили, что Р-7 – это не боевая машина и принята она была на вооружение лишь в январе 1960 года только потому, что никакой другой ракеты, способной нести водородную бомбу, не было. Однако создатели ядерного оружия день ото дня совершенствовали свои бомбы, делая их все более компактными и легкими, что облегчало работу ракетчиков над новыми боевыми машинами. Тот вес БЧ, под который Малышев заказывал Королеву «семерку», снизился весьма значительно уже к тому моменту, когда «семерка» была готова. Это позволяло еще более укрепиться союзу Королева со средмашем, начало которому положила операция «Байкал». В министерстве на Ордынке в кабинете Ефима Павловича Славского Королев гость не редкий. И сам он приглашает группу ведущих атомщиков во главе с Курчатовым в свое конструкторское бюро и при этом делает все возможное, чтобы с наибольшим эффектом показать свой «товар». Во время визита как бы невзначай сама собой возникла идея экскурсии в сборочный цех, заранее тщательно подготовленный Сергеем Павловичем. Показывал ракеты, спутники, лунники. Курчатов был очень оживлен, все ему нравилось, он задавал вопросы, все время порывался что-то открыть-закрыть, включить-выключить, дивился

четкости работы умных аппаратов, весело, по-хулигански кричал Королеву:

– А ну, давай проверим, если второй раз нажмем, вылезет эта антенна или нет? Смотри-ка, вылезла! Вот это работа! Вот бы у тебя так вставал! – хотя они всегда были на «вы».

Довольно часто Королев сам наезжает к Курчатову в «домик лесника», как называли особняк Игоря Васильевича в Щукино, расположенный прямо на территории «Лаборатории № 2», организованной еще в 1943 году, когда начались работы над атомной бомбой. Курчатов не любил широких совещаний. Беседовали чаще всего с глазу на глаз на втором этаже, присев перед круглым столиком у камина. Королев иногда привозил документы, графики, схемы. Курчатов никаких бумаг дома не хранил: если что-то надо уточнить, вызывал сотрудника 1-го отдела с нужными документами и тут же отправлял их обратно. Во время беседы мог иногда заглянуть в домашнюю книгу для записей. У него была такая толстая книга, исписанная какими-то обрывочными строчками, отдельными словами, цифрами, – никто, кроме него, ничего там понять не мог. Книжку эту то ли для конспирации, то ли из озорства переплел он в обложку с надписью: «Джавахарлал Неру». Наверное, все-таки из озорства: какая уж тут нужна конспирация – за неприступными крепостными стенами института, под неусыпным оком бессменного, никогда не отлучающегося телохранителя Дмитрия Семеновича Переверзева[175].

Иногда Королев приезжал не один. После смерти Сергея Павловича часто публиковалась фотография, снятая во время одной из таких встреч. С легкой руки кого-то из журналистов она называлась «три К»: Королев, Курчатов, Келдыш. Название неточное: на снимке всегда отрезали Василия Павловича Мишина, который стоял рядом с Келдышем… После таких микросовещаний «на высшем уровне» Марина Дмитриевна – жена Игоря Васильевича – устраивала угощение. В отличие от Королева Курчатов любил посидеть за столом и чтобы все честь по чести: коньячок, водочка, сухое винцо – кто что любит, ветчинка, осетринка, икорка, потом чай с пирожными…

– Славно сидим! – громко смеялся Курчатов.

Межконтинентальная ракета с реальной водородной боеголовкой никогда не испытывалась, как испытывалась ракета Р-5 с атомной боеголовкой. Да и испытать ее было невозможно: ведь она должна была вылететь за пределы страны. Первую серийную межконтинентальную Сергей Павлович запустил 17 февраля 1959 года, а с октября, уже после запуска лунников, начинаются периодические испытания сверхдальних ракет в

акваторию Тихого океана. Это производило впечатление. Военные несколько поуспокоились.

Став «космиком», Сергей Павлович ни на один день не переставал быть оружейником, хотелось ему этого или нет. Но, став «космиком», он мог уже по-другому разговаривать с военными, и они это тоже понимали. Прежде других это понял Устинов: спутник был тем мальчиком из сказки, который выпустил джина из бутылки, и никаким Янгелем, никакой другой межконтинентальной ракетой обратно его в бутылку не затолкаешь. Очень часто Королев, решая вопросы непосредственно с Хрущевым или Косыгиным через голову Устинова, давал понять Дмитрию Федоровичу, что он не очень в нем нуждается. Но Королев формально был подчинен Устинову – более благоприятной питательной среды для зарождения и развития всевозможных конфликтов трудно было придумать. Однако, будучи великим реалистом, Сергей Павлович понимал, что Устинов никогда не разрешит ему превратиться только в «космического» конструктора. Союз Устинова и Малиновского – это огромная сила, да и Хрущев, при всем своем увлечении космонавтикой, никогда не противопоставлял ее оборонным проблемам, к которым относился очень серьезно. И, тем не менее, с военными Королев вел себя подчас довольно агрессивно. Он мог, например, позвонить министру обороны Родиону Яковлевичу Малиновскому и сказать:

– Товарищ маршал, вас беспокоит полковник[176] Королев.

Мне известно, что вы подписали и отправили в ЦК бумагу, удостоверяющую положительные качества ракеты Челомея. Одновременно вы критикуете ракету Р-7. Вполне допускаю, что Челомей сделал хорошую ракету. Но на каком основании критикуется наша работа? Разобрались ли ваши товарищи с параметрами Р-7?

– Я считаю, что нашим товарищам можно верить, поскольку… – начал было Малиновский, но Королев тут же перебил его:

– Я прошу вас, пусть те товарищи, которые писали для вас бумагу, приедут ко мне. Мы им все покажем и расскажем. Насколько я знаю, ваша бумага пока находится у референтов. Так вот ее надо отозвать. Тогда мы сможем дальше вести беседу…

И все-таки при всем решительном утверждении своей независимости и технической свободы Королев хорошо ощущал их границы. Он понимал, что должен работать на армию, что столько денег, сколько дает ему армия, не даст никто. Часто приходилось читать о решительности, смелости и бескомпромиссности Главного конструктора. Это справедливо,

когда речь идет о реализации выбранных решений. Однако в самом процессе этого выбора Королев был как раз величайшим мастером компромисса, и, например, в его отношениях с армией после запуска спутника это видно очень четко. Сделать дальнобойную ракету поменьше? Упрятать ее в шахту? Конечно, все это можно. Если армии нужна большая ракета на твердом топливе, которую можно было бы много лет держать на «товсь», не заботясь ни о какой дозаправке, и запустить в любой момент, он готов и об этом подумать.

Уже в начале 1958 года, когда Р-7 еще не запущена в серийное производство, в ОКБ начинается работа над новой межконтинентальной ракетой Р-9. Параллельно небольшая группа специалистов под руководством Игоря Николаевича Садовского ведет исследования по совершенно незнакомой Королеву тематике: большой ракете на твердом топливе, впоследствии ставшей известной как 98-я машина. Но наряду с этим именно начало 1958 года – время развертывания наступления Королева на «лунном фронте».

Луна. Задуманное предельно ясно и конкретно: достичь Луны! Можно ли сформулировать программу короче?

16 июня 1920 года пионер французской ракетной техники Робер Эсно-Пельтри написал американцу Роберту Годдарду письмо, в котором обратил его внимание на то, как было бы интересно послать ракету с фотоаппаратом вокруг Луны и сфотографировать ее невидимую сторону. Сережа Королев в это время учится в Одесской стройпрофшколе. Роберт Годдард объявил, что 4 июля 1924 года он запустит ракету на Луну. Накануне – 3 июля – Сережа Королев защитил в Обществе друзей воздушного флота свой первый в жизни проект – планер К-5. Годдард ракету на Луну не послал. Неужели он действительно думал, что сможет это сделать? Или трюк рекламный? Через десять лет американский журнал «Сайнтифик Америкен» писал: «Одна из главных причин, сдерживающих попытки изобретателей построить ракету для запуска на Луну, заключается в колоссальном объеме работ». Тогда, в 1934-м, Сергей Павлович заканчивал книжку «Ракетный полет в стратосфере» и ясно представлял себе этот «колоссальный объем работ». Даже через десять лет после анонсов Годдарда лунную ракету еще нельзя было построить. Но теперь-то он действительно может послать ракету на Луну! И как это интересно – сделать некий аппарат для Луны! Как это увлечет его ребят в ОКБ, ведь у него замечательные ребята! Это можно, можно сделать! Если нарастить «семерку» еще одной ступенью, то, по расчетам, ее можно разогнать до второй космической скорости[177] и уйти к Луне.

Дотронуться до Луны! Сфотографировать лунный затылок – невидимую нам часть Луны, ведь она всегда обращена к Земле одной стороной. Вот это была бы уже настоящая космонавтика!

Устинову Луна не нужна, Королев ищет сильного союзника и находит его в лице Келдыша. При всей своей внешней сухости и холодности Мстислав Всеволодович был в душе натурой романтической. Фантазии Королева ему нравились. Келдыш и Королев отправляют 28 января 1958 года в ЦК письмо, в котором рассказывают о своих идеях и формулируют два главных пункта лунной программы:

«1. Попадание в видимую поверхность Луны. При достижении поверхности Луны производится взрыв, который можно наблюдать с Земли. Один или несколько первых пусков могут быть осуществлены без взрыва с телеметрической аппаратурой, позволяющей производить регистрацию движения ракеты к Луне и установить факт ее попадания.

2. Облет Луны с фотографированием ее обратной стороны и передачей изображения на Землю. Передачу на Землю предполагается осуществить с помощью телевизионной аппаратуры при сближении ракеты с Землей...»

Далее в письме перечислялись десять технических проблем, которые надо решить для осуществления этой программы, и, как всегда в подобных письмах, – просьбы по организации новых исследовательских центров и подключении к непосредственной работе уже существующих.

Как и в случае с первым спутником, инициатива шла снизу вверх и забота партии и правительства, которой, как писали газеты постоянно, окружена советская космонавтика, заключалась главным образом в том, чтобы не мешать и финансировать.

Лунная программа Королева, как и первый спутник, тоже обладала достоинством, превыше всего ценимым тогда в Кремле: она вновь позволяла обогнать американцев! Хотя в письме Королева и Келдыша ничего не было сказано о планах США, то, что янки готовятся послать ракету на Луну, Хрущев знал – об этом Сергей Павлович побеспокоился. А тут мы снова будем первыми!

Все эти ура-патриотические статьи и телепередачи о нашем неотвратимом, неоспоримом и самой политической системой предопределенном первенстве в космосе в какой-то степени увлекли и Сергея Павловича. Человек честолюбивый, он всегда хотел быть первым. В Германии говорил: «Мы этому фонбраунишке еще нос натянем...» И натянул. «Американы» – как хвастали спутником, но и их обогнал! В этом пункте он был абсолютно солидарен с Хрущевым, который искренне верил, что

очень скоро он обгонит американцев не только по ракетам и спутникам, но и по молоку, мясу, кукурузе, да что там перечислять – по всем статьям! Логика Никиты Сергеевича была проста и формально безупречна: раз Советский Союз не уступает Соединенным Штатам ни по своим природным богатствам, ни по своим людским резервам, да к тому же на свое счастье обладает самой совершенной политической системой, он должен обогнать Америку и обгонит ее! Королев с его ракетами тому прекрасное подтверждение! Человек увлекающийся, Хрущев видит в Королеве проводника своих идей, который ярко, для всех понятно демонстрирует преимущества советского строя и укрепляет в людях уверенность в реальности фантастических программ. Королев обласкан Никитой Сергеевичем. Это вовсе не значит, что сам Хрущев благодетельствует ему, не это важно. Важно, чтобы другие знали, что он обласкан.

В сентябре 1958 года «за выдающиеся заслуги в области межпланетных сообщений» (которых пока еще нет! – *Я.Г.*) Академия наук награждает Королева золотой медалью имени Циолковского. Он считает это решение неверным и добивается присуждения той же медали Глушко и Пилюгину. Понимает, как болезненно может воспринять Валентин Петрович Глушко его индивидуальное награждение, так стоит ли по таким пустякам обострять отношения?!

Весной 1958 года Сергей Павлович выдвигается, а летом избирается действительным членом Академии наук СССР.

Тогда же Королев получает квартиру неподалеку от театра Советской Армии, принимается решение о строительстве для него особняка в Останкино.

Королев сам ни о чем не хлопочет, все идет само собой, потому что «так надо!».

В Подлипках проектанты тем временем предлагали Королеву различные варианты спутников, убеждали, что это будет нечто еще неизвестное, но Королев был холоден: хотелось не количественно, а качественно нового. Борис Викторович Раушенбах подтверждает, что Королев очень не любил топтаться на месте, выжимать из конструкции все, что она может дать, всегда стремился идти дальше. Анатолий Семенович Кириллов, который на долгие годы после гибели Евгения Ильича Осташова и Александра Ивановича Носова станет «стреляющим» космических ракет, напротив, убеждал меня, что Королев забросил спутники ради Луны вовсе не потому, что ему было скучно повторяться, – новые спутники он все-таки строил, – а потому, что и на спутники, и на лунники у него просто не хватало сил.

Это тоже верно: после запуска третьего спутника в цехах

опытного производства стояли четвертый, пятый и шестой спутники, которые так никогда и не полетели.

Доподлинно известно только одно: в конце 50-х годов Королев очень увлечен лунной программой и планами полетов к ближайшим планетам. Он хочет сохранить в людях своего ОКБ тот вдохновенный порыв, ту подлинную творческую приподнятость, которыми отмечены были первые космические старты. Первое совещание по лунникам Главный провел своеобразно.

– Товарищи! – сказал он, когда все расселись в ожидании доклада и прений. – Мы получили задание: доставить герб Советского Союза на Луну! Срок – два года. Совещание объявляю закрытым.

Первый, более простой спутник должен был просто достичь Луны. Прикидочные баллистические расчеты, сделанные в отделе Лаврова, показывали, что это вроде бы не так трудно. Тем временем у Келдыша появился новый «мальчик» – Сева Егоров[178], который по собственной инициативе взялся за расчеты лунника и доказал, что Лавров радовался рано. Все лежит в пределах вполне достижимых, если запускать лунник с экватора, но ведь задача-то не плоская – космодром-то не на экваторе! А поэтому требования к точности должны быть намного выше. Даже так можно сказать: до сих пор требований таких ракетная техника не знала. Запаздывание старта на десять секунд – это разброс на 200 километров. Ошибка в скорости на один метр в секунду, т.е. на сотую долю процента, это еще 250 километров, а если направление полета сдвинуть на одну угловую минуту, величину практически невидимую, глазу недоступную, – еще 200 километров. А если и то, и другое, и третье, это же получается стрельба по воробью из самолета.

Но, допустим, все сработало как надо, и все требования баллистиков выполнены, и в Луну попали. Однако же надо еще доказать, что попали. Лунник ни в какой телескоп не разглядишь. И даже тепловой взрыв при ударе о Луну, о котором упоминалось в программе, как выяснилось вскоре, на расстоянии в 400 тысяч километров тоже наблюдать вряд ли удастся. Нашлись горячие головы, которые предлагали установить на луннике ядерный заряд. Королеву идея эта не нравилась. Да, конечно, Луна – мертвое небесное тело, но начинать ее исследования с атомной бомбардировки... – был в этом какой-то нехороший привкус. Завтра туда люди полетят, а там радиация! Спасибо академику Зельдовичу, он довольно популярно объяснил, что, поскольку атмосферы на Луне нет, светиться при атомном взрыве нечему, а потому он тоже виден не будет.

Наиболее простой и верный способ убедиться в том, что аппарат достиг Луны, это поместить в нем надежный и достаточно мощный радиопередатчик. Если в расчетное время его сигнал резко оборвется, значит, он ударился о Луну. Правда, сигнал этот надо было еще поймать, отделить от земных радиопомех, а для этого нужны хорошие антенны. Королев узнал, что у ФИАНа в Симеизе есть нечто подходящее. Там работает доктор Северный, который «выслушивает» Солнце. Надо послать к нему людей и попросить Рязанского тоже подключиться к этим делам... Да, сил у него на все действительно не хватало. Когда началась работа над дополнительной ступенью – блоком «И», как называли его в ОКБ, Королев понял, что надо искать новых помощников. Так возник союз: Королев-Косберг.

Самое интересное, что Семен Ариевич Косберг ни о каком союзе не помышлял, космонавтикой не увлекался и вообще был вполне удовлетворен своей авиационно-моторной жизнью. Он был на три года старше Королева и к моменту пусков первых баллистических ракет уже давно руководил большим конструкторским бюро авиационных двигателей, прочно стоял на ногах и дело свое любил.

Косберг был человек крепкий, жизнью не избалованный. Он родился в большой (девять детей) еврейской семье в белорусском городке Слуцке. Несмотря на немалые финансовые затруднения, два года проучился в коммерческом училище, но потом перешел в кузницу: надо было помогать отцу. После армейской службы слесарил на фабрике имени Халтурина в Ленинграде, упорно стремился учиться. Поступил в Ленинградский политех, а оканчивал Московский авиационный. В 1931 году он пришел в Институт авиационного моторостроения, а через девять лет уже стал руководителем крупного КБ. Приказ о назначении его Главным конструктором датирован 17 октября 1941 года – в критические дни прорыва фашистов к Москве. Война – время предельного перенапряжения всех его сил. Человек жесткий, очень требовательный, он стал одним из тех генералов тыла, которые исключили из служебной терминологии слова: могу – не могу, получается – не получается, успею – не успею, оставив только одно слово: надо! Сталин ценил Косберга, знал, что он не подведет.

После войны Семен Ариевич работает в тесном контакте с ведущими конструкторами авиадвигателей: А.А.Микулиным, А.Д.Швецовым, В.А.Добрыниным, В.Я.Климовым, С.Д.Колосовым. Он строит опытные реактивные двигатели для самолетов А.И.Микояна и А.С.Яковлева. Короче, как говорится, у Косберга – своя компания, у Королева – своя. Но вот в 1956 году Косберг в

своем Воронеже создает два авиационных жидкостных ракетных двигателя, которые могли включаться и выключаться в полете по несколько раз. Отчет по испытаниям этих двигателей попался на глаза Королеву, и он понял, что их автор как раз тот человек, который ему нужен. Они встретились и... И Косберг, совершенно неожиданно для всех, знавших его, переключился вдруг на ракетно-космическую тематику. В тесном контакте с ОКБ Королева и, прежде всего с отделом ЖРД, которым руководил Михаил Васильевич Мельников, уже начавший работу над двигателем блока «И», Косберг в невиданно короткие сроки – девять месяцев! – двигатель этот сдает на испытания. Это был первый наш ракетный кислородно-керосиновый двигатель, который должен был запускаться не на Земле, и даже не в небе, а выше неба – практически в вакууме. Он предназначался для лунного блока «И», для гагаринского блока «Е», а позднее, уже в середине 60-х годов, для второй и третьей ступеней большой ракеты Владимира Николаевича Челомея УР-500, названной потом «Протоном». Косберг проработал в космонавтике менее семи лет и сделал очень много. Трагическая гибель его ошеломила» всех, настолько неожиданной, противоестественной для этого переполненного энергией человека она была. Семен Ариевич получил смертельные ранения в автомобильной катастрофе. Прилетевшая бригада московских реаниматоров работала всю ночь, но ничего не могла сделать. 3 января 1965 года Косберг умер.

Технические новинки Косберга очень интересны для специалиста. Но не менее, мне кажется, интересна его мгновенная трансформация из авиационника в ракетчика. Много бы я отдал за возможность послушать, о чем, а главное как говорил Королев с Косбергом во время их встречи в Подлипках 10 февраля 1958 года, каким образом удалось Сергею Павловичу «соблазнить» Семена Ариевича, какие сладкие песни пел ему Королев, какие завлекательные картины рисовал, чем прельщал и как сумел-таки столь стремительно обратить в свою веру. Как интересно было бы все это понаблюдать! Думаю, Луна помогала Королеву. Да и то сказать, как же может не прельстить всякого талантливого инженера и творческого человека предложение слетать на Луну?! Уверен, что Сергей Павлович рассказывал Семену Ариевичу о Луне. Не мог не рассказывать! Это было бы противоестественно для него.

К концу 1958 года сделано было уже так много, что теперь не пустить ракету на Луну было бы труднее, чем пустить. Тем болезненнее и раздраженнее переживал Сергей Павлович новые неприятности, которые уготовила ему строптивая «семерка».

Попытки запустить лунник во втором полугодии 1958 года терпят неудачи из-за отказа ракеты-носителя на активном участке полета. Больше всего бесило Королева то, что отказы эти были возвращением к старому, уже пройденному. Когда Всеволод Иванович Феодосьев в 1953 году разобрался с автоколебаниями «пятерки», которые разрушали ракету в считанные секунды, Королев считал инцидент исчерпанным. Потом он даже читал, что и американцы прошли через это со своим «Атласом». И вот вдруг новый рецидив старой болезни: «семерку», которую уже нарастили новым блоком «И», вскоре после старта тоже начинал бить какой-то непонятный колотун. Снова сложение неких колебаний приводило к резонансу, и огромная машина разваливалась на куски. Вибрации должны быть, совсем освободиться от них очень трудно. Забегая вперед, скажу, что через несколько лет космонавты будут рассказывать Королеву, что на активном участке полета, когда двигатели работают на полную мощность, корабль трясет так, словно едешь на телеге по булыжной мостовой. Но это была уже совсем другая, неопасная для ракеты тряска. А тут...

Королев поручил начальнику отдела баллистики Святославу Сергеевичу Лаврову срочно разобраться с этими вибрациями. У Света Лаврова – так все его звали в ОКБ – было два зама: Рефат Аппазов по баллистике и Георгий Ветров по динамике. Задание Главного Лавров адресовал Ветрову. В лаборатории Ветрова за это таинственное дело взялся талантливый инженер-исследователь Георгий Дегтяренко. Позднее для космонавтов придумали такую должность: инженер-исследователь. А Георгий Николаевич был таковым не по должности, а по призванию. Он вцепился в эти треклятые колебания мертвой хваткой. Вскоре с помощью Мирона Семеновича Натанзона из НИИ-1 удалось установить, что возникают они в магистралях жидкого кислорода.

Одновременно Королев попросил помощи и у представителей «большой науки». Она тоже резко изменила свое отношение к ОКБ Сергея Павловича после триумфов спутников. Если раньше многие ученые «снисходили» до ракетчиков, то теперь они сами искали контактов, поскольку не было работы более престижной, чем работа «на космос». «Королев попросил помочь», – этим гордились, как наградой. В отдел Лаврова приезжали и Келдыш, и Ишлинский, и Седов, давали глобальные советы, высказывали общетеоретические предположения, но все это помогало Дегтяренко лишь в том смысле, что успокаивало его: видел, что в своем движении вперед он не нарушает фундаментальных основ. Он организовал эксперименты на аналоговых моделях, создал математическую копию происходящих явлений и сначала

теоретически, а затем и практически доказал, что, если в трубопроводы поставить демпфирующие устройства, которые эти колебания если не уничтожат совсем, то хотя бы пригасят, сдвинут их частоту так, что дело до резонанса не дойдет, – аварий не будет. Даже больше: удлиненная за счет блока «И» ракета станет динамически более устойчивой и надежной – это был очень важный вывод для будущих работ.

Конструктор Анатолий Николаевич Вольцифер в рекордно короткие сроки такие демпферы сконструировал, а производственники изготовили. Королев был очень доволен не только итогом, но и тем, как быстро и дружно вся эта работа была сделана. В ней действительно виден тот истинно «королевский почерк» решения проблем, который, увы, был во многом утрачен его преемниками.

К концу 1958 года «исправленная» ракета-носитель для лунника была готова. Теперь Сергея Павловича гораздо больше волновали проблемы радиосвязи: ведь обидно попасть в Луну и не суметь доказать, что ты попал! Все более частыми становятся его встречи с Рязанским, которого он просит во всех деталях рассказать ему о радиоаппаратуре лунников. У Михаила Сергеевича дела шли полным ходом. В Симеизе с ФИАНом договорились, построили домики, осваивали большие антенны. Королев был рад, он всегда симпатизировал Михаилу Сергеевичу и с удовольствием наблюдал теперь его возрождение. Ведь с тех пор как с конца 40-х годов произошло разделение управленцев на два лагеря – лагерь Пилюгина, системы которого были автономны, вели ракету, не нуждаясь в командах с Земли, и лагерь Рязанского – сторонника радиоуправления с наземных командных пунктов, Рязанский оказался как бы на втором плане. И в принципе это было справедливо. Девизом боевых ракет с автономными системами управления были крылатые цицероновы слова «Omnia mea mecum porto»[179].

Стартовав, они летели, не страшась, что противник своими радиопомехами собьет их с курса, – конечно, для военных целей такая система была надежнее, это понимал и сам Рязанский. Но теперь, когда речь шла о мирной программе: спутниках, лунниках и межпланетных автоматах, уязвимым становился уже принцип Пилюгина. Автономная система не могла обеспечить требуемую точность. На гигантском своем пути межпланетную станцию всегда надо было чуть-чуть подправить, слегка изогнуть ее траекторию. Но сказать заранее, какими конкретно будут эти «чуть-чуть» и «слегка», было невозможно. Для этого надо было запустить ракету, измерить отклонения, определить, как они будут со временем изменяться, и дать на борт сигнал, который их

устранит, т.е. сделать все те операции, которые коротко называются коррекцией траектории. Для этого требовалась надежная устойчивая двусторонняя радиосвязь: космос-Земля, Земля-космос. Ею и занимался Рязанский.

Впрочем, когда речь идет о двух лагерях управленцев, может сложиться неверное впечатление о некой борьбе за первенство, о жестком соперничестве. Этого не было. Пилюгин, до того как стал самостоятельным, многие годы работал у Рязанского. Они остались друзьями на всю жизнь. Рязанский был на год младше Пилюгина, никаким «мэтром» по отношению к нему себя никогда не ощущал, да и не хотел ощущать. Человек истинно интеллигентный, Рязанский спокойно относился к тому, что Пилюгин – академик, а он только член-корреспондент, не переживал, что у Пилюгина две Золотые Звезды, а у него только одна[180].

Соперничества не было хотя бы потому, что делить им было нечего. Ведь при отработке тех же боевых ракет, на которых стояла автономная система Пилюгина, нужна была аппаратура, которая могла бы рассказать Земле, как ведут себя различные системы, где возникают вибрации, перегревы и несчетное число других отклонений, знать которые необходимо. И эти системы создавал НИИ-885, научным руководителем которого был Рязанский. Потом аппаратуру для телеметрических измерений для Королева стал делать молодой руководитель КБ при Московском энергетическом институте Алексей Богомолов, но это уже 60-е годы.

Рязанский входил в Совет Главных, и мне очень хотелось с ним увидеться, расспросить его о Королеве, да и не только о Королеве. Мы несколько раз договаривались о встрече, но всякий раз что-то мешало. Он умер летом 1987 года и стал единственным из «большой шестерки» Главных конструкторов, с которым мне так и не довелось поговорить. О нем мне рассказывали его сослуживцы, коллеги из ОКБ Королева и сын Николай Михайлович, инженер судпрома.

Формально Рязанский петербуржец, родился в Питере, но помнить себя он начал в Баку, и самые яркие впечатления детства – солнечный город, море, нефтяные вышки, – отец его работал секретарем в конторе Нобеля. Отец был из семьи попа в деревне Бычки Тамбовской губернии. Из дома ушел, потому что поп сильно пил и глумился над ним. Учился в Баку, уезжал, но вновь возвращался на Апшерон. В Баку у него было много друзей. Отец был человеком левых убеждений, прогрессист. В его доме бывали известные организаторы нефтяной промышленности Баринов и Серебровский[181], молодые бакинские революционеры: Киров,

Орджоникидзе, Вышинский, заходил молодой Берия, которого почему-то сразу невзлюбила жена Сергея Ивановича – Александра Алексеевна. Высокие знакомства не помогли: в 30-е годы из партии Сергея Ивановича исключили. Поразмыслив немного, он, как человек умный, решил глаза начальству не мозолить и нырнул в Башкирию на прииски Ишимбайнефти.

Но это уже тридцатые годы. А пока в 1923 году Рязанский-старший перебирается с семьей в Москву, работает в управлении столичной конторы Азнефть. Так 14-летний Михаил стал москвичом.

Был он парнишка активный, боевой. Вступил в комсомол, а поскольку быстро выявилась общая его грамотность, стал пропагандистом в Хамовниках. Нашел работу: сначала монтер, потом техник, но главная страсть – радио! В шестом классе, увидев детекторный приемник, он был сражен таинством хрипящего прибора, прекраснее которого ничего на свете не было. После авиации для молодых людей 20-х годов самой привлекательной вещью было радио. Авиация и радио занимались одним и тем же делом: уменьшали размеры земного шара. «Радио будущего, – писал футурист Велимир Хлебников, – главное дерево сознания – откроет ведение бесконечных задач и объединит человечество». Рязанский мечтал о «ведении бесконечных задач», а пока руководил радиокружками и заседал в президиуме Общества друзей радио от МК ВЛКСМ. При ЦК ВЛКСМ работала своя радиокомиссия. Там он был в другом президиуме – в секции коротких волн. Совсем в юные годы Миша считался уже опытным коротковолновиком. Он очень гордился тем, что первым установил связь с ледоколом «Красин», который шел спасать экспедицию Умберто Нобиле. Авторитет молодого Рязанского был так высок, что именно его фракция ВКП(б) Общества друзей радио в 1928 году рекомендует для работы в Нижегородской радиолаборатории им. В.И.Ленина – в то время это ведущий радиоцентр страны, прославленный трудами выдающихся ученых: М.А.Бонч-Бруевича, Л.И.Мандельштама, Н.Д.Папалекси, А.А.Пистолькорса.

В Нижнем Новгороде Рязанскому доверили заведовать «опытным полем» – антенным полигоном, на краю которого стоял деревянный вагончик с аппаратурой. В один далеко не прекрасный для Михаила день случился пожар и вагончик сгорел. Началось расследование. И вот уже неизвестно кем впервые произносится фраза, которую смыть с себя труднее, чем наколку на руке: «Рязанский – враг народа». Даже деда – тамбовского попа, которого он никогда в жизни не видел, – ему припомнили. Михаила буквально отбила молодежь лаборатории, выбравшая

его незадолго перед этим своим комсомольским вожаком. «Отделался он тогда пустяком – месяцем принудительных работ. Случись то же десять лет спустя, и не было бы у нас Главного конструктора космических систем радиоуправления. Пожар на антенном полигоне и дед-священник шли за ним всю жизнь. Как и Королева, в партию Рязанского принимали с большой неохотой, кандидатский его стаж длился девять лет.

И все-таки он всегда оставался благодарен Нижегородской лаборатории: здесь он нашел себя окончательно, стал заниматься главным делом своей жизни – военной радиотехникой. Когда он сконструировал несколько радиостанций, «принятых на снаряжение РККА», вспомнили, что у молодого таланта ведь никакого специального образования нет, и отправили его в Ленинград, в Военно-техническую академию. Но в 1931 году прием в академию отменили, и Михаил поступил в Ленинградский электротехнический институт. Одновременно работал в Остехбюро – особом техническом бюро, разрабатывал радиоприемники для военно-морского флота.

Работа, учеба, хронический недосып, сухомятное питание и вообще общая жизненная неустроенность, а тут еще невская сырость, слякоть и зябкость, губительные для бакинца, привели к тому, что Михаил серьезно заболел: вспыхнул и заполыхал злой, быстрый туберкулез. Врачи были откровенны: «Не уедешь отсюда – умрешь».

Отец и мама выхаживали его в Башкирии медом и кумысом. Сам он вылечиться не надеялся, как-то примирился с мыслью, что скоро придется помирать, но месяц бежал за месяцем, а он все не умирал, и тут грустные мысли стали его покидать, начал он задумываться над будущим своим существованием пока на этом свете.

В 1934 году он приехал в Москву, работал в московском филиале Остехбюро, а уже на следующий год закончил МЭИ, защитив секретный диплом по системам специального радиооповещения: передача закодированной информации, радиовзрыватели, радиосчетчик под рельсами – считает поезда и передает куда надо – и прочие остроумные штучки. Остехбюро превратилось в НИИ-20 – большой институт, которому, как и РНИИ, покровительствовал Тухачевский, изо всех сил толкавший новую технику в армию. В Остехбюро он занимался делами, которые в будущем очень облегчили его быстрое вхождение в ракетную тематику, – дистанционным радиоуправлением самолетов, танкеток, торпедных катеров и прочих неодушевленных существ, которые должны были слушаться людей. А перед самой войной переключился на дело совершенно

новое и невероятно интересное – радиолокацию. Рязанский разрабатывал приемную часть первого советского радиолокатора П-2, когда началась война. Радистов эвакуировали в Барнаул, где они работали практически круглосуточно и сделали локатор в невиданно короткие сроки, за что и получили Сталинскую премию. Потом Михаил Сергеевич делал П-3 – локатор наведения. Тут подключился к нему Женя Богуславский, и быстро обнаружилось, что вместе у них все получается не в два раза быстрее и лучше, а в три и, может быть, даже в четыре. Не заинтересоваться радиосистемой наведения Фау-2 в конце 1944 г. они не могли: уж больно интересно было узнать, как это все у немцев получалось. Дальше все известно: Германия, Королев, ракетная техника...

Став в 1946 году главным ракетным радистом страны, Рязанский жил с женой и двумя детьми в полуподвале на Стромынке, потому что просто представить себе не мог, как это он пойдет просить квартиру. Охотно допускаю, что Михаил Сергеевич так бы до конца своих дней и прожил в полуподвале, но здесь наметились в его жизни важные административные перемещения. В январе 1951 года Устинов назначил Рязанского вместо самоликвидировавшегося Тритко главным инженером НИИ-88. Так на полтора года Михаил Сергеевич стал начальником Королева. Рязанский никогда не скрывал от Устинова, что общие вопросы развития ракет интересуют его меньше, нежели проблемы радиотехники.

С появлением Янгеля он надеялся вернуться к своим приемникам и передатчикам, но воля Дмитрия Федоровича тянула его наверх, превратив летом 1952 года в начальника главка Министерства вооружения. Михаил Сергеевич к чиновничьей работе был совершенно не приспособлен. Должностью своей он очень тяготился, тяготил весь главк и, в конце концов, начал тяготить министра своими бесконечными просьбами вернуть его в радиолоно.

Устинов, как всякий настоящий начальник, отменять собственные приказы не любил, но делать было нечего, и менее чем через два года Рязанский возвратился в родной НИИ-885, научным руководителем и Главным конструктором которого он оставался 32 года, до самого дня своей смерти.

Двухлетнее пребывание в министерстве имело все-таки и свои положительные стороны. Во-первых, Рязанский теперь ясно представлял себе все устройство министерского механизма. Лучше других Главных знал он, как ту или иную бумагу надо составить, с кем согласовать и кому направить, «на кого выйти», решая тот или иной вопрос, а если требуется, как кого обойти

ловчее. Во-вторых, высокая министерская должность позволила ему расстаться со Стромынкой, потому что начальник главка не имеет права жить в полуподвале.

По воспоминаниям очевидцев, на Совете Главных, да и на других совещаниях тоже, Михаил Сергеевич выступал редко. Он не считал себя авторитетом в других ракетных специальностях и предпочитал отмалчиваться, когда речь не касалась проблем управления. Зато тогда, когда он брал слово, его слушали внимательнее, чем других. «Старый мышь, мудрый мышь», – часто в шутку говорил о нем Королев.

Увлеченный своей радиотехникой, Рязанский, в отличие от Пилюгина, не был рукоделом, равнодушно относился к бытовой радиоаппаратуре, а если требовалось починить дома телевизор, чинил, но без энтузиазма. Он не замыкался в кругу только ракетных интересов, подобно Королеву. Его собеседниками были Козинцев, Чуковский, Твардовский, он собирал богатую библиотеку, любил читать и обсуждать прочитанное. Тяжело больной, говорил сыну в больнице:

– Надо дотянуть до конца «Детей Арбата»....

Журнальная публикация романа Анатолия Рыбакова завершилась в июле 1987 года. Рязанский умер в августе.

Умирал тяжело, от рака предстательной железы. Впал в забытье, что-то тихо бормотал в бреду.

– Я пытался разобрать последние слова, – рассказывал его младший сын Николай Михайлович. – Поняв, растерялся. Отец говорил об использовании высокотемпературной сверхпроводимости в радиосистемах. С этим и умер...

Последние годы жизни Михаила Сергеевича были переполнены печалями. В 1981 году умерла Лёша – так звал он любимую жену Елену Зиновьевну. А на следующий год в горах погиб старший сын Володя. Как-то сразу сдал, стало ясно, что жизнь прошла... Он крепился, уходил в работу. Его очень увлекло создание аппаратуры для получения телевизионных панорам Марса и Венеры, верил в большое будущее спутников погоды, ледовых разведчиков, контролеров урожаев. Незадолго перед смертью кинодокументалисты взяли интервью у Рязанского, просили рассказать о себе, но он говорил о радиотехнике. Режиссер Николай Макаров спросил его о Сергее Павловиче.

– Он стоял у истоков всех наших работ, – сказал Рязанский. – Сейчас он принадлежит уже всему человечеству, но, естественно, наиболее дорог он тем, кто начинал вместе с ним и работал многие годы. Уже при первой нашей встрече я сразу почувствовал, что это крупнейший организатор науки и техники. Я считаю, что мне исключительно повезло в жизни, потому что

мне удалось все эти годы работать с Сергеем Павловичем Королевым...

В Тюратам Королев с Рязанским, Пилюгиным и Келдышем отправились поездом 20 декабря 1958 года. Дорогой отсыпались, вспоминали дом и жаловались друг другу, что жены, прослышав о взрывах «семерки», стали очень нервничать, никакими силами и доводами успокоить их не удается...

К этому времени на полигоне был оборудован еще один стартовый комплекс под Р-7 – так называемая площадка № 31, с нее и начался обстрел Луны. Ракета была готова, но отставали прибористы Рязанского. Они не выходили из МИКа, наверное и спали тут, а кормили их «с рук», как зверей в зоопарке: хлеб, семипалатинская колбаса и боржоми, – хороший харч припасали на Новый год.

Королев нервничал, ему хотелось пустить лунник к Новому году, он понимал, что такой пуск усилит праздничное настроение людей: музыка, нарядная елка, новогодняя ночь, сияет Луна, а к ней летит его лунник!

Однажды вечером, когда они грелись с Келдышем чаем в королевском домике, Сергей Павлович вызвал к себе своего старого, еще по РНИИ, «гвардейца» Аренда Палло.

– Арвид, есть дело. Сделай вымпел! Только срочно. Чтобы там была дата и герб. Нужно, чтобы все знали, что это наш аппарат достиг Луны!

Палло сделал самодельный вымпел, и его поставили на лунник. Идея эта Королеву, как говорится, запала в душу, и потом разные вымпелы стали изготовлять уже по особому, разумеется, совершенно секретному, заказу на Монетном дворе в Ленинграде.

Время шло, а «боб» вылезал за «бобом», и конца им не было. Королев мрачнел день ото дня: новогодний сюрприз срывался. На все его вопросы Рязанский отвечал витиевато:

– Ответ станции не точно когерентный, а ведь по нему измеряется скорость и эффект Доплера... Канал очень чувствительный, и на него лезут земные помехи...

Королев вызвал Алексея Богомолова, специалистов из ФИАНа, хотя никого вызывать не нужно было: ребята Рязанского, в конце концов, разобрались сами, и 30 декабря ракету вывезли на старт.

Стояли трескучие морозы, под тридцать градусов. В гостиничных бараках полопалось отопление, а печи дымили так, что в здании нельзя было находиться.

Холод делал работу на стартовой площадке мучительной – меховые унты и бушлаты были бессильны против пронизывающего ледяного ветра. Утром 31 декабря управленцы

доложили, что вылез очередной «боб»: отказал один из бортовых приборов системы радиоуправления носителем. Надо было менять блок. Королев сдался: на заседании Госкомиссии было принято решение о переносе старта на 2 января. После Госкомиссии к Королеву подошел начальник экспедиции Сухопалько с вопросом в глазах.

– Выдавай! – хмуро сказал Королев.

В кладовку потянулся народ с пустыми чайниками...

Грустный получился Новый год. Королев не пил, лег рано. Утром поехал на старт. Ветер стих, стало теплее. Управленцы залезли через люк в ракету, заменили злополучный блок. А на следующий день с раннего утра закружилась обычная круговерть. Он радостно почувствовал эту напряженную атмосферу предстартовых часов, слух его ласкали привычные звуки: шипение пневматики, низкий гул электроприводов, подвывания умформеров и, похожее на сильный хлопок автомобильной двери, резкое кляцканье закрывающихся клапанов. Господи, как хорошо, как покойно было на душе, все идет отлично и все люди вокруг – прекрасны...

Лунник ушел со старта точно в назначенное траекторщиками время – ведь это был первый в истории астрономический пуск, когда надо было учитывать взаимное положение небесных тел! Ракета, как показывала телеметрия, разогналась до второй космической скорости и преодолела притяжение Земли. Но довольно скоро анализ ее движения показал, что в Луну она не попадет. Управленцы ругательски ругали зама Рязанского Гусева, который якобы перепутал юстировку пеленгатора, но чего уж теперь, после драки, кулаками махать... Обидно. И ракета, и новый блок «И» экзамен выдержали, а прибористы подвели... Королев был раздосадован, но, по своему обыкновению, старался это не показывать. 4 января лунник пролетел примерно в 5-6 тысячах километров от Луны. При том что диаметр лунного диска 3476 километров. Промазали крепко, у спортсменов-стрелков это называется «в молоко»...

6 января Королев возвращается в Москву. На заседании Госкомиссии подводили итоги. Получены новые сведения о составе заряженных частиц в радиационных поясах Земли, замерена интенсивность первичных космических лучей, рентгеновского и гамма-излучения в межпланетном пространстве, регистрировались метеорные частицы. Короче, физики могут написать большую статью для «Правды». Но ведь в Луну-то не попали... А как надо было бы попасть!..

Просматривая газеты, Сергей Павлович не находил в них даже приглушенных отзвуков своих печалей. Старт лунника

явился первым серьезным испытанием нашей «космической» пропаганды на правду, и испытания этого она не выдержала. После трех победных спутников, после сотен ура-патриотических статей надо было признаться, что на этот раз программа полета не выполнена. Подобное сообщение звучало бы диссонансом в сравнении со всеми бравурными, переполненными оптимизмом речами Хрущева, и Суслов, как главный идеолог, дал понять, что осечек в космосе у нас нет и не будет. Поэтому газеты, справедливо отмечая, что сделан новый важный шаг в космос – достигнута вторая космическая скорость, о намерении попасть в Луну ничего не говорили или просто перевирали программу полета. «Красная Звезда», например, напечатала 4 января «записки инженера-испытателя» сотрудника ОКБ Королева Станислава Гавриловича Язвинского, который иногда баловался журналистикой под псевдонимом С.Гаврилов. В этих «записках» программа полета «Луны-1» выглядела так: «Ракета должна была развить вторую космическую скорость, преодолеть извечные силы земного тяготения, выйти в район загадочной Селены, а затем стать маленькой искусственной планетой где-то там, между орбитами Земли и Марса». Но «Луна-1», как известно, не собиралась выходить в «район», а должна была попасть в «загадочную Селену». А «маленькой искусственной планетой» она стала уж вовсе помимо всякой воли людей, ее пославших. Просто, уж коли она не попала в Луну, ей ничего не оставалось делать, как по воле Солнца превратиться в «маленькую искусственную планету». Эта «планета» настолько раззадорила воображение журналистов, что «Луне-1» они придумали красивое неофициальное имя «Мечта».

Королев понимал, конечно, что называть «мечтой» лунник-неудачник просто смешно, но не возражал. Он не представлял себе, как быстро из этого маленького и в общем как будто невинного – ну сказали не всю правду, но не наврали же! – семени лжи вырастет целый букет несуразиц и конфузов и как все это потом будет его раздражать. Он не глушил новых фанфар потому, что со времени запуска третьего спутника они не звучали уже 19 месяцев, а он теперь хорошо знал, как нужны фанфары для пользы Дела. Он не пресек ложь потому, что и здесь, как всегда, очень точно отражал свое время. А тогда наступало время великого шапкозакидайства, время твердых убеждений в том, что любой негативный факт есть частность, мелочь, на которую отвлекаться не следует, поскольку это тормозит движение народа «к сияющим вершинам коммунизма» – был такой расхожий газетный оборот. Королев сумел тогда преодолеть земное притяжение, но преодолеть время он не мог.

С Луной все ясно: надо попасть. В ракетной части он проблем не видит. И фотографирование лунного затылка – это тоже не ракетный вопрос. В отделении прикладной математики уже провели анализ условий фотографирования и выбрали самую выгодную траекторию объекта. Значит, все упирается в четкую работу систем управления. Решив именно там все проблемы, американцев обогнать можно. Надо попробовать...

Как не раз уже бывало на страницах этой книги, начав рассказ об одной программе Королева, мы невольно оставляем за его границами другие работы. Надо представлять, что увлечение Луной не приостановило его оборонных программ, не сузило его, буквально с каждым часом расширяющихся планов по созданию космических новинок. В 1958-1959 годах Сергей Павлович наряду с лунниками работает над космическим кораблем для полета человека, разрабатывает новый вариант трехступенчатой «семерки» для этого корабля, конструирует межпланетные станции для стартов к Венере и Марсу, начинает проработку вариантов стыковки космических объектов на орбите[182], ведет со старым другом планеристом Павлом Цыбиным, возглавляющим авиационное ОКБ-256, переговоры о разработке эскизного проекта космического самолета[182], начинает работы над эскизным проектом суперракеты Н-110. И все-таки Луна в эти годы была главным. В 1958 году разворачивается настоящая лунная гонка.

В США понимали, что посылка ракеты на Луну может в какой-то степени компенсировать их отставание в космосе. Американская космонавтика переживала период административной реконструкции – трудно представить себе более неподходящее время, чтобы догонять. Ракетами занимались и армия, и флот, и военно-воздушные силы – все помаленьку. И все они здорово приуныли, когда в мае 1958 года пришло сообщение о запуске нашего третьего спутника-гиганта. Специалисты быстро подсчитали, что ракета, которая подняла в космос такой спутник, может послать на Луну аппарат, в 30 раз более тяжелый, чем тот, который собирались пустить в США. В перспективе опять конфуз. Ясно, что догнать русских можно, лишь объединив усилия. Однако идея объединения не находит поддержки у военных: каждый хочет командовать сам, а не слушать чужие команды. Только в июле 1958 года конгресс принимает закон о создании Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА). Но закон – это бумага. НАСА формально уже существует, но ВВС 17 августа пытаются запустить свой лунник. Через 77 секунд после старта ракета взорвалась. 11 октября повторный запуск

поначалу кажется вполне успешным: лунник уходит на огромное расстояние от Земли – 114 тысяч километров, но разогнаться до второй космической скорости ракета не смогла, и лунник превращается в спутник с очень вытянутой орбитой.

7 ноября ВВС была предоставлена последняя возможность достичь Луны, но и на этот раз ракета не набрала нужной скорости. Терпение НАСА лопается: лунная программа ВВС передается группе фон Брауна, который ровно через месяц тоже терпит неудачу.

Королев внимательно наблюдает за всеми этими попытками. Американцы застряли на первой ступеньке лестницы к Луне: не могут разогнать ракету до второй космической и только об этом и думают. Разогнаться легче, чем попасть. Но ведь и он пока разогнаться не может – в Тюратаме началась новая черная полоса: попытка запустить очередной лунник в конце лета закончилась неудачей. Но это была уже неудача какой-то новой разновидности: начали барахлить двигатели третьей ступени. Косберг не мог разобраться, и все валили на производственников, сдают-де дефектные двигатели. Вопрос разбирался в военно-промышленной комиссии Совета Министров. Все склонялись к тому, что программу надо отложить. Королев понимал, что в этом случае американцы его обгонят. Он произнес страстную речь и обещал в кратчайшие сроки навести порядок на опытном заводе. Спасая программу, он сознательно подставил под удар Ключарева – своего начальника ОТК[183], которому тут же навесили выговор. Королев любил Ключарева, но дело требовало жертв.

– Викт?р, – в минуты расположения Сергей Павлович называл Виктора Михайловича на французский манер, – ты не обижайся. Я понимаю, что получать выговор в такой высокой инстанции неприятно. Да и вообще неприятно получать выговор. Но ты пойми – иначе они прикрыли бы всю работу…

– Сергей Павлович, да шут с ним, с выговором, но поверьте моему опыту – производство здесь не при чем. Тут глубже надо копать. Ведь все прекрасно работает на стенде, а в полете двигатель словно заклинивает…

Всю дорогу от Кремля до Подлипок Королев расспрашивал Ключарева о двигателе, влезал во все мелочи, потом отворачивался к окну машины, молчал, думал…

Ключарев был прав: производственники не были виноваты в гибели лунников, все действительно оказалось сложнее. Третья ступень запускалась в вакууме. В подшипниках насоса двигателя смазка в вакууме моментально испарялась, насос работать не мог, двигатель самовыключался. Что делать? Королев поехал к Топчиеву в Академию наук. Топчиев быстро подключил к этому

делу академика Петра Александровича Ребиндера из Института физической химии, который помог подобрать смазку, не испаряющуюся в пустоте.

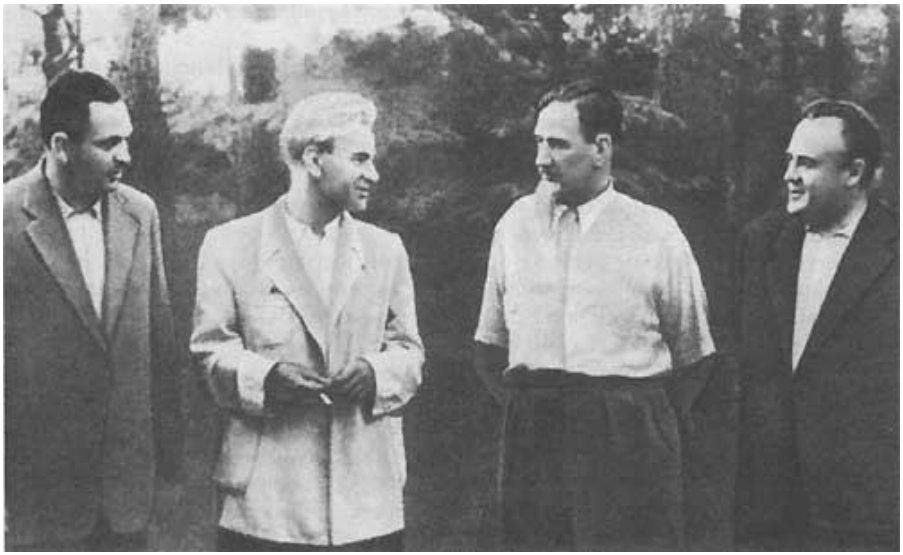
Неужели еще объявится какая-нибудь каверза, вылезет новый «боб»? И Королев, и все его ближайшие соратники понимали, что в эту полосу неудач они неминуемо должны были попасть, поскольку вторгались в область совершенно неизвестную. Никто и никогда не летал в межпланетном пространстве, физической природы этого пространства не знает, и отказы могут быть самые фантастические, никакого воображения не хватит, чтобы их предусмотреть. Весь вопрос в том, насколько широка эта полоса и как скоро они из нее выйдут. Но как это объяснить тем, кто сидит в Кремле и на Старой площади? Ты им рассказываешь, что шестеренки в вакууме спекаются, что жидкость в невесомости – это совсем не жидкость с нормальным зеркалом, с заданным уровнем, а черт-те что шарообразное, непонятное и неуправляемое, а они тебе в ответ говорят, что скоро будет пленум и хорошо бы встретить его достойным трудовым подарком. У них какая-то своя убогая историческая шкала. Люди веками мечтали о полете на Луну, Лукиан Самосадский описывал свое воображаемое путешествие туда 1800 лет тому назад, а они – пленум! Эти люди лишены исторического мышления, и уже поэтому руководить историческими событиями не могут, а полет на Луну – событие историческое!

Лунник стартовал в субботу 12 сентября 1959 года с отклонением от расчетного времени старта менее одной секунды. Дата старта была выбрана так, чтобы в момент, когда автоматическая станция ударится о Луну, Луна стояла бы как можно выше над горизонтом – тогда легче прослушиваются радиосигналы. Судя по координатам натриевого облака, выпущенного из последней ступени ракеты-носителя, которое засекли земные наблюдатели, на этот раз лунник не должен был промазать. Баллистики дали примерное время финиша: около 0 часов 14 сентября. Королев волновался невероятно, садился, вставал, выходил на улицу, смотрел на Луну.

На луннике стоял метроном, бесстрастно и торжественно чеканивший шаги навстречу собственной гибели. В 0 часов 2 минуты 24 секунды стук его резко оборвался. Все вокруг кричали «ура!», Королев сидел молча, тихий и светлый…

«Луна-2» попала в склон кратера Автолик, восточнее моря Ясности, отклонившись от центра Лунного диска на 800 км. С учетом преодоленного ею расстояния, ни одна ракета в мире никогда не летала с такой точностью.

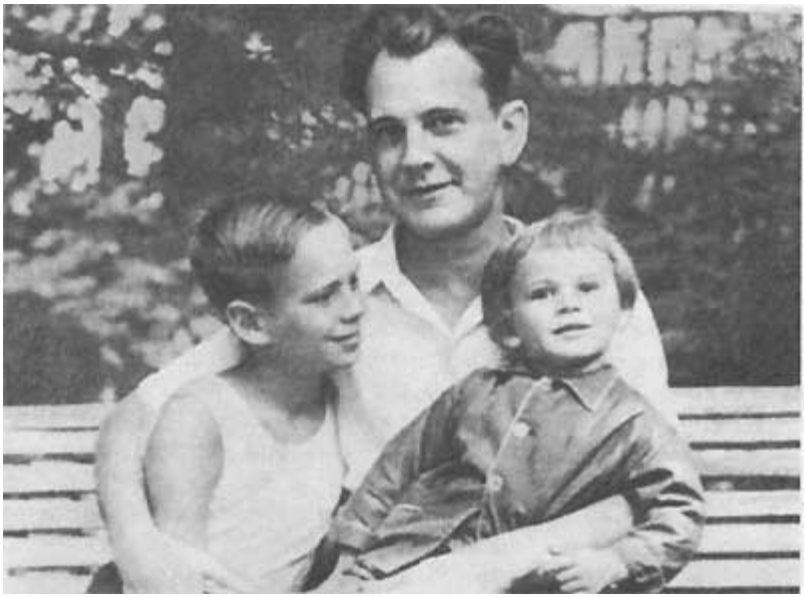
В.П.Мишин, М.В.Келдыш, И.В.Курчатов, С.П.Королев



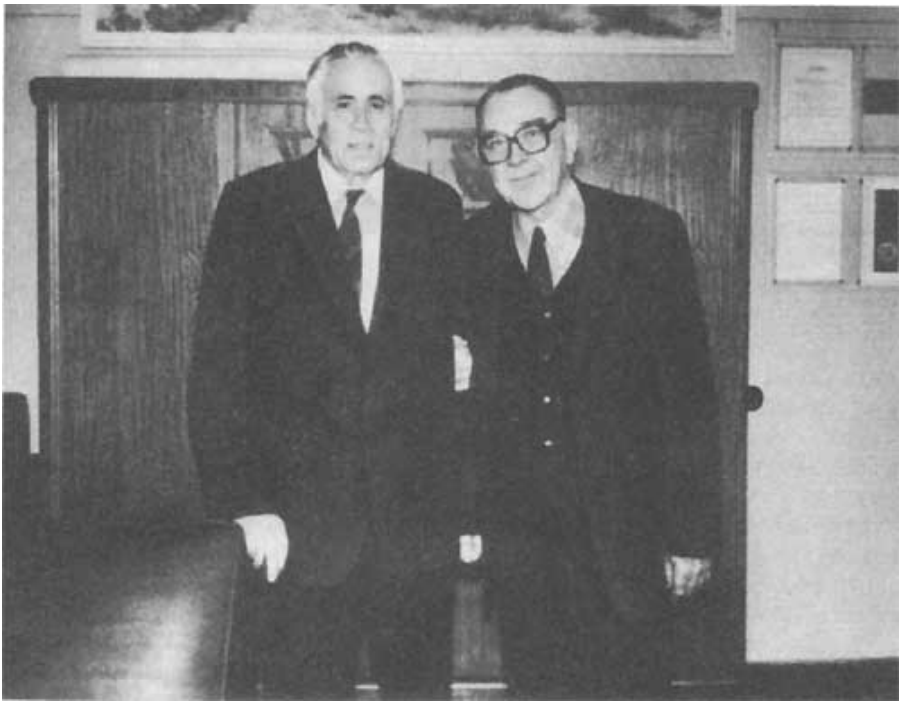
Маршал Родион Яковлевич Малиновский с супругой Раисой Яковлевной и Сергей Павлович Королев. 1963 г.

Семен Ариевич Косберг

М.С.Рязанский с сыновьями



В.П.Бармин и М.С.Рязанский



Вице-президент Международного астрономического союза профессор Борис Васильевич Кукаркин демонстрирует на пресс-конференции в президиуме АН СССР фотографию искусственной кометы, созданной для коррекции первого лунника 3 января 1959 г. в 3 ч 57 мин по московскому времени

В средине осени
Зеркальный круг Луны,
Даря Земле ночную белизну,
Приносит праздник тысячам семей...

Хо Ши Мин

После первого спутника ракета, прилетевшая на Луну, была, пожалуй, вторым эпохальным событием в истории космонавтики: человек впервые дотронулся до другого космического тела. На древе одной из самых старых наук – астрономии – рядом с ветвями теоретиков, оптиков и радистов пошла в рост могучая ветвь астрономии практической, непосредственно, «наощупь» изучающей небо. Одно это уже позволяло говорить о революции в древней науке.

Революция в астрономии, хотя Хрущев очень любил и часто употреблял слово «революция», мало волновала Никиту Сергеевича, поскольку вникать в столь абстрактные представления при невероятном обилии конкретных практических дел он позволить себе не мог. Но едва ли кто в стране радовался новой космической победе больше, чем глава партии и государства. Хрущев ликовал! Лунник придал ему новую энергию, и заряд его патриотизма достиг, кажется, максимальной величины. Королев, зная, что в сентябре Хрущев полетит в Нью-Йорк, понимал, как важно «вооружить» его лунником перед выступлением в Организации Объединенных Наций, и очень нервничал, когда очередной отказ – неисправность одного из приборных блоков – не позволил запустить «Луну-2» в первых числах сентября! Впрочем, в конце концов, может быть, это даже к лучшему, потому что все получалось еще эффектнее, чем планировали: 14 сентября ракета достигла Луны, а уже на следующий день правительственный Ту-114 с Хрущевым на борту приземлился на военном аэродроме Эндрюс в 24 километрах от Вашингтона. Встречавший его президент США Дуайт Эйзенхауэр, разумеется, был уже осведомлен о «лунных новостях» из Москвы, но Никита Сергеевич не мог лишить себя удовольствия прямо тут, на аэродроме, просветить его.

– Перед встречей с Вами, господин президент, – сказал он Эйзенхауэру, – советские ученые, инженеры, техники и рабочие

порадовали нас запуском ракеты на Луну. Таким образом, проложен путь с Земли на Луну, и контейнер весом 390 килограммов с вымпелом, на котором изображен герб Советского Союза, сейчас находится на Луне. Земля наша теперь стала несколько легче, а Луна стала на несколько сот килограммов тяжелее… – был у Никиты Сергеевича вот такой талант незатейливого сельского популяризатора.

Впрочем, утверждать, что контейнер сейчас «находится» на Луне, можно было только с большими оговорками. Вряд ли его удалось бы там найти. Если автомобиль на скорости 80 километров в час врезается в стену, это уже не автомобиль, а просто металл. Лунник врезался в Луну на скорости более 12 тысяч километров в час. Это уже и не металл. Огромная его кинетическая энергия мгновенно должна была перейти в тепловую, он даже не расплавился и не сгорел, поскольку на Луне нет кислорода, он сублимировался – превратился в газ, минуя жидкое состояние. Так что вряд ли уцелели вымпелы с гербом СССР. Но вымпел с гербом – это символ. Копию вымпела – шарик, составленный наподобие футбольного мяча из металлических пятигранничков, Хрущев подарил Эйзенхауэру на приеме в Белом доме и снова объяснил президенту США, что мы первые достигли Луны. Никита Сергеевич не забыл помянуть добрым словом советскую ракетную технику и в Национальном клубе печати, а отвечая на вопросы журналистов, успокоил всех, сообщив, что, несмотря на свое очевидное первенство, мы не претендуем на Луну и «своей» территорией ее не считаем. В знаменитом выступлении в ООН 18 сентября Хрущев снова возвратился к полюбившейся ему теме, снова уязвил американцев:

– Мы открыли секрет использования водородной энергии раньше вас. Раньше вас мы создали баллистическую межконтинентальную ракету, которой у вас фактически нет до сих пор. А ведь баллистическая межконтинентальная ракета – это поистине сгусток человеческой творческой мысли…

Можно представить себе, с каким удовольствием читал Королев в газете эти слова лидера страны…

В тот же день поражавший всех своей энергией Никита Сергеевич встречается с лидерами конгресса и членами сенатской комиссии по иностранным делам и снова рассказывает им о луннике. 19 сентября на завтраке в голливудской киностудии «Твентис сенчури-Фокс» он опять говорит о вымпеле. Практически во время поездки по Америке не было выступления, в котором бы он не касался спутников и лунника. Очень часто во время этих выступлений Хрущева спрашивали: а не специально ли приурочен запуск ракеты на Луну к его визиту в США? Вопрос

этот доставлял Никите Сергеевичу большое удовольствие. Он необыкновенно оживлялся, глазки его весело поблескивали и, обращаясь уже не к автору вопроса, а ко всем присутствующим сразу, он говорил под общий смех:

– А разве плохо приурочить такой полет? Если вы, конечно, можете его приурочить!..

Начиная с первого спутника и далее, через лунники к гагаринскому кораблю и потом вплоть до полета первого «Восхода», во время приземления которого и произошел первый в советской истории государственный переворот, космонавтика оставалась для Хрущева сильнейшим козырем в его политической борьбе, и это предопределяло его отношение, а, следовательно, отношение государственного и партийного аппарата к Королеву и его трудам. Став лидером столь важного научно-технического направления, определяющего в какой-то мере политику всей страны, Сергей Павлович уже помимо своей воли превращался в деятеля политического.

В папке из писчебумажного магазина А.Ю.Теуфель на Крещатике, в которую, если вы помните, Сергей Павлович Королев начал еще в 1925 году складывать вырезки из газет и журналов и с перерывами занятие это продолжал до 1959 года, есть вырезка из газеты «На страже» от 30 ноября 1934 года. Статья «Снаряд в стратосферу» снова обсуждала проблемы создания сверхдальнобойных пушек. Рукой Королева в рамку забраны слова: «Наводку орудия производили с большой точностью квалифицированные ученые, применявшие для наводки астрономические приборы».

Точность наводки заботила Королева в 30-х годах и теперь продолжала заботить. Если для выполнения первого пункта лунной программы – попадания в Луну – требовалась лишь повышенная точность движения самой «семерки», то для выполнения второго пункта – фотографирования лунного затылка – одного ракетного совершенства было мало. Чтобы сфотографировать Луну «сзади», надо было навести на нее фотоаппарат, т.е. сориентировать лунник в пространстве, упорядочить его движение, привязать к каким-то небесным ориентирам – он уже не имел права свободно кувыркаться в пространстве, как кувыркались и ПС, и Лайка, и «Луна-2».

Разговор об управляемом спутнике шел давно, когда еще даже первого в помине не было. Задания на разработку системы ориентации давались и Кузнецову, и Пилюгину, но у них хватало других дел, до системы ориентации в космосе ни у кого руки не доходили, а главное – никто особенно и не рвался этим делом заниматься, поскольку задача была абсолютно новая, без корней

и, как ее решать, все представляли себе довольно смутно. Однако был человек, который как раз обожал подобные задачи.

– Интересно работать, когда знаешь, что этим делом занимаются во всем мире человек 10, ну 15, а еще лучше, если никто не занимается, – говорил он много лет спустя. Этим человеком был Борис Викторович Раушенбах.

Мы расстались с Раушенбахом давно – летом 1938 года, когда ведущий инженер «Объекта-212» в отделе Королева придумывал различные способы управления ракетами в полете. После ареста Сергея Павловича Борис Викторович еще какое-то время занимался автопилотами, но работы по жидкостным ракетам в институте постепенно сворачивались, и автопилоты оказались никому не нужны. Оправдывая свое прозвище «теоретик», Раушенбах занялся теорией горения в воздушно-реактивных двигателях. Московский быт его кое-как наладился, квартирные проблемы более-менее разрешились, и как раз за месяц до начала войны он женился. В эвакуацию в Свердловск вместе с институтом в октябре 1941 года Борис Викторович поехал уже с молодой женой. Но прожили они в Свердловске недолго.

В марте 1942 года пришла повестка из военкомата: «явиться». Борис Викторович удивился: все сотрудники РНИИ, как предприятия оборонного, были «забронированы». Удивился, но пошел. В военкомате он сразу насторожился: у всех новоявленных призывников были немецкие фамилии. Никто никуда их не призывал. Просто так удобнее было сцапать всех сразу.

Если не считать преступлением кратковременное проживание в квартире тещи Ягоды, за Борисом Раушенбахом никакой вины перед генералиссимусом не числилось. Вернее, вина, конечно, была, поскольку под пятым пунктом значился он в неприличном в годы войны виде: немец. Как может человек с таким паспортом, хоть и ни в чем не виноватый, находиться на свободе?! Раушенбаху суждено было повторить трагедию гениального инженера Рудольфа Дизеля, истинного парижанина, изгнанного из родного дома только потому, что он «бош»[184].

Но юного Дизеля с семьей аккуратно репатриировали в Англию, а Раушенбаха посадили, чтобы умертвить. Спецотряды советских немцев еще ждут своего летописца – это белое пятно нашей истории. Раушенбах был в «Стройотряде 18-74». В этом лагере сидели немцы со всей России. Выжили, пожалуй, только уральские, закаленные. Волжане почти все померзли – умирало примерно десять человек в сутки. Их не хоронили, а складывали трупы на дровни и отвозили в яму.

– Меня однажды повалил ветер, – рассказывал мне академик, – не ураган, а просто ветер... Королев был хотя бы

формально, но судим, ему определили срок за вредительство, он считал месяцы и дни, он видел край свободы: Раушенбах сидел безо всякого суда и срока и предела не видел, поскольку национальность человека с годами не претерпевает никаких изменений. Борис Викторович считает себя необыкновенным счастливчиком: он остался жив.

– В лагере я работал недолго: с весны до осени. У меня была прекрасная должность: контрольный мастер кирпичного завода. Я получал четыреста граммов хлеба и варил траву, так что питался хорошо. А осенью я уже начал работать на Болховитинова…

Виктор Федорович Болховитинов, который в Билимбае вместе с Исаевым и Березняком работал над ракетным истребителем БИ, знал Раушенбаха еще до войны, когда Раушенбах хотел приспособить воздушно-реактивный двигатель на один из самолетов Болховитинова. Теперь Виктор Федорович вытребовал для Бориса Викторовича занятный статус. Раушенбах жил в лагере, но на работу не ходил: писал, считал, Щетинков был его шефом.

– Потом приходили мои соседи по бараку и я сворачивался. Вы не поверите, но все мои знания по математике я приобрел не в институте, а в бараке; я очень много работал тогда. Сам себе устраивал экзамены, билеты составлял, тянул их и сам себе отвечал. Если я не мог ответить, я сам себе ставил двойку и назначал себе переэкзаменовку… Я увлекался тогда автоколебаниями и сам «открыл» метод гармонического баланса, который уже был открыт Боголюбовым и Крыловым, о чем я, по своему невежеству, не знал. Для Болховитинова я сделал расчет боковой устойчивости самолета. Меня зачислили в КБ старшим инженером, но жил я в лагере. Мне платили вполне приличную зарплату, которую пересылали в лагерь, но купить я ничего не мог и отправлял деньги жене.

Когда Щетинков вернулся в Москву, задания стали поступать и из столицы. Контрольный мастер кирпичного завода писал теперь научные работы по испаряемости ракетных топлив и устойчивости горения в жидкостных двигателях.

Весь этот фантастический кошмар продолжался до конца войны. После победы все немецкие «отряды» были расформированы, а оставшимся в живых в паспорте поставили штампик: «спецпереселенец». Из зека Раушенбах превратился теперь в ссыльного. Он не мог уехать в другой город, должен был раз в месяц отмечаться у «своего» уполномоченного в райотделе милиции.

– Ну все, как у Ленина в Шушенском, – без тени юмора говорил Борис Викторович. – Мое Шушенское – Нижний Тагил.

Тем временем Щетинков через Келдыша добился вызова Раушенбаха в Москву. Числился он проживающим в общежитии, чтобы не бросать тень на жену. Опять происходило нечто фантастическое: ссыльный делал доклад на научно-техническом совете оборонного института, НКВД выдавало ему допуск к секретным документам, но милиция приравнивала переезд в другой город побегу из-под стражи. Через месяц Борис Викторович вернулся в Нижний Тагил. Келдыш хотел взять Раушенбаха к себе, но его направили вольнонаемным инженером в город Щербаков, в КБ, где работали зеки.

– А где это – Щербаков? – рассеянно спросил Раушенбах у своего «уполномоченного».

– Не знаю, – честно признался милиционер.

– И я не знаю… Что же нам делать?

– Понятия не имею…

– Я пойду на вокзал и спрошу билет до Щербакова. Но и на вокзале никто не знал такого города.

– Вы мне не город, а станцию назовите, – требовала тетка в билетной кассе.

Раушенбах честно искал в газетах указ о переименовании некоего города в Щербаков, но не нашел и снова пришел к «уполномоченному». Тот подумал и решил направить надоевшего ему спецпереселенца в Москву – пусть на Лубянке ему и объяснят, где находится город Щербаков.

Вполне законно прилетев из Свердловска в Москву, Раушенбах на Лубянку не явился и перешел на нелегальное положение. Засекреченный беглый каторжник, без прописки, без продовольственных карточек работал у Келдыша – тот сумел все объяснить своему начальнику 1-го отдела. Потом Раушенбах все-таки пошел на Лубянку «с повинной». Выяснил, что Щербаков – это, оказывается, Рыбинск. Чекист очень настаивал, чтобы он поскорее туда отправлялся.

– А если я туда не поеду?

– Вас же нигде никогда не пропишут, – добродушно объяснил чекист.

И точно. Несмотря на все хлопоты Келдыша, а потом и Победоносцева – он был тогда главным инженером НИИ-88 и готов был взять Раушенбаха к себе, – в милиции упорно не хотели его прописывать. Однажды, зайдя в кабинет к очередному высокому милицейскому чину, Борис Викторович начал так:

– Я знаю, что вы ничем не сможете мне помочь…

– Это почему же?! – перебил чин, сразу обидевшись на подозрение в его служебном бессилии.

Так он снова стал легальным…

– Потом на стадионе «Динамо», – рассказывал Раушенбах, – я увидел человека, который настаивал, чтобы я ехал в Рыбинск. Признаюсь: я подумал-подумал и смылся со стадиона. До самой смерти Сталина меня преследовали сны: поймали, волокут…

У Келдыша Раушенбах занимался теорией вибрационного горения, акустическими колебаниями в прямоточных двигателях – это сложная математика, замешанная на термодинамике и акустике. В 1949 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1958-м – докторскую. Ему было 43 года, у него было негромкое, но прочное научное имя. В космонавтику он не рвался, но когда узнал, что заниматься ориентацией космических объектов охотников нет, пошел к Келдышу и сказал, что хочет попробовать разобраться в этом деле. Келдыш вяло разрешил, взяв с него слово, что он не бросит свою основную тематику.

Королев встретил его так, будто они расстались вчера. Никаких объятий и молодецких тычков в грудь. Сергей Павлович был озабоченно приветлив – не более. Ни слова ни о прииске Мальдяк, ни о «Стройотряде 18-74». Только о деле и о сроках.

Через день Королев сказал Пилюгину:

– Значит, ты отказываешься делать систему ориентации? Хорошо. Тогда я передаю ее Раушенбаху.

– Он не сделает… – мрачно проворчал Пилюгин.

– Сделает в этом году! – резко перебил Королев.

Работа Раушенбаха 1958 года – одна из самых новаторских в истории первых лет космонавтики. И ракеты, и двигатели к ним, и простейшие системы управления делались за многие годы до первого спутника, но ориентацией летательных аппаратов в межпланетном пространстве никто никогда не занимался.

Работу эту, к которой впоследствии подключились десятки людей – целое подразделение КБ Королева, начинал Раушенбах вдвоем со своим молодым сотрудником Евгением Токарем. Токарь – человек странный, что называется, «с завихрениями», но невероятно талантливый. Еще в 1956 году он придумал некий аналог гирокомпаса, который позволял объекту, условно говоря, лететь только носом вперед. Раушенбах, используя идею Токаря, нашел ее оригинальное продолжение, создав стройную теорию ориентации для орбитальных объектов. Полеты к Луне потребовали ее усложнения. Новая система на хаотично вращающемся луннике должна была «схватить» своим «кормовым» оптическим датчиком Солнце, а потом «носовым» датчиком найти Луну и уже не выпускать ее из виду ни в коем случае.

Королев требовал, чтобы аппаратура была готова к весне 1958 года. Сроки были нереальны, это понимал и сам Королев, но

изменить их упорно отказывался. Раушенбах решил не строить никаких математических моделей, а сразу конструировать конкретную систему, которую «можно пощупать», и убедиться, что она работает. Да и Королев требовал, чтобы ему заранее выдали данные, нужные конструкторам лунника: габариты системы и ее вес. И не худо бы указать, на скольких болтах ее будут крепить и где эти болты должны будут торчать. Что крепить?! Не было еще абсолютно ничего! Раушенбах сел и стал считать, сколько весит одно реле, другое, сколько их будет и какое примерно место они займут. Прикинув все это, Борис Викторович нарисовал некую «коробочку». В это время к нему на работу поступил молодой инженер Евгений Башкин, человек очень талантливый и воспитанный военно-морским флотом, где он до этого служил, в духе строгой дисциплины и ответственности. Когда он увидел, какую «липу» отправляет Раушенбах в ОКБ, он заподозрил в Борисе Викторовиче авантюриста, в чем признался шефу через несколько лет, уже после того как оба они получили за «Луну-3» Ленинскую премию.

Реализацию «коробочки» Борис Викторович начал с того, что, взяв под отчет в институте 1000 рублей, он отправил молодого инженера Толю Пациору на улицу Горького в магазин «Пионер», чтобы тот накупил паяльников, проводов, сопротивлений, разных полупроводниковых штучек и прочей технической мелочевки, предназначавшейся для утешения юных техников. И вот они, совсем молоденькие – еще дипломы клеем пахли – инженеры: Женя Башкин, Дима Князев, Виктор Легостаев, Толя Пациора, Борис Скотников, Юра Спаржин, Валя Николаев – начали строить из этих в буквальном смысле детских игрушек систему космической ориентации, включающую маленькие реактивные двигатели на сжатом газе, оптические датчики, гироскопические приборы и логические электронные управляющие устройства – первую в мире подобную систему.

Потом было много разных других систем. Межпланетные станции ориентировали по Солнцу и яркой звезде южного полушария Канопус, космические корабли и спутники – по Земле. Раушенбах и тридцать лет спустя считает, что система, сделанная в его отделе Токарем и другими ребятами для спутника связи «Молния», является непревзойденной по своей простоте и надежности, и почти уверен, что ее вряд ли можно превзойти. После «Молнии» Борис Викторович начнет грустить: захочется нового дела, которым занималось бы не более десяти-пятнадцати человек в мире. Он станет размышлять над математической моделью кровообращения в организме человека, но, узнав, что над этим работает больше пятнадцати человек в мире и сделали

они уже немало, охладеет и к этой теме. В 70-х годах, разглядывая с ребятами из своего отдела иконы в музее Андрея Рублева, он отметит странное построение великим мастером перспективы и начнет думать об этом. В 1980 году выйдет его книга «Пространственные построения в живописи.

Очерк основных методов». Текст дополнен обширным приложением, недоступным искусствоведам – не просто интегралы, тройные интегралы: он подтверждает свои открытия математически. В 1986 году Борис Викторович закончит работу над книгой «Системы перспективы в изобразительном искусстве». До него об этом писали Филиппе Брунелеско и Паоло Учелло в XV веке...

Но все это будет не скоро. А сейчас срочно нужна система ориентации для нового лунника. К весне 1958 года Раушенбах сделать, конечно, ее не успел, но и Королев его не дергал. Начались все эти неприятности с продольными колебаниями носителя, потом с третьей ступенью: тут уж Королеву было не до системы ориентации. А к маю 1959 года, когда «семерку» усмирили, у Раушенбаха все было готово. И самое удивительное – реальная система по габаритам и весам почти не отличалась от той «липы», которую он послал Королеву.

– Как вам это удалось? – спросила однажды Бориса Викторовича Евгения Альбац, биограф Раушенбаха.

– Это надо чувствовать печенками! – засмеялся Бэвэ – так звали Бориса Викторовича его «ребята». – А потом я же все время делал такой вид, будто я серьезный человек!..

Сумасшедший Николая Васильевича Гоголя в своих «Записках» утверждал, что «луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается». Это категорически неверно! (Да и что взять с сумасшедшего!) «Луна» делалась в Подлипках и делалась совсем не плохо. Академические институты вовремя поставили оговоренную аппаратуру, но, честно говоря, вся эта аппаратура мало волновала Сергея Павловича. Ну уточнит она что-нибудь из того, что получено в прежних полетах, ну и что? Станция запускалась для фотографирования обратной стороны Луны – это ее главная и самая важная работа. И сможет ли она выполнить ее, зависело, прежде всего от системы Раушенбаха.

– А Землю она, часом, не «поймает»? А то начнет фотографировать Землю, – допытывался Сергей Павлович.

– Не должна, – туманно успокаивал его Борис Викторович.

Королев лично читал все протоколы испытаний фототелеаппаратуры, дотошно расспрашивал о выдержках при съемке. В голосах своих собеседников не слышал он абсолютной уверенности, злился на них, но сам себя сдерживал, поскольку

злиться было глупо, – ну кто, действительно, точно мог сказать, какая там за 400 тысяч километров от Земли освещенность, какую надо ставить выдержку.

25 сентября, как всегда вечером, Королев улетел на космодром, а рано утром был уже в МИКе и уже успел кого-то отчитать...

Подобные всплески собственной гневливости глубоко огорчали Сергея Павловича. Он ведь понимал, что так вот срываться на мальчишку-инженера, причем мальчишку славного, преданного делу, нельзя, недостойно. Ну, что теперь, извиняться идти? Тоже как-то глупо. Ницше говорил, что, раскаиваясь, прибавляешь к совершенной глупости новую...

Многие из тех, кто писал о Королеве, справедливо отмечали, что в принципе он был человеком добрым и, несмотря на свои «взрывы», никаких серьезных «увечий» людям не причинял. Это правда. Но ведь и у доброго человека может быть плохой характер. «Однако его любили!» – утверждает множество людей. Правильно. Бальзак писал: «В нас нет ненависти к суровости, когда она оправдана сильным характером, чистотой нравов и когда она искусно перемешана с добротой». И, несмотря на то, что Королев был человеком добрым, несмотря на то, что очень многие и очень разные люди действительно любили его, несмотря на все то, за что его любили, может быть, надо набраться смелости и признаться: у Королева был тяжелый, трудный, плохой характер.

Он был очень нежен с Ниной – самым близким для него человеком – и все-таки не раз заставлял Нину плакать, сам при этом мучаясь, быть может, больше ее. Истоки его частого раздражения на работе порождены, мне кажется, самой административно-командной системой, в которой он жил и воспитывался. Никто тогда не руководил добродушно. Добродушный руководитель – заведомо слабый руководитель.

Королев кричал на своих людей, потому что Устинов кричал на него, а Хрущев кричал на Устинова. Руководить – это значит быть недовольным – вот стиль его времени[185]. И ужасно не то, что он кричал, а то, что те, на кого он кричал, считали это нормальным. Они бы растерялись и не поняли его, веди он себя по-другому, чувствовали бы себя не в своей тарелке, а некоторые административные мазохисты просто обиделись бы на него!

Огромная, космическая – в прямом и переносном смысле этого слова – работа Королева в последнее время, тот многомесячный хор славословий, который постоянно теперь ее окружал, заставили Сергея Павловича по-новому взглянуть на все свое Дело и на свое место в этом Деле. В эти дни он и написал

Нине Ивановне большое исповедальное письмо, редкое среди многих его писем.

«...Дела наши здесь идут с необычным (даже для нас!) напряжением и обилием всяких трудностей, – писал Сергей Павлович. – Это все, в общем, закономерно, т.к. наша ближайшая задача весьма трудна и сложна даже просто по своему замыслу. Очень отрадно видеть, что такой большой коллектив самоотверженно трудится буквально без отдыха, все забыв и думая только о том, чтобы выполнить задание. Я очень, очень рад, что вокруг выросли эти люди, ведущие наше дело вперед.

Все эти дни я как-то по-новому, с особенным вниманием присматриваюсь и к своей лично работе здесь. Конечно, я не работаю с гаечным ключом или электрическим пробником, но мне кажется, что (я) глубоко участвую во всех процессах и работах, здесь идущих. Все же опыт есть и глаз наметан, а голова неутомимо подсказывает новые мысли. За эти 10-12 лет «такой работы» крепко связались теория с практикой, расчет с конструкцией, замысел с исполнением. И, наверное, мне выпало великое человеческое счастье трудиться в этом большом и увлекательном деле – редкое для человека счастье!

Вот и лирики немного, – вероятно, русский человек без этого не может...»

Вопрос о формах собственного участия во всех работах всегда волновал Сергея Павловича. Что должен делать и чего не должен делать Главный конструктор? Он немало об этом размышлял. Однажды в разговоре с авиаконструктором Игорем Александровичем Эрлихом он так сказал о руководителе одного авиационного КБ:

– Это дело он сделать не сумеет. Он кустарь, у него в кабинете кульман стоит...

– Да он за кульманом и не работал никогда, – возразил Эрлих.

– А для чего поставил? У него идеология кустаря: сам придумаю, сам начерчу, сам сделаю...

Надо думать, что Королев и сам «выдавливал из себя по капле» такого кустаря – ведь было время, когда он сам придумывал, сам чертил и сам строил. Уже в конце жизни в единственном записанном на пленку интервью, которое он дал радиожурналисту Юрию Летунову, Королев так сформулировал свое кредо:

– Если вы думаете, что Главный конструктор какой-нибудь системы или корабля – творец этого корабля, вы заблуждаетесь. У Главного конструктора есть прямые обязанности, за которые он и морально, и по закону несет прямую личную и единоличную

ответственность. Скажем, исходные данные. Спорят с ним сотни людей в течение трех месяцев. Наступает момент, когда эти данные должны быть утверждены. За утвержденные данные по закону и по совести ответственность несет персонально и единолично Главный конструктор. За методику. За безопасность. Ведь можно построить работу так, что не все предусмотришь, что-то не сделаешь. Но жизнь не обманешь, и это «что-то» обязательно вылезет! Разве может Главный конструктор все предусмотреть? Не может. Это плод коллективного труда. Методику надо выработать, надо отсеять все лишнее, надо взять главное, основное, надо установить порядок и надо его утвердить. Вот за это Главный конструктор несет персональную и единоличную ответственность...

Видно, что ноша эта была нелегка. Ведь в том письме, где он пишет, что не работает с гаечным ключом, есть такое грустное продолжение:

«Я сделал и еще один вывод, и довольно печальный, из своих наблюдений: устаю страшно, и даже не только физически, а как-то морально, или душевно. После напряженной работы плетусь без сил, ложусь и проваливаюсь в пустоту сна, а, проснувшись, чувствую себя неотдохнувшим. Это очень плохо, я раньше этого не замечал за собой, и утомление бывало простым, обычным и проходящим после отдыха, даже короткого.

Летят золотые годы, и они же неумолимо сказываются во всем этом! Как же мало времени отведено человеку на его творческую сознательную жизнь – и для труда, и для благ жизни! Это – так!..»

Вот такое необычное, грустное пророческое письмо написал Сергей Павлович в своем тюратамском домике за три дня до старта «Луны-3».

Королев считал, что дела «идут с необычным (даже для нас!) напряжением и обилием всяких трудностей». Через много лет ветеран-испытатель А.И.Осташов уточнит в своих, воспоминаниях, что многие проблемы в те дни действительно решались при непосредственной подготовке станции к пуску. «В частности, – пишет Аркадий Ильич, – только на космодроме удалось окончательно доработать и отладить систему электропитания, а многие научные приборы были включены в состав станции только после определения окончательных весовых лимитов. Работали круглосуточно, и многие специалисты не покидали места испытаний станции по несколько суток подряд».

Как уже отмечалось, в «Луне-2» Королева волновала только точность наведения ракеты на космическую цель. В новом эксперименте наиболее сложной задачей были само

фотографирование Луны, обработка снимков и передача их по телеканалу на Землю. Но это вовсе не значило, что предыдущий старт снял все траекторные тревоги. Вовсе нет, они даже возросли. Для того варианта облета Луны, который предлагал Келдыш, требовалась точность в три раза выше, чем просто для попадания в Луну. Не раз и не два обсуждали Келдыш и Королев этот вариант. Мстислав Всеволодович рисовал плохо, но рисовать любил. На листе бумаги появлялись два довольно мятых круга – Земля и Луна. От большого к малому пошел пунктирный след – траектория движения станции. Келдыш объяснял: если начать огибать Луну как бы сбоку, пролетая над лунным экватором, аппарат вернется на Землю в южное полушарие, его не будет видно за горизонтом с территории нашей страны и, для того чтобы принять его сигналы с закодированным изображением, надо отправлять громоздкую экспедицию за экватор, что сложно и дорого. Огромная приемная антенна едва ли поместилась бы даже на крейсере. «Мальчики Келдыша» в Отделении прикладной математики (ОПМ): Дмитрий Охоцимский, Александр Платонов, Михаил Лидов и «девочка» Зарина Власова искали более простое решение. Вернее, более сложное для баллистиков, но зато без крейсера. Келдыш приезжал к ним чуть ли не каждый день, помогал. Трудно определить теперь, кто первый сказал тогда «а», но они нашли то, что искали. Космический аппарат направлялся под Луну, пролетал над ее южным полюсом, и в этот момент сила притяжения Луны изгибала его траекторию так, что возвращался он уже в небо северного полушария Земли и никакую экспедицию никуда не нужно было посылать. Но получится ли так, как задумано?

Перед самой установкой лунника на ракету вылез пренеприятнейший «боб»: пленка никак не хотела заправляться в аппарат, график работ срывался, а ведь старт – «астрономический», его надо выдержать с точностью до секунды. Всполошились все. Госкомиссия в полном составе прибыла в МИК. С бедным механиком, который вставлял пленку, случилось что-то вроде истерики. Королев все понял: никакие разносы сейчас не помогут. Он сел и начал рассказывать анекдоты. Потом как бы, между прочим, обернулся к Брацлавцу, главному конструктору «Енисея» – аппарата, в котором пленка проявлялась, мылась, фиксировалась и сушилась и который в КБ все называли «банно-прачечным трестом»:

– Петр Федорович, не волнуйтесь, – сказал Королев тихим, спокойным голосом. – Если не успеете, будем пускать через неделю... А сейчас все, кто вам не нужен, пусть уходят.

Он помолчал, потом положил руку на «Енисей» и, широко

улыбнувшись Петру, сказал:

– Ну, если эта... сработает, вот смеху будет!..

Перед тем как лунник, заправленный, наконец, пленкой, установили на ракету, Евгений Башкин, который вместе с Брацлавцем довинчивал последние гайки, решил расписаться на защитной крышке. И другие ребята тоже расписались. А потом расписались Королев с Келдышем и Рязанским и ребята Рязанского. Военпред Лебедев ворчал, что подписи «не предусмотрены документацией», но, в конце концов, тоже расписался...

Старт прошел без замечаний: 4 октября «Луна-3» начала свой полет. На следующий день рано утром Королев уже в своем кабинете в Подлипках жадно ждет новостей с космической трассы. А новости малоутешительные: радиосвязь плохая, прерывистая, телеметрия нечеткая, многие команды Земли на борт не проходят. Королев понимает, что люди в Крыму болеют за дело не меньше, чем он, что советы его по радиосвязи не дорого стоят, но находиться вдали от главного места средоточия всех событий, каким стал сейчас временный узел дальней космической связи на горе Кошка под Симеизом, он не мог.

В 11.45 Королев вылетел из Внуково в Крым. В самолете вместе с ним летели Келдыш, Черток и Аркадий Осташов (младший брат «стреляющего»). Королев в самолете быстро организовал на чемоданах импровизированный обед, без выпивки разумеется. За обедом наметили план будущих действий. С аэродрома на вертолете на Ай-Петри, оттуда на машинах – на Кошку. Действительно, в Саках они подрулили к вертолетной площадке, где уже стоял Ми-4 с прогретым двигателем. Полетели. Однако вскоре к пассажирам спустился командир и, безошибочно угадав в Сергее Павловиче главного начальника, сказал:

– На Ай-Петри идет мокрый снег. Видимость нулевая, садиться нежелательно.

– А может, рискнем? – быстро спросил Королев. – Мы торопимся, а там нас машины ждут.

Командир молчал. Королев подумал и добавил:

– Впрочем, спускаться с Ай-Петри на машинах при такой погоде вряд ли разумно...

– Под Ялтой есть вертолетная площадка, – сказал командир.

– Пошлите радиограмму первому секретарю горкома в Ялте, пусть пришлет на площадку две машины...

В Ялте на площадке стояли «ЗИМ» и «Победа». Секретарь горкома приехал сам. Здороваясь с Королевым, назвал по имени-отчеству – был предупрежден... Уселись все в один «ЗИМ», поехали.

Как нравилось Королеву все это: все эти самолеты, вертолеты, машины, эти приказы по радио, эта четкость, этот темп, и что вот так встречают, и что все это – на глазах Келдыша и замминистра, на глазах его людей – пусть знают наших! Скромнейший в быту человек, категорически не барин и не задавака, никогда не кичившийся ни званиями, ни наградами, Королев тем не менее очень любил, когда вся окружающая обстановка и люди вокруг подчеркивали его значимость, масштабность, власть. Это нужно было для авторитета Дела...

В 14.30 они уже слушали доклады баллистиков и телеметристов. Станция действительно работала нечетко, но категорических отказов не было. Люди Рязанского во всем обвиняли королевских антеннщиков. Те, естественно, защищались.

– К диаграмме направленности у меня претензий нет, – спокойно, но твердо сказал Главный, защищая своих людей. – Будем разбираться.

Один из операторов доложил, что температура внутри станции около 40 градусов и продолжает медленно расти.

– Почему перегреваемся? – спросил Королев, глядя в глаза оператора.

– Пока не знаю...

– Если вы, как испытатель, считаете, что вопросы проектирования и идеологии систем не ваша задача, то вы глубоко заблуждаетесь![186] Где вы были, когда готовили АМС[187] к полету? Почему не разобрались с возможностями СТР[188]? Это ваша грубая и недопустимая в будущем ошибка. А сейчас я жду от вас предложений. Подключайте всех нас! Подключайте любого человека в Москве, в Советском Союзе! Я даю вам все линии связи. Но учтите – в ваших руках сейчас судьба результатов полета АМС! Ошибетесь – ой как спросим с вас! Временем не ограничиваю. Но не забывайте, что мы перегреваемся! Запасы почти исчерпаны!..

Понимал ли Королев, как точно он характеризует собственное состояние: «Мы перегреваемся!»?

К вечеру был выработан план последовательных операций, которые должны были остановить перегрев. После утверждения плана и отправки соответствующих команд на лунник температура медленно поползла вниз...

На следующий день телеметристы доложили, что в 6 часов 30 минут по московскому времени станция начала фотографирование лунного затылка. Что получится?

Попытка передать фотоснимки сразу после их проявления, т.е. практически от Луны, не удалась, но специалисты убеждали

Королева, что на подлетном сеансе, когда станция подойдет к Земле, «картинка будет».

Королев просто умирал от любопытства и нетерпения. Если бы сейчас прилетел с Луны ангел с черным конвертом и сказал: «Вот снимки. Они стоят года жизни», он бы отдал этот год. Впрочем, кто знает, быть может, эту цену он за них и заплатил…

Королев и все другие прибывшие из Москвы ученые и специалисты жили в Ореанде. Море, пляж (правда, купаться было уже холодно), прекрасный парк – гуляй, отдыхай, – ведь она же уже все сфотографировала, надо просто дождаться сеанса передачи снимков. Работа идет по плану, ничего не надо ускорять, никого не надо подгонять – все это Сергей Павлович прекрасно понимал, но не мог ни гулять, ни отдыхать, впрочем, нет, он и гулял, и вроде бы отдыхал, но в эти моменты находился в состоянии предельного нервного напряжения. Ожидание выматывало его, как тропическая лихорадка.

На сеанс приема снимков народу набилось столько, что не продохнуть, но приказать выйти он не мог – это было бы очень жестоко.

– Не надо волноваться, Сергей Павлович. Никаких снимков мы не получим, – подливал масло в огонь Андрей Борисович Северный. – Уверяю вас, радиация забьет любое изображение.

Королев сдерживался, чтобы не рявкнуть на Северного. Он еле дождался той минуты, когда первый мокрый снимок принесли из фотолаборатории. Сергей Павлович положил его на ладонь и, отключившись от всего окружающего, произнес задумчиво:

Ну-с, что у нас тут получилось?..

Изображение было довольно мутноватое.

– Теперь мы знаем наверняка, что и обратная сторона Луны тоже круглая, – тихо, но так, что все услышали, сказал Черток.

Келдыш зашипел на него. Из-за спины, бочком к Королеву прокрался Богуславский, не спеша снял с ладони сырой снимок.

– Не волнуйтесь, Сергей Павлович, добавим фильтры – и помех не будет, – с этими словами он спокойно разорвал фото.

Все замерли. Люди, хорошо знавшие Королева, понимали, что должен последовать оглушительный взрыв. Да и сам Богуславский мог бы догадаться. Однако, как иногда случалось, Королев снова доказал, что он непредсказуем. Он медленно обернулся к Богуславскому, и все увидели, какое у него грустное, увядшее лицо.

– Зачем же ты, Евгений Яковлевич, так сразу?.. – произнес он убитым голосом. – Ведь это же первая, понимаешь, первая фотография…

Через несколько минут Королеву принесли новый снимок. При всем его несовершенстве восемь крупных лунных образований были видны достаточно четко.

Дождавшись, когда он высохнет, Сергей Павлович написал на обороте: «Уважаемому А.Б. Северному первая фотография обратной стороны Луны, которая не должна была получиться. Королев. 7 октября 1959 года».

В Симферополь из Ореанды ехали на «ЗИМе» впятером: Королев, Келдыш, Рязанский, Лидоренко и Владимирский. Келдыша после муската клонило в дрему. Королев не пил и был, напротив, необыкновенно оживлен. Рассказывал, как проектировал в Одессе первый свой планер, как студентом летал в Коктебеле. Слушали его вполуха, но слушатели ему были и не нужны...

Английский астроном Джон Гершель умирал 79 лет от роду весной 1871 года. Слушая перед смертью священника, который рассказывал ему о радостях загробной жизни, Гершель остановил его слабым движением руки и сказал:

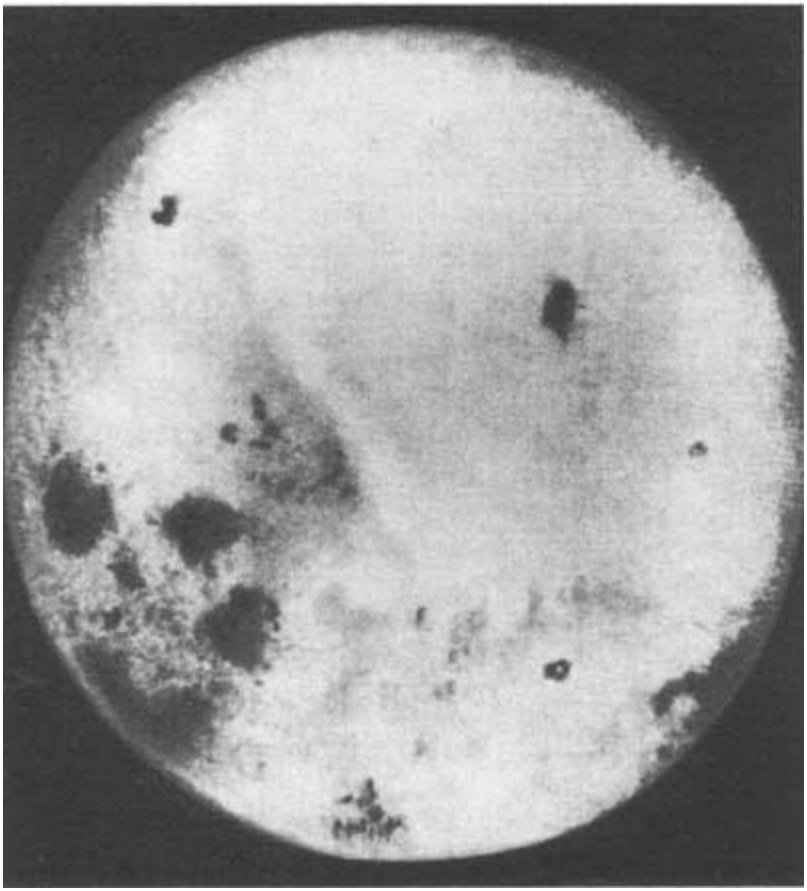
– Все это прекрасно, но самым большим удовольствием для меня было бы увидеть обратную сторону Луны...

«Снимок века» – так его называл весь мир – был опубликован в газетах через 88 лет – 27 октября 1959 года.

Евгений Александрович Башкин

Евгений Яковлевич Богуславский

Лунный «затылок»



Это было прекрасное время, потому что мы были молоды, и даже космос не страшил нас.

Мстислав Келдыш

Наверное, дата публикации снимка обратной стороны Луны была выбрана не случайно: в тот же день в Кремле открывалась 3-я сессия Верховного Совета СССР, у Никиты Сергеевича появлялся еще один повод напомнить о лунных победах. Впрочем, Хрущев никогда не забывал сделать это и без повода. Вернувшись из США, он совершил путешествие по Дальнему Востоку и Сибири, где и застала его благая весть о «Луне-3». На митинге во Владивостоке он рассказывал, как стыдил отсталых американцев нашим лунником.

– Тогда речь шла о второй космической ракете, которая доставлена точно на Луну, – напомнил Никита Сергеевич, – а сегодня третья советская космическая ракета идет своим курсом, чтобы совершить облет Луны, завить, если образно говорить, свои кудри вокруг Луны. Советские кудри, социалистические, а не капиталистические...

Кто уж там из помощников-стилистов помогал ему «образно говорить», не знаю, впрочем, он часто откладывал заготовки и импровизировал. О будущем фотографировании оборотной стороны лунного диска Хрущев промолчал, ограничился «социалистическими кудрями», – а вдруг с фотосъемкой ничего не получится?!

Теперь, на сессии, когда миллионы людей во всем мире разглядывали «снимок века», Хрущев ликовал и не скрывал этого:

– Как нам не радоваться, не гордиться такими подвигами советских людей, как успешный запуск в течение одного 1959 года трех космических ракет, вызвавших восхищение всего человечества. Весь советский народ славит людей науки и труда, проложивших путь в космос! – он выбросил руку вверх, выверенным этим жестом, словно включая рубильник аплодисментов. – В эти дни наши замечательные ученые сделали еще один прекрасный подарок своей Родине. Они хорошо поухаживали за Луной, и она проявила к ним благосклонность, разрешила сфотографировать ту сторону, которую она всегда сохраняла от взоров людей. Мы по праву гордимся советскими учеными, которые убедили Луну снять чадру, этот пережиток

прошлого…

Зал зашумел, засмеялся, зааплодировал, поощряя «образное мышление» лидера, не сообразив сразу, что чадру – пережиток прошлого – носили на лице, а все газеты писали о фотографии лунного затылка. Ну да лицо, затылок – какая разница?!..

– Под влиянием развития советской науки, – продолжал вдохновенно Хрущев, – Луна сбросила чадру, стала идти в ногу с нашим временем и раскрыла свое лицо перед советскими учеными, перед советскими людьми. И они предоставили возможность всему миру познакомиться с сокровенными тайнами этой небесной красавицы. Конечно, с разрешения Луны. Мы не имеем привычки подсматривать туда, куда не разрешается…

Этакая легкая фривольность снова рассмешила депутатов. Увлекаясь «образностью», Никита Сергеевич мог иногда залезть в такой словесный лабиринт, что не сразу способен был отыскать обратную дорогу. Тогда он просто крушил стены этого лабиринта, не терзаясь отсутствием плавности мысли. Так случилось и на этот раз: от подглядываний за небесной красавицей он сразу перешел к поздравлениям ученых, запамятовав, что существует незыблемая пропагандистская квадрига и поздравлять надо не ученых, а «ученых, инженеров, техников и рабочих». Конечно, справедливость требовала поздравлять и военных ракетчиков, стартовые расчеты которых пускали все ракеты, в том числе и космические, солдат и офицеров командно-измерительного комплекса, но причастность армии к космонавтике была, и много лет после Хрущева оставалась, одной из величайших государственных тайн.

Королев читал речи Хрущева с нескрываемым удовольствием. Он прощал ему и «социалистические кудри», и «чадру». Сергею Павловичу даже импонировала вот эта безыскусная речь, примитивизм которой искупался ее искренностью. С Никитой Сергеевичем у Сергея Павловича отношения складывались прекрасные, и, хотя между ними всегда стоял Устинов, Хрущев быстро разобрался, что, если отбросить субординацию, не Королев при Устинове, а Устинов при Королеве. По словам сына Хрущева Сергея, после посещения ОКБ Королева в январе 1956 года «отец просто влюбился в Королева, он готов был говорить о нем без конца»[189].

Всем Главным конструкторам Хрущев распорядился построить дачи, и в Жуковке под Москвой срочно возводились двухэтажные виллы. Королев решил, что так далеко от Подлипок жить ему будет неудобно, и подыскал пустой лесистый кусочек земли неподалеку от ВДНХ. Осенью 1959 года дом – последняя королевская квартира – был готов.

Конечно, где-нибудь в Калифорнии в таком доме живет хороший зубной врач, но да мы-то, слава богу, не в Калифорнии... 11 ноября Сергей Павлович с Ниной Ивановной первый раз ночевали в новом доме.

На встречу нового 1960 года Королев и другие Главные первый раз были приглашены в Кремль. Хрущев, веселый, с бокалом шампанского в руке, переходил от одной группы гостей к другой, смеялся, шутил с дамами, а если хотел выразить особое расположение мужчинам, хлопал их по плечу. Начались танцы. Королев вальсировал с женой, когда спускавшийся с лестницы Хрущев разглядел их в кружащейся толпе.

– Королевы! Вот вы где! – громко закричал Никита Сергеевич.

– Надо подойти, а то неудобно, – шепнул Сергей Павлович Нине Ивановне.

– Ну, как, переехали? – спросил Хрущев, когда они приблизились. – Когда на новоселье пригласите?

Такого вопроса Королев не ожидал. Сергей Павлович понял, что означало легкое прикосновение туфельки Нины к носку его полуботинка, ответил неопределенно:

– Немного обустроимся, Никита Сергеевич... Тогда, пожалуйста, будем рады...

– Если так, прошу ко мне!

Через день, от Никиты Сергеевича позвонили, сказали, что ждет, и Королевы поехали на дачу в Михнево. Там уже были Глушко и Пилюгин с женами. День выдался солнечный, но морозный. Пошли гулять – Хрущев любил пешие прогулки. Такую неофициальную встречу необходимо было использовать для Дела, но у Королева ничего не получалось, шла болтовня о каких-то пустяках, Хрущев упрекал Сергея Павловича, что тот разрешает ходить жене без шапки в такой мороз, потом для них заложили сани, катались, стреляли по тарелочкам из мелкашек, наконец – обед. И вроде бы отыскал Королев подходящий момент, чтобы начать разговор, но тут Хрущев, вдруг схватив рукой кусок медвежьей колбасы, стал угощать Магду Глушко, и опять ничего не вышло...

Дело, которое беспокоило Сергея Павловича, возникло не вдруг и касалось не какого-нибудь частного вопроса. Дело касалось всего Дела. Уже через год после запуска спутника Королев понял, что он и его ОКБ не в состоянии будут тянуть весь этот космический воз, который он ежедневно сам нагружал все новыми и новыми идеями. Можно было потребовать полной реорганизации, резкого увеличения штатов, но опытный руководитель – Королев знал, что это проблемы не решит, что существует предел, за которым он будет уже не в состоянии

контролировать работу огромного коллектива, подобно тому как ткачиха может подвязывать оборвавшуюся нить, не снижая при этом ритма работы, на тридцати станках, но на трехстах – не может. Королев долго размышлял над сложившейся ситуацией и еще до запуска лунников, весной 1959 года составил докладную записку, в которой впервые изложил все эти свои мысли. Записку эту он показал Келдышу и предложил ему подписать ее вместе. Келдыш почитал, чуть-чуть поправил, и 27 мая докладная ушла в Кремль.

«В настоящее время работы по исследованию космического пространства проводятся в основном теми же организациями, которые разрабатывают ракеты дальнего действия... Назрела необходимость привлечения к этим работам новых сил и новых организаций», – так начинал Королев свою записку.

Что он хочет? Он хочет заниматься тем, чем занимался: проектировать и строить ракеты. А все то, что должно работать уже в космическом пространстве – спутники, межпланетные станции и космические корабли, должна создавать другая организация, которую он называет Институтом межпланетных исследований. Потом уточняет: «Этот институт целесообразно организовать как Международный научный центр по освоению космического пространства...»

Процессы управления космическими объектами и связь с ними – наиболее сложные проблемы космонавтики, и Королев предлагает для их решения создать четыре независимых института: автономных систем управления – очевидно, это будет дитя Пилюгина и Кузнецова; дальней космической радиосвязи – это ветвь Рязанского; радиотелеметрических измерений – надо думать, он планировал развитие КБ Богомолова с подключением специалистов Рязанского, которые уже накопили в этом деле немалый опыт, и других управленцев; наконец, систем энергопитания, который, вероятно, предполагал двух родителей: Лидоренко с его солнечными батареями и Миллионщикова – с изотопными источниками электроэнергии.

Опоздания академических институтов с поставкой нужной аппаратуры во время работы над спутниками и лунниками из эпизодов превратились в систему, поэтому Королев считает, что и тут требуются коренные изменения. «...Изготовление этой аппаратуры, – пишет он, – в довольно большом количестве экземпляров и при обязательной гарантии определенной высокой надежности – эта задача не по силам Академии». Сергей Павлович предлагает создать «специализированное конструкторское бюро с хорошей производственной базой».

Королев понимает, что нужны не только технические

учреждения – не одними железками жив космос, поэтому он ратует за «Институт медико-биологического направления», т.е. хочет дать самостоятельность «космическим» медикам в военном Институте авиационной медицины, где они пока базируются. Кроме того, предлагает создать «Планетный научно-исследовательский институт на базе сектора астроботаники Казахской Академии наук», т.е. хочет привлечь к Делу Гавриила Андриановича Тихова и всех его единомышленников-романтиков, доказывающих, что жизнь на Марсе существует.

Читал ли эту докладную записку Хрущев? К какой ступеньке административно-бюрократической лестницы она прилипла? Узнать не удалось. Но известно, что с реализацией этого проекта в Кремле не торопились.

Никакого международного института по исследованию космического пространства создано не было. С годами создавалась смехотворная ситуация: Советский Союз на весь мир сообщал о своих космических победах, но института или конструкторского бюро, которые занимались космонавтикой, как бы и не существовало, поскольку и Королев, и все другие Главные были засекречены. Лишь в 1965 году, через шесть лет после записки, Келдышу удалось пробить постановление об организации ИКИ – Института космических исследований, во главе которого он поставил своего ученика – академика Георгия Ивановича Петрова. Но международным он не был, конструированием спутников, межпланетных станций и космических кораблей не занимался и вообще был нужен больше для представительства, чем для дела. Прошло много лет, прежде чем ИКИ начал выдавать ценную научную продукцию, но таким институтом, каким задумывал его Королев, он не стал и сегодня.

Королев сам начал раздавать свою тематику и даже людей, которых очень ценил. Подобно тому как Виктор Петрович Макеев, словно княжий сын, получил «уральский надел», другой любимец Королева – Михаил Федорович Решетнев, доказав свой талант и немалые организаторские способности во время работы над ракетой Р-11 (будущий СКАД), получил «надел сибирский» и занялся в Красноярске спутниками самого разного назначения.

Лишь в 1965 году Королеву удалось передать всю свою тематику по Луне, Марсу и Венере в конструкторское бюро Георгия Николаевича Бабакина. Единственно, с чем не торопился расставаться Королев, – это пилотируемые космические корабли. И в записке 1959 года, мне кажется, он немного слукавил: «Восток», работа над которым уже шла полным ходом, он бы никому тогда не отдал – очень был им увлечен.

Таким образом, почти все реорганизации, предложенные в

записке, осуществлены не были. Все оставалось, как и раньше: и Глушко, и Пилюгин, и Рязанский, и Кузнецов, и Исаев работали, и очень много работали, на космонавтику, но ни в какие специализированные «космические» организации они не превратились. Приборное академическое КБ с заводом создано не было. Гавриил Андрианович Тихов умер через полгода после отсылки докладной записки, похоронив вместе с собой идею создания Планетного института. Пожалуй, только одно из предложений Королева реализовалось более-менее оперативно – через четыре года. В 1963 году, когда стало ясно, что полеты человека в космос требуют огромной исследовательской работы, был, наконец, создан Институт медико-биологических проблем во главе с учеником великого Павлова Андреем Владимировичем Лебединским.

Таковы грустные итоги королевской инициативы. Он требовал крупных реорганизаций, больших затрат труда и денег. Но никому не хотелось тратить ни того, ни другого. Хрущев любил реорганизации: разделял партию на городскую и сельскую, придумал совнархозы, менял вывески министерств. Остряки потом говорили, что Никита Сергеевич не успел лишь разделить Министерство путей сообщения на «министерство туда» и «министерство обратно». Но реорганизовывать космонавтику он не хотел. Принять предложения Королева означало признать самостоятельность космонавтики, сделать шаг к ее отделению от военного ведомства и начать рассекречивание ракетной техники. Иными словами, космические планы Сергея Павловича, казалось бы, столь далекие от идеологической политики, в основе своей требовали новых демократических преобразований, большей открытости и гласности. Однако «оттепель» 1956-1957 годов пусть медленно, но уже пошла на убыль. Реалистический дух первых лет правления Хрущева все чаще подменялся коммунистическими фантазиями. И при анализе конкретных проблем жизнь рассматривалась не такой, как она есть, а такой, какой она должна быть. Королев покушался на святая святых Хрущева – на отработанную и проверенную систему секретности. Секретность была нужна Никите Сергеевичу везде, где мы действительно были впереди, – чтобы нас не догнали, и везде, где мы впереди не были, – чтобы никто не знал, что мы отстаем. Поэтому засекречено было все – от урановых шахт до стипендий спортсменам. Советский Союз, судя по официальным данным, был единственной страной в мире, где не случались авиакатастрофы и железнодорожные крушения. Да что там катастрофы! Сообщение о ташкентском землетрясении в 1966 году было воспринято всеми как невероятный подвиг гласности,

потому что до этого времени и землетрясений не было!

Год от года режим секретности ужесточался. В справочнике Академии наук СССР 1958 года дан домашний адрес Королева, домашний телефон, место работы – п/я 651 – и рабочий телефон. В справочнике 1959 года – только п/я 651 и рабочий телефон. В 1960 году – вообще ничего, указано только, что состоит в Отделении технических наук. Этот справочник вообще был подарком для зарубежных разведок, поскольку по отсутствию домашних адресов можно было безошибочно определить, кто из ученых Академии работает по военной тематике.

Подобная неуклюжесть секретности объяснялась тем, что целью ее было не сокрытие тайн, а сокрытие правды. И приверженность Хрущева к секретности шла, быть может, от подсознательного чувства, что с ее потерей вся вдохновенно нарисованная им картина нашего светлого послезавтра, окрашенная розовыми всполохами занимающейся на горизонте зари коммунизма, может разом потускнеть. Во всяком случае, вопрос о рассекречивании Королева и Келдыша в 1963 году стоял, но Хрущев не захотел делать этого, и рассекретила их только смерть.

Знаменитый химфизик, лауреат Нобелевской премии, академик Семенов рассказывал мне, что Келдыш якобы получил предложение Шведской Академии наук присудить Нобелевскую премию человеку, руководившему запуском первого искусственного спутника Земли, для чего шведам надо было, как минимум, знать, кто этот человек. Бумага эта была переправлена Хрущеву, который быстро решил сложный вопрос: «Автор спутника? Весь советский народ!» Я хотел проверить этот рассказ Николая Николаевича и написал в Стокгольм. Господин Андерс Барани из Физического комитета Шведской Академии наук любезно сообщил мне, что все обстоятельства выдвижения того или иного кандидата на Нобелевскую премию сохраняются по существующим правилам в тайне в течение пятидесяти лет. Так что проверки рассказа Семенова надо ждать еще много лет. Впрочем, если говорить об орденах, премиях и других наградах, Хрущева несправедливо было бы упрекать в скупости. Он не жалел для «великих без фамилий», как назвал поэт Роберт Рождественский ракетчиков и атомщиков, премий, орденов и Золотых Звезд, но это были тайные ордена и премии, в то время как одну из своих Золотых Звезд – за освоение космического пространства – Никита Сергеевич получил открытым указом. Так зачем было Хрущеву реорганизовывать космонавтику? Человек умный, Хрущев после нескольких встреч с Сергеем Павловичем понял, что Королев принадлежит к той категории людей, которые

будут работать с полной отдачей всегда, в какие бы условия они не были поставлены. А потому древо ОКБ Королева будет давать золотые космические яблочки и безо всяких организационных удобрений. Так стоит ли что-то менять?

Давно усвоил Королев мысль простую и ясную: в конечном счете все зависит от людей. Есть заводила, энтузиаст – пойдет работа, нет такого – никакое драгоценное оборудование, никакие финансовые инъекции ничего не дадут. Вот, например, космическая медицина. Подобрались энтузиасты: Яздовский, Покровский, Газенко, Серяпин, Генин, Юганов, Гюрджиан – и дело у них пошло. А вот у астрономов все получилось иначе.

Надо сказать, что Королев очень надеялся на поддержку астрономов, связывал с их будущим союзом многие свои планы, а союз все никак не получался. Уже во время работы над лунниками Сергей Павлович, по своему обыкновению, старался привлечь к новому делу ученых. Это его давняя, еще со времен ГИРД, установка. Ученые придавали всему Делу, и, разумеется, исполнителям Дела, большую солидность, не говоря уже о том, что действительно могли предложить что-нибудь интересное. Теперь, когда лунники становились реальностью, Королев с помощью Келдыша собрал астрономов, рассказал о своих планах, расспрашивал, какую аппаратуру надо поставить, что бы они хотели исследовать. Кукаркин выступил, благодарил, объяснил, какие замечательные перспективы открываются, если можно будет выйти за пределы атмосферы и рассмотреть ультрафиолетовую Вселенную, но большинство астрономов переглядывались и помалкивали. Они, как и геофизики несколько лет назад, были совершенно не готовы к такому разговору, предложения Королева представлялись им какой-то сказкой, и фантазия их иссякала на измерении магнитного поля Луны. Королев только крякал от досады, но молчал. Сергей Павлович решил обсудить некоторые детали фотографирования обратной стороны Луны, но и этот разговор на должном профессиональном уровне астрономы тоже провести не смогли. Их можно понять: подобные вопросы за всю многовековую историю их науки никогда не ставились! Кроме того, астрономы понимали, что, давая какие-либо рекомендации, они берут на себя большую ответственность – ведь их советы будут реализовываться, повлекут за собой немалые затраты, а к подобной ответственности они тоже не привыкли. В мире науки астрономы жили довольно обособленно, их конфликты и споры редко выходили за цеховые рамки, трудно было представить себе постановление ЦК о дальнейшем развитии астрономической науки или некое астрономическое подобие лысенковской

августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 году. Теперь же воля и упорство этого коренастого кареглазого человека вытягивала их на авансцену событий, часто определяющих политический климат мира. Они и не отрицали: да, они действительно не готовы к такому повороту в своей жизни.

Через две недели после полета первого лунника Королев начинает снова тормошить астрономов. Заместителю председателя Астрономического совета Академии наук СССР Алле Генриховне Масевич он направляет письмо, в котором напоминает ей о встрече в МГУ, где они вместе с академиком Амбарцумяном говорили о тяжелом астрономическом спутнике Земли. Королев пишет, что он готов запустить такой спутник, отдавая приборам около двух тонн полезного груза. «Нам кажется, что в этом вопросе остановка не за нами, а за астрономами, – в этой фразе уже слышится плохо сдерживаемое раздражение. – Непонятно, почему так много упущено времени, а по сути дела, нет даже проекта задания на разработку первой автоматической системы для проведения астрономических наблюдений со спутника. Мы вносим предложение – немедленно начать работы в этом направлении под руководством Астрономического совета. В нужный момент ОКБ готово принять в этом участие.

Нам кажется, кроме того, что было бы правильным разработать достаточно широкий общий план действий с учетом перспективных задач в этой области...

Интересен и такой вопрос, как организация автоматической астрономической межпланетной станции, рассчитанной на длительное существование: видимо, возможно создать автоматическую станцию на поверхности Луны...

Хотелось бы, чтобы дело сдвинулось с застойной точки, и не хотелось бы оказаться в отстающих...»

Что за несносный человек, этот Королев! Сам не живет нормально и другим не дает! Алла Генриховна, красивая молодая женщина, доктор наук, занималась внутренним строением и эволюцией звезд и была известна лишь в кругу своих коллег. В 1957 году ей поручили руководить оптическими наблюдениями за искусственными спутниками Земли, и работа эта, в сравнении с предыдущей не требующая особой остроты ума, сразу сделала ее невероятно популярной. В любой уважающей себя стране должны быть официальные герои и героини, как бы представляющие лицо страны и служащие примером для подражания подрастающим поколениям. В хрущевскую обойму официальных героинь входили ткачиха Гаганова, колхозница Заглада и астроном Масевич. Невозможно было представить без

них весенний праздник 8 Марта или новогодний «Голубой огонек». Алла Генриховна выступала по телевидению, давала интервью, иллюстрированные журналы публиковали о ней пространные репортажи: вот она дома в кругу семьи, вот на лыжной прогулке, а вот в обсерватории. Одно время Масевич была даже «космическим цензором», визирующим материалы для прессы. Человек безусловно одаренный, она стремительно завоевала известность, столь же бесспорно этой одаренности не соответствующую. И известность эта возникла не в результате некоего своего дела, а в результате суеты вокруг дела чужого. Ни Леонид Иванович Седов, ни Алла Генриховна Масевич ни в коем случае не были лжеучеными или выскочками. Королев, сам того не ведая, своей кипучей деятельностью породил их, создав положение, по которому некая общественная ниша в здании космонавтики должна была возникнуть, а коли она возникла – не могла пустовать. Жестко требовательный к себе, он с теми же мерками подходил к другим, и это была едва ли не основная причина его разочарований в жизни. Он не мог понять, что знаменитая Масевич не столько не хочет, сколько не может заниматься тяжелыми астрономическими спутниками, межпланетными станциями и телескопами на Луне! Это не ее масштаб деятельности, для этого нужен еще один Королев, только не ракетчик, а астроном!

Известные ученые-астрономы: москвичи Масевич и Кукаркин, ленинградцы Михайлов и Шаронов, харьковчанин Барабашов и другие – входили в специальную группу экспертов, которые должны были помогать Королеву. Они консультировали работы ОКБ, помогали советами, составляли для него «справки» и «рекомендации», но сильного, энергичного союзника, способного в полной мере воспользоваться теми возможностями, которые он мог дать их науке, Королев так и не нашел. Ну да спасибо за научно-популярные статьи в журналах, это ведь тоже нужно...

После «фотографии века» Королев планировал получить новый снимок лунного «затылка», но в косых лучах Солнца, что позволило бы составить более ясное представление о лунном рельефе, высоте гор и глубине «морей». 12 апреля 1960 года «Луна-4» не вышла на орбиту. Это не очень расстроило Сергея Павловича: в какой-то мере «Луна-4» была повторением «Луны-3». Сейчас его интересовал больше всего «корабль-спутник», как его тогда называли, и межпланетные автоматические станции, над которыми работали «ребята» Тихонравова.

Михаил Клавдиевич Тихонравов, перейдя к Королеву из НИИ-4, возглавил отдел № 9, где занимались различными перспективными разработками. Сектор Максимова –

межпланетными станциями и мягкой посадкой на Луну, Феоктистов – кораблем-спутником, Дудников – «Молнией». Отдел № 9 входил в «куст» проектных, конструкторских и производственных подразделений, которые курировал заместитель Королева – Константин Давыдович Бушуев. Когда появились спутники, они поначалу занимали весьма скромное место в работах ОКБ. Космический привесок ПС и для проектантов, и для конструкторов, и для производственников был практически невесом. Но сейчас, когда Королев увидел, что планы всех его реорганизаций увязли в бюрократическом болоте и быстро найти союзников вряд ли удастся, он понял, что полагаться надо на собственные силы. Прежде всего, он произвел небольшую внутреннюю реконструкцию, сделав Бушуева по сути дела своим заместителем по космосу.

В ОКБ Константина Давыдовича привел Мишин – они вместе учились в МАИ, вместе попали в конструкторское бюро Болховитинова и вместе эвакуировались в Билимбай. Они бы и в Германию поехали вместе, но в деревне убило молнией брата жены Константина Давыдовича, он поехал на похороны, а тут как раз все полетели за немецкими секретами. Бушуев из обоймы выпал и в Германию не попал. Вернувшись одним из первых, Мишин, который уже стал заместителем Королева в Подлипках, позвал Бушуева к себе. Так они снова соединились.

Константин Давыдович родился в семье школьных учителей села Путочина под Масальском. Отец его умер от тифа в 1921 году, когда Косте было только семь лет, и он получил воспитание женское: мама и две сестры. В семье никогда не ссорились, не повышали голоса, это были замечательно приветливые, незлобивые и доброжелательные люди. Сестра Константина Давыдовича рассказывала, что в комнате брата везде висели маленькие плакатики с одним словом: «Самообладание!». Костик таким и вырос – милым, улыбчивым, спокойным, деликатным. Любил природу, прогулки в лесу – пешком или на лыжах, но без суеты, без беготни. Иногда, уже после того как немцы оттуда уехали, ездил на озеро Селигер: любил одинокую трезвую рыбалку. Он вообще не пил, не мог осилить даже стакан пива. Всегда ратовал за здоровый образ жизни. Сколько себя помнил, делал утром зарядку. Домашним говорил: «Спать надо ложиться не позднее одиннадцати часов, а перед сном – обязательно погулять». Когда королевские «генералы» получили квартиры неподалеку от особнячка своего «фельдмаршала» – в больших домах на улице, которая теперь называется улицей академика Королева, Бушуев регулярно вытаскивал на вечерние прогулки своих соседей – Воскресенского и Чертока. А в гости звал редко.

Он не любил застолий, но в праздники ему было приятно, когда вся семья собиралась вместе на торжественный обед.

На Пасху старательно красил яйца. Никогда не важничал, не «надувался». Получив Золотую Звезду Героя Социалистического Труда за первый спутник, две Государственные и Ленинскую премии, все эти регалии никогда не надевал, без очереди, как Герой, никуда не лез…

В юности Костик был довольно симпатичным пареньком. Он нравился девушкам, и девушки ему нравились. После школы он учился в техникуме на литейщика в райцентре Песочное, где и познакомился с Зоей Алексеевой и собрался жениться в 17 лет, но Зоя его окоротила. Костика распределили на московский завод имени Войкова – были такие времена, когда не из Москвы посылали в Песочное, а из Песочного – в Москву. Он поселился в одной квартире на 12-метровой кухне и вызвал к себе мать, сестер и Зою, как жену, но Зоя опять под венец с ним не пошла. Потом в заводском доме Костик получил комнату, метров шестнадцать квадратных, – после кухни это были настоящие хоромы, самое время жениться, но Зоя продолжала упираться. Костика как передовика (вариант Янгеля) командировали на учебу в МАИ. В 1939 году он все-таки Зою уговорил. Они вырастили двух дочек и прожили вместе 39 лет до того дня, пока однажды осенью 1978 года Константин Давыдович не поехал в поликлинику полечить зуб и в коридоре мгновенно умер.

Я часто встречался и беседовал с Бушуевым уже после смерти Сергея Павловича, когда он был назначен руководителем международного проекта «Аполлон – Союз» с советской стороны.

Честно сказать, я никогда не мог понять, почему именно Бушуева сделал Королев своим заместителем по всем космическим разработкам, иными словами – по самым важным для него делам. Известно, что именно к Бушуеву Королев был особенно строг, а подчас и несправедлив, именно Бушуев получал от Главного особо жестокие разносы, наконец, именно Бушуев по всему своему характеру, рисунку поведения, манере общения с людьми был полным антиподом Королева.

– Ухожу, ухожу, больше не могу… – не раз говорил Константин Давыдович Зое Федоровне, приехав с работы в «раздрызганных» чувствах. Но наступало утро, Королев вызывал его к себе, спокойно, даже ласково, а главное – предельно доверительно, как очень близкому человеку, начинал что-то говорить, советоваться, делиться сомнениями, и вот, уже вернувшись в свой кабинет, Бушуев комкал и бросал в корзину заготовленное заявление об уходе.

У них были очень непростые отношения. Королев сам сделал

его замом по космосу, сам назначил его руководителем "космического филиала», который размещался обособленно, на так называемой территории № 2, где когда-то было артиллерийское КБ Грабина, сам дал Бушуеву некую самостоятельность. Но уже года через три он вновь «приближает» Константина Давыдовича к себе, точнее, к своему кабинету, отправив командовать филиалом Чертока. Почему? Что за каприз? Одни участники этих событий утверждают, что Королев «заревновал», что самостоятельность Бушуева – скорее территориальная, чем деловая, начала его раздражать, и он даже заподозрил Константина Давыдовича в стремлении к полной независимости и автономии. Другие говорят, что Бушуев попал на космическую тематику случайно: занимался головными частями ракеты, ну и спутником стал заниматься – он же в «голове». А там уж пошло по инерции. Но когда космические разработки начали разрастаться, он уже не в состоянии был за всем углядеть.

Вторая причина представляется более правдоподобной. Вряд ли кто-либо внутри ОКБ мог конкурировать в те годы с Сергеем Павловичем Королевым как с руководителем. Скорее всего, Константин Давыдович, как и до этого случалось, «впал в немилость» Главного.

Бушуев любил Королева и всегда признавал в нем лидера. В то же время он боялся его, почти никогда с ним не спорил. И Королев, и Бушуев – оба были инженерами-механиками. Эта специализация как бы уравнивала их, и Сергей Павлович сумел внушить Константину Давыдовичу, что во всех его делах он сам понимает не меньше, чем Бушуев.

Поэтому Королев «давил» на Бушуева так, как не мог давить, к примеру, на Чертока, потому что Черток был приборист, управленец, и в его делах Королев не мог чувствовать себя с ним равным. Но давление Главного на Константина Давыдовича на самом деле было ничем не оправданно: Бушуев просто по положению своему обязан был знать, и действительно знал, частные детали лучше Королева. Несправедливость своих притязаний, может быть, бессознательно ощущалась Королевым, что и было причиной придирок Главного к Бушуеву. Ведь давно известно, что мы часто хуже относимся не к тем, кто нас обижает, а кого мы сами обижаем.

Но при этом Королев любил Бушуева, как любил он Люшина, Цандера, Воскресенского и других людей, совершенно на него не похожих. Они даже отдыхали однажды вместе в Кудепсте.

Для Королева в его отношениях с коллегами «любил» и «ценил» – почти синонимы. Королев любил и ценил Константина

Давыдовича потому, что Бушуеву можно безоговорочно доверить Дело. Уже не от страха перед Главным, а по убеждениям своим, Константин Давыдович вникал во все детали и любой вопрос доводил до полной, кристальной ясности. Бушуев был глубоко убежден, что в ракетной технике мелочей нет. Он мог потратить целый рабочий день на разбор какой-нибудь ерундовины, от которой другой бы просто отмахнулся, потому что он знал, что из маленьких семян различных недоделок и недодумок и проклевываются крупные отказы и аварии. Столь же щепетильной, дотошной отработки каждого объекта Константин Давыдович требовал и от своих подчиненных. Мягкость и деликатность Бушуева вовсе не означали отсутствие характера. В принципе, он был не менее требовательным человеком, чем Королев. Просто формы выражения требовательности у него были другие. «Взрывов» Бушуева никто не помнит – он заставлял людей работать, проявляя тихое и постоянное упорство. Поэтому Королев всегда был спокоен, поручив Бушуеву Дело – здесь халтуры быть не могло.

Вот и сейчас Королев задумал взвалить на «куст» Бушуева новую тематику – межпланетные автоматические станции.

«Одной из самых увлекательных проблем, волнующих на протяжении веков умы человечества, – писал Королев, – является проблема полета к другим планетам и далеким мирам Вселенной». Он очень увлечен идеей межпланетного полета. Константин Петрович Феоктистов вспоминает:

– Сергею Павловичу демонстрировали график, на котором были изображены ближайшие оптимальные даты старта к Луне, Марсу, Венере, другим планетам. Через определенное время эти оптимальные даты повторялись: через 19 месяцев – для Венеры, через 25 месяцев – для Марса и т.п. На графике это выглядело неким фронтом, распределенным во времени. Я хорошо помню, как Сергей Павлович повел таким мягким движением руки и сказал, что хорошо бы нам пройтись по этому переднему фронту и везде оказаться первыми. Вроде бы и немножко смешно, и немножко наивно – желание везде оказаться первым, снять успех первооткрывателей, но ведь это и есть великое честолюбие. Оно было важным и нужным элементом в характере Королева. Именно такое честолюбие и обеспечивает движение вперед...

Для того чтобы перейти к штурму планет с помощью автоматов, которые могли бы нести исследовательскую аппаратуру, т.е. вес которых измерялся бы сотнями килограммов, добавочного блока «Е» оказалось мало. И вообще, мало трех ступеней. Теоретики Келдыша и баллистики Королева своими расчетами доказали, что полеты на Луну и к планетам намного

упростятся, если не стрелять, как раньше, с Земли на Луну, а сначала вывести космический автомат на орбиту спутника, а уж оттуда стартовать к цели. Попасть с Земли прямо на Луну было трудно, но на Марс или Венеру – уж никак нельзя: это лежит за границами всякой сверхточной наводки. Поэтому наилучший вариант – сделать ракету четырехступенчатой: три ступени поднимают ее на орбиту спутника, четвертая, разгоняя дальше, направляет к планете. Так появился блок «И» – более мощный вариант блока «Е», он стал новой третьей ступенью, и блок «Л»[190] – четвертая ступень. Их надо было тоже придумать, сконструировать, построить, испытать. И не просто испытать на «горячем» стенде, а испытать в реальном полете вместе с другими ступенями, посмотреть, как это все вместе будет работать, включаться-выключаться. И потом, ракета «выросла» на несколько метров – вдруг опять какие-нибудь автоколебания?.. Ведь все межпланетные проекты, как и прежде – с чистого листа: ни литературу почитать, ни в журнальчик иностранный заглянуть, и спросить не у кого, все по первому разу...

Межпланетные перелеты Королев решает начать с Марса. В октябре 1960 года как раз открывается подходящее астрономическое окно для таких запусков. Королев очень торопит Бушуева, и две станции «Марс» успевают отгрузить на космодром к назначенному сроку. Хрущев помнил свой американский триумф с лунником и не скрывал, что ему очень хотелось бы получить «марсианский козырь» во время нового пребывания в Америке. 19 сентября океанский лайнер «Балтика» пришвартовался в нью-йоркском порту. Среди американских журналистов распространился слух, что Советы планируют преподнести «космический сюрприз» 27 сентября. Говорили, что в сейфах «Балтики» лежат модели неких аппаратов, которые Хрущев готовится подарить Эйзенхауэру, как подарил он ему год назад лунный вымпел. Но настал этот день, а ни о каком запуске не было слышно.

График подготовки «Марса» выполнялся с точностью до часов, и Королев решил дать людям небольшой отдых. Послал в Ташкент самолет за фруктами и вином и устроил праздник в честь третьей годовщины запуска первого спутника. Настроение у всех было приподнятое, никаких дурных предчувствий, и поначалу «бобы», которые полезли у радистов, никого особенно не испугали – дело привычное. Но время шло, и не успевали ликвидировать одну неполадку, как возникала другая. В МИКе стало тревожно. Все понимали, что отложить астрономический старт на день-два нельзя: если уж откладывать, то на 25 месяцев. Тюлин, назначенный на первой межпланетный пуск

председателем Государственной комиссии, даже помыслить себе не мог, как он доложит Устинову о том, что старт отменяется. Ведь Устинову придется объясняться с Хрущевым – это Тюлин понимал и предпринимал отчаянные усилия, чтобы вновь войти в предстартовый график. А тут еще, как на грех, простудился Королев, его пичкали порошками, грели синей лампой и даже уговорили назначить техническим руководителем пуска Чертока, но все равно удержать его в домике сумели только на полдня. Наутро он был уже в МИКе.

На этот раз никаких замечаний к носителю не было, ракета была в полном порядке. Все дело тормозила сама станция, рекордно набитая различной радиотехнической аппаратурой. Она-то и барахлила самым причудливым образом. Рязанский, с красными от бессонницы глазами, не выходил из МИКа, но замечания возникали не только по уникальным приборам самого Рязанского, сделанным специально для межпланетной станции, но и по многим обычным системам, что можно было объяснить только браком заводов-изготовителей. Выслушав объяснения Михаила Сергеевича, Тюлин решил пригласить на космодром председателя Государственного комитета по радиоэлектронике Валерия Дмитриевича Калмыкова. Калмыков, опытный и умный министерский «боец», сразу понял, что в случае отмены старта Устинов сможет свалить на него причины неудачи, и прилетел на следующий день. Кроме того, что Валерий Дмитриевич был прозорливым аппаратчиком, он еще и инженером был хорошим – это не позволяло «вешать лапшу ему на уши». Прямо с аэродрома он примчался в МИК и включился в работу. Через несколько дней Королев писал Нине Ивановне:

»...Все сроки прошли, истекают самые последние дни, после которых все уже будет окончательно сорвано. Здесь все происходит по линии Валерия Дмитр., Миши[191] и др. А Коля[192], Вал.Петр.[193], Барм.[194] и ряд других т-й все свое подготовили, и мы их временно отпустили.

Валер.Дмит. здесь, но и он оказался не в силах улучшить сколь-либо заметно наше положение, хотя все силы и средства всей нашей индустрии и науки поставлены на это. Плохо, так плохо, как еще ни разу не было. И безумно грустно, что огромный, умный и творческий труд скован провалом в одной области. Но без нее – нет целого и нет конца, венчающего дело».

А дальше в письме – фраза, которая вновь убеждает, что и в самые сложные моменты Королев словно поднимался над всей этой торопливой суетой, оценивал все происходящее с совершенно иных позиций.

«Видимо природа ревниво хранит свои тайны, – продолжает

он, – и даже там, где ум человека начинает их раскрывать, каждый шаг в новое, неизведанное, дается с огромным трудом, ценой больших потерь».

Испытания, по словам Королева, шли «ночью и днем с быстротой курьерского поезда». С огромным напряжением всех сил им удалось уложиться в отведенное астрономами «окно» до того, как оно захлопнулось: 10 октября. Но уже через несколько десятков секунд после старта произошел сбой в системе управления. «Что-то случилось у Николая[195], а возможно, и у Виктора[196], – пишет Сергей Павлович Нине Ивановне на следующий день, – и… дальше Сибири мы не угодили. Безумно жаль того совершенно титанического труда, который затрачен был на нашу машину, и бесконечно жаль, что это могучее и, в то же время, легкое и почти наделенное живыми качествами творение гордого человеческого разума сейчас в виде тысяч разлетевшихся обломков усыпало, по счастью пустынные, сибирские земли.

Итог: мы разбираемся во всем происшедшем, думаем и бешеными темпами начинаем повторять все с начала».

Повторение состоялось 14 октября. И снова неудача. Телеметрия носителя показала, что на новом блоке «И» замерз клапан горючего и ракета не вышла на орбиту.

Королев возвращается в Москву. 20 октября семейный праздник – 40-летие Нины, но настроение у него совсем не праздничное, хотя внешне, на людях, он, по обыкновению своему, совершенно спокоен. И раньше неудачи шли полосой. Технические отказы неизбежны, но всегда устранимы. И здесь Пилюгин с Кузнецовым разберутся.

К началу нового 1961 года уже были готовы первые два межпланетных автомата для полета к Венере – старт можно было осуществить в феврале. Королев очень занят подготовкой завершающих пусков беспилотных кораблей-спутников, следом за которыми в космос должен полететь человек, но упустить возможность полета к Венере он не может, ведь следующий представится лишь через много месяцев. Первый пуск назначен на 4 февраля. Все идет благополучно до того момента, когда надо сходить с орбиты спутника. Снова отказ. Межпланетная станция, которая вместе с последней ступенью весит 6483 килограмма, превратилась в искусственный спутник Земли. И снова команда: «Правду не говорить!» ТАСС сообщило о запуске «первого тяжелого спутника», однако, проанализировав все его параметры, специалисты на Западе быстро пришли к выводу, что запускался автомат к Венере.

Королев удручен, но волнует его не отказ блока «И».

Межпланетная станция – уникальное инженерное творение. И это очень плохо! Это неверно! Если дальше мы хотим серьезно исследовать планеты, надо лишить станции этой уникальности!

Однажды на космодроме, прогуливаясь вечером по краю шоссе неподалеку от своего домика, Сергей Павлович подловил Глеба Максимова и предложил ему пройтись. Максимов знал, что подобные невинные прогулки имеют для будущего подчас не меньшее значение, чем многолюдные совещания в высоких кабинетах.

– Я думаю, – говорил Сергей Павлович, не глядя на Глеба, – что мы должны станции конструктивно унифицировать. Ведь условия полета к Марсу или Венере в основном схожи: ориентация на Солнце, сверхдальняя радиосвязь, движки для коррекции траектории. Надо разработать единый орбитальный отсек со стандартными системами для трассы «Земля-планета». А к нему уже пристыковывать разные специальные отсеки – для фотографирования, для мягкой посадки и т.д. Это даст нам возможность ускорить и удешевить производство межпланетных автоматов. Подумайте об этом...

Максимов подумал. 9 февраля 1961 года Королев с космодрома посылает Бушуеву письмо с предложением об унификации космических станций. Он и Максимова просит подписать это письмо.

– Но, Сергей Павлович, как-то неловко получается: выходит, я даю указания своему начальнику, – возразил Глеб Юрьевич.

– Ничего, ничего, – успокоил Королев. – Подписывать должен тот, кто думал и работал...

С отказом четвертой ступени разобрались в конце концов, и 12 февраля 1961 года состоялось, наконец, открытие «межпланетного движения» – старт «Венеры-1» прошел без замечаний. Однако новый взрыв ликования – газеты выходили с трехэтажными аншлагами – вскоре утих: с «Венерой» начались неприятности.

Отсутствие какого-либо опыта привело к тому, что ошибки производственников наложились на ошибки проектантов, – вместе они и погубили первую «Венеру». Сначала перегрелся солнечный датчик, а перегреваться он не должен. Командный пункт в Крыму выключил аппаратуру станции, чтобы снизить температуру. Выключили и приемник, понадеявшись, что бортовое программное устройство в запланированное время сеанса связи вновь включит и приемник, и передатчик. Когда Максимов краем уха услышал, что «программник сдох», он сразу понял, что «Венере» пришел конец. Это случилось 27 февраля, через две недели после старта. Станция находилась уже в 23

миллионах километров от Земли. И хотя находились оптимисты, которые говорили, что установлен новый рекорд дальней космической связи, Максимов очень горевал: ведь сами, своими руками, угробили хорошую, умную машину! Он дал себе зарок впредь исключить саму возможность подобного отказа...

Говорят, что на ошибках учатся. Но не всегда учеба идет впрок. Сменилось поколение проектантов космических автоматов, и через 28 лет на межпланетной станции «Фобос» повторилась ситуация, почти точно копирующая неудачу с «Венерой-1»...

Тогда, в 1961 году, вымпел с гербом СССР на Венеру не попал. По расчетам баллистиков на 97-й день своего полета станция прошла примерно в 100 тысячах километров от поверхности таинственной планеты...

Американцы в июле 1962 года были не удачливее нас. «Маринер-1», нацеленный на Венеру, сразу после старта стал забирать куда-то вбок: неисправимый отказ системы управления. Второй «Маринер» в декабре того же года сработал хорошо. Он пролетел всего в 35 тысячах километров от Венеры и передал данные о ее магнитном поле, температуре, отсутствии радиационных поясов. Это был первый опыт непосредственного изучения автоматом другой планеты.

В первые годы межпланетных пусков удач было не много. После запуска «Маринера-1» Королев в августе-сентябре 1962 года предпринимает еще три попытки послать станцию к Венере и все они окончились неудачами. Весной 1964 года две другие «Венеры» тоже не выполнили свою программу. Одну из станций ТАСС «нарек» тогда «Космосом-27», другую – «Зондом-1». Изданная уже в 1985 году энциклопедия «Космонавтика» стыдливо сообщила, что этот «Зонд» «по конструкции имел много общего с космическим аппаратом „Венера-2“. Да, общего было немало, а сказать точнее – они были похожи друг на друга как две капли воды...

И все-таки, несмотря на все эти печальные старты, забегая вперед, надо сказать, что в исследованиях Венеры Советский Союз, в конце концов, добился замечательных успехов. Специалисты отмечали, что именно с Венерой нам везет больше, в то время как американцы получили отличные результаты в полетах к Марсу. Эта необъяснимая закономерность прослеживается и после смерти Королева, вплоть до 90-х годов нашего века.

После неудач в октябре 1960 года следующего окна для старта к Марсу надо ждать 25 месяцев, так что время подготовиться было. Горький опыт – тоже опыт. Королев задумывает создать принципиально новую межпланетную

станцию. Энергетические резервы четырехступенчатой ракеты позволили увеличить вес станции в сравнении с «Венерой-1» на 250 килограммов – теперь она весила уже без малого 900 килограммов. Как и предлагал Королев, на ней было два герметичных отсека: орбитальный, обеспечивающий сам полет, и планетный, с аппаратурой для исследования Марса. Новый аппарат был гораздо совершеннее своих предшественников. На нем стояла новейшая радиотелеметрическая аппаратура, специально отработанные оптические датчики системы ориентации, от перегрева и переохлаждения приборы спасала не только многослойная наружная шуба, но и двухконтурная жидкостная система терморегулирования.

Королеву очень хотелось иметь на «Марсе» легкие, простые и надежные двигатели для коррекции траектории. Он пробовал «забрасывать удочку» Исаеву, но Алексей Михайлович представлял себе, как это будет отвлекать его от других, не менее интересных работ, и делал вид, что не понимает, куда Королев клонит. Однако Сергей Павлович решил его «дожать» и пригласил к себе «посоветоваться». Исаев знал, зачем его приглашает Королев. В приемной он встретил Чертока и рассказал ему о хитростях Главного.

– Ну, сам подумай, – кипятился Алексей Михайлович, – зачем мне еще эти движки сажать к себе на шею? Не хочу я этим заниматься! Посиди и подожди меня тут, я сейчас захожу в кабинет и буквально через две минуты вылетаю оттуда, как пушечный снаряд! И ноги моей у вас больше не будет!

– Ты погоди, не зарекайся, – улыбнулся многоопытный Черток. Из кабинета Исаев вышел сияющий, встал посередине приемной, развел перед Чертежом руки и воскликнул:

– Ну, Борис, это артист! Вот это настоящий артист! Королев был тогда «в ударе»:

– Не хочешь – не делай, – мирный тихий голос его обезоруживал, ведь Исаев весь ощетинился, приготовился к бою. – Но тогда ты мне только одно подскажи: кто мне сделает такие движки? Подумай и подскажи. Мне нужен двигатель, который позволял бы подавать ему с Земли минимальное количество команд. В идеале – две команды: пуск и остановка. Все промежуточные, подготовительные должны быть как бы запрограммированы в нем самом. Кто это может сделать? Кто, кроме тебя? Это принципиально новый, это межпланетный двигатель, ты понимаешь? Это же фантастика, Алексей!! Я просто, извини, не в состоянии понять, как можно отказываться от такой работы?!..

Осенью 1962 года, в конце октября-начале ноября, Королев

предпринимает три новые попытки направить космические автоматы к Марсу, но две из них окончились неудачей: старт с орбиты искусственного спутника Земли еще не был отработан. Лишь 1 ноября станцию удалось направить к красной планете. Официально автомат назывался «Марс-1», хотя был четвертым по счету.

В тот день на космодроме стояла мерзейшая холодная погода. Шел проливной дождь, и даже в перископы командного бункера трудно было разглядеть ракету за стеной воды. Настроение, под стать погоде, было у всех унылое: если ничего не получилось 24 октября, когда светило солнышко, то теперь-то тем более не получится, хотя и понимали, что на орбите искусственного спутника Земли никакой «погоды» вообще не существует. Быстро пробив низкие тучи, ракета на несколько секунд обозначила себя лунным светящимся пятном и исчезла. «Марс» вышел на промежуточную орбиту, все разделения прошли по штатному расписанию, и довольная Госкомиссия улетела в Москву. Королев был еще в воздухе, когда одна из цифр телеметрического кода насторожила Максимова и его товарищей: давление сжатого газа, который использовался в исаевских двигателях ориентации, медленно, но неуклонно падало.

Станция жила, 61 сеанс связи прошел нормально, но все понимали, что, когда газ вытечет и двигатели не смогут ориентировать антенны «Марса», связь прервется навсегда. Отчаяние проектантов трудно передать словами. Отлично работающий, умный, послушный, здоровый аппарат умирал, можно сказать, на глазах, словно кровь из тела выпускали, – и они ничем не могли ему помочь. Когда потом анализировали причину аварии, пришли к выводу, что во время монтажа проводов откусанный монтажником, почти невидимый, тоньше волоса человеческого, кусочек медной нити попал на крышку запирающего клапана, который не мог теперь закрыться до конца и медленно, почти пять месяцев, стравливал газ. 21 марта 1963 года «Марс-1», находясь чудовищно далеко – в 106 миллионах километров от Земли, последний раз откликнулся на ее призыв. Через три месяца он прошел мимо Марса, но рассказать об этом уже не смог...

В межпланетных полетах автоматов Королева видится мне нечто трагическое. Да, он удовлетворил свое «великое честолюбие», о котором говорил Феоктистов. Он первым послал межпланетные станции к Венере и к Марсу, но ни одна из межпланетных станций, запущенных при его жизни, не смогла обрадовать его полным выполнением своей программы. Он не дожил до того дня, когда с полным основанием мы смогли

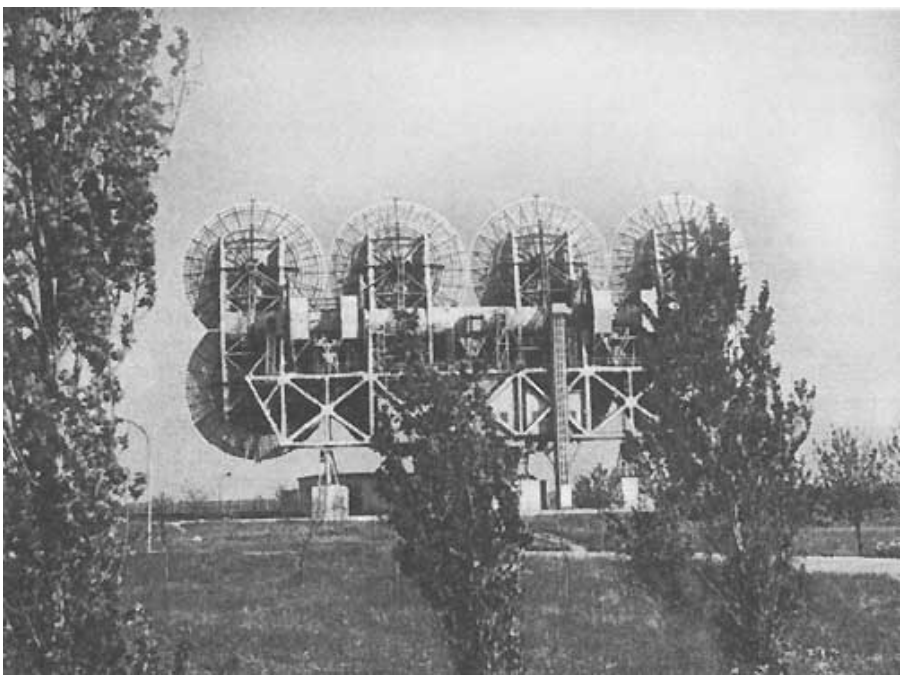
назвать станции межпланетными, не узнал о мягкой посадке на Марс, не увидел панорам раскаленной Венеры. Он успел в 1965 году запустить «Венеру-2» и «Венеру-3», но, когда они долетели до планеты, его уже не было. Так свет звезды, вспыхнувшей при нашей жизни, в конце концов приходит к нам, но уже не застает нас.

Ю.А. Гагарин, Н.С. Хрущев и А.И. Аджубей в Георгиевском зале Кремля

С.П. Королев и Н.Н. Семенов в Симферопольском аэропорту

Константин Давыдович Бушуев

Антенны Центра дальней космической связи под Евпаторией



…Человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет.

Владимир Вернадский

События 50-60-х годов, описанные в этой книге: создание ракеты Р-7, строительство нового полигона, испытания межконтинентальной ракеты, запуск первых спутников и лунников, подготовка к полетам по межпланетным трассам, – все это происходило на фоне главной работы Королева, о которой он думал, прежде всего, и больше всего, – на фоне подготовки старта человека в космическое пространство. После запуска первого искусственного спутника Земли Королев считал полет человека в космос своим главным делом и знал, что выполнит задуманное во что бы то ни стало.

В соответствии с уставом Академии наук СССР все академики и члены-корреспонденты обязаны были ежегодно направлять в аппарат соответствующего отделения Академии отчет о своей научной деятельности. Многие, если не большинство, подходили к этому требованию формально – справка, она и есть справка, – коротко отписывались и с глаз долой. Королев относился к этому делу с величайшей серьезностью, рассматривал эту справку и как отчет, и как личный план на будущее, как собственную программу, которую не выполнить он не может, поскольку он уведомил о ней организацию столь уважаемую, как Академия наук. Позднее историки, изучая эти отчеты, установили, что все пункты королевского плана были им реализованы. В отчете за 1954 год, когда у Королева еще не была отработана до конца даже ракета Р-5, а будущая «космическая» Р-7 существовала еще только в чертежах, он пишет: «В настоящее время все более близким и реальным кажется создание искусственного спутника Земли и ракетного корабля для полета человека на большие высоты и для исследования межпланетного пространства».

Когда Королев писал свой отчет в Академию наук, Юрий Гагарин – ему 21 год – как раз получил диплом с отличием в Саратовском индустриальном техникуме. В Томск преподавать в ПТУ не поехал, решил закончить учебу в аэроклубе. Ни о каких «ракетных кораблях» не думал, просто хотел стать летчиком. Интересно, что бы он ответил, если бы кто-нибудь сказал ему тогда: «Не пройдет и 6 лет, и ты полетишь в космос!» Рассмеялся

бы, наверное...

Был ли все эти двадцать лет у Сергея Павловича некий незыблемый план космического полета? Нет, не было. Представлял ли он себе космический корабль в виде конкретной законченной конструкции? Нет, не представлял. Не представлял очень долго – до начала лета 1958 года. Воодушевленный успехами в стратосферных исследованиях с собаками на полигоне Капустин Яр, Королев вначале предполагал, что подготовка полета человека пойдет по той же уже испытанной схеме. Вертикальный полет человека в стратосферу – вот с чего он думал начинать, вот о чем говорил в своем докладе на юбилейной сессии МВТУ имени Баумана в честь 125-летия училища, которая состоялась в сентябре 1955 года. Долгое время об этом докладе мало что было известно. Еще в 1956 году Сергей Павлович передал его вместе с различными схемами размещения пилота в головной части ракеты в архив ОКБ, где на нем тогда же была закреплена бумага с надписью: «Без разрешения С.П.Королева не выдавать!» Этот запрет сохранялся много лет и при жизни Сергея Павловича, и после его смерти. Доклад был обнаружен историком ракетной техники, сотрудником ОКБ Королева Г.С.Ветровым лишь в начале 80-х годов. Документ в высшей степени примечательный.

– Наши задачи, – говорил Королев на юбилейной сессии, – заключаются в том, чтобы советские ракеты летали бы выше и дальше, чем это будет где-либо еще сделано. Наши задачи состоят в том, чтобы советский человек первым совершил полет в ракете... И наша задача в том, чтобы в безграничное пространство мира первыми полетели бы советские ракеты и ракетные корабли.

Вспомним: Королев безмерно занят в это время первыми испытаниями своей морской ракеты и оперативно-тактической Р-11, занимается первым вариантом искусственного спутника – «Объектом-Д», наконец, ведет ответственнейшую работу по реализации проекта» Байкал». И все-таки он ни на минуту не забывает о полете человека. Он снова говорит об этом сразу после пуска «пятерки» с атомной боеголовкой весной 1956 года. Предложение запустить человека в стратосферу было для всех полной неожиданностью, все заволновались, а молодые врачи из Института авиационной медицины Александр Серяпин, Абрам Генин и Евгений Юганов, которых Королев хорошо знал по «собачьим» пускам, даже написали заявление с просьбой доверить им полет в ракете. Все это была не игра – Королев дает указание начать проработку подобного проекта, и работы такие в 1956-1957 годах ведутся весьма интенсивно. Сергей Павлович считает, что, накопив опыт на этих пусках, он создаст в 1964-1967

годах уже настоящий космический корабль-спутник. Но успешный запуск ПС и Лайки, создание дополнительных ступеней для «семерки», наконец – просто уверенность в своих силах, которые Сергей Павлович почувствовал после первых стартов, заставляют его пересмотреть собственные планы. Никакой стратосферный полет не нужен. Реактивная авиация уже осваивает стратосферу, и никого таким полетом мы не удивим. Больше того, полет человека в стратосферу не только не выявит преимуществ ракетной техники в сравнении с авиацией, но даже размоет и затушует эти преимущества, даст повод усомниться в них, таким образом, может принести больше вреда, чем пользы.

Отказавшись от вертикального полета, Сергей Павлович какое-то время колеблется: не заменить ли его полетом по баллистической кривой – скачком в космос; это уже не вертикальный подъем, но еще и не орбитальный, такой полет дважды предпримут американцы уже после гагаринского старта, в начале лета 1961 года. Но довольно быстро Королев оставляет и этот вариант. Зачем полумеры? Если с блоком «И» ракета может поднять на орбиту четыре с половиной тонны, – в такой вес конструкторы корабля-спутника вполне смогут вписаться.

В июле 1958 года Королев вместе с Тихонравовым составляет записку в правительство о перспективных работах. Она начинается фразой, тон которой резко контрастирует с документами подобного рода: «Околосолнечное пространство должно быть освоено и в необходимой мере заселено человечеством». В Совмине привыкли к тому, что в рамках ведомства вопрос решить можно. С трудом – в рамках страны, но в масштабах планеты и даже всего околосолнечного пространства – это уж чересчур! В записке прямые требования: «Должны проводиться широкие исследования и разработки по обеспечению нормальных условий существования человека на всех этапах космического полета».

Наступательный тон документа отчасти можно объяснить той уверенностью, которую обрел Сергей Павлович после встречи с проектантами сектора Феоктистова. «Уже в мае 1958 года, – вспоминает Константин Петрович, – выслушав проектантов о том, как сделать спутник для полета человека и обойтись без промежуточного этапа, он сразу загорелся и, видимо, твердо решил поддержать и двигать этот проект». Феоктистов пишет «видимо», поскольку о своем решении Королев ничего не говорит. У корабля-спутника есть сильный конкурент. Идея тоже абсолютно новая и интересная: создать большой ориентируемый спутник-автомат, который будет собирать на орбите информацию о том, что он видит на Земле, и передавать эти изображения.

Через несколько лет в обиход войдет термин «спутник-шпион», и у нас, и в США будут запущены десятки подобных спутников, но тогда, повторяю, дело это было совершенно новое и уже поэтому интересное. Было ясно, что с двумя такими работами ОКБ не справиться, сил не хватит. Надо выбирать. На Королева жмут военные: что даст им глазастый автомат на орбите, ясно каждому, а какой прок Министерству обороны от полета человека? Но дело не только в военных. Его собственные проектанты разделились на два лагеря, разные точки зрения были и у смежников. Феоктистов с инженерами своего сектора, молодость которых позволяла всему ОКБ называть их «детским садом», тем временем уже «прибрасывает» корабль-спутник, ищет оптимальную форму, короче – работает на полную мощность, хотя никакого решения еще нет.

Решение принимается только в ноябре 1958 года на Совете Главных конструкторов: в первую очередь делать корабль-спутник для полета человека, который без труда можно переделать в спутника-шпиона.

Итак, период колебаний позади. И как это всегда бывало и раньше, приняв, наконец, решение, Королев с невероятной энергией начинает его реализовывать.

Еще в мае проектанты после многонедельных споров предложили Главному создать корабль-спутник в форме сферы, и идея эта Королеву сразу понравилась. Цепким своим умом сразу схватил он преимущества сферы: все легко считать, хорошо известна аэродинамика шара, сместив центр тяжести, получаешь устойчивость – эффект «Ваньки-встаньки», наконец, при заданном объеме шар имеет минимальную поверхность, а это значит, что он будет легче цилиндра, конуса и всякой конструкции другой формы. Понравилась Королеву и идея сконструировать корабль-спутник из двух частей. Теплозащита все-таки была тяжела, поэтому выгоднее ставить ее только на спускаемый аппарат, а приборный отсек перед возвращением на Землю отстреливать от корабля.

– И нехай вин горыть, – очень редко Сергей Павлович неожиданно для самого себя вспоминал украинскую «мову».

Споры начались, когда Феоктистов предложил сделать приборный отсек максимально простым, негерметичным: приделать к шарику раму и на ней разместить нужные приборы. Королев задумался. Он сам всегда был сторонником максимально простых решений, однако тут вновь сработала гениальная его интуиция. Ничего рассчитать и с цифрами доказать свою правоту здесь было невозможно, но Королев почувствовал, что это та «простота, которая хуже воровства». Приборы надо ставить

надежные, уже проверенные в полетах, а работать в космическом вакууме они не умеют. Потребуются новые приборы, испытания их, и времени на эту «простоту» уйдет уйма. Нет, надо сделать герметичный отсек и внутри него расположить все приборы.

Феоктистов спорил до хрипоты, но потом признал, что Королев прав – приборный отсек, конечно же, надо было делать герметичным...

А как будет садиться аппарат? Сначала входить в атмосферу, как боеголовка, с использованием теплозащиты. А потом, когда достигнет более плотных слоев воздуха? Королев в молодости был авиатором и, как большинство авиаторов, признавая объективную полезность парашютов, в глубине души недолюбливал «тряпки», так он их называл. Есть идея вместо парашюта применить ротор – большой винт над аппаратом, который, вращаясь, тормозит его на спуске. В теории авторотации, которую разрабатывали конструкторы вертолетных КБ, было еще немало неясностей, да и никто никогда не рассчитывал роторы на такие скорости, которые предполагались у Королева, но все-таки многие считали, что в принципе «сделать можно». Королев сначала выведал, не увлечет ли кого-нибудь из своих сотрудников идея ротора, но энтузиаста не нашел. Оказалось, что большинство знали о роторе понаслышке.

– Как же так! – горячился Королев. – О роторном спуске даже у Циолковского есть! Вы что же, и Циолковского не читаете?!..

Затем он предпринял атаку на конструктора вертолетов Михаила Леонтьевича Миля. Взять его «в плен» кавалерийским наскоком, как «пленил» он Косберга, Исаева, Лидоренко, а позднее первого специалиста по электросварке в стране, академика Бориса Евгеньевича Патона, не удалось. Чем сильнее был нажим Королева, тем упорнее сопротивлялся Миль.

– Не хочу я ввязываться в это дело, – говорил Михаил Леонтьевич своему заместителю Андрею Владимировичу Некрасову. – Представляете, в космос полетит человек, совершит несколько витков вокруг земного шара, весь мир ему рукоплещет, он, прославленный, возвращается из космоса и тут – бац! С ним что-нибудь случится. Кто будет виноват? Мы будем виноваты! Нет, не будем мы за это дело браться...

Наконец, Королев снял свою «осаду» с Миля. Но, думаю, не потому, что сил у него уже не хватало бороться с Михаилом Леонтьевичем. Он бы «дожал» его через ЦК, Совмин, Министерство обороны. Думаю, другая здесь причина. Опять каким-то своим шестым чувством разглядел, услышал, учуял Сергей Павлович, что сделать-то ротор Миль ему сделает, но когда? А «тряпки» тысячекратно опробованы, и задержки с ними

не будет.

Но, забегая вперед, надо сказать, что неприязнь к парашютам, очевидно, была стойкой, потому в 1963 году Королев вновь возвращается к этой теме: приглашает к себе в ОКБ Игоря Александровича Эрлиха – опытного конструктора вертолетов, организует собственное подразделение по ротору. Он верил в ротор! И кто знает, может быть, не на Земле, а в небе других планет увидят наши дети космическую «стрекозу»...

Работы шли невероятно быстро. Уже подключились конструкторы, которые из сектора Феоктистова «спустили» исходные данные по корпусу, прибористы и разработчики электрических схем уже строили свои разноцветные кабельные лабиринты, прикидывали, какой прибор где поставить, а проекта – главного документа, без которого ни в одном солидном конструкорском бюро не то что делать – разговаривать бы не стали, – еще не было. Проект, а по совести сказать, «как бы проект», потому что в нем вместо положенного многотомника было буквально несколько десятков страниц и чертежи, появился в конце мая 1959 года. А в августе уже были готовы первые сферические оболочки спускаемого аппарата, пошел на сборку разный другой металл...

Теперь, оглядывая всю доступную обозрению историю космической верфи Королева, видно, что 1957-1960 годы были ее поистине золотым веком. Никогда так много и так вдохновенно не трудились люди, никогда не было у них такого радостного подъема, такой гордости за себя, за своих товарищей, за своего Главного. Никогда не делали они ничего более интересного, ни на что не похожего, вроде бы привычного, понятного, поддающегося тривиальным расчетам, но одновременно столь фантастичного, что, когда начинаешь об этом думать, просто дух захватывает!

В начале 1959 года у Келдыша состоялось совещание, на котором вопрос о полете человека в космос обсуждался уже вполне конкретно, вплоть до того, «а кому лететь?».

– Для такого дела, – сказал Королев, – лучше всего подготовлены летчики. И в первую очередь летчики реактивной истребительной авиации. Летчик-истребитель – это и есть требуемый универсал. Он летает в стратосфере на одноместном скоростном самолете. Он и пилот, и штурман, и связист, и бортинженер... Большинство поддержало Сергея Павловича. Было решено поручить отбор кандидатов в космонавты авиационным врачам и врачебно-летным комиссиям, которые контролируют здоровье летчиков в частях ВВС.

Чтобы понять, как отбирались кандидаты в космонавты, надо

непременно почувствовать тот внутренний нерв, который определял в те годы взаимоотношения авиации и ракетной техники. Вера Хрущева в наши ракеты, подкрепленная космическими триумфами, с одной стороны, и необходимость сокращения армии и вооружений как следствие провозглашенной им политики мира, с другой, привели к тому, что Никита Сергеевич авиацию начал зажимать[197]. Ассигнования авиационникам стали урезаться, многие программы сворачиваться, а уже готовые самолеты не принимались на вооружение. Отношение к авиации сразу почувствовали и в ВВС.

Между представителями разных родов войск во всех странах и во все времена существовали некие антагонизмы, но теперь летчики и ракетчики превратились уже в настоящих конкурентов. Главком ВВС Павел Федорович Жигарев всегда недолюбливал ракетчиков и не поощрял увлечения вверенного ему Института авиационной медицины экспериментами с собаками на высотных ракетах. Но сменивший его на этом посту в 1957 году Константин Андреевич Вершинин, человек умный и дальновидный, быстро понял, куда ветер дует. Заслышав о планах Королева послать в космос человека, он сразу сообразил, что от этого дела не только отпихиваться не следует, а, напротив, надо активно в него включиться и со временем, быть может, и вовсе прибрать его к рукам. Так в Институте авиационной медицины определилась группа «космиков» во главе с Владимиром Ивановичем Яздовским, давним, еще по Кап.Яру, знакомцем Королева. Физиологией у него занимался отдел Олега Георгиевича Газенко, системами жизнеобеспечения – отдел Абрама Моисеевича Ренина, отбором и подготовкой будущих космонавтов – отдел Николая Николаевича Туровского и так называемый испытательный отдел № 7 Евгения Анатольевича Карпова. Общими усилиями «космиков» была подготовлена важная бумага: «Директива главного штаба ВВС по отбору космонавтов». Контроль за ее исполнением Главком возложил на своего заместителя Филиппа Александровича Агальцова. Таким образом, отбор космонавтов, как и хотел Королев, становился уже не сторонней заботой Главного конструктора и даже не инициативой Института авиационной медицины, распоряжения которого, скажем, для командующего ВВС округа не указ, а приказом командования Военно-воздушных сил страны.

Перед тем как начать поиски кандидатов, надо было определить, кого следует искать.

Агальцов собрал у себя на Пироговке[198] «космиков», пригласил Королева. Сергей Павлович откликнулся с большой охотой и приехал в отличном настроении. У него всегда было

отличное настроение, когда он видел, что к Делу подключаются новые люди и организации.

– Я бы хотел изложить пожелания наших товарищей, – сказал Сергей Павлович в своем выступлении. – Думаю, что возраст кандидатов должен быть около 30 лет[199], рост не более 170 сантиметров и вес до 70 килограммов. А главное, – с улыбкой добавил Королев, – пусть они не сдрейфят!

– Сколько людей вам нужно? – спросил Туровский.

– Много, – весело ответил Королев.

– Но американцы отобрали семь человек...

– Американцы отобрали семь человек, а мне нужно много!

Это заявление было встречено с некоторым замешательством, недоумением. Надо сказать, что уже после сформирования первого отряда космонавтов, когда они уже приступили к тренировкам, речь шла о подготовке человека для полета в космос, человека в единственном числе! Как рассказывали мне сами космонавты, лишь перед самым стартом Гагарина и им самим, и их наставникам стало ясно, что дело не ограничится одним полетом, что очень скоро действительно потребуется много космонавтов.

Итак, разделившись парами, медики разъехались на поиски кандидатов. Они понимали, что и по возрасту, и по опыту, и по физическим данным состав летчиков-истребителей в частях примерно одинаков, так что забираться за Урал, на Дальний Восток не имеет смысла. Решили ограничиться Киевским, Белорусским, Одесским военными округами, посмотреть части ВВС, которые дислоцировались в Польше и ГДР. В довольно сжатые сроки им требовалось найти несколько десятков абсолютно здоровых, относительно (насколько возраст им разрешал) опытных, дисциплинированных, не имеющих замечаний по службе, профессионально перспективных молодых, невысоких и худеньких летчиков-истребителей. Врачи в частях, которые знали только, что идет какой-то отбор летчиков «спецназначения», предложили более трех тысяч (!) кандидатур. Москвичи засели за пилотские медицинские книжки. Ограничения Королева сразу дали большой отсев. Но не только на рост и вес обращали внимание. Частые бронхиты. Ангина. Предрасположенность к гастритам или колитам. В обыденной жизни все это, конечно, вещи неприятные, но кто же обращает внимание на такие пустяки! Московские медики обращали и, увидев отклонение от «абсолютного здоровья» (идеал этот, как вы понимаете, столь же недостижим для врача, как абсолютный нуль для физика), тут же браковали.

Просмотрев медкнижки и отобрав подходящие, начали

беседовать с их владельцами. Интересовались опять-таки здоровьем, успехами, настроением и осторожно заводили разговор о том, что, мол, есть возможность попробовать полетать на новой технике. Нет, даже не на самолетах, а, скажем, на ракетах. Или, допустим, на спутниках, а?

– Хорошо помню эти беседы, – рассказывал мне Туровский. – 90 процентов наших собеседников первым делом спрашивали: «А летать на обычных машинах мы будем?» Это были ребята, действительно влюбленные в свою профессию, гордящиеся званием военного летчика. Примерно трое из десяти отказывались сразу. Отнюдь не от страха. Просто им нравилась их служба, коллектив, друзья, ясны были перспективы профессионального и служебного роста, налажен семейный быт и ломать все это из-за дела туманного, неизвестно что обещающего, они не хотели. (Кстати, это стало правилом: кандидат в космонавты мог, не объясняя причины, отказаться от работы на любом этапе подготовки.) Некоторые просили разрешения посоветоваться с женой. Это, честно говоря, нам не нравилось. При таком ответе сразу возникало подозрение: а не подкаблучник ли он? Мужчина должен сам решать свои дела и нести ответственность за свою семью. Наконец, некоторые сразу соглашались...

– Я сразу сказал: «Согласен!» – рассказывал Павел Попович. – Мне говорят: «Подумайте сутки». Да что мне думать, товарищи! Я же дал подписку, что никому о нашей беседе не расскажу. Значит, и советоваться не с кем! Потом вышел в коридор, приоткрыл дверь, голову всунул в комнату и крикнул: «Я согласен!»

Валерий Быковский со смехом признался мне, что, когда заговорили о ракетах, он подумал не о космосе, а о каком-то фантастическом экспериментальном полете в акваторию Тихого океана: так испытывали межконтинентальную ракету.

– А когда сообразил, о чем речь, подумал: «Это ведь очень интересно!» И сразу согласился.

Георгий Шонин, когда заговорили о «новой технике», забеспокоился, что его собираются переводить в вертолетчики, а он этого не хотел – не те высоты, не те скорости. А когда ему сказали о возможном полете вокруг земного шара, в первый момент не поверил.

Андриян Николаев, услышав о космических кораблях, тоже усомнился:

– А это реально?

– Вполне. Конечно, не сразу. Будете готовиться...

– Я с радостью, – улыбнулся Андриян.

Герман Титов, едва заговорили с ним о новой технике,

быстро ответил:

– Да, согласен!

Такой же ответ получил Туровский в парткоме Военно-воздушной краснознаменной академии от Павла Беляева:

– Согласен.

– Подумайте.

Беляев помолчал, подумал, как велели, и твердо повторил:

– Согласен.

После полета Гагарина правдисты Николай Денисов и Сергей Борзенко, которые писали со слов Юрия Алексеевича книжку «Дорога в космос», присочинили, будто сам он подал рапорт с просьбой зачислить его в группу кандидатов в космонавты. «Мне казалось, – говорится в книге, – что наступило время для комплектования такой группы. И я не ошибся. Меня вызвали на специальную медкомиссию».

Нет в природе такого рапорта[200]. О том, что «наступило время» подавать рапорт, Гагарин знать не мог, поскольку даже самые прозорливые летчики-истребители и думать не смели о том, что человек полетит в космос в ближайшее время. И в приведенной цитате правдива лишь последняя фраза: на комиссию Гагарина действительно вызвали. «Крестными отцами» будущего космонавта № 1 стали военные медики Петр Васильевич Буянов и Александр Петрович Пчёлкин. Они нашли Юрия Гагарина и Георгия Шонина на северном аэродроме недалеко от города Никеля.

Беседы медиков с летчиками были разными, но почти во всех непременно возникал вопрос: хорошо, новая техника, ракеты, облет земного шара – все это очень интересно, но когда это все будет?!

Когда старшего лейтенанта Дмитрия Заикина спросили, согласен ли он слетать в космос, он согласился, но добавил:

– Но вряд ли всей жизни летной на это хватит...

Шутка ли сказать: человек в спутнике полетит! А как оттуда вернуться на Землю? Это сколько еще работы предстоит специалистам?! Ведь этак будешь ждать, пока из армии не спишут...

Шел август 1959 года. До полета человека в космос оставалось двадцать месяцев.

Давно вынашивал Королев идею собрать под своим крылом «стариков» – тех, кого он знал еще до Колымы, знал, как они умеют работать и как доверяют ему. Так он забрал к себе гирдовца Леонида Корнеева, с которым отнюдь не дружил в РНИИ, старых знакомых еще по коктебельским слетам планеристов: Сергея Анохина, Павла Цыбина, а еще раньше –

Тихонравова вместе с его «ребятами». Уговорил Келдыша отдать ему Раушенбаха. У Королева работал Арвид Палло, с которым перед самым арестом делали они ракетоплан. Были люди, которых он узнал в Омске и Казани, ну и, конечно, немало тех, с кем свела его Германия. «Старики» были гвардией Королева. С ними хоть и разговаривал Главный по-дружески, но требовал с них втрое против нормы.

Поэтому так обрадовался Сергей Павлович, когда в мае 1958 года пришел к нему Петр Васильевич Флеров. Петя Флеров – едва ли не самый старый из «стариков»: ведь с МВТУ они вместе, планеры, Коктебель, шарага на улице Радио – есть, что вспомнить! Обнялись, расцеловались.

– Ну, как жизнь? Почему ни разу в гости не позвал? – спросил Королев.

– Не могу, – без улыбки ответил Петр. – Я себя знаю. Обязательно начну хвалиться: «У меня в гостях был Главный конструктор космоса!»

Королев улыбнулся. Ничего не мог с собой поделать: иногда ему было до чертиков приятно, когда слышал вот такую, незатейливую лесть. Но он успокаивал себя тем, что понимает: это лесть.

Флеров пришел с идеей крылатого спутника. Идею Королев отверг: Феоктистов уже доказал ему, что крылатый спутник, планирующий с орбиты на крыльях, – это многие годы трудов.

– Тут нужно авиационное КБ с большой культурой работы. А у нас контрить не умеют...[201]

Отвергнув идею Флерова, Королев, однако, Петра от себя не отпустил: определил его в группу Феоктистова, обещал назначить персональный оклад, но не назначил, – смущаясь, объяснил потом: «Ну ты пойми, скажут, что я толкаю своих...»

Флерову быстро нашлось дело. К зиме 1959 года опытное производство уже выпустило несколько спускаемых аппаратов, и Королев решил провести испытания «шарика на тряпках» – посмотреть, как сработает система приземления корабля-спутника. Эту работу он поручает группе Феоктистова, а персонально – своим «старым гвардейцам»: Арвиду Палло и Петру Флерову. Перед этим Сергей Павлович совершает еще одно путешествие в прошлое – встречается с авиаконструктором Олегом Константиновичем Антоновым, с которым он познакомился на горе Узун-Сырт летом 1929 года. Они смотрели друг на друга, узнавая и не узнавая, и оба не могли поверить, что прошло тридцать лет, – ведь так недавно все это было: выжженный солнцем склон горы и Олег – совсем мальчик, который кричал ему что-то с земли, а он не понимал, не видел,

что на хвосте его планера болтается штопор...

С Антоновым они договорились о выделении военного – «пузатого» – варианта Ан-12 для испытаний спускаемого аппарата. Антонов сам сделал все расчеты и дал добро на сброс «шарика» с высоты 10 тысяч метров. Однако, когда «шарик» был доставлен на маленький военный аэродром Сарышаган у озера Балхаш, оказалось, что все не так просто. Ан-12 лететь на такой высоте было трудно, а тут еще в момент сброса «шарика» менялась центровка, самолет клевал носом и становился плохо управляемым. Поэтому первый сброс решили сделать с высоты 8 километров. Его засекали кинотеодолитами с земли и снимали кинокамерами с двух самолетов сопровождения. Уже на земле вовремя не отцепился парашют, а так все прошло удачно. Второй сброс сделали с 10 500 метров. Не открылся люк, и поэтому не сработала катапульта кресла. Звонили в Подлипки.

– У нас вчера тоже не открылся, – сказал Феоктистов. – Увеличиваем число пружин, меняем затяжку, пришлю вам изменения...

Третий сброс прошел благополучно. Стояли тридцатиградусные морозы. Все очень мерзли. Флеров, набравшись храбрости, позвонил Королеву и, доложив об испытаниях, попросил прислать спирта. Королев долго сопел в трубку, потом буркнул: «Хорошо, жди...» Через день в кромешной пурге сел самолет с бидоном. На четвертый пуск прилетел сам Феоктистов. Когда увидели, что Константин Петрович в коротких бумажных носочках, и узнали, что он, пардон, в трусиках, взять его на борт отказались, пока он не облачился в высокие меховые штаны, прозванные испытателями «инкубаторами». Четвертый сброс тоже прошел отлично. На радостях почали бидон. На пятом сбросе решили посадить в «шарик» собак. Все сработало хорошо, но «шарик» куда-то закатился в неоглядной степи, и его долго не могли найти. Когда нашли, бедные собачки выглядели измученными, но были целы.

Только 10 апреля 1960 года экспедиция испытателей улетела с Балхаша. Выслушав доклад по итогам пяти сбросов, Королев остался доволен. Эти итоги были ему очень нужны: через месяц он планировал начать испытательные полеты беспилотных кораблей-спутников в космосе.

Требования, предъявляемые к кандидатам в космонавты, определялись в первую очередь возможностями ракетной техники. Американцы в 1957 году начали отбирать кандидатов для полета в космическом корабле «Меркурий». Тяга ракеты-носителя «Атлас-Д» лимитировала вес корабля двумя тоннами. На автоматизацию и дублированные системы резервов по весу не

было. Иными словами, американскому астронавту требовалось больше работать, чем советскому космонавту, поскольку вес «Востока» более чем в два раза превышал вес «Меркурия», что позволяло аппаратуре разгрузить человека, освободить его от выполнения многих операций во время полета. Американский отбор кандидатов был более жестким, чем советский. Больше работы, значит, должно быть больше опыта. Опыт дают годы, и возрастной потолок американцев был отодвинут до сорока лет. Астронавтом мог стать лишь квалифицированный летчик-испытатель со степенью бакалавра наук и с налетом не менее 1500 часов. Для сравнения скажу, что к моменту поступления в отряд космонавтов налет Гагарина составлял около 230 часов, Титова – 240, Леонова – 250. Космонавты из последующих наборов: Шаталов, Береговой, Филипченко, Демин и другие, которым предстояло проводить в космосе работу несравненно более сложную, были и старше, и опытнее. Из 508 американских кандидатов к апрелю 1954 года, как уже говорилось, было отобрано 7 человек. Надо отметить и такую деталь, характеризующую то нетерпение, с которым американцы стремились взять реванш за «Красную Луну» – так называли в США наш первый спутник. Набор астронавтов в США начался до того, как был создан космический корабль и отработан его носитель. Между тем, когда наши медики просматривали медицинские книжки в истребительных авиаполках, в цехах опытного производства Королева уже стояли первые сферические оболочки будущих «Востоков», а носитель эксплуатировался более трех с половиной лет. После полета Гагарина в США, наверное, от досады нас упрекнут в излишней и неоправданной торопливости, чуть ли не в техническом авантюризме. Да, мы торопились. Но торопились не только мы.

В 1959 году наши медики отобрали в частях ВВС около двухсот кандидатов. Теперь их надо было вызывать в Москву на медицинскую комиссию. Центральный госпиталь ВВС в Сокольниках сразу обследовать, причем тщательно обследовать, такую массу народа не мог, поэтому летчиков вызывали партиями по 20 человек. Впрочем, задачу врачам облегчали сами кандидаты. Чуть было не передумал идти в космонавты Алексей Леонов. Он сразу дал согласие летать на «новой технике». Но между двумя медкомиссиями Алексей женился, жил в большой тесноте, а тут узнал, что его переводят в ГДР – там хорошие условия и Германию посмотрит, а здесь перспективы туманные. Да и вовсе могут забраковать. Он приехал, чтобы отказаться.

– Да что ты! Оставайся! Ведь интересно, – Попович, Горбатко, Гагарин уговорили его.

Опасения Леонова были вовсе не беспочвенными. Проверка здоровья действительно была необыкновенно строгой, а «забракованные», вернувшись в свои части, естественно, еще больше сгущали краски. Бывали случаи, когда тщательный медицинский осмотр выявлял некие ранее просмотренные (или скрываемые) изъяны, которые не только исключали из числа кандидатов в космонавты, но накладывали запрет и на прежнюю летную работу. Об этом узнали те, кто ждал очередного вызова. И, получив такой вызов, многие в Москву не ехали, руководствуясь популярной поговоркой, что синица в руках лучше, чем журавль в небе.

– Из семи летчиков, отобранных в нашей дивизии, пятеро не поехали в Москву, – вспоминает Дмитрий Заикин.

Так, еще до всяких медицинских проверок, летчики проходили проверку характера, воли, силы собственного желания испытать себя в новом неизведанном деле, преданности делу старому.

Кроме всевозможных анализов и осмотров, кандидатов подвергали так называемым нагрузочным пробам – выдерживали в барокамере, крутили на центрифуге: проверяли устойчивость организма к гипоксии и перегрузкам. День ото дня группа кандидатов сжималась, как шагреневая кожа.

– Вполне понятно, что не все могли соответствовать требованиям, предъявляемым к будущим космонавтам. На то и отбор, – вспоминал Георгий Шонин.

Но кто тогда мог точно сказать, какими должны быть эти требования? Поэтому для верности они были явно завышенными, рассчитанными на двойной, а может быть, и тройной запас прочности. И многие, очень многие возвращались назад в полки…

Обидно было возвращаться. И не в том дело, что не полетаешь теперь на спутнике, – об этом мало жалели, поскольку трудно жалеть о том, чего не представляешь. Жалели, что не сдюжили. В молодые годы особенно развит дух соревнования, обострено болезненное отношение именно к своим телесным (к умственным – как-то спокойнее) недостаткам, и ребята, конечно, переживали.

– Ну как, прошел? – с горькой улыбкой спрашивал «забракованный» у «счастливчика». – Ну, молодец, Лайкой будешь…

Утешали они себя такими шуточками? Да нет, конечно. Как говорится, не от хорошей жизни они шутили…

А время шло. Королев торопил медиков. К концу 1959 года пройти комиссию по «теме № 6» – так формулировалось в официальных медицинских документах – удалось 20 кандидатам.

Эти летчики и составили первый отряд советских космонавтов. Через несколько лет во всех статьях и книжках их будут называть гагаринским отрядом.

Но кто мог угадать тогда такое название?! Двадцать летчиков в теплых казенных пижамах с белыми отложными воротничками стояли перед медиками. Среди них были будущие летчики-испытатели и скромные педагоги, генералы и просто пенсионеры, депутаты Верховного Совета СССР и почетные граждане многочисленных зарубежных городов, прославленные, всей стране известные Герои и неизвестные никому, те, кто нелепо поломал всю свою жизнь. Вот их имена:

Аникеев Иван Николаевич,
Беляев Павел Иванович,
Бондаренко Валентин Васильевич,
Быковский Валерий Федорович,
Варламов Валентин Степанович,
Волынов Борис Валентинович,
Гагарин Юрий Алексеевич,
Горбатко Виктор Васильевич,
Заикин Дмитрий Алексеевич,
Карташов Анатолий Яковлевич,
Комаров Владимир Михайлович,
Леонов Алексей Архипович,
Нелюбов Григорий Григорьевич,
Николаев Андриян Григорьевич,
Попович Павел Романович,
Рафиков Марс Закирович,
Титов Герман Степанович,
Филатьев Валентин Игнатьевич,
Хрунов Евгений Васильевич,
Шонин Георгий Степанович.

Среди них стоял будущий первый космонавт нашей планеты – человек, которому суждено было навсегда войти в историю земной цивилизации. Но кто мог отгадать его тогда среди двадцати молодых летчиков в теплых госпитальных пижамах с белыми отложными воротничками?

Павел Попович в термокамере

Владимир Комаров в барокамере

Кандидаты в космонавты в госпитале осенью 1959 г.

Слева направо: Г.Нелюбов, Г.Титов, А.Николаев, В.Горбатко, Ю.Гагарин, И.Аникеев, А.Леонов, В.Ф.Быковский, П.Попович, Г.Шонин, В.Я.Клоков

Будь осторожен. Итог на лезвии держится бритвы:
Нынче удача, глядишь; завтра, глядишь, неуспех.

Феогнид

Ракеты – дело опасное. По преданию около 1500 года китайский изобретатель Ван Гу построил замысловатый воздушный змей с сорока семью пороховыми ракетами, которые одновременно поджигали сорок семь слуг. Ракеты взорвались, и Ван Гу погиб. Но это когда было... Макс Валье погиб в 1930 году: осколок взорвавшегося двигателя ударил в грудь, кровь била фонтаном. На следующий год взрыв в лаборатории убил немецкого ракетчика Рейнгольда Тиллинга и двух его помощников. Пионеру ракетной техники Роберту Эсно-Пельтри оторвало несколько пальцев. Королев чудом остался жив во время взрыва на стенде в 1938 году.

Страшная трагедия разыгралась на площадке № 43 в Тюратаме 24 октября 1960 года во время подготовки к первому пуску межконтинентальной ракеты Янгеля Р-16. Самопроизвольное включение второй ступени на старте привело к взрыву и мгновенному чудовищному пожару. В огне погибли Главнокомандующий ракетными войсками маршал М.И.Неделин, заместитель министра Л.А.Гришин, заместитель Янгеля Л.А.Берлин, Главный конструктор систем управления Б.М.Коноплев, знаменитый «стреляющий» Герой Социалистического Труда А.И.Носов, испытатель Е.И.Осташов... – всего 59 человек. Буквально за минуту до взрыва Янгель отошел от ракеты покурить и остался жив. Потом Хрущев довольно бесцеремонно спросил его по телефону:

– А вы почему не погибли?..

Эта катастрофа надломила Михаила Кузьмича, словно он действительно был виноват в том, что не погиб. И хотя разбор всех обстоятельств дела, который вела государственная комиссия под председательством Л.И.Брежнева, показал, что если уж и можно кого винить, то не Янгеля, а, скорее, конструктора системы управления Коноплева и, в первую очередь, оператора, не выполнившего инструкцию предполетной проверки, пламя этого взрыва опалило Янгеля на всю жизнь...

Но все перечисленное – от Ван Гу до Неделина (и многое здесь не названное!) – было результатом несчастных случаев. Человек не уберегся, не отошел, не спрятался за брустверь, не притаился в бетонном подземелье, просто не уехал на безопасное расстояние. Все будет хорошо, если летящая ракета и человек не будут рядом, близко, – чем дальше, тем спокойнее. И вот теперь Королеву надо было соединить человека с ракетой неразрывно, запрятать его в чрево гигантской машины, посадить на сорокаметровую пороховую бочку и поджечь фитиль. Королев не раз рисковал престижем, репутацией, огромными государственными средствами, наконец, жизнью своей, но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что предстояло ему сделать сейчас, – рисковать жизнью одного из этих отчаянных славных мальчишек в лейтенантских погонах. Он понимал, что при всем нетерпении Хрущева никто никогда не прикажет ему запустить в космос человека, не возьмет на себя такую ответственность. Ему могут только разрешить. Значит, приказать себе он должен сам. Как? Когда? Сколько испытательных полетов должно быть? Два? Пять? Десять? Он не знает. Никто не знает. И никто, кроме него, число это не определит. Он сам почувствует, когда можно закончить испытания и посадить в корабль живого человека, он должен это почувствовать! Интересно, кто будет этот парень? А, впрочем, так ли уж важно? Просто хороший парень. Живой. И его надо вернуть из космоса живым во что бы то ни стало!

После того как двадцать кандидатов в космонавты были отобраны, Главный штаб ВВС издал 11 января 1960 года специальную директиву о формировании части летчиков-космонавтов. Теперь кандидатов требовалось готовить к полету. Но до этого нужно было решить, где их готовить, а главное – в чем, собственно, эта подготовка должна заключаться: никто никогда никаких космонавтов не готовил.

«Кто возглавит будущих летчиков-космонавтов, явится в Звездном городке начальником, воспитателем и в то же время смелым экспериментатором? – писал позднее в своей книге „Летчики и космонавты“ Н.П.Каманин, работавший в то время в Главном штабе ВВС. – На эту должность у нас появилось несколько кандидатур. Остановились на видном специалисте в области авиационной медицины Евгении Анатольевиче Карпове. Немало лет проработал он с летчиками, хорошо знает их душу и летный характер. Евгений Анатольевич с первых дней загорелся новой работой, перспективой, мечтой».

Итак, 24 февраля Главком ВВС К.А.Вершинин назначил Карпова начальником Центра подготовки космонавтов (ЦПК), а точнее – начальником того, что этому начальнику надлежало

создать. Карпов, тогда скорее чувствующий, чем понимающий всю перспективность и масштабность нового дела, начал со штатного расписания на 250 человек. Заместитель главкома Агальцов улыбнулся, оценив смелость и деловую хватку 38-летнего полковника, и сократил штат до 70 человек. Карпов пошел к Главкому. Маршал выслушал сначала полковника, потом генерал-полковника, подумал и сказал Агальцову:

– Ты, Филипп Александрович, не понимаешь, как их готовить, и он не понимает, – Константин Андреевич кивнул на Карпова, – но берется! Это надо ценить, – и утвердил 250 человек.

В этот момент у Карпова из 250 положенных по штату сотрудников было два: заведующий отделом кадров и командир строевого отделения Андрей Власюк и старшина Федор Демчук – он же завгар, он же шофер, он же автослесарь. Но вскоре появились надежные опытные заместители: по летной подготовке – Евстафий Евсеевич Целикин, по политработе – Николай Федорович Никерясов. Очень помогал Карпову в организационных делах Василий Яковлевич Клоков – тогда заместитель начальника Института авиационной медицины.

В начале марта распущенные по домам после всех медицинских мучений космонавты начали снова съезжаться в Москву. (Формально рассуждая, называть их так нельзя: они пока только кандидаты в космонавты, космонавтами некоторые из них станут лишь через несколько лет, а восемь из двадцати – никогда не станут. Но давайте договоримся, что мы будем всех их так называть.) Первым из Кубинки приехал Павел Попович. Три дня они с женой Мариной жили вдвоем. Потом появился Валерий Быковский. Следом стали подтягиваться остальные: Аникеев, Волынов, Гагарин, Горбатко, Леонов, Нелюбов, Николаев, Титов, Хрунов, Шонин. Временно их разместили в маленьком двухэтажном домике спортбазы ЦСКА на территории Центрального аэродрома имени М.В.Фрунзе. Сделать это было нелегко: ведь многие приезжали с женами, детьми. Позднее для семейных космонавтов Карпов получил квартиры на Ленинском проспекте (улыбка судьбы: из окон этих квартир сегодня виден памятник Юрию Гагарину на площади его имени), но жили там недолго, поскольку уже к лету Каманин, Карпов, Яздовский и Клоков подыскали для будущего Центра подготовки космонавтов подходящее место неподалеку от районного центра Щелково, в 40 километрах от Москвы. И далеко, и близко. И места для будущего строительства хватало. И аэродром недалеко. И железная дорога рядом. И природа прекрасная. Короче, очень удачное место выбрали. В ту пору стоял там единственный двухэтажный домик – един в трех лицах: управление, столовая, учебный корпус. Он и

сейчас цел, этот домик, и надо, чтобы остался цел, ибо он – история, и наши внуки будут им гордиться...

Но это все было уже летом, а весной в жизни молодых летчиков произошло событие чрезвычайной важности: 7 марта их принял сам Главнокомандующий ВВС, Главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин. Надо быть молодым военным летчиком, который считает своего комэска наместником бога на земле, чтобы понять, что это для них значило: беседовать с Главкомом! Сидели, как зайчики, прижав ушки и поедая начальство глазами. Вершинин был ласков, приветлив, поздравил с новым назначением, пожелал успехов.

Через неделю, 14 марта, в 9 часов утра состоялось первое занятие. Сначала Владимир Иванович Яздовский прочел вводную лекцию. Как вспоминал потом Юрий Гагарин, он «обстоятельно рассказал нам о факторах, с которыми встречается живой организм при полетах в космическое пространство». Медики детально объясняли действие перегрузок, невесомости, вводили в курс своих проблем. Космонавты заскучали: «Звали летать на новой технике, а тут какой-то медпросвет...» «Лекции специалистов авиационной и космической медицины я слушал без особого внимания, считая эту дисциплину второстепенной», – признался потом Герман Титов. Узнав о том, что занятия с космонавтами ограничиваются лишь медико-биологической тематикой, Королев очень разгневался и немедленно отрядил целую группу своих людей для чтения специальных курсов: по ракетной технике, динамике полета, конструкции корабля и отдельным его системам. «Мы изучали астрофизику, геофизику, медицину, космическую связь и многое узкоспециальное», – вспоминает Алексей Леонов. Лекции эти читали как ближайшие соратники Сергея Павловича: К.Д.Бушуев, М.К.Тихонравов, Б.В.Раушенбах, так и молодые, но уже опытные инженеры: К.П.Феоктистов, О.Г.Макаров, В.И.Севастьянов, А.С.Елисеев, которые через несколько лет сами стали космонавтами. Главный конструктор систем жизнеобеспечения (СЖО) С.М.Алексеев прочел лекцию об устройстве космического скафандра. Летной и парашютной подготовкой занимались тоже большие мастера своего дела: И.М.Дзюба, Н.К.Никитин, А.К.Стариков, К.Д.Таюрский и др. Наконец, помня о том, что праздность – мать всех пороков, Карпов все свободное время, особенно в первые дни, когда расписание занятий еще не стало твердым, отдавал физической подготовке. Борис Легоньков – физрук из ЦСКА – был человеком неутомимым и безжалостным. Всякое отлынивание от занятий немедленно и беспощадно пресекалось, равно как и диспуты о бесполезности кроссов и бега на длинные дистанции

для будущих командиров космических кораблей. Легоньков начинал день с часовой зарядки на открытом воздухе в любую погоду, а дальше заполнял все паузы в аудиторных занятиях бегом, прыжками, плаванием, нырянием с вышки, гимнастическими снарядами, волейболом, баскетболом – на выдумку он был неистощим. В играх быстро определилась команда «морячков», т.е. летчиков, прежде служивших в морской авиации: Аникеев, Беляев, Гагарин, Нелюбов, Шонин. В баскетболе у «морячков» лучшим был Гагарин, и они часто брали верх над «сухопутчиками». Наставники приглядывались к баскетболистам: в новом коллективе непременно должны были сами собой выявиться лидеры.

В начале апреля закончился монтаж сурдобарокамеры. Испытать ее вызвался Валерий Быковский, и после обстоятельного инструктажа 6 апреля его поместили туда, решив продлить эксперимент до 15 суток, о чем он, естественно, не знал. Валерий сидел еще в сурдобарокамере, когда остальные космонавты вылетели в город Энгельс на парашютные прыжки. К этому времени вся «двадцатка» еще не собралась. Беляев, Бондаренко, Варламов, Карташов, Комаров, Рафиков, Филатьев не успели приехать в Москву из своих частей, и на прыжки улетели без них. Быковский и Заикин присоединились к группе позднее, когда Валерий вылез из сурдобарокамеры.

Заслуженный мастер спорта Николай Константинович Никитин, парашютист-виртуоз, быстро понял, что все они совсем «зеленые»: количество прыжков измерялось единицами – на счету Гагарина, например, было пять прыжков, а были в отряде и такие, которые ни разу не прыгали. Никитин произнес страстную речь, в которой доказывал, что только парашютные прыжки цементируют коллектив, учат мужеству и генерируют отвагу, что мужчина без парашюта – это ненастоящий мужчина.

– Наверстаем упущенное, – бодро закончил он. – Все зависит от вас самих...

Известно, что моряки не очень любят плавать, а летчики – прыгать с парашютом. «Парашютные прыжки в течение полутора месяцев были, пожалуй, одним из самых сложных и трудных этапов подготовки», – пишет Георгий Шонин в своей книге «Самые первые». Никитин сделал, казалось бы, невозможное: привил вкус к прыжкам. Отстранение от занятий, скажем за опоздание, стало не желанным отдыхом, а истинным наказанием. Космонавты научились прыгать на сушу и на воду, днем и ночью, с больших и малых высот, с затяжкой и без. Лучшим парашютистом в отряде был, пожалуй, Борис Волынов. Никитин выделял еще Гагарина, Леонова и Шонина, но и у всех других за

эти полтора месяца набралось несколько десятков прыжков разной сложности. Они уже освоились в небе и научились подчинять себе парашют, если попадали в критические ситуации. Так, Аникеев победил глубокий штопор, Заикин не испугался длительного затенения купола, Титов не сробел, когда у него не раскрылся основной парашют. Никитин оказался прав: ребята действительно сплотились в один дружный коллектив. Вчера еще незнакомые, там, в степи под Энгельсом, они объединились единым делом, открыли в себе естественное желание помогать друг другу, научились сопереживать, – подружились. Тогда космонавты не знали еще, что сам факт полета в космос очень скоро разделит их маленький мир и, даже оставаясь друзьями, они будут жить как бы в разных измерениях, не знали, что час этого раздела стремительно приближается.

В те дни, когда будущие космонавты начали свои парашютные тренировки, в МИКе на космодроме закончилась подготовка к старту первого корабля-спутника. Кстати, сам термин этот – корабль-спутник – придумал Королев. Еще в своем докладе на Всесоюзной конференции по изучению стратосферы за несколько дней до рождения Гагарина он уже говорил о корабле. Ему нравилось само это слово – гордое, романтическое – корабль! Молодежь в ОКБ втихую подтрунивала над Главным: ну какой же это корабль, в крайнем случае – лодка... А вот кто придумал ему имя «Восток», установить так и не удалось. Объявили что-то вроде конкурса, и откуда-то само собой всплыло – «Восток». И всем сразу это название понравилось[202].

«Востоком» он стал не сразу, в технической документации значился поначалу скромно: ОД-2, потом корабли первой серии «Востоков» назывались «изделием-3-КА». Но «Восток» прочно вошел в жизнь, так и будем его называть...

В первом полете Королев хотел проверить самое главное и самое новое: работу тормозной двигательной установки (ТДУ), – сход с орбиты волновал его больше всего. На «шарике» не было еще теплозащитной обмазки: сверхзвуковые аэродинамические трубы еще проверяли расчеты тепловых потоков, сделанные в лаборатории № 4 НИИ-1, которой руководил Георгий Иванович Петров. Не было еще на этом «Востоке» и парашютной системы, и катапульты: возвращение корабля на Землю не предусматривалось. Он просто упадет и расколется, как яичная скорлупа. Что такое обмазка, парашюты, катапульта, известно давно, и как они работают – тоже известно. А вот как включается и работает в космосе ТДУ – тормозная двигательная установка – не знает никто, поскольку она первая и нигде никогда ничего подобного не работало.

Глушко делать ТДУ не хотел и, очевидно, был прав – это не его стихия. Он делал большие многотонные двигатели, и заниматься ТДУ для него было все равно, что конструктору БелАЗа заниматься «Окой». Собственные силы Королева были все-таки слабоваты. С управляющими движками его конструкторы могли справиться, а тут дело очень ответственное. Королеву стоило немалых трудов уговорить Исаева взять эту работу на себя. Исаев отбивался долго, убеждая Королева, что за те сроки, которые он назначает, нельзя сделать даже хороший примус. Однако вырваться ему из «дружеских объятий» Сергея Павловича не удалось: в конце концов, лукавое упорство Королева рассмешило его, а когда Алексей Михайлович смеялся, он терял способность к сопротивлению. Вернувшись в свое КБ, он собрал ближайших соратников и сказал:

– Королев предложил мне быстро сделать одну небольшую, но очень важную работу: спустить человека из космоса на Землю.

Исаев не советовался, он уже решил, что будет делать ТДУ, а совещание нужно было ему, чтобы выявить энтузиастов и в их надежные руки передать заказ Королева. Однако энтузиасты выявились не сразу. Первая дружная реакция – найти способ как-то от этого заказа отбрыкаться: сроки нереальны. Потом возник половинчатый вариант: подобрать из числа уже готовых двигателей что-нибудь подходящее, передать Королеву и пусть он его доводит до ума. Начали спорить, какой движок подходит для этих целей. Исаев слушал и молчал.

– Да что мы тут спорим, – сказал один из замов Алексея Михайловича. – Все равно нас заставят это делать, надо браться без лишних слов.

– Если надо, сделаем! – загомонила молодежь.

Королев пригласил разработчиков к себе. По правую руку от Главного – Борис Андреевич Адамович, ему Сергей Павлович поручил досматривать за ТДУ. Усадив гостей, Королев, поглядывая на Исаева, голосом доброго сказочника начал беседу так, будто никаких переговоров и споров до этого не было.

– Ну вот, Алексей Михайлович, собираемся мы запустить космический корабль с человеком, и очень нужен двигатель, который бы нам этого человека вернул на Землю...

Исаев тон Королева принял и, разложив чертежи, тоже неспешно и напевно стал рассказывать о том, какой у него есть двигатель, насколько он надежен, при том, что камера сгорания весит всего сорок килограммов...

– Много! – уже совсем другим голосом перебил Королев.

– Можно упростить ТНА[203], – тоже в тон ему отрезал Исаев. – Будет полегче...

– На сколько?

– Килограммов на восемь—десять...

– А если больше? Нельзя ли не на восемь—десять, а на восемнадцать—двадцать, а? Вы посмотрите на ваш электропривод, – непонятно когда, но Королев уже успел все разглядеть в разложенных чертежах. – Ведь это спроектировано для паровоза! Посмотрите, за этот кабель можно лошадь прицепить!

Начался торг, как на восточном базаре.

– Простите, Алексей Михайлович, – неожиданно спросил Королев очень серьезно, – а сколько вы сами весите?

– Сто пять кило, – оторопело ответил Исаев.

– Так что же мы спорим! – рассмеялся Королев. – Все же ясно: вся установка должна весить столько, сколько весит Алексей Михайлович!..

Исаев сделал ТДУ в рекордно короткий срок: между техническим заданием, полученным от Королева, до испытаний готовой установки на стенде прошло всего семь месяцев. Адамович постоянно докладывал Главному о ходе работы. Королев встречался с Исаевым, расспрашивал очень подробно, интересовался деталями, но от советов и рекомендаций воздерживался, доверял, и Алексею Михайловичу это нравилось.

– Одна только просьба, – говорил Королев, – установка должна быть абсолютно надежной.

– Сергей Павлович, вы ведь инженер и знаете, что абсолютно надежной никакая конструкция быть не может...

– Может! Должна! Она не дублирована, а, следовательно, должна быть абсолютно надежной, и вы можете это сделать!

Первый запуск ТДУ опытнейший испытатель Исаева Владимир Георгиевич Ефремов провел вечером 27 сентября 1959 года. Во время пятых испытаний двигатель не запустился.

– М-да, панама, – сказал Исаев. Этим словом он всегда выражал предельное недовольство.

Выяснилось, что забыли поставить нож в клапане горючего и он остался запертым. Клапан Исаев заменил другим, более надежным, и издал приказ, запрещающий ночные работы: чтобы ничего не забывали.

Потом было десять испытаний без замечаний. 25 апреля 1960 года Исаев сдал двигатель Королеву. На 15 мая был назначен первый пуск корабля-спутника с ТДУ. Исаев очень волновался: десять удачных испытаний, конечно, успокаивают, но ведь космического вакуума на стенде не создашь, и невесомости там тоже нет...

Старт 15 мая[204] прошел благополучно: корабль вышел на

орбиту. На предпоследнем витке дали команду на включение программы спуска. Теперь надо было ждать последнего витка. Раз команда на включение тормозной установки прошла, значит, где-то над Африкой ТДУ сработает, корабль зароется в атмосферу, антенны сгорят и связь с ним прекратится. Это и будет подтверждением того, что с орбиты он благополучно сошел. А дальше, когда он начнет падать, его запеленгуют наземные станции...

Ко всеобщему огорчению, сигналы радиопередатчика корабля не умолкали. Он не желал сходить с орбиты. По показаниям НИПов корабль не только не снизился, а поднялся на более высокую орбиту. Стали разбираться. Скоро выяснилось, что не сработала инфракрасная вертикаль: корабль перед торможением «не видел» Земли, и тормозная установка не затормозила, а, наоборот, разогнала его.

Ночью в самолете, когда летели домой, царило мрачное молчание – все были удручены неудачей. Один Королев вел себя так, словно ничего неприятного не случилось. С одной стороны, это была его обычная реакция: всем своим видом он подбадривал людей; с другой – Королев не мог не чувствовать, что в данной неудаче отчасти повинен он сам. Просматривая телеметрию, инженеры Раушенбаха нащупали некий изъян в основной системе ориентации. Раушенбах предупредил Королева о возможном отказе и предложил запасной вариант: ориентацию по Солнцу. Королев заупрямился, он не любил вот так, на ходу, отступать от «штатных режимов», стремился, чтобы все шло так, «как положено». Наверное, сейчас в самолете Сергей Павлович раскаивался в том, что не прислушался к советам Бориса Викторовича. Но, черт подери, почему Раушенбах не настаивал, не брал его за горло?!

Интересно, что Раушенбах в КБ Королева принадлежал к той редчайшей категории людей, на которых Главный никогда не кричал. Это объяснялось не только давностью их знакомства – были люди, которые знали Королева дольше, чем Раушенбах, и на них он кричал, а вот на Раушенбаха не кричал. Уважал. Видел: Борис Викторович не лебезит, не лезет ему на глаза, вообще может неделю не показываться, делает свое дело и делает его хорошо. По воспоминаниям самого Раушенбаха, Королев налетел на него лишь один раз, когда, разгоряченный каким-то жарким спором и не находя поддержки, Главный неожиданно для всех заорал на него: «Ну а ты, что ты стоишь и молчишь, как Иисусик?!» Почему «Иисусик» – неизвестно. Круглолицый, всегда гладко выбритый Раушенбах вовсе не походил на Христа...

До Москвы долетели без приключений. На аэродроме

Королев пригласил в машину Бушуева.

– Не доезжая квартала до его дома, Сергей Павлович предложил пройти пешком, – вспоминал Константин Давыдович. – Было раннее московское утро. Он возбужденно, с каким-то восторженным удивлением вспоминал подробности ночной работы. Признаюсь, с недоумением и некоторым раздражением слушал я его, так как воспринял итоги работы как явно неудачные. Ведь мы не достигли того, к чему стремились, не смогли вернуть на Землю наш корабль. А Сергей Павлович без всяких признаков огорчения увлеченно рассуждал о том, что это первый опыт маневрирования в космосе, перехода с одной орбиты на другую, что это важный эксперимент и в дальнейшем необходимо овладеть техникой маневрирования космических кораблей, и какое это большое значение имеет для будущего. Заметив мой удрученный вид, он со свойственным ему оптимизмом уверенно заявил: «А спускаться на Землю корабли, когда надо и куда надо, у нас будут! Как миленькие будут! В следующий раз посадим обязательно...»

Ну как тут не вспомнить мудрого острослова Франсуа де Ларошфуко: «Не бывает обстоятельств столь несчастных, чтобы умный человек не мог извлечь из них какую-нибудь выгоду, но не бывает и столь счастливых, чтобы безрассудный не мог обратить их против себя...»

В тот же день и даже в тот же час другой самолет сел на другом аэродроме: космонавты вернулись с парашютных тренировок. Прошло буквально несколько дней, а на занятия, которые возобновились в здании Института авиационной медицины, приехал невысокий плотный человек лет пятидесяти. По тому, как все забегали вокруг него, как «сопровождали», космонавты сразу поняли, что это большой начальник. Но почему он в штатском?!

Представился: профессор Сергеев. Карпов познакомил его с космонавтами. Расспрашивал мало, но очень внимательно разглядывал. Потом быстро уехал. «Это Королев!» – сказал вечером Карпов «по секрету». Так состоялась их первая встреча.

Все интенсивнее становились медико-биологические тренировки на бегущей дорожке, качелях Хилова, в кресле Барани, тепло– и сурдокамерах, вибростенде и центрифуге. Нагрузки возрастали. Космонавты тихо роптали. «Более всего проявилось негативное отношение будущих космонавтов, пожалуй, к трем „мероприятиям“ медико-биологического раздела подготовки, – писал позднее Е.А.Карпов, – к повторявшимся внешне одним и тем же медицинским обследованиям, к повторным тренировкам с тепловыми нагрузками да к

малоприятным, мягко говоря, вестибулярным тренировкам на вращаемом кресле. Потребовалось провести немало бесед с тем, чтобы убедить некоторых слушателей в необходимости проведения данных работ и оправданности включения их в программу подготовки к первым космическим полетам».

Неожиданно для самого себя трудно перенес «подъем» в барокамере на высоту 6 тысяч метров Николаев. Быковский, первый прошедший испытания одиночеством, успокаивал ребят: «Ничего особенного», но Попович потом признался: «Нелегко». Николаев вспоминал: «Хотелось услышать хотя бы тонюсеньский птичий писк, увидеть что-нибудь живое. И вдруг меня словно кто-то в спину толкнул. Поворачиваюсь и в малюсеньком обзорном кружочке вижу глаз. Он сразу исчез, но я его запомнил: от табачного цвета глаза до каждого волоска рыжеватых ресниц... Не знаю, как я не выкрикнул: „Ну, еще взгляни! Посмотри хоть малость!“ Что-то подобное испытывал Волынов: „Живое слово, только одно слово – что бы я отдал тогда за него!“ У Рафикова, когда он спал, отказал датчик дыхания. Дежурный врач заглянул в иллюминатор и обмер: лежит и... не дышит! А может быть, все-таки спит? Он написал записку, положил ее в передаточный люк и включил микрофон: „Марс Закирович! Возьмите содержимое передаточного люка“. Теперь перепугался проснувшийся Рафиков: ему показалось, что начались слуховые галлюцинации. Первым сутки в скафандре при температуре 55 градусов и влажности 40 процентов провел Шонин. За ним – Рафиков. „По истечении трети суток, – вспоминает он, – меня начал одолевать сон: постоянно видел во сне фонтаны, водопады, море...“ Следом в „парилку“ сел Волынов.

Начались тренировки в невесомости, которая наступает, когда самолет – сначала это был реактивный истребитель, потом – пассажирский Ту-104 – летит по сложной вертикальной кривой. Гагарин записал уже на Земле в журнал: «Ощущение приятной легкости. Попробовал двигать руками, головой. Все получается легко, свободно. Поймал плавающий перед лицом карандаш... На третьей горке при невесомости при распущенных привязных ремнях попробовал поворачиваться на сиденье, двигать ногами, поднимать их, опускать. Ощущение приятное, где ногу поставишь, там и висит – забавно. Захотелось побольше подвигаться».

Тогда невесомость только веселила их...

Когда в Летно-исследовательском институте трудами, прежде всего Сергея Григорьевича Даревского был создан корабль-тренажер и привлеченный Сергеем Павловичем в качестве инструктора-методиста летчик-испытатель Марк Лазаревич

Галлай начал на нем занятия с космонавтами, стало ясно, что тренировать всю «двадцатку» – неудобно, трудно, да и дело идет слишком медленно. Посовещавшись, Королев, Карпов и Каманин, который с лета 1960 г. по заданию командования ВВС вплотную занялся подготовкой космонавтов, решили выделить небольшую группу – шесть человек – для ускоренной подготовки к первому полету.

Сделать это было нелегко: все летчики оправдывали надежды, которые на них возлагали. При отборе в «шестерку» в первую очередь учитывались результаты нагрузочных проб, успехи в теоретических занятиях, физическая подготовка. Принимались во внимание и «габариты»: Попович был среди шестерых самым высоким – 170 сантиметров, а Шонин – 175 – уже высоковат. Волынов всем хорош, но широковат. Комаров, безусловно, лидировал в математике и других точных науках, но у него не очень хорошо шли дела на центрифуге, а потом врач Адиля Радгатовна Котовская нашла у Владимира экстрасистолу – нарушение сердечного ритма – совсем грустные дела. Комаров очень хотел попасть в «шестерку» и, безусловно, имел на это право, прежде всего, благодаря своей инженерной и летной подготовке, но медики отдали предпочтение Варламову, который тоже прекрасно учился, помогал другим по математике, физике и механике и одновременно отличался завидным здоровьем и выносливостью. Учитывались результаты психологических тестов, которые проводились психологом Федором Дмитриевичем Горбовым и его сотрудниками. Наконец, принимались во внимание характер, темперамент, общительность, отношение к товарищам, поведение в быту – короче, играло роль все, что поддавалось учету. В конце концов «шестерка» была сформирована в следующем составе (по алфавиту): Варламов, Гагарин, Карташов, Николаев, Попович, Титов. Это было первым проявлением неравенства в их маленьком коллективе: появились кандидаты «первого сорта» и «второго». Конечно, это задевало самолюбие. Особенно болезненно пережили организацию «шестерки» Комаров и Беляев. Они справедливо считали себя более опытными и умелыми.

Однако очень скоро выяснилось, что состав «шестерки» подвержен изменениям. После первой же тренировки на центрифуге с 8-кратной перегрузкой врачи обнаружили на спине Карташова микроскопические кровоизлияния. Сначала подумали, что это случайность, но на последующих тренировках диагноз подтвердился – питехии. Это было неожиданностью: красивый голубоглазый Анатолий был олицетворением силы и здоровья. Приговор медиков был неумолим: Карташова отчислили.

– Я считаю, – говорил мне Герман Титов, – что с Толей Карташовым медики перестарались. Это прекрасный летчик, и он мог стать отличным космонавтом. Если бы Толя сейчас проходил все испытания, то, безусловно, выдержал бы их...

Анатолий Яковлевич Карташов стал летчиком-испытателем военного представительства Министерства обороны. Работал под Москвой, на Дальнем Востоке, а потом в Киеве у замечательного нашего авиаконструктора Олега Константиновича Антонова.

Нелепая случайность выбила из «шестерки» и Валентина Варламова. Неподалеку от Звездного городка в лесу лежат красивые Медвежьи озера. Однажды космонавты поехали туда размяться, поплавать и позагорать. Варламов предложил прыгать в воду прямо с берега. Первым прыгнул Быковский, чиркнул носом по песку, вынырнул, предупредил:

– Тут мелко, ребята...

Шонин прыгнул и ткнулся в дно руками. Варламов – за ним. Вылез на берег хмурый: очень болела шея – он ударился головой о песок. Все думали – пройдет. Варламов незаметно для друзей ушел к шоссе, на попутке вернулся в Звездный городок, пошел в госпиталь. Диагноз: смещение шейного позвонка. В тот же день его положили на вытяжку. Лежал он долго, очень тосковал. Ребята навещали его, подарили гитару. Наконец он выписался, снова начал тренироваться, но вскоре медицинская комиссия наложила свой запрет.

Валентин очень переживал. По общему мнению, это был человек талантливый, с явными техническими способностями, отличался безупречным здоровьем, любил спорт, был необыкновенно волевой и упорный. Покинув отряд, Варламов не уехал из Звездного городка. Он работал в Центре подготовки космонавтов и еще до старта Гагарина стал заместителем начальника командного пункта управления космическими полетами ЦПК. Затем – старшим инструктором космических тренировок, специализировался на астронавигации. Друзья по отряду были очень внимательны к Валентину, все праздники проводили вместе, но вот начались космические старты, и вчера еще безвестные лейтенанты становились национальными героями, у них появились новые обязанности, новые заботы, начались поездки по разным странам, короче, жизнь переключила стрелку и покатились они по разным рельсам. «Звезды над ним довлели», – с грустью сказал мне Герман Титов. Валентин понимал, что, не случись этого нелепого прыжка на Медвежьем озере, и он мог бы стать одним из первых наших космонавтов. Сознание несправедливости судьбы надломило его. Как относиться к вчерашним друзьям? И как друзьям относиться к

нему? Делать вид, что ничего не произошло, ничего не изменилось? Глупо. Если друзья не приходят в гости, значит, зазнались. А если приходят, значит, снизошли. Накапливались маленькие обиды – истинные и мнимые. Очень становилось тоскливо на душе. Начал выпивать...

Я познакомился с Варламовым в Звездном городке в апреле 1974 года. Мы вспоминали Гагарина.

– Я смертей видел много, – грустно говорил Валентин, – потерял трех близких друзей. Давно это было, и время уже стерло в памяти их лица... А его я не могу забыть. Вот стоит он передо мной, я его вижу, он для меня не погиб... Я не умаляю достоинства других ребят. У нас много отличных ребят. Но Юру никем нельзя заменить, это каждый скажет. Наверное, я смог бы много о нем рассказать, но я слишком хорошо знал его, чтобы сделать это вот так, сразу...

Больше поговорить нам не удалось. В октябре 1980 года Валентин Степанович Варламов поскользнулся в ванной комнате, сильно ударился головой о кафель и умер от кровоизлияния в мозг.

Вместо Карташова в четверку был введен Григорий Нелюбов – он очень этого хотел и очень старался. Вместо Варламова – Валерий Быковский. Этот худенький офицер – он весил 63 килограмма – оказался необыкновенно выносливым: 9-кратную перегрузку выдерживал в течение 25 секунд...

После организации «шестерки» Королев очень хотел познакомиться с этими ребятами поближе, «угадать» среди них будущего командира первого космического корабля. Но дел было невпроворот, и приходилось снова и снова откладывать встречу. Сразу после возвращения со старта первого корабля Сергей Павлович проводит большое совещание у Бушуева, руководит стендовыми испытаниями ТДУ вместе с системой ориентации – желает все-таки понять, почему же корабль не смог спуститься, со строгими инструкциями посылает своих «ходоков» к Челомею – хочет прощупать нового Главного конструктора ракетной техники и попытаться скоординировать работу двух центров: ведь в конце июня в ЦК будут утверждать большой план космических исследований. Но среди всей этой важной и неважной круговерти он находит, наконец «окошко» и на целый день вместе с Ниной Ивановной уезжает в Звездный городок. Карпову позвонили из ОКБ, предупредили: «К вам едет Главный».

Стояла чудесная ласковая погода. Королев был в прекрасном, умиротворенном настроении.

– Решил вот к вам заглянуть, – сказал он, улыбаясь, Карпову, который встретил его у проходной, из чего можно было сделать

вывод, что у Карпова есть свои информаторы в Подлипках, а значит, он мужик деловой...

– Смотрите, какая красота, – продолжал Сергей Павлович, – какой воздух чудесный! Тишина, покой. Эх, сбросить бы мне годков надцать... Непременно в космонавты бы пошел...

Но очень скоро благодушие Королева испарилось. В окружении целой свиты местного начальства, врачей и хозяйственников он с пристрастием осмотрел классы для занятий, лаборатории, стенды и тренажеры.

– Неплохо, – подвел итог Сергей Павлович. – На первых порах неплохо, но надо думать, что делать дальше. Без «заделов» нужного хода вперед не получится. Нам с вами большая работа предстоит, дорогие товарищи. И чем дальше, тем работы будет все больше...

Прощаясь, он пригласил космонавтов к себе, в конструкторское бюро.

Поехали в субботу – все-таки дел у Главного поменьше. Сергей Павлович встретил их в обычной своей манере сдержанного радушия. И снова внимательно их разглядывал. Расспрашивал, кто, где и на чем летал. Потом сам начал рассказывать. Говорил о возможностях ракетной техники сегодня и завтра, о многодневных космических экспедициях и больших исследовательских станциях на орбите. Увлекся сам, сдержанность его пропала, жестикулировал, улыбался...

– А теперь пошли в цех, – закончил Главный конструктор.

Притихшие, тесной группкой вошли они под гулкие своды огромного цеха, на стапелях которого стояли блестящие, еще без обмазки, шары спускаемых аппаратов будущих «Востоков». «Как зачарованные, разглядывали мы еще невиданный летательный аппарат, – вспоминал эту встречу Юрий Гагарин. – Королев сказал нам то, чего мы еще не знали, что программа первого полета человека рассчитана на один виток вокруг Земли».

Они стояли и смотрели на корабль. И все они думали тогда об одном: ведь никакая сила в мире не остановит теперь этого человека и полет в космос действительно будет! И будет скоро!

– Ну, кто хочет посидеть в корабле? – весело спросил Королев.

– Разрешите мне, – Гагарин шагнул вперед, нагнулся, быстро расшнуровал, сбросил ботинки и в носках стал подниматься по стремянке к люку.

Королеву очень понравилось, что он снял ботинки...

Потом, через много лет, часто писали, что Гагарин был первым человеком, примерившим кресло космического корабля. Испытатели не раз его примеряли, Королев тоже часто сидел в

кресле. Однажды он вылез из корабля и, весело оглядев сборщиков, сказал:

– А ведь неплохо!

Арвид Владимирович Палло, начавший работать с Королевым в РНИИ, вспоминал, что еще во время монтажа двигателя на ракетоплане Сергей Павлович обязательно лично проверял, удобно ли работь в кабине, «обживал» эту кабину.

– Эта черта сохранилась у него на всю жизнь, – писал Палло, – через много лет он так же обживал рабочие места космонавтов в спускаемом аппарате «Востока», «Восхода», бытовых отсеках и макетах новых изделий...

Это запомнил и Владимир Иванович Зуданов, бывший старший мастер и начальник цеха сборки:

– Королев садился в кресло пилота и просил, чтобы в течение 30-40 минут никого не было, потом вызывал ведущего инженера Евгения Александровича Фролова и спрашивал:

– Ты лично сколько времени отсидел в аппарате?

Ведущий отвечал, что ему некогда. Сергей Павлович распекал его за то, что при такой компоновке кресла больше суток в корабле трудно находиться.

Но дело не только в контроле Главного над компоновкой. В конце концов, он мог пригласить специалистов по эргономике и инженерной психологии и они все досконально исследовали бы. Тот же Фролов, который вместе с Феоктистовым подал заявление с просьбой зачислить его в отряд космонавтов, утверждает:

– Все дело в том, что Королев очень хотел сам полететь в космос, как ни фантастична эта идея. Особенно после полета Гагарина. Он прямо об этом говорил несколько раз.

Главный конструктор скафандров и систем жизнеобеспечения Семен Михайлович Алексеев рассказывал мне, что Королев по давней дружбе просил сделать ему космический скафандр.

Николай Петрович Каманин отмечает в своем дневнике, что, когда незадолго до старта Быковского и Терешковой Сергей Павлович заболел на космодроме воспалением легких и он пришел уговаривать его лечиться, Королев ответил:

– Я, между прочим, хочу еще и в космос слетать, а ты, Николай Петрович, забюрократился. О летной работе и не думаешь...

«Я... понимал, что в принципе СП прав, – записал Каманин. – В будущих полетах удастся снять требования „идеального здоровья“ к кандидатам на старт».

Георгий Николаевич Пашков – один из кураторов Королева в Совмине, человек очень наблюдательный, пишет:

«Как-то уже после полета Германа Степановича Титова

сидели мы в домике на космодроме. Выдалась свободная минута перед началом заседания государственной комиссии. И тогда Сергей Павлович посмотрел на председателя Константина Николаевича Руднева[205], на меня и сказал полувопросительно: «А что, братцы, не слетать ли и мне туда, а?»

Он знал, что ответ может быть только отрицательным – гипотония мучила его давно, и врачи даже не стали бы до конца выслушивать подобное предложение. Но сколь велика была его тяга к космосу, что даже он, человек необычайно рациональный, трезво видящий жизнь, по-моему, все же надеялся на чудо. И даже набросал черновик заявления. А вдруг получится слетать...»

Я потом много думал об этом. Пашков, мне кажется, точно передал интонацию его как бы случайного, как бы вскользь брошенного, а на самом деле продуманного, выстраданного вопроса. «А что, братцы, не слетать ли и мне туда?..» Скрытый драматизм этой ситуации заключался именно в том, что, по словам Пашкова, врачи и слушать Королева не стали бы, что страстное его желание никто не принимал всерьез, а объяснять это другим людям Королев не мог: они сами должны были понять его. Но никто не понял. А может быть, сделали вид, что не поняли...

Космонавты в Звездном городке 23 июля затеяли праздник Нептуна: обрядили Гагарина богом морей, а толстяка Никерясова – русалкой, барахтались в бассейне и веселились от души. Смеха поубавилось бы, знай они, что именно в этот день ракета со вторым космическим кораблем не вышла на орбиту. Это случилось на начальном участке выведения, довольно низко, но спускаемый аппарат успел отделиться от носителя. Госкомиссия подводила грустные итоги. Снова заговорили о возможном аварийном спасении космонавта. Ведь в случае серьезной аварии на старте предполагалось, что космонавт катапультировался – попросту выстреливался из корабля. Но расчеты показывали, что приземлиться он может и в котлован газоотводного канала. Сгореть бы он не успел: жаркий ураган просто зашвырнул бы его за несколько сотен метров в пустыню, однако при этом никаких надежд остаться живым у него не было. Поэтому решили над частью котлована натянуть металлическую сетку, а неподалеку в специальном бункере посадить команду спасателей-пожарников и медиков во главе с Львом Головкиным. Если космонавт упадет в сетку, они выскочат из своего укрытия и утащат космонавта в бункер. Если авария произойдет в первые примерно 40 секунд полета, космонавту будет очень плохо. Все зависит от того, что конкретно произойдет. Взрыв? Пожар? Уход с курса? Успеют ли сброситься головной обтекатель, отстрелиться люк и сработать

катапульта? А даже если успеют, в каком положении по отношению к земле будет корабль? Ведь ракета может пойти кувырком и так развернуться, что катапульта вобьет космонавта в землю. Ну, а если даже все будет хорошо и парашюты успеют раскрыться, не опустят ли они космонавта прямо в пламя взорвавшейся на земле ракеты?

Эти первые сорок секунд были самыми опасными секундами полета. Провести экспериментальную проверку подобной ситуации, скажем с манекеном, было нельзя, даже не потому, что жалко губить ракету, а потому, что невозможно предусмотреть все варианты аварий. Короче, случись что в эти секунды, у космонавта было много шансов погибнуть. Катапульта была полумерой. Нужна такая система аварийного спасения (САС), которая могла бы оторвать корабль от ракеты и увести его в сторону.

О создании такой системы Королев договорился с главным конструктором Иваном Ивановичем Кортуковым, который делал для авиаторов катапультные кресла. Кортуков прекрасно понимал всю меру ответственности в связи с таким заданием и решил перестраховаться: стенки пороховых двигателей САС сделали такие толстые, что взорваться она не могла.

Королев послал к Кортукову своего эмиссара – Бориса Абрамовича Райзберга, который сразу увидел, что стенки САС перетяжелены, и сказал об этом Кортукову.

– Я, молодой человек, в тюрьме не сидел и сидеть не буду, – ответил Иван Иванович.

Райзберг доложил Королеву – так, мол, и так. Королев взорвался:

– Ах, так! Значит, «не сидел»!

Он устроил Кортукову страшный телефонный разнос, потом, боясь остыть, наорал на министра авиапрома Петра Васильевича Дементьева, которому тот был подчинен.

– Вы срываете ответственнейшую работу! – кричал Королев.

А Петр Васильевич не любил, когда на него кричали, поскольку сам умел это делать великолепно. Короче, сцепились крепко. Однако при всем нажиме Королева на МАП и КБ Кортукова, при том, что он сам ездил на испытания этой системы, САС впервые была установлена уже после смерти Сергея Павловича, на трагическом корабле «Союз-1» в 1967 году[206].

В следующий корабль-спутник Королев задумал посадить собак. Эта мысль не вдруг возникла. Королев несколько месяцев назад специально ездил к Яздовскому и просил подготовить собак для суточного полета с возвращением на Землю. Задание вызвало у медиков прилив энтузиазма. Хотя они гордились

экспериментом с Лайкой, полет ее все-таки оставил в душе некий неприятный осадок. Олег Газенко говорил:

– Сам по себе запуск и получение информации – все очень здорово. Но когда ты понимаешь, что нельзя вернуть эту Лайку, что она там погибнет, и ты ничего не можешь сделать, и никто не может ее вернуть, потому что нет системы для возвращения, – это какое-то очень тяжелое ощущение, ранее не известное мне...

С возвращением – это совсем другое дело, и отношение к собакам совсем другое! Быстро отобрали двенадцать дворняг и тренировали их очень тщательно, приучали к контейнеру, собачьим скафандрам, перегрузкам, вибрациям и, в конце концов, после отборочных испытаний выбрали двух милых сучек – Белку и Стрелку. Вместе с ними должны были лететь (каждая тварь – со своей программой!): две крысы, 15 черепах и 13 белых мышей. В катапультируемом контейнере, рядом с собаками, удалось разместить клетку с шестью черными и шестью белыми мышами и маленьким роем мух дрозофил.

Когда Королев, уже в МИКе, увидел весь этот «зоопарк», он очень оживился, расспрашивал Гюрджиана обо всех тонкостях их работы, разглядывал клетки с крысами и мышами, а когда Армен Арамович взял в руки одну мышку и начал ее гладить, Сергей Павлович тоже протянул палец, но поинтересовался:

– А не укусит ли эта мышь Главного конструктора?

Гюрджиан успокоил его. Королев осмелел, посадил мышь себе на ладонь, приласкал, потерся об нее щекой...

К этому времени завершилась работа в конструкторском бюро Семена Михайловича Алексеева. Волей случая ведущим инженером по «Востоку» у него был Федор Анатольевич Востоков. Систему жизнеобеспечения первого космического корабля разрабатывал большой коллектив, во главе которого стояли: ведущий инженер по скафандру Виталий Иванович Сверщек, ведущий инженер по вентиляционной системе Исаак Павлович Абрамов, инженер-испытатель катапультного кресла Виктор Тигранович Давидьянц. Специальный стреляющий механизм для этого кресла конструировали опять-таки у Ивана Ивановича Кортукова. Надо отметить и труд рабочих-монтажников, которые занимались всем баллонным хозяйством: Николая Александровича Рогачева и Сергея Васильевича Зайцева. Полет был бы невозможен и без специальной парашютной системы, созданной под руководством Федора Дмитриевича Ткачева, правой рукой которого был ведущий конструктор Игорь Шмаков.

Теперь экзамены сдавали не только ТДУ Исаева, но и Алексеев, Кортуков, Ткачев, Шмаков.

Старт состоялся 19 августа. Телекамера позволяла наблюдать

собак. Невесомость их ошеломила, они как-то поникли, опустили головы и лапки, и, если бы не датчики пульса и дыхания, не разберешь, живы ли. Потом ожили, но движения иногда были какие-то судорожные. Яздовский ходил мрачный. Доложил Госкомиссии: на четвертом витке Белка билась, ее рвало. Всем членам Госкомиссии он доказывал, что человека первый раз надо посылать на один виток, не больше. Большинство с ним соглашались. Королев молчал.

У Королева были свои тревоги: телеметрия показала, что построитель инфракрасной вертикали опять барахлит. До включения ТДУ корабль сориентировали по Солнцу. «Исаев сработал по штатному расписанию», и спутник благополучно сел в степи, неподалеку от Орска. Королев вылетел в Орск.

Не пройдет и года, как старт Гагарина превратит полет Стрелки и Белки не более чем в частный эпизод, предшествующий эпохальному событию. А между тем это была большая и важная победа. «Восток» со всей его живностью был первым космическим объектом, который летал в космосе и вернулся на Землю, а живые его обитатели – первыми существами, которые совершили внеземное путешествие и остались целы. Газеты, радио, телевидение, хотя писали и говорили об этом немало: собачек демонстрировали на пресс-конференциях, – оценили это событие, мне кажется, не в полной мере. Это психологически объяснимо: все понимали, что полет Белки и Стрелки не некая самостоятельная космическая программа, а лишь тренировка перед полетом человека, нечто сопутствующее, а не главное. ТАСС так и сообщило: «... запуск и возвращение на Землю космического корабля-спутника, созданного гением советских ученых, инженеров, техников и рабочих, является предвестником полета человека в межпланетное пространство». В одной фразе уже улавливается пафос того времени: и «гений», и «межпланетное пространство», хотя планировался полет в околоземном космосе, но Хрущев любил звонкие фразы, и пропагандисты не могли отказать себе в удовольствии побаловать любимого вождя...

За день до старта Белки и Стрелки Королев рассматривал исходные данные по кораблю, который будет делаться уже специально для полета человека. Вернувшись в Москву, Сергей Павлович 28 августа в кабинете Бушуева собрал всех нужных ему людей и повел разговор о полете человека уже на конкретном корабле. Доклад делал Феоктистов, и доклад Королеву понравился. Надо сказать, что за три дня до этого Феоктистов поздно вечером был у Сергея Павловича и высказал ему свои предложения по аварийному спасению космонавта на различных

участках полета, что позволило бы сократить время подготовки пилотируемого варианта корабля. Королев слушал вроде бы доброжелательно, и все было бы отлично, не заикнись Константин Петрович о том, что космический старт все-таки штука опасная, грех рисковать жизнью молодого летчика и испытывать корабль должны проектанты.

– Скорее всего, я сам, – добавил Феоктистов.

Королев взорвался, кричал, что все это ерунда и дилетантство. Расстались, предельно недовольные друг другом. Когда Константин Петрович рассказал об этой стычке своему непосредственному шефу Тихонравову, Михаил Клавдиевич успокоил его:

– Не волнуйтесь, все правильно, он часто так реагирует на новые идеи, ничего серьезного это не означает. Вы увидите – он к этому вернется...

Теперь в кабинете Бушуева Королев ни словом не напомнил Феоктистову об их последнем разговоре, а уже по тому, как Королев его слушал, Константин Петрович понял, что Главный находится в прекрасном расположении духа.

Да и было чему радоваться! Из доклада сам собой напрашивался вывод, что полет человека можно планировать уже на начало 1961 года. Этот срок воодушевил не только Королева, но и все конструкторское бюро, всех производственников опытного завода. Уже через двенадцать дней после совещания в кабинете Бушуева Королев подписывает «Основные положения» для разработки и подготовки объекта «Востока-В» – первого пилотируемого космического корабля. В сентябре-ноябре идет уточнение состава и параметров всех систем, выискиваются весовые резервы и анализируются находки конструкторов. В ноябре уже готовы все чертежи, в январе 1961 года – сам корабль.

А пока Королев собирается продолжить испытания с экспериментальными «шариками». 10 ноября в Кремль уходит письмо, которое вместе с Королевым подписали Устинов, Келдыш, Руднев и Москаленко, ставший после гибели Неделина Главкомом ракетных войск, с просьбой разрешить запуск еще двух кораблей-спутников. Разрешение получено, и 1 декабря новые космические путешественницы – собачки Пчелка и Мушка – отправляются в полет. Сначала все шло нормально, но на посадке корабль сорвался на нерасчетную траекторию спуска, собаки погибли.

Постоянные отлучки Главного конструктора на космодром не замедляют темпы работ в Подлипках. Королев берет с собой в Тюратам минимальное количество лишь самых нужных ему специалистов. Нет ни одного праздношатающегося человека,

никого, кто бы приехал просто поглядеть. Ежедневные звонки с космодрома в ОКБ и из ОКБ на космодром. Все время взад-вперед летают самолеты с бумагами для просмотра и подписи Главного. Уже после гибели собачек Сергей Павлович получает документацию по окончательному варианту пилотируемого корабля и 16 декабря отвечает резким письмом, в котором отказывается подписывать эти документы. «Здесь заложена самая большая возможность отступления от всех принятых решений по унификации», – пишет он. Кораблей будет много, и снова, как и в случае с межпланетными станциями, он хочет лишить космические конструкции уникальности. «...Предоставленный Вами материал, – пишет Королев, – производит очень плохое впечатление, написан наспех, кое-как, не продуман...» Настроение у Сергея Павловича под стать последним результатам. А так хочется вернуться в Москву перед Новым годом «на коне» ...

22 декабря, через три недели после гибели Пчелки и Мушки, снова отказал носитель. Теперь это произошло высоко, в самом начале работы третьей ступени. Прошла аварийная команда, корабль отделился от ракеты и благополучно спустился на парашютах. Позднее Феоктистов напишет: «Не стоит думать, что полеты, закончившиеся неудачей, не были успешными испытаниями. Успех любого из них – это не только, когда все работает безупречно, но и когда все ясно в отношении любого из отказов. Ясны причины, ясен путь к устранению дефектов. Так что в этом смысле все пять летных испытаний у нас были успешными».

Феоктистов, наверное, прав – это было действительно планомерное, осознанное движение к совершенству. И все-таки из пяти пусков лишь один – второй – можно назвать благополучным. Королев понимает, что всякие отказы конечны, он в этом не раз убеждался. Но ведь речь идет о полете человека, и, как не относись к этой статистике, она не дает ему разрешения на полет. Но дело не в нем. Надо, чтобы все участники работы были уверены в успехе, – это одно из обязательных условий победы. А уверенности такой у людей пока нет. Еще до декабрьских неудач – 10 ноября 1960 года – Королев[207] писал в «Правде»: «...следует накопить дальнейший практический опыт по запуску кораблей-спутников и осуществлению благополучной и надежной посадки обратно на Землю. Нужно надежно отработать в условиях многократных полетов в космосе всю сложную технику этого дела».

Это было справедливо в ноябре, это стало вдвойне справедливо в декабре. Зимой Королев много времени отдает межпланетным станциям «Венера» – после осенних неудач с

«Марсами» ему все-таки очень хочется осуществить первый настоящий межпланетный полет. Одновременно он торопит производственников, которые ведут монтаж новых космических кораблей.

Хотя в «Правде» Королев, оставаясь верным духу времени, и клеймит американцев за «рекордсменство и легкомысленность» и обвиняет их в том, что они хотят «забросить» человека в космос на ракете в авантюристических рекламных целях, сам-то Сергей Павлович подвержен «рекордсменству» не в меньшей степени. Все время он внимательно следит за работами своих американских коллег-соперников. Начиная с сентября 1959 года в США ведутся беспилотные испытания по программе «Меркурий», цель которой – подготовить технику к полету человека в космос. Дело у «американов» не очень клеется: в июле – взрыв на 65 секунде полета, в ноябре корабль не отделился от ракеты и вместе они упали в океан, потом пожар на старте. В последний день января американцы запустили уже десятый[208] «Меркурий», в кабине которого сидел шимпанзе Хэм. Бедной обезьянке досталось крепко. Сначала – аварийный разгон, во время которого 18-кратные перегрузки чуть ни до смерти задушили Хэма. Потом испортилось устройство, которое «наказывало» шимпанзе ударом тока, если он неверно реагировал на световые сигналы. Теперь его било током и за правильные, и за неправильные действия с кнопками и рычагами – трудно даже представить себе, что думал Хэм о людях в эти минуты. На спуске сорвался тепловой экран, и Хэм чуть не изжарился в своей капсуле, которая свалилась в океан более чем в 200 километрах от расчетной точки. Капсула подтекала, а нашли чуть живого полузатопленного Хэма только через три часа после приводнения.

Пока американцы планировали суборбитальный полет по баллистической кривой с падением в океан примерно в 370 километрах от старта[209]. При этом высота подъема – более 200 километров. Это уже, конечно, заатмосферный полет, но можно ли считать его космическим? Можно или нельзя – неважно. Даже если и нельзя, Королеву все равно не хотелось, чтобы такой полет человека состоялся раньше полета пилотируемого «Востока». Не должно быть никаких споров, никаких сомнений в нашем первенстве.

Сергея Павловича никто не подгоняет. Он работает по графику, который сам же для себя и составил, а потом лишь утвердил «наверху». Он тщательно проверяет ракету и новый корабль, практически уже не отличающийся от пилотируемого варианта. «Много всяких и всяческих дел, забот и трудностей, – пишет Сергей Павлович Нине Ивановне в конце января 1961

года. – Готовимся и очень верим в наше дело». Если в декабре он запустил два корабля-спутника и оба – неудачно, то следующий старт планируется лишь на март. 9 марта, когда у Гагариных собрались друзья, чтобы отметить 27-летие Юры, Сергей Павлович преподносит ему поистине «королевский» подарок: новый корабль уходит на орбиту с собакой Чернушкой и антропометрическим манекеном, в груди, животе и ногах которого были закреплены клетки с крысами, мышами, препараты с культурой тканей и микроорганизмов. Американцы в газетах называли этот спутник «ноевым ковчегом». Полет прошел без замечаний, корабль благополучно приземлился через 115 минут.

И все-таки Королев решает, что нужно провести еще один пуск, прервать эту чересполосицу успехов и неудач, доказать всем, что процесс «обкатки» и «доводки» окончен, что все возможные неприятности исчерпаны, все изъяны выявлены и устранены, что космический корабль надежен. Последний пуск – «генеральную репетицию» – Королев назначает на 25 марта. Решено было пригласить на этот запуск «шестерку» космонавтов...

Космодром поразил их. Огромное пространство монтажно-испытательного корпуса, ракета, лежащая в могучих объятиях установщика, циклопический стартовый комплекс с пропастью пламеотводного канала – все это казалось чем-то фантастическим. Но, вместе с тем, делало будущий полет более реальным, и они чувствовали, что уже не месяцы, а, быть может, недели, отделяют их от первого старта в космос.

– С каким-то смешанным чувством благоговения и восхищения смотрел я на гигантское сооружение, подобно башне возвышающееся на космодроме, – вспоминал Гагарин. – Вокруг него хлопотали люди, выглядевшие совсем маленькими. С интересом я наблюдал за их последними приготовлениями к старту...

И раздался грохот, раздирающий небеса, и излился свет, затмевающий солнце...

Манекен «Иван Иваныч», собака Звездочка и другие биообъекты, совершив кругосветное путешествие, целыми и невредимыми вернулись на Землю.

28 марта в конференц-зале президиума Академии наук вице-президент Александр Васильевич Топчиев провел пресс-конференцию по результатам исследований на пяти[210] кораблях-спутниках. Приехало много советских и иностранных журналистов. Толкаясь и мешая друг другу, все усердно фотографировали Чернушку и Звездочку, тихо повизгивавших в горячем свете перекалок. В первом ряду сидели Гагарин, Титов и другие космонавты. На них никто не обращал внимания...

Благополучное приземление последнего «Востока» означало, что экспериментальный период подготовки к полету человека в космос завершен. Королев в Москве доложил о результатах всех испытаний. 3 апреля было принято решение правительства о запуске в космос пилотируемого корабля. В тот же день в 16.00 Сергей Павлович вылетел на Байконур. Счет пошел уже на дни, на часы.

Евгений Анатольевич Карпов

Космонавты на встрече с Главнокомандующим ВВС К.А.Вершининым

Перед парашютным прыжком

Слева направо: А.Николаев, И.Аникеев, П.Попович, Б.Волынов, Ю.Гагарин, Г.Титов, В.Филатьев, Г.Шанин, А.Леонов

С.П.Королев и А.М.Исаев. 1964 г.

Анатолий Яковлевич Карташов

Валентин Степанович Варламов

Собака Чернушка, вернувшаяся из космоса на 4-м корабле-спутнике

9 марта 1961 г.

Какими бы преимуществами природа ни наделила человека, создать из него героя она может, лишь призвав на помощь судьбу.

Франсуа де Ларошфуко

Кандидаты в космонавты у себя в полках были или уже лидерами, или претендентами на лидеров. Каждому ведущему обязательно нужны ведомые. Тут же получалось, что ведомых нет. В такой ситуации трудно летать. И жить трудно. Собравшись вместе, космонавты должны были психологически перестроиться. И они понимали это. Раушенбах, читавший космонавтам курс автоматического и ручного управления космическим кораблем, человек очень наблюдательный, вспоминает:

– Первое, чисто внешнее, что сразу бросалось в глаза, – различие форм («сухопутчики», «моряки») и званий, непривычное для военных аудиторий. Второе, внутреннее, – ощущалась их взаимная доброжелательность. Они хотели равенства...

Они хотели равенства и в то же время понимали, что итогом их работы будет неравенство, что выбрать из многих должны одного. Разрешить это психологическое противоречие было трудно, но к чести этих, еще столь молодых людей, не обладавших большим жизненным опытом, надо признать, что они разрешили его, разрешили с большим тактом и достоинством.

И все-таки, несмотря на стремление к единству, иллюзией было бы считать, что космонавты первого отряда – некий неразделимый монолит. Да и быть этого не могло.

Согласно законам социальной психологии, в «двадцатке» должны были образоваться микроколлективы, и они образовывались. Объединялись по возрасту: Комаров и Беляев были взрослее, мудрее, солиднее. Старше своих лет выглядел и спокойный, рассудительный Волынов. Объединялись по семейному положению: Бондаренко, Варламов, Гагарин, Нелюбов, Карташов, Попович, Рафиков, Титов, Шонин, молодожен Леонов – были людьми семейными, некоторые – уже отцами, что во многом определяло стиль их жизни, отличая от беззаботных холостяков: Аникеева, Быковского, Николаева. Объединялись прежней своей службой, образовалось что-то наподобие студенческих землячеств: Хрунов и Горбатко летали в Молдавии, у них и прозвище было «Моркулешты» – по имени городка, близ которого

они служили. Аникеев, Гагарин и Шонин прибыли с севера. Варламов, Рафиков и Филатьев приехали из Орла. Выявлялись лидеры коммуникабельности, «заводилы», любители «поговорить по душам»: Попович, Рафиков, Нелюбов, и, напротив, «тихони»: Аникеев, Николаев, Хрунов, Филатьев – любители «по душам послушать». Объединял интеллект: были ребята более начитанные, знакомые с искусством, любящие театр, музыку, а были и менее искушенные в музах. Симпатии и антипатии могли объясняться и темпераментом, и увлечениями, и приверженностью к какому-то виду спорта, и представлениями о разумном досуге и т.д. Были любители выпить, равно как были и такие, которые относились к этому времяпрепровождению не то чтобы с активным осуждением, но с должным равнодушием. Короче, это были очень разные, самолюбивые, горячие, полные сил и желания эти силы проявить молодые мужчины. Карпов говорил мне, что управлять этой компанией было очень трудно, а определить в ней абсолютного лидера – еще труднее. Поэтому вопрос, а почему же все-таки именно Юрий Гагарин стал космонавтом № 1, – совсем не простой вопрос.

Анализируя свои беседы с его товарищами по отряду и людьми, которые готовили его к полету, я пришел к выводу, для себя неожиданному: Гагарин не являлся ярковыраженным лидером. Волынов был ведущим парашютистом, Быковский лучше других перенес испытания в сурдобарокамере, Николаев – на центрифуге, Шонин – в термокамере. Отмечались успехи Комарова в изучении техники, Варламова в точных науках. Беляев являл собой пример опытного и справедливого командира. Карташов был отличным охотником, Леонов лучше всех рисовал, Попович – пел, Варламов – играл на гитаре, Рафиков – жарил шашлыки. Что делал лучше всех Гагарин? Этот вопрос заставлял моих собеседников задуматься. Хорошо играл в баскетбол. Но и Филатьев хорошо играл в баскетбол. Отсутствие некоего главенствующего преимущества может показаться недостатком, но оно было как раз огромным достоинством Гагарина. Очень точно об это сказал Алексей Леонов: «Он никогда и никому не бросался в глаза, но не заметить его было нельзя». Дело не в том, что он не был первым, а в том, что он никогда не был последним, а чаще всего – второй. Когда знаменитого скрипача Иегуди Менухина назвали первым скрипачом мира, он возразил:

– Ну, что вы! Я не первый, я второй...

– А кто же первый?

– О! Первых много...

Да, первых всегда много. Лидерство же Гагарина определилось так, как определяется лидерство конькобежца,

который может не быть первым ни на одной дистанции, а в итоге стать чемпионом мира.

Однако было бы неправильно представлять Гагарина как какого-то «середняка». «Середняки» в отряде были, и космонавтом №1 они не стали. Гагарин обладал целым рядом качеств, которые по праву определили его место в «шестерке».

Я встречался с ним несколько лет, наблюдал его в разных ситуациях и считаю, что главным его достоинством был ум. Именно ум, а не образованность – эти понятия часто путают. Гагарин был от природы умным человеком. Приходилось читать о нем как об этаком рубахе-парне: что в голове, то и на языке, – искренность которого почти граничит с инфантильностью. Это неправда. Если хотите, Гагарин был совсем не так прост, как кажется. Когда надо, он скажет, а когда надо – промолчит. Однако не было случая, чтобы его молчание могло принести какой-то вред другим, поставить человека не то что под удар, а просто в невыгодное положение. Быковский сказал как-то, пусть грубовато, но точно: «Юра был себе на уме, но без подлянки». Это был высокопорядочный, честный человек, обладавший особой природной интеллигентностью, которая, кстати, не столь уж редко встречается у простых и даже вовсе необразованных людей, особенно в русских деревнях.

Ответ на вопрос, что же отличало Гагарина от других космонавтов, я искал в книгах и беседах с людьми, хорошо знавшими его до его полета.

Титов: – Каждый из нас горел желанием стать первооткрывателем. Между собой в разговорах мы все же склонялись к тому, что полетит Юрий Гагарин. Мы знали: он хороший товарищ, принципиальный коммунист, пользующийся большим уважением товарищей. Хочется избежать избитых слов «меня поражало», «мне было приятно». Скажу так: с Юрием можно было хорошо и спокойно делать любое дело и надежно дружить. С ним я чувствовал себя легко и просто в любой обстановке.

Я не знал никого, кто с такой легкостью и свободой входил бы в контакт с любым человеком. Со всеми был на равных...

Николаев: – По всему было видно, что первым космическим навигатором предстоит стать Юрию Гагарину. Почему именно ему? Скажу лишь одно: в этом человеке оказалось столько превосходного в знаниях и закалке, что мы, космонавты, сами еще не зная решения Государственной комиссии, единодушно прикинули: «Лететь Юрию».

Попович: – Как секретарь партийной организации, я сразу назвал первым кандидатом Гагарина.

Есть такое понятие – «гражданская зрелость». Когда человек

вступает в пору своей гражданской зрелости, зависит не от того, сколько лет он уже прожил на свете, а от того, в каком возрасте он осознал себя гражданином. Созревает раньше тот, кто раньше начинает самостоятельную жизнь.

Мы между собой провели опрос: кому лететь первому. Голосование было тайным: писали записки. Только в трех записках были другие фамилии, во всех остальных – Гагарин. Ребята его любили.

Быковский: – Чем он отличался от других? Мы все были молодые летчики, для нас командир полка был – царь и бог. А вот в Юре я сразу отметил какую-то свободу, смелость в общении с начальством. Нет, там не было и тени какой бы то ни было фамильярности, развязности, нет! Но он как-то спокойно, с достоинством и с какой-то блуждающей веселой ноткой в голосе говорил и с Карповым, и с Каманиным, и даже с маршалом Вершининым.

Леонов: – Он обладал удивительной способностью в каждом своем товарище подмечать лучшее, обращать внимание других на это лучшее. Причем делал он это очень тонко и деликатно, так, что человек от его похвалы чувствовал себя окрыленным... Он был обычным человеком, но во всем его облике, манере держаться, в его рассуждениях присутствовало что-то неуловимое, доброе...

Волынов: – Не знаю человека, который бы так нравился другим, очень разным людям.

Хрунов: – Гагарин был необычайно сосредоточенным, когда надо – требовательным, строгим. И к себе, и к людям. Поэтому вспоминать впопад и невпопад об улыбке Гагарина – этого великого труженика – значит, заведомо обеднять его образ.

Шонин: – Везде разный и вместе с тем везде он остается одним и тем же – самим собой...

Варламов: – Конечно, у него были свои недостатки. А у кого их нет? Конечно, он ошибался. А кто не ошибается? Но недостатки его были как-то не видны. Наверное потому, что они были меньше, чем у других людей.

Заикин: – Говорят: Гагарин спокойный, уравновешенный... Он когда в хоккей играл, так раскалялся, куда там! Бывало кричит: «Ну погоди, я тебе это припомню». Но был необыкновенно отходчив...

Гагарин обладал очень ценным человеческим качеством: он никогда не опаздывал...

Карпов: – Неоспоримые гагаринские достоинства: беззаветный патриотизм. Непреклонная вера в успех полета. Отличное здоровье. Неистощимый оптимизм. Гибкость ума и любознательность. Смелость и решительность. Аккуратность.

Трудолюбие. Выдержка. Простота. Скромность. Большая человеческая теплота и внимание к окружающим людям.

Раушенбах: – Гагарин никогда не заискивал и не нахальничал. Он обладал врожденным чувством такта.

Королев: – В Юре сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие. Я думаю, что если он получит надежное образование, то мы услышим его имя среди самых громких имен наших ученых.

Валентина Ивановна Гагарина: – Как-то дети меня спросили: «Мама, почему именно наш папа первым полетел в космос?» Вопрос естественный. Почему он, а не другой, когда их была целая группа, подготовленных, тренированных? Были и одинокие, а он женат, двое маленьких детей, мало ли что может случиться...

– Не знаю, девочки, – ответила им. – Наверное, так было надо.

Ответила и подумала: «А ведь я так ничего, и не сказала им, и вопрос остался вопросом. Впрочем, вопросом не только для них, но и для меня...»

Все эти слова были написаны и сказаны уже после полета Гагарина, когда люди, даже если они этого и не хотели, находились под впечатлением гагаринского триумфа, когда в первого космонавта пристально всматривалось все человечество и многие его качества действительно выявлялись в это время более ярко. Но вот что писала о нем комиссия 23 августа 1960 года, когда будущих космонавтов решили аттестовать: «... Наделен беспредельным самообладанием. Тренировки переносит легко, работает результативно. Развит весьма гармонично. Чистосердечен. Чист душой и телом. Вежлив, тактичен, аккуратен до пунктуальности. Любит повторять: „Как учили!“ Скромен. Смущается, когда пересолит в своих шутках. Интеллектуальное развитие у Юры высокое. Прекрасная память. Выделяется среди товарищей широким объемом активного внимания, сообразительностью, быстрой реакцией. Усидчив. Тщательно готовится к занятиям и тренировкам. Уверенно манипулирует формулами небесной механики и высшей математики. Не стесняется отстаивать точку зрения, которую считает правильной. Похоже, что знает жизнь больше, чем некоторые его друзья».

В другом документе Гагарина характеризует известный советский психолог Константин Константинович Иоселиани: «... Эмоционально устойчив. В контакт вступает охотно... Выдержан, корректен, доброжелателен. Пользуется богатым словарным запасом и свободным стилем изложения. Не боится опасности, решителен, инициативен».

Летом 1960 года Гагарин не был еще общепризнанным

лидером в «шестерке», но, безусловно, был одним из претендентов на лидерство.

Претендентами были и Герман Титов, и Григорий Нелюбов. Нелюбов нравился Раушенбаху. Карпов ценил в нем быстроту ума, темперамент и умение держать слово, хотя он видел и его недостатки: не всегда оправданное стремление к первенству во всем, почти полное отсутствие самокритики. Карпов говорил мне, что в разные периоды подготовки он отдавал предпочтение сначала Поповичу, потом Титову. В Титове больше всего ему нравилась прямота. Герман, если попадал впросак, никогда не выкручивался, не изобретал себе оправданий. С другой стороны, в Титове Карпова настораживала его импульсивность: уж если он срывался, то становился практически неуправляем. Высоко ценил Титова и Галлай, который говорил об этом Королеву. Сам Королев, очевидно, тоже отдавал должное Титову, но в еще большей степени – Гагарину.

Писатель Юрий Нагибин в одном из рассказов о Гагарине утверждает, что Юра заинтересовал Сергея Павловича после разговора об испытаниях в сурдобарокамере. На вопрос Королева: «О чем вы там думали?» почти все космонавты отвечали:

– Всю свою жизнь перебрал... А Гагарин ответил:

– О чем я думал? О будущем, товарищ Главный! Королеву этот ответ понравился:

– Черт возьми, товарищ Гагарин, вашему будущему можно только позавидовать!

Так ли, нет ли, но и Леонов утверждает, что Гагарин понравился Королеву еще во время первой поездки космонавтов в КБ. Яздовский рассказывал, что Королев сказал ему однажды о Гагарине: «Мне нравится этот мальчишка. Такой коммуникабельный, такой ласковый...»

Быковский вспоминает, что впервые о том, что первым полетит Гагарин, заговорили как-то вдруг в самолете, когда «шестерка» осматривала предполагаемое место посадки «Востока» под Саратовом. Гагарин тогда удивился: «Почему?»

Стать первым очень хотелось Григорию Нелюбову. И может быть, именно эта откровенная жажда лидерства мешала ему им стать. Судя по воспоминаниям свидетелей всех этих событий, Нелюбов был человеком незаурядным. Хороший летчик, спортсмен, он выделялся и своим общим кругозором, удивительной живостью, быстротой реакций, природным обаянием, помогавшим очень быстро находить общий язык с людьми. Нелюбов был человеком нестандартным, и это очень раздражало Каманина, убежденного сталиниста, который, подобно своему кумиру, допускал всякое проявление личности

лишь в рамках, тому предопределенных. Гагарин был «тише по характеру», а потому больше устраивал Каманина. В Нелюбове Каманин чувствовал какой-то вызов, и то, что, по словам Шонина, Григорий был «проходной парень», тоже Каманину не нравилось. А он действительно был «проходной». Никто не умел так хорошо «договариваться» с врачами, преподавателями, тренерами. Нелюбов обладал завораживающей способностью, иногда даже вопреки воле собеседника, вводить его в круг собственных забот и превращать в своего союзника и помощника. Это был шутник, анекдотчик, «душа компании», любитель шумных застолий, короче – «гусар». При всех плюсах Григория, психологи, внимательно его изучавшие, не могли не заметить его постоянного желания быть центром всеобщего внимания. Этот бесспорный эгоцентризм мешал ему соотносить личные интересы с интересами дела.

Упорное стремление Нелюбова пробиться в лидеры, подкрепленное напряженной работой, привело к тому, что, в конце концов, он стал как бы вторым (после Титова) дублером Гагарина, хотя официально так не назывался. Перед полетом на космодром они втроем: Гагарин, Титов и Нелюбов – фотографировались на Красной площади. Во время старта Гагарина его, в отличие от Титова, не одевали в скафандр, но он ехал на старт в том же автобусе и провожал Юрия до самой ракеты. По общему мнению почти всех ребят из первого отряда, Нелюбов мог со временем оказаться в первой пятерке наших космонавтов.

Но случилось иначе. Невиданная, вселенская, совершенно неожиданная слава, которая обрушилась на Гагарина и Титова после их полетов, ореол героизма, их окруживший, заставляли Нелюбова и себя воспринимать уже не просто как кандидата в космонавты, а как кандидата в Герои. Произошла резкая переоценка собственной значимости, и выдержать это испытание, не славой еще, а лишь перспективой славы, Григорий не смог: подвело как раз его «гусарство». Случилось это уже после полета Титова. Однажды Нелюбов, Аникеев и Филатьев отправились выпить пива. Стычка с военным патрулем произошла на железнодорожной платформе. Дерзкая надменность Нелюбова в комендатуре грозила рапортом командованию. Руководство Центра упросило дежурного по комендатуре не посылать рапорта. Тот скрепя сердце согласился, если Нелюбов извинится. Объективно говоря, Григорий, который был под легким хмельком, действительно вел себя в комендатуре не лучшим образом, и дежурного понять можно: он требовал справедливости, но Нелюбов извиняться отказался. Рапорт ушел наверх.

Разгневанный Каманин отдал распоряжение отчислить всех троих. Космонавты считают, что Аникеев и Филатьев пострадали исключительно по вине Нелюбова. Этим спокойным, уравновешенным ребятам всякое «гусарство» и бравада вовсе не были свойственны. Они, что называется, погорели за компанию. «Мы тяжело переживали их уход, – пишет Георгий Шонин. – И не только потому, что это были хорошие парни, наши друзья. На их примере мы увидели, что жизнь – борьба и никаких скидок или снисхождения никому не будет. Нас стало меньше, и мы сплотились теснее».

Не слишком мудрое поведение жены подвело и Марса Рафикова. С женой он расстался, в конце концов, но и с гагаринским отрядом – тоже. Нелетавшим космонавтом остался, к сожалению, и Дмитрий Заикин. Он упорно тренировался многие годы. Когда во время подготовки к старту «Восхода-2» заболел Виктор Горбатко – дублер Павла Беляева, его сменил Заикин. Возможно, он стал бы командиром одного из первых «Союзов», но в апреле 1968 года медицинская комиссия обнаружила у Заикина язву двенадцатиперстной кишки, и с мечтами о космосе пришлось расстаться. Он остался в Центре подготовки, работал много и самоотверженно, дослужился до полковника, стал ведущим инженером Центра по подготовке космонавтов к технологическим экспериментам на орбите.

Отчисление из отряда космонавтов не означало увольнения из ВВС. Но известно: летчик-испытатель, что балерина, – век его не долог, а медкомиссии безжалостны. Пришло время уйти в запас Ивану Николаевичу Аникееву. Он поселился с семьей в городе Бежецке. Валентин Игнатьевич Филатьев службу закончил в частях ПВО. В молодости он получил диплом педагогического училища и, выйдя в запас, начал преподавать в одном из ГПТУ города Орла, потом ушел на пенсию – хотелось повозиться с внуком Павликом. Много летал в Прикарпатье и Закавказье Марс Закирович Рафиков, выполнял сложные опытные полеты, даже катапультироваться пришлось однажды. В холостяках он ходил недолго. Расставшись с авиацией, поселился с семьей в Алма-Ате, работал на домостроительном комбинате, потом в штабе гражданской обороны. Трагически сложилась судьба Григория Григорьевича Нелюбова. В апреле 1963 года он был направлен в одну из частей ВВС на Дальний Восток. И вот Гагарин и Титов, а за ними – Николаев, Попович, Быковский – вчерашние друзья уже слетали в космос! Даже Комаров, которого не было в их «шестерке», и тот слетал! А он?!! И все из-за кружки пива?!! Нелюбов всем рассказывал, что он тоже был космонавтом, был даже дублером Гагарина! Не все верили ему. Не все могли понять,

как ему тяжело, как ранят его эти улыбочки и шуточки: «Тоже мне, „космонавт“!» Жизнь переполнилась тоской по былому. Он стал много пить. В выписке из рапорта я прочел: «18 февраля 1966 года в пьяном состоянии был убит проходящим поездом на железнодорожном мосту станции Ипполитовка Дальневосточной железной дороги».

Нелюбов, конечно, фигура трагическая. Трудно винить здесь судьбу – она была благосклонна к нему. Не хватило ума и воли выстроить свою жизнь, так счастливо и интересно начавшуюся...

Но все эти грустные истории случились уже потом, до старта Гагарина никто ни за какие дисциплинарные грехи отчислен не был. Да и грешить, честно сказать, некогда было: все чувствовали, как повысился ритм их жизни. «Шестерка» первая проходила положенные испытания на стендах, вне очереди занимались на тренажере в Летно-исследовательском институте. В декабре «шестерку» снова принимал в ОКБ Королев, обсуждал предстоящий полет, расспрашивал, как идет подготовка, а потом отправил их в цех, где лежала собранная на днях «семерка». Ведущий конструктор по носителю для пилотируемого «Востока» Александр Сергеевич Кашо, его заместитель Юрий Павлович Антонов показывали им ракету, объясняли что к чему. Вообще, надо сказать, что, несмотря на то, что той зимой ведущие конструкторы корабля и ракеты – Олег Ивановский и Александр Кашо, их заместители – Евгений Фролов и Юрий Антонов были, наверное, самыми занятыми людьми в ОКБ, им приходилось довольно много заниматься с космонавтами, и чем дальше, тем больше.

Вскоре в Центре подготовки состоялись зачетные тренировки. На них приехал главком Вершинин. Ожидали какой-нибудь накладки, какого-нибудь «визит-эффекта», но все прошло хорошо, а космонавты, хотя и волновались конечно, отвечали уверенно и правильно на все вопросы.

Наконец на 17—18 января 1961 года были назначены экзамены. Если вдуматься, это тоже было событие историческое, поскольку никто и никогда не сдавал экзамены на право летать в космическом корабле. Впрочем, тогда все было «впервые», но об этом как-то не задумывались... В первый день сдавали «практику» – в тренажере проверялось умение управлять кораблем. На следующий день – теория. В экзаменационную комиссию под председательством Николая Петровича Каманина входили: Волынкин и Яздовский – медицина; Феоктистов – корабль; Алексеев – система жизнеобеспечения; Галлай – пилотирование; Карпов – вообще за всех и за все отвечал. Через много лет, вспоминая этот день, Марк Лазаревич Галлай напишет: «Сейчас, в

наши дни, готовность к полету будущих космонавтов проверяют уже летавшие космонавты. Тогда такой возможности не было».

Председатель комиссии – генерал Каманин – вызывает первого экзаменующегося.

– Старший лейтенант Гагарин к ответу готов.

– Занимайте свое место в тренажере. Задание – нормальный одновитковый полет.

И снова, как тогда в сборочном цехе у Королева, он первым сел в макет корабля...

Через много лет член этой экзаменационной комиссии Семен Михайлович Алексеев показал мне старую записную книжку, в которой он помечал ответы космонавтов знаками плюс и минус. «Крестики» стояли рядом с фамилиями: Гагарин, Титов, Нелюбов. «Палочки» – Николаев, Попович, Быковский. Вторая группа космонавтов сдавала экзамены 4 апреля 1961 года, накануне отлета первой группы на космодром. Оценку 5+ Алексеев поставил Комарову и Леонову. Просто 5 – Аникееву, Волынову, Филатьеву и Шонину. Беляев, Горбатко, Рафиков и Хрунов, по мнению Алексеева, заслужили 4. Карташова и Варламова уже списали медики. Бондаренко погиб.

Гибель Валентина Бондаренко была тайной первого отряда наших космонавтов в течение четверти века. Только весной 1986 года в Известиях, получив поддержку на уровне членов Политбюро и преодолев сопротивление всевозможных цензур, напечатали мой рассказ об этой трагической истории.

Валя Бондаренко был самым молодым в отряде – 24 года. Согласно утвержденному расписанию тренировок второй группы, 23 марта 1961 года он заканчивал десятисуточный эксперимент в сурдобарокамере, где его, как и других космонавтов, испытывали одиночеством и тишиной. В тот день он работал при пониженном давлении, что компенсировалось избытком кислорода. Сняв с себя датчики после медицинских проб, Валентин протер места их крепления ваткой, смоченной в спирте, и не глядя бросил эту ватку, которая упала на спираль включенной электроплитки. Плиткой пользовались для подогрева пищи, – увы, в испытательных стендах и тренажерах тогда было еще немало несовершенств. В перенасыщенной кислородом атмосфере пламя мгновенно охватило тесное пространство сурдобарокамеры. На Валентине загорелся шерстяной тренировочный костюм, но он не сразу подал сигнал тревоги на пульт, пробовал сам сбить пламя. Дежурный врач Михаил Александрович Новиков сразу открыть герметичную дверь, не выравнив давления снаружи и внутри, не мог. На все это требовались лишние секунды. А их не было. Когда Валентина вытащили, он был еще в сознании, все время повторял:

«Я сам виноват, никого не вините...» Восемь часов врачи боролись за его жизнь, но спасти Бондаренко не удалось: он погиб от ожогового шока. Похоронили его на родине, в Харькове, где жили его родители. А жена Аня и пятилетний сын Сашка остались в Звездном городке. В архиве ВВС я читал выписку из приказа: «Обеспечить семью старшего лейтенанта Бондаренко всем необходимым, как семью космонавта. 15.4.61. Малиновский».

Бондаренко я не знал. О нем мне рассказывали его товарищи по отряду. Это был славный, незлобивый парень, выросший в простой работящей украинской семье.

Окончив в 1954 году школу в Харькове, добровольцем ушел в армию, поступил в военное авиационное училище, мечтал стать военным летчиком и стал им. Потом был отобран в отряд космонавтов и с конца апреля 1960 года приступил к занятиям. В отряде его любили за добродушную расположенность к людям. «Прозвище ему дали – „Звоночек“, – рассказывал Павел Попович, – а вот почему „Звоночек“ – не помню». «Он хорошо играл в футбол, – добавил Алексей Леонов, – а в настольный теннис Валентина в нашем отряде никто обыграть не мог. Никогда не обижался на дружеские розыгрыши, если „покупался“, смеялся вместе со всеми. А когда у человека чувство юмора распространяется и на самого себя, это, как правило, хороший человек». «Порой Валентин мог вспылить, но без злости и обиды, – вспоминает Георгий Шонин, который некоторое время жил с Бондаренко в одной квартире. – Буквально на мгновение взорвется и тут же покраснеет, застесняется за свою несдержанность. Я всегда восторгался его самоотверженностью и решительностью. Меня до сих пор знобит, когда я вспоминаю, как он взбирался по водосточной трубе на пятый этаж к стоявшему на подоконнике ребенку, рискуя ежесекундно свалиться вместе со скрипящей трубой... Валентин очень любил своего отца. Он гордился им, бывшим партизанским разведчиком. Вечерами, когда мы выходили на балкон подышать перед сном, он много и интересно рассказывал о нем, прерывая вдруг себя вопросом:

– Я тебе говорил, что папаха моего батьки лежит в музее партизанской славы?»

Юрий Гагарин не смог похоронить своего товарища: вскоре после гибели Бондаренко он и другие космонавты «из шестерки» вылетели на Байконур – в космос уходил последний беспилотный «Восток».

Когда стало ясно, что первым командиром космического корабля станет Юрий Гагарин? Строго говоря, только после утверждения его на заседании Государственной комиссии 8 апреля 1961 года. Влияли ли результаты экзаменов на это

решение? Влияли. Но вряд ли именно экзамены имели решающее значение для выбора, потому что все космонавты доказали комиссии, что в том объеме, в котором им положено было знать корабль, они его знали, так что «минусы» Алексеева были довольно субъективны. Физическое здоровье также уравнивало всех кандидатов. Лидеры внутри отряда определились: Гагарин и Титов. Но кто из них будет первым? Личные дела двух летчиков стала разбирать специальная мандатная комиссия. Ведь первый должен был в какой-то степени олицетворять эпоху, быть символом своего времени и своей родины. Подобное рассмотрение – явление чисто советское. Ход мыслей и логика оценок мандатной комиссии подчас весьма причудливы, а глубина анализа столь велика, что иногда хочется воскликнуть: «Господи! Помилуй! Да какое же все это имеет значение??!!»

Оба космонавта были русскими. Но Гагарин из Гжатска, со Смоленщины – исконной российской земли, а Титов – с Алтая. Алтай тоже, конечно, не Никарагуа, но все же нет в нем тех исторических корней, которые есть в Смоленщине. И почему у первого космонавта, русского человека, не русское имя: Герман? Отец любил Пушкина и назвал сына в честь героя «Пиковой дамы»? То, что любил Пушкина, это хорошо, но ведь не станешь всем объяснять, кто такой был Герман, а если человек вообще не читал «Пиковую даму»? Юрий – лучше. Понятнее. Оба паренька деревенские. Но то, что Гагарин учился в ремесленном училище на формовщика-литейщика и закончил школу рабочей молодежи, как бы приобщало его к рабочему классу. Гагарин олицетворял союз серпа и молота. Даже то обстоятельство, что у Юры были две дочки, а маленький сынок Германа умер вскоре после рождения и детей тогда у него не было, тоже было отмечено мандатной комиссией. Объясняя выбор Юрия Гагарина, Герман Титов правильно пишет: «Есть что-то символическое в жизненном пути и биографии Гагарина. Это – частичка биографии нашей страны. Сын крестьянина, переживший страшные дни фашистской оккупации. Ученик ремесленного училища. Рабочий. Студент. Курсант аэроклуба. Летчик. Этой дорогой прошли тысячи и тысячи сверстников Юрия. Это дорога нашего поколения...»

Фотографии Юры и Германа Евгений Анатольевич Карпов возил в оборонный отдел ЦК, показывал товарищам: Алексею Петровичу Узкову, Николаю Андреевичу Миронову, Борису Александровичу Строганову и самому Ивану Дмитриевичу Сербину. Все молча и очень серьезно разглядывали портреты, переводя глаза с фотографии военной на фотографию цивильную и обратно: кандидаты были сняты в двух вариантах. Потом Иван Дмитриевич Сербин показал эти фотографии Фролу Романовичу

Козлову, секретарю ЦК, тогда – второму человеку в государстве. Потом Фрол Романович понес их Никите Сергеевичу. Тот посмотрел и сказал:

– Оба парня отличные! Пусть сами выбирают!

Эти слова Фрол Романович повторил Ивану Дмитриевичу, а Иван Дмитриевич – Евгению Анатольевичу. Теперь можно было сказать, что «вопрос согласован на высшем уровне».

– После пуска Звездочки я подумал, что первым полетит Гагарин, – вспоминал Валерий Быковский. – Он первым сдавал экзамены, на него примеряли скафандр, кресло, подгоняли привязные ремни. Правда, они с Германом были очень похожи по телосложению, разве что Юра чуть поплотнее, но все-таки по каким-то мелким штрихам, например по тому, как спрашивали его, что он любит, а что нет, когда готовили тубы с питанием, по тому, как обращались к нему Карпов, Каманин, можно было судить, что Юра, скорее всего, будет первым...

– Впервые я почувствовал, что полетит первым Гагарин, перед отлетом на космодром, – вспоминает Герман Титов. – Мы ездили тогда в Москву: на Ленинские горы, потом на Красную площадь, к Мавзолею. И я заметил, что фотокорреспонденты и кинооператоры больше других снимают Юру. И подумал: «Значит, все-таки Юра...» Хотя ничего еще не было решено, и я, конечно, надеялся, что первый полет могут доверить и мне...

В Звездном состоялось партийное собрание. На повестке дня – один вопрос: «Как я готов выполнить приказ Родины». Слово взял Гагарин.

– Приближается день нашего старта, – сказал он. – Этот полет будет началом нового этапа нашей работы. Я очень рад и горжусь тем, что попал в первую группу. Я не жалел своих сил и стараний, чтобы быть в числе передовых. Заверяю, что и впредь не пожалею ни сил, ни труда и не посчитаюсь ни с чем, чтобы выполнить задание партии и правительства. На выполнение предстоящего полета мы идем с чистой душой и большим желанием выполнить это задание, как положено...

«Странное дело, когда решалась его судьба о переводе в Звездный, в отряд так называемых испытателей, он волновался и переживал значительно больше, – вспоминала Валентина Ивановна Гагарина. – А тут был спокоен, хотя и немножко рассеян.

– Береги девчонок, Валюша, – сказал он тихо и вдруг как-то очень по-доброму посмотрел на меня.

Я поняла: все уже предрешено и отвратить этого нельзя... В ту ночь мы говорили о разном и не могли наговориться... Утром он еще раз осмотрел свои вещи – не забыл ли чего, – щелкнул

замком своего маленького чемоданчика... Юра поцеловал девочек. Крепко обнял меня... Я вдруг почувствовала какую-то слабость и торопливо заговорила:

– Пожалуйста, будь внимателен, не горячись, помни о нас...

И еще что-то несвязное, что сейчас трудно вспомнить.

Юра успокаивал:

– Все будет хорошо, не волнуйся...

И тут меня словно обожгло. Не знаю, как это получилось, но я спросила о том, о чем, наверное, не должна была спрашивать тогда:

– Кто?

– Может быть, я, а может быть, и кто-нибудь другой...

– Когда?

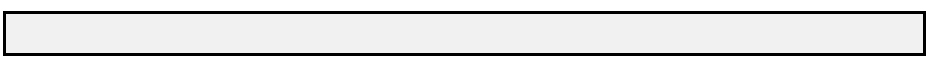
Он на секунду задержался с ответом. Всего на секунду:

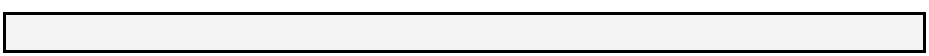
– Четырнадцатого.

Это я уже потом поняла, что он назвал это число только для того, чтобы я не волновалась и не ждала в канун действительной даты...»

Космонавты второй группы после сдачи экзаменов должны были вылететь на НИПы – наземные измерительные пункты, расположенные по всей стране. Утром 5 апреля шестерка космонавтов, Каманин, Карпов, однофамилец Германа офицер госбезопасности Михаил Сергеевич Титов, врачи, кинооператоры вылетели на космодром на трех самолетах Ил-14.

Юрий и Герман летели на разных машинах.





Клюшка или сигарета ?..

Григорий Григорьевич Нелюбов

Валентин Васильевич Бондаренко

Дмитрий Заикин выходит из сурдобарокамеры после 15 суток одиночества и тишины

Семен Михайлович Алексеев

Летим на космодром

«Сегодня я полечу!» – впервые подумал он о небесном великом просторе, предчувствиями которого всю ночь жила его душа.

Леонид Андреев

Сказав жене, что полет состоится 14 апреля, Гагарин действительно взял срок с запасом, но точной даты старта он не знал – впрочем, тогда ее никто не знал. После запуска последнего корабля-спутника Королев возвращается в Москву уже под вечер 28 марта и сразу едет на работу. На следующий день утром он проводит последнее предполетное совещание в КБ, выясняет: что, где, на сколько может задержать будущий старт. Пообедав, едет в Комитет по оборонной технике к Рудневу, где собрались члены будущей Государственной комиссии. После короткого энергичного доклада просит разрешения на старт, теперь уже на правительственном уровне. На следующий день Королев и Тихонравов в 8.30 утра уже в Совмине у Пашкова. Георгий Николаевич помогает им составить нужные бумаги. Опытный аппаратчик, он всегда давал дельные советы, популярно объяснял, что нужно делать, какие бумаги писать и кому их адресовать, как их подталкивать и кому звонить, чтобы они нигде не застряли, какие существуют способы весь этот процесс ускорить и довести до желаемого финала. Пашков прекрасно знал все устройство механизма власти. Подобно тому как хороший врач-гастролог ясно представляет себе движение пищи в желудочно-кишечном тракте, Георгий Николаевич зримо представлял себе весь путь бумаг и точно знал, где в данный момент они находятся и что с ними происходит. Анализ «исходящих» бумаг (как и медицинский анализ для врача) позволял ему судить о состоянии организма власти.

2 апреля, несмотря на воскресенье, работа не останавливается: Королев докладывает на заседании правительственной комиссии о готовности техники к первому полету человека в космос. На следующий день Тихонравов записывает в дневнике: «Утром разговор с СП. Сегодня в 15 час. последнее совещание, на котором был СП и Келдыш. Все решилось +». Совещание было коротким. Королев рассказал, что решение о полете принято. В 16 часов Сергей Павлович улетает на космодром. К моменту прилета космонавтов уже появилась

некоторая ясность. Встретив их на аэродроме вместе со всеми полигонными начальниками, Сергей Павлович сказал, что ракету планирует вывезти на старт 8 апреля, а 10-12 апреля можно стартовать.

– Как видите, в вашем распоряжении еще есть время, – улыбнулся Главный конструктор.

От Карпова Королев потребовал чуть ли ни поминутного графика занятости космонавтов на весь предстартовый период и напомнил, что он, Карпов, несет персональную ответственность за готовность космонавтов к старту. В голосе Королева удивительным образом сплавлялись ноты дружеского доверия и жесткой требовательности. Только он один умел так разговаривать с людьми.

Утром 6 апреля на космодром прилетел Константин Николаевич Руднев – председатель Государственной комиссии. В 11.30 началось техническое совещание, на котором обсуждались отладка регенерационной системы, результаты испытаний скафандров и кресла и полетное задание космонавту.

Галлай и другие методисты высказали пожелание, чтобы космонавтам разрешили посидеть до старта в корабле. Хотя тренажер был полной его копией, но реальный корабль – это реальный корабль. Это предложение поддержал и ведущий конструктор по «Востоку» Олег Генрихович Ивановский, а затем и Королев. 7 апреля облаченный в скафандр Гагарин, а за ним Титов провели в реальном «Востоке» свою последнюю тренировку. Вечером космонавты смотрели кинохронику о полетах манекенов на двух последних беспилотных кораблях.

Взвешивание в МИКе показало, что «Восток» находится по весу почти у допустимого предела. Вес пяти беспилотных кораблей колебался от 4540 до 4700 килограммов, корабль Гагарина вместе с командиром весил 4725 килограммов. Вспомнили, что Титов немного легче Гагарина, и в связи с этим, может быть, следует запускать Титова, но Королев сказал, что менять ничего не надо, а если потребуется, можно снять некоторую контролирующую аппаратуру, которая в самом полете никакого участия не принимает.

На 8 апреля было назначено заседание Государственной комиссии, на котором после разбора некоторых технических вопросов утверждался командир корабля. Каманин предложил Гагарина в качестве основного пилота, Титова – в качестве запасного. Предложение было принято без долгих обсуждений.

– Девятого апреля Николай Петрович пригласил Юрия и меня к себе в комнату и объявил нам, что полетит Гагарин, а я буду его дублером, – рассказывал Герман Титов.

Мне приходилось много раз читать, как радовался Титов за своего друга Юрия, когда Гагарина назначили командиром первого «Востока». За Гагарина он, может быть, и радовался, а за себя? Разве не был бы Титов просто примитивным человеком, если бы он в эти минуты не испытал ничего, кроме радости за своего товарища?! Так зачем же так его духовно обеднять? На мой прямой вопрос, обидно ли ему было, Герман ответил с полной откровенностью:

– Да о чем ты говоришь! Обидно мне было, не обидно, но по крайней мере – неприятно!

Достаточно посмотреть на понуро сидящего Титова в кадрах кинохроники, снятых во время заседания Государственной комиссии, чтобы понять, что не только радость за Юрия испытывал он тогда. И его можно понять, при этом ничуть не умаляя его дружеских чувств к Гагарину. Галлай свидетельствует: «Очень достойно вел себя Титов в этой психологически непростой ситуации».

На следующий день в одиннадцать часов на большой открытой террасе, построенной у края высокого берега Сырдарьи, состоялась встреча космонавтов с учеными, конструкторами, командирами стартовых служб. Многие из них никогда не видели космонавтов и с интересом рассматривали молодых летчиков. На встрече был председатель Госкомиссии К.Н. Руднев, Главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения К.С. Москаленко, С.П. Королев, Н.П. Каманин, руководители космодрома и другие члены Государственной комиссии. Старались избежать официоза: на столах стояли вазы с фруктами, ситро, минеральная вода, Королев шутил, просил космонавтов и их всех тоже «свозить» в космос на будущем трехместном корабле.

Вечером состоялась официальная, – как называли ее, «парадная» – Госкомиссия, утвердившая то, что уже было решено. Кратко выступил Королев. Каманин представил Гагарина и Титова. Когда слово предоставили Гагарину и он начал говорить, вдруг погасли все юпитеры киношников. Гагарин от неожиданности замолчал. Оказывается, у операторов кончилась пленка и они перезаряжались. Вскоре все опять включили, и Гагарину пришлось повторить начало своего выступления.

11 апреля в 5 часов утра Королев был уже в МИКе. Вывоз ракеты назначен на семь, но у телеметристов случилась какая-то заминка. Королев понял это сразу, когда увидел у хвоста ракеты не убранные до сих пор площадки обслуживания. Он молча пожал руку Кириллову, и по тому, что главный испытатель не доложил ему о телеметристах, вообще никак не прокомментировал сам

факт наличия этих людей, ковыряющихся в хвосте носителя, Королев понял, что Кириллов надеется войти в график. Однако Сергей Павлович счел полезным демонстративно посмотреть на часы, а несколько минут спустя Кириллов столь же демонстративно скомандовал:

– Тепловоз к установщику! Приготовиться к вывозу! – и, обернувшись к Королеву, сказал уже не командирским, а этаким светским, изысканно вежливым голосом:

– Прошу к выходу. До вывоза – около минуты, – и сам теперь демонстративно посмотрел на часы.

Королев засмеялся и обнял испытателя.

А может быть, самое большое счастье все-таки не здоровье, не любовь, а люди, преданные твоему делу так же, как ты?..

Королев пошел вдоль ракеты, мимо тихо пыхтевшего тепловоза навстречу свету в широко распахнутых воротах МИКа.

Ракету проводили как всегда, по давно уже заведенному ритуалу. Потом пошли к машине. Королев сел сзади вместе с Воскресенским. Кириллов впереди с шофером. Ехали молча. Молчание было естественным, даже необходимым в эти минуты, и то, что Королев вдруг заговорил, было неожиданным для его спутников. Впрочем, он говорил не им – себе:

– Меня все время тревожит одно. Нет ли такой штуки в ракете или корабле, которую нельзя обнаружить никакими проверками, но которая может преподнести сюрприз в самое неподходящее время? Не торопимся ли мы с пилотируемым пуском? Достаточен ли объем предстартовых испытаний? Может быть, имеет смысл его расширить?

Его попутчики молчали, не понимая, что этот очень сильный и самолюбивый человек просит их успокоить его...

Королев очень устал. Устал он от одной единственной мысли, которая уже много дней сверлила его мозг: что проглядели? Что не предусмотрели? Какие мелочи? Может ли случиться так, что в какое-то коварное мгновение мелочи эти сольются вместе, образуя уже нечто опасное? Он все время понуждал себя искать, думать и одновременно понимал, что все мыслимое он уже перебрал, что думать ему уже не о чем. Но ощущение какой-то просмотренной, спрятавшейся от него до поры опасности не проходило. Повинуясь ему, еще в Москве он однажды позвонил Келдышу, попросил прислать в ОКБ математиков и еще раз проверить все расчеты баллистиков на участке выведения. Келдыш послал Охоцимского и Энеева, они все проверили, все было верно. Королев поблагодарил их, рассеянно, глядя куда-то в сторону, сказал:

– Понимаете, этот старт – предельная ответственность...

Теперь на космодроме он взялся было проверять подготовку Гагарина и Титова, устроил им «собеседование», задавал вопросы по пилотированию. «Восток» был полностью автоматизированным кораблем, и все пилотирование сводилось к единственной операции, мыслимой в предстоящем полете: ручной ориентации корабля и включению тормозной установки перед посадкой в том случае, если система автоматической ориентации почему-либо не сработает. Что надо делать в этом случае, и Юрий, и Герман знали «назубок»: разбуди среди ночи – ответят без запинки, и это несколько успокоило Сергея Павловича. Но ненадолго. После обеда он вызвал Раушенбаха и Феоктистова и сказал:

– Я прошу вас еще раз поговорить с Гагариным и Титовым. Проверьте еще раз, насколько твердо усвоили они свое полетное задание...

Сергей Павлович говорил, глядя куда-то в сторону и нервно поигрывая карандашом. Он не видел, как по обычно невозмутимому лицу Феоктистова пробежала тень недоумения. Раушенбах покрутил шеей, будто ему жал воротничок. Королев понимал, что делает что-то не то: если Гагарина не сумели подготовить за столько месяцев, вряд ли такая беседа что-то решала.

После утверждения его командиром «Востока», Гагарин был совершенно счастлив, белозубая улыбка не сходила с его лица. Встретив его, Королев довольно хмуро спросил:

– А чему ты, собственно, улыбаешься?

– Не знаю, Сергей Павлович, – задорно ответил Гагарин, – наверное, человек я такой несерьезный...

Королев посмотрел на него строго и ничего не сказал. Уже после приземления Гагарина, по дороге в Куйбышев, вспоминая этот разговор в самолете, радостный Королев воскликнул: «Побольше бы нашей Земле таких „несерьезных“...»

Сейчас, во время инструктажа, который продолжался часа полтора, Гагарин старательно прятал свою веселость, был сосредоточен и внимателен. Никакого волнения, тем более – робости или рассеянности ни Раушенбах, ни Феоктистов в космонавте не почувствовали.

Через много лет Борис Викторович Раушенбах вспоминал:

– Я смотрел на него и умом понимал, что завтра этот парень взбудоражит весь мир. И в то же время в душе никак не мог я окончательно поверить, что завтра произойдет то, чего никогда еще не было, что старший лейтенант, сидящий перед нами, завтра станет символом новой эпохи. Начинаю говорить: «Включите то, не забудьте переключить это», – все нормально, буднично, даже скучновато, а замолкну, и словно какой-то чертик начнет

нашептывать: «Чепуха, ничего такого завтра не будет...»

Ракету на старте поставили без замечаний. По готовности «двадцать четыре часа» тоже все шло нормально. В 13.00, еще до инструктажа, приехали Гагарин и Титов, собрались стартовики.

Еще загодя Королев продумал весь этот символический церемониал. Он понимал, что старт Гагарина – это не завершение огромной работы последних лет, а лишь начало ее. И следом пойдут другие старты, и оглядываться будут на этот, первый, смотреть: «А как тогда было?» Он чувствовал, что в поисках этих торжественных форм проводов в космос никто его не поддерживает, а многие просто считают, что СП мудрует или блажит.

– Это очень важно, чтобы космонавт не чувствовал себя пассажиром, которого впопыхах впихнули в купе отходящего поезда, – горячо доказывал Королев.

Нет, церемониал необходим, чтобы все люди почувствовали значительность происходящего, оглянулись на работу, которую сделали. Он должен быть торжественным, как армейская присяга, и человечным, как та минута, когда надо присесть перед дальней дорогой.

После встречи со стартовой командой Гагарин и Титов обедали вместе с Каманиным, пробовали «космическую пищу» в тюбиках: пюре щавелевое с мясом, мясной паштет, шоколадный соус. Каманин понимал, что калорий там много, но вкус любой еды лучше всего познаешь, когда ее кусаешь и жуешь, а это была какая-то сытная, питательная замазка.

Потом была эта встреча с Раушенбахом и Феоктистовым. Гагарин так и не понял, что это было: лекция? Экзамен? Сеанс психотерапии?

Ближе к вечеру Каманин с космонавтами по минутам расписывали завтрашнее утро – подъем, зарядка, туалет, завтрак, медосмотр, облачение в скафандр, проверка скафандра, выезд на старт, проводы. До этого они жили на «нулевке» – «площадке О», где была приличная гостиница, а на эту последнюю ночь перед стартом их перевели на «двойку» – поближе к ракете, поселили в бывшем домике покойного Неделина. Они еще составляли свое расписание, когда в домике неожиданно появился Королев. О деле – ни слова. Ни о чем не расспрашивал, шутил довольно неуклюже:

– Через пять лет можно будет по профсоюзным путевкам в космос летать...

Гагарин и Титов смеялись. Королев тоже улыбался, разглядывая их будто впервые, очень внимательно, пристально. Потом взглянул на часы и ушел так же быстро, как появился.

Специальная группа медиков во главе с Иваном Тимофеевичем Акулиничевым наклеила на Юрия и Германа датчики, а в 22.00 они уже были в постелях.

Яздовский по секрету поставил на их матрацах тензодатчики: ему было интересно, будут ли они волноваться, ворочаться во сне, и усадил инженера Ивана Степановича Шадринцева и психолога Федора Дмитриевича Горбова следить за показаниями этих датчиков. И Юрий, и Герман спали совершенно спокойно. В ту предстартовую ночь в домике дежурили Евгений Анатольевич Карпов, врач Андрей Викторович Никитин и офицер госбезопасности, отвечающий за сохранность космонавтов. Часто заходил Каманин.

Была уже глухая ночь, когда сидящий у стола с медицинской аппаратурой Карпов увидел, как в домике Королева зажегся свет, – зажегся и не погас, и Карпов понял, что Главный не спит, и подумал, что врач нужен не вот этим двум здоровякам, которых он стережет и сдувает с них пылинки, а вот тому очень уставшему человеку. Через много лет Мстислав Всеволодович Келдыш тоже подтвердит: всю ночь перед стартом Гагарина Королев не спал.

После всех комиссий, техсоветов, телефонных звонков, рапортов, которые он выслушивал, и приказов, которые отдавал, после всех этих последних дней, переполненных тысячами забот, окружавших его со всех сторон, с каждым часом все теснее вокруг него сжимавшихся, теснивших его и уплотнявшихся в один монолит Главной Заботы, после этих ночей беспокойного сна: спал он урывками, – оставалось прожить всего несколько часов в таком напряжении. И подобно тому, как для узника самыми долгими бывают последние дни многолетнего заточения, эти последние часы были для Сергея Павловича самыми трудными.

Королев взял журнал «Москва», начал читать, понял, что не понимает и не помнит прочитанного, вызвал машину и пошел проведать космонавтов. Он волновался за Гагарина несравнимо больше, чем сам Гагарин волновался за себя. Накануне вдруг сказал Каманину:

– ...Ведь человек летит... Ведь я его знаю давно. Привык. Он мне, как сын.

Каманина поразили не сами слова, а интонация Главного конструктора, – столько в них было тепла и сердечности. Он не мог припомнить, чтобы Королев, человек чрезвычайно скупой на проявление каких-либо эмоций, когда-нибудь, с кем-нибудь говорил таким тоном.

Удостоверившись теперь, что Юра и Герман спокойно спят, Королев уехал на стартовую. Было около трех часов ночи.

Обычно ему не требовалось даже выслушивать доклады

дежурных испытателей. Уже по тому, как двигались люди, по ритму всей работы он мог сразу понять, как идут дела. Наверное, ехать не стоило. Он верил в «эффект присутствия», ведь недаром же, кроме общепринятого «СП», на космодроме было у него и еще одно, менее распространенное прозвище: «Скорпион-4».

Специальные службы, отвечающие за сохранение тайн Тюратама, в усердии своем были неистощимы. Никак не укладывалось в их голове, что невозможно сохранить в секрете то, о чем знают тысячи человек, и спрятать то, что измеряется сотнями километров, не могли поверить, что тайны остались в XVIII веке, когда визирь насыпал в бокал шаха яд из перстня или одинокий пират закапывал под дубом драгоценный ларец и никто об этом не знал. Установка по секретности была примитивнейшая; да, в космос летаем, но откуда – никто не должен знать. Эти же «теоретики госбезопасности» привели нас к великому конфузу, назвав космодром Байконуром. Дело в том, что, когда всем уже было ясно, что космодром находится в Казахстане, «врага» решено было «запутать». Километрах в четырехстах севернее Тюратама существовал маленький городишко Байконур, имя которого и дали космодрому. Настоящие байконурцы некоторое время извлекали из этого камуфляжа немалую выгоду, рассылая на бланках своего города различные просьбы и требования и получая сверх всяких лимитов трубы, цемент, лес и прочие дефициты, пока их не окоротили. Рассказывали, что собирались чуть ли не судить местных представителей советской власти за «обман», но они доказали, что никакого обмана нет, – они и в самом деле живут в Байконуре, а о космических стартах ни в одной из бумаг не упоминали. И если уж говорить об обмане, то обман был, конечно, но не с их стороны...

Однако мудрым секретчикам одной географической маскировки показалось мало. При всякой опасности обнаружения огромный полигон – десятки тысяч людей – должен был, подобно загнанному зайцу, прятаться в норку и прижимать уши. Если в поезде Москва-Ташкент находился иностранец (что, надо признаться, бывало очень редко, поскольку избалованный кондиционерами иностранец не выдерживал такого путешествия ни зимой, ни тем более летом и предпочитал поезду самолет), полигон должен был замереть по команде «Скорпион-1». Команда «Скорпион-2» означала пролет самолета-разведчика на нашей южной границе, а «Скорпион-3» – прохождение американского спутника-шпиона. При появлении Главного конструктора в МИКе или на стартовой площадке космодромные шутники отдавали команду «Скорпион-4». В отличие от других «Скорпионов» она

вызывала действие противоположное: активность работающих повышалась, а всевозможные праздные созерцатели мгновенно испарялись.

Но сегодня никого подгонять не требовалось. Обстановку на космодроме хорошо передал Раушенбах во время одной из наших бесед в апреле 1973 года.

– Конечно, все понимали, что это такое – первый полет человека в космос, – рассказывал Борис Викторович. – Подобная исключительность могла бы в принципе породить две реакции. С одной стороны, этакую фанфарную мажорность, – дескать, смотрите, сейчас мы такое совершим, что весь мир ахнет! Нарочитая торжественность, подчеркивание исключительности, праздничность выбили бы людей из привычного рабочего ритма, а именно это было крайне нежелательно.

Другая возможная реакция – робость, даже страх перед тем, что задумывалось. Нагнетание исключительности могло вселить в людей неуверенность, лихорадочное желание проверить проверенное, суетливое контролирование, тягу к перестраховке. Так вот, насколько я помню, не было ни того, ни другого. На космодроме царила деловая будничная атмосфера, и руководители полета, в первую очередь Сергей Павлович, всячески старались эту будничную рабочую обстановку сохранить...

Наблюдения Раушенбаха очень точны и полностью соответствуют принципу Королева, который он однажды высказал журналисту Михаилу Реброву:

– Руководитель должен уметь внушить своим сотрудникам веру в неизбежность успеха...

И Королеву это удавалось сделать. Олег Ивановский рассказывал мне, что перед стартом Гагарина он был стопроцентно уверен в успехе.

– Нет, даже не на 100, а на 200 процентов, – поправился Олег Генрихович и добавил: – Самое смешное, что спустя годы специалисты по надежности взялись вычислить истинную вероятность благополучного исхода этого полета и получили 46 процентов...

Но в ту пору, слава богу, никто об этих сорока шести процентах не знал. Если Раушенбах говорил о «чертике», который шептал ему: «Чепуха, ничего такого завтра не будет», то у Королева такого «чертика-шептуна» не было. «Чертики» не уживаются с такими людьми-таранами, каким был Королев. Этот старт был прежде всего выражением его воли, сконцентрированной до невероятной плотности внутренней энергии, сжатой, как плазменный шнур магнитным полем,

ожиданием победы, которой он посвятил жизнь. Он знал твердо: завтра, а точнее – уже сегодня Гагарин улетит. Улетит, если весь этот сложнейший, из тысяч людей составленный механизм будет работать так же слаженно, как он работает в эти минуты, если не вылезет в последний момент какой-нибудь «боб»...

«Боб» вылез как раз в ту минуту, когда Королев появился на стартовой площадке: Кириллову только что доложили, что во время заправки ракеты сработала автоматическая система защиты моторов гидросистемы. И хотя неполадки эти никак не были связаны ни с ракетой, ни с космическим кораблем. Главный встревожился.

– Что случилось? – Королев не отрываясь смотрел в глаза Кириллову, стараясь еще до ответа «стреляющего» определить по выражению его лица степень серьезности того, что произошло.

– Сергей Павлович, ищем повреждение в цепях защиты моторов гидросистемы. При подготовке к работам агрегат замечаний не имел.

Тон, каким это было сказано, успокоил Королева. А что будет, если повреждения не найдут? Он быстро стал прикидывать разные варианты, и вот уже рядом и Воскресенский, и Бармин, идея есть, правда рискованная, но... Королев готов был идти на этот риск, чтобы не ломать весь график, не переносить время старта. Ведь такой перенос потребует десятки, сотни других изменений. Например, корабль перед посадкой ориентируется на солнце, а солнце уже в другом месте будет, и потянется цепочка. Королев уже решился рисковать, но вдруг загудели моторы. Не было для него музыки слаще в этот миг...

Ночь уходила. На востоке ширилась размытая, цвета спитого чая, полоска восхода. В пять часов утра прошла проверка связи со всеми НИПами. Никто не спал там в эту ночь от Камчатки до западных границ. Впрочем, на Камчатке давно уже день...

В 5.30 Карпов разбудил Гагарина и Титова.

– Как спалось? – спросил Евгений Анатольевич.

– Как учили, – улыбнулся Юра.

Карпов проверил у Гагарина пульс. 64 удара в минуту. Все нормально: Юра спокоен.

В 6.00 на стартовую площадку пришла машина с «космической» едой. Тубы заложили в корабль. Это была последняя операция перед посадкой космонавта. Юра и Герман завтракали: мясное пюре, черносмородиновый джем, кофе. И не то чтобы невкусно, а как-то без радости...

– Такая пища хороша только для невесомости, – сказал Гагарин.

Королев в это время был на заседании Госкомиссии. Все

решили быстро: замечаний не было.

Королеву хотелось увидеть Гагарина. Он знал, что сейчас им и Титовым занимаются врачи и специалисты по системам жизнеобеспечения. В группу медиков, руководимую В.И, Яздовским, входили врачи Л.Г. Головкин, Ф.Д. Горбов, А.Р. Котовская, И.Т. Акулиничев, который наклеивал датчики на космонавтов. Здесь же был и врач А.В Никитин из Центра подготовки космонавтов. Провели беглый осмотр, еще раз измерили кровяное давление. Приходил и другой Никитин, Николай Константинович, – инструктор по парашютному делу, что-то уточнял и напутствовал. Карпов утвердил список тех, кто в это время мог заходить к космонавтам, но список этот все время нарушался, на что Королев Карпову указал. Карпов с замечанием Главного согласился, добавив при этом, что самого Сергея Павловича в списках нет. Вместе с Главным пришли Келдыш, Исаев, Богомолов, Галлай.

Королев подошел к Гагарину и снова, в который уже раз, начал внимательно его разглядывать.

– Как настроение ? – негромко спросил Сергей Павлович.

– Отличное, – опять заулыбался Юра. Потом увидел вдруг, какое серое, усталое лицо у Королева, разом погасил улыбку и спросил:

– А как у вас? – помолчал и добавил: – Сергей Павлович, да вы не беспокойтесь, все будет хорошо...

Не Королев его подбадривал, а он Королева. Сергей Павлович ничего не ответил, но посмотрел так, с такой благодарностью, что Юра запомнил взгляд этот на всю жизнь...

Вентиляционное устройство скафандра медики могли подключать к «технологическому креслу», а потом – только в автобусе, поэтому первым одевали Германа, чтобы Юрий меньше парился. Скафандр был сконструирован так, что надеть его на себя без посторонней помощи человек не мог. Германа одевал Георгий Сергеевич Петрушин, а Юрия – Виталий Иванович Сверщек. На кинокадрах можно увидеть, как Сверщек передает Гагарину удостоверение космонавта, тот разглядывает его и кладет в нагрудный карман. Во время облачения в скафандры присутствовали специалисты по СЖО: С.М. Алексеев, И.П. Абрамов, Ф.А. Востоков, В.Т. Давидьянц, Ю.Д. Килосанидзе. Все отмечают, что народу было довольно много, но назвать, кто был конкретно, – затрудняются. После облачения в скафандры и проверки их герметичности Иван Тимофеевич Акулиничев на специальном приборе проверил работу медицинских датчиков.

Разные люди протягивали Юрию листки бумаги, просили автограф на память. Он расписывался и удивлялся: никто в жизни

никогда не просил у него автограф. Кто-то протянул даже служебное удостоверение. Чудеса!

Подошел автобус. Пошли. Скафандры космонавтов делали немного неуклюжими, но шли они резво. Расселись. Тронулись. Путешествие старшего лейтенанта Гагарина вокруг земного шара началось...

Народу в автобусе набилось много, несмотря на все ограничения. Юра сидел справа по ходу впереди, Герман за ним. Рядом стояли веселые, возбужденные Андриян Николаев и Григорий Нелюбов. В автобусе вместе с космонавтами на старт ехали: Е.А. Карпов, главный конструктор СЖО С.М. Алексеев, его сотрудники Ф.А. Востоков, В.И. Сверщек, Г.С. Петрушин, Ю.Д. Килосанидзе, врач Л.Г. Головкин и два кинооператора – В.А. Суворов и А.М. Филиппов.

– Едут! – громко крикнул кто-то из испытателей с фермы обслуживания. В горку к бетонным плитам стартовой площадки катил бело-голубой автобус. Разговоры умолкли. Выпрыгнув из автобуса вслед за кинооператорами, врач в белом халате протянул руку, помог Гагарину спуститься на землю. Юрий прошел метров десять. Остановился, помолчал секунду и начал доклад:

– Товарищ председатель Государственной комиссии...

Тут произошел маленький сбой. Все члены Государственной комиссии стояли плотной группой, и Юра, как человек военный, естественно выбрал глазами в этой группе прежде всего маршала Москаленко. Впрочем, секундное замешательство было исправлено: Гагарин обернулся к Рудневу.

По лицам людей, смотревших на него, понял, что они ждут, чтобы доклад этот, чисто формальный и составленный из формальных слов, поскорее кончился, что всем не терпится обнять его, сказать совсем другие слова...

Целоваться с Гагариным было трудно: мешал шлем. Все стукались лбами о верхний срез прозрачного забрала. Андриян Николаев даже шишку себе на лбу набил. Королев поцеловал Юру в щеку, как ребенка.

Прежде чем шагнуть к ракете, Юрий обернулся к группе космонавтов и крикнул:

– Ребята, один за всех и все за одного!

Герман Титов потом вспоминал: «Я вдруг понял: ведь это не тренировка, это тот самый заветный и долгожданный час». При всей простоте эта мысль как-то не умещалась в сознании многих людей, с которыми прощался Юрий. Королев знал, что Гагарин улетает, и чувствовал, что Гагарин улетает. Они дошли до ступенек, ведущих к лифту. Лифт на ферме обслуживания

смонтировали к первому полету человека, раньше лифта не было: был довольно примитивный подъемник. Гагарин оглянулся, помахал стоящим внизу людям. Ему аплодировали, что-то кричали. Королев махал своей велюровой шляпой. Лифт пополз вверх. Вместе с Гагариным в кабине лифта поднимались ведущий конструктор «Востока» Олег Генрихович Ивановский и Федор Анатольевич Востоков. Наверху двери лифта открыл им Владимир Шаповалов из стартовой команды. Непонятным образом всех обогнав, оказался там и кинооператор Владимир Суворов. Будь его воля, он бы и в корабль залез, но накануне Королев, внимательно обсудив с режиссером Григорием Михайловичем Косенко и кинооператорами план съемок, ограничил энтузиазм Суворова верхней площадкой. В космический корабль Гагарина усаживали Ивановский и Востоков, который подключил скафандр Гагарина к креслу корабля. Люк закрывали рабочие-монтажники из КБ Королева: Николай Васильевич Селезнев и Владимир Иванович Морозов, ставший впоследствии Героем Социалистического Труда. Ну, а дальше случилась эта, ставшая хрестоматийной, несчетное количество раз описанная все с новыми и новыми подробностями, заминка с люком. Чтобы не увеличивать число этих вариантов, прибегнем к первоисточникам. Вот как вспоминает этот эпизод непосредственный участник событий Олег Генрихович Ивановский:

– Володя Морозов и Коля Селезнев специальными ключами затягивают гайки люка. Есть последняя, 30-я! Вдруг настойчивый сигнал телефонного зуммера. Взволнованный голос Королева:

– Почему не докладываете? Как дела у вас?

– Сергей Павлович, тридцать секунд назад закончили установку крышки люка...

– Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?

– Нет, Сергей Павлович, все нормально...

– Вот в том-то и дело, что ненормально! Нет КП-3 ...Я похолодел. КП-3 – один из контактов прижима крышки.

– Крышка установлена нормально.

– Что можете сделать для проверки контакта? Успеете снять и снова установить крышку?

– Успеем, Сергей Павлович. Только передайте Юрию, что мы открываем люк.

– Все передадим. Спокойно делайте, не спешите...

Они работали вне времени. Трудно установить ход секунд. Ивановский вспоминает, что во время работы в полу площадки вдруг поднялась крышка люка и из него по плечи высунулся Леонид Александрович Воскресенский. Уже потом, после старта.

Ивановский понял, что «Леня Воскрес» не воспользовался лифтом, а полез к кораблю по металлической лестнице высотой с шестиэтажный дом. Взгляды их встретились, и несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Потом, очевидно, поняв, что никакие его советы и команды не нужны, Воскресенский столь же неожиданно исчез, головой опустив крышку люка.

Ивановский вспоминает, что Гагарин с помощью зеркальца на рукаве скафандра наблюдал, как они перемещают кронштейн с контактом, при этом насвистывая тихонько мотив песенки «Родина слышит, Родина знает...» Второй раз прощаться они не стали. И снова 30 гаек...

– КП-3 в порядке! – голос Королева в телефоне. – Приступайте к проверке герметичности.

Наверх поднялся инженер Илья Хлыстов со своими «присосками» – прибором для контроля герметичности. Четыре пары глаз впились в стрелку вакуумметра. Стрелка неподвижна. Доклад Главному: «Есть герметичность!»

– Хорошо, вас понял, – ответил Королев. – Заканчивайте ваши дела. Сейчас мы объявим тридцатиминутную готовность...

Строгая документальность в описании этих исторических минут требует, чтобы была, наконец, раскрыта еще одна великая тайна космодрома Байконур. Не раз уже отмечалось, что авиаторы – люди суеверные. Очевидно, вместе с другими замечательными традициями, это, безусловно негативное, «родимое пятно» перешло из авиации в ракетную технику. Королев верил в «счастливое» пальто, в кармане носил две копеечные монеты тоже «на счастье». Дань суевериям отдавал и другой малопочтенный ритуал, неукоснительно соблюдавшийся во времена Королева перед каждым космическим пуском. Для успеха дела техническому руководству, перед уходом со стартовой позиции, надлежало непременно пописать с козырька в газоотводный канал. И это было выполнено по 15-минутной готовности.

Вход в подземный командный бункер находился неподалеку от старта, но Королев и Воскресенский уезжали туда всегда на машине. В командном бункере в то утро на «эшафоте» – небольшом возвышении у перископов – работали Кириллов и Воскресенский. Сергею Павловичу поставили рядом небольшой столик под зеленым сукном, на котором стоял радиопереговорный аппарат и единственный красный телефон для подачи пароля на аварийное катапультирование. Пароль этот в бункере знали три человека: Королев, Кириллов и Воскресенский. Исполнитель сидел за несколько километров от старта, запертый в специальной аппаратной под охраной

автоматчика. Сигнал на катапультирование он подавал по радио, поскольку проводная связь во время аварии могла быть нарушена.

Кроме операторов у пультов, «стреляющего» Кириллова, Воскресенского и Королева в пультовой стояли Каманин, который обязан был в случае необходимости решать все вопросы, связанные собственно с космонавтом, и Галлай.

Строго говоря, Галлаю, как инструктору-методисту по пилотированию, делать во время старта в бункере было нечего, но Королев включил его в число тех немногих, кто мог видеть и запомнить эти воистину исторические минуты. Королев знал, что Галлай – не просто опытный летчик-испытатель и грамотный инженер, он знал, что Галлай – пишет, и это сразу выделяло его из общей массы многочисленных инструкторов и методистов. У Марка Лазаревича к тому времени уже была книга записок летчика-испытателя «Черед невидимые барьеры», которую он подарил Королеву. На Галлая, как говорится, у Сергея Павловича были «свои виды», иначе зачем было пускать его в пультовую во время столь напряженной работы? Кстати, забегая вперед, нельзя не отметить, что и тут прогнозы Королева полностью оправдались. Уже после смерти Сергея Павловича, в 1977 году журнал «Дружба народов» напечатал документальную повесть Марка Галлая «С человеком на борту», вышедшую после долгих мытарств лишь в 1985 году отдельной книгой. Ее главы, посвященные Королеву, – лучшее из всего, что я читал о великом конструкторе...

Наконец, в бункере находился еще один человек – кандидат в космонавты Павел Попович. Убежденный оптимист, один голос которого добавлял силы человеку, с которым он говорил. Попович сидел на связи с космическим кораблем.

Проведенный через много лет после описываемых событий «перекрестный допрос» их непосредственных участников дал мне картину весьма туманную: увлеченные очень ответственной работой, люди не замечали тех, кто был рядом. Однако все-таки удалось выяснить, что в пультовой, кроме уже названных людей, сидело еще несколько человек. Между двумя перископами, с карточкой «стреляющего» в руках, на которой отмечалось время всех основных команд, предшествующих самой ответственной команде: «Зажигание!», сидел помощник Воскресенского Борис Дорофеев. За спинами офицеров пультового расчета пристроился Николай Алексеевич Пилюгин и его заместитель Владилен Петрович Финогенов.

В другой комнате бункера, которую называли «гостевой», были, как и полагалось, «гости»: члены Государственной комиссии. Единственным перископом «гостевой» всегда, и на этот

раз тоже, владел Валентин Петрович Глушко. На связи с НИПами в Сарышагане, Енисейске, Уссурийске и Елизове (это уже тихоокеанское побережье Камчатки, дальше земля кончается) сидел ответственный за радиосвязь Борис Никитин. После выхода корабля на орбиту к нему присоединился Дорофеев. Они получали с НИПов информацию в виде цифр и транслировали ее по громкой связи на весь бункер. Здесь же сидел и Феоктистов.

В третью и последнюю комнату бункера поступала вся телеметрическая информация о носителе и корабле. Там хозяйничал Рязанский.

Не запомнив конкретных лиц, все, кто был тогда в бункере, утверждают, что народу было очень много, раза в три больше, чем нужно для того, чтобы командовать и советовать, если потребуется, тем, кто командовал. Но и то ведь сказать – первый полет человека в космос! У каждого из этих людей шли сейчас самые главные в их жизни секунды...

Попович разговаривал с Гагариным. Иногда микрофон брал Каманин, перед самым стартом – Королев. «Кедр» – позывной Гагарина. Вот сокращенная стенограмма последних пяти минут этих переговоров:

9.02. Заря (Королев): Минутная готовность, как вы слышите? Кедр: Вас понял: минутная готовность. Занимал исходное положение, занял, поэтому несколько задержался с ответом.

Заря: Понял вас.

9.03. Заря: Во время запуска можете мне не отвечать. Ответьте, как у вас появится возможность, потому что я буду транслировать подробности.

Кедр: Вас понял.

Заря: Ключ на старт! Дается продувка.

(Это не команда. Королев не командует, а лишь повторяет команды Кириллова. – Я. Г.)

Кедр: Понял вас.

9.04. Заря: Ключ поставлен на дренаж.

Кедр: Понял вас.

9.05. Заря: У нас все нормально: дренажные клапаны закрылись.

Кедр: Понял вас. Настроение бодрое, самочувствие хорошее, к старту готов.

Заря: Отлично.

9.06. Заря (Королев): Идут наддувы, отошла кабель-мачта, все нормально.

Кедр: Понял вас, почувствовал: слышу работу клапанов.

Заря: Понял вас, хорошо.

В эти секунды медики засекли: пульс Гагарина достиг высшей

точки – 157 ударов в минуту, но голос его был совершенно спокоен.

9.07. Заря: Дается зажигание, Кедр.

Кедр: Понял: дается зажигание.

Заря: Предварительная ступень... Промежуточная... Главная... Подъем!

Кедр: Поехали! Шум в кабине слабо слышен. Все проходит нормально, самочувствие хорошее, настроение бодрое, все нормально.

Заря: Мы все желаем вам доброго полета, все нормально.

Кедр: До свидания, до скорой встречи, дорогие друзья!

Гагарин стартовал в 9 часов 07 минут по московскому времени. Потом мне доводилось слышать, что эти семь минут, якобы, задержка, «бобик». Это неверно. Время старта, обозначенное в карточке «стреляющего» было именно 9 часов 07 минут. Оно вычислялось из условий наилучшего освещения Солнцем датчиков системы ориентации, которая должна была сработать перед включением тормозного двигателя, где-то над Африкой. Так что старт – точно в срок и без замечаний.

И история, и мифы писались потом.

Гагаринские «летописцы» из редакции газеты «Правда» Николай Денисов и Сергей Борзенко, когда со слов Юрия Алексеевича писали книжку «Дорога в космос», присочинили немало разных красивостей, которые должны были, по их мнению, еще более влюбить читателей в первого космонавта. Красивости эти вызывали действие обратное, поскольку часто были безвкусны («Меня охватил небывалый подъем всех душевных сил. Всем существом своим слышал я музыку природы...»), не говоря уже о том, что искажали историю, ибо все, что связано с гагаринским полетом в космос, по моему глубокому убеждению, именно ей и принадлежит. В книжке сказано, что перед тем, как подняться на лифте к вершине ракеты, Гагарин «сделал заявление для печати и радио». Заявления этого, которое многократно транслировалось по радио и было опубликовано во всех газетах, Гагарин тогда не делал. Все эти высокопарные и местами не совсем скромные слова Юрия заставили прочитать перед микрофоном еще в Москве, где их и записали на пленку. Ивановский рассказывал, что существовали дубли этого заявления, прочитанные Германом Титовым и Григорием Нелюбовым. А тогда, право же, было не до заявлений...

Широко известные кинокадры, на которых запечатлен Королев, сидящий за круглым, покрытым скатертью столом у лампы с абажуром и переговаривающийся с Гагариным, документальны относительно. Это действительно Королев, и

говорит он действительно точно те слова, которые он говорил Гагарину перед стартом. Но кадры эти сняты позже, не 12 апреля. Королева в бункере в то утро никто, к сожалению, не снимал. Да он и не разрешил бы никогда, чтобы кто-то отвлекал его треском кинокамеры и яркими лампами подсветок.

Легенда окружала долгое время и образ «стреляющего». Кириллов, якобы, и нажимал кнопку «Пуск». Анатолий Семенович был человек веселый, общительный. Помню, как он смеялся, когда я спросил его:

– А вы не боитесь, что после смерти ваш палец отрежут, заспиртуют и отправят в Институт мозга?

Кнопку «Пуск» нажимал оператор Борис Семенович Чекунов, тот самый, который три с половиной года назад нажимал ту же кнопку во время старта первого спутника. Вот он действительно обладатель «исторического пальца». Кроме людей, которых я перечислял в пультовой, в командном бункере, состоящем из нескольких подземных комнат, находилось довольно много других специалистов – штатских и военных. Будущий космонавт Феоктистов вспоминает, как монотонный голос телеметриста из динамика громкой связи, повторявшего: «Пять...пять...пять...» – что означало «все в порядке», вдруг сменился: «Три...три...три...» Королев стремительно выбежал из пультовой: «Что случилось?!»

Голос в динамике умолк, через несколько секунд (всем, наверное, показалось – минут) снова зазвучало: «Пять...пять...пять...пять...» Потом разобрались: был сбой в передаче данных. Интересно, какой пульс был у Королева в эти несколько секунд?..

Рассказывали, что министр обороны Родион Яковлевич Малиновский замешкался с подписанием приказа о внеочередном звании, которое присвоено было Гагарину: из старших лейтенантов он сразу стал майором. Такой «перескок» допустим только приказом министра обороны, и именно нерасторопность маршала, согласно этому «мифу», как раз и задержала Сообщение ТАСС, которое с большим подъемом прочитал Юрий Левитан лишь через пятьдесят минут после старта. На космодроме все истомились, ожидая это сообщение, никто не понимал, что происходит: Гагарин скоро будет садиться, а радио молчит! Самое удивительное, но тассовцы потом невероятно гордились своей оперативностью, а гордиться было нечем: передачу коротенького сообщения телетайпы ТАСС закончили через один час шесть минут после того, как Гагарин крикнул: «Поехали!» Через двенадцать минут после того, как отстучали телетайпы, он уже пошел на посадку. Не только нечем гордиться, – напротив, главная информационная служба страны продемонстрировала

очевидную неуклюжесть и нерасторопность.

Задолго до сообщения ТАСС американская радарная станция Шамия на Алеутских островах запеленговала радиосигналы Гагарина. Через пять минут шифровка ушла в Пентагон. Ночной дежурный – было 1 час 30 минут по вашингтонскому времени – сразу позвонил домой доктору Джерому Вейзнеру – главному научному советнику президента Кеннеди. Прошло 23 минуты с момента старта в Тюратаме, когда Вейзнер позвонил президенту. Для Кеннеди поздний звонок не был неожиданностью – он ждал этой новости; радиотехническая разведка информировала президента о подготовке нового старта русских, и Белый дом даже заготовил приветственное послание Хрущеву...

Да какое вся эта чепуха имеет теперь значение?! Кто там какую кнопку нажимал, дали Гагарину майора или не дали, и когда объявили по радио – тоже не столь уж важно. Важно, что он летает в космосе! Важно, что он жив!

...Королев отодвинул микрофон, вытер платком лицо. Кто-то протянул сигареты. Он давно бросил курить, но сейчас затянулся с жадностью. Выходя из пультовой, расцеловал Кириллова. Обнял Воскресенского, Феоктистова. Спросил добродушно:

– Что, брат Константин, досталось тебе от меня за эти годы? Обернулся ко всем, кто стоял сейчас в пультовой:

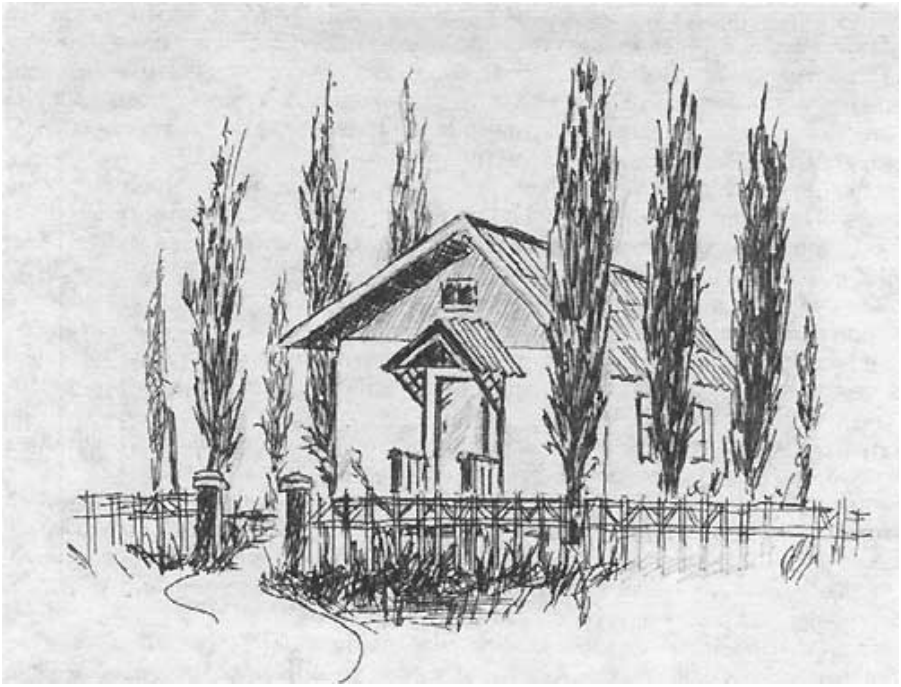
– Спасибо вам, большое спасибо!..

Спазм перехватил горло.

Юрий Гагарин выступает на заседании Государственной комиссии

10 апреля 1961 г.

Домик космонавтов. Рисунок В. Пескова



Дорога на старт

Анатолий Семенович Кириллов

Карточка стреляющего

«Восток - 1»
Гагарин Ю. А.
12. 04. 1961 года.

1. ВНИМАНИЕ		
2. МИНУТНАЯ ГОТОВНОСТЬ	9.01'51"	
3. КЛЮЧ НА СТАРТ	9.03'00"	
4. ПРОТЯЖКА I	9.03'06"	
5. ПРОДУВКА	9.03'16"	
6. КЛЮЧ НА ДРЕНАЖ	9.03'51"	9.04'51"
7. П У С К	9.05'51"	9.05'51"
8. ПРОТЯЖКА 2	9.06'41"	9.06'41"
9. ЗАЖИГАНИЕ	9.06'51"	9.06'51"

Надо сберечь этот день. Сохранить его на будущее таким, каким он был. Надо сохранить в сейфах записи радостных воэгласов и песен, раздававшихся на улицах городов, киноленты стихийных демонстраций, тексты интервью с людьми всех профессий, высказывания всех газет обоих полушарий...

Ведь этот день – один из величайших в истории человечества.

Борис Агапов

Гагарин крикнул «Поехали!» самопроизвольно, ни о каком «историческом» восклицании он не задумывался, – просто вырвалось. Волновался? Да, конечно! И очень! Но страха, в вульгарном, обывательском значении этого слова, не было. Он напрягся, весь подобрался, как кот, готовый к прыжку. Рев двигателей, раздирающий небо, когда смотришь на стартующую ракету с НП, оказался здесь, в корабле, совсем не громким. Где-то внизу глухо рокотало, но он ясно слышал голос Королева в шлемофоне, и Королев, как он понял, слышал его, в то время как на НП разговаривать в секунды старта было невозможно. Волны какой-то дрожи прошли по телу ракеты, и в следующее мгновение Гагарин почувствовал, что перегрузка с мягкой властностью начала вдавливать его в кресло. Она нарастала быстро, но нестрашно, – Гагарин знал, что до ужасной давиловки, которую ему устраивали на центрифуге, дело не дойдет. Он был готов и к тряске, – было впечатление, будто лежишь в телеге, которая катится по булыжнику.

– Семьдесят секунд полета, – прохрипело в шлемофоне.

Гагарин удивился: ему казалось, что прошло уже много минут. Спрашивали о самочувствии.

– Самочувствие хорошее, а как у вас? – спросил Юрий.

– Все нормально, – отозвалась Земля.

На третьей минуте с легким щелчком сработал сброс головного обтекателя. Яркий свет брызнул из иллюминатора, и в тот же миг Гагарин услышал голос Королева:

– Сброшен конус, все нормально. Как самочувствие?

Юрий заглянул в иллюминатор. По тому, как выглядела сквозь сизую дымку синевато-зеленая Земля, он понял, что забрался уже довольно высоко, но пока ничего необычного, «космического», в зрелище планеты не было, примерно такой видел он ее и с самолета.

– ...Вижу Землю, – сказал Гагарин. – Хорошо различима Земля. Несколько растут перегрузки, самочувствие отличное, настроение бодрое.

– Молодец, отлично! – он снова узнал голос Королева. – Все идет хорошо!

Предстартовое напряжение начало постепенно отпускать Гагарина, сменяясь радостным возбуждением. Теперь он говорил уже не отрывисто, без уставной краткости, старался рассказывать подробно:

– ...Вижу реки. Складки местности различимы хорошо. Видимость отличная. Хорошая видимость. Самочувствие отличное. Продолжаю полет. Несколько растет перегрузка, вибрация. Все переношу нормально. Самочувствие отличное, настроение бодрое. В иллюминатор «Взор» наблюдаю Землю. Различаю складки местности, снег, лес. Самочувствие отличное. Наблюдаю облака над Землей, мелкие, кучевые, и тени от них. Красиво. Красота!

В тот же миг тон звука, заполнявшего кабину, резко изменился.

– Произошло выключение второй степени, – доложил Гагарин.

– Работает то, что нужно, – подчеркнуто спокойным голосом отозвался Королев. – Последний этап. Все нормально...

Гагарин услышал, как включилась третья ступень, и сразу почувствовал новую волну перегрузок.

Потом его подбадривал Каманин. Николай Петрович на Земле чаще всего разговаривал с космонавтами так, будто они в чем-то провинились, но он, по неиссякаемой доброте душевной, так и быть, прощает им, и теперь Юрий не сразу узнал его голос, в котором вдруг зазвучали теплые приветливые нотки. Земные голосы то словно тонули в этой дымке за толстыми жаропрочными стеклами иллюминатора, то вновь всплывали и звучали в шлемофоне чисто, как на тренировках.

Резкий, какой-то очень военный звук разорвавшихся пиропатронов объяснил Гагарину, что корабль «отстрелился» от третьей ступени. Перегрузки скатились с тела, как волна в морском прибое. Невесомость он узнал не сразу. Где-то на четырнадцатой минуте после старта он не почувствовал, а, скорее, обнаружил ее в теле и проверил себя, безо всяких усилий

подняв руку. Корабль медленно, сонно вращался – Земля уплывала из иллюминатора. И тут он увидел черное небо. Совершенно черное. Без звезд. Такого он не видел никогда – ни с Земли, ни из кабины истребителя. Легко придвинувшись поближе к иллюминатору, Юрий заглянул ниже и заметил, что горизонт изогнулся какой-то мутной дугой. Впервые человек не понял, не вычислил, а просто увидел, что Земля, оказывается, действительно шар!..

Голоса в наушниках все более растворялись, переходили в глухое, невнятное бормотанье. И на космодроме тоже с трудом различали его доклады. Когда он сказал, что летит «в тени Земли», слова эти прозвучали неразборчиво и все принялись спорить, что же это он сказал, но так и не отгадали, потому что в космодромном обиходе тогда еще не было такого понятия: «в тени Земли»...

Не раз приходилось слышать, что Гагарин в корабле ничего не делал и вообще вел себя, как подопытная морская свинка, у которой одна задача: выжить. Сам Гагарин в своей книге пишет: «С момента отрыва ракеты от стартового устройства управление всеми ее сложными механизмами приняли на себя разумные автоматические системы».

С другой стороны, у него же читаем: «Все время я работал... Разрезая космос, я работал, жил жизнью своей страны». Есть даже такая смешная «саморазоблачительная» фраза: «Несмотря на сложную работу, я не мог не думать».

Так работал или не работал? Гагарин ничего не включал, не выключал, никаких кнопок не нажимал, рычагов не двигал. Но Гагарин работал. Всякая работа – землю ли копаешь, стихи ли пишешь – всегда дает некий результат. Если мы ничего не получаем, никакой работы нет. Здесь мы получали информацию, которую давал Гагарин.

К моменту его полета уже ясно было, что такие перегрузки и вибрации, которые возникают на старте и финише, человек может выдержать. Но может ли он вынести продолжительную невесомость? Лайка и другие собаки вынесли. Но ведь человек – не собака. Как повлияют на мозг перемены в работе системы кровообращения, которая привыкла жить в мире тяжести? Сумеет ли человек в невесомости глотать, не застрянет ли пища в пищеводе? Наконец, не наступят ли некие психологические и психические сдвиги в его поведении? Будет ли он отдавать себе отчет в том, что он делает? В состоянии ли он следить за приборами и, если потребуется, проводить некие самостоятельные действия сообразно сложившейся ситуации? На все эти вопросы ответов не было. Были предположения, часто

весьма убедительно обоснованные, но не ответы. Ответы дал Гагарин. Их было немного, но они были необходимы, чтобы завтра их стало больше. И в этом смысле Юрий Гагарин провел очень важную работу.

Бодрый голос космонавта во время всего полета на активном участке траектории убедил Королева в том, что Юрий действительно чувствует себя неплохо, и новые его доклады уже «из невесомости» говорили, что и тут замечательный этот паренек выдюжил. Чем дольше шел полет, тем больше начинало волновать Сергея Павловича уже не состояние космонавта, а состояние тормозного двигателя, который должен был этого космонавта ему вернуть. Выдержал ли агрегат Исаева испытания космосом? Не растрясло ли его на активном участке? Не травит ли какой-нибудь баллон вытеснительной системы подачи? Ведь такая щель цену имеет непомерную – жизнь человеческая ей цена. Если тормозная установка не сработает, корабль примерно дней через десять, цепляясь на каждом витке в перигее за атмосферу, в конце концов сам затормозится. И пищи, и регенераторов воздуха на десять дней Гагарину должно хватить, но все равно, не приведи господь такому случиться! Еще на Земле Королев просил Гагарина докладывать ему о давлении в баллонах ТДУ, напоминание об этом записано было и в бортовом журнале. Гагарин помнил и несколько раз докладывал: «Давление в баллонах ТДУ 320 атмосфер...»

– Слава богу, не падает, – Королев немного успокоился.

На 63-й минуте полета «Восток» вышел из земной тени. Гагарин доложил и снова успокоил Королева:

– ...Направление над морем определить можно. Сориентировать объект вполне можно...

Конечно, предстоящий спуск на Землю тоже волновал его, но все параметры и в ручной, и в автоматической системах ориентации, и в ТДУ были в норме, и это успокаивало...

Тормозная установка включилась в 10.25.

Королев пришел к связистам;

– Когда теперь у вас должны быть пеленги?

– Через двадцать две минуты.

Быстрый и точный ответ понравился Главному, хотя, видит бог, ничего нового он не узнал. Разбуди его ночью, он бы сразу сказал, что пеленги будут через двадцать две минуты. Радиосигнал с «Востока» пропал. Так и должно быть: антенна сгорает при входе в плотные слои атмосферы...

Ликующий вопль:

– Пеленги есть!

– Ура-а!

Одновременно вспыхнуло несколько язычков спичечного пламени: закуривают, потянулись на улицу. Господи, как же хочется всех их обнять и расцеловать!..

Гагарин рассказывал мне, что спуск с орбиты он переживал тревожнее, чем восхождение в космос. Багровые всполохи, которые видел он сквозь шторки иллюминатора, страшили безотчетно, как и должен страшить пожар дома всякого нормального человека, в этом доме находящегося. Он знал, что обмазка спускаемого аппарата должна гореть, что перегрузки будут сильнее, чем во время подъема, все это он знал, но сердце колотилось от волнения.

У Гагарина были поводы волноваться. Но тогда он не знал об этом. Команда на разделение спускаемого аппарата с приборным отсеком вовремя не прошла. Предвидя такой вариант, считали, что металлические ремни, соединяющие их, отгорят сами, и они действительно отгорели. Не случись этого, корабль сорвался бы в нерасчетный спуск, весь гнет которого позднее, уже в 1969 году, испытал на себе Борис Волынов на «Союзе-5». Потом все прошло нормально. Как и десяткам космонавтам после него, первому космонавту тоже казалось, что парашютной системе уже пора бы сработать, а она все не срабатывает. Он очень ждал этого, и все-таки корабль дернулся неожиданно: раскрылся купол тормозного парашюта. Перед глазами Гагарина загорелся транспорант: «Приготовься: Катапульта!» И снова, как на старте, Юрий сжался, подобрался. С резким коротким звуком отстрелился люк, и в следующее мгновение кресло катапульты стремительно и властно вытянуло его из горячего шарика спускаемого аппарата в солнечную голубизну весеннего неба.

Сильно дернул парашют. Юрий почувствовал, что оторвался НАЗ – наземный аварийный запас, он сидел на нем. Встревожился только на секунду: Волга осталась далеко слева; под ним расстилалась широкая ровная заволжская степь, ясно, что НАЗ, в котором была надувная лодка, ему не понадобится.

Было очень тихо. Гагарин запел.

Гагарин приземлился у села Узморье, на левом, пойменном берегу Волги, но удачно угодил не в весеннюю хлябь, а на сухой пригорок. Неподалеку он заметил пожилую женщину с маленькой девочкой и теленком, которая, завидев странную фигуру в оранжевом комбинезоне, торопливо начала от него отдаляться. Жена лесника Анна Тимофеевна Тахтарова с внучкой – шестилетней Ритой – пришла сажать картошку, о запуске космонавта они ничего не слышали, но помнили, что годом раньше был сбит американский шпион Пауэрс, который тоже приземлился на парашюте, и немного испугались.[211]

– Мамаша, куда же вы бежите?! – закричал Гагарин. – Я свой! Русский язык парашютиста остановил Анну Тимофеевну. Но поговорить они не успели: вдали показался сначала мотоциклист, а за ним – целая ватага механизаторов, которые с громкими криками: «Гагарин!», «Юрий Гагарин!» – бежали к космонавту.

– Мишанин. Анатолий, – широко улыбаясь, мотоциклист крепко пожал ему руку и спросил с веселым недоумением:

– Как же так, только что передали, что вы над Африкой, и вот вы уже у нас?! Надо же…

Гагарин подумал, что ведь действительно полчаса назад он был над Африкой, и улыбнулся. Мишанин сказал, что он очень рад познакомиться, крепко пожал руку, добавил, что торопится – хочет посмотреть корабль, «потому что интересно, на какой штуке ты летал».

Корабль опустился в километре с небольшим от космонавта. Обугливщийся с одного бока, шар, слегка вдавившись в мягкую сырую землю, стоял прочно и, когда Мишанин залезал в люк, не качался. Транспорант «Приготовься: Катапульта!» продолжал гореть, и Анатолий понял, что вот по этим направляющим Гагарин прямо в кресле и катапультировался. Без кресла кабина выглядела попросторнее, но Мишанина все равно удивили малые размеры корабля, – просто удивительно, как в такой тесноте можно совершить кругосветное путешествие! Осмотрев приборную панель, механик нашел лючек, напоминающий шоферский «бардачок», в котором лежали небольшие хлебцы и тубы с этикетками: «пюре мясное», «соус крыжовниковый», «соус шоколадный». В это время послышались шаги и в люк заглянул раскрасневшийся от спешки и восторга Петр Иванович Серегин – председатель райисполкома:

– Так, значит, ты, Мишанин, уже здесь, – сказал он оторопело, – ну, в общем, ты, Семеныч, давай тут охраняй, а я поеду сообщать…

«С поста» Анатолия сняли ракетчики из службы поиска. Дочке Ире Мишанин принес тюбик шоколадного соуса, и через полчаса вся сельская детвора бегала с перепачканными рожицами.

Гагарина тем временем увез майор Гасиев – неподалеку стояла часть ПВО. Мужики были уверены, что на радостях Гагарин забудет об оторвавшемся НАЗе, но, на всякий случай, все-таки зарыли в посадках радиопередатчик и лодку, мгновенно надувающуюся от маленького баллончика. И Гагарин действительно забыл. Но вскоре приехал хмурый капитан КГБ и сказал, что, если через полчаса НАЗ не принесут, он арестует все село. Приемник – черт с ним, но лодка была для рыбака (а в селе все мужики были рыбаками) сущей наградой, свалившейся с неба

в буквальном смысле, однако пришлось вернуть.

– Кажись, она рваная, – сказали похитители, но деревенское их лукавство не сработало – хмурый капитан молча бросил лодку в машину и уехал, не попрощавшись…

Состояние напряжения и той внимательной подобранности, которое переживал Юрий Гагарин, в несравненно большей степени испытывал все 108 минут его полета и еще некоторое время – до доклада спасательных служб – и Сергей Павлович Королев. В несравненно большей степени, так как Королев беспокоился за то, за что Гагарин не волновался: просто не знал, что надо волноваться. Теперь, когда Гагарин приземлился, Королев почувствовал невероятное облегчение и… пустоту! Очень многие участники этой эпопеи, работавшие на космодроме, рассказывали, что испытали это чувство неожиданной опустошенности: как это, рабочий день в разгаре, никакой не праздник, а делать нечего, все сделано. Они еще не понимали, что сами создали праздник.

После короткого митинга на десятой площадке был праздничный обед и даже пили шампанское. Осушив фужер «за успех», Королев размашисто хлопнул его оземь, все уже готовы были поддержать старинный обычай, но вопль генерала Мрыкина остановил уничтожение казенной посуды:

– Главному конструктору можно, а нам, товарищи, не надо!

Пировали на ходу, торопились на аэродром. Решено было лететь на место приземления корабля, а оттуда – в Куйбышев, где их ждал Гагарин. И хотя знали, что он жив-здоров, всем хотелось поскорее увидеть его, обнять.

В самолете сначала было очень весело: проказили, сыпали анекдоты, но скоро, сморенные пережитыми волнениями и щедрым обедом, утихли, ушли в дрему.

В Энгельсе с самолета пересели в два вертолета, которые и доставили их к «Востоку», уже отгороженному запретительным канатом от напирающей толпы любопытных. Поднырнув под канат, Королев и вся его рать сами стали предметом живейшего обсуждения крестьян. Единственным человеком, которого теоретически они могли узнать, был, пожалуй, Келдыш, но и его не узнали и все искали среди них Гагарина, отказываясь верить, что Гагарин уже улетел.

Королев быстро, с каким-то жадным огнем в глазах осмотрел спускаемый аппарат, погладил зализы, оставленные пламенем на обмазке, и сказал удовлетворенно:

– Хоть снова в космос запускай!

Воскресенский достал из «бардачка» тубу с вареньем и выдавливал всем на палец. Академики блаженно лизали пальцы,

пораженный народ за канатом почтительно притих.

Космонавта тем временем отвезли в часть, неподалеку от Энгельса, а потом отправили в Куйбышев. Гагарин буквально поминутно обрастал людьми. Где бы он ни появлялся, везде сразу возникала толпа. Сосредоточенный на полете, Юрий не очень ясно представлял себе свое возвращение на Землю. Первый восторг колхозников не был неожиданностью, как и появление майора Гасиева. Гасиеву он начал докладывать, как учили:

– Товарищ майор! Космонавт Советского Союза старший лейтенант Гагарин задание выполнил…

– Да ты уже майор! – засмеялся Гасиев.

Юрий не понял. Гасиев объяснил, что по радио его называли майором. Сообщение это изумило Гагарина. Он не думал, что его повысят в звании, а тут еще сразу в майоры! Просто не верилось. Он рассеянно отвечал на вопросы спортивного комиссара Ивана Борисенко и врача Виталия Воловича. Увидев запруженное народом аэродромное поле под Энгельсом, даже растерялся.

– Ты видишь, как тебя встречает народ? – сказал ему Борисенко с такой гордостью, будто это он организовал и полет, и толпу.

– Я этого, по правде сказать, не ожидал…, – задумчиво отозвался Гагарин.

Еще более растерялся он, когда его позвали к телефону. «Никита Сергеевич, Никита Сергеевич», – зашикали вокруг. Хрущев звонил с Кавказа[212]. Он был очень оживлен, невероятно энергичен, поздравлял с приземлением, справлялся о самочувствии, спрашивал о жене, детях и родителях.

– Буду рад встретиться с вами в Москве, – сказал Хрущев. – Мы вместе с вами, вместе со всем нашим народом торжественно отпразднуем этот великий подвиг в освоении космоса. Пусть весь мир смотрит и видит, на что способна наша страна, что может сделать наш великий народ, наша советская наука, – Никита Сергеевич почти пел.

– Пусть теперь другие страны догоняют нас, – поддакнул Гагарин.

– Правильно! – закричал Хрущев.

Звонок Хрущева делал окружающий Юрия мир все более нереальным. По дороге в Куйбышев Волович устроил первый послеполетный медосмотр, считал пульс, измерял давление, даже градусник зачем-то поставил. Потом посыпались вопросы. Гагарин отвечал весело, но голос был усталый. На минуту откинулся в кресле, закрыв глаза. Потом встрепенулся и сказал:

– А вот Луну так и не удалось посмотреть. Но это не беда, посмотрю в следующий раз…

Каждая следующая толпа была больше предыдущей. В Куйбышеве его встречали Каманин, Парин, Карпов и пятерка космонавтов, которые были с ним в Тюратаме. Они еле пробились к машинам, и лишь специальные наряды милиции окончательно отсекли всех восторженных любопытных, когда их привезли на обкомовскую дачу. Дача стояла на высоком берегу Волги, в лесу, но весна только набирала силу, лес был пуст, прозрачен, черная земля обнажилась на пригорках, а в низинах еще лежал снег. Дом окружали синие тени.

Гагарин принял душ и сел обедать. С отдыхом ничего не получалось. Постепенно дом наполнялся людьми, прилетевшими с космодрома, из Москвы, а также местным начальством всех рангов: первый секретарь обкома Мурысев, предоблисполкома Токарев, командующий Приволжским военным округом генерал армии Стученко, областные начальники КГБ, МВД и множество других людей, к событию решительно никакого отношения не имевших. Где-то уже пили, но пока наспех, без закуски...

Приехав на дачу, Королев сразу прошел в комнату Гагарина, расцеловал, глаза были на мокром месте.

– Все хорошо, Сергей Павлович, все в порядке, – Гагарин словно утешал его. Что говорить, как отвечать, Королев не знал.

– Отдыхай, – сказал наконец Королев, – завтра проведем Госкомиссию, все расскажешь... А сейчас пошли, дай народу на тебя посмотреть.

В зале стояли Руднев, Келдыш, Москаленко, Глушко, Пилюгин, Рязанский, Бармин, Кузнецов, Воскресенский, Раушенбах – вместить всех дача не могла, часть народа поселилась в центральной городской гостинице, из «люксов» которой срочно выселили прежних постояльцев, но посмотреть на Гагарина приехали все.

Уже часов в десять вечера начался праздничный ужин с очень торжественными и скучными тостами. После первых рюмок все почувствовали, что устали. Огромный этот день иссякал. Кавалькада машин тронулась в город. Оставшиеся стали разбредаться по своим комнатам. Около одиннадцати Гагарин уже спал.

Утром на даче заседала Госкомиссия. Гагарин рассказывал подробно все как было: старт, активный участок, выход на орбиту, полет. Подробно описывал Землю, ее краски. Вспоминал, как включилась ТДУ, как выходил парашют. Вопросов было очень много. Каждому хотелось, чтобы Гагарин отметил именно его работу, его агрегат, систему, прибор. Юрий отвечал спокойно, с той чисто гагаринской неторопливой обстоятельностью, которая так нравилась его экзаменаторам. Королев был очень доволен.

Часа через два, почувствовав, что вопросы начинают мельчить, предложил закругляться и отдать Гагарина медикам. Закрывая заседание, Руднев сказал:

– Основное, что мы должны сегодня установить и что мы, несомненно, установили, это убежденность в том, что человек может находиться в безвоздушном пространстве и работать в условиях космического полета. Мы можем также считать установленным, что системы корабля отвечают своему назначению и в полете действовали удовлетворительно. Я от имени Государственной комиссий горячо благодарю Юрия Алексеевича Гагарина.

Заседание прошло на редкость мирно, без гневливых разборов и взаимных упреков. Мелочи, вроде отказа пироболтов или оторвавшегося НАЗа, были отмечены Королевым, но «поднимать волну» по этому поводу именно сейчас было бы глупо. Он знал, что не забудет этих мелочей. И те, кто за эти «мелочи» отвечали, тоже знали, что он их не забудет.

Сразу после Госкомиссии из душного зала высыпали на воздух – подышать и покурить. Королев предложил космонавтам пройтись. Во время прогулки урезонивал:

– Только, орелики, прошу не зазнаваться, вы молодцы, но не думайте, что вы великие летчики…

Молодежь зашумела, дружно убеждая Главного в своей скромности. Потом Каманин увел Гагарина готовиться к встрече с журналистами. Юра не робел, но все было как-то странно и удивительно: он дает интервью! На дачу уже приехали четыре специальных корреспондента: Николай Денисов из «Правды», Георгий Остроумов из «Известий» и два из «Комсомолки»: Василий Песков и Павел Барашев. Они сидели в бильярдной, как школяры зубрили заготовленные вопросы.

После обеда Королев, другие члены Госкомиссии и все ракетчики, которые были в Куйбышеве, улетели в Москву. На Чкаловскую ушел самолет с космонавтами. На даче с Гагариным остались Каманин, Никерясов, врачи, журналисты. Вечером из Москвы перегнали красавец Ил-18, на котором утром Юрий должен был отбыть во Внуково, где его с великим нетерпением будет ждать прилетевший из Адлера Хрущев…[213]

Предполетные дни Гагарина проходили по жесткому расписанию, в котором сам он был, однако, неким активным началом, осознанно выполняющим задуманную программу. Теперь, уже в первые часы после приземления, он сразу почувствовал перемену в своем положении. С одной стороны, он сам интересовал всех несравненно больше, чем день назад, что очень его забавляло: неужто за 108 минут он мог так

измениться?! С другой, он ощущал значительно большую несвободу, чем раньше. Он очутился в положении малого ребенка, за которого решают все: когда ему вставать и когда ложиться, во что одеваться, что есть, когда гулять. Его самостоятельность не распространялась дальше выбора, что взять с тарелки: огурец или помидор.

Теперь, в самолете, развесив на плечиках новенький китель и шинель с ослепительными майорскими погонами, он зубрил рапорт, который должен отдать Хрущеву, спустившись с трапа лайнера. Подумать только: Хрущев будет встречать его на аэродроме!

По тщательно выверенному графику самолет Хрущева садился в 12.30. Самолет Гагарина – в 13.00. С Хрущевым в Москву летели Микоян и Мжаванадзе. Гагарин старался представить себе, как все это будет происходить, но не мог, воображения не хватало. Чудеса этого невероятного дня начались очень скоро. Километрах в пятидесяти от Москвы к самолету пристроился почетный эскорт из семи истребителей: по два на крыльях и три на хвосте. Этого он не ожидал. Не ожидал и флагов на улицах Москвы, которые хорошо были видны сверху, когда они заходили на посадку. Последнее, что разглядел Гагарин в иллюминатор перед тем, как выйти, – красная ковровая дорожка, которая тянулась к низенькой трибуне, плотно заставленной темными фигурками в шляпах – лиц он не разобрал. Самолет остановился. Он готов: шинель, белый шелковый шарфик, фуражка – «краб» по центру – все в порядке… Дверь откинулась внутрь самолета…

Но было не все в порядке. Это я хорошо помню. Вместе с другими журналистами и киношниками я сидел на большой двухэтажной «этажерке», собранной из металлических труб и деревянных трапов на манер строительных лесов и стоявшей метрах в двадцати от ковровой дорожки. Все мы хорошо видели, как, едва только Юрий вступил на нее, с крючков его черного ботинка соскочил шнурок и петля его забилась в ногах космонавта. Это можно разглядеть и в кинохронике. «Этажерка» замерла. Мы беззвучно молились всем известным богам: «Не споткнись! Не упади!» Было бы чудовищно несправедливо: упасть, когда на тебя смотрит весь мир! Гагарин ничего не чувствовал. Может это и к лучшему: иначе он мог бы сбиться с шага. Он шел размашисто, четко, в ритме старого довоенного марша «сталинских соколов»: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор…» Подошел к трибуне, остановился перед микрофоном, вскинул руку к козырьку и начал рапортовать, глядя прямо в счастливые глаза Хрущева:

– Товарищ первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии…

Властно раздвинув строй охраны, окружавшей трибуну, на Гагарина, прильнув глазом к визиру маленькой кинокамеры, надвигался большой грузный человек в тяжелом драповом пальто. Я узнал Туполева. Ни один киношник позволить себе такую дерзость не смог бы…

Растроганный добрым видом и четким докладом космонавта, Никита Сергеевич обнял и расцеловал его, а потом начал представлять ему всех членов Политбюро, а также монгольского вождя Цеденбала, но представить всех не успел[214] – Юрий потянулся к Вале, маме, отцу, братьям и сестрам, стоявшим тут же, по левую руку Хрущева.

Гагарин рассказывал мне, что, отчеканив свой рапорт, он в ту же секунду погрузился в какую-то прострацию, как бы в сон. Чувство это усиливали лица вождей, которых он знал по портретам, но не воспринимал как живых людей, и которые с интересом рассматривали его теперь, а многие – радостно целовали. «Это Брежнев, это Козлов, это Ворошилов, Микоян…», – отмечал он про себя, но все эти знакомые незнакомцы были гораздо ближе к миру сна, чем реальной жизни. Целуя родных, не понимал, как попали они сюда, ведь они жили в Гжатске, как оказалась здесь Валя, мелькнула даже мысль: «А на кого же она оставила девочек…» Сойдя с трибуны, Никита Сергеевич провел Гагарина вдоль плотной толпы людей, отгороженных милицией и веревочным запретом, и он опять встретил эти радостные глаза, жадно его рассматривающие, и неожиданно увидел свои собственные большие портреты на палках и лозунги с его фамилией. Портреты были трех людей: Ленина, Хрущева и его, Гагарина. Но больше всех – Гагарина. Как это может быть?! Но так было…

А потом этот проезд в открытой машине. Почти весь путь от аэропорта до Кремля Гагарин стоял, потому что не было ни одного километра на его трассе, где бы ни было ликующих людей, которые аплодировали ему, махали и бросали цветы, рискуя попасть под колеса семнадцати мотоциклов эскорта, окружавших его автомобиль. У самого Кремля, на повороте под своды Боровицких ворот, толпа прорвала оцепление: люди бежали бегом от Волхонки и Румянцевской библиотеки, размахивая флагами и букетами. Когда, подталкиваемый Хрущевым, он появился на трибуне Мавзолея, восторженный рев толпы прокатился над Красной площадью…

Сергей Павлович прилетел из Куйбышева накануне праздника под вечер. На аэродроме его встречала жена. Подвезли в своей

машине Галлая до дома и в Останкино оказались уже в сумерках. Нина Ивановна сразу увидела, что он очень устал, и быстро уложила его в постель.

Утром вместе с женой Королев поехал во Внуково встречать Гагарина. На трибуне стоять ему не полагалось: он был не вождь и не родственник. Обратно в Москву машина Королева шла в огромном хвосте других машин после вождей, министров и маршалов. Его народ уже не приветствовал: толпы таяли, оставляя на мостовой раздавленные букеты. У Кремля шофер свернул налево и высадил Сергея Павловича с Ниной Ивановной неподалеку от чугунных ворот Александровского сада. Струящаяся на Красную площадь толпа мгновенно поглотила их...

Карпов с женой и пятью космонавтами, которые были в Куйбышеве (остальные еще не выбрались с дальних НИПов), поехали на Красную площадь загодя, но попали в большую пробку на улице Кирова и подошли к Историческому музею уже перед самым началом митинга. Тут и встретились они с Королевым.

– Вот видите, сколько шума наделал ваш Юра, – тихо и весело сказал Королев, косясь на людей вокруг, – поскромнее, поскромнее надо вести себя, дорогие товарищи. – И еще раз оглянувшись, добавил почти шепотом: – То ли еще будет, други мои...

В это время народ прорвал милицейское оцепление. Живой поток устремился на площадь, закрутил маленькую группку людей, прижал к самой стене, неподалеку от Арсенальной башни. Карпов испугался: вот это номер будет, если именно Королева с женой здесь задавят.

Сергей Павлович и Нина Ивановна митинг на Красной площади смотрели дома по телевизору. Карпов с женой и космонавтами добрался до трибун. В конце митинга они даже прошли мимо Мавзолея, кричали Гагарину, но так и не поняли, разглядел он их или нет. Видеть Юрку на трибуне Мавзолея ребятам было дико, они все сразу как-то притихли и задумались...

И все-таки самым счастливым в этот замечательный апрельский день был не Юрий Алексеевич Гагарин и не Сергей Павлович Королев, а Никита Сергеевич Хрущев. С той минуты, как доложили ему об успешном старте «Востока», находился он в радостно приподнятом настроении, смеялся, шутил и после благополучного приземления дал категорическую команду устроить праздник по высочайшему, дотоле невиданному разряду: лозунги, плакаты, флаги, демонстрация на Красной площади, митинг, прием, пир, салют – чтобы было все. В нарушение всех законов в указ о награждении вписали строчку о

бронзовом бюсте в Москве. Не забыли даже пионеров, которые должны были повязать герою красный галстук прямо на Мавзолее.

Теперь, в ответ на краткую благодарственную речь Гагарина на Красной площади, в которой немудрящие идеологи ВВС заставили его оценить свою работу как подвиг, что звучало, конечно, нескромно, Никита Сергеевич произнес речь в пять раз длиннее. Под одобрительный рев всей Красной площади он объявил о присвоении Юре звания Героя Советского Союза.

А вечером грянул большой прием. Юноши и девушки в белых одеждах, стоящие на парадной лестнице Большого Кремлевского дворца, осыпали входящих цветами. Певцы из Большого театра грянули хор «Славься!» Глинки, вскоре причудливо трансформировавшийся в «космическую» песню Туликова.

Незнакомыми ароматами дышала шеренга дипломатического корпуса. Черной стайкой скромно стояли седобородые отцы церкви. Королев не знал почти никого из этих людей, и люди эти не знали его. Иногда возникало лицо узнаваемое, он видел этого человека в газете или журнале, тогда Королев слегка наклонял голову и улыбался.

Главный стол в торце Георгиевского зала предназначался для главных виновников торжества: Хрущева, Брежнева, других членов Политбюро, Малиновского и, конечно, Гагарина. Места для Королева там не было. Если бы Сергей Павлович и надумал сам пойти к этому столу, его непременно остановил бы вежливый молодой человек в строгом костюме и, едва дотронувшись до локтя, тихо сказал бы ему на ухо:

– Пройдемте вот сюда… Здесь вам будет удобно…

Все столы щедро были уставлены бутылками с водкой, коньяком и вином, закуска была обильна и изысканна. Потекли речи. Хрущев снова стал поздравлять и обнимать Гагарина и произнес еще одну длинную и трескучую речь. Следом пошли новые спичи, начиная с шведского посла Рольфа Сульмана-дуайена дипломатического корпуса, кончая придворным писателем Леонидом Соболевым. Речи не мешали выпивать и закусывать. Георгиевский зал уже начинал наполняться глухим вокзальным гулом, но вдруг снова притих: Никита Сергеевич опять начал говорить, убеждать всех, что имя первого космонавта «всегда будет жить в веках». Хрущев не знал усталости. Энергичные взмахи руки, когда напоминал он о поступательном движении страны к коммунизму, не становились плавнее, а розовость щек говорила вовсе не о выпитом вине, а о душевном жаре, негасимо горевшем в груди вождя. Молодой белозубый этот майор был для Никиты Сергеевича прообразом людей будущего,

тех, кому предстоит жить в светлом здании быстро и дружно отстроенного коммунизма. Гагарин укреплял его великую, чистую веру в реальность близкого завершения этого исторического строительства, и уже за это Никита Сергеевич – единственный из наших вождей, который искренне верил в достижимость своих идеалов за пролет одного поколения, – любил его всей душой.

Сверкали люстры, гремели оркестры, Гагарина тянули то к одной группе, то к другой. Тяжело, по-медвежьи облапав, мял его сейчас маршал Малиновский. Быстрый взгляд Хрущева бежал по лицам гостей и налетел на Королева.

Королев с Ниной Ивановной стоял в группе других конструкторов, не тушуясь, но и не выпячиваясь, понимая, что и в минуты ликования Хрущев помнит, что здесь – дипкорпус и западные журналисты, и не нарушит игры в секретность. Однако Никита Сергеевич, широко улыбаясь, подошел к их группе, говорил приятности, чекался. Королев представил ему Исаева:

– А это, – сказал Сергей Павлович, – тот самый человек, который тормозит все наше дело...

Хрущев понял, рассмеялся, снова благодарил. Гагарин увлек Никиту Сергеевича, а за ним и других вождей в Святые сени, где в дальнем углу тихо пировали космонавты, выглядевшие непривычно в штатских костюмах. Юре было как-то не по себе, что за срок, измеряемый скорее часами, чем днями, ушел он от этих лейтенантов в такую необозримую даль, что и подумать страшно...

Когда Брежнев прикреплял к груди Гагарина Золотую Звезду, Юра почувствовал легкий аромат дорогого коньяка и ему тоже захотелось выпить, но он понимал, что делать это нельзя, иначе все окончательно может сместиться и перепутаться, а все смотрят на него, – нет секунды, чтобы его не разглядывали...

Волшебный этот день окончился для Гагарина в чистом прохладном особняке «для почетных гостей» на Ленинских горах, куда привезли их с Валей поздно ночью. Юра подошел к большому зеркалу, посмотрел на свое отражение, потрогал Золотую Звезду и сказал тихо:

– Понимаешь. Валюша, я даже не предполагал, что будет такая встреча. Думал, ну слетаю, ну вернусь... А чтобы вот так... – не думал...

Отзвуки торжеств долго еще рокотали в прессе, по радио и телевидению. В десятках министерств составлялись и визировались длинные наградные списки. Награждали всех: от министров до техников. Да что там министры! И сам Никита Сергеевич, и Леонид Ильич Брежнев, и Дмитрий Федорович Устинов – разве без их забот мог бы взлететь Гагарин?! Все

получили по Золотой Звезде Героя Социалистического Труда за освоение космического пространства. Королев, Келдыш, Глушко, Пилюгин стали дважды Героями. Золотые Звезды получили по тому же закрытому указу от 17 июня 1961 года председатель Госкомиссии Константин Николаевич Руднев и почти все «генералы» королевского КБ: Сергей Сергеевич Крюков, Михаил Клавдиевич Тихонравов, Борис Евсеевич Черток, Игорь Евгеньевич Юрасов, Дмитрий Ильич Козлов, Аким Дмитриевич Гулько, Роман Анисимович Турков. Не был забыт и Семен Ариевич Косберг. Слесари опытного завода Григорий Егорович Еремин и Сергей Степанович Павлов вместе с механиком-сборщиком Дмитрием Михайловичем Зерновым тоже стали Героями Социалистического Труда. Количество орденов и медалей измерялось сотнями. Подлипки ликовали несколько дней кряду.

Узнав, что вторая Золотая Звезда вручается без ордена Ленина, Королев расстроился. Приехав 20 июня из Кремля, где вручали награды, Сергей Павлович показал Нине Ивановне коробочку со звездой и по-детски грустно вздохнул:

– А орден пожалели…

Наградить решили не только Гагарина, но и еще не летавших космонавтов.

Заочно и досрочно. Титов был представлен к ордену Красного Знамени. Но Хрущев распорядился дать ему орден Ленина, а всем остальным ребятам из первого отряда (кроме погибшего Валентина Бондаренко) – ордена Красной Звезды. Орден Ленина получил и Карпов.

Еще на приеме в Кремле Никита Сергеевич поинтересовался, чем награждена жена первого космонавта. Ему сказали, что непосредственный ее начальник Евгений Анатольевич Карпов, у которого она работает лаборанткой, представил ее к медали «За трудовую доблесть».

– Это в корне неверно! – страшно закипятился Хрущев.

Валентине Ивановне был вручен орден Ленина. Надо отдать должное ее скромности, представлениям о собственных заслугах: она не надевала этот орден ни разу в жизни…

На следующий день после кремлевского приема Королев чествовал Гагарина в Подлипках. Трибуну соорудили прямо под открытым небом, поставили динамики. Из-за сверхсекретных каменных заборов, отороченных колючей проволокой, по всей округе разносился уже всем знакомый звонкий голос Гагарина:

– Спасибо вам, творцам нашей ракетной техники, за замечательный космический корабль…

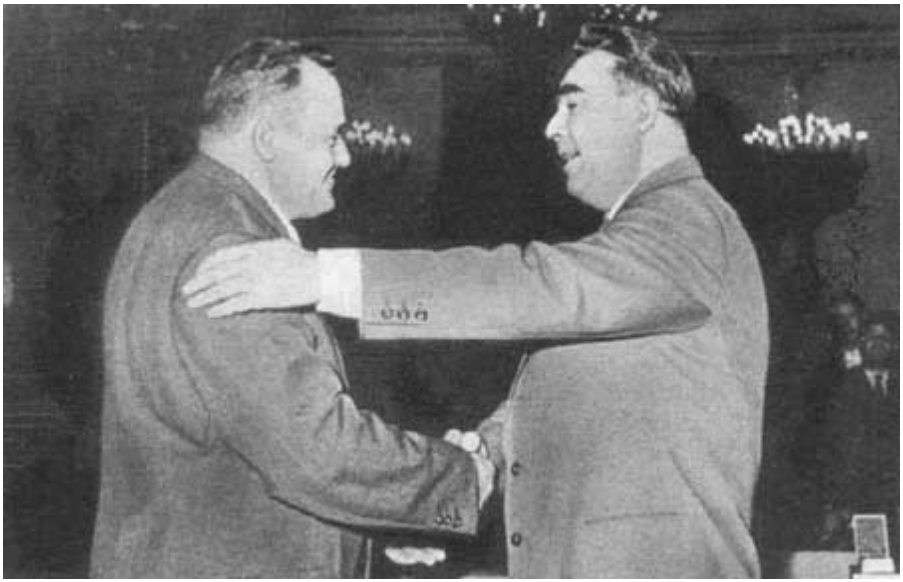
Иностранцы, которые ездили мимо ОКБ в Загорск, могли

только улыбаться, скромно потупив глаза...

В ОКБ и министерстве все только и говорили о будущих щедрых наградах. Королев подписал списки с представлениями своих людей и, не дожидаясь никаких указов, 6 мая улетел с Ниной Ивановной в Объединенный санаторий «Сочи». А в Звездном городке тем же числом были подписан приказ по части: «предоставить активный отдых всей группе».

Первый снимок после приземления. Юрий Гагарин с Ахметом Гасиевым

Вторая Звезда Героя Социалистического Труда. 1961 г.



...Каждому позволительно приписывать себе большее или меньшее участие в великой космогонической драме, от усилий здравого смысла это направление крепко защищено тщеславием и суетностью.

Франсуа Араго

После многодневного напряжения гагаринского старта закрученные в тугую спираль нервы чуть пообмякли, отмокли в фужерах победных тостов, хотя Королев пил мало, чисто символически; как многие честолюбивые люди, он не очень любил делать то, что не умел, но пить он не то чтобы не умел, а никогда не ощущал застолья своей стихией. Кроме того, даже если пьяного и не осуждают, то чаще всего жалеют, а представить себе, что его будут «жалеть», да еще подчиненные, он не мог.

Вся парадная праздничная круговерть сразу растаяла в голове, когда переступили они с Ниной порог сочинского «люкса» № 11 в левом крыле санатория, как только увидел он чистые, тщательно заправленные постели, светлые, в солнечных бликах, занавески, шевелящиеся у двери, открытой в лоджию, и море там, за лоджией, бесцветное по весне, белесое, словно в нем полоскали уже стиранное белье, и очень высокое, поднявшееся к небу и в небо это переходящее безо всякой видимой границы. И Мишину, и Бушуеву, и всем другим замам и помам строжайше запретил он звонить ему и слать телеграммы. Ни Рудневу, ни Устинову не сказал, куда едет, – «в отпуск» и все, но эти-то, если надо, найдут, конечно... Очень захотелось просто поваляться в забытой праздности, почитать что-нибудь человеческое, не «сов. секретное», побыть с Ниной.

В последнее время он очень часто был в отъезде и Нина, конечно, скучала. А хоть бы не в отъезде, какая разница? Все равно он возвращался домой поздно. После всяких неполадок, просрочек, издерганный тупыми начальниками и ленивыми исполнителями, он приезжал домой, раздраженный сверх всякой меры и тут же начинал капризничать, цепляться к Нине, искал ссоры, быстро ее находил и «разряжался». И хотя она понимала, что накрутили его на работе, что просто он издерган, простить ему эту несправедливую агрессивность часто уже не было сил –

она дулась, отмалчивалась. Утром, видя ее холодное лицо, он спрашивал ласково, искусно разыгрывая свое недоумение:

– Детонька, что случилось? Что ты дуешься?..

Какой смысл в продолжении ссоры? Она понимала, что все дальнейшее – уже глупо.

– Сережа, милый! Ты что, забыл, что вчера было? – спрашивала она, глядя на него глазами, полными слез. – Ты не помнишь?

– А что? – он произносил это голосом даже не невинного барашка, а голосом чучела злодейски убиенного невинного барашка. На самом деле он все помнил и все понимал.

Однажды рано утром он брился в ванной, когда неслышно вошла Нина, сонная, растрепанная, положила голову ему на плечо и сказала тому Королеву, который был в зеркале:

– Господи, как же мне надоела такая жизнь...

Почему так сказала – сама не знала, но так горько, с болью это прозвучало. Он ничего не ответил, быстро позавтракал и уехал. Вернулся опять поздно, прошел в ее комнату, сел и некоторое время сидел молча. А потом спросил с грустной задумчивостью, без всякого вступления:

– Мне трудно было сегодня работать. Даже руки тряслись, когда вспоминал твои слова. Что же мне делать? Я все-таки какой-никакой ученый, а не могу придумать, как облегчить твою жизнь...

И вот теперь, этой счастливой весной, ему очень хотелось, пусть ненадолго, облегчить ей жизнь, отринуть от себя все, что может помешать ему быть добрым и ласковым, успокоить ее и самому успокоиться. И это удавалось вполне, пока однажды не появились «послы» с Явейной дачи.

Почему у дачи этой было такое странное, непонятное, не русское и не кавказское, название – никто не знал. Под понятием «дача» скрывалось три небольших, добротной постройки, дома, окруженных густым парком. Она входила в состав санатория «Россия», от главного корпуса которого отделялась узким, но глубоким оврагом, бегущим к морю, и, хотя санаторные корпуса стояли рядом, напрямую через колючую чащу пройти было трудно. Сюда и приехал на отдых почти в полном своем составе первый отряд космонавтов. Не было бедного Вали Бондаренко. Уже списали медики Толю Карташова. Лежал в госпитале в гипсовом высоком воротнике Валя Варламов. И Володя Комаров уехал в Ленинград. Остальные все были тут во главе с главным Героем Года, как писали о Гагарине в США. Расслабиться особенно им не давали, поскольку, как и в Звездном городке, находились они под неусыпным оком Евгения Анатольевича

Карпова, парашютного тренера Николая Константиновича Никитина и врачей, не считая Михаила Сергеевича Титова – у КГБ были свои заботы. Популярность Юры, достигшая размеров невиданных, мешала ему отдыхать – его моментально узнавали, окружали и не выпускали, требуя фотографий и автографов на чем попало: книгах, газетах, курортных книжках, паспортах, авиабилетах. Даже когда у него заболело ухо и он ходил забинтованный, все равно узнавали, проходу не давали. При Юре находились корреспонденты «Правды» Николай Денисов и Сергей Борзенко, которые писали Гагарину книжку, главы из которой уже печатались в газете. Наведывался и Владимир Иванович Яздовский, наблюдая, достаточно ли «научно» они тут отдыхают: по линии Института авиационной медицины он оставался главным куратором космонавтов. Наконец, частым гостем Явейной дачи был Николай Петрович Каманин.

Во время челюскинской эпопеи Каманин попал в короткий список ранних Героев Советского Союза и носил Золотую Звезду № 2. Еще до войны отслоился он в ту тонкую жирную пенку советской элиты, которая прикрывала многомиллионные толщи нашего общества, был знаменит и обласкан вождем. Он на всю жизнь и остался убежденным сталинистом, но, как человек умный и осторожный, свои политические симпатии не афишировал. Да и какие другие у него могли быть счеты с «великим другом советских летчиков», если в двадцать пять лет – юным несмышленышем – был он уже согрет сталинской улыбкой. Во время войны командовал авиационным корпусом. Воевал вместе с сыном, совсем мальчиком, учил его летать. Сын обещал стать хорошим летчиком: войну закончил с тремя боевыми орденами, – по-отцовски он очень гордился Аркадием. Сын умер в 47-м от воспаления мозга, – это был страшный удар. К моменту организации первого отряда космонавтов Каманин был одним из заместителей Петра Игнатьевича Брайко – начальника Главного штаба ВВС. Когда будущие космонавты должны были лететь в Энгельс на парашютные прыжки, денег у Карпова не было – летели по командировкам штаба, и командировки эти подписывал Каманин

Николай Петрович, возможно, раньше других понял, какие грандиозные перспективы раскрываются перед этими ребятами, и все теснее притирался к новой работе «Идеалом сильного человека стал для меня Сергей Павлович Королев», – писал Каманин. Он действительно подражал наиболее отрицательным чертам Королева, но и боялся его смертельно. Каманину очень хотелось стать тем, кем он и стал вскоре после гагаринского старта: начальником космонавтов. Уже 28 апреля, через две

недели после триумфальной московской встречи, Гагарина принимала Прага. И в этой первой поездке с ним был Каманин. А потом началось: Болгария, Англия, Польша, Куба, Бразилия, Канада, Индия, Цейлон, Афганистан, ОАР, Либерия, Ливия, Гана, Греция, Кипр, – это только за первый год после полета! Эти страны чествовали Гагарина – в Каманина тоже: Николай Петрович всегда был рядом. Гагарина принимали Неру, Насер, Елизавета Английская. И Каманина тоже. Это было не просто интересно, – ты все время на виду, о тебе пишут газеты, тебя показывают по телевидению и в кинохронике. Каманин как бы заново переживал давнее, почти забытое чувство триумфа, ощущение своей значимости, с которыми он жил тогда, в молодости, в далеком 1934 году. Но человек, повторяю, умный, Николай Петрович не мог не видеть и принципиальную разницу между прежним и нынешним своим положением. Теперь он сверкал в отраженном свете этих мальчишек, этих зеленых лейтенантиков, стремительно наращивавших звезды на погонах, таких же наивных и несмышленых, каким был и он тогда. Ах, если бы эту славу, да к нынешнему его опыту!..

Каманин и космонавты – интереснейшая тема для анализа хорошего психолога. Здесь страсти и чувства настоящие, драматургия отношений крутая, в этой «пьесе» актерам есть что играть.

По моим личным многолетним наблюдениям, Каманин не любил и часто презирал космонавтов, считал их выскочками и баловнями судьбы (в этом последнем, возможно, он был и прав). Не могу вспомнить, чтобы он разговаривал с ними весело или просто приветливо. Он был неизменно строг и заранее уже чем-то, что еще не произошло, недоволен. Лицо Николая Петровича было непроницаемо, он владел некой истиной, лишь ему доступной, которую они не узнают никогда – просто ввиду своего ничтожества.

Думаю, что большинство космонавтов тоже не любили его. Некоторые доверительно говорили мне об этом еще в 60-х годах. Сначала они по-юношески просто трепетали перед ним – перед Звездой № 2, перед генеральскими погонами. А потом ясно почувствовали его тяжелую руку: Каманин крепко держал их в кулаке строжайшей дисциплины, беспрекословного послушания и той унижающей всякого – тем более молодого и незаурядного – человека обезлички, которую он упорно насаждал в отряде первых космонавтов. Ему льстило, что эти всемирно известные люди слушаются его, как новобранцы ефрейтора. Еще легче было управлять теми, кто только готовился к полету. Ведь в первую очередь именно от Каманина зависело, кто полетит, с кем, когда,

по какой программе. Будущие космонавты часто вообще этого не знали или знали в общих чертах, понаслышке. Все это создавало атмосферу неопределенности, зыбкости, неуверенности в завтрашнем дне. Поэтому Каманина боялись, но не любили. Добиться соединения страха и любви, как это сделал его кумир Сталин, Николай Петрович не сумел.

Но все это выявилось и определилось не сразу. Сейчас он вернулся с Гагариным из Чехословакии, собирался в Болгарию, да и в Париж надо бы слетать, рекорды утвердить... Дел было много, но в числе первых и самых важных, – это он понимал, – визит к Королеву.

Поехали втроем: Каманин, Карпов и Гагарин с забинтованным ухом. Королев был совсем другой, неизвестный: спокойный, улыбчивый, медлительный, добрый. Нет подлипкинской упорной деловитости, ни космодромной круглосуточной резкости. Пригласили к себе на Явейную.

– Вот нас с тобой в гости зовут... – сказал Сергей Павлович Нине Ивановне. – Давай съездим... Нельзя отказывать...

Космонавты встретили их на Явейной очень приветливо. Фотографировались, гуляли, обед был отличный, потом скульптор Постников показывал эскизы, обсуждали, – в общем, отдыхали, но... разве это отдых, когда о чем ни говори, а у всех на уме одно: второй полет!

С этого дня, хотя Королев и продолжал числиться в отпуске, и так же грелся на сочинских камушках, и так же гулял с женой по парку, отдых его, если понимать под отдыхом столь необходимые ему бездумье и свободу от забот, кончился. И не раз, и не два приезжали к нему Каманин, Карпов, Яздовский, Гагарин, Титов. И купаться в закрытый бассейн ездили вместе, и в пинг-понг играли с Юрой, и киноаппарат, недавно подаренный Сергеем Павловичем Нине, осваивали с помощью Германа.

Титов понравился Королеву еще после первой встречи. Мягкое спокойствие Гагарина дополнялось живой активностью его дублера. Герману очень хотелось слетать в космос, стать тоже Героем Советского Союза, носить Золотую Звезду и чтобы все оборачивались, а девушки шептали: «Титов! Титов!..» И чтобы стариков его привезли с Алтая на трибуну Мавзолея, и чтобы Хрущев – рядом стоял! Да, хотелось, хотелось, и ничего стыдного тут нет, ведь было-то ему всего 26 лет! Кому же не хочется славы в такие годы?! А тут слава была рядом, реальная, честно заработанная, и Герман рвался в бой.

Программа полета второго космонавта заранее не готовилась, и это правильно: в первую очередь она зависела от итогов предыдущего полета. Гагарин всех успокоил: он действительно

чувствовал себя хорошо. Стало ясно, что второй полет должен быть более сложным и, конечно, более продолжительным. Но насколько? Расчеты баллистиков показывали, что корабль может сесть на территории Советского Союза на первых трех-четырех витках в европейской части страны, а после тринадцатого – за Уралом. Суточный полет обещал посадку в степных районах Заволжья, где поисковикам найти корабль легче, чем в Сибири.

Медики склонялись к программе на три витка при четвертом резервном.

Королеву хотелось, чтобы космонавт летал сутки. Теперь, на отдыхе, он начал пока очень неназойливо, как бы между прочим, пропагандировать свой вариант, но уже на первом стихийном совещании, которое состоялось в бильярдной Явейной дачи, встретил довольно сплоченное сопротивление Каманина, Яздовского, Карпова и большинства космонавтов.

– Подумайте, время еще есть, – миролюбиво сказал Королев.

Никто не знал, что он уже вызвал в Сочи Бушуева, чтобы отдать все распоряжения по подготовке к суточному полету человека. Для себя он этот вопрос уже решил.

Гагарин пока отмалчивался. Из Болгарии он привез Королеву бутылку отличного красного вина, Нине Ивановне – блок длинных дамских сигарет «Фемина» и пробирочку розового масла. От обсуждений программы будущего полета Гагарин уходил, лишь однажды сказал Сергею Павловичу, что три витка – пять с лишним часов – срок достаточный, чтобы выполнить программу, которая намечалась: проверка ручного управления, киносъемка Земли. Итак, активным союзником Королева был, по существу, один Титов. Сергей Павлович частенько теперь брал Германа под локоток и уводил в пустынные аллейки: беседовали о будущем полете.

Герман провел у моря всего две недели. На пару дней заехал к родителям жены на Украину и уже в июне приступил к активным тренировкам. Когда в Звездный вернулись все кавказские «курортники», Карпов спросил у Германа:

– Кого бы ты взял в дублеры?

Титов подумал и назвал Николаева. Был еще Нелюбов, но Германа раздражала его бравада, гусарство, постоянное желание быть впереди. В Николаеве он разглядел главное: доброту и надежность. Однако сам Карпов склонялся более к кандидатуре Валерия Быковского. Но как раз в эти дни Быковский отправился в Москву и остался у невесты, что расценивалось уже как «самоволка». Валерия отодвинули. Николаев начал тренироваться вместе с Титовым.

Вопрос о сроках полета официально еще не был решен.

Медики и физиологи голосовали за три витка. Среди них были Н.М.Сисакян, В.В.Ларин, О.Г.Газенко, Н.Н.Гуровский, Е.М.Юганов и другие, уже не новички в ракетно-медицинских космических делах. Генерал-полковник Агальцов собрал в Главном штабе ВВС совещание, вызвал Карпова, Яздовского и шестерку космонавтов

Яздовский, как главный научный консультант, сразу сказал, что лететь на сутки рискованно, и предложил три витка. Гагарин поддержал Владимира Ивановича.

– Ну, а вы сами как считаете? – спросил Агальцов, обернувшись к Титову. – Ведь вы – один из претендентов на этот полет...

– Лететь надо на сутки, – упрямо сказал Герман.

– А что дублер думает? – спросил Филипп Александрович.

– Я – как командир, – потупившись, ответил Николаев.

Из штаба на Пироговской поехали прямо в Подлипки к Королеву. Когда поднимались на второй этаж к кабинету Главного, Нелюбов подошел к Титову, сказал тихо и зло:

– Ты что уперся с суточным полетом? Славы захотел? Сам подумай, – сутки на орбите! А нам после тебя что ж, неделю летать?!..

У Королева повторилось то же, что происходило в кабинете Агальцова. В выражениях, быть может, более мягких и обтекаемых, Яздовский и Карпов настаивали на трех витках. Титов твердил свое: «Летать надо сутки!» Но Агальцов никакого решения не принял, а Королев сказал:

– Я вас внимательно выслушал и так вам скажу: давайте планировать полет на сутки. А если ему будет плохо, – он кивнул на Титова, – посадим его на третьем– четвертом витке...

Через четверть века Герман Степанович рассказывал мне:

– Когда я услышал эти слова, все во мне закипело: «Ну, думаю, умру, но сутки отлетаю». Не верил, что может быть нечто такое, что нельзя было бы сутки перетерпеть...

Окончательно вопрос решался в ВПК – Военно-промышленной комиссии – у Леонида Васильевича Смирнова. Хитрый Смирнов был опытным аппаратчиком, но, увы, не по вестибулярным аппаратам. Прежде чем решать какой-либо вопрос, надо ясно представлять себе, какое решение хотят от него наверху. Вспоминая ликующего Хрущева на приеме в Кремле, Леонид Васильевич прекрасно понимал, что Никите Сергеевичу хочется нового праздника, а праздник будет тем ярче и громче, чем ярче и громче будет победа. «Сутки в космосе!» – это звучит. С другой стороны, если медики правы и с этим парнем что-нибудь случится, можно представить себе, какой разнос учинит Хрущев; «Кто разрешил так долго летать?!!» Медики тут же закричат: «Мы

говорили! Мы предупреждали! Нас не послушались!..» Кто не послушался? Да вот он, Смирнов! «А что же Госкомиссия, проспала?» Там председатель-то опять он, Смирнов! Теперь, когда Леонид Васильевич из крупной министерской номенклатуры превратился в еще более крупную общегосударственную, всякая осечка на новом посту была особенно нежелательна. Ибо испорченное первое впечатление исправлять трудно и долго, да и не всегда это сделать удается...

Путь Смирнова к вершинам власти не требовал высокого альпинистского мастерства и рискованного скалолазания. Он шел как бы по хорошей туристской тропе, не грозившей ни селевыми потоками, ни снежными лавинами, надо было только быть внимательным: не оступиться, не подвернуть ногу на случайном камне.

Леонид был младшим из пяти оставшихся в живых детей в семье кустаря-переплетчика уездного средневолжского городка Купечка Пензенской губернии. В 1922 году отец умер от голода и тифа, старшие дети ушли на заработки, а шестилетний Леонид с девятилетней сестренкой остался при матери, которая держала «нахлебников», – готовила им, обстирывала. Учиться он начал уже в Ростове, куда выписал их всех старший брат, окончивший энергетический институт. Как часто случается, Леонид во всем старался подражать брату и тоже хотел стать энергетиком. После школы не без труда поступил он в Новочеркасский индустриальный институт, имея уже пятый разряд электромонтера. Жить было трудно. Подрабатывал на городской электростанции. Потом началось строительство новой подстанции. Неподалеку был завод, который из паровозного в 1937 году перепрофилировали в артиллерийский. Леонида туда переманили. Так он на всю жизнь стал «оборонщиком». И до войны, и после работал он энергетиком в разных городах, на разных артиллерийских заводах. Это и свело его с Устиновым. В сентябре 1948 года главный энергетик завода в Воткинске Смирнов стал слушателем Академии оборонной промышленности в Кунцеве – здесь и стали оттачиваться его административные таланты. Но уже в ноябре 1949 года Устинов вызвал его к себе и сказал:

– Хватит учиться! Все! Выучился! Работать надо. Мы решили назначить тебя директором НИИ в Москве.

– Я не справлюсь, – честно ответил Смирнов.

– Если есть самолюбие – выплывешь, а если нет – утонешь. Ну и черт с тобой!

Устинов говорил все это жестко, без улыбок, и Смирнов понял, что дело нешуточное, – весь курс будущей жизни

определяется в такие минуты.

Институт занимался вопросами стабилизации стрельбы на кораблях и танках. Скрещивали зенитную пушку с радаром, который должен был ею управлять. Специалисты в стране были, но сидели в маленьких слабых лабораториях, а когда Устинов соединил их под одной крышей, началась грызня, интриги, которые гордо именовались «противоборством школ». Требовался директор нейтральный, с тематикой не связанный, как бы парящий над схваткой. Новый, 1950 год Смирнов встречал уже в должности начальника НИИ №176.

Заместителем Устинова по ракетным делам был Иван Герасимович Зубович – инженер старой школы, умница и людовед. Он же курировал работы по радиолокации и начал к Смирнову приглядываться. Ведь это очень интересно: человек совершенно не в курсе дела, а руководит целым институтом, и у него все получается. Зубович каким-то шестым чувством определил, что наступает пора руководителей нового типа, которым принадлежит будущее. Пора не руководителей чего-либо конкретного, а руководителей вообще. Сегодня такой руководитель мог заведовать энергетикой завода, завтра – руководить радиолокационной наукой. Сегодня – химией, завтра – культурой. Секретари обкомов становились послами, а помощники секретарей – редакторами газет. Некомпетентность переставали скрывать, камуфлировать дутыми диссертациями, не знать дела, за которое берешься, становилось не стыдно. Отсутствие знаний и опыта перечеркивалось спорным тезисом о том, что талантливый человек – он везде талантлив. Это явление пошло в рост еще при Ленине, сохранилось при Сталине, прекрасно расцвело при Хрущеве, обильно плодоносило при Брежневе и вряд ли зачахнет до конца века...

Осенью 1951 года Леонид Васильевич Смирнов был назначен начальником ракетного главка Министерства оборонной промышленности. Он принимал активнейшее участие в становлении днепропетровского завода, и в 1953-м Устинов назначает его директором этого завода. На стройке карьеры Смирнова наступил девятилетний перерыв. Но Устинов о нем не забыл. Гибель вместе с маршалом Неделиным и другими ракетчиками заместителя Устинова Льва Архиповича Гришина, новое назначение Константина Николаевича Руднева, смерть Михаила Васильевича Хруничева в 1961 году, целая серия перемещений высших руководителей промышленности, в том числе и самого Дмитрия Федоровича Устинова, проведенная Хрущевым в это же время, открывают перед Смирновым путь наверх и очень скоро делают его заместителем Председателя

Совета Министров СССР и председателем Военно-промышленной комиссии. Время полета Титова – это как раз и время стремительного полета Леонида Васильевича. Оба полета – каждый по-своему – были рискованны. Поэтому, когда решался вопрос о сроках второго космического путешествия, председатель ВПК был особенно осторожен. Больше слушал, с выводами не торопился, оценок не давал.

Докладывать Смирнову было трудно потому, что лицо его всегда было непроницаемо и совершенно невозможно было увидеть на нем даже тень мысли, вызванной твоими словами. Доводы Королева сводились к тому, что суточный полет, помимо своего чисто пропагандистского значения, сулит много выгод. Он даст возможность проследить в невесомости весь суточный цикл работы человеческого организма. Мы в этом случае не навязываем природе каких-то своих произвольных сроков, а, наоборот, работаем в строгом соответствии с ее законами. Такой полет не потребует передислокаций поисковых групп, которые неминуемы в случае посадки на третьем или седьмом витке. Космонавт утром взлетит и утром сядет в степном районе, где его легко найти, а не в тайге какой-нибудь. Ну, а если вдруг потребуется срочно вернуть космонавта на Землю, это всегда можно будет сделать. Предусмотрена, в частности, возможность закладывать на борт корабля программу спуска даже с самого восточного камчатского НИПа. Во всех океанах по трассе полета стоят корабли...

Почему-то именно корабли в далеких океанах всех успокоили. Яздовский согласился, что доводы Сергея Павловича серьезны. Карпова Королев сумел убедить еще до совещания. Каманин каким-то шестым чувством понял, что спорить с Королевым и отстаивать трехвитковый полет сейчас не следует, и промолчал. Поэтому Леониду Васильевичу не стоило большого труда «выразить общее мнение собравшихся», что полет, очевидно, целесообразно провести, действительно, в рамках суток... Заключительное слово председателя ВПК было составлено очень точно. Слушая его, можно было понять, что у Леонида Васильевича были и сомнения, и даже опасения, но специалисты сумели их рассеять. Но, с другой стороны, решение о суточном полете – это было все-таки его решение. Если все пройдет хорошо и спросят, а кто же этот мудрый и смелый человек, который пошел на такой риск, то всякий припомнит и скажет: Смирнов!

Все мы бываем в жизни наездниками. Но одно дело – просто бесшабашно скакать в ночное, другое – секреты верховой езды. Смирнов владел высшей школой аппаратной выездки. Он был «человеком Устинова», но, наверное, все-таки не покровительство

столь сильного патрона, а вот эта школа позволила ему, человеку не глупому, но способностей весьма средних, пробыть более двух десятилетий в высших эшелонах государственной власти, держать в руках все нити управления могучим военно-промышленным комплексом, поладить с Хрущевым и Косыгиным, Брежневым и Тихоновым, Андроповым, Черненко и лишь при Горбачеве отойти от государственных дел в возрасте глубоко пенсионном.

В Тюратаме стояла жара воистину азиатская. Степь потрескалась, все, что может засохнуть, засохло. Бледно-желтые, цвета лежалой бумаги, перекати-поле рывками носились по такырам. Сырдарьи обмелела, вылезли илистые островки, обозначились ямы и бочажки, наполненные глинистой водой, в которой можно было нащупать плененного зноем жереха.

Несмотря на жару, работа шла резво, без отклонений от графика. Космонавты были бодры и здоровы.

Сейчас, после всех гагаринских празднеств, Королев еще больше стал присматриваться к космонавтам. Сразу после полета, практически мгновенно, они становились всемирно известными людьми, национальными героями, и по тому, какие они, будут судить и о стране, и о космонавтике вообще, о людях, там работающих. Он все время старался сделать их единомышленниками, помогал преодолевать робость в беседах с конструкторами и разработчиками, требовал:

– Высказывайте свои замечания, предлагайте, ведь вам летать...

Особенно тормошил Германа:

– Появятся идеи – звони...

Ничто не должно мешать этим ребятам в полете, – наоборот, все вокруг должно быть привычным, понятным, удобным, чуть ли не на ощупь знакомым

Накануне пуска после обеда Королев приехал к Герману, спросил озабоченно:

– Есть ли необходимость еще раз посидеть в корабле? Корабль уже на старте, лучше бы его не трогать... Но если нужно, организуем...

– Если есть возможность, дайте мне полчасика, – попросил космонавт.

– Хорошо. Через сорок минут будет «окно» в программе подготовки корабля и мы съездим вместе...

Около получаса Титов провел в корабле. У люка стоял Евгений Фролов, ведущий конструктор. Что-то объяснял, но объяснять ничего не надо было: все он знал, хотелось просто посидеть, ощутить корабль.

Королев ждал его внизу...

Вечером он приехал снова. Титов и Николаев ночевали в том же домике, в котором провели свою последнюю предстартовую ночь Юра и Герман. Втроем —Главный, космонавт и дублер – ходили по обочине шоссе, Королев снова и снова расспрашивал их, проверял, все ли помнят, объяснял:

– Каждый полет неповторим. Надо замечать все новое, ведь мы исследователи, первооткрыватели...

Космонавты уже спали, когда со старта позвонил Воскресенский и доложил, что в магистралях горючего обнаружена течь. Королев поехал на старт.

Быстро подошел к Воскресенскому, – так боксеры устремляются к центру ринга, чтобы начать бой.

– Где?

– Сильфон второго блока.

– Сколько?

– В минуту около стакана.

– Что будем делать?

– Обмотаю сильфон изоляцией, обмажу эпоксидкой и все.

Думал несколько секунд.

– Давай!

Вся остальная предстартовая подготовка прошла без замечаний.

А дальше все было очень похоже на апрельский старт. Та же спокойная деловитость, в которую спрятаны были все страсти. Утром – медосмотр, наклейка датчиков, правда, по новой, поясной системе, автобус: теперь Титов сидел на месте Гагарина, а за ним Николаев. Рапорт Смирнову. Фролов усадил космонавта в кресло. Переговоры с командным бункером. И главный миг в жизни Германа Титова – миг его старта.

Уже после возвращения на Землю, после встречи в Кремле и пресс-конференции, долго еще ползали, помню, по Москве слухи, что космонавт чувствует себя плохо, что он облучился, попав в пояса радиации. Никого не интересовало, что опасная зона внутреннего пояса с протонами высоких энергий находится на высоте около трех тысяч километров, а Титов не отлетал от Земли дальше 244. Никто этого и слушать не хотел, – лучевая болезнь и баста! Я встретился с Титовым недели через две после полета на даче Тесели под Форосом: был он весел, совершенно счастлив и все те несколько дней, что наблюдал я его в Крыму, чувствовал себя отлично.

Причиной же всех домыслов была до неузнаваемости искаженная информация о самочувствии космонавта-2 во время самого полета, которая, несмотря на все фильтры секретности, просачивалась, вызывая недоверие к официальным сообщениям.

Согласно этим сообщениям, полет прошел замечательно, космонавт чувствовал себя отлично, да и как иначе мог чувствовать себя в космосе наш советский человек-первопроходец, к тому же коммунист?!

Впрочем, справедливости ради, надо сказать, что такая благополучная картина рисовалась, прежде всего, со слов самого Титова. Когда Хрущев, который беседовал с ним по телефону сразу после приземления, спросил его, как он себя чувствует, Герман бодро рапортовал:

– Чувствовал себя великолепно, Никита Сергеевич!

С технической точки зрения полет Титова протекал, действительно, практически без замечаний. Он дважды брал на себя управление и оба раза быстро и четко ориентировал корабль. Несмотря на то что сломался экспонометр, киносъемка тоже прошла удачно и кадры кривого земного горизонта – первые космические кадры – стали сенсацией. Герман проводил и визуальные наблюдения Земли, помимо связи с ЦУПом вел два раза в час сеансы коротковолновой связи и даже делал физзарядку. Но Никите Сергеевичу Титов сказал неправду: чувствовал он себя неважно, о чем без утайки рассказал на послеполетном заседании Госкомиссии. Позднее, в 1962 году, в статье «Физиологические исследования на „Востоке-2“» В.И. Яздовский, О.Г. Газенко и А.М. Гении писали: «Особое внимание привлекали развившиеся в период орбитального полета неприятные ощущения, которые были охарактеризованы космонавтом как состояние, близкое к укачиванию. Эти ощущения выражались в легком головокружении я поташнивании. Они становились заметными при резких движениях головой и наблюдении за быстро перемещающимися предметами. С течением времени эти явления все более обращали на себя внимание космонавта и создавали некоторый дискомфорт».

Само это заграничное слово «дискомфорт» было довольно туманным, и разные врачи толковали его по-разному, пока мне не пришла мысль обратиться, так сказать, к первоисточнику, т.е. к самому Герману Степановичу. Случилось это, конечно, не на Форосе, а много лет спустя. Страсти улеглись, а прошедшие годы укрепили взаимное доверие. Я верю абсолютно всему, что рассказал мне Титов.

Вибрации и перегрузки старта перенес он нормально, – все это можно хорошо « оттренировать на Земле, – но невесомость несколько его обескуражила: трудно " было отделаться от ощущения, что ноги твои задрались куда-то кверху и ты висишь как бы вниз головой[215]. Потом врачи изобретут даже специальный

термин: «иллюзия перевернутого положения». Вся штука как раз и заключалась в том, что очень трудно было доказать себе, что это иллюзия, а не действительно перевернутое положение. Умом он это понимал, но от «иллюзии» хотелось избавиться. Титов начал кружиться в кресле, делать резкие движения, но ощущения подвешенного вниз головой человека не исчезали. Наоборот, они постепенно нарастали. Герман притих, стал думать о работе, снимать Землю, но муть в голове становилась все плотнее.

Подходил трехвитковый рубеж. Земля запрашивала о самочувствии, психологи анализировали тембр его голоса. Титов бодрился, успокаивал медиков: «Все в порядке». Сам решил: приятного мало, но вытерпеть можно. Спустись он на третьем витке, – был бы тоже праздник и фанфары, и звезда золотая, но он решил перетерпеть, полет продолжать; ведь интересно, когда вся эта маята окончится. Ведь, может быть, ей отмерен природой какой-то край. Но она не кончилась.

Пришло время обеда. Есть не хотелось. А есть было надо, потому что обед – это тоже эксперимент. Доктор медицинских наук И.И. Касьян в одной из публикаций об этом полете пишет: «Меню состояло из трех блюд. На первое – тюбик супа-пюре, на второе – мясной и печеночный паштет, на третье – черносмородиновый сок». Все верно, меню было именно таким. Но маленькая деталь: обед этот Титов есть не стал. Очень хотелось чего-нибудь кисленького. Он выбрал черносмородиновый сок, выдавил в рот тубу. Сок оказался приторно-сладким. Германа вырвало. По счастью, сок в невесомости налип на поролоне кабины, спасибо, хоть не летал по кораблю... Это случилось на шестом витке полета, т.е. он летал уже около девяти часов. ТАСС выпустило в это время очередное сообщение, в котором говорилось, что «самочувствие космонавта по-прежнему отличное, настроение бодрое».

Разделять оптимизм ТАСС у Титова никаких оснований не было, но и отчаиваться он тоже не собирался. В конце концов Белку тоже рвало на четвертом витке, а вернулась она на Землю весьма жизнерадостной. Герман подумал, что будет полезно поспать: вестибулярный аппарат успокоится и все неприятности кончатся. Он предупредил ЦУП, что собирается уснуть, и получил добро. Во время сна прозрачное забрало скафандра требовалось захлопнуть, но с закрытым забралом в скафандре было душно. Герман взял веревочку, за которую надо дергать, чтобы открыть забрало, и засунул ее вовнутрь. Образовалась щелка. Дышать стало легче. Ему казалось, что спал он очень глубоко, но на Земле отметили, что просыпался дважды, хотя пульс был хороший: 53-67 ударов в минуту.

Уже упоминавшийся доктор И.И. Касьян пишет, что «после сна, как и предвидел космонавт-2, исчезли неприятные ощущения, усталость». Мне Герман Степанович рассказывал, что, увы, не сразу исчезли. Он проснулся разбитым, с тяжелой головой. Удивительно, но так называемые вестибулярные пробы – разные рисунки – получались хорошо. И координация с открытыми и закрытыми глазами не изменилась. И звезды пятиконечные, и спирали получались не хуже, чем на Земле, и почерк сохранился, а муть эта в голове не исчезла.

Надо было снова что-то съесть, а есть опять не хотелось. Он решил выпить немного жидкого шоколада. Выпил. Опять стошнило. Совсем немного: желудок был пустой. Шел двенадцатый виток. И вдруг почувствовал: стало отпускать.

Волны какой-то мерзкой мути, которые накатывались на него в первые часы полета, стали скатываться. С каждой минутой Герман чувствовал себя бодрее. Перед финишем все пришло в норму.

Перед посадкой Титов услышал громкий щелчок пиропатронов и радостно подумал: «Порядок! Приборный отсек отстрелился!» Но тут же, к немалому своему удивлению, увидел, что все приборы на пульте работают, чего быть не должно. Потом он ясно услышал незнакомый глуховатый стук: приборный отсек постукивал в стенку шарика спускаемого аппарата. «Интересно, что прочнее: СА или ПО?» – подумал Герман и решил, что спускаемый аппарат заведомо прочнее и приборный отсек его не расколет. Когда огненные всполохи горящей теплозащиты засветились за шторками иллюминатора, стук прекратился: приборный отсек оторвался окончательно.

У самой земли Герман увидел, что он опускается рядом с железной дорогой и что, точно согласуясь с законами приключенческого кино, наперерез ему идет поезд. Ничего глупее такой ситуации нельзя было придумать: ни космический корабль на парашюте, ни поезд «отрулить» не могли.

– Мне показалось, – рассказывал Герман, – что машинист тоже увидел меня и притормозил...

«Восток-2» приземлился метрах в пятидесяти от железнодорожного полотна, покатился по мягкой пахоте (Титов: «Я сделал два головокружительных кульбита, аж искры из глаз посыпались») и наконец замер...

В самолете по пути в Куйбышев Титов был очень возбужден, смеялся, все время порывался куда-то идти – медики не могли его усадить, чтобы взять кровь на анализ. А тут еще сломалась у них пробойная машинка. Герман мигом раздобыл бритву, сам разрезал палец: «Прошу!..» Редко можно видеть человека, столь

абсолютно счастливого!

На волжской даче, прежде чем уложили его на медицинские пробы, он радостно осушил бутылку пива, но сделал это так откровенно и весело, что ни у кого из врачей рука не поднялась осудить его за нарушение послеполетного водно-солевого режима. До заседания Госкомиссии он усадил рядом с собой Николаева, Поповича, Нелюбова и Быковского и сказал.

– Плохо дело, ребята. Очень хреново себя чувствовал. Что делать будем? Вас подводить не хочу, но и правду скрывать нехорошо...

Все дружно решили: надо говорить правду.

На Госкомиссии рассказ Титова многих огорчил. И в первую очередь – Королева. Сергей Павлович сидел хмурый. Задавали много вопросов. Молодой красавец Гай Ильич Северин – будущий Главный конструктор скафандров и систем жизнеобеспечения, а тогда – начальник лаборатории ЛИИ, где делали кресла для «Востока», слегка, «артистически», грассируя, задал вопрос деликатный: «Не сложно ли было мочиться?» Герман не смутился, понимал, что и это на будущее знать надо, ответил серьезно:

– Во время тренировок на Земле было сложно, а в невесомости легче. Знаете ли, он как-то сам всплывал вверх...

– Минуточку, минуточку! – закричал Пилюгин. – То есть, это как «сам вверх»? Прошу пояснить...

Маленький зальчик грохнул так, что зазвенели окна.

С.П. Королёв на отдыхе

С.П. Королёв с Ниной Ивановной

С.Л.Королев с группой космонавтов, врачи и тренер

1-й ряд (слева направо) П. Попович, В. Горбатко, Е. Хрунов, Ю. Гагарин, С.П. Королев, Н.И. Королева с дочкой П.Поповича Наташей Е. А. Карпов,

Н.К. Никитин, С.А.Федоров;

2-й ряд: А. Леонов, А. Николаев, М. Рафиков, Д. Заикин, Б. Волынов, Г. Титов, Г. Нелюбов В. Быковский, Г. Шонин;

3-й ряд: В. Филатьев, И. Аникеев, Л. Беляев

Николай Петрович Каманин

Ю.А. Гагарин, Н.И. Королева, С.П. Королев. Май 1961 г

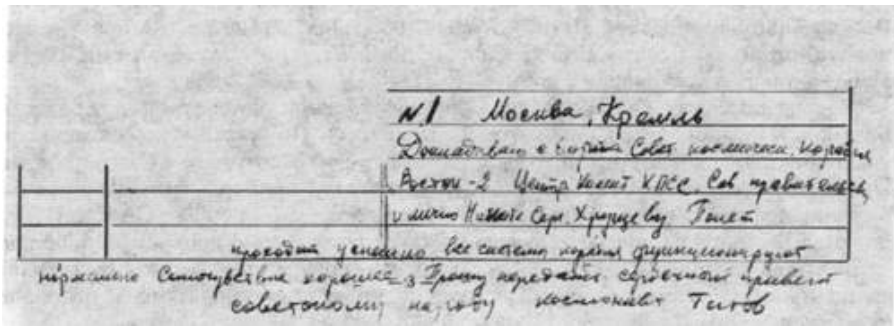
Гагарин с Королевым. Сочи, май 1961 г.

Леонид Васильевич Смирнов

Евгений Александрович Фролов

Герман Степанович Титов

Правительственная «заготовка»


№1 Москва, Кремль
Дошел-ван в Сов. Сою космонавт Герман
Вехи-2 Центр Комит КПСС Сов правительств
и лично Никите Серг. Хрущеву Привет
проходит успешно все системы корабля функционируют
нормально Самочувствие хорошее Прошу передать сердечный привет
советскому народу космонавт Титов

У каждого человека три характера: тот, который ему приписывают, тот, который он сам себе приписывает, и, наконец, тот, который есть в действительности.

Виктор Гюго

Люди, давно и хорошо знавшие Королева, отмечают, что после стартов первых космонавтов он начал заметно меняться. Короче и тише стали разносы, больше стал прощать, больше советовался, чаще прислушивался к чужому мнению. Он стал мягче, спокойнее, добрее к людям.

По письмам Сергея Павловича к Нине Ивановне видно, что он начал задумываться над проблемами, которые она не раз обозначала перед ним, но которыми заниматься он не мог, потому что все они казались ему второстепенными и не срочными. Королев всегда был человеком, который, стремясь к выбранной цели, несся к ней, сокрушая все на своем пути и ни на секунду не спуская с нее глаз. И теперь он не остановился, движение его было столь же стремительным, но он начал оглядываться вокруг и замечать то, что он раньше не замечал, а точнее – не позволял себе замечать. Открылись вдруг простые истины: кроме полигонов существуют люди, кроме космоса – земля.

«Ты во многом, очень многом права в своей оценке нашей безудержной работы, – пишет Сергей Павлович жене в конце 1962 года. – Дальше так нельзя, и добром такая работа ни для кого из нас не окончится. Все это крайне тяжело отражается и на личной жизни. Вернее, – ее нет! Я постараюсь изменить это положение, как уже очень многое мы с тобой меняли в нашей жизни. Я не обещаю, что это будет очень резко и быстро, и много, но это будет сделано.

Что я хочу сделать?

– Хочу работать в *основном*[216] нормально, т.е. часов до 7-8 вечера (а то и меньше) и лишь *изредка* позже. Т.е. хочу иметь время для нас с тобой и сохранить силы.

– Не хочу работать в праздники.

– Будем 2-3 раза в год хоть неподолгу, но отдыхать.

– Первый отдых попробуем на 8-10 дней в этом январе.

– Хочу хорошенько заняться нашим домом, тебе в помощь,

прежде всего

– Попробую по всем линиям (не хочу писать подробнее).

Таковы мои планы по работе, чтобы наладить получше нашу жизнь, чего ты справедливо хочешь и чего хочу я.

– Хочу еще немного хотя бы (в основном дома) заняться научными трудами: много есть мыслей и не хотелось бы их потерять».

Тогда, в январе 1963 года, ему, как он обещал, удалось вырваться на несколько дней в подмосковный санаторий. Видно, совсем невмоготу было, если даже Тихонравов пометил в своем дневнике 11 января 1963 года: «СП говорит, что плохо себя чувствует». Ну, а дальше? 23 января он уже снова в ОКБ, в феврале – на космодроме: «В больших довольно дозах принимаю валидол». 25 февраля проводит большое совещание в Подлипках, готовит выставку приборов, пробивает академический журнал по космонавтике. 5, 6 и 7 марта – серия совещаний по реконструкции всего ОКБ: «надо пересаживаться утверждает первые, прикидочные чертежи нового космического корабля „Союз“. И опять космодром. Вот вам и „новая жизнь“. Ровно через три месяца после своего „программного“ письма Сергей Павлович снова пишет Нине Ивановне с Байконура: „Ты знаешь, я по натуре большой оптимист всегда и во всем. И сейчас мне все еще верится, что как-то немного легче будет жить, будет больше времени, появится больше сил и все будет лучше“.

Два неудачных пуска «Луны» и «Венеры» очень огорчают «большого оптимиста». Доклад Хрущеву. Объяснения. 17 апреля заболел. 20-го – уже в ОКБ, 22-го – в Тюратаме, 28-го – делает доклад у Келдыша в Отделении прикладной математики, в начале мая – опять Тюратам. Он искренне хочет остановить этот бешеный бег времени, но не может. Снова пишет, уже в сентябре: «Как жаль, что мы так мало хорошего с тобой видим и берем в жизни. Это, конечно, я все и во всем виноват. В погоне за своими „достижениями“ не вижу и не слышу света и голоса окружающей нас с тобой жизни...»

Это выдержки из нескольких писем 1964 года. А можно взять 62-й или 65-й, какая разница?..

Неужели он не понимал, что, увы, ничего у него с этими новыми планами не выйдет, что, если он начнет жить по-другому, это будет уже не он, а другой человек, что если остановится на бегу, то перестанет существовать, ибо масса его покоя, как у нейтрино, равняется нулю? Никогда бы ничего Королев и не сделал, живи он иначе, без этой святой «погони за достижениями». Да, он искренен, когда пишет, что хочет жить иначе, но не понимает, что это не зависит от его воли. Таким, как

он, люди обычные часто задают вечный вопрос: «А что, тебе больше всех нужно?» А, действительно, что, Королеву больше всех было нужно запустить спутник, отправить ракету на Луну, послать в космос Гагарина? Да! Именно так! Ему это нужно было больше всех! Потому что всякий истинно талантливый человек – пленник своего таланта. Талант, а не сам он распоряжается его жизнью, трудом, досугом, домом, его праздниками, друзьями, даже сном. Человек не в состоянии освободиться от постоянного чувства предначертанности своей судьбы, обязанности перед своим даром, которое неразрывно срослось с его «я которое, собственно, и составляет это „я“. Можно (и нужно!) завидовать яркой судьбе этого великого первопроходца. Но ведь можно и пожалеть его! Получая недоступные нам радости, он лишался радостей доступных, а ведь и они – тоже истинные радости.

У него не было друзей, ибо он всегда был больше предан идеям, нежели людям. Были преданные единомышленники. В молодости – Сергей Люшин, Петр Флеров. В зрелые годы – Василий Мишин, Николай Пилюгин. А друзей не было. С сотнями людей я встречался и говорил, но ни один не мог мне сказать: «Я был близким другом Сергея Павловича...»

Может быть, это объяснение покажется надуманным, но друзей у Королева не было еще и потому, мне кажется, что люди, которые не интересовались его делом, не могли быть ему интересны, а дружба с людьми из своего круга страшила его усложнениями деловых взаимоотношений: друзьям труднее приказывать. Он жертвовал дружбой ради Дела. Ну а потом, настоящие друзья требуют времени. А времени у Королева и в молодости, и в зрелые годы всегда в обрез.

Не было и того круга людей, которые образуют какую-то общность «друзей дома кто чаще других присутствует на разных семейных торжествах. Можно разве что назвать семьи сестер Нины Ивановны, Германа Яковлевича Семенова, который работал на опытном заводе в Подлипках, а потом, как я уже рассказывал, был на несколько лет „сослан“ Королевым в Днепропетровск. Но Герман – это не друг, а родственник: он был женат на старшей сестре Нины – Александре Ивановне.

Когда уже после смерти Сергея Павловича в останкинский дом приезжали кинодокументалисты, они спрашивали Нину Ивановну:

– Ну, а в этой столовой собирались ученые, конструкторы, спорили? Келдыш здесь часто бывал?

– Нет, не собирались, не спорили, – грустно вздохнула Нина Ивановна.

Можно по пальцам перечесть гостей, которых запомнил этот

дом за те шесть с небольшим лет, что прожил в нем Королев.

Келдыш был однажды. Приезжал министр здравоохранения Курашов и хирург Вишневский с женами. Вот тогда был и Келдыш, один, без жены.

Чаще других бывал в доме Гагарин. Иногда он приезжал с Титовым, Николаевым, Поповичем. Еще не летавшие космонавты в доме Королева не бывали. Первую ночь после смерти Сергея Павловича Гагарин ночевал на одном раскладном диване вместе с Германом Семеновым. Почти всегда космонавты приходили без жен. Даже Валя Гагарина, к которой Сергей Павлович относился с подчеркнутым уважением, редко приезжала с Юрой. В доме бывали, но тоже очень редко: Мишин, Тихонравов, Черток, Бушуев, Охапкин. Несколько сотрудников ОКБ приезжали, когда Королев болел, привозили на подпись бумаги. Чаще других бывал Константин Иванович Трунов, который знал Королева еще в Казани. Иногда появлялись случайные гости. Павел Алексеевич Курочкин, генерал, впервые обнаруживший в Польше осколки Фау-2. Или Борис Евгеньевич Патон из Киева.

Всем запомнился последний день рождения Сергея Павловича в останкинском доме в январе 1965 года. Он сам вдруг стал звонить по телефону, приглашать. Сергея Николаевича Люшина звонок очень удивил: они не виделись лет пятнадцать.

– Серега, ты знаешь, я пришел домой и узнал, что сегодня день моего рождения. Приезжай, пожалуйста...

– А как к тебе добираться?

– Сейчас позову Нину, она тебе расскажет, сам я не знаю...

Через пять лет Сергей Николаевич рассказывал мне об этом вечере: «Я вошел и несколько оторопел: почти все присутствующие были с Золотыми Звездами на груди. Но Королев, взяв меня под руку, ввел в столовую так, будто всех этих людей он собрал только ради того, чтобы познакомить их со мной...» В тот вечер в доме было действительно много народу: стульев не хватало, принесли скамейки. Были и свои – «подлипкинские» и космонавты, Николай Дмитриевич Кузнецов из Куйбышева – двигателист, глава могучей фирмы, с которой Королев связывал большие надежды на будущее...

Сергей Павлович был необыкновенно весел, улыбчив, приветлив со всеми, вспоминал разные истории.

Вечер этот, может быть, потому и запомнился многим, что был он исключением из общих правил жизни Главного конструктора.

Королев не умел отдыхать. Как танк, созданный для боя, неуклюж на пахоте, так и Королев. На отдыхе чувствовал себя не в своей родной стихии. Приходилось читать, что Главный

конструктор работал без устали, без выходных, годами не бывая в отпуске. Это неверно. Работал много, часто без выходных, но в отпуске бывал регулярно, за редким исключением почти каждый год: я смотрел его курортные книжки, сохраненные Ниной Ивановной.

И все-таки Королев не умел отдыхать. Часто тяготился отдыхом. На юге, в каком-нибудь санатории он поначалу исправно ходил на все процедуры, гулял с Ниной, вечерами смотрели кино, даже на танцплощадке они появлялись, но при всем при этом в подсознании он работал. Уже через несколько дней начинались телефонные звонки в Москву, из Москвы. Случалось, что рядом отдыхали опять же «свои» – Козлов, Бушуев, Ключарев, Ивановский. Не говорить с ними о делах он не мог. Но если даже и не говорил...

Чрезвычайно характерную деталь приводит в своих воспоминаниях Олег Генрихович Ивановский. Вместе с Королевым летом 1963 года он оказался на Кавказе. На пляже Олег игриво сказал Главному:

– Сергей Павлович, а между прочим, сегодня в парке – лекция: «Достижения СССР в освоении космического пространства». Читает не кто-нибудь, а кандидат наук, член Общества по распространению политических и научных знаний из Москвы...

Королев мгновенно встрепенулся:

– Непременно надо сходить!

И он пошел, и слушал очень внимательно...

Что мог нового сказать ЕМУ столичный лектор? Но лектор этот (знал ли он, кому рассказывает?!) вернул Сергея Павловича в желанный мир его трудов и грез.

В редкие праздные воскресные дни Нине Ивановне иногда удавалось вытащить его на природу.

– Помню, однажды небольшой компанией мы уехали на машине за город, – вспоминает она, – очень долго выбирали местечко, где бы нам остановиться: то место некрасивое, то народу много. Наконец, Сережа нашел полянку.

– Тут, – говорит. – Замечательное место!

И улегся где-то в тенечке на раскладушке, а мы сели, начали в карты играть. Потом чувствуем, что-то под нами мокреет. Оглянулись, а мы сидим на болоте. Сережа спал...

Когда я просил Сергея Павловича рассказать мне о себе, он начинал объяснять, как он занят, и улетать надо, и вообще... В следующий раз как-нибудь... Забыв о том, что он вырос в Одессе, я однажды предложил:

– Поедемте за грибами. Будем собирать грибы и вспоминать

вашу жизнь...

– За грибами? Собирать грибы? – переспросил он с какой-то ироничной задумчивостью и разговор этот не продолжал. Я понял, что дело не только в том, что он, как каждый южанин, ничего в грибах не понимает и не может любить грибную охоту, но и в том, что у него есть свои, на первый взгляд простые вопросы, даже для него неразрешимые.

Когда в воскресенье Сергей Павлович не уезжал на работу и оставался дома, он был очень непохож на Королева, всем известного. Он долго спал, неохотно вставал, медленно завтракал, снова ложился. Набирал в постель целую кипу газет и журналов, но быстро засыпал. При этом не любил оставаться дома один: должен был знать, что Нина в доме.

– Однажды я собралась к сестре, – рассказывала Нина Ивановна. – Дело было в воскресенье. Сережа говорит:

– Я отдохну: устал что-то, а ты поезжай... Только аппарат телефонный поставь мне рядом...

Я уехала. Приезжаю, мне сообщают: «Сережа звонил». Позвонила ему. Он говорит:

– Ну что же ты уехала, бросила меня...

– Хочешь, я вернусь?

– Нет, не надо. Я спать буду... Через двадцать минут звонок:

– Это я. А что вы там делаете?

Я не выдержала и вернулась. Он спал...

Но чаще всего он не знал никакого различия между праздниками и буднями. Праздники даже раздражали его. Помните, как помешал ему Первомай 1953 года продолжить испытания ракеты Р-5? То же часто было и на Байконуре. Астрономически выверенный старт неудачной (как вскоре выяснилось) «Луны-4» требовал заправки ракеты 31 декабря 1962 года. Королев искренне не понимал и раздражался, когда ему говорили, что обидно работать в новогоднюю ночь. Какая разница?! Присутствия Главного вовсе не требовалось, но Сергей Павлович встретил Новый год на стартовой площадке. Наверное, здесь ему было интереснее, чем за праздничным столом с генералами...

Для «украшательства образа» о Королеве писали, что он любил работать в саду, возиться с цветами. Это уже стало стереотипом: и в книгах, и в фильмах положительный герой обязательно что-то сажает, окучивает, опершись на лопату, с мудрой улыбкой смотрит на младую поросль. Так вот, Королев любил цветы – сирень, розы, гвоздику, но в саду работать не любил и цветами не занимался.

Кроме творческой биографии К.Э. Циолковского, о которой

уже шла речь, Королев мечтал написать книгу воспоминаний.

– Я напишу! – говорил он. – Надо, надо написать!

Но и этого он тоже не мог себе позволить.

Входя в избранный круг научно-технической элиты страны, был ли Королев богат? Не был. Он получал много денег, но богатым человеком Королев не был. До осенней денежной реформы 1960 года все его доходы, включая и «академические составляли 15 тысяч рублей в месяц. Позднее – соответственно 1500 рублей. В доме Королева – в этом может убедиться любой посетитель мемориального музея – есть хорошие вещи, но назвать дом богатым нельзя. И телевизор был, и магнитофон, но обычные, магазинные, хотя, конечно, он мог себе позволить японскую или немецкую дорогую технику. Из Ленинграда Сергей Павлович однажды привез картину: опушка леса. Почему она ему понравилась – неизвестно. Купил. Дома жене рассказывает:

– Представляешь! Пока они там спорили: Клодт это или не Клодт, я ее купил по дешевке...

В день рождения сослуживцы подарили ему его портрет, инкрустированный из кусочков дерева. Портрет Сергею Павловичу понравился. Он разыскал автора – художницу Ингу Сергеевну Сущинину и заказал ей такой же портрет Нины. Заплатил по современным ценам что-то около двухсот рублей и радостно поставил портрет в своем домашнем кабинете.

Он никогда не «вкладывал деньги» в произведения искусства. Понравился пейзаж – купил, понравился портрет – заказал. Он получал (или не получал) удовольствие от вещей вне зависимости от их цены. Ничего не собирал, не коллекционировал. Мебель в доме была хорошая, но не антикварная. Посуда красивая, но не драгоценная. Библиотека большая, но не редкая. Неверно было бы сказать, что он относился к деньгам совершенно равнодушно. Нет, это не так. Но он относился к ним спокойно. Где-то, кажется у Хемингуэя, есть: постель должна быть мягкой, фуфайка теплой...

Так он и жил.

Впрочем, была у Королева одна действительно дорогая вещь. Из Германии он привез двухстволку «Зауэр-три кольца» – настоящие охотники знают, что это такое. Но на охоту Сергей Павлович так и не собрался и о двухстволке забыл.

– Ружье лежало в сундуке совершенно беспризорное, – вспоминала Нина Ивановна, – смазка в нем затвердела. Я отдала его знающему человеку. Он его вычистил, смазал, говорит мне: «Ему цены нет, этому ружью...» А потом Сережа подарил двухстволку хирургу Вишневскому.

«Королева многие считали очень богатым человеком, –

рассказывает Нина Ивановна. – Мария Николаевна однажды спросила у него: „Сережа, у тебя открытый счет?“ Он улыбнулся и говорит: „Да, мама. А сколько тебе надо?“ – „Шестнадцать рублей“. Он поморщился: ведь он давал матери каждый месяц 250 рублей[217].

Помню, он получил премию – пять тысяч рублей – и говорит:

– А куплю-ка я тебе шубу норковую!

Я его отговаривала, но он купил. Другой раз подарил мне заграничный киноаппарат. Он стоил 800 рублей. Потом я случайно узнаю, что деньги на этот аппарат он занял и потихоньку выплачивает...

Останкинским домом Сергей Павлович был награжден правительством. Но забыли внести какой-то пункт в постановление, и мы платили довольно большие деньги за дом и за участок земли, на котором дом стоит. Сережа часто одалживал людям деньги, а то и просто давал. Приходит, помню, однажды и говорит: «Солдатика тут привез с полигона. На работу к нам устраивается. Нет у него ничего. Я дал ему...» Какая-то давняя его пассия, певица из Пскова, прислала письмо, просила «взаймы» денег на концертное платье. Он послал 300 рублей. Одна из первых фотографий Сережи 1907 года – ему и годика нет – на руках у няни. Варвары Ивановны Марченко, молоденькой деревенской девушки. Вдруг объявился ее брат: «Надо бы денег на оградку варвариной могилки...» Опять послал. Не помню точно, но какие-то деньги он давал на памятник Цандеру в Кисловодске... Деньги мы все тратили. После смерти Сергея Павловича у него на сберегательной книжке было 16 рублей 24 копейки...»

Королев не следил за модой, к одежде был довольно равнодушен. Ни разу не видел его в галстуке. Да и мало кто видел: он одевал галстук лишь при крайней необходимости, в случае высочайшего официоза. Однажды Нина Ивановна купила ему несколько мягоньких серенькых рубашек, которые носят без галстуков. Он их полюбил и очень долго носил, пока не протерлись воротнички. Больше такие рубашки не продавались. Нина Ивановна перелицевала на одной воротничок...

Я увидел первый раз Королева летом 1961 года и хорошо помню, как он был одет. Легкая рубашка на «молнии» с короткими рукавами была заправлена в светлые бумажные брюки. Если не ошибаюсь, это были брюки китайской фирмы «Дружба очень хорошие для лета, которые тогда все носили. Дешевле брюк, насколько я помню, не продавалось. Обут он был в коричневые летние туфли с дырочками – в этих туфлях и фотографировался с космонавтами на Явейной даче.

Сергей Павлович очень не любил менять свои туалеты: если начинал носить костюм, то заставить его переодеться было трудно.

– Возьми другой костюм, я этот поглажу, – говорила Нина Ивановна.

– Да нет, я в этом пойду…

Он считал «счастливым» тяжелое пальто из дорогого драпа: с ним были связаны удачные старты. Королев вообще, как и многие другие ракетчики и авиаторы, был не лишен суеверий, без улыбок относился к приметам – например, считал, что разбить зеркало – к несчастью. Обрадовался, найдя однажды подкову, и с удовольствием приколотил ее к дереву у останкинского дома. У него был своеобразный талисман: две копеечные монетки, которые он всегда носил с собой. 5 января 1966 года, уезжая из дома последний раз, долго искал в пиджаке эти копеечки, выворачивал карманы, не нашел и очень расстроился.

Так же как не замечал он вещей или одежды, был Королев абсолютно неприхотчив и в еде. «Обедал Сергей Павлович очень быстро, на скорую руку, – вспоминала Антонина Алексеевна Злотникова – секретарь в приемной Главного конструктора с 1947 по 1966 год. – Вечером, часов в девять, пил чай с лимоном.

И бутерброд: черный хлеб с толстым куском вареной колбасы, которую он, смеясь, называл «собачьей радостью».

Из писем с Кап.Яра и Тюратама видно, что просил он прислать что-нибудь вкусненькое только тогда, когда дело было уж совсем труба – просто нечего есть. В эти дни он просил в столовой приготовить хорошо известный по военным годам суп «кондёр» – похлебку из желтого пшена, приправленную мясом. Домашний его стол был самым простым. Нина Ивановна затруднилась назвать его любимые блюда. Он просил иногда сварить ему пшенную кашу на воде, но со шкварками. Очень ценил кулинарные таланты своей тещи Серафимы Ивановны[218], всегда нахваливал ее голубцы под сметаной. А в общем, как говорится, ел что дают.

Уже рассказывалось о своеобразном отношении Сергея Павловича к алкоголю. Он не был ни его воинствующим противником, ни убежденным поклонником. Просто мало об этом думал. Мне кажется, что алкоголь занимал в его жизни то место, которое он и должен занимать в жизни каждого мужчины. Избегал, а часто и пресекал полигонные холостяцкие пирушки, никогда не пил «от усталости», «чтобы разрядиться». Не «пропускал рюмку» перед обедом.

Никогда не пил с «нужными» людьми, которых надо в чем-то убедить, что-то с их помощью пробить и т.п. Короче, никогда не

подмешивал в водку дела. Королев считал, что ни те, кто стоит над ним, ни те, кто под ним, видеть его пьяным не должны. Тем более, что пьянел он быстро и «размякал», становился словоохотливым, добрым, подчас сентиментальным. А для него все это считалось проявлением слабости. Поэтому даже в великие минуты торжества на кремлевских приемах, когда должно было расслабиться, Келдыш мог позволить себе лишнюю стопку водки, а Королев – нет.

Вместе с тем Королев не был бы Королевым, если бы и в этом вопросе был однозначен. Антонина Алексеевна Злотникова вспоминала, что в последние годы после какого-нибудь успешного старта Королев иногда просил ее организовать маленький банкет. К столу приходил последним, наливал себе рюмку коньяка, всех поздравлял, выпивал коньяк, рюмку бил об пол и быстро уходил.

Как и во многом другом, Королев и в застольях тоже был практически непредсказуем. Евгений Александрович Фролов рассказывал, что однажды на космодроме он вместе с одним из ведущих королевских испытателей Аркадием Осташовым прогуливался вдоль бетонки «площадки № 2» когда им повстречался «СП». Главный был в удивительно благодушном настроении. Кратко поинтересовавшись делами, он, к их величайшему удивлению, пригласил их к 20.00 в гости и предложил свою машину, чтобы они до этого смогли съездить искупаться. «А я пока немного поработаю – добавил Королев.

Машину они взяли, но поехали не на Сырдарью и не на пруды у кислородного завода, а в магазин. Купили какую-то нехитрую закуску, большой пакет черешни и четыре бутылки коньяка. В тот вечер они втроем выпили все эти бутылки и неизвестно откуда взявшуюся бутылку «Рижского бальзама» (Королев протестовал, что они пьют его, словно воду, а не капают для аромата, как положено). Сергей Павлович заводил пластинки Чайковского, Моцарта, читал наизусть Пушкина и Лермонтова и прочел одно свое стихотворение, которое он сам написал, когда поспорил с Бушуевым, кто из них лучше пишет стихи. После этого, расчувствовавшись, Сергей Павлович достал еще одну «заветную» бутылку дорогого коньяка, которую они тоже выпили. По словам Фролова, Королев совершенно не был пьян. Разошлись они около четырех часов утра, и на прощанье Главный предупредил, что в восемь они должны быть на работе, так как «могут понадобиться»...

Вот вам и «правила»! Исключения, конечно, были...

Я наблюдал Королева за столом один раз на банкете в останкинском ресторане «Звездный» в честь 50-летия Б.В.

Раушенбаха Сергей Павлович был оживлен, даже весел, пил очень мало. Я подарил Борису Викторовичу тайком сделанную в типографии «Правды» газетную полосу, в которой его отправляли в космос. Это была довольно острая и смешная пародия на обычные помпезные сообщения о космических стартах тех лет. Сергей Павлович смеялся до слез, подозвал меня и спросил доверительно:

– Мне примерно через год исполнится шестьдесят… Можете сделать мне такую страницу?

– Обещаю, что целый газетный номер сделаем…

– Тогда давайте с вами выпьем, – и он налил мне и себе по маленькой рюмочке коньяка «Камю».

Обещания я не выполнил: Сергей Павлович не дожил до своего шестидесятилетия…

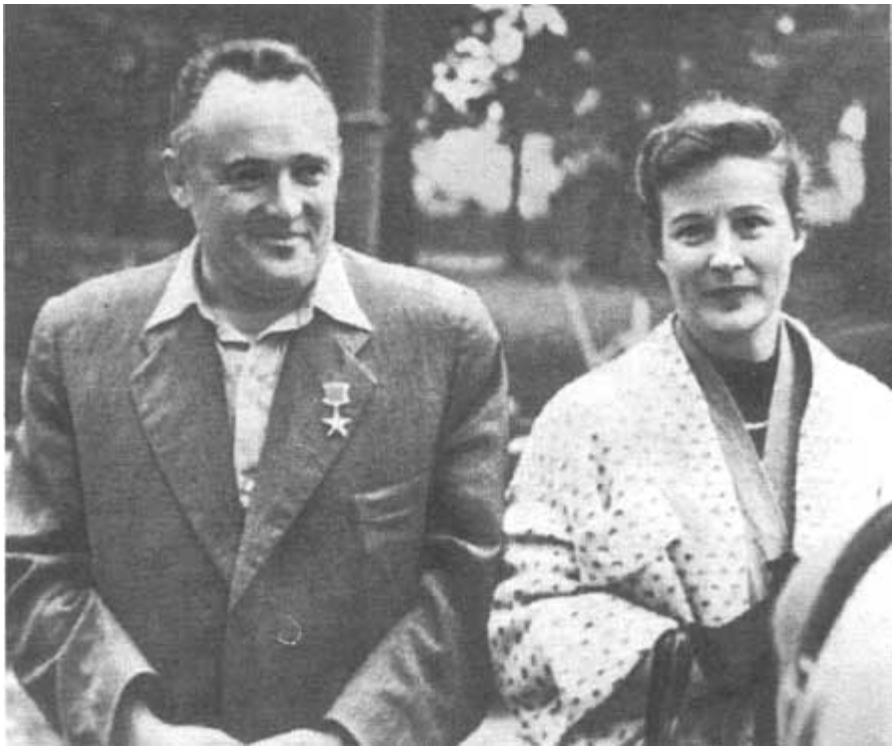
О Королеве писали многие. Известны книги Ольги Апенченко, Александра Романова, Петра Асташенкова, Александра Старостина, Сергея Плачинды, Георгия Ветрова, отличное эссе Марка Галлая, о котором уже говорилось. Вышел целый том» творческий портрет С.П. Королева по воспоминаниям современников[219]. И будут о нем писать еще много, ибо личности такого масштаба всегда интересовали и будут интересовать людей. Очень трудно рисовать постоянно меняющийся портрет этого человека: гневливого и доброго, сурового и нежного, резкого и деликатного, бесхитростного и расчетливого, сухого реалиста и пылкого романтика. И еще труднее увидеть, как сдвигался этот характер то к одному, то к другому из этих полюсов, как трансформировался он во времени. И задача будущих биографов этого уникального человека будет заключаться, как мне кажется, не столько в отыскании новых фактов его жизни, сколько в умении передать неподвижными буквами вечное движение его души.

Дом С.П. Королева в Москве

Уголок кабинета в доме С.П. Королева в Москве

Рабочий стол в домашнем кабинете С.П. Королева

С.П. Королев с женой в Калуге. Сентябрь 1957 г.



В театре

Будем заботиться больше о своих обязанностях, чем о своей безопасности.

Лев Толстой

Непременное правило для всякого нового космического старта, которое все время и везде подчеркивал Королев– каждый последующий полет должен быть сложнее предыдущего. После приземления Титова была пересмотрена вся программа тренировок вестибулярного аппарата. Но то, что к концу полета Герман чувствовал себя хорошо, вселяло надежду, что и многосуточный полет может пройти успешно.

Задумывался полет двух кораблей на четверо суток. Космонавтом-3 был объявлен Андриян Николаев. Этот очень спокойный и дисциплинированный 32-летний чуваш обладал завидным здоровьем и большой выносливостью. «Мы говорили, что Николаев готов для полета к Марсу – такой он был здоровый – вспоминал Владимир Иванович Яздовский. Андриян подтвердил эту оценку и в 1962-м, и в 1970 году, когда он совершил вместе с Виталием Севастьяновым рекордный по продолжительности 18-суточный космический полет в тесном пространстве космического корабля „Союз-9“. Николаева нельзя было назвать шустрым. Напротив, его отличала даже некоторая медлительность, которая, людям мало его знающим, казалось, шла от нерасторопности, а на самом деле была лишь внешним отражением внимательной основательности во всем, что он делал. Совершенно невозможно себе представить, чтобы Андриян, скажем, бросился что-то исправлять „очертя голову“. Это было не в его характере. Подумать, оглядеться, спокойно оценить все обстоятельства и действовать – вот это Николаев. Он выглядел старше своих лет, и, когда я говорил с ним, мне иногда казалось, что он прошел войну – всю, от начала до конца: влез в окоп в 41-м и вылез уже во дворе рейхсканцелярии...

В напарники к Николаеву сначала планировался тоже очень крепкий, хотя с виду хрупкий, легонький (63 килограмма) Валерий Быковский, но он все время попадал в какие-то истории, его то вводили в «шестерку», то выводили – короче, четвертым космонавтом назначили Павла Поповича.

Энергичный и веселый украинец был на год младше Николаева и послабее физически. Он придумал себе обаятельный

образ: сама открытость, добряк, весельчак – как говорится, «запевала», при этом был потаенно дальновиден, расчетлив и совсем не так примитивен, как могло показаться с первого взгляда. Итак, Быковский стал дублером Николаева, а Владимир Комаров – дублером Поповича. Получалось, что после двух русских космонавтов теперь летели «представители братских народов», что, конечно, не преминули обыграть журналисты.

Оба старта 11 и 12 июля 1962 года прошли без особых замечаний. Космонавты быстро установили между собой двухстороннюю радиосвязь, о чем радио и газеты сообщили с непонятным восторгом. Ни у кого из специалистов не было сомнений, что коль скоро осуществима радиосвязь космического корабля с Землей, то вряд ли можно сомневаться в установлении ее и между двумя кораблями в пределах радиовидимости. Всех интересовало, сумеют ли разглядеть друг друга космонавты во время полета. Параметры их орбит были очень близки, но скорость корабля Поповича была на 360 километров в час больше, чем корабля Николаева. Огромная на Земле, в космосе эта разница была ничтожна: Попович облетал вокруг планеты только на три с половиной секунды быстрее Николаева. Но и такая маленькая разница неизбежно должна была привести к тому, что корабли разойдутся: Попович уйдет вперед. Однако, прежде чем это произошло, корабли летели какое-то время по космическим меркам рядом и видеть они друг друга могли. Николаев пишет в 1966 году: «Паша глазастее – он первым произнес долгожданное:

– Вижу тебя, «Сокол»! Вижу!

Меня он заметил раньше, видимо, еще и потому, что мой корабль окрасили лучи восходящего солнца.

Потом и я Павла увидел. Был момент, когда мы сблизились почти на шестикилометровое расстояние».

Попович подтверждает в книге, изданной в 1974 году: «Я первый заметил Андрияна. Его корабль, выходивший из тени, вдруг осветило солнце, и он показался звездой. Мы сблизились. Расстояние между нами было всего около пяти километров». В другой своей книге, изданной в 1985 году, Попович называет другую цифру: «Расстояние между нами было около шести с половиной километров».

Дело, конечно, не в расстоянии: плюс-минус километр ничего не решает. Разглядеть друг друга они могли, и очень хочется верить, что разглядели. Но в поисках истины, сильно припорошенной в то время «для красоты» разными «эффектными» деталями, настораживает другое. Почему в официальных сообщениях ТАСС нигде не названо минимальное расстояние между кораблями, а упомянуто только то, что это было «близкое

расстояние»? Ведь баллистикам ничего не стоило его подсчитать. Почему ни во время беседы с Н. С. Хрущевым по радиотелефону, ни во время встречи с журналистами в районе приземления, ни на первой пресс-конференции на волжской даче космонавты не упоминают о том, что они видели друг друга? Ведь это такая яркая, а главное – всем понятная деталь, лучше всяких цифр рассказывающая о совместном полете. Только на московской большой пресс-конференции в актовом зале Университета Попович сказал мельком, что он «наблюдал корабль „Восток-3“, который представлял собой что-то вроде маленькой Луны». (А в книге не «луна», а «звезда») Николаев и в МГУ ничего не сказал о том, что он видел «Восток-4».

В групповом полете двух «Востоков» есть и еще одна любопытная деталь. Поскольку никто не мог гарантировать, что космонавты со временем адаптируются к невесомости, Королев предупредил:

– Если будет совсем плохо, вы скажите какую-нибудь условную фразу, ну, скажем, «вижу грозу над Африкой», и мы посадим корабль.

По плану Николаев должен был сесть 15 августа, а Попович – 16 августа. Однако Попович, пролетая вовсе не над Африкой, а над Мексиканским заливом, сообщил ЦУПу, что он видит грозу, после чего было принято решение о досрочной посадке «Востока-4». В официальных сообщениях об этом, разумеется, не было сказано.

Решение посадить корабли в один день сильно осложняло работу служб поиска космонавтов – ведь «Востоки» приземлились с интервалом всего в шесть минут. Но все прошло благополучно. Космонавты сели близко друг от друга южнее Караганды, оба были здоровы, бодры и жизнерадостны, все было отлично, и никому не хотелось вспоминать «грозу над Африкой».

Позднее Попович не отрицал, что договор с Королевым об условной фразе был и что о грозе он сообщил Земле, но вовсе не потому, что чувствовал себя плохо, а потому, что действительно видел тропическую грозу и просто поделился с Землей своими впечатлениями. Что же касается своего самочувствия, то Павел Романович оценил его не просто как хорошее, а как прекрасное.

Все это не имеет никакого принципиального значения. Докопаться до истины хочется не для торжества баллистических совершенств, а для того, чтобы оценить скорость проникновения пропагандистской лжи в души этих чистых и мужественных молодых ребят, динамику торжества принципа: вместо того, чтобы рассказывать о том, что было, говорить о том, что должно было быть, хотя бы его и не было. А правду как тут узнаешь:

видели командиры двух кораблей друг друга, хорошо ли чувствовал себя Попович, – как скажут, так и есть, поди проверь…

Главный итог для Королева: космонавты живы и здоровы, в космосе летать можно долго, техника выдержала очередной экзамен.

И снова Внуково, красная ковровая дорожка, счастливое лицо Хрущева, Мавзолей, на трибуне которого Никита Сергеевич расставил Гагарина и Титова по правую руку, а Николаева и Поповича – по левую. Короче – всенародное ликование.

Новый взрыв восторга в связи с достижением, действительно выдающимся, бесконечное количество статей и репортажей в газетах, журналах, по радио и телевидению, эффектные сравнения с полетами американцев[220] и та, воистину вселенская слава, которая окружала вчера еще безвестных летчиков, – все это, естественно, заставляло людей задавать вопросы: а кто же все это придумал и сделал? Ответов на эти вопросы не было. Космонавты благодарили Коммунистическую партию. Коммунистическая партия благодарила ученых, инженеров, техников и рабочих. Но кого конкретно? После полета Николаева и Поповича по московским редакциям пополз тайный слушок, что Главного Конструктора и Теоретика Космонавтики собираются рассекретить. Помню, я даже написал очерк о Келдыше, который провалялся в сейфе лет пятнадцать: никакого рассекречивания тогда не состоялось. Ни тогда, ни потом. Шофер Александр Леонидович Репин очень переживал, что его Главного никто не знает, и спросил однажды у Сергея Павловича, когда его «откроют», когда люди о нем узнают?

– Вот умру, и сразу все узнают! – ответил Королев с какой-то веселой удалью.

Он угадал точно: только смерть, которая никому не подчиняется, рассекретила его…

Да, Королев ответил весело, но весело ли ему было? Как сам Сергей Павлович относился к своему потаенному положению? Бесфамильность эта тяготила его. Все понимали, что триумф молодых летчиков не соответствует их личным вкладам в космонавтику, а точнее, – несоизмерим с вкладом ее подлинных творцов. Да и сами космонавты, и в первую очередь Юрий Гагарин, тоже это понимали. В замалчивании имени Королева была некая высшая несправедливость. И она, конечно, уязвляла Сергея Павловича. Но он, за редчайшим исключением, никому об этом не говорил. Наоборот, если и заходил об этом разговор, утверждал, что так, мол, жить спокойнее. Здесь он, я убежден, лукавил. Но если копнуть поглубже, то и тут столкнемся мы с еще одним проявлением постоянной противоречивости этого

удивительного человека.

Занимаясь всю жизнь оборонной техникой, Королев относился к секретности как к должному, необходимому и справедливому. Всегда соблюдал все правила режима, никогда не приносил домой секретных бумаг, не вел дневников, не записывал, что не положено, в записных книжках. Так было в годы работы в РНИИ, так было на ракетных полигонах, так осталось и в космонавтике. В своих воспоминаниях[221] сын Хрущева Сергей пишет: «Покров таинственности вокруг самолетов, ракет, танков отец считал в значительной степени надуманным». Ему, конечно, виднее, но мне трудно согласиться с этим утверждением. Хрущев сам был великий секретчик. Некоторые важные государственные бумаги по его требованию составлялись в единственном экземпляре, что, по мнению Никиты Сергеевича, гарантировало тайну. Он всячески поощрял и укреплял секретность, окружавшую ракетную технику и космонавтику. Счастливые военные атташе радостно фотографировали на парадах гигантские трехступенчатые межконтинентальные ракеты «713», не зная, что это – чистая бутафория: они не то чтобы были сняты с вооружения, они никогда не были приняты на вооружение! С ведома Хрущева все было окутано мраком. Помню, когда «Известия» опубликовали на первой полосе «старт космического корабля», это было настоящей сенсацией. На снимке из густых черных клубов дыма торчал какой-то огурец. Позднее эту картинку поместил справочник «Астрономия и космонавтика», вышедший в Киеве в 1967 году. Тут же получился полный конфуз: на том же развороте рядом с «огурцом» был помещен кинокадр, сделанный в МИКе, на котором был реальный «Восток» под обтекателем. Глядя на обе картинки, даже самый ненаблюдательный читатель не мог не заметить, что между ними нет решительно ничего общего. Но это было уже в 1967 году, а тогда «огурец» прославил «Известия». До сих пор не знаю, что это за снимок, потому что мне неизвестна ни одна советская ракета того времени с головной частью подобной формы. Скорее всего, ракету эту создали не королевские конструкторы, а аджубеевские ретушеры. В журналистских кругах ходил нелепый слух, что, используя свое положение,[222] главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей добыл якобы этот снимок из сейфа Родиона Яковлевича Малиновского, министра обороны СССР. В изданной в 1961 году издательством «Правда» книге «Утро космической эры», по объему своему превосходящей Библию, соседствовали три снимка, якобы рассказывающие о ракете Гагарина: огненный хвост ракеты Р-1, последняя ступень ракеты Р-7 и старт ракеты Р-5.

Все эти выкрутасы секретности Королева, насколько мне известно, не возмущали, активной войны с космической цензурой он не вел.

Еще в 1944 году, когда ни о какой космонавтике и слуху не было, один из умнейших людей нашего времени Петр Леонидович Капица писал: «Воображать, что по засекреченным тропам можно обогнать, – это не настоящая сила. Если мы выберем этот путь секретного продвижения, у нас никогда не будет веры в свою мощь и других мы не сумеем убедить в ней».

Но именно этот путь мы выбрали в космонавтике. Во времена Королева всем, и ему в том числе, наивно казалось, что секретить надо потому, что мы – впереди, что секретность нужна, чтобы нас не обогнали. А потом, когда нас обогнали, мы секретили для того, чтобы никто не узнал, что нас обогнали.

Но, справедливости ради, надо сказать, что, начав осуществление программы мирного освоения космоса, сразу от секретности отказаться было трудно. Первая наша «космическая» ракета несколько лет еще находилась на вооружении, поскольку была единственной тогда ракетой глобального радиуса действия. Переход от необходимой военной тайны и столь же необходимой научной открытости уродливо затянулся и начал осуществляться лишь в конце 80-х годов, хотя мог начаться еще при жизни Сергея Павловича. И тут снова видим мы неразрывную связь Королева с эпохой. Он был и творцом, и продуктом своего времени.

Дела служебные никогда и никак. Даже в самом общем плане, не обсуждались и дома. Королев мог рассказывать жене о каких-то людях, коллизиях, спорах, но о Деле – не говорил. Конечно, Нина Ивановна знала, например, о том, что готовится полет человека в космос, но никакие детали этого полета ей не были известны. Думаю, что если бы дома у Королева стоял магнитофон, который записывал бы все семейные разговоры, то, прослушав пленку за много месяцев, затруднительно было бы сказать, где работает и чем занимается хозяин дома. Уже после полета «Востока», потребовав клятв и заверений в вечном молчании и десять раз оговорившись, какая это тайна, Сергей Павлович сказал жене, что ракета Гагарина – трехступенчатая. Нине Ивановне все это казалось скорее смешным, чем серьезным, и иногда она подшучивала над ним.

Приехавшая из Ташкента подруга рассказала ей, что на станции Тюратам она видела много военных и ей сказали, что там находится секретный ракетный полигон. Утром за завтраком Нина Ивановна напевала в кухне:

– Тюра-там, тюра-там…

Королев насторожился, «поднял уши», как сеттер при

камышовом шорохе.

– Сереженька, а правда, что в Тюратаме ракетный полигон? – спросила Нина невинным голосом так, словно интересовалась, на месте ли в Ленинграде Медный всадник.

– Кто тебе сказал? – быстро спросил он.

– Да все говорят...

– Нет, кто тебе сказал?

Он допытывался очень долго...

Но в его отношении к секретности, воспитанной в течение многих лет не только врожденной дисциплиной и стремлением к порядку, но и крепко внушенным сознанием коварного вражеского окружения и атмосферой всеобщей подозрительности, было и нечто другое: Королеву нравилась секретность. Опять видим мы противоречия великого характера. Да, секретность тяготила его. И тем не менее ему нравился весь этот ореол таинственной значимости, окружавший его дела и его имя, делавший его непохожим на других – избранным невидимкой. Проезжая в «Чайке» по улицам Москвы, он ощущал себя шахом, который переоделся дервишем и растворился в толпе сограждан. Читая выпуски «белого ТАСС»[223], в которых заказные обозреватели, называя Седова, Благонравова и даже Сисакяна, гадали, кто же из них таинственный «Главный Конструктор», он испытывал в большей степени не досаду и раздражение, а, скорее, сладкую истому и тайную радость от их неосведомленности. Наверное, он завидовал Курчатову, рядом с которым неотлучно находился его телохранитель Дмитрий Семенович Переверзев – «человек-тень».

Во время одной из встреч с Сергеем Павловичем я попросил его прочесть небольшое мое сочинение и высказать свое мнение. Он согласился.

– Куда вам привезти рукопись, – спросил я, – в Подлипки или домой? Мне домой удобнее, я живу рядом с вами...

– Да нет, домой не надо, – ответил Королев, помолчал и добавил, – тут такое дело было... Стреляли в меня...

– Как стреляли?! – я подскочил в кресле.

– В окно моего кабинета... Перед этим к дому подъехала машина и какие-то люди хотели пройти в дом: говорили, что они со студии документальных фильмов. Охрана их не пустила. Записали номер машины. Оказалось, что такого номера не существует... КГБ разбирается... Так что домой не надо, начнут к вам приставать: кто, да что...

Помню, я был поражен: надо же, в Королева стреляли!..

Уже после смерти Сергея Павловича я как-то рассказал об этой истории Нине Ивановне. Она рассмеялась:

– Ну, фантаст! Третий Стругацкий! Знаете, как было дело? Мальчишки из рогатки стреляли по окну спальни металлическим шариком, разбили только наружное стекло. Приезжали, действительно, из КГБ, исследовали этот шарик и установили, как и откуда им «стреляли», нашли еще несколько шариков около дома. Потом я позвала стекольщика, и на этом история «покушения» закончилась…

Ему хотелось, чтобы в него стреляли! Таинственные убийцы на таинственной машине, и стрельба, и баллистическая экспертиза КГБ – весь этот сплав былей, вымыслов и домыслов говорит о том, что какое-то, пусть во многом мальчишеское удовлетворение из своей «великой бесфамильности», он все-таки получал. Или, точнее, стремился получить.

Сказать, кому первому пришла мысль отправить женщину в космос, трудно: первые мысли редко оставляют документы. Николай Петрович Каманин приписывает эту честь себе. В дневнике от 22 октября 1961 года он пишет: «После полета Гагарина я уговорил маршала Вершинина, Королева и Келдыша дать согласие на набор небольшой группы женщин для подготовки к космическим полетам. Пока это дело продвигается с большим трудом… Королев категорически против, Келдыш – категорически против. Министр обороны Малиновский – категорически против… Вершинин меня поддержал, но говорит: „Что я сделаю, если все против! Ты сам знаешь, как начальство уговаривать!“

Тогда я предлагаю: «Разрешите, я поеду к Хрущеву!..»

Хрущев тут же позвонил Устинову, который курировал космические проблемы:

«Знаешь что? Есть такая идея: надо готовить к полету женщин. Нельзя допустить, чтобы американцы нас опередили. А они готовят. Тут у меня Каманин был, говорили на эту тему. Имей в виду, что и я поддерживаю эту идею!» И повесил трубку.

Не успел я приехать в Центр – звонят Устинов, Келдыш, Королев: «Давайте по этому вопросу собираться у Устинова!»

К тому времени я уже 400 женщин отобрал из аэроклубов на местах. Из них мы выбрали 30, а в Москве уже отобрали пять человек».

У меня несколько настороженное отношение к дневникам Каманина: дневники так не пишутся. Но тут – масса деталей, и все вроде было очень похоже на правду. Возможно, все так и было, только не очень ясно, почему именно в октябре 1961 года он об этом пишет. Все его мысли и помыслы были тогда сосредоточены на травме Гагарина в Форосе, которая помешала Юрию явиться 17 октября на открытие XXII съезда КПСС, что

вызвало гнев Хрущева. Ой, не до женщин было Николаю Петровичу 22 октября! В этот день Каманин не мог быть у Хрущева, и все эти телефонные перезвоны тоже вряд ли в этот день состоялись именно потому, что шел XXII съезд КПСС. И Хрущев, и Устинов, и Келдыш, и Королев были на съезде, и всем им было не до каманинских идей.

Мысль о полете женщины в космос возникла действительно сразу после полета Гагарина – тут Каманин прав, а к лету 1961 года идея эта уже вызрела. На воздушном празднике в Тушине 9 июля парашютистки уже шептались о том, что в отряд космонавтов будут приглашать женщин. Королев попросил Сергея Николаевича Анохина «инкогнито» провести его на праздник (штрих к разговору о секретности). Они гуляли по ангарам, вспоминали Коктебель, смотрели технику. Потом Анохин пошел на трибуну, где собиралась авиационная «элита», и Королев, несмотря на «инкогнито», пошел вместе с ним. Никто Сергея Павловича не узнал. Анохину показалось, что он расстроился.

– Покажи мне Шихину, – говорил Королев Анохину, – мне нужна хорошая летчица…

Анохин Шихину не нашел и показал на красавицу-гимнастку, которая делала какие-то головокружительные упражнения, подвешенная тросом к вертолету:

– Зачем летчица? А эта чем плоха?

– Это все меня не интересует, – ворчливо буркнул Королев…

У Каманина, который работал в ДОСААФ, сохранились хорошие связи, и он мог быстро наладить отбор. Впрочем, связи здесь и не требовались: работать» на космос» готовы были все – от министров до уборщиц в планетариях, настолько это считалось престижным и даже почетным. Опять-таки, чтобы не ворошить всю страну, решили ограничиться просмотром аэроклубов в Центральной России: Москва, Ярославль, Рязань, Горький. Посмотрели сборную по парашютному спорту.

Отбирали по многим критериям. В том числе и по фотографиям. Около 20 девушек проходили медкомиссию в Центральном авиационном госпитале. После тщательного отбора осталось пятеро:

Еркина[224] *Жанна Дмитриевна,*
Кузнецова[225] *Татьяна Дмитриевна,*
Пономарева Валентина Леонидовна,
Соловьева Ирина Баяновна,
Терешкова Валентина Владимировна.

Подобно тому, как из мужской «двадцатки» выделилась «шестерка» первых, девичья «пятерка» превратилась вскоре в «тройку»: Пономарева, Соловьева, Терешкова. Сравнить их было

трудно. У Соловьевой 900 парашютных прыжков, у Терешковой – 78, у Пономаревой – 10. Но Пономарева летчица, у нее 320 часов налета. Окончила МАИ, поступила в адъюнктуру Академии имени Жуковского. У Соловьевой тоже высшее образование: окончила строительный факультет Уральского университета. Но Терешкова другим сильна: рабочая девчонка с ярославского «Красного Перекопа», секретарь комитета комсомола…

Королев познакомился с девушками перед стартом Николаева и Поповича – тогда они впервые приехали на космодром. Говорил с ними не торопясь, обстоятельно, объяснял, что работа предстоит сложная, напряженная, но очень интересная.

– Я все понимаю, – сказал Главный без улыбки, – но давайте решайте сразу – или будем замуж выходить и детей заводить, или будем готовиться к полетам…

Королеву более других понравилась Терешкова, и он сказал об этом Карпову.

Выбор первой в мире женщины-космонавта отличался от выбора командира первого «Востока». Все уже ясно представляли себе, что значит стать космонавтом, тем более – первой в мире. Если при подготовке старта «Востока» Королев был убежден, что вслед за Гагариным полетят его товарищи, теперь такой уверенности не было. Полет женщины мог стать – и на девятнадцать лет стал – единственным. И это тоже обостряло ситуацию. Все понимали, что выбор впишет имя одной из девушек в историю, в то время как другие должны будут довольствоваться скромной ролью безвестных участниц эпохального события. И девушки тоже это понимали, что не делало их взаимоотношения внутри маленького коллектива простыми.

Выбор был долгим и трудным. Учитывалось все, вплоть до менструальных циклов. Но помимо здоровья, знаний, чисто человеческих черт характера выбор определялся еще и субъективными оценками тех, кто выбирал. Год назад, когда определяли первого космонавта, этого не было. Теперь выбор в какой-то мере определялся целями «внутренней политики» тех, кто в нем участвовал. Королев был за Терешкову: он разглядел в ней лидера, человека решительного. Карпов тоже склонялся к такому варианту. И Каманин тоже. Где только мог расхваливал Терешкову и парашютный тренер Никитин. Институт авиационной медицины – Волынкин, Яздовский – отдавали предпочтение Пономаревой. За Пономареву активно выступал Келдыш, ему поддакивал Ишлинский.

Гагарин хорошо относился ко всем девушкам, любил беззлобно над ними подтрунивать. Однажды отвез их к директору

ГУМа.

– Это была незабываемая картина, – вспоминала Жанна Еркина. – По верхнему этажу универмага очень быстрым шагом идет Гагарин, следом стайка девушек, за ними несется огромная толпа покупателей и продавцов. Космонавта номер один везде узнавали...

Гагарин долго не мог определить свой выбор. Но после разговора с Келдышем, который неожиданно со всей мощью своего мягкого напора стал на Гагарина давить, Юрий внутренне взбунтовался. Ему не понравилась вся эта закулисная возня, не понравилось, что Пономареву «тянут в космонавты», и он примкнул к «лагерю» Терешковой. Карпов говорил мне, что, если бы Келдыш и Яздовский проявили меньше инициативы, первой женщиной-космонавтом вполне могла стать Валентина Пономарева. Симпатии Королева были расплывчаты. В данный момент он находился как бы над «схваткой».

В конце концов всем спорам положил конец Хрущев. В ЦК были отправлены фотографии трех кандидаток: Терешковой, Пономаревой и Соловьевой. Никите Сергеевичу больше всех понравилась Терешкова. Она ему была как-то ближе...

Полет опять планировался групповым: «мужской» и «женский» корабли. В Центре подготовки стояли на старте Быковский, Волынов и Комаров, но назначение командира «мужского», в отличие от командира «женского», прошло без споров и лишней нервотрепки. У Комарова обнаружили экстрасистолу – сердечную аритмию – и временно отстранили от подготовки. Назначили Быковского. Волынов во второй раз стал дублером. Старт Валерия планировался на 8 июня. За ним должен был уйти в космос корабль Терешковой.

Редкий космический аппарат, пилотируемый или беспилотный, отправлялся в полет абсолютно без замечаний. Если все в порядке в корабле, «боб» мог вылезти в ракете, мог произойти сбой в системе связи, – варианты неисчислимы. И все-таки до сих пор старты космонавтов проходили без серьезных волнений, относительно спокойно. Теперь, казалось, все возможные напасти обрушились на несчастный «Восток-5». Намечавшийся первоначально на 8 июня, старт отодвинулся на 11 июня, но и одиннадцатого тоже не получилось, по причинам для ракетчиков, особенно военных командиров полигонных служб, новым и непривычным. Было бы понятно, если бы, скажем, оказалось, что главком занят и испытания переносятся. А тут: активность Солнца! Поздно вечером 10 июня на космодром позвонили астрономы и сообщили, что Солнце очень неспокойно, надо ожидать потоков жестких излучений, повышения

радиационного уровня. Сначала Келдыш собрал ученых, посовещались. Как оно будет и чем все это угрожает, точно сказать трудно, но одно ясно: что-то будет и чем-то угрожает. Многие высказались за то, что старт надо переносить. Госкомиссия согласилась с этими рекомендациями.

Королев писал Нине Ивановне: «Наши дела здесь шли с определенными трудностями, которые мы преодолели в конце концов, но вот вместо начала 11/VI стоим уже двое суток в ожидании успокоения Солнца. Надо же, чтобы в „Год Спокойного Солнца“ вдруг неожиданно начались сильные вспышки с различными излучениями и пр. пакостью.

Оказывается, что огромный космос не просто пустое пространство, а океан пространства, густо насыщенный всякими ионоветрами, корпускулярными потоками и сложными излучениями, и причудливой формы магнитными полями. Как мало еще мы обо всем этом знаем! Вот и опасаемся, и ждем, когда же наших ребят послать...

Не знаю, как отошлю это письмо, т.к. вроде самолета сегодня нет, но не могу тебе, мой друженька, не написать и не излить свою душу...»

«Излить душу»! Какое замечательное признание! Весь космодром бьет колотун из-за непредвиденной задержки, все нервничают, голова болит за самочувствие космонавта; за ресурс бортовой аппаратуры; за кислородную подпитку – жарко, и жидкий кислород быстро испаряется; за Терешкову, которую снова и снова инструктировал Раушенбах по ориентации, успокаивал не ее, а себя; за тысячи разных больших и малых дел. А что на душе у Главного? Космос! Запрет астрономов вдруг отринул от него всю эту земную суету и обратил взоры его в бесконечность Вселенной...

Когда спрашивают, что же все-таки отличало Королева от других ракетчиков, людей по-своему замечательных, отвечаю – вот именно это и отличало...

Неоднократные переносы и отмены старта, конечно же, действовали угнетающе на молодого летчика. «Можно представить состояние человека, которого дважды снимают с ракеты, – писал позднее Георгий Александрович Тюлин, ставший к моменту описываемых событий заместителем министра и назначенный председателем Государственной комиссии. – Сегодня экипаж морально готов к тому, что пуск может быть отложен на несколько часов либо перенесен на другой день. Сегодня за нашими плечами многолетний опыт, позволивший „накопить“, „пережить“, „прочувствовать“ самые разные ситуации. Тогда же...»[226]

Тогда, по общему мнению всех людей, с ним соприкасающихся, Быковский держался с поразительной невозмутимостью, словно все так и должно быть, чем сразу очень расположил к себе стартовую команду и всех технических руководителей пуска. Все признавали бесспорно высокую физическую подготовку Валерия к полету. Когда обсуждали полетное задание, Королев сказал ему просто: «Надо выжить!» И он знал, что если кто и выживет, так это Быковский. Но что касается воли и нервов, то тут никто поручиться за него не мог. Карпов давно понял, что с Валерием надо держать ухо востро, от него можно было ожидать непредсказуемых вывертов. Яздовский оценивал его как «странноватого и не особенно коммуникабельного». Честно сказать, никто не предполагал, что в столь неприятной ситуации Быковский поведет себя с таким зрелым спокойствием и выдержкой.

Некоторое время астрономы вымучивали Госкомиссию тягучими и неопределенными докладами по солнечной активности, но не успели они снять своего запрета, как полезли разные, большие и маленькие, «бобы». К числу больших относился, например, доклад главного конструктора СЖО Семена Михайловича Алексеева.

Ночью в гостиницу, где спал Алексеев, примчался один из его помощников, растолкал шефа и сказал чуть слышно:

– Снятие чеки с ручки катапульты не расписано в журнале... Алексеев мигом проснулся. Металлическая чека с матерчатым красным флажком запирала ручку кресла на время его установки в корабле для того, чтобы катапульта не сработала от случайного движения монтажников. Если чека не снята, катапульта не сработает.

– Кто снимал чеку? – спросил Алексеев.

– Я.

– Снял?

– Вроде снял...

– А если снял, где сама чека?

– Не знаю...

Алексеев оделся и пошел к Королеву. Королев слушал набычась, сопел. Потом призвал к себе провинившегося инженера и спокойно, без крика все у него расспросил. Отпустив вконец убитого парня, сказал Алексееву:

– Семен Михайлович, не волнуйся, я уверен, что чеку сняли.

– Нет, Сергей Павлович, так дело не пойдет. За жизнь космонавта я отвечаю...

Королев снова насупился, засопел, потом сказал:

– Ты прав. Поехали.

Алексеев взял с собой одного из своих помощников – Виктора Тиграновича Давидьянца: он ведал креслом и был очень маленький, юркий, ему легче было везде пролезть.

Чтобы подобраться к треклятой чеке, надо было примерно на полметра вытащить кресло из корабля, а для этого отсоединить кучу различных проводов. На старте залезли на верхушку ракеты, сняли люк, провели все подготовительные операции. Давидьянц прикрепил к длинной проволоке Зеркальце, взял фонарик и полез в корабль. Когда вылез, мог не докладывать – все было написано у него на лице.

– Снята чека, – выдохнул Виктор.

– Спасибо, – сказал Королев, когда Давидьянц спустился вниз. На очередном заседании Госкомиссии о ночном приключении он не обмолвился ни единым словом, и Алексеев это оценил: то было знаком полного доверия.

С чекой разобрались, но злоключения «Востока-5» на этом не кончились. Бедного Быковского то начинали кормить нормальной пищей, то снова переключали на тубы, все вокруг нервничали и, наверное, больше всех Терешкова: задержка старта Валерия еще на несколько дней могла привести к замене ее на дублера уже по причинам чисто физиологическим, находящимся вне компетенции Госкомиссии. Один Быковский был спокоен и ровно приветлив со всеми. Когда, наконец, 14 июня рано утром его снова одели и снова повезли на старт, он внутренне подготовился к тому, что и высадить снова тоже могут, но на этот раз его не высадили.

– «Ястреб», я «Заря-1», – спокойно сказал Гагарин, сидевший на связи с кораблем. – Тут у нас небольшая заминочка... Ничего, впрочем, серьезного... Как сделаем, я тебе скажу... А пока сиди, отдыхай...

В блоке управления третьей ступени отказал гироскоп.

– Где Кузнецов?! – взревел Королев.

Огромный, под два метра, как всегда совершенно невозмутимый главный конструктор гироскопов Виктор Иванович Кузнецов предстал перед Королевым, светящимся от гнева, как шаровая молния.

Взявши на вооружение некий принцип, скажем принцип действия паровой машины, цивилизация начинает его обкатывать, шлифовать, старается приспособить к все более широкому кругу своих потребностей. Принцип волчка был известен с незапамятных времен: если волчок раскрутить, он с удивительным упорством стремится сохранить положение своей оси, сопротивляется всякому отклонению. Ну и что? Кому и зачем это нужно? Игрушка, она и есть игрушка... Гироскоп изобрел еще

в 1852 году Жан Бернар Леон Фуко, тот самый, который прославился своим маятником, показывающим, что Земля действительно вращается. Но для того чтобы пройти путь от гироскопа до гирокомпаса, потребовались десятки лет, тысячи тонн погубленных кораблей, сотни человеческих жизней. В детской игрушке таился высокий смысл, описание ее природы требовало знания вершинных областей математики, а создание на ее основе аппаратуры – дьявольской изобретательности, чистоты и точности, которых прежнее механическое производство не знало и даже не догадывалось, что так может быть.

И электромонтер Виктор Кузнецов тоже обо всем этом не знал. И что новая эта область науки и техники станет его судьбой – тоже не догадывался.

Кузнецов – самая распространенная в России фамилия, как в Америке самая распространенная Смит – тоже кузнец. Оттого, наверное, что Кузнецовы дети – потомки очень деятельных, энергичных людей, живущих на планете. Наш Кузнецов корнями из-под Каширы. Дед пришел в Москву в конце прошлого века и пристал к суконной торговле. Отец, наследуя занятие, стал было счетоводом в оптовом магазине, но заболел туберкулезом и отправлен был в киргизские степи на кумыс, где подружился со студентами Петровской академии – ныне Тимирязевки.

Они убедили его, что при слабом здоровье полезнее всего трудиться на земле, и помогли сдать экзамены в академию. Так что Виктор Иванович родился в семье студента.

Отец был человеком непоседливым и талантливым. В Гаспре поднимал советскую власть. Потом на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в 1923 году заведовал павильоном промыслов и охоты и чуть не остался в Москве, прельстившись экзотической должностью директора зоопарка. Потом уехал в Боровичи, в Новгородскую губернию, занялся промкооперацией. Сын ездил с ним, подрастал и постигал мир.

Исторический уже термин «индустриализация», звучащий абстрактно для нынешних школьников, для Кузнецова – годы юности. В Боровичах поднимался огромный, один из крупнейших в Европе, керамический комбинат, который выпускал огнеупоры для металлургии и облицовку, стойкую к язвам химии. Виктор пришел на комбинат помощником монтера, когда ему не было восемнадцати. Их мастерская обслуживала семь заводов комбината, и на каждом стояли разные машины – и русские, и немецкие, и английские. Инструкции по эксплуатации надо было сочинять в уме.

– Вы даже не можете себе представить меру нашей бедности в

те годы, – вспоминал Виктор Иванович. – Ни проводов, ни гвоздей, ни инструмента не было. Мы сами делали молотки, отвертки, зубила. Потом откуда-то привезли замечательные шведские плоскогубцы, на всю жизнь их запомнил... Монтеры наши имели образование 3-4 класса. Я после школы считался корифеем, меня выбрали бригадиром, даже поручили рассчитать трансформаторную подстанцию. И рассчитал! И она работала! Но потом нам прислали парнишку-техника, и я понял, что ничего не знаю, что надо учиться...

В 1933 году Виктор Кузнецов поступил в Ленинградский индустриальный институт (ко времени окончания он превратился в Политехнический) на специальность «Котлы» – вряд ли есть область техники, более удаленная от космонавтики, чем эта, – и никогда не увидели бы мы Кузнецова в Совете главных конструкторов, если бы на втором курсе не наткнулся он на объявление об организации на инженерно-физическом факультете новой группы «Расчет и конструкция летательных аппаратов». И он решился...

Факультет был замечательный, благо декан – сам академик Абрам Федорович Иоффе. Кузнецову читали лекции выдающиеся советские механики Лев Герасимович Лойцянский и Евгений Леопольдович Николаи, да и слушатели, как потом выяснилось, тоже были выдающимися. В одной группе с дважды Героем Социалистического Труда, академиком Виктором Ивановичем Кузнецовым учились, например. Герой Социалистического Труда, академик, будущий знаменитый атомщик и директор Лаборатории ядерных реакций Объединенного института ядерных исследований в Дубне Георгий Николаевич Флеров, и трижды Герой Социалистического Труда, член-корреспондент АН СССР Николай Леонидович Духов – конструктор тяжелых танков и атомного оружия. Шесть Золотых Звезд на трех студентов одной группы – не так уж плохо, но как далеко еще было до этих звезд...

Преддипломную практику Кузнецов проходил на приборостроительном заводе в Ленинграде, и всем там он понравился. Поэтому, когда распределили его в отдел главного механика Ижевского мотоциклетного завода, прибористы решили этого толкового паренька перехватить. И перехватили. Приказ оформлял какой-то шутник, в приказе значилось: «В связи с высоким ростом установить оклад старшего инженера...»

Нам нужен был сильный флот. А флоту нужны были хорошие приборы. Приборов не было. КБ и завод работали без выходных дней. Там первый раз Кузнецов увидел гирокомпасы. Ими он и занялся.

Консультантом КБ был великий корабел Алексей Николаевич

Крылов. Человек отважный и в трудах, и в жизни, он и в страшном 1937-м ничего не боялся. Когда секретчики донимали его анкетами типа: «Служили ли в царской армии...», он размашисто писал поперек листа: «Полный адмирал флота Его императорского величества государя императора Николая Александровича!»

Первые научные труды Крылова относились как раз к компасному делу, это была его «юношеская любовь».

– Компас – инструментик малый, – говорил Крылов, – но если бы его не было, Америка не была бы открыта...

Кузнецов ставил перед Крыловым задачи, решения которых ему еще были не по зубам. Крылов записывал и уходил домой. Через несколько дней приходил с ученической тетрадкой, в которой было решение. Синусы и тангенсы вычислял сам, потому что не доверял печатным таблицам...

Постепенно с гирокомпасами в КБ разобрались. Но одно дело – понять, другое – сделать. В мире было только две фирмы, которые производили гирокомпасы: в Нью-Йорке – «Сперри» и в Киле – «Аншюц». И американцы, и немцы заламывали за гирокомпасы бешеные деньги: один комплект стоил 200 тысяч долларов, при том что вполне приличный сухогруз – 60 тысяч. Ни Англия, ни Франция, ни Япония тоже не могли наладить это тонкое производство. Мы пробовали объединиться с французами и быстро поняли, что их опытные образцы никудышные. Делать было нечего, приходилось покупать: у американцев – для подлодок, у немцев – для надводных кораблей. Покупать и работать в бешеном темпе, чтобы избавиться от этой зависимости. Перед началом войны задача оснащения нашего флота гирокомпасами отечественного производства была решена. Уже тогда Кузнецов понял, насколько деликатная, хрупкая и капризная штука – производство этих приборов, и когда через много лет специалисты с микроскопами и спектрометрами докладывали ему, что в цехах его производства нужен внутренний избыточный наддув и стены должны быть из мрамора, потому что мрамор не держит пыль, он знал, что все это действительно придется сделать, что это не блажь и, потратив десятки тысяч рублей, он сэкономит стране миллионы.

Молодого инженера тем временем заинтересовала стрельба при качке. Нужна была система, как бы «отключающая» оружие от качки. Одна такая система той же фирмы «Сперри» существовала, но Кузнецов понял, что она недоделанная, а главное – решил, как можно ее усовершенствовать.

– А сделать сможешь? – спросил директор завода.

– Смогу.

– Что надо?

– Два конструктора, три механика, лаборант и кормежка... Им выделили комнату на заводе, поставили кровати, кормили хорошо, в цеху был душ... Через три месяца, в канун 22-й годовщины Октября, система была установлена на пушках главного калибра крейсера «Киров». Через три года, уже во время войны, «за повышение эффективности стрельбы корабельной артиллерии» Кузнецов был удостоен Сталинской премии, первой из четырех, не считая Ленинской.

Но это было уже в 42-м, а в 40-м Кузнецова вызвал в Москву нарком черной металлургии Тевосян. До этого он недолго был наркомом судостроения и запомнил Виктора Ивановича. Долго уговаривал перебираться в Москву. Кузнецов не соглашался.

– Ладно, поехали, – раздраженно сказал Тевосян.

Приехали к Молотову, и все началось сначала.

– Я не хочу уезжать из Ленинграда, – уперся Кузнецов. – У меня интересная и нужная работа...

– А мне вы нужны в Москве, и меня не интересует ваша интересная работа! – выкрикнул Молотов и так стукнул кулаком по столу, что дернулось пенсне.

– А меня интересует, – со спокойной дерзостью сказал Кузнецов. Так и расстались, вроде бы каждый при своем мнении. Кузнецов вернулся в Ленинград, быстро уехал в Кронштадт, оттуда – на крейсер: решил отсидеться, авось о нем забудут. Директор завода вытащил его буквально из моря и сказал строго:

– Пойми, если не поедешь в Москву сам, поедешь со «свечками»...

В московском научно-исследовательском институте проработал он менее полугода. Снова вызвали в Наркомат, на этот раз внешней торговли и сказали:

– Поедете в Германию принимать крейсер.

С огромным трудом (рост!) подобрали ему костюм, плащ и шляпу, которую он никогда до этого не носил и чувствовал себя в ней нелепо. Поздней осенью 1940 года Кузнецов приехал в Берлин.

Немцы строили для нас крейсер за пшеницу и нефть. Кузнецов должен был принимать приборы управления прожекторами, стрельбой пушек и торпед. Приходилось много ездить по всей стране, по разным фирмам и заводам. Везде говорили о сотрудничестве. Предлагали купить башни и пушки для новых линкоров «Страна Советов» и «Советский Союз». Линкоры эти не были достроены, а крейсер, после установки на нем башен главного калибра, по счастью, решили отправить достраиваться на Балтийский завод. (Во время войны крейсер

«Петропавловск» был атакован фашистской авиацией, когда шел по морскому каналу между Кронштадтом и Невой. Он выбросился на мель и, неподвижный, продолжал воевать.)

Англичане довольно часто бомбили Берлин. Кузнецов в бомбоубежище не ходил; открывал окно, клал на подоконник матрац, ложился и, вооружившись биноклем, смотрел, что делается в небе. У фашистов было много прожекторов, а зенитчики стреляли из рук вон плохо. Иногда англичане, как потом выяснилось, сбрасывали со своих бомбардировщиков горящие корзины с какой-то дымящей гадостью, и прожектористы, оставляя самолеты, начинали высвечивать этот дым. Ни одного сбитого английского самолета Кузнецов не видел.

В начале июня 1941 года в посольстве приказали уничтожить переписку и залить тушью наши резолюции на немецких документах: там встречались труднопереводимые слова, которые могли обидеть лично фюрера и рейх в целом. В субботу в торгпредстве, как всегда, должны были показывать кино, но перед фильмом вдруг объявили лекцию военного атташе. Он рассказал о том, что немцы упрекают нас в концентрации войск на границе, но на самом деле это не так, и вообще думать о войне не следует. После лекции Кузнецов вернулся в свой пансион и уснул.

В воскресенье фрау обычно сама приносила кофе, и, когда утром она окликнула его, он привычно распахнул дверь. На пороге стояли три незнакомых человека. Кузнецов ничего не понял: на вопросы немцы не отвечали, осмотрели вещи, велели одеваться. В пансионе жили и другие советские специалисты, и, когда двое немцев ушли за ними, третий погладил дорогой отрез, найденный в шкафу, и сказал выжидательно:

– Какая замечательная шерсть…

– Вы можете взять его, если скажете, что произошло, – сухо сказал Кузнецов.

– Война. Мы бомбили Киев, Минск, Одессу, – с этими словами он снял плащ и обмотался отрезом…

До вечера держали в полицейском участке, потом отвезли в Маобитскую тюрьму, затем в лагерь Блянкефельд. На шею одели бирки, деньги и продовольственные карточки отобрали. Главной заботой немцев было выявление евреев.

– Странные вы люди, – говорил один очень благообразный и с виду даже симпатичный гитлеровец. – Неужели вам непонятно, что наши ученые могут абсолютно точно определить еврея по составу крови и форме черепа…

Кузнецов смотрел на него удивленно: он не был похож на ненормального.

В лагере они просидели дней десять. Потом в сидячих

вагонах для местных линий по восемь человек в купе (без верхних полок!) повезли через Югославию в Болгарию. Там их передали туркам. От Стамбула до Эрзерума тащились на жутком поезде с выбитыми стеклами. Кормили только брынзой и зелеными дынями. Правда, кофе был очень хороший... Первое, что они сделали на родной земле в Ленкоране, – прочли сводки Совинформбюро, а потом купили вчетвером большого гуся и съели...

В Москву Кузнецов вернулся в августе 41-го. Часть отделов института уже эвакуировалась в Свердловск. Из Свердловска ездил в Поти – устанавливал на эсминце новый, более совершенный стабилизатор стрельбы. На Урале сдружился с танкистами и сделал очень хороший стабилизатор для танков. Без стабилизатора на полном ходу танк давал одно попадание из тридцати выстрелов, а со стабилизатором – двадцать семь. Это было его главной военной работой...

За несколько дней до падения Берлина майору Кузнецову приказано было вылететь в Германию на тот самый завод, который в 1940-м делал гироприборы для нашего крейсера. Там он и нашел стабилизаторы для ракет Фау-2. Когда он докладывал об увиденном наркому судостроения Носенко, нарком подумал и сказал задумчиво:

– Плохо дело, Виктор Иванович. Теперь нас заставят делать приборы для ракетчиков...

9 августа 1945 года уже в погонах полковника Кузнецов снова летел в Германию. Познакомился с попутчиками. Вместе с ним летели: Мишин, Пилюгин, Бармин, Рязанский, Богуславский, Лист, Райков, Воскресенский. Тогда он не мог знать, что эта компания собралась на долгие годы. Носенко оказался прав: с этого времени Кузнецов, не оставляя корабелов, начал работать в ракетостроении.

В 1949 году в Кембридже вышла статья, объявленная первым научным трудом по инерционной навигации. Потом разобрались и выяснили, что в статье – ошибки, а работа на эту тему была опубликована в Советском Союзе на десять лет раньше. О гироскопической навигации Борис Владимирович Булгаков из Института авиационного приборостроения написал книгу еще в 1937 году, но бдительный цензор разглядел в одном из чертежей контуры фашистской свастики и задержал издание на два года, пока наше отношение к свастике на некоторое непродолжительное время стало терпимее.

Вместе с Кузнецовым теорию гироскопов почти с нуля начал развивать будущий академик Александр Юльевич Ишлинский, многие годы проработавший рука об руку с Виктором

Ивановичем.

Да, они начинали с самых первых пусков, с самой первой нашей ракеты – с Р-1. И до конца: на всех ракетах Королева стояли гироскопы Кузнецова.

В узком кругу друзей его называли «Витя-крошка» – он был самым высоким из всех Главных. И, наверное, самым молчаливым. Не помню, чтобы он давал кому-нибудь интервью. И вообще, не помню, чтобы кто-нибудь держался на космодроме скромнее Кузнецова. И на заседаниях Государственной комиссии, и в монтажно-испытательном корпусе, и на наблюдательном пункте в своей вечной кожаной куртке всегда сидел он или стоял чуть в сторонке, редко принимая участие в общих разговорах. Дело, наверное, не только в характере. Распахнулись фермы, ушла со старта ракета – ликуй, Бармин, твое наземное оборудование выдержало испытание! Вытащили двигатели на орбиту космический корабль – отдыхай, Глушко, твое дело сделано! Кузнецову трудно расслабиться. Его гироскопы и на ракете, и на корабле, и на межпланетном автомате, и на орбитальной станции – везде. Они раскручиваются еще на Земле и работают до конца: до возвращения космонавтов, до пробы лунного грунта, до фотографии ядра кометы Галлея. Его могли поднять с постели, отловить в гостях, вытащить из театральной ложи всегда, в любое время дня и ночи. На этот раз все случилось перед самым стартом космонавта-5.

С Королевым сцепились они яростно, но коротко: оба понимали, что надо не ругаться, а дело делать, космонавт-то уже в корабле сидит. Что, собственно, сломалось, очень быстро нашел заместитель Кузнецова Илларий Николаевич Сапожников. Он же предложил шефу быстро снять отказавший блок и заменить дубликатом, предварительно испытав его в МИКе. Сапожников привез новый блок из МИКа, не дожидаясь, пока электрический «волчок» остановится после испытаний, но, как ни торопились. Быковский просидел вместо положенных «по штату» двух часов – часов пять.

Казалось, теперь все мыслимые отказы уже позади, но буквально за секунды до включения двигателей не прошла команда «Земля-борт». По этой команде отходит кабель-мачта со штеккером, иными словами, из штепселя на боку ракеты вытаскивается вилка, но не с двумя рожками, как у вас дома, а с множеством. В этот момент как бы рвется электрическая пуповина, связывающая ракету с землей, ракета превращается в самостоятельную замкнутую систему. Так вот, команда «Земля-борт» не прошла, кабель-мачта не откинулась в сторону. Королев, Воскресенский и Кириллов в бункере совещались несколько

мгновений. Общее решение – пускать! Поднимаясь, ракета освободит штеккер, не приварен же он к ней, черт его дери! И точно, едва включилась предварительная ступень и ракета задрожала, еще до начала подъема, штеккер выскочил и кабель-мачта откинулась в сторону. Жаль, никто не померил тогда пульс у Главного. Сравнить бы с пульсом космонавта...

Через положенные девять минут «Восток-5» вышел на орбиту. Стартовая команда вздохнула с облегчением; все прошлые и будущие «бобы» улетели вместе с ним. И, действительно, если не считать заминки с датчиками боковых ускорений во время испытаний приборного отсека «Восток-6» на герметичность, когда космонавты были еще в Звездном, все прошло на редкость спокойно и гладко. Терешкова стартовала 16 июня. Нервничала, конечно: за четыре минуты до команды «Подъем!» пульс был уже 84 удара в минуту – заведомо выше нормы. Но само восхождение в космос, тряску, волны перегрузок она перенесла очень хорошо, пожалуй, лучше всех мужчин.

Подготовка к старту и сам старт первой женщины-космонавта несколько заслонили заботы о Быковском, который и после выхода на обриту сохранил свою собранность и деловитость. Он блестяще, с минимальными расходами рабочего тела провел все операции по ориентации корабля, но вскоре передал в Центр управления радиограмму тревожную, вызвавшую большое волнение всех специалистов, включая Главного конструктора. «Был космический стук», – сообщил Быковский на очередном сеансе связи, уже уходя из зоны радиовидимости.

– Стук? Что за стук? – удивился Королев. – Что у него может там стучать? – он обернулся к Феоктистову, – вряд ли кто-нибудь знал «Восток» лучше Константина Петровича.

Совершенно не представляю себе, – задумчиво ответил Феоктистов. – Очевидно, что-то где-то отвинтилось или оторвалось и теперь в невесомости плавает и постукивает. Но что и где?

– «Ястреб», я «Двадцатый», – Королев сам сел на связь. – Постарайтесь точнее определить место, где стучит, и характер стука. Какова его частота? Насколько он силен, т.е. велика ли, по вашему мнению, масса, производящая стук. Все это нам важно знать. Передайте на следующем сеансе связи, а мы пока подумаем... Прием...

Все время до следующего сеанса связи проектанты вместе с Королевым ломали головы, – что и где может стучать. Определилось несколько более-менее правдоподобных версий.

Тем временем настала пора волноваться Быковскому. Он решительно не понимал, что от него хотят! Нигде ничего не

стучало! Шуршало и потрескивало радио. Тихо шелестели вентиляторы. Все в норме. Валерий напрягся, стараясь уловить малейший посторонний звук, но никакого стука нигде не было слышно. Значит, Земле о нем известно нечто, чего он сам не знает. Что это может быть? Насколько это опасно? Первое, что он сказал на очередном сеансе связи:

– Никакого стука нигде не слышу...

– «Ястреб», – строго сказал Гагарин, теперь он был на связи» – ты сам радировал: «Был космический стук...» Прием...

– Я радировал: «Был космический стул». Я покакал, понимаешь? Прием...

Взрыв хохота.

Терешкова бодро докладывала, что видит Землю и летящую рядом третью ступень. В ставшем уже обязательным докладе «дорогому Никите Сергеевичу» тоже все как всегда было «в ажуре»: «системы корабля работают отлично, самочувствие хорошее...» Но довольно быстро она почувствовала усталость и какой-то общий физический дискомфорт. Заболела коленка, а устроить ногу так, чтобы не болела, было трудно. Мешал, давил на плечо гермошлем, хотя в невесомости он давить не может. Ей казалось, что голова болит из-за этих чертовых датчиков, которые прилепили ей на голову. Хлеб оказался сухой. Хотелось пожевать мягкого черного хлеба с картошкой и луком. Состояние было какое-то мутное. Вспоминая советы Германа Титова, она старалась не крутить головой, сидеть тихо. Не нравилось ей тут. Хотелось домой. Когда Быковский слышал по радио ее голос, ему казалось, что она плачет.

– «Чайка», по выходу из тени приступайте к режиму ориентирования, – напомнила Земля. – Не забудьте, что стрелка загорается через три секунды после отклонения ручки. Не спешите. Время есть. Прием...

– «Чайка», как получилось?

– Не волнуйтесь, я все сделаю... Сориентируюсь...

Через некоторое время Земля опять поинтересовалась результатами.

– Потом, – кратко отозвалась «Чайка».

Каманин пишет в дневнике: «По программе у нас должна быть связь. Сидим и ждем, а ее все нет и нет... Ждем следующий виток, а это еще полтора часа. На подходе корабля к космодрому запрашиваю: „В чем дело?“ Раз запрашиваю, два – не отвечает. Тогда включаю „побудку“ – шумовой сигнал. Там такая сирена – разбудит кого хочешь.

– В чем дело? – спрашиваю. – Почему не выходите на связь?

– Двадцатый! Двадцатый! Я заснула: устала очень и заснула!

– Почему не провели тренировку по ручному спуску корабля?

– Я пыталась, но ничего не получилось: очень устала. Дайте мне немного отдохнуть. Завтра утром все сделаю. Все получится!

Королев сидит рядом, недовольный. Она уже уходит из зоны связи. Мне только остается пожелать счастливого пути.

– Ну, ложись, отдыхай, а завтра утром все надо выполнить...»[227]

Сориентироваться в космосе она не смогла ни разу.

– Карапь не слушается... – жалобно докладывала она Королеву. (Герман Титов любил потом над ней подтрунивать: «Ну как, Валентина, слушается тебя „карапь“?»)

– Чтобы я когда-нибудь связался с женщинами! – кипятился Сергей Павлович. – Никогда!

И дома, когда вернулся в Москву, уже с добродушной улыбкой сказал Нине Ивановне:

– Запомни, детонька, бабам в космосе делать нечего!..

Но тогда Королеву было не до добродушных улыбок. С явным раздражением он приказал все эксперименты с ориентацией прекратить: рабочего тела осталось лишь на одну «аварийную» ориентацию в случае отказа автоматики. Все понимали, что «Восток-6» надо поскорее посадить.

В 1975 году Питер Смолдерс в журнале «Space night» приводит слова Алексея Леонова: «У Терешковой были дублерши. Но, анализируя ее полет, мы поняли, что их удел – оставаться на Земле...»

Увы, так и случилось. Девушки учились в Академии имени Н.Е. Жуковского и получили диплом «летчик-инженер-космонавт», но космонавтом никто из них так и не стал. В 1969 году их маленький отрядик был расформирован. Лишь в 1982 году всесокрушающая энергия Светланы Савицкой вновь вывела женщину в космос...

«Восток-6» сел 19 июня в довольно глухом районе. При катапультировании Валентина немного поцарапала лицо о металлическое кольцо, к которому крепится шлем. Люди на Земле встретили небожительницу восторженно, но телефона поблизости не было, и в ЦУПе волновались, что с космонавтом. Корабль давал штатный радиопеленг – ясно, что он на Земле, но что с Валентиной? Когда над местом приземления начал кружить Ил-14 со спасателями, командир доложил, как положено:

– Парашютистов выбросил. Вижу два объекта...

Да пусть он доложит, видит человека или нет! – закричал Королев. – Зачем нам его «объекты»?

Тут на связь вышел командир другой группы спасателей и всех успокоил: жива, здорова. Ну, слава богу...

Полет Валерия Быковского планировался на восемь суток. Но еще до старта Терешковой баллистики доложили Королеву, что орбита «Востока-5» низковата. В перигее (низшей своей точки) она была на шесть километров ниже, чем, скажем, у Гагарина, на восемь – чем у Титова. С такой орбитой вряд ли корабль сможет летать долго. Он будет цеплять атмосферу и виток за витком тормозиться все больше. Если его не посадить, он зароется в атмосферу сам, пойдет к Земле в нерасчетном режиме с большими перегрузками. Когда П.Р. Попович пишет: «Собственно говоря, продолжительность полета Быковского и Терешковой можно было увеличить. Корабль это позволял. Но нам не нужны были голые рекорды», он не прав. Во-первых, тогда нам очень нужны были «голые рекорды». Все пилотируемые полеты при Королеве были в том или ином смысле рекордными. Во-вторых, хотя корабли, действительно, позволяли летать дольше, вряд ли было целесообразно увеличивать продолжительность этих полетов, учитывая тонус Терешковой и параметры орбиты Быковского. Пока баллистики уточняли, как со временем меняется орбита «Востока-5», Королев передал Валерию:

– Восемь суток, наверное, не получится. Настраивайся на шесть... Но расчеты показывали, что и шесть – рискованно: высота орбиты в перигее уже уменьшилась со 174 до 154 километров. Телеметрия показывала, что температура приборного отсека начала расти.

– Если на 82-м витке не сядешь автоматически, на 83-м садись обязательно, хотя бы вручную, – передал Королев Быковскому.

Сказать по правде, Валерий не очень расстроился. Он мог бы летать и дальше, но лепестки ассенизационной системы закрывались плохо, и в кабине было довольно некомфортно...

Терешкова уже летела в самолете с места посадки, когда приземлился «Восток-5». Спасать надо было не космонавта, а одного из спасателей, который повис на дереве, зацепившись парашютом за ветки. Быковский встретил десант у корабля. Конечно, он устал, а оттого, что был небрит, выглядел еще более усталым. Датчики вросли в кожу, раздеваться было больно. Но какие все это пустяки! Валерий был совершенно счастлив! Быковский в одиночестве жил в космосе 119 часов 6 минут. Этот рекорд не побит до сих пор.

Андриян Григорьевич Николаев

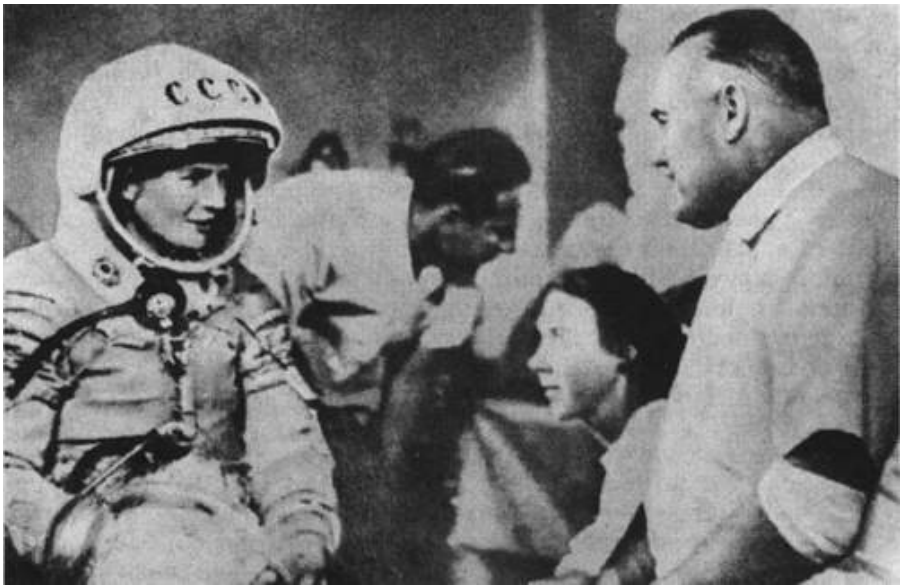
Павел Романович Попович

Слева направо Жанна Еркина, Валентина Пономарева, Ирина Соловьева и С.П. Королев

Валерий Федорович Быковский

Виктор Иванович Кузнецов

Накануне старта



«Ястреб» и «Чайка»

Новый, взрыв ликования

...В науках прикладных служить истине не так легко.

Тут доступ к правде затруднен не одними только научными препятствиями, т.е. такими, которые могут быть и удалены с помощью науки. Нет, в прикладной науке, сверх этих препятствий, человеческие страсти, предрассудки и слабости с разных сторон влияют на доступ к истине и делают ее нередко вовсе недоступною.

Николай Пирогов

Весть о первой женщине-космонавте разнеслась по планете, мгновенно стала мировой сенсацией. Все хотели видеть эту женщину. За полгода после своего полета Валентину Владимировну принимали: Прага, София, Варшава, Гавана, Берлин, Дели, она ездила на Генеральную конференцию Международной авиационной федерации в Мексику, посетила США, Индонезию, Непал. Быковский в таких поездках был лишь тенью Терешковой. Но среди этого праздничного фейерверка Валентине удалось выкроить время и для еще одного праздника – собственной свадьбы.

Кто был автором идеи «космической свадьбы», сказать трудно. Родилась она где-то в недрах Центра подготовки космонавтов, скорее всего у Карпова или Каманина. Впрочем, сама идея лежала на поверхности – в окружении молодых семей космонавтов разгуливали два Героя: он – холост, она – не замужем. Да раз такое дело – сам бог велит им пожениться!

А бог как раз и не велел. Как известно, в будущем ничего хорошего из этого союза не получилось, семья развалилась. Валентина Владимировна вторично вышла замуж, Андриян Григорьевич встретил шестидесятилетие холостяком.

Думаю, что тогда, в 1963-м, они хорошо, даже тепло относились друг к другу, но вовсе не представляли себя мужем и женой. Однако идея «звездного брака» показалась столь прельстительной, что существовала уже как бы сама по себе, вне зависимости от конкретного наполнения. От Карпова и Каманина идея эта перешла к Главкому Вершинину, от него – к министру

Малиновскому и наконец достигла высших сфер, где была встречена с восторгом.

– Я им такую свадьбу закачу! – воскликнул Никита Сергеевич и дал команду приготовить к пиру Дом приемов на Ленинских горах.

Бракосочетание происходило в единственном тогда в Москве свадебном дворце на улице Грибоедова. Свидетелями со стороны жениха были супруги Быковские, со стороны невесты – Гагарины. Шаферами стали Карпов и председатель Моссовета Промыслов. Вырвавшись из плотного кольца любопытных на улице Грибоедова, свадебный кортеж проследовал через всю Москву на Ленинские горы. Туда уже съехались гости, в том числе Королевы, Глушко и другие конструкторы с женами. Вскоре появился и Никита Сергеевич с Ниной Петровной, Ворошиловым, зятем Аджубеем и другими людьми, которых никто не знал, потому что знать их не надо. Помятуя слова Салтыкова-Щедрина о том, что обывателя необходимо поддерживать в состоянии «непрерывного удивления» (а может быть, инстинктивно почувствовав это и без помощи классика), Никита Сергеевич распорядился, чтобы свадьбу показывали по телевидению, что весьма осложнило жизнь секретных конструкторов. Это не помешало Никите Сергеевичу, сидевшему рядом с невестой, провозгласить тост за Главного конструктора Сергея Павловича Королева. Королев встал из-за стола и пошел чокаться с вождем.

– А Нина Ивановна?! – потребовал Хрущев. Он хотел, чтобы все шло чин по чину, как полагается на свадьбах.

С рюмкой в руке, споткнувшись о телекабели, поспешила на призыв вождя и супруга Главного конструктора.

Играла музыка, жужжали своими камерами кинооператоры: фильм о свадьбе космонавтов заказали около ста стран, пели солистки из хора имени Пятницкого; заглушая их, шли, кое-как руководимые тамадой-Поповичем, свадебные здравицы и тосты. К микрофону один за другим подходили ораторы: Ворошилов, Келдыш, Гагарин, секретарь ЦК комсомола Марина Журавлева. Самыми тихими были родичи и друзья Андрияна из Чувашии, совершенно подавленные всем этим великолепием и близостью Хрущева, до которого можно было практически дотронуться, но сама мысль об этом казалась столь фантастичной, что для отрезвления рука сама тянулась к граненому графинчику.

В конце концов все немного притомились. Хрущев с Ворошиловым затеяли долгий спор, какие песни надо петь, какие не надо. Киношники и телевизионщики выключили свои перекалки, и, хотя было очень светло, сразу стало темно и праздник как бы кончился.

По программе свадьбу надлежало продолжить в Звездном городке. Хрущев туда не поехал. Прощались долго, целовались с тем чистым, истовым верно-подданничеством, с которым, кажется, только русские умеют целоваться.

В огромной «Чайке» Келдыша хозяин сел с шофером, на откидных – Карпов с Королевым, а сзади – Нина Ивановна с женой Карпова и Бушуев. В Звездном началось все по второму кругу. Королев больше не пил. Запомнился замечательный чувашский виртуоз, который играл на гармошке...

Я бы не рискнул осуждать Никиту Сергеевича за «звездную свадьбу». Он был искренен и добр к этим молодым людям. Вся же азиатская помпезность шла от его собственных представлений о прекрасном и давнего, с годами отвердевшего бескультурья. Будучи натурой по-настоящему страстной, Хрущев губил себя отсутствием чувства меры. Касалось ли дело свадьбы, реорганизации экономических структур, реформы народного образования или внедрения кукурузы, всякий раз даже полезное и нужное начинание от чрезмерного усердия если и не оборачивалось бедой, то ожидаемых результатов не давало и в конце концов себя дискредитировало. И в совнархозах, и в политехнизации, и в целине зерна здравого смысла были. Брось их в землю, удобри разумными административными акциями – они прорастут в свой срок и дадут урожай. Но Хрущеву хотелось, чтобы они проросли немедля, и для этого землю удобрял он столь усердно, что превращал уже в чистый навоз, на котором хорошо растут разве что одни поганые грибы. Когда защитники Хрущева говорят, что все доводили до абсурда угодливые аппаратчики на местах, а сам Никита Сергеевич-де не виноват, доля правды в этих словах есть, хотя коль хватило у него сил раскрутить маховик некой новой реформы, так уж подавно должно было хватить их и на то, чтобы его притормозить. Да и потом, ужели без ведома Хрущева выселяли, скажем, из Москвы Министерство сельского хозяйства, чтобы оно было «поближе к земле»? Нет, при поправках на всечиновничье угождение и усердие Хрущев сам не любил тормозов и на изобретенные своей властью механизмы их не ставил.

Так было и с его преобразованиями в науке. Мысль о том, что науку надо приблизить к производству, а достижения ее поскорее внедрять в практику, была и разумна, и актуальна. Но и тут чрезмерность в осуществлении здравых идей губила все начинания. Напрасно Александр Николаевич Несмеянов доказывал, что Академия призвана решать фундаментальные задачи, которые с первого взгляда далеки от нужд практической жизни, а потом оказываются главной питательной средой для

развития всякого производства, напрасно приводил в пример Фарадея и Бутлерова, – сопротивление президента лишь раздражало Хрущева, который хотел видеть академиков в цехах и на полях. Власть была недовольна Несмеяновым, но президент Академии – не секретарь обкома, с налета его не скинешь, да и в истории Академии не было случая, чтобы президента отстраняли. Должность эта, как правило, была пожизненной. И в советское время Карпинский, Комаров и Вавилов умирали в президентском кресле.

Однако недовольство росло. Масла в огонь подлила космонавтика. Несмеянов считал ее успехи замечательными, прекрасно понимал политическое значение этих успехов, приветствовал планы Королева, но вовсе не собирался ставить космонавтику в положение исключительное, ломать в угоду ей научные планы множества институтов и отдавать ей лучшие людские и материальные ресурсы Академии.

Но ракетчики во главе с Королевым требовали именно этого. К 1960 году они были уже довольно сильны: Королев и Глушко стали академиками, Пилюгин, Рязанский, Кузнецов, Бармин – членами-корреспондентами Академии наук. Все они входили в Отделение технических наук, академиком-секретарем которого стал А.А. Благонравов. Б.Н. Петров был одним из его заместителей, Г.И. Петров и В.П. Глушко – членами бюро этого отделения. В отделение входили Л.И. Седов, радисты В.А. Котельников, Г.В. Кисунько и А.А. Расплетин, теплотехник Б.С. Стечкин, атомщики Н.Л. Духов, В.С. Емельянов, авиаторы А.Н. Туполев, С.А. Лавочкин, А.С. Яковлев и пока находящийся между авиаторами и ракетчиками В.И. Челомей. Это было самое многочисленное (102 академика и члена-корреспондента), а главное – самое могущественное и наиболее щедро (если не считать атомщиков) финансируемое отделение Академии – мозг военно-промышленного комплекса страны. Не считаться с ракетчиками в академических делах было все труднее. Но когда Благонравов попытался поставить вопрос на президиуме о выборах Королева в вице-президенты, поддержки там он не получил: из ЦК была «спущена» своя кандидатура: Михаил Дмитриевич Миллионщиков. Пилюгин и Бармин выступили на заседании президиума в поддержку Королева, требовали, чтобы кандидатуру Королева еще раз рассмотрели в ЦК. Келдыш молчал. Несмеянов согласился. Вопрос сняли с обсуждения. Но когда все ракетчики уехали на космодром, выборы провели. Миллионщиков стал вице-президентом, Королев – лишь членом президиума. Стало ясно, что Несмеянов без боя власть энергичной группировке из Отделения технических наук не

отдаст.

Ракетчикам он был нужен, когда они только проникали в Академию и завязывали связи с ее институтами. Теперь он им мешал. Им нужен был «свой» президент, всемирно признанный, авторитетный ученый Теперь, где только могли, они на всех уровнях, вплоть до кабинета Первого секретаря ЦК и Председателя Совета Министров (с марта 1958 года В.С. Хрущев совмещал обе эти должности), упорно доказывали, что президентом необходимо избрать Келдыша. Эти слова совпадали с желанием Хрущева освободиться от упрямого Несмеянова, мешающего ему осуществлять преобразования в мире науки. Время работало на ракетчиков: победные старты укрепляли их авторитет все больше и больше. Из силы научно-технической они превращались в силу политическую. Апрельский старт Гагарина стал последней каплей, переполнившей чашу их триумфа и терпения Никиты Сергеевича. Издается Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР». Следом, 19 мая. Общее собрание Академии, разыгранное по нотам, написанным в ЦК, принимает отставку Несмеянова и выбирает рекомендованного им Келдыша президентом Академии наук. Бесспорно, что с приходом на научный престол нового президента позиции ракетчиков еще более укрепляются. Королев может радоваться: теперь, когда они так сильны, так могучи и богаты, есть ли задачи, которые были бы им не по плечу?!.. Он забыл один дьявольский закон, давно живущий в мире людей: общая слава не сплачивает. Никогда, нигде и никого – будь то маршалы Великой Отечественной или английские битлзы...

Существует средневековая притча: одного рабочего спросили: «Что ты делаешь?» «Везу тачку с камнями», – ответил он. «А ты что делаешь?» – спросили другого. «Строю Шартрский собор!» Королеву, в отличие от современных ему чиновников высшего ранга и многих его коллег, была свойственна историчность мышления. Хрущев делал на космосе политику сегодняшнего дня, укреплял свой международный, да и внутренний авторитет. Ракета была для него мастерком, которым он возводил «величественное здание коммунизма» – одно из любимых выражений Никиты Сергеевича. В более низких эшелонах власти, в ЦК, Совмине, министерствах, причастных к космонавтике, она тоже рассматривалась прежде всего как некий политический рычаг, отвечающий потребе сегодняшнего дня. Немало умных людей (обывательское мнение, будто все чиновники – дураки, ложно) с рвением замечательным подключались к новой работе,

да не просто подключались, а энергично при этом отпихивали тех, кто тоже хотел подключиться. То соперничество, которое наблюдалось в США между армией, флотом и ВВС, с поправками на специфику системы, присутствовало и у нас, разве что соперники были другие. Все понимали, что космонавтика – не просто новая, сверкающая золотыми звездами научно-техническая жила, но нечто более важное – знамение времени, зеркало эпохи, а потому сулит власть, карьеру, награды, сулит радости жизни.

Для настоящих «генералов космоса», таких, как Пилюгин, Глушко, Рязанский, т.е. людей, действительно очень преданных работе, космонавтика давала возможность полной, без оглядки на финансирование и снабжение, реализации своих идей, и всякий победный старт, как это было и в прежние, докосмические годы, рассматривался ими, прежде всего, как торжество личных научно-технических принципов. И на их «фирмах» были люди, понимающие, что на космосе можно погреть руки, сделать «модную» диссертацию, организовать отдел под своим руководством, но, в принципе, таких было немного, и не они определяли общий настрой. Королевская гвардия тех лет – это молодые инженеры, вчерашние выпускники МВТУ, МАИ и Физтеха, романтики и бессребреники, не помышляющие ни о степенях, ни о наградах, люди, бесконечно увлеченные работой, преданные ей, гордящиеся ею и ничего, кроме нее, в жизни не имеющие. По меткому выражению академика Л.А. Арцимовича (которое авторы «Девяти дней одного года» вставили в сценарий своего фильма), такие люди «удовлетворяли собственное любопытство за счет государства». Но при этом и они, в подавляющем большинстве своем, лишь «возили тачки с камнями», а Королев «строил Шартрский собор». В ОКБ многие досадовали, когда в напряженные дни окончательных испытаний «семерки» Королев и сам отвлекался, и других отвлекал на создание этого ничтожного ПээСа, а Сергей Павлович говорил убежденно:

– Вспомните меня: этот спутник в музеях будут показывать!

Возможно, холодный аналитический мозг Келдыша мог оценить масштабы этой работы, значение ее скорее чувствовали, чем понимали, такие ясные умы Академии, как Капица, например, но в полной мере ощущал ее историчность, мне кажется, только Королев. Летописцы-техники справедливо сравнивают достоинства и недостатки конструкций Королева, Янгеля, Челомея, обнаруживают, что Челомей при жизни Королева сделал ракету самую мощную, а межконтинентальная машина Янгеля была дешевле «семерки». Исследования такие

полезны и нужны, сравнивать необходимо, но, мне кажется, духовные устремления этих конструкторов и Королева, уровень восприятия ими содеянного, отношение к космонавтике не как к области реализации технических совершенств, а как к исторической данности – другие. Отсюда и неформальное, глубоко личное восприятие Королевым творческого наследия Циолковского, отсюда – внимание ко всему, что отражало первые вехи эпохи космоса, будь то книги, фильмы, выставки, памятники или даже просто почтовые марки с изображением спутника. Отсюда постоянные призывы к консолидации усилий всех, кто может (а по Королеву это означает – кто должен!), еще более расширить космические исследования...

А может быть, все проще и это элементарная жажда власти, стремление подмять всех под себя? Да! И это было! И это должно быть, ибо всякий, по-настоящему увлеченный человек неминуемо стремится к власти для торжества своих идеалов. Но именно для торжества идеалов, а не для торжества честолюбия... Когда Королеву предложили перевести его с должности Главного конструктора на должность Генерального конструктора, он же не согласился, хотя это был очевидный шаг к самоутверждению и настоящий праздник карьеризма.

– Я работаю так, как все, – сказал тогда в Совмине Сергей Павлович. – Без своих коллег я ничто и поэтому не могу и не хочу выделяться среди них...

Он был последовательным сторонником общих трудов и общей славы.

Но оказалось, что эта общая слава, достигшая пика гагаринской весной, этот золотой дождь наград и иных знаков внимания, эти победы в Академии – все это возымело реакцию, обратную той, которую ожидал Королев. Это не сплотило Совет Главных, а отдалило этих Главных друг от друга.

Примерно через два года после смерти Королева Валентин Петрович Глушко говорил мне на космодроме:

– Ну, что вы всё: Королев! Королев! А что такое Королев? Это тонкостенная металлическая труба. Я ставлю внутрь ее свои двигатели, Пилюгин – свои приборы. Бармин строит ей старт, и она летит...

Подобные настроения возникли не вдруг. Слава, мощь, деньги, тысячи подчиненных – все это неминуемо должно было привести к вопросу: «Позвольте, а, собственно, что такое Королев? Ужели мы без него не обойдемся? Это он без нас не обойдется!»

Тогда на космодроме я ответил Глушко довольно дерзко:

– Вы правы, Валентин Петрович. Вполне могло быть так, что

не вы бы ставили внутрь его трубы свои двигатели, а он надевал бы на ваши двигатели свою трубу. Но ведь не вы его, а он всех вас подмял под себя и заставил на себя работать. Ведь так?

Глушко промолчал.

Многие годы именно он, Валентин Петрович Глушко, больше, чем кто-либо другой, тяготился первенством Королева в Совете Главных, сопротивлялся его лидерству на космодроме и стремился освободиться от его власти, избежать всякой зависимости от него. И это удалось ему. Ценой Дела.

Я не виню Глушко, он ни в чем не виноват. Винить его столь же нелепо, как винить человека за цвет глаз. Он был прирожденным лидером, обладал фантастическим честолюбием и подчиняться кому-либо не хотел, не умел, не мог. Удивляться надо не тому, что они поссорились с Королевым в 60-х годах, а тому, как они все-таки сумели проработать вместе до 60-х годов!

Трудно сказать, когда и где начались их разногласия. Быть может, начало – в жарком и пыльном лете 1957 года, когда они, что называется, разругались вдрызг после третьей подряд неудачи с «семеркой»? Впрочем, скорее всего, эта авария была лишь поводом конфликта. Еще раньше, до второго пуска, Королев писал жене: «Приехал Вал. Петр.[228] и ко всеобщему (и моему!) изумлению через час после приезда в самой грубой и бессмысленной форме изругал всю нашу работу здесь. Это произвело на всех нас очень плохое впечатление. Сейчас все это приходится опровергать фактами, опытами, но так много на это нужно сил. Это, к сожалению, уже не критика, не дружеская критика, а неумное злопыхательство. Я ему ответил спокойно (но чего это стоило!) и только упрекнул его в несдержанности и заносчивости. Ник. Алек.[229] требовал, чтобы мы разобрали его поведение, но разве это поможет? Ведь если человек так заносится, что считает себя «самым умным во всех без исключения вопросах», то помочь здесь могут только факты, которые опровергнут все эти высказывания».

В этом конфликте, в отличие от Бармина, который называл обоих виноватыми, я бы скорее назвал обоих правыми. Глушко действительно хорошо работал. Он почти никогда не опаздывал, не нарушал договорные сроки. Его двигатели были отработаны на стендах, и по их вине полигонные испытания срывались действительно редко, во всяком случае реже, чем по вине Королева. И принцип его: «если каждый сделает свою работу хорошо, общая работа будет тоже хороша», – логически безупречен.

Но прав и Королев, упрекающий Валентина Петровича в заносчивости и индивидуализме. Эти черты вряд ли станут

отрицать люди, знавшие его. Индивидуализм Валентина Петровича был не только его личной чертой, но и распространялся на Дело. ОКБ Глушко было несравненно более изолированным, нежели ОКБ Королева. «В нашу работу втянуты очень многие организации и институты, практически по всей стране, – писал Королев. – Много разных мнений, много опытов, много самых различных результатов – все это должно дать в итоге только одно правильное решение». Королев всегда тяготел к синтезу. Делясь своими сокровенными мыслями с женой, в том же самом письме, в котором он критиковал своего давнего соратника, Сергей Павлович писал: «Кроме того (и это, пожалуй, самое важное), моя лично задача состоит в том, чтобы сплотить, а не разобщить нашу группу конструкторов, которая столько создала за эти годы. Ведь вместе – мы сила в нашей области техники.

Все, конечно, объясняется тем периодом неудач, через который мы сейчас проходим.

Мне думается, что до берега уже не так далеко и мы, конечно, доплывем, если только будем дружно вместе выгребать против волн и штормов...»

Они доплыли тогда до берега, но объяснять все лишь «периодом неудач» было бы неверно. Еще когда «семерка» только завязывалась, Королев говорил с Глушко о двигателях для этой ракеты. Идеально было бы иметь пять мощных двигателей – по одному в каждой «боковушке» и в центральном блоке.

– Этак, чего-нибудь тонн под семьдесят пять каждый, а? – подзадоривал Сергей Павлович.

Глушко отказался. Его возмущало, что Королев нарушает границы его суверенных владений. Он сам знает, какие двигатели нужны новой ракете. Таких, о которых говорит Королев, никто еще не делал. Глушко боялся разрушающих детонации и акустических колебаний, вероятность появления которых росла с увеличением объема камеры сгорания. Но если бы он все-таки сумел сделать такой двигатель, у него не было стендов, на которых его можно было бы испытать. 75-тонник просто разворотил бы его стенды и все. Значит, нужно строить новые стенды – новые деньги, новые хлопоты.

Глушко был прав: вторжение в неизведанные области двигателестроения сулило массу неожиданностей. Никаких гарантий успехов он дать не мог. А гарантий требовали. Всегда стремящийся к простоте и надежности, Королев позволил ему переубедить себя: действительно, двадцать маленьких, но хороших ЖРД, наверное, лучше, чем пять больших, но плохих. И двигатели на «семерке» оказались действительно очень

удачными, безотказными.

Таким образом, историю разногласий «СП» и «ВП», как все их называли, нельзя объяснить лишь неудачными пусками Р-7, – они начались задолго до них и продолжались после них. Новый нажим Королева на Глушко начался, когда задумывалась ракета Р-9.

Сразу после начала испытаний Р-7 стало ясно, что огромная эта машина для военных целей малопригодна. Многодневная подготовка ракеты к старту[230], очень дорогая и в то же время очень уязвимая стартовая позиция, на которой готовая, уже находящаяся на боевом дежурстве ракета должна постоянно подпитываться жидким кислородом. Военным нужна была надежная, дешевая, желательно небольшая ракета, которую можно было бы упрятать в шахту, хранить в этой шахте сколь угодно долго и запускать нажатием кнопки. Физики тем временем сумели значительно сократить вес атомной боеголовки, и стало ясно, что сделать такую ракету, какая нужна военным, в принципе можно. Ею занялись сразу в трех КБ: у Королева, Янгеля и Челомея – нового Главного конструктора ракетной техники. Постановление правительства о разработке новых ракет: Р-16 – в ОКБ Янгеля и Р-9 – в ОКБ Королева – датированы одним днем: 13 мая 1959 года.

Глушко считал, что Р-7 будет последней ракетой, которая летает на жидком кислороде. Душа его к кислороду не лежала давно, с 30-х годов, с РНИИ, где он занимался только двигателями на азотно-кислотном окислителе, в отличие, скажем, от Тихонравова, который выбрал кислород. Работы, начатые в РНИИ, Глушко продолжил и после ареста в казанской шараге, где он тоже проектировал двигатели на азотной кислоте. Кислородом его заставил заниматься фон Браун. И пошло: Р-1, Р-2, Р-5, Р-7 – все самые знаменитые ракеты Королева летали на кислороде, и Королев любил кислород! Тоже с юных лет любил, с ГИРД, когда в Нахабине замораживали они в голубой жидкости лягушек до стеклянной хрупкости. Ракеты на азотке Королев называл «грязными», терпеть не мог вонючих, ядовито дымящих луж.

Однако в своем «неприятии азотки» Королев оказался в одиночестве. Первым, кто сразу отказался от кислорода в пользу высококипящих компонентов, был Янгель. Люди осторожные рекомендовали Михаилу Кузьмичу начать с какой-нибудь маленькой ракетки, «потренироваться». Но, как уверенный в себе тяжелоатлет, Михаил Кузьмич сразу «заказывает большой вес»: начинает с ракеты среднего радиуса, – «для Европы», – как он мрачновато шутил. В мае 1957 года ее привезли в Кап.Яр. Королев приехал посмотреть. Первый старт прошел без

замечаний.

– Первый пуск, это еще не пуск, – небрежно сказал Сергей Павлович.

Янгель улыбнулся. Он слишком хорошо знал Королева и понимал, что происходит сейчас в его душе.

Следом в Днепропетровске начинается работа над межконтинентальной баллистической ракетой Р-16. Обогнать «семерку» Янгель не может. Испытания новой машины были отброшены назад и гибелью группы ракетчиков во главе с маршалом Неделиным. Но Р-9 – новую ракету Королева – Янгель обгоняет. А следом уже Челомей со своей первой баллистической ракетой УР-100[231]. Эти ракеты, заправленные несимметричными диметилгидразином (который, в отличие от спирта, пить нельзя) и азотной кислотой (которая, в отличие от жидкого кислорода, не кипит даже летом), можно было держать в шахте заправленными и готовыми к пуску весьма долго.

А Королев уперся. Его горячо и искренне поддерживал Мишин, который был еще более предан кислороду, чем сам Королев. Получилось, что теперь Глушко работал с Янгелем и Челомеем от души, а с Королевым – по принуждению. Это чувствовалось сразу, и Королев ревновал. Конфликт углублялся. Попытка Хрущева в начале июня 1964 года примирить Королева с Глушко окончилась неудачей.

Ракета Р-9 весила всего 82 тонны и в сравнении с огромной 300-тонной «семеркой» выглядела просто маленькой. Она могла нести ядерный заряд и запускаться из шахты. Вопреки предупреждениям всех маловеров, Мишин придумал для шахтного варианта «девятки» замкнутый цикл переохлажденного кислорода, что позволяло ей тоже долго находиться на боевом дежурстве. Первые испытания ее прошли сразу после полета Юрия Гагарина. Королев улетел на торжественную встречу в Москву, а Мишин, Черток, Хомяков и другие его «гвардейцы» остались на космодроме готовить эти испытания. По некоторым своим характеристикам она превосходила ракету Янгеля и более позднюю ракету Челомея. Все три были приняты на вооружение, однако в конце концов янгельская машина оказалась более удобной для военных и прожила в армии дольше. Сегодня Р-9 можно увидеть у парадной лестницы Центрального музея Вооруженных Сил в Москве.

По мере того как Янгель и Челомей все шире разворачивали свои работы, возрастало и участие в них других Главных конструкторов: Пилюгина, Рязанского, Кузнецова, Бармина. Уже не формально, а фактически произошло то, к чему так стремился Устинов: Королев потерял монополию. Совет Главных, созданный

Королевым и заседавший чаще всего под его председательством, стал уже совсем иным Советом. Раньше Главные работали только на Королева, теперь они могли выбирать. Та самостоятельность и независимость, которая была ими завоевана именно в результате теснейшего сотрудничества с Королевым, позволяла им теперь это сотрудничество ослабить.

Было время, когда соратники покидали его из-за неудач. Наступило время, когда они стали покидать его из-за успехов.

В короткой, но бурной истории нашей космонавтики год 1960-й не отмечен эпохальными свершениями. Отгремели лунные триумфы, впереди гагаринский старт, а пока относительно спокойное время. Между тем год этот должен войти в историю как дата важнейшая. Именно в этом году Сергей Павлович Королев разрабатывает и утверждает в высших инстанциях развернутую программу грандиозного космического наступления. Документ этот, датированный 23 июня 1960 года, назывался Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О создании мощных ракет-носителей, спутников, космических кораблей и освоении космического пространства в период 1960-1967 годов». Прошли десятилетия, а менять что-либо в этой программе, мне кажется, не надо...

В Постановлении говорилось о необходимости создания ракет для выведения на орбиту вокруг Земли тяжелых летательных аппаратов для исследования природных ресурсов, космических излучений, природы тяготения, происхождения и развития планет и условий на ближайших из них, для выявления форм органической жизни в условиях, отличающихся от земных.

Королев наметил такие этапы в выполнении этой программы: облет вокруг Луны на корабле с экипажем 2-3 человека, вывод корабля на орбиту спутника Луны, высадка на поверхность Луны, возвращение на Землю. Затем – организация ряда экспедиций на Луну для исследования ее грунта, рельефа, выбора места для постройки лунного поселения, а после – строительство такой базы, налаживание постоянных транспортных перелетов по маршруту Земля-Луна-Земля. Следом корабли с экипажем в 2-3 человека должны совершить облеты Марса и Венеры и выбрать места для создания исследовательских баз, после чего начнется работа на этих базах, требующая регулярных межпланетных перелетов.

Отдельный пункт – запуски автоматических аппаратов для исследования околосолнечного пространства и далеких планет: Юпитера и т.д.

Отдельный раздел Постановления говорит о выведении на орбиту автоматических и телеуправляемых тяжелых

искусственных спутников Земли – ретрансляционных, связных, метеорологических и других. Есть, наконец, и военный раздел, в котором планируется вывод «при необходимости тяжелых автоматических станций, обеспечивающих длительное существование на орбитах и позволяющих производить маневр, для одновременного вывода на орбиту большого количества искусственных спутников Земли военного назначения и др.»

Все это, повторяю, не из библиотеки фантастики, не из афиши планетария, а из Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР 1960 года! Более фантастической и более грандиозной программы я не знаю. Ничего подобного никогда не было ни в нашей стране, ни за рубежом. И рассчитана она не на XXI век – такие программы вообще ничего не стоят, потому что люди, их принимающие, знают, что они не доживут до сроков реализации и никакой ответственностью не связаны. Эта программа была рассчитана на семь лет: 1960-1967 годы!

Человек еще не взлетел в космос, а планируется исследовательская база на Марсе. Что это, прожектерство? Авантюра? Нет, Королев считает, что никаких фантазий здесь нет. Он убежден, что это время – достаточное для того, чтобы создать космическую ракету, способную начать выполнение всех этих планов. Семь лет отмерил он для рождения своей новой ракеты Н-1.

Если помните, Сергей Сергеевич Крюков – один из «отцов» Н-1 – говорил, что в ОКБ Королева работа над любой ракетой начиналась задолго до того, как по ней принималось официальное постановление, разрешающее эти работы начать. Так было с Р-7, так же было и с Н-1. На «штурм» новой ракеты были брошены «полки королевской гвардии», обстрелянные в великой битве за «семерку», под командованием лучших «генералов от космонавтики»: Василия Мишина, Сергея Крюкова, Сергея Охапкина, Бориса Чертока, Якова Коляко. Уже 16 мая 1962 года Королев подписал эскизный проект суперракеты. Это была огромная стометровая трехступенчатая громадина. Первая и вторая ступени должны были работать на традиционных для Королева кислороде и керосине, третья – высотная ступень, которую, опять-таки «традиционно», делал Косберг, – на кислороде и жидком водороде. Теоретически это было идеальное, или, как называл эту пару Алексей Михайлович Исаев, «богом данное» топливо. Все упиралось в сложности хранения жидкого водорода с невероятно низкой температурой: он кипел при -252, 6 градусах Цельсия.

Прав или не прав Королев в таком выборе – судить специалистам. Замечу только, что в это же самое время, для тех

же самых целей, с теми же приблизительно параметрами в США проектировали знаменитую «лунную» ракету «Сатурн-5» и, как вы понимаете, не сговариваясь с Королевым, выбрали ту же пару: кислород-керосин.

Глушко в это время целиком переключился на двигатели с высококипящим окислителем и ни о каком кислороде слышать не хотел. Его интересовали экзотические топлива с окислителями на основе фтора, и Владимиру Ивановичу Курбатову, одному из своих заместителей, он поручил заниматься только фтором. Фтор сулил заметный прирост тяги. В 1964 году Королев сам приехал в Приморск на опытные стенды Глушко – посмотреть, как работают двигатели на новом окислителе.

Стенд исступленно ревел. Выхлопные газы выводились под воду: они могли отравить всю округу.

– Такой удельной тяги мы никогда еще не получали, – сказал Курбатов после испытаний.

– Как он хоть выглядит, этот фтор? – спросил Королев. Владимир Иванович протянул ему колбу с бурой жидкостью.

– А понюхать можно?

– Не советую, – поморщился Курбатов.

Практик до мозга костей, Королев быстро понял: фтор – это тупик. Можно построить уникальную ракету с двигателем уникальных характеристик, но создавать на подобных компонентах космический флот, строить ракету, которая должна будет потреблять сотни тонн этого яда, один стакан которого может убить человека, – нельзя. При заправке ракеты фтором необходимо было соблюдать жесточайшие правила безопасности, требовалась высокая культура эксплуатационников. А ее не было! И создать ее приказом по полигону было нельзя![232] Королев стал убежденным противником экзотических топлив, и это подлило масла в огонь их распри с Валентином Петровичем.

Однажды в кабинете Леонида Васильевича Смирнова, когда Глушко в ультимативном тоне заявил, что новой ракете нужны двигатели только на высококипящих компонентах, разразился большой скандал.

– Но ведь это уже не ракета, а пороховая бочка! – кричал Королев.

– Всякая ракета – пороховая бочка! – парировал Глушко.

– Нет, не всякая! Эта гадость самовоспламеняется!

– Работай грамотно, и она не будет самовоспламеняться!

– Да при чем тут грамота?! И азотный тетраксид, и гиптил – это яды! Если ракета с полными баками этой дряни свалится на землю, на многие километры вокруг не останется ничего живого, это ты понимаешь?

– Я понимаю, что идеальным был бы двигатель на водяном паре! Мы бы орошали Кызылкумы! Ты хочешь летать в космосе и остаться чистеньким?!

– Да! Пока я жив, человек не сядет на ядовитую ракету! Ты становишься на моем жизненном пути! Это ты понимаешь?!

– Существуют еще интересы государства, которые не позволяют мне...

– Не хочешь – не делай! Обойдусь без тебя!

Смирнов чувствовал, что его кабинет превращается в боксерский ринг, но помалкивал; в отличие от рефери, не ввязывался в бой, боясь, что под горячую руку может получить оплеухи с двух сторон. Мишин, Черток и Курбатов тактично вышли из кабинета...

Итак, Валентин Петрович Глушко отказался принимать участие в создании ракеты Н-1.

Когда Королев кричал, что он обойдется без него, он не блефовал: его новым партнером стал Николай Дмитриевич Кузнецов, к тому времени – руководитель одного из ведущих КБ авиационных двигателей в Куйбышеве.

Очарованный «семеркой» и той обманчивой простотой, с которой она может закинуть атомную бомбу в западное полушарие, Никита Сергеевич Хрущев в конце 50-х годов решает, что авиация, уж во всяком случае дальняя бомбардировочная авиация, ему теперь не нужна. В ЦК Хрущев сам проводит совещание, на которое приглашает всех главных конструкторов ракетной и авиационной техники, директоров заводов и высших чиновников оборонных министерств.

В кратком, но очень энергичном вступительном слове Никита Сергеевич заявил, что ядерное оружие требует перехода от самолетов к ракетам, которые хоть и дороги (здесь мимоходом досталось Устинову и Бармину, который неосмотрительно оказался на виду), но абсолютно надежны и не требуют человеческих жертв. Прямо за Хрущевым выступил Королев, заявив, что ракетная техника сможет выполнить возложенные на нее задачи при условии, что лучшие умы авиапрома примут участие в ее разработках.

– Вот сидят наши прославленные конструкторы авиационных двигателей:

Николай Дмитриевич Кузнецов и Архип Михайлович Люлька – люди огромного опыта, руководители сильнейших коллективов, – говорил Королев. – Разве они не могут помочь нам? Мы очень нуждаемся в их помощи. Сегодня огромные перспективы открываются перед кислородно-водородным топливом...

Сергей Павлович не упустил возможность расхвалить кислород как окислитель и припугнуть вождя экологическими катастрофами в случае применения высококипящих компонентов ракетного топлива.

Описания ужасов диметилгидразина мало волновали авиаконструкторов, они поняли главное: жизнь их пошла под откос. Зная, что Никита Сергеевич на полумерах не останавливается, министр авиапрома Петр Васильевич Дементьев, человек очень умный и дальновидный (недаром он был министром 24 года, пока не умер в 1977-м), понял, что авиацию надо спасать. Он произнес страстную речь, отметив, насколько глубоко прав Никита Сергеевич, расхваливал ракеты с не меньшей горячностью, чем поносил их в конце 40-х годов, и заверил Хрущева, что и Кузнецов, и Люлька, конечно же, переключатся в самое ближайшее время на ракетную тематику. Жертвуя двумя двигателистами, Дементьев старался отвести удар от других.

Не все авиационники это поняли, но на всякий случай в своих выступлениях на разные лады подпевали своему министру, а ракетчики изображали бедных сирот и взывали о помощи. Один Туполев заявил, что со всем сказанным он не согласен и уж коли человек научился летать, то занятия он этого не бросит, как тут ни крути.

Подхалимы-аппаратчики тихо, интеллигентно зашикали, Хрущев лучезарно улыбался, давая понять, что слова эти следует списать на старческий маразм: он знал, что перечить Туполеву очень опасно...

И здесь снова, в который раз уже, Хрущеву изменило чувство меры, опять хватил он через край. Конструкторам авиационной техники пришлось туго. Были приостановлены и заморожены работы, подчас уже завершенные, когда результат был налицо. Музейными экспонатами суждено было стать «сотке» Павла Осиповича Сухого и межконтинентальному бомбардировщику М-50 Владимира Михайловича Мясищева – машинам, судя по отзывам специалистов, обогнавшим свое время и не имевшим зарубежных аналогов. Ни к чему не привел и маленький «бунт» всесильного Туполева: фронтовой сверхзвуковой бомбардировщик 98 доделать ему не дали. Не пошла и 91-я машина – добротный, дешевый, тихоходный и хорошо вооруженный самолет поля боя, фюзеляж которого был похож на головастую рыбу, за что он и получил в КБ прозвище «бычок».

– Забодали нашего «бычка», – вздыхали конструкторы.

– Эх, кабы только нас...

Двигатель для «бычка» делал как раз Кузнецов. Двигатель

был уже готов, когда Николая Дмитриевича «женили» на ракете. «Жениться» он не хотел. У него были давние, прочные связи с авиационниками, которые проектировали тяжелые машины: Туполевым, Антоновым, Ильюшиным. Переключаться, как требовал Хрущев, Кузнецов не хотел, потому что дело свое знал, любил и делал его хорошо. В крайнем случае, он мог подключиться, но не переключиться. Председателем Совмина РСФСР был Фрол Романович Козлов – в недавнем прошлом второй секретарь Куйбышевского обкома, которого Кузнецов хорошо знал. Поехал в Москву искать у него защиты. Вместе они уламывали Кириченко – второго человека в государстве, тот при них звонил Хрущеву, но не помогло: Никита Сергеевич решил и все.

У Кузнецова было хорошее КБ, дружный, крепкий коллектив, но ракетные ЖРД были для него делом новым, освоить которое вот так сразу, по министерскому приказу, было невозможно. Конечно, и знаний, и опыта у Глушко было больше – он занимался ракетными двигателями к тому времени уже более тридцати лет. Многие из наших ведущих специалистов в области ракетной техники считают, что, развивая работы над теми двигателями, которые уже стояли на Р-9, Глушко мог, сэкономив несколько лет и много миллионов рублей, сделать двигатели для Н-1. Но самую большую горечь начинаешь испытывать, когда вдруг осознаешь, что, отложив в сторону все свои «высококипящие принципы», Валентин Петрович сделал для суперракеты «Энергия» те самые двигатели на жидком кислороде и керосине, о которых просил его Сергей Павлович двадцать лет назад...

Если большие двигатели пугали опытного Глушко, то Кузнецов тем более их боялся. По его расчетам, на первой ступени Н-1 должны были синхронно работать двадцать четыре камеры сгорания. Хвост ракеты раздувался, а вся она становилась похожей на толстую морковку.

– И куда же мы на такой штуке полетим? – спросил Кузнецов, задумчиво разглядывая в Подлипках эскизы будущей машины.

– Как куда? – весело отозвался Королев. – Куда хотите! На Луну, например!

Валентин Петрович Глушко

71

Грандиозные вещи делаются грандиозными средствами.

Александр Герцен

Для президента США Дуайта Эйзенхауэра наш первый спутник был полной неожиданностью. Старта Гагарина новый президент – он был избран в 1960 году – Джон Кеннеди ждал: все справки экспертов, все сводки разведданных говорили об одном: русские стремительно готовят полет человека. 12 апреля 1961 года Кеннеди отправил Хрущеву поздравительную телеграмму, а на пресс-конференции, в тот же день, дал понять журналистам, что этот старт – не новость для него, хотя он не считает «полет человека в космос признаком ослабления свободного мира». Признав, что США отстали, президент выразил уверенность, что через некоторое время они наверстают упущенное.

В Белом доме хорошо понимали значение гагаринского полета. «С точки зрения пропаганды, первый человек в космосе стоит, возможно, более ста дивизий или дюжины готовых взлететь по первому приказу межконтинентальных ракет», – писала «Нью-Йорк геральд трибюн». Программа «Меркурий» – орбитальный полет одного космонавта – вступила в завершающую стадию подготовки, но все понимали, что это будет лишь повторение пройденного. Гневные голоса раздавались в конгрессе, чиновники госдепартамента предсказывали неблагоприятную реакцию союзников, демократы подняли новую волну критики президента. А критиковали его зря. «Президент был убежден более своих советников, что второстепенные, второразрядные усилия в космосе не отвечают безопасности его страны, не соответствуют ее роли в качестве мирового лидера...» – писал советник Кеннеди Теодор Соренсен. Уже 22 апреля – через десять дней после полета Гагарина – Кеннеди подтверждает в беседах с журналистами, что он поручил вице-президенту Джонсону изучить, как США могут обогнать Советский Союз в космосе. В начале мая, когда Алан Шепард совершил свой 15-минутный суборбитальный полет, глава НАСА Джеймс Уэбб и министр обороны Макнамара закончили редактуру последнего варианта программы высадки человека на Луну – ни в чем другом русских, как утверждали эксперты, реально обогнать было невозможно. 8 мая все бумаги были переданы Джонсону. Он сразу понял: это то, что нужно Кеннеди.

По традиции президент США обычно в январе каждого года обращается к сенату и палате представителей с так называемым «Посланием о положении страны» – политическим отчетом с программой будущих действий. Но брожение умов в Вашингтоне после полета Гагарина было столь велико, что Кеннеди вынужден был поломать традицию. 25 мая 1961 года он выступает со «Вторым посланием о положении страны» – одной из самых эмоциональных речей молодого – ему всего 44 года – президента:

– Если мы хотим выиграть битву, развернувшуюся во всем мире между двумя системами, – говорил Кеннеди, – если мы хотим выиграть битву за умы людей, то последние достижения в овладении космосом должны объяснить всем нам влияние, оказываемое этими событиями повсюду на людей, которые пытаются решить, по какому пути им следует идти...

Мы стали свидетелями того, что начало достижениям в космосе было положено Советским Союзом, благодаря имеющимся у него мощным ракетным двигателям. Это обеспечило Советскому Союзу ведущую роль на многие месяцы. Мы имеем основание полагать, что Советский Союз использует свои преимущества для еще более впечатляющих достижений. Тем не менее мы обязаны приложить свои усилия в этом же направлении. Сейчас мы не можем дать гарантию, что будем когда-нибудь первыми в этой области. Но можем гарантировать, что не пожалеем труда для достижения этой цели...

И самое главное – президент определил срок решения поставленной задачи, чего от него ждала вся Америка:

– Я верю, – сказал он, – что страна согласится с необходимостью высадить человека на Луну и обеспечить его благополучное возвращение на Землю до конца настоящего десятилетия...

Какая «необходимость»? Откуда она? И почему именно такой срок? Кем и чем он обоснован? «Уолл-стрит джорнэл», издание серьезное, для солидных людей, прокомментировал слова Кеннеди довольно резко: «Установленный срок осуществления лунной посадки до конца 1969 года был полностью произвольным, продиктованным не какой-то научной необходимостью, а в основном наивно детским желанием побить русских в гонке к Луне и в то же время занять мысли простого американца чем-то грандиозным».

В дальнейшем сам Кеннеди не раз подчеркивал престижность лунной программы США. Комментируя его речь в Хьюстоне в сентябре 1962 года, «Нью-Йорк тайме» писала о том, что «президент Кеннеди проникновенно говорил о планируемых сейчас громадных и дорогостоящих усилиях, направленных на то,

чтобы американец достиг Луны в этом десятилетии. Аргументация по существу сводится к тому, что те темпы и расходы, которые были установлены правительством Кеннеди, необходимы потому, что мы не можем позволить себе разрешить Советскому Союзу занимать ведущее положение в космосе. Короче, мы должны соревноваться и соревноваться успешно. Соединенные Штаты взяли на себя обязательства и не могут отступить».

Читая это, ощущаешь несвободу выбора. Вроде бы высадка на Луну не желание, а обязанность, тягостная необходимость выполнить некое, независимое от воли, высшее предначертание. Уолтер Липпман – самый популярный журналист США в те годы – заметил коротко и зло: «Это показуха, а не наука, и она компрометирует всю Землю». Показуха не показуха, а работы разворачивались очень быстро. Уже в 1961 году НАСА купило за 80 миллионов долларов около 88 акров земли на острове Мэррит в Мексиканском заливе на самом юге Флориды и приступило к строительству «лунного порта». На месте камышовых зарослей, набитых мириадами москитов, поднимался город Кейп Кеннеди, вокруг роились городки-спутники: Порт Канаверал, Коко-Бич, О'Голли, население росло, как в годы калифорнийской «золотой лихорадки»: с 24 тысяч до 265 тысяч.

С такой же невероятной скоростью рождались и отмирали различные проекты достижения Луны. Выбирали ракету-носитель. Что строить: «Нову» со стартовым весом 4500 тонн или более скромный «Сатурн-5» – 3000 тонн? Каким должен быть лунный корабль? Вариантов было множество, вплоть до 10-местного проекта. Кеннеди добился главного: признания лунной программы – программой общенациональной. Все делалось очень солидно, с размахом, с широким применением компьютеров, вся научно-техническая, технологическая, индустриальная мощь самой богатой страны мира была направлена на ее реализацию.

В 1963 году Кеннеди застрелили в Далласе. Президентом становится Линдон Джонсон. Он убежденно сохраняет космический курс своего предшественника. Еще за шесть лет до этого, когда полетел наш первый спутник, Джонсон говорил сердито:

– Я не верю, что нынешнее поколение американцев хочет примириться с положением, когда каждую ночь приходится ложиться спать при свете «коммунистической луны»...

Деньги! Джонсон не только не перекрыл могучие финансовые потоки, питающие лунную программу, он превратил их в настоящие золотые водопады. Общая сумма ассигнований на исследования космоса с 1808,4 миллиона долларов в 1961 году,

когда была объявлена лунная программа, возросла в 1964 году до 7038 миллионов.

Наши «Востоки» были намного тяжелее американских «Меркуриев», мы запускали ракеты вокруг Луны и на Луну, стартовали к планетам, первый космонавт был наш, первая женщина в космосе наша, на конец 1964 года мы запустили одних только спутников «Космос» больше полусотни, из 13 людей, побывавших на орбите, 9 были наши – мы лидировали во всех пунктах всех космических программ, мы были впереди на всех дистанциях «космической гонки», но расстояние между нами и заокеанским соперником стремительно сокращалось, и мы уже слышали за своим затылком горячее дыхание азартного американца.

Все биографы Королева упирают на то, как облегчили его труд космические победы, как помогала теперь ему, пусть безликая, но громкая слава. Но ведь все это и невероятно осложнило его жизнь! Поставленные им самим перед собой и всячески поощряемые людьми, стоящими у власти, условия непременного и очевидного первенства в космонавтике требовали постоянного напряжения всех его сил. Более того, после полета Гагарина требования эти начинают выходить за пределы возможностей даже такого человека, каким был Королев. Они определялись теперь уже не его яростной, сметающей все преграды на своем пути энергией, не умом и талантом его соратников, не могуществом его ОКБ и даже не высоким потенциалом, накопленным Устиновым и другими руководителями отдельных областей промышленности, а экономическим, технологическим и научным потенциалом всей страны. Гонка в космосе по существу превращалась в соревнование двух экономических систем. Существовали сотни причин, объясняющих, почему мы обогнали американцев в космосе. И была одна причина, по которой они должны были нас догнать: они были богаче. Понимал ли это Королев? Думаю, что понимал. Жизнь заставила это понять. В то, что Гагарин – пик судьбы, верить не хотел, а что дальше становилось не легче, а все труднее и труднее, не мог не чувствовать.

Самый первый набросок Н-1 предполагал, что ракета поднимет на орбиту от 20 до 40 тонн – почти восьмикратное увеличение мощности в сравнении с Р-7. Этот вариант и был в работе, когда Королеву позвонили из ЦК и сказали, что Никита Сергеевич просит его приехать в Пицунду. Королев задумался: надо было решить, какие плакаты требуется срочно нарисовать к предстоящему совещанию. Сергей Павлович руководствовался давно проверенным правилом: слова убеждают не всегда, а

потому начальству непременно нужно что-то показывать. Лучше всего – готовые машины в цеху или просто на старте. Но поскольку на совещаниях это сделать нельзя, необходимы плакаты. Уровень популяризации – нижайший. Никаких чертежей. Графики самые простые, безо всяких логарифмических координат. Желательно избегать величин относительных. Все должно быть на уровне шестого класса средней школы – просто и ясно: скорость, вес, высота, дальность, если это выгодно – рубли. И еще: плакаты должны быть обязательно красивы, от этого в немалой степени зависел успех доклада. Поэтому Королев был очень придирчив к плакатам, долго объяснял непосредственным исполнителям, как, где, в каком масштабе и даже каким цветом что требуется нарисовать, а потом долго все сам проверял и нередко заставлял переделывать. Он знал: даже малая, чисто техническая неточность в плакате может быть так использована опытным оппонентом, что мигом загубит весь твой доклад и все обсуждение развернет таким образом, что выправить положение будет очень трудно. Для Пицунды плакаты требовались обязательно.

Все приглашенные Хрущевым гости размещались в санатории ЦК КПСС в Гаграх, откуда безо всяких объяснений причин выселили всех отдыхающих. Это было сделано столь строго и категорично, что никому и в голову не пришло скандалить и соваться со своими путевками. Да и февраль – сезон, когда большое начальство наезжает редко.

... Королев не знал леса, не понимал его. В детстве – в Нежине, в Киеве, в Одессе – леса не было, он был знаком с деревьями лишь как горожанин и близко видел настоящий лес, пожалуй, только по дороге на прииск Мальдяк. Гиганты знаменитой реликтовой рощи на Пицунде были непохожи на те высокие, голые и прямые сосны, которые росли в Барвихе на даче, где летом жила Мария Николаевна, к которой он иногда заезжал. Темно-зеленая крона этих древних деревьев была могуча и широка, В них не было стройности корабельного леса: все сосны росли немного вкривь и вкось – взрослые стволы сохраняли память о далеких днях, когда морские шквалы гнули и крутили их тонкие юные тела.

Миновав аккуратную беломраморную проходную, узкие окошки которой делали ее похожей на какой-то аристократический дот, машины остановились у правительственной виллы, вышедшие из них гости сразу окунулись в крепкий, душный воздух субтропического леса. Реликты пахли не смолой, как обычные сосны, а источали незнакомый сложный лекарственный запах дорогой,

незагаженной больницы.

Деятельная натура Хрущева не выдерживала курортного ритма, надоедали и долгие прогулки, и плескание в бассейне. Однажды он подумал, что можно неплохо поработать и во время отдыха, который он проводил в Ливадии, но в последнее время чаще – в Пицунде. Нередко случалось, что поблизости отдыхали люди, с которыми ему давно хотелось что-то обсудить, посоветоваться, да просто поговорить. Из ракетчиков на даче Никиты Сергеевича бывали Королев, Глушко, Пилюгин, Челомей, Янгель. Обедали, болтали, обстановка была очень непринужденной.

– Никита Сергеевич! Где же это вы достали такую дыню?! – кричал через стол Пилюгин, большой мастер обескураживающего простодушия. Ничего подобного никогда не ел! А еще одной у вас не найдется?..

Хрущев приглашал в бассейн или на пляж, но поскольку сам он не любил купаться в компаниях, то и другие делали это редко.

Иногда люди специально вызывались на локальные совещания, случалось, что они разрастались: приезжало столько народу, что тут уж было не до обедов и купания!

На этот раз Хрущев решил провести на Пицунде заседание Совета Обороны по очень широкому кругу проблем, но, разумеется, прежде всего по ракетам. Были приглашены высшие военные во главе с Главнокомандующим ракетными войсками маршалом Москаленко и Главнокомандующим Военно-Морским Флотом адмиралом Горшковым, министры ведущих оборонных министерств: Устинов (ракеты), Славский (ядерное оружие), Руднев (заместитель Председателя Совмина, курирующий оборонку), Бутома (судостроение), Дементьев (авиация) и др. Народу было много, и заседание проводилось в просторном спортивном зале рядом с дачей.

Ровно в 10 часов появился хозяин, за которым с дежурными улыбками не шли, а именно «продвигались» Козлов, Косыгин, Микоян. Никита Сергеевич, как дачник, позволил себе светло-серые брюки и спортивную курточку. Секретарь Совета Обороны генерал-лейтенант Семен Павлович Иванов напрягся, проникнувшись важностью момента.

Из каких соображений составлялся список очередности выступающих, сказать трудно. Начали с дел военно-морских. Первым докладывал Горшков, за ним – Макеев. Потом, как всегда долго и вдохновенно – впрочем, все по делу, говорил Челомей. После безукоризненного языка Владимира Николаевича сразу резанули слушателей рубленые фразы Москаленко.

Королев выступал пятым. Никто еще не успел приомриться,

все внимательно выслушали его четкий доклад, подкрепленный целой галереей красивых плакатов, и его ответы на вопросы, которые задавали, главным образом, военные. Общая атмосфера была мирной, никаких катаклизмов не предвещающей, пока Хрущев неожиданно не спросил:

– А давайте-ка посоветуемся, нужна ли нам ракета на 20-40 тонн? Все переглянулись. Устинов насторожился. Сербии сидел с непроницаемым лицом: нельзя было понять, в новинку ли для него этот вопрос. Королев не понимал, куда клонит Хрущев, – до этого он поддерживал идею Н-1.

– Я понимаю, что это значительный шаг вперед по сравнению с тем, что у нас есть. Но может быть, правильнее сделать этот шаг пошире, – улыбнулся Никита Сергеевич. – Можем ли мы сделать ракету на 75 тонн? Как, Сергей Павлович? И что для этого надо?

– Это будет очень большая машина, Никита Сергеевич, – ответил Королев и замолчал. Хрущев не торопил его. – Сделать, конечно, можно, – продолжал Сергей Павлович. – Для этого надо прежде всего усилить энергетику первой ступени, поставить дополнительные двигатели...

– Но тогда и баки станут больше, ведь так? – спросил Хрущев.

– Конечно, как же иначе...

– Какой же тогда будет высоты эта махина?

– Особенно увеличивать высоту нельзя. Появятся различные колебания конструкции, мы с этим уже встречались. Поэтому придется, очевидно, отказаться от цилиндрических баков и сделать их шарообразными... Надо считать, Никита Сергеевич...

– Это понятно! – засмеялся Хрущев, он был в отличном настроении. – И думаю, ваши товарищи с этим делом справятся... Почему я заговорил о 75 тоннах? Такой вес позволит нам решить, прежде всего, многие оборонные задачи, – он обернулся к военным, которые одобрительно закивали. – И научные тоже, – Хрущев посмотрел на Келдыша, сидевшего у края стола с обычным отрешенным выражением лица. Но он уже знал президента, знал, что за выражением этим кроется напряженная работа мысли. – Такая ракета сможет поднять на орбиту космическую станцию с несколькими боеголовками. Ведь что сейчас получается: наш потенциальный противник запускает ракету не со своей территории, и эта ракета летит до цели, до нас с вами, 8-10 минут, а наша должна лететь 20-30 минут. Разве это справедливо? Мы должны ответить ударом на удар немедленно! – Хрущев припечатал стол своим круглым кулаком. – А с большой орбитальной станции мы не только будем видеть, что в мире делается, но сможем оперативно действовать: сунулся – тут же получай в ответ! Ну, а потом, какие интересные научные работы

можно придумать для такой станции! Поселить там человек пять-шесть с разными приборами, телескопами...

Последняя фраза о научных работах была сказана Никитой Сергеевичем скорее из вежливости. При всех политических победах, которые выигрывала для него космонавтика, Хрущев всегда рассматривал ракеты прежде всего как оружие. Сын Хрущева вспоминает[233], что отец был даже несколько раздосадован чрезмерным, с его точки зрения, стремлением Королева к космическому рекордизму. Не следует идеализировать здесь Никиту Сергеевича: когда он размахивал своим кулаком над планетой (а делал он это часто), в этом кулаке никогда не было пальмовой ветви, в нем всегда была дубина.

К концу 50-х годов, по словам Сергея Никитовича, «Королев окончательно потерял интерес к делам военным».

Королев сидел задумчивый: 75 тонн это не шутка. Разгонять дальше диаметр кормы нельзя. Надо что-то придумать...

Он не слышал ни Хрущева, ни упорного сухого пиликанья цикад, которые включились вдруг все сразу как по команде. Он уже работал над новой ракетой.

Ракету «перевязали» на 75 тонн. В центре первой ступени удалось разместить еще шесть двигателей. Итого тридцать. Если даже немного форсировать их, прибавка окажется солидной. А если не 75 тонн, а 80-85? Ведь тогда, пожалуй, можно будет отправить человека на Луну, а?! Мысль эта день ото дня становилась все неотступнее. «В необходимости соревнования за приоритет высадки на Луну Королев не сомневался», – свидетельствует Сергей Хрущев[234].

Когда через много лет мы, разоблачая эпоху застоя, пишем, что «нашим специалистам, совершенно в духе времени, вменялось в обязанность обеспечить приоритет СССР в изучении Луны»[235], – это, конечно, правильно, но, справедливости ради, надо сказать, что подобный нажим не вызывал у этих специалистов бурного негодования. Во всяком случае, у «специалиста № 1» – Сергея Павловича Королева – реакция была самая что ни на есть положительная.

Отдать «американам» Луну? Ни за что! Их нужно обогнать во что бы то ни стало!

И здесь оставался он точным слепком своей эпохи, отмеченной этим примитивным хрущевским патриотизмом, почти детским желанием первенства.

Наряду с программой исследования Луны с помощью автоматов, начатой в 1959 году, конечной целью которой была мягкая посадка на Луну и трансляция на Землю панорамных снимков, Королев задумал и пилотируемую программу. Прежде

всего ему хотелось, чтобы наш космонавт облетел вокруг Луны. На чем? «Восток» для этой цели не годился. Ведь при возвращении на Землю от Луны скорость будет значительно больше – тормозная установка «Востока» с ней не справится, да и теплозащита нужна другая. А если сесть и подсчитать, что же требуется изменить в «Востоке», чтобы облететь Луну, быстро становится ясно, что нужен, по существу, другой корабль, корабль второго поколения.

Работы над таким кораблем начались раньше, чем первый «Восток» прошел летные испытания, где-то в начале 1959 года. Таким образом, в создании корабля, способного лететь со второй космической скоростью, Королев американцев не догонял, а обгонял года на два-три – ни о какой «лунной программе» в США еще и слыхом не слыхивали. Вряд ли кто-либо мог назвать время первого космического старта человека тогда, когда Королев уже прицеливался к лунному кораблю.

«Север» – так окрестили по аналогии с «Востоком» будущую машину – был значительно просторнее и без труда вмещал трех космонавтов в скафандрах. Да и форма нового корабля была совсем другой – не шарик, а нечто напоминающее автомобильную фару. Однако до металла дело не дошло: в процессе разработки выявились трудноустранимые прогиворечия. Проектанты чувствовали – то, что они ищут, где-то близко, но «Север» – не то.

Павел Владимирович Цыбин, старый знакомый Королева еще по планерным слетам, которого он переманил к себе из авиапрома, предложил еще один вариант корабля на семь человек, но и его забраковали. В конце концов в этом необъявленном конкурсе победил Константин Петрович Феоктистов, предложивший летом 1959 года конструкцию, внешне похожую на «Север», но по размерам раза в полтора меньше, впрочем три космонавта и в таком корабле тоже могли разместиться. Расчеты и теоретические обоснования заняли около трех лет, и в начале 1962 года началось проектирование аппарата, которому суждено было стать в обозримой истории космонавтики самым долгоживущим космическим кораблем, – проектирование «Союза». Если же быть совсем точным, то проектировался не корабль, а целое семейство кораблей, похожих, как похожи родные братья, но каждый со своим телосложением и характером. Название «Союз» придумали позднее. В ОКБ корабль этот назывался 7К и имел три модификации; 7К-ОК – орбитальный для полетов вокруг Земли (вот он-то и стал известным нам «Союзом»); 7К-ЛОК – лунный орбитальный корабль (уже после смерти Королева его беспилотный вариант назовут «Зондом») и 7К-ЛК – лунный

корабль (он не летал).

Таким образом, впервые в своей жизни Королев обогнал самого себя: корабль, который позволил бы космонавтам достичь Луны, уже проектировался, а ракеты, которая могла бы его туда отправить, еще не было.

Впрочем, Королев не считал, что для того, чтобы осуществить облет Луны, надо дожидаться, когда построят суперракету. По его мнению, такой полет можно было осуществить на уже имеющихся средствах. ОКБ Королева проектировало для армии боевую ракету на твердом топливе. А почему бы не сделать так: с помощью ракеты Р-7 поднять на орбиту корабль с космонавтами, пристыковать к нему пороховые ракетные двигатели, которые и разгонят его так, что он полетит к Луне?

Сергей Павлович вызвал конструкторов твердотопливной ракеты, стал их «прощупывать». Доклады были путаные – вроде бы двигатель такой есть, но вроде бы его пока и нет. Главный был подчеркнуто официален – явный признак близкого и неминуемого разноса.

– Расскажу вам анекдот, – неожиданно сказал Королев. – Двадцатилетняя женщина, когда ее хотят познакомить с мужчиной, спрашивает: «Каков он?» Тридцатилетняя: «Кто он?». Сорокалетняя: «Где он?». Так вот я – сорокалетняя женщина, я спрашиваю: «Где он? Где двигатель?»

Вскоре выяснилось, что для выхода на лунную трассу требовалось пять твердотопливных ракет, которые надо было состыковать в космосе в этакую длинную «кишку», наверняка динамически неустойчивую и вообще ненадежную, не говоря уже о том, что при старте с орбиты к Луне возникали большие перегрузки. Короче, вариант был явно неудачный – так считали и сами конструкторы твердотопливной ракеты. Но Королев вдруг уперся, и лишь объединенные усилия Крюкова и Феоктистова – людей, которым Главный доверял, похоронили этот вариант.

Наиболее детально разрабатывалась система 7К + 9К + 11К. 7К – это космический корабль, который забрасывался на орбиту все той же ракетой Р-7. К нему, также с помощью «семерки», подстыковывался разгонный блок для вывода корабля на лунную траекторию – 9К. Для заправки всей этой системы топливом новые ракеты Р-7 доставляли туда космические танкеры ПК, которые тоже подстыковывались для перелива топлива. Опорожненные баки отбрасывались, заправленный разгонный блок стартовал с орбиты, облетал Луну и точно прицеливал корабль так, чтобы при возвращении к Земле он, с одной стороны, не пролетел мимо, а с другой – не зарылся с огромной скоростью в плотные слои атмосферы. Отцепившись от разгонного блока

уже в окрестностях Земли, корабль должен был лишь задеть атмосферу, чиркануть по ней подобно плоскому камешку, брошенному ловкой мальчишеской рукой над тихой гладью воды. Это короткое касание снижало скорость примерно с 11 километров в секунду до 9, после чего уже можно было включать тормозные двигатели.

Когда заместитель Главного по испытаниям Леонид Александрович Воскресенский рассматривал эту схему, он молчал очень долго. Сидящий рядом Королев не подгонял, вопросы не задавал, ждал. Как и Королев, Воскресенский обладал невероятной технической интуицией. Только его интуиция была иного масштаба. У Королева она распространялась на проблемы общие, у Воскресенского – на частные. Если что-то не срабатывало во время испытаний, Воскресенский быстро определял, что и где отказало, и «вскрытие» почти всегда подтверждало его прогноз. У него был редкий дар: в любой машине, в любом механизме, приборе, электрической цепи он сразу видел самое слабое место. Но более того, когда эти машины, механизмы, приборы и цепи соединялись в некую общую систему и тем самым приобретали новое качество, он угадывал «ахиллесову пяту» уже всей этой системы, понимая сложную логику появления ее наиболее вероятного недуга при суммировании отдельных болячек. Королев знал и очень ценил это качество Воскресенского и теперь ждал, что тот скажет.

– Понимаешь, Сергей, – задумчиво сказал наконец Воскресенский, – на бумаге получается все очень красиво. Но как оно будет в жизни? Каждый отдельно взятый агрегат сомнений не вызывает, но все вместе... Чтобы только начать полет к Луне, надо провести четыре стыковки. А мы не провели еще ни одной, у нас нет стыковочного узла...

– Лев Вильницкий у Чертока делает узел, – перебил Королев.

Делает, – кивнул Леонид Александрович, – но еще не сделал, и как этот узел будет работать, мы не знаем. Дальше пойдем. Перелив. И не просто перелив, а перелив в невесомости. Может быть, ничего страшного и нет, допускаю, но мы этого тоже никогда не делали и не знаем...

– Все, что мы с тобой сделали, – сказал Королев, – до нас тоже никто никогда не делал. Но сделали же! Другие варианты еще хуже. Это оптимальная схема.

– Очевидно, оптимальная на сегодняшний день, но от этого не легче... 7К + 9К + 11К – итого 27. Перебор явный...

Королев в карты не играл и шутку не оценил.

Схема была, действительно, наилучшая из всех возможных, и Королев, несмотря на возражения Воскресенского (и не только

Воскресенского!), приступил к ее реализации. 7 марта 1963 года он утверждает эскизный проект 7К – размеры, веса, центровку. Вильницкий уже сделал к этому времени стыковочный узел «штырь-игла». Конструкторское бюро Армена Сергеевича Мнацаканяна разрабатывает аппаратуру контроля во время сближения объектов и весь процесс этого сближения. Раушенбах создает новую систему солнечно-звездной ориентации.

Задания получили и любимые ученики Главного: разгонный блок проектировал Виктор Петрович Макеев, космический танкер – Михаил Федорович Решетнев. В Центре подготовки космонавтов уже поговаривали, что надо бы организовать специальный отряд для осуществления лунной программы[236]. Короче, работа шла полным ходом. И в это время родился новый вариант, гораздо более простой, требующий не четыре стыковки, а одну и позволяющий обойтись безо всяких переливов.

В 1964 году конструкторское бюро Владимира Николаевича Челомея завершает работу над ракетой УР-500, способной поднять на орбиту свыше 20 тонн полезного груза. Это был праздник не только для самого молодого Главного конструктора ракетной техники – он стал им всего пять лет назад, но и для Валентина Петровича Глушко: полет этой ракеты подтверждал правильность его принципиального отказа от двигателей на жидком кислороде. УР-500, которая после запусков в 1965 году тяжелых спутников «Протон», получила «в миру» это имя, работала на новых компонентах: несимметричный диметилгидразин – горючее и азотный тетраксид – окислитель. Жидкости малоприятные: если надышишься парами, наступает паралич дыхательных путей. Когда заговорили, что программу облета Луны теперь следовало бы передать Челомею, Королев очень горячился. Он утверждал, что на ракету, заправленную ядовитыми компонентами, сажать людей нельзя. Тем более, что назвать УР-500 надежным носителем тогда было еще нельзя: прежде чем Государственная комиссия приняла эту ракету, состоялось 43 испытательных пуска. Правда, последние пять стартов прошли без замечаний, что не помешало, однако, Анатолию Семеновичу Кириллову, главному «стреляющему» космодрома, энергично поддержать Королева. Кириллова не только космонавты волновали, он и о своих людях беспокоился, о заправщиках. Королев как-то спросил его, чем эта гадость пахнет.

– Трибуналом она пахнет, Сергей Павлович, – без улыбки ответил Кириллов.

– Но ведь люди на многих производствах работают с сотнями токсичных веществ, – спокойно возражал Челомей своим оппонентам. – Я гарантирую полную безопасность стартовой

команды при соблюдении всех инструкций по заправке и других предписаний техники безопасности. Да, новая техника требует дисциплины. И мы не можем отказываться от ракеты только потому, что офицеры космодрома не в состоянии эту дисциплину обеспечить. Что же касается космонавтов, я вовсе не настаиваю, чтобы УР-500 стартовала с космонавтами. Мы поднимем на орбиту полностью заправленный разгонный блок. Дальше одна стыковка с кораблем, которого поднимет «семерка» Сергея Павловича, и путь к Луне открыт...

Аргументы были веские. Не согласиться с ними было трудно. Челомею очень хотелось стать участником советской космической программы. И не рядовым, а ведущим участником.

Владимир Николаевич Челомей. В течение многих лет и при жизни его, и после смерти, наверное, ни о ком не слышал я мнений столь противоречивых, как о нем. Карьерист, интриган, скупердяй. Душа нараспашку, искренен, общителен. И те, и другие дружно утверждали: прекрасно образован. Раушенбах говорил: «Если бы Челомею и Королеву устроить экзамен по физике и математике, Челомей, пожалуй, побил бы Королева». И еще, всеми подмеченное: уникальное умение в любой компании сразу становиться своим, природный дар общения, редкое обаяние, артистизм.

Один наблюдательный сотрудник ОКБ Королева после заседания, на котором его шеф выступал вместе с Челомеем, сказал своему другу, работающему у Владимира Николаевича:

– Я знал, что мой – большой артист, но, оказывается, и твой – не меньший!

– Конечно! – отозвался его приятель. – Только твой – трагик, а мой – комик!..

Мне удалось лишь однажды в мае 1975 года встретиться и говорить с Челомеем. Я просил рассказать мне о Королеве. Владимир Николаевич сидел в своем кабинете за большим, фантастической формы столом, в окружении телефонов, микрофонов, мониторов и других средств оперативной связи. Телефон часто мешал нашей беседе. С кем-то мне неизвестным Челомей говорил резко, коротко, гневно. Тут же зазвонила «кремлевка» и тон его сразу переменился, он почти пел в трубку:

– Анатолий Петрович, дорогой! Ну как же хорошо, что вы позвонили! Ждем-ждем, а вы все не едете... Но ведь обещали!.. Мне так хочется вам все наше хозяйство показать, посоветоваться...

Из дальнейшей беседы я понял, что он говорит с президентом Академии наук А.П. Александровым...

– Ну что вам рассказать о Королеве... Королев был человеком

недостаточно образованным, – начал. Челомей свой рассказ. – Обладал удивительной технической интуицией и огромным организаторским талантом. Да... А интеграла, увы, взять не мог... Отобрал у меня облет Луны – сам не сделал и мне не дал. Разве это не талант?

– Но ведь он не успел, он умер...

– Да, да, это ужасно... Мы познакомились в Германии в 45-м. Я занимался Фау-1, а он Фау-2. Он произвел на меня чрезвычайно приятное впечатление. Это был мягкий, спокойный и очень толковый человек... Королев не был идеологом ракетного оружия. Мысль о замене бомбардировщиков ракетами принадлежит фон Брауну. Немцы, безусловно, занимали лидирующее положение в этой области не только в технике, но и в ракетной идеологии. Ни Королев, ни кто другой, в том числе и я, этой перспективы не видели... Понимание пришло позднее, и часто оно шло не «снизу» – от нас, техников, а «сверху» – от руководства, от политиков. Мы быстро перехватили лидерство в ракетной технике и удерживали его довольно долго. В области военных ракет США начали нас обгонять примерно в 1960 году[237]. К этому времени относится начало разработок, которые обеспечили их будущее первенство и в космических программах...

Королев обладал относительно скромными знаниями и технической эрудицией, но был человеком необыкновенно увлеченным, целиком отдававшим себя делу. Я всегда завидовал его умению увлечь окружающих своим делом и возбудить интерес к нему у руководства... Главной ошибкой Королева было то, что он потерял чувство перспективы. Он продолжал выжимать из своей «семерки» все, что можно выжать. Он увлекся политической шумихой, сообщениями ТАСС. А будущее ему проглядывалось плохо...

– Но ведь шла работа над Н-1, целиком нацеленной в будущее, – возразил я. – И облет Луны...

– Я никогда не выступал против Н-1, – улыбнулся Челомей, – никогда ее не критиковал, но ведь конструктивно она явно несовершенна. А облет Луны... О, у Сергея Павловича было необыкновенное чутье на все новое. Поэтому он и отнял у меня облет Луны. Он очень болезненно переживал мои предложения по облету Луны, понимал, что это возможно сделать. Отнял, но сам не сделал! – повторил Челомей свой укор.

Он лукавил, предполагая во мне просто лопоухого репортера. А я знал, что все было не совсем так...

В марте 1958 года сын Хрущева Сергей окончил Московский энергетический институт. Он увлекался автоматикой и собирался работать в КБ Пилюгина. Но Челомею удалось его перехватить.

Сергей был работящий, толковый и скромный парень, не испорченный своим «высоким» происхождением. Он отлично понимал, что нужен Челомею не как молодой специалист, а прежде всего как сын первого человека в стране, понимал, зачем шеф водит его с собой на все совещания и заседания. Во время одной из встреч с Хрущевым-старшим в Ливадии Челомей говорил:

– Вы знаете, Никита Сергеевич, через мои руки прошли сотни молодых специалистов. Хотите верьте, хотите нет, но Сергей – талант необыкновенный, редкий, уверяю вас! Здесь меня не обманешь...

Голос его звучал так проникновенно, что у Хрущева влажнели глаза. Он знал, что Челомей льстит. Человек без образования, Никита Сергеевич относился с известной долей недоверия к ученым, писателям, художникам, актерам. Он не всегда мог разобраться в том, что они ему внушали, эти люди могли его запутать, а потом и высмеять. Но он относился с большим уважением к интеллигентам массовым: учителям, врачам, инженерам. Более всего он ценил те знания, которыми хотя и не обладал, но которые, в принципе, были ему доступны. Когда Сергей получил диплом, отец был совершенно счастлив: его сын – инженер! Слушая Челомея, Хрущев понимал, что это – лесть. Потеряв на фронте старшего сына, Никита Сергеевич особенно любил младшенького, радостно отмечал все его успехи, но, как человек умный и трезвый, понимал разницу между способным молодым человеком и гением. Однако все шепотки здравого смысла сразу заглушались мощным, ликующим хором родительских чувств, не желающих верить в неугодные истины. Никите Сергеевичу было приятно слушать Владимира Николаевича... Ах Челомей, ах умница!..

Много раз приходилось слышать, будто Владимир Николаевич находился якобы в родстве с Никитой Сергеевичем. Это не так, не было никакого родства. И сам Хрущев сыну никогда не протежировал, как не протежировал, скажем, своему зятю Алексею Аджубею. Механизм власти был сконструирован так, что в этом не было никакой необходимости. Все партийные, государственные, военные и другие аппаратчики снизу доверху и сверху донизу знали, что «Известия» – не просто центральная газета, а газета, которую редактирует зять Хрущева, а КБ Челомея – не просто ракетное КБ, а КБ, в котором работает сын Хрущева. И все. Остальное уже происходит само собой. Молодой Хрущев, даже не прикладывая каких-либо титанических усилий, одним фактом своего присутствия помог Челомею стать на ноги, развернуть строительство в Реутове под Москвой прекрасно

оснащенного КБ, «съесть» могучую фирму Владимира Михайловича Мясищева и сделать своей основной производственной базой завод имени М.В. Хруничева в Филях – едва ли не лучший авиационный завод в стране: с богатыми традициями, стойкими кадрами, культурой и чистотой самолетнего производства.

Королев понимал это. Сергей Никитович рассказывал мне, как однажды Королев как бы невзначай, вскользь повел разговор о переходе к нему, но тут же одернул себя:

– Знаешь, не надо, пожалуй. Володя обидится, скандал будет... И не Королев отобрал у Челомея облет Луны, как рассказывал мне Владимир Николаевич, а стремительно вырвавшийся вперед Челомей вместе со своей хоть и ядовитой, но хорошей ракетой УР-500 отобрал его у Королева. Вскоре Хрущев-старший был отстранен от власти. Челомей не уволил после этого Хрущева-младшего, не понизил в должности (хотя и «забыл» повысить, как обещал буквально за считанные дни до этого), не укорял скороспелой Ленинской премией и Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. Просто перестал возить его на совещания-заседания и не приглашал в свой кабинет, когда приезжали именитые гости. Сергей Никитович не обижался. Он знал правила этой «игры»: иначе Челомей поступить не мог. Примерно через год программу облета Луны вернули Королеву, и тот ее действительно не выполнил: умер, а преемники не сумели. Вот так было дело...

Несмотря на телефонные звонки, мы беседовали долго. Иногда Владимир Николаевич нажимал какие-то кнопки и на телевизионном мониторе появлялись новые картинки: зал, уставленный чертежными досками, какие-то пульты, стенды.

– Я всегда могу видеть, кто, где и как работает, – пояснил Челомей.

– Так ведь передающую камеру можно тряпицей завесить, – отозвался я легкомысленным тоном.

– В моем КБ камеры тряпицей не завешивают, – сказал Челомей сухо.

Впрочем, он был очень любезен и приветлив настолько, что даже предложил мне выписать к нему постоянный пропуск: «ведь это, как я понимаю, лишь первая наша встреча». Мы говорили об американской программе «Аполлон», о «Шаттле», об орбитальных станциях, о Глушко и Келдыше, жизни самого Владимира Николаевича. Рассказывал он очень хорошо, жестикулировал, играл глазами. Чем больше он хотел мне понравиться, тем больше не нравился.

Владимир Николаевич Челомей родился 30 июня 1914 года в

маленьком украинском городке Седлеце в семье учителя. Трехмесячным младенцем родители, спасаясь от огня войны, увезли его в Полтаву. Там соседкой Челомееев оказалась Софья Николаевна Данилевская, отец которой был племянником Гоголя, а мать – внучкой Пушкина. Вот под этими переплетенными кронами великих генеалогических древ и прошло Володино детство. Лучшим его другом тех лет был Сашенька – праправнук Пушкина. В 12 лет Володя оказался в Киеве. Наступила пора увлечения техникой, особенно автомобилями, и после окончания семилетки он поступил в автомобильный техникум. В 1932 году Володя Челомей стал студентом Киевского политехнического института – того самого, в котором за восемь лет до этого учился Сергей Королев. Уже на втором курсе Челомей опубликовал научную статью в сборнике трудов института. Они были очень разными в зрелые годы, но и в молодости – тоже: Королев хотел строить и летать, Челомей – рассчитывать и анализировать. Сравнивая себя с другими ракетчиками, Челомей в беседе со мной все время подчеркивал, что они – конструкторы, а он – ученый.

– Я почти физик – специалист в области колебаний. Колебания – интернациональный язык ракетчиков... На работы, которые я написал в 23-24 года, ссылаются Седов, Боголюбов[238]...

Это был действительно яркий юноша. Профессор Илья Яковлевич Штаерман говорил, что никогда не встречал столь одаренного студента. В 22 года вышла его первая книга «Векторное исчисление». Только за один 1938 год в «Трудах Киевского авиационного института» опубликовано 14 статей Челомея. Кандидатскую диссертацию он пишет сразу после окончания института и в 1939 году защищает ее. В 1940 году учреждаются 50 Сталинских стипендий для особо выдающихся молодых ученых, работающих над докторскими диссертациями, и Челомей получает одну из них. Он – самый молодой в этой полусотне талантов. Стипендия – 1500 рублей в месяц. Профессора университета получали тогда около 1200 рублей. К началу лета 1941 года Челомей вступает в Коммунистическую партию, защищает докторскую диссертацию и назначается начальником группы реактивных двигателей Центрального института авиационного мотостроения имени П.И. Баранова в Москве.

– Пульсирующий двигатель я придумал в 42-м, – говорил мне Челомей. У него возникает идея использовать колебания воздуха в трубе для поджатия воздушно-топливной смеси. В 1942 году Владимир Николаевич познакомился с начальником главка двигателей авиапрома Беликовым и пообещал помочь ему с

диссертацией. Благодарный Воликов выделил Челомея в отдельную группу и разрешил заниматься пульсирующими двигателями. Челомей повесил на двери табличку «Профессор В.Н. Челомей», хотя профессором не был, но весь ЦИАМ считал, что это справедливо, поскольку он знал больше иного профессора. У него было два помощника: техник Аня Курбатова и механик Петя Фомичев. С ними он и приступил к созданию своего первого ПД – пульсирующего двигателя. Двигатель построили, запустили. Он невероятно шумел. Треск его – многократно усиленная пулеметная очередь – был так невыносим, что профессор К.П. Станюкович однажды упал в обморок. Шуму было много, а тяги – мало.

Вскоре Челомей увидел двигатель Пауля Шмидта, мюнхенского инженера, который сконструировал Фау-1. В 1944 году его прислали в Москву англичане, подбив над Британией секретный «самолет-снаряд».

– В ночь на 14 июня1944 года за мной приехал нарком Шахурин и маршал авиации Новиков, – рассказывал Челомей, – и мы поехали в Кремль к Маленкову – он курировал авиационную промышленность.

– Вы можете сделать такой самолет? – спросил меня Маленков.

– Двигатель я сделал еще в 1942 году, – ответил я.

– Тогда кто же у кого украл идею:

немцы у нас или мы у немцев? – спросил Маленков.

– Никто ни у кого не крал. Каждый сам по себе додумался...

Челомей произнес блистательную речь, в которой обрисовал великое будущее ПД. Шахурин и Новиков слушали его в полном изумлении. Маленков был очарован 30-летним конструктором.

– Через два дня в ЦИАМе был создан отдел ПД № 6 со ста (!) сотрудниками, а 17 сентября 1944 года я получил часть КБ только что умершего Николая Николаевича Поликарпова и был назначен главным конструктором первого и единственного в стране конструкторского бюро, занимавшегося непилотируемой авиационной техникой. Под городом Джизак в Узбекистане мне выделили полигон, когда еще никакого Кап.Яра и Тюратама в помине не было...

К концу 1944 года Челомей воспроизвел двигатель Фау-1, повторив Шмидта, так же как через четыре года Королев воспроизвел Фау-2, повторив Брауна. К середине 1945 года уже существовал советский «самолет-снаряд» 10-Х, который, в отличие от немецкого предшественника, запускался не с легко уязвимой наземной эстакады, а с бомбардировщика Пе-8.

Однако вскоре выяснилось, что прок от немецких уроков

разный: Королев, стремительно обгоняя немцев, шел вперед, а Челомей начал топтаться на месте. Шла необъяснимая чересполосица: одна машина летела нормально, другая падала. Челомей возился с 10-Х восемь лет, она прошла испытания и была принята на вооружение лишь в 1953 году.

В том же году авиаконструктор Артем Иванович Микоян (родной брат Анастаса Ивановича) вместе с главным конструктором КБ по системам управления Сергеем Лаврентьевичем Берия (родным сыном Лаврентия Павловича) задумали сделать свою ракету и Челомея «съели»: Микоян забрал у него конструкторское бюро. Наверное, именно тогда понял Владимир Николаевич, как важно иметь родственные связи если не с самим государем императором, то хотя бы с великими князьями. У Челомея осталось лишь профессорство в МВТУ. Однако вскоре фортуна снова обратила щедрые сосцы свои к Владимиру Николаевичу.

На похоронах Сталина первую речь произнес Маленков. В «Правде» появилась фотография: Сталин, Мао Цзэдун и Маленков. Берия предложил Маленкова на пост Председателя Совета Министров. Так Георгий Максимилианович Маленков стал первым человеком в государстве. Он помнил молодого конструктора, который произвел на него замечательное впечатление. Вскоре в Тушине на окраине Москвы специальная конструкторская группа под руководством Челомея начала работу над совершенно секретным фантастическим проектом: крылатой ракетой с пульсирующим воздушно-реактивным двигателем для вооружения подводных лодок. Потом Владимир Николаевич получил в Реутове пустырь с маленьким механическим заводиком в одном кирпичном корпусе, известным в округе как «пьяный завод» – он славился «добрыми алкогольными традициями». На этом месте стремительно росло прекрасно оснащенное современное конструкторское бюро. В 1958 году к Челомею пришел С.Н. Хрущев. В том же году Владимир Николаевич стал членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1959 году Челомей – Генеральный конструктор. Тогда же он получил Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. В 1962 году Челомей – академик, в 63-м – дважды Герой. Когда Челомей направил в правительство записку со своими предложениями по космическим исследованиям, Устинов пришел в неописуемую ярость: ведь Челомей – это МАП, Министерство авиационной промышленности! Когда в 1946 году им предлагали заниматься ракетами, Шахурин и вся его компания нос воротили, его же, Устинова, обвиняли в прожектерстве, а теперь, после того как он, Устинов, поставил эти ракеты, что называется, на ноги, после

триумфа первого спутника, Дементьев с новой компанией требуют свой кусок сладкого пирога?!

Надо думать, что и Королев с Янгелем видели в Челомее своего конкурента. Не могли не видеть. Общая тревога даже сблизила их. Известно, что Сергей Павлович приезжал к Михаилу Кузьмичу в Днепропетровск и они провели несколько дней «на рыбалке», обсуждая создавшуюся ситуацию и вырабатывая совместный план действий. И все-таки очень многие свидетели событий тех лет единодушны в том, что ни Королев к Челомею, ни Челомей к Королеву с откровенной враждебностью не относились. Один из ведущих сотрудников Челомея – Г.А. Болтянский – рассказывал мне, например, что Челомей любил ставить Королева в пример другим как сильную личность. А сотрудники Королева И.В. Лавров и М.С. Флорианский вспоминали, как Королев посылал свое «посольство» для налаживания деловых контактов.

– Да о чем говорить?! – помню, как энергично восклицал Василий Иванович Вознюк. – Королев целовался с Челомеем! Сам видел!

Сергей Павлович уже понял, что всю космонавтику в своих руках ему не удержать, что единственным ему не быть, и лишь хотел остаться первым.

Настоящим демоном Челомея был не Королев, и не Янгель, а Устинов. К страстям ведомственным тут подмешивались и страсти политические. Устинов боготворил Сталина – ему было за что любить покойного генералиссимуса. Хрущев Сталина развенчал. Неприязнь Устинова к Хрущеву, естественно, перекидывалась и на сына Хрущева, а значит, и на Челомея. Челомей платил Устинову тем же. Однажды, когда Хрущев потребовал, чтобы Устинов поехал к Челомею на совещание по ракете УР-500, Владимир Николаевич держал Дмитрия Федоровича в приемной, чтобы приезжавшие другие конструкторы, которых сразу провожали в кабинет, видели это.

Устинов мешал Челомею всегда, где только мог и как только мог. До последних дней. До последних минут. Но поддержка Хрущева, а позднее Брежнева и особенно маршала Андрея Антоновича Гречко, ставшего в 1967 году министром обороны, помогли ему выжить.

Расцвет КБ Челомея пришелся на конец хрущевского царства и эпоху еще не впавшего в маразм Брежнева. К этому времени у него уже были баллистические ракеты: УР-100, УР-200, УР-500 и две ее более совершенные модификации. Шла работа над «лунной ракетой» УР-700[239]. Отрабатывалась программа облета Луны. Позднее Челомей начал проектирование орбитальных станций.

После отставки Хрущева Челомею удалось сохранить УР-100, УР-500 и орбитальные станции. В 1965 году на УР-500 были запущены тяжелые спутники. Еще до этого в КБ Челомея были созданы маневрирующие спутники «Полет». После смерти Королева на ракетах Челомея были запущены «Зонды» – бесславно засохшая ветвь советской лунной программы. УР-500 послала к Луне тяжелые лунники, которые доставили на Землю образцы лунного грунта, и два «Лунохода». «Венеры» и «Марсы» второго поколения, геостационарные связные спутники «Радуга», «Экран», «Горизонт» сделанные в КБ Челомея: «Салют-2, -3, -5», были запущены в космос с помощью этой ракеты. Как и «семерка» Королева, УР-500 Челомея пережила своего конструктора.

После смерти Гречко в 1976 году Челомею стало совсем плохо. С министром вновь созданного Министерства общего машиностроения Сергеем Александровичем Афанасьевым он не сработался и прилюдно отзывался о нем нелестно, о чем министру, разумеется, докладывали. Люди, много лет знавшие Владимира Николаевича, рассказывали, что он сильно изменился в последние годы – стал злым, дерганым, жадным. Часто грозился «бросить все к чертовой матери», хотя и в семьдесят лет был он крепок, бодр и голова работала хорошо.

В декабре 1984 года на даче Владимир Николаевич вывел свой «Мерседес» из гаража и, стоя спиной к машине, стал отпирать ворота. «Мерседес» тихо покатился вперед и сломал своему хозяину ногу. Владимира Николаевича отвезли на московскую квартиру, вызвали врача. Вроде бы перелом легкий, без смещения, но на всякий случай решили госпитализировать. Он набрал в больницу книг, работал, думал. В больнице узнал, что Устинов при смерти: тяжелый инсульт – он недвижим, не говорит... Как теперь будет без Устинова? Не начало ли это «ренессанса» его КБ?..

Тромб убил Челомея мгновенно, как пуля, в тот момент, когда он говорил с женой по телефону.

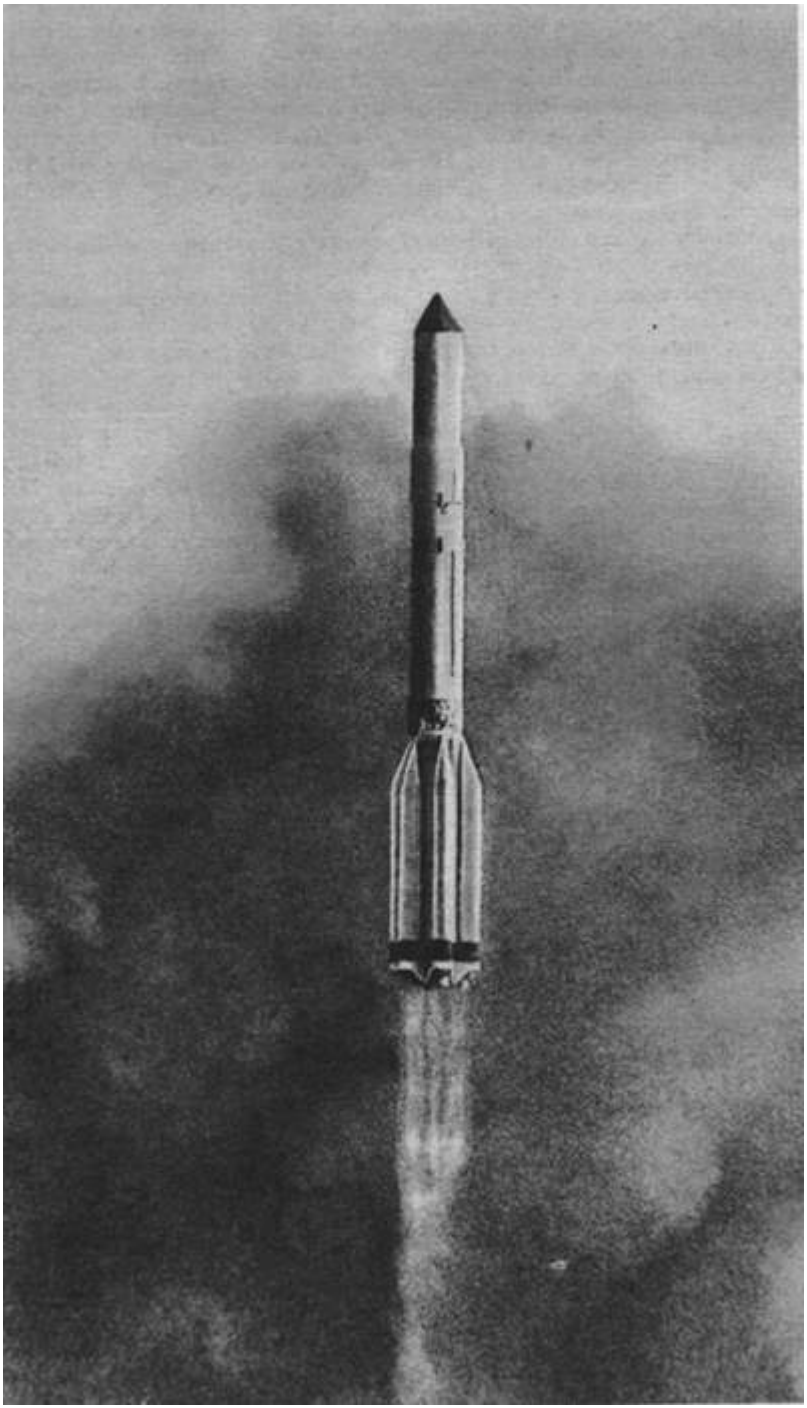
Устинову принесли лист бумаги с надписью: «Умер Челомей». Он прочел и удовлетворенно прикрыл глаза...

Дмитрий Федорович пережил Владимира Николаевича на двенадцать дней.

Но все эти печальные события случились лишь через двадцать лет. А тогда, в 64-м, перед Королевым стояла проблема очень непростая не с технической, а с чисто человеческой точки зрения: впервые ему предлагалось созданный им для облета Луны аппарат запустить в космос с помощью чужой ракеты.

В монтажном цехе

Ракета УР-500



Владимир Николаевич Челомей

Для того, чтобы данность стала действительностью, нужно ее в буквальном смысле слова воскресить.

Это-то и есть наука...

Осип Мандельштам

Полеты в космос возродили былую славу ВВС. Молодежь потянулась в авиационные училища. На любого парня в фуражке с голубым околышем смотрели как на потенциального кандидата в Герои Советского Союза. Генералы с Пироговки начинали понимать, сколь недальновидны были они еще вчера, чураясь ракетчиков. Кто подготовил и воспитал героев космоса, посланцев мира, граждан Вселенной? Кому обязана страна блеском звездной славы? Военно-Воздушным Силам! Королев? Никто не спорит: он делает хорошие ракеты и космические корабли. И пусть строит! Честь ему и хвала. Но вмешиваться в формирование экипажей ему не положено. Микоян или Сухой, которые, кстати сказать, делают тоже неплохие машины, не берут на себя смелость давать советы, кто должен летать на их истребителях. Они проектируют, авиапром строит, а ВВС эксплуатирует – все ясно и понятно. Так же должно быть и с ракетами...

Эти тенденции Сергей Павлович уловил быстро. «Антивэвээсовские» настроения существовали и в стенах его ОКБ, особенно среди молодежи. Молодые проектанты и испытатели, прекрасно знающие космическую технику, ясно представляющие себе весь ход полета, не видели в нем решительно ничего такого, чего не смог бы сделать, малость потренировавшись, любой здоровый человек. Именно нормально здоровый, а не сверхздоровый, как требовали авиационные медики в 1960-м.

Возможно, Сергей Павлович сожалел теперь о том, что он отдал на откуп ВВС отбор космонавтов. Ведь еще тогда, в 60-м, начал точить его молодой проектант из отдела Тихонравова Костя Феоктистов: все доказывал ему, что летать на новых кораблях должны не летчики, а инженеры.

– Скорее всего, я сам, – добавил Феоктистов.

Королев накричал на него тогда, а ведь он был прав. Потом Женя Фролов – один из его молодых ведущих конструкторов – тоже начал «забрасывать удочку»: надо бы слетать да все

проверить в деле… Ясно, что из молодежи своего ОКБ он может набрать отряд космонавтов не меньший, чем в Звездном городке.

А Звездный городок тем временем интенсивно расширялся. Штат Центра подготовки космонавтов распухал как на дрожжах. Если в самом начале количество летчиков – кандидатов на космический полет – было соизмеримо с количеством людей, «при них состоящих», то теперь число последних во много раз превышало число первых. Служить в Звездном, даже не претендуя на участие в космических стартах, было престижно. Тут легче было получить хорошее жилье, дети учились в отличной школе, магазины были богаче московских, вокруг прекрасная природа, леса – о чем еще может мечтать служивый человек?! Наконец, здесь было интересно работать! Поэтому уже через три года после организации ЦПК его штат перевалил за 600 человек. Непрерывно шло строительство административных корпусов, тренажеров, классов, жилья. Из первых отобранных кандидатов в космонавты к началу 1963 года двое уже слетали, один погиб, шестеро были забракованы медиками или отчислены за дисциплинарные прегрешения – осталось одиннадцать человек: не столь уж большой выбор. В 1962 году в частях ВВС начался поиск новых кандидатов, и к началу следующего года отряд космонавтов пополнился второй группой кандидатов из пятнадцати человек, из которых было восемь летчиков и семь летчиков-инженеров. Среди них: Владимир Шаталов (Карпов назначил его старшим среди летчиков). Лев Демин (старший среди инженеров), Георгий Добровольский, Юрий Артюхин, Алексей Губарев, Анатолий Филипченко, Виталий Жолобов и другие. В 1964 году в эту группу вошел любимец Каманина Георгий Береговой. Вскоре после того, как новые кандидаты разместились в Звездном городке, их повезли знакомиться к Королеву.

В большом кабинете, на дверях которого висела табличка «Главный конструктор. Начальник предприятия», всех усадили за длинный стол. Сидели тихо, озирались на черную школьную доску, на деревянные панели для чертежей, которые задергивались бежевыми занавесочками (секретность!), на здоровенный глобус в углу. Наконец, вошел плотный человек в шерстяной рубашке без галстука, обошел всех, с каждым поздоровался за руку – все это без суеты и не только без сюсюканья, но даже без особой приветливости: строго, по-деловому. Космонавты рассказывали о себе.

– А вы на чем летали? – Королев обернулся к Шаталову.

– На СУ-7Б, Сергей Павлович. Скорость – два Маха[240]…

– Расскажите подробнее. Какой разбег, потолок, как пилотируется…

Королев внимательно разглядывал новых кандидатов в космонавты. Это были уже совсем не те робкие лейтенанты, которые пришли к нему три года назад. Те были просто молодые здоровяки, совершенно не представлявшие себе, что их ожидает. Эти – знали! Они были старше, образованнее, опытнее, расчетливее. Они отлично понимали, какой великий, всю их жизнь определяющий шанс выпал им, и они готовы были на все, чтобы не упустить его. Эти не будут гусарить, как Гриша Нелюбов...

Королев кратко напомнил о полетах на «Востоках» и начал рассказывать, что теперь он собирается вывести на орбиту многоместный корабль, который уже готов.

– Но все это только начало, – продолжал Сергей Павлович, все более воодушевляясь, как бывало всегда, когда он говорил о будущем. – Завтрашний день космонавтики – создание крупных орбитальных станций. В них будут работать исследователи, а сами станции станут орбитальными причалами...

Он рассказывал то, что ясно видел, а видел он то, что осуществилось только через восемь с половиной лет, когда «Союз-11» впервые стартовал к «Салюту»...

Многоместный корабль, о котором Королев говорил будущим космонавтам, был нужен ему по многим причинам. Прежде всего, надо было дальше развивать пилотируемую космонавтику, сохраняя при этом мировое первенство. Сергей Павлович знал, что американцы, завершив весной 1963 года программу полетов одноместных кораблей «Меркурий», перейдут к двухместным кораблям «Джемини». Их надо обогнать. И не просто обогнать, но обогнать с перевесом: если у них будут стартовать два человека, то надо, чтобы на нашем корабле стартовали три.

Но кроме решения проблем «внешней политики», трехместный корабль облегчал Королеву решение некоторых задач «внутренней политики». Ведь именно такой корабль давал возможность положить конец космической монополии ВВС: пусть командиром пока останется летчик, но уж инженера-то нельзя будет не включить в такой экипаж![241]

Королев хотел, чтобы первый ученый в космосе выполнил роль десантника, захватившего важный плацдарм, а подкрепление не заставит себя ждать. В будущем так и случилось: из шестнадцати 2– и 3-местных кораблей «Союз» четырнадцать пилотировались смешанными экипажами из военных и штатских космонавтов. Военные летали 20 раз, штатские – 15. Любопытно, что подобное соперничество военных и штатских астронавтов возникло и в США. «Нью-Йорк тайме» прямо писала о «тлеющей и иногда чреватой взрывом борьбе» между военными и штатскими

астронавтами. Наибольшего напряжения эта борьба достигла при осуществлении лунной программы «Аполлон». Но у американцев не было своего Королева и обуздать притязания своих ВВС им было труднее. Поэтому и соотношения у них другие. Из 12 экипажей (включая экипаж, погибший на тренировке) смешанных было только 6. На кораблях «Аполлон» военные летали 29 раз, штатские – только 7. Да и то среди этих семи были такие асы-летчики, как Армстронг или Бранд, ушедшие из армии лишь накануне зачисления в отряд астронавтов.

Осуществлять свои планы Королеву помогали два весьма сильных союзника. Первым был Мстислав Всеволодович Келдыш, который считал, что коли речь идет о космических исследованиях, то и вести их должны исследователи, т.е. ученые, а не летчики. (Несмотря на очевидность такого мнения, ученых, не считая медиков, в космос так и не пустили. Научные эксперименты на орбитальных станциях вели инженеры, натасканные на научные программы, но не ученые. Другое дело, что в процессе работы космонавты сами «переквалифицировались» в ученых. Примеров тому много, достаточно назвать инженера Г.М. Гречко и летчика Е.В. Хрунова.) Вторым – заместитель министра здравоохранения СССР Аветик Игнатьевич Бурназян. Он ведал всей медицинской службой в атомных программах, и ему очень хотелось забрать себе и космос, создав в рамках министерства специальный институт медико-биологических проблем. Бороться с триумвиратом Королев– Келдыш-Бурназян и министру обороны Родиону Яковлевичу Малиновскому, и Главнокомандующему ВВС Константину Андреевичу Вершинину – людям, в принципе, умным и не агрессивным, было трудно. В конце концов договорились, что в трехместном корабле полетят летчик, инженер и врач.

– Кстати, врач может быть и нашим врачом, – успокаивал Вершинин Каманина.

Когда 21 августа 1964 года на заседании Военно-промышленной комиссии Королев докладывал о ходе подготовки к полету трехместного корабля, состав экипажа не рассматривался. Комиссия решила лишь познакомиться с кандидатами. Их было семеро: два летчика – Владимир Комаров и Борис Волынов, два штатских инженера – Георгий Катыс и Константин Феоктистов, три врача – Василий Лазарев, Алексей Сорокин и Борис Егоров. Каждый коротко рассказал о себе.

Красивый, сдержанный, деликатный Владимир Комаров был в первой, гагаринской группе космонавтов единственным инженером. Он не попал в лидирующую шестерку мешал рост и

вес и, кроме того, был на большом подозрении у медиков, но продолжал тренировки с удивительной настойчивостью и упорством, располагая к себе трудолюбием и откровенным желанием во что бы то ни стало полететь в космос. Когда начались работы над «Восходом», Комаров подключился к ним еще на стадии макета. Королев не мог не оценить его рвения. Однажды, кивнув на Комарова, он сказал Павлу Владимировичу Цыбину – одному из своих многочисленных замов, который курировал «Восходы»:

– Вот этот товарищ будет командиром корабля...

Дублером Быковского был Борис Волынов, который, если соблюдать уже установившуюся традицию, тоже мог претендовать на кресло командира многоместного корабля.

Второе кресло – место инженера – должно было бы принадлежать ОКБ Королева Уже после полета Титова Сергей Павлович решает организовать у себя отбор космонавтов. Слух об этом распространился по всему предприятию со скоростью, превышающей скорость света. Молодежь кинулась писать заявления. Число кандидатов в космонавты приближалось к трем сотням. На том все и кончилось ни на какую медицинскую комиссию никого не приглашали, заявления не разбирали, а скептики, конечно, издевались над «кандидатами в космонавты».

Одной из особенностей мышления Главного конструктора было то, что он редко бросал что-либо, не доводя до конечного результата – положительного или отрицательного. О космонавтах из своего КБ Королев не забыл. Примерно года через два, когда работа над «Восходом» стала разворачиваться и Феоктистов довольно нахально заявил, что он и его ребята возьмутся за дело, только если одного из них включат в экипаж, Королев уже не накричал на него, а, наоборот, отреагировал вполне миролюбиво:

– Да, в трехместном, конечно, один по крайней мере инженер полетит...

Так Феоктистов стал первым претендентом на роль космонавта от ОКБ. Это справедливо. С юных лет с истинно цандеровским упорством мечтал он о полете в космос. Константин Петрович принадлежал к той прекрасной человеческой породе чистых фанатиков, на которых мир держится. Человек трудный, неконтактный, бескомпромиссный, Феоктистов, сын бухгалтера из Воронежа, никогда не был ни обласкан, ни унижен ничьим покровительством, всего добивался сам и заставлял уважать себя прежде всего за высокий профессионализм. Космонавт Алексей Леонов говорил о Феоктистове: «Конструктор по призванию, конструктор по таланту, конструктор по складу ума». В ОКБ не было человека,

который знал бы космический корабль лучше Феоктистова. Бесспорно, он знал его лучше Королева. Но истинным счастьем для Константина Петровича была как раз встреча с Королевым. Не будь Феоктистова у Королева, «Восток» и «Союз» все-таки были бы построены, но не будь Королева у Феоктистова, – вряд ли Константин Петрович сумел бы с таким блеском и полнотой реализовать свой талант. Уже после смерти Королева приходилось слышать о том, что Феоктистов в своих мемуарах несколько принижает роль Королева в космонавтике, возвышая при этом себя. Неверно. Феоктистов писал о Королеве: «Это был великий человек, который сумел возглавить великое дело». И не только писал, но всегда ощущал это.

В мае 1964 года Феоктистов и еще несколько человек из ОКБ были отправлены на медицинское обследование. Тут обнаружилось, что у Феоктистова есть серьезный конкурент: Георгий Петрович Катыс. Молодой доктор технических наук, профессор, физически очень сильный, смекалистый, энергичный, Катыс был «человеком Келдыша». Впрочем, не только Келдыша: за него «болели» и другие академики, связанные с космонавтикой: В.А. Трапезников, у которого он работал, Г.И. Петров, А.Ю. Ишлинский. Полет ученого из Академии наук поднимал ее авторитет и, подобно браку между представителями царствующих домов, должен был способствовать укреплению позиций и Академии, и ракетчиков. Королев не возражал против кандидатуры Катыса. Возможно, исходя из своего главного критерия – интересов Дела, он считал обоих кандидатов равновеликими. Возможно, что к Катысу своей резкостью и ершистостью его подвигал сам Феоктистов. Возможно, что Катыс был просто симпатичнее ему. Это все возможно. Наверняка же можно только утверждать, что в это время, когда он начал «наступление на ВВС», ему не хотелось обострять отношения с президентом Академии наук и его окружением.

Василий Григорьевич Лазарев и Алексей Васильевич Сорокин – два военных врача – позволяли ВВС сохранить свои позиции, не нарушая предварительной договоренности: третий член экипажа должен быть врач. Королев и тут не возражал, хотя здесь была у него одна «задняя мысль».

Во время случайной (а может быть, и не совсем случайной) встречи с Главным конструктором известный нейрохирург, действительный член Академии медицинских наук Борис Григорьевич Егоров рассказал Королеву о своем сыне, Борисе, который мечтает стать космонавтом. И не просто мечтает, а активно себя к этому готовит. Еще студентом мединститута он прибился к лаборатории Федора Дмитриевича Горбова, который

занимался психологическим тестированием космонавтов, а на шестом курсе уже стал младшим научным сотрудником этой лаборатории. Рядом с собой видел он Титова, Поповича, Николаева – тех, кто завтра становились вселенскими героями, и Борис просто умирал от желания самому слетать в космос. В феврале 1962 года он совершил свой первый парашютный прыжок и был включен в одну из поисковых групп, которым предписывалось встречать на земле космические корабли. Ни одного космонавта ему встретить не довелось, но сама эта работа тоже в какой-то степени позволяла приблизиться к заветной цели. Понимая, что Борис Егоров – «человек Бурназяна», а быть может, желая показать академику Егорову беспредельность своей власти, Королев делает так, что и Борис Борисович Егоров становится одним из кандидатов на полет в многоместном корабле.

Таким образом, к началу 1964 года образуется группа «Восхода», куда входят: Волынов, Егоров, Катыс, Комаров, Лазарев, Сорокин и Феоктистов.

Располагая их по алфавиту, я подчеркиваю тем самым их равноправие: никто не делил их на первый и второй экипажи, никто ни у кого не был дублером, просто существовала вот такая семерка, из которой надо было выбрать трех человек.

Трехместный корабль – не секундное озарение Королева: он думал о нем очень давно. Если помните, на конференции в Ленинграде, за тридцать (!) лет до старта «Восхода» говорил: «... речь может идти об одном, двух или даже трех людях, которые, очевидно, могут составить экипаж одного из первых реактивных кораблей».

«Восход» – прекрасный пример новаторства Королева, его умения отметать привычное и освобождаться от догм. Как вспоминает Феоктистов, Сергей Павлович начал с того, что во время одной из бесед с проектантами спросил небрежно, вскользь:

– А что, разве нельзя в спускаемый аппарат двух или даже трех космонавтов поместить?

Проектанты дружно стали убеждать Главного, что сделать это невозможно. Невозможно, если следовать логике «Востока»: больше одного катапультируемого кресла в «шарике» разместить нельзя. Но если бы и сумели, – каждому креслу нужен свой люк, а это уменьшит прочность спускаемого аппарата. Исполняя волю Главного, чего только не придумывали! Существовал фантастический проект, в котором корабль просто разваливался на куски, а космонавты выстреливались из него в разные стороны. Один из заместителей Главного Анатолий Петрович Абрамов говорил:

– Только впоследствии, размышляя над этой работой, я понял, что СП с самого начала почувствовал, что для «Восхода» требуется новая схема посадки – «мягкая посадка», что вся логика этого корабля требует, чтобы космонавты садились на Землю прямо в самом корабле, что индивидуальные парашюты им не нужны. Но он не говорил об этом прямо. Он медленно и нежно подводил нас к этому выводу и делал все, от него зависящее, чтобы предложение о «мягкой посадке» исходило не от него. И едва кто-то намекнул, что, может быть, и не нужны катапульты, как Сергей Павлович тут же подхватил:

– Вот это дело!

Он отлично понимал, что осуществлять «свою» идею каждый человек будет с большей охотой, чем навязанную ему начальством...

«Восход» – это переделанный «Восток», но переделанный довольно основательно. Кроме кресел с амортизаторами, безопасную посадку должны были обеспечить твердотопливные двигатели мягкой посадки, которые срабатывали, когда штырь длиной 120 сантиметров, торчащий из корабля, касался земли. Опыт в создании таких двигателей уже существовал у инженеров, работающих над проблемами приземления различной техники в десантных войсках. Королев быстро наладил с ними связи.

Существенно была улучшена парашютная система. На «Восходе» были две системы ориентации, два тормозных двигателя, телекамеры внутри и снаружи. С учетом удачных пусков шести предыдущих «Востоков» корабль, в принципе, можно было считать надежным и требовалось предварительно опробовать лишь новую систему посадки. Дело хлопотное: самолеты, взрывы, никто этим заниматься не хотел.

Вот вы не беретесь, а у меня есть старик, который возьмется и все сделает! – сказал Королев.

Он вспомнил друга юности Петра Флерова, который несколько лет назад организовывал испытательные сбросы «шарика» под Иссык-Кулем.

– Петр, нужно быстро сбросить шар, – сказал Королев, едва костлявая фигура Флерова возникла на пороге его кабинета. – Точнее, два раза надо сбросить. Один раз – с двигателями мягкой посадки, другой раз – без двигателей: вдруг они откажут. И замерить пиковую перегрузку. Лишнего шара у меня нет. Возьми шар Титова из музея, переделай, что надо, а кончишь испытания – вернешь в музей. А я, Петя, за границу улетаю! Представляешь? За границу! В Чехословакию!

В субботу 27 июня 1964 года утренним рейсом Королев с женой прибыл на пражский аэродром Рузина – началась

единственная (если не считать командировки в Германию 1945-1946 годов) зарубежная поездка сверхсекретного Главного конструктора.

Королеву всегда очень хотелось съездить за границу. Особенно в Англию. Он высоко ценил добротность и культуру английской индустрии, и познакомиться с британскими умельцами ему было интересно – о достопримечательностях он как-то не думал. Во Франции и в Италии тоже любопытно было бы побывать, но секретность крепко прибила его к родной земле: никуда не выпускали. А тут летом позвонил Леонид Ильич Брежнев – он курировал ракетную технику – и сказал, что можно ехать в Чехословакию в качестве гостя ЦК КПЧ.

На аэродроме в Праге Сергея Павловича встречали несколько человек. Первым от небольшой группки отделился маленький брюнет: широко улыбаясь, поспешил навстречу – Михаил Васильевич Зимянин, советский посол. За ним подошли несколько человек из ЦК Компартии Чехословакии, которые, как быстро понял Королев, очень туманно представляли себе, кого, собственно, они встречают. Известно им было немногое: какой-то очень засекреченный ученый из Москвы. Королевы поселились в особняке для правительственных гостей. Дня три-четыре осматривали Прагу: Град, Стары Място, Карлов Мост – все, что полагается осматривать туристам. При них неотлучно находились два чеха: Франтишек Семин из ЦК и Бжетислав Гынечек из госбезопасности. Уже при обсуждении программы пребывания Королев сказал, что отдыхать в Карловых Варах он бы не хотел, а, если можно, осмотрел бы несколько промышленных предприятий и научно-исследовательских учреждений. Потом, коли время будет, можно и отдохнуть. Чехи удивились, но согласились.

Королев побывал в научно-исследовательском институте в Летнянах. осмотрел новый самолет Л-29 (потом, очевидно по его рекомендации, эту машину стал покупать Советский Союз), посетил авиазавод в Водоходах, где ему подарили часы с приборной панели. Затем советский академик отправился в Пльзень, но вместо того чтобы, как все русские, сразу кинуться пить знаменитое пиво, он долго рассматривал на «Шкодовке» детали локомотива из слоистого пластика и реактор на заводе «Атомная электростанция». Пиво в «Праздрое» ему понравилось, но пил он очень мало. Жена академика, когда на одном заводе им хотели подарить хрустальную вазу, рекомендовала нарезать цветов и поставить вазу в кабинете директора «как память о нас». В общем, чехи продолжали удивляться: эти русские вели себя как-то не по-русски.

Потом Королевы поехали в Брно, где Сергей Павлович

осмотрел «Збройовку» – оружейный завод; в Бланско – предприятие «Метра», в Готвальдов – обувной гигант «Свит», в Куновицы – авиазавод. Тут чехи сказали, что нельзя уезжать из Моравии, не побывав в знаменитой пещере Мацоха и не прокатившись на лодке по подземной речке Пунквс. Королева уговорили осмотреть также знаменитое поле Аустерлицкой битвы, которое заинтересовало Сергея Павловича куда меньше, чем кузнечный цех в Новой Гуте.

Приехав в Словакию, Королев снова начинает тормошить своих гидов. В городе Нове-Место-на Ваге он посетил Институт автоматизации, в Братиславе – Институт сварки. Гидов поражало, как быстро ориентируется русский академик на каждом заводе или в институте. По глазам его было видно, что он моментально схватывал суть объяснений, а иногда мягким движением руки эти объяснения останавливал.

– Ясно, – быстро говорил он. – Пошли дальше...

Промчавшись по всей стране дней за десять, Королевы поселились, наконец, в небольшом домике на берегу озера Штрба в Высоких Татрах. Теперь, наоборот, русский академик стал на редкость малоподвижен, уклонялся от банкетов (выпивали один раз, но крепко!), предпочитая на ужин картошку с кислым молоком, не требовал ни охоты, ни рыбалки, не играл в карты, рано ложился спать. Чем он занимается, Сергей Павлович гидам не рассказывал, но постепенно по каким-то отрывочным репликам они сами поняли, что он «космический» человек. Однажды после ужина зашел разговор об охране природы и проговорили чуть ли не за полночь.

– А вы уверены, что сама современная концепция научно-технической революции верна? – спрашивал Королев у чехов. – Я не уверен. Мы не достигаем гармонического единства с природой. Мы должны понять и изучить весь этот гигантский, постоянно изменяющийся механизм и, не ломая его, каким-то образом подключить к нему машину нашей цивилизации...[242]

Редкие, ни на что не похожие три недели в жизни Сергея Павловича Королева. Единственные и никогда уже не повторявшиеся дни покоя и счастья.

16 июля Королевы вернулись в Москву. К этому времени Петр Васильевич Флеров завершал переоборудование спускаемого корабля Германа Титова. Главный пообещал, что сам приедет в Крым на испытания, когда все будет готово. И действительно, в конце августа он прилетел на пробный сброс. Погода была отличная, ни облачка, самолет виден хорошо. Стоящий рядом с Королевым Гай Северин смотрел в бинокль, стараясь не пропустить миг, когда раскроется парашют. Не дождался –

парашют не раскрылся.

Место падения сразу обозначилось столбиком дыма, поднявшегося в неподвижном воздухе. Подъехавших на машинах людей «шарик» встретил насмешливым салютом запоздало сработавших пиропатронов. Вернее, «шарика» уже не было: «шарик» превратился в плюшку.

– Это нам совсем ни к чему, – задумчиво сказал Королев. – Надо разбираться... Улетая в Москву, Королев спросил Флерова:

– А что мы теперь Герману скажем? Исторический корабль загубили... Выяснилось, что ошибка в электросхеме привела к тому, что взорвались не все пиропатроны, которые отстреливают крышку парашютного контейнера. Парашют раскрылся, отняв у системы мягкой посадки то время, которое было ей нужно, чтобы твердотопливные двигатели успели сработать.

Перед отлетом Главного опять заговорили о будущей работе, и Королев сказал, что планирует пуск корабля с манекеном и, если все будет благополучно, следом сразу полетит экипаж.

– А кто? – спросил Флеров.

– Комаров, Феоктистов, Егоров.

Еще в августе 1964-го когда на заседании ВПК устроили «смотрины» семерым кандидатам в космонавты, Николай Петрович Каманин имел свой вариант будущего экипажа. Заседание было в пятницу, а уже во вторник Каманин доказывал заму Главкома Руденко, что Феоктистов вообще больной человек, а в способностях Катыса и Егорова выдержать все тяготы космического полета он тоже сильно сомневается. Лучшим экипажем, бесспорно, надо считать такой: Волынов-Комаров-Лазарев.

Маршал согласно кивал, но высказываться не торопился. Он знал, что не только медицинские запреты могут помешать стать космонавтом.

Мать Бориса Волынова была еврейка, и это очень не нравилось заведующему оборонным отделом ЦК Ивану Дмитриевичу Сербину. Отец Георгия Катыса в 1937 году был безвинно репрессирован, и, хотя к 1964 году его давно уже полностью реабилитировали, мудрецы в мандатной комиссии не рекомендовали включать его в экипаж. И то, и другое было гнусностью. Королев хотел, чтобы полетел Комаров, который нравился ему больше Волынова, но антисемитом он никогда не был. Решение мандатной комиссии по Катысу тоже очень раздражало Королева. Он, изведавший Колыму и шараги, понимал лучше других всю несправедливость недоверия к человеку только за то, что его отец бы оклеветан и посажен каким-то мерзавцем. Главный приготовился к бою, но тут ему

передали слова, которые якобы сказал Хрущев:

– Скажите Королеву, что волну поднимать не надо…

Когда решался вопрос о Феоктистове, активно против него выступал Каманин:

– Как можно сажать в корабль человека, если у него язва, близорукость, деформация позвоночника, гастрит и отрубленные пальцы на левой руке?

Возможно, кое-что Каманин, наслушавшись докладов авиационных медиков, «творчески дополнил», но близорукость и пальцы – это точно.

Однако на защиту Феоктистова встал Бурназян, без проволочек выдавший ему медицинский сертификат. Медики ВВС дружно возражали. Королев понимал, что, если он предложит кандидатуру другого ученого, Карпов наверняка скажет, что он не успеет его подготовить. И, кстати, будет прав. Тогда ВВС смогут протолкнуть вперед кого-нибудь из своих, уже натренированных ребят. Взвесив все это, Королев выступил в поддержку Феоктистова, но считать, что он «проталкивал своего», было бы неверно. Отношения между академиком и кандидатом технических наук и в это время продолжают быть весьма сложными. В ОКБ ходила легенда (а может быть, и быль) о том, как на одном совещании довольно добродушно настроенный Королев, устав пререкаться с Феоктистовым, примирительно предложил:

– Ну хорошо, давайте проголосуем. Итак, существуют два мнения: первое – мое, второе – ваше. Вы согласны?

– Нет! – отрубил агрессивный Костя.

– ?!!

– Первое – мое, Сергей Павлович. А ваше – второе…

Споры часто возникают из-за несхожести характеров. Здесь они часто возникали именно потому, что между ними было сходство. Феоктистов не сравним с Королевым как организатор, но сравним по преданности делу. Не видеть этого Сергей Павлович не мог. Забегая вперед, надо сказать, что Константин Петрович оправдал доверие Главного. Он рассказал ему о корабле в космосе больше, чем все другие летавшие до него космонавты, вместе взятые.

Понимая, что желаемого экипажа из трех военнослужащих ВВС ему не пробить, Каманин идет на уступки и предлагает другой вариант: Комаров-Феоктистов-Лазарев. Королев возражал категорически: в этом случае он проигрывает ВВС со счетом 2: 1. Только Егоров! Каманин, который по упрямству мог состязаться с кем угодно, тоже уперся: только Лазарев! Вопрос остался открытый: о третьем члене экипажа так и не договорились.

Карпов, как и ожидал Королев, тоже убеждал Сергея Павловича, что срок слишком мал, чтобы Егорова можно было подготовить к полету, но не убедил. В какой-то степени разрешить конфликтную ситуацию помог сам Борис Егоров.

Дело в том, что в шарике «Восхода» было очень тесно. От скафандров отказались не потому, что Гай Ильич Северин был уверен в надежности системы жизнеобеспечения, как потом писали. И не потому, как утверждал американский журнал «Лайф», что русские хотели сделать «просто показной жест». Жесты при удобном случае мы делать умеем, и Северин в системе своей был действительно уверен, но отказались прежде всего потому, что трех человек в скафандрах очень трудно было разместить. Поэтому требования к росту космонавтов были весьма жесткие. И даже не просто к росту, а к относительным размерам туловища и ног. Так вот, фигура Егорова оказалась оптимальной: он отлично вписывался в «шарик».

18 сентября после заседания Государственной комиссии председательствующий Тюлин просит задержаться Королева, Руденко, Каманина, Керимова и Мрыкина.

– Центральный Комитет и ВПК интересуются составом экипажа нового корабля, – строго сказал Георгий Александрович. – Сколько можно тянуть, товарищи? Надо решать. Я как председатель Госкомиссии от своего имени и от имени Сергея Павловича вношу предложение утвердить экипаж в составе: Комаров-Феоктистов-Егоров. Какие будут предложения?

Королев, Мрыкин, Керимов – за. Руденко молчал. Каманин ринулся в последнюю атаку – спорил, убеждал, ссылался на медицинские показатели. Королев перебивал, осаживал Николая Петровича достаточно жестко. Руденко, наконец, решил защитить Каманина. Но как маршал и начальник Главного штаба ВВС, т.е. человек наиболее сильный в стратегии, Сергей Игнатьевич допустил одну тактическую ошибку:

– Мы сами доложим Совету Министров наши соображения по составу экипажа, – сказал он Тюлину, что немедленно привело Королева в ярость неописуемую...

Через неделю, 24 сентября, Каманин записывает в дневнике: «В конце дня встретился с маршалом Руденко. Он сообщил, что говорил по телефону с Тюлиным и дал ему согласие от имени Главкома ВВС на экипаж в составе Комарова, Феоктистова и Егорова. Итак, Руденко полностью капитулировал перед Королевым, а Вершинин безропотно согласился с этой заменой. Оба маршала не хотят бороться с прихотями и капризами Королева».

Впрочем, Каманин понимает, что и ему пора уже выбрасывать

белый флаг. Абзац в дневниковой записи кончается так: «Я всем открыто высказал свое мнение о составе экипажа „Восхода“, но навязывать его Госкомиссии, видимо, не стоит».

По каким-то деталям, обрывкам разговоров, просто слухам космонавты стали догадываться, что предпочтение как-будто отдается тройке: Комаров-Феоктистов– Егоров. Но информация эта была зыбкая, ненадежная, переменчивая. Катыс, например, категорически не желал мириться с положением дублера. Но некоторые детали тревожили и его. Перед вылетом на космодром надо было съездить в Москву за вещами. Феоктистову и Егорову дали «Волги», а ему – «газик». Почему? Это был тревожный симптом с учетом предельно развитого в отряде космонавтов чувства субординации.

Верный себе, Каманин не сообщает космонавтам о решении Госкомиссии еще очень долго, сознательно поддерживая в них состояние неопределенности, помогающее, как он полагал, управлять ими. Если верить дневнику Николая Петровича, то и 5 октября, за неделю до старта, «они еще не знают точно, кто полетит на „Восходе“, и настороженно ждут...» Официально экипаж был объявлен на заседании Госкомиссии 9 октября – за три дня до старта.

Решение Госкомиссии о враче-космонавте надолго задержало «на скамейке запасных» Василия Лазарева. Лишь через девять лет – в апреле 1973 года – он стартовал вместе с Олегом Макаровым на «Союзе-12». Алексей Сорокин не стал космонавтом и умер в сорок пять лет от лейкемии.

Можно сказать, что комплектование экипажа «Восхода» было самым трудным и болезненным за все время пилотируемых полетов. Этого и следовало ожидать, коль скоро объективные показатели дополнялись ведомственными интересами. Если до этого дублеры становились как бы первыми кандидатами на следующий полет, то дублеры «Восхода» ими не стали. И Волынов, и Лазарев стартовали в космос по другим программам. Очень тяжело пережил свою отставку Катыс, который, мне кажется, заслуживает во всей этой истории самого большого и искреннего сочувствия.

В своих воспоминаниях Феоктистов пишет: «Примерно за месяц до назначенной даты старта и дней за десять до отъезда на космодром вызывают нас к начальнику Центра подготовки Н.Ф. Кузнецову. У него сидит генерал Каманин. Нам объявляют: формируется первый экипаж в составе Комарова, Феоктистова, Егорова. Вот только тут мы почувствовали, что полетим. Вышли мы трое счастливцев вечером на улицу и медленно пошли в лес по шоссе к электричке».

Когда маршал Руденко, как пишет Каманин[243], звонил Тюлину на космодром, чтобы сообщить о «капитуляции» ВВС, Георгий Александрович Тюлин был озабочен вопросами совсем другими, несоизмеримо более важными в сравнении с утверждением какого-то там космического экипажа Не врачам и инженерам предстоял тяжкий экзамен, а ему самому, первому заместителю министра...

22 сентября Королев пишет домой: «Завтра у нас будет здесь Н.С. и я буду занят буквально с утра и до ночи, а главное, нет (не будет) практически никакой связи, самолетной во всяком случае. Я беспокоюсь, что ты будешь ожидать моего письма и очень огорчаться, что его нет».

Малиновский давно уговаривал Хрущева провести смотр ракетной техники на Байконуре Главный спор шел между Янгелем и Челомеем – чья ракета лучше? Хрущев должен был принять окончательное решение, какая из них будет принята на вооружение

Съехалось, как всегда в таких случаях, много народу из оборонных министерств и самого Министерства обороны, командующие военными округами, главные конструкторы. 24 сентября прилетел Хрущев вместе с Брежневым, Кириленко, Устиновым, Сербиным. Королев встречал правительственный самолет вместе с Янгелем и Челомеем. Потом начались большие ракетные маневры, подготовке которых и отдал столько сил Георгий Александрович Тюлин, сопровождавший главу правительства с одной стартовой позиции на другую. Хрущев смотрел, как взлетают ракеты, беседовал с конструкторами и генералами. У Челомея он пробыл полдня, выслушивая рассказ Владимира Николаевича, более похожий на мажорную арию, чем на технический доклад. Пуск УР-200 оказался неудачным После обеда Хрущев переехал к Королеву. Расстроенный вконец Челомей на королевские пуски не приехал, чтобы не видеть чужого триумфа. Стоял ясный, теплый день, и Никита Сергеевич, уже подрумянившийся под ласковым солнцем, был в прекрасном расположении духа.

На наблюдательном пункте в тарелках уже лежали щедро нарезанные толстыми ломтями холодные сахарные арбузы. Перед самым стартом «девятки» прямо перед Никитой Сергеевичем откуда-то вылез смешной желтый сурок, что внесло в ход испытаний тот заряд непринужденного и даже несколько легкомысленного веселья, который подчас бывает просто необходим в любом серьезном деле. Кроме старта «девятки» с сурком Королев показывал «семерку» с метеоспутником, который потом в газетах назывался «Космос-46». Все прошло

благополучно. Вождь был приветлив и благодушен. Особенно оживился Никита Сергеевич (и все окружающие сразу автоматически тоже), когда Сергей Павлович показал ему лежащий в МИКе «Восход».

На следующий день высокие гости поехали к Янгелю. Михаил Кузьмич демонстрировал свою новую Р-36 и с интервалом в минуту выпустил из шахт три ракеты Р-16. Зрелище было очень впечатляющее. Все поняли, что Янгель соревнование с Челомеем выиграл.

Хрущев в ту пору был уже человеком плохо управляемым, капризным, часто раздражительным и в гневе свирепым. И хотя сейчас на космодроме он не кричал, не топал, все знали, что закричать и затопать он может в любую минуту, и находились в постоянном напряжении. Королев молил бога, чтобы он поскорее улетел – впереди была серьезная работа. «Эти дни для меня были как в каком-то угаре, – писал он жене. – По сути дела вся наша работа за последние годы подверглась проверке, так сказать, действием и при этом не только нашей фирмы, но и других. По счастью, все прошло отлично, и у меня настроение по этой части самое хорошее. Завтра начинаем снова нашу обычную рабочую программу».

Во время подготовки старта «Восхода» более всех других – а их, как всегда, было немало – томили Королева две заботы: старт и посадка. То, что космонавты сидят в корабле, как сардины в банке, в конце концов, не столь страшно. Неудобно, тесно, но сутки выдюжить можно. А вот старт... Система аварийного спасения еще не была готова, как ни подстегивал Сергей Павлович КБ Ивана Ивановича Кортукова, которое делало эту установку, похожую на стилизованную маковку нарядной церквушки. В случае аварии на первых секундах после зажигания командира «Востока» теоретически хотя бы спасти можно. С «Восходом» даже теоретически ничего не получалось: спасения не было. Это знал Королев. И космонавты это знали. Где-то около 20-й секунды хватало высоты, чтобы сбросить головной обтекатель, отстрелить спускаемый аппарат и дать парашютам раскрыться.

Василий Гроссман писал: «В бою секунды растягиваются, а часы сплющиваются». Космический старт – тот же бой, та же деформация времени. Эти первые секунды надо было прожить во что бы то ни стало... Страшно? Конечно страшно. Когда Комаров говорит: «Мы не боялись потому, что верили в успех», я этого не понимаю. Как не очень понимаю и Феоктистова: «Я ставлю моральный риск выше физического». Он говорил, что катастрофа могла бы отбросить назад космонавтику, подобно тому как гибель

экипажа Леваневского затормозила трансполярные перелеты. Но ведь это тревоги разные по самой природе своей, несовместимые. Допускаю: и в успех верили, и о будущем думали, но как могло не быть страха? Страх бывает дурацкий, а бывает умный. Секунды старта – это умный страх, и ничего стыдного в нем нет.

И вторая забота Королева – посадка. Вроде бы все предусмотрели. И кресла отливали точно по фигуре, и испытания показывают, что даже без мягкой посадки, на одних парашютах, хоть и тряхнет прилично, но останутся живы-здоровы. Сергей Павлович несколько раз ездил в парашютное КБ, совсем замучил Федора Дмитриевича Ткачева и Николая Александровича Лобанова – лучших специалистов страны по парашютам – своими бесконечными вопросами, сам проверял расчеты, протоколы испытаний и разбирался во всех многокупольных парашютных системах.

В письме к Нине Ивановне от 15 сентября Сергей Павлович пишет, что предстоит выполнить «еще два важных пункта: один здесь и один на Черном море (где я был)». В другом письме, отправленном 25 сентября, уже после визита Хрущева, снова подтверждает: «Нам предстоят еще 2 этапа предварительных – один здесь числа 28-29-го IX и затем в Ф.[244] 1-2/X. Основное ожидаем в районе 5-10/X». Его очень волнует предстоящая операция желчного пузыря, которая предстоит Нине Ивановне. «Я обязательно прилечу хоть ненадолго, чтобы поговорить с тобой и с врачами. Хочу все это лично». На следующий день после отправки письма Королев на несколько часов прилетает в Москву, встречается с хирургом Б.В. Петровским, успокаивает Нину, а точнее, сам успокаивается рядом с ней и снова улетает на космодром. Но покоя на душе нет. Он знает время операции. Едва вернувшись, шлет новое письмо, объясняет: «Именно в эти часы будет проходить одна из наших предварительных работ…» Однако не выдерживает, снова летит в Москву: едва привезли Нину из операционной, он уже в палате. И снова в Тюратам. Гагарин навестил Нину Ивановну в больнице и привез Королеву на космодром записку от нее.

В письме от 4 октября Сергей Павлович благодарит за записку и, словно оправдываясь, замечает: «На Байконуре мое присутствие было совершенно необходимо и в самые ранние часы сегодня». В тот же день Королев встречает космонавтов – прилетела вся семерка, а на следующий день улетает в Феодосию. После августовской неудачи Флеров раздобыл в Подлипках какой-то забракованный негерметичный шар и подготовил новый сброс. Прямо с самолета Королев пересел в вертолет Флерова, который встречал его, и они полетели в район испытаний.

Осенние тучи заволокли небо, и, несмотря на предупреждение командира Ан-12, с которого бросали шар, он появился из облаков неожиданно, плавно опускаясь и чуть раскачиваясь на парашютных стропах. С вертолета хорошо было видно, как в степи поднялось быстрое, какое-то сердитое облако рыжей пыли, медленно оседавшей теперь на безжизненно и некрасиво обмякший на земле парашютный купол.

– Виктория! – закричал Флеров, обернувшись к Королеву.

Главный улыбнулся...

6 октября Сергей Павлович возвращается на космодром, где руководит запуском беспилотного варианта корабля, скромно отмеченного ТАСС как спутник «Космос-47». После его благополучного приземления сразу начинают готовить ракету для космонавтов.

«Наши дела идут пока по плану, хотя неприятности и трудности нас буквально не оставляют, – пишет Сергей Павлович Нине Ивановне в больницу. – То одно, то другое, так что обстановка сложная... После 10/X – основная работа. Боюсь, что дело может затянуться и до 15/X. Все, конечно, живут в огромном напряжении, работа идет круглосуточно. Замечательный у нас народ, который может так беззаветно и так самоотверженно трудиться.

Пусть легким окажется путь!»

Практически ежедневно возникают проблемы, требующие задержки старта. Более всего заволновались, когда пришло известие о том, что во время испытаний на стенде взорвался двигатель Косберга, который стоял на третьей ступени. Через сутки Косберг разобрался в причинах аварии: в высокочастотных колебаниях, которые разрушали двигатель, был повинен стенд. Накануне старта обнаружился отказ системы телеметрии носителя, и Королев устроил ее главному конструктору Алексею Федоровичу Богомолову яростный разнос. Более всего возмутило Сергея Павловича не то, что сломались эти приборы, а то, что Богомолов не сообщил об этом сразу. Это был грех непростительный. Королев обзывал Алексея Федоровича «трусливым мальчишкой», кричал:

– Я не хочу больше иметь с тобой дела. Уходи – я не могу оставаться с тобой в одной комнате!

Комментарий Каманина в дневнике: «За четыре года совместной работы я первый раз видел его в таком состоянии».

Ссора с Богомоловым длилась недолго: у Королева уже не было сил на длительные конфликты.

Потом Феоктистов вспоминал, что из всей космической эпопеи больше всего запомнилось ему благостное чувство покоя,

которое он испытал, когда за ними закрыли люк и он понял, что теперь недоступен для медиков и начался некий необратимый процесс, остановить который очень трудно.

«Восход» стартовал 12 октября 1964 года в 10 часов 30 секунд. Напряжение достигло предела. Сколько длились эти первые смертельные секунды для Главного? Сколько длились все 523 секунды, пока «русская тройка» вышла на орбиту?

В эти минуты Хрущев, который после посещения космодрома довольно быстро уехал отдыхать на Пицунду, с нетерпением ожидал сообщения о запуске трехместного корабля. Он знал, что в случае удачи звонить ему наперебой бросаются все: Устинов, Смирнов, Малиновский. Королев чаще всего докладывал об авариях и отказах – охотников на подобные доклады найти было труднее. И теперь Никита Сергеевич, поглядывая на молчавший аппарат ВЧ-связи, начинал волноваться. Потом не выдержал и сам позвонил Смирнову. Леонид Васильевич доложил, что все в порядке: корабль на орбите, космонавты чувствуют себя хорошо.

В крайнем раздражении Хрущев отчитал Смирнова за то, что тот промедлил с докладом. Свидетель этого разговора Сергей Никитович Хрущев, который был вместе с отцом на даче, пишет в своих воспоминаниях: «Смирнов, видимо, сказал, что не успел позвонить. Он, конечно, уже все знал и не торопился звонить отцу. Для него смена власти фактически произошла ..»

В такое объяснение поверить трудно. Что бы ни знал Леонид Васильевич, как бы ни был уверен в победе заговорщиков, смена власти еще не произошла, Хрущев в эти часы оставался первым человеком в государстве. А если бы переворот по каким-то причинам не удался? Телефонный звонок – пустяк. А потом всегда можно было объяснить, что звонком этим он усыплял бдительность Никиты Сергеевича на подходе к той яме, которую ему уже вырыли «верные друзья и соратники». Не позвонив вовремя на Пицунду, Смирнов рисковал, а рисковать Леонид Васильевич не любил... Может быть, посоветовали не звонить? Кто?

На очередном сеансе связи, когда «Восход» вошел в зону радиовидимости, Лебедев – помощник Никиты Сергеевича – организовал ему телефонный разговор с бортом космического корабля. Разговор этот, как и все предыдущие подобные разговоры с космонавтами, был пустейший, но Хрущев любил их, поскольку его восхищал сам факт разговора. Шутка ли, ты сидишь на даче и говоришь по телефону с людьми, которые летают в космосе?!

Микоян, зашедший на дачу, теребил старого друга.

– Вот здесь рядом со мной Микоян, просто вырывает трубку, –

шутливо жаловался Никита Сергеевич космонавтам...

Нервозная обстановка, сопровождающая всякий раз «правительственную» беседу, несколько нарушила четкое расписание жизни в космическом корабле. Впрочем, быстро она вернулась в прежнее русло. Работа на орбите шла хорошо, дружно, и, когда на одном из ночных сеансов связи Королев спросил, готовы ли они к выполнению завершающей части программы, «Рубины» – такой им придумали позывной[245] – даже стали просить увеличить время их полета еще на сутки.

– У нас не было такой договоренности, – ответил Королев, довольный, однако, тем, что космонавтам нравится летать.

– Увидели много интересного. Хочется расширить наблюдения, – объяснил Комаров.

«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...» – устами Главного в космосе впервые говорил Шекспир. – И все же будем выполнять программу...

В час приземления долгожданный доклад службы поиска прозвучал примерно в расчетное время, хотя всем казалось, что он запаздывает:

– Летчик Михайлов на самолете Ил-14 видит в воздухе объект в сорока километрах восточное Марьевки...

'Королев не успокоился:

– Пятьдесят второй, я – двадцатый! Скажите, сколько парашютов видит Михайлов: один или два?..

Пауза. Глубокая, как бездна.

– Два парашюта...

С двигателями мягкой посадки встреча с землей напоминала толчок разболтанного старого лифта, когда он опускается на первый этаж. «Посадка была мягкой, но шар перевернулся, и мы повисли на ремнях вверх ногами, – вспоминает Феоктистов. – Ближе к люку был Володя Комаров, он вылез первым, затем Борис и последним я ...»

В эти минуты в далекой Пицунде Никита Сергеевич Хрущев принимал на даче французского министра Г. Палевского. Он и обедать с ним собирался, но телефонный звонок Брежнева нарушил его планы: Хрущева вызывали в Москву. Когда космонавтов доставят в Ленинск, в Москве уже полным ходом будет идти пленум. Когда закончатся послеполетные медицинские анализы на «площадке № 17», Хрущев уже будет снят со всех постов.

Эти два события – государственный переворот и завершение космического полета – соединили в своих статьях десятки зарубежных журналистов. Они утверждали, что именно смещение Хрущева заставило сократить программу полета и посадить

«Восход» через сутки. Это неверно. Полет заранее был так рассчитан, и в тот момент, когда космический корабль пошел на посадку, Королев (как и Хрущев) ничего не знал о близкой смене власти.

Доставленные после приземления в Кустанай, космонавты довольно долго ожидали звонка Хрущева – ведь именно так было запланировано. «Но около трех часов дня, – записал в дневнике Каманин, – пришло сообщение от Смирнова из аппарата Совета Министров: „Космонавты не дождутся разговора с Хрущевым – можно улетать на полигон“».

Экипаж возвратился на Байконур. Послеполетное медицинское обследование, отдых – все прошло как обычно. 14 октября на расширенном заседании Госкомиссии космонавты доложили о своем полете. Потом устроили торжественный обед. Вечером позвонил Вершинин и срочно вызвал в Москву Руденко. 15 октября, ничего им не объясняя, улетели в Москву Королев и Тюлин. Экипаж развлекали кинофильмами и фазаньей охотой в плавнях Сырдарьи. Наконец, официальное сообщение: «по состоянию здоровья» Никита Сергеевич Хрущев освобожден от всех занимаемых постов. 19 октября новый вождь – Леонид Ильич Брежнев, решив, что добрые традиции своего предшественника наследовать не грех, распорядился устроить на Красной площади праздник в честь героев космоса. Когда летели в Москву, один из шутников поучал Комарова:

– Володя, значит, докладывать нужно так: «Готовы выполнить любое новое задание любого нового правительства...»

Владимир Михайлович Комаров

Георгий Петрович Катыс

Алексей Васильевич Сорокин

А. Леонов и В. Лазарев

Экипаж « Восхода-1» – В. Комаров, Б. Егоров, К. Феоктистов

73

Гений состоит в умении
отличать трудное от невозможного.

Наполеон Бонапарт

Новый лидер не изменил старым традициям. Кроме Золотых Звезд, космонавты были обласканы ликующей толпой у подножия Мавзолея и роскошным приемом в Кремле. После страшного напряжения последних дней на самой верхушке государственной пирамиды вожди позволили себе чуть-чуть расслабиться, настроение это мгновенно передалось всем присутствующим, и прием прошел очень весело и непринужденно. Королев даже позволил Келдышу увезти себя к нему домой догуливать...

Но сколь ни велик был успех, Королев никогда не позволял себе растягивать празднества – сразу накидывался на новую работу и других заставлял следовать своему примеру. А следующей большой работой был выход человека в открытый космос.

Несколько статей «профессора К. Сергеева» в «Правде» – сочинения скорее политические, нежели научно-популярные. Просто и ясно о своей работе Королев рассказывал лишь один раз. Тогда на космодроме он беседовал перед стартом «Восхода-2» с журналистами, и Юрий Летунов, корреспондент Всесоюзного радио, записал эту беседу на пленку. Королев говорил о предстоящей работе, но, как часто у него получалось, забегал мыслями вперед, стараясь показать, как сегодня брошенные семена пойдут в рост завтра.

– Особенность и специфика этого полета, – говорил Сергей Павлович, – заключаются в том, что один из космонавтов должен на орбите через шлюзовую камеру выйти в космос и провести там короткое время. Зачем нужно выходить в космос? Почему такое значение мы придаем именно этому эксперименту? Я думаю, что на это очень просто можно ответить: летая в космосе, нельзя не выходить в космос, как, ведя корабль, скажем в океане, нельзя бояться упасть в воду, нельзя не учиться плавать.

Все это связано с целым рядом операций, которые могут потребоваться в дальнейшем при встрече кораблей. Выход из корабля очень сильно упрощает проведение специальных наблюдений в космосе, ну и, наконец, необходим в тех случаях, когда нужно будет что-либо поправить на корабле. Мы, например, думаем всерьез над тем, что космонавт, вышедший в космос,

должен уметь выполнить все требуемые ремонтно-производственные работы, вплоть до сварки. Это не фантастика, это необходимость! Чем больше люди будут летать в космос, тем больше эта необходимость будет ощущаться.

Наконец, надо считаться и с таким фактором, что ведь может сложиться такая ситуация, когда один корабль должен оказать помощь другому. Но каким же образом? Ведь корабли представляют собой очень защищенную в тепловом, а значит, и в прочностном отношении конструкцию. Можно подойти к кораблю и ничего, собственно говоря, не сделать, потому что, если его просто разгерметизировать через входной люк, люди там погибнут. Поэтому должна быть отработана такая система шлюзования, жизнеобеспечения и выхода из корабля, которая бы давала возможность оказать помощь...

Скоро возникнет вопрос о том, что вряд ли есть смысл такие дорогостоящие системы, как космические корабли, пускать на несколько суток в космос. Наверное, надо их запускать на орбиту и оставлять там на весьма длительное время. А снабжение этих кораблей всем необходимым, доставку смены экипажа производить при посредстве упрощенных типов космических аппаратов, которые, конечно, должны иметь шлюзование, для того чтобы выполнить свои функции, подстыковываясь к системе кораблей на орбите...

Это – лишь несколько абзацев из небольшого в общем интервью, но как много в них заложено! Разговор с журналистами происходил в марте 1965 года. Теперь смотрите:

Январь 1969 – первая стыковка пилотируемых аппаратов.

Октябрь 1969 – первая попытка сварки в космосе.

Июнь 1971 – первая долговременная пилотируемая орбитальная станция.

Декабрь 1974 – запуск орбитальной станции «Салют-4», на которой начинают работать сменные экипажи.

Январь 1978 – к орбитальной станции впервые стыкуется транспортный корабль.

Обо всем этом Королев говорил в марте 1965 года!

Что нужно для выхода человека в открытый космос? Переделать корабль. Создать специальный скафандр. Найти смелого человека.

Идея полной разгерметизации Королеву сразу не понравилась. И дело даже не в том, что при этом и выходящий космонавт, и остающийся в корабле оказываются, в принципе, в одинаковых условиях космического вакуума, а в том, что тогда весь корабль должен быть рассчитан на такую разгерметизацию. Иными словами – все в нем находящееся, что раньше работало

при нормальном давлении, должно теперь так же безукоризненно работать в вакууме. Никто никогда таких гарантий не даст. Значит, вся «начинка» должна быть новой. Но тогда получается, что разгерметизированный корабль – это не вариант «Востока», это другой корабль. Строить его некогда и незачем.

Надо делать шлюз, переходную камеру. Не зря Сергей Павлович всегда призывал своих инженеров читать Циолковского. У Константина Эдуардовича всегда можно найти то, что нужно. В 1898 году он описал и зарисовал выход человека в открытый космос через шлюз. Через двадцать лет в повести «Вне Земли» писал: «Когда открыли наружную дверь и я увидел себя у порога ракеты, я обмер и сделал судорожное движение, которое и вытолкнуло меня из ракеты. Уже, кажется, привык я висеть без опоры между стенками этой каюты, но когда я увидел, что надо мною бездна, что нигде кругом нет опоры, со мною сделалось дурно и я опомнился только тогда, когда вся цепочка уже размоталась и я находился в километре от ракеты». На рисуночках человек открывает люк в том конце трубы, который в корабле, влезает туда, закрывает люк внутренний и открывает наружный. Вот он уже летит в космосе, привязанный своей «цепочкой» – так Циолковский называл фал. Все так и надо сделать: просто и надежно. Но как разместить эту трубу? Ведь она как-никак должна быть в рост человека.

Работа над «Волгой» – так «зашифрована» была в ОКБ шлюзовая камера – одна из самых мучительных. Как ни исхитрялись, ее невозможно было упрятать под обтекатель ракеты. Пробовали разные складные варианты – они получались сложными и ненадежными. Решение пришло от Гая Ильича Северина – он в конце 1964 года сменил на посту главного конструктора Семена Михайловича Алексеева, КБ которого создавало первые скафандры и системы жизнеобеспечения для «Востоков». Северин предложил сделать шлюз мягким, точнее – надувным. В сложенном виде он укладывался под обтекателем, а в космосе его надували, он распрямлялся, вырастал этаким толстым сучком на теле спускаемого аппарата. Королев сразу оценил идею: ясно, просто и уже поэтому надежно.

Переоборудование «Востока» Сергей Павлович поручил одному из своих заместителей – Павлу Владимировичу Цыбину. Он вызвал его и сказал без разбега:

– Пора выходить в открытый космос. Работа человека в открытом космосе – это новое направление в космонавтике. Займитесь этим. С сегодняшнего дня.

Ребята Цыбина спроектировали новый люк, систему наддува шлюза, рамы с крышками. Северин взял на себя главное:

скафандр, новую систему жизнеобеспечения и мягкий шлюз. Королев чуть ли не каждый день звонил Северину: интересовался, как идут дела, какая нужна помощь. Вместе с Цыбиным Сергей Павлович несколько раз ездил в КБ Северина, обсуждал все досконально.

– И какой же диаметр все-таки нужен, чтобы он не застрял? – спрашивал Королев.

– 654 миллиметра, Сергей Павлович, – четко, по-военному доложил Северин. Королев очень любил такие ответы: быстрые, точные и без лишних слов. Северин ему нравился – деловой, умный, без раболепства, подтянутый, спортивный, но не пижон, красивый– это тоже приятно. Королев захотел лично познакомиться с теми, кто работал над скафандром: начальником бригады Владимиром Владимировичем Ушининым, Александром Мироновичем Гершковичем, Исааком Павловичем Абрамовым – он занимался ранцем СЖО, главными «шлюзовиками»: Олегом Ивановичем Смотриковым, Михаилом Николаевичем Дудником, Иваном Ивановичем Деревянко.

Своеобразным «послом» Северина на фирме Королева стал Наум Львович Уманский – в недавнем прошлом конструктор кресел «Востока». Тот самый Уманский, который был зеком в казанской шараге и вместе с Королевым ездил в Горький на авиазавод, жил с ним с гостинице «Якорь». Зеки в гостинице! Такое не забывается. Уманский, по свидетельству очевидцев, не только прилюдно обращался к Королеву на «ты», но вообще разговаривали они так, как Королев ни с кем не разговаривал.

Работы шли очень быстро и были закончены примерно за год. Задолго до их завершения Королев потребовал у Цыбина срочно изготовить тренажер со шлюзом и отправить его в Центр подготовки космонавтов.

Полет «Восхода» вывел список космонавтов за рамки первой гагаринской шестерки. Наиболее вероятным претендентом становился «дважды дублер» Борис Волынов, но Королев хотел, чтобы этот очень физически сильный парень испытал себя в продолжительном орбитальном полете. Павел Беляев был самый старший в гагаринском отряде – ему пошел сороковой год. Когда в Главном авиационном госпитале отбирали «двадцатку», Беляева вначале медики забраковали: у него была травма головы и сердечные перебои. Но Карпов очень просил включить его в список – ему был нужен комэск, взрослый мужик в этой ватаге мальчишек, который мог бы взять на себя функции этакого корабельного боцмана. Беляев был, бесспорно, человеком положительным, но о его полете речь как-то и не заходила, тем более, что Карпов обещал врачам в госпитале, что в космос он

Беляева не пошлет. Но когда Алексей Леонов начал «прицеливаться» к космическому шлюзу, Беляев тихо, но упорно стал предъявлять права на кресло командира. Каманин подумал и решил, что именно в таком полете Беляев может быть неплохим командиром. Рядом с импульсивным, азартным Леоновым солидный, рассудительный Беляев – это как раз тот вариант, который ему нужен. Так образовался основной экипаж: Павел Беляев-Алексей Леонов и дублирующий: Виктор Горбатко-Евгений Хрунов. Потом заболевшего Горбатко сменил Дмитрий Заикин.

Тренировки заняли год. Особенно солоно досталось Леонову и Хрунову, которые отрабатывали проход через шлюзовую камеру в скафандре. Всем было ясно, что в невесомости усилия космонавта, вся динамика его движений будут совсем другие. То, что было трудно сделать на Земле, в космосе, скорее всего, сделать будет легче, и наоборот, там, в безопорном пространстве могут появиться свои проблемы, которые трудно сейчас предусмотреть. Имитация невесомости во время самолетных «горок» была слишком непродолжительна – 24-25 секунд, все операции по выходу за этот срок выполнить было трудно. Однако Леонов иногда исхитрялся за одну «горку» выходить из шлюза и входить в него. Надо было научиться отплывать от корабля и подплывать к нему. Одно неверное движение, и тебя начинало вращать, фал запутывался. Нельзя сильно дергать за него: с разгона удар о корабль будет слишком сильным, не ровен час – лопнет светофильтр, а то и прозрачное забрало гермошлема. А если космонавт, выйдя в открытый космос, потеряет сознание, как описал Циолковский! И такой вариант не исключался. Тогда командир должен был, находясь в шлюзе, втянуть туда своего товарища, закрыть выходной люк, сесть в свое кресло, а рядом уложить бесчувственного космонавта, закрыть вход в шлюз и отстрелить его. Наддуть снова корабль... Все это проделывалось на «горках» в Ту-104, где были невесомость, но не было невесомости плюс проверки на центрифуге и вибростенде. При подготовке к полету Алексей Леонов провел более 150 вестибулярных тренировок и совершил 117 парашютных прыжков. Он получил звание «инструктора-парашютиста». Вряд ли кто-нибудь из наших космонавтов работал перед полетом так много и так трудно, как экипаж «Восхода-2» и их дублеры. «Во время тренировок пот заливал глаза, – писал потом Евгений Хрунов, – тело становилось мокрым, потому что перед невесомостью и после нее создавалась перегрузка около двух единиц, да и работа в невесомости нелегкая... Не раз мы с высоты 2-2,5 метра в салоне самолета после окончания невесомости падали вниз. Конечно,

наши тренеры делали все, чтобы максимально облегчить нашу работу».

Прежние испытания трехместного «Восхода» в Крыму не испугали, но насторожили Королева. И дальше решил он придерживаться старого, доброго правила авиаторов: всякий новый летательный аппарат должен пройти испытания. В середине февраля 1965 года Сергей Павлович прилетает на космодром. Ему нездоровится, насморк, температура какая-то гадкая, гриппозная. Стоят сильные – до 28 градусов – морозы с ветром, но на «площадке № 2» готовят к пуску беспилотный «Восход-2», и Королев не мог не приехать на старт. Старт 22 февраля прошел без замечаний, но потом сразу начались неприятности. «Наш „пробный“ всей своей задачи не выполнил, – писал Сергей Павлович домой Нине Ивановне, – т.к. из-за ошибки (самой грубой и неожиданной) одного из операторов на далекой точке программа была прервана и сам „пробный“ ликвидирован. Что теперь делать дальше? Что можно считать достоверно полученным и что безусловно нужно еще получить и каким образом? Где граница желаемого и необходимого, без чего нельзя?

Ты, конечно, понимаешь, как все это трудно определить. Мне и сейчас не все ясно, но, видимо, наша основная задача будет выполняться теперь уже во второй половине марта. А до этого будем вести всяческие дополнительные работы и исследования, чтобы как-то компенсировать наше незнание и получить данные по вопросам, которые оказались нерешенными на „пробном“».

С беспилотным кораблем произошел, действительно, случай обидный и досадный. Одной из задач полета была проверка герметичности шлюза. НИП в Уссурийске и НИП в Елизове на Камчатке дали на борт команды открыть и закрыть шлюз, чтобы посмотреть телеметрию по герметичности. Каким-то образом две команды трансформировались в одну: «Спуск!», и на корабле, который только что вышел на орбиту, включилась тормозная двигательная установка. Шлюз не был отстрелен, поэтому корабль закрутило, он сорвался на нерасчетный режим приземлений. В этом случае на испытательных кораблях срабатывала система АПО – аварийного подрыва объекта, для того чтобы они не залетели, куда им не положено, и, не приведи бог, не достались тому, кто не прочь в них поковыряться. Бедняга «пробный», как называл его Сергей Павлович, рванул и рассыпался где-то под Енисейском и посмертно был крещен как «Космос-57» – странный спутник, изумивший иностранных наблюдателей, поскольку он существовал буквально считанные минуты.

После этой, действительно глупой неудачи Королев решает пригласить на космодром Пилюгина и Рязанского, не спеша все обсудить и взвесить. Вместе они договорились провести испытания всего корабля и шлюза в частности в большой барокамере, что и делается в конце февраля-начале марта. Откладывать старт пилотируемого корабля Королев не хочет. Он знает, что в марте полетит первый двухместный «Джемини». И хотя американцы пишут, что выход в открытый космос они планируют только летом на втором корабле, но ведь решения для того и принимаются, чтобы корректироваться. А если его обгонят?.. Уже после возвращения Беляева и Леонова один из нью-йоркских корреспондентов ТАСС передавал с нескрываемым негодованием: «„Нью-Йорк Джорнэл-Американ“ не может не влить в бочку меда ложку дегтя. Она утверждает, что время запуска советского космического корабля было якобы продиктовано желанием затмить запуск американской двухместной космической капсулы[246] „Джемини“, который намечено провести на будущей неделе».

«Продиктовано» – это, пожалуй, чересчур категорично, а вот «выбрано с учетом» будет, пожалуй, верно: вновь слышал Королев чужое дыхание на своем затылке.

Но если ощущение погони за собой было для Королева не совсем привычным, то чувство тяжкой ответственности, посещавшее Главного конструктора накануне всякого пилотируемого полета, было уже знакомым. Это был восьмой старт пилотируемых кораблей, но привыкнуть к ним он не мог и всякий раз снова и снова задавал себе эти, увы, безответные вопросы: обеспечена ли безопасность космонавта, все ли предусмотрено, не упущена ли какая-нибудь роковая мелочь?

«Мы стараемся все делать не торопясь, основательно, – писал Королев жене за десять дней до старта. – Наш главный девиз – беречь людей. Дай-то нам бог сил и уменья достигать этого всегда, что, впрочем, противно закону познания жизни. И все же я верю в лучшее, хотя все мои усилия, мой разум и опыт направлены на то, чтобы предупредить, предугадать как раз то худшее, что подстерегает нас на каждом шагу в неизведанное».

Судьба была милостива к Королеву: ни один космонавт не погиб, пока он был жив. Первый пилотируемый полет после его смерти окончился трагически: разбился Владимир Комаров...

Старт «Восхода-2» был назначен на 18 марта. Госкомиссия – Тюлин (председатель), Королев (технический руководитель), Руденко и Каманин (ВВС), Правецкий (Минздрав), Келдыш (АН СССР), Керимов (Министерство общего машиностроения), главные конструкторы – утвердила короткую программу полета:

старт, выход в космос, посадка. Основной экипаж – Беляев, Леонов; дублирующий – Заикин, Хрунов.

Перед стартом Королев доверительно сказал Леонову:

– Я не буду тебе много советовать и желать, Леша, ты там особо не мудри. Я тебя только об одном прошу: ты выйди из корабля и войди в корабль, вспомни все русские выражения, которые помогают русскому человеку в трудную минуту. Попутного тебе солнечного ветра...[247]

В письме домой – маленький комментарий к этому разговору: «...мне нельзя и виду показать, что я волнуюсь. И я держусь изо всех сил».

В 10 утра холодным промозглым днем 18 марта «Восход-2» вышел на орбиту, и Леонов сразу начал готовиться к выходу. Уже на первом витке над Камчаткой он открыл шлюз и залез в него.

– Леша, не торопись, спокойнее, – услышал он голос Беляева. – Делай, как учили...

– Я не тороплюсь... Все нормально. Готов к выходу... Но он торопился, выходить было рано. Беляев еще раз все проверил, сверил время, скомандовал:

– На выход!

– И вот уже по пояс торчу из наших космических «сеней», – вспоминал Алексей Архипович. – Первое впечатление? Солнце. По инструкции должен был полностью закрыть светофильтр. Но любопытство победило: прикрыл лишь половину лица. И как будто ударила в него дуга электросварки. Диск ровный, без лучей и ореола, но слепит невозможно. Даже в позолоченном фильтре 96-процентной плотности яркость, как в Ялте в летний день.

А небо при этом очень черное, звездное. Звезды и внизу, и вверху. Солнечная ночь! Или звездный день? Вышел очень просто. Встал на обрез люка и... дух захватило. Все Черное море целиком видно. Кавказ подо мною. Да еще слева просматриваются Балканы, Италия, справа на горизонте – Балтика... Такую красоту до сих пор ни один человек не видел!..

Леонов снял крышку с кинокамеры, укрепленной на корабле, которая вела съемку. Оттолкнулся, поплыл на длину фала. На исторических кинокадрах, рассказывающих о первом выходе человека в космос, видно, как его чуть развернуло. На рисунке, который Леонов нарисовал потом, он летит как бы распластавшись, широко раскинув руки, – на кинокадрах не так: он вроде как бы сидит в каком-то невидимом креслице и вместе с ним плавает.

Гагарин в своих обновленных мемуарах, вспоминая полет Леонова, непонятно зачем начинает фантазировать: «Он снимал кинокамерой и сам корабль, и далекую Землю, и звезды,

рассыпанные над головой и под ногами». Естественно спросить: так где же эти кинокадры? Все дело в том, что кинокамера, закрепленная на специальном кронштейне, снимала самого Леонова, а он ничего не снимал. В кинокадрах видно, как Алексей как бы ощупывает свое бедро. Там находился затвор не кино-, а фотокамеры, укрепленной на груди космонавта, которая должна была сфотографировать снаружи космический корабль. Сделать это ему не удалось, кадров таких нет.

Леонов пробыл в открытом космосе 12 минут 9 секунд. Это вроде бы мало, но это очень много! Это – целая жизнь, если мерить по отданным силам, по воле, по переживаниям и впечатлениям. Леонов выдержал эмоциональный стресс колоссальной силы. Сколько ни изучай небесную механику и баллистику, а реальный полет – это совсем другое. Может быть, он умом и воспринимал себя как некое материальное тело, летящее с первой космической скоростью, но по-человечески он сам шагнул в бездну и летел в этой бездне. Не случайно частота пульса космонавта поднялась до 143 ударов, частота дыхания увеличилась почти вдвое, температура тела за 20 минут повысилась на 1,8 градуса, т.е. перевалила за 38, – дома при такой температуре мы сразу ложимся в постель. За сутки полета Леонов потерял шесть килограммов, пот залил скафандр до колен. Вот что такое «в цифрах» эти 12 минут жизни Алексея Леонова.

А в это время всегда спокойный, невозмутимый Беляев кричал на весь мир ликующим голосом:

– Человек вышел в космическое пространство! Человек вышел в космическое пространство!..

Возвращение в корабль тоже не было легким делом. Не сразу удалось отцепить от кронштейна киноаппарат и отправить его в шлюз. Да и самому втиснуться в шлюз оказалось не так просто. Вновь и вновь старался Алексей вплыть туда ногами вперед, как предписывала полетная инструкция, стравливал давление в скафандре, но ничего не получалось. Леонов поразмыслил и вошел в шлюз головой вперед...

– Привет, командир! – сказал Алексей, вплывая в корабль, когда все операции по шлюзованию были уже позади.

– Молодец! – отозвался Беляев...

На Земле все немного успокоились: главное – позади. Можно было перекурить, перекусить, поспать. Можно было просто лечь и закрыть глаза. После возвращения Алексея в корабль Королев отослал Нине Ивановне жизнерадостную записку:

«Летит наш „Восход-2“, и позади главный этап уже пройденный. Будем надеяться, что завтра мы успешно завершим

полет...»

Но надежды Сергея Павловича не оправдались...

Выполнив главную часть своего полетного задания, космонавты, казалось бы, могли теперь расслабиться, но Леонов словно принес с собой из космоса целый ворох новых проблем, очень неприятных, если не сказать угрожающих. Неполная герметичность выходного люка привела к тому, что автоматика, стремясь исправить положение, перенасыщала атмосферу корабля кислородом. Это было очень опасно. Малейшая искра в электропроводке могла привести к мгновенному пожару, а может быть, и взрыву. Трагическая тень Валентина Бондаренко, сгоревшего в сурдобарокамере, витала над «Восходом-2». Оба космонавта приложили максимум сил, чтобы снизить содержание кислорода, что им удалось наконец сделать незадолго до запланированного времени посадки. Итак, теперь предстояла последняя серьезная операция – спуск с орбиты...

В небольшой комнатке на втором этаже монтажно-испытательного корпуса сидели четыре человека: Королев, Келдыш, Тюлин и Гагарин на связи с кораблем. Ждали последних известий от «Алмазов» – такой позывной был у Беляева и Леонова. В соседней, несколько более просторной и гораздо более прокуренной комнате сидели другие члены Государственной комиссии, развернувшись к маленьким сереньким динамикам «громкой» связи Земля-борт. Сообщение ждали, но прозвучало оно неожиданно. Очень спокойно Беляев сказал:

– Я – «Алмаз-1». ТДУ в автомате не сработала.

В переводе на язык человеческий это означало, что датчики ориентации не нашли то, что им положено было найти: Землю и Солнце, не сориентировали корабль в пространстве так, как ему полагается быть сориентированным перед посадкой, а потому автоматический сигнал на включение тормозной двигательной установки не прошел и ТДУ не включилась. «Восход-2» не мог сойти с орбиты.

– Не найду слов, чтобы передать наше состояние, – вспоминал много лет спустя Георгий Александрович Тюлин. – Что значит ТДУ, понимал каждый. Возможные последствия – тоже. Времени на принятие решения было очень мало. Считаные минуты!..

Напряжение было столь велико, что несколько человек, принимавших непосредственное участие в блиц-совещании, которое устроил Королев, не могли вспомнить потом, кто и что предлагал, и предлагал ли. Не могли точно сказать, сколько длилось это обсуждение. Тюлин вспоминал: около трех минут. Гагарин говорил, что меньше минуты. Келдыш вообще не

запомнил никакого обсуждения. Просто Королев предложил перейти на систему ручной ориентации, и все сразу согласились. Но все запомнили, что решение было передано на борт корабля Гагариным:

– «Алмазы», – «Заря». Осуществить ориентацию и посадку вручную...

Баллистики быстро подсчитали, что «Восход-2» можно посадить на следующем – 18-м витке, а если не получится – на 22-м и 23-м. Королев успел сообщить об этом экипажу. Решено было садиться на 18-м витке. В этом случае точка посадки сильно сдвигалась на север.

Беляев спокойно, «как учили», с помощью «Взора» начал ручную ориентацию. Сидя в кресле, бега Земли он не видел. Леонов «всплыл» над своим креслом, поглядывал в иллюминатор и заодно придерживал Беляева, чтобы ему легче было работать. Наконец все закончено. Палец упирается в кнопку включения тормозного двигателя, и в тот же миг невесомость исчезает: ТДУ начала работать.

Надо сказать, что в это время Леонов еще не занял места в кресле. О том, что в результате этого могло произойти, он рассказал в юбилейной телепередаче 25 лет спустя. Ведь режим спуска рассчитан для строго зафиксированного положения центра масс корабля. Если Леонов не сидел в кресле, центр масс оказывался смещенным и работающая ТДУ могла создать опаснейшую закрутку – одному богу известно, как мог бы в этом случае полететь корабль. К счастью, этого не случилось, но и на этом злоключения «Восхода-2» не кончились. Не отстрелился в положенное время приборный отсек. Королев давно предусмотрел возможность такого отказа. Стальные ленты, соединяющие спускаемый аппарат с приборным отсеком, все равно должны были сгореть при входе в плотные слои атмосферы, но до того, как это происходило, корабль срывался в нерасчетный режим баллистического спуска, перегрузки возрастали до десяти единиц – а это много, это очень много, и очень трудно человеку становится жить, когда тело его весит 700 килограммов.

Не знаю, был ли до того и после того в жизни Павла Беляева и Алексея Леонова миг более радостный, чем тот, когда услышали они резкий короткий хлопок – раскрылись парашюты. Ну, теперь-то, кажется, все позади. Все, да не все...

«Восход-2» опускался в тайгу километрах в 180 севернее Перми. Пеленг поймали, вроде все в порядке. Больше всего волновала теперь Королева система мягкой посадки. Кто-то из разработчиков ее однажды сказал Сергею Павловичу, что щуп настолько чувствителен, что включает пороховые движки даже

при соприкосновении с пушистым снегом. Но если так, то он может включить их при соприкосновении с веткой дерева! А там елки стоят сорокаметровые! Мягкая посадка может сработать на вершине дерева, и шарик покатится вниз. Убиться не убьются, а синяков набрать смогут...

Все обошлось, никуда не упали. Вообще, если теперь оглянуться назад и посмотреть, сколько реальных смертельных угроз пережили космонавты после возвращения Леонова из открытого космоса, нельзя не признать, что полет их был на редкость счастливым, судьба словно хранила последний космический экипаж Королева...

Сели в тайге, укрытой глубоким, еще не тронутым весной снегом. Радиостанция посылала устойчивый пеленг – найдут обязательно. Было очень холодно. Порошок против акул был, а теплой одежды не было. Погрелись у костра. Беляев хотел подогреть тубу с шоколадом.

– Паша, она взорвется, – предупредил Алексей.

И точно, туба рванула и улетела в снег метров за пятьдесят. Леонов заметил неподалеку неслышное перемещение волчьей стаи. Было бы крайне глупо предоставить этим тварям на обед первого человека, побывавшего в открытом космосе. Залезли в корабль. Оказывается, если обмотаться парашютами, они неплохо греют...

Королев и Тюлин звонили по ВЧ в Пермь первому секретарю обкома партии К.И. Галаншину, объяснили ситуацию. Там быстро создали что-то вроде своего штаба по спасению. Весть о том, что космонавты сели в зимней тайге, распространилась по всем службам космодрома мгновенно. К Королеву пришли Юрий Лыгин – он возглавлял бригаду сборщиков в МИКе, инженеры Владислав Волков[248] и Евгений Фролов, военный испытатель Владимир Беляев – однофамилец командира «Восхода-2».

– Сергей Павлович! Отправьте нас в Пермь! Мы их найдем, мы спортсмены, мы лыжники...

Фролов был ему нужен здесь, а остальных, под начальственным оком заместителя Каманина генерал-майора Леонида Ивановича Горегляда, срочно переправили в Пермь. Генерал-майор остался в Перми «для осуществления общего руководства»[249], а Лыгин, Волков и Беляев полетели в тайгу искать космонавтов.

Нашли их по пеленгу довольно скоро. Стали сбрасывать с вертолетов теплые куртки, штаны и термосы с горячим кофе. Куртки картинно повисали на ветвях могучих елей. Термосы попадали в стволы и рвались, как снаряды, впору было спасаться в корабле. Один вертолетчик бросил ни во что не завернутую,

«голую» бутылку коньяка. Она воткнулась в снег и осталась цела. Как легко понять, в музей Звездного городка она не попала...

Потом пришли лесорубы: Брежнев запретил поднимать космонавтов в вертолет на тросе, и лесорубы вырубали площадку, на которой могла бы сесть винтокрылая машина. Это были немногословные, бородатые уральцы, полные чувства собственного достоинства. Усевшись у костра, закурили, покосились на «Восход-2»:

– Это что ли корабль-то ваш?..

– Этот, этот! – радостно подтвердили Беляев и Леонов.

– Чтой-то больно маленький, – лениво молвил бригадир и отвернулся. Когда Леонов предложил ему свою цветную фотографию с автографом, он взял, внимательно и надменно разглядел ее и вернул со словами:

– Мне ее и вешать-то некуда...

На следующий день, когда сел вертолет, к космонавтам по грудь в снегу пробились байконурские спасатели. Объятия, поцелуи... Вскоре они были уже на пермском аэродроме, где ждал их главный «спасатель» генерал Горегляд...

21 октября экипаж «Восхода-2» прибыл на космодром Байконур.

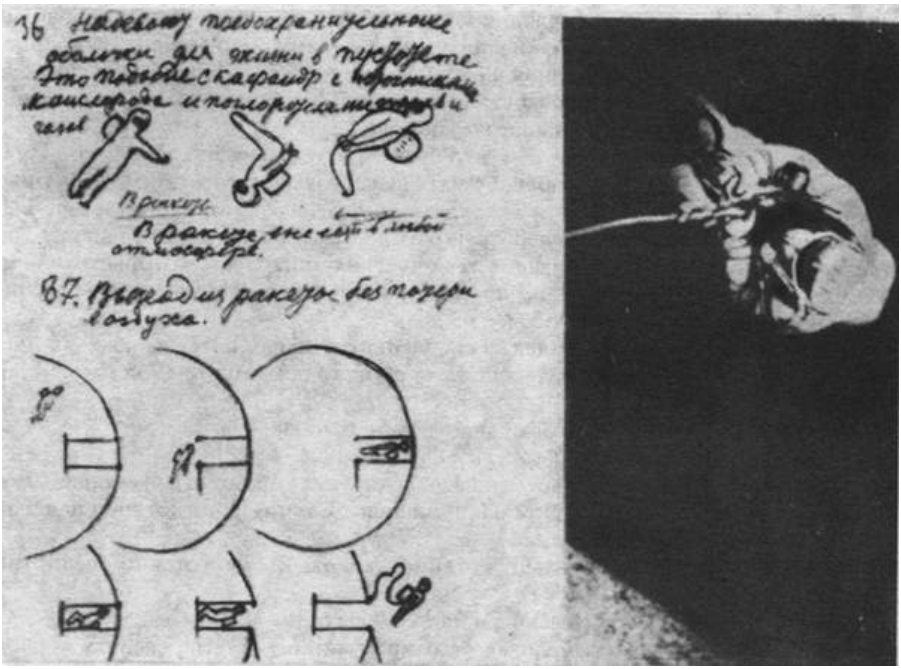
Мы рассказывали, что во время разговора по ВЧ Королев предложил Брежневу сказать правду об отказе автоматической системы ориентации, поскольку непонятно, почему мы выбрали заснеженную тайгу «заданным районом посадки» космического корабля. Леонид Ильич предложение это якобы отклонил.

– Ну что же, – сказал на это Королев, – мое дело запускать, ваше дело объявлять, – и первым повесил трубку ВЧ-связи.

Не знаю, был ли такой разговор – документов и свидетелей уже нет. Мог и быть: Королев в нем похож на себя.

И Брежнев тоже.

Гениальные черновики К.Э. Циолковского



Гай Ильич Северин

С. П. Королев и П. И. Беляев перед стартом космического корабля «Восход-2»

18 марта 1965 г.

Встает Луна и мстит она за муки.
Надменной отдаленности своей.

Белла Ахмадулина

Жизнь Королева в технике – это борьба с весом и борьба за вес. Сделать конструкцию ракеты насколько возможно легкой. Дать возможность ракете поднимать как можно более тяжелый полезный груз. Собственно, этим он занимался всю свою сознательную жизнь. В первые годы космических исследований острота этой борьбы несколько притупилась. Рассчитанная под тяжелую водородную боеголовку, Р-7 позволяла не тревожиться о весе. Первый спутник весил 83 килограмма, а мог весить и 183, и 283. Счастливо найденная конструкция «семерки», ее техническая пластичность позволяли создавать модификации с различными третьими и четвертыми ступенями и наращивать вес космических аппаратов. Задумав трехместный корабль, Королев понимал, что он будет тяжелее «Востока». Он и оказался тяжелее примерно на 600 килограммов – это очень много. Королев заменяет блок «Е» третьей ступени с одним двигателем блоком «И» с четырьмя двигателями. Этот «новый Косберг», как иногда его называли, позволил увеличить грузоподъемность ракеты до 7 тонн. «Восход» весил 5320 килограммов, и здесь у Королева оставался немалый запас. Но было ясно, что «семерка», при всем своем совершенстве, стоит у некоего, самой ее технической природой определенного предела. И все-таки Королев считал, что осуществить программу Л-1 с помощью блока «И» и ракеты УР-500 удастся раньше американцев.

Если в США всю программу «Аполлон» называли «программой престижа» – необходимым ответом на старт Гагарина, то и программа Л-1 тоже была программой престижа: мы хотели обогнать американцев на промежуточной дистанции – облететь Луну раньше их, снять пропагандистские пенки, а там видно будет. Впрочем, почему «видно будет»? В 1964-1965 годах Королев был уверен, что высадка на Луну с помощью ракеты Н-1 – реальна. А пока строится суперракета, можно облететь Луну.

Надо сказать, что лунные пилотируемые программы Сергея Павловича уже не воспринимались в его ОКБ с тем единодушным

восторгом, с каким воспринимался, скажем, «Восток». Находились критики, которые прямо говорили, что все это – дело несерьезное, авантюрное и бесперспективное. Верная королевская «гвардия» редела.

Понимая, что он не может справиться со всей космической тематикой, Сергей Павлович, как многодетный князь, начинает раздавать наделы. Полную самостоятельность получает на Урале Виктор Петрович Макеев со своими морскими ракетами. Спутники, сложность которых возрастает год от года, Королев передает Михаилу Федоровичу Решетневу, организующему в Красноярске собственное мощное конструкторское бюро. Межпланетные и лунные автоматы передаются Георгию Николаевичу Бабакину. Великая космическая империя Королева начинает дробиться на куски. И ладно, если бы одни идеи и чертежи. Уходят люди. Те, кто был рядом с ним долгие годы.

Все более ослабевают в это время и дружеские связи с «сопредельными государствами». Недавно шагающие в одном плотном, дружном строю, они рассыпались, разбредались. Нет рядом многолетнего соратника Глушко. Пусть трудно с ним и велики печали, им доставляемые, но ведь без него еще печальнее, двигатели-то его хороши, что тут спорить. И Рязанский, и Бармин, и Кузнецов оставались в стане друзей, но исчезало ощущение прочной спаянности, единства устремлений. Более всего привязан был Королев к Пилюгину. И очень хотелось, чтобы хоть Николай был рядом. Поэтому, когда Пилюгин пришел проситься в лунную программу, Королев не мог ему отказать.

Николай Алексеевич Пилюгин специализировался, как известно, на системах управления ракет и в дела, связанные с космическими объектами, встревать особенно не стремился. Когда начались работы над орбитальными и лунными «Союзами», Пилюгин в них участия не принимал, и система управления новыми кораблями разрабатывалась в ОКБ Королева. Вместе с гироскопами Кузнецова она вполне удовлетворяла проектантов и по размерам, и по весу. И тут Пилюгин неожиданно почувствовал себя обойденным. Он пришел к Королеву и сказал, что хочет работать по программе Л-1 и предлагает свою систему управления для облета Луны. Что оставалось делать Королеву? Оттолкнуть протянутую к нему руку старого друга? Королев согласился отдать ему часть системы. Люди Пилюгина приехали к проектантам Королева со своими разработками. Быстро выяснилось: то, что предлагают пилюгинцы, – тяжелее, требует больших затрат энергии, да и нет еще толком ничего, что можно было бы руками потрогать, а если и есть, то из старых разработок. Раушенбах пошел к Королеву и сказал, что, если дорабатывать то,

что предлагает Пилюгин, будет потеряно года два, а то и три. Королев выглядел очень усталым, слушал Раушенбаха, глядя в сторону. Долго молчал. Потом сказал каким-то тусклым, не своим голосом:

– Ну что мне делать? Если я ему откажу, я останусь совсем один...

Феоктистов усадил пилюгинских специалистов и с цифрами в руках начал доказывать им, что они с крупным счетом проигрывают и по весам, и по энергетике.

На следующий день Пилюгин позвонил Королеву по «вертушке» и заявил, что Феоктистов ведет себя неприлично, лезет не в свои дела, мешает его людям, и, если это не прекратится, он отказывается дальше работать.

Королев нахмурился еще больше. Он сидел один в маленьком своем кабинете и задумчиво рисовал на клочке бумаги равносторонний треугольник. Угол верхний – «Пилюгин». Внизу слева три фамилии: «Раушенбах», «Черток», «Кузнецов». У нижнего правого угла: «Феоктистов», «Бушуев». В центре треугольника – «Королев». Потом вызвал проектантов и сказал, что Феоктистов отстраняется от всяких переговоров по энергетике аппаратуры, отныне он будет вести с Николаем Алексеевичем эти переговоры сам...

Королев очень нервничал все это время. очевидно, он понимал, что дело не в достоинствах и недостатках тех или иных приборов, дело гораздо более серьезное: нарушались основополагающие принципы. Раньше он знал, что и для него, и для Николая, и для Вити-«крошки» на первом месте стояли интересы Дела. Собственные интересы, министерские амбиции, честь мундира фирм – все всегда отступало на задний план. А теперь тот же Николай берет его за горло и в интересы Дела вторгается нечто, самому Делу чуждое и вредное...

Работы по программе Л-1 действительно сильно затормозились вмешательством Пилюгина, но продолжались и после смерти Сергея Павловича. Беспилотные ЛОК называли «Зондами», очевидно в надежде запутать «вражескую» разведку: первые три «Зонда» – межпланетных автомата – были запущены при жизни Королева в апреле 1964-го – июле 1965 года. Они не имели ничего общего с серией «Зонд-4» – «Зонд-8» – лунными «Союзами», испытания которых закончились в 1970 году.

Фрэнк Борман, Джеймс Ловелл и Уильям Андерс впервые облетели вокруг Луны в декабре 1968 года. Мы могли повторить такой полет уже после того, как американцы высадились на Луну. Это делало программу Л-1 вовсе бессмысленной, и она была закрыта.

Но в 1964 году Королев верил в Л-1. И в Л-3 он тоже верил. Очень хотелось ему доказать Глушко, что он сможет обойтись без него. Работы над Н-1 шли полным ходом. Именно с этой ракетой Сергей Павлович связывал все свои планы на ближайшие годы и прежде всего планы достижения человеком Луны. Просчитанные варианты схемы полета на Луну убеждали, что наиболее выгодной является та, которую еще в 1918-1919 годах предложил Юрий Васильевич Кондратюк. По этой схеме на двухместном корабле, предназначавшемся для облета Луны, устанавливался лунный модуль – маленький аппарат, способный опустить на Луну и поднять с Луны одного космонавта, в то время как его товарищ ждал его на орбите спутника Луны. То есть это была та же схема, по которой позднее были осуществлены лунные путешествия американцев. Ни мы не умнее их, ни они не умнее нас – просто математические поиски наилучшего варианта приводили к «схеме Кондратюка», который первый это понял. Отличие неосуществленного советского проекта высадки и осуществленного американского заключалось в том, что у нас на Луну должен был высадиться один космонавт, а другой ждал его, кружась вокруг Луны, а у американцев на Луну летели вдвоем, а третий ждал в трехместном корабле.

Уже первые эскизы программы Л-3 – так кодировалась высадка человека на Луну – показали, что вписаться в те 85 тонн, которые могла поднять на орбиту «перевязанная» после совещания в Пицунде ракета Н-1, невозможно. Королев всегда умело преодолевал те трудности, которые возникали, когда оказывалось, что тот или иной аппарат весит больше, чем предполагалось. Великое техническое чутье подсказывало ему, где и что можно облегчить. Кроме того, у Главного существовали личные, неведомые его соратникам тайные резервы, которыми он, правда очень неохотно, пользовался, когда все другие были исчерпаны. Теперь этих резервов у Королева не было. Он требовал от Николая Дмитриевича Кузнецова форсажа двигателей – очень медленно подъемная сила ракеты стала ползти вверх. Уже после смерти Сергея Павловича этот рост остановился, чуть-чуть не достигнув отметки 100 тонн. Параллельно Королев буквально третировал Бушуева, отвечающего за весовые характеристики космических аппаратов. Поиски резервов веса превратились в некую маниакальную идею Королева. Он не жалел денег на премии за любые рационализаторские предложения, связанные с уменьшением веса. В анналы Подлипок вошла история об одном умельце, ухитрившемся получить премию за предложение высасывать воздух из трубчатых конструкций, поскольку и воздух тоже что-то весит. С упорством, всем известным, Королев ищет

буквально граммы, но найти их становится все труднее.

– Однажды СП позвонил мне, – рассказывал Борис Евсеевич Черток, – и сказал каким-то убитым голосом:

– Я хочу с тобой ругаться...

– Не понял. Сейчас приеду, – я находился на другой территории нашего ОКБ, довольно далеко от кабинета Главного.

– Не надо. Я сам к тебе приеду.

– Кого собрать?

– Никого не собирай. Весовая сводка по Л-3 у тебя далеко?

– Она всегда передо мной...

– Ну и хорошо...

Он не был похож на человека, который приехал ругаться. Был спокоен, медлителен, выглядел очень усталым, если не больным. Секретарше сказал, чтобы никого ко мне не пускала. Заглянул в заднюю комнату отдыха, убедился, что и там никого нет, сел напротив меня, взял со стола весовую сводку лунного корабля и долго ее разглядывал. Потом поднял на меня глаза и сказал тихо:

– Я знаю, что ты мне будешь сейчас доказывать, что нельзя, невозможно сбросить десять килограммов. А мне и не нужны твои десять килограммов. Мне нужна тонна.

– Но...

– Надо! Иначе всей этой работе вообще конец. Ее прикроют. Создана экспертная комиссия во главе с Келдышем. Надо сбросить хотя бы 500 килограммов. Нельзя, чтобы такая сводка, – он бросил бумагу на мой стол, – фигурировала на экспертной комиссии...

Как проходило заседание этой комиссии – неизвестно. Очевидно, Королев уломал комиссию: работы по программе Л-3 продолжались. Но известно, что в это время Королева оставляет еще один, в недавнем прошлом столь верный союзник – Мстислав Всеволодович Келдыш. Келдыш был убежденным противником программы Л-3.

– Какие же нервы надо иметь, чтобы одному высаживаться на Луну?! – горячился обычно невозмутимый Келдыш. – Представьте себе на минуту, что вы один на Луне! Это же прямая дорога в психиатрическую больницу!

Впрочем, тревожили Мстислава Всеволодовича не только проблемы прочности человеческой психики. Прекрасно разбираясь не только в теоретических, но и чисто инженерных вопросах лунной программы, Келдыш видел, что все здесь находится на пределе, резервов нет, запасы прочности практически отсутствуют. Келдыш говорил Королеву:

– Поймите, если все это сработает, – придется верить в чудеса!

В ОКБ программа Л-3 тоже была непопулярна. «Гвардия» роптала. «Л-3 – это программа на грани фантастики», – говорил Илья Лавров. Глеб Максимов написал в августе 1964 года Главному докладную, доказывая, что Л-3 делать не надо. Королев пересадил Максимова на другую территорию, подальше от себя. Молодежь докладные писать не решалась, но в курилках шли жестокие дебаты: утверждали, что негоже нам догонять американцев.

Все это знал и видел Королев. Он не мог не знать и не видеть, что просчитался с определением предполагаемого веса лунного корабля, что на этот раз его гениальная интуиция изменила ему. И даже если Н-1 «дотянут» до 100 тонн, хватит ли этого? Для двух человек, может быть, и хватит, но с невероятными трудностями. Проектанты лунного модуля показывали ему эскизы. Космонавт сидел в кабине едва большей, чем телефонная будка перед дисплеем. Оптика, показывающая, куда ему садиться, была в полу. Кабинка опускалась на четыре «ноги». Королев не мог не видеть: сооружение хлипкое, ненадежное...[250]

Да, все это Королев видит. Но он не может остановиться. В дневнике М.К.Тихонравова мелькает: «2 августа 1965 г. Совещание в 16.00 у СП.»... «5 августа. В 16.00 у С.П. совещание». «16 августа КБ. Было принципиальное совещание у СП.» «20 сентября КБ. В 15 часов совещание у С.П. Интересное». Совещаний много, но он мало прислушивается к доводам тех, кто возражает ему, – а раньше делал это всегда. Часто они кажутся ему перестраховщиками, пессимистами.

Последняя жертва, которую он кладет на алтарь Н-1, – многолетняя дружба с Воскресенским.

В окружении Королева было много людей талантливых, щедро одаренных способностями уникальными, но и среди них одной из самых ярких видится фигура Леонида Александровича Воскресенского.

Он был не намного моложе Королева – родился в Павловском Посаде 13 августа 1913 года, но был намного живее, подвижнее. Познакомились они еще в Германии, где Воскресенскому очень хотелось запустить Фау-2, да Москва не дала тогда добро. Однако Леонид Александрович успокоиться не мог – ведь он ни разу еще не видел, как работает большой ракетный двигатель не на стенде, а на «живой» ракете, а увидеть ему очень хотелось. Не дожидаясь, пока построят стартовые площадки в Капустином Яре, он поставил в лесу рядом с КБ одну из первых, собранных в Подлипках Фау-2, заправил ее и запустил, правда, только на предварительную ступень. Однако «вырубить» эту проклятую ступень никак не удавалось, и ракета грохотала, пока ни сожгла

все топливо. Стартовый стол раскалился докрасна, мог рухнуть вместе с ракетой, тут уж взрыв неминуем. Пожарники поливали что было мочи стартовый стол и все вокруг. Короче, понервничали здорово.

– Ты что, с ума сошел?! – накинулся на Воскресенского Королев, – а если бы она улетела?

В 1947 году такой «пуск» мгновенно был бы оценен как теракт, и голову бы сложил не один Воскресенский, а бывшему зеку Королеву тут уж «вышка» была бы обеспечена…

Может быть, вот за эту бесшабашную лихость и любил Королев Леонида Александровича. Вернее, за гармоничное сочетание лихости с великим трудолюбием, бесшабашности с даром прирожденного испытателя. Воскресенский испытывал все ракеты Королева начиная с Р-1 до Р-9. Он знал их все, как говаривал горьковский Егор Булычев, «и на вкус, и на ощупь». Никакого прочного «законченного высшего» образования у Леонида Александровича не было. Формально Королеву трудно было назначить его на инженерную должность, тем более на должность начальника отдела испытаний. На счастье Воскресенского отсутствие у него диплома мало смущало Сергея Павловича. Королев всегда предпочитал «корочкам» головы. У него даже было свое определение безмозглого специалиста: «человек, обремененный высшим образованием». В анкете Воскресенского другое смущало: сын попа. Отец Леонида действительно был священником церкви Ивана-воина на Якиманке[251]. Сын попа носил боевой орден Красной Звезды, но все-таки… Замом к Воскресенскому Королев поставил Виктора Ключарева, человека с безупречным пролетарским происхождением. Виктор защитил кандидатскую диссертацию, а Воскресенскому потом без защиты присвоили степень доктора технических наук.

Да, он был доктором, в самом обиходном смысле этого слова. Он лечил ракеты, и никто не знал их недуги лучше, чем Леня-Воскрес – так называли его в ОКБ и в глаза, и за глаза многие годы. Он приезжал на полигон первым и уезжал последним. В общей сложности он провел в заволжских степях и казахских пустынях многие годы. Но при этом он категорически не был жителем медвежьего угла. Напротив, Леонид Александрович – человек истинно столичный. Он любил сходить с женой в театр или на концерт, любил вкусно поужинать с друзьями в «Арагви», небрежно заказать им трех огромных карпов из фонтана на Речном вокзале в Химках или собрать их дома на неспешный уютный ужин с дорогим вином. Он отлично водил собственную «Волгу», играл в теннис, катался на горных лыжах. «Иногда он

был похож на Владимира Высоцкого, – говорил мне Черток, – а иногда – на Булата Окуджаву». Первый брак его был недолог. После войны он вновь женился. Елена Владимировна – очень красивая, светская женщина – была ему под стать. В 51-м родился Андрей, в 55-м Мария, но дети не изменили образа их столичной жизни. Человек, проработавший с Воскресенским многие годы, говорил:

– В нем причудливо соединялись откровенный цинизм, истинная интеллигентность, большое чувство юмора и абсолютная надежность в дружбе, в человеческих привязанностях.

Королев в письмах к Нине Ивановне писал, как ему хочется поменять весь ритм своего существования, рисовал планы на будущее, но в конце концов так ничего и не изменил. Воскресенский ничего не обещал и не рисовал – он просто жил в свое удовольствие. Может быть, Королев завидовал ему? А может быть, он завидовал Королеву? Во всяком случае, очень разные люди, знавшие их хорошо, единодушно утверждают, что более близкого человека в ОКБ у Главного не было. Один из очень немногих Леня-Воскрес мог говорить ему «ты».

В 1964 году на Байконуре началось строительство стартового комплекса для суперракеты Н-1. Из ракеты бумажной она начала превращаться в ракету металлическую. Воскресенский поставил перед Королевым вопрос о необходимости отработки первой ступени ракеты на испытательном стенде. Королев разъярился: Воскресенский прекрасно знал, что такого стенда не существует, и чтобы построить его, потребуется не один год. Не говоря уже о том, что денег на него нет и не будет. Да, Воскресенский знал это, но заявил, что начинать пуски новой машины без стендовых испытаний он не будет.

– Я, как заместитель Главного конструктора по испытаниям, не подпишу ни одной бумаги, пока мне не построят стенд, – твердо сказал Леонид Александрович.

Воскресенский был абсолютно прав. У нас в разных областях жизни научились экономить так, что «экономия» эта оборачивается огромными убытками. Не минула горькая чаша сия и ракетную технику. Зачем делать испытательные стенды? Будем сразу пускать готовую ракету и от старта к старту ее отрабатывать. Подобный метод «проб и ошибок», возможно (хотя вряд ли), экономически выгоден, когда испытываются конструкции сравнительно недорогие. Когда американцы истратили на лунную программу «Аполлон» 25 миллиардов долларов, все наши газеты, с непонятной истовостью защищая интересы американских налогоплательщиков, горестно сетовали на то, какие огромные средства «вбиты в пыль лунных морей». (Я

тоже об этом писал.) Но средства эти янки вбили не только в пыль, но и в строительство разнообразных испытательных стендов, которые по сию пору используются и многократно себя окупили. Воскресенский понимал, что швыряться ракетами высотой более ста метров – себе дороже станет. И правота его подтвердилась во время испытательных полетов Н-1 уже после смерти героя этой книги.

Возможно, Королев злился и атаковал Воскресенского особенно упорно именно потому, что и сам понимал, что Леня-Воскрес прав. Но заместитель по испытаниям отбил все эти атаки Главного. Разговоры по душам тоже не помогли. В 1964 году Воскресенский подает в отставку, и Королев принимает ее. Это была огромная потеря для ОКБ. Формально он числился консультантом, но это уже не тот Воскресенский, который был так нужен Королеву…

16 декабря 1965 года Леонид Александрович ходил с Еленой Владимировной на концерт, был очень весел, острил. Умер за ужином мгновенно от кровоизлияния в мозг.

Хоронили Леонида Александровича на Новодевичьем кладбище. Рассказывают, что Королев плакал и слез не стыдился. Кто-то вспомнил грустную шутку Воскресенского: «Никогда не жалейте денег на похоронные венки. Эти деньги вы даете взаймы».

Жить Королеву оставалось меньше месяца…

Сотни раз, обрастая все новыми деталями и подробностями, пересказывалась и публиковалась знаменитая история о лунном грунте, робких астрономах и решительном Главном конструкторе. В течение многочасового совещания Королев никак не мог добиться ответа специалистов на простой и ясный вопрос: Луна твердая или покрыта толстым слоем пыли, в которой космический аппарат может утонуть, как в болоте?

Было сказано очень много слов, но ответа не было. Тогда Королев встал и сказал:

– Итак, товарищи, давайте исходить из того, что Луна твердая?

– Но кто может поручиться? Кто такую ответственность на себя возьмет?

– Ах, вы об этом… – поморщился Сергей Павлович. – Я возьму.

Он вырвал из блокнота листок бумаги и размашисто написал: «Луна твердая. С. Королев».

Если это и легенда – а жизнь и труд Главного конструктора, особенно в последние годы его жизни, обрастали множеством легенд, то она очень похожа на правду: характер здесь отражен

точно. Абсолютно достоверно лишь то, что Королеву действительно очень хотелось узнать, какая она, Луна: твердая или зыбучая?

В декабре 1961 года несколько известных наших астрономов получают личное приглашение президента Академии наук СССР Келдыша на совещание. Если бы пригласил Королев, вряд ли кто-нибудь приехал: никто секретного Королева не знал. Приехали А.Г.Масевич, Д.Я.Мартынов, Ю.Н.Липский, М.М.Кобрин, старейшина наших астрономов А.А.Михайлов из Пулкова, Н.П.Барабашов из Харькова, В.С.Троицкий из Горького. Келдыша не было. Встречу проводил Королев.

– Нам предстоит посадить наши космические аппараты на Луну, и вы понимаете, что нам нужно знать свойства лунного грунта, а никаких данных от астрономов мы не имеем, – сказал Сергей Павлович.

Началось тягучее обсуждение.

– Очевидно, Луна твердая...

– Да, но Томас Голд утверждает, что слой пыли имеет большую толщину...

– Как будто это подтверждают и денситометрические измерения Копала...

Возможно, здесь Королев и написал свою легендарную записку...

Через два месяца Сергей Павлович приглашает астрономов к себе в ОКБ, показывает гагаринский корабль, рассказывает о ближайших перспективах исследования планет. На этот раз разговор получился более предметный. К этому времени с помощью метода дискретных радиоисточников ученым из Радиофизического института в Горьком (НИРФИ) удалось получить и осмыслить некоторые данные о лунной поверхности, ее плотности, пористости, раздробленности, температуре.

– Наиболее вероятно, – сказал руководитель нижегородцев Всеволод Сергеевич Троицкий, – что Луна покрыта довольно прочной пористой породой типа базальта, слегка припорошенной пылью. Ваш аппарат и человек не провалятся и не утонут...

Королев тут же заключает договор с НИРФИ. Согласно этому документу, все работы должны быть завершены к концу 1966 года. Феоктистов недоволен: «Когда они представят свой отчет, мы уже обследуем Луну вдоль и поперек». Но Королев договор подписывает, и с конца 1963 года Троицкий разворачивает в Крыму на Карадаге свои работы.

Мягкой посадкой на Луну, с которой Королев связывает свои планы на будущее, он начинает заниматься уже тогда, когда только отрабатывается – со многими неудачами – старт с

промежуточной орбиты. Лишь «Луне-4» в начале апреля 1963 года удается уйти с орбиты спутника к Луне, но в Луну и она не попадает: пролетает в 8500 километрах в стороне. Почти целый год Королев к лунной программе не возвращается, затем предпринимает несколько «пристрелочных» попыток запустить уже новые автоматические станции, предназначенные для мягкой посадки. Как и прежние, они должны стартовать на орбиту искусственного спутника Земли, с нее разгоняться, чтобы преодолеть притяжение нашей планеты, затем тормозиться у Луны, а перед самым ударом на автомате должен надуваться большой «мячик», внутри которого и упрятана вся аппаратура. Поскакав по Луне, «мячик» в конце концов успокаивается, опадает, вылезают антенны, включаются телекамеры. Техника совершенно в духе Королева: точнейший радиовысотомер прекрасно соседствует с «Ванькой-встанькой», как называли проектанты прыгающий «мячик» с аппаратурой, который из-за смещения центра тяжести действительно походил на старинную русскую игрушку.

Старты 1964 года по программе Е-6 закончились неудачно. Точнее, не закончились, а начались: автоматы не долетали до Луны.

Сергей Павлович целиком поглощен «Восходом-2», когда выясняется, что в середине марта 1965 года есть очень подходящее «окно» для запуска лунника, и аппарат, в принципе, готов. Королеву эта лишняя головная боль уж совсем ни к чему. «Тут еще вклинилась работа по попытке мягкой посадки на Л. – это наша старая тема, как ты знаешь, – пишет Сергей Павлович Нине Ивановне 27 февраля 1965 года, – она долго была отложена, а тут в марте (именно сейчас?!) самое удобное время сработать.

Я не думаю, чтобы получилось что-то хорошее, но начальство и мои все товарищи настаивают на том, чтобы эта работа тоже шла. Я, правда, ей совсем не занимаюсь, но, видимо, сейчас тоже придется, так что работы хватает».

Какие странные «некоролевские» ноты в этом письме. Не помню, чтобы еще где-нибудь так отчетливо звучало неверие в успех: «Не думаю, чтобы получилось что-то хорошее». Он явно сожалеет о том, что ему «придется заниматься» лунником. Письмо усталого человека.

7 марта опять сомнения: «...12-го будет в сторону Л., конечно, очередная попытка, и как-то она пройдет?!»

Лунник выходит 12 марта на орбиту, но сходить с нее не хочет, превращается в спутник. Уже по заведенной традиции врать во время неудач его нарекают в газетах «Космосом-60». «12-го снова неудача и опять по линии Коли[252] и его партнеров. А

начало было очень хорошим. Какая же это беда нас преследует уже 3-й раз. А сколько было вложено труда!» – пишет Королев жене 14 марта.

Майское «окно» для Луны Сергею Павловичу не нравится: затевать старт на День Победы, а тут еще космодром награжден орденом Ленина, гулянье идет на полную катушку, и вдруг лунник какой-то надо пускать. Но пустили и в Луну попали. Именно попали, а не сели: аппарат разбился о скалы лунного Моря Облаков.

Через месяц Королев снова приехал на космодром, чтобы попробовать еще раз. Он очень устал, но бодрился, писал Нине Ивановне: «Здесь у меня все идет нормально, по графику, даже жара и та по графику: было 36°, вчера 37°, а сегодня обещают +40° в тени. Как говорится, „в среднем“ я переношу этот тепловой заряд довольно хорошо». Хуже он перенес сообщение, что не прошла коррекция орбиты и автомат пролетел в 160 тысячах километров от Луны. Окрестить его очередным «Космосом» трудно: это не спутник. Так в справочных таблицах появилась «Луна-6».

Настроение у всех было очень мрачное. Ребята в ОКБ немного повеселели, лишь когда в июле «Зонд-3» передал на Землю 25 фотографий обратной стороны Луны. А потом опять неудача: стартовавшая 4 октября, в счастливый день запуска первого спутника (и две копеечки по копеечке лежали в кармане пиджака на счастье, и пальто драповое, счастливое, одевал на старт), «Луна-7» через три дня разбилась в Океане Бурь западнее кратера Кеплера.

Последний раз я виделся с Сергеем Павловичем в первых числах декабря 1965 года в его рабочем кабинете в Подлипках. На небольшом круглом, если память мне не изменяет, столике лежал кусок толстого плексигласа в половину газетного листа величиной, на котором хаотично были разбросаны и как-то хитро закреплены темные, похожие на шлак камни. Сбоку красовалась фантастическая табличка: «Лунные породы». Это были лабораторные образцы, синтезированные на основании теоретических разработок радиоастрономов и геофизиков. Я, конечно, заинтересовался, и разговор пошел о предстоящем вскоре запуске «Луны-8».

Сейчас, вспоминая все наши встречи, я понимаю, что никогда Королев не говорил со мной так взволнованно, так откровенно. Я не могу ручаться за точность слов, потому что бывают моменты, когда достать блокнот или включить магнитофон оскорбительно для собеседника. Есть журналисты – и я не осуждаю их, которые фотографируют, скажем, мать, рыдающую над убитым сыном. Я

не могу. Вот и записывать за Королевым я не мог тогда: этот замкнутый, редко пускающий кого-нибудь к себе в душу человек доверился мне в те минуты, перестав видеть во мне журналиста. Несколько мгновений мы были вместе.

– Я видел очень много ракетных стартов – это захватывающее зрелище, – говорил Сергей Павлович, – но тут – нечто совсем другое, однако ничуть не меньшее по напряжению. Впечатление, что ты идешь в темноте, протянув вперед руки, чтобы не натолкнуться на стену, и знаешь, что стена вот где-то рядом, ты ее не чувствуешь, но ощущаешь, вот сейчас, сейчас... Это ощущение почти физическое...

После этих слов мне показалось, что та невидимая стена, никогда не позволявшая мне подойти к нему на расстояние более близкое, чем он мне отмерил, чуть отодвинулась, и я попросил:

– Возьмите меня в Крым. Я – везучий, и все будет хорошо...

– Везучий? А я не фаталист, – сразу окоротил меня Королев. Потом подумал и сказал уже мягко: – Запуск каждой «Луны» учит очень многому. Мы выбрали все возможные ошибки. «Луна-8» должна сесть. Ну, в самом крайнем случае – «Луна-9»... А что касается вашей поездки, надо подумать. Позвоните мне завтра утром...

С нетерпением ждал я следующего утра: очень хотелось слетать с Сергеем Павловичем в Крым. Звонил по «кремлевке» из кабинета главного редактора «Комсомолки».

– Тут ряд товарищей считают, что вам не нужно ехать, – раздраженно сказал Королев. Он не за меня, конечно, расстраивался: ему было неприятно признавать, что он не в силах сам разрешить эту поездку...

Это была наша последняя встреча. Больше я Сергея Павловича никогда не видел. Только в гробу, в Колонном зале...

Королев руководил подготовкой лунника в Тюратаме и только после старта полетел на НИП-10 в Крым, чтобы на месте убедиться, что коррекция траектории прошла успешно. Итак, теперь ясно, что автомат мимо («в целях исследования космического пространства» – как писали в газетах) Луны не пролетит.

В Центре управления всем руководил Богуславский. Всегда немногословный Келдыш стал еще молчаливее. Королев посадил рядом с собой Чертока, который должен был объяснять ему секунда за секундой все телеметрические тонкости.

Тормозная двигательная установка сработала отлично. Как выяснилось потом, сломался небольшой пластмассовый кронштейн, и, когда «мячик» стал раздуваться, острый край этого кронштейна проткнул баллон. Лунник разбился чуть западнее

кратера Кеплер.

– Когда я смотрел на С.П., – рассказывал Борис Евсеевич Черток, – то не знал, кого жалеть больше: лунный автомат, осколки которого валялись в пыли где-то там, за четыреста тысяч километров от нас, или этого большого, сильного человека, который был огорчен сверх всякой меры…

В Москве готовился большой разнос. «Луна-8» была первым аппаратом программы Е-6, который изготовлялся по чертежам ОКБ Королева не на его опытном производстве, а на бывшем заводе Лавочкина, который принадлежал теперь КБ Георгия Николаевича Бабакина. Завод был очень хороший, с высокой культурой производства, и, хотя, как выяснила специально назначенная комиссия, при изготовлении злосчастного кронштейна не проводился предписанный технологами пооперационный контроль и допускались некоторые другие нарушения, Королев понимал, что бить будут не безвинного новичка Бабакина, а его. И, очевидно, бить будут крепко. По сведениям, которыми уже располагал Сергей Павлович, Леонид Васильевич Смирнов был очень недоволен, а когда узнал, что и Леонид Ильич Брежнев тоже недоволен, пришел просто в ярость. Доклад на ВПК должен был делать Черток как технический руководитель программы Е-6. Королев «тренировал» своего зама: какие плакаты рисовать, что говорить и как говорить, а что можно и опустить. Наставлял и слушал варианты. Как говорил Черток – Королеву не нравилось. Поехали в Кремль.

По регламенту Борису Евсеевичу отвели сначала двадцать минут на доклад, но потом сократили до пятнадцати.

– Сейчас Черток доложит нам, что там у них происходит с мягкой посадкой… – в голосе заместителя Председателя Совета Министров уже звучало нескрываемое раздражение. – Прошу вас, Борис Евсеевич…

Сидевший рядом с Чертоком Королев положил руку ему на колено и совершенно неожиданно сказал:

– Леонид Васильевич, позвольте мне сказать…

– Почему? У нас в повестке дня отчет Чертока. – Леонид Васильевич знал, что Королев никогда не подставляет под удар своих людей. И то, что Королев, в сравнении с Чертоком, оратор куда более сильный, Смирнов тоже знал. Поэтому ему не хотелось выпускать Королева: – Вот Борис Евсеевич нам доложит, мы его послушаем, обсудим ваши дела, и вы тоже сможете потом выступить…

– Я имею право, как Главный конструктор, выступить раньше, чем начнет говорить мой заместитель? – тон Королева не предвещал ничего хорошего, но Смирнов не испугался, он

понимал, что он формально защищен этикетом совминовского аппарата:

– Вы нарушаете повестку дня, – холодно и спокойно сказал Смирнов.

– И все-таки я очень прошу дать мне слово, – Королев все ниже опускал подбородок. Смирнов понял: это – к бою.

– Господи, да пусть говорит, – устало буркнул кто-то из челомеевцев. Все загудели. Смирнов быстро сообразил, что Королев, уловив поддержку зала, будет теперь еще больше упорствовать, а создавать впечатление, будто он его, Смирнова, давит и задавить может, нельзя ни в коем случае.

– Ну как, товарищи? Разрешим Сергею Павловичу, раз уж он так настаивает?.. – с добродушием в голосе спросил Леонид Васильевич.

Все одобрительно загудели.

Королев вышел из-за стола, прошел поближе к председателю.

– Видите ли в чем дело, товарищи... – начал Сергей Павлович голосом доброго сказочника, в котором проскальзывали лукавые нотки. – Черток сейчас будет вам все долго и мутно объяснять, как оно было и почему не получилось. Но это все не важно. Поэтому я не хочу даже, чтобы он разворачивал свои плакаты. Поймите главное: идет процесс познания. Да, мы ошибаемся, делаем глупости, иногда случаются неудачи серьезные. Поймите, мы сейчас ворвались в область, нам неизвестную, никому неизвестную. Но от пуска к пуску мы приближаемся к успеху. Я верю в него. Мы настолько близки к победе, что я могу гарантировать: следующая попытка будет удачной. Идет процесс познания, – еще раз повторил Королев, сделал короткую паузу и добавил: – И мне кажется, нет нужды всем нам тратить время и слушать Чертока...

Через много лет Черток скажет: «Если бы я выступил тогда, проект Е-6, возможно, прикрыли бы...»

Королев не обманул Военно-промышленную комиссию: «Луна-9» села в районе Океана Бурь между кратерами Галилей и Кавальери – жил такой итальянский математик в XVII веке. Это случилось 3 февраля 1966 года – через 20 дней после гибели Сергея Павловича.

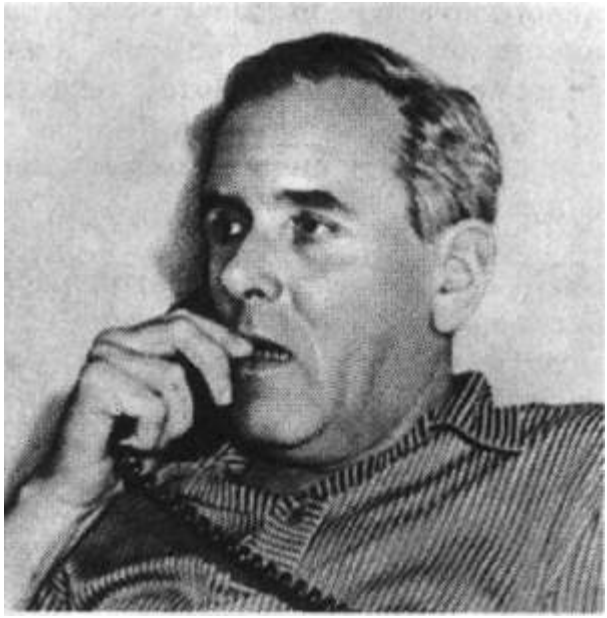
Молодежь на НИПе-10 начала было поговаривать, что вроде бы пионерское это достижение надо посвятить памяти Главного конструктора, но наверху посоветовались и сочли, что вряд ли нужно это делать. Надвигался XXIII, заведомо исторический, съезд КПСС, и весь народ встречал его новыми трудовыми свершениями. При чем тут Королев? Конечно же, «Луну-9» следует посвятить грядущему эпохальному форуму.

На том и порешили.

Сидят (слева направо): Семёнов, Р.Ударов, А.Г.Мрыкин, Н.А.Пилюгин, М.В.Келдыш, В.П.Мишин, Л.А.Воскресенский, В.М.Рябиков, М.И.Неделин, С.П.Королёв, К.Н.Руднев, В.П.Глушко, В.П.Бармин;

стоят: А.Ф.Богомолов, П.Е.Трубачёв, В.И.Кузнецов, А.А.Васильев, К.Д.Бушуев, А.И.Носов, В.И.Ильюшенко, А.И.Нестеренко, Г.Н.Пашков, М.С.Рязанский, В.И.Курбатов.

Георгий Николаевич Бабакин



Леонид Александрович Воскресенский

Орел с распростертыми крыльями, парящий над Землей.

Человек, лежащий на земле и смотрящий в небо.

Человек верхом с закрытым ларцем в руках[253]

Осенью 1964 года Каманин записывает в дневнике: «...все его (Королева. – *Я.Г.*) «разносы» сейчас уже не так эффективны, как три-четыре года тому назад. Люди чувствуют: Королев зарывается и не хочет понять, что главная причина недостатков и промахов – в отсутствии твердого плана, в спешке и бессмысленном дерганьи исполнителей».

Известно, что Николай Петрович недолюбливал Сергея Павловича. Впрочем, чувства были взаимными. Но и с поправками на тенденциозность обвинение все равно серьезное.

Службисту Каманину было трудно понять истинно творческую натуру Королева. То, что представлялось ему шараханьем из стороны в сторону, было поиском в совершенно неисследованной области. Делал ли Королев ошибки? Да! И много! Принимал ли неверные решения? Не раз! Увлекался ли в ущерб главному делу чем-то второстепенным? Постоянно! В течение нескольких десятков лет в ОКБ Королева были продуманы, начерчены, изготовлены, а часто и испытаны десятки конструкций, отправленных потом в мусорную корзину. Были «выброшены на ветер» миллионы рублей народных денег. А как же вы хотите: брать и ничего не отдавать? Рисковать и никогда не проигрывать? Идти по неизвестной дороге и не оступаться? Иногда неудачи были, потому что чего-то не учли. А иногда – потому что идея рождалась до срока, отмеренного ей общим течением научно-технического прогресса, этакий интеллектуальный выкидыш.

Когда Павел Владимирович Цыбин рисовал в моем блокноте «лапоток», я поразился сходством рисунка с «Шаттлом» и «Бураном». Еще в 1959 году, когда Цыбин был главным конструктором небольшого авиационного ОКБ, Королев уговорил его спроектировать одноместный космический самолет со складывающимися крыльями, который можно было упрятать под головной обтекатель Р-7. Самолетик должен был летать в космосе, а затем самостоятельно садиться на аэродром. Цыбин привлек к работе над проектом крупных ученых: теплотехника

Владимира Алексеевича Кириллина, аэродинамика Сергея Алексеевича Христиановича, механика Владимира Васильевича Струминского. С их помощью проект был выполнен в срок. Шутники в ОКБ утверждали, что маленький тупорылый самолетик чем-то напоминает по форме русский лапоть, и проект быстро обрел неофициальное название – «лапоток». Королеву он очень понравился. Обсуждая с Цыбиным проект космолета, Сергей Павлович не мог представить себе всех грядущих трудностей, которые встанут на пути создания «Шаттла» и «Бурана». Но трудности эти он почувствовал:

– Пожалуй, мы все-таки пойдем другим путем, более простым и быстрым. Но к «лапотку» мы еще вернемся...

И вернулись. Через 22 года. В США.

Незадолго перед смертью Сергей Павлович увлекся еще одной идеей. Он задумал создать в космосе искусственную тяжесть путем раскрутки двух космических аппаратов, соединенных тросом, вокруг общего центра масс. Сотрудникам своего ОКБ он отдал распоряжения срочно просчитать все возможные варианты, а Раушенбаху даже среди ночи звонил, чтобы «посоветоваться по закрутке».

И такой проект тоже существовал. Корабль «Восток» должен был соединяться тросом с блоком «И» – третьей ступенью ракеты-носителя – и раскручиваться. Специально спроектированная лебедка могла менять длину троса от 150 до 300 метров, что, в свою очередь, приводило к изменению силы искусственной тяжести. Лебедку сделали, выделили один из «Востоков», и только смерть Королева помешала проведению этого эксперимента[254]. Думаю, и здесь не будет ошибкой повторить: «Но мы еще к этому вернемся...»

Можно понять критиков, которые упрекают Королева в отсутствии некой стратегической программы пилотируемых космических полетов. Поначалу он просто усложнял каждый последующий полет в сравнении с предыдущим. Но ведь дело было новое. Как можно все точно планировать, если любой полет мог изменить все уже имеющиеся ориентиры? Тактика была проста: «Так, это мы сделали, с этим разобрались... Теперь давайте усложним задачу...» Проектирование на иных принципах грозило превращением в прожектерство.

И тем не менее подобное движение вперед «наощупь» вовсе не определяет суть творчества Королева. У него всегда, с 30-х годов, были планы стратегические, которыми он и руководствовался во всей своей деятельности. Уже говорилось о плане освоения космического пространства 1960 года, который, можно сказать, и поныне осуществляется. Растянувшиеся сроки

нельзя объяснить ущербностью самих планов, скорее – несоответствием этих планов потребностям и возможностям эпохи. Встречали ли планы Королева активное вышестоящее сопротивление в последние годы его жизни? Встречали, но редко. Не эти частные неприятности определяли его работу. Гораздо чаще сопротивление было пассивным и даже не всегда вышестоящим. А еще чаще это было даже не сопротивление, а непонимание. Прекрасный тому пример – так называемые народнохозяйственные, искусственные спутники Земли.

Еще в 1962 году Королев, например, писал: «Экспериментальная система дальней связи через спутник „Молния-1“ должна быть организована между Москвой и Уссурийском... „Молния-1“ должен явиться прототипом спутников, входящих в будущем в эксплуатационную систему связи по территории СССР и со странами северного полушария». Королеву в течение нескольких лет пришлось убеждать Министерство связи, что спутник «Молния-1» и другие подобные аппараты способны произвести подлинную революцию в их работе. Связисты не знали, что с ним делать, спутник требовал повсеместного служебного шевеления, а шевелиться не хотелось, не говоря уже о том, что все службы Министерства связи не были подготовлены к появлению спутника ни технически, ни морально и отнеслись к нему как к нежеланному ребенку. Более года министерство упорно не желало принимать спутник в эксплуатацию, инженеры ОКБ Королева и офицеры-связисты сами вели экспериментальную трансляцию цветных телепрограмм по новой французской системе «Секам» из Москвы на Дальний Восток.

Такими же «нежеланными детьми» были и другие спутники. Не было случая, чтобы какие-то министерства или ведомства (исключая, разумеется, военных) – геологи, метеорологи, связисты, рыбаки, аграрники, пожарники – начинали сами тормошить Королева, требовать «свой» спутник. В лучшем случае они разрешали ему тормошить себя, полагая, что уже за одно это им должны быть благодарны. Внедрение космонавтики в народное хозяйство СССР – классический пример импотенции дряблой и ленивой советской экономики, по самой своей природе стремящейся сразу отторгнуть все новое, требующее думанья и деланья, вне зависимости от всех возможных будущих прибылей. Преодоление апатии и равнодушия – с одной стороны, борьба с обязаловкой и принудиловкой – с другой, – вот что отнимало силы Сергея Павловича в последние годы жизни. Когда Каманин пишет в дневнике: «Спешка, непродуманное планирование, погоня за перевыполнением планов очень вредят делу...», – он

отчасти прав. Но Королев здесь не инициатор, а скорее, жертва чужих инициатив. Каманин сам не очень ратует за плановость и по сути поощряет показуху, когда через две недели после приведенного обличения записывает: «...успеха, достигнутого на трехместном „Восходе“, нам „хватит“ на три—четыре месяца...» В этой фразе Каманин выступает, как штангист, который сразу может взять вес, намного превышающий мировой рекорд, но делает это в 2-3 этапа, всякий раз получая новые медали и фанфары.

Впрочем, в критике Королева Каманин не одинок. Челомей в беседе со мной тоже говорил о желании Сергея Павловича «выжать все из Р-7» и отсутствии планов на будущее. И, конечно, в этом вопросе мнение Владимира Николаевича намного авторитетнее, чем Николая Петровича. Однако позволю себе усомниться в правильности подобного анализа. Планы были!

В кремлевской больнице на улице Грановского Королев спросил врача:

– Сколько лет я еще проживу с таким?.. – он положил руку на сердце.

– Ну, я думаю, еще лет двадцать... – ответил Юрий Ильич Савинов.

– Мне достаточно и десяти, – вздохнул Королев и добавил: – Хотя еще очень много нужно сделать...

Планы были! И планов было очень много. Можно, подобно Каманину, рассматривать желание Королева поскорее осуществить выход человека в открытый космос только как стремление к рекордизму (что, конечно же, было!), но нельзя не видеть в этом эксперименте и явного желания ускорить движение по пути монтажа сложных конструкций на орбите искусственного спутника Земли. Монтаж в космосе – обязательное условие дальнейшего прогресса в космических исследованиях, это Королев понял раньше других. В 1958 году, когда только три самых первых наших спутника были запущены, он уже направляет в правительство справку, в которой среди многих других задач, требующих решения в ближайшем будущем, есть и такой пункт: «Отработка процесса сближения между собой двух аппаратов, движущихся по близким орбитам... Выполнение работ – 1962—1966 гг.» Наступает 1962 год, и Королев снова настаивает: «Решение проблемы сближения и стыковки на орбите явится также и решением основных вопросов, без которых ближний космос нельзя считать освоенным...»

В ноябре 1960 года (в космосе человека еще не было) Королев говорит о «многолетних космических рейсах к Марсу, Венере и другим далеким мирам». В октябре 1961 года (в космосе

побывало только два человека) Королев пишет в «Правде»: «Создание огромных, весом в десятки тонн, межпланетных кораблей с экипажем, состоящим из нескольких человек, позволит впервые осуществить длительные, порядка двух-трех лет, космические полеты к „ближайшим мирам“ нашей Солнечной системы». Проходит еще один год, и снова читаем: «Сборка на орбите имеет принципиальное значение при осуществлении межпланетных экспедиций. Так, для осуществления экспедиции на поверхность Марса и Венеры стартовый вес ракеты на орбите спутника Земли должен составлять 500-1000 т и более. Поэтому даже при наличии тяжелых носителей нельзя будет решить эти задачи без использования метода сборки».

Наконец, в 1966 году, за две недели до смерти, Королев вновь говорит о полетах к планетам, добавляя: «Надежность таких экспедиций повысится, если посылать не один корабль, а два и более».

Разве это не программа, которую он обдумывал многие годы?

С помощью Н-1 Сергей Павлович мечтал запустить ТМК – тяжелый межпланетный корабль с экипажем из трех человек, который сможет облететь вокруг Марса и вернуться на Землю. Марс манил Королева давно, со времени страстных речей Фридриха Цандера в подвале на Садово-Спасской. В 1960 году в кабинете Главного уже обсуждался вопрос об экспедиции на Марс. Феоктистов вспоминал:

– Еще до первого полета в космос группа молодых ученых в свободное от работы время набросала «проект марсианской экспедиции». В проекте предусматривались даже самолеты для полетов в марсианской атмосфере и самоходные тележки. К «проекту» приложили таблицы оптимальных дат для полетов на Марс и Венеру и показали это Королеву. Все, и лучше других сам Королев, прекрасно понимали, что это была, скорее, игра, чем наука, что «марсианская экспедиция» – дело отнюдь не текущего десятилетия, но тем не менее он страшно загорелся, страшно обрадовался этой игре, этой возможности поломать голову над отдаленными и увлекательными проблемами…

В 1962 году Королев создает в ОКБ отдел под руководством одного из своих ветеранов – Ильи Владимировича Лаврова, которому он поручает заниматься НЭКом – научно-экспериментальным комплексом, главной составной частью которого является замкнутая биологическая система для полета на Марс.

«Отдаленные», как говорит Феоктистов, проблемы Королев умел приближать с невероятной скоростью. Полет на Марс для

Королева – не мечта, а инженерная реальность. Проект межпланетного пилотируемого корабля (эскизный, конечно, весьма условный) существовал! Михаил Сергеевич Флорианский, один из главных королевских баллистиков, рассказывал:

– Помню его отлично! Межпланетный корабль по форме напоминал винтовочный патрон с люком «во лбу». Я сам принимал участие в расчетах и доказывал Сергею Павловичу, что при использовании электрических ракетных двигателей малой тяги для движения к Марсу стартовый вес на орбите возможно снизить до 125 тонн. Тогда, примерно за два года, межпланетный корабль мог облететь вокруг Марса с экипажем из трех человек...

Этой экспедицией занимался и только что созданный Институт медико-биологических проблем. Полет намечался на 1968-1970 годы.

Но политическая конъюнктура, желание во что бы то ни стало опередить американцев с высадкой на Луну привели к тому, что ТМК был заморожен навсегда.

Такая же многолетняя последовательность прослеживается и в работе Королева над многоместными долговременными космическими аппаратами, которые теперь называются орбитальными станциями, а Королев называл их ТОС – тяжелая орбитальная станция, ДОС – долговременная орбитальная станция. Уже после запуска первого спутника Королев пишет, что «наилучшим решением, которое позволило бы неограниченно широко развернуть научные исследования в космическом пространстве, было бы создание постоянной, обитаемой, т.е. приспособленной для жизни людей, межпланетной станции в виде искусственного спутника Земли», т.е. такой станции, которая появилась на орбите лишь через четыре с лишним года после смерти Сергея Павловича под названием «Салют». Тогда же Королев говорит о транспортных кораблях для ее обслуживания, которые стартовали лишь в 1978 году – через 12 лет после кончины Сергея Павловича. Начиная с конца 50-х годов Королев постоянно, до самой смерти, занимается космическими «поселениями», как вослед К.Э. Циолковскому называет он орбитальные станции. Опять-таки для ракеты Н-1 начинается проектирование «четырехэтажной» орбитальной станции «Звезда». Вот вам уже вторая грандиозная программа, устремленная в будущее.

Впрочем, вторая ли? В 1957 году Королев утверждает, что «создание постоянной межпланетной станции около Земли неизмеримо далеко продвинуло бы исследования околосолнечного пространства». Станция – космопорт. Обе программы, таким образом, увязываются: и орбитальная станция,

и марсианский корабль выполняют одну задачу – заселение человеком всего пространства Солнечной системы. Может быть, где-нибудь, у кого-нибудь существовала другая, более общая и всеобъемлющая задача? Может быть, жили и работали в мире другие конструкторы, которые, опираясь на уже созданные реалии, заглядывали бы столь далеко в будущее? И кто из них с большим основанием, чем Королев, мог бы повторить слова Уолта Уитмена: «Мне мало этой планеты и века ее, мне надо тысячи планет и тысячи веков!»?

В августе 1964 года, когда Королев был в Ленинграде, в маленьком поселке Ульяновка под Тосной он разыскал Якова Матвеевича Терентьева, того самого начальника 2-го отдела УВИ НВ РККА[255], правую руку Тухачевского, который так помогал ему в ГИРД. Терентьев чудом спасся в 37-м, забился в какую-то богом забытую щель на Чукотке, уцелел. Они проговорили несколько часов. Новогоднее письмо Королева Терентьеву, кажется, последнее письмо, которое отправил Сергей Павлович... «Мои планы и дела не шибко важные, – писал он, – буду весь январь в больнице лечиться. Ничего особенного нет, но вылежать надо. Все прочее – как всегда в неудержимом и стремительном движении».

Но в движении этом в последнее время он постоянно ощущает ранее ему незнакомую, болезненную раздвоенность. Утешает сам себя и утешается. С одной стороны, все вроде бы неплохо. И даже хорошо! Первый в мире трехместный корабль. Триумфальный полет «Восхода-2». Опять же первый в мире человек вышел в открытый космос. Атмосферщики из Академии наук довольны новой ракетой В-5В, которую он переделал для них из «пятерки». Отряд космонавтов пополняется. Утвержден эскизный проект будущего «Союза» – 7К-ОК. «Зонд-3» сделал отличные снимки Луны. Генералы довольны Р-9 и Р-11. Во всем мире оживленно обсуждается военный парад в честь 20-летия Победы, на котором демонстрировались его межконтинентальные твердотопливные ракеты. Это «туфта» – показывали тупиковую разработку, но шуму много. А потом, ведь есть и не «туфта»... Да, все вроде бы неплохо, но...

Неудачи с мягкой посадкой на Луну превысили все пределы, дальше отступать просто некуда. «Зонд-2», запущенный в сторону Марса, сдох – не раскрылись солнечные батареи, а через девять месяцев американский «Маринер-4» передал отличные снимки красной планеты. Американцы еще позади, но расстояние между ними и нами сокращается стремительно. Когда на торжественном приеме в Кремле после завершения полета «Восхода» ликующий Брежнев, еще не привыкший к постоянному восторгу, окружающему где только возможно первое лицо государства,

белозубо улыбался всем своим гостям, на мысе Канаверал стартовал первый двухместный «Джемини». Кроме Беляева и Леонова в 1965 году, ни один наш космонавт не вышел на орбиту, а американцы запустили пять кораблей – десять астронавтов. Уайт вышел в открытый космос; Купер и Конрад установили рекорд длительности полета – без малого 191 час, почти 8 суток. Правда, этот рекорд можно отобрать у них довольно легко. Борис Волынов и Георгий Шонин на «Восходе-3» готовятся лететь на 18 суток. Но ведь это уже не столько испытания техники, сколько испытания людей.

Если с двухместным кораблем и выходом в открытый космос нам удалось опередить американцев хоть «на чуть-чуть», то со спутником связи тоже «на чуть-чуть» те вырвались вперед: «Эрли Берд» был запущен на 17 дней раньше «Молнии-1». Что такое 17 дней? Пустяк. Но важен моральный фактор – теперь уже не они нас, а мы их должны догонять. А кто кого будет догонять завтра? Как пойдут дела с Н-1?

Совет Главных совсем не тот – он износился, расползся на куски, как старый ковер, который он привез из Германии. Разлад с Глушко, претензии Пилюгина, конкуренция рвущегося в космос Челомея, наступление Янгеля в военной тематике. Королев не нашел общего языка с новым министром только что организованного Министерства общего машиностроения Сергеем Александровичем Афанасьевым: министр был крут, а Королев не робел и не мог заставить себя, хотя бы из соображений высшей дипломатии, сделать вид, что робеет. Уже когда он лежал в больнице, накануне операции, Афанасьев на очередной коллегии устроил жестокий разнос ОКБ. Мишин, остававшийся за Главного, пробовал защищаться, но был смят. Вернувшись в ОКБ, Василий Павлович сел писать рапорт об уходе. Рапорт через плечо Мишина увидел помощник Главного Виктор Васильевич Косяков и тут же позвонил Королеву в больницу. Королев вызвал к трубке Мишина:

– Ты что делаешь?

– Рапорт пишу. С вами тяжело работать, а с ним вообще никуда... Я обозвал его долдоном.

– Зря. Порви рапорт. Министры уходят и приходят, а мы и наше дело остаемся... Они только и ждут, чтобы мы такие рапорты писали...

Через много лет, когда Василий Павлович рассказывал мне об этом телефонном разговоре, я спросил:

– Как бы развивались события дальше, если бы Королев не умер?

– Его бы сняли через несколько месяцев... Устинов и

Афанасьев создавали невыносимую обстановку для работы…

Мишина он тогда уговорил. Себя уговорить было труднее. Нина Ивановна вспоминала:

– Сергей Павлович иногда приходил с работы предельно издерганный. Все его раздражало, даже что домашние шлепанцы не так стоят. Но отходил довольно быстро. А в последние годы, возвращаясь с каких-то совещаний, был уже не столько раздражен, сколько измучен и говорил в запале:

– Я не могу так работать. Ты понимаешь, я так больше работать не могу! Я уйду!

– Куда ты уйдешь, Сережа?

– В Академию…

– Но ты не усидишь в кабинете без своих железок…

– Да, ты права…

Иногда он звонил домой и говорил:

– Я сейчас пойду пройдусь по цехам, что-то нервишки разошлись…

«Вот доживу до шестидесяти лет и все! Ни дня больше тут не останусь, уйду цветочки сажать», – эта фраза Королева, сказанная за месяц до смерти, запомнилась ветерану ОКБ Вахтангу Дмитриевичу Вачнадзе именно потому, что это было совершенно не королевская фраза, не из его лексикона…

И все печали в эти месяцы словно наслаиваются друг на друга. Весь 1965 год тянется горестная траурная цепочка. В самом начале января – похороны Андрея Владимировича Лебединского, замечательного ученого, первого директора недавно организованного Института медико-биологических проблем, о необходимости создания которого Королев писал еще в 1960 году. В январе же в автомобильной катастрофе погибает Иван Васильевич Попков – один из любимцев Королева, талантливый энергичный молодой человек, которому он поручил морскую ракетную тематику. Летом тяжело умирает ослепший Георгий Максимович Шубников – главный строитель космодрома. В декабре – самая тяжелая потеря: Леонид Воскресенский. Ощущение осени жизни, с древа которой облетают листья.

Королев впервые начинает замечать, что собственные невзгоды и чужая смерть отнимают у него силы, которые он уже не может вернуть. В его письмах к Нине Ивановне все чаще и чаще мелькают грустные строчки – жалобы на здоровье: «Я очень стараюсь сдерживаться, т.к. основа моей всей усталости – это нервная система». «…Как-то необычно сильно утомился… В дни наших неприятностей особенно тяжело и трудно, иногда побаливает сердечко и я исправно и в больших довольно дозах принимаю валидол». «Одно могу сказать: стал очень сильно и

заметно уставать». «Стараюсь беречь силы, отдыхать и сохранять спокойствие, но устаю как-то совершено необычно сильно». Из предпоследнего письма жене: «…Все время в каком-то состоянии утомления и напряжения… Мне нельзя и виду показать, что я волнуюсь. И я держусь изо всех сил».

Королева угнетает и надвигающаяся на него глухота. Наверное, это расплата за «победные громы Байконура», как сам я когда-то писал в газете. «Я обнаружил, что когда волнуюсь, то еще больше глохну и плохо, совсем плохо стал слышать», – пишет он в одном из писем. Уже когда Сергей Павлович лег на роковую операцию, в больнице установили, какие частоты он слышит хуже, и врач Эфрусси прописал ему слуховой аппаратик. Когда Нина Ивановна приехала к нему, он решил аппаратик опробовать.

– Ты отойди вон к той стене и говори мне одну и ту же фразу, а я скажу, когда перестану слышать, – сказал он жене.

– Ишь, какой ты хитрый, я разные буду фразы говорить, – засмеялась Нина Ивановна.

– Ну хорошо, давай…

К опыту Сергей Павлович отнесся очень серьезно, сидел сосредоточенный, очень внимательный.

Аппаратик купили, но он мало им пользовался. На белом пластике ушного вкладыша остался чуть заметный желтый след – сера из уха Сергея Павловича.

Самый ранний кинокадр, когда мы можем увидеть «живого» Королева, сделан на планерном слете в Коктебеле в 1929 году. Группа молодых парителей тащит в гору планер, и Королев там мелькает несколько секунд в левом нижнем углу кадра. Крепкий такой, загорелый, широкоплечий парень. Он и оставался крепким, широкоплечим и производил обманчивое впечатление здоровяка, которое усиливалось короткой шеей, низко посаженной головой, отчего Сергей Павлович в некоторых ракурсах был похож на готового к схватке боксера или борца. На самом деле здоровяком он в зрелые годы не был. У него было слабое сердце, всякая физическая работа быстро его утомляла, и, может быть интуитивно, он эту работу не любил, избегал. Врачи поставили диагноз – мерцательная аритмия сердца. Сергей Павлович частным порядком показывался академику Владимиру Никитовичу Виноградову. Было назначено лечение, которое эффекта не дало. В 1964 году Виноградов умер. А сердце у Сергея Павловича продолжало болеть. В последние годы все чаще и чаще. И не всегда уже помогала мятная лепешечка валидола. 11 февраля 1964 года Королев проводит совещание в своем кабинете в Подлипках, когда его настигает сердечный приступ.

Запись в дневнике М.К. Тихонравова 3 ноября 1964 года: «КБ.

Вечером виделись с СП... Низкое давление. Плохо с сердцем».

Партийный работник В.И. Ламкин вспоминает: «В середине 1965 года проходил актив областной партийной организации, на который пригласили и Сергея Павловича. В те дни он себя плохо чувствовал, но на актив приехал. Прослушав доклад и часть прений, подошел в перерыве ко мне:

– Владимир Ильич, как ты думаешь, если я поеду домой и лягу в постель? Нездоровится. Еле-еле сижу. Задачу свою понял, а выступать, наверное, нет необходимости. Разрешаешь?[256]

Я обнял его и хотел сказать, что доложу в президиум, а ехать домой подлечиться, конечно, надо. Взглянул в лицо – оно было покрыто бисеринками пота...»

Не меньше сердечных хворей беспокоят его кишечные кровотечения.

Началось это давно, еще летом 1962 года – сразу после полета Николаева и Поповича, со страшного ночного приступа желудочно-кишечных болей, когда «скорая» увезла его в больницу. На следующий день знаменитый профессор Маят осматривал его, мял живот, все время спрашивал:

– Тут болит? А тут? А тут?

– Нигде не болит, – робко отвечал Сергей Павлович.

Диагноз: изъязвление сфинктера.

После пресс-конференции новых космонавтов в актовом зале МГУ на Ленинских горах в больницу к Королеву приехали Келдыш, Смирнов и Ветошкин, что никакого впечатления на медперсонал не произвело. Другое дело, когда пожаловали Гагарин и только что ставший Героем Николаев. Опережая их, по коридорам катился восторженный шепоток: «Космонавты!..» К кому, почему – не суть важно.

– Небольшая палата, койка, тумбочка с телефоном и книгами и стол, – вспоминал Николаев. – Из окна видна осенняя Москва. Сергей Павлович сидит в кресле и о чем-то беседует с женой Ниной Ивановной. У Сергея Павловича на коленях лежит заложенная бумажкой книга» Этюды об Эйнштейне», рядом газета «Правда». Когда мы вошли в палату, вначале увидели Нину Ивановну. «Кажется, мы не вовремя», – шепнул мне Юра. И мы в нерешительности замялись в небольшом коридорчике, ведущем в палату. Но Сергей Павлович уже заметил нас:

– Входите, входите, места всем хватит...

Андриян и Юра рассказывали о новостях Звездного городка, плане будущих тренировок, подготовке к новым полетам. Гагарин, всегда тонко чувствовавший всякую неловкость, человек от природы очень тактичный, мельком взглянул на часы, потом на Андрияна. Королев моментально перехватил его взгляд:

– Торопитесь? – и обернулся к жене: – Нина, а мои часы остановились. Знаешь, принеси мне завтра другие часы...

Гагарин встрепенулся, быстро содрал с руки часы:

– Возьмите мои, Сергей Павлович!

Порыв его был так искренен, что Королев растрогался, но поначалу пробовал отказаться:

– Нет, нет, а ты как же?

– Я вас очень прошу, пусть это будет моим вам маленьким подарком, – мягко сказал Гагарин.

Королев сразу надел часы на руку. Улыбаясь, обернулся к Нине:

– Все-таки от первого космонавта!..

Тогда дело до операции не дошло. Но и потом часто наваливались на него волны слабости и дурноты. Ну, переутомился. Надо отдохнуть, и все пройдет. Летом 1965 года они с Ниной снова в Крыму, в Ореанде. Съездили в Алупку на дачу к Андрею Юмашеву. Снова погружался Королев в прошлое, в жаркое марево Узун-Сырта, где летали они с Андреем на планерах. Юмашев был уже военлетом, он на пять лет старше – тогда это была большая разница: 27 и 22! А в тридцать пять Андрей перелетел с Громовым через полюс и стал Героем... Дача своя в Крыму... Он увлекался живописью, подарил свою картину. Фотографировались. Эх, этот бы фотоаппарат, да на Узун-Сырт тогда...

Осенью опять стало плохо. После неудачного пуска «Луны-8» он ложится в больницу. Три дня был на обследовании. Через неделю Королев на юбилейном вечере в честь 60-летия Павла Владимировича Цыбина. «Все было как всегда, – вспоминает М.Л. Галлай, – речи, шутки, вольные комментарии ораторов по поводу характера Главного и немыслимых страданий, которые сей характер приносит дорогому юбиляру. Как всегда... То есть это нам тогда казалось, что как всегда. На самом деле все было далеко не как всегда: СП вел вечер в последний раз.

А потом, после обязательной «художественной» части, когда все было исправно съедено и выпито, он вышел со всей компанией на улицу, рассаживал веселых (существенно более веселых, чем они были, когда приступали к «художественной» части) гостей по автобусам, бросался снежками и получал снежки в ответ...

Так и запомнилась та ночь: густо валящий снег, яркий свет автомобильных фар, запах мороза, смех, галдеж и среди всего этого – СП, радующийся, веселящийся, очень свой среди своих...»

Через три дня вместе с Ниной Ивановной поехали в Звездный. И опять было весело, непринужденно: встречались по-

семейному, с женами, гуляли, купались в бассейне, обедали, – снова свой среди своих. И со своей бедой.

Встречать новый 1966 год Королевых пригласил к себе на дачу секретарь ЦК КПСС Борис Николаевич Пономарев. Сергей Павлович хорошо знал его брата Александра Николаевича – доктора технических наук, генерал-полковника-инженера, который ближе других в ВВС был к космической технике. Дружбы не было, но оба брата испытывали приязнь к Королеву и, кажется, взаимную[257].

Компания была довольно разношерстная: председатель ВЦСПС В.В. Гришин, главный архитектор Москвы М.В. Посохин, президент Академии наук М.В. Келдыш. Здесь Королев не был своим среди своих. По обыкновению держался чуть поодаль: «душой компании» он не был никогда. После ужина отвел Келдыша в уголок, сказал доверительно:

– Знаешь, вот опять ложусь в больницу, и какое-то у меня плохое предчувствие, не знаю – выйду ль оттуда...

Чуть хмельной Келдыш начал говорить какие-то ненужные, неуклюжие утешительные слова, которые все мы говорим в таких случаях.

В кинозале крутили «Королеву Шантеклера», еще не дублированную на русский язык. Мужчины не могли оторвать взглядов от осиной талии Сарры Монтьель, перечеркивающей все доступные им реалии мира: «Это же черт знает что такое! Какие, оказывается, женщины бывают!..» Сюжет мало кого волновал, но Александр Пономарев упорно стремился переводить фильм, запутался, над ним дружно смеялись...

В общем, все было так, как и полагается тому быть в эту ночь: провожали старый год, встречали новый. Об уходе 65-го Королев не жалел: трудный был год, нервный, больной. Наступает 66-й, авось посчастливей будет...

Никакого года впереди не было. Через две недели – смерть.

Когда в начале декабря я был у Королева, мы говорили не только о «Луне-8», но и о моей повести «Кузнецы грома», экранизация которой планировалась на Мосфильме. Сергей Павлович был «крестным отцом» этой повести – если бы не он, ее бы не напечатали. И с экранизацией он тоже помогал: Михаила Клавдиевича Тихонравова назначил главным консультантом, обещал подумать об организации съемок на космодроме и в цехе общей сборки. Тогда, в декабре, я говорил Королеву, что с ним хочет встретиться постановщик будущего фильма Владимир Михайлович Петров.

– Хороший режиссер? – быстро спросил Королев.

– Народный артист СССР, четыре Сталинские премии...

– Это ничего не значит...

– «Гроза», «Петр I», «Сталинградская битва», «Поединок», «Русский лес», – отчеканил я голосом отличника. – Понимаете, Сергей Павлович, от Островского, Алексея Толстого и Леонова он естественно перешел ко мне...

Королеву нехитрая эта шутка понравилась, он улыбнулся и сказал:

– Встретиться, конечно, надо. Вот кончится «Луна-8», там уже Новый год... Позвоните мне в первых числах января...

Я позвонил Сергей Павловичу днем 4 января 1966 года по «кремлевке» из кабинета главного редактора «Комсомольской правды». Напомнил о Петрове. Разговор наш был очень короткий.

– Давайте так договоримся. Я завтра ложусь в больницу... Нет, ничего серьезного. Надо сделать кое-какие обследования. Сразу приглашать Петрова к нам на предприятие вряд ли надо. Организуем встречу в президиуме Академии наук. Где-нибудь в конце января-начале февраля...[258]

– Выздоравливайте, Сергей Павлович...

– Спасибо...

Все!

Потом я говорил с очень многими людьми, которые рассказывали мне, что встречались с Королевым и разговаривали с ним по телефону тоже именно 4 января, накануне его отъезда в больницу. Что это? Всем нам показалось? Но я тогда точно записал: 4 января. А может быть, он «закрывал дела»?

Королев уехал в больницу утром 5 января. Нина Ивановна собрала ему маленький мягкий голубой чемоданчик на «молнии» со всем необходимым. Сергей Павлович был грустен и сосредоточен. Долго рылся в карманах пиджака, искал заветные две копеечки по копеечке, не нашел и расстроился.

Незадолго перед этим Сергей Павлович был с Ниной Ивановной в гостях. Когда возвращались домой, он вдруг остановился.

– Я хочу с тобой поговорить.

– Вот придем домой и поговорим...

– Нет, нет, это разговор тяжелый и для меня, и для тебя... Если со мной что случится, прошу тебя – ты не живи в этом доме...

– Сережа! Ну о чем ты!..

– Я все сказал, – резко перебил он.

Разглядывая последние недели его жизни, все время натыкаешься на какие-то неясные, зыбкие предчувствия, которые владели им и иногда вдруг вырывались наружу, побеждая волю этого, очень сдержанного, человека...

Анализы, проведенные в декабре, показывали кровоточащий полип в прямой кишке. Теперь речь шла об удалении полипа – операция напряженная, но и серьезной ее назвать вряд ли можно. Сергей Павлович был спокоен, все встречи и дела уверенно задвигал на вторую половину января. В больницу каждый день приезжала Нина Ивановна, беседовала с врачами – никаких тревог. 11 января сам министр здравоохранения СССР, академик Борис Васильевич Петровский сделал гистологический анализ – отщипнул крохотный кусочек полипа. Было сильное кровотечение, еле остановили.

Накануне 12 января – дня своего рождения – настроение у Сергея Павловича было пасмурное, просил Нину Ивановну, чтобы никто к нему не приезжал, видеть никого не хочет.

– Я привезу завтра Марию Николаевну, – говорила Нина.

– Не надо...

– Нет, Сережа, пусть она приедет. А то подумает, что я против, зачем мне это...

– А что ты мне подаришь на день рождения? – лукаво спросил он.

– Вот приедешь из больницы и увидишь...

У нее был свой план. Она хотела подарить ему хороший магнитофон. Юра Гагарин обещал ей узнать, где можно купить « Грюндик», нашел этот магнитофон, но уже некому было дарить...

12 января Нина Ивановна купила букет нераскрытых сиреневых тюльпанов, заехала за свекровью, привезла ее в больницу. После обеда Мария Николаевна на машине сына уехала домой.

На следующий день, когда Нина Ивановна сидела у Сергея Павловича, в палату зашел врач-анестезиолог Юрий Ильич Савинов.

Нина Ивановна вспоминает:

– Очень хорошо помню всю ту сцену... Сергей Павлович сидел на кровати, подложив руки под колени, в пижаме, носки черные с треугольничками... Савинов говорит: «Вы уж меня не выдавайте, я не имею права вам это показывать, но поздравляю, анализ хороший: это – полип...»

Через 23 года после этого разговора Юрий Ильич сказал мне:

– Что-то путает Нина Ивановна. Я не имел никакого отношения к гистологии. Я был анестезиологом на этой операции...

– Но ведь, когда вы шли на операцию, Борис Васильевич Петровский должен был сказать вам, какая, собственно, операция предстоит.

– Он хотел вновь взять биопсию...

– Но ведь для этого, как я понимаю, не требуется общий наркоз…

– На общем наркозе настоял сам Сергей Павлович…

– Если биопсия 11 января не удовлетворила (что вполне допустимо) Бориса Васильевича, почему он начинает операцию? Ведь можно было взять анализ, ничего не разрезая?

– Не знаю… У меня гости… И вообще, это вопрос к Борису Васильевичу.

Отчего столь нервный разговор?..

Анатолий Иванович Струков, академик АМН, Герой Социалистического Труда, самый знаменитый наш патологоанатом:

– Не помню анализа. Петровский и Вишневский вызвали меня на операцию, когда Королев был жив, для того чтобы я засвидетельствовал: опухоль злокачественная, что я и сделал…

– Анатолий Иванович, вы извините меня, но почему к живому человеку вызывают патологоанатома?

– Я – патогистолог и разбираюсь в опухолях. У Королева была саркома прямой кишки…

Борис Васильевич Петровский рассказывал мне обо всех этих событиях несколько по-другому.

– Биопсия действительно показывала полип в прямой кишке, и я назначил операцию с целью избавить Сергея Павловича от этого полипа. Предварительно была сделана попытка под наркозом с помощью эндоскопа взять еще раз ткань на анализ, но началось сильное кровотечение, и необходимость операции стала очевидной… Струкова я не помню, я его не вызывал, возможно, его помощь потребовалась гистологам «кремлевки», которые проводили анализ опухоли. То же говорит Петровский и в своей книге[259]: «Лапаротомия (вскрытие брюшной полости) показала наличие неподвижной злокачественной опухоли, прорастающей в прямую кишку и стенку таза. Электроножом с большим трудом удалось выделить опухоль и взять биопсию, подтвердившую наличие самой злокачественной опухоли – ангиосаркомы».

Через семь лет после смерти Королева газета «Вашингтон пост» напечатала статью одного врача, эмигрировавшего из СССР, который утверждал, что никакой саркомы не было, был полип и Королев погиб в результате медицинской ошибки. Эту же версию поддерживал и известный хирург академик АМН Ф.Г. Углов, напечатав некое мемуарное эссе, в котором нет фамилий ни Петровского, ни Королева, но то, что речь идет именно о них, ясно и без фамилий. С моей точки зрения, подобный мемуарный прием несколько нечистоплотен: вроде бы обвинил, но всегда можно укрыться от критики за безликостью описанных событий.

Не берусь судить, насколько основательны все эти обвинения. Но не могу забыть еще одного разговора, который состоялся в Ленинграде в конце 60-х годов.

Андрей Михайлович Ганичкин, профессор-онколог, с которым случайно разговорились мы о смерти Сергея Павловича, сказал, потупясь:

– Видите ли, саркома прямой кишки в медицинской литературе практически не описана... Впрочем, министру здравоохранения виднее...

Академик А.И. Струков подтвердил: да, заболевание крайне редкое.

Петровского я прямо спросил: существует ли вообще такая болезнь? Бориса Васильевича вопрос мой не смутил:

– Да, саркома прямой кишки – очень редкое заболевание, из всех возможных видов злокачественных опухолей прямой кишки она составляет менее одного процента. Это отмечал в своих работах и такой крупнейший наш онколог, как Николай Николаевич Петров. У Королева была именно ангиосаркома прямой кишки...

– Как долго он смог бы еще прожить безо всякого хирургического вмешательства?

– Несколько месяцев. Наиболее вероятно, что он умер бы от постоянных кровотечений, просто истек бы кровью. Еще более страшный вариант: опухоль, разрастаясь, сдавила бы прямую кишку, что привело бы к непроходимости. Пришлось бы делать вывод в боку, но эта мучительная операция все равно ничего не решала. Сергей Павлович был обречен...

Часто приходилось потом слышать: зачем Королев позволил оперировать себя министру?! Хотя, надо признать, что даже недоброжелатели Бориса Васильевича признавали, что это мастер, хирург-виртуоз с золотыми руками. И все-таки, может быть, лучше было бы, если бы операцию ему делал не академик, а толковый молодой кандидат медицинских наук, который чуть ли не каждый день делает подобные операции... И об этом я тоже прямо спросил Петровского.

– О своей профессиональной квалификации мне говорить трудно. Могу только сказать, что в 60-х годах я оперировал много. Министром я стал в 1965 году, за пять месяцев до операции Сергея Павловича. И все эти пять месяцев тоже оперировал. Операции на прямой кишке я делал и до этого и после этого, так что опыт у меня был...

К тому же гипотетического, ежедневно оперирующего кандидата наук к Королеву никто бы не допустил, даже если бы Сергей Павлович на этом настаивал. Здесь уже срабатывала

советская «табель о рангах»: если ты член президиума Академии наук, дважды Герой Социалистического Труда, наисекретнейший Главный конструктор, то, разумеется, лишь нож лейб-медика достоин твоего живота, а Борис Васильевич был натуральным лейб-медиком. Да и Петровский сам не подпустил бы к Королеву никакого сверхопытного хирурга. Победа обещала быть легкой, ведь речь-то шла о полипе. Но легкая операция или трудная – это специалистам понятно. А факт остался бы фактом: кто оперировал Королева? Петровский!

Но вернемся в палату кремлевской больницы. Успокоенная беседой с Савиновым, Нина Ивановна уходила домой с легким сердцем.

– Я не пойду на лестничную площадку тебя провожать, – сказал Сергей Павлович жене. – Ты всегда оглядываешься и разобьешь себе нос!..

Операция была назначена на пятницу 14 января. В 7.55 Сергей Павлович позвонил домой:

– Котя, мой родной... А мне уже укольчик сделали, я уже засыпаю... Ты приедешь? Как договорились?..

– Конечно! Как договорились...

– Ты только не волнуйся...

– Главное, ты не волнуйся.

– Я спокоен...

А договорились так: до операции заходить к нему не надо. Нина Ивановна поехала в больницу. После ее отъезда Сергей Павлович снова позвонил домой. Мария Ивановна, домработница, подошла к телефону.

– А где Нина? – спросил Королев.

Мария Ивановна удивилась: обращаясь к ней, Сергей Павлович никогда не называл жену Ниной.

– Она к вам поехала.

– Ну хорошо, – по голосу чувствовалось-, что ему как-то не по себе. В больнице Нина Ивановна видела Сергея Павловича на каталке: везли в операционную. За каталкой шла свита врачей. Навсегда врезалось в память: каталку везли ногами вперед...

Не вникая в вопросы чисто медицинские, а лишь организационные, невольно приходишь к выводу, что операция подготовлена была не лучшим образом. Петровский сам признает: «В тот тяжелый день в кремлевской больнице не было ни главного хирурга В.С. Маята, ни его заместителей. Отсутствовал и консультант А.А. Вишневский». Почему? Ведь не было ни праздников, ни выходных дней, – 14 января приходилось на пятницу. Известно, что у Королева была от природы короткая шея, но только на операционном столе выяснилось, что

интубационная трубка не входит через рот, хотя можно было все примерить, прикинуть заранее. Почему это не было сделано?

– Королев скрывал, что у него короткая шея, – объяснял мне Петровский.

– ?!

– А главное – он скрывал, что у него были сломаны челюсти и он не мог широко открыть рот. Оперируя людей, прошедших ужасы репрессий 30-х годов, я довольно часто сталкивался с этим явлением. У меня нет никаких сомнений, что во время допросов в 1938 году Королеву сломали челюсти. Это обстоятельство и заставило нас сделать ему трахеотомию – разрез на горле, чтобы вставить трубку...

Существует, однако, еще один участник этой операции. Борис Васильевич вспомнил о трех анестезиологах, а назвал двух: Савинова и Ефуни. Третьим был Георгий Яковлевич Гебель из команды Глеба Михайловича Соловьева – правой руки Петровского. По его словам, сразу надо было давать наркоз маской, но существовал запрет Минздрава на этот метод. Уже применялся аппарат «Второтек» для анестезиологии, но и его в операционной не было. Как прореагирует сердце больного на общий наркоз, никто сказать не мог: в больнице Королеву ни разу не сделали ЭКГ. Вначале наркоз давался закисью азота, который не дает расслабления мышц. По мнению Гебеля, можно было дать эфир, но аппарат был таким древним, что в нем не было испарителя эфира.

Петровский принял совершенно правильное решение: лапаротомия – вскрытие. Но для такой операции наркоза не хватало. Больших баллонов с кислородом не было, обходились маленькими, которых хватало на двадцать минут. Все это усиливало и без того высокое напряжение всех людей в операционной. Вот тут Савинов и вызвал Гебеля, который сразу ввел Сергею Павловичу релаксанты – препараты, снимающие напряжение мышц, но одновременно как бы выключающие самостоятельное дыхание. Теперь надо было дышать за Королева. Как? Маска запрещена. Интубационная трубка не входила: короткая шея. Оставалась только трахеотомия – разрез на горле и ввод трубки в трахею. Гебель все-таки поставил маску и теперь «дышал» за Королева. Когда заговорили о трахеотомии, возразил:

– Пока не надо, он хорошо идет на руке...

Но во время смены баллончиков рукой засасывался уже не кислород, а воздух. Значит, все-таки трахеотомия...

Разумеется, ничего страшного в самой трахеотомии еще не было. Но она не была предусмотрена заранее, а каждому известно, что всякая неожиданность в любом деле вносит в

работу некоторую нервозность.

Но главная неожиданность – опухоль. «Большая, больше моего кулака», – показывал Петровский. «Опухоль была очень большая, как два кулака», – уточняла Валентина Фоминична Грек, медицинская сестра, которая видела ее. Теперь Борис Васильевич понял, что легкой победы не будет. И будет ли вообще победа – не ясно. Борис Васильевич срочно посылает врача Прасковью Николаевну Мошенцеву за подмогой: найти и немедленно привезти Вишневского.

– Малиновский? – резко спросил Александр Александрович, садясь в машину: главного хирурга армии беспокоило плохое самочувствие министра обороны.

– Нет, Королев...

Так у операционного стола сошлись два академика, два самых знаменитых хирурга страны. Едва ли найдется человек, который рискнет утверждать, что они любили друг друга, но, будучи людьми бесспорно умными, отдавали должное мастерству и опыту друг друга.

Сергей Наумович Ефуни, ученик Петровского, анестезиолог, непосредственного участия в операции не принимал, приехал уже в конце ее. Он рассказывал мне:

– Когда операция была закончена, хирурги были счастливы: «Боря! Саша! Все хорошо получилось!» Остановка сердца произошла через тридцать минут после окончания операции...

– Но на операционном столе?

– Да... На столе...

Нина Ивановна все это время сидела в комнате рядом с операционной. Здесь же случайно оказалась Ирина Владимировна Руднева, жена Константина Николаевича, которая как могла успокаивала Нину Ивановну. Операция шла слишком долго, и она боялась сейчас, что Сергею Павловичу сделают вывод прямой кишки в боку – более всего и его самого страшил такой исход, превращавший его в инвалида. Поэтому, когда Петровский вышел к Нине Ивановне из операционной, первый ее вопрос был:

– Что? С выводом?

– Да, с выводом, – вяло ответил Борис Васильевич.

– Временно?

– К сожалению, на всю жизнь.

Глядя куда-то в сторону, Петровский добавил:

– Сейчас речь не о том. Надо суметь сохранить ему жизнь...

Потом вместе с Вишневским они ушли в ординаторскую, пили чай с баранками...

Когда зашили, Сергей Павлович задышал, сморщил лицо, начал болезненно , потягиваться, – так часто бывает после

наркоза. Гебель стоял спиной к операционному столу, наполнял шприц, когда почувствовал, будто кто-то толкнул его в спину. Он обернулся. Зрачки Королева медленно поползли вверх. Пульс встал. В операционной – Гебель и Королев, никого больше. Георгий Яковлевич побежал в ординаторскую-Нина Ивановна с ужасом увидела бегущих в операционную Петровского и Вишневского...

Вишневский с Гебелем начали колоть в сердце адреналин.

– Ты не можешь попасть! – жарко зашептал Вишневский.

– Это ты не можешь попасть! – Гебель впервые назвал академика на «ты».

Сердце молчало...

Через несколько часов на вскрытии патологоанатом скажет:

– Вообще непонятно, как он ходил с таким сердцем...

Гебель утверждает: совесть Петровского как хирурга абсолютно чиста.

Пусть так...

Где-то что-то захлопало, зазвенело, и Нина Ивановна всем существом своим остро ощутила, что надвигается что-то страшное. Все пространство, ее окружающее, стало деформироватьсся в некую засасывающую воронку, и время скручивалось в ней в тугой и плотный шнур неразделимых минут.

Потом Петровский:

– Мужайтесь, все кончено...

Существуют медицинские книги, в которых анализируются рассказы людей, переживших клиническую смерть и возвращенных с того света. Почти все они вспоминали, что они словно летели сквозь какой-то темный тоннель навстречу стремительно заполняющему все вокруг ослепительному свету.

Это похоже на ракетный старт.

***

«Так мало людей одного поколения, которые соединяют ясное понимание сущности вещей с сильным чувством глубоко человеческих побуждений и способностью действовать с большой энергией, – писал Альберт Эйнштейн. – Когда такой человек покидает нас, образуется пустота, которая кажется невыносимой для тех, кто остается».

Пустоту эту многие почувствовали мгновенно, как только Мишину в ОКБ позвонил Бурназян и страшная весть полетела по корпусам с невероятной скоростью. Вскоре в кабинете Мишина собрались: Макеев, Крюков, Хомяков, секретарь парткома

Тишкин. Они и написали некролог. Мишин звонил Брежневу, просил опубликовать. Черток отвез некролог Сербину в ЦК. Брежнев прочел, кивнул: «Можно даже „усилить“...» Так Королева рассекретили.

Валентин Петрович Глушко проводил в своем кабинете совещание, когда ему позвонили по «кремлевке» и рассказали о случившемся. Он выслушал, повесил трубку и, обратившись к собравшимся, сказал:

– Скончался Сергей Павлович. – Выдержав короткую паузу, спросил: – Так на чем мы остановились?..

Гроб с телом Королева был установлен в Колонном зале Дома союзов. До некролога люди не слышали его фамилию, но народу было много. Лицо Сергея Павловича в гробу показалось мне измученным...

17 января вечером – было уже совсем темно – траурный кортеж двинулся в крематорий у Даниловского монастыря. Гроб въехал в печь в 21 час 17 минут.

Круг земного существования Королева замкнулся.

Первую ночь после смерти Сергея Павловича Юра Гагарин провел в останкинском доме. Утром сказал:

– Я не буду Гагариным, если не доставлю на Луну прах Королева!

Через несколько месяцев Нина Ивановна вспомнила эти слова и спросила Юру: было ли такое? Он признал, что часть праха у него. Нина Ивановна сказала, что так делать нельзя, что это не по-христиански, прах нельзя делить. Гагарин обещал вернуть. Вскоре он погиб. О прахе Королева знал Владимир Комаров – по поручению Гагарина он и спускался в преисподнюю московского крематория, ему и отсыпали прах. Но Комаров погиб еще раньше Гагарина. Где этот прах? Спрашивал Алексея Леонова. Он подтвердил:

– Да, это действительно так. Мы хотели похоронить часть праха Королева на Луне. Я участвовал в несостоявшейся лунной программе и тоже поддерживал эту идею. Прах я видел у Юры. Где он сейчас, не знаю...

Ночью урну с прахом Королева, привезенную из крематория, установили в Колонном зале, и снова с утра 18 января потекла нескончаемая вереница людей, которые пришли проститься с Главным конструктором.

После полудня утопающую в цветах урну из Колонного зала вынесли на своих плечах Л.В. Смирнов, М.В. Келдыш, С.А. Афанасьев – люди официальные. Потом ее несли соратники: В.П. Мишин, Б.Е. Черток, Е.В. Шабаров, А.П. Абрамов... Шел густой снег, все было белым, чистым. Проезд машин по Охотному ряду

был закрыт – ни колеи, ни следа, нетронутый белый путь...

В час дня на Красной площади состоялись официальные похороны. На трибуне Мавзолея – Л.И. Брежнев, Г.И. Воронов, К.Т. Мазуров, А.И. Микоян, Н.В. Подгорный, Д.С. Полянский, М.А. Суслов, А.Н. Шелепин, В.В. Гришин, П.Н. Демичев, Ш.Р. Рашидов, Д.Ф. Устинов, Ю.В. Андропов, И.В. Капитонов, Ф.Д. Кулаков, Б.Н. Пономарев – многие из них только потому и сохранятся в истории, что были «вождями эпохи Королева». На траурном митинге выступали: Л.В. Смирнов, М.В. Келдыш, первый секретарь МГК КПСС Н.Г. Егорычев и последним – Юрий Гагарин. Речи были безлики и традиционно скучны. Урну члены Политбюро отнесли к стене. Смирнов поставил ее в нишу. Быстро и точно замуровали. Два красивых немигающих солдата застыли у черной доски с золотыми буквами и цифрами: «Сергей Павлович Королев. 30.XII. 1906-14.I.1966».

Над морозной площадью сухо и раскатисто ударил артиллерийский салют. Такой слабенький, в сравнении с громами его ракет...

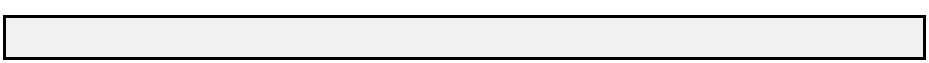
О чем эта книга? О Королеве? Да, о Королеве, но в более общем плане о роли личности в истории. Королев вошел в историю навсегда, ибо открыл новую эру земной цивилизации: не многим и не каждый век это удается. Пробились бы люди к звездам без Королева? Конечно. Космонавтика, очевидно, обязательный этап прогресса. Ее развитие можно затормозить, можно ускорить, но обойти нельзя. Не было бы Королева, был бы кто-нибудь другой. Но ведь был-то Королев! Именно он, лично он стал выдающимся ускорителем времени XX века!

Вариации на исторические темы имеют ценность сомнительную: никто не может сказать, чего бы не было и как бы оно было, если бы не родился Ньютон, Пастер или Королев. И все-таки, если аккуратно, не задевая соседние судьбы, попытаться вычленить Королева из его века, исключить из чреды событий, то образовавшаяся пустота неизбежно должна повлиять на исторические процессы. Да, и в этом случае космонавтика практически родилась бы в XX веке. Однако вряд ли первый искусственный спутник Земли и старт в космос первого человека произошел бы в нашей стране. Готов согласиться с теми, кто считает, что в масштабах истории человечества не суть важно, чьим был первый спутник – советским или американским. Но в масштабах нации, страны – важно. Я вообще не вижу в нашей послереволюционной истории другого человека, который сделал бы для славы России, для поднятия ее всемирного авторитета, для демонстрации ее упорства, воли и многогранных талантов столько, сколько сделал Королев. Почему Королев интересует нас

сегодня? Дело не в ракетах и орбитальных станциях, не только в том, что и сегодня космонавтика во многом идет по путям, им намеченным. Дело в личности человека, сумевшего еще до разработки всех теорий Больших Систем создать внутри государства свою «космическую империю», дело в методах и стиле его работы, в изобретенных им законах трудовых взаимоотношений, в сконструированных им механизмах деловых связей, в том человеческом наполнении всей его работы, которое ценно и важно для нас сегодня, вне зависимости от рода нашей деятельности. Мы принизим значение творческого наследия великого конструктора, если ограничим себя лишь анализом его научно-технических откровений.

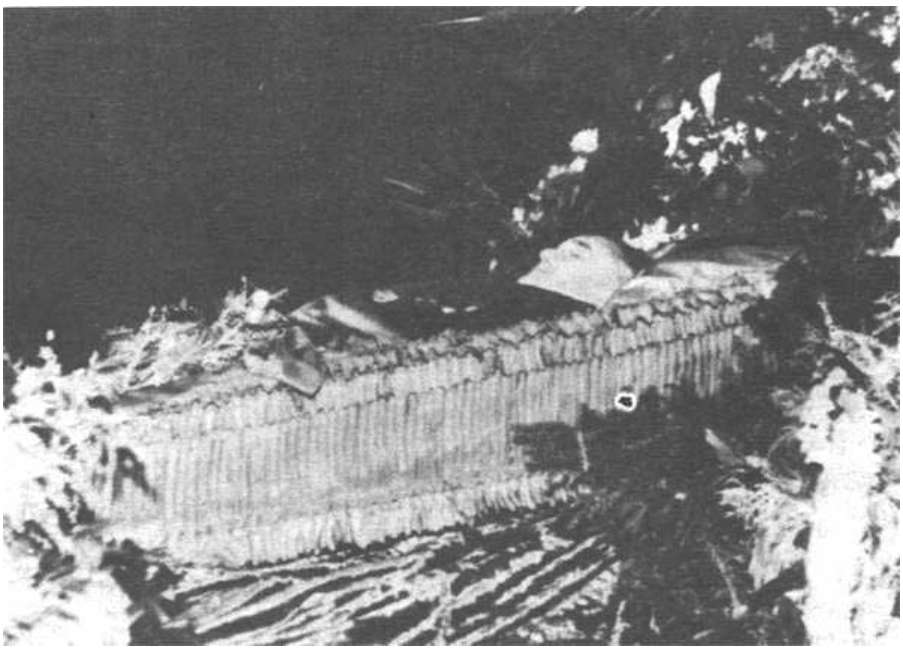
Почему Королев будет интересовать наших потомков? Хотя бы потому, что он был ярчайшим представителем того страшного и славного, проклятого и благословенного времени, которое так обострило противоречия между умом и сердцем, между схемой и жизнью, между злом и добром, как никогда не было за всю историю нашей земли. Любой человек, живший в эту чудовищно непонятную для грядущих поколений эпоху, будет интересен людям будущего. Тем более человек, находящийся на ее гребне. Его жизнь вместила две революции, две мировые войны, каторгу, тюрьму и великую безликую славу. Пройти все это, сохранив свое «я», не отступаясь от мечты, которая настигла тебя в юные годы, способен только уникальный характер, достойный самого пристального изучения. Со временем, по мере все более интенсивного нарастания прогресса ракетно-космической техники, по мере все более частых, ослепляющих нас вспышек человеческого разума, спутники и ракеты Королева начнут, как это всегда бывало в мире техники и науки, становиться достоянием истории, и восхищение ими наших внуков будет уже совсем иным, нежели у нас. Но интерес к личности Сергея Павловича Королева останется на очень долгие годы. На более долгие, чем мы можем сегодня себе представить.

Ноябрь.1968 г. – июнь 1994 г.



С.П. Королев, Г.А. Тюлин, В.П. Мишин. 1963 г.

С.П. Королев в гробу. Колонный зал Дома союзов, 17 января 1966 г.



Урну с прахом С.П. Королева несут Л.В. Смирнов, М.В. Келдыш, С.А. Афанасьев

ОТ АВТОРА

Эрнест Хемингуэй писал: «Нет на свете дела труднее, чем писать простую, честную прозу о человеке».

Работа над книгой продолжалась двадцать шесть лет. За это время я объездил многие места, связанные с Сергеем Павловичем: Житомир, Нежин, Одесса, Киев, Коктебель, разыскал его квартиры в Москве и даже попросил запереть меня в его камере в Бутырской тюрьме. Ездил в ГДР и ФРГ. Удалось побывать на полигоне Капустин Яр. В течение десяти лет как журналист я работал на космодроме Байконур, в Центре управления полетами под Москвой, на станции дальней космической связи в Крыму. За двадцать шесть лет я прочитал десятки книг, сотни статей о Королеве, ракетной технике и космонавтике, пересмотрел всю секретную и несекретную кинохронику, относящуюся к моему герою. Я искал и находил Королева в архивах Нежина, Одессы, Киева, Москвы, в архиве Академии наук СССР, бывшего РНИИ, в Доме-музее в Останкине. Мне помогали КПИ и МВТУ, музей Н.Е. Жуковского в Москве и музей К.Э. Циолковского в Калуге, КГБ и МВД, Военная коллегия Верховного суда и Главная военная прокуратура, командование Капустина Яра и Байконура. Не было организации, в которую я обратился и которая отказала бы мне в помощи. И тем не менее документальный архив Королева весьма скуден. Точнее, не скуден, а однообразен и сух. Основу его составляют научно-технические отчеты и протоколы различных испытаний. Эти документы обезличены и по форме, и по языку. Они рассказывают о ракетах, а не о ракетчиках. Из них нельзя узнать, о чем думали, о чем мечтали, о чем спорили, на что злились, кого любили, как были одеты, где жили, что ели, какая была погода. Эти документы даже не факты, а скелеты фактов, они лишены живой человеческой плоти. Это я понял давно, едва приступив к работе. Понял, что написать книгу о жизни Сергея Павловича можно, только опираясь на воспоминания людей, которые жили и работали рядом с ним. Подобное решение чревато было многими опасностями. Память человеческая несовершенна. Меня вводили в заблуждение достойнейшие и искреннейшие люди вовсе не из-за желания исказить истину, но с чистой верой в то, что так, как они помнят, оно и было. Казалось бы Королев – не Пифагор, он – наш современник, но жизнь его после смерти переполнена легендами. И это замечательно! Ибо в самом факте существования легенд – неосознанное желание заполнить информационный вакуум, образовавшийся за многие годы замалчивания и полуправды. Это замечательно, ибо, как

сказал Александр Блок, «жизнь, соединенная с легендой, уже есть „житие“». Поэтому в книге есть и легенды.

Но были и другие, менее чистосердечные информаторы. Находились люди, стремящиеся, например, записаться в близкие друзья Королева или сознательно искажающие собственный вклад в его жизнь и творчество. Я был бдительным, но не хотел быть подозрительным – ведь не доверять людям хуже, чем оказаться обманутым. И поэтому я допускаю, что в моей книге есть ошибки. Грубых нет, а по частностям, наверное, есть, и это закономерно. Поэтому я заранее благодарен тем, кто на них укажет.

Но кроме ошибок существуют еще различные точки зрения на те или иные события жизни Королева, космонавтики, страны. И это тоже естественно, так и должно быть. Еще великий Мигель Сервантес де Сааведра говорил, что «совершенно невозможно написать произведение, которое удовлетворило бы всех читателей». Беда не в самом инакомыслии, а в той враждебности, которую оно генерирует в нас.

Однако при всех истинных и мнимых издержках эта книга не была бы написана, если бы многие люди, приняв близко к сердцу задуманное мною, не помогли моей работе. За двадцать шесть лет я встречался, переписывался примерно с 200 людьми, начиная с Лидии Маврикиевны Гринфельд, учительницы, которая учила в Нежине маленького Сережу грамоте и пережила своего ученика, кончая Леонидом Васильевичем Смирновым, заместителем Председателя Совета Министров СССР, который ставил урну с прахом Королева в нишу Кремлевской стены. Моими собеседниками были друзья Сергея по Одесской стройпрофшколе. Киевскому политехническому институту, МВТУ имени Баумана. Парители с горы Узун-Сырт под Коктебелем и подмосковной Планерной. Инженеры авиапрома конца 20-х-начала 30-х годов, с которыми он работал. Энтузиасты из подвала на Садово-Спасской, где родилась ГИРД. Единоверцы из РНИИ. Узники Колымы – жертвы сталинских репрессий. И палачи тоже. Зеки из шарашек, из опоясанных колючкой цехов на заводах Омска и Казани. «Цивильные» полковники, приехавшие, как и Королев, в Германию для знакомства с немецкой техникой. Офицеры и генералы с сухопутных и морских полигонов, ветераны Капустина Яра и Тюратама. Ученые во главе со своим президентом М.В. Келдышем. Космонавты первого, гагаринского, отряда. Выдающиеся ракетчики, главные конструкторы, члены Совета главных конструкторов, соратники Сергея Павловича, которых я не могу не назвать поименно: А.П. Абрамов, С.М. Алексеев, Г.Н. Бабакин, В.П. Бармин, Е.А. Башкин, К.Д. Бушуев, В.П. Глушко, О.Г. Ивановский, В.М. Ключарев, Э.И. Корженевский, С.С. Крюков, В.И.

Кузнецов, Н.Д. Кузнецов, Н.С. Лидоренко, В.П. Макеев, Г.Ю. Максимов, В.П. Мишин, А.В. Палло, Н.А. Пилюгин, Ю.А. Победоносцев, А.Г. Решетин, Г.И. Северин, М.К. Тихонравов, Г.А. Тюлин, В.И. Феодосьев, К.П. Феоктистов, П.В. Флеров, М.С. Флорианский, Е.А. Фролов, В.И. Фрумсон, М.С. Хомяков, П.В. Цыбин, В.Н. Челомей, Е.В. Шабаров.

Память Марии Николаевны Баланиной и Ксении Максимильяновны Винцентини сохранили образ молодого Королева, о котором без них было бы трудно узнать что-нибудь.

Особую благодарность я хотел бы выразить Нине Ивановне Королевой за ее рассказы и открытый мне доступ к домашним архивам и письмам Сергея Павловича.

Чрезвычайно признателен Герою Социалистического Труда, члену-корреспонденту РАН Борису Евсеевичу Чертоку, Герою Социалистического Труда, академику Борису Викторовичу Раушенбаху и Герою Советского Союза, доктору технических наук, заслуженному летчику-испытателю СССР Марку Лазаревичу Галлаю, взявшим на себя труд познакомиться с моей рукописью до ее публикации и сделавшим ряд ценных замечаний. В Указателе имен выделены фамилии всех людей, которые встречались со мной, беседовали, показывали документы, дарили фотографии.

Все, что отдали мне эти люди, – дань их памяти, адресованная не мне, а потомкам, дань благородная и необходимая.

notes

Примечания

1

Екатеринослав – ныне Днепропетровск.

2

Екатеринодар – ныне Краснодар.

3

Здесь и далее все даты по летосчислению того времени.

4

25 марта – день именин Марии Николаевны

5

В архиве Российской академии наук хранится одно детское стихотворение С. Королева, датированное апрелем 1917 года.

6

Молдаванка – район Одессы.

На месте этого моста ныне находится мост Киевского метрополитена.

8

АКНЕЖ – академический кружок имени Н.Е. Жуковского – был прообразом студенческих научно-технических обществ нашего времени.

9

Вскоре после приезда Сергея из Киева семья поселилась на Александровской, ныне Октябрьской улице. Этот дом сохранился. Его современный адрес: Октябрьская, 38.

НКПС – Народный комиссариат путей сообщения.

11

В 1926 году планеристы в Коктебеле не собирались.

12

Это уже не киевский друг Королева Алексей Павлов, а Иван Ульянович Павлов, один из первых советских асов, герой гражданской войны, прошедший путь от рядового до командующего ВВС Московского военного округа.

13

Внук Айвазовского, К.К. Арцеулов сам был живописцем, что и сблизило его с Максимилианом Волошиным. Через много лет после коктебельских слетов старый друг Олег Константинович Антонов попросил Арцеулова проиллюстрировать его книжку «На крыльях из дерева и полотна». Так оба они вернулись в свою молодость.

14

Планер был назван в честь газеты «Красная звезда».

15

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление. Орган по охране государственной безопасности в 1923-1934 гг. Позднее включен в НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

16

А.М. Розанов, начальник штаба VII Всесоюзного слета планеристов.

17

К.К. Арцеулов.

18

См. журнал «Новый мир». 1977. № 1.

19

Дом не сохранился.

20

Первый полет братьев Райт на самолете с двигателем внутреннего сгорания состоялся как раз в год издания упоминавшегося труда Циолковского: 17 декабря 1903 года.

21

Ведущие сотрудники Газодинамической лаборатории.

К примеру, идею использования в качестве топлива элементов металлических конструкций космических ракет. Несмотря на очевидную выгодность этого предложения Ф.А. Цандера, оно не может быть реализовано и в наши дни.

23

Позднее Стадион юных пионеров.

24

Высшие художественно-технические мастерские, существовавшие в Москве в 1920-1926 гг.

Очевидно, о работах ГДЛ я говорю незаслуженно мало, хотя работы эти очень интересны. Это можно объяснить лишь опасением превратить панораму жизни одного человека в далеко не полную историю ракетостроения нашей страны.

26

Ныне улица Радио.

27

Реактивное движение.

Романенко Б.И. Юрий Васильевич Кондратюк. М.: Знание, 1988.

29

Проектно-экспериментальная контора.

Подробнее см. статью Я. Голованова «Потаенный Кондратюк» в ежемесячнике «Совершенно секретно». 1993.№ 3.

Ускорения при стартах современных космических кораблей не превышают эту величину.

32

Хорошо смеется тот, кто смеется последним *(франц.)*.

33

Думаю, что нам обоим будет не до смеха *(франц.)*.

34

Народный комиссариат тяжелой промышленности.

Совместительство продолжалось: М.К. Тихонравов числился на авиазаводе, А.В. Чесалов В.С. Щетинков – в ЦАГИ, В.А. Федулов – в МАИ и т.п.

Главное управление авиапромышленности Народного комиссариата тяжелой промышленности.

37

Яков Матвеевич Терентьев после казни М.В. Тухачевского, чудом избежав расстрела, был сослан на Чукотку. Там уже во время Великой Отечественной войны дошли до него слухи о замечательном секретном оружии Красной Армии – «катюшах», для рождения которых он так много сделал. После реабилитации Яков Матвеевич жил в маленьком поселке в Ленинградской области. Он переписывался с Королевым. Новогоднее поздравление Терентьеву в конце 1965 года – одно из последних писем, написанных рукой Сергея Павловича.

38

Ныне г. Кировоград. Новейшие изыскания историков ракетной техники ставят под сомнение официально признанные сведения биографии Г.Э. Лангемака. Открылась анкета 1921 года, написанная рукой самого Георгия Эриховича, согласно которой он родился не 8 июля 1898 года в Старобельске, как написано в разных книгах, а 21 июля 1895 года в Елизаветграде. Историки спорят.

39

О структуре РНИИ рассказывать довольно трудно, поскольку описанная структура действительна для 1934– начала 1935 года. Далее она претерпевала многочисленные изменения. Менялись и штаты: если в 1934 году в РНИИ работало 395 человек, то в 1935-м – уже 580. Период репрессий 1937– 1938 годов придал этой структуре дополнительный порочный динамизм.

Чтобы больше не возвращаться к кадровым проблемам, забегая вперед, скажу, что уже с начала 1935 года С.П.Королев становится начальником этого сектора, а в марте 1936 года сектор преобразуется в самостоятельный 5-й отдел РНИИ, которым Сергей Павлович руководит вплоть до ареста в июне 1938 года. Эти чисто административные перемещения мало что меняют по сути, потому что с момента своего появления в 8-м секторе весной 1934 года Королев становится фактическим лидером всех работ по крылатым ракетам и ракетопланам в РНИИ. Впрочем, не только в РНИИ: в том-то все дело, что где бы ни появлялся Королев, он всегда сразу становился фактическим лидером.

41

Любопытно, что под протоколом № 43 испытаний в Нахабине от 17 августа 1933 года стоит подпись «Нач. ГИРД Королев», а в следующем протоколе испытаний, на которых он присутствовал, – № 46 от 14 октября значится уже «Зам. нач. РНИИ Королев С.П.», хотя в то время решение Реввоенсовета об организации РНИИ еще не было утверждено Советом Труда и Обороны. В маленькой этой детальке угадывается горячее желание начать новую работу на новом уровне. И молодое честолюбие тоже.

42

Реактивный летательный аппарат.

43

Лангемак Г.Э., Глушко В.П. Ракеты, их устройство и применение. М.; Л.: ОНТИ НКТП СССР, 1935. Тираж 700 экземпляров. Задумал эту книжку и начал ее писать Борис Сергеевич Петропавловский. Он же привлек в соавторы Лангемака и Глушко. После его стремительной болезни и неожиданной смерти 6 ноября 1933 года вдова Петропавловского отдала Лангемаку рукопись. Петропавловским были написаны некоторые разделы книги, связанные с пороховыми ракетами, но фамилии его на обложке нет. В предисловии неверно указан 1933 год, как год рождения книги: Петропавловский начал ее писать еще в 1930 году.

Королев С.П. Ракетный полет в стратосфере. М.; Госвоениздат, 1934. Тираж 20 тысяч экземпляров. О ней еще поговорим.

ЦИАМ – Центральный институт авиационного моторостроения.

46

Первое письмо целиком приведено в главе 17.

47

Центральный Дом Красной Армии.

В гражданской авиации эти самолеты назывались П-5.

49

В 1963 году в газете «Знамя» (Калуга) был опубликован очерк писателя Константина Алтайского об А.Г. Костикове под названием «Ученик Циолковского». С тем же основанием Костикова можно было назвать и учеником Исаака Ньютона.

50

Неоперабельный рак желудка (лат).

51

В 1974 году чехословацкий журналист Карел Пацнер, узнав об этом факте, разыскал в Праге 70-летнего Людвига Эльзница. «Как жаль, что я не поговорил тогда в Коктебеле с будущим конструктором первого спутника!» – воскликнул старый летчик.

Ныне Конюшковская, 26. Следовало бы установить на этом доме мемориальную доску, тем более что не один Королев, а многие замечательные люди жили в нем в те годы.

53

Помощник Главного военного прокурора Субоцкий.

54

Союз с Германией до прихода Гитлера к власти лежал в основе советской внешней политики. Что касается военной стороны дела, Маршал Советского Союза А.М. Василевский в беседе с К.М. Симоновым свидетельствовал в 1967 году: «В тот период отношения наши с Германией были весьма тесными. В ряде пунктов на нашей территории находились немецкие центры, в которых происходила подготовка офицеров, так как немцы, согласно условиям Версальского мира, не имели права делать это в Германии. Были танковые и авиационные центры. На маневрах тридцать второго года, где мы впервые показали достоинства крупных (по тому времени) механизированных соединений – танковых бригад, были военные атташе целого ряда армий, в том числе германский представитель. Но если представителям других армий показывали лишь часть происходящего, то немцам показывали все. Их возили по другим маршрутам, в другие места, на других машинах, скрытно от представителей других армий... После прихода Гитлера к власти отношения с Германией резко изменились. Немецкие военные учебные центры на нашей территории были ликвидированы, отношения становились все более враждебными».

55

О «военно-фашистском заговоре» довольно много писалось в последнее время. Прежде всего см. статью генерал-лейтенанта юстиции в отставке Б.А. Викторова «Заговор в Красной Армии» («Правда» от 29 апреля 1988 г.), которому хочу выразить признательность за большую помощь в моей работе над главами этой книги, посвященными событиям 1937—1938 гг.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.

57

Улица Серафимовича, дом 2.

Шнурки, ремни, подтяжки перед посадкой в камеру изымались.

Подобное разъяснение в скобках показывает, что адресат Андрея Григорьевича вряд ли был специалистом в ракетной технике, поскольку среди специалистов эти аббревиатуры были широко известны.

Ныне Белорусский.

61

Старинное здание ВВИА имени Н.Е. Жуковского.

Потом ее назовут «катюшей».

63

В 1951 году Луховицкий был уволен из органов госбезопасности по болезни. В 1955 году, когда началась реабилитация осужденных сотрудников РНИИ, выяснилось, что Луховицкий применял запрещенные законом методы ведения следствия, зверски избивал заключенных, лишал их сна и пищи, фальсифицировал протоколы допросов. Он обвинялся Главной военной прокуратурой и в необъективном расследовании дела Клейменова, «повлекшим наступление тяжелых последствий». Заместитель Главного военного прокурора Терехов направил секретарю МГК КПСС Фурцевой специальное письмо с просьбой привлечь Луховицкого к партийной ответственности, поскольку судить его после указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 27 марта 1953 года нельзя. Приказом по КГБ от 21 апреля 1955 года Луховицкий был уволен из органов госбезопасности уже не по болезни, а по фактам «дискредитирующим высокое звание офицера». Пенсия этому заслуженному труженику была снижена до 1400 рублей.

Сотрудник РНИИ Леонид Эмильевич Шварц, один из авторов снаряда знаменитой «катюши», не был репрессирован, как и Юрий Александрович Победоносцев. Шварц погиб при исполнении служебных обязанностей в авиационной катастрофе в 1944 году.

65

Старший помощник Главного военного прокурора П. Лепшин, занимавшийся реабилитацией Г.Э. Лангемака, писал 7 января 1956 года в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС: «...считаю, что за фальсификацию обвинения против Лангемака Шестаков должен понести партийную ответственность». Как объяснили юристы, судить его было бесполезно ввиду истечения срока давности преступления.

66

После ареста Королева были арестованы еще три сотрудника РНИИ.

«Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания». В разъяснениях к этой статье прямо говорилось, что «контрреволюционной пропагандой признается распространение среди узкого круга лиц контрреволюционных мыслей», пусть хотя «какой-либо одной контрреволюционной мысли» письменно, устно и вообще всеми доступными способами, даже «путем каких-либо символических знаков...» Так что для того, чтобы совершить увлекательное путешествие в труднодоступные районы бассейна реки Колымы, достаточно было просто сказать приятелю: «А наш-то...» и «символически» покрутить пальцем у виска.

68

Северо-восточный лагерь Гулага, куда входил прииск Мальдяк.

Кнацать – покровительствовать (лагерный жаргон).

70

Звания Героя Советского Союза В.С. Гризодубова была удостоена, когда ей было 27 лет.

71

Владимир Павлович Федоров в 28 лет погиб на испытаниях самолета Ильюшина ДБ-3.

Например, такие опытные авторы, как Е.И. Рябчиков и А.С.Магид, в книге «Становление», посвященной началу творческой деятельности А.Н.Туполева (М.: Знание, 1978), пишут: «Его (Королева. – *Я.Г.*) «реактивный планер» стал предтечей всех реактивных самолетов». Но ведь это не так!

К этому времени бывший РНИИ снова сменил «хозяина» и стал подчиняться Народному комиссариату боеприпасов.

Точнее следовало бы написать «расстрелян».

Просто само напрашивается маленькое дополнение: «поскольку к тому времени, когда потребовались эти приборы, мы уже всех там пересажали...»

11 августа 1956 года в связи с заявлением С.П. Королева в Главную военную прокуратуру полковник Терехов подал Протест в Военную коллегию Верховного суда СССР, в котором называются фамилии почти по тому же списку, но говорится прямо противоположное:

«Допрошенные в 1939 году (почему в 39-м, не совсем ясно. Возможно, это ошибка. – *Я.Г.*) работники НИИ-3 в качестве свидетелей: Рохмачев Н.В., Косятов А.А., Шитов Д.А., Ефремов А.П., Букин В.А., Душкин Л.С., Колянова М.П. никаких показаний о контрреволюционной деятельности Королева не дали». Можно допустить, что все эти свидетельские показания были настолько общие, невнятны и расплывчаты, что могли трактоваться и так и этак. Удивляют многие разночтения в инициалах людей, фамилии которых хорошо известны по работе в РНИИ.

77

Как мог майор Наседкин утвердить 26 мая то, что было составлено 28 мая, – одна из загадок этого дела.

Генерал-лейтенант юстиции Борис Алексеевич Викторов, занимавшийся реабилитацией С.П. Королева, рассказывал, что помощник главного военного прокурора Осипенко, наблюдавший за делом Королева, высказал на заседании Особого совещания мысль, что Королев невиновен и его следовало бы освободить. Однако такая постановка вопроса показалась остальным членам Особого совещания неприемлемой и никакого развития не получила.

О сослуживцах Королева по РНИИ Михаиле Павловиче Дрязгове, Евгении Сергеевиче Щетинкове и Михаиле Семеновиче Кисенко я уже говорил в предыдущих главах.

Владимир Сергеевич Пышнов (1901—1984) – профессор Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского, крупный специалист в области аэродинамики, устойчивости и управляемости самолетов.

Борис Николаевич Юрьев (1889—1957) читал Королеву лекции в МВТУ (см. главу 12).

Незначительная неисправность, которая, по мнению некоторых специалистов, не представляла серьезной опасности, встревожила Леваневского, и он повернул назад.

81

«Сюртэ женераль» – французская разведка.

Мне кажется, мы до сих пор не в полной мере оценили эту поистине гениальную находку Сталина, одним махом отрубающую от народа наиболее ярких и честных его представителей и отождествляющую врагов тирана с врагами народа, а значит, нерасторжимо сплавляющую в монолит народ и Сталина.

83

Торпедный катер КБ Туполева, очевидно, тогда – лучший в мире. К моменту ареста конструктора уже проходил испытания в Севастополе.

Когда жена Сергея Михайловича Егера, секретаря ВЛКСМ ильюшинского КБ, спросила Сергея Владимировича, который бывал в их доме, не знает ли он что-либо о судьбе арестованного мужа. Ильюшин ответил: «Я вообще таких не знаю...» Пишу это не для того, чтобы бросить тень на память выдающегося советского конструктора, но лишь потому, чтобы дать долгожданное право памяти нашей воздать каждому сообразно не только уму его и таланту, но чести и доброте.

См. журнал «Изобретатель и рационализатор». 1988. № 3—7

Ныне Набережная академика Туполева.

87

Путаница, недоразумение (лат.).

88

Обыск – лагерный жаргон.

Во всех публикациях никогда не писали просто о системе Тейлора, но непременно о «потогонной системе Тейлора», поскольку В.И. Ленин назвал ее «научной системой выжимания пота». При этом забывали, что Ленин рекомендовал заимствовать у Тейлора все прогрессивное, что содержит его система.

Сразу после войны А.И.Некрасов был избран действительным членом Академии наук СССР, получил звание заслуженного деятеля науки и техники РСФСР и был удостоен Сталинской премии за научную монографию по теории волн. Он умер в 1957 году, не дожив нескольких месяцев до первого спутника.

Необходимо сказать, что документов, в которых бы было указано, с кем жил Королев, я никогда не видел и сомневаюсь, что они существуют. Память людская, как известно, несовершенна. Разные участники описываемых событий называли мне разных соседей Королева в Омске. Я принял за основу рассказ Т.М.Геллера, по общему мнению – одного из самых близких к Королеву людей в Омске. Кроме названных им соседей Королева, в рассказах других очевидцев встречаются фамилии конструктора Мирославского, технолога Багрия и др.

Общество землеустройства еврейских трудящихся.

93

Не раз приходилось читать вполне заслуженные слова восхищения по поводу того, что Дмитрий Фёдорович Устинов стал наркомом вооружения в 33 года. Справедливости ради надо сказать, что Шахурин стал наркомом авиационной промышленности в 36 лет, а через год-Героем Социалистического Труда.

О встрече с зеком Королевым и его «попкой» на казанском аэродроме рассказал в своих книгах «Испытано в небе» и «С человеком на борту» Марк Лазаревич Галлай. Это были первые в нашей стране публикации, из которых проницательный читатель мог понять, что легендарный Главный конструктор находился в заключении.

95

Здесь он, как мы знаем, ошибается. Дело было 12 мая 1945 года.

Оружие возмездия (нем.).

97

Противовоздушная оборона.

РНИИ был переименован в НИИ-3 НКБП, а позднее в НИИ-1 МАП.

99

К «маршалам тыла», людям не менее замечательным, чем маршалы фронта, в первую очередь надо отнести наркома вооружения Дмитрия Федоровича Устинова, наркома авиационной промышленности Алексея Ивановича Шахурина, наркома танковой промышленности Вячеслава Александровича Малышева, наркома боеприпасов Бориса Львовича Ванникова и наркома минометного вооружения Петра Ивановича Паршина.

100

Большой фейерверк (англ.).

101

Главнокомандующий 21-й группой армий в Нормандии, Бельгии и Северной Германии.

102

Бабочка (нем.).

103

А.И.Бурназян-в 1966 году заместитель министра здравоохранения СССР

104

Наркомы оборонной промышленности имели воинское звание генерал-полковник.

105

В 1946 году наркоматы были переименованы в министерства.

Устинов Д.Ф. Во имя победы. М: Воениздат, 1988.

107

Приказ есть приказ (нем.).

108

Сберегательная касса (нем.).

109

Увы, к автору конезаводчик никакого отношения не имеет, что чрезвычайно огорчительно, поскольку мешает автору тоже протиснуться в историю.

А случалось и до смерти. Пусть не сразу. Вячеслав Александрович Малышев и Авраамий Павлович Завенягин умерли в возрасте 55 лет.

111

Взлетно-посадочная полоса.

112

Один из крупнейших алмазов в мире – 270 карат.

Разумеется, в деньгах 1947 года.

114

Чтобы солдаты не пили ракетное горючее, спирт подкрашивали, придавая ему «ядовитый» вид, но стартовики быстро разобрались, что это – безвредная марганцовка.

До этого разговор касался предвоенного времени.

116

А.П.Романов повторяет то же, что уже сделал раньше, «дополнив» рассказ Королева о его «поездке» в Калугу к Циолковскому (см. наст. книгу, главу 13).

117

Год Королев не указывает, а в тексте Романова собственноручно переправляет 1946-й на 1948-й. Таким образом, по воспоминаниям самого Сергея Павловича его встреча со Сталиным состоялась 9 марта 1948 года. Так и будем считать.

118

Дмитрий Федорович Устинов.

Понимаю, что в самом факте цитирования зарубежных источников применительно к данной теме есть что-то курьезное, и утешаюсь лишь тем, что не менее курьезно издавать в нашей стране, скажем, книгу американца С.Коэна, первую книгу о жизни Н.И.Бухарина.

М.: Политиздат, 1976. С. 51.

М.: Изд-во ДОСААФ, 1948. С. 7.

М.: Мол. гвардия, 1979. С. 175. (ЖЗЛ).

123

По поводу названий этой и других ракет, о которых пойдет речь, надо сказать следующее. Названий у одной и той же ракеты несколько. Р-1 – название в КБ. В технической и военной документации эта ракета называлась 8-К-11. Почему 8? Почему К? Почему 11? Никто мне объяснить не мог. Наверное, чтобы запутать шпионов. В популярной литературе эта же ракета называлась первой баллистической, что совершенно верно. То же и с другими ракетами. Мы будем называть их так, как их чаще всего неофициально называли в КБ Королева.

124

Это, говоря попросту, штепсель, но у него не два рога, а много. Соответствующая розетка – в боку ракеты.

125

Надо договориться о терминах, чтобы хоть как-то уберечь себя от критики специалистов-ракетчиков. В баках любой жидкостной ракеты есть горючее (в данном случае – спирт) и окислитель (в данном случае – жидкий кислород). И то и другое вместе будем называть топливом.

126

Адрес Королева тех лет: город Калининград Московской области, улица Карла Либкнехта, дом 4, квартира сначала № 19, затем № 12. В этом доме он прожил около десяти лет, т.е. больше, чем в каком-либо другом доме за всю свою жизнь. Думаю, что следовало бы установить на нем мемориальную доску.

127

То, что Ксения Максимилиановна избежала ареста, заботы дедушки и бабушки Винцентини, действительно, позволили маленькой Наташе Королевой избежать страшной участи многих детей «врагов народа».

128

Наташа училась в 1-м Московском медицинском институте имени И.М.Сеченова и в 1958 году с отличием закончила его.

129

День рождения Наташи.

130

С весны 1958-го до осени 1959-го года Королевы живут в Москве по адресу: Самотечная улица, дом 17-А, квартира 63.

131

Сопровождая 18 мая 1935 года огромный воздушный корабль «Максим Горький» (АНТ-20) на самолете И-5, летчик Н.П.Елагин решил сделать вокруг его крыла «мертвую петлю» и врезался в крыло. Погибло 46 человек.

Л.Р.Гонор – первый директор НИИ-88.

Московский областной научно-исследовательский клинический институт имени М.Ф. Владимирского.

По подсчетам самого С.П.Королева бракоразводный процесс стоил ему 12 500 рублей. Здесь и далее все суммы указываются в масштабах своего времени.

135

Имеется в виду спецпоезд, в котором он жил.

Насколько мне известно, это скупое воспоминание – единственная строчка, написанная Королевым о колымском лагере.

137

Справедливости ради надо отметить, что первую свою правительственную награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Сергей Павлович получил в 1945 году. Тогда же за разработку стартовых ускорителей для самолетов Королев был награжден «нижайшим» из советских орденов – орденом «Знак Почета». Почет он заслужил, таким образом, еще будучи зеком.

138

Ракеты дальнего действия.

139

Леонид Александрович Воскресенский, заместитель С.П.Королева по испытаниям.

140

Министерство вооружения.

141

Александр Григорьевич Мрыкин, представитель «заказчика» – Министерства обороны.

Дмитрий Федорович Устинов.

Академик А.А.Благонравов.

Ныне Константин Сергеевич Колесников – действительный член Российской академии наук.

145

«Дочь Рейна» (нем.)

Губарев В. Конструктор. М.: Политиздат, 1977.

Стражева И. Тюльпаны с космодрома. М.: Мол. гвардия, 1981.

То есть жидкостью, которая кипит при более высокой температуре, в отличие от низкокипящего кислорода, точка кипения которого -183° по Цельсию.

149

Очень интересно было бы выяснить, кто придумал для атомного министерства это воистину фантастическое название: «Министерство среднего машиностроения»? При чем тут вообще машиностроение? Какое машиностроение можно в принципе считать «средним»? Если есть тяжелое и среднее, должно быть и легкое машиностроение, а его не было! Щедрина не хватало на наших горе-секретчиков!

Когда я говорил об этом Ефиму Павловичу Славскому, он только махал рукой:

– Да все, кому надо, все знают! Двадцать лет меня регулярно приглашали на приемы в американское посольство...

– А вы ходили?

– Признано было «нецелесообразным». Ни разу не был. Комедия!!

150

Об интересной и грустной истории этого фильма я писал в книге «Дорога на космодром» (М.: Дет. лит., 1982).

151

Раскрыть тайну этой аббревиатуры мне не удалось, никто объяснить ее не может. Наиболее вероятное происхождение этого названия – первые буквы фамилий ведущих специалистов в области создания атомного оружия: Духов-Алферов-Фишман.

Многие действительно ритуальные правила, неизвестные в других областях техники и производства, внедренные в годы создания ядерного оружия, цель которых – многократная проверка и контроль всех операций по его хранению и снаряжению, могут показаться чрезмерными, однако они полностью оправдали себя, позволив нашим атомщикам избежать многих роковых ошибок и катастроф.

153

Это был один из последних «капризов» Сталина. Яковлев своей властью приказал военпреду одного из артиллерийских заводов принять недоукомплектованную пушку. Военпред написал Сталину письмо. Разгневанный вождь повелел наказать маршала. На двух представлениях о наказании Николая Дмитриевича он поставил якобы резолюцию «недостаточно», после чего Яковлев был арестован. Вместе с ним были арестованы первый заместитель начальника Главного артиллерийского управления генерал-полковник Иван Иванович Волкотрубенко и заместитель Устинова, один из «генералов тыла» времен войны Илларион Аветович Мирзаханов. Сам Устинов тоже был готов к аресту, но избежал высочайшего гнева.

154

Жаргон ракетчиков. «Бобик», или сокращенно «боб» – непредвиденная поломка, отказ какой-либо системы, агрегата, прибора в период подготовки либо прямо на старте, угрожающие или действительно срывающие график работ. Исследования автора по выяснению корней этого слова показали, что никакого отношения к растению, вообще к бобовым культурам, оно не имеет. Родилось оно как производное одного малоприличного, но весьма популярного в чисто мужской полигонной компании анекдота, главным действующим лицом которого является наглый и похотливый пес Бобик. Жаргонное это слово закрепилось очень прочно и живет до сих пор, хотя многие молодые ракетчики не знают истории его происхождения и изначального смысла.

155

Наблюдательный пункт.

Это даже не жаргон ракетчиков. Корни термина идут, очевидно, от «завязать» в смысле «начать». «Машина завязалась», т.е. «началась», «возникла», что соответствует толкованию С.И.Ожегова.

157

Позднее Новокузнецк.

Мне рассказывали, что эти слова принадлежат знаменитому энергетику Г.О. Графтио. Они очень понравились Сергею Павловичу, и он взял их «на вооружение».

159

Бывали времена, когда количество заместителей С.П.Королева достигало двадцати человек и более.

160

Когда я рассказал своему соседу по дому писателю Лазарю Иосифовичу Лапшу, как в Тюратаме называют этот злой суховей, он был невероятно горд, что его «Старик Хоттабыч» – веселая повесть для детей – пользуется такой популярностью и на космодроме.

161

Григорий Михайлович Яковенко (1920-1982), в то время – заместитель Главного конструктора по режиму в ОКБ С.П.Королева.

162

Даже чуть-чуть меньше трех лет: 20 мая 1954 года-15 мая 1957 года.

163

В домике, где жил М.И.Неделин перед стартом «Востока», ночевали Ю.А.Гагарин и Г.С.Титов, и теперь он известен как «Домик Гагарина». В домике, где первый раз поселился С.П.Королев и В.П.Мишин, а в последующие годы всегда жил Королев, теперь тоже маленький мемориальный музей.

Владимир Павлович Бармин.

165

Николай Алексеевич Пилюгин.

Леонид Александрович Воскресенский.

167

Слить ракету – т.е. перелить обратно в железнодорожные цистерны компоненты топлива. Без этого нельзя убрать ракету со старта.

Военно-промышленная комиссия Совета Министров СССР.

169

Народный комиссариат авиационной промышленности.

Подобное равнодушие к званиям и степеням было характерно для некоторых других пионеров нашей космонавтики. А.М.Исаев удивлялся, когда ему говорили, что надо баллотироваться в Академию наук: «Зачем?!» Упорно не хотел отвлекаться от дел для оформления диссертации Г.Н.Бабакин. Со старших брали пример и младшие. Например, Е.А.Башкин – ближайший сотрудник Б.В.Раушенбаха и Г.Ю.Максимов из отдела М.К.Тихонравова за свои блестящие работы стали лауреатами Ленинской премии, не будучи даже кандидатами наук.

171

Наземный измерительный пункт.

Словечко, изобретенное Сергеем Павловичем.

173

Через десять лет после старта спутника в «Правде» была опубликована статья, в которой ПС расшифровывался как «первый» спутник. Очевидно, определение «простейший», по мнению автора, умаляло его историческое значение.

С 1 ноября 1956 года М.К.Тихонравов переходит на работу в ОКБ СП. Королева, в котором возглавляет отдел № 9. Еще до него в ОКБ перешли его молодые сотрудники: Л.Н.Солдатова и Г.Ю.Максимов.

На наше счастье, Д.С.Переверзев был страстным кинолюбителем. И.В. Курчатов был строжайше засекречен, и только благодаря Дмитрию Семеновичу имеем мы сегодня уникальные кинокадры «живого Курчатова», снятого узкопленочной любительской кинокамерой.

Здесь Сергей Павлович обманывал министра. В Германии, как вы помните, он носил погоны полковника, но полковником не был. Я видел военный билет С.П.Королева. Он был инженером-капитаном запаса.

177

Существуют: первая космическая скорость, равная примерно 7910 метрам в секунду (м/с), которую нужно достичь, чтобы запустить спутник, вторая космическая скорость, равная 11 190 м/с – чтобы вырваться из пут земного притяжения и улететь к Луне, и третья – 16 700 м/с, которая позволяет покинуть Солнечную систему.

178

Ныне лауреат Ленинской премии, доктор физико-математических наук Всеволод Александрович Егоров – профессор МГУ.

179

«Все мое ношу с собой» (Цицерон. Парадоксы).

180

Рассказывают, что Михаил Сергеевич однажды довольно сухо отклонил предложение Леонида Ильича Брежнева выпить с ним коньячка, что вызвало большое неудовольствие главы государства. Во всяком случае, из наградных списков на второе звание Героя Социалистического Труда, составленных после полета Гагарина, Рязанский был вычеркнут. Зато сам Брежнев за этот полет очередную Золотую Звезду получил.

181

Позже – первый наш нарком нефтяной промышленности. Расстрелян в 1937 году.

Эти проекты Сергея Павловича в том или ином виде осуществлены уже после его смерти

183

Отдел технического контроля.

184

Немец (вульгарное франц.).

Разумеется, были исключения. Никогда, например, не кричали на своих подчиненных О.К. Антонов или В.П.Глушко.

186

Хочу отметить, что эта словесная конструкция: «Если вы думаете, что..., то вы глубоко заблуждаетесь!» – одна из любимейших и часто употребляемых Сергеем Павловичем при всевозможных разносах.

187

Автоматическая межпланетная станция.

188

Система терморегулирования.

189

Хрущев С. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М.: Новости, 1994. Т. I. С. 112 (Далее: ХС. Т. 1).

190

Откуда эти буквы? «А, Б, В, Г, Д» – четыре «боковушки» и центральный блок – это обычная двухступенчатая «семерка», «Е» – первый вариант третьей ступени, «Ж» пропустили, чтобы не активизировать острословов, «З» пропустили, чтобы не путать с цифрой 3, «И» – второй вариант третьей ступени, «К» пропустили, потому что эта буква очень часто фигурировала в военной маркировке, «Л» – четвертая ступень.

191

М.С.Рязанский.

Н.А.Пилюгин.

В.П.Глушко.

В.П.Бармин.

195

Н.А.Пилюгин.

В.И.Кузнецов.

197

Подробнее см. с. 712, 713

198

Главный штаб ВВС.

199

В первой двадцатке кандидатов в космонавты были два «старичка»: В.М.Комарову было 33 года, П.И.Беляеву – 35.

Впрочем, допускаю, что такой рапорт мог быть сочинен ретивыми политотдельцами Звездного городка и задним числом, но я его никогда не видел. После полета Лайки писалось много разных рапортов и заявлений с просьбой послать в космос. Писали и военные, но адресовали не своим командирам, очевидно боясь, что их засмеют, а чаще всего в Академию наук или в редакции газет. Я работал тогда в «Комсомольской правде» и помню письмо одного летчика, который согласен был лететь в космос первым, если ему присвоят звание подполковника, – на большее фантазии у товарища не хватало. Ко всем этим рапортам и заявлениям никто серьезно не относился, и ни на какие медкомиссии их авторов не вызывали.

201

Петр Васильевич Флеров так объяснил мне эту фразу Королева: «В авиации незаконтренный (т.е. способный сам развинтиться. – *Я.Г.*) болт – гибель!»

202

Традицию решено было продолжить. Когда задумывался новый корабль, его решили назвать «Север».

203

Турбонасосный агрегат, который подает топливо в двигатель.

204

Комментарий Б.Е.Чертока: «Для Исаева, да и меня, это знаменательно! 15 мая 1942 года стартовал самолет БИ-2 (БИ-1-Хл), и Исаев тогда не меньше волновался: шла война. 15 мая стартовала в 1957 году первая Р-7...»

205

Здесь есть одна маленькая неточность. Во время старта Г.С.Титова и следующих двух пилотируемых кораблей «Восток» председателем Госкомиссии был не К.Н.Руднев, а Л.В.Смирнов. После него до смерти С.П.Королева председательствовал Г.А.Тюлин.

САС с этого времени стояла на всех пилотируемых кораблях, но не использовалась до 1983 года, когда во время пожара ракеты-носителя с ее помощью были спасены космонавты Владимир Титов и Геннадий Стрекалов.

Не Королев, конечно, а «профессор К. Сергеев».

208

Всего до первого орбитального полета американского астронавта Джона Гленна состоялось 18 испытательных полетов по программе «Меркурий».

Такой полет совершили сначала 5 мая 1961 года астронавт Алан Шепард, затем 21 июля – Вирджил Гриссом. Первым американцем, совершившим три космических витка вокруг планеты, стал Джон Гленн 20 февраля 1962 года.

210

О двух кораблях-спутниках, не вышедших на орбиту, ТАСС считало возможным не сообщать.

Н. Денисову и С. Борзенко показалось, что такая встреча первого космонавта планеты принижает его подвиг, и написали в книге «Дорога в Космос», что бабушка с внучкой «направлялись навстречу». А было как раз наоборот. Об этом мне рассказывал сам Ю.А. Гагарин.

Первая, самая ранняя ложь, связанная с полетом Ю.А. Гагарина, – в сообщении об этом разговоре. ТАСС утверждало, что «Н С. Хрущеву сообщили, что с ним хочет переговорить Ю.А. Гагарин». В книге Гагарин пишет – «Меня соединили по телефону с Никитой Сергеевичем». Ясно, что инициатива (не говоря о чисто технической возможности) могла исходить только от Хрущева, но уж никак не от Гагарина.

213

Ил-18 пилотировал летчик правительственного авиаотряда подполковник Б.П. Бугаев, будущий министр ГВФ.

Во Внукове Ю.А. Гагарина встречали, кроме Н.С. Хрущева и прилетевших с ним А.И. Микояна и В.П. Мжаванадзе, – Л.И. Брежнев, Н.Г. Игнатов, Ф.Р. Козлов, А.Н. Косыгин, О.В. Куусинен, Н.А. Мухитдинов, Н.В. Подгорный, Д.С. Полянский, Е.А. Фурцева, Н.М. Шверник, П.Н. Поспелов, Д.С. Коротченко, Я.Э. Калнберзин, А.П. Кириленко, К.Т. Мазуров, А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, Ю. Цеденбал, заместители Предсовмина СССР, министры, председатели государственных комитетов, члены и кандидаты в члены ЦК, маршалы, все руководители Москвы и Московской области.

Позднее, уже после смерти С.П. Королева, эти ощущения детально описал Г. Береговой. В той или иной степени их испытывали, за редчайшим исключением, все космонавты и астронавты.

Подчеркнуто С.П. Королевым.

217

Здесь и далее все суммы в масштабах 1961-1966 годов.

218

С.И. Котенкова (1888-1982) часто гостила в семье С.П.Королева.

Вряд ли надо объяснять, что в работе над своей книгой я использовал многие из названных и, еще более, из неназванных трудов журнальных и газетных статей, ученых публикаций, число которых измеряется сотнями, за что приношу искреннюю благодарность их авторам.

220

К этому времени в космосе побывали двое американцев, а наших было уже четверо! Полет Малькольма Карпентера длился менее пяти часов, а Андрияна Николаева – более девяноста четырех! Обгоняем! По всем статьям обгоняем!

221

XCT. 1.C. 44.

А.И. Аджубей был зятем Н.С. Хрущева.

223

Выпуски ТАСС, не предназначенные для публикации.

Ныне по мужу Сергейчик.

225

Ныне по мужу Пицхелаури.

Не мог без грустной улыбки читать в международном альманахе «Наука и человечество» за 1963 год такие слова В.В. Терешковой: «... они (американцы. – *Я.Г.*) сильно отстают в освоении человеком космического пространства. Дело, видимо, упирается в недостаточное развитие ракетной техники... При подготовке к старту имели место многочисленные отсрочки». Ведь все «отсрочки» Быковского происходили у нее на глазах! Что же касается «отставания», то через шесть лет «недостаточно развитые» американцы высадились на Луну.

И эта запись, датированная 16 июня 1963 года, тоже не может не вызвать недоумения, поскольку в ней рассказывается о событиях 17-19 июня. Впечатление, что опубликованная часть дневников Н.П. Каманина неумело и грубо отредактирована. Скажем, если Н.П. Каманин сидел на связи с «Востоком-6», то включать «побудку» он не мог, это не его функция, и делается это на другом пульте. Он мог лишь посоветовать руководителю полета включить «побудку».

228

Валентин Петрович Глушко.

229

Николай Алексеевич Пилюгин.

Первоначально она длилась 7 дней, затем была сокращена до двух, что тоже не устраивало военных.

231

Ракеты КБ В.Н. Челомея имели обозначение УР, что означает «универсальная ракета».

Период увлечения фтором, который действительно улучшает характеристики ракетных двигателей, пережили и американцы. Ими была разработана многолетняя программа исследований. 16 месяцев во фторе «вымачивали» образец титанового сплава, чтобы сделать заключение об агрессивности нового окислителя. Однако в конце концов американцы сочли за благо отказаться от всей этой экзотики.

233

XC.T. 1.C. 383, 407.

Там же. С. 124.

Лесков С. Как мы не слетали на Луну. Известия, 1989. 19 августа.

Уже после смерти С.П. Королева в 1967 году такой отряд был сформирован в ЦПК. Наиболее вероятными кандидатами на облет Луны считались экипажи Быковский-Рукавишников и Леонов-Макаров. К лунной программе примыкал, увы, недолгое время, и кандидат на полет среди журналистов Михаил Ребров – корреспондент «Красной Звезды».

Это заявление В.Н. Челомея, как, впрочем, и некоторые другие, представляются автору весьма спорными и приводятся лишь для характеристики самого Владимира Николаевича.

238

Академик Леонид Иванович Седов (род. в 1907 г.), крупный ученый-механик. Академик Николай Николаевич Боголюбов (1909-1992), крупный ученый-математик, до конца жизни директор Объединенного института ядерных исследований в Дубне.

Иногда ее называли УР-1000. Это одно и то же.

240

Число Маха – отношение скорости самолета к скорости звука в воздухе.

241

«Во Франции нелепость непродолжительна», – писал Франсуа Араго, чего, к сожалению, нельзя сказать о нас. До сих пор человек в погонах – непременно командир корабля и подчас руководит работой многоопытного космонавта-инженера, уже летавшего в космос, в отличие от новичка командира.

Выражаю благодарность Карелу Пацнеру, автору книги «Главный конструктор» (Прага: Изд-во «Альбатрос», 1977), за предоставленные мне материалы о пребывании С.П. Королева в Чехословакии.

243

Вновь какая-то непонятная запись в дневниках. Как С.И. Руденко – начальник Штаба ВВС, первый заместитель Главнокомандующего-мог быть в ЦПК, когда на Байконуре проходило столь важное для всех Вооруженных Сил событие?

Феодосия, где проходила испытания новая система приземления.

245

Позывной Гагарина был «Кедр». А дальше пошла «орнитологическая серия»: «Орел» (Титов), «Сокол» (Николаев), «Беркут» (Попович), «Ястреб» (Быковский), «Чайка» (Терешкова). Позывной выбирался из двух условий: 1) слово должно быть четкое, звучное, 2) оно не должно входить в лексикон переговоров с Землей. Поэтому не может быть позывного «Пульт» или «Горизонт».

Еще один пример бестактной, неуклюжей пропаганды тех лет: двухместный «Восток-2» – это космический корабль! Корабль – нечто грандиозное! Двухместный «Джемини» – это капсула. Нечто такое, что едва ли не в карман засунуть можно.

Эту фразу я был вынужден «синтезировать» из разных фраз, которые приводят А.А. Леонов и др. авторы в разных изданиях.

248

Будущий космонавт, дважды Герой Советского Союза В.В. Волков.

По этой части Леонид Иванович был специалист, к тому же неприхотлив к закуске.

250

Не могу не вспомнить собственного впечатления от американского лунного модуля, в котором мне довелось посидеть в 1973 году в Хьюстоне. Это пугающе хрупкое сооружение напоминало какое-то непомерно большое елочное украшение. Не знаю, можно ли пробить стенку модуля ударом кулака, но проткнуть карандашом можно без труда. Тем выше подвиг астронавтов, совершавших на таких аппаратах фантастические путешествия.

251

Воистину неисповедимы пути Господни: родителей автора в этой церкви венчал отец Л.А.Воскресенского.

253

Гороскоп СП. Королева, составленный по просьбе автора в городе Париже по книге знаменитого астролога А. Ферриё, изданной в 1582 году.

Б.Е.Черток вспоминал: «В 1988 году такая же примерно лебедка потребовалась, чтобы испытать вывод из „Мира“ космического „мотоцикла“ Г.И.Северина. Я попросил В.С.Сыромятникова отыскать ту, „историческую“, которую он же и конструировал в молодости. Не нашел. Оказалось, сдали на металлолом...»

255

Управление военных изобретений при начальнике вооружения Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Королев никогда не «дразнил гусей». В этих словах его видно, что он принимал правила аппаратной игры. Ведь нельзя же думать, что «задачи» Королеву определял областной партийный актив!

257

В своей книге «Годы космической эры» (Воениздат, 1974) А.Н. Пономарев пишет о Сергее Павловиче как о «выдающемся ученом-исследователе», «талантливом организаторе» и «крупнейшем конструкторе современных ракетных систем».

«Кузнецы грома» не были экранизированы: через три дня после этого разговора в раздевалке Мосфильма упал и умер В.М. Петров. Через десять дней не стало С.П.Королева.

Хирург и жизнь. М.: Медицина, 1989. С. 155.